

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Soc 3985.250.24

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

18

120
1895
3-4

8695
85-14

Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.**

1895 г.

Книга 3.

СТАТУСЫ И УСТАВЫ КОМПЕТЕНТА

70
32

ХАРЬКОВЪ

Типографія и Литографія Зильберберга, Рыбная—30.

1895.

19127

85-14

4911 MO

Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1895 г.

102240

Книга 3.

БИБЛИОТЕКА	УНИВЕРСИТЕТА
СТАТИСТИЧ.	ИСКУССТВА
МИНИСТ.	8 2 ВНУТР.
Июль 1912 М	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія Зильберберга, Рыбная—30.

1895.

31

1938

Δ

LSoc 3985.250.24. ($\frac{1895}{3-4}$)

68 x 2

Печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшаю. Октября 2-го дня 1895 года
Ректоръ Императорскаго Харьковскаго Университета М. Аленѣнко.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Стр.

Научный отдѣлъ.

Приготовительныя къ суду распоряженія. Проф. В. П. Даневскаго	1
Prof. W. Danewsky. Les actes précédant un jugement.	
Чувство и жизнь. Проф. В. Я. Данилевскаго	65
Prof. V. Danilewsky. Les sentimens de la vie.	
Уголовное право Рима отъ древнѣйшихъ времёнъ до Юстиниана включительно. Проф. А. Н. Стоянова	99
Prof. A. Stoianoff. Le droit pénal romain.	
Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей. Проф. М. В. Нетушма	191
Prof. J. Nétouchil. Précis des antiquités romaines.	

Критика и библиографія.

В. Бузескуль. Афинская политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Афинъ до конца V в. Харьковъ. 1895 г. Проф. Г. Ф. Шульца	1
Prof. G. Schultz. W. Bouzescoule. L'Athénien politique d'Aristotele comme source pour l'histoire de l'état d'Athènes jusqu'à la fin du V—me siècle.	
Ш. Е. Халанскій. Южно-славянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ. 1895 года	10
Проф. Н. Ф. Сумцова	
Prof. N. Soumtzoff. M. Khalansky. Les chants épiques de Marc Kralévitch chez les slaves du Midi.	

Лѣтопись Харьковскаго университета.

Прозекторъ Н. О. Вилкомирскій, его служебная и литературная дѣятельность. Проф. М. А. Попова	1
Prof. M. Poroff. I. Wilkomirsky, sa carrière et son oeuvre.	
В. Г. Имшенецкій. (Биографическій очеркъ). Проф. К. А. Андреева	85
Prof. K. Andréeff. V. Imshénetzky (biographie).	
Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Проф. Д. М. Багалѣя	151
Prof. D. Bagalei. Essai de l'histoire de l'université de Kharkow.	
Отчетъ о диспутѣ М. Е. Халанскаго	215
Отчетъ о диспутѣ В. П. Бузескула	224
Отвѣтъ А. П. Соколову на его рецензію книги „Электроманнитная теорія свѣта“. Прив.-доц. Грузинцева	235
Prof.-aggrégé Grouzintzeff. Réponse à M. le prof. Sokoloff.	

Приложенія.

Учебникъ медицинскои зоологій. Проф. А. Ф. Брандта	173
Prof. A. Brandt. Manuel de Zoologie médicale.	

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Приготовительныя къ суду распоряженія.

(Въ особенности объ организаціи защиты и равноправности сторонъ въ періодѣ подготовительныхъ распоряженій).

Проф. В. П. Даневскаго.

Г Л А В А I.

§ I. Рѣшеніе въ некоторыхъ вопросахъ, возникающихъ во время подготовительныхъ къ суду распоряженій (ст. 547—594 уст. угол. суд.), стоитъ въ зависимости отъ наличности или отсутствія въ процессѣ особаго производства „преданія суду“, которое вѣдается специальнымъ учрежденіемъ (обвинительная камера). Отмѣна обязательнаго преданія суду и обвинительной камеры по дѣламъ, подвѣдомственнымъ суду присяжныхъ, созданныхъ для огражденія общественныхъ и личныхъ интересовъ, приводитъ къ расширенію правъ и объема дѣйствій суда, вѣдающаго дѣло по существу, во время „подготовительныхъ къ суду распоряженій“. Присоединяясь къ отрицательному взгляду на обязанность особаго производства по преданію суду, сочувствуя въ цѣломъ системѣ Глазера, осуществленной въ Австрійскомъ уставѣ 1873 года, мы будемъ исходить въ нашихъ заключеніяхъ изъ положенія, что обвинительный актъ или жалоба частнаго обвинителя должны вноситься прокурорскимъ надзоромъ или частнымъ обвинителемъ, послѣ производства дознанія и предварительнаго слѣдствія, или одного дознанія, прямо въ тотъ судъ, который призванъ къ рѣшенію дѣла по существу. Только по исключенію можетъ быть допущено предшествующее разсмотрѣніе данныхъ дознанія или предварительнаго слѣдствія высшимъ судомъ, но не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, гражданскаго истца или обвиняемаго, а прокурорскаго надзора въ томъ случаѣ, если бы судебный слѣдователь, получивъ положеніе исключительно судейское, былъ облеченъ правомъ постановлять судебныя рѣшенія о дальнѣйшей судьбѣ дѣла, а слѣдовательно и постановлять рѣшенія о прекращеніи обвиненія, возбужденнаго прокуратурою. Лишь въ случаѣ жалобъ со стороны указанныхъ лицъ высшій судъ долженъ давать рѣшенія, обязательныя для суда, призваннаго къ разсмотрѣнію дѣла по существу. Если высшій судъ

оставить жалобу обвиняемого без послѣдствій, то рѣшеніе его, подтверждая фактическую вѣроятность обвиненія, наличие состава преступления и правильность направленія дѣла относительно его подвѣдомственности и подсудности, не можетъ быть въ этихъ трехъ пунктахъ вновь пересматриваемо судомъ, въ который дѣло передано для обсужденія: послѣднему остается лишь принять мѣры „подготовительнаго свойства“, сдѣлать „распоряженія“, необходимыя для устройства законнаго состава присутствія суда, оповѣщанія сторонъ, назначенія защитника и дополненія списка свидѣтелей (по требованію сторонъ).

Сложнѣе задача и шире долженъ быть объемъ власти суда въ томъ случаѣ, когда обвинительный актъ или жалоба частнаго обвинителя поступили въ судъ *непосредственно*, т. е. когда не было обжалованія акта или жалобы частнаго обвинителя въ высшій судъ. Въ этомъ случаѣ низшій судъ поставленъ въ необходимость разсмотрѣть нѣкоторые вопросы, безъ своевременнаго и правильнаго рѣшенія которыхъ все дальнѣйшее производство дѣла пошло бы по невѣрному пути и привело бы къ отмигнѣ приговора суда и къ потерѣ времени, необходимаго для дачи дѣлу новаго правильнаго движенія, а иногда къ неисправимо ошибочнымъ судебнымъ приговорамъ. Поэтому предварительно судъ обязанъ обсудить нѣсколько *основныхъ* вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ дальнѣйшее движеніе дѣла.

I. Первый вопросъ—о *подвѣдомственности дѣла*; онъ ставится самимъ судомъ и рѣшается имъ „*ex officio*“ въ силу публичнаго начала, лежащаго въ основаніи распределенія уголовныхъ дѣлъ по ихъ роду и тяжести наказанія между судами различныхъ типовъ. При отрицательномъ разрѣшеніи этого вопроса обвинителю и обвиняемому должно быть дано право обжалованія въ кассационный судъ въ возможно краткій срокъ (отъ 3 до 7 дней), такъ какъ неправильное рѣшеніе о подвѣдомственности дѣла создаетъ излишнее производство, и сторона, недовольная приговоромъ, всегда можетъ добиться, въ порядкѣ кассационнаго обжалованія, перенесенія дѣла въ надлежащій судъ, промежуточное же разсмотрѣніе дѣла въ судѣ, абсолютно некомпетентномъ, является обременительною проволочкою и затрудненіемъ для судовъ. Къ тому же заключенію надлежитъ прийти и по вопросу о нарушеніи подсудности по *forum delicti commissi*, такъ какъ существенныя удобства уголовного процесса требуютъ, по возможности, охраненія кореннаго начала, его—*forum delicti commissi*, при которомъ имѣются наибольшіе шансы на открытіе матеріальной истины. Въ виду сказаннаго, судъ обязанъ отказать въ дальнѣйшемъ направленіи у себя дѣла, если разсмотрѣніе его нарушаетъ начала подвѣдомственности или подсудности по ст. 208.

уст. угол. Въ разсмотрѣніе же и рѣшеніе вопросовъ о подсудности по ст. 209, 211 и 214 уст. угол. судъ долженъ входить не иначе, какъ по жалобѣ сторонъ, такъ какъ правила о подсудности, предусмотрѣнные перечисленными статьями, составили исключеніе изъ кореннаго принципа подсудности по *forum delicti commissi*, созданы скорѣе для удобства *сторонъ* (особенно обвиняемаго).

II. Судъ долженъ рѣшить — направлено ли дѣло въ законномъ порядкѣ „судопроизводства“ (Суд. уст. изд. Госуд. Канц. ч. 2, ст. 547): судъ, по нашему мнѣнію, долженъ лишь опредѣлить — правильное ли дано направленіе дѣлу въ порядкѣ публичнаго или частнаго обвиненія. Онъ обязанъ устранить обвинительный актъ прокурора, если дѣло принадлежитъ къ числу тѣхъ, обвиненіе по которымъ можетъ быть возбуждено и ведено, въ силу законовъ матеріальнаго уголовного права, лишь частнымъ обвинителемъ. Очевидно, что все производство, за отсутствіемъ первоначальной жалобы частнаго обвинителя или послѣдующей его обвинительной дѣятельности, было бы уничтожено кассационнымъ судомъ по жалобѣ обвиняемаго. И обратно, — вытѣсненіе частнымъ лицомъ законной дѣятельности прокурорскаго надзора по обличенію преступлений, преслѣдуемыхъ въ публичномъ порядкѣ, тоже повлекло-бы за собою позднѣйшую отмѣну кассационнымъ судомъ приговора и всего производства въ виду нарушенія имъ важнаго публичнаго начала процесса, а слѣдовательно, бесполезную и обременительную для сторонъ и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ трату времени, издержекъ процесса, отсрочку въ постановленіи законнаго приговора и въ приведеніи его въ исполненіе.

III. Судъ долженъ также рѣшить — нѣтъ ли законныхъ поводовъ къ прекращенію или приостановленію дѣла, указанныхъ въ ст. 16, 356 (если вопросъ о душевномъ разстройствѣ обвиняемаго возникаетъ послѣ составленія обвинительнаго акта, но до открытія судебного по дѣлу засѣданія) и 846 уст. угол.

IV. Что же касается до вопроса — объ измѣненіи принятыхъ слѣдователемъ „мѣръ пресѣченія“ противъ обвиняемаго или къ обезпеченію предъявленнаго къ нему иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, то необходимость въ замѣнѣ мѣръ суровой болѣе мягкой, или наоборотъ, всегда можетъ возникнуть и найти себѣ оправданіе въ періодъ времени между окончаніемъ дознанія или предварительнаго слѣдствія и открытіемъ судебного по дѣлу засѣданія, такъ какъ эти моменты отдѣлены нерѣдко цѣлыми мѣсяцами, а обстоятельства, вызвавшія опасеніе побѣга обвиняемаго или сокрытія имъ слѣдовъ преступления, могутъ совершенно исчезнуть, или наоборотъ, — сложиться во вредъ обвиняемому, оставленному на свободѣ (онъ можетъ,

*

напримѣръ, сдѣлать попытку къ бѣгству или явныя къ нему приготовленія). Въ первомъ случаѣ интересы личности (обвиняемаго), а во второмъ—интересы безопасности общества (и правосудія) требуютъ измѣненія первоначальныхъ мѣръ пресѣченія, принятыя слѣдователемъ, на которое не могутъ быть уполномочены ни слѣдователь, функціи котораго прекращаются съ момента заключенія имъ слѣдствія, ни прокурорскій надзоръ, который, какъ органъ розыска и обвиненія по преимуществу, не можетъ быть облеченъ властью постановлять опредѣленія и предписывать мѣры, изданіе и принятіе которыхъ всецѣло относится къ функціямъ судебной власти. (См. также К. Арсеньевъ — „Преданіе суду до начала судебного слѣдствія“, 1870 г. стр. 134 и 135). Понятно также, что судъ долженъ быть облеченъ и правомъ принятія мѣръ къ обезпеченію гражданскаго иска въ уголовномъ дѣлѣ, если онѣ не были приняты до приготовительныхъ къ суду распоряженій въ виду непредъявленія своевременно ходатайства о томъ со стороны потерпѣвшаго или отказа въ немъ вслѣдствіе слабости доказательствъ, представленныхъ въ подтвержденіе иска объ убыткахъ и вредѣ. Такое ходатайство можетъ возникнуть, и доказательства могутъ быть представлены позднѣе, къ моменту „приготовительныхъ распоряженій“, равнымъ образомъ могутъ возникнуть обстоятельства, указывающія на попытки обвиняемаго, опасющагося обвинительнаго приговора, продать, передать или обезцѣпить свое имущество въ ущербъ интересамъ гражданскаго истца. Возможны конечно и обратные случаи: было наложено запрещеніе на имѣніе обвиняемаго, къ которому предъявленъ на предварительномъ слѣдствіи гражданскій искъ въ значительной суммѣ; но послѣ заключенія слѣдствія и составленія обвинительнаго акта обвиняемый вноситъ въ судъ сумму, обезпечивающую вполнѣ предъявленный къ нему искъ. Въ первомъ случаѣ необходимо вмѣшательство суда, по требованію потерпѣвшаго, въ дѣлахъ обезпеченія его иска, во второмъ — опредѣленіе суда, по просьбѣ обвиняемаго, отмѣняющее строгую и весьма для него стѣснительную мѣру обезпеченія. Но въ обоихъ случаяхъ судебное вмѣшательство должно быть своевременнымъ: нельзя ожидать постановленія приговора по существу дѣла, такъ какъ съ наступленіемъ этого, болѣе или менѣе отдаленнаго, момента или потерпѣвшій рискуетъ остаться при печальномъ интересѣ или же обвиняемый—разориться.

V. Не такъ легко рѣшеніе вопроса о томъ—не слѣдуетъ ли суду *дополнить* дѣло разслѣдованіемъ обстоятельствъ, требующихъ изслѣдованія на мѣстѣ, или же истребованіемъ на судъ какихъ либо доказательствъ (изд. Госуд. Канц., ч. 2, стр. 209). Кассац. Сенатъ неоднократно разъяснялъ, что судъ обязанъ провѣрить наличность веществен-

ныхъ доказательствъ и слѣлать распоряженіе о розысканіи недостающихъ (1873 г., № 145); что же касается до истребованія документовъ или какихъ либо свѣдѣній, имѣющихся при дѣлахъ присутственныхъ мѣстъ или должностныхъ лицъ, то судъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ не *ex officio*, а лишь по воспослѣдовавшему о томъ ходатайству участвующихъ въ дѣлѣ лицъ (1871 г., № 1045 и 1874 г., № 735). Это послѣднее разъясненіе сената представляется намъ наиболее вѣрнымъ, какъ соотвѣтствующее началу состязательности въ процессѣ, которое въ этой стадіи производства должно быть по возможности выдержано даже въ процессѣ смѣшаннаго типа. Съ допущеніемъ противнаго, пришлось бы чрезмѣрно расширить инициативу суда въ собраніи и истребованіи доказательствъ, уже собранныхъ дознаніемъ или въ актахъ предварительнаго слѣдствія, т. е. допустить широкое, почти безграничное вмѣшательство его для дополненія матеріаловъ предварительнаго производства, въ которомъ не усматриваютъ надобности сами стороны, непосредственно заинтересованныя въ томъ, чтобы предстать на судебномъ слѣдствіи во всеоружіи доказательствъ. Что же касается до разслѣдованія такихъ обстоятельствъ, которыя требуютъ мѣстнаго изслѣдованія, то въ послѣднемъ можетъ представиться надобность, особенно въ томъ случаѣ, когда предварительное производство ограничилось однимъ дознаніемъ: прокуратура или частный обвинитель могли считать собранный матеріалъ достаточнымъ для составленія обвинительнаго акта или замѣняющей его жалобы; они могли формулировать обвиненіе около фактическихъ обстоятельствъ, не стоящихъ въ существенной зависимости отъ мѣстнаго изслѣдованія. Обвиняемый то же можетъ находить безразличнымъ для своихъ интересовъ такое мѣстное изслѣдованіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ упушеніе послѣдняго обвинительною властью можетъ быть даже выгоднымъ для обвиняемаго. Но затѣмъ одна изъ сторонъ, или обѣ, могутъ, получивъ *новыя* свѣдѣнія и данныя, найти существенно необходимымъ мѣстное изслѣдованіе, которое можетъ содѣйствовать освѣщенію дѣла и открытію истины. Можетъ даже случиться, что прокуратура, предписавъ производство негласнаго дознанія по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ, ясно выяснитъ важность формальнаго мѣстнаго изслѣдованія, которое не можетъ быть замѣняемо представленіемъ на судебное слѣдствіе актовъ негласнаго дознанія. Наконецъ, своевременность мѣстнаго изслѣдованія часто совпадаетъ съ самою возможностью полученія доброкачественнаго доказательства, которое при опозданіи можетъ и совсѣмъ исчезнуть. Остается, слѣдовательно, обратиться къ суду въ моментъ приговорительныхъ распоряженій и домогаться отъ него опредѣленія о производствѣ мѣстнаго изслѣдованія.

Правильность этого воззрѣнія не отрицается и г. Арсеньевымъ („Преданіе суду“, стр. 133—134 примѣч.) по отношенію къ окружному суду, дѣйствующему *безъ присяжныхъ* (по примѣненію къ ст. 545 уст. угол.). Но нашъ извѣстный юристъ рѣшительно отрицаетъ право суда предпринять изслѣдованіе на мѣстѣ, во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, по дѣлу, подвѣдомственному присяжнымъ, такъ какъ г. Арсеньевъ видитъ въ этомъ „нарушеніе ст. 688 уст. угол., уполномочивающей судъ къ совершенію подобныхъ дѣйствій „только во время судебного слѣдствія“ (ibidem). Но мы склоняемся къ иному рѣшенію спора: отсутствіе прямого воспрещенія закона, *историческое* его *толкованіе* (изд. Госуд. Канц. подъ ст. 547, стр. 209, п. 5), совпадающее съ духомъ и цѣлью законодательства, предоставляющаго сторонамъ нѣкоторый просторъ въ этой стадіи процесса для дополненія доказательствъ въ видахъ болѣе совершенной подготовки дѣла къ окончательному рѣшенію въ судебномъ засѣданіи,—даютъ намъ нѣкоторое право утверждать, что законодатель, разрѣшая въ періодъ приготовительныхъ распоряженій пополненіе доказательствъ въ видѣ требованія о вызовѣ новыхъ свидѣтелей (и по вновь открывшимся обстоятельствамъ), не могъ отнять у сторонъ права пополнить доказательства для предстоящаго судебного слѣдствія результатами мѣстнаго изслѣдованія, которые могутъ оказать существенное вліяніе на исходъ дѣла. Во всякомъ случаѣ, было бы необходимо категорически предоставить сторонамъ право ходатайства предъ судомъ о производствѣ мѣстнаго изслѣдованія. Не слѣдуетъ придавать этому періоду производства узкаго и слишкомъ формальнаго значенія. Въ немъ должно видѣть процессуальную стадію, въ которой дѣло должно быть поставлено въ положеніе возможно благоприятное для безостановочнаго, быстрого и всесторонняго его обсужденія, а слѣдовательно и для правильнаго его рѣшенія на судебномъ засѣданіи. Для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы матеріалъ былъ собранъ по возможности *полный*, чтобы ошибки и упущенія сторонъ, а также разныя случайности, воспрепятствовавшія сторонамъ собрать (при дознаніи и предварительномъ слѣдствіи) необходимыя данныя, были исправлены и устранены въ тотъ моментъ, когда сдѣлать это еще удобно, при помощи судебного вмѣшательства, съ охраненіемъ начала равенства сторонъ. Для правосудія и сторонъ гораздо полезнѣе, если дополненія (вызовъ новыхъ свидѣтелей, экспертовъ, производство мѣстнаго осмотра и проч.) къ собранному уже матеріалу будутъ сдѣланы въ этой, болѣе ранней стадіи процесса. Тогда на судебномъ слѣдствіи гораздо рѣже будутъ встрѣчаться тѣ неожиданности, которыя приключаются на немъ въ настоящее время при стѣсненіи правъ сторонъ во время „пригото-

вительныхъ распоряженій“, при узкомъ и болѣе формальномъ отноше-
ніи суда къ задачѣ этого производства.

Если, напримѣръ, мѣстное изслѣдованіе произведено въ этой ста-
діи процесса, то стороны имѣютъ полную возможность изучить и опѣ-
нить его результаты, предстать на судебномъ засѣданіи вполне подго-
товленными; при этомъ могутъ открыться новыя обстоятельства, даю-
щія основаніе къ измѣненію обвиненія, квалификаціи преступленія, къ
вызову новыхъ свидѣтелей, къ производству новыхъ изслѣдованій и т. п.
Если же мѣстное изслѣдованіе будетъ производимо лишь во время су-
дебнаго слѣдствія, то, не говоря уже о затруднительности и нѣкоторой
поверхностности такихъ изслѣдованій въ томъ случаѣ, когда они по свой-
ству своему требуютъ сложныхъ дѣйствій и продолжительнаго времени,
легко можетъ приключиться, что открывшіяся новыя обстоятельства вы-
нудятъ судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отложить рѣшеніе дѣла; въ концѣ
концовъ, пострададутъ подсудимый, достоинство обвиненія, интересы
присяжныхъ и свидѣтелей, напрасно потерявшихъ время, а также казна.

Намъ кажется, что только сторонамъ должны быть предоставлены
право и инициатива въ представленіи такихъ ходатайствъ. Начало со-
стязательности должно быть проводимо въ этой стадіи процесса съ воз-
можно болшею послѣдовательностью, если даже весь процессъ сохранить
свой смѣшанный (инквизиціонно-обвинительный) характеръ. Нѣкоторая
гарантія для правосудія, интересы котораго *по преимуществу* оберега-
ются *судомъ*, имѣется уже въ предшествовавшемъ производствѣ дознанія
и предварительнаго слѣдствія, въ составленномъ обвинительномъ актѣ
(или жалобѣ частнаго обвинителя). Для вмѣшательства суда „*ex officio*“
нѣтъ достаточныхъ основаній: если обвиненіе не ищетъ никакихъ до-
полненій, то имѣется презумпція, чаще всего оправдываемая дѣйстви-
тельностью, о томъ, что оно считаетъ себя, вступивъ въ эту фазу про-
цесса, достаточно сильнымъ для отраженія натиска противника; если
же оно чувствуетъ свою слабость или сознаетъ, что собраніе новыхъ
данныхъ еще болѣе ослабитъ его, то тѣмъ лучше для правосудія, такъ
какъ не слѣдуетъ восходить на судъ съ обвиненіями маловѣроятными
или эфемерными. Допустимъ даже простую небрежность обвиненія, не
использующагося возможностью собрать и исполнить своевременно дока-
зательства; но по отношенію къ государственному обвинителю это пред-
положеніе мало вѣроятно; такой обвинитель, состоя подъ контролемъ
высшихъ чиновъ прокуратуры, можетъ быть побужденъ къ болѣе энер-
гичной дѣятельности или замѣненъ другимъ. А если въ подобной не-
брежности повиненъ частный обвинитель, то чаще всего это послужитъ
лишь доказательствомъ того, что онъ недостаточно „потерпѣлъ“ и зани-

тересованъ въ дѣлѣ, а государству нѣтъ основаній (при посредствѣ суда) брать на себя чужой трудъ по дѣламъ, которыя оно само разсматриваетъ, какъ обвиненія, не затрагивающія публичныхъ интересовъ. Намъ кажется также, что стороны, обращавшіяся съ жалобой въ высшій судъ и не просившія у него о мѣстномъ изслѣдованіи, не могутъ просить о немъ и у суда, куда дѣло передано для разсмотрѣнія по существу, за исключеніемъ случая (*per analogiam* ст. 577) „вновь открывшихся обстоятельствъ“.

VI. Судъ обязанъ *ex officio* провѣрить—имѣются ли въ дѣлѣ, подлежащемъ его сужденію, законные признаки состава преступления. Въ случаѣ признанія имъ отсутствія состава преступления, *обвинитель*, а также потерпѣвшій и гражданскій истецъ должны получить право обжалованія (сравни съ п. I) въ кассационный судъ (въ краткій срокъ отъ 3 до 7 дней). Обвиняемый же можетъ оспаривать преданіе суду, по отсутствію состава преступления, лишь предъ высшимъ судомъ, а предъ судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу, только въ томъ случаѣ, если будетъ признано возможнымъ возложить всѣ функціи высшаго суда (п. I—X) на судилище, призванное къ вершенію дѣла.

VII. Равнымъ образомъ, судъ долженъ рѣшить—можно ли разсматривать совокупно дѣла, тѣсно между собой связанныя, но изслѣдованныя отдѣльно; или, наоборотъ, раздѣльно разсмотрѣть дѣла, неправильно слѣдователемъ соединенныя (изд. Госуд. Канцел.—*ibidem*). Въ настоящее время рѣшеніе этихъ вопросовъ зависитъ прежде всего отъ судебной палаты, въ качествѣ камеры преданія суду (ст. 536 со ссылкой на ст. 515 и 516 уст. угол.), и постановленіе ея можетъ быть измѣнено лишь въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, не бывшихъ въ виду палаты (Арсеневъ—Преданіе суду, стр. 135—136). Съ уничтоженіемъ обвинительной камеры рѣшеніе этихъ вопросовъ должно отойти къ суду, вѣдающему дѣло по существу. Интересы процессуальнаго удобства и скорого рѣшенія дѣлъ—являются причинами, руководящими при соединеніи или раздѣленіи дѣлъ. Въ томъ или иномъ рѣшеніи вопроса одинаково заинтересованы, какъ судъ, долженствующій принять мѣры къ правильному и удобному разсмотрѣнію дѣла, такъ и стороны: подсудимому, напримѣръ, не безразлично—„отсудиться“ въ одно засѣданіе или въ два ближайшія по всѣмъ приписываемымъ ему преступнымъ дѣяніямъ, или же ожидать, быть можетъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вершенія одного дѣла, суда по другому. Поэтому, надлежало бы предоставить инициативу поднятія этихъ вопросовъ въ равной мѣрѣ суду и сторонамъ. А такъ какъ рѣшеніе ихъ въ томъ или иномъ смыслѣ не затрагиваетъ ни публичныхъ началъ процесса, ни *основныхъ* правъ сторонъ, то опре-

дѣленіе суда о раздѣльномъ или совмѣстномъ разсмотрѣніи дѣлъ должно быть окончательнымъ и не подлежащимъ обжалованію. То же рѣшеніе, по тѣмъ же основаніямъ, должно быть дано, въ

VIII, и по вопросу о томъ—не надлежитъ ли открыть судебное засѣданіе на мѣстѣ происшествія, или отсрочить разсмотрѣніе дѣла, по встрѣтившимся препятствіямъ, до слѣдующаго періода засѣданій (изд. Госуд. Канц. къ ст. 547, п. 6).

IX. Можетъ ли судъ входить въ разсмотрѣніе жалобъ обвиняемаго на судебного слѣдователя? При умолчаніи о томъ ст. 547 уст. угол. и мотивовъ къ ней, кассационный сенатъ рѣшительно предписываетъ суду входить въ оцѣнку такихъ жалобъ, хотя бы послѣднія пришлось разсматривать *послѣ* преданія суду (1876 г. № 97). Этотъ взглядъ сената раздѣляется и г. Арсеньевымъ („преданіе суду“, стр. 131—134), который опирается на ст. 491, 494 и 548 уст. угол. Это мнѣніе представляется намъ вѣрнымъ по отношенію къ тому случаю, когда отсутствуетъ особая процедура преданія суду обвинительною камерою, но съ нимъ едва ли можно согласиться, когда этотъ порядокъ существуетъ вообще, или обвиняемому предоставлено право жалобы въ высшій судъ на преданіе суду, когда, слѣдовательно, дѣло идетъ о жалобахъ, подаваемыхъ суду послѣ передачи ему дѣла изъ обвинительной камеры. Несомнѣнно, что всѣ слѣдственные дѣйствія могутъ быть обжалованы въ окружный судъ и при томъ даже *до* поступленія дѣла въ судъ (ст. 494 уст. угол.). Но ст. 494 указываетъ лишь на право обжалованія отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій или отказа слѣдователя въ производствѣ какихъ либо дѣйствій, т. е. предполагаетъ слѣдствіе еще не законченнымъ. Если же слѣдствіе закончено и дѣло перешло къ прокурору и въ обвинительную камеру, которая является судебнымъ органомъ, вѣдающимъ контроль надъ полнотою, правильностью и законностью слѣдствія, притомъ органомъ, стоящимъ надъ окружнымъ судомъ, то съ этого момента всякая дѣятельность послѣдняго по дѣлу, переданному въ палату, приостанавливается, и всѣ функціи окружнаго суда по контролю надъ предварительнымъ слѣдствіемъ переходятъ къ высшему суду. Съ допущеніемъ противнаго толкованія создались бы затрудненія для обоихъ судовъ и появилась бы возможность столкновеній между опредѣленіями ихъ по одному и тому же предмету. Слѣдовательно, такія жалобы должны быть обращаемы въ обвинительную камеру, и судъ, въ который передано дѣло для рѣшенія, не имѣетъ права касаться вопроса, разрѣшеннаго высшимъ судомъ. Но если обвинительная камера будетъ уничтожена вмѣстѣ съ особою процедурою „преданія суду“, то окружный судъ долженъ получить, по наслѣдству оной нея, и право принятія и обсужденія выше-

указанныхъ жалобъ; при этомъ должны пастъ всѣ затрудненія, вѣрно подмѣченныя г. Арсеньевымъ („Преданіе суду“ стр. 133—134), которыя могли бы произойти при разсмотрѣніи большинства такихъ жалобъ послѣ состоявшагося уже преданія суду. Окружной судъ, признавъ жалобу основательною, долженъ предписать исправленіе ошибочнаго или пополненіе неполнаго слѣдственнаго дѣйствія, производство дѣйствія, въ которомъ неправильно было отказано, приостановивъ назначеніе дѣла къ слушанію въ судебномъ засѣданіи. Такія опредѣленія суда не должны подлежать отдѣльному обжалованію, такъ какъ они касаются фактической стороны дѣла, подлежащей провѣркѣ и дополненію, а также критической оцѣнкѣ сторонъ на судебномъ слѣдствіи, степень же вліянія каждаго изъ этихъ вновь добытыхъ или дополненныхъ фактическихъ данныхъ на конечный приговоръ трудно опредѣлить безъ связи со всѣмъ остальнымъ доказательственнымъ матеріаломъ.

Х. На основаніи ст. 549 уст. угол. окружному суду предоставлено право представить судебной палатѣ (съ приостановкой назначенія дѣла къ слушанію въ судебномъ засѣданіи) о „*новыхъ обстоятельствахъ*“, не бывшихъ въ виду палаты, но имѣющихъ вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла. Подъ такими „новыми обстоятельствами“ надлежитъ разумѣть, по разъясненію сената, лишь тѣ, которыя имѣютъ вліяніе на дальнѣйшее направленіе дѣла, т. е. обстоятельства, „измѣняющія подсудность или порядокъ судопроизводства“ (1868 г. № 540 и 1898 г. № 6). Это правило ст. 549 и разъясненіе его кассационнымъ сенатомъ должны быть сохранены и при отиѣнѣ особаго производства по преданію суду, если высшій судъ передастъ дѣло по разсмотрѣніи жалобы, принесенной ему стороною, на рѣшеніе окружнаго суда. Если же стороны не призывали вмѣшательства высшаго суда, а судъ, разсматривающій дѣло по существу, дѣйствуетъ самостоятельно, то онъ долженъ оцѣнить эти „новыя обстоятельства“ *ex officio*, а стороны должны пользоваться правомъ указывать суду на сдѣлавшіяся имъ извѣстными „новыя обстоятельства“ и требовать судебныхъ распоряженій. Напримѣръ, подсудимый былъ преданъ суду за общее преступленіе, а между тѣмъ оно оказывается служебнымъ; такъ какъ это „новое обстоятельство“ можетъ вліять на подвѣдомственность дѣла и на порядокъ его производства, то судъ обязанъ обратить вниманіе, а сторона можетъ указать на открывшееся обстоятельство во время приговорительныхъ къ суду распоряженій. Опредѣленіе суда должно быть открыто для обжалованія въ кассационномъ порядкѣ, если оно нарушаетъ, по мнѣнію жалобщика, правила подвѣдомственности, начало *forum delicti commissi*, или особый порядокъ судопроизводства, опредѣленный закономъ для даннаго рода дѣлъ (на-

примѣръ, нарушено требованіе закона о предварительномъ разсмотрѣніи судомъ гражданскимъ въ некоторыхъ вопросахъ, влияющихъ на рѣшеніе уголовного суда). Но если „вновь открывшіяся обстоятельства“ принадлежать къ числу *фактическихъ*, то судъ можетъ принять мѣры къ изслѣдованію и привлеченію этихъ новыхъ доказательствъ къ судебному слѣдствію (напримѣръ, вызовомъ свидѣтелей) только по инициативѣ сторонъ и опредѣленія его о признаніи или не признаніи этихъ обстоятельствъ за вновь открывшіяся обжалованію въ кассационномъ порядкѣ подлежатъ не могутъ.

§ II. Всѣ опредѣленія суда по вопросамъ, возникающимъ въ періодъ приговорительныхъ распоряженій, который долженъ почитаться оконченнымъ съ *назначеніемъ судебного засѣданія*, должны обсуждаться и рѣшаться *коллегіальнымъ составомъ*, если бы даже и осуществилась мысль о предоставленіи руководительства скамьею присяжныхъ единоличной власти короннаго судьи. Большая часть изъ разсмотрѣнныхъ нами 10 вопросовъ на столько серьезны, а рѣшеніе ихъ, затрогивая нерѣдко существенныя права сторонъ и основныя начала процесса, можетъ имѣть столь большое вліяніе на правильную постановку, законное движеніе и на конечный исходъ дѣла, что обсужденіе ихъ коллегією юристовъ является основнымъ требованіемъ правосудія и необходимою гарантією для сторонъ, отсутствіе которой не можетъ быть замѣнено однимъ лишь правомъ обжалованія въ высшую инстанцію. Возможно примириться съ руководствомъ скамьи присяжныхъ однимъ лицомъ, подъ условіемъ значительной его опытности, отличной подготовленности къ этой трудной и отвѣтственной роли и крайне осторожнаго назначенія на такую должность. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что наиболѣе опасная сторона единоличной дѣятельности председателя суда присяжныхъ скажется по преимуществу *въ постановкѣ вопросовъ*; всѣ же другіе вводные эпизоды процесса, требующіе нынѣ коллегіальнаго обсужденія, значительно сократятся и упростятся, если дѣло будетъ хорошо подготовлено къ слушанію въ разсматриваемой нами стадіи процесса и тѣмъ избавлено полнотою собраннаго матеріала и предварительнымъ разрѣшеніемъ выше перечисленныхъ вопросовъ отъ многихъ неожиданностей, запутывающихъ дѣло и затрудняющихъ ходъ его на судебномъ слѣдствіи. Основательная же подготовка дѣла къ судебному засѣданію требуетъ коллегіальнаго обсужденія. Такимъ образомъ, расширеніе объема правъ и дѣйствій суда во время „приговорительныхъ распоряженій“ и вѣрная постановка въ законодательствѣ этой стадіи производства являются даже предшествующими условіями, создающими самую возможность передать, безъ вреда для правосудія, присяжный судъ подъ руководство единоличнаго короннаго судьи.

ГЛАВА II.

§ I. Перейдемъ теперь къ обсужденію порядка, въ которомъ должны быть дѣлаемы приговорительныя распоряженія, а также правъ сторонъ въ этой стадіи процесса.

Представляется необходимымъ, какъ въ интересахъ правильнаго строя и хода процесса и полной подготовки дѣла къ судебному засѣданію, такъ и для огражденія начала равноправности сторонъ, чтобы организація защиты обвиняемаго (по избранію или по назначенію отъ суда) явилась, по возможности, *первымъ моментомъ*, съ котораго должны начаться всѣ послѣдующія мѣропріятія и дальнѣйшая дѣятельность суда и сторонъ. Другими словами, по вступленіи обвинительнаго акта или жалобы частнаго обвинителя въ судъ, этотъ послѣдній, направляя обвиняемому копію съ акта или жалобы, вмѣстѣ съ спискомъ лицъ, которыя предполагается вызвать въ судъ (ст. 556 уст. угол.), долженъ приступить прежде всего къ *организаціи защиты* обвиняемаго, которая должна быть, по возможности, допущена, наравнѣ съ прокуратурою и частнымъ обвинителемъ (или повѣреннымъ послѣдняго), во всемъ послѣдующемъ производствѣ. Высказавшись за допущеніе формальной защиты на предварительномъ слѣдствіи (см. мое сочиненіе — „Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа“, Москва, 1895 г.), мы полагаемъ, что минимальное требованіе, на которомъ можно примириться, сводится къ допущенію защитника къ моменту окончанія предварительнаго слѣдствія, когда слѣдователь (ст. 476 уст. угол.) предъявляетъ обвиняемому слѣдственное производство и спрашиваетъ его, не желаетъ ли онъ представить еще что-либо въ свое оправданіе; притомъ было бы желательно сдѣлать такое „предъявленіе“ слѣдствія *обязательнымъ* для слѣдователя, независимо отъ предъявленія *просьбы* о томъ обвиняемаго. Но если допущеніе защиты съ указаннаго момента не встрѣчается въ настоящее время противодѣйствія даже среди противниковъ начала состязательности на предварительномъ слѣдствіи (напримѣръ, г. Обнинскій, смотри также „Журналь Минист. Юстиціи“, 1895 г., январь), то не только принципиальное допущеніе ея, но и обезпеченіе дѣйствительной наличности защиты въ стадіи „приговорительныхъ къ суду распоряженій“ представляются уже безусловно необходимымъ требованіемъ всякаго хорошаго процесса: послѣдній обязанъ оберегать и права обвиняемаго, положеніе котораго, если онъ лишенъ защитника, по справедливому замѣчанію г. Арсеньева, при новомъ порядкѣ судопроизводства „еще болѣе неблагоприятно, чѣмъ при прежнемъ“ („Преданіе суду“, стр. 141—142). Недопущеніе защиты или необезпеченіе ея, по возможности

каждаго изъ подсудимыхъ, по важнѣйшимъ дѣламъ, съ момента перехода дѣла въ разсматриваемую нами стадію процесса, привело бы къ немаловажнымъ вреднымъ послѣдствіямъ: 1) къ односторонности въ пополненіи доказательствъ, 2) къ неполнотѣ матеріала, подлежащаго повѣркѣ на судѣ, а слѣдовательно, въ 3-хъ) къ затрудненіямъ при отысканіи истины и къ увеличенію шансовъ на ошибочный окончательный приговоръ, въ 4-хъ) къ возможности ошибочныхъ опредѣленій суда по вопросамъ, упомянутымъ въ § I главы I, что повлекло бы за собою позднѣйшую отиѣну кассационнымъ судомъ производства и приговора суда и необходимость новаго разсмотрѣнія дѣла. Устранить возможность этихъ явленій гораздо легче при участіи защиты, которая, оберегая интересы и права обвиняемаго, можетъ обращать вниманіе суда на всѣ обстоятельства дѣла и на тѣ стороны его, которыя упускаются изъ виду обвиненіемъ или не имѣютъ рѣшающаго въ его глазахъ значенія, но могутъ привести судъ, на основаніи указаній защиты, къ постановленіямъ, не вполне соответствующимъ видамъ и точкѣ зрѣнія обвиненія. Наконецъ, во время „приготовительныхъ распоряженій“ обвиненіе является уже точно формулированнымъ по предмету и субъекту, главные фактическія и юридическія черты его обрисованы, прокуратура уже рѣзко выступаетъ стороною, которая не можетъ болѣе, чтобы не ослабить себя, ни заботиться объ охранѣ интересовъ противной стороны, ни проявлять свою дѣятельность въ соответствии съ идеальными, но непосильными для нее требованіями быть „охранительницей закона“ *постолько же*, какъ и стороною. Если прокуратура не всегда въ состояніи сохранить роль „охранительницы закона“ на предварительномъ слѣдствіи, то послѣ составленія обвинительнаго акта, когда она рѣшительно склонилась уже, быть можетъ послѣ немалыхъ колебаній, въ пользу обвиненія, и когда дѣло передано уже въ судъ для постановленія приговора, она не можетъ быть разсматриваема иначе, какъ сторона въ процессѣ. Но если такъ, то этой стороною, формулировавшей обвиненіе, т. е. одностороннее требованіе, долженъ быть противопоставленъ не только въ идеѣ, но и *de facto*, противникъ, выставляющій свои требованія или ослабляющій домогательства обвиненія, противопоставляющій послѣднему свою оцѣнку, а верѣдко свой доказательственный матеріалъ. Эта стадія процесса имѣетъ серьезное значеніе для исхода дѣла, а такъ какъ обвиненіе въ ней всегда присутствуетъ, охраняя на всякомъ шагу свои интересы (см., напримѣръ, ст. 555 уст. угол.), то и противная сторона тоже должна работать съ того же момента, съ котораго появилось и дѣйствуетъ обвиненіе, надѣленное значительными правами.

Итакъ, для обвиненія (публичнаго, частнаго и гражданскаго истца) и обвиняемаго (лично и чрезъ защитника) должно существовать полное равенство, какъ относительно моментовъ вступленія въ судъ съ своими требованіями и заявленіями, такъ и относительно правъ и обязанностей на представленіе домогательствъ и доказательствъ. Но большинство обвиняемыхъ неспособны или недостаточно способны лично противостоять обвиненію, которое приготовлено агентомъ государственной власти, лицомъ опытнымъ, свѣдущимъ и дѣйствующимъ во имя долга; поэтому-то обвиняемому должно быть предоставлено право избирать защитниковъ по свободному выбору, а если таковой не можетъ быть сдѣланъ, или обвиняемый болѣе довѣряетъ суду, то по назначенію послѣдняго. По принципу, по началамъ *строгаго равенства* силъ, противопоставляемыхъ другъ другу въ процессѣ, слѣдовало бы ограничить защиту, разрѣшивъ въ законѣ избраніе и назначеніе защитниковъ только изъ числа лицъ адвокатской корпораціи, частныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ на судебныя должности; можно бы прибавить еще профессоровъ и преподавателей правовѣденія, а изъ постороннихъ—лицъ, получившихъ юридическое образованіе или, по крайней мѣрѣ, пріобрѣтшихъ практическія (по службѣ) свѣдѣнія по юридической части. Такія требованія обыкновенно и предъявляются къ защитникамъ (съ совершеннымъ исключеніемъ лицъ, имѣющихъ одни практическія знанія, но не получившихъ юридическаго образованія) разными законодательствами. Изъ нихъ одни, какъ напримѣръ французское, требуютъ отъ защитниковъ по избранію и по назначенію суда совершенно одинаковыхъ условій (art. 295)—принадлежности защитника къ адвокатамъ или стрипчимъ, допуская лишь одно исключеніе—съ *согласія* президента ассизовъ обвиняемый можетъ избрать въ защитники „un de ses parents ou amis“ (для нихъ не требуется, очевидно, даже юридическаго или иного образованія). Австрійскій уставъ 1873 г. (§ 39, 41, 43) идетъ еще дальше: онъ совершенно не допускаетъ къ защитѣ *нотариусовъ*, предписывая обвиняемому избрать себѣ (§ 39) защитника изъ числа лицъ, записанныхъ въ особые „списки защитниковъ“, составляемые судами 2-й степени для подвѣдомственныхъ имъ судовъ, въ которые вносятся адвокаты цѣлаго округа, дѣйствительно занимающіеся практикою, а также, по выраженному ими желанію, правовѣды, выдержавшіе экзаменъ на судейскія должности, на адвоката или нотариуса, и всѣ доктора правъ, входящіе въ составъ учебнаго персонала факультета юридическаго или государствовѣдѣнія; съ разрѣшенія начальства, и государственные чиновники. Германскій уставъ 1877 г. допускаетъ, по общему правилу, избраніе въ защитники лишь изъ числа лицъ, состоящихъ адвокатами при нѣмецкихъ судахъ или преподавателями права въ выс-

шихъ нѣмецкихъ школахъ (§ 138); но, въ видѣ исключенія, „могутъ быть допускаемы“ (ibidem, ч. 2) и другія лица, но, какъ и по французскому праву, „только съ дозволенія суда“. Не ограничивая этихъ другихъ лицъ одними „друзьями и родственниками“, какъ это принято art. 295 франц. судопр. устава, германское законодательство еще серьезней ограничиваетъ это право обвиняемаго, требуя, чтобы по дѣламъ, гдѣ защита необходима (§ 140), такой избранный защитникъ, не принадлежащій къ числу лицъ, которымъ можетъ быть поручена защита, допускался къ отправленію своихъ обязанностей только *вмѣстѣ* съ другимъ защитникомъ, которому по закону можетъ быть поручена защита. Впрочемъ, избранный обвиняемымъ адвокатъ можетъ, съ согласія подсудимаго, передать защиту всякому юристу, который, не будучи адвокатомъ, выдержалъ, однако, экзаменъ для службы по судебному вѣдомству и занимался въ этомъ вѣдомствѣ не менѣе двухъ лѣтъ (§ 139). Итакъ, современныя европейскія законодательства стремятся къ *ограниченію* круга лицъ, изъ которыхъ обвиняемый *можетъ* избрать себѣ защитника, допускають къ защитѣ „постороннихъ“, т. е. не адвокатовъ и не занесенныхъ въ особые списки, крайне неохотно, а австрійское законодательство и совсѣмъ устраниваетъ ихъ отъ защиты. *Назначаемые* же судомъ защитники могутъ быть, по всѣмъ перечисленнымъ законодательствамъ, только строго опредѣленные въ законѣ лица адвокатской корпораціи или состоящія при судѣ. Такъ, во Франціи— президентъ назначаетъ ихъ только изъ числа адвокатовъ или стряпчихъ, состоящихъ при судахъ, по австрійскому уставу изъ числа лицъ, состоящихъ въ „спискѣ“, живущихъ въ мѣстѣ нахождения суда, а въ мѣстностяхъ, въ которыхъ имѣется совѣтъ адвокатовъ, послѣднему предоставляется назначеніе защитниковъ изъ числа адвокатовъ и кандидатовъ къ нимъ (§ 42); притомъ каждый, записанный въ списки защитниковъ, обязанъ принять на себя *въ мѣстѣ своего жительства* возложенную на него защиту (§ 43); наконецъ, въ стремленіи восполнить могущій оказаться недостатокъ въ защитникахъ, записанныхъ въ вышеуказанные списки, австрійскій уставъ принялъ (2 ч. § 43) правило, согласно которому чиновники, способные къ занятію судебныхъ должностей и состоящіе при судѣ, *обязаны* принимать на себя защиту, возлагаемую на нихъ предсѣдателями суда при недостаткѣ другихъ защитниковъ, даже въ томъ случаѣ, когда они не внесены въ списокъ.

Наконецъ, по Германскому уставу *назначеніе* защитника всегда дѣлается предсѣдательствующимъ суда и только изъ числа *адвокатовъ*, живущихъ въ мѣстѣ нахождения сего суда. Для приготовительнаго производства назначеніе дѣлается участковымъ судьей (Amtsrichter). Впрочемъ, *могутъ* быть также назначаемы защитниками и не состоящіе

судьями должностныя лица судебного вѣдомства, равно какъ и юристы, выдержавшіе уже установленное первое испытаніе на службу по судебному вѣдомству (§ 144).

Идеальная конструкція уголовного процесса требуетъ, чтобы всякій обвиняемый, признающій себя неспособнымъ къ самозащитѣ и лишенный возможности избрать защитника по соглашенію, получилъ право требовать *назначенія* защитника отъ суда, такъ какъ обвиненіе, если оно представлено прокуратурою, всегда находится въ рукахъ спеціалиста, подготовленнаго къ отправленію своей обязанности, а если оно представлено частнымъ лицомъ, то интересы послѣдняго часто охраняются повѣренными. Равенство (въ смыслѣ одинаковой неподготовленности сторонъ къ хорошему веденію процесса) между обвиненіемъ и подсудимымъ водворится лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло ведется въ порядкѣ частнаго обвиненія и обѣ стороны, не имѣя повѣренныхъ, принадлежатъ къ мало развитой массѣ населенія. Но количество дѣлъ, восходящихъ къ судебному разбирательству, далеко не соответствуетъ числу лицъ, изъ среды которыхъ судъ можетъ назначать защитниковъ; съ другой стороны, маловажность нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній, не грозящихъ особою опасностью ни обществу, ни самому обвиняемому, извиняють, если не оправдываютъ съ точки зрѣнія требованій процесса, отсутствіе заботъ со стороны государственной власти объ организаціи защиты отъ суда для *всѣхъ* подсудимыхъ, требующихъ назначенія защитника. Вотъ почему ни одно законодательство не могло и даже не пыталось организовать казенную защиту для *всѣхъ* подсудимыхъ и по *всѣмъ* дѣламъ. Но среди иностранныхъ законодательствъ одни ближе, другія значительно дальше отъ осуществленія идеальныхъ требованій процесса. Наиболее приближается къ нимъ уставъ Германскій (§ 140 и 141). Онъ знаетъ категоріи дѣлъ, въ которыхъ обвиняемый *долженъ* имѣть защитника по собственному *избранію* или, за отсутствіемъ его, по *назначенію* суда. Эта, такъ называемая „необходимая“, защита требуется по *всѣмъ* дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Имперскаго суда въ качествѣ I инстанціи, или суда присяжныхъ; слѣдовательно—по *всѣмъ важнѣйшимъ* обвиненіямъ. Но и по дѣламъ *меньшей* важности, вѣдаемымъ ландгерихтомъ (по I степени суда), защита тоже *необходима* въ 2 случаяхъ: 1) если обвиняемый глухъ или нѣмъ, или не достигъ 16 лѣтъ и 2) если предметомъ обвиненія является „преступленія“ (Verbrechen) и самъ обвиняемый (или его законный представитель) *проситъ* о назначеніи защитника, за исключеніемъ лишь того случая, когда дѣяніе сдѣлалось Verbrechen только благодаря рецидиву. Во второмъ случаѣ просьба о назначеніи защитника должна

быть заявлена въ теченіе 3 дней по сообщеніи обвиняемому обвинительнаго акта (§ 140, ч. 4 и § 199, ч. 1). Во всѣхъ же остальныхъ перечисленныхъ нами случаяхъ защитникъ *назначается* обвиняемому самимъ судомъ, немедленно по сообщеніи ему обвинительнаго акта, не выжидая его о томъ просьбы (§ 140, ч. 4); понятно, что назначеніе отменяется, если затѣмъ будетъ избранъ другой защитникъ, принявшій избраніе (§ 143). Забота германскаго законодателя идетъ еще дальше: и по всѣмъ другимъ дѣламъ судъ, при крайности даже председатель его, „*могутъ*“ назначить защитника *не только по просьбѣ, но и ex officio* (§ 141). Итакъ, Германскій уставъ знаетъ *безусловно необходимую* защиту по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, а для нѣкоторыхъ лицъ, интересы которыхъ заслуживаютъ особаго огражденія, и по дѣламъ меньшей важности, *защиту условно необходимую* (по дѣламъ меньшей важности), поставляемую въ зависимость отъ наступленія условія — *просьбы* обвиняемаго и его законныхъ представителей, и, наконецъ, *защиту* (тоже по назначенію) *факультативную* — въ зависимости отъ *усмотрѣнія суда*, рѣшающаго о назначеніи или неназначеніи защитника по всякимъ дѣламъ по собственной инициативѣ (*ex officio*) или по просьбѣ стороны. Дальше всѣхъ отъ требованій хорошаго процесса и широкой организаціи защиты стоятъ законодательства Франціи и Австрійскій уставъ, который воспроизводитъ по этому пункту взглядъ Французскаго процесса. И во Франціи и въ Австріи обвиняемый можетъ имѣть защитника *по всякому дѣлу*, но не иначе какъ по избранію (по добровольному соглашенію) изъ числа извѣстныхъ уже намъ лицъ. *Обязательна* же защита по назначенію, если обвиняемый *не избралъ* себѣ защитника, лишь по дѣламъ, производимымъ судомъ присяжныхъ (Австр. уставъ — § 41, ч. 2, Французскій уставъ art. 295); по обоимъ уставамъ защитникъ, *выбранный* обвиняемымъ изъ числа лицъ, имѣющихъ вообще право быть защитникомъ, *вытѣсняетъ* защитника, *назначеннаго судомъ*. Впрочемъ, Австрійскій уставъ — все же нѣкоторый *шагъ впередъ* сравнительно съ Французскимъ, почему его можно поставить по серединѣ между Германскимъ и Французскимъ: послѣдній не знаетъ никакой казенной защиты *отъ* ассизнаго суда, между тѣмъ какъ уставъ Австрійскій, какъ можно заключить изъ текста 2 ч., § 41, предписываетъ суду назначить, по *требованію* обвиняемаго, „повѣреннаго для бѣдныхъ“ (*Armenvertreter*), если онъ не въ состояніи уплатить издержки защиты изъ своихъ средствъ, всякій разъ, когда обвиняемому, воспользовавшемуся правомъ обжалованія, необходимо обосновать заявленное имъ возраженіе противъ обвинительнаго акта; такое назначеніе защитника должно быть сдѣлано, по просьбѣ обвиняемаго, и для „главнаго про-

изводства* (Hauptverhandlung—оно соотвѣтствуетъ нашему производству въ судебномъ засѣданіи, разсматривающемъ дѣло по существу).

§ II. Обращаясь къ русскому законодательству, можно подмѣтить въ немъ двѣ характерныя черты: 1) широкое право *избранія* обвиняемымъ защитника, не стѣсненное, подобно иностраннымъ законодательствамъ, опредѣленными въ законѣ лицами. Законодатель, а частью и послѣдовавшія разъясненія уголовного кассационнаго департамента и общаго собранія установили, что защитникомъ на уголовномъ судѣ можетъ быть всякое дѣеспособное лицо мужскаго пола. Лишены права быть защитниками лица, перечисленныя въ ст. 246 устава гражданского судопр., а также нотариусы (за исключеніемъ права на защиту ближайшихъ членовъ ихъ семействъ, въ предѣлахъ, разрѣшенныхъ членамъ суда п. 8 ст. 246 того же устава), а также тѣ, у которыхъ это право отнято министромъ юстиціи или судебнымъ опредѣленіемъ (Общее Собр. 1884 г., № 40); такія лица не могутъ быть повѣренными и по гражданскимъ дѣламъ. Замѣтимъ еще, что выборъ не обусловленъ *никакимъ образовательнымъ цензомъ*: по буквѣ закона даже безграмотный можетъ быть избранъ въ защитники. 2) Другая особенность нашего законодательства, хорошо очерченная въ мотивахъ къ ст. 566 уст. угол. (изд. госуд. канц., стр. 216—217), выражается въ принципиальномъ предписаніи законодателя *назначать* защитника *по просьбѣ* обвиняемаго, если онъ *не хочетъ защищаться самъ* и *не воспользовался правомъ* добровольнаго *избранія*, *по всемъ безъ изыятія уголовнымъ дѣламъ*, подлежащимъ разсмотрѣнію окружнаго суда. „Правило это необходимо“, говорится въ мотивахъ, „сохранить во всей его полнотѣ“. Но составители судебныхъ уставовъ и окончательная редакція ст. 566 уст. угол. *не знаютъ* никакой *необходимой защиты*, за исключеніемъ случая, предусмотрѣннаго въ ст. 882 уст. угол., въ чемъ наше законодательство значительно уступаетъ Германскому и Французскому: при молчаніи подсудимаго или за пропускомъ имъ семидневнаго срока на ходатайство о назначеніи защитника отъ суда (ст. 557 уст. угол.), онъ можетъ остаться безъ защитника даже въ случаѣ обвиненія его въ самомъ тяжкомъ преступленіи; въ этомъ нельзя не видѣть крайне слабую и опасную сторону нашего процесса. Итакъ, *просьба, заявленное* (притомъ своевременно) *ходатайство*—суть единственныя основанія для внимательства суда въ дѣло назначенія защитника. Но въ этихъ предѣлахъ законодательство понимало весьма льготно для обвиняемаго свою обязанность организовать защиту въ сколько нибудь серьезномъ уголовномъ дѣлѣ, т. е. по всякому обвиненію, разсматриваемому въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Законодатель остановился на этой мысли и поднѣ созна-

тельно, такъ какъ было рѣшительно отвергнуто первоначальное предположеніе объ ограниченіи удовлетворенія такихъ просьбъ лишь важнѣйшими дѣлами, подлежащими суду присяжныхъ (французская система), и относительно нѣкоторыхъ лицъ, которыя „не въ состояніи сами себя защищать“, какъ то—дряхлаые, малолѣтніе, умственно неразвитые и больные (мысль современной Германской системы). Исходя, далѣе, изъ вѣрной мысли, что при назначеніи защитниковъ отъ суда „правительство нѣкоторымъ образомъ принимаетъ на себя нравственную отвѣтственность за избранныя судомъ лица“, почему избраніе ихъ должно представлять надлежащія гарантіи въ добросовѣстномъ исполненіи ими, со знаніемъ дѣла, своихъ обязанностей, составители судебныхъ уставовъ ограничили кругъ этихъ лицъ лишь присяжными повѣренными (умолчавъ даже о „помощникахъ“ присяжныхъ повѣренныхъ) и кандидатами на судебныя должности. Изъ числа послѣднихъ должны быть назначаемы лишь „извѣстные предсѣдателю по своей благонадежности“ (?), чиновники же канцеляріи безусловно исключаются, такъ какъ они „могутъ не соотвѣтствовать условіямъ, необходимымъ для правильной судебной защиты“ и отвлеченіе ихъ отъ „прямыхъ обязанностей“ сопряжено съ большими неудобствами и „подастъ поводъ къ упущеніямъ въ дѣлопроизводствѣ“. Можно сказать, что въ *умомъ* наше законодательство приняло достаточныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить за обвиняемымъ защиту по всѣмъ дѣламъ въ *общихъ* судебныхъ установленіяхъ. Если къ сказанному прибавить постановленіе ст. 882 уст. угол., которая устанавливаетъ *необходимую* защиту въ апелляціонномъ производствѣ въ Судебной Палатѣ, по *назначенію* предсѣдателя, обязательному для послѣдняго всякій разъ, когда обвиняемый не избралъ себѣ защитника, то имѣются многія основанія къ тому, чтобы назвать постановленія нашего судопроизводственнаго устава обезпечивающими защиту обвиняемыхъ болѣе всѣхъ иноземныхъ законодательствъ: 1) обвиняемый имѣетъ право *избрать* защитника среди всѣхъ дѣеспособныхъ гражданъ мужскаго пола (ограниченія—совсѣмъ ничтожны); 2) по *просьбѣ* обвиняемаго ему долженъ быть назначенъ защитникъ по *всякому* дѣлу, разсматриваемому въ *общихъ* судахъ; 3) въ апелляціонномъ производствѣ въ Судебной Палатѣ—проведенъ принципъ *необходимой* защиты по назначенію суда на случай неизбравія защитника; 4) въ согласіи со всѣми новѣйшими законодательствами Европы нашъ уставъ вполне гарантируетъ доброкачественность защиты по *назначенію*, ограничивая ее лишь лицами, перечисленными въ ст. 566 уст. угол. судопр. Несомнѣнно также, что составители судебныхъ уставовъ возлагали главную надежду на защитниковъ, избираемыхъ самими подсудимыми; они предполагали, что за-

*

щита по избранію будетъ фигурировать „въ большей части случаевъ“, а что система назначенія отъ суда явится лишь дополненіемъ первой, которое будетъ встрѣчаться лишь „въ рѣдкихъ случаяхъ“ (изд. Госуд. Канц., стр. 216). Составителямъ устава и въ голову не приходило, чтобы при такихъ условіяхъ въ назначеніи защитниковъ могли встрѣтиться затрудненія: предполагалось, что присяжныхъ повѣренныхъ будетъ достаточное число, что они правильно распредѣлятся (въ соотвѣтствіи съ законами спроса и предложенія адвокатскихъ услугъ) по окружнымъ судамъ, и что не будетъ недостатка въ кандидатахъ на судебныя должности, которымъ, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ, тоже можетъ быть поручена предсѣдателемъ защита обвиняемыхъ.

Извѣстно, что жизнь совершенно не оправдала этихъ ожиданій. Особня неблагоприятныя условія русскаго обихода, нашедшія откликъ и въ руководящихъ разъясненіяхъ кассационнаго суда, привели къ тому, что защита обвиняемыхъ даже по дѣламъ, разсматриваемымъ присяжными, совершенно необезпечена. Такъ, защита по назначенію отъ суда оказалась эфемерною для массы дѣлъ, разсматриваемыхъ въ уѣздахъ. Съ первыхъ же годовъ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ оказалось, что присяжные повѣренные и ихъ помощники распредѣлились по округамъ весьма неравномѣрно, а сконцентрировались въ крупныхъ центрахъ, на что указалъ еще г. Арсеньевъ въ 1870 г. („Преданіе суду“, стр. 142—143). Положеніе не измѣнилось къ лучшему и въ настоящее время: тоже множество присяжныхъ повѣренныхъ (и помощниковъ) въ столицахъ и въсколькихъ крупныхъ центрахъ (напримѣръ, Кіевъ, Харьковъ, Одесса), остающихся въ большинствѣ случаевъ безъ дѣлъ, нерѣдко живущихъ въ проголодь, и тоже отсутствіе достаточнаго числа ихъ въ другихъ городахъ, даже въ губернскихъ, не говоря уже объ уѣздныхъ, въ которыхъ присяжные повѣренные являются рѣдчайшими явленіями. Оставался одинъ исходъ—возложить защиту на кандидатовъ на судебныя должности. Но и послѣдніе, слѣдуя общему теченію, стали стремиться въ столицы и кое-какіе крупнѣйшіе центры, почему и въ настоящее время имѣются многіе окружныя суды, страдающіе хроническимъ недугомъ—полнымъ почти отсутствіемъ кандидатовъ. Кромѣ того, плохая постановка кандидатской должности, матеріальная необезпеченность кандидатовъ и плохое движеніе по службѣ сдѣлали этотъ институтъ, долженствовавшій быть „разсадникомъ нашей магистратуры“, на столько малособлазнительнымъ для большинства молодыхъ юристовъ, что они всѣми силами старались отдѣлаться отъ зачисленія въ кандидаты на судебныя должности, предпочитая идти въ помощники присяжныхъ повѣренныхъ (въ крупные центры) и на службу по разнымъ канцеля-

ріямы; если же они и шли въ кандидаты, то исключительно въ столицы и очень большіе города. И такъ, въ провинціи оказалось мало присяжныхъ повѣренныхъ и кандидатовъ для уѣздныхъ сессій, т. е. для большинства дѣлъ. Что было дѣлать? Оставалось привлечь присяжныхъ повѣренныхъ къ выѣзднымъ сессіямъ и туда же откомандировывать и кандидатовъ. Но сенатъ (по общему собранію 1887 г., № 11) рѣшительно взялъ сторону присяжныхъ повѣренныхъ и категорически разъяснилъ и подтвердилъ то, что *de facto* давно уже признавалось большинствомъ судовъ, именно присяжные повѣренные *вправѣ отказываться отъ выѣзда на сессію по назначенію предсѣдателя въ случаяхъ слушанія дѣла „вне постояннаго мѣста жительства“*. Можно сомнѣваться въ томъ, чтобы это циркулярное разъясненіе Общаго Собранія соответствовало духу закона, идеѣ учрежденія и обязанностямъ присяжной адвокатуры. Какъ бы то ни было, но послѣдняя, *de facto* и равнѣ ревниво и упорно уклонявшаяся (не говоримъ объ исключеніяхъ) отъ выѣздныхъ защитъ, въ настоящее время, вооружившись сенатскимъ разъясненіемъ, стала рѣдчайшею гостью въ уѣздныхъ сессіяхъ, выѣзжая въ „захолустья“ лишь по соглашенію съ клиентами, т. е. за приличный гонораръ, или ради какогонибудь исключительнаго дѣла, вызывающаго общее вниманіе и дающаго „славу“. Что же касается до помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, то неопредѣленность ихъ положенія передъ закономъ, который такъ блѣдно и малосодержательно обрисовалъ этотъ институтъ въ „учреж. суд. уставовленій“, неясность и произвольность отношеній ихъ къ патронамъ, невьясненность ихъ правъ и обязанностей, создали то, что въ разныхъ округахъ различно относились къ нимъ и суды и совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. Единообразія не могло быть и въ отношеніяхъ суда къ ихъ защитамъ; и тогда какъ одни суды допускали ихъ къ защитѣ (за мѣсто ихъ патроновъ) совершенно свободно, а въ другихъ—предсѣдатели даже прямо назначали ихъ по очереди, третьи—не допускали въ принципѣ ни того, ни другаго. Въ концѣ концовъ еще равнѣ разъясненія касательно присяжныхъ повѣренныхъ, воспослѣдовало (1881 г., № 29) разъясненіе Общаго Собранія о томъ, что „предсѣдатель *не имѣетъ права* назначать подсудимому защитника изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ“. И если въ настоящее время и помощники нерѣдко фигурируютъ защитниками за мѣсто ихъ патроновъ, то чаще всего подъ формулою „добровольнаго соглашенія“ съ клиентомъ, которое, являясь симуляціей соглашенія, есть въ сущности замаскированная передача бремени защиты отъ назначеннаго присяжнаго повѣреннаго къ никогда неназначаемому помощнику. Мы указывали выше на недостаточность въ провинціальныхъ судахъ кандидатовъ на судебныя должности. А судеб-

ная практика, въ разрѣзъ съ составителями судебныхъ уставовъ, склонялась къ тому, чтобы видѣть въ отправленіи ими обязанностей защиты по назначенію *второстепенную* функцію кандидатовъ, уступающую всѣмъ другимъ работамъ и занятіямъ, даже по канцеляріи. Можно было даже подмѣтить, что суды иногда склонялись скорѣе къ порученію юнымъ и неопытнымъ кандидатамъ отправленія слѣдовательскихъ обязанностей, нежели къ назначенію ихъ казенными защитниками. Новый законъ о кандидатахъ на судебныя должности, устроивъ въ *нѣкоторыхъ* лишь отношеніяхъ лучше ихъ судьбу и распредѣливъ съ большею систематичностью и постепенностью прохожденіе ими пути къ практической подготовкѣ для судебной службы, оставляетъ, вообще говоря, желать еще очень многого; во всякомъ случаѣ, этотъ законъ скорѣе ухудшилъ, нежели улучшилъ положеніе суда и самихъ кандидатовъ относительно обязательной защиты; для послѣдней у кандидатовъ, обязанныхъ отправлять равныя обязанности въ гражд. и угол. отдѣленіяхъ судовъ и Палатъ, исправляющихъ должность товарищей прокуроровъ и слѣдователей, остается очень немного времени. Законъ и практика, очевидно, не налагаютъ на функцію защиты! Такимъ образомъ тѣ, которые могли бы замѣнить недостающихъ присяжныхъ повѣренныхъ, обрѣтаются въ числѣ недостаточномъ, а имѣющіяся наличныя силы отвлечены отъ защиты другими обязанностями. Можно бы присовокупить еще, что самая защита кандидатами, если она и осуществляется, обставлена въ уѣздныхъ сессіяхъ условіями, крайне неблагоприятными для интересовъ обвиняемыхъ, притомъ безъ всякой вины со стороны самихъ кандидатовъ. Имъ поручается обыкновенно защита по цѣлой серіи дѣлъ, назначенныхъ въ выѣздной сессіи. Назначеніе даннаго кандидата рѣдко можетъ быть произведено настолько заблаговременно, чтобы онъ могъ, если бы даже имѣлъ время свободное отъ другихъ занятій, заранѣе подготовиться къ дѣлу въ мѣстѣ постоянного пребыванія суда. Самое дѣло должно быть *за недѣлю* до слушанія доставлено въ уѣздъ, гдѣ предпологается открыть судебное засѣданіе (572 уст. угол.). Предъ наступленіемъ этого срока съ дѣломъ знакомится предсѣдательствующій въ выѣздной сессіи и прокурорскій надзоръ, и такимъ образомъ кандидатъ не имѣетъ возможности ознакомиться съ нимъ на мѣстѣ: судъ пріѣзжаетъ съ кандидатомъ въ мѣсто разсмотрѣнія дѣла обыкновенно лишь наканунѣ дня открытія засѣданій. De facto выходитъ, что кандидатъ, несущій бремя иногда 10—15 и даже болѣе защитъ, успѣваетъ не подготовиться къ дѣламъ, а лишь кое-какъ пробѣжать ихъ, да и то только важнѣйшія изъ нихъ, о которыхъ заранѣе извѣстно, что они спорны, сложны или особенно интересны. По многимъ же дѣламъ кандидату приходится нерѣдко высту-

пать зря, безъ всякой подготовки. Отсюда промахи и неожиданности въ ходѣ процесса, далеко не согласующіеся съ интересами обвиняемаго и дѣлами правосудія.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, Правительствующему Сенату пришлось, *отчасти* въ силу необходимости, выставить такія положенія: назначеніе защитника *можетъ* быть сдѣлано и *безъ* просьбы подсудимаго, правило, не соотвѣтствующее *буквѣ* закона (566 уст. угол.), но вполнѣ согласимое съ его *духомъ* (1871 г., № 1471); просьба о назначеніи защитника, если она заявлена въ срокъ, указанный ст. 557 уст., подлежитъ удовлетворенію. Но эта обязанность предсѣдателя суда прекращается „за физическою невозможностью“ ея удовлетворенія. Казалось бы, трудно спорить противъ этого; но дѣло въ томъ, что Сенатъ понимаетъ эту „физическую невозможность“ нѣсколько своеобразно; она имѣется на лицо не только при „отсутствіи присяжныхъ повѣренныхъ“, противъ чего нельзя и спорить, но и при отсутствіи „свободныхъ отъ занятій“ кандидатовъ на судебныя должности, на которыхъ могла бы быть возложена защита“ (см., напримѣръ, рѣшеніе за 1878 г., № 11). Слѣдовательно, самъ Правительствующій Сенатъ санкціонируетъ своимъ руководящимъ авторитетомъ ошибочный взглядъ судебныхъ установленій, ставящій обязанность защиты кандидатами на второй планъ въ зависимости отъ „свободы кандидатовъ отъ занятій“. И только по отношенію къ подсудимымъ несовершеннолѣтнимъ (до 21 года) Сенатъ предписываетъ суду (и Палатѣ) „принимать мѣры“ къ обезпеченію этихъ лицъ казенною защитою, подъ однимъ условіемъ, чтобы „при судѣ состояли присяжные повѣренные и кандидаты“ (Цирк. указъ 24 августа 1878 г.); а такъ какъ не поставлено условія, чтобы они были „свободны отъ занятій“, то многіе суды истолковали этотъ указъ какъ предписывающій назначеніе въ этихъ случаяхъ защитника „à tout prix“. Вотъ почему несовершеннолѣтніе обвиняемые въ *громдномъ большинствѣ* случаевъ имѣютъ защиту въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ. Значеніе этихъ разъясненій Сената, санкціонирующихъ господствующую неудовлетворительную судебную практику, мало ослабляется требованіемъ, предъявляемымъ Сенатомъ предсѣдателямъ—„объявить подсудимому заблаговременно“ о невозможности назначить защитника въ видахъ предоставленія ему возможности найти защитника или самому приготовиться къ защитѣ, не оставляя обвиняемаго „въ ложномъ убѣжденіи“, что просьба его удовлетворена (см. напримѣръ, рѣшеніе 1873 г.— № 378 и 1875 г.— № 283). Дѣло въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ обвиняемые (даже въ уѣздахъ, изъ среды крестьянъ) особенно изъ состоящихъ на свободѣ, стараются *найти* себѣ защитника; они обраща-

ются къ суду съ просьбою о назначеніи обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они состоятъ подѣ стражею или не смогли, за неимѣніемъ лицъ или не сойдясь съ ними въ условіяхъ относительно гонорара, своевременно записаться защитникомъ по соглашенію.

Но почему же недостатокъ казенныхъ защитниковъ, влекущій за собою неувѣренность обвиняемыхъ въ обеспеченіи ихъ правъ и интересовъ на судѣ, не восполняется на практикѣ институтомъ свободной защиты, на которую возлагалось столько надеждъ?

Большинство подсудимыхъ—бѣдность, которая не въ состояніи платить за защиту, хотя за послѣдніе годы адвокатскій гонораръ очень понизился. И даже за вознагражденіе, если оно незначительно, *нѣтъ смѣлости ѣхать въ уѣздъ* на защиту: заработокъ выйдетъ грошевый, если исключить издержки пути и содержанія на мѣстѣ, а можно упустить, уѣзжая на нѣсколько дней, практику болѣе выгодную на мѣстѣ постоянного пребыванія присяжнаго повѣреннаго, его помощника или частнаго повѣреннаго. Итакъ, „выписка“ хорошаго адвоката изъ крупныхъ центровъ—не по карману обвиняемымъ; остается—„мѣстная адвокатура“. Но все что-нибудь порядочное стремится, какъ мы знаемъ, въ крупные центры, на мѣстѣ совсѣмъ нѣтъ защитниковъ, а если и есть, то подонки, настоящую цѣну которымъ знаютъ даже невзыскательные обвиняемые—уѣздные обыватели, рѣшающіеся обращаться къ нимъ лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Остаются еще адвокаты—любители, „помощники“ изъ начинающихъ; нѣкоторые изъ нихъ, иногда даже съ выдающимися именами, не прочь даже за *свой счетъ*, выѣхать въ уѣздную сессию; но такихъ обеспеченныхъ—очень немного, такіа лица сами еле-еле существуютъ и не могутъ тратиться на проѣздъ и прожитіе задаромъ. Адвокаты же опытные и съ деньгами выѣзжаютъ въ уѣзды задаромъ лишь по дѣламъ сенсационнымъ, гдѣ можно „славу пріобрѣсти“, т. е. для рекламы, поддержанія въ публикѣ добраго о себѣ мнѣнія и для „забвенія имени своего“. Ради „идеи“, ради „общественнаго призванія адвокатуры“, изъ-за желанія принести свой доносъ на пользу правосудія для защиты какаго-нибудь нуждающагося въ ней въ уѣздной сессіи—ѣздили и будутъ ѣздить только *единицы*, которыя не выручаютъ изъ бѣды массу обвиняемыхъ, остающихся безъ всякой защиты. Положеніе бѣдняковъ—обвиняемыхъ нѣсколько лучше лишь въ крупныхъ центрахъ: избытокъ, превышающій спросъ, конкурирующихъ между собою помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ (и даже ихъ патროновъ), частныхъ адвокатовъ, верѣдкіе „просвѣщенные любители“—защитники обеспечиваютъ *многимъ* подсудимымъ, далеко *не встѣмъ*, защиту, но, опять же, при условіи—„интереса“ дѣла.

Summa summarum, немногіе, могутіе платити, или являющіеся героями особо интересныхъ процессовъ, имѣютъ защиту, притомъ чаще въ крупныхъ центрахъ, рѣже въ меньшихъ и уѣздахъ, а большинство—бѣдность и нефигурирующая въ „громкихъ“ дѣлахъ—лишено возможности пользоваться правомъ избрать защитника!

Подводя итоги изложенному, должно прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ: законодатель желалъ дать всякому обвиняемому возможность пользоваться защитой въ общихъ судебныхъ мѣстахъ; система избранія поставлена на первомъ планѣ, лишь восполняясь защитой по назначенію, по просьбѣ обвиняемаго. На самомъ же дѣлѣ защита бываетъ всегда лишь въ апелляціонномъ производствѣ (въ Судебныхъ Палатахъ), въ производствѣ судовъ съ присяжными (и съ сословными представителями) — по дѣламъ о *несовершеннолетнихъ*; нѣкоторые суды всегда назначаютъ защитниковъ и другимъ недѣеспособнымъ лицамъ (глухимъ, нѣмымъ, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда поднимается вопросъ о вменяемости вслѣдствіе душевной болѣзни). Въ остальныхъ случаяхъ защита часто назначается, но *всегда лишь по просьбѣ* обвиняемаго, по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ или сословныхъ представителей (особенно при разсмотрѣніи дѣлъ въ крупныхъ центрахъ или губернскихъ городахъ); наконецъ, защита по назначенію почти отсутствуетъ по дѣламъ, разсматриваемымъ однимъ короннымъ судомъ въ I инстанціи. А такъ какъ лишь меньшинство изъ тѣхъ, которые не имѣютъ защиты по назначенію, могутъ воспользоваться правомъ избранія защитника, то въ результатѣ дѣйствующей у насъ системы получилась *полная беззащитность многихъ подсудимыхъ*, по преимуществу въ уѣздныхъ сессіяхъ, обвиняемыхъ даже въ тяжкихъ преступленіяхъ, не говоря ужъ объ обвиненіяхъ менѣе важныхъ. Въ этомъ—большое мѣсто нашего процесса, обратившее на себя общее вниманіе и требующее радикальнаго излѣченія. Никакой правильно организованный процессъ не долженъ мириться съ явленіями въ родѣ, наиримѣръ, полного отсутствія защиты у обвиняемаго 22 лѣтъ отъ роду, преданнаго суду за предумышленное убійство, котораго, въ виду его критическаго положенія на судѣ, взялся, наконецъ, защищать кто-то изъ публики, оказавшійся отставнымъ фельдфебелемъ, весьма мало подготовленнымъ къ такой отвѣтственной роли, и провалившій защиту по всѣмъ пунктамъ.

Какими же средствами можно обезпечить защиту обвиняемыхъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій? Въ приведенномъ выше изслѣдованіи нашемъ „О предварительномъ слѣдствіи и его реформѣ“ мы представили возможную организацію защиты на предварительномъ слѣдствіи въ лицѣ кандидатовъ на судебныя должности, по-

ставленныхъ въ опредѣленные условія, подробно указанныя въ нашемъ изслѣдованіи. При правильной постановкѣ этого института, которая должна увеличить и число кандидатовъ, на послѣднихъ возможно будетъ съ *тѣмъ болѣешиимъ основаніемъ* возложить защиту на судѣ. Къ этимъ естественнымъ казеннымъ защитникамъ можно присоединить присяжныхъ повѣренныхъ, которыхъ надлежитъ *обязать*, въ интересахъ общественныхъ, защитою на выѣздныхъ сессіяхъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) должна быть установлена извѣстная очередь между присяжными повѣренными, опредѣлить которую нетрудно, такъ какъ періоды выѣздовъ и города, въ которыхъ должны происходить сессіи, намѣчаются задолго до выѣздовъ; присяжные повѣренные будутъ имѣть полную возможность заблаговременно устроиться съ своими дѣлами и передать, если потребуется, производство ихъ другому лицу. Если же сессія продолжительна, то на нее могутъ быть назначаемы нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ, смѣняющихъ другъ друга такъ, чтобы на долю каждаго пришлось не болѣе нѣсколькихъ дней засѣданій. Возложеніе на присяжныхъ повѣренныхъ бремени защиты въ выѣздныхъ сессіяхъ представляется намъ логическимъ послѣдствіемъ возрѣнія на защиту, какъ на служеніе общественное. Отправленіе выѣздной повинности справедливо подѣ условіемъ, чтобы присяжныхъ повѣренныхъ не обременяли чрезмѣрно такими защитами: авторитетное званіе присяжнаго повѣреннаго даетъ выгоды и нравственныя и матеріальныя, оно ставитъ имѣющаго это званіе въ положеніе привилегированное предѣ другими повѣренными, а потому и требуетъ отъ него нѣкоторыхъ пожертвованій на пользу общества и правосудія; 2) обязанность выѣзда должна быть ограничена извѣстнымъ райономъ, т. е.—предѣлами губерніи или уѣздовъ, въ которыхъ дѣйствуетъ судъ, въ мѣстѣ пребыванія котораго данный присяжный повѣренный имѣетъ мѣстожителство; 3) *желательно*, чтобы, *по мѣрѣ возможности*, выдавалось вознагражденіе за такіе выѣзды по таксѣ прогоновъ и суточныхъ, полагающихся лицамъ судейскаго званія (членамъ окружнаго суда). Эти издержки должны быть относимы къ суммамъ, отпускаемымъ суду на выѣздныя сессіи: издержки не могутъ быть значительны, если принять въ соображеніе, что по многимъ дѣламъ могутъ выступать кандидаты на судебныя должности, а по другимъ, хотя и не часто, защита будетъ по избранію самого обвиняемаго. Наконецъ, для уменьшенія, *хотя и незначительнаго*, издержекъ казны, можно постановить, что вознагражденіе защитнику взыскивается съ обвиненныхъ при исполненіи приговора, входя въ составъ „судебныхъ издержекъ“, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ частнаго обвинителя, если послѣдній не добился обвинительнаго приговора. Несомнѣнно, что при

бѣдности большинства осужденныхъ, взысканіе съ нихъ судебныхъ издержекъ очень затруднительно; тѣмъ не менѣе интересы правосудія, требуя правильной организаціи защиты по назначенію, не позволяютъ отказаться отъ нея потому лишь, что она вызоветъ нѣкоторыя, во всякомъ случаѣ не великія денежные затраты. Мы не видимъ также достаточныхъ основаній къ тому, чтобы не возложить обязательной защиты и на помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Какъ бы не смотрѣть на этотъ институтъ, предоставить помощникамъ самостоятельную практику или нѣтъ, расширить или сѣздить ихъ права, — во всякомъ случаѣ, какъ въ интересахъ подготовки ихъ къ будущей самостоятельной и полезной практической дѣятельности, такъ равно и въ цѣляхъ правосудія, вызывающихъ потребность въ организаціи добросовѣстной и поднадзорной защиты по назначенію въ возможно широкихъ размѣрахъ, законодатель не долженъ, нуждаясь въ защитникахъ, отказываться отъ имѣющагося у него подъ руками контингента лицъ, значительнаго по количеству и вообще достаточнаго по качеству, легко притомъ контролируемыхъ и отвѣстныхъ; между ними тоже можно было бы установить известную очередь и, вообще обязать ихъ выѣздными защитами при условіяхъ, указанныхъ для присяжныхъ повѣренныхъ. Только вознагражденіе должно быть даваемо въ меньшемъ размѣрѣ (напримѣръ, наравнѣ съ прогонными и суточными секретарей). А для того, чтобы пріохотить ихъ къ выѣзднымъ сессіямъ и, вообще, къ частому выступленію въ роли защитниковъ отъ казны, можно бы ввести въ законъ правило, разрѣшающее совѣту присяжныхъ повѣренныхъ принимать ихъ въ присяжные повѣренные съ сокращеніемъ срока стажа, если они докажутъ, что выѣзжали нерѣдко въ уѣздныя сессіи. При указанныхъ условіяхъ незначѣмъ особенно заботиться о разрѣшеніи судамъ возлагать защиту и на канцелярскихъ чиновниковъ, какъ желаетъ этого г. Арсеньевъ („Преданіе суду“, стр. 144). Сходясь съ нимъ во многомъ, мы не согласны съ нимъ по этому пункту: штатъ канцелярскихъ чиновниковъ въ судахъ очень ограниченъ, они завалены работой и имъ не до защиты; отвлекая ихъ отъ дѣла, заустимъ дѣлопроизводство, а защитѣ принесемъ мало пользы потому уже, что эти чиновники въ большинствѣ случаевъ люди безъ спеціальнаго образованія, а нерѣдко и малообразованные.

Вычисленный контингентъ защитниковъ по назначенію пополнится еще и защитниками по свободному избранію обвиняемыхъ. Мы видѣли выше, что иноземныя законодательства принципиально враждебны такой защитѣ. Они имѣютъ къ тому несомнѣнныя основанія, особенно относительно допущенія такихъ лицъ къ защитѣ на предварительномъ слѣдствіи (см. вышеупомянутое сочиненіе мое; вообще замѣтимъ, что

право обвиняемого на избраніе защитника на предварительномъ слѣдствіи должно быть обставлено болѣе строгими условіями и лучшими гарантіями для *государства*, чѣмъ избраніе защиты для судебного засѣданія). Насколько, вообще, допустима защита, по избранію обвиняемыхъ, изъ лицъ, не принадлежащихъ къ упомянутымъ категоріямъ? Если защитникъ принадлежитъ къ числу юристовъ, то вопросъ разрѣшается безъ особыхъ затрудненій въ положительномъ смыслѣ, и вся задача законодателя можетъ быть сведена лишь къ установленію нѣкоторыхъ правилъ контроля надъ дѣятельностью „защитниковъ изъ публики“. Можно бы предоставить судебной коллегіи право устранять на будущее время отъ защиты всякое лицо, которое оказалось явно неспособнымъ къ веденію защиты, или же доказало свою нравственную неблагонадежность неприличнымъ поведеніемъ на судѣ, злоупотребленіями и недобросовѣстными дѣйствіями при защитѣ; но лишенному права защиты по мотивированному опредѣленію суда должно быть предоставлено право обжалованія. Если обвиняемый обратитъ свой выборъ на такое лицо, то предсѣдатель (въ случаяхъ сомнѣнія—коллегія суда) долженъ объявить обвиняемому объ устраненіи избраннаго имъ лица отъ защиты. Труднѣе рѣшеніе въ томъ случаѣ, когда избираемое лицо не принадлежитъ къ числу юристовъ, или, что еще хуже, вообще къ личностямъ официально признаваемымъ за „образованныхъ“. Здѣсь одинаковы опасны обѣ крайности. Совершенное устраненіе такихъ лицъ (германское и австрійское законодательства) покоится, безспорно, на вѣскихъ соображеніяхъ: начало свободнаго договорнаго соглашенія между обвиняемымъ и даннымъ лицомъ, какъ частно-правовое основаніе договора въ гражданскомъ правѣ, не можетъ быть, безъ серьезныхъ ограниченій, распространено на институтъ защиты, обладающій характеромъ общественнаго служенія и охраненія публичныхъ интересовъ (правосудія). Соображенія, вытекающія изъ основныхъ началъ уголовнаго процесса, тоже противъ безграничнаго допущенія къ защитѣ, всякаго „premier venu“: правильно организованное и авторитетно представленное обвиненіе (въ лицѣ прокурорскаго надзора) требуетъ, какъ въ видахъ открытія матеріальной истины, такъ и для охраненія достоинства суда и государственной власти, противопоставленія ему защиты, равнокачественной по *презумпціи закона*. Наконецъ, личные интересы обвиняемого тоже не согласуются съ допущеніемъ къ защитѣ перваго встрѣчнаго: „необразованный, неопытный, недобросовѣстный защитникъ“, говоритъ г. Арсеньевъ („Преданіе суду“, стр. 145—146), „можетъ причинить обвиняемому гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы“. Говорятъ, что подсудимый самъ долженъ и будетъ избѣгать такихъ защитниковъ; но ууу-

скаютъ изъ виду, что не каждый подсудимый, а скорѣе лишь меньшинство ихъ, можетъ знать прошлое всякаго, иногда навязывающагося ему въ защитники, чаще же всего обвиняемый просто неспособенъ извѣстить и оцѣнить ни знаній, ни опытности лица, избираемаго имъ въ защитники; нерѣдко простая случайность, указаніе какой-нибудь кумушки, страхъ за свою судьбу, толкающій на поспѣшныя рѣшенія, руководятъ такимъ выборомъ, результатомъ котораго и является зачастую скандальная защита и существенный ущербъ для интересовъ несчастнаго, довѣрившаго свою судьбу такому „аблакату“. Но и противоположное рѣшеніе вопроса, именно—полное устраненіе отъ защиты постороннихъ (неюрисстовъ), является тоже опасною крайностью. Лицо не принадлежащее къ разряду дипломированныхъ юристовъ и даже, вообще, къ числу лицъ, имѣющихъ дипломы высшаго и даже средняго учебнаго заведенія, можетъ быть *de facto* весьма образованнымъ, знать юридическую часть, любить дѣло; оно можетъ пользоваться репутаціею честнаго, серьезнаго дѣятеля, умѣло берущагося за дѣло. Имѣетъ значеніе при рѣшеніи вопроса и *психическое состояніе* обвиняемаго: для разумнаго и спокойнаго участія самого обвиняемаго въ процессѣ весьма важна *увѣренность* его въ доброкачественности и силѣ *избраннаго* имъ защитника, которая придаетъ обвиняемому бодрость духа и усиливаетъ его способность къ спокойному и хладнокровному поведенію на судѣ, хотя бы избранный имъ защитникъ былъ на самомъ дѣлѣ посредственностью, которую судъ могъ бы замѣнить первокласснымъ защитникомъ по назначенію. Въ *исключительныхъ* случаяхъ стороннее лицо, близкое къ подсудимому, можетъ знать дѣло въ такихъ подробностяхъ и интимныхъ его сторонахъ, которыя не всегда могутъ быть извѣстны или сообщены защитнику отъ короны. Наконецъ, устраненіе стороннихъ лицъ отъ защиты можетъ быть въ *значительной степени парализовано* наличностью значительнаго числа официальныхъ защитниковъ (отъ суда) и многочисленною, правильно распределенною между разными округами корпораціею адвокатовъ и иныхъ лицъ, заносимыхъ въ списки имѣющихъ право на защиту. Таково положеніе дѣлъ отчасти во Франціи, въ Австріи и особенно въ Германіи, въ которой даже большія села имѣютъ нерѣдко своихъ „doctores juris“, пользующихся правомъ адвокатской практики. У насъ дѣло обстоитъ иначе, и даже при реформѣ въ системѣ назначенія защитниковъ отъ суда нельзя ожидать, чтобы всѣ обвиняемые были обеспечены защитой отъ короны или по избранію изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ или частныхъ повѣренныхъ. Поэтому, воспрещеніе избирать защитниковъ изъ числа лицъ, не принадлежащихъ къ „патентованнымъ“ юристамъ, было бы равносильно иногда „оставленію

обвиняемого вовсе безъ защитника" (Арсеньевъ, „Предавіе суду“, стр. 146).

Итакъ, обѣ противоположныя точки зрѣнія являются опасными крайностями. Болѣе справедливое разрѣшеніе спорнаго положенія лежитъ, по вашему мнѣнію, въ *исправленной* французской системѣ, которая допускаетъ, съ *разрѣшенія председателя* ассизовъ, избраніе обвиняемымъ защитника изъ числа его *родственниковъ* и *друзей*. Во Франціи это право председателя можетъ быть логически выведено изъ стяжавшей себѣ столь печальную извѣстность „дискреціонной власти“ председателя, почему тамъ легко возможны (и бывали) злоупотребленія при отказѣ въ допущеніи даннаго лица въ качествѣ защитника. При широкой власти *президента*, не подлежащей притомъ провѣркѣ кассационнаго суда, а лишь контролю „совѣсти и чести“ самаго председателя, который является во Французской системѣ не столько судьей-председателемъ, сколько слѣдователемъ и обвинителемъ, мы вполнѣ раздѣляемъ опасенія г. Арсеньева, который полагаетъ, что право председателя устранять защитниковъ, не принадлежащихъ къ адвокатскому сословію, „можетъ подать поводъ если не къ злоупотребленіямъ, то къ пререканіямъ и подозрѣніямъ“, вреднымъ для правосудія: осужденный судомъ „не долженъ имѣть даже и предлога приписывать такой исходъ дѣла производу председателя, устранившаго отъ защиты избранное подсудимымъ лицо“ („Предавіе суду“, стр. 145—146). Но оставимъ въ сторонѣ *председателя французскаго*, замѣнимъ его *председателемъ* съ чисто судебными функціями, съ положеніемъ безпристрастнаго посредника между сторонами. Таковъ председатель или, лучше сказать, единоличный коронный судья въ Англии; но такимъ онъ не можетъ быть *воплоть* въ процессѣ *смѣшаннаго* типа, въ которомъ самое судебное слѣдствіе еще далеко не чуждо инъвизиціоннаго характера, и гдѣ на обязанность председателя выпадаетъ заботиться объ отысканіи истины помимо и даже вопреки инициативѣ и дѣятельности сторонъ. По этому, *лучше всего замѣнить председателя—судебною коллегіею*, противъ рѣшенія которой не можетъ быть предъявлено вышеуказанныхъ специальныхъ возраженій. Такая коллегія и должна быть вооружена правомъ разсматривать и рѣшать, по предложенію председателя, обращенное къ послѣднему заявленіе обвиняемаго объ избраніи имъ защитника, если выборъ его палъ на лицо, не принадлежащее къ числу не имѣющихъ по закону права быть защитниками или причисляемое къ стороннимъ личностямъ, но имѣющимъ юридическое образованіе и не лишеннымъ судомъ права вести уголовныя защиты. Коллегія, взвѣсивъ всѣ имѣющіяся у нея данныя объ образованіи, опытѣ и репутаціи лица и

выслушавъ заключеніе прокурорскаго надзора, должна постановить или о допущеніи даннаго лица къ защитѣ, или объ отказѣ въ ходатайствѣ обвиняемаго. Въ послѣднемъ случаѣ судъ *обязанъ* назначить (черезъ предсѣдателя) защитника отъ короны, увѣдомивъ о томъ обвиняемаго, который можетъ *избрать* другого до открытія судебного по дѣлу засѣданія изъ числа лицъ, допускаемыхъ вообще къ защитѣ. Такой порядокъ будетъ имѣть и ту хорошую сторону, что разныя темныя личности, неожиданно выплывающія на судѣ въ роли защитниковъ, потерпѣвъ фіаско отъ суда, скоро исчезнутъ съ арены не подобающей имъ судебной дѣятельности, на которой будутъ подвизаться лишь лица болѣе добропорядочныя, дающія суду и обвиняемому хотя бы нѣкоторыя гарантіи сноснаго и добросовѣстнаго исполненія принимаемыхъ на себя обязанностей.

Законодательства, признающія *необходимую* защиту въ нѣкоторыхъ дѣлахъ (Французское, Германское и Австрійское), логично проводятъ положеніе, что разъ защита по данному дѣлу требуется закономъ или призвана необходимою судомъ (Германская система, дополняющая систему Франко-Австрійскую), то она должна быть и дѣйствовать на судѣ внѣ всякой зависимости отъ воли обвиняемаго, если бы даже послѣдній прямо возражалъ противъ нее или заявилъ, что намѣренъ защищаться исключительно самъ. Такъ, французское законодательство (art. 294) предписываетъ назначеніе защитника въ ассизахъ, при неизбраніи его обвиняемымъ, „à peine de nullité de tout ce qui suivra“. Иначе, и по нашему мнѣнію исполнѣ ошибочно (по отношенію къ *важнѣйшимъ* дѣламъ) смотритъ на дѣло наше законодательство: ст. 566 уст. угол. не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что участіе защиты обусловлено у насъ *желаніемъ* подсудимаго; въ такомъ истолкованіи закона согласны и наши процессуалисты (напримѣръ, профессоръ Фойницкій и г. Арсеньевъ—„Преданіе Суду“, стр. 151). Во всякомъ случаѣ назначеніе защитника не *должно противорѣчить желанію подсудимаго*. Поэтому, если онъ рѣшительно отвергаетъ назначеніе защитника, то послѣдній не можетъ быть навязанъ ему судомъ, а назначенный уже долженъ ступеваться. Точка зрѣнія нашего права—*принципіально невѣрная*: она противорѣчитъ основнымъ началамъ процесса, требующимъ участія защиты, противодѣйствующей обвиненію, и воззрѣнію на защиту, какъ на служеніе общественное. Она не согласима и съ задачей карательной дѣятельности государства, примѣняющаго черезъ посредство процесса, кару, притомъ въ предѣлахъ дѣйствительной вины, къ виновному и обязаннаго освободить невиннаго или не избличеннаго въ преступленіи. Поэтому, наличность защиты не можетъ быть поставлена въ зави-

симость отъ каприза, не вполне нормальнаго настроенія обвиняемаго, отъ непониманія имъ, быть можетъ, грозящей ему опасности. Вѣрно замѣчаетъ г. Арсеньевъ („преданіе суду“, стр. 151—152), что „нежеланіе подсудимаго имѣть защитника можетъ быть вызвано различными причинами“, которыя могутъ „измѣниться во время судебного слѣдствія“, когда подсудимый можетъ понять необходимость защиты и выразить желаніе воспользоваться ея услугами. Но далѣе мы уже расходимся съ г. Арсеньевымъ, который ограничиваетъ обязанности такой навязанной подсудимому защиты однимъ „присутствіемъ на судѣ во все время производства дѣла“, на случай измѣненія первоначальнаго намѣренія подсудимаго не имѣть защитника и выраженнаго имъ желанія воспользоваться предложенной ему поддержкой. Такое мнѣніе обосновано на „фактической невозможности“ навязанія защиты, такъ какъ обвиняемый могъ бы „прерывать защитника, опровергать его слова“ и т. п. (ibidem, стр. 151). Такіе случаи дѣйствительно происходили; напримѣръ, Казеріо (убійца Сади Карно) отказался отъ защиты, прерывалъ своего защитника и опровергалъ его заявленія. Тѣмъ не менѣе, этотъ и подобные ему факты изъ судебной, даже русской практики, вполне доказываютъ какъ разъ противное тому, что утверждаетъ г. Арсеньевъ, именно, что защита можетъ сдѣлать все въ предѣлахъ закона и возможности и вопреки волѣ подсудимаго, не ограничиваясь однимъ сидѣніемъ въ залѣ суда въ ожиданіи измѣненія первоначальной рѣшимости обвиняемаго отказаться отъ услугъ защиты. Процессъ ведется въ опредѣленномъ порядкѣ, за соблюденіемъ котораго слѣдить предсѣдатель; послѣдній обязанъ останавливать всѣхъ (и подсудимаго), допускающихъ неприличіе, шумъ, перерывъ рѣчей сторонъ и т. п. Подсудимый, который воспротивился бы, въ вышеуказанныхъ формахъ, отправленію защитникомъ его обязанностей, можетъ быть удаленъ изъ залы, а рѣчь защитника или допросъ имъ свидѣтелей и экспертовъ могутъ быть произведены въ отсутствіи подсудимаго, какъ это допускается въ подобныхъ случаяхъ и французскимъ и нашимъ правомъ. Опроверженіе же подсудимымъ въ приличныхъ формахъ заявленій его защитника будетъ, конечно, взвѣшено судомъ и присяжными, которые оцѣнятъ, въ связи со всѣми обстоятельствами дѣла, подобныя дѣйствія подсудимаго.

Въ виду сказаннаго, мы полагаемъ, что обвиняемые *должны* имѣть, даже если бы сами не просили о томъ или прямо заявили противное, защитниковъ отъ суда по обвиненію во *всѣхъ важнѣйшихъ преступленіяхъ, подвѣдомственныхъ присяжному или замѣняющему его суду*. Исключеніе можетъ быть допущено, и то лишь по соблаженіямъ цѣлесообразности и недостатка казенныхъ защитниковъ, а не по принципиальнымъ

основаніямъ, только для дѣлъ меньшей важности, разсматриваемыхъ одними коронными судами: здѣсь можно поставить назначеніе защитника въ зависимость отъ желанія обвиняемаго.

Охраняя въ уголовномъ процессѣ обвиняемаго, законодатель не долженъ упускать изъ виду и интересовъ частныхъ обвинителей, если они дѣйствуютъ въ процессѣ совершенно самостоятельно, вытѣсняя прокурорскій надзоръ (такъ называемое главное частное обвиненіе— Hauptprivat Anklage). Одна изъ задачъ конструкціи уголовного процесса состоитъ въ томъ, чтобы не только провести въ немъ начало *равноправности* сторонъ, но и осуществить по возможности эту равноправность. Права и интересы частного обвинителя заслуживаютъ охраны въ той же степени, какъ и интересы обвиняемаго, опытъ же показываетъ, что наши частные обвинители, если они принадлежатъ къ темной и бѣдной массѣ населенія, находятся на судѣ (и во время приготовительныхъ къ суду распоряженій) въ положеніи на столько же затруднительномъ, а часто и беззащитномъ, какъ и многіе обвиняемые. Нашъ судопроизводственный уставъ—и въ этомъ большой его пробѣлъ—весьма мало озаботился объ охраненіи правъ частного обвинителя во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Прямо и непосредственно о правахъ частного обвинителя упоминаютъ лишь ст. 570, 581 (о вызовѣ ихъ въ судъ повѣстками) и 585 уст. угол., въ которой имъ, наравнѣ съ гражданскими истцами, предоставляется явиться въ судъ лично или черезъ повѣренныхъ. Остальныя же статьи главы III, не исключая и основной ст. 547 уст. угол., о частномъ обвинителѣ и о правахъ его прямо не упоминаютъ, и только Правительствующій Сенатъ въ извѣстномъ рѣшеніи Общаго Собранія (1880 г., № 10) установилъ, по аналогіи съ публичнымъ обвиненіемъ, правила для дальнѣйшаго направленія, во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, дѣлъ, производящихся въ порядкѣ частного обвиненія. De facto положеніе большинства частныхъ обвинителей даже хуже положенія бѣдныхъ темныхъ обвиняемыхъ: послѣдніе во *многихъ* случаяхъ могутъ, если своевременно попросятъ о томъ судъ, получить защитника отъ казны, между тѣмъ какъ частные обвинители лишены этого права, почему сплошь и рядомъ выступаютъ въ этой стадіи процесса и затѣмъ на судебномъ слѣдствіи вполне безпомощными, особенно въ томъ случаѣ, когда обвиняемый имѣетъ защитника. Положеніе на судѣ потерпѣвшаго, лишеннаго поддержки прокурорскаго надзора, всегда менѣе авторитетно и удобно; если же онъ вынужденъ бороться противъ обвиняемаго, поддерживаемаго защитникомъ, то попадаетъ въ положеніе совершенно невозможное. Поэтому, мы думаемъ, что частный обвинитель долженъ

получить всё тѣ права, (и при тѣхъ же условіяхъ), которыми будетъ снабженъ обвиняемый относительно удовлетворенія просьбы о назначеніи ему отъ суда повѣреннаго (изъ вышеперечисленныхъ лицъ) для поддержанія на судѣ его интересовъ. Намъ кажется, что такія просьбы не могутъ особенно затруднить судъ: мы предполагаемъ, что число дѣлъ, вѣдомыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, должно быть значительно уменьшено и что прокурорскому надзору по нѣкоторымъ изъ нихъ должно быть предоставлено право, какъ въ Германскомъ судопр. уставѣ (§ 417), принять преслѣдованіе на себя, съ предоставленіемъ въ послѣднемъ случаѣ потерпѣвшему права выступить „иобочнымъ обвинителемъ“ (§ 435 уст. Герм. суд.). По аналогичнымъ основаніямъ, слѣдовало бы пополнить текстъ ст. 559 и 560 уст. угол., обязавъ судъ, по *просьбѣ гражданскаго по дѣлу истца, если онъ представитъ удостовѣреніе о бѣдности*, назначить ему повѣреннаго съ момента приготовительныхъ къ суду распоряженій.

Слѣдовало бы также предоставить суду право назначать, по своему усмотрѣнію, и 2 защитниковъ, если дѣло принадлежитъ къ числу сложныхъ и запутанныхъ, требующихъ продолжительнаго подготовительнаго и судебного изслѣдованія и если судъ имѣетъ въ данное время въ своемъ распоряженіи достаточное количество силъ; само собою разумѣется, что обвиняемый можетъ лишь *просить* о назначеніи двухъ защитниковъ, суду же должно быть предоставлено право отклонить такое ходатайство. Но за подсудимымъ должно быть сохранено право *избранія* не болѣе двухъ лицъ: на сколько намъ извѣстно, подсудимые никогда не избирали у насъ болѣе 2 лицъ, при разрѣшеніи же избранія большаго числа защитниковъ возможны и злоупотребленія, какъ доказано опытомъ Италіи (см. А. Э. Кони— „Юридическіе поминки и о новыхъ теченіяхъ въ уголовномъ процессѣ Италіи и Германіи—стр. 17): большее число защитниковъ можетъ повести къ фразерству, къ запутыванію дѣла излишними подробностями и къ медленности производства.

Что касается, наконецъ, до послѣдствій болѣзни защитника или отказа его отъ защиты обвиняемаго, когда по краткости времени, оставшагося до срока засѣданія, вновь назначенному лицу невозможно изготавиться къ защитѣ, то ст. 591 уст. угол., затрагивающая эти вопросы, требуетъ дополненій и редакціонныхъ измѣненій. Кассационная практика разъяснила, что *нельзя* защитника, назначеннаго отъ суда, всегда *обязываетъ* судъ не только назначить новаго защитника, но и *отсрочить* судебное засѣданіе, если вновь назначенный не можетъ по краткости времени, оставшагося до судебного слѣдствія, приготовиться къ защитѣ. Если же судъ ощущаетъ недостатокъ въ защитникахъ, то

подсудимому долженъ быть предоставленъ опредѣленный срокъ на избраніе (1872 годъ, № 1229). Но если защитникъ избранъ самимъ обвиняемымъ, то *нельзя* его не можетъ *обязывать* судъ къ отсрочкѣ судебного засѣданія; она можетъ имѣть мѣсто лишь на случай признанія неявки защитника произошедшею по законнымъ основаніямъ (1872 г., № 1360). Совершенно понятно большее довѣріе, оказываемое кассационною практикою защитникамъ по назначенію; предполагается, что при защитѣ по избранію возможны стачки между подсудимымъ и защитникомъ: послѣдній можетъ просто не явиться въ засѣданіе, пустить слухъ о болѣзни или иныхъ препятствіяхъ къ явкѣ, имѣя въ виду оттянуть время разбирательства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненія Сената, во первыхъ, ссылаются на текстъ ст. 591 уст. угол., въ которой вообще говорится о „защитникѣ“ подсудимаго, а вовсе не объ одномъ лишь „назначенномъ“ отъ суда; во вторыхъ, сенатская практика приводитъ къ беззащитности подсудимыхъ, которымъ угрожаютъ самыя тяжкія обвиненія, нерѣдко и безъ всякой съ ихъ стороны вины. Можетъ не явиться къ засѣданію, или прислать незадолго до его открытія заявленіе о невозможности прибытія присяжный повѣренный и другое лицо, внушающее по самому своему званію особое довѣріе законодателя и обвиняемаго, а между тѣмъ судъ, не имѣя пока свѣдѣній о причинахъ неявки или отказа въ явкѣ, или признавъ эти причины и свѣдѣнія недостаточными уважительными, можетъ постановить о слушаніи дѣла и отвѣтъ у обвиняемаго, совершенно неспособнаго или неподготовленнаго къ самозащитѣ, всякую возможность избрать за недостаткомъ времени другое лицо. Между тѣмъ позднее причины неявки защитника или отказа его отъ явки въ судъ могутъ оказаться законными въ глазахъ самаго суда. Нельзя отрицать и возможности неприбытія по законнымъ основаніямъ и другихъ лицъ, избранныхъ самими подсудимыми, которымъ далеко не всегда выгодно затягивать время подсудимости и отлынивать отъ суда, почему часто совсѣмъ не оправдывается *praesumptio* объ обманѣ суда. Лучше избрать другія средства для противоудѣйствія злоупотребленіямъ или небрежности защитниковъ, влекущимъ за собою отсрочку судебного засѣданія; лишеніе же обвиняемаго всякой защиты есть мѣра непоумѣрно суровая, противорѣчащая основнымъ началамъ уголовного процесса, средство, направленное настолько же противъ самаго зла, т. е. незаконныхъ пріемовъ для отсрочки слушанія дѣла, насколько и противъ основныхъ интересовъ подсудимаго, который можетъ быть и невиновенъ, и неповинный можетъ, изъ страха предъ неподготовленностью къ дѣлу, пуститься на такіе пріемы: наконецъ, правосудіе не можетъ отрѣшиться отъ достиженія своей цѣли найти матеріальную правду въ дѣлѣ потому

*

только, что обвиняемый и его защитники уклонились от своевременной явки къ судебному засѣданію. Съ признаніемъ же, какъ указано выше, потребности въ *необходимой* защитѣ по нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ, само собою разумѣется и уравниеніе въ правахъ защитника по избранію и по назначенію отъ суда. Поэтому, можно лишь согласиться съ тѣмъ рѣшеніемъ этого случая, которое дано Германскимъ уставомъ (§ 145): если не явится къ главному слѣдствію, или удалится несвоевременно, или откажется вести защиту лицо, избранное или назначенное въ защитники въ случаяхъ, когда защита безусловно необходима или признана таковою судомъ (при обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ § 141 Германскаго устава), то предсѣдатель назначаетъ *тотчасъ* другаго защитника, а засѣданіе *можетъ быть прервано* или *отсрочено*, когда того потребуетъ назначенный защитникъ для приготовленія къ защитѣ. Заслуживаетъ, въ *принципѣ*, вниманія и 3 ч. того же § 145, возлагающая на защитника, виновнаго въ отсрочкѣ засѣданія, издержки, причиненныя отсрочкою (сверхъ дисциплинарнаго взысканія).

Намъ представляется справедливымъ и цѣлесообразнымъ замѣнить ст. 591 уст. угол. постановленіемъ, обзывающимъ судъ *назначить* въ вышеуказанныхъ случаяхъ защитника, если только защита представлялась въ дѣлѣ *необходимою*; и если вновь назначенный защитникъ потребуетъ отсрочки засѣданія, то судъ обязанъ удовлетворить его просьбу. По всѣмъ другимъ дѣламъ судъ входитъ въ обсужденіе *законности причинъ неявки или заявленія о невозможности явиться*. Признавъ причины законными, судъ назначаетъ новаго защитника или предоставляетъ обвиняемому озаботиться (съ указаніемъ срока) о присканіи защитника, отсрочивая, по требованію защитника, слушаніе дѣла, или прерывающее, для подготовленія къ защитѣ. Съ признаніемъ же причинъ неявки незаконными, судъ можетъ по такимъ менѣ важнымъ дѣламъ постановить о продолженіи засѣданія или о назначеніи дѣла къ слушанію въ день, первоначально назначенный для открытія. На защитника, по назначенію или избранію, не явившагося безъ законныхъ причинъ, судъ можетъ возложить издержки, причиненныя отсрочкою засѣданія.

§ III. Едва-ли не самое слабое мѣсто въ главѣ III уст. угол. суд. представляютъ ст. 557, 560, 573—578 уст. угол. въ особенности въ истолкованіи нѣкоторыхъ изъ нихъ Кассаціоннымъ Сенатомъ. Неудовлетворительное состояніе законодательства и руководящей практики Сената относительно существеннаго права сторонъ на пополненіе во время приготовительныхъ къ суду распоряженій первоначальнаго списка свидѣтелей и экспертовъ давно уже обратило на себя вниманіе такихъ выдающихся авторитетовъ какъ гг. Арсеньевъ („Преданіе суду“, Отдѣленіе Второе, III),

Спасовичъ (Журналъ гражд. и угол. права, 1883 г. 2), отчасти проф. И. Фойницкаго, Н. А. Неклюдова. Противникомъ воззрѣній указанныхъ правовѣдовъ выступилъ очень рѣшительно К. Д. Анциферовъ (Журн. гражд. и угол. права, 1882, ноябрь). Въ настоящее время вопросъ представляется намъ достаточно разъясненнымъ и мы остановимся лишь на существенныхъ чертахъ его, необходимыхъ, по нашему мнѣнію, для будущаго законодательнаго его разрѣшенія.

Какими бы полными и всесторонними не представлялись суду или обвинительной камерѣ акты дознанія и предварительнаго слѣдствія, обвинительный актъ или жалоба частнаго обвинителя, каждая изъ заинтересованныхъ въ процессѣ сторонъ можетъ найти новыя доказательства въ лицѣ свидѣтелей, не занесенныхъ въ списокъ, прилагаемый къ обвинительному акту или жалобѣ частнаго обвинителя, но допрошенныхъ въ предварительномъ производствѣ, или же ставшихъ извѣстными сторонѣ лишь послѣ преданія суду, въ періодъ приготовительныхъ къ суду распоряженій. Мы говорили уже въ § I о томъ, что этотъ періодъ наиболѣе благоприятствуетъ пополненію доказательственнаго матеріала. Приводъ новыхъ свидѣтелей и экспертовъ прямо на судебное засѣданіе, безъ предварительнаго увѣдомленія суда и *противной стороны*, хотя бы стороны и были обязаны прежде допроса ихъ объяснить суду—о чемъ должны быть спрашиваемы свидѣтели и эксперты, — создалъ бы много усложненій и неожиданностей въ производствѣ дѣла; сторонамъ нерѣдко было бы очень затруднительно, а иногда и невозможно подготовиться къ опроверженію или ослабленію такихъ внезапно появляющихся, а потому трудно провѣряемыхъ показаній и заключеній.

Такимъ образомъ, интересъ *своевременнаго* пополненія процессуальнаго матеріала для подготовленія дѣла къ правильному рѣшенію на судѣ вызываетъ потребность въ открытіи сторонамъ въ этой стадіи процесса возможно большаго простора по дополненію списка свидѣтелей и экспертовъ. Если и возможно допустить, что инквизиціонное начало въ процессѣ *смѣшаннаго* типа требуетъ ограниченія правъ сторонъ, то только во время дознанія, предварительнаго слѣдствія и преданія суду. Приготовительными же къ суду распоряженіями—тотъ періодъ въ процессѣ *смѣшаннаго* типа, въ которомъ стороны впервые вполнѣ организуются и рѣзко другъ другу противопоставляются, т. е. процессъ проникается состязательными началами. Такой характеръ эта стадія носитъ даже во французскомъ процессѣ, хотя онъ „смѣшанный“ скорѣе по названію, нежели по содержанію. Но начало состязательное необходимо предполагаетъ инициативу сторонъ въ собраніи и представленіи доказательствъ, а слѣдовательно и право ихъ на дополненіе списка свидѣтелей и экспер-

товъ. Судъ можетъ лишь оказывать имъ законное содѣйствіе въ истребованіи этихъ живыхъ источниковъ доказательствъ. Начало равноправности сторонъ— „альфа и омега“ хорошо устроеннаго процесса—требуетъ полного уравненія правъ сторонъ по дополненію списка свидѣтелей во время приговорительныхъ къ суду распоряженій. Здѣсь не можетъ быть болѣе рѣчи о какихъ-нибудь преимуществахъ прокурора, частнаго обвинителя или *partie civile* предъ обвиняемымъ и его защитою. Всякое уменьшеніе правъ обвиняемаго явилось бы особенно несправедливымъ и опаснымъ уже по той причинѣ, что подсудимый или совѣтъ лишень въ процессѣ смѣшаннаго типа (франко-русскомъ) защиты на предварительномъ слѣдствіи и во время предавія суду, или же получаетъ ее въ недостаточной, неполной мѣрѣ (въ Австрійскомъ и Германскомъ уставахъ). По этому, неполнота, односторонность, ошибки и упущенія предварительнаго слѣдствія могутъ быть пополнены, исправлены и устранены лишь предоставленіемъ ему и его защитнику, впервые выступающему въ этой стадіи процесса, права и возможности дополнить списокъ свидѣтелей и экспертовъ, приложенный къ обвинительному акту съ возможно меньшими ограниченіями этого права.

Говорятъ—и эта мысль выражена во французскомъ законодательствѣ, а также въ мотивахъ составителей нашихъ судебныхъ уставовъ (изд. Госуд. канц., Уст. угол. суд., стр. 218),—что прокуроръ можетъ вызвать (и внести въ списокъ) и свидѣтелей защиты, а по мнѣнію составителей суд. уставовъ „онъ *обязанъ* требовать къ судебному слѣдствію всѣхъ свидѣтелей, которыхъ показанія могутъ служить къ раскрытію истины, а не тѣхъ исключительно, свидѣтельствомъ которыхъ подкрѣпляется обвиненіе“. На это можно возразить словами г. Арсеньева, который полюбостествовалъ знать—„воспользовался ли кто-нибудь изъ нашихъ обвинителей хотя одинъ разъ правомъ предоставленнымъ ему ст. 573 уст. для того, чтобы вызвать новаго свидѣтеля или эксперта, благопріятнаго для защиты“ („Пред. суду“, стр. 165)? Такой вопросъ г. Арсеньевъ поставилъ въ 1870 году; съ неменьшимъ основаніемъ, думается намъ и съ тѣми же шансами на отрицательный отвѣтъ можно поставить его и въ 1895 году! Было бы несогласимо съ ролью прокурорскаго надзора въ стадіи приговорительныхъ къ суду распоряженій всякое двоеніе прокуратуры между обвиненіемъ и защитою, которое само по себѣ крайне затруднительно, а если бы могло осуществиться, то причинило бы лишь вредъ для правосудія. Прокуратура призвана прежде всего къ серьезной и почетной роли изобличителя преступленій и виновныхъ; даже во время предварительнаго слѣдствія она можетъ удержаться лишь съ большимъ трудомъ на высотѣ „безпристрастнаго блю-

стителя закона“, заботящагося только о всестороннемъ разъясненіи дѣла, хотя обвиненіе въ это время не получаетъ еще опредѣленной формы, а изслѣдуется все, что служитъ pro и contra обвиняемаго, который не имѣетъ еще защитника. Въ стадіи же приговорительныхъ распоряженій — обвиненіе оформлено и опредѣлено, прокуратура рѣзко обрисовалась стороною, выдвинувшею уголовное преслѣдованіе, а обвиняемый сталъ подсудимымъ и получаетъ возможность помощи въ лицѣ заступника; слѣдовательно, „по неотразимой силѣ вещей“, прокуроръ сдѣлался стороною, обвинителемъ, предоставляя самому подсудимому и его защитнику „заботиться о дополненіи дѣла въ смыслѣ защиты“, самъ же онъ старается „только о дополненіи его въ смыслѣ обвиненія“ (Арсеньевъ, *ibidem*, стр. 164—165). Несомнѣннымъ идеализмомъ страдаетъ также убѣжденіе, высказанное составителями судебныхъ уставовъ (изд. госуд. канц., уст. угол. судопр., стр. 219), въ томъ, что прокуроръ, какъ *блюститель закона и общественнаго интереса*, не станетъ требовать свидѣтелей по обстоятельствамъ побочнымъ или не идущимъ къ предмету обвиненія, дабы не запутать дѣла и не обременить никого вызовомъ въ судъ безъ дѣйствительной въ томъ нужды“.

Это разсужденіе упускаетъ изъ виду, что прокуроръ, хотя блюститель закона и публичныхъ интересовъ, прежде всего обвинитель, особенно съ періода приговорительныхъ распоряженій; а въ качествѣ стороны—обвинителя онъ, будучи человекомъ, является нѣсколько одностороннимъ, способнымъ къ увлеченіямъ и предвзятымъ мнѣніямъ, почему не сдерживаемый ни закономъ, который даетъ ему полный просторъ дѣйствовать по усмотрѣнію, ни равномернымъ противоудѣльствомъ противной стороны, прокуроръ можетъ поступить при вызовѣ свидѣтелей не совсѣмъ согласно съ благими пожеланіями законодателя. Опытъ указалъ на то, что чины прокурорскаго надзора, хотя и стоявшіе на высотѣ своего призванія, вызывали по ст. 573 уст. угол. свидѣтелей безъ достаточной осмотрительности, иногда по случайнымъ, дошедшимъ до нихъ слухамъ, отнимали отъ дѣлъ и требовали издалека людей, которые оказывались на судебномъ слѣдствіи ничего по дѣлу не знающими или говорившими сущіе пустяки; намъ извѣстны даже случаи, что свидѣтели, на которыхъ прокуратура возлагала большія надежды, случайно давали показанія, драгоцѣнныя... для защиты. Такимъ образомъ, уголовный процессъ требуетъ во время приговорительныхъ къ суду распоряженій: 1) широкаго, основаннаго на началахъ полнѣйшаго равенства между сторонами, права ихъ на исполненіе списка свидѣтелей и экспертовъ; или же 2) если такое право должно быть, по соображе-

ніямъ практическаго свойства, ограничено извѣстными предѣлами и условіями, то эти ограниченія должны поражать въ одинаковой мѣрѣ обѣ стороны, и ни прокуратура (частный обвинитель и гражд. истецъ), ни обвиняемый и его защитникъ не должны имѣть никакихъ преимуществъ.

Въ какомъ же смыслѣ разрѣшаютъ эти вопросы законодательства? Практику, выработанную обычнымъ правомъ и наиболее приближающуюся къ рѣшенію вопроса въ первомъ смыслѣ, представляетъ намъ Англія. Здѣсь—самый широкій просторъ въ выборѣ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, въ пополненіи первоначальныхъ заявленій сторонъ, какъ при предварительномъ разбирательствѣ у мировыхъ и полицейскихъ судей, такъ и передъ разбирательствомъ дѣла на судѣ малыхъ присяжныхъ и во время этого послѣдняго. Судъ, играя пассивную роль при собираніи доказательствъ, только помогаетъ сторонамъ въ представленіи нужныхъ, по ихъ мнѣнію, свидѣтелей и всякихъ иныхъ источниковъ доказательствъ; стороны дѣйствуютъ на началахъ полнаго равенства, и всякая привиллегія обвинителя, хотя бы въ лицѣ генералъ-атторнея или солиситора, разсматривалась бы тамъ, какъ вопіющее нарушеніе основныхъ началъ уголовного процесса. Миттермайеръ („Законодательство и юридическая практика, переводъ Бартевева, стр. 343—344, примѣч. 11) свидѣтельствуется, что въ Англіи „жалуются часто на вызовъ лишнихъ свидѣтелей, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздаются жалобы и на „унушеніе иногда адвокатами вызова необходимыхъ свидѣтелей изъ боязни заплатить издержки; а обвиняемый иногда „по бѣдности не можетъ вызвать на свой счетъ свидѣтелей“ (ibidem, примѣчаніе 12). Но тотъ же авторъ рѣшительно признаетъ весьма неудобнымъ предоставленіе суду опредѣлять—какіе свидѣтели должны быть вызваны, такъ какъ черезъ это дается „большое значеніе предварительному слѣдствію, ибо судъ не можетъ знать заранѣе (т. е. до судебного слѣдствія), какіе свидѣтели или эксперты нужны“ (ibidem, примѣчаніе 11). Всѣ знатоки англійскаго процесса (Миттермайеръ, Гнейстъ, Бинеръ, Глазеръ) единодушно свидѣтельствуютъ, что одинъ изъ коренныхъ недостатковъ его лежитъ въ отсутствіи *обязательной* защиты вообще и системы *назначенія* ея обвиняемому въ частности, почему бѣдные подсудимые нерѣдко лишены *de facto* всякой защиты, хотя *de jure* она допускается въ широкихъ размѣрахъ. Впрочемъ, инстинктъ общественности и сознаніе потребностей правосудія приходятъ нерѣдко на помощь бѣднякамъ въ видѣ найма ими защитниковъ на средства общества, корпорацій и даже частныхъ лицъ, особенно въ томъ случаѣ, когда общественное мнѣніе, взбудораженное печатью, заинтересуется ихъ судьбою. Второй недостатокъ этого процесса

въ томъ, что обвиняемый, лишенный дароваго короннаго защитника, равнымъ образомъ лишенъ и еще болѣе существеннаго права — требовать вызова свидѣтелей и представленія доказательствъ *за счетъ казны*, что можетъ быть объяснено твердо укоренившимся тамъ традиціоннымъ воззрѣніемъ на частный характеръ уголовного обвиненія, а слѣдовательно и защиты, сильно соперничающій въ англійскомъ процессѣ съ публичнымъ его характеромъ. Такимъ образомъ, безграничное почти въ идеѣ право обвиняемаго на вызовъ свидѣтелей и экспертовъ существенно ограничено обязанностью платить имъ изъ своего кармана, парализующею для бѣднака пользованіе этимъ правомъ, если опять таки, какъ встрѣчается нерѣдко, ему не прійдутъ и въ этомъ случаѣ на помощь вышеуказанныя лица и учрежденія. Французскій процессъ, противорѣчащій по этому пункту, къ счастью для обвиняемыхъ, основамъ своего строя и инквизиціонному характеру производства, нѣсколько *исправляетъ* въ принципѣ этотъ недостатокъ англійской системы: онъ допускаетъ (art. 321, сравни съ art. 315 и 324) выслушиваніе на судѣ свидѣтелей, записанныхъ въ списокъ, представленный обвиняемымъ въ судебное засѣданіе, или, вообще, съ извѣщеніемъ о предстоящемъ ихъ допросѣ прокурора и гражданскаго истца не позднѣе какъ за 24 часа до допроса (такой же срокъ для заявленія обвиняемому о новомъ свидѣтелѣ полагается и для прокуратуры и гражданскаго истца). Допросъ такихъ свидѣтелей обвиняемаго (къ свидѣтелямъ французское право приравниваетъ и экспертовъ) можетъ касаться какъ всѣхъ фактовъ, упомянутыхъ въ обвинительномъ актѣ, такъ и доказательствъ того, что онъ, обвиняемый, честный человекъ и безупречнаго поведенія. И хотя издержки по вызову и содержанію такихъ свидѣтелей выпадаютъ на счетъ обвиняемаго, но эта англійская система вызова нѣсколько исправлена въ пользу обвиняемаго постановленіемъ, разрѣшающимъ прокурору вызвать на счетъ казны тѣхъ изъ свидѣтелей, указанныхъ защитой, показанія которыхъ онъ сочтетъ полезными для открытія истины (art. 321). Т. е. проведена мысль, принятая составителями нашихъ судебныхъ уставовъ (см. выше, мотивы къ ст. 573), но на практикѣ совсѣмъ у насъ не осуществившаяся, хотя во Франціи, по свидѣтельству Требюсьена, „обычай“ допустилъ вызовъ прокуроромъ и свидѣтелей въ пользу обвиняемаго. Еще большая гарантія для обвиняемаго, объясняемая исключительно инквизиціоннымъ строемъ французскаго процесса, не мыслимая въ состязательномъ англійскомъ процессѣ, должна была заключаться въ томъ, что (законъ 22 января 1851 г.) президенту, допросившему обвиняемаго предъ открытіемъ судебного по дѣлу засѣданія, предоставляется право распорядиться о вызовѣ на счетъ казны тѣхъ

свидѣтелей, на которыхъ указываетъ *недостаточный* обвиняемый, если показанія ихъ, по его мнѣнью, полезны для узнанія истины. Къ сожалѣнью, инквизиціонный строй французскаго процесса, столь неблагопріятный для обвиняемаго, роли обвинителя и слѣдователя, которую разыгрываетъ французскій президентъ, даютъ, какъ доказала французская практика, обвиняемому мало выгодъ отъ предоставленія президенту такого права. А статьи 268 и 269 французскаго устава, даруя предсѣдателю дискреціонную власть, не подчиняющуюся никакому контролю, кромѣ „чести и совѣсти“ президента, приводятъ къ тому, что предсѣдающій въ ассизахъ во время самаго судебного слѣдствія часто вызываетъ для дачи „Renseignements“ свидѣтелей почти исключительно во вредъ обвиняемому. Такимъ образомъ, „поправки“ англійской системы, долженствовавшія во французскомъ процессѣ сослужить службу въ пользу обвиняемаго, свелись скорѣе ко вреду для него: Англійская система все же лучше французской. Изъ новѣйшихъ процессуальныхъ кодексовъ Австрійскій уставъ 1873 г. дѣлаетъ крупный шагъ впередъ сравнительно съ англійскимъ процессомъ въ томъ отношеніи, что разрѣшаетъ (§ 222 и дополненіе къ нему въ § 225) *сторонамъ* вызовъ *новыхъ* свидѣтелей и *свѣдущихъ* людей *на счетъ казны*, что явствуетъ изъ умолчанія закона объ обязанности вызывающихъ (обвинитель, гражданскій истецъ и обвиняемый) внести издержки вызова такихъ лицъ. Но это хорошее нововведеніе австрійскаго устава значительно парализуется двумя условіями: 1) требуется *разрѣшеніе* предсѣдателя суда, чего нѣтъ ни въ Англии, ни во Франціи; во избѣжаніе злоупотребленій. въ случаѣ отказа въ вызовѣ. разрѣшеніе ходатайства сторонъ переносится „ex officio“ (въ ревизионномъ порядкѣ) въ совѣщательную камеру (Rathskammer), которая рѣшаетъ вопросъ окончательно; 2) стороны должны указать „факты и пункты“, о которыхъ приглашаемое лицо должно быть спрошено. Въ англійскомъ процессѣ нѣтъ ничего подобнаго, во французскомъ же формула, обнимающая обстоятельства, подлежащія разъясненію чрезъ посредство вновь вызываемыхъ свидѣтелей, на столько широка, а обвинительные акты во Франціи такъ подробны, вмѣщаютъ въ себѣ столько побочныхъ эпизодовъ и характеристикъ, что всякій новый свидѣтель, требуемый обвиняемому, всегда подойдетъ подъ формулу art. 321 устава и объ отказѣ въ вызовѣ (на счетъ обвиняемаго) не можетъ быть и рѣчи. Итакъ, австрійскій уставъ исправляетъ англо-французскую систему въ одномъ пунктѣ (разрѣшая вызовъ на счетъ казны), но существенно ухудшаетъ ее въ двухъ другихъ. Законодатель сознавалъ эту слабую сторону своего творенія, почему и постановилъ (2 ч., § 225 уст.), что несмотря на

отказъ совѣщательной камеры, ходатайство сторонъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и экспертовъ можетъ быть возобновлено на судебномъ засѣданіи (Hauptverhandlung). „Дискреціонная власть“ предсѣдателя допущена въ § 254 устава, который предоставляетъ президенту, помимо требованія обвинителя или обвиняемаго, приглашать „въ теченіе производствѣ“ и даже приводить въ судъ къ допросу свидѣтелей и экспертовъ, отъ которыхъ можно ожидать, по ходу состязанія, „разъясненій о важныхъ обстоятельствахъ“.

Наконецъ, уставъ Германскій 1877 года (см. §§ 218, 219 и 221) примыкаетъ къ австрійской системѣ въ томъ отношеніи, что обвиняемому предоставляется, во время „приготовленія главнаго слѣдствія“, требовать вызова новыхъ свидѣтелей или экспертовъ, или доставки другихъ доказательствъ *на счетъ казны*; это требованіе тоже обращается къ предсѣдательствующему и также должно заключать въ себѣ „объясненіе фактовъ“, которые обвиняемый желаетъ доказать. Къ англійской же системѣ Германскій уставъ примыкаетъ въ томъ смыслѣ, что *на свой счетъ* подсудимый вправѣ вызвать нужныхъ ему лицъ *непосредственно*, т. е. безъ всякаго предварительнаго заявленія своего ходатайства предъ предсѣдателемъ (§ 219, ч. I и II); тоже онъ можетъ сдѣлать и при *отклоненіи* его требованія предсѣдательствующимъ. Хорошею поправкою къ этой системѣ служитъ постановленіе (ч. III § 219), гласящее, что судъ вправѣ принять на счетъ казны вознагражденіе лица, непосредственно вызваннаго обвиняемымъ, если на судебномъ (главномъ) слѣдствіи окажется, что допросъ вызваннаго „былъ полезенъ для разъясненія дѣла“. Это постановленіе заслуживаетъ полнаго вниманія и одобренія: 1) подсудимый, зная, что издержки вызова могутъ быть приняты на счетъ казны, не будетъ злоупотреблять вызовомъ ненужныхъ или малополезныхъ лицъ; 2) оно не лишаетъ даже малосостоятельнаго шансовъ на возможность вызова дѣйствительно полезныхъ, хотя и немногихъ свидѣтелей или экспертовъ, такъ какъ послѣдніе, переговоривъ съ подсудимымъ и его защитникомъ, могутъ, если сознаютъ себя полезными свидѣтелями и экспертами, рѣшиться явиться въ судъ и безъ предварительнаго обезпеченія себя путевыми издержками и вознагражденіемъ за потерю времени со стороны подсудимаго, обязаннаго внести эти издержки въ наличности или депозитомъ въ секретаріатъ суда при самомъ вызовѣ (ч. 2 § 219). Какъ и въ австрійскомъ уставѣ, гдѣ срокъ установленъ въ 3 дня, такъ и въ Германскомъ обвиняемый обязанъ, „заблаговременно“ (срокъ въ точности не опредѣляется) сообщать прокуратурѣ имена вызываемыхъ имъ „непосредственно“ или „имѣющихъ быть представленными въ судъ“ свидѣтелей и экспертовъ, съ обозначеніемъ

пиемъ притомъ (по германскому уставу) ихъ мѣста жительства или пребыванія; ту же обязанность имѣеть и прокуратура относительно подсудимаго. если она вызываетъ еще другихъ лицъ, кромѣ перечисленныхъ въ обвинительномъ актѣ или вызванныхъ по требованію подсудимаго (§ 221 Герм. устава), будетъ ли этотъ вызовъ сдѣланъ по собственному рѣшенію прокуратуры, или по распоряженію предсѣдателя, которому (§ 220) предоставлено, какъ и во многихъ судопроизводственныхъ уставахъ смѣшаннаго типа, право, *ex officio*, вызвать новыхъ свидѣтелей и экспертовъ и распорядиться о доставкѣ другихъ доказательствъ. Замѣтимъ еще, что всякое сомнѣніе, возникающее на судѣ, относительно допустимости или недопустимости вопросовъ, предлагаемыхъ свидѣтелю, рѣшаетъ судъ *in corpore* (а не предсѣдатель — какъ во Франціи и въ нашемъ процессѣ; см. § 241 Герм. устава). Вѣрно характеризуетъ г. Спасовичъ перечисленныя статьи Германскаго судопр. устава (см. вышеуказанную статью его, стр. 123), говоря, что уставъ не стѣсняется тѣмъ, чтобы не затруднить присяжныхъ выслушиваніемъ ненужныхъ свидѣтелей или тѣмъ, чтобы присяжнымъ не насказано было что-нибудь лишнее. „На первомъ планѣ“, говоритъ г. Спасовичъ, „стоитъ одна только главная забота о всестороннѣйшемъ раскрытіи истины“; вполне признано безусловное право защиты самой судить о томъ — „кто ей нуженъ для оправданія или смягченія участи подсудимаго“.

§ IV. Не будетъ рисковано признать, что дѣйствующее русское законодательство, разсматриваемое въ цѣломъ, рѣшаетъ интересующіе насъ вопросы скорѣе *неудовлетворительно*. Выдающаяся особенность, хорошо отличающая его отъ иноземныхъ, заключается безспорно въ томъ, что оно въ принципѣ принимаетъ вызовъ свидѣтелей и экспертовъ *на счетъ казны*; вызовъ ихъ на счетъ „участующихъ въ дѣлѣ лицъ“ (за исключеніемъ, конечно, прокурора) является лишь дополненіемъ первой основной системы, къ которому стороны вынуждены прибѣгать только на случай отказа въ ходатайствѣ о пополненіи списка за счетъ казны. Такимъ образомъ, система дѣйствующаго законодательства съ этой стороны вполне гарантируетъ интересы бѣднѣйшаго, наиболѣе многочисленнаго класса обвиняемыхъ, заслуживаетъ полнаго одобренія и сохраненія въ реформированномъ процессѣ. Къ сожалѣнію, благотѣльная сторона системы парализуется другими постановленіями, устанавливающими вполне сознательно, даже „съ предумышленіемъ“ принципиальную неправомерность сторонъ (въ ст. 573 уст. угол. выражается полное торжество розыскаго начала); а разъясненія Кассационнаго Сената внесли еще болѣе неравенства въ права сторонъ и поставили интересы „участующихъ въ дѣлѣ лицъ“ (кромѣ прокурора) и особенно права

обвиняемаго въ крайне опасное положеніе, которое на практикѣ стало во многихъ случаяхъ невыносимымъ для темной и бѣдной массы обвиняемыхъ. Создавъ опасность для этихъ послѣднихъ, сенатская практика косвенно содѣйствовала, по нашему мнѣнію, и возрастанію числа оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, такъ какъ стѣсненіе обвиняемаго въ правѣ на дополненіе списка лицъ, вызываемыхъ къ судебному слѣдствію, выяснившись на судовомъ разбирательствѣ, поселяетъ въ присяжныхъ сомнѣнія и колебанія, которыя и приводятъ иногда къ оправдательному вердикту, особенно въ томъ случаѣ, когда обвиняемый имѣетъ сколько-нибудь опытнаго защитника.

Дѣйствительно, по ст. 573 уст. угол. прокурору „не можетъ быть отказано въ вызовѣ свидѣтелей“, притомъ не только тѣхъ, которые указаны въ обвинительномъ актѣ, но всякихъ другихъ, о которыхъ онъ заявилъ „въ особомъ требованіи“, обращаемомъ къ предсѣдателю суда; срокъ для предъявленія такихъ требованій ограниченъ лишь моментомъ „приготовительныхъ къ суду распоряженій“, а не тѣмъ краткимъ, семидневнымъ, который предоставляется для той же цѣли въ распоряженіе подсудимому (557 ст. уст. угол.), гражданскому истцу (560 ст. уст. угол.) и даже частному обвинителю (разъясненіе Сената къ ст. 547 уст. угол.—1875 г., № 25). Сенатская же практика не только *укрѣпила* эти положенія, но и дала имъ истолкованіе, переходящее, по нашему мнѣнію, за предѣлы дѣйствительныхъ намѣреній закона. Такъ, прокурорское требованіе о вызовѣ свидѣтелей, не допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, подлежитъ *безусловному удовлетворенію*, хотя бы вызывающій не доказалъ и даже не указалъ на важность обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію (1869 г., № 852, 1876 г., № 175). Отсюда на практикѣ твердо установился порядокъ совершенно немотивированнаго вызова прокуратурою, и обвиняемый поставленъ въ положеніе *полной неизвѣстности* о томъ, для разъясненія какихъ именно обстоятельствъ вызывается свидѣтель, о которомъ обвиняемый слышалъ иногда лишь по фамиліи. Противъ такого права обвинителя можно и не возражать, когда эта стадія процесса проникнута началомъ состязательности и равноправности сторонъ, но оно вызываетъ серьезныя возраженія, если обвиняемый и защита не пользуются такими же правами. Сенатъ распространяетъ это право прокурора и на вызовъ экспертовъ (1872 г., № 974). А что прокуратура не всегда пользовалась своимъ драгоценнымъ правомъ съ должною осмотрительностью, видно изъ того, что Министерство Юстиціи признало нужнымъ циркулярно предписать (11 декабря 1876 г.) лицамъ прокурорскаго надзора пользоваться этимъ правомъ „съ крайнею осторож-

ностью": имъ рекомендуется вносить въ списки свидѣтелей лишь лицъ, показанія которыхъ имѣютъ болѣе или менѣе „существенное значеніе“ для рѣшенія дѣла. Кассационная практика за все время своего существованія выработала лишь одно *ограничительное* условіе пользованія прокуратурою ея широкимъ правомъ: при столкновеніи въ одномъ лицѣ обязанностей эксперта и свидѣтеля прокурорскому надзору можетъ быть отказано судомъ въ вызовѣ и допросѣ на судѣ въ качествѣ свидѣтеля лица, которое давало свои заключенія въ качествѣ эксперта на предварительномъ слѣдствіи (1877 г. № 78), такъ какъ право обвинительной власти вызывать „безъ всякихъ основательныхъ причинъ“ такихъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей было бы равносильно „предоставленію ей права лишать, по ея усмотрѣнію, подсудимаго помощи со стороны извѣстныхъ свѣдущихъ людей“. Но и въ этомъ случаѣ Сенатъ дѣлаетъ уступку интересамъ обвиненія: если прокуратура представила *основанія* для вызова вышеупомянутыхъ лицъ въ качествѣ *свидѣтелей*, то эти основанія „могутъ быть приняты судомъ въ уваженіе“. Равноправность между прокуратурою и обвиняемымъ сохраняется въ уставахъ только относительно обязанности обѣихъ сторонъ заявить противнику о новомъ свидѣтелѣ „по крайней мѣрѣ за день до его допроса“ (ст. 577 уст. угол.), причемъ сенатъ правильно разъяснилъ, что центръ тяжести этого постановленія лежитъ въ понятіи о днѣ *допроса*, а не о днѣ открытія *засѣданія* (1869 г. № 298), къ которому „вызывается“ или „представляется“ свидѣтель. Замѣтимъ, что и здѣсь прокурорскій надзоръ все же имѣетъ привилегированное предъ обвиняемымъ положеніе: первый не обязанъ *мотивировать* вызова свидѣтеля, о допросѣ котораго извѣщена противная сторона, тогда какъ обвиняемый во всякомъ случаѣ обязанъ указать основанія для допроса и важность обстоятельствъ, могущихъ быть разъясненными свидѣтелями. Условія ст. 577 уст. угол. теряютъ свою силу для обѣихъ сторонъ лишь при наличности „согласія“ ихъ на допросъ свидѣтелей, вызванныхъ или представленныхъ противникомъ съ нарушеніемъ требованій, указанныхъ въ этой статьѣ. Гораздо менѣе благоприятно положеніе обвиняемаго. Дополненіе имъ списка свидѣтелей и экспертовъ (ст. 557 и 578 уст. угол.) поставлено въ безусловную зависимость отъ *срока* (7 дней). Сопоставленіе стат. 557, 574 и 577 уст. угол. не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что *пропускъ* 7 дневнаго срока подсудимымъ (и другими участвующими въ дѣлѣ лицами, за исключеніемъ прокурора) *лишаетъ* ихъ права вызова, за исключеніемъ случаевъ „вновь открывшихся обстоятельствъ“: (ст. 577 уст. угол.), а также права требовать вызова новыхъ свидѣтелей и экспертовъ *на свой счетъ* (576 уст. угол.). Но въ теченіе этого срока всякій свидѣтель, до-

прошанный на предварительномъ слѣдствіи, *долженъ быть вызванъ*, при томъ распоряженіемъ одного предсѣдателя. Законъ знаетъ одно ограниченіе этого вызова — „случаями, въ самомъ законѣ опредѣленными“ (574 уст. угол.). Очевидно, что сюда должны подойти лишь тѣ случаи, которые предусмотрены въ ст. 388 и 642 уст. угол., что признается и Правительствующимъ Сенатомъ (1867, № 246; 1868 г. № 141). Между тѣмъ, свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи по указанію сторонъ, очень часто сводятъ свои показанія къ простому „ничего не знаю“, или къ изложенію обстоятельствъ, очевидно не имѣющихъ никакого, даже самаго отдаленнаго отношенія къ дѣлу. Бывали (особенно въ Западномъ и Юго-Западномъ краѣ) и прямыя злоупотребленія ст. 574 уст.: желающіе проѣхать по своимъ дѣламъ, но на счетъ казны, въ городъ, гдѣ производится судъ по дѣлу, сговаривались съ обвиняемымъ, который и просилъ слѣдователя о допросѣ ихъ въ качествѣ свидѣтелей. И хотя показанія ихъ отличались вышеупомянутымъ характеромъ, тѣмъ не менѣе предсѣдатель долженъ былъ, согласно ст. 574 уст., вызывать ихъ на счетъ казны по требованію „участвующихъ въ дѣлѣ“. На судѣ же, заявивъ торжественно, что они „ничего по дѣлу не знаютъ“, эти мнимые свидѣтели требовали „проѣздныхъ денегъ и на продовольствіе“. Очевидно, что ст. 574 стоитъ и въ явномъ противорѣчій со ст. 575 уст. угол. Итакъ, первое ограниченіе права обвиняемаго и другихъ, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ (за исключеніемъ прокурора), лежитъ въ срокѣ. Второе, болѣе существенное, состоитъ въ ограниченіи права вызова *новыхъ свидѣтелей* (и экспертовъ), не *допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, обязанностью мотивировки* ходатайства о вызовѣ, которое и провѣряется судебною коллегіею.

Послѣдняя должна оцѣнить „основательность“ причинъ къ вызову и „важность“ обстоятельствъ, которыя должны быть разяснены. По рѣшеніямъ Сената, судъ долженъ войти въ разсмотрѣніе „основательности“ причинъ, по которымъ подсудимый „не указалъ прежде на этихъ свидѣтелей“ и „важности обстоятельствъ“. Только отрицательное рѣшеніе судомъ этого вопроса даетъ право отказать въ ходатайствѣ. Изъ смысла Сенатскихъ разясненій (1873 г. № 292 и 1890 г. № 17) явствуетъ, что судъ можетъ отказать въ вызовѣ и при „важности обстоятельствъ“, если признаетъ неосновательными или недостаточными тѣ причины, которыя обвиняемый приводитъ въ оправданіе неуказанія имъ прежде на требуемыхъ свидѣтелей. Впрочемъ, практика судовъ, насколько намъ извѣстно, сосредоточиваетъ все свое вниманіе на рѣшеніи вопроса о „важности обстоятельствъ“, что вполнѣ цѣлесообразно и справедливо, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ обвиняемый совершенно лишенъ

возможности доказать наличность причинъ, препятствовавшихъ ему „равне указать на свидѣтелей“. Удовлетвореніе или отказъ въ ходатайствѣ должны быть оформлены въ мотивированныхъ опредѣленіяхъ суда (1873 г. № 601, 1890 г. № 17), но Сенатъ не входитъ въ повѣрку соображеній суда объ основательности причинъ и важности обстоятельствъ, на которыхъ опирается ходатайство подсудимыхъ о вызовѣ (1871 г. № 1853 и 1875 г. № 28). In favorem defensionis Сенатъ создалъ правило, котораго твердо придерживается—судъ не имѣетъ права *ограничивать* числа свидѣтелей и дѣлать выборъ между свидѣтелями, указываемыми въ подтвержденіе обстоятельствъ, признанныхъ судомъ за существенныя (1871 г. № 8, 1881 г. № 27). Устраненіе нѣкоторыхъ изъ такихъ свидѣтелей—существенное нарушеніе даже при непредставленіи подсудимымъ при открытіи засѣданія возраженій противъ разсмотрѣнія дѣла въ отсутствіи этихъ свидѣтелей. Наконецъ, опредѣленіе суда объ отказѣ въ вызовѣ должно быть „объявлено“ и неисполненіе судомъ этой обязанности есть поводъ къ отміѣнѣ приговора (1874 г. № 21).

Стѣсняя подсудимаго и другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ срокомъ и мотивировкою вызова, законъ предоставилъ имъ, однако, важное право, смягчающее строгость статей 557 и 575 устава: получивъ отказъ въ вызовѣ на счетъ казны, „участвующее въ дѣлѣ лицо“ можетъ просить судъ о вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей *на свой счетъ*; удовлетвореніе этого ходатайства *безусловно* обязательно для суда. Это явствуетъ съ несомнѣнною очевидностью изъ текста ст. 576 уст. угол. („*дѣлается* немедленное *распоряженіе о вызовѣ* сихъ свидѣтелей на счетъ просителя“) и удовлетвореніе ходатайства поставлено лишь въ зависимость отъ срока (7 дней), считаемаго со дня „объявленія объ отказѣ въ вызовѣ“ на счетъ казны; съ пропускомъ этого срока можно просить о вызовѣ лишь по „*вновь открывшимся обстоятельствамъ*“—ст. 577 уст. угол.

Судъ, обязанный удовлетворить такое ходатайство, не связанъ, однако, въ избраніи *способа* его удовлетворенія: онъ можетъ вызвать свидѣтелей и экспертовъ *повѣсткою* отъ суда, хотя и за счетъ просителя, или же *предоставить просителю „пригласить ихъ въ судъ отъ себя, по добровольному съ ними соглашенію“*, т. е. привести ихъ съ собою въ судъ. Пользованіе правомъ, указаннымъ въ ст. 576 уст. угол., не стоитъ ни въ какой зависимости отъ наличности условій, предписываемыхъ въ ст. 575 уст., т. е. отъ признанія судомъ „основательности причинъ“; ст. 576 уст.—вполнѣ естественное и разумное со стороны законодателя дополненіе къ ст. 575, стѣсняющей участвующихъ въ дѣлѣ лицъ въ вызовѣ свидѣтелей. Мысль закона ясна: вызовъ на счетъ казны принципиально разрѣшается, но, какъ обременительный для государства,

обставленъ требованіемъ—доказать серьезную для дѣла необходимость вызова, которая и оцѣнивается „важностію обстоятельствъ“, т. е. „существенностію“ свидѣтельскаго показанія для открытія истины. Поэтому, судъ, не признавъ обстоятельствъ „существенными“, не вправе, по мысли законодателя, обременять казну вызовомъ такихъ свидѣтелей „несущественныхъ“, или показанія которыхъ, по мнѣнію суда, не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу. Но такое право суда отнюдь не равносильно лишенію участвующаго въ дѣлѣ возможности, безъ риска для казны, принимать за свой счетъ всѣ мѣры къ пополненію доказательствъ необходимыхъ ему для защиты его интересовъ на судѣ. Еслибы законодатель желалъ ограничить право вызова за *свой счетъ* требованіемъ, чтобы судъ призналъ обстоятельства, подлежащіа разъясненію черезъ свидѣтелей, хотя и не существенными, но все же имѣющими хотя нѣкоторое отношеніе къ дѣлу, то подобное серьезное ограниченіе правъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ несомнѣнно было бы выражено въ законѣ. Но законодатель, признающій двѣ системы—вызова на счетъ казны, обставленнаго тяжелыми условіями для вызывающаго, и дополненія къ нему—въ видѣ вызова за счетъ участвующаго въ дѣлѣ,— *умалчиваетъ* о вышеназванномъ ограниченіи, неблагоприятномъ для интересовъ участвующихъ въ процессѣ; отсюда можно сдѣлать лишь тотъ выводъ, что онъ намѣренно *допускалъ* неограниченное примѣненіе второй системы вызова. Ст. 576 уст., въ изложенномъ нами истолкованіи ея, есть, въ сущности, нѣкоторый противонѣсъ ст. 573 уст., которая устраняетъ равноправность сторонъ по вызову свидѣтелей и создаетъ *привилегію* прокурорскому надзору, почему она и введена въ процессуальное законодательство для избѣжанія всякихъ сомнѣній по вопросу о правахъ прокуратуры по дополненію списка свидѣтелей. Если бы законодатель желалъ еще болѣе урѣзать права другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, то онъ не приминулъ бы сдѣлать въ ст. 576 устава соответствующія оговорки. Мотивы къ ст. 573 пытаются, какъ мы знаемъ, доказать, что прокурорскій надзоръ, какъ блюститель закона и общественныхъ интересовъ, не будетъ злоупотреблять своимъ правомъ вызова. Что же касается до подсудимаго, то составители судебныхъ уставовъ (Изд. Госуд. Канц. ч. 2, стр. 219) полагали, что „даже невинный, въ естественномъ стремленіи оправдаться всѣми зависящими отъ него способами, не ставитъ различать существенныхъ обстоятельствъ дѣла отъ несущественныхъ, но пожелаетъ поддержать свидѣтельскими показаніями какъ тѣ, такъ и другія“; подсудимые же, желающіе скрыть свою вину, употребляютъ обыкновенно „всѣ средства, чтобы запутать дѣло и затруднить правосудіе, и могутъ употребить во зло право вызова въ судъ свидѣте-

лей, *если оно будет ничтъмъ неограничено*“. Итакъ, мотивы лишь доказываютъ необходимость: 1) даровать прокурорскому надзору особня, большія права при вызовѣ свидѣтелей, 2) ограничить право подсудимаго на вызовъ свидѣтелей, что и достигнуто установленіемъ срока на вызовъ (ст. 557 уст.) и другихъ, стѣснительныхъ для подсудимыхъ условий этого вызова, предусмотрѣнныхъ въ ст. 575 уст. Никакихъ дальнѣйшихъ ограниченій вызова для подсудимыхъ законъ не знаетъ, текстъ ст. 576 слишкомъ ясенъ, и отсутствіе всякихъ комментаріевъ къ ст. 576 со стороны составителей судебныхъ уставовъ и Государственнаго Совѣта еще болѣе подтверждаютъ нашу мысль о несомнительности указаннаго нами содержанія ея. Наша интерпретація сходится, по отношенію къ конечнымъ выводамъ, съ толкованіемъ, даннымъ ст. 576 устава г. Арсеньевымъ („Предавіе суду“, стр. 167) и г. Спасовичемъ (Журналъ Гражд. и Угол. Права, 1883 г., Февраль, стр. 123—125). Послѣдній находитъ даже, что вызовъ на счетъ вызывающаго „долженъ послѣдовать даже и въ случаѣ состояншагося уже признанія судомъ, что имѣющее быть разъясненнымъ спросомъ свидѣтеля обстоятельство и не существенно и даже посторонне дѣлу“.

Сенатская практика совершенно разрушила истинный смыслъ ст. 576 уст. Случайно создавъ въ 1878 г. (рѣшеніе № 34) невѣрный взглядъ на содержаніе ст. 576 устава, она послѣдовательно проводила его въ дальнѣйшей практикѣ, существенно уменьшивъ гарантіи обвиняемаго и увеличивъ еще болѣе неравноправность сторонъ, установленную ст. 573 устава. Въ цѣломъ рядѣ рѣшеній Сенатъ разъяснилъ, что ходатайство подсудимаго о вызовѣ новыхъ свидѣтелей можетъ имѣть три исхода: 1) судъ обязанъ удовлетворить оное, т. е. вызвать свидѣтеля на счетъ казны, лишь признавъ его „существеннымъ“ для дѣла; 2) если же показаніе свидѣтеля признано „несущественнымъ“ для рѣшенія дѣла. но вмѣстѣ съ тѣмъ „имѣющимъ отношеніе къ дѣлу“, то судъ отказывается въ вызовѣ на счетъ казны, но подсудимому предоставляется право воспользоваться ст. 576 уст., т. е. просить о вызовѣ свидѣтелей на свой счетъ. Самый выборъ способовъ приглашенія, т. е. вызовъ свидѣтелей повѣсткой отъ суда (на счетъ подсудимаго) или представленіе послѣднему права привести ихъ въ судъ, предоставляется „усмотрѣнію“ послѣдняго, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимые содержатся подъ стражею (1869 г., № 137, 1870 г., № 453); впрочемъ, Сенатъ признаетъ для этихъ послѣднихъ „весьма неудобною мѣрою“ приглашеніе свидѣтелей отъ себя (1873 г., № 392). Принявъ это положеніе, подтверждаемое житейскимъ опытомъ, Сенатъ оговаривается: „неудобство это можетъ считаться устраненнымъ“, если обвиняемому, содержащемуся подъ

стражею, назначенъ защитникъ (1876 г., № 168). Еще г. Арсеньевъ („Преданіе суду“, стр. 168) замѣтилъ, что свидѣтели, приглашенные къ явкѣ въ судъ только самимъ подсудимымъ, легко могутъ уклониться отъ явки, къ которой ихъ „не повуждаетъ ни требованіе присутственнаго мѣста, ни опасеніе денежнаго штрафа“. Извѣстно, какъ наши свидѣтели изъ простаго народа не любятъ вызова въ судъ, всячески стараются не попадать въ свидѣтели; только обязательность явки, санкціонированная денежнымъ штрафомъ за уклоненіе, вынуждаетъ большинство къ прибытію въ судъ. Явка же по приглашенію самого подсудимаго, основанная на добровольномъ соглашеніи послѣдняго съ свидѣтелемъ, остается, какъ указываетъ опытъ, въ большинствѣ случаевъ неосуществимою, особенно въ уѣздахъ и при отдаленности жительства свидѣтелей отъ мѣста засѣданія суда: свидѣтели, пользуясь выгодами своего положенія и потребностью, которую ощущаетъ въ нихъ подсудимый, нерѣдко требуютъ съ него значительнаго вознагражденія за путевыя издержки, харчеваніе, отвлеченіе отъ занятій и потерю времени; такіа вымогательства являются непосильными для бѣднаго люда, почему законъ и свелся для большинства подсудимыхъ къ фикціи. Для подсудимыхъ же, содержащихся подъ стражею, если даже имъ уже назначенъ защитникъ, Сенатская практика создала совершенно безвыходное положеніе: если самъ подсудимый, состоящій на свободѣ, съ великими усиліями и денежными затратами можетъ далеко не всегда раздобыть свидѣтелей на судъ, то защитникъ, отвлеченный другими занятіями, пріѣзжающій въ уѣздъ къ самому судебному по дѣлу засѣданію, часто незнакомый ни съ жителями уѣзда, ни съ мѣстностью, поставленъ въ полную невозможность своевременно согласиться съ свидѣтелями, указанными подсудимымъ, подлежащими приглашенію въ судъ за счетъ обвиняемаго. Подсудимый долженъ, не пропуская семидневнаго срока со дня отказа суда въ вызовѣ свидѣтелей за счетъ казны, изъ тюремнаго замка свестись съ свидѣтелями черезъ посредство родственниковъ или защитника, уговориться объ условіяхъ вызова, на что нужно время. Въ 7 дней еще можно устроить что-нибудь въ губернскомъ городѣ, гдѣ живетъ защитникъ и гдѣ родственники и знакомые подсудимаго могутъ имѣть частыя сношенія съ тюремнымъ сидѣльцемъ; при содержаніи же подъ стражей въ тюрьмѣ уѣзнаго города, при отсутствіи на мѣстѣ защитника и друзей, зачастую живущихъ въ уѣздѣ, за 7 дней ровно ничего нельзя подѣлать. Вотъ почему для большинства подсудимыхъ бѣдныхъ и содержимыхъ подъ стражею въ уѣздѣ разрѣшеніе представленія свидѣтелей на свой счетъ въ судъ — сводится къ пожеланію закона, никогда не осуществляющемуся на практикѣ. И только въ совершенно

*

исключительныхъ случаяхъ обвиняемые могутъ воспользоваться своимъ правомъ!

3) Третье правило, преподанное Сенатомъ въ руководство судамъ (1878 г., № 34) возлагаетъ на послѣдніе обязанность *отказа* въ вызовѣ свидѣтелей, имѣющихъ показывать объ обстоятельствахъ, „не составляющихъ предмета дѣла“, т. е. являющихся не свидѣтелями, а „посторонними къ дѣлу лицами“. Такія лица не только не могутъ быть вызваны въ судъ на счетъ казны, но имъ закрытъ Сенатскою практикою всякій доступъ къ допросу на судѣ, такъ какъ они не могутъ быть ни вызваны, ни приглашены въ судъ и на счетъ подсудимаго. Сенатъ весьма опасается свидѣтелей, вызванныхъ за счетъ подсудимаго; онъ считаетъ ихъ настолько опасными для интересовъ правосудія, что предоставляетъ даже противной сторонѣ (см. вышеприв. рѣшеніе Сената) право, на случай допроса такихъ свидѣтелей, указывать въ кассационной жалобѣ на послѣдовавшія въ этомъ отношеніи отступленія отъ закона, „хотя бы сторона и не возражала противъ допущенія свидѣтелей къ допросу“. Слѣдовательно, Сенатъ: 1) рѣшительно отступаетъ здѣсь отъ послѣдовательно проводимаго имъ взгляда на то, что сторона, давшая согласіе, даже только не возражавшая на судѣ противъ представленія какого-либо доказательства, тѣмъ самымъ лишаетъ себя права обжаловать въ кассационномъ порядкѣ допущенное судомъ нарушеніе правилъ о представленіи доказательствъ и 2) отступаетъ отъ проводившагося имъ положенія (см. выше), что не можетъ имѣть мѣста повѣрка въ кассационномъ порядкѣ соображеній суда объ „основательности“ причинъ и „важности обстоятельствъ“, указанныхъ стороною, требующею вызова новыхъ свидѣтелей. Но разъ судъ разрѣшилъ такое „приглашеніе“ свидѣтелей, то онъ уже не имѣетъ права отказать въ ихъ допросѣ (1878 г., № 34), не можетъ, не выслушавъ показаній этихъ свидѣтелей, „установить заранѣе предѣлы ихъ объясненій по дѣлу“ (1874 г., № 733), а самъ предсѣдатель можетъ воспользоваться дарованною ему ст. 611 уст. угол. властью „устранять все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу“, лишь „по выслушаніи *хотя бы части* свидѣтельскаго показанія“ (1878 г., № 34).

Резюмируя сказанное, можно прийти къ заключенію, что практика Сената: 1) противорѣчитъ буквѣ и цѣли ст. 576 уст. угол., 2) имѣетъ въ виду установить предѣлы изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ. Но для достиженія этой цѣли, для полнаго осуществленія которой еще не найдено вполнѣ подходящихъ средствъ ни въ одномъ изъ дѣйствующихъ законодательствъ, Сенатъ избралъ весьма неподходящій способъ—устраненіе отъ допроса *всякаго* свидѣтеля, хотя бы онъ вызывался въ

законный срокъ и за счетъ подсудимаго, показанія котораго будутъ судомъ *напередъ* признаны за неизмѣющія никакого отношенія къ дѣлу; вызовъ за счетъ подсудимаго разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, когда судъ въ *распорядительномъ засѣданіи* признаетъ показаніе свидѣтеля „хотя и несущественнымъ, но имѣющимъ *нѣкоторое* отношеніе къ дѣлу“. Слабыя стороны этой системы: 1) очень трудно *заранѣе* опредѣлить, что имѣетъ малое и несущественное значеніе въ дѣлѣ и что не имѣетъ никакого къ дѣлу отношенія. Невозможно провести границу между первымъ и вторымъ, не выдавши свидѣтеля и не подвергнувъ его допросу; 2) вызовъ или невызовъ такихъ лицъ за счетъ подсудимаго ставится въ полную зависимость не отъ внутренняго содержанія ихъ показаній, а отъ случайныхъ обстоятельствъ большаго или меньшаго умѣнья обвиняемаго оформить свое требованіе, т. е. отъ умственнаго его развитія. Если подсудимый — умный и развитой, или онъ своевременно запасся защитникомъ, то ходатайство мотивируется обыкновенно дѣловито; для обоихъ исполнѣ возможно, не рискуя никакою отвѣтственностью, воспользоваться съ самаго начала ст. 557 уст. угол., т. е. изложить такіа „причины“ и „важныа обстоятельства“, подлежащія разъясненію чрезъ новыхъ свидѣтелей, что никакой судъ не откажетъ въ вызовѣ по 575 или, по крайней мѣрѣ, по 576 ст. устава. Большинство же подсудимыхъ не обладаютъ ни опытомъ, ни достаточнымъ умственнымъ развитіемъ, не пользуются защитой или получаютъ ее поздно; они лишены возможности обстоятельно формулировать свое требованіе. На бумагѣ, написанной безграмотно и безтолково, или въ безсвязномъ словесномъ заявленіи судѣ, вручающему имъ обвинительный актъ, такіе подсудимые очень часто рѣшительно не въ состояніи выяснить значеніе показаній необходимыхъ имъ свидѣтелей. Опытъ показалъ (и намъ лично извѣстно не мало такихъ случаевъ), что домогательства ихъ не получаютъ удовлетворенія ни по 575, ни по 576 ст. уст. угол., а между тѣмъ устроенныя отъ допроса свидѣтели имѣли нерѣдко серьезное значеніе, и во всякомъ случаѣ нѣкоторое отношеніе къ дѣлу. Хорошая организація защиты и своевременное вступленіе ея въ этой стадіи процесса увеличить, безъ сомнѣнія, возможность пользованія ст. 576 уст.; 3) тѣмъ не менѣе эта система все же останется опасною потому, что на судебномъ засѣданіи, при перекрестномъ допросѣ, свидѣтель, предполагаемый ничего не знающимъ о дѣлѣ, а потому зачисленный въ число непригодныхъ къ вызову и допросу, можетъ дать не только показанія второстепеннаго значенія, исполнѣ допускаемыя на судѣ, но и разъясненія существенной важности, которыя, будь они заявлены умѣло, повлекли бы за собою вызовъ свидѣтеля по ст. 575 уст.; 4) наконецъ, не можетъ быть опасности

для открытія истины отъ допущенія на судѣ и допроса такихъ свидѣтелей: если они ничего не покажутъ, то нисколько не вредятъ тѣмъ ни защитѣ, ни обвиненію, а причиваютъ ущербъ лишь карману вызвавшего ихъ; если они говорятъ объ обстоятельствахъ, не идущихъ къ дѣлу, то ихъ показанія будутъ устранены предсѣдателемъ за силою 611 ст. уст. угол.; если наконецъ, показанія ихъ, касаясь личностей, фигурирующихъ въ дѣлѣ, но не привлеченныхъ къ суду въ качествѣ обвиняемыхъ, тѣмъ самымъ расширяютъ предметъ изслѣдованія въ данномъ дѣлѣ, являясь, напрямѣръ, обвиненіемъ противъ потерпѣвшаго или свидѣтеля, то и въ этомъ случаѣ предсѣдатель (мы всегда предполагаемъ его опытнымъ и практичнымъ) тоже долженъ воспользоваться ст. 611 уст. угол. и ввести показанія такого свидѣтеля въ должныя границы. Сенатъ, правда, думаетъ иначе (1878 г., № 34): по его мнѣнію, ст. 611 уст. была бы мертвою буквою, если бы разрѣшить подсудимому приводить за свой счетъ свидѣтелей, показанія которыхъ судѣ призналъ въ распорядительномъ засѣданіи не имѣющими отношенія къ дѣлу; прежде чѣмъ предсѣдатель остановитъ по ст. 611 свидѣтеля, послѣдній успѣетъ высказать много лишняго, произведетъ уже на присяжныхъ извѣстное ложное впечатленіе; а если предсѣдатель *во время* остановитъ свидѣтеля, то такое стѣсненіе свидѣтеля можетъ расположить противъ обвиненія присяжныхъ, такъ какъ „послѣдніе относятся весьма чутко къ правамъ подсудимаго и его средствамъ защиты“. Эта аргументація основана на нѣкоторомъ недоувѣрїи къ суду присяжныхъ (Спасовичъ—журн. гражд. и угол. права 1883 г., февраль, стр. 126—127), которое не оправдывается содержаніемъ ихъ приговоровъ *по множеству дѣлъ*, а нашло свое оправданіе, по нашему мнѣнію, лишь *для незначительнаго числа дѣлъ совершенно своеобразныхъ*, въ которыхъ множество условій сложилось весьма неблагоприятно для правильнаго вердикта. Во всякомъ случаѣ, на присяжныхъ должно произвести лучшее впечатлѣніе устраненіе предсѣдателемъ отъ дальнѣйшаго допроса на судѣ или прерваніе свидѣтельскихъ показаній, къ дѣлу не относящихся, нежели совершенное допущеніе къ допросу свидѣтелей, которыхъ подсудимый требовалъ даже на свой счетъ. Такой отказъ въ допущеніи свидѣтелей весьма часто всплываетъ на свѣтъ Божій во время судебного засѣданія и производитъ на присяжныхъ тяжелое впечатлѣніе, которымъ и могутъ воспользоваться подсудимый и его защитникъ, если только дѣло не принадлежитъ къ числу совершенно несомнительныхъ. Вѣрно замѣчаетъ, наконецъ, г. Спасовъ (*ibidem*, стр. 127), что отрицательное разрѣшеніе судомъ вопроса о допустимости даннаго свидѣтеля къ допросу на судѣ дѣлается иногда поспѣшно и легко въ ущербъ истинѣ, въ обстановкѣ

закрытаго распорядительнаго засѣданія, за долго до судоговоренія и безъ выслушанія заинтересованныхъ сторонъ. Допущеніемъ же вызова всякихъ свидѣтелей на счетъ подсудимаго „была бы предупреждена“, продолжаетъ г. Спасовичъ, „часто встрѣчаемая нынѣ возможность для суда устроить подъ видомъ неотносящагося къ дѣлу обстоятельство и относящагося къ дѣлу и весьма существенное, но считаемое судомъ по субъективному взгляду и чувству неважнымъ и несущественнымъ“.

Изъ попытокъ къ оправданію узкаго истолкованія статей 575 и 576 уст. наиболѣе вниманія заслуживаетъ мнѣніе предсѣдателя Департамента Варшавской Судебной Палаты К. А. Анциферова (журн. гражд. и уголов. права, 1882 г.), подвергнутое основательному разбору г. Спасовичемъ (см. выше цитированную статью его, стр. 131—136). Наиболѣе сильныя изъ возраженій г. Анциферова могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) толкованіе статьи 576 уст., данное г. Спасовичемъ, есть интерпретація не законодѣйствующаго, а законожелаемаго („подразумѣваемаго“). Но мы видѣли выше, что буквальное и логическое истолкованіе ст. 576 уст., въ особенности въ связи ея со ст. 575, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ дѣйствительномъ смыслѣ и въ истинной цѣли закона. Съ болѣшимъ основаніемъ можно бы сказать, что интерпретація г. Анциферова относится не къ дѣйствительному тексту ст. 576, а къ воображаемому ея содержанію, приданному ей Сенатской практикой, притомъ лишь съ 1878 года;

2) существо нашего процесса въ томъ, что онъ болѣе розыскной, сравнительно съ французскимъ (?), что судебное слѣдствіе не имѣетъ у насъ самостоятельности, такъ какъ основаніе его покоится на предварительномъ слѣдствіи, почему и дополненіе его данными, не бывшими въ виду при предварительномъ слѣдствіи, можетъ быть допущено лишь въ „исключительныхъ случаяхъ и въ возможно меньшемъ размѣрѣ“. Приведенное заключеніе грѣшитъ противъ общепризнаннаго факта, что наши судебныя уставы, создавъ типъ смѣшаннаго процесса, все же ближе къ началу состязательности и лучше выдерживаютъ его, нежели процессъ французскій, который является по *содержанію* своему инквизиціоннымъ даже во время судебного слѣдствія. Достаточно напомнить о допросѣ подсудимаго французскимъ президентомъ во время приговорительныхъ къ суду распоряженій, въ особенности же о знаменитой системѣ допроса на судѣ, указать на дискриціонную власть президента ассизовъ, на его право вызывать, по своему усмотрѣнію, въ теченіе судебного слѣдствія всякое лицо для допроса и привлечь новыя доказательства, чтобы убѣдиться въ томъ, что нашъ процессъ, не знающій ничего по-

добаго, болѣе гуманенъ и заботливъ по отношенію къ личности подсудимаго, меньше стѣсняетъ его свободу. Предварительное слѣдствіе проникнуто и у насъ инквизиціоннымъ характеромъ, оно не знаетъ еще *сторонъ*, но съ приготовительныхъ къ суду распоряженій выдѣляются уже стороны, хотя еще не вполне равноправны (напр., привилегія прокуратуры по ст. 573 уст.); начало состязательное вступаетъ уже въ свои права. Статья 576 устава—въ сущности воспроизводитъ основную мысль французскаго устава о широкомъ правѣ подсудимаго вызывать на свой счетъ свидѣтелей. Все отличие нашего устава отъ французскаго, притомъ въ пользу русскаго, заключается въ томъ, что нашъ процессъ въ принципѣ знаетъ вызовъ судомъ на счетъ казны и лишь въ видѣ исключенія и дополненія къ этой системѣ—вызовъ свидѣтелей за счетъ подсудимаго, тогда какъ уставъ французскій эту послѣднюю систему принимаетъ за основную, а первую (вызовъ на счетъ казны) какъ исключительную и дополнительную къ первой. Слѣдовательно, и въ этомъ вопросѣ русскій уставъ опередилъ французскій и является усовершенствованіемъ послѣдняго;

3) г. Анциферовъ полагаетъ, что основная идея нашего процесса— „идея объ ограниченіи правъ подсудимаго“, а вовсе не идея о равноправности сторонъ, почему вызовъ свидѣтелей, недопрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, допущенъ у насъ лишь *по практическому расчету*—для „устраненія сомнѣній въ одностороннемъ направленіи дѣла“; а если такъ, то широкое толкованіе ст. 576 уст. угол. суд. уничтожаетъ „основной законъ объ ограниченіи права подсудимаго“; слѣдовательно, эта статья допускаетъ только ограничительное истолкованіе“. Замѣтимъ прежде всего, что идея равноправности сторонъ, какъ и всѣ начала процесса, возникла путемъ опыта, изъ потребностей процесса, стремящагося къ открытію истины въ дѣлѣ, которому препятствуетъ, какъ доказано историческимъ опытомъ, „одностороннее направленіе дѣла“. Начало равноправности родилось и проникло въ законодательства именно для устраненія этой односторонности въ направленіи дѣла; по этому, утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Анциферовъ, что право вызова подсудимымъ новыхъ свидѣтелей покоится не на началѣ равноправности сторонъ, а на указанномъ имъ практическомъ расчетѣ, равносильно одновременному признанію и отрицанію того, что это право вызова коренится въ принципѣ равноправности. Допустимъ, однако, что въ аргументахъ г. Анциферова нѣтъ логическаго противорѣчія. Но и въ такомъ случаѣ наличность одного „практическаго расчета“, побудившаго законодателя предоставить право вызова подсудимому, не отнимаетъ у закона (ст. 576 уст.) ни его обязанности, ни его дѣйстви-

тельнаго содержанія. Сомнительно также, чтобы нашъ законодатель выразилъ въ судебныхъ уставахъ „идею ограниченія правъ подсудимаго“. Никто не сомнѣвался въ томъ, что уголовный процессъ — компромисъ между двумя противоположными интересами—государства, стремящагося къ раскрытію и покаранію преступленія и частнаго лица, защищающагося отъ примѣненія къ нему уголовного закона. Поэтому, уголовный процессъ „немыслимъ безъ допущенія стѣсненій и ограниченій свободы дѣйствій подозрѣваемаго въ преступленіи лица“; но эти стѣсненія и ограниченія, какъ замѣтилъ г. Спасовичъ, „никогда не выдавались за осуществленіе коренной идеи законодателя объ ограниченіи по возможности правъ подсудимаго“ (Спасовичъ—*ibidem* стр. 134). Во всякомъ случаѣ, современный процессъ „выдвинулъ на первый планъ и сдѣлалъ руководящимъ началомъ право подсудимаго на защиту, т. е. на доказаніе своей невинности“ (Спасовичъ—*ibidem*, стр. 135). Если же обратиться къ судебнымъ уставамъ, то достаточно прочесть мотивы къ нимъ, чтобы убѣдиться, что составители ихъ скорѣе заботились объ огражденіи правъ подсудимаго.

Въ этомъ можно убѣдиться, если припомнить мотивы къ допущенію защиты на судѣ, постановленія о правѣ подсудимаго и его защитника на послѣднее слово, ст. 818 уст., и т. п.

Подъ вліяніемъ могущественныхъ традицій инквизиціоннаго процесса, составители допускали иногда исключенія изъ начала равноправности сторонъ, давали преимущества прокуратурѣ, рассматривая ее не только какъ сторону, но и какъ органъ, охраняющій законъ въ процессѣ; такова извѣстная намъ статья 573 уст. Но *подобныя изыятія* изъ начала равноправности—*всегда* категорически *оговорены въ законѣ*, равно какъ и всякія ограниченія въ правахъ обвиняемаго и его защитника. Въ статьѣ же 576 уст. угол. ровно никакихъ ограниченій (кромѣ 7 дневнаго срока) для вызова подсудимымъ свидѣтелей на свой счетъ — не установлено.

При пропускѣ сроковъ, указанныхъ въ ст. 557 и 576 уст. никакіе свидѣтели и эксперты, хотя бы изъ числа допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, уже не могутъ быть вызываемы участвующими въ дѣлѣ лицами (кромѣ прокурора). Смыслъ ст. 577 уст.—совершенно ясенъ и не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Остается для участвующихъ одинъ выходъ: свидѣтели и эксперты могутъ быть вызываемы „по вновь открывшимся обстоятельствамъ“ (1874 г. № 51, 1878 г. № 13). Понятіе о „вновь открывшемся обстоятельстве“—само по себѣ довольно растяжимо, а доказать, что данное обстоятельство не было извѣстно или не могло быть подтверждено свидѣтельствомъ какого-либо лица въ теченіе 7 дневнаго срока, въ громадномъ большинствѣ случаевъ очень

затруднительно, нерѣдко и прямо невозможно. На это обратилъ вниманіе еще г. Арсеньевъ („Преданіе суду“, стр. 171—172), который говорить, что требованіе отъ подсудимыхъ подобныхъ доказательствъ „было бы почти равносильно совершенному запрещенію вызывать новыхъ свидѣтелей (со стороны защиты) по истеченіи 7 дневнаго срока“; поэтому просьба о вызовѣ „подлежитъ удовлетворенію *каждый разъ*, когда обстоятельство, о которомъ долженъ быть спрошенъ свидѣтель, *имѣть прямое отношеніе къ дѣлу*, а подсудимый объясняетъ, что *узналъ* о существованіи этого обстоятельства, или о возможности подтвердить его свидѣтельствомъ указаннаго лица, уже по истеченіи 7 дневнаго срока“. Во всякомъ случаѣ, просьба подсудимаго требуетъ постановленія суда съ объясненіемъ въ немъ причинъ къ уваженію или отклоненію ходатайства (1868 г. № 294).

Къ сожалѣнію, наши суды склонились скорѣе къ ограничительному истолкованію ст. 577 устава. Всю тяжесть доказанія того, что обстоятельство „вновь открылось“, они всецѣло налагали на подсудимаго, который почти никогда и не могъ воспользоваться правами, предоставленными ему ст. 577 уст. Сенатскія разъясненія поддержали практику судовъ; притомъ же судъ можетъ удовлетворить просьбу подсудимаго лишь послѣ обсужденія того—въ какой мѣрѣ указаннаго обстоятельства могутъ имѣть существенное значеніе для дѣла (1875 г. № 187). Необходимо также извѣщеніе „противной стороны“ за 24 часа до допроса (что обязательно и для прокурора); если это извѣщеніе относится къ подсудимому, то оно должно быть сдѣлано ему самому, а не защитнику (1872 г. № 974); впрочемъ, неизвѣщеніе стороны даетъ ей право требовать *отсрочки* засѣданія, а не устраненія свидѣтеля (1873 г. № 124). Но если подсудимый указалъ на свидѣтелей при самомъ открытіи засѣданія (по истеченіи 7 дневнаго срока), то допросъ ихъ можетъ быть допущенъ лишь съ согласія прокурора, но защитѣ остается возможность указать на открытіе такихъ „новыхъ обстоятельствъ“, которыя дѣлаютъ необходимою отсрочку засѣданія (1876 г. № 175).

Принявъ въ соображеніе все вышеизложенное, было бы желательно установить такіа правила для дополненія списка свидѣтелей и экспертовъ, которыя исходили бы изъ начала равноправности всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. При практической невозможности послѣдовательнаго проведенія начала вызова свидѣтелей и экспертовъ на счетъ казны, такъ какъ это привело бы къ чрезмѣрному обремененію государства, *желательно было бы сочетать обѣ системы—вызова за счетъ казны съ вызовомъ на счетъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ* (кромѣ прокурора). Пользованіе этими послѣдними способами должно быть *по воз-*

возможности широко и свободно; оно может быть ограничено лишь обязанностью *заблаговременно уведомить противную сторону* о вызовѣ свидѣтеля или эксперта, а равно и *правомъ председателя*, дарованнымъ ему ст. 611 уст. уголов. Пользованіе же правомъ вызова на счетъ казны должно быть *ограничено обязанностью мотивировать* вызовъ, т. е. указать на обстоятельства, которыя могутъ быть выяснены допросомъ новыхъ свидѣтелей или экспертовъ. Если судъ признаетъ (мотивированнымъ опредѣленіемъ) по выслушаніи, *по возможности*, сторонъ или ихъ представителей въ распорядительномъ засѣданіи, что эти „обстоятельства“ *несущественны или совсѣмъ не идутъ къ дѣлу, то отказываетъ* въ вызовѣ на счетъ казны; но *получившіе отказъ могутъ просить о вызовѣ на свой счетъ*, каковое требованіе должно быть удовлетворено судомъ, или же *привести свидѣтелей или экспертовъ въ судъ, но съ обязанностью заблаговременно извѣстить о томъ противника*. Но если судъ, по допросѣ такихъ лицъ на судѣ, признаетъ, что показанія ихъ имѣли *полезное значеніе для изслѣдованія дѣла*, то онъ *обязанъ принять издержки* вызова на счетъ казны. Можно разрѣшить ходатайство о вызовѣ свидѣтелей на счетъ казны или за счетъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ въ теченіе всего періода приготовительныхъ къ суду распоряженій.

Заключеніе.

I. Высшій судъ, рассматривающій жалобы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, рѣшаетъ вопросы: 1) по жалобамъ обвиняемаго на судебного слѣдователя, 2) о достаточныхъ основаніяхъ (о фактической вѣрности) обвиненія, 3) о наличности состава преступленія, 4) о подвѣдомственности дѣла и о подсудности его по *forum delicti commissi*. Последніе два вопроса возбуждаются высшимъ судомъ, при разсмотрѣніи жалобъ сторонъ, *ex officio* и состоявшіяся по нимъ опредѣленія суда могутъ быть обжалованы сторонами въ кассац. судъ въ 3—5 дневный срокъ.

II. Опредѣленія высшаго суда по вопросамъ, указаннымъ въ п. I, обязательны для суда, въ который дѣло передано для рѣшенія по существу.

III. Если судъ, призванный къ рѣшенію дѣла по существу, выступаетъ самостоятельно, то онъ разрѣшаетъ, во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, *ex officio*, вопросы, указанные въ 1—4, 7—9 пунктахъ главы I; эти же вопросы онъ разрѣшаетъ и по требованію участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; указанные же въ п. 5 и 6 онъ рѣшаетъ *только* по просьбамъ сторонъ.

IV. Определенія суда, состоявшіяся по вопросамъ, указаннымъ въ п. 1, 2, 3, 4 и 9 главы I, подлежатъ обжалованію со стороны участвующихъ въ дѣлѣ лицъ въ кассац. порядкѣ. Судъ, приостанавливаясь, до разрѣшенія жалобы высшимъ судомъ, назначеніемъ дня слушанія дѣла, принимаетъ всѣ остальные мѣры, необходимыя для подготовленія дѣла къ слушанію въ судебномъ засѣданіи.

V. Вопросы, возбуждаемые судомъ *ex officio*, или участвующими въ дѣлѣ лицами, во время приговорительныхъ къ суду распоряженій, разрѣшаются коллегіальнымъ составомъ суда.

VI. Подсудимый, по полученіи копій съ обвинительнаго акта или замѣняющей его жалобы частнаго обвинителя, послѣдній—со дня извѣщенія о поступленіи жалобы его въ судъ, а гражданскій истецъ—со дня полученія имъ увѣдомленія отъ суда объ отсылкѣ подсудимому обвинительнаго акта или жалобы частнаго обвинителя, могутъ, въ 10 дневный срокъ, заявить суду о томъ, что они избрали себѣ защитника или повѣреннаго для охраненія ихъ интересовъ на судѣ.

VII. Съ полученіемъ въ судѣ такого заявленія отъ лицъ, перечисленныхъ въ п. V, защитникъ, а равно повѣренный частнаго обвинителя и гражд. истцы допускаются къ разсмотрѣнію всего производства по дѣлу и могутъ возбуждать вопросы, указанные въ п. 1—9 главы I.

VIII. Противная сторона извѣщается судомъ, *если время позволяетъ*, о всѣхъ вопросахъ, возбуждаемыхъ участвующими въ дѣлѣ лицами; она можетъ представить суду, въ 3 дневный срокъ, свои письменныя объясненія по поводу заявленій противной стороны. Тоже и при тѣхъ же условіяхъ обязательно для суда и въ томъ случаѣ, когда вопросъ поднятъ имъ *ex officio*. Судъ *можетъ* допустить участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, или ихъ представителей, къ словеснымъ объясненіямъ въ распорядительномъ засѣданіи.

IX. Защитниками и представителями частнаго обвинителя и гражд. истца могутъ быть *избираемы* — прис. повѣренные, ихъ помощники и частные повѣренные, а также и *постороннія* лица, не лишенныя по закону или судебному приговору права быть защитниками и повѣренными.

X. Суду предоставляется право, по выслушаніи заключенія прокур. надзора, устранять *постороннихъ* лицъ отъ исполненія обязанностей, указанныхъ въ п. IX, если, по имѣющимся у суда свѣдѣніямъ, эти лица оказались неспособными къ отправленію принятыхъ на себя обязанностей, или же доказаль равнѣ, при ихъ исполненіи, свою нравственную неблагонадежность. Устранивъ такое лицо, судъ обязанъ въ случаяхъ, ниже указанныхъ, *назначить* отъ себя защитника или повѣреннаго частнаго обвинителя или гражд. истца; но лица, назначенныя судомъ, мо-

гутъ быть во всякое время замѣнены участвующими въ дѣлѣ лицами другими, избранными изъ числа имѣющихъ право быть защитниками и повѣренными.

XI. Если обвиняемый въ 10 дневный срокъ не извѣстилъ судъ объ избраніи имъ защитника, или просилъ о назначеніи такового отъ суда, то судъ *обязанъ* назначить защитника: 1) обвиняемому, подлежащему суду присяжныхъ или суду его замѣняющему; 2) по всякому дѣлу—всѣмъ обвиняемымъ, не достигшимъ 21 года, глухимъ, нѣмымъ или относительно которыхъ возбужденъ вопросъ о вмѣняемости.

XII. Судъ *можетъ назначить* защитника всякому обвиняемому и по всякому дѣлу, если считаетъ это, по обстоятельствамъ даннаго дѣла, необходимымъ.

XIII. Въ случаяхъ, указанныхъ въ п. XI и XII, защита назначается судомъ, если бы даже обвиняемый заявилъ, что желаетъ защищаться самъ, или рѣшительно отказался отъ защиты.

XIV. Въ случаяхъ, не подходящихъ подъ условія, указанныя въ п. XI и XII, судъ *назначаетъ* защитника лишь *по просьбѣ* обвиняемаго и если имѣетъ возможность удовлетворить эту просьбу.

XV. Правила, указанныя въ п. XI, XII и XIV, распространяются и на частныхъ обвинителей; на гражд. же истца не иначе, какъ по его о томъ просьбѣ и въ случаѣ признанія за нимъ судомъ права бѣдности.

XVI. По своему усмотрѣнію, или по просьбѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, судъ *можетъ* назначить и 2 защитниковъ.

XVII. Судъ *можетъ назначать* защитниковъ или повѣренныхъ частнаго обвинителя и гражд. истца изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ и кандидатовъ на судебныя должности. Первые и вторые, по особой установленной между ними очереди, обязаны исполнять обязанности защитниковъ и повѣренныхъ и въ выѣздныхъ сессіяхъ (въ предѣлахъ губерніи или округа даннаго суда), получая за это особое вознагражденіе (прогоны и суточные).

XVIII. Неявка или заявленіе о невозможности явки къ судебному засѣданію защитника, какъ назначеннаго судомъ, такъ и избраннаго обвиняемымъ, по дѣлу, въ которомъ защита необходима въ силу закона или признана необходимою судомъ, влекутъ за собою отсрочку засѣданія, если судъ не успѣетъ своевременно назначить другаго защитника или назначенный судомъ потребуетъ отсрочки засѣданія для подготовленія къ дѣлу. По всѣмъ *другимъ дѣламъ*, неявка или заявленіе о невозможности явки защитника влекутъ за собою обсужденіе судомъ причинъ неявки. Съ признаніемъ причинъ законными, судъ или отсрочиваетъ засѣданіе, при чемъ назначаетъ новаго защитника, если подсу-

димый просить о томъ, а къ удовлетворенію его ходатайства не встрѣчается препятствій, или предоставляет подсудимому, съ указаніемъ срока, озаботиться о прискааніи защитника. По требованію защитника, судъ обязанъ отсрочить слушаніе дѣла, или прервать оное для подготовленія защиты.

Въ случаѣ же признанія причинъ неявки или заявленія о невозможности прибытія въ засѣданіе незаконными, судъ можетъ постановить объ открытіи, продолженіи засѣданія или о назначеніи дѣла къ слушанію въ день, первоначально къ тому назначенный. Во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ пунктомъ, на защитника, уклоненіе котораго признано произошедшимъ безъ законныхъ причинъ, судъ можетъ возложить издержки, причиненныя отсрочкою засѣданія.

XIX. При доставленіи участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ копій съ бумагъ, указанныхъ въ п. V, судъ извѣщаетъ ихъ о томъ, что они могутъ просить о пополненіи списка лицъ, вызываемыхъ къ судебному засѣданію, указаніемъ на свидѣтелей и экспертовъ какъ допрошенныхъ, такъ и недопрошенныхъ на предв. слѣдствіи. Въ прошеніи, или въ словесномъ заявленіи суду, заносимомъ въ протоколъ, участвующія въ дѣлѣ лица, не исключая и прокурорскаго надзора, должны указать на тѣ *обстоятельства*, которыя подлежатъ выясненію чрезъ посредство вызываемыхъ свидѣтелей и экспертовъ.

XX. Судъ, выслушавъ, *по возможности*, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, или ихъ повѣренныхъ, въ распорядительномъ засѣданіи и признавая обстоятельства „существенными“ для дѣла, учиваетъ, въ мотивированномъ опредѣленіи, распоряженіе о вызовѣ требуемыхъ лицъ на счетъ казны. О такомъ распоряженіи противная сторона должна быть извѣщена не менѣе какъ за 3 дня до допроса вызванныхъ лицъ. При пропускѣ этого срока, послѣднія могутъ быть допрошены лишь съ согласія противной стороны.

XXI. Если же судъ признаетъ обстоятельства, для выясненія которыхъ стороны просили о вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ, „неидущими къ дѣлу или несущественными“, то отказываетъ (мотивированнымъ опредѣленіемъ) въ вызовѣ ихъ на счетъ казны, о чемъ извѣщаются, какъ сторона, просившая о вызовѣ, такъ и *противникъ*. Ходатайствовавшій о вызовѣ можетъ письменно или словесно заявить суду, что онъ проситъ о вызовѣ тѣхъ лицъ *повѣстками* отъ суда на *свой счетъ*. Это ходатайство подлежитъ удовлетворенію, если сторона внесетъ издержки вызова. Сторона можетъ также: 1) заявить суду, что она сама представитъ свидѣтелей или экспертовъ на судъ, 2) представить

ихъ прямо въ судебное засѣданіе и *безъ соблюденія 3 дневнаго срока*, указаннаго въ п. X.

XXII. Стороны могутъ, безъ всякой просьбы о вызовѣ свидѣтелей и экспертовъ за счетъ казны, заявить суду, что ходатайствуютъ лишь о вызовѣ этихъ лицъ на свой счетъ или берутся сами представить ихъ на судъ. При этомъ обязательны — извѣщеніе противной стороны и 3 дневный срокъ (п. XX).

XXIII. Участвующія въ дѣлѣ лица, ихъ защитники и повѣренные, могутъ вчинать ходатайства о дополненіи списка во все время приготовительныхъ къ суду распоряженій, съ соблюденіемъ 3 дневнаго срока въ случаяхъ, гдѣ таковой (п. XX) установленъ.

XXIV. Сторона, которой было отказано въ вызовѣ на счетъ казны, можетъ, во всякое время, возобновить ходатайство о томъ по „вновь открывшимся обстоятельствамъ“. Судъ обязанъ удовлетворить эту просьбу, если признаетъ: 1) обстоятельство *новымъ*, 2) достаточно *существеннымъ*, 3) *правдоподобнымъ* объясненіе стороны о томъ, что ей это обстоятельство не могло быть извѣстно ранѣе, или что не было возможности своевременно найти лицъ, могущихъ подтвердить такое обстоятельство. Въ противномъ случаѣ, судъ отказываетъ въ удовлетвореніи ходатайства, но сторона не лишается права вызова или представленія такихъ свидѣтелей и экспертовъ на свой счетъ.

XXV. Если судъ, при разсмотрѣніи дѣла, признаетъ, что свидѣтели и эксперты, вызванные сторонами за ихъ счетъ, дали показанія или объясненія, оказавшіяся полезными для выясненія дѣла, то можетъ постановить о принятіи издержекъ по ихъ вызову на счетъ казны, хотя бы ранѣе судомъ и было отказано въ вызовѣ ихъ на счетъ казны.

ЧУВСТВО И ЖИЗНЬ ¹⁾.

Проф. В. Я. Данилевскій.

Однимъ изъ самыхъ блестящихъ завоеваній человѣческаго ума является убѣжденіе въ господствѣ закона во всѣхъ явленіяхъ природы, не исключая и жизни самаго человѣка. Успѣхи научнаго знанія даютъ прочную основу такому положенію для всѣхъ областей, куда проникаетъ пытливый умъ человѣка, стремящійся къ отысканію истины. Дѣйствительный, реальный міръ все болѣе и болѣе становится доступнымъ и понятнымъ. Для растушей жажды знанія земной кругозоръ уже становится слишкомъ тѣснымъ, ограниченнымъ; положительное научное знаніе даетъ человѣку возможность проникать въ сокровенныя тайны небесныхъ свѣтилъ и убѣждаться въ господствѣ закона и въ этой недосыгаемой сферѣ. Онъ взвѣшиваетъ ихъ, опредѣляетъ химическій составъ, слѣдитъ за совершающимися въ нихъ перемѣнами, наблюдаетъ ихъ разрушенія и образованіе... О такихъ побѣдахъ науки еще недавно не смѣли и мечтать; съ такими блестящими завоеваніями ума не сравниваются никакіе призраки и фантазмы, созданныя воображеніемъ человѣка. Законъ сохраненія вещества, законъ сохраненія энергіи, единство космическаго вещества и силы — таковы основы для раскрытія тайнъ природы и для дальнѣйшей борьбы съ незнаніемъ и невѣжествомъ. Увѣренность въ законмѣрности изучаемыхъ явленій природы есть истинный залогъ успѣшности нашихъ стремленій къ отысканію истины. Въ этомъ сознаніи заключается и истинный критерій нашего умственнаго развитія. Не только въ познаніи внѣшней окружающей насъ природы, но и въ нашей обыденной жизни, личной и общественной, мы все болѣе и болѣе проникаемся убѣженіемъ, что все, доступное нашему знанію, совершается по опредѣленнымъ правиламъ и непреложнымъ законамъ. Мистическій покровъ, подъ защитой котораго такъ долго господствовали и „слѣпой случай“, и „велѣнія рока“, и

¹⁾ Въ сокращенномъ видѣ эта рѣчь была произнесена на общемъ собраніи IX съѣзда натуралистовъ и врачей въ Москвѣ 7 января 1894 г.

„непостижимый произволъ“, и „магическія силы“, постепенно, разсѣивается... Исторія человѣчества намъ показываетъ, что господство такихъ воззрѣній всегда и неизбѣжно вызывало страхъ и угнетеніе воли и мысли человѣка. Чувство безпомощности, ожиданія чего-то неизвѣстнаго, скорѣе непріятнаго, отсутствіе увѣренности въ своихъ силахъ, ослабленіе личной инициативы и самодѣятельности; отсюда всевозможныя суевѣрія, и предрасудки, и немощи—таковы слѣдствія невѣжества. Напротивъ, признаніе правильности и закономерности въ природѣ, какъ слѣдствіе положительнаго знанія, вызываетъ чувство довѣрія, самоувѣренности и бодрости, повышаетъ энергію человѣка въ его трудѣ и инициативѣ, дѣлаетъ его прозорливымъ.

Во внѣшней жизни, въ условіяхъ матеріальнаго міра признаніе закономерности составляетъ для него уже обязательный выводъ, основу его міровоззрѣнія. Безъ этого принципа немислимъ никакой прогрессъ знанія, никакое умственное развитіе. Но есть еще одна область, въ которой человѣкъ такъ охотно еще сохраняетъ всю поэзію туманности и непостижимости, въ которой онъ такъ ревниво оберегаетъ всю неприкосновенность принципа: „законъ—это я!“ Эта область—міръ внутренній, міръ душевныхъ явленій. Тамъ, повидимому, только одинъ властелинъ: онъ господствуетъ, онъ же контролируетъ, наблюдаетъ—это мое „я“. Гдѣ же критерій его правдивости? Гдѣ же доказательность его выводовъ самонаблюденія? Возможно ли изъ одного лишь внутренняго субъективнаго источника почерпнуть увѣренность въ закономерности явленій душевнаго міра такъ, какъ этого требуетъ наука? Натуралистъ считаетъ себя вправѣ отнести эти явленія къ жизни вообще: объективное наблюденіе убѣждаетъ его въ неразрывности и единствѣ всѣхъ сюда относящихся процессовъ и превращеній; отсюда и убѣжденіе въ закономерности явленій внутренняго міра и въ возможности научнаго ихъ изслѣдованія. Основнымъ условіемъ для этого предъявляется требованіе объективности. Напротивъ, приверженцы умозрительнаго метода считаютъ возможнымъ опираться главнымъ образомъ на самонаблюденія, на давныхъ субъективизма, самопознанія... Здѣсь не мѣсто доказывать преимущества натуралистическаго объективнаго метода передъ умозрительнымъ; въ дальпѣйшихъ разсужденіяхъ мы будемъ придерживаться перваго, гдѣ только будетъ возможно. Подобно тому, какъ естествоиспытатель изъ наблюденій надъ существующими формами и явленіями жизни дѣлаетъ теоретическія построенія относительно ихъ происхожденія и развитія; подобно тому, какъ изъ сопоставленія цѣлаго ряда усложненій и совершенствованій онъ выводитъ законъ, какъ обобщеніе, и опредѣляетъ область его господства; такъ точно вправѣ онъ отнести

и къ видимымъ проявленіямъ душевной жизни и, исходя изъ ихъ объективнаго изслѣдованія, выяснитъ закономерность и въ этой области. Если знаніе космическихъ законовъ не уменьшило величія и предели неба, то и признаніе закономерности душевныхъ явленій не умалитъ всего обаянія „свѣточа истины и добра“ въ мыслищемъ человѣкѣ...

Всякіе вопросы изъ области духовной дѣятельности человѣка возможно научно изслѣдовать только при томъ условіи, если заранѣе мы правильно установимъ исходную точку зрѣнія. Натуралистъ можетъ изслѣдовать явленія психическія, изучать ихъ проявленія, условія, механизмъ, законы, но и только. Такъ называемая сущность этихъ явленій, есть вѣчная проблема; она недоступна методамъ чувственнаго знанія, а потому и не подлежитъ научному изслѣдованію. Душа—какъ независимая, самодовлѣющая сфера; идея—какъ духовная сила; вдохновеніе, какъ источникъ энергіи и идеальныхъ стремленій—все это познается лишь самонаблюденіемъ и составляетъ дѣйствительный, непреложный фактъ только для нашего „я“. Напротивъ, натуралистъ, требующій объективной доказательности, не вправѣ ввести эти положенія въ область своихъ научныхъ изысканій; онѣ остаются достояніемъ философіи. Наука знаетъ только внѣшнія проявленія душевной жизни, подлежащія объективному изслѣдованію; область же чисто субъективнаго метода, самонаблюденія, и самосозерцанія все болѣе и болѣе суживается съ прогрессомъ фیزیологіи и экспериментальной психологіи. Итакъ, съ указанной точки зрѣнія мы вправѣ изучать психическія явленія совершенно также, по тому же плану, какъ и явленія тѣлесной жизни.

Геоцентрическая теорія была разрушена лишь тогда, когда Коперникъ вообразилъ себя внѣ земли; только тогда явилась возможность объективно изслѣдовать движенія ея, все равно, какъ и другихъ планетъ. Подобно этому долженъ поступить и натуралистъ, изучая душевныя явленія, какъ извѣстную часть процессовъ общей жизни. Онъ долженъ вообразить себя внѣ сферы изслѣдуемыхъ явленій, долженъ отказаться отъ субъективнаго критерія и основываться на объективномъ наблюденіи. Только при такомъ условіи наука въ состояніи побѣдить „эго-центрическое“ мировоззрѣніе, по которому самъ человѣкъ, его „я“ является центромъ всего существующаго. Онъ все относитъ къ себѣ и измѣряетъ своими личными критеріями, оцѣниваетъ субъективно: громъ гремитъ, чтобы его напугать; растетъ красивый цвѣтокъ, ибо созданъ для его удовольствія; онъ улыбается радугѣ, вѣдь его она должна успокоить; солнце свѣтитъ, чтобы ему было свѣтло... Вотъ эта субъективация въ различныхъ видахъ, столь характерная для младенческаго со-

*

столиня челоуѣка и всего челоуѣчества, устуаетъ мѣсто, постепенно, по мѣрѣ развитія ума и знанія, болѣе объективному отношенію и къ себѣ, и ко всему окружающему. Самочувствіе какъ мѣрило, личный критерій, признаніе самодовлѣющей внутренней силы, убѣжденіе, что наше существо есть центръ, нѣчто неизмѣримо высшее, чѣмъ весь остальной міръ—все это представляетъ собою остаточные признаки первобытнаго міровозрѣнія, которое по мѣрѣ умственаго развитія замѣняется научнымъ, основаннымъ на безпристрастной объективациі всего, подлежащаго нашему знанію. Въ этомъ-то и заключается великое воспитательное значеніе науки для челоуѣчества: она ведетъ его на истинный путь безпристрастія и справедливости въ оцѣнкѣ всего, совершающагося и внѣ, и внутри насъ...

Въ дѣлѣ научнаго изученія явленій душевной жизни слѣдуетъ держаться обычныхъ пріемовъ естествознанія: идти отъ простаго къ сложному, отъ однороднаго къ разнородному; путеводнымъ принципомъ послужить эволюціонизмъ. Если еще и слышатся голоса, оспаривающіе значеніе этой доктрины, какъ единственнаго источника для уразумѣнія механизма и законовъ явленій живой природы, то едва ли кто станетъ отрицать ея могучаго вліянія, какъ обобщающей и направляющей идеи. И физикъ, и біологъ, изучая данное явленіе, не ограничиваются изслѣдованіемъ его самого по себѣ, но стремятся уяснить условія и путь, приведшіе къ нему, стремятся установить ту законмѣрную цѣпь, однимъ изъ звеньевъ которой служить изучаемое явленіе или предметъ. Если мы и не всегда вправѣ приписать этимъ теоретическимъ концепціямъ значеніе объективной реальности, то все же они оказываются логически неизбежными выводами изъ современныхъ данныхъ опыта и наблюденій, а потому съ ними приходится считаться, какъ съ результатами *положительнаго знанія*. Такой пріемъ теоретическаго изслѣдованія, получившій неоспоримое право гражданства въ области физическихъ наукъ, примѣняется и въ біологіи, и психологіи.

Психическія явленія настолько сложны, что лишь путемъ строгаго анализа мы можемъ расчлениить ихъ на болѣе понятные элементарные факторы. Такъ, сведя сложные явленія къ простѣйшимъ, намъ уже будетъ значительно легче изучить тѣ первичные, основные психоэлементы, изъ которыхъ, затѣмъ, путемъ эволюціи сложилась видимая психическая жизнь челоуѣка. Интересно, что наша рѣчь, т. е. звуковая, словесная символика для обозначенія предметовъ и явленій, развилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ впечатлѣній внѣшняго міра, и что „всѣ корни, т. е. всѣ матеріальные элементы языка суть звуковые знаки для впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ и только для нихъ. Такъ какъ всѣ слова,

обозначающіи даже самыя отягченныя и возвыщенныя предметы, произошли отъ корзей, то сравнительно языковедіе вполне подтверждаетъ мнѣніе Локка, по которому все содержаніе нашего внутренняго духовнаго міра обозначается естественными символами, первоначально выработанными для обозначенія чувственныхъ воспріятій, т. е. предметовъ и явленій вѣшняго матеріальнаго міра (*Максъ Мюллеръ*). Если принять въ соображеніе сопряженность развитія языка и мысли, то станетъ понятнымъ, почему анализъ ихъ приводитъ къ одному и тому же первичному элементу—чувственному воспріятію. Мы и начнемъ наше разсмотрѣніе съ первичнаго появленія чувствъ.

Несомнѣнно, что животный организмъ получилъ органы чувствъ, благодаря взаимодействию съ вѣшнимъ окружающимъ міромъ ¹⁾. Постоянными воздѣйствіями послѣдняго заставляли периферію организма превратиться въ такой сигнальный аппаратъ, который давалъ ему свѣдѣнія объ окружающихъ предметахъ, поскольку они дѣйствовали на организмъ. Нѣтъ такого органа чувства, который бы не служилъ организму въ этомъ чисто-утилитарномъ смыслѣ. Защита отъ вѣшняго нападенія, свѣдѣнія о свойствахъ окружающихъ предметовъ, опредѣленіе возможнаго пути передвиженія и т. д.—все это составляетъ первичные, основныя элементы знанія, необходимаго организму для самосохраненія и для другихъ фізіологическихъ его потребностей. Постепенное развитіе органовъ чувствъ, а стадо быть, и ощущеній происходило путемъ усложненія, совершенствованія, подъ непосредственнымъ и непрерывнымъ вліяніемъ вѣшняго міра. Отсюда и разнообразіе органовъ чувствъ. Одни даютъ организму свѣдѣнія о прикосновеніи съ предметами, другіе—о дѣйствіи свѣта, третьи воспринимаютъ звуки, четвертые реагируютъ на химическія свойства окружающей среды, на температуру и т. д. Вездѣ тамъ, гдѣ появляются морфологически обособленные органы чувствъ, мы должны съ фізіологической точки зрѣнія признать существованіе и *обособленнаго ощущенія*, которое является *первичнымъ психоэлементомъ*. Общій законъ гласитъ: дѣятельность развиваетъ органы, недѣятельность влечетъ за собою обратный процессъ, регресса или атрофіи. Развитіе это не только количественное, но несомнѣнно и качественное. Отсюда понятно, почему въ области одного и того же органа чувствъ постепенно замѣчается дифференцировка: простое различеніе свѣта и тьмы перешло затѣмъ въ тонкое различеніе цвѣтовъ; простое ощущеніе звука, затѣмъ, развилось въ способность воспринимать музыкальную гармонію; первичное кожное чувство распалось на ощущеніе давленія температуры

¹⁾ См. мою рѣчь „Душа и природа“. 1889. Харьковъ.

боли. Для ясности излагаемого припомним однако, что съ физиологической точки зрѣнія ощущение есть лишь условное обозначеніе, символъ извѣстнаго матеріальнаго нервнаго процесса, все равно, какъ слова: свѣтъ, звукъ, цвѣта, тоны—суть лишь символы для извѣстныхъ формъ движенія, совершающагося внѣ насъ. Стало быть, для нашего сознанія ощущение есть лишь символъ извѣстнаго внутренняго процесса въ душевной сферѣ, который для посторонняго наблюдателя выражается опредѣленнымъ физиологическимъ явленіемъ, доступнымъ объективному изученію ¹⁾).

Посмотримъ теперь, какъ пользуется организмъ полученнымъ ощущеніемъ, которое—какъ уже упомянуто—впервые доставляетъ элементы знанія о внѣшнемъ мірѣ, необходимые для физиологически правильной координаціи своихъ отношеній къ послѣднему. Съ нашей точки зрѣнія мы должны рѣшать этотъ вопросъ лишь объективно. Въ этомъ смыслѣ измѣненія въ организмѣ, слѣдующія за ощущеніемъ, и представляютъ собою его реакцію. Животное движется,—такое простѣйшій видимый отвѣтъ на внѣшнее воздѣйствіе; стало быть, ощущение было лишь сигналомъ, безъ котораго организмъ не былъ-бы въ состояніи правильно и цѣлесообразно регулировать свои отношенія къ окружающему міру. Это-же свойство впечатлительности оказываетъ ту же самую услугу всѣмъ животнымъ и самому человѣку. Животный организмъ, руководствуясь ощущеніями, стремится къ тому, что ему полезно, ибо оно вызываетъ чувство удовлетворенія и удовольствія. Все же, что причиняетъ боль, страданіе, нарушаетъ физиологическое равновѣсіе, все это вызываетъ чувство неудовольствія, и мы стремимся устранить его или удалиться отъ него. Въ основѣ этихъ инстинктивныхъ побужденій легко, стало быть, замѣтить чисто утилитарный принципъ въ физиологическомъ отношеніи.

Но первичное ощущение не ограничивается однимъ лишь временнымъ, скоро проходящимъ процессомъ реакціи. Въ протоплазмѣ животнаго организма вырабатывается способность не только возбуждаться и проводить эти импульсы, но въ ней постепенно развивается *память*, то есть способность удерживать слѣды ощущений. Эта спеціальная часть организма, *нервная система*—развивается въ связи и подъ стимулирующимъ вліяніемъ органовъ чувствъ. Нервная протоплазма по мѣрѣ ея дифференцировки переходитъ въ сложный аппаратъ, въ различныхъ частяхъ котораго задерживаются, перерабатываются и соединяются слѣды

¹⁾ Этотъ вопросъ о параллельномъ изученіи, психологическомъ и физиологическомъ, душевнаго процесса и сопряженной ему мозговой дѣятельности будетъ подробно разобранъ въ слѣдующей статьѣ „Чувство и знаніе“.

вышнихъ раздраженій, дѣйствующихъ на различныя части тѣла. Поэтому ощущенія уже не сливаются вмѣстѣ, для нихъ устанавливаются отдѣльныя, спеціальныя траекторіи, вслѣдствіе чего эти слѣды болѣе систематизируются въ нервной системѣ, распределяются болѣе обособленными однородными группами, соответственно органамъ чувствъ. Въ этой фазѣ развитія нервной системы сочетание однородныхъ ощущеній, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, особенно въ зрительной сферѣ, влечетъ за собою появленіе *представленій*, т. е. образовъ или отпечатковъ предметовъ вышняго міра. Накопленіе представленій, т. е. проще говоря, образовъ вышняго міра, понятно, относится лишь къ тѣмъ предметамъ и явленіямъ, которые въ состояніи возбуждать органы чувствъ. Тѣ же, которые не влияютъ сказаннымъ образомъ, тѣ не вызываютъ и реакціи со стороны организма, потому что они не воспринимаются; напр. у насъ нѣтъ магнитнаго чувства, и нашъ глазъ вообще не отличаетъ поляризованнаго луча свѣта отъ простаго, не воспринимаетъ и химическихъ его лучей. Теперь возникаетъ вопросъ: что же заставляло развиваться тѣ или другіе органы чувствъ въ томъ или другомъ направленіи, отчего возникли указанные пробѣлы? Простѣйшее рѣшеніе заключается въ томъ, что *въ организмѣ вслѣдствіе постоянной дѣятельности выработывались лишь тѣ формы чувственнаго взаимодействія съ внешнимъ міромъ, которыя оказывались ему полезными для самосохраненія, для поддержанія физиологическаго равновѣсія, для удовлетворенія основныхъ потребностей питанія и размноженія.*

Этотъ утилитарный принципъ явственно обнаруживается и на всемъ пути дальнѣйшаго совершенствованія органовъ чувствъ. Животному нѣтъ надобности воспринимать поляризованный свѣтъ, какъ таковой, или магнитныя вліянія и т. д., они не заключаютъ въ себѣ ни угрозы для его существованія, для его благополучія, ни полезности. Организмъ приспособляется въ своемъ филогенетическомъ развитіи къ вышнимъ условіямъ существованія въ смыслѣ достиженія наибольшаго физиологическаго благополучія; онъ устранивается отъ всего опаснаго и вреднаго и стремится къ тому, что ему полезно; а для того, чтобы этого достигнуть, ему нужно знаніе, свѣдѣнія объ этомъ. Развивая и совершенствуя свои органы чувствъ, животный организмъ слѣдуетъ основному біологическому принципу, имѣющему полное примѣненіе какъ въ тѣлесной, такъ и въ душевной жизни: *принципу наибольшей утилизации силы, вещества и времени, принципу наименьшей траты изъ для достиженія цѣлей существованія*. Въ этомъ въ сущности и заключается великій біологическій законъ экономіи труда, проявленія котораго тѣмъ явственнѣе, чѣмъ выше организація. Отсюда теперь по-

нятно, почему бездѣйствіе и недѣятельность влекутъ за собою ослабленіе и исчезновеніе органовъ; почему у насъ нѣтъ специальныхъ органовъ чувствъ такихъ, которые бы воспринимали внѣшніи вліянія, совершенно индифферентными для нашей жизни, знаніе которыхъ въ физиологическомъ отношеніи совершенно излишне и не нужно для организма. Этотъ же принципъ лежитъ въ основѣ физиологическаго раздѣленія труда и сопряженной съ этимъ дифференцировки тканей и органовъ, а стало быть, и функціональной дѣятельности. Увеличивающаяся скорость физиологическихъ процессовъ, нервныхъ, мускульной работы и др. служитъ проявленіемъ того-же закона. Онъ же поясняетъ намъ, почему по мѣрѣ филогенетическаго совершенствованія для основныхъ функціональных дѣятельностей животнаго организма требуется все меньшее и меньшее *принужденіе*, въ видѣ внѣшнихъ побужденій; почему эти послѣднія, столь важныя и для тѣлесной и для психической жизни, постепенно все замѣщаются болѣе слабыми внутренними, автоматическими или рефлекторными. Въ этомъ смыслѣ физиологическое развитіе приводитъ и къ большей независимости отъ внѣшняго міра.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ шло дальнѣйшее развитіе психики. Мы уже видѣли, что изъ первичнаго ощущенія развились двѣ формы дѣятельности. Первое есть чувство перемѣны въ состояніи организма, въ частности—нервной системы, указывающее на воздѣйствіе изъ внѣшняго міра; оно не объективируется наружу, это есть лишь факторъ самочувствія, какъ внутренняя реакція на внѣшнее раздраженіе. Изъ этой формы постепенно развивается вся обширная область чувствованій. Возбуждаясь извнѣ, она даетъ свѣдѣнія организму лишь объ его собственномъ состояніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чувство есть, такъ сказать, субъективная оцѣнка внѣшняго воздѣйствія, возникающая внѣ области воли и сознанія. Затѣмъ мы видѣли, что изъ тѣхъ же первичныхъ ощущений образуются представленія; здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ накопленіемъ образовъ, а стало быть, и свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ. Представленія отличаются отъ чувствованій тѣмъ, что они объективируются и переносятся нами во внѣшній міръ. Запасъ этихъ представленій и составляетъ основу нашихъ знаній о реальномъ мірѣ. Изъ комбинаціи однородныхъ представленій вырабатываются отвлеченныя представленія, понятія, а затѣмъ движенія и сочетанія ихъ даетъ мысль, идею. Такимъ путемъ развивается вторая болѣе совершенная область психики—*познавательная*. Итакъ, исходя изъ вышесказаннаго, мы должны признать, что въ основѣ ея лежитъ представленіе или знаніе, какъ про-

дуютъ чувственнаго опыта ¹⁾. Теперь намъ становится понятнымъ, почему со стороны философовъ постоянно замѣчается такое недоверіе къ опытному знанію; почему научному знанію отказываютъ въ достовѣрности и считаютъ необходимымъ вводить поправку и дополненіе путемъ чистаго умозрѣнія. Было же время, когда на замѣчаніе, что факты не подтверждаютъ апріорную теорію, философъ спокойно отвѣчалъ: „тѣмъ хуже для фактовъ“ (Гегель). Здѣсь не мѣсто останавливаться на защитѣ положительной науки, опытнаго знанія; достаточно припомнить, что могучій прогрессъ естествознанія роковымъ образомъ, шагъ за шагомъ, расширяетъ область своихъ владѣній, оттѣсняя сферу апріорныхъ умозрѣній; въ настоящее время естествознаніе заставляетъ и юриста и филолога, и историка, и экономиста, социолога и, наконецъ, самого философа считаться съ его методами и результатами. Подобно тѣлесному существуетъ и умственный голодъ: и растуцій, и разившійся интеллектъ требуютъ духовной пищи. Но уже прошло или проходитъ то время, когда „самодовлѣющее умозрѣніе“ удовлетворяло этой органической потребности; оно уступаетъ мѣсто положительному знанію, какъ вѣрному воспроизведенію дѣйствительнаго, реальнаго міра въ психической сферѣ. Положительная наука знаетъ и признаетъ этотъ міръ лишь таковымъ, какимъ онъ является въ нашемъ представленіи, въ нашемъ разумѣ. Такое знаніе есть результатъ опыта и логики; законы же логики суть отраженія законовъ природы. Въ этомъ то и заключается гарантія вѣрнаго соотвѣтствія нашего знанія тому, что составляетъ дѣйствительность. Положительная наука не знаетъ сущности вещей, но она и не стремится къ разрѣшенію „вѣчныхъ проблемъ“, метафизическихъ загадокъ. Разумная пытливость челоѣка находитъ себѣ полное удовлетвореніе въ области научнаго знанія, въ неизмѣримо богатой сокровищницѣ окружающей насъ природы.

Вернемся однако назадъ. Кромѣ указанныхъ двухъ областей: чувствованій и познанія, существуетъ еще третья сфера душевной жизни, которой до послѣдняго еще времени придавали самостоятельное значеніе, это—*воля*. Подъ этимъ названіемъ мы понимаемъ ближайшій стимулъ, вызывающій движеніе организма; его вліяніе не ограничивается только въ сферѣ тѣлесной, движенія мускуловъ, оно распространяется также и на движенія представленій, т. е. на ходъ мыслей, идей. Но

---

¹⁾ Я не считаю здѣсь умѣстнымъ входить въ разсмотрѣніе вопроса: возможно ли кромѣ опыта принять еще другой внутренней источникъ знанія, вполне независимый отъ эмпирическаго. Укажу лишь на то, что объективныя научныя доказательства, приводимыя въ пользу такого допущенія, нельзя считать достаточными. Доводамъ же субъективнаго происхожденія, противорѣчатъ основная точка зрѣнія нашихъ разсужденій.

кромѣ того воля оказываетъ и обратное, задерживательное дѣйствіе на тѣ же процессы, смотря по силѣ и направленію мотивовъ. Мы уже знаемъ, что въ простѣйшей формѣ движенія организма вызываются и опредѣляются ощущеніемъ. На извѣстное раздраженіе извнѣ онъ отвѣчаетъ роковымъ образомъ соотвѣтственнымъ движеніемъ,—это есть типъ рефлекса. Но если достаточно уже развилась нервная система, то каждое новое ощущеніе обязательно входитъ во взаимодействіе со слѣдами прежнихъ раздраженій, происходитъ измѣненіе его, качественное и количественное, въ силу чего реакція организма теперь уже становится иною, чѣмъ прежде. Машинообразный, роковой характеръ ея измѣняется, простой рефлексъ уступаетъ мѣсто болѣе сложному и болѣе современному отвѣтному движенію. Отвѣтъ организма на внѣшнее раздраженіе теперь не только измѣняется, но можетъ быть даже вполне задержаннымъ или появляться значительно позднѣе, а не тотчасъ вслѣдъ за полученнымъ впечатлѣніемъ. Происходитъ дѣйствіе, движеніе, повидимому безъ всякаго непосредственнаго повода. Въ этомъ случаѣ говорить о *произвольности* движенія, обозначая этимъ кажущуюся независимость его появленія отъ внѣшнихъ раздраженій. Стало быть, съ указанной генетической точки зрѣнія мы вправѣ разсматривать произвольность движеній не какъ первичное основное свойство или первичную психическую способность, но какъ вторичное или производное отъ взаимодействия чувственныхъ импульсовъ. Въ простѣйшей формѣ, какъ было указано, произвольность представляется, какъ *двигательное* побужденіе безъ непосредственно предшествующаго соотвѣтственнаго чувственнаго воспріятія, а стало быть, и безъ непосредственнаго внѣшняго повода. Въ этомъ случаѣ „самобытная“ произвольность развивается, какъ результатъ взаимодействия не только внутреннихъ ощущеній и чувствованій, но понятно, и представленій, т. е. мысли. Эти послѣдніе какъ бы замѣняютъ собою внѣшній міръ, возбуждая подобно послѣднему и, въ замѣвъ его, чувственную сферу и тѣмъ самымъ вызывая „произвольныя“ дѣйствія. Отсюда ясно, что развитіе „воли“ въ ея видимыхъ проявленіяхъ происходитъ въ зависимости не только отъ чувственной сферы, но и познавательной.

Такимъ образомъ исходя изъ принципа *единства психической дѣятельности*, мы отказываемся отъ тѣхъ апріорныхъ воззрѣній, по которымъ чувство, воля и мышленіе разсматриваются какъ вполне самостоятельныя, обособленныя способности, независимыя другъ отъ друга и по способу проявленія, и по своей дѣятельности. Нельзя не признать, что эволюціонная доктрина даетъ возможность путемъ сопоставленія цѣлаго ряда фактовъ придти къ такимъ теоретическимъ построеніямъ,

которые гораздо проще, яснѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо шире объединяють изучаемыя явленія и приводятъ ихъ къ одному цѣльному стройному представленію. Въ основѣ постепеннаго развитія (психогенеза) лежитъ *общеніе* живыхъ существъ съ внѣшнимъ міромъ; такое же взаимодѣйствіе, очевидно, возможно лишь при наличности и ближайшемъ участіи чувственной сферы. Если въ явленіяхъ высоко-развитой познавательной дѣятельности и волевой, повидимому, и отсутствуютъ чувственные элементы, какъ таковые, то все же анализъ убѣждаетъ насъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ихъ производными вышшаго порядка.

И такъ съ генетической точки зрѣнія, *въ сферѣ воли мы находимъ, какъ первоисточникъ, тотъ же внѣшній міръ, который послужилъ могучимъ побудителемъ для возникновенія и чувствованій, и познаний.*

Въ огромномъ ряду произвольныхъ дѣйствій самаго человѣка физиологическій анализъ указываетъ на неизбѣжное присутствіе чувственныхъ элементовъ, безъ которыхъ никакія усилія воли не въ состояніи вызвать желаемыхъ движеній. Простое самонаблюденіе легко убѣждаетъ насъ, что въ нашихъ произвольныхъ поступкахъ явно или скрытно опредѣляющую роль играютъ чувствованія. Не даромъ же нѣкоторые психологи совершенно отрицають волю, какъ самостоятельную способность души и считаютъ, что *преобладающее вліяніе какаго-либо чувства въ данный моментъ и составляетъ то, что мы называемъ волею* (Г. Спенсеръ). Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ себѣ, что при совершеніи какаго-нибудь поступка мы слѣдуемъ лишь ходу отвлеченной мысли, безстрастно, повидимому, при полномъ покоѣ чувственной сферы, то все же мы говоримъ объ исполненіи плана дѣйствій, получившаго *одобреніе* въ нашей душѣ. Обдуманіе своего поступка передъ его совершеніемъ, оцѣнка его послѣдствій съ личной и объективной точки зрѣнія, выборъ того или другого дѣянія, критика его—все это, конечно, можетъ совершаться въ чисто отвлеченной сферѣ, безъ всякаго нарушенія душевнаго равновѣсія, при полномъ покоѣ нашихъ чувствованій. Но вѣдь одобреніе, наша санкція есть, несомнѣнно, чувственный актъ или сопровождается таковымъ, поскольку мы вправѣ здѣсь говорить объ одобреніи, какъ о болѣе отвлеченной формѣ чувства удовольствія.

Физиологическія наблюденія представляютъ цѣлый рядъ доказательствъ въ пользу положенія, по которому всякій актъ воли неразрывно связанъ съ чувствомъ. Мы приведемъ здѣсь для иллюстраціи этого положенія лишь небольшое число фактовъ. Припомнимъ, напримѣръ, что произвольная защита тѣла отъ угрожающихъ опасностей возможна лишь тогда и послѣ того, когда ощущеніе непосредственно указало на

опасность: близость огня опасна, но лишь ощущение ожога даёт свѣдѣнія о ней. Впослѣдствіи же достаточно одного лишь представленія огня, которое, воспроизводя въ памяти ощущение ожога, уже вызываетъ „произвольный“ актъ защиты.— Далѣе, кто не знаетъ, что глотаніе есть чисто произвольный актъ, а между тѣмъ, чтобы произвести его, нужны ощущенія. Такъ, если совершенно очистить и обсушить полость рта, то никакими усилиями воли мы почти не въ состояніи сдѣлать глотательнаго движенія. Причина та, что *недостаетъ ощущенія* чего-либо посторонняго во рту; достаточно накопиться уже небольшому количеству слюны, и снова актъ глотанія становится удобоисполнимымъ.— Чрезвычайно интересный фактъ, сюда относящійся, былъ описанъ еще въ началѣ этого столѣтія. Какъ извѣстно, лошадь подбираетъ пищу, напр. зерна овса, чрезвычайно ловкими и быстрыми движеніями верхней губы. Это движеніе, несомнѣнно, произвольное. Если, однако, уничтожить *только чувствительность* этой губы, и затѣмъ подать кормъ, то верхняя губа остается неподвижною, какъ будто парализованною; животное старается захватить пищу зубами, помогаетъ нижней губою, но, конечно, цѣль не достигается. Лошадь сердится, злится, бьетъ о землю ногами, видимо, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы захватить кормъ; но верхняя губа, анестезированная, остается неподвижною; стало быть, *недостатокъ ощущенія пищи вызвалъ невозможность целесообразныхъ волевыхъ движеній верхней губы*, не смотря на то, что и зрѣніе, и осязаніе нижней губы и языка, казалось бы, должны были замѣнить собою недостающія ощущенія съ верхней губы, мускуль которой *нисколько не поврежденъ*. Этотъ примѣръ чрезвычайно рельефно показываетъ всю важность *соответственныхъ* чувственныхъ ощущеній для чисто волевыхъ, сознательныхъ движеній. Далѣе если анестезировать, т. е. сдѣлать нечувствительными (кокаиномъ) слизистыя оболочки полостей рта и зѣва, напр. у собаки, то не только глотаніе, но и „произвольное“ захватываніе пищи оказывается невозможнымъ, ибо *недостаетъ соответственныхъ осязательныхъ и вкусовыхъ ощущеній*. Наблюденія надъ больнымъ человѣкомъ даютъ обширный матеріалъ, подтверждающій тотъ же выводъ. Такъ, напр., извѣстны случаи, въ которыхъ анестезія кожи, ея полная нечувствительность, вызываетъ рѣзкое разстройство движеній. Больной можетъ держать какойнибудь предметъ въ анестезированной рукѣ и двигать ею лишь до тѣхъ поръ, пока онъ смотритъ на нее, т. е. пока недостающія кожныя ощущенія руки онъ замѣняетъ зрительными впечатлѣніями. Но достаточно ему закрыть глаза или посмотреть въ сторону, и рука перестаетъ ему повиноваться,—предметъ падаетъ. Потеря кожной чувствительности въ ногахъ вызываетъ рѣзкое

нарушеніе ходьбы: она возможна лишь, пока глаза открыты; если же ихъ закрыть, то это влечетъ за собою невозможность ходьбы, и больной, не чувствуя опоры, шатается и можетъ даже упасть. Еще примѣръ. Если одинъ глазъ, напр. правый, почему либо не участвуетъ въ актѣ зрѣнія, вслѣдствіе заболѣванія или дальноворкости, то видѣніе *близкаго* предмета происходитъ лишь помощью, допустимъ, близорукаго лѣваго глаза; а правый, *не получающій ясною чувственаго впечатлѣнія*, не принимаетъ участія въ актѣ видѣнія, не фиксируетъ предмета и можетъ даже отклониться кнаружи. Получается временное косоглазіе отъ того, что *произвольное сокращеніе соответственнаго мускула праваго глаза не можетъ произойти, вслѣдствіе отсутствія чувственаго впечатлѣній съ этого глаза.*

Подобное опредѣляющее значеніе чувственныхъ импульсовъ наблюдается и въ болѣе широкой области *произвольныхъ дѣяній* болѣе сложныхъ, чѣмъ вышеприведенныя. Никто, конечно, не станетъ отрицать того, что добываніе и приѣмъ пищи и всѣ сложныя дѣйствія человѣка, направленные къ этой цѣли, вся экономическая борьба, во всѣхъ ея видахъ и перипетіяхъ, относятся къ чисто произвольнымъ движеніямъ; и тѣмъ не менѣе только чувство голода или одно лишь устрашающее представленіе о немъ и о его послѣдствіяхъ оказывается тѣмъ побудителемъ, безъ участія котораго никакая воля не въ состояніи была бы питать тѣло человѣка. Никакое убѣжденіе, никакіе научные доводы не заставляютъ насъ принять пищу, никакое лукулловское пиршество не соблазнятъ насъ, если мы не будемъ имѣть чувственаго побужденія. Стало быть, для удовлетворенія физической потребности организма, могучаго инстинкта самосохраненія, недостаточны ни воля, ни познаніе; *необходимъ соответственный чувственный импульсъ.* Наростаніе этой неудовлетворенной потребности вызываетъ неудовольствіе и страданіе. Мы принимаемъ пищу вовсе не изъ убѣжденія въ необходимости питанія, но лишь для того, чтобы устранить эти неприятыя чувства или получать удовольствіе, если кормленіе мы возводимъ въ особый культъ и стремимся къ нему ради его одного. Стало быть, здѣсь регуляторами для поддержанія физиологическаго равновѣсія тѣлесной жизни служатъ чувственныя побужденія.

Въ такой же рѣзкой формѣ наблюдается значеніе ихъ, какъ побудителей и регуляторовъ произвольныхъ дѣйствій, и въ проявленіяхъ *родового чувства.* Инстинктивныя требованія вида, столь же могучія, какъ и инстинкты личной жизни, всецѣло подчиняются направляющему вліянію чувственныхъ импульсовъ. Появленіе послѣднихъ обуславливается чисто органическими причинами, корениющимися въ физиоло-

гических свойствах индивидуума. Но, конечно, и здѣсь чувствованія, становясь болѣе сложными и обособляясь отъ этихъ причинъ, могутъ, повидимому, дѣйствовать самостоятельно и становятся объектомъ личнаго культа.

Если отъ явленій личной и видовой жизни мы перейдемъ къ дѣйствіямъ воли въ несравненно болѣе сложной, *коллективной жизни*, то увидимъ, что и тамъ аналогично и съ неменьшею силою проявляется могущество чувства, которое всегда болѣе или менѣе сопряжено съ познавательными элементами—представленіями. Однимъ изъ наиболѣе разительныхъ проявленій могущества чувственныхъ побужденій можетъ служить материнская любовь и родительское чувство вообще. На этой почвѣ голосъ разума, трезваго разсудка, теоретической мысли оказывается такъ часто безсильнымъ въ борьбѣ съ проявленіями родительской любви, которая всецѣло овладѣваетъ волею и полновластно направляетъ дѣйствіи. Здѣсь порывъ чувства не только даетъ энергію, вдохновляетъ, но и не рѣдко служитъ единственнымъ руководителемъ „произвольныхъ дѣяній“. Въ этой сферѣ никакой разумъ, никакая идея не въ состояніи всецѣло замѣнить чувствованіе безъ ущерба естественности и гармоніи жизни. Отношеніе родителей къ дѣтямъ, заботливость объ ихъ благополучіи, такъ часто видимо мотивируемая теоретическими соображеніями или разчетомъ, въ сущности оказывается лишь инстинктивными проявленіями родительскаго чувства.

Нѣкоторую аналогію для уясненія важнаго значенія чувства мы находимъ и въ отношеніяхъ между воспитателями и дѣтьми. Педагогъ, лишенный „душевной теплоты“, окажется не на высотѣ своего призванія, хотя бы онъ и былъ во всеоружіи разума и науки; дѣти понимаютъ больше чувствомъ, чѣмъ умомъ, и лишь съ возрастомъ устанавливается сила критерія разума. Чувствованія ребенка имѣютъ свою логику, которая не поддается увѣщаніямъ холоднаго разсудка воспитателя; съ этою логикой приходится считаться, а для этого надо знать ее и умѣть воздѣйствовать.

Перейдемъ теперь къ болѣе сложнымъ „произвольнымъ“ дѣяніямъ члена сообщества и посмотримъ—какое значеніе имѣютъ тамъ чувствованія. Возьмемъ простой примѣръ. Извѣстное лицо, какъ членъ общества, исполняетъ обязанности гражданина; его служебная дѣятельность есть необходимая составная часть общественной жизни и тѣмъ удовлетворяетъ извѣстной установленной „органической“ потребности общества. Что же возбуждаетъ его энергію къ этой работѣ? Опять тѣ же чувствованія: будетъ ли это чувство долга, честолюбіе, боязнь отвѣтственности и т. п. Стало быть, и здѣсь эти душевными свойствами слу-

жать утилитарному принципу, какъ это мы видѣли въ личной жизни. Но въ высшихъ чувствованіяхъ человѣка эта физиологическая основа для самосознанія постепенно утрачивается или, вѣрнѣе, принимаетъ иной характеръ. Чувственный мотивъ, повидимому, превращается въ сознательное логическое побужденіе, въ нравственную идею, въ идею долга, въ основѣ которой однако лежитъ все то же чувственное побужденіе. Возьмемъ ли мы иную форму труда или дѣятельности изъ побужденій *безкорыстныхъ*, и тамъ все таки чувство оказывается естественнымъ регуляторомъ—чувство мѣры, бодрости или усталости. Если идея и воля требуютъ чрезмѣрнаго напряженія и тѣмъ угрожаютъ физическому благополучію, то со стороны чувства является протестъ, который предохраняетъ отъ вреда. Въ извѣстномъ смыслѣ это чувство регулируетъ работу и въ духовной сферѣ, въ высшихъ ея областяхъ.

Все служеніе идеѣ красоты, весь культъ добра и любви къ ближнему, все поклоненіе истинѣ, всѣ сознательныя стремленія къ справедливости, свободѣ, общему благу—все это и возникаетъ, и развивается на почвѣ чувствованій. Художественное творчество, эстетическое наслажденіе относятся къ той же сферѣ духовной дѣятельности. Если идея даетъ задачу и намѣчаетъ цѣль, то лишь соответственное чувство, вдохновеніе, служитъ ближайшимъ двигателемъ—побужденіемъ къ осуществленію задуманнаго. Сила чувства въ художественно-творческомъ актѣ можетъ быть такъ велика, что, повидимому, онъ совершается внѣ непосредственнаго контроля сознанія, руководимый внѣсознательною чувственной интуиціей. Чувства мѣры, гармоніи и красоты являются самостоятельными регуляторами, которые такъ часто даже не поддаются словесному выраженію въ формѣ мысли, идеи. Лишите художника этихъ чувствъ, и никакія правила и законы ритма, гармоніи, перспективы, цвѣтоощущеній, никакое точное знаніе не въ состояніи будутъ замѣнить собою недостающіе чувственные регуляторы; его творческая дѣятельность будетъ парализована или искажена. Формула художественной правды не столько опредѣляется разумомъ, сколько подскаывается чувствомъ. Идея прекраснаго въ искусствѣ есть лишь частное проявленіе соответственнаго чувства, ибо и въ области этики мы встрѣчаемъ то же чувство: доброе дѣло мы называемъ прекраснымъ; благородство духа вызываетъ тѣ же чувства и ту же чувственную оцѣнку.

Вопросъ о происхожденіи нравственнаго чувства и объ условіяхъ его усложненія и развитія представляетъ для натуралиста огромный интересъ, но въ то же время и огромныя трудности. Какъ объективный наблюдатель, онъ вправѣ и здѣсь основываться лишь на данныхъ

вѣшняго опыта и наблюденія и изъ сопоставленія ихъ дѣлать заключеніе о происхожденіи этихъ чувствъ, о способахъ и путяхъ ихъ развитія и усложненія, о соотношеніи съ другими факторами жизни и т. п. Въ этомъ отношеніи всего вѣроятнѣе признать, что взаимодѣйствіе чувствующаго существа со всѣмъ окружающимъ міромъ и другими существами составляетъ основу для развитія этическихъ чувствованій; на этой почвѣ взаимнаго общенія возникаютъ и чувства дружбы, долга, самопожертвованія и т. п. ¹⁾ Сообщество есть великая сила для развитія жизни во всѣхъ ея сферахъ.

Едва ли можно сомнѣваться, что моральныя чувства челоуѣка возникли, какъ результатъ *совмѣстной* жизни. Если бы мы себѣ представили челоуѣка, развивающагося внѣ всякаго общенія съ другими существами, вполнѣ изолированнаго, то мы должны были бы уже а priori признать въ немъ отсутствіе не только альтруистическихъ, но и вообще всякихъ нравственныхъ чувствованій и понятій. Идеи долга, добра, справедливости, возникшія изъ соотвѣтственныхъ чувствованій, по своей сущности заключаютъ въ себѣ опредѣленія отношеній къ другому существу. Всеобщій законъ стремленія къ добру и удовольствію, избѣганія зла и боли, коренится въ условіяхъ индивидуальной жизни, въ физиологическихъ свойствахъ самаго организма; но онъ же лежитъ въ основѣ и совмѣстной жизни, какъ взаимодѣйствія двухъ или многихъ лицъ, руководящихся какъ личными, такъ и общими интересами. Исходя изъ приведенной гипотезы, имѣющей уже много приверженцевъ, слѣдуетъ признать, что прогрессъ этической тѣсно связанъ съ развитіемъ просвѣщенія и гражданственности; степень умственнаго прогресса есть основной опредѣлитель для моральнаго развитія культурнаго общества. Одно безъ другаго не можетъ вести къ разумному счастью, къ общему благу, достойному челоуѣка, какъ свободно мыслящаго и дѣйствующаго существа. Если мы себѣ представимъ такое сообщество, въ которомъ всѣ нравственныя идеи и чувства были бы уничтожены и, стало быть, всякія желанія и стремленія къ добру и злу вполнѣ отсутствовали, то, конечно, пришлось бы признать въ такомъ случаѣ полное искаженіе взаимныхъ отношеній сочленовъ, нарушеніе цѣлесообразнаго гармоничнаго общежитія, уничтоженіе общихъ интересовъ и нормальныхъ регуляторовъ совмѣстной жизни. Никакой кодексъ правилъ и законовъ, заученныхъ и вполнѣ усвоенныхъ, не пополнилъ бы допущеннаго пробѣла, ибо побудительная сила къ правильному исполненію ихъ, къ соотвѣтственнымъ произвольнымъ дѣяніямъ заключалась въ нравствен-

---

¹⁾ I. с. стр. 22—24.

нихъ чувствованій. Наконецъ, нельзя же не сознаться, что никакіе „писанные законы“ не въ состояніи охватить всѣ возможные случаи и формы челоуѣческаго взаимодействія, тогда какъ критерію нравственнаго чувствованія — голосу совѣсти, чувству справедливости подчинена всецѣло вся эта область совмѣстной жизни и взаимныхъ отношеній.

Итакъ дѣйствія воли въ этической сферѣ, сознательно или нѣтъ, всецѣло диктуются соотвѣствующими чувствованіями. Далеко не всегда послѣднія познаются, какъ таковыя; мы часто стремимся облечь ихъ въ форму мысли, идеи; чувственнымъ мотивамъ мы придаемъ „разсудочный“ обликъ и это стѣмъ легче достигается, что эти чувствованія, какъ и другія высшія, суть сложные комплексы изъ чувственныхъ и познавательныхъ элементовъ, образующіеся во внѣсознательной сферѣ. Въ силу удовлетворенной организаціи они приходятъ въ область сознанія уже готовыми и адѣе, вхождая во взаимодействие съ мыслью, волею и другими факторами, формуется въ видѣ сознательныхъ побужденій. Нерѣдко однако этическое чувство направляетъ извѣстное произвольное дѣяніе прежде, чѣмъ пройдетъ эта сознательная переработка, или совѣтъ безъ участія ея; и тогда мы говоримъ о „внутреннемъ убѣжденіи“, о „невольномъ стремленіи“, о „голосѣ совѣсти“.

Коллективная жизнь вырабатываетъ и устанавливаетъ свои потребности, удовлетвореніе которыхъ „произвольными дѣйствіями“ оказывается такою же органическою необходимостью, какъ это мы видѣли и для личной, и видовой жизни. Совмѣстная жизнь, кооперативная дѣятельность на почвѣ взаимныхъ услугъ оказывается болѣе полезною для достиженія личнаго благополучія, чѣмъ это достижимо усиліями одного лица индивидуума. Сознаніе и увѣренность въ большей полезности коопераций, совмѣстнаго труда и коллективной борьбы съ лишениями и опасностями заставляютъ въ концѣ концовъ эгоистическія чувства уступить мѣсто соціальному чувству, альтруизму. Такая же большая утилизация коллективнаго труда замѣчается и въ сферѣ чисто умственной. Общій физиологическій законъ суммированія отдѣльныхъ усилій и побужденій имѣетъ полное примѣненіе и въ данномъ случаѣ. То, что недоступно для отдѣльнаго усилія, оказывается достижимымъ для общаго совмѣстнаго труда; тамъ, гдѣ усложняются задачи, какъ неизбежное слѣдствіе развитія, является соответственная спеціализація труда: Отсюда и залогъ еяго успѣшности, отсюда и естественное стремленіе къ кооперации.

Высшіе принципы коллективной жизни общества и государства съ гегельвскаго точки зрѣнія суть не что иное, какъ отвлеченныя производныя, такъ сказать, отъ высшихъ или простѣйшихъ побужденій и

чувствований, которые руководили началом общезнания. Отсюда и понятно их существенное значение, как *естественных* регуляторов, без участия которых общественной жизни угрожает нарушение гармоничной правильности ее нормального хода. Усложнение среды, условий и действий вызывает усложнение и тех формул, в которых выражаются основные цели и законы, коренящиеся органически в этих проявлениях жизни. Никакая воля, никакой произвол не в состоянии возстановить естественного порядка в той сложной машине, составная часть которой суть самостоятельные мыслящая существа, не связанные вместе общими этическими чувствами и идеями.

На сколько умъ господствуетъ въ теоретической области; на столько же властнымъ оказывается чувство въ нашихъ действияхъ. Если одно мышление не въ состояніи осуществить идеальный порядокъ общезнания, то это станетъ болѣе достижимымъ при гармоничномъ участіи соответственныхъ чувствований. Теоретическая мысль не оживляетъ жизни, но она должна быть руководителемъ тамъ, гдѣ между ею и чувствами существуетъ гармоничное отношеніе. Исторія человѣчества однако показываетъ намъ, что одни лишь чувствованія, безъ знанія, безъ контроля просвѣщеннаго ума могутъ приводить къ народнымъ бѣдствіямъ, къ помраченію здраваго смысла, къ искаженію естественныхъ условий и формъ жизни. Если между „умомъ и сердцемъ“ возникаетъ антагонизмъ, то это можетъ повлечь гибельныя послѣдствія; въ такомъ спорѣ критеріемъ могутъ служить интересы общаго блага въ настоящемъ и будущемъ. Наши чувствованія относятся обыкновенно къ настоящему, имъ возбуждаются и поддерживаются; напротивъ, просвѣщенный умъ отличается прозорливостью; жертвуя интересами настоящей минуты, работаетъ наши чувства, онъ создаетъ или подготавливаетъ условия для лучшаго будущаго.

Законы общественной морали требуютъ любви къ ближнему, состраданія къ нему; вслѣдъ за тѣмъ совершается актъ воли, мы идемъ на помощь къ страдающему. Спрашивается достаточно ли было бы одной лишь идеи этой помощи, одного лишь теоретическаго убѣжденія въ необходимости помогать ближнему безъ всякаго движенія въ области чувства, безъ всякаго состраданія? Сама жизнь отвѣчаетъ на это — нѣтъ! Источникомъ состраданія, конечно, являются чувства личной невзгоды, такого же личнаго несчастія, пережитаго или лишь возможнаго въ нашемъ представленіи („психическое созвучіе“). Основаніе такого чувствованія коренится въ самой унаслѣдованной организационной организаціи чловѣка. Отсюда понятно, что если наше самочувствіе при этомъ актѣ милосердія нисколько не затрагивается, то и страданія ближняго намъ обійдутся чужды и не-

понятны, и само милосердіе становится автоматическимъ; одновременно съ нимъ безъ всякаго внутренняго протеста могутъ происходить дѣянія совершенно противоположнаго свойства, продиктованныя сухимъ, черствымъ „разчетомъ“.

Пускай нѣкоторые философы признаютъ за идеаль челоуѣка существо безстрастное, руководящееся въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ лишь разумомъ; пускай они считаютъ сильныя проявленія такихъ чувствъ, какъ радость, состраданіе, милосердіе и другія почти ненормальными душевными движеніями. Жизнь показываетъ намъ совсѣмъ иное: мы не дѣнимъ той услуги ближнему, которая вызывается только отвлеченною мыслью, безъ всякаго участія любви къ ближнему, такъ высоко, какъ услугу, мотивированную не только умомъ, но и сердцемъ. Такой помощи изъ отвлеченнаго побужденія скорѣе присущъ характеръ случайности, или вѣрнѣе—зависимости отъ господствующихъ теоретическихъ воззрѣній, отъ совершенно постороннихъ разсудочныхъ „тенденцій“; тогда какъ удовлетвореніе альтруистическаго чувства есть роковая органическая потребность, независимая отъ настроенія умственной сферы, отъ руководящаго міровоззрѣнія. Направляющее вліяніе этого естественнаго чувства всегда оказывается безошибочнымъ, если только оно не искажается вѣшательствомъ постороннихъ побужденій и искусственныхъ предначертаній ума. Чувство доброты и справедливости есть лишь личное проявленіе естественно установившагося моральнаго порядка, выработавшагося въ ряду поколѣній и не подчиняющагося личному произволу. Отсюда непреложность и непреоборимость „голоса совѣсти“, которая есть въ сущности вѣдосознательное сужденіе, проявляющееся въ чувствованіи. Отсюда и столь частая побѣда этого инстинктивнаго, полусознательнаго критерія надъ софистикой „разсудочнаго“ разчета. Не всегда этотъ внутренній голосъ поддается критикѣ мышленія, но всегда чувствуется его сила.

Какъ въ личной жизни, такъ въ особенности въ общежитіи мы должны признать опредѣляющее дѣйствіе общей органической способности приспособляться, которая и возникаетъ, и развивается лишь при участіи чувственной сферы. Последняя служитъ тѣмъ сигнальнымъ аппаратомъ, который даетъ намъ оцѣнку условія или вѣшняго вліянія—хорошо ли оно, полезно, удобно или вредно, или неурядно—и даетъ прежде, чѣмъ мышленіе разрѣшить этотъ же вопросъ. Нерѣдко оцѣнка чувствомъ бываетъ даже вѣрнѣе и именно тамъ, гдѣ вѣшнія отношенія устанавливаются по „черствому разчету“ безъ участія просвѣщеннаго ума. При наличности же послѣдняго, чувства даютъ лишь сигналы или матеріалъ для его рѣшающаго сужденія. Норма челоуѣческаго обще-

*

житія вырабатывается, какъ уже сказано, путемъ коопераціи, взаимныхъ услугъ или вообще взаимнаго приспособленія; только въ этомъ смыслѣ совмѣстная жизнь можетъ вести къ высшей цѣли, къ достиженію наибольшаго блага всѣхъ. На этой то почвѣ формируются тѣ закономѣрныя взаимныя отношенія людей, обобщеніе которыхъ мы называемъ *законами нравственности и общности*. Отсюда понятно, почему правила морали или побужденія изъ нравственнаго чувства являются органически необходимыми регуляторами, безъ которыхъ никакіе волевые акты, никакія произвольныя дѣянія не были бы, съ этой точки зрѣнія, правильны и цѣлесообразны. Конечно, отвлеченная мысль, идея, могли бы теоретически, такъ сказать—потенціально, замѣнить собою нравственное чувство, но для *совершенія дѣйствій* одной идеи обыкновенно оказывается недостаточно. Она даетъ лишь планъ и направленіе движеній; при обычныхъ нормальныхъ условіяхъ въ ней нѣтъ той явной энергіи, которая такъ живо проявляется въ чувствованіи. Эти отношенія являются физиологическою гомологіей для того же закона, который мы выше прослѣдили на произвольныхъ дѣйствіяхъ низшаго порядка. Само собою понятно, *участіе разума есть необходимое условіе для каждаго произвольнаго дѣйствія въ указанномъ смыслѣ*. Дѣянія, продиктованныя одними лишь чувствованіями, слишкомъ односторонни, слишкомъ подчинены внѣшнимъ случайнымъ вліяніямъ; только разумъ можетъ сдерживать порывы, ограждать внутреннее спокойствіе и поддерживать гармоничное равновѣсіе личной и общей жизни. Мы можемъ даже признать, что по мѣрѣ развитія духовной культуры, роль чувства, какъ руководителя человѣческихъ дѣяній, будетъ все слабѣть; что непосредственныя порывы чувства подъ регулирующимъ вліяніемъ разума будутъ и задерживаемы, и ослабляемы. Но едва ли правильно допустить, что высшею ступенью развитія въ этомъ направленіи было бы полное уничтоженіе высшихъ чувственныхъ побужденій и полная замѣна ихъ отвлеченною мыслью. Въ этомъ можно уже усумниться на основаніи того, что въ сферѣ чисто мыслительной, теоретической человѣкъ уже много разъ доказывалъ всю несостоятельность и шаткость своихъ „самобытныхъ“ апріорныхъ умозрѣній. Каждый разъ, когда по вопросамъ устроенія жизни, воспитанія, философскаго міросозерданія, общественнаго порядка и т. п. онъ отрывался отъ почвы опыта, отъ указаній природы, онъ впадалъ въ глубокія заблужденія; каждый разъ, когда въ жизни личной и соціальной естественныя побужденія онъ замѣнялъ искусственными измышленіями, абстрактною мыслью, его дѣйствія оказывались въ рѣзкомъ противорѣчьи съ природными условіями жизни, и результатомъ являлось полное искаженіе ея и неудача. При-

понимимъ вѣсти изреченіе социолога-философа (Ж. Ж. Руссо): „Все, выходящее изъ рукъ Творца, прекрасно; но въ рукахъ человѣка все уродуется и искажается“. Сюда же относится и общій біологическій законъ, по которому свойства и функции организма позднѣйшаго образованія, т. е., стало быть, высшихъ порядковъ, гораздо легче подвергаются искаженію и вырожденію, чѣмъ простѣйшія, первичныя. Для поясненія сравнимъ процессы питанія, какъ простѣйшую и первичную функцію, и работу мозга, какъ функцію болѣе высокую и развивающуюся несравненно позднѣе (какъ въ ряду животныхъ, такъ и въ развитіи особи). Первые болѣе устойчивы; менѣе легко измѣняются, прочнѣе коренятся въ самой организаціи; тогда какъ мозговые процессы легче модифицируются, качественно и количественно, представляютъ больше индивидуальныхъ уклоненій, легче искажаются, уклоняясь отъ нормъ и передаваясь въ такомъ видѣ путемъ наслѣдственности. Усложненіе организаціи и функциональной дѣятельности неизбѣжно сопряжено съ болѣею неустойчивостью и податливостью по отношенію къ разнымъ „вреднымъ“ вліяніямъ. Подобную же градацію по усложненію и по степени устойчивости мы можемъ замѣтить и въ предѣлахъ самой нервной системы, въ разныхъ ея отдѣлахъ. Та-же закономѣрность до известной степени наблюдается и въ области творчества человѣка въ сферѣ матеріальной культуры и искусства.

Тотъ же законъ имѣетъ, по моему убѣжденію, полное примѣненіе и къ коллективной жизни и къ психическимъ явленіямъ. Тѣ свойства и формы дѣятельности психики и общества, которыя возникли, какъ результатъ усложненія и развитія, оказываются и наименѣе устойчивыми: подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ они легче вырождаются, искажаются, чѣмъ ихъ гомологи на болѣе раннихъ, менѣе сложныхъ ступеняхъ личной и исторической жизни. Стало быть, въ этомъ отношеніи норма или естественная правильность въ теоретической области ума гораздо доступнѣе искаженію, чѣмъ въ низшей сферѣ чувствованій, которая, какъ болѣе первичная, оказывается и болѣе устойчивою, менѣе податливою внѣшнимъ измѣняющимъ вліяніямъ. Вотъ эта то опасность отступленія отъ „естественности“ каждый разъ угрожаетъ человѣку, когда онъ произвольно и „самобытно“ начинаетъ пренебрегать данными своихъ здравыхъ чувствованій и замѣнять ихъ умозрѣніемъ. Тѣмъ сильнѣе еще эта опасность искаженія *здравыхъ этическихъ отношеній*, если не только проявленіе, но и самое развитіе соотвѣствующихъ здравыхъ чувствованій будетъ вполне заглушено путемъ личнаго и общественнаго воспитанія.

Такимъ образомъ и въ сферѣ взаимныхъ отношеній человѣческаго общества мы встрѣчаемъ то же могучее вліяніе чувственныхъ побужденій, какое мы видѣли раньше и въ другихъ областяхъ. И здѣсь „свободная воля“ человѣка, его способность выбора, его „произвольныя дѣянія“ въ сущности регулируются мотивами чувственной сферы. Удовлетвореніе органическихъ потребностей сообщества и его стремленія къ наибольшему благу, въ физической и духовной сферахъ, достигается „произвольными“ дѣйствіями его сочленовъ; ближайшими же побужденіями оказываются мотивы личныхъ и социальныхъ чувствованій. Взаимныя отношенія на почвѣ семейственности, общественности и государственности подчиняются тому же закону приспособленія и раздѣленія труда, какъ и въ сферѣ личной, физиологической. Стало быть, и здѣсь ближайшими регуляторами могутъ быть только тѣ идеи, которыя непосредственно вытекаютъ изъ естественныхъ условій, вызывающихъ опредѣленныя чувствованія благополучія. Стремленія и влеченія, симпатіи и антипатіи часто образуются подъ вліяніемъ чувственныхъ впечатлѣній внѣ сознанія, внѣ контроля мысли и воли. Это—область внѣсознательная, откуда внезапно являются рѣшенія уже формулированныя, съ которыми критической мысли такъ трудно бываетъ бороться. Инстинктивныя влеченія и отвращенія диктуются мотивами нерѣдко неудовимыми для сознанія, но имѣющими свою логику, свои законы и свои роковыя отношенія въ бессознательной сферѣ. Эта сторона внѣсознательной интеллектуальной дѣятельности составляетъ первичную и основную почву для развитія этическихъ отношеній ¹⁾.

Для натуралиста является несомнѣнной истиной то положеніе, что *умственная развитіе человечества есть такое же роковое естественное явленіе, какъ ростъ и развитіе тѣлесное* ²⁾. Пытливость духа, стремленіе къ знанію суть органическія потребности, проявленія, знаменующія собою ростъ и развитіе ума. То же замѣчается и въ коллективной жизни, какъ бы мы не обозначали тѣ чувственныя побужденія, которыя направляютъ человѣка къ этой цѣли. Назовемъ-ли мы ихъ честолюбіемъ, самолюбіемъ, тщеславіемъ, любознательностью и т. п. все равно, эти условныя, символическія названія нисколько не умаляютъ важнаго физиологическаго значенія чувственныхъ импульсовъ, лежащихъ въ основаніи естественнаго стремленія къ знанію, умственной работѣ, ху-

¹⁾ Указанныя выше соображенія могутъ служить пособіемъ для сужденія о *темпераментальности*. Какъ общественный строй жизни, такъ и историческія судьбы цѣлыхъ народовъ во многомъ опредѣляются темпераментами ихъ.

²⁾ См. Душа и природа. Стр. 25.

дожественному творчеству. Внутренняя, мучающая потребность въ умствен-
номъ друдѣ и творествѣ, зарождается и формуется во внѣсознательной
сферѣ; проявляется же она въ извѣстныхъ сознательныхъ выраженіяхъ,
въ условныхъ формахъ: идеи, чувства, иного, побужденія въ зависимости
отъ личнаго свойства, условій времени и среды, отъ внѣшнихъ влия-
ній. Орляническая причина одна и таже, мѣняется лишь форма, въ ко-
торой она проявляется. И здѣсь мы вправѣ выгнать апіорное поло-
женіе, что для развивающагося человѣчества полное безстрастіе, полное
униженіе всѣхъ чувственныхъ мотивовъ, относящихся къ духовной
дѣятельности его, вызвало бы пріостановку этой дѣятельности или иска-
зило бы ее. Чувства красоты, наслажденія, гармоничности, вдохновеніе,
пытливость—всѣ эти высшія чувствованія, связанныя съ интеллекту-
альной дѣятельностью, побуждаютъ ее, поддерживаютъ и тѣмъ самымъ
входятъ въ нее необходимою составною частью. Какъ въ низшихъ сфе-
рахъ коллективной жизни считаются естественными, необходимыми та-
кия чувствованія, какъ дружба, сочувствіе, милосердіе, чувства долга,
чести, права, свободы, справедливости и т. п., такъ точно и въ выс-
шихъ областяхъ духовной дѣятельности необходимы интеллектуальныя
чувства—стремленіе къ истинѣ, правдѣ и художественному творчеству
въ ихъ идеальной формѣ.

Естественныя права нашихъ чувствованій, ихъ роль и значеніе
въ жизни, опредѣляются степенью умственнаго развитія. Ребенокъ бьетъ
кулаку, если оно причинитъ ему боль. Дикарь считаетъ себя вправѣ
сердиться на грозу и подозрѣвать въ ней злой умыселъ противъ своего
благополучія; онъ приходитъ въ изумленіе и ужасъ при видѣ солнеч-
наго затмѣнія и не скрываетъ своей ненависти къ тѣмъ злымъ духамъ,
которые покидаютъ небесное свѣтило; болѣзнь и смерть его близкихъ
возбуждаютъ въ немъ отчаяніе и жажду мщенія; онъ ищетъ жертвы,
на которую могъ бы обрушить чувство своего озлобленія, все равно, бу-
детъ ли эта жертва человѣкъ, животное, камень и т. п. ¹⁾ Для раз-
витія и обнаруженія чувствованій („языка душевныхъ волненій“) у
культурнаго человѣка предъявляются другой критерій, болѣе строгій
и объективный: отъ умственно развитаго человѣка требуется объектив-
ное спокойное отношеніе не только къ „непріятнымъ“ явленіямъ при-
роды, но и къ тому злу, которое ему наносится человѣкомъ, ниже его
стоящимъ по духовному развитію. Только равный къ равному вправѣ
предъявлять одинаковыя требованія, настаивать на выполненіи ихъ до
сознательному чувству долга и вправѣ выражать свое неудовольствіе

¹⁾ См. *Тейлоръ*. Первобытная культура. 1872 г. Т. I.

въ случаѣ неисполненія. Какъ и въ какихъ предѣлахъ дать просторъ выраженію чувствованій—это уже составляетъ задачу воспитанія, личнаго и общественнаго. Не нужно забывать лишь одного, что правильное воспитаніе чувства требуетъ не слѣпнаго гнета и принужденія ¹⁾, но разумнаго осмысленнаго разъясненія, ибо только при этомъ условіи можно развить ту самообрѣтѣнку, которая одна съ помощью научнаго знанія можетъ дать каждому человѣку возможность правильно ориентироваться среди всего его окружающаго и быть на стражѣ просвѣщенія и гражданственности. Если воспитаніе идетъ односторонне и именно въ сторону усиленія чувственной сферы, то этимъ создается благодарная почва для празднаго воображенія, суетнѣрія, мистицизма, туманнаго міросозерцанія. Этимъ неизбежно создается и антагонизмъ разуму и просвѣщенію, а это въ свою очередь влечетъ искаженіе основъ культурной жизни. Противъ всего этого борьба возможна и успѣшна лишь тогда, когда она ведется во имя разума, вооруженнаго положительнымъ знаніемъ: изъ умственной горизонты культурнаго человѣка онъ вытѣсняетъ мистическую философію и ограничиваетъ романтику воображенія. Но съ другой стороны культурныя задачи поэзіи и искусства не будутъ достижимы, если вмѣсто чувства прекраснаго мы подставимъ математическія формулы и анатомо-физиологическія сужденія. Если бы намъ пришлось изобразить чудную гармонию Бетховенской симфоніи физико-математическими построеніями, если бы даже удалось найти объективную закономерность ея звуковъ, то все же это не дало бы намъ эстетическаго наслажденія; мы восхищались бы силою научнаго анализа, мы прониклись бы чувствомъ благоговѣнія къ мощи разума и науки, но и только: для художественнаго чувства формулы не замѣнятъ тоновъ, и гармонія чиселъ не заглушитъ жажды гармоніи звуковъ...

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что умственное развитіе, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ естественное явленіе, есть такое же обязательное органическое звено въ жизни общественнаго организма, такая же интегральная составная ея часть, какъ и иныя функціональныя дѣятельности: самосохраненіе, питаніе, устраненіе опасностей, самозащита отъ страданій и т. п. Человѣческій трудъ, сознательный и произвольный, въ сферахъ науки, этики, эстетики, представляетъ собою такую же обязательную функцію, какъ и низшія гомологичныя отпращиванія въ чисто физиологической сферѣ тѣлесной жизни. Всѣ они подчиняются одному и тому же закону естественной

---

¹⁾ Подавляющее вліяніе „принужденія“ на психику указано въ моей брошюрѣ „Единство гипнотизма у человѣка и животныхъ“ 1891 г., стр. 37—39.

необходимости, ибо эти дѣятельности суть интегральныя органическія составныя части всеобщей жизни. Что же заставляетъ человѣка совершать „произвольныя дѣянiя“ въ этой высшей сферѣ, что же возбуждаетъ волю его, вызываетъ къ жизни скрытую энергію, его творчество? Уже поверхностный анализъ показываетъ, что и въ этой сферѣ ближайшими побужденіями къ дѣятельности являются чувственные мотивы, но уже въ болѣе высшей отвлеченной формѣ, болѣе независимой отъ требованій, такъ сказать, физической жизни. *Этотъ высшій трудъ и его мотивы уже обособились отъ той первичной почвы матеріальной жизни, въ которой они впервые зародились въ своей простѣйшей утилитарной формѣ.* Этими даны условія для дальнѣйшаго уже, повидимому, самостоятельнаго развитія въ сферѣ чисто идеальной, независимо отъ требованій матеріальной жизни. Для поясненія припомнимъ вышесказанное, что высшія чувствованія всегда оказываются сложными комплексами, заключающими въ себѣ интеллектуальныя и эмоціональныя элементы, т. е. понятія, представленія и чувства. (Въ настоящей статьѣ я не считалъ необходимымъ строго разграничивать понятія чувства и чувствованій, ибо здѣсь идетъ рѣчь объ ихъ общемъ біологическомъ значеніи). То, что мы называемъ *идеальными побужденіями, стремленіемъ къ идеалу въ высшей духовной дѣятельности,* то, что представляется нашему уму какъ высшій мотивъ, лежащій совершенно внѣ сферы физической природы,—все это для натуралиста есть прямой фізіологическій гомологъ низшихъ чувственныхъ побужденій, роковое слѣдствіе естественнаго развитія и совершенствованія въ болѣе обособленной сферѣ дѣятельности. Здѣсь намъ нѣтъ надобности доискиваться до первоисточника „идеала“; будемъ ли мы, щадя свое самолюбіе, признавать его внутри себя, въ нѣдрахъ и тайникахъ своего духа, или послѣдуемъ за воззрѣніемъ эмпиризма и признаемъ за таковой источникъ объективныя данныя, окружающую насъ природу—для насъ въ данномъ случаѣ важно лишь одно: идеальныя стремленія суть неразрывныя комплексы идеи и чувствованія. Никакой абстрактный идеалъ не можетъ имѣть значенія активнаго дѣятеля въ жизни, не вызоветъ напряженія воли, не побудитъ къ труду, если онъ будетъ лишенъ чувственнаго коррелата, если безстрастіе и абсолютное спокойствіе духа не уступятъ мѣсто вдохновенію, душевному движенію. Идеальныя стремленія къ истинѣ, добру, красотѣ, свободѣ, справедливости, во всемъ ихъ разнообразіи, сложности и сочетаніяхъ, представляются въ глазахъ фізіолога ближайшими чувственными мотивами или побужденіями въ широкомъ смыслѣ для тѣхъ „произвольныхъ“ дѣйствій человѣка, которыя направлены на удовлетвореніе существенныхъ *органическихъ* потребно-

стей духовной жизни, какъ индивидуума, такъ и всего общества. Физическому голоду соотвѣтствуетъ интеллектуальный, жажда знанія, творчества; какъ тѣлесныя основныя функціи требуютъ матеріала, пригоднаго для ихъ работы, такъ на удовлетвореніе потребностей интеллекта требуется соотвѣтственная духовная пища, стремленіе къ которой и облекается въ идеальную форму. Чѣмъ шире умственный кругозоръ и чѣмъ яснѣ идеальныя образы, тѣмъ болѣе они и доставляютъ удовольствія. Туманность и фантастичность идеальныхъ построений даютъ лишь пищу чувству и воображенію, но не разуму и труду, для которыхъ чувственный коррелятъ является не цѣлью, но лишь пособіемъ, стимуломъ. Далѣе и въ духовной сферѣ мы находимъ стремленіе къ защитѣ своего „я“, къ самосовершенствованію, къ поддержанію равновѣсія и къ приспособленію.

Гармоничное развитіе всѣхъ сторонъ человѣческаго интеллекта есть высшая цѣль, къ которой невольно стремится человѣкъ; она достижима лишь при условіи дѣятельности, будетъ ли эта работа теоретической мысли или художественное творчество. Не покой, но трудъ есть основа всякаго прогресса, это есть органическая потребность тѣла и духа; накопляющаяся энергія требуетъ выхода, разряженія; функциональная же работа есть основное условіе для прогресса тѣлеснаго и интеллектуальнаго. Отсюда и потребность въ постоянномъ побужденіи къ этой дѣятельности, отсюда и важность активнаго стремленія къ идеалу. Осуществленіе намѣченной цѣли полностью, конечно, невозможно.—въ этомъ то и заключается характеристика идеала, какъ такового. Въдѣ наши цѣли всегда опережаютъ наши средства. Безстрастная логика ума можетъ разрушить всю иллюзію и все очарованіе идеальнаго образа: практика жизни можетъ продиктовать отрицательный приговоръ всѣмъ идеальнымъ построеніямъ; побѣды зла, неудачи лучшихъ порывовъ, личныя невзгоды могутъ привести къ скептицизму, порывамъ отчаянія, къ полному пессимизму, и все же человѣкъ никогда не откажется отъ стремленія къ лучшему, къ совершенству: *ею влечетъ роковое стремленіе, инстинктивная потребность, какъ органическое свойство растущаго и развивающагося духа.* Ни воля, ни сознаніе не въ состояніи поборотъ тѣхъ высшихъ чувственныхъ побужденій и безкорыстныхъ стремленій въ сферѣ идеала, которыя составляютъ собою естественное роковое свойство духовной организаци. Настоящее никогда не удовлетворяетъ человѣка; критика ума и чувства находятъ въ немъ недостатки и даетъ основу для построенія идеала. Могучее стремленіе къ его достиженію доставляетъ какъ бы предвосхищеніе его, а стало быть и удовлетвореніе. Воображаемое обладаніе идеаломъ вызываетъ

чувство удовольствія, какъ бы отъ дѣйствительнаго осуществленія его, и придастъ энергію труду и стремленіямъ, направленнымъ къ достиженію его. Чѣмъ шире становится умственный кругозоръ человѣка, тѣмъ все дальше и грандіознѣе открывается передъ нимъ необъятная ширь и даль еще непознаннаго и еще недостигнутаго! И всетаки никогда умственный прогрессъ не остановится въ сознаніи безсидія, въ сознаніи недостижимости цѣли, ибо *этотъ прогрессъ есть роковое естественное закономъ!* Никакое нравственное умиротвореніе не въ состояніи замѣнить собою умственное развитіе и прогрессъ знанія, ибо оно не можетъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ интеллекта; жажда знанія, стремленія разума къ духовной пищѣ останутся безъ удовлетворенія. Какъ жизнь тѣла, лишеннаго пищи, становится ненормальною, искаженною, такъ и интеллектуальная сфера становится одностороннею до искаженія, утрачиваетъ гармоничное равновѣсіе, если при нравственномъ совершенствованіи будутъ заглушены требованія разума и художественнаго чувства.

Если все предъидущее достаточно выяснило столь важную роль чувства во всѣхъ областяхъ жизни человѣка, если оно могло убѣдить въ необходимости воспитанія этихъ душевныхъ свойствъ для умственнаго развитія, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, если мнѣ удалось показать, что и въ высшихъ сферахъ жизни человѣчeskія дѣянія подчинены общему психо-физиологическому закону, то я могу считать свою задачу исполненною. Я позволю себѣ остановиться еще на нѣкоторыхъ положеніяхъ, вытекающихъ изъ вышеприведенныхъ разсужденій и относящихся къ цѣлямъ и условіямъ коллективной жизни.

Исходя изъ высказанныхъ положеній можно выставить какъ непреложное то заключеніе, что идеальныя стремленія во всѣхъ областяхъ духовной дѣятельности суть основные ближайшіе стимулы развитія и совершенствованія, и что только тамъ, гдѣ сила идеала ослаблена, гдѣ *искажены и истощены здравыя чувства*—только тамъ можетъ развиваться отрицательное отношеніе къ задачамъ жизни, т. е. та болѣзнь духа, которую называютъ *пессимизмомъ*. Трудъ и положительное знаніе, при участіи нормальныхъ чувственныхъ побужденій, составляютъ естественное лекарство противъ этой болѣзни. На почвѣ добра и справедливости, на почвѣ науки и художественнаго творчества пессимизмъ, какъ міровоззрѣніе, не можетъ возрасти. Только ненормальная, чрезмѣрная впечатлительность къ проявленіямъ зла и слабая воспримчивость къ добру, а отсюда и односторонняя оцѣнка жизни могутъ повести къ отрицательному міровоззрѣнію, къ пессимизму. Такая „поляризація чувства“, несомнѣнно, представляетъ аномалію и по всей вѣроятности, нерѣдко составляетъ единственную субъективную почву для пессимистическаго

міросозерданія и для ослабленія трудової енергїи. Гармонія чувствованій, досягаемая правильнымъ ихъ воспитаніємъ, єсть главное условіе для душевнаго равновѣсія, для правильнаго отношенія къ себѣ и ко всему окружающему. Ни глубокое умозрѣніе, ни накопленіе положительнаго знанія не могутъ сами по себѣ привести человѣчество къ счастью тамъ, гдѣ заглушенныя и личныя, и альтруистическія чувства въ ихъ лучшей идеальной сферѣ. Физическія и нравственныя страданія угнетаютъ волю и енергію человѣка, задерживаютъ умственный прогрессъ. Если временныя лишенія и невзгоды заставляютъ опуститься наши руки; если неудачи и разочарованіе заглушаютъ безкорыстныя идеальныя стремленія, отнимаютъ увѣренность въ успѣшности борьбы; если вдохновеніе уступаетъ мѣсто равнодушію, апатїи, пессимизму—то все это указываетъ лишь на слабость высшихъ чувствъ добра, справедливости, стремленія къ истинѣ и свободѣ, отсюда и на слабость душевной енергїи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на извѣстную односторонность ума. Что же руководитъ человѣкомъ въ его борьбѣ со зломъ, съ лишеніями? Что же даетъ ему енергію, инициативу? Не идея, не отвлеченная мысль, но живое чувство, не всегда сознанное, но всегда могучее, защищаетъ его отъ опасности и гибели; лишь наши чувствованія пробуждаютъ енергію, волю, усилія которой, руководимыя разумомъ, должны вести къ наибольшему благу. Знаніе и умъ открываютъ опасность и указываютъ путь борьбы; чувства, пробужденныя идеей или извнѣ, воодушевляють и придаютъ увѣренность въ успѣхѣ. Чувства, которыя въ личной жизни человѣка служили путеводнымъ сигналомъ для его инстинкта самосохраненія, предохраняють челоуѣка въ ихъ высшей альтруистической сферѣ отъ опасныхъ искаженій въ жизни всего общества. Здѣсь уже руководитъ имъ не личный мотивъ самосохраненія, не эгоизмъ, но болѣе могучіе инстинкты коллективнаго организма.

Въ бурномъ потокѣ житейской суеты теоретическая мысль всегда отстаєтъ, событія опережаютъ ее; а практика жизни требуетъ быстрога воспрїятія и быстрыхъ рѣшеній. Почти во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни съ ходомъ цивилизаціи наблюдается и усложненіе общаго строя и ускореніе всѣхъ родовъ дѣятельности, движенія и взаимодействія. Все движется быстрѣе, всѣ спѣшатъ опередить другъ друга, какъ будто сокращается запасъ времени... и онъ, дѣйствительно, сокращается если не абсолютно, то относительно: если сравнить „программу жизни“ и личной, и общественной, и государственной теперь съ тѣмъ, что входило въ нее 50, 100, 200 лѣтъ тому назадъ, то станетъ понятнымъ, почему теперь вездѣ и всегда человѣкъ спѣшитъ, ускоряетъ продукцію и потребление, борьбу за существованіе, передвиженіе и взаимное общеніе, на-

учную работу, утилизацію прикладныхъ знаній, и самое мышленіе и т. д. Вѣдь каждый, едва вступивъ въ жизнь, находитъ свою обширную „программу“ уже готовую и считаетъ ее обязательною „къ исполненію“... Кто отстаетъ, будетъ ли это человекъ или все общество, тотъ страдаетъ; инстинкты гонятъ впередъ... Культура и просвѣщеніе неудержимо, роковымъ образомъ прогрессируютъ; невѣжество и рутина отстаютъ и терпятъ поражения. Къ чему все это приведетъ? Какія страданія готовятъ себѣ тѣ, кто чрезмерно напрягаетъ свои силы? Почему человекъ не хочетъ повиноваться предостереженіямъ своего разума? Куда идетъ эта широкая, бурная волна житейской суеты? Едва ли мы теперь въ состояніи дать точные отвѣты на эти вопросы.

Мы изучаемъ и устанавливаемъ законы жизнедѣятельности пока лишь *индивидуума*, здороваго и больного; мы знаемъ пока гигіену *личной* жизни; для общественнаго же организма эти знанія еще впереди... Для насъ здѣсь важенъ самъ по себѣ фактъ усложненія условий сообщества и ускоренія его жизнедѣятельности. Быстрота воспріятія и реакціи, близость, разнообразіе, и непрерывность взаимнаго общенія требуютъ постоянной смѣны чувствованій и ихъ сильнаго напряженія. Отсюда понятно ихъ огромное значеніе въ соціальной жизни и понятно, почему въ дѣйствіяхъ человека контроль и руководство разума такъ часто уступаютъ порыву чувства, страсти. Вышего того, чтобы служить „сигнальнымъ аппаратомъ“ для освѣдомленія и для пробужденія энергіи, чувства часто являются и мотивомъ, и направителемъ дѣйствій. На это указываютъ слова философа: „не идеи управляютъ міромъ и не прерываютъ его, но чувства, которымъ идеи служатъ лишь руководителями“. Сюда же относится и положеніе: соціальный механизмъ поконится въ сущности не на мнѣніяхъ, но на характерахъ“. (*Г. Спенсеръ*). Если это и есть дѣйствительный фактъ, то во всякомъ случаѣ это очень далеко отъ идеала общественной жизни... Допустимъ, что для нея разумъ, вооруженный научнымъ знаніемъ, выработаетъ теоретически правильную норму; будетъ ли это достаточно для достиженія общаго благополучія тамъ, гдѣ дѣйствіями людей руководятъ не логическія требованія разума, но чувства и страсти? А вѣдь не нужно забывать, что эти душевныя свойства коренятся въ самой организаціи человека, они съ трудомъ поддаются перевоспитанію и вообще крайне устойчивы, внося всюду обыкновенно элементы субъективизма. Напротивъ, измѣнять теоретическія мнѣнія, направить умственную работу въ другую сторону, перемѣнить основные принципы гораздо легче, ибо здѣсь дѣло идетъ объ объективной доказательности мотивовъ, о логической работѣ ума, исходъ которой опредѣляется не внутренними побужденіями, лежащими внѣ

контроля разума, но неизмѣнными законами логики. Если руководство въ дѣяніяхъ человѣка предоставлено его чувствованіямъ, то всегда грозитъ опасность излишней субъективности, эгоистичности: на-
•противъ, развитіе альтруизма и контроль разума болѣе гарантируютъ безпристрастное и справедливое, т. е. объективное отношеніе къ окружающему.

Соціальныя нравственныя чувства, необходимыя для совмѣстной жизни, мы встрѣчаемъ и у животныхъ: чувство долга, преданность, дружба, довѣріе, совѣстливость, заботливость, признательность, солидарность, самопожертвованіе и т. п. Но рядомъ съ этимъ животнымъ зна-
комы и преступления: не желая работать, они грабятъ и воруютъ пищу (напр. пчелы), отнимая ее у слабыхъ протѣвниковъ (конкурентовъ); они эксплуатируютъ трудъ слабѣйшихъ и держатъ рабовъ и т. д.; вороны, аисты, журавли преслѣдуютъ своихъ преступниковъ и подвергаютъ ихъ наказанію. Теперь намъ становится понятнымъ, почему въ древнія времена классической мудрости признавали судебную вмѣняемость животныхъ, ихъ призывали въ судъ къ отвѣту или въ качествѣ свидѣтелей. Древніе греки и римляне признавали съ другой стороны и нравственныя качества домашнихъ животныхъ и считали ихъ за членовъ семьи— за нѣмыхъ рабовъ... По наблюденіямъ натуралистовъ у животныхъ встрѣчаются, кромѣ вышеупомянутыхъ, и многія другія чувства: стыдливость, раскаяніе, мстительность, скорбь, уныніе, смущеніе, лицемеріе, коварство и др. Теперь является вопросъ: если у животныхъ наблюдаются проявленія такихъ чувствованій, хотя бы въ простѣйшей формѣ съ наименьшимъ участіемъ познавательныхъ элементовъ (представленій), то какъ далеко они развились у человѣка сами по себѣ помимо этихъ элементовъ? Должны ли мы признать такое же глубокое различіе между человѣкомъ и животными въ этой сферѣ, какъ и въ познавательной? Тотъ же вопросъ повторяется и при сравненіи дикаря съ культурнымъ человѣкомъ. Не показываетъ ли намъ исторія умственного развитія человечества, что прогрессъ чувствованій или вообще эмоціональной сферы находится въ прямой зависимости отъ развитія интеллекта и отъ усложненія совмѣстной жизни? что соціальныя нравственныя чувства имѣютъ отношеніе лишь къ внѣшнимъ условіямъ общества, къ установленію внѣшняго порядка общежитія, но не вліяютъ непосредственно на расширение умственного кругозора, на прогрессъ знанія? Конечно, человѣкъ стремится къ нравственному благополучію, умиротворенію и спокойствію, по скольку оно обуславливается правильностью взаимодействія членовъ общества; въ основу этого онъ кладетъ принципъ добра и спра-

ведливости. Но достаточно ли этого для внутреннего умиротворения, для утоления вѣчной жажды знанія и стремленія къ истинѣ? Человѣкъ стремится къ знанію и мышленію; только здѣсь онъ находитъ условія, благоприятныя для удовлетворенія непрерывно растущей потребности въ умственной работѣ. Въ этой сферѣ науки и мышленія онъ стоитъ выше внѣшнихъ условій существованія, выше утилитарныхъ интересовъ; онъ идетъ впередъ, благодаря своей личной инициативѣ и своей энергіи; здѣсь онъ находитъ удовлетвореніе своему постоянному стремленію къ прогрессу, къ расширенію своего личнаго умственнаго горизонта. И чѣмъ мельче натура, чѣмъ уже его духовный кругозоръ, тѣмъ скорѣе насыщается его духовная потребность, тѣмъ быстрѣе появляется „умственная сытость“, а отсюда самодовольство, самоиѣніе....

Но вотъ у человѣка возникаютъ роковые вопросы: „Что я такое? Зачѣмъ я живу на свѣтѣ? Какая дѣль моей жизни? Они смущаютъ его, онъ подавленъ грандіозностью этихъ проблемъ; въ немъ возникаетъ сомнѣніе—гдѣ искать отвѣта на нихъ, гдѣ рѣшеніе? Обращается къ наукѣ; ему кажется, что она не отвѣчаетъ и даже болѣе—что она не можетъ отвѣтить; тогда онъ отказывается отъ объективнаго рѣшенія и стремится разрѣшить задачу, разгадать загадку сфинкса внутреннимъ самосозерцаніемъ, умозрѣніемъ... Если наука не даетъ отвѣта, то только потому, что или неправильно ставятъ вопросы, или несвоевременно отъ нея требуютъ отвѣта. Прежде всего человѣку нужно отказаться отъ горделиваго чувства, отъ высокомернаго убѣжденія, что онъ есть центръ всего существующаго, что къ нему неприменимы общіе космическіе законы, что его жизнь не имѣетъ ничего общаго со всей остальной живою природой. На такой почвѣ никакая наука, никакой натуралистъ не признаетъ права даже ставить тѣ вопросы. Какъ представитель объективнаго знанія, онъ вправѣ уклониться отъ всякой проблемы въ видѣ метафизической загадки или изъ области субъективнаго идеализма. На эти вопросы отвѣчаетъ обыкновенно не положительное знаніе, но внутренний голосъ, не теоретическая мысль, но чувствованіе... И для кого этотъ голосъ звучитъ убѣдительно, доказательно, тотъ и правъ, говоря, что онъ нашелъ рѣшеніе роковыхъ вопросовъ; но пусть же это рѣшеніе и остается его личнымъ достояніемъ, ибо объективною доказательностью оно не можетъ обладать. Оно достигнуто не логикой ума изъ объективныхъ посылокъ, но внутреннимъ убѣжденіемъ, которое подчиняется инымъ законамъ. Натуралистъ же убѣжденъ, что знаніе „естественной исторіи человѣка“ будетъ и дальше прогрессировать, что придетъ время, когда положительное знаніе и научное мышленіе разъяснятъ условія,

мотивы и механизмъ человѣческихъ дѣяній, законы ихъ, аналогично знанію другихъ явленій живой природы, и тѣмъ самымъ дадутъ объективныя основы для пониманія человѣческой жизни и для рѣшенія многихъ роковыхъ вопросовъ, остающихся пока безъ отвѣта. Отсюда надежда на благотворное вліяніе науки и на эмоциональную жизнь, и на общественную этику въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ это замѣчается въ настоящее время. Тогда придется сильно ограничить роль личнаго чувства въ рѣшеніи великихъ жизненныхъ вопросовъ, которые всецѣло войдутъ въ сферу компетенціи разума, вооруженнаго положительнымъ знаніемъ. Конечно, разумъ не отвѣтитъ на вопросъ: доставляетъ ли мнѣ „это“ удовольствіе или непріятность; это—дѣло чувства; никогда онъ не отвѣтитъ и на вопросы о „тайнѣ бытія“, о „сущности вещей“, „о конечныхъ цѣляхъ существованія“ и т. п.; но несомнѣнно, это будетъ хорошее время, когда переотанутъ и предлагать такіе вопросы для объективнаго ихъ рѣшенія... Вѣдь прошли уже безвозвратно тѣ времена, когда рѣшали „важные“ вопросы о времени года, въ которомъ былъ сотворенъ міръ, о числѣ реберъ у Адама и т. п.!

И все же, не смотря на незнаніе „формулы жизни“, человѣкъ идетъ впередъ на пути истины и правды, добра и знанія. Этого нельзя отрицать, передъ фактами нельзя закрывать глаза. Отступленія отъ прогресса, движенія назадъ, колебанія въ стороны—все это было, вѣроятно, и будетъ еще встрѣчаться, но что значать эти замедленія на десятии и даже сотни лѣтъ въ сравненіи съ общимъ прогрессомъ на протяженіи тысячелѣтій для всего человѣчества!... И умственный, научный, и социально-этический критерій, несомнѣнно, значительно повысился въ сравненіи съ еще недавнимъ прошлымъ. То, что еще не такъ давно въ жизни лица и всего общества считалось правильнымъ, истиннымъ, похвально-добрымъ, теперь возбуждаетъ въ насъ ужасъ и отвращеніе; умственное наслѣдіе схоластической науки уступило мѣсто положительному знанію; мистическое міровоззрѣніе съ его суевѣріемъ и предрассудками постепенно разсѣивается, теряетъ почву; мѣсто безплоднаго субъективнаго идеализма занимаетъ философское міросозерданіе, опирающееся на научныя данныя; идея гуманности перестаетъ быть пустымъ звукомъ; на мѣсто случая и произвола водворяется господство закона. Правда, противъ всего этого слышатся еще сильныя возраженія: на многіе насущные, „роковые“ вопросы наука вѣдь не даетъ теперь отвѣта; рѣшеніе однихъ загадокъ она отлагаетъ на будущее, другія она совершенно игнорируетъ! Вѣдь справедливость и законность господствуютъ въ той формѣ, которая дана имъ волею

человѣка, а не естественными законами живой природы! Наше правосудіе все еще имѣетъ видъ грозной Немезиды, которая мститъ несчастному преступнику и въ этомъ находитъ удовлетвореніе... Война, разные виды рабства, пролетаріатъ, могущество богатаго, нетерпимость, кастовое разобщеніе, побѣда силы надъ правомъ и т. д.— все это совершается на нашихъ глазахъ, грубо противорѣча всѣмъ требованіямъ духовной культуры человѣка. Но не слѣдуетъ увлекаться пессимистическими выводами; всякая оцѣнка правильна лишь какъ относительная мѣра; только сравненіе съ пройденнымъ даетъ правильный критерій о движеніи впередъ. Природа не дѣлаетъ скачковъ; историческая жизнь всего человѣчества есть длинная цѣпь на протяженіи многихъ тысячелѣтій; ея звенья связаны роковымъ образомъ по закону причинности; нельзя дѣлать общихъ выводовъ на основаніи немногихъ изъ нихъ; такая близорукость при всей точности знанія можетъ привести къ ложнымъ заключеніямъ; нельзя обобщать частныя проявленія и руководствоваться своимъ личнымъ чувствомъ, какъ показаніемъ свидѣтеля темныхъ сторонъ жизни. Чтобы вѣрно оцѣнить прогрессъ человѣческой жизни, нужно стараться стоять на высотѣ культурнаго развитія и именно путемъ самосовершенствованія. Только этимъ устранится опасность односторонней критики. Пороки общества и недостатки его строя и жизни исправляются улучшеніемъ всей интеллектуальной сферы; сама по себѣ одна область знанія не ведетъ къ лучшему; одно формальное исправленіе этическихъ отношеній также не удовлетворяетъ требованіямъ прогресса духовной культуры. Только просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ слова можетъ составить почву, плодотворную для истиннаго прогресса человѣчества. *Инт.* *Тэнъ* говоритъ: „конечно, съ помощью жандарма съ одной стороны и страхомъ ада съ другой можно сильно вліять на людей, но тщетна надежда побороть этими средствами человѣческіе пороки“. Органическое исправленіе тогда лишь цѣлесообразно и успѣшно, когда оно не искусственно прививается извнѣ, но является роковымъ послѣдствіемъ улучшенія самого организма во всѣхъ сферахъ его жизни.

Личное совершенствованіе въ сферѣ знанія, этики и художественнаго творчества требуетъ постояннаго общенія, непрерывнаго взаимодѣйствія со всѣмъ окружающимъ. Безъ этого нѣтъ мѣста для высшихъ чувственныхъ побужденій, для идеальныхъ стремленій, которыя такъ необходимы для развитія энергіи человѣка. Мы чувствуемъ потребность въ идеальныхъ построеніяхъ, мы стремимся къ лучшему во всѣхъ областяхъ нашей жизни, къ идеалу, хотя бы и недостижимому; въ этомъ роковомъ *неодолимомъ* стремленіи къ умственному прогрессу, къ нрав-

ственному умиротворенію, дѣлать доказательство цѣлесообразности и естественности этого явленія. Это не есть результатъ самобитной дѣятельности человѣческаго ума, его теоретической мысли; идеальное стремленіе лишь символизируется ею, облечается въ форму, идею; но корень его лежитъ глубже... Это—голосъ самой природы, который ничѣмъ нельзя заглушить; это—проявленіе естественнаго закона, которому невольно подчиняется человекъ во всѣхъ сферахъ своей жизни.

Уголовное право Рима отъ древнѣйшихъ временъ до Юстиніана включительно.

(Историко-культурный очеркъ изъ лекцій, читанныхъ

Проф. А. Н. Стояновымъ).

I. Уголовное право Рима.

ВВЕДЕНІЕ.

Приступая къ изложенію этого предмета, нужно коснуться распространеннаго, довольно стараго мнѣнія, что уголовное право было самой слабой частью въ римскомъ законодательствѣ и римской юридической наукѣ. Мало того, нерѣдко высказывались мнѣнія (одно изъ нихъ принадлежитъ Майнцу), будто въ древнѣйшую эпоху римляне вовсе не знали уголовного права *sensu stricto*. Что касается перваго взгляда, то онъ имѣетъ известную долю основательности: и по количеству, и по качеству своему, матеріалъ уголовного права въ Римѣ гораздо ниже матеріала гражданскаго права. Что же касается втораго мнѣнія объ отсутствіи въ древнемъ Римѣ нормъ уголовного права, то это мнѣніе можетъ быть принято только со многими ограниченіями и оговорками. У римлянъ, дѣйствительно, не было полнаго кодекса уголовныхъ законовъ. Не только въ эпоху законодательства 12 таблицъ или болѣе древнихъ *leges regiae*, но даже въ позднѣйшее время, постановленія уголовного характера немногочисленны и встрѣчаются отрывочно въ законахъ смѣшаннаго содержанія, въ такъ называемыхъ *leges saturnae*. Отыскать здѣсь единство мысли законодателя и правовѣда чрезвычайно трудно. Согласовать частности съ общими принципами, даже тамъ, гдѣ таковыя имѣются, дѣло не легкое; но тѣмъ не менѣе уголовное право, формулированное не въ однихъ только писанныхъ законахъ, но въ обычаяхъ и въ судебныхъ рѣшеніяхъ многочисленныхъ судебныхъ инстанцій, имѣетъ историческую реальность въ римской жизни. Последнее обстоятельство, т. е. многообразіе и независимость судебныхъ инстанцій, имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи римскихъ уголовныхъ учреждений и представляетъ опору для сильныхъ возраженій противъ отрицательныхъ мнѣній, приведенныхъ мною выше. Автономія родовыхъ и семейныхъ сою-

зовъ, будучи общеизвѣстнымъ и крѣпко установленнымъ фактомъ римской цивилизаціи, скрывала сущность и дѣйствіе уголовныхъ нормъ по причинѣ той недоступной для постороннихъ юрисдикціи, которая отправлялась родоначальниками и семье-начальниками. Еще въ VI ст. ab U. C. имѣли мѣсто такіе факты, что заслуженные отцы молодыхъ римлянъ, совершившихъ государственное преступленіе, вступали въ препирательство съ государственными судами по вопросу о томъ, кому судить и казнить въ данномъ случаѣ преступника—главарю ли семьи, или представителямъ государственной юстиціи. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ трудно было составить писанные уголовные законы *sensu stricto* и легче всего было примѣнять обычаи, выработавшіеся притомъ подъ влияніемъ самыхъ отдаленныхъ идей и правилъ жреческой юстиціи и жреческой философіи. Немногія соображенія объ этихъ несомнѣнныхъ фактахъ даютъ твердую опору для несогласія съ отрицательными заключеніями объ отсутствіи уголовного права въ древнемъ Римѣ.

Что касается превосходства гражданского права въ Римѣ надъ уголовнымъ, то и этотъ безспорный фактъ не можетъ отнять всякое значеніе, какъ юридическое, такъ и культурно-историческое, у того, что можно и должно называть системой римскаго уголовного права. Дѣло въ томъ, что въ римскихъ памятникахъ, а въ особенности въ сочиненіяхъ юристовъ и въ заковахъ императорскаго періода, были намѣчены многіе основные вопросы уголовной юриспруденціи, и что тамъ же были выражены многія основныя понятія, каковы: умыселъ, неосторожность, случай, злоумышленіе, обстоятельства увеличивающія и усиливающія наказаніе, вѣнненіе и т. д. На этомъ матеріалѣ, конечно, далеко не обширномъ и не столь обработанномъ, какъ матеріалъ гражданскихъ правоученій, на этомъ матеріалѣ однако же возникла въ средніе вѣка наука уголовного права въ западно-европейскихъ университетахъ. И очень можетъ быть, что ученіе, построенное на римскихъ воззрѣніяхъ и началахъ, составляло видную часть въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ криминалистовъ до того позднѣйшаго момента въ XVII и особенно XVIII стол., когда проявились первые проблески идей о реформѣ, объ улучшеніи, особенно въ отдѣлѣ наказаній, вслѣдствіе вліяній гуманной и независимой философіи, преимущественно въ Италіи и Франціи. Что касается положительныхъ законодательствъ Западной Европы, то карательная система этихъ кодексовъ, до конца XVIII и до первой четверти XIX ст., обнаруживала признаки вліянія римскихъ идей и римскихъ постановленій. Вообще, римское уголовное право, потерявшее теперь всякое значеніе для догматическаго изученія, представляетъ большой историческій интересъ, такъ какъ на матеріалѣ этого отдѣла

права у римлянъ можно провѣрить и подтвердить а posteriori многія гипотезы и общіе выводы по вопросу о высшихъ законахъ развитія той великой силы въ человѣческихъ общежитіяхъ, которая называется много-знаменательнымъ словомъ „уголовное правосудіе“.

а) Исторія уголовного права въ древности до закона XII таблицъ.

Исторію римскаго уголовного права можно раздѣлить на три періода: первый—древнѣйшій до закона XII табл. включительно; второй—средній послѣ законовъ XII табл. и до конца республики, и третій—императорскій—отъ Августа до Юстиніана включительно. Основательность такой группировки фактовъ будетъ для насъ ясна изъ самаго свойства тѣхъ данныхъ, которыя составляютъ содержаніе устанавливаемыхъ нами періодовъ. Въ древнѣйшемъ періодѣ прежде всего выступаетъ вопросъ, какъ понимали въ то время римляне сущность преступленія и наказанія, т. е. природу тѣхъ понятій, на которыхъ устанавливается уголовное право всѣхъ народовъ, безъ различія происхожденія, степени образованности и т. д.

Оказывается, что главнымъ моментомъ въ понятіи преступленія у примитивныхъ римлянъ является не воля, произведшая дѣяніе, но послѣдствія отъ вреднаго дѣянія, нарушившаго чей-либо интересъ. Такимъ образомъ понятіе преступленія съ одной стороны (со стороны субъективной—участія лица) чрезвычайно суживается, съ другой стороны (объективной, со стороны послѣдствій отъ преступленія) чрезвычайно расширяется. Въ силу такого взгляда, представляющаго одинъ изъ примѣровъ контраста въ міровоззрѣніи древнихъ и новыхъ народовъ, не только человѣкъ, но и животное, даже неодушевленные предметы могутъ подлежать осужденію и вмѣненію извѣстной quasi—карательной мѣры: проклятію, выбрасыванію за предѣлы страны, уничтоженію убіеніемъ, раздробленіемъ и т. д. Правда, что у римлянъ мы видимъ лишь слѣды, лишь переживанія такихъ понятій и учреждений въ дигестахъ относительно выдачи животныхъ, нанесшихъ вредъ; тамъ же, т. е. въ дигестахъ, есть указаніе на какой-то законъ *lex Pesularia* по этому предмету. Но гдѣ есть извѣстные слѣды въ видѣ переживанія, тамъ всегда можно съ вѣроятіемъ предположить, въ восходящемъ историческомъ порядкѣ, существованіе болѣе полного и реального учрежденія. Намеки на вмѣненіе преступленій въ вину животнымъ, нарушившимъ чей-либо интересъ, могутъ быть принимаемы за переживаніе у римлянъ еще потому, что совершенно однородныя идеи и понятія очень ясно замѣчаются у грековъ, гдѣ, напр., Демосѳенъ въ рѣчи, текстъ которой сохранился до нашего времени, говоритъ объ обычаѣ приносить на судъ притановъ

*

камни, деревья, куски желѣза, которые убивали кого-либо случайно;— такіе „преступные предметы“ были, по древнему обычаю, раздробляемы и выбрасываемы за предѣлы страны, причемъ исполнителями подобныхъ приговоровъ были жрецы изъ „genos'a“ эвпатридовъ. Далѣе, никто иной, какъ знаменитый Платонъ въ своихъ законахъ говорить, что животное, убившее человѣка, подлежитъ суду по жалобѣ родичей убитаго; виновное животное умерщвляется и выбрасывается за предѣлы государства. Но этого мало; есть факты, которые даютъ основаніе признавать указываемыя нами понятія и учрежденія за весьма распространенное общеприродное явленіе. Аналогичные обычаи существовали у иранцевъ, повиновавшихся кодексу Зендъ-Авесты, и у евреевъ (ср. Исходъ XXXI, 28—32), а также у многихъ германскихъ племенъ. Во Франціи средневѣковаго періода (въ X, быть можетъ, въ XI ст.) документально извѣстны случаи суда надъ животными, что несомнѣнно представляетъ собою долго сохранявшіеся слѣды переживанія примитивныхъ идей о томъ, что такое преступленіе, и въ чемъ заключаются тѣ факторы, которые вызываютъ преступное дѣяніе въ человѣческомъ обществѣ. Широкая аналогія, представляющаяся въ преступленіи, гдѣ люди не усматриваютъ еще дѣйствія свободной воли, имѣеть одну общечеловѣческую и психическую причину: примитивный человѣкъ лишенъ еще способности анализа, и поэтому не умѣетъ отыскивать отдаленную и скрытую причину встречающихся явленій. Затѣмъ, на вмѣненіе, обращенное противъ животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, должны были имѣть сильное вліяніе религіозныя идеи у многихъ культурныхъ народовъ, арійцевъ и семитовъ, которые вѣровали, что всякое пролитіе крови человѣческой, кѣмъ бы то и чѣмъ бы то ни было, есть грѣхъ и оскверненіе земли и святынь ея; снять съ земли это оскверненіе, смыть пролитую кровь со святыни можно только тогда, когда уничтожится виновникъ тяжкаго дѣянія въ извѣстной группѣ людскаго общежитія.

Вторая типическая черта древняго уголовного права въ Римѣ заключается въ отсутствіи общаго понятія и общаго термина для преступленія, какъ нарушенія правового порядка: существуютъ только названія для отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній. Такимъ образомъ у римлянъ не сразу и не въ глубокой древности, а сравнительно позже, явились выраженія *crimen*, *malefícium* и, быть можетъ, даже *delictum*. Равно-мѣрно, лишь сравнительно въ позднѣйшее время, прекратилось смѣшеніе въ одномъ словѣ понятій какъ о преступномъ дѣяніи, такъ и о вредѣ, который наносится этимъ дѣяніемъ. Такой смыслъ имѣло между прочимъ *fraus*, означавшее одновременно преступленіе и вредъ, имъ причиненный. Правда, что есть у древнихъ римлянъ такіе термины,

какъ *perduellio*, *parricidium*, выражавшіе собою представленіе о цѣлыхъ разрядахъ или классахъ разнообразныхъ преступленій, но само собою разумѣется, что ни одинъ изъ терминовъ этихъ не можетъ быть признанъ за логическую, точно выраженную формулу общаго отвлеченнаго понятія о преступленіи.

Третья типическая черта древняго уголовного права въ Римѣ заключается въ отсутствіи различія между уголовнымъ дѣяніемъ и гражданскимъ правонарушеніемъ, въ силу чего гражданскія взысканія у древнихъ римлянъ имѣютъ карательный характеръ. Замѣчаніе это встрѣчается у всѣхъ историковъ римскаго права, въ характеристикахъ системы закона XII таблицъ, въ оцѣнкахъ примитивнаго договорнаго права у римлянъ и т. д. По русски высказаны очень цѣнныя мнѣнія и разсужденія по этому предмету у Муромцева (Гражд. Пр. Древн. Рима стр. 90 и 140), причемъ Муромцевъ указываетъ на то обстоятельство, что наказаніе слѣдовало независимо отъ того, дѣйствовалъ ли нарушитель права умышленно или неумышленно. Объясненіе этой стороны предмета облегчается при соображеніи того, что сказано выше въ настоящемъ текстѣ по вопросу о значеніи субъективнаго и объективнаго элемента въ преступленіи съ точки зрѣнія древнихъ римскихъ юристовъ.

Еще одною типическою стороною въ древнемъ уголовномъ правѣ слѣдуетъ признать смѣшеніе элемента правового съ религіознымъ, вслѣдствіе чего отождествляются между собою грѣхъ и преступленіе. Такимъ образомъ въ римскомъ уголовномъ правѣ не только существуютъ преступленія специально-религіознаго характера, какъ-то: богохульство, святотатство, лжеприсяга, но каждое нарушеніе общественнаго порядка есть, въ то же самое время, нарушеніе божескаго порядка.—Фактическое подтвержденіе такого общаго замѣчанія можетъ быть отыскано въ *leges regiae*, въ царскихъ законахъ; между прочимъ такого рода подтвержденіе отыщется здѣсь по вопросу объ оскорбленіи старшихъ членовъ семьи младшими, о нарушеніи святости и неприкосновенности межевыхъ знаковъ, объ умышленномъ человѣкоубійствѣ—*parricidium*, и даже о неосторожномъ убіеніи человѣка. При этомъ высказывается взглядъ, что наказаніе за извѣстные проступки есть въ то же самое время очистительная жертва предъ богами (*piaculum*), замѣнявшая настоящее примитивное жертвоприношеніе преступника вмѣстѣ со всею семьею, со всѣмъ родомъ и со всѣмъ имуществомъ его. Смягченіе, на которое мы указали, въ формѣ замѣны очистительною жертвою настоящаго жертвоприношенія, есть одинъ изъ крупныхъ признаковъ того внутренняго процесса въ развитіи уголовного римскаго права, который (процессъ) называется технически секуляризацией уголовного законодательства, т. е. пе-

реходомъ этого законодательства съ древней, чисто теократической точки зрѣнія на свѣтскую, общественную точку зрѣнія. Мы хотимъ сказать здѣсь, что результатомъ секуляризаціи оказалось признание церевѣса соціальной стороны въ преступленіи надъ стороною религіозною. Вотъ почему законъ XII табл., гдѣ также отражается на отдѣльныхъ чертахъ процессъ постепенной секуляризаціи уголовного права, представляетъ собою весьма интересный памятникъ; историческое значеніе его еще болѣе усиливается тѣмъ, что возлѣ секуляризаціи права замѣчается другое очень важное явленіе: закрѣпленіе и расширеніе государственнаго вліянія на уголовный судъ и уголовное право, съ ограниченіемъ принциповъ мести, самосуда и абсолютнаго права карать у представителей отдѣльныхъ общественныхъ союзовъ общиннаго, родоваго и семейнаго.

Кромѣ того, въ памятникѣ этомъ мы наблюдаемъ окончательное установленіе системы преступленій съ подведеніемъ ихъ подъ категоріи *delicta publica* и *delicta privata*. Первая категорія преступленій—*delicta publica*—заключаетъ въ себѣ такія правонарушенія, которыя направляются непосредственно противъ государства, а также которыя наносятъ вредъ государству чрезъ нарушеніе интересовъ и правъ частныхъ лицъ. Ко второй категоріи можно отнести такія преступленія, которыя наносятъ вредъ исключительно отдѣльнымъ лицамъ въ государствѣ. Виды преступленій 1-й категоріи находятъ для себя обозначеніе въ общемъ терминѣ *perduellio*, причеиъ сюда относятся предательство и измѣна, возбужденіе непріятеля противъ отечества, оставленіе рядовъ арміи (дезертирство), уклоненіе отъ ценза (государственной переписи), нанесеніе ударовъ батогами или причиненіе смерти гражданину съ нарушеніемъ законовъ о провокаціи; далѣе сюда подводятся: нарушеніе трибунскихъ правъ, опредѣленныхъ и огражденныхъ въ *leges sacratae*, причиненіе безпорядковъ и ночныхъ буйствъ въ городѣ. Таковы случаи, въ которыхъ государство усматриваетъ нарушеніе своихъ собственныхъ, непосредственныхъ интересовъ.

Что же касается преступленія, косвенно затрогивающаго государство, то таковымъ считаются *raucidium* во всѣхъ своихъ видахъ, прелюбодѣянніе съ весталкой, нарушеніе межевыхъ знаковъ и границъ (*termini motio*), ночное похищеніе плодовъ совершеннолѣтнимъ, предвамѣренный поджогъ, убіеніе животныхъ, рабочихъ воловъ (*bucidium*), продажность судьи, обида въ формѣ диффамаци, вѣроломство въ отношеніяхъ между патронами и кліентами, лжесвидѣтельство, отказъ въ дачѣ свидѣтельскихъ показаній, неосновательное удаленіе мужемъ жены изъ дома съ фактическими послѣдствіями развода, нарушеніе предписаній

и обычаевъ, издревле регулировавшихъ выкидываніе новорожденныхъ дѣтей (*expositiones liberorum*).

Историческій интересъ вышеприведенной классификаціи состоитъ въ томъ, что въ перечисленныхъ преступленіяхъ является передъ нами наглядное указаніе тѣхъ предѣловъ, до которыхъ такъ рано уже достигло вниманіе государства во всѣхъ области общественныхъ отношеній, со включеніемъ уголовного права и уголовной юрисдикціи.

Что касается *delicta privata*, то виды ихъ слѣдующіе: нарушенія супружеской вѣрности, случайное убійство, случайное поджигательство, обиды другихъ видовъ, кромѣ диффамаци, поврежденіе чужихъ имуществъ (что было внослѣдствіи предметомъ Аквиліева закона), воровство (*furtum*), ночное похищеніе чужихъ плодовъ несовершеннолѣтнимъ, лихоимство, манципация вещи, которая подлежитъ отобранію (*evictio*), внесеніе вещи, посредствомъ даренія, въ разрядъ *res sacrae*, при наличности судебного спора объ этой вещи.

Что касается *delicta publica*, то здѣсь мы должны указать на то, что всѣ они, т. е. *delicta publica*, наказуются по суду въ государственныхъ трибуналахъ. Наказанія въ большинствѣ исчисленныхъ преступленій суть уголовныя, т. е. эти наказанія падаютъ на жизнь, на свободу и на гражданскую правоспособность осужденнаго. Къ такимъ ропае *capitales* между прочимъ относится и такъ называемое *sacratio*—лишеніе религиозныхъ и гражданскихъ правъ, какъ переживаніе теократическаго (жреческаго) періода въ исторіи римскихъ учрежденій; *sacratio* пазначается за нарушеніе законовъ о провокаціи, за проступки противъ родителей, противъ обязанностей патрона и кліентовъ, и друг.

Смертная казнь, *ultimum supplicium*, практиковалась въ разныхъ видахъ. Отсѣченіе головы, повѣшеніе съ соблюденіемъ древнихъ жреческихъ обрядовъ—съ закрытіемъ головы казнимаго (*caput obnubito*) и притомъ непремѣнно на деревѣ, посвященномъ подземнымъ богамъ (*arbor infelix*). За убійство родителей назначалась квалифицированная казнь, *roepa culei*, т. е. зашитіе въ мѣшокъ вмѣстѣ съ гадами и извѣстными животными съ цѣлью утопленія.

Кромѣ того практиковалось сожженіе (за поджигательство), низверженіе съ Тарпейской скалы, зарытіе живьемъ въ землю (за прелюбодѣявіе весталки).

Смертная казнь могла быть замѣняема продажею въ рабство и конфискаціею имущества.

Въ заключеніе этой, довольно полной, лѣстницы наказаній можно поставить лишеніе гражданской чести и штрафы, доходившіе иногда до отнятія половины состоянія виновнаго, напр., въ случаѣ неправиль-

наго *perudium* и такого же (неправильнаго) выбрасыванія дѣтей (*expeditio liberorum*). Что касается послѣдствій относительно *delicta privata*, то они, т. е. послѣдствія, имѣютъ двойственный характеръ: или частной саморасправы, или же наложенія наказаній отъ лица государства.

Что касается частной саморасправы, то она является, въ системѣ закона XII табл., въ видѣ допущенія *juris vitae ac necis* не только для отца, но и для мужа жены, нарушившей супружескую вѣрность. Тотъ же остатокъ примитивной саморасправы виденъ по отношенію къ праву обокраденнаго хозяина вещей—убить вора.

Вообще законъ XII таблицъ представляетъ въ своихъ статьяхъ по этому вопросу подтвержденіе того важнаго историческаго факта, что абсолютная частная саморасправа существовала и въ Римѣ, какъ повсюду, и прежде своего окончательнаго прекращенія приняла форму такъ наз. *jus talionis*, т. е. частнаго возмездія, обставленнаго извѣстными условіями и ограниченнаго извѣстными предѣлами со стороны государства.

Важенъ также по отношенію къ вопросу о вмѣшательствѣ государства въ область уголовного права тотъ фактъ, что *jus talionis* могло быть замѣняемо или пенею, или тѣлеснымъ наказаніемъ отъ лица государства (случайное убійство, случайное зажигательство). Такое сопоставленіе и даже преобладаніе государственнаго суда и государственной юрисдикціи надъ остатками самосуда и саморасправы указываетъ на быстрое расширеніе государственной компетенціи въ дѣлѣ уголовного суда и наказанія въ весьма раннюю эпоху исторіи римскаго права и римскихъ учрежденій.

б) Періодъ отъ XII таблицъ до начала Имперіи.

Здѣсь прежде всего нужно обратить вниманіе на маловажность результатовъ законодательной дѣятельности до самаго времени Суллы, не смотря на чрезвычайный ростъ республиканскаго государства какъ въ географическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи. Причины такого явленія отчасти поддаются нашему наблюденію и опредѣленію. Это, до извѣстной степени, было результатомъ наклонности римлянъ къ предпочтительнымъ занятіямъ гражданскимъ правомъ, при важности и широтѣ экономическихъ отношеній въ V и VI ст. ab u. c. Нужно вспомнить еще менѣе широкое развитіе, такъ сказать, автономной самостоятельной юрисдикціи въ семейныхъ союзахъ, гдѣ господствовала абсолютная власть семьяначальника. Кромѣ вышесказаннаго, одною изъ причинъ слабой законодательной дѣятельности по уголовному праву было также очень широкое право сановниковъ наказывать по волномочію сената,

а иногда и безъ такого полномочія, смертною казнью въ скоромъ, чрезвычайномъ или, какъ говорятъ, въ суммарномъ порядкѣ. Ясно, что тутъ можно было и не нуждаться въ точныхъ опредѣленіяхъ закона даже для чрезвычайно важныхъ случаевъ уголовного вмѣненія. За то отъ начала VII столѣтія ab U. C. начинаютъ издаваться цѣлыя группы законовъ, опредѣляющихъ вопросы какъ матеріальнаго, такъ и формальнаго уголовного права, т. е. опредѣляются роды и виды преступленій, указываются и вычисляются роды и виды наказаній за эти преступленія, и даже устанавливаются какъ личный составъ, такъ и вѣдомство и порядокъ судопроизводства въ тѣхъ комиссіяхъ, которыя должны были судить извѣстное преступленіе. Такимъ образомъ можно назвать слѣдующіе законы: *lex Calpurnia de repetundis*, *lex Junia (id)*, *lex Acilia*, *lex Servilia Glautia* и т. д.; законы противъ преступленія *ambitus* (различныя злоупотребленія по выборамъ), а именно *lex Pinaria* въ 4 ст. ab u. c., *lex Poetelia*, *lex Cornelia Cetege*, *lex Vibia* и нѣкоторые другіе; законы противъ расхищенія и неправильнаго присвоенія казенныхъ денегъ; законы противъ нарушителей *majestatis populi Romani*, противъ оскорбителей величія и достоинства римскаго народа; нужно замѣтить, что понятіе о *majestas populi Romani* столь же неопредѣленно, а потому и опасно въ примѣненіи, какъ понятіе о государственномъ и религіозномъ интересѣ у грековъ и у многихъ западно-европейскихъ народовъ, слишкомъ широко поставившихъ вопросъ о значеніи элемента государственности въ человѣческомъ обществѣ. Кромѣ законовъ по уголовнымъ преступленіямъ, здѣсь можно указать на слѣдующія постановленія: *lex Plaetoria de circumscriptione adolescentium*, *lex Fabia de plagiariis*, *lex Remmia de calumnia*, *lex Silia de ponderibus publicis* и наконецъ *leges agrariae*, поскольку они наказуютъ за нарушеніе межъ.

Что касается законодательства Суллы, то оно содержится въ слѣдующихъ отдѣльныхъ постановленіяхъ: *leges de sicariis*, *de veneficis*, *de injuriis*, *de falsis*, а также законы, подтверждавшіе прежнія постановленія *de crimine repetundarum* и *laesae majestatis*. Законодательство Суллы, между многими другими интересными сторонами, представляетъ собою ту важную для исторической науки черту, что въ немъ обнаруживается стремленіе признать значеніе субъективнаго элемента въ преступленіи, допустивъ категоріи умышленныхъ преступленій убійства и поджога; здѣсь же обнаруживается попытка опредѣлить и приложить на практикѣ понятіе о подстрекательствѣ и о покушеніи. Въ концѣ республики, послѣ Суллы, можно указать на законы Помпея и законы Юлія Цезаря также *de repetundis*, *de peculatu*, *de sacrilegiis*, *de ambitu*, и въ особенности важны *leges Julii (Augusti)*, а можетъ быть и Цезаря) *de adulteriis*

coercendis et de pudicitia. Здѣсь важно то обстоятельство, что *adulterium*, какъ проступокъ, видимо перестаетъ быть предметомъ подсудности передъ домашнимъ судомъ (*judicium domesticum*) и относится къ публичнымъ преступленіямъ, т. е. судится на основаніи общаго уголовного закона въ государственномъ судѣ. Въ такомъ же положеніи стоитъ вопросъ о другихъ преступленіяхъ противъ нравственности, какъ-то *stuprum*, *incestus*, *lenocinium*. Такимъ образомъ, во всѣхъ частностяхъ уголовного римскаго права этого періода, мы наблюдаемъ одинъ и тотъ же крупный фактъ: все усиливающееся значеніе государственнаго вмѣшательства даже въ вопросы нравственности римскихъ гражданъ.

Въ связи съ вышеназложеннымъ замѣчается, съ другой стороны, усиливающееся ограниченіе древнихъ началъ личнаго возмездія и самосуда: право отца на жизнь и смерть дочери, совершившей прелюбодѣяніе, не является уже принадлежащимъ *paterfamilias*у абсолютнымъ правомъ. Для осуществленія отцовскаго *jus vitae ac necis* требуются условія: подвластность ему дочери, поимка прелюбодѣя на мѣстѣ преступленія, причемъ мѣсто совершенія преступленія должно быть или домомъ отца, или домомъ мужа; право мужа на жизнь прелюбодѣйной жены ограничено еще въ большемъ размѣрѣ: его мщеніе обусловлено тѣмъ, чтобы виновный, прелюбодѣй, былъ челоуѣкъ, лишенный гражданской чести (*infamis*), или же пребывалъ въ состояніи либерта, а также раба жены, ея отца, ея матери или другихъ родственниковъ. При этомъ мужъ не могъ саморасправно убивать свою преступную жену, удерживая однако же исключительное право вчинять противъ виновной жены уголовный искъ. Повидимому, наказанія, прилагавшіяся къ преступницѣ въ такомъ случаѣ, были: *aquae et ignis interdictio* и денежныя штрафы.

с) Императорскій періодъ.

Періодъ этотъ по отношенію къ развитію уголовного права представляетъ собою продолженіе той исторической эволюціи, которая достаточно обозначилась уже въ предшествующую эпоху; особенно сильна и близка связь императорскаго законодательства съ республиканскимъ законодательствомъ по уголовному праву, начиная отъ конца VI и отъ первыхъ годовъ VII ст. аб. у. с. Нельзя при этомъ не сдѣлать одного замѣчанія: въ императорскомъ періодѣ замѣтно усиленіе того вліянія, какое оказали теоретическая наука и юристы относительно установленія и развитія общихъ, основныхъ понятій уголовного права. Между прочимъ такимъ вліяніемъ юристовъ можно и должно объяснять установленіе категорій злого умысла, неосторожности и случайности въ пре-

ступленіяхъ, какъ противодѣйствіе тому смѣшенію *culpaе et casus*, которое смѣшеніе представляетъ собою отличительную черту примитивнаго уголовного права римлянъ. Законодательство и наука согласно стремятся къ исправленію этихъ недостатковъ, причемъ, напр., точное опредѣленіе *dolus* совершилось подъ вліяніемъ аристотелевскихъ подраздѣленій преступныхъ дѣяній. Дѣйствуя въ томъ же направленіи, законодательство и наука уголовного права въ императорскомъ періодѣ устанавливаютъ различіе преступленій, понятія которыхъ также не было въ примитивномъ уголовномъ правѣ римлянъ. Обращено еще вниманіе на опредѣленіе тѣхъ условій, которыя вліяютъ на такъ называемое *вмѣненіе*. Такъ усиленіе или ослабленіе мѣры наказанія связывается съ возрастомъ и общественнымъ положеніемъ наказуемыхъ лицъ; причемъ не всегда можно одобрить то значеніе, которое признается и законодательствомъ и наукою для отдѣльныхъ условій *вмѣненія* въ частности. Такъ, между прочимъ, въ римскомъ законодательствѣ императорскаго періода высказаны знаменитые въ дальнѣйшей исторіи уголовного права юридическіе софизмы: *malitia supplet aetatem; in delictis neminem aetas excusat*. Здѣсь же проведена сословная точка зрѣнія, устанавливающая неравенство въ примѣненіи наказанія въ такомъ смыслѣ, что лица привилегированныя, *honestiores* вообще, а также солдаты, подлежатъ меньшимъ наказаніямъ, чѣмъ лица низшихъ классовъ, *humiliores*, а также люди, не принадлежащіе къ военному сословію. Большое отрицательное значеніе приобрѣтаетъ въ императорскомъ періодѣ по вопросу о *вмѣненіи* та жестокая фикція, по которой допускается наслѣдственность преступности для тѣхъ лицъ, которые родились отъ нарушителей интересовъ государственной власти (*crimen laesae majestatis*).

Система преступленій.

Здѣсь мы насчитываемъ слѣдующіе виды преступныхъ дѣяній, поименованныхъ и опредѣленныхъ въ Дигестахъ (48 кн. 4 т. и слѣд.).

1) *Crimina laesae majestatis*—понятіе этого преступленія уясняется цѣлымъ рядомъ работъ знаменитыхъ юристовъ Ульпіана, Маркіана, Спеволы и Сатурнина. Участіе столькихъ юристовъ въ опредѣленіи признаковъ этого преступленія есть фактъ знаменательный, указующій на важную роль тѣхъ интересовъ, которые должны были охраняться извѣстнымъ уголовнымъ закономъ; но вчитываясь въ текстъ отрывковъ изъ Ульпіана и другихъ правовѣдовъ, невольно поражаешься многословіемъ и неопредѣленностью текста, установленнаго свѣтилами римской юриспруденціи. Крайняя эластичность и неопредѣленность отдѣль-

ныхъ положеній въ этомъ законѣ весьма ярко представляютъ великую опасность отъ его послѣдовательнаго примѣненія; такъ, между прочимъ, обвиняется въ *crimen laesae majestatis* то лицо, по совѣтамъ котораго правитель какой-либо иностранной державы станетъ менѣ послушенъ римскому народу; одинаковому вмѣненію подвергается тотъ, по чьей винѣ римское государство получитъ менѣ заложниковъ или добычи, чѣмъ другое государство. Весьма оригинально то обстоятельство, что юристами имперскаго періода былъ поднимаемъ и рѣшенъ вопросъ, слѣдуетъ ли считать, какъ *crimen laesae majestatis* поправку императорскихъ статуѣ по причинѣ ихъ ветхости (юристъ Марцеллинъ рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно). Такой-же вопросъ возбужденъ былъ по другому случаю, когда брошенный камень нечаянно попалъ въ статую цезаря; вопросъ о вмѣненіи такого случайнаго акта въ качествѣ *crimen laesae majestatis* былъ разрѣшенъ отрицательно, кромѣ заключенія юриста Юлія Кассія, рескриптомъ цезарей Вера и Антонина. Своеобразное значеніе преступленія *laesae majestatis* въ уголовномъ правѣ императорскаго періода видно также и изъ законовъ процессуальнаго характера, а именно: къ роли обвинителей допускаются такіа лица, которыя лишены права на эту функцію въ случаѣ обыкновенныхъ, хотя бы и очень важныхъ, преступленій. Такимъ образомъ въ процессахъ объ оскорбленіи величества, могли выступать какъ обвинители лица съ опороченной гражданской честью — *famosi, qui jus accusandi non habent*, а также женщины, лишенные по общему римскому законодательству права предьявлять *actiones populares*. Подъ такими сентенціями въ дигестахъ мы читаемъ имена не только Модестина, но даже болѣе знаменитаго Паниниана. Самая смерть лица, обвиненнаго въ политическомъ преступленіи, не погашаетъ карательныхъ послѣдствій подобнаго обвиненія даже въ томъ случаѣ, если обвиненіе не было еще доказано въ моментъ смерти обвиняемаго. Наслѣдство такого лица подвергалось конфискаціи (*haereditas fisco vindicatur*);

2) Второе мѣсто въ системѣ уголовныхъ законовъ по дигестамъ занимаетъ преступленіе *adulterium*; и здѣсь выступаютъ съ своими мнѣніями и заключеніями свѣтила римской юриспруденціи: Ульпіанъ, Юліанъ, Паминіанъ и Маркіанъ. Обширность матеріала, доставленнаго въ этотъ отдѣлъ первоклассными римскими юристами, служатъ косвеннымъ доказательствомъ того, какъ широко раскинулась въ жизни сѣть преступныхъ дѣяній этого рода, и какъ серьезно относились юристы, совмѣсто съ императорами, къ дѣлу противодѣйствія законодательными и репрессивными мѣрами быстрому упадку морали и разложенію семейнаго союза въ Римѣ. Между отдѣльными преступле-

ними этого рода. поражаютъ безнравственностью такъ наз. *lenocinium patitii*.

3) *Lex de vi publica*—имѣющая связь съ извѣстнымъ *lex Julia* о томъ же предметѣ. Въ отрывкахъ пандектовъ по этому вопросу заключаются перечисленія тѣхъ признаковъ, которые составляютъ сущность публичнаго насилія и отличіе его отъ такъ называемаго *vis privata*—частнаго насилія; повидимому, сущность различія между обоими видами заключается съ одной стороны въ вооруженномъ и вредномъ для жизни и для имущественныхъ интересовъ характерѣ преступленія, а съ другой стороны въ отсутствіи вооруженности и вреда для жизни въ актѣ насилія. Тексты говорятъ слѣдующее: виновенъ въ *vis publica* тотъ, кто собралъ въ своемъ домѣ, на своемъ полѣ, на своей дачѣ больше оружія, чѣмъ слѣдуетъ имѣть его для охоты, для путешествія, для плаванія (*qui arma, tela domi suae, agrave in villa... coegerit*). Къ этому же разряду преступныхъ дѣяній относится выходъ со стрѣлами въ публичное мѣсто и сюда же между прочимъ относится фактъ изгнанія вооруженною силою хозяина изъ его дома, или же изъ другого недвижимаго имущества.

Когда насиліе происходитъ безъ оружія и не имѣетъ вредныхъ послѣдствій для жизни того, кто этому насилію подвергается, тогда совершается преступленіе, называемое *vis privata*. Само собою разумѣется, что сюда же подойдутъ всѣ разнообразныя случаи саморасправы.

4) Законы объ убійствѣ въ разнообразныхъ его видахъ занимаютъ значительную часть 48 книги Дигестъ. Отрывки Пандектовъ по этому вопросу имѣютъ связь съ извѣстнымъ уже намъ закономъ *Cornelia Sull'i de sicariis*.

5) Законоположенія объ убіеніи родителей и родственниковъ имѣютъ въ Дигестахъ связь съ закономъ по тому же предмету, изданнымъ въ послѣднія времена республики Помпеемъ. Причемъ окончательно и навсегда устанавливается значеніе *parricidium*'а, какъ убіенія людей, близкихъ по крови.

6) Постановленія о поддѣлкахъ, *de falsis*, поражаютъ своею обширностію (48 кн. Д.), откуда можно дѣлать заключенія о распространенности и важности этого *crimen publicum* съ точки зрѣнія римскихъ законодателей и римскихъ правовѣдовъ.

7) Затѣмъ слѣдуютъ въ Дигестахъ отрывки изъ законовъ о вымогательствѣ (*repetundae*), о хищеніи казенныхъ денегъ (*peculatus*) и о преступленіяхъ выборной агитаціи (*ambitus*); причемъ относительно послѣдняго преступленія, которому посвящено лишь нѣсколько краткихъ замѣчаній, мы находимъ указаніе на то, что въ эпоху императорскую

ambitus потеряло свою прежнюю бытовую основу, такъ какъ вмѣсто выбора народомъ получило значеніе возведеніе въ извѣстную должность по волѣ императоровъ. Въ списокѣ преступленій по Дигестамъ послѣднее мѣсто отведено для такъ называемаго *plagium*, т. е. такого преступленія, когда кто-либо завѣдомо купитъ въ качествѣ раба челоуѣка, не лишеннаго состоянія свободы (*status libertatis*).

Система наказаній.

Въ системѣ наказаній произошли въ императорскомъ періодѣ многія и важныя перемѣны. Нѣкоторыя наказанія, практиковавшіяся въ предыдущемъ періодѣ, выходятъ изъ употребленія, таковы: *Sacratio*, визверженіе съ Тарпейской скалы, отсѣченіе головы топоромъ, закланіе копьемъ, засѣченіе батогами и продажа въ рабство. Зато вводятся многіе новые, дотолѣ невѣдомые виды казней и взысканій. *Aquae et ignis interdictio* изъ жреческаго наказанія, какимъ оно было прежде, перерабатывается въ наказаніе отъ государства съ юридическими послѣдствіями потери гражданства, *civitatis*, и конфискаціи имущества. При императорахъ вновь введены различныя виды ссылки и каторги, таковы: такъ называемое *deportatio in insulam* (ссылка на островъ), наказаніе, имѣющее юридическимъ послѣдствіемъ потерю гражданскаго состоянія, при переходѣ *de jure* въ разрядъ *peregrini* и *dediticii*, а также при конфискаціи имущества. Есть еще такъ наз. *relegatio*, *exilium sensu stricto* безъ потери правъ гражданства, но съ конфискаціей имущества, особенно въ первое время императорскаго періода. Виды каторги суть: *condemnatio in metallum*, *condemnatio in opus metalli*, *condemnatio in ministerium metalli*; различіе между ними заключается въ слѣдующемъ: съ первыми двумя видами (*condemnatio in metallum* и *condemnatio in opus metalli*) соединяется потеря свободнаго состоянія, причѣмъ виновные получаютъ названіе *servi poenae* (рабы вслѣдствіе наказанія), но съ тѣмъ ограниченіемъ, что такая потеря свободы соединяется только съ присужденіемъ къ каторгѣ на вѣчныя времена. Были также при императорахъ такъ наз. *damnationes ad ludum gladiatorium*—присужденія къ гладиаторскимъ играмъ, исходомъ которыхъ игръ въ лучшемъ случаѣ было раненіе, а чаще всего потеря жизни.

Къ тѣлеснымъ наказаніямъ при императорахъ можно отнести: отсѣченіе головы мечомъ, расятіе на крестѣ, висѣлицу или повѣшеніе, причѣмъ практиковался иногда способъ повѣшенія на крестѣ головою внизъ. Способъ этотъ былъ особенно употребителенъ относительно рабовъ, провинціаловъ и другихъ лицъ низшаго состоянія. Далѣе—сожженіе,

закапываніе живымъ въ землю, причеиъ въ Римѣ этимъ способомъ казнили весталокъ за нарушение обѣта цѣломудрія, засѣченіе розгами, зашитіе въ мѣшокъ и утопленіе вмѣстѣ съ животными и гадами, отдача на съѣденіе дикимъ звѣрямъ (*damnatio ad bestias*), имѣвшая наибольшее примѣненіе въ Римѣ сравнительно не только съ Греціей, но даже съ древними государствами Востока; въ Римѣ этимъ способомъ также казнили рабовъ, провинціаловъ и вообще лицъ низшаго класса—*humiliores*. Извѣстно было еще залитіе горла свинцомъ, на подобіе того, что практиковалось въ Индіи; но этого мало: у римлянъ было извѣстно четвертованіе и разрываніе тѣла преступника въ клочки. Такимъ образомъ мы видимъ во всей ея суровой сущности карательную систему римскаго уголовного права въ послѣдней стадіи развитія римскихъ уголовныхъ учреждений. Можно даже сказать въ противность тому, что приходилось иногда читать о сравнительной мягкости римской карательной системы, что система эта, всегда бывшая жестокой, не только не смягчилась, но даже усилилась въ своей жестокости именно въ императорскомъ періодѣ. Въ Римѣ періодъ этотъ можетъ быть признанъ временемъ наибольшей примѣнимости смертной казни, что очень важно для заключеній о духѣ и направленіи уголовного законодательства. Между прочимъ въ книгѣ Кистяковскаго „О смертной казни“ заключаются интересныя данныя по вопросу о примѣнимости тѣхъ жестокихъ способовъ карать преступниковъ, какіе способы практиковались въ эпоху цезарей. Такъ, смертная казнь посредствомъ сожженія примѣнялась въ 24 случаяхъ; не менѣе часты были бросаніе на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, залитіе горла расплавленнымъ металломъ и т. д.: отсѣченіе головы примѣнялось въ 80 случаяхъ не только при Августѣ, Неронѣ, Калигулѣ и другихъ цезаряхъ, но даже въ сравнительно позднюю эпоху Феодосіева Кодекса (V ст. по Р. X.). Особенною суровостью отличаются казни за политическія преступленія; не менѣе суровому вмѣненію подлежали преступленія противъ религіи и нравственности. Такое явленіе согласно съ общимъ ходомъ развитія уголовныхъ учреждений у многихъ культурныхъ народовъ древности и новаго міра. „Въ періодъ государственный, говоритъ Кистяковскій на стр. 171, три рода преступленій (противъ государства, противъ религіи и нравственности) карались съ особенною жестокостью. Смертная казнь была единственнымъ наказаніемъ безъ различія важности и мѣры вины; количество дѣйствительныхъ казней за эти преступленія было громадно, и можно положительно сказать, что въ этомъ пунктѣ государственная юстиція долго оставалась неподвижной. Власти свѣтскія и духовныя не могли вслѣдствіе общественнаго, умственнаго, экономическаго и религіознаго состоянія народовъ относиться нейтрально

къ вышеуказаннымъ тремъ родамъ преступленій*. Что касается жестокости вѣнненія преступленій другого рода, кромѣ политическихъ, религіозныхъ антиправительственныхъ, то причина возникновенія такого явленія скрыта въ особенныхъ условіяхъ соціальной жизни, причемъ однимъ изъ главныхъ факторовъ жестокости уголовныхъ каръ признаются теперь рабство и рѣзкія сословныя отличія между отдѣльными группами въ составѣ населенія какъ Рима, такъ и другихъ государствъ древняго и новаго міра.

Затѣмъ въ настоящемъ случаѣ важно еще слѣдующее соображеніе. Многія основныя черты уголовного права въ Римѣ сложились въ глубочайшей древности, подѣ влияніемъ естественныхъ и психологическихъ свойствъ примитивнаго человѣка, существа безпощадно суроваго, неспособнаго къ альтруизму, къ благосклонности относительно другихъ людей, и наоборотъ всегда способнаго причинить зло и страданіе другому челоѣческому существу. Въ Римѣ несомнѣнно господствовали въ отдаленную эпоху примитивная частная месть и идея о наказаніи, какъ о религіозномъ очищеніи въ видѣ жертвоприношенія личности самого преступника для умилостивленія божества. Разнообразіе и жестокость смертныхъ казней, при господствѣ такихъ понятій и порядковъ, есть фактъ ясный до очевидности. Періодъ мести и сакральнаго наказанія въ видѣ жертвы въ Римѣ, какъ и повсюду, былъ временемъ максимума смертныхъ казней, при полномъ безразличіи относительно условій вѣнненія, при незнакомствѣ съ идеей индивидуальной отвѣтственности.

Послѣ этого изложенія частныхъ—нужно разсмотрѣть нѣсколько общихъ вопросовъ, вытекающихъ въ видѣ заключеній изъ всего вышеизложеннаго матеріала. Прежде всего можно и должно предложить вопросъ: имѣла ли мѣсто такъ наз. эволюція (последовательное развитіе) въ сферѣ римскаго уголовного права? Фактъ и сущность такой эволюціи едва ли могутъ быть отрицаемы и явственно обозначаются въ слѣдующихъ чертахъ.

1) Понятіе о преступленіи. Въ исходномъ пунктѣ исторіи римскаго права замѣчается смѣшеніе понятія преступленія съ понятіемъ грѣха. Въ конечномъ пунктѣ—мы имѣемъ фактъ признанія самобытной соціальной природы уголовныхъ правонарушеній.

2) Въ исходномъ пунктѣ римскаго уголовного права мы видимъ уголовную расправу въ видѣ частной мести или же въ формѣ жреческаго сакральнаго суда. Въ конечномъ пунктѣ мы наблюдаемъ господство государственной юрисдикціи подѣ влияніемъ идеи, что на государствѣ лежитъ обязанность возмездія за зло, причиненное обществу. За-

мѣчается такимъ образомъ то явленіе, которое называютъ секуляризациею уголовного права и всѣхъ другихъ институтовъ:

3) Составные элементы преступления. Здѣсь, въ исходномъ пунктѣ, мы видимъ полное игнорированіе, незнаніе такъ наз. субъективнаго начала въ преступленіи, при отсутствіи связанныхъ съ элементомъ воли понятій объ умыслѣ, неосторожности, случаѣ, покушеніи, приготовленіи къ совершенію преступленій и т. д. Въ конечномъ результатѣ исторіи римскаго уголовного права, мы видимъ признаніе этого субъективнаго элемента въ ученіяхъ и законоположеніяхъ о заранѣ обдуманномъ умыслѣ, о внезапномъ умыслѣ и неосторожности, при сильномъ влияніи на установленіе этихъ понятій Аристотелевскаго ученія о категоріяхъ преступныхъ дѣяній (см. выше). Успѣхъ систематизаціи и догматическаго установленія общихъ понятій достигъ такого результата, что между прочимъ формулированы были даже отгѣнки понятія *culpa* (*culpa lata*, *culpa levissima*, *culpa dolo proxima*).

4) Въ исходномъ пунктѣ исторіи римскаго уголовного права замѣчается отсутствіе точнаго опредѣленія условій для того акта судебно-юридической логики, который называется вмѣненіемъ. Въ результатѣ исторіи римскаго уголовного права видимъ мы начальныя попытки построенія ученія о вмѣненіи на основаніи возраста, душевныхъ болѣзней, аффектовъ, соучастія въ разныхъ роляхъ, или главныхъ виновниковъ—*auctores*, или пособниковъ—*consortes*, или покровителей и попустителей и т. д. Такимъ образомъ замѣчается въ законодательствѣ и особенно въ наукѣ у римлянъ— стремленіе установить основныя уголовно-правовыя понятія, безъ которыхъ не можетъ быть не только отдѣльныхъ ученій, но даже полнаго и послѣдовательно-развитаго законодательства по вопросамъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Въ такомъ стремленіи есть несомнѣнно важная и прогрессивная черта особенно для теоретической и технической стороны дѣла уголовного правовѣдѣнія. И здѣсь представляется намъ тотъ существенный фактъ, что на этихъ римскихъ основныхъ понятіяхъ и категоріяхъ построены были и теоретическія системы и законодательныя постановленія по уголовному праву въ позднѣйшее время, въ государствахъ западнаго германо-романскаго міра.

5) Что касается вопроса о прогрессивной сущности римскаго уголовного права въ его принципахъ и въ его отдѣльныхъ постановленіяхъ, то въ этихъ отношеніяхъ матеріалъ римскаго криминальнаго права едва ли можетъ быть культурнымъ явленіемъ. Между прочимъ одно изъ отрицательныхъ сторонъ римскаго уголовного права представляется ненормальное расширеніе понятія о государственныхъ преступленіяхъ допущеніемъ начала наслѣдственности преступленій, по которому дѣти

и нисходящіе государственнаго преступника подлежали отвѣтственности и безчестью за преступленіе, совершенное ихъ восходящимъ родственникомъ. Кромѣ того, отрицательную оцѣнку римскихъ уголовныхъ порядковъ вызываютъ неправильныя построения органовъ уголовного суда, при смѣшеніи разнородныхъ функций законодательной, административной и судебной власти, при допущеніи законовъ, специально изданныхъ для отдѣльныхъ уголовныхъ случаевъ, при произвольной отмѣнѣ существующихъ правилъ относительно равенства сторонъ передъ закономъ, относительно судебной защиты, а также относительно правильной и объективной оцѣнки судебныхъ доказательствъ и т. д.

Въ концѣ концовъ, генезисъ (происхожденіе) и дальнѣйшее историческое развитіе (эволюція) уголовного права въ Римѣ и у другихъ культурныхъ народовъ Востока и Запада представляютъ сходство между собою въ нѣсколькихъ главныхъ пунктахъ, при многихъ частныхъ отличіяхъ. Такъ въ Римѣ, какъ и повсюду, самыми ранними факторами, произведшими уголовное право, были начала частной мести, религіознаго очищенія и неограниченной карательной власти въ рукахъ у главарей разныхъ общественныхъ группъ. Далѣе, въ Римѣ, какъ и повсюду, обозначилось раннее вліяніе религіознаго элемента, выразившагося въ понятіи о преступленіи и наказаніи, а также въ обрядахъ и формахъ осуществленія карательной власти. Причемъ въ Римѣ, въ противоположность культурнымъ государствамъ Востока, религіозное начало является соподчиненнымъ началомъ по отношенію къ государственному, свѣтскому элементу. Въ Римѣ, какъ и у многихъ другихъ культурныхъ народовъ, не видно, не только въ древнѣйшія времена, но и въ позднѣйшія эпохи, республиканскую и императорскую, отчетливаго выдѣленія функций суда отъ функций законодательной, административной и политической.—Въ Римѣ, какъ и повсюду, самое сильное вліяніе на содержаніе уголовного законодательства оказываютъ политическія и соціальныя условія въ обществѣ, причемъ въ уголовныхъ законахъ усиленно отражаются всѣ культурныя и общественно-политическіе недостатки. Такъ, напр., господство деспотизма и соціальнаго неравенства препятствуютъ только что указанному нами и очень важному раздѣленію функций судебной, законодательной и правительственной власти. Тѣ же явленія, т. е. деспотизмъ и соціальное неравенство, будучи несовмѣстимы съ понятіемъ правового государства, мѣшаютъ водворенію законности, справедливости и гуманности въ сферѣ уголовного права. При такихъ условіяхъ въ общественной и соціальной жизни, немыслимо равенство сторонъ предъ судомъ и закономъ, крѣпость и неотрясаемость гарантій для подсудимаго въ его отношеніяхъ въ обвинительной власти и къ государству,

признающему тиранническое господство общаго государственнаго начала надъ правами и интересами человѣческой личности, по правилу: *Salus reipublicae suprema lex esto*. Въ заключеніе замѣтимъ, что, при несовершенствѣ политической и социальной организаціи въ Римѣ, какъ и у другихъ культурныхъ народовъ, оказалось возможнымъ и особенно легкимъ вторженіе свѣтской власти и духовенства, сдѣлавшагося аристократіей въ дѣлахъ совѣсти и нравственности гражданъ.

II. Римскій уголовный процессъ.

Исторія римскаго уголовного процесса распадается на 3 эпохи: древнѣйшая отъ основанія Рима до начала VII столѣтія аб. у. с., вторая — отъ VII столѣт. аб. у. с. до III вѣка (послѣ рождества Христова), третья — отъ III ст. р. Chr. N, до императора Юстиніана, или до VI ст. включительно.

Уголовный процессъ первой эпохи есть судопроизводство въ народныхъ собраніяхъ *центуріальныхъ и трибутныхъ*; судопроизводство второй эпохи есть процессъ такъ назыв. *quaestiones perpetuae*; судопроизводство третьей эпохи есть процессъ когниціонный.

Что касается общаго понятія о римскомъ процессѣ, то у римлянъ, какъ и повсюду, понятіе это должно быть разумѣемо какъ совокупность тѣхъ формальныхъ дѣйствій, изъ которыхъ состоитъ и которыми опредѣляется отправленіе карательнаго правосудія. Цѣль уголовного процесса въ Римѣ заключается въ томъ, чтобы обезпечить самое полное осуществленіе дѣйствующаго права, общую санкцію которому (праву) даетъ система карательныхъ мѣръ, называемая уголовнымъ правомъ въ отличіе отъ уголовного процесса. Отсюда видно, что и въ Римѣ уголовный процессъ представляютъ, по внутреннему содержанію своему и по внѣшнимъ формамъ своимъ, двѣ сопредѣльныя и связанныя между собою части одного органическаго цѣлаго; части эти имѣютъ великое значеніе, хотя, быть можетъ, нѣсколько неравное, въ юридическомъ быту, въ правовѣдѣніи и въ цѣлой гражданственности даннаго народа. „Важное значеніе уголовно-процессуальнаго законодательства, говоритъ извѣстный французскій юристъ Фостенъ-Эли въ своей „Исторіи и теоріи уголовного процесса“, до сихъ поръ еще не оцѣнено надлежащимъ образомъ“. Ошибки въ процессуальномъ законодательствѣ, по мнѣнію этого ученаго, имѣютъ болѣе тяжкія и опасныя послѣдствія, чѣмъ ошибки въ области матеріальнаго уголовного права, гдѣ, напр., законодатель можетъ иногда не только неправильно измѣнить родъ или увеличить мѣру наказанія, но и подвергнуть вмѣненію такое дѣяніе, ко-

*

торое; собственно говоря, не есть преступление. Какъ ни важна такая ошибка, но нужно сознаться, что она представляетъ собой рѣдкое явленіе въ лѣтописяхъ уголовного права; что же касается неправильнаго измѣненія рода или увеличенія мѣры наказанія, то это есть сравнительно малое зло, такъ какъ вопросъ о виновности и о преступности дѣянія есть подлинный и твердо установленный фактъ. Преступленіе совершено, виѣнено въ вину преступнику, и только въ одной мѣрѣ наказанія является погрѣшность, которую при томъ есть возможность, если не устранить совершенно, то ослабить въ большей или меньшей степени, напр., сократить срокъ тюремнаго заключенія, измѣнить наказаніе уголовное въ наказаніе исправительное, конечно, при участіи въ такой поправкѣ подлежащихъ властей и судебныхъ учреждений. Гораздо серьезнѣе и труднѣе поправимо послѣдствіе отъ ошибокъ въ судопроизводствѣ или процессѣ. Отъ ошибокъ такого рода нарушаются, а иногда вовсе уничтожаются, два великихъ соціальныхъ интереса: интересъ цѣлаго общества, который требуетъ скорого и справедливаго пресѣченія преступленій, интересъ личный (обвиняемыхъ), который требуетъ соблюденія гарантій для всѣхъ гражданскихъ правъ и для безпрепятственной защиты лицъ, привлекаемыхъ къ суду. Въ примиреніи и соблюденіи этихъ двухъ противоположныхъ интересовъ открывается чрезвычайно трудно достижимая задача: согласовать между собою какъ гарантіи соблюденія общаго порядка, такъ и тѣ гарантіи, которыхъ требуетъ гражданская свобода. Нужно разрѣшить эту задачу такимъ образомъ, чтобы обвиненіе имѣло всѣ средства къ изслѣдованію и къ доказыванію совершившихся преступленій. Съ другой стороны—также нужно, чтобы защита не лишена была ни одного средства къ оправданію. Нужно, чтобы та торжественная борьба, которая завязывается между обвиняемымъ и между общественною властью, не подчинялась никакимъ инымъ влияніямъ, кромѣ влиянія правосудія. Нужно, чтобы оба выше означенныхъ интереса (интересъ общественный и интересъ единичный) могли находить въ судебныхъ учрежденіяхъ въ одинаковой степени дѣйствительную охрану, одинаково сильныя гарантіи. Названіе процесса формальнымъ правомъ въ противоположность матеріальному уголовному праву можетъ получить въ римскомъ законодательствѣ столь же полное и основательное примѣненіе, какъ во всѣхъ другихъ кодексахъ древняго и новаго міра; при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе, изучая исторію римскаго уголовного процесса, какую именно роль, какую степень силы имѣетъ формальный элементъ въ уголовномъ процессѣ. Количество формъ въ процессѣ можетъ быть или слишкомъ велико, или слишкомъ незначительно; въ первомъ случаѣ, избытокъ формъ можетъ ослабить силу и

правильность въ отправленіи правосудія; во второмъ случаѣ, отсутствие формы можетъ выдвинуть во всей его силѣ произволь, усмотрѣніе судьи въ приѣмахъ или способахъ разслѣдованія, въ предварительномъ лишеніи свободы, въ выборѣ и примѣненіи доказательствъ, въ оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній и такъ далѣе. Является тогда такого рода альтернатива: или ненаказанность преступленія, или привлеченіе къ отвѣтственности невинныхъ въ преступленіи, причѣмъ неповинному человѣку грозитъ опасность потерять жизнь, гражданскія права, честь, достояніе и т. д. Отсюда требованіе, предъявляемое Фостеномъ Эли и всѣми другими знаменитыми юристами къ процессуальному законодательству, чтобы уголовное судопроизводство, и въ существѣ и въ формахъ своихъ, было истиннымъ органомъ дѣла правосудія; чтобы формами процесса устранялись увлеченія судей и сторонъ; чтобы сообщалось этими формами спокойное величіе судебному дѣйствию. Такія требованія находятъ для себя поддержку вотъ еще въ какомъ обстоятельствѣ.

Процессуальныя формы ограждаютъ свободу, безопасность и политическія права гражданъ и поэтому находятся въ ближайшей внутренней связи съ политическими учрежденіями у извѣстнаго народа. Всѣ измѣненія и перевороты, совершающіеся въ государственной и соціальной жизни, вліяютъ на сущность уголовного процесса, причѣмъ возникаетъ серьезная опасность для этого процесса поддаться политическимъ теченіямъ минуты въ ущербъ законности отдѣльныхъ судопроизводственныхъ актовъ и даже всей процедуры. При такомъ положеніи дѣла, строжайшее соблюденіе формы и обряда оказывается едва ли не единственнымъ средствомъ ослабить или отстранить зло, причиняемое дѣлу правосудія шаткостью политическихъ институтовъ и увлеченіями политико-соціальной борьбы. Таковы принципиальныя и общія воззрѣнія представителей юриспруденціи, руководясь которыми можно и должно разъяснять для себя внутренній смыслъ и историко-культурное развитіе римскаго уголовного процесса.

Развитіе римскаго уголовного процесса также находилось въ тѣсной связи съ государственнымъ управленіемъ и уголовной юрисдикціей. Значитъ, конкретныя факты исторіи римскаго процесса подтверждаютъ собою одно изъ общихъ замѣчаній, только что высказанныхъ выше. При царяхъ, отправленіе юстиціи, въ особенности уголовной, составляло важнѣйшую прерогативу высшей государственной власти (и этотъ частный фактъ сходится съ общимъ ходомъ развитія уголовного суда у всѣхъ арійскихъ народовъ). Возлѣ царей, какъ обладателей высшей юрисдикціей, встрѣчаются очень рано лица, которыя судятъ по полномочию отъ царей. Это такъ наз. *quaestores parricidii* и *duumviri perduellionis*. Едва

ли слѣдуетъ допускать сомнѣніе въ томъ, что при возникновеніи республики, послѣ изгнанія царей, уголовный судъ перешелъ къ тѣмъ высшимъ сановникамъ, которые были облечены властью въ объемѣ *imperium*; между прочимъ, юрисдикція эта непремѣнно должна была находиться въ рукахъ консуловъ. Но несомнѣненъ тотъ фактъ, что скоро во многомъ, какъ выражается Паделетти, право суда, въ особенности консульскаго, было ограничено (*lex Aternia Tarpeia* 300 ab u. c. установила тахішм денежнымъ взысканіямъ съ гражданъ). Далѣе развилась такъ называемая *provocatio ad populum*, т. е. своеобразная апелліція къ народному собранію на рѣшеніе сановниковъ, въ особенности консуловъ. Дѣло ограниченія юрисдикціи магистратовъ все болѣе опредѣлялось и расширялось законодательнымъ путемъ въ *leges Valeriae*, въ *leges Portiae*, въ IV и V ст. ab u. c. Важнымъ послѣдствіемъ этого законодательства было то, что главнымъ органомъ уголовного суда явились народныя собранія какъ по центуріямъ, такъ и по трибамъ. Вѣрность такого замѣчанія усматривается изъ самаго текста закона XII таблицъ, который называетъ центуріальныя собранія *maximus comitiatus*, желая отгнать юрисдикцію этого древняго учрежденія отъ чрезвычайнаго суда трибутскихъ комицій, овладѣвшихъ юрисдикціей въ промежутокъ времени между *lex Valeria* и установленіемъ *decemvir'овъ* для написанія законовъ.

Такимъ образомъ является у насъ основаніе опредѣлять характеръ, строй и формальности уголовного суда перваго періода названіемъ уголовного суда народныхъ собраній. Такое свойство уголовного процесса оставалось отличительною чертою до самаго учрежденія новой формы уголовного суда—такъ называемыхъ *quaestiones perpetuae*. Что касается сената, то этому учрежденію нельзя приписать значенія собственнаго и дѣйствительнаго уголовного суда. Однако въ силу его обширныхъ правъ въ области управленія, нерѣдко случалось, что сенатъ поручалъ обыкновеннымъ магистратамъ или чрезвычайнымъ комиссарамъ разслѣдованіе и наказаніе тяжкихъ государственныхъ или общихъ преступленій, совершенныхъ въ Римѣ, въ Италіи или въ провинціяхъ, а также сенатъ привлекалъ къ своему суду провинціальныхъ намѣстниковъ за преступленія по должности. Кромѣ уголовного суда сановниковъ, народныхъ собраній и сената, существовали, втеченіе всей настоящей эпохи, судебныя учрежденія самаго древняго періода, т. е. уголовный судъ жрецовъ, весьма ограниченный и даже стѣсненный въ своей подсудности, и уголовный судъ семейнаго главы надъ членами своего дома (*judicium domesticum*), долгое время остававшійся не тронутымъ и сильнымъ учрежденіемъ въ Римѣ. Что касается гражданъ,

жившихъ въ Италіи, то они подчинялись суду муниципальныхъ властей, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ на итальянской почвѣ—сенату, а въ провинціяхъ (т. е. въ территоріальныхъ округахъ за предѣлами Италіи) — провинціальнымъ намѣстникамъ: преторамъ, проконсуламъ. — Первая основная черта римскаго уголовного процесса состоитъ въ томъ, что онъ съ самаго начала былъ процессомъ обвинительнымъ. Немногіе элементы слѣдственные, выступая лишь въ дѣятельности квестора и въ такъ наз. чрезвычайномъ производствѣ, представляютъ собою исключенія, только подтверждающія общія правила. Вторая основная черта— публичность и устность процесса. Третья основная черта— равенство всѣхъ гражданъ передъ уголовнымъ приговоромъ и уголовнымъ закономъ. Судъ, построенный на такихъ основахъ и отправляемый сановниками и комиціями, называется у римлянъ обыкновеннымъ, какъ бы нормальнымъ судомъ—*ordo iudiciorum*. Представляя собою господствующее явленіе въ процессуальныхъ учрежденіяхъ Рима—*ordo iudiciorum* не устранилъ возникновенія такъ назыв. чрезвычайнаго производства, т. е. процесса болѣе поздняго по происхожденію и примѣнявшагося въ исключительныхъ случаяхъ, какъ чрезвычайная мѣра, отличавшаяся отъ обыкновеннаго судопроизводства во многихъ отношеніяхъ. Обыкновенное судопроизводство открывалось или частной жалобой, подаваемой должностному лицу, или на основаніи слѣдствія, производимаго тѣми же магистратами. Кромѣ того каждый гражданинъ могъ обвинять; каждый могъ быть и обвиняемъ въ обыкновенномъ производствѣ—*ordo iudiciorum*, за исключеніемъ сановниковъ не окончившихъ своего служебнаго срока (*lustrum*). Явка обвинителя передъ трибуналомъ сановника, указаніе личности обвиняемаго и изложеніе основанія обвиненія носить названіе—*nominis delatio*, *nomem deferre*. Сановникъ былъ властенъ принять или не принять обвиненіе.

Въ первомъ случаѣ обязательна явка обвиняемаго на судъ съ правомъ обвинителя насильно привести въ судъ обвиняемаго въ случаѣ отказа его. Передъ сановникомъ происходило составленіе въ формѣ процессуальныхъ преній съ представленіемъ доказательствъ обвинителемъ, а также основаній защиты обвиняемымъ. Сознаніе обвиняемаго на судѣ давало право магистрату тотчасъ же назначить наказаніе—(*confessus pro iudicato habetur*). Равносильны въ этомъ отношеніи были факты— захватъ на мѣстѣ преступленія *in flagrante delicto*, или общая извѣстность преступнаго дѣянія. Всѣ вышеозначенныя процессуальныя дѣйствія представляютъ собою ту стадію судопроизводства, которая у римлянъ наз. словами: *jus, in iure*, при единоличномъ веденіи дѣла тѣми магистратомъ или сановникомъ, передъ которымъ началъ свое обвиненіе обвинитель. Вторая стадія уголовного процесса наступаетъ тогда,

когда, по постановленіи приговора, обвиненный заявлялъ объ обращеніи къ народному собранію (*provocatio*), или когда магистратъ самъ не желалъ брать отвѣтственности за рѣшеніе и постановлялъ эвентуальный приговоръ. Во второй стадіи, называемой у римлянъ *judicium in judicio*, процессъ переходитъ къ народнымъ собраніямъ, а именно къ центуріальнымъ комиціямъ. Сущность процессуальныхъ дѣйствій сводится здѣсь къ правовому спору, къ состязанію (*certatio*) между магистратомъ, обвинителемъ и осужденнымъ. Приговоръ первой инстанціи—*in jure*—служилъ основой состязаній и вѣстѣ обвинительнымъ актомъ. Послѣ совершившагося состязанія, окончательнымъ судьей являлся народъ—для этого назначался савонникомъ особенный день собранія. Это называлось: *diem dicere, diei dictio*. По общему правилу, должны были пройти для наступленія судебного дня—три ярморочныхъ дня—*tres nundinae*. Передъ собравшимся народомъ повторялся весь состязательный процессъ съ обвиненіемъ, защитой, доказательствами. Затѣмъ судьи, т. е. народъ, приступали къ голосованію—открытому, а не закрытому—до VII стол. Такой второй приговоръ—обвинительный или оправдательный—былъ всегда окончательнымъ и торжественно объявлялся магистратомъ.

Чрезвычайное производство отличалось отъ обыкновеннаго во многихъ отношеніяхъ. Въ обыкновенномъ судопроизводствѣ должностныя лица—савонникъ—трибунъ или эдилъ—выступали скорѣе въ качествѣ обвинителей, чѣмъ судей. Въ обыкновенномъ процессѣ савонники не могли быть обвиняемы въ продолженіе должностнаго ихъ срока; въ чрезвычайномъ же процессѣ они могли быть во всякое время привлечены къ суду. Наконецъ, предметомъ чрезвычайнаго судебного производства могли быть всякіе деликты, но главнымъ образомъ оно относилось къ преступленіямъ политическаго рода. Во всемъ прочемъ чрезвычайное производство не многимъ отличалось отъ описаннаго уже выше обыкновеннаго процесса. Вотъ почему можно соглашаться съ замѣчаніемъ, что оба рода процесса въ этомъ періодѣ покоятся на общихъ основахъ: обвинительномъ началѣ, публичности или гласности и устности уголовного процесса.

У Г О Л О В Н Ы Й   С У Д Ъ

отъ VII ст. отъ основанія Рима до III вѣка послѣ Рождества Христова.

Эпоха *Quaestiones perpetuae*.

Общественные и государственные перевороты, совершившіеся въ Римѣ къ концу VI и къ началу VII в. отъ основанія Рима сопровождались большими измѣненіями въ уголовномъ правѣ и процессѣ. Для новаго общества, потрясеннаго переворотами, не могло болѣе годиться уго-

ловное право, созданное XII таблицами и древними обычаями. Съ разращеніемъ народныхъ собраній, юрисдикція комицій не могла уже болѣе удовлетворять потребности въ хорошей судебной администраціи. Кромѣ того въ обществѣ римскомъ чрезвычайно умножились преступленія какъ публичныя, такъ и частныя. Явленію этому много содѣйствовали политическія волненія и безпорядки въ Римѣ, какъ результатъ борьбы между партіями и соціальной вражды между богачами и бѣдняками. Изъ законовъ эпохи Суллы видно съ наглядностію, какъ разрослась статистика преступленій въ Римѣ. Уголовные законы той эпохи перечисляютъ убійство, отравленіе, лжесвидѣтельство, поджоги, насилие, грабежи, похищеніе свободныхъ людей для продажи въ рабство, прелюбодѣяніе и т. д. Расширеніе государственной территоріи съ подчиненіемъ провинціаловъ и перэгриновъ Риму также было одной изъ причинъ увеличенія преступленій вымогательства, взяточничества, хищенія государственныхъ имуществъ и денежныхъ капиталовъ, произвольнаго вложенія громадныхъ податей даже на союзныхъ народовъ. Отсюда попытки государственныхъ людей и законодателей Рима остановить зло, широко разлившееся какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. Первые административныя мѣры противъ различныхъ злоупотребленій и преступныхъ дѣяній этого рода приняты были по требованію Порція Катона, честно и умѣренно отправлявшаго должность претора въ Сардиніи. Катонъ выгналъ римскихъ ростовщиковъ и сократилъ значительно тѣ издержки, которыя обязательно было дѣлать провинціаламъ для пріема и чествованія римскихъ савонниковъ. Но Катонъ представлялъ собою исключеніе, а въ личномъ составѣ правителей провинцій преобладали жадные проконсулы, въ свитѣ которыхъ были многочисленныя ростовники, введенные самими же правителями для завѣдомой проконсуломъ эксплуатаціи населенія. Поборы и грабежи были такъ значительны, что провинціалы массами закладывали свое недвижимое имущество, а затѣмъ приходилось даже имъ совершенно отчуждать свое достояніе и дѣлаться кабальными рабами лихоимцевъ и кредиторовъ. Жалобы въ Римъ, обращеніе къ патриціямъ за покровительствомъ не оказывали никакого добраго результата. Господствовавшая олигархія и даже сенатъ не только тайно, но явно полагали грабителей, которые большею частью сами были членами господствующаго класса оптиматовъ. При такихъ условіяхъ, вопросъ о правосудіи и безпристрастіи былъ пустымъ словомъ безъ всякаго значенія. И комиціальныя народныя суды, и особыя слѣдственно-уголовныя комиціи—*quaestiones extraordinariae*—поставляли такіе приговоры, по которымъ грабители оказывались невинными, а ограбленные постоянно и во всемъ виноватыми. Картина эта, говоритъ Дюбуа въ своей „Исторіи уголовного римскаго права“, нисколько не преувеличена, такъ какъ никто

иной, какъ Цицеронъ, замѣчаетъ въ своей рѣчи pro lege Manilia: „Мы посылаемъ въ провинціи (правителями) людей, быть можетъ, способныхъ отразить вѣшняго врага, но прибытіе такихъ людей въ города нашихъ союзниковъ мало чѣмъ отличается отъ вторженія непріятеля въ крѣпость, взятую приступомъ“. И еще тотъ же Цицеронъ въ рѣчи противъ Верреса восклицаетъ: „Всѣ провинціи стонутъ, всѣ свободные народы жалуются, всѣ царства волютъ противъ нашей адчности и нашихъ насилій. До береговъ океана не найдется столь отдаленнаго и столь сокровеннаго мѣста, куда бы не проникла неправда и тираннія нашихъ согражданъ. Нѣтъ болѣе силъ у римскаго народа сдерживать не оружіе, не возстаніе, но стоны, но слезы, но жалобы всѣхъ націй міра“. При такихъ-то обстоятельствахъ, возникло у римскихъ правителей и законодателей стремленіе помочь нуждамъ и бѣдствіямъ римскаго государства и общества какъ новымъ уголовнымъ законодательствомъ (въ которомъ первое мѣсто принадлежитъ законамъ Корнелія Суллы и Юлія Августа), такъ и учрежденіемъ постоянныхъ уголовныхъ судовъ, которые гарантировали бы большее безпристрастіе и справедливость со стороны отправляющихъ правосудіе.—Такіе новые уголовные суды были такъ назыв. *quaestiones perpetuae*—постоянными слѣдственными комиссіи—вмѣстѣ тѣхъ чрезвычайныхъ комиссій, *quaestiones extraordinariae*, которыя назначались временно сенатомъ въ различныхъ обстоятельствахъ, особенно при жалобахъ на взяточничество провинціальныхъ намѣстниковъ. Первою по времени постоянною комиссіею—*quaestio perpetua*—считаютъ комиссію противъ взяточничества по силѣ закона Кальпурнія Пизона 605 г. ab u. c. (*lex repetundarum Calpurnia Pisonis*). Каждый годъ, сенатъ назначалъ предѣдателя суда, которому приносились жалобы на вымогательство должностныхъ лицъ; судьи же выбирались для каждаго процесса сначала изъ среды самого сената, но отъ 632 г. ab u. c. (при Гракхѣ) изъ среды всадниковъ. Вопросъ о томъ, кому быть народными судьями служилъ поводомъ къ борьбѣ между различными партіями и ихъ представителями—въ области высшаго управленія въ Римѣ. Такъ въ 684 г. *lex judiciaria Avelia Cotta* призвала вновь всадниковъ въ уголовные судьи, послѣ того, какъ Корнелій Сулла возстановилъ привилегію сенаторовъ—быть судьями въ *quaestiones perpetuae*. Тотъ же Аврелій Котта создалъ новый классъ судей въ лицѣ такъ назыв. *tribuni aegrarii*. Такимъ образомъ судьи постоянныхъ комиссій по закону Авреліеву выбирались изъ трехъ сословныхъ группъ: сенаторовъ, всадниковъ и *tribuni aegrarii*.

Позднѣйшее законодательство занималось преступленіями только политическаго свойства, тѣмъ болѣе, что въ эпоху Корнелія Суллы издана была масса законовъ какъ о политическихъ, такъ и общихъ преступле-

ніяхъ, для разслѣдованія и наказанія которыхъ были учреждены многіе *quaestiones perpetuae*, а именно: *de majestate*, *de ambitu*, *de beneficiis*, *de sicariis*, *de falso*, *de corrupto iudicio*, *de parricidio*. Такимъ образомъ *quaestiones perpetuae* не сразу заняли мѣсто прежнихъ уголовныхъ судовъ, и не всѣ преступленія были имъ подсудными. Рядомъ съ новыми уголовными судами еще долгое время остается прежняя юрисдикція сановниковъ и собраній, но кругъ ихъ полномочій послѣ Суллы все болѣе и болѣе суживается, и полемъ уголовного суда все болѣе завладѣвали *quaestiones perpetuae*.

Такова была исторія судебныхъ учрежденій до Августа, когда все исчезла юрисдикція комицій (народныхъ собраній); но со времени Августа измѣняется положеніе самихъ *quaestiones perpetuae*, какъ исключительно уголовныхъ инстанцій: возникаютъ новыя учрежденія и должности въ императорскомъ періодѣ, которыя, будучи облечены чрезвычайною уголовною юрисдикціею, начинаютъ постепенно суживать сферу дѣятельности постоянныхъ комиссій. Сами же императоры расширяютъ свою чрезвычайную уголовную юрисдикцію до тѣхъ поръ, пока Діоклеціанъ въ III в. по Р. X. не прекратилъ формально и окончательно существованіе постоянныхъ комиссій.

Составъ *quaestiones perpetuae* былъ слѣдующій: 1) во главѣ комиссій стоялъ преторъ или, какъ его называли, квесторъ. Онъ имѣлъ права предсѣдателя, ему принадлежала *imperium* во все время процесса, онъ же провѣрялъ и разсматривалъ обвиненіе по жалобамъ частныхъ обвинителей или доносителей. Выборъ такъ наз. *iudices iurati* (народныхъ присяжныхъ судей) также принадлежалъ претору. Онъ былъ руководителемъ судебного засѣданія, хотя и не принималъ самъ участія въ голосованіи, но исполненіе приговора, произнесеннаго устами *iudices iurati*, было одною изъ функцій претора. Второй элементъ въ составѣ *quaestiones perpetuae* были такъ называемые *iudices quaestionis*. По этому предмету однако же высказывались и высказываются различныя мнѣнія: по однимъ, *iudices quaestionis* тождественны съ преторомъ, т. е. это тѣ же преторы, но подъ другимъ названіемъ. По другимъ—это простые граждане, не имѣющіе никакой публичной роли въ уголовномъ процессѣ, а между тѣмъ призываемые въ составъ комиссій.—Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, и потому болѣе правдоподобнѣе такой взглядъ, что *iudices quaestionis* были лица, которыя призывались большею частью изъ опытныхъ юристовъ, и которые заступали мѣсто сановниковъ, предсѣдательствующихъ въ комиссіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда преторъ или квесторъ не могъ лично и непосредственно отправлять своихъ обязанностей. Третій элементъ—это такъ наз. *iudices iurati*—присяжные судьи, или просто присяжные,

которые замѣстили въ уголовныхъ дѣлахъ весь римскій народъ *in pleno*, засѣдавшій въ комиціяхъ для отправленія уголовного правосудія. Они суть представители общественнаго мнѣнія—судьи совѣсти изъ среды римскаго народа; они имѣютъ нѣкоторую аналогію съ присяжными засѣдателями нашихъ современныхъ судовъ, во-первыхъ, потому, что они суть судьи изъ народа; во-вторыхъ, потому, что они рѣшаютъ вопросъ, виновенъ ли подсудимый или невиновенъ; въ третьихъ, потому, что со стороны формы они походятъ на присяжныхъ принесеніемъ торжественной присяги или клятвы предъ отправленіемъ своихъ важныхъ функций. Допуская такую степень аналогіи, нельзя однакожь отождествлять римскій институтъ *judices iurati* съ западно-европейскимъ, а такъ же и нашимъ русскимъ судомъ присяжныхъ. Римскія коммисіи—*judices iurati*—гораздо многочислѣе, чѣмъ личный составъ западно-европейскихъ жюри. Права римскихъ *judices iurati* не ограничиваются сужденіемъ о фактѣ виновности или невиновности, но касаются также вопроса о назначеніи наказанія. Далѣе, римскіе *judices iurati* выбирались изъ извѣстныхъ сословныхъ группъ (изъ сенаторовъ, всадниковъ) въ самую лучшую пору своего существованія; и только тогда, когда обозначились уже признаки упадка или ослабленія для *quaestiones perpetuae*, *judices iurati* сдѣлались болѣе похожими на бессословныхъ народныхъ судей, какими являются присяжные въ современномъ жюри. Кромѣ этихъ главнѣйшихъ различій было много другихъ менѣе важныхъ—чисто формальныхъ, которыя однако же, въ своей совокупности, еще яснѣе проводятъ раздѣлительную черту между древне-римскимъ и ново-европейскимъ институтомъ.

Что касается судопроизводства вообще (въ *quaestiones perpetuae*), то оно сохранило, и пожалуй, еще даже болѣе расширило извѣстныя уже намъ основныя начала римскаго уголовного процесса. Обвинительная система не только преобладаетъ по прежнему, но приобретаетъ еще большее примѣненіе и распространеніе. Сохранились и другія коренныя условія судопроизводства—публичность и устность. Измѣнилось только *judicium*, т. е. разборъ и рѣшеніе дѣла во второй инстанціи (куда переносились при извѣстныхъ условіяхъ дѣла изъ инстанціи *de iure*, т. е. отъ претора), которое, т. е. *judicium*, отъ народныхъ собраній перешло къ отдѣльнымъ постояннымъ уголовнымъ судамъ, *quaestiones perpetuae*. Такимъ образомъ, и въ настоящей стадіи процесса различались двѣ процессуальныя инстанціи *ius*—и *judicium*.

Производство *in iure* заключало въ себѣ слѣдующіе элементы: а) обвиненіе, предъявленное предсѣдателю съ соблюденіемъ извѣстной формальности, а именно испрашивалось прежде всего дозволеніе предъявить обвиненіе на опредѣленное лицо (*postulatio*); б) послѣ этого

можно было совершать *nominis delatio* — т. е. принесение формального обвинения и притомъ писаннаго и подписаннаго обвинителями и его помощниками, называвшимися *subscriptores*; с) если было нѣсколько обвинителей, то преторъ могъ совершить такъ наз. *divinatio*, или актъ избранія одного изъ нѣсколькихъ обвинителей; d) *nominis receptio* — есть актъ принятія магистратомъ обвинения, какъ правильнаго, и внесенія имени обвиняемаго въ списки уголовныхъ процессовъ; е) при отсутствіи обвиняемаго въ моментъ вчинанія обвинения, магистратъ приглашалъ обвиняемаго и спрашивалъ объ его виновности (*interrogatio*); f) собственное сознание обвиняемаго и теперь, какъ въ комициальномъ процессѣ, было равносильно постановленію о виновности. Въ такомъ случаѣ, по общему правилу, не было надобности продолжать процессъ; магистратъ могъ тотчасъ принять наказаніе по закону; въ противномъ случаѣ дѣло должно было переходить во вторую инстанцію — *in iudicium*, для чего назначался день для производства преній. — Разборъ дѣла *in iudicio* — во второй инстанціи — начинался съ составленія комиссій или суда (*quaestio perpetua*) по распоряженію предсѣдателя. Господствовало древнее правило римскаго процесса, что римскій гражданинъ можетъ быть судимъ лишь такими судьями, въ выборѣ которыхъ онъ участвовалъ. Отсюда произошелъ обычай отвода, въ связи съ особенными формами назначенія *iudices jurati*, при содѣйствіи обѣихъ сторонъ — обвинителя и обвиняемаго. Сначала господствовала форма такъ назыв. *editio*; позже сталъ практиковаться способъ *sortitio* — выборъ по жребію судей народныхъ, имена которыхъ писались на табличкахъ и бросались въ урну, стоявшую тутъ же на судѣ. По окончаніи акта составленія комиссій просижныхъ судей, начинались пренія и судебныя дѣйствія, которыя можно подраздѣлить на три части: обвиненіе, защита и приведеніе доказательствъ.

За рѣчами обвиненія и защиты, которыя держали теперь исключительно адвокаты — *patroni* — опытные въ ораторскомъ искусствѣ, слѣдовала всегда стадія доказательствъ. Послѣднія, т. е. доказательства, состояли въ показаніи свидѣтелей, въ документахъ и показаніяхъ рабовъ, которыя показанія назывались *quaestiones*, такъ какъ для полученія показаній отъ рабовъ употреблялась пытка. Свидѣтели подраздѣлялись на двѣ категоріи — свидѣтели отъ обвиненія — *necessarii testes*, такъ какъ они были обязательны и необходимы для процесса; *testes voluntarii* — свидѣтели защиты, которые, втеченіе почти всего республиканскаго періода, не считались необходимыми и обязательными въ процессѣ.

Такое отступленіе отъ начала равенства сторонъ предъ закономъ было исправлено при императорахъ. Свидѣтели подвергались перекрестному допросу сторонъ. Число ихъ не опредѣлялось никогда римскимъ

законодательствомъ, такъ какъ въ римскомъ процессѣ свидѣтельскія показанія взвѣшивались, а не пересчитывались (*testimonia ponderantur, sed non numerantur*). Свидѣтели присягали въ томъ, что они не будутъ давать ложныхъ показаній, и что покажутъ всю истину, какая имъ извѣстна. Отношеніе судей къ свидѣтелю совершенно свободно отъ какихъ-либо формальныхъ стѣсненій. Судьи властны принять или не принять свидѣтельскія показанія, руководясь своимъ личнымъ убѣжденіемъ о годности или негодности показаній по существу. По окончаніи дебатовъ, судьи народные приносили присягу и затѣмъ приступали къ постановленію приговора. Голосованіе судей производилось безъ предварительнаго совѣщанія (отличіе отъ современнаго суда присяжныхъ), но было тайное во всѣхъ родахъ преступленій и проступковъ, которые подвергались суду. Для обвиненія нужно было абсолютное большинство голосовъ. По законамъ такъ наз. *leges tabellariae* (VII ст. ab u. c.) судьи писали на табличкахъ или букву А (*Absolvo*), или букву С (*Condemno*), или буквы NL (*Non liquet*). Въ случаѣ большинства голосовъ съ табличками NL судьи произносили сакраментальную формулу: „*Amplius cognoscendum*“. Отсюда возникновеніе такъ наз. *ampliatio*, т. е. повторнаго разсмотрѣнія дѣла во всей его полнотѣ. Сначала господствовало правило о неограниченномъ числѣ такихъ повторительныхъ разборовъ, но затѣмъ очевидныя неудобства такой системы, приведшей къ безконечнымъ проволочкамъ, вызвали появленіе такъ наз. *compen-dinatio*, т. е. присоединеніе лишь однократнаго повторнаго разбирательства въ дополненіе къ законченному уже первому разбору дѣла. Въ случаѣ неправоты обвиненія, обнаруженной на судѣ, на обвинителя падала отвѣтственность. Онъ оказывался виновнымъ въ важномъ преступленіи, такъ называемомъ: *calumniae*. (*Calumniare*, говорили римскіе юристы, *est falsa crimina intendere*). Кромѣ того обвинители могли отвѣчать еще и въ слѣдующихъ случаяхъ: а) такъ называематаго *graevaricatio*, т. е. въ случаѣ стачки обвинителя съ обвиняемымъ; б) *tergiversatio*, т. е. въ случаѣ отступленія отъ начатаго обвиненія въ силу денежной сдѣлки съ подсудимымъ. Апелляція была неизвѣстна въ республиканскомъ періодѣ и развилась только со времени императора Августа.

Съ наступленіемъ императорскаго періода, *quaestiones perpetuae* не прекратили сразу своего существованія, но основы ихъ мало-по-малу подкапывались, компетенція (подвѣдомственность) стѣснялась, формы измѣнялись; возникли многія другія юрисдикціи, неизвѣстныя республиканскому періоду, но сдѣлавшіяся весьма сильными соперниками для преторскихъ трибуналовъ. Такъ сенатъ присвоилъ себѣ разсмотрѣніе многихъ уголовныхъ случаевъ, которые должны были судиться, по буквѣ закона, въ *quaestiones perpetuae*. Мало этого—появились еще бо-

лѣе серьезныя соперники для преторскихъ народныхъ судовъ: личная юрисдикція императора, разбиравшаго всѣ уголовныя и политическія дѣла, при содѣйствіи совѣщательнаго совѣта изъ юристовъ; возлѣ высшей цезарской инстанціи появились трибуналы подѣ въдѣніемъ и предсѣдательствомъ новыхъ императорскихъ сановниковъ—городскихъ префектовъ, префектовъ преторіанскихъ и пр. Вліяніе новыхъ императорскихъ трибуналовъ было особенно сильно и вредно для *quaestiones perpetuae* въ томъ отношеніи, что новые суды—цезарскіе—стали отдавать постоянное предпочтеніе чрезвычайной процедурѣ передъ обыкновенною, нормальною процедурой—*ordo iudiciorum*, практиковавшеюся въ народныхъ преторскихъ судахъ. Процедура *extra ordinem* отличалась отъ *ordo iudiciorum* очень важными и существенными признаками, и прежде всего—опущеніемъ правовыхъ формъ. Затѣмъ—во многомъ была ограничена публичность и устность процесса. Слѣдственный элементъ (инвизиціонное производство) получило большую, небывалую до того времени силу. Исчезло дѣленіе процесса на двѣ инстанціи—*in iure* и *in iudicio*. Тѣ же лица, которымъ подавалось обвиненіе, постановляли приговоръ. При этомъ господствовала почти безграничная свобода въ примѣненіи наказанія. Обвинительное начало подвергалось не только ослабленію, но даже искаженію въ томъ отношеніи, что вмѣсто открытаго обвиненія гражданами стали практиковаться тайныя доносы съ нарушеніемъ основныхъ правилъ многовѣкового законодательства. Доносить могли не только женщины, не имѣвшія прежде доступа на суды для вчинанія исковъ, но даже лица *famosi*—потерявшіе честь, рабы противъ господъ, либерты противъ патроновъ. Злоупотребленія доносителей вызвали реакцію противъ такого способа вчинанія обвиненій при лучшихъ императорахъ, какъ, напр., при Траянѣ, когда были постановлены строгія мѣры противъ доносчиковъ за ложныя обвиненія. Суровая политика Траяна относительно доносчиковъ, при отсутствіи древняго рвенія гражданъ о вчинаніи частно-обвинительныхъ исковъ, имѣло своимъ послѣдствіемъ ненаказанность большинства преступленій. Отсюда возникли сначала идея, а впоследствии и институтъ государственнаго обвиненія (прокуратура), органами котораго явились особые цезарскіе чиновники, называвшіеся *advocati fisci*. Въ III ст., при Діоклетіанѣ, формально были отмѣнены древніе суды—*quaestiones perpetuae*, и чрезвычайное судопроизводство—*extraordinaria cognitio*, бывшее въ эпоху *quaestiones perpetuae* исключеніемъ изъ общаго правила, теперь, при императорахъ, сдѣлалось абсолютно-общею нормою, не допускавшею никакихъ изыятій или ограниченій. Императоръ Юстиніанъ, въ свою очередь, подтвердилъ такой порядокъ судовъ и процесса, распространивъ и на Константинополь тотъ порядокъ судопроизводства, ко-

торый провозглашенъ былъ цезарями, какъ общая, неограниченная норма. Въ провинціи обыкновенными уголовными судьями сдѣлались намѣстники—*praesides*, постановлявшіе приговоры даже о ссылкѣ и о смертной казни, но подъ условіемъ апелляціоннаго переноса дѣлъ въ высшія уголовныя инстанціи префектовъ и даже самихъ императоровъ. Въ городахъ, имѣвшихъ привилегію такъ наз. *jus italicum*, уголовная юрисдикція по маловажнымъ дѣламъ осталась однако же у городскихъ судей; важнѣйшіе уголовные случаи въ городахъ судились правителями провинцій съ вышеуказанными ограниченіями въ видѣ апелліаціи. Право апелліаціи достигло чрезвычайно широкаго развитія въ періодъ отъ Августа до Юстиніана. Оно практиковалось при громаднѣмъ количествѣ уголовныхъ случаевъ, при немногихъ изъятіяхъ преступленій умышеннаго челоуѣкоубійства, отравленія, предлюбодѣвія и колдовства. Любопытно то правило, по которому можно было подать апелляціонную жалобу даже безъ довѣренности со стороны осужденнаго. Вліяніе новаго фактора—христіанства и церкви—обнаруживается между прочимъ въ привилегіи духовенства—подавать апелліаціонныя прошенія даже безъ вѣдома подсудимыхъ. Императорскому періоду принадлежитъ также допущеніе особенныхъ подсудностей по уголовнымъ дѣламъ не только для военныхъ людей, но и для сенаторовъ. Къ нововведеніямъ императорскаго періода можно отнести такъ наз. контумаціальное ороизводство—*jurisdictio per contumaciam*. Формы и процессуальные обряды этого судопроизводства вытекали изъ такого правила, что нельзя обвинять въ совершеніи преступленія то лицо, которое отсутствуетъ изъ района, безъ судебного разбора и слѣдствія. Здѣсь же дѣйствовало знаменитое правило, высказанное знаменитыми юристами, что лучше оставить безнаказаннымъ преступника, чѣмъ обвинить невиннаго. Вотъ почему всѣ акты контумаціальнаго производства направляются во 1) къ принятію мѣръ для сохраненія доказательствъ и слѣдовъ преступленія на случай возможнаго возврата обвиняемаго, а во 2) также къ принятію мѣръ для принужденія скрывшагося преступника къ явкѣ на судъ. Инквизиціонное письменное начало императорскаго процесса, будучи усвоено кононическими судами христіанской Европы, получило доступъ и развитіе съ чрезвычайной широтою въ большинствѣ законодательствъ западной Европы дореволюціоннаго періода (до XVIII ст.) и до тѣхъ реформъ, которыя совершились въ первой четверти XIX ст. подъ вліяніемъ философскихъ началъ и политическихъ успѣховъ ново-европейской жизни.

Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей.

Проф. И. В. Петушила.

Продолженіе.

II. Ж и т е л и.

§ 162. Римская держава сложилась въ періодъ республики въ видѣ конгломерата многочисленныхъ мелкихъ, городскихъ или племенныхъ, государствъ (*populi, civitates*), примыкавшихъ къ римской общинѣ на разныхъ условіяхъ: то на основаніи взаимныхъ правъ гражданства, то путемъ союза (*foedus*) или дружественнаго нейтралитета (*amicitia*), то, наконецъ, черезъ формальную *deditio*. Собственно же римское государство состояло изъ города Рима и его городской общины, и римскими гражданами считались только члены послѣдней, члены же другихъ общинъ лишь въ томъ случаѣ, если они состояли искони въ правахъ римскаго гражданства или если послѣднія были имъ пожалованы римскою общиною.

1. Римскіе граждане.

Римскій народъ (*populus Romanus*), состоявшій изъ совокупности всѣхъ *cives Romani*, т. е. гражданъ, приписанныхъ къ общинѣ города Рима, являлся собственнымъ носителемъ государственной идеи по отношенію ко всей римской державѣ. Званіе римскаго гражданина, такимъ образомъ, имѣло несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ званіе гражданина всякой другой общины (по крайней мѣрѣ, во второй половинѣ республиканскаго времени), вслѣдствіе чего съ одной стороны приобрѣтеніе правъ римскаго гражданства составляло со временемъ предметъ стремленія для прочихъ частей населенія ¹⁾, а съ другой—неправильное присвоеніе такихъ правъ стало преслѣдоваться судомъ ²⁾.

¹⁾ Впрочемъ, въ болѣе древнія времена замѣтно, напротивъ, стремленіе римлянъ къ возможно большему увеличенію количества римскихъ гражданъ, сперва путемъ простого приобщенія къ своей *civitas* (ср. Liv. 1, 88, 1), поздѣе же съ оговорками (*sine suffragio*).

²⁾ Древнѣйшій примѣръ судебного преслѣдованія относится только къ 130 г., когда возбуждено было дѣло (и притомъ по настоянію родной общины подсудимаго) противъ Перперны, сдѣлавшагося въ Римѣ консуломъ раньше, чѣмъ гражданиномъ (Val. Max. 3, 4, 5: *judicio petito redire coegerunt*).

Званіе римскаго гражданина, опредѣлявшее права и обязанности давняго лица, выражается терминомъ *civitas Romana* ¹⁾, состояніе же въ соответствующихъ правахъ—терминомъ *caput* ²⁾. Правоспособность каждаго отдѣльнаго гражданина касалась или его отношеній къ государству или же отношеній къ другимъ индивидуумамъ и вещамъ; первыя даютъ *jura publica*, вторыя—*jura privata*. Тѣ и другія права въ полномъ объемѣ свойственны были только лицамъ мужскаго пола, состоявшихъ на положеніи *sui juris*. Лица же, находившіяся еще подъ *patria potestas*, были ограничены послѣднею, главнымъ образомъ, въ имущественномъ отношеніи, по политическими правами они обладали наравнѣ съ прочими гражданами. Что же касается женщинъ, то и онѣ считались тоже римскими гражданками (*civis Romana*) ³⁾; однако политическихъ правъ онѣ вовсе не имѣли, а также и при пользованіи частными правами нуждались въ содѣйствіи (*auctor*) ⁴⁾ своихъ законныхъ представителей.

Званіе гражданина давало не только права, но предписывало и обязанности. Однако многое такое, что вѣкогда было только повинностью (*munus*), съ теченіемъ времени превратилось въ почетное преимущество (каково право быть магистратомъ, сенаторомъ, присяжнымъ судьей и даже просто легіонеромъ).

Личная правоспособность гражданина открывалась достиженіемъ совершеннолѣтняго возраста (17-ти лѣтъ отъ роду); съ другой же стороны 60-лѣтній возрастъ считался предѣльнымъ, освобождавшимъ граж-

---

¹⁾ Напротивъ, *jus Quiritium* имѣетъ болѣе узкое значеніе (§ 167); еще въ періодъ имперіи при пожалованіи правъ peregrинамъ употреблялось по прежнему выраженіе *civitas Romana*, между тѣмъ какъ по отношенію къ латинамъ въ томъ же случаѣ примѣнялся терминъ *jus Quiritium*.

²⁾ Основное примѣненіе этого термина касалось несомнѣнно только случаевъ отвѣтственности (ср. „ручаться головой“, „отвѣчать головой“) по принципу: *poxa caput sequitur* (Gai 4, 77: *omnes noxales actiones caput secuntur. Nam si filius tuus servusve noxam commiserit, quamdiu in tua potestate est, tecum est actio; si in alterius potestatem pervenerit, cum illo incipit actio esse; si sui juris coeperit esse, directa actio cum ipso est*). *Caput* обозначаетъ, слѣдовательно, извѣстную совокупность правъ, опредѣлявшихъ вытекающую изъ нихъ отвѣтственность. Рабъ, стоящій наравнѣ съ безсловеснымъ имуществомъ, не имѣетъ и праваго *caput*; если тѣмъ не менѣе встрѣчаются обороты, въ родѣ *servilia capita* или *capita servorum* (Liv. 27, 16, 7; 29, 29, 8), то это однородно съ *capita hostium* (*caesa, capta*).

³⁾ Встрѣчаются даже случаи пожалованія этого званія женщинамъ-иностранкамъ (Cic. Balb. 24, 55).

⁴⁾ Liv. 34, 2: *maiores nostri nullam, ne privatam quidem rem agere feminas sine auctore voluerunt; in manu esse patrum, fratrum, virorum*.

данина отъ всякихъ личныхъ повинностей ¹⁾. Отъ всѣхъ личныхъ повинностей (не исключая опеки) освобождала и магистратура въ теченіе служебнаго года, а также нѣкоторыя жречества (*rex sacrorum, curio Dion. 2, 21, II-viri sacris faciundis ib. 4, 62*).

§ 163. А. *Jura publica* (съ *munera publica*) и ихъ предѣлы. Права и обязанности передъ государствомъ со стороны римскаго гражданина въ республиканскій періодъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

I. Личную неприкосновенность и право распорядиться собою и своимъ имуществомъ обезпечивала:

1. *Libertas*. Состояніе въ свободѣ есть основное условіе правъ римскаго гражданина. Оно давало ему возможность распорядиться собою и своимъ достояніемъ по собственному усмотрѣнію и предоставляло свободный выборъ мѣстожительства. При посягательствахъ на свою особу, имущество или свободу передвиженія, гражданинъ имѣлъ право требовать защиты со стороны общины. Однако въ свою очередь гражданинъ былъ обязанъ соблюдать тѣ же права по отношенію къ прочимъ согражданамъ, а также исполнять свои обязанности передъ государствомъ, подчиняясь законамъ, принятымъ въ комиціяхъ, и равносильнымъ имъ распоряженіямъ сената и магистратовъ ²⁾. Нарушеніе этихъ требованій, конечно, влекло за собою принятіе мѣръ противъ виновныхъ, примыкавшее къ доисторическому принципу самозащиты, какъ со стороны магистратовъ (въ качествѣ уполномоченныхъ представителей всей общины), такъ и со стороны частныхъ лицъ. Умаленіе личной или имущественной неприкосновенности провинившагося могло состоять:

а) въ смертной казни (*supplicium*). Нужно различать казнь по судебному приговору и казнь въ предѣлахъ магистратской *coercitio* (§ 45). Въ первомъ случаѣ окончательное рѣшеніе еще въ началѣ республики предоставлено было комиціямъ (§ 152) въ связи съ правомъ провокаціи (§ 164), которая съ теченіемъ времени дополнена была правомъ свободного удаленія въ изгнаніе (§ 163, е). Въ предѣлахъ же магистратской *coercitio* казнь гражданъ сохранялась вообще на войнѣ ³⁾; напротивъ, *domi* она была возможна только подъ условіемъ полученія магистратами *sum imperio* соответствующихъ полномочій со стороны комицій

¹⁾ Варронъ (у Нонія): *cum haberent sexaginta annos, tum denique erant a publicis negotiis liberi*. Но, впрочемъ, отъ обязательной опеки освобождалъ только 70-лѣтній возрастъ.

²⁾ Cic. Clu. § 58: *legum idcirco servi sumus, ut liberi esse possimus*.

³⁾ Ср. Liv. 2, 59, 5; 6, 7, 20; 24, 37, 9 (*praesidio decedere apud Romanos capital esse*).

(*quaestio extraordinaria*) или сената (*S. C. ultimum*). На особомъ положеніи оставались трибуны, сохранившіе право казнить гражданъ за непосредственное оскорбленіе ихъ *sacrosancta potestas* ¹⁾).

Орудіемъ казни со стороны магистратовъ *cum imperio* служили ликторскіе топоры (*securi percutere*), въ то время какъ казнь властью трибуна совершалась черезъ сверженіе съ тарпейской скалы ²⁾. За *regduellio* встрѣчается повѣшеніе ³⁾, а также убиваніе до смерти розгами (*virgis ad pesem caedi*) ⁴⁾. Удушеніе въ карцерѣ примѣнялось, вѣроятно, прежде всего по отношенію къ плѣнникамъ, выведеннымъ въ триумфальномъ шествіи ⁵⁾. Въ древнѣйшее время республики въ большомъ ходу была *sacratio* (*consecratio*) *capitis*, сохранившаяся дольше всего въ примѣненіи къ трибунской *coercitio* (стр. 193 и 197) ⁶⁾.

Также и частнымъ лицамъ разрѣшалось въ извѣстныхъ случаяхъ прибѣгать къ крайнему средству; напр., противъ воровъ ⁷⁾. Далѣе и *patria potestas* заключала въ себѣ нѣкогда *jus vitae necisque* (§ 170). Наконецъ, гражданина, поставленнаго внѣ законовъ (посредствомъ *sacratio* или объявленіемъ его врагомъ отечества), всякій имѣлъ право умертвить безнаказанно. Но вообще убійство гражданина (*patricidium*) издавна каралось авторитетомъ всей общины ⁸⁾.

b) въ тѣлесномъ наказаніи (*verbera*). Удары ликторскими розгами всегда предшествовали смертной казни черезъ ликторскіе же топоры ⁹⁾,

---

¹⁾ Примѣры: *Dion.* 10, 31; *Liv.* ep. 59; 2, 24. [На стр. 197 пр. 4 слѣдуетъ вычеркнуть слова: „или самого трибуна“].

²⁾ Примѣры: *Dion.* 7, 35; *Liv.* 6, 20; *Gell.* 17, 21, 24; *Liv.* ep. 59; *Plin.* h. n. 7, 44, 143. Съ усиленіемъ плебейскаго элемента этотъ способъ казни распространился отчасти и на другіе случаи.

³⁾ *Liv.* 1, 26, 6: *infelici arbori reste suspendito*.

⁴⁾ *Ср.* *Тас. а.* 2, 32; 4, 30; 16, 11. Такой же казни подвергался соблазнитель весталки.

⁵⁾ Этотъ родъ казни названъ Тацитомъ (а. 5, 10) *triumvirale supplicium*, потому что *carcer* находился въ завѣдываніи уголовныхъ триумвировъ (*Liv.* 32, 26).

⁶⁾ Такая *sacratio* должна была совершаться съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ (*contione advocata, fuculo posito, capite velato, adhibito tibicine, verbis priscis et solemnibus Cic. dom.* 47, 123; 48, 125).

⁷⁾ XII табл.: *si nox furtum faxit, si im occisit, jure caesus esto; Cic. pro Tull.* 47 сл.: *furem luce occidi vetant XII tabulae, nisi se telo defendit; quod si repugnat endoplorato h. e. conclamato, ut aliqui audiant et convenient*.

⁸⁾ Взамѣнъ богѣ древняго обряда родовой кровавой мести.

⁹⁾ *Liv.* 2, 59, 11: *virgis caesos securi percussit; 3, 55, 14: tergo ac capite puniri* и др.

а также и продажъ въ рабство ¹⁾, но, кромѣ того, встрѣчаются и какъ самостоятельный родъ смертной казни (см. выше, а), равно какъ и въ видѣ престога наказанія (напр. по отношенію къ *fur manifestus*). Это же наказаніе несомнѣнно употреблялось вѣкогда и въ предѣлахъ магистратской *coercitio* (см. § 164), и не только *militiae*, но и *domi* ²⁾. Въ области военной дисциплины встрѣчается еще *fustuarium* (*Liv.* 5, 6, 14; *Cic. Phil.* 3, 6, 14): осужденнаго прогоняли изъ лагеря, преслѣдуя его ударами палками; успѣвшій уйдти живымъ, не смѣлъ болѣе возвращаться въ отечество.

с) въ продажъ въ рабство въ чужой край (*trans Tiberim vendere* *Gell.* 20, 1, 47). Этому наказанію подвергались уклонявшіеся отъ военной службы (ср. *Liv.* ep. 55), а также и отъ ценза (*Liv.* ep. 14; *Val. Max.* 6, 3, 4). Такая же продажа гражданина возможна была и со стороны частнаго лица-кредитора по отношенію къ должнику (*Gell.* 20, 1, 47).—Отъ полной продажи въ рабство нужно отличать продажу *in mancipium* со стороны *pater familias* ³⁾: жена и дѣти, проданныя такимъ образомъ (напр. по нуждѣ) считались не рабами, а только находящимися на положеніи рабовъ (*in mancipio*) ⁴⁾, и при соответствующихъ условіяхъ становились вновь свободными (по суду или при цензѣ); сынъ, проданный три раза, считался свободнымъ отъ отцовской власти (*XII табл. si pater filium ter venum duit, filius a patre liber esto*) ⁵⁾. Свободный человѣкъ могъ продать такимъ образомъ и самого себя, но ему не разрѣшалось хлопотать о возвращеніи свободы судебнымъ порядкомъ.

d) въ арестъ (*vincula, carcer, custodia*). Арестъ встрѣчается прежде всего въ видѣ *coercitio* со стороны магистрата (§ 46), но также и какъ полицейская мѣра со стороны уголовныхъ триумвировъ ⁶⁾, а также и по распоряженію сената (§ 127, а, 1) ⁷⁾. Въ уголовныхъ процессахъ при-

¹⁾ Ср. *Liv.* ep. 55: *C. Matienus accusatus est apud tribunos plebis, quod exercitum in Hispania deseruisset, damnatusque sub furca diu virgis caesus est et sestertio nummo venit.*

²⁾ Ср. *Cic. leg.* 3, 3, 6: *magistratus nec oboedientem et noxium civem multa vinculis verberibusve coerceto, ni par majorve potestas populusve prohibessit, ad quos provocatio esto.*

³⁾ *Dion.* 2, 27; *Cic. pro Caecin.* 34, 98.

⁴⁾ *Gai.* 1, 138: *qui in causa mancipii sunt, servorum loco habentur.*

⁵⁾ Дочери и жена, по позднѣйшему толкованію, освобождались уже послѣ первой продажи.

⁶⁾ *Gell.* 3, 3, 15 (поэтъ *Нэвій*); *Val. Max.* 6, 1, 10; *Plin. h. n.* 21, 3, 8.

⁷⁾ Къ этому же принимается и предложеніе Цезаря въ дѣлѣ о соучастникахъ Катилины.

и́бнялось иногда и предварительное заключеніе ¹⁾, хотя вообще *reus* могъ оставаться на свободѣ. Въ видѣ же наказанія по приговору суда тюремное заключеніе не было въ обычаѣ.

Мѣстомъ заключенія въ предѣлахъ компетенціи уголовныхъ триумвировъ (§ 99, 2) служила государственная тюрьма (*carcer*) у подножія Капитолія, въ прочихъ же случаяхъ частные дома магистратовъ или сенаторовъ подъ ихъ личною отвѣтственностью (ср. дѣло о соучастникахъ Катилины). Въ томъ и другомъ случаѣ различается *vincula* = арестъ въ оковахъ и простая *custodia* или точнѣе *custodia libera* = *ψυλαγή ἀβεσμος* ²⁾.

Также и частнымъ лицамъ-кредиторамъ разрѣшалось арестовать самимъ своихъ должниковъ (*manus injectio*), но только по предварительному приговору суда, обязавшему должника уплатить свой долгъ въ опредѣленный срокъ. Такой должникъ, по истеченіи 30-дневнаго льготнаго ерока (по XII табл.), долженъ былъ отрабатывать свой долгъ ³⁾ въ состояніи раба, причемъ не исключались и оковы (отсюда *nexi*), запрещенные сперва за обыкновенные долги ⁴⁾, а затѣмъ, по *lex Poetelia*, безусловно. Самый же арестъ должниковъ съ обязательной работой продолжался и послѣ этого ⁵⁾, пока не былъ отмѣненъ окончательно Цезаремъ ⁶⁾.

е) Въ изгнаніи (*exilium*). Древняя *sacratio* дѣлала человѣка безправнымъ въ своемъ отечествѣ, а потому вынуждала его искать убѣжища въ изгнаніи. Такое же послѣдствіе влекла за собою позднѣйшая *aquae et ignis interdictio*, равно какъ и *fustuarium*. *Interdictio* могла быть примѣняема какъ дополнительное оформленіе добровольнаго удаленія подсудимаго въ изгнаніе и даже въ видѣ прямой мѣры наказанія по опредѣленію суда ⁷⁾. Но формальнаго приговора объ *exilium* не полагалось ⁸⁾, и если у историковъ встрѣчаются такіа извѣстія, то примѣне-

¹⁾ Liv. 3, 13, 5: *tribunus supplicium negat sumpturum se de indemnato; servaturum tamen in vinculis esse ad iudicii diem*; 3, 56, 6; 38, 60; Val. Max. 4, 1, 8.

²⁾ *Custodia* противопоставляется *vinculae* и *carcer* у Cic. Cat. 1, 8, 19. Ср. Liv. 39, 14: *comprehensos libero conclavi ad quaestiones servarent*.

³⁾ Liv. 6, 34, 2: *iudicati atque addicti creditoribus satis faciebant*.

⁴⁾ Liv. 8, 28, 8: *jussique consules ferre ad populum, ne quis, nisi qui noxam meruisset, donec poenam lueret, in compedibus aut in nervo teneretur; ita nexi soluti cautumque in posterum, ne necerentur*.

⁵⁾ Напр. Liv. 23, 14: *qui pecuniae iudicati in vinculis essent*.

⁶⁾ Caes. c. 3, 1; Suet. Caes. 42; Dio Cass. 41, 37.

⁷⁾ Gai. 1, 128: *cum is, cui ob aliquod maleficium lege Cornelia aqua et igni interdicatur, civitatem Romanam amittat*.

⁸⁾ Cic. in Caec. 34, 100: *nulla in lege nostra reperietur maleficium ullum exilio esse multatum*.

ніе слова *exilium* воспроизводитъ только суть дѣла, но не форму, такъ какъ лишь *interdictio* являлась наказаніемъ, между тѣмъ какъ *exilium* (понимаемое какъ приниска къ чужой общинѣ) ¹⁾ составляло, напротивъ, право гражданина ²⁾. Подсудимымъ издавна разрѣшалось уходить безпрепятственно, не дожидаясь произнесенія судебного приговора (Polyb. 6, 14). Позднѣе, по закону Порціи и другихъ, дозволялось это даже и осужденнымъ ³⁾. Это называлось иначе *solum vertere* ⁴⁾.

Въ древнѣйшее время изгнанникамъ можно было селиться и приобретать мѣстные права гражданства въ любой общинѣ Италіи, имѣвшей по договору право принимать римскихъ изгнанниковъ (*jus exilii*) ⁵⁾. Напротивъ, послѣ дарованія правъ римскаго гражданства всеѣмъ италійскимъ общинамъ въ Италіи не было болѣе мѣста для такихъ *exules* ⁶⁾. Поэтому съ тѣхъ поръ *interdictio* опредѣлялась вообще территоріей всей Италіи или только частью ея съ указаніемъ извѣстнаго количества тысячъ шаговъ отъ города Рима (Тас. а. 1, 50; 13, 26) ⁷⁾.

f) Свобода и неприкосновенность особы гражданина въ равной мѣрѣ распространялась и на его имущество, такъ какъ послѣднее представлялось ⁸⁾ неразрывно связаннымъ съ понятіемъ о *caput*. *Имущество* гражданина, осужденнаго на смерть ⁹⁾ или на изгнаніе ¹⁰⁾, *отбиралось*

---

¹⁾ Cic. pro Caec. 34, 106: *amittitur haec civitas, cum is qui profugit receptus est in exilium, hoc est in aliam civitatem.*

²⁾ Cic. pro Caec. 34, 100: *exilium enim non supplicium est, sed per fugium portusque supplicii.*

³⁾ Sall. Cat. 51, 40: *postquam res publica adolevit, lex Porcia aliaeque leges paratae sunt, quibus legibus exilium damnatis permissum est; Cic. dom. 30, 78: qui erant rerum capitalium condemnati.*

⁴⁾ Cic. dom. 30, 78: *qui erant rerum capitalium condemnati, non prius hanc civitatem amittebant, quam erant in eam recepti, quo vertendi, id est mutandi soli causa venerant.*

⁵⁾ Polyb. 6, 14, 8*указываетъ, между прочимъ, Praeneste, Тибуръ и Неаполь-ср. Liv. 43, 2, 10; кромѣ того упоминаются Ardea (Liv. 5, 43, 6), Lavinium (2, 2, 10), Lanuvium (3, 29, 6), Nuceria (Balb. 11, 38) и др.

⁶⁾ Однако подобныя мѣста изгнанія существовали и тогда за предѣлами Италіи, каковы Gades (Cic. Balb. 12, 29), Massalia (Тас. а. 4, 43), Аенны (Cic. Tusc. 5, 37, 103), Dyrrhachium (Cic. Sest. 67, 140) и др.

⁷⁾ О томъ, считалась ли 400 тысячъ шаговъ въ дѣлѣ изгнанія Циперона отъ Рима, или, что болѣе вѣроятно, отъ предѣловъ Италіи, ср. Berl. Phil. Woch. 1895 № 17 стр. 524.

⁸⁾ Очевидно подъ влияніемъ условій общиннаго землевладѣнія.

⁹⁾ Dion. 8, 79; Liv. 3, 58, 10.

¹⁰⁾ Ср. Тас. а. 3, 23 и др.

въ казну (*publicare*) ¹⁾, а *домъ* его подвергался разрушенію (§ 127, 2) ²⁾. Независимо отъ этого магистраты и судебныя учрежденія могли присуждать виновныхъ къ уплатѣ денежныхъ штрафовъ; о магистратской *multa* и *pignoris capio* см. § 45, а; о *sacramentum* см. § 99, 2, с.

g) На рубежѣ республики и монархіи появилась *damnatio metoriae*, т. е. уничтоженіе имени даннаго лица во всѣхъ общественныхъ документахъ и надписяхъ; впервые это было примѣнено къ М. Антонію.

§ 164. 2. *Provocatio* и *appellatio*. Оба эти термина въ республиканскій періодъ рѣзко отличались одинъ отъ другого:

а) *Appellatio* развилась, повидимому, уже въ республиканскій періодъ, особенно на почвѣ сословной борьбы (§ 86) и состояла въ просьбѣ о защитѣ, обращаемой главнымъ образомъ къ *трибунамъ* (трибунская *intercessio* § 87), но возможной и по отношенію къ другимъ магистратамъ (§ 39, а) примѣнительно къ понятію о *potestas* (§ 37) ³⁾.

б) *Provocatio*, состоявшая, напротивъ, въ обращеніи къ *народу*, коренится своими основаніями въ обычаяхъ глубокой индоевр. древности ⁴⁾. но получила свою опредѣленную форму тоже не раньше учрежденія республики. По традиціи, *provocatio* къ комиціямъ установлена была въ первый же годъ республики по закону Валерія (первая *lex Valeria de provocazione*) ⁵⁾, а именно прежде всего только противъ смертной казни по приговору консула, какъ явствуетъ изъ того, что съ ликторскихъ *fasces* сняты были только топоры, въ то время какъ пучки розогъ сохранялись въ рукахъ ликторовъ и въ городѣ. Еще въ XII таблицахъ, предписывавшихъ: *de capite civis nisi per maximum comitiatum ne ferunt* (Cic. leg. 3, 4, 11), запрещалось только *interfici indemnatum quemquam hominem*. Употребленіе ликторскихъ розогъ ⁶⁾ запрещено было только закономъ Порція ⁷⁾. Поэтому выраженіе *de capite* въ фор-

¹⁾ Liv. 4, 15, 8: *juberi itaque quaestores vendere ea bona atque in publicum redigere*.

²⁾ Liv. 4, 16, 1: *domum deinde dirui extemplo jussit*. Еще Цицеронъ пострадалъ такимъ образомъ.

³⁾ Cic. leg. 3, 3, 6: *magistratus nec oboedientem et noxium civem multa vinculis verberibusve coerceto, ni par majorve potestas prohibessit*.

⁴⁾ Ср. Bernhöft стр. 225. Между тѣмъ какъ *ad-pellare* = „подзывать къ себѣ присутствующаго“, „обращаться къ присутствующему“, напротивъ *pro-vocare* = „вызывать народъ на улику (pro) своимъ крикомъ (voco)“. Ср. призывъ: *progo Quirites!*

⁵⁾ Liv. 2, 8, 2: *de provocazione adversus magistratus ad populum*.

⁶⁾ См. Cic. leg. 3, 3, 6: *nec oboedientem civem multa vinculis verberibusve coerceto*.

⁷⁾ Въ этой позднѣйшей формулировкѣ *provocatio* изображена у Cic. r. p. 2, 31: *ne quis magistratus civem Romanum adversus provocationem necaret neve verberaret*.

мулировѣ древнѣйшихъ законовъ о проvocatio должно быть понимаемо буквально ¹⁾. Какъ противъ консуловъ допускалась проvocatio въ цен-туріатскимъ комиціямъ, такъ противъ трибуновъ она была возможна передъ собраніями плебса, пока законодательство XII таблицъ не передало также и этотъ случай въ вѣдѣніе центуріатскихъ же комицій (§ 152). По удаленіи децемвировъ право проvocации скрѣплено особо закономъ М. Валерія (*вторая lex Valeria*), особенность котораго заключалась, повидимому, только въ его *sanctio* ²⁾. Подобную цѣль преслѣдовала и *третья lex Valeria* 300 года ³⁾.

Эти три *leges Valeriae* дополнены были позднѣе посредствомъ *tres leges Porciae trium Porciorum* (Cic. r. p. 2, 31, 54), изъ которыхъ одна запрещала бить розгами римскаго гражданина ⁴⁾, а другая разрѣшала осужденнымъ удалиться въ добровольное изгнаніе и этимъ предупреждать наказаніе даже послѣ проvocatio ⁵⁾; наконецъ, одна *lex Porcia* (Cic. Verr. 5, 63, 163) распространяла запрещеніе казнить и бить римскихъ гражданъ также и на полководцевъ и правителей провинцій ⁶⁾, такъ что подсудимый гражданиномъ, заявившій о своемъ званіи (*civis Romanus sum* Cic. Verr. 5 § 163), долженъ былъ быть отправляемъ въ Римъ для уголовной отвѣтственности.

Законы о проvocации подтверждены вновь Г. Грокхомъ въ 123 г. (Cic. Verr. 5, 63, 163).

Кромѣ *carut*, со времени *lex Aternia Tarpeja* допускалась проvocatio также и противъ магистратской *multa*, изъ чего и развилось штрафное судопроизводство комицій (§ 158).

с) *Ни appellatio, ни provocatio* не допускалась противъ приговора суда, не исключая даже и гражданской юрисдикціи претора.

¹⁾ Cic. leg. 3, 19, 44: tum leges praeclarissimae de XII tabulis translatae duae, quarum altera de capite civis rogari, nisi maximo comitiatu vetat; Sest. 30, 65; r. p. 2, 36, 61.

²⁾ Liv. 3, 55, 5: muniunt sanciendo, ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet; qui creasset, eum jus fasque esse occidi, neve ea caedes capitalis noxae haberetur.

³⁾ Liv. 10, 9, 3: eodem anno M. Valerius consul de provocatione legem tulit *diligentius sanctam*; tertio ea tum post reges exactos lata est, semper a familia eadem.

⁴⁾ Liv. 10, 9, 4: Porcia lex sola pro tergo civium lata videtur (т. е. въ *leges, Valeriae* такого постановленія, повидимому, не заключалось), quod gravi poena, si quis verberasset necassetve civem Romanum, sanxit; Sall. Cat. 51, 22.

⁵⁾ Sall. Cat. 51, 40: postquam res publica adolevit, lex Porcia aliaeque leges paratae sunt, quibus legibus exilium damnatis permissum est.

⁶⁾ Такъ какъ въ законѣ была рѣчь о *virgis caedere*, то въ обходъ этого закона въ военной дисциплинѣ, вмѣсто ликторскихъ *virgae*, введены были *vites* въ рукахъ цен-туріоновъ (Liv. ep. 57).

д) Право апелляціи и провокаціи касалось только мужчинъ и, конечно, только римскихъ гражданъ; слѣдовательно, исключались изъ этихъ правъ женщины ¹⁾, перегрины и рабы.

3. *Jus exilii causa soli vertendi* (§ 163, e) составляло весьма существенное дополнение права провокаціи. Добровольное удаление въ изгнаніе разрѣшалось, очевидно, издавна, но было оформлено только посредствомъ *lex Porcia* (начала 2-го стол. до Р. Хр.).

II. Политическія права въ узкомъ смыслѣ.

§ 165. 4. *Сходки и ассоціаціи*. Сходки не официальныя, т. е. созванныя не магистратомъ (§ 140), назывались *coetus* или *conventus*. Такія сходки встрѣчаются съ древнѣйшихъ временъ (§ 27), а именно сперва безъ сомнѣнія и въ видѣ всенародныхъ собраній ²⁾, въ историческія же времена республики уже только въ видѣ собраній частныхъ кружковъ ³⁾. Особенное значеніе имѣли полуофициальныя сходки со-сѣдей (*vicinitates*) въ *pagi*, *montes* и *vici* ⁴⁾, составлявшихъ общія рѣшенія ⁵⁾ и имѣвшихъ даже свою постоянную организацію (*magistri*). Такого же рода—*conventus civium Romanorum* въ провинціяхъ. Частныя сходки могли происходить съ любую цѣлью и въ любомъ мѣстѣ, не исключая и *форума* ⁶⁾, но только онѣ должны были происходить днемъ ⁷⁾; кромѣ того, отъ усмотрѣнія сената и магистратовъ зависѣло совсѣмъ запретить ихъ въ уважительныхъ случаяхъ.

Право *ассоціаціи* узаконено было XII таблицами подъ условіемъ *dum ne quid ex publica lege corrumpant* (*Dig. 47, 22, 4*). Различается *collegium* и *societas*.

а) *Collegium* ⁸⁾. Это слово, по своему этимологическому составу ⁹⁾ первоначально обозначаетъ такія ассоціаціи, которыя получали свои пол-

¹⁾ Впрочемъ, *штрафные* процессы со стороны злиловъ возбуждались и противъ женщинъ.

²⁾ *Ep. Ov. fast. 2, 510: convocat hic (Proculus) populos; Liv. 1, 16, 5: Proculus Julius in contionem prodit.*

³⁾ *Cp. Liv. 39, 15, 11: majores vestri ne vos quidem, nisi cum aut vexillo in arce posito comitorum causa exercitus eductus esset aut plebi concilium tribuni edixissent aut aliquis ex magistratibus ad contionem vocasset, forte temere coire voluerunt.*

⁴⁾ *Cic. dom. 28, 74: conventicula et quasi concilia (o pagani et montani).*

⁵⁾ *См. Кулаковскій, Коллегія стр. 12: aram de pagi sententia faciendum coiravit.*

⁶⁾ *Cp. Liv. 25, 1: incusati graviter ab senatu aediles, quod non prohiberent, cum emovere eam multitudinem e foro ac discere apparatus sacrorum conati essent haud multum afruit, quin violerentur.*

⁷⁾ *Nocturni coetus* считались не позволительными, *cp. Liv. 2, 28, 1.*

⁸⁾ Кулаковскій, Коллегія въ древнемъ Римѣ. 1882.

⁹⁾ *Collega* = соуполномоченный, какъ *legatus* = уполномоченный. Но Впрочемъ, *collega* и *collegium* въ качествѣ *termini technici* съ теченіемъ времени разошлись на-

номочія извнѣ, со стороны всего государства или какой-либо отдѣльной части населенія. Древнѣйшія collegia преимущественно религіознаго характера ¹⁾. Таковы прежде всего жреческія коллегіи; таковы также коллегіи, устраивавшіяся издавна для поддержанія храмовъ, праздниковъ и т. п. Еще къ началу республики относится учрежденіе коллегіи купцовъ при храмѣ Меркуріа на Авентинѣ ²⁾, ко времени же галльскаго погрома учрежденіе коллегіи для поддержанія мѣстныхъ игръ на Капитоліѣ ³⁾. Подобныя игры устраивались и въ другихъ частяхъ города, особенно на compta; для поддержанія ихъ существовали collegia comitalicia ⁴⁾. Правильно организованные vici и pagi не нуждались въ особыхъ коллегіяхъ, такъ какъ соотвѣтствующія обязанности по поддержанію мѣстныхъ святынь и праздниковъ возлагались на магистровъ pagi или vici.

Рядомъ съ этими религіозными коллегіями издавна существовали и свѣтскія общества среди ремесленнаго класса населенія ⁵⁾. Древнѣйшія изъ нихъ, вѣроятно, имѣли тоже отношеніе къ культу (каковы: флейтчики и горшечники) или, по крайней мѣрѣ, къ общественнымъ дѣламъ (каковы fabri tignarii). Въ 207 г. учреждено было подобное collegium scribarum ⁶⁾ при храмѣ Минервы на Авентинѣ.

Въ концѣ республики возникъ новый типъ свѣтскихъ коллегій. Подобнымъ образомъ какъ существовали мѣстныя коллегіи для религіозныхъ цѣлей, такъ стали образоваться такія же мѣстныя общества съ политической цѣлью для агитаціи во время выборовъ (Cic. Sest. 15, 34).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кромѣ collegium, встрѣчается еще названіе *sodalitas* и *sodalitium*. Терминъ *sodalitas* шире термина *collegium*,

---

столько, что члены коллегій назывались только уже *sodales*, между тѣмъ какъ *collega* обозначало товарищъ по магистратурѣ.

¹⁾ Хотя товарищи по магистратскимъ должностямъ назывались *collegae*, но терминъ *collegium* употреблялся только по отношенію къ трибунамъ (стр. 85 и 198).

²⁾ Liv. 2, 27, 5: *mercatorum collegium instituere*. Члены этой коллегіи назывались *Mercuriales* Cic. Qu. fr. 2, 5, 2.

³⁾ Liv. 5, 50, 4: *collegiumque ad eam rem M. Furius dictator constitueret ex eis, qui in Capitolio atque arce habitarent*.

⁴⁾ Асконіи: *solebant autem magistri collegiorum ludos facere, sicut magistri vicorum; faciebant compitalicios praetextati*.

⁵⁾ По Plut. Num. 17 еще Нума учредилъ 7 такихъ коллегій: флейтчиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, плотниковъ, красильщиковъ, сапожниковъ, кожевниковъ, мѣдниковъ и горшечниковъ.

⁶⁾ Или иначе *collegium poetarum* (Val. Max. 3, 7, 11).

такъ какъ не заключаетъ въ себѣ указанія на способъ полученія полномочій ¹⁾. Члены коллегій назывались вообще только *sodales*.

Въ 64 г. ²⁾ были закрыты сенатомъ всѣ мѣстныя общества въ городѣ (Dio Cass. 38, 13, 2), но это запрещеніе отмѣнено въ 58 г. закономъ трибуна Клодія ³⁾. Въ 56 г. сенатъ снова выступилъ противъ обществъ, но на этотъ разъ только противъ тѣхъ, которыя занимались подкупомъ избирателей (Cic. Qu. fr. 2, 3, 5), что и было подтверждено въ слѣдующемъ году закономъ консула Лицинія (*lex Licinia de sodalibus*). Цезарь (Suet. Jul. 42) и Августъ (Suet. Aug. 32) запретили *cuncta collegia praeter antiquitus constituta* ⁴⁾. Кромѣ того мѣстныя коллегіи въ Римѣ превращены были тогда въ коммунальныя учрежденія, не имѣвшія права набирать членовъ изъ другихъ общинъ.

b) *Societas* ⁵⁾. Товарищество существенно отличается отъ коллегіи. Возникновеніе товарищескихъ союзовъ коренится въ правѣ (унаслѣдованномъ отъ индоевр. древности) составлять вольныя дружины для военныхъ набѣговъ на сосѣдей, не состоявшихъ въ союзѣ или дружбѣ съ Римлянами, для захвата оттуда добычи общими силами. Военныя предпріятія по частной инициативѣ встрѣчаются еще въ историческія времена; сюда принадлежитъ напр. экспедиція Фабіевъ противъ Вей и составленіе военныхъ отрядовъ *privato consilio* Помпеемъ въ 83 г. и Августомъ въ 43 г. Даже еще войны, предпринимаемыя всей общиной, походили на частныя военныя предпріятія, тѣмъ что добыча, взятая на войнѣ, расходовалась по усмотрѣнію полководца, при чемъ на первомъ планѣ стояло распредѣленіе выручки (*manibiae*) между самими солдатами (Liv. 35, 1, 12; Polyb. 10, 16, 5).

По этому образцу издавна устраивались *societates* и для мирныхъ предпріятій коммерческаго или промышленнаго характера съ цѣлью пріобрѣтенія прибыли (Cato г. г. 144; 145). И здѣсь удерживается основная черта этого дѣла настолько, что собственнымъ хозяиномъ и распорядителемъ предпріятія считается только одно лицо (*magister*), въ то время какъ остальные считались за его *socii* ⁶⁾; на обязанности

¹⁾ Поэтому среди жреческихъ коллегій терминъ *collegium* принимается преимущественно къ тѣмъ, которыя получали порученія отъ сената.

²⁾ Кулаковскій, Коллегія, стр. 39 пр. 8.

³⁾ Cic. Sest. 25, 55: *ut collegia non modo illa vetera contra senatus consultum restituerentur, sed ab uno gladiatore innumerabilia nova constituerentur.*

⁴⁾ Тѣмъ не менѣе и послѣ этого устраивались новыя коллегіи, каковы погребальныя общества.

⁵⁾ Соколовскій. Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву 1898.

⁶⁾ *Socius* одного корня съ *sequor*; ср. греч. *σάκωνες*, *σάκοι*. Древнее значеніе сохранилось въ выраженіи: *socii navales* (матросы).

руководителя лежало не только распределение прибыли, но и представительство товарищества (отсюда онъ же *managers, redemptor*); но съ другой стороны участники имѣли право требовать свою долю (*pro socio*) даже судебнымъ порядкомъ. По этому типу были устроены и товарищества откупщиковъ податей (*societates publicanorum*), члены которыхъ чередовались въ руководительство дѣлами (*Cic. Verr. II, 2, 74, 182*). Впрочемъ, встрѣчается еще другой типъ товарищества, когда одинъ *socius* дѣйствуетъ только по порученію и за счетъ другого (являясь какъ бы только его *institor*-омъ¹⁾; но это, повидимому, уже результатъ дальнѣйшаго развитія дѣла.

5. *Jus suffragii*. Всякій гражданинъ имѣлъ право участвовать въ сходкахъ, устраиваемыхъ магистратами (*contio*), равно какъ въ комиціяхъ при подачѣ голосовъ (§ 150), причемъ идея о предоставленіи войску центуріатскихъ комицій права выбирать своихъ *praetores* (*активное избирательное право*) вращается въ кругу тѣхъ же представлений о первоначальномъ характерѣ войска²⁾.

6. *Jus honorum*. Право быть избраннымъ въ магистраты (*назначенное избирательное право*) заключало въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность принять на себя магистратуру и притомъ безвозмездно (*stipus* § 48), хотя, конечно, при изобиліи кандидатовъ не представлялось случая для принужденія, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшей республикѣ³⁾.

Также и право быть сенаторомъ составляло тоже *stipus*, какъ видно уже изъ того, что консулы имѣли право принуждать сенаторовъ являться въ засѣданіе (§ 133, 3).

Особенно замѣтенъ признакъ повинности въ правѣ быть присяжнымъ судьей (§ 139)⁴⁾.

§ 166. III. Правообязанности, сохранившія характеръ повинности, но составлявшія вмѣстѣ съ тѣмъ преимущественное право римскихъ гражданъ.

7. *Militia*. Служба въ римскихъ легіонахъ составляла преимущество римскихъ гражданъ; союзники могли входить только въ составъ

---

¹⁾ ad Herenn. 2, 13: ut id, quod argentario tuleris expensum, a socio ejus recte petere possis.

²⁾ Если Сервіева тирократическая система, какъ можно думать, предоставляла это избраніе первоначально представителямъ классовъ, то передача этого дѣла „войску“ въ началѣ республики есть реакція въ пользу старинныхъ возрѣтій.

³⁾ Въ муниципіяхъ характеръ магистратуры, какъ повинности, былъ болѣе замѣтенъ.

⁴⁾ Ср. Cic. Brut. 31, 117: vocationem augures, quo minus judiciis operam dare non habere.

союзнических отрядов¹⁾, иностранцы же и рабы совѣмъ исключались изъ военной службы²⁾.

Основаніе военной повинности со времени Сервія Туллія состояло въ томъ, что всякій гражданинъ, владѣвшій землею, въ соответственной мѣрѣ долженъ былъ принимать участіе и въ защитѣ государства отъ непріятелей; съ теченіемъ времени землевладѣніе замѣнено общимъ имущественнымъ цензомъ, пока, наконецъ, этотъ принципъ не былъ оставленъ окончательно (§ 20). Послѣ уничтоженія тимократическаго начала военная повинность сдѣлалась общеобязательной для всѣхъ римскихъ гражданъ³⁾; уклоненіе отъ военной службы наказывалось. Впрочемъ, отправление военной повинности было обязательнымъ только номинально, т. е. года службы считались независимо отъ дѣйствительнаго участія въ походахъ (§ 57, 5 вын. 5). Въ концѣ республики знатные юноши, по достиженіи 17-лѣтняго возраста, поступали обыкновенно въ свиту какого-либо полководца⁴⁾ или правителя провинціи, или кого-либо изъ подначальныхъ военачальниковъ⁵⁾; при этомъ (во въ зависимости отъ возраста, см. § 56 вын. 2), они получали званіе военнаго трибуна⁶⁾ или префекта⁷⁾.

Наборъ производился равномерно по всѣмъ трибамъ (Pol. 6, 20), очередь которыхъ опредѣлялась жребіемъ, причемъ отъ усмотрѣнія магистрата зависѣло ограничиться лишь нѣсколькими трибами⁸⁾. Также и зачисленіе въ легіоны отдѣльныхъ гражданъ находилось всецѣло во власти магистрата, производившаго наборъ⁹⁾. Однако онъ былъ обязанъ принимать въ соображеніе заявленныя уважительныя причины для

---

¹⁾ Если только не было взаимнаго обмѣна гражданскихъ правъ, какъ напр. съ Кампанцами, отряды которыхъ причислялись къ римскимъ легіонамъ.

²⁾ Serv. ad Aen 9, 546: lege militari servi a militia prohibebantur, excepto Hannibalis tempore (и тутъ, можетъ быть, смѣшано позднѣйшее значеніе слова *servus* съ болѣе древнимъ = *libertus*).

³⁾ Ср. Liv. 39, 19, 4: ne invitus militaret.

⁴⁾ Напр. Цицеронъ (Cic. Phil. 2, 11, 17) и одновременно съ нимъ также Помпей.

⁵⁾ Cic. Planc. 11, 27: fuit in Creta contubernalis Saturnini, propinqui sui, miles hujus Q. Metelli.

⁶⁾ Цицеронъ, выбившій изъ войска моложе 22 лѣтъ, не дошелъ такимъ образомъ до этого званія.

⁷⁾ Cic. Att. 3, 33, 3: si neutrum quadret, in praefectis an in contubernalibus fuerit.

⁸⁾ Liv. 4, 46, 1: decem tribus sorte ductae.

⁹⁾ Отсюда граждане, не попавшіе въ легіоны, и не лишались права на причисленіе такихъ годовъ къ счету обязательныхъ для нихъ лѣтъ военной службы.

увольненія (causa, отсюда уволенные назывались *causarii*) ¹⁾; въ случаѣ же недоразумѣннѣя считавшій себя обиженнымъ могъ просить защиты у трибуновъ (§ 39, а вын. 3). Кромѣ этихъ частныхъ причинъ существовали еще общія законныя льготы (*vacationes*) ²⁾. Отъ военной службы освобождали слѣдующія условія:

а) Возрастъ свыше 45 лѣтъ освобождалъ отъ службы въ нормальное время, возрастъ же свыше 60 лѣтъ—вообще ³⁾.

б) Всадникъ освобождался отъ дальнѣйшей службы послѣ 10 дѣйствительныхъ походовъ, пѣхотинецъ же послѣ 16 въ нормальное время, а послѣ 20—вообще ⁴⁾.

в) Жрецы ⁵⁾ и магистратскія ⁶⁾ аппариторы освобождались въ силу своего служебнаго положенія,

д) Та же льгота распространена была на гражданъ въ двухъ римскихъ портовыхъ колоніяхъ Ostia и Antium (Liv. 27, 38; 36, 3), такъ какъ они считались на положеніи постоянного пограничнаго войска ⁷⁾.

е) Льгота представлялась иногда и военнымъ подрядчикомъ (Liv. 23, 49, 2).

ф) Встрѣчается также освобожденіе отъ военной повинности въ видѣ личной награды, и не только пожизненное (Liv. 39, 19, 4; Cic. p. d. 2, 2, 6), но даже и наследственное (Cic. Phil. 5, 19, 53).

Но всѣ эти льготы имѣли мѣсто вообще только для обыкновеннаго *dilectus*. Напротивъ при *tumultus* (т. е. для войны въ предѣлахъ Италіи и Галліи до Альповъ) ⁸⁾ обычныя *vacationes* теряли свою силу ⁹⁾, такъ что можно было зачислять въ войско не только *seniores* (свыше 45 лѣтъ, App. b. c. 2, 150), но и жрецовъ (ib. Plut, Cam. 41) и аппариторовъ (уставъ Генетивы с. 62), равно какъ и лицъ, получившихъ

¹⁾ Такой причиной могло служить, напр., состояніе даннаго лица на положеніи отца семейства (Liv. 42, 34, 12).

²⁾ Полная *vacatio* опредѣлялась въ такихъ выраженіяхъ: *ut ei omnia stipendia emerita essent* (Liv. 39, 19, 4).

³⁾ Для службы во флотѣ предѣльнымъ возрастомъ считался 35-й годъ (Liv. 22, 11, 9). Тотъ же возрастъ при Августѣ установленъ былъ и для всадниковъ.

⁴⁾ Еще при Августѣ служба легионера опредѣлялась въ 16 лѣтъ (Dio 54, 25) и въ 20 лѣтъ (Dio 55, 23).

⁵⁾ Cic. ac. pr. 2, 38, 121: *cum sacerdotes deorum vacationem habeant*.

⁶⁾ По уставу колоніи Генетивы с. 62.

⁷⁾ Вслѣдствіе чего они не должны были отлучаться изъ своего мѣста жительства болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ (Liv. 27, 38, 5).

⁸⁾ Ср. Cic. Phil. 5, 19, 53: *vacationem esse extra tumultum gallicum italicumque*.

⁹⁾ Cic. Phil. 5, 12, 31: *censeo tumultum decerni, dilectum haberi sublatis vacationibus*; Liv. 4, 26, 12; 7, 9, 6; 8, 20, 3.

vacatio въ видѣ награды, если только противоположное не было уже напередъ предусмотрѣно (Cic. Phil. 5, 19, 53).

Согласно принципу Сервіевоу конституціи военная служба была *munus* и, слѣдовательно, бесплатная ¹⁾, но справедливость требовала вознаграждать, по крайней мѣрѣ, бѣдныхъ гражданъ за убытки, что съ теченіемъ времени превратилось въ опредѣленное солдатское жалованье, выплачиваемое сперва черезъ эрарныхъ трибуновъ ²⁾ изъ средствъ доставляемыхъ своей же трибой, хотя и представляемыхъ (съ 406 г.) инвесторамъ въ эрарій.

8. *Цензъ*. Цензу передъ римскими цензорами могли подвергаться только римскіе граждане (§ 81); внесеніе ихъ именъ въ цензорскіе списки подтверждало ихъ гражданскія права ³⁾. Но зато уклоненіе отъ ценза преслѣдовалось, какъ уголовное преступленіе ⁴⁾. О цѣли ценза см. § 16 и 81.

§ 167. 9. *Трибутъ* ⁵⁾. Римскіе граждане были освобождены отъ всякаго поземельнаго налога съ ихъ полной собственности, однако съ обязательствомъ, въ случаѣ нужды ⁶⁾, помогать казнѣ разнообразными взносами соразмѣрно съ цензомъ всего имущества ⁷⁾ и эти взносы возвращались казною по мѣрѣ возможности ⁸⁾. Опредѣленіе трибута (§ 21 и § 124, 1) происходило въ связи съ опредѣленіемъ состава войска для каждаго предстоящаго года (§ 123, 2) ⁹⁾. Такъ какъ со времени завоеванія Македоніи въ 167 г. трибутъ съ гражданъ болѣе не взимался ¹⁰⁾, за исключеніемъ одного только случая въ 44 г. ¹¹⁾, то о способѣ

1) Liv. 4, 59, 1: decrevit senatus, ut stipendium miles de publico acciperet, cum ante id tempus de suo quisque functus eo munere est.

2) Gell. 6, 10: pignoris capio ob aes militare, quod aes a tribuno aerario miles accipere debelat; Varro l. l. 5, 184: quibus attributa erat pecunia, ut militi reddant, tribuni aerarii dicti.

3) Съ другой стороны мѣстный цензъ въ италійскихъ общинахъ служить однимъ изъ признаковъ ихъ автономіи.

4) Ср. Liv. 1, 44, 1: censu perfecto, quem maturaverant metu legis de incensis latae vinculorum minis mortisque; Dion. 4, 15; см. § 163, с.

5) Кромѣ *tributum* встрѣчается и форма *tributus* (Gall. 13, 21, 19).

6) Cic. off. 2, 21, 74: danda etiam opera est, ne, quod apud majores nostros saepe fiebat, propter aerarii tenuitatem adsiduitatemque bellorum, tributum sit conferendum.

7) Varro l. l. 5, 181: pro portione census.

8) Примѣры возвращенія трибута Liv. 39, 7; Dion. 5, 40.

9) Liv. 7, 27, 4: (eo anno) tributo ac dilectu supersessum.

10) Cic. off. 2, 22, 76: Paullus tantum in aerarium pecuniae inexit, ut unius imperatoris praeda finem attulerit tributorum.

11) Dio 48, 16; 49, 15.

собрания трибута сохранилось лишь немного извѣстій (§ 21), хотя, очевидно, продолжали существовать по традиціи старинныя учрежденія, связанныя со взиманіемъ трибута въ каждой трибѣ (въ томъ числѣ *tribuni aerarii*, называвшіеся въ концѣ республики также *curatores tributum* § 152) ¹⁾.

10. *Possessio* ²⁾ и *vectigal*. По древнѣйшему праву войны побѣдитель становился полнымъ владѣтелемъ покоренныхъ народовъ и собственникомъ всего ихъ имущества ³⁾; жителей можно было продавать въ рабство и ихъ имуществомъ распоряжаться по усмотрѣнію побѣдителя ⁴⁾. Но римляне рѣдко прибѣгали къ такимъ мѣрамъ. Обыкновенно ограничивались тѣмъ, что отнимали у покоренныхъ только часть ихъ земли (что называлось: *agro multare* Liv. 1, 15, 5; 3, 67, 5; 8, 11, 12; Cic. pro Fant. 1, 2), обыкновенно $\frac{1}{3}$ (Liv. 10, 1, 3) ⁵⁾, рѣже половину (Liv. 36, 39, 3) или $\frac{2}{3}$ (Liv. 2, 41, 1; 8, 1, 3). Отобранная часть земли становилась *ager publicus* римскаго народа ⁶⁾. Всякій разъ, когда послѣ войны присоединялись новыя земли, римскій магистратъ издавалъ эдиктъ, въ которомъ приглашалъ желающихъ занять (*occipere* Liv. 6, 37, 2) такое количество новой земли, которое они могли бы воздѣлывать ⁷⁾. Земли, занятыя такимъ образомъ, назывались *possessiones* и ихъ владѣльцы—*possessores* ⁸⁾, такъ какъ земля считалась только въ ихъ владѣніи и пользованіи (*usus*), за что и должны были платить въ казну опредѣляемую цензорами плату, называвшуюся *vectigal* (ст. 184) ⁹⁾. Такая

¹⁾ По причинѣ исчезновенія гражданскаго трибута слово *tributum* въ провинціальномъ управленіи стало употребляться въ новомъ значеніи.

²⁾ Voigt, Ueber die staatsrechtliche possessio und den ager compascuus 1887.

³⁾ Liv. 1, 38, 2: *deditisne vos populumque Conlatium, urbem agros aquam terminos delubra utensilia, divina humanaque omnia in meam populi que Romani dicionem.*

⁴⁾ Liv. 26, 16, 8: *ager omnis et tecta publica populi Romani facta.*

⁵⁾ Эту (или подобную) часть нужно подразумѣвать всегда тамъ, гдѣ говорится вообще о *ager adeptus* или *agro multati*, такъ какъ по римскимъ воззрѣніямъ и обыкновенная *multa* должна была быть меньше половины имущества (*dum minore partem taxat*).

⁶⁾ Liv. 3, 71: *agram, de quo ambigitur, finium Coriolanorum fuisse, captisque Coriolis jure belli publicum populi Romani factum*; Cic. Verr. 3, 6, 13.

⁷⁾ App. b. c. 1. 18: τὸ χίρογμα τὴν ἀνέμητον γῆν ἐσπαράσσεται τὸν ἐδάλλοντα κρολέγον. Законъ Лицинія (Liv. 6, 35) и Тиб. Гракха опредѣляли *maximum* въ 500 *juga*; однако на практикѣ оказалось это мало примѣнимымъ.

⁸⁾ Ср. напр. Liv. 2, 41, 2; 2, 61, 2 и др.; Cic. Att. 2, 15, 4; leg. agr. 2, 5, 10 и др.

⁹⁾ Послѣ пуническихъ войнъ *vectigal* въ Италіи взималось почти уже только съ пастбищъ.

possessio оставалась наследственной въ той же семьѣ ¹⁾, но все же никогда не превращалась въ ихъ полную собственность, такъ что при случаѣ могла быть отбираема обратно въ казну ²⁾. Въ древнѣйшее время право на possessio имѣли только патрици, послѣ Лициніевыхъ же законовъ и плебеи ³⁾.

Отъ этого отличается assignatio, т. е. отдача небольшихъ, но точно вымѣренныхъ участковъ земли въ полную собственность гражданина (§ 15 и § 101). Такія земли превращались всецѣло въ ager privatus ⁴⁾ и съ нихъ, конечно, не платили vestigal ⁵⁾.

Поземельное имущество, основывавшееся на одномъ изъ этихъ способовъ, называлось имуществомъ ex jure Quiritium; съ распространеніемъ же правъ римскаго гражданства на всю Италію поземельное право ex jure Quiritium стало называться также jus Italicum. Въ провинціяхъ такого ager publicus въ италійскомъ смыслѣ было немного ⁶⁾, такъ какъ провинціальная земля объявлялась вообще вся подлежащею поземельному налогу, отъ котораго не освобождались даже и римскіе граждане, если они владѣли землею этого разряда ⁷⁾.

§ 168. IV. Налоги и вещественныя повинности. 11. Во второй половинѣ республиканскаго времени, а также еще въ императорскій періодъ вплоть до Діоклетіана для римскихъ гражданъ не существовало ни поземельнаго налога (съ квинитарнаго имущества), ни подушнаго, такъ какъ vestigal была плата за пользованіе общественной землей, трибуть же имѣлъ характеръ внутренняго займа. Но въ древнѣйшей республикѣ имѣлось многочисленное, повидимому, податное сословіе, называвшееся *aerarii* (§ 17 и § 81). Древнѣйшіе *aerarii*

---

¹⁾ Cic. off. 2, 22, 79; Sest. 48, 103; leg. agr. 2, 21, 57.

²⁾ Liv. 4, 48, 2; 42, 19, 1; Cic. off. 2, 22, 79: quam habet aequitatem, ut agrum multis annis aut etiam seculis ante possessum qui habuit, amittat? Понятіе объ ager publicus перешло и въ импер. періодъ.

³⁾ Ager publicus встрѣчается во всѣхъ частяхъ Италіи, напр. въ Кампаніи (Liv. 42, 1); въ Самніумѣ и Апуліи (Liv. 31, 4; 40, 38).

⁴⁾ Только Г. Гракхъ пытался сдѣлать такую землю неотчуждаемою; но послѣ его смерти это было откинуто.

⁵⁾ Третій способъ, аренда опредѣленныхъ участковъ мелкими земледѣльцами, пришесть послѣ 2 пун. войны къ землѣ, отобранной отъ Капуи (и Леонтіми въ Сициліи).

⁶⁾ Ср. Cic. Verr. 3, 6, 13: perpraesae Siciliae civitates sunt bello a majoribus nostris subactae: quarum ager, quum esset publicus populi Romani factus, tamen illis est redditus.

⁷⁾ Это касается какъ отдѣльныхъ гражданъ, такъ и цѣлыхъ общинъ (муниципій, колоній).

сосредоточивались въ составѣ 4 городскихъ трибъ¹⁾. Не владѣя землею (на тѣхъ основаніяхъ, какъ *tribus rusticae*), эраріи не могли быть привлекаемы къ трибуту; взамѣнъ этого они должны были платить постоянную подать (*aes*), опредѣляемую всякій разъ цензорами. Въ этомъ кореннымъ римскимъ эраріямъ въ 353 г. причислены были также и жители города *Caere* (*tabulae Caeritum* стр. 189) и, вѣроятно, и другихъ городовъ, очутившихся въ томъ же положеніи. Когда же цензъ началъ опредѣляться не по одной поземельной недвижимости, а по имущественному положенію вообще, то эраріи должны были входить и въ классы, а въ 312 г. цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ распределены были и по сельскимъ трибамъ. Но такъ какъ землевладѣльческое населеніе не было этимъ довольно, то цензоры 304 г. (Фабій и Децій) восстановили упраздненныя Аппіемъ городскія трибы съ предоставленіемъ имъ тѣхъ же правъ, которыми пользовались до тѣхъ поръ однѣ только *tribus rusticae*, т. е. подушная подать (*aes*) была отмѣнена и, вмѣсто этого, граждане всѣхъ разрядовъ допущены были къ трибуту на равныхъ правахъ по совокупности ихъ имущества. Послѣ первой пунійской войны начинаютъ исчезать также и иногородніе эраріи (§ 195), такъ что слово *aerarii* сдѣлалось потомъ только уже цензорскимъ терминомъ для деградациі гражданъ (§ 81). За то со временъ пуническихъ войнъ образовалось новое податное сословіе, не гражданское, въ провинціяхъ.

Съ 357 г. взымалась пошлина при отпущеніи рабовъ, состоявшая въ 5% ихъ стоимости²⁾. Другихъ же подобныхъ пошлинъ для гражданъ не было въ теченіе всего республиканскаго періода³⁾. За то съ древнѣйшихъ временъ (*Liv.* 2, 9, 6) существовали портовые пошлины, взимаемыя съ привозныхъ товаровъ (*portoria*) черезъ публикановъ (*Liv.* 32, 7, 3; 40, 51, 8), но въ 60 г., по закону Кв. Педилія Метелла, онѣ были отмѣнены для всей Италіи⁴⁾ и только при Цезарѣ опять восстановлены (*Suet Caes.* 43). Портовые пошлины должны были быть уплачиваемы и гражданами, но только въ томъ случаѣ, если онѣ поступали въ римскую казну, между тѣмъ какъ отъ пошлинъ, взимаемыхъ въ

¹⁾ См. Ф. О. VII, 2 стр. 244.

²⁾ *Liv.* 7, 16, 7: *legem de vicesima eorum, qui manū mitterentur, tulit.* Пошлина вносилась золотомъ (*aurum vicesimarum Liv.* 27, 10), хранившимся въ аераріумъ въ видѣ запаса.

³⁾ *Vicesima hereditatum* введена только Августомъ въ 6 г. н. Р. Хр.

⁴⁾ *Cic. Att.* 2, 16: *portorii Italiae sublatis, agro Commano diviso, quod vectigal superest domesticum praeter vicesimam?*

*

пользу мѣстныхъ общинъ, римскіе граждане были освобождены на всемъ пространствѣ римской державы ¹⁾).

12. Въ древнѣйшее время граждане привлекались также и къ участию въ общественныхъ работахъ, каковы возведеніе городскихъ укрѣпленій ²⁾, устройство дорогъ и т. п., причемъ богатые могли, конечно, отдѣлываться денежными взносами, бѣдные же должны были отправлять свою повинность личнымъ трудомъ (*operae*) ³⁾. Но уже съ древнихъ временъ республики общественныя постройки возводились вообще за счетъ казны путемъ цензорскихъ подрядовъ ⁴⁾, а также изъ денегъ, выручаемыхъ полководцами отъ продажи добычи (*manibiae*). Остаткомъ прежнихъ повинностей въ городѣ Римѣ является обязанность поддерживать въ исправности мостовую передъ своимъ домомъ (*lex Jul. mun.*); въ бѣльшихъ размѣрахъ сохранилось это въ колоніяхъ (уставъ Генетивы). Въ общинахъ и владѣніяхъ, расположенныхъ по большимъ дорогамъ, кромѣ участія въ устройствѣ и исправномъ содержаніи послѣднихъ (*Sato* г. г. 2), развилась повинность заботиться о ночлегѣ и перевозочныхъ средствахъ для проѣзжающихъ римскихъ магистратовъ.

§ 169. Б. *Jura privata*, опредѣлявшія семейное и имущественное положеніе гражданина, выражались терминами *conubium* и *commercium*.

I. *Conubium* ⁵⁾: право заключать законный бракъ со всѣми правовыми послѣдствіями (семейное право). Законнымъ бракомъ (*matrimonium justum*) считался только такой бракъ, при которомъ обѣ стороны принадлежали къ семьямъ, пользовавшимся правомъ взаимнаго конубія ⁶⁾, въ каковомъ, со времени Канулеева закона 445 г. (*Liv.* 4, 1 сл.), состояли между собою всѣ римскіе граждане безъ различія сословія; меньшія права либертиновъ въ республиканское время коренились болѣе въ фактическихъ условіяхъ общественнаго положенія, чѣмъ въ принципиальномъ отсутствіи правоспособности. Съ гражданами другихъ общинъ существовалъ конубій только въ томъ случаѣ, если эти общины пользовались правами римскаго гражданства или если конубій былъ

---

¹⁾ Ср. *Liv.* 38, 44: *ut Ambraciensibus suae res redderentur; portoria, quae velent, terra marique caperent, dum eorum immunes Romani ac socii nominis Latini essent.*

²⁾ Отсюда объясняется, почему городскія стѣны Рима называются *moenia*.

³⁾ *Liv.* 1, 56, 1: *fabris undique ex Etruria accitis non pecunia solum publica, sed operis etiam ex plebe; Verr.* 5, 19, 48.

⁴⁾ Ср. *Liv.* 6, 32, 1: *ut tributo novum fenus contraheretur in murum a censoribus locatum saxo quadrato faciundum.*

⁵⁾ *Ihering, Verfassung des römischen Hauses.* 1894.

⁶⁾ Независимо отъ прочихъ условій, каковы: *consensus* со стороны *pater familias*, *pubertas* и пр.

установленъ особо договорнымъ образомъ. Между гражданами и рабами не существовало конубія ¹⁾. При смѣшанномъ бракѣ дѣти наследовали званіе матери ²⁾.

Глава семьи, основанной на *matrimonium iustum*, приобреталъ права римскаго отца семейства (*pater familias*), причѣмъ права по отношенію къ женѣ выражались терминомъ *manus*, по отношенію къ дѣтямъ— терминомъ *patria potestas*, а по отношенію къ рабамъ и прочему имуществу— терминомъ *dominium* ³⁾. Все, что подвластно домовладыкѣ, выражается также и словомъ *familia*. Власть домовладыки сохранялась въ принципѣ неизмѣнной въ теченіе всего республиканскаго періода ⁴⁾, какъ по отношенію къ свободнымъ членамъ семейства (*liberi*), такъ и къ рабамъ (*servi*). Только положеніе жены еще при республикѣ въ значительной степени освободилось отъ патриархальной зависимости благодаря вліянію свободнаго (плебейскаго) брака ⁵⁾.

Главною семейства (*pater familias*) считался старѣйшій наличный асцендентъ, т. е. отецъ или дѣдъ или даже прадѣдъ, пока каждый изъ нихъ былъ живъ и пока не лишился какъ-нибудь своихъ правъ ⁶⁾.

§ 170. 1. *Patria potestas* ⁷⁾. По первоначальнымъ патриархальнымъ возрѣніямъ римская семья была вполне автономное учрежденіе съ неограниченною властью главы семейства (*Dion.* 2, 26; *Gai.* 1, 55). Дѣти, родившіяся въ законномъ бракѣ, считались свободными людьми (*liberi*), но не признавались самостоятельными (*sui juris*), а, напротивъ, всецѣло зависѣли отъ отцовской власти ⁸⁾.

---

¹⁾ *Gai* 1, 67: *Iustum matrimonium est, si inter eos, qui nuptias contrahunt, conubium sit. Conubium habent cives Romani cum civibus Romanis; cum Latinis autem et peregrinis ita, si concessum sit; cum servis nullum est conubium.*

²⁾ *Gai.* 1, 80: *aliter vero contracto matrimonio eum, qui nascitur, matris condicionem sequi.* Въ императорское время введены были нѣкоторыя ограниченія, если мать была *civis Romana* (*lex Minicia*, *Gai.* 1, 78 сл.).

³⁾ Но, впрочемъ, *manus* встрѣчается и по отношенію къ дѣтямъ и рабамъ, *ср. emancipatio, manu mittere.*

⁴⁾ *Gai.* 1, 55: *fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus.*

⁵⁾ Напротивъ, охрана дѣтей и рабовъ установлена была главнымъ образомъ уже законодательствомъ императорскаго времени.

⁶⁾ Лица, происходившія отъ одного *pater familias* непосредственно или черезъ его мужскихъ потомковъ, называются *agnati*; потомки въ женскихъ линияхъ будутъ только *cognati*.

⁷⁾ Загурскій, ученіе объ отцовской власти по римскому праву 1884; его же личныя отношенія между родителями и дѣтьми по римскому праву 1880.

⁸⁾ О подобной *potestas* у индусовъ см. Мэнъ *Законы и обычай* (переводъ подъ редакціей М. Ковалевскаго) стр. 92.

Въ качествѣ неограниченнаго властителя семьи *pater familias* имѣлъ право принять на воспитаніе (*suscipere, tollere*) новорожденнаго ребенка ¹⁾ или же, напротивъ, отвергнуть и бросить на произволь судьбы (*exponere*); но, впрочемъ, по отношенію къ дѣтямъ мужскаго пола издавна (по *Dion.* 2, 15 еще по закону „Ромула“) выкидываніе допускалось только въ томъ случаѣ, если 5 сосѣдей удостовѣрило, что это *ragtus deformis* ²⁾.

Дѣти, принятые отцомъ на воспитаніе, могли быть и впослѣдствіи удалены (*e conspectu abire jubere* *Val. Max.* 5, 8, 3), а также и продаваемы на подобіе рабовъ (*mancipio dare* *Cic. or.* 1, 40, 181). Но, впрочемъ, законъ „Нумы“ запрещалъ продавать такимъ образомъ женатаго сына (*Dion.* 2, 27; *Plut. Num.* 17), по крайней мѣрѣ безъ его согласія ³⁾. Кромѣ того, проданный этимъ путемъ считался не настоящимъ рабомъ, а только *servi loco* (его трудъ шелъ въ пользу его *maniceps* § 163, с).

Отецъ имѣлъ право наказывать своихъ дѣтей тѣлесно, а также и заключать въ оковы (*Dion.* 2, 26, 27). Онъ могъ даже казнить ихъ ⁴⁾; однако такая крайняя мѣра принималась только по совѣщанію съ остальными членами семьи (*Dion.* 2, 25; *Plut. Rom.* 22).

Даже въ случаѣ самого жестокаго обращенія дѣти не имѣли права обращаться къ властямъ или въ судъ съ просьбой о защитѣ. Съ другой стороны, отецъ имѣлъ право предупреждать вмѣшательство суда въ дѣла своихъ дѣтей привлеченіемъ ихъ къ собственной расправѣ ⁵⁾.

Дѣти, находившіяся подъ *patria potestas*, не имѣли права приобретать собственное имущество или составлять завѣщаніе, такъ какъ все приобретаемое ими переходило къ ихъ *pater familias* ⁶⁾. Однако послѣдній могъ разрѣшать имъ владѣть отдѣльнымъ имуществомъ (*rescilium* *Liv.* 2, 41), считавшимся, все-таки, по праву составною частью отцовской собственности (*patrimonium*).

¹⁾ Напр. *Cic. Att.* 11, 9, 3.

²⁾ *Cic. leg.* 3, 8, 19; *Liv.* 27, 37, 5.

³⁾ Эта оговорка необходима въ виду *mancipatio* при *adoptio*.

⁴⁾ *Gall.* 5, 19, 9: *utique ei vitae necisque in eum potestas siet, ut patri endo filio est*. Но, впрочемъ, по закону „Ромула“ не позволялось убивать дѣтей моложе трехъ лѣтъ.

⁵⁾ Однако въ концѣ республики примѣры суда надъ сыномъ въ присутствіи отца не рѣдкость, по крайней мѣрѣ въ политическихъ процессахъ (ср. напр. *Cic. pro Plancio* кон.).

⁶⁾ Ср. аналогичный законъ Ману (въ Индіи), по которому жена, сынъ и рабъ не имѣютъ своего имущества (*Мэнъ I. с.* стр. 93).

Но все это не мѣшало сыновьямъ пользоваться политическими правами римскаго гражданина со дня совершеннолѣтія (17 лѣтъ); они могли достигать даже высшихъ должностей въ государствѣ, не выходя изъ-подъ отцовской власти ¹⁾.

§ 171. *Patria potestas* прекращалась: 1) со смертію отца (и дѣда); 2) если сынъ назначался *flamen Dialis* или дочь—весталкой (Gai. 1, 130), такъ какъ весталки имѣли право владѣть имуществомъ и составлять завѣщанія; 3) если отецъ терялъ свою *civitas*, т. е. права римскаго гражданина, тѣмъ что очутился въ плѣну (временно до *postliminium* § 189) или въ *exilium* (Gai. 1, 128; 129); 4) если сынъ черезъ *adoptio* переходилъ подъ чужую *potestas*, а дочь черезъ бракъ въ *manus* (напротивъ при бракѣ безъ *manus* власть родного отца сохранялась безъ измѣненія); 5) вслѣдствіе *emancipatio* (Liv. 7, 16, 9; Val. Max. 8, 6, 3), совершавшейся посредствомъ троекратной продажи (*mancipatio*) сына ²⁾.

§ 172. Усыновленіе, совершавшееся нерѣдко изъ религіозныхъ соображеній, чтобы предотвратитьъ прекращеніе фамильныхъ или гентильныхъ *sacra*, было двойное ³⁾.

а) *Adoptio*. Подъ этимъ терминомъ разумѣлось усыновленіе лица состоявшаго въ данный моментъ еще подъ *patria potestas* своего отца или дѣда, иначе говоря, *adoptio* есть переходъ изъ родной *patria potestas* въ чужую. Усыновленіе въ этомъ случаѣ происходило путемъ *эманципаціи* (Gell. 5, 19, 8; Gai. 1, 132 и 134): отецъ трижды передавалъ своего сына во власть (*in mancipium*, *mancipatio*) третьему лицу, которое всякій разъ сейчасъ же отпускало его на свободу; отпущенный на волю послѣ первой и второй *mancipatio* возвращался обратно подъ *patria potestas* своего родного отца, но послѣ третьей *mancipatio* онъ считался уже свободнымъ отъ отцовской власти. Тѣмъ не менѣе отецъ заявлялъ формально снова свои права, которыя съ своей стороны будущей приемный отецъ оспаривалъ; возникшій такимъ образомъ формальный споръ рѣшался преторомъ въ пользу усыновителя.

Несмотря на то, что дѣло касалось отцовской власти, выборъ усыновляемаго, повидимому, никогда не зависѣлъ совершенно отъ воли усыновителя. Усыновленіе, повидимому, издавна сообразовалось съ *jus*

¹⁾ Ср. Liv. 4, 45, 8; 24, 44, 10; Gell. 2, 3, 13.

²⁾ При *emancipatio* дочери или внаковъ считалась достаточною однократная *mancipatio*.

³⁾ Gell. 5, 19, 1: *cum in alienam familiam inque liberorum locum extranei sumuntur, aut per praetorem fit aut per populum; quod per praetorem fit, adoptio dicitur, quod per populum, arrogatio*. Въ болѣе обширномъ смыслѣ терминъ *adoptio* употребляется также и объ *arrogatio*.

coniubii. Дѣйствительно, встрѣчается усыновленіе только такихъ перегриновъ, которые имѣли jus coniubii съ Римомъ, каковы латины (Liv. 41, 8); послѣ достиженія плебеями конубія съ патриціями возможны были усыновленія изъ одного сословія въ другое¹⁾; не исключались даже и либертины²⁾, гражданское положеніе которыхъ издавна было сравнено съ положеніемъ кліентовъ.

Въ концѣ республики начала практиковаться adoptio per testamentum³⁾, утверждаемая куриями (Dio 45, 5).

b) *Arrogatio* заключается въ усыновленіи лица sui iuris, т. е. такого гражданина, который уже вышелъ изъ-подъ patria potestas (Gell. 5, 19, 4). Такъ какъ этотъ родъ усыновленія издавна находился въ вѣдѣніи понтификовъ (arbitris pontificibus Gell. l. c. § 6), то изъ этого можно заключить, что arrogatio нѣкогда имѣла мѣсто только по отношенію къ патриціямъ⁴⁾. По уравниеніи правъ обоихъ сословій не было, повидимому, препятствій къ распространенію этой формы усыновленія также и на плебеи. Тѣмъ не менѣе нѣтъ ни одного достовѣрнаго примѣра arrogatio плебей со стороны патриція, равно какъ и плебей плебеи же; примѣръ усыновленія патриціемъ плебеи черезъ arrogatio имѣется въ дѣлѣ перехода Клодія къ плебею⁵⁾.

Предварительно arrogatio понтификамъ надлежало разслѣдовать положеніе обѣихъ сторонъ, между прочимъ, и по отношенію равнолѣтности обѣихъ семей (de dignitate generum Cic. dom. 14, 36; 13, 34), а также удостовѣриться въ согласіи со стороны обѣихъ (Gai. 1, 99). Отъ усыновляемаго требовалось далѣе отреченіе отъ родной фамиліи и gens⁶⁾; такъ какъ съ этимъ сопряженъ былъ и отказъ отъ фамильныхъ sacra, то это называлось detestatio sacrorum; она происходила въ comitia calata (§ 147). Самая же arrogatio совершалась въ comitia (ca-

---

¹⁾ Таково, напр. усыновленіе патриціемъ Мамлія Торквата плебеи Д. Юліемъ Силаномъ (Liv. ep. 54) и усыновленіе Октавіана (изъ плебейскаго рода Октавіевъ) патриціемъ Цезаремъ.

²⁾ Въ древности будто бы даже и рабы (Gell. 5, 19); но это очевидное смѣшеніе съ отпущенниками, которые въ древности назывались servi (вмѣсто liberti).

³⁾ Cic. Brut. 58, 212. Самый извѣстный примѣръ этого рода усыновленія Октавіана Цезаремъ.

⁴⁾ Къ тому же форма комичальнаго рѣшенія проще всего объясняется въ связи съ гентильнымъ землевладѣніемъ патриціевъ (§ 14 и 15), аналогично тому, какъ требовалось подобное рѣшеніе при переходѣ самостоятельной женщины, черезъ бракъ, въ другую gens (enuptio),

⁵⁾ Однако какъ разъ и этотъ случай сопровождается разными ненормальностями.

⁶⁾ Serv. ad Aen. 2, 156: consuetudo apud antiquos fuit, ut qui in familiam vel gentem transiret, prius se abdicaret ab ea, in qua fuerat, et sic ab alia acciperetur.

lata) curiata подѣ предсѣдательствомъ верховнаго понтифика по слѣдующей формулѣ (Gell. 5, 19, 9): Velitis jubeatis uti L. Valerius (примѣрно) L. Titio (примѣрно) tam jure legeque filius siet, quam si ex eo patre matreque familias ejus natus esset, utique ei vitae necisque in eum potestas siet, uti patri endo filio est. Haec ita uti dixi, ita vos Quirites rogo.

Какъ при простой adoptio, такъ и при arrogatio усыновленный приобрѣталъ всѣ сакральныя и прочія права въ новой семьѣ, лишаясь въ то же время тѣхъ же правъ въ прежней familia и gens. Внѣшнимъ признакомъ измѣнившагося положенія служило то, что новый сынъ принималъ всѣ имена своего усыновителя, пользуясь своимъ прежнимъ помен gentile лишь въ видѣ cognomen, да и то въ измѣненной формѣ съ суффиксомъ—anus. Такъ напр. L. Aemilius Paullus, будучи усыновленъ П. Корнелиемъ Сципиономъ, съ тѣхъ поръ назывался P. Cornelius Scipio Aemilianus.

§ 273. 2. *Manus* и ея отсутствіе ¹⁾. Подобно тому, какъ сынъ черезъ adoptio переходилъ изъ-подъ patria potestas своего родного отца въ patria potestas приемнаго отца, такъ и дочь, выходя за-мужъ по строгой формѣ брака, исключалась изъ patria potestas и переходила во власть своего мужа, называвшуюся manus (convenire in manum, conventio in manum); если же мужъ самъ еще не былъ sui juris, то и жена его находилась во власти его pater familias ²⁾. Въ послѣднемъ случаѣ бракъ самъ по себѣ явственно отличается отъ manus, которая есть тоже самое, что и patria potestas, и влечетъ за собою тѣ же послѣдствія. Положеніе жены in manu аналогично положенію дочери (filiae familias loco Gell. 18, 6, 9; Gai. 1, 148; 2, 159).

Посредствомъ manus жена переходитъ вполнѣ въ семью мужа, теряя вмѣстѣ съ тѣмъ всякія права (сакральныя и имущественныя) въ своей родной семьѣ ³⁾. Если до брака она не состояла подѣ patria potestas, то ея имущество переходило къ ея мужу или къ его pater fami-

---

¹⁾ Rossbach, Untersuchungen über die röm. Ehe 1853; Karlowa, Formen der röm. Ehe 1868; Загурскій, бракъ и конкубинатъ у римлянъ 1883; его же Элементарный учебникъ римскаго права въ Зап. Харьк. Унив. 1893 сл.

²⁾ Gell. 18, 6, 9: matrem familias appellatam esse eam solam, quae in marito manu mancipioque aut in ejus, in cujus maritus manu mancipioque esset.

³⁾ Такъ напр. она не имѣетъ права на наследство въ своей родной семьѣ, а только въ родѣ своего мужа, наравнѣ съ своими дѣтьми (Gai 3, 3). Въ концѣ республики пользовались этимъ бракомъ для прекращенія заботы о фамильныхъ зааса (Cic. Mur. 12, 27).

lias (Cic. top. 4, 23; Gai, 2, 98; 3, 83) ¹⁾. Жена in manu, не имѣя своей собственности, не могла составлять и завѣщанія.

Изъ положенія filiae loco слѣдуетъ далѣе, что домовладѣйка пользовалась по отношенію къ ней тѣмъ же правомъ наказанія, какъ и по отношенію къ дѣтямъ. Засвидѣтельствовано даже jus vitae necisque, но только за опредѣленные преступленія (прелюбодѣйство, дѣтубійство, поддѣлку ключей и пьянство Dion. 2, 25; Plut. Rom. 22) ²⁾ и только при содѣйствіи фамильнаго суда ³⁾; безъ суда же только въ случаѣ адюльтерія и то только in flagranti (Gell. 10, 23, 5; Hor. sat. 2, 7, 61). Такъ было до Цезаря, запретившаго убивать жену даже за прелюбодѣйство (lex de adulteriis).

Несмотря на такую зависимость положеніе состоявшей in manu было весьма почетно, не только въ семьѣ, но и внѣ дома ⁴⁾; только она была настоящая mater familias въ домѣ и настоящая matrona въ свѣтѣ ⁵⁾.

§ 174. Правовое значеніе manus, опредѣлявшееся также какъ mancipium (Gell. 18, 6, 9), указываетъ на то, что обладаніе женщиной считалось аналогичнымъ обладанію вещью. И подобнымъ образомъ, какъ приобрѣтеніе вещи въ своихъ простѣйшихъ формахъ основывается на похищеніи у непріятелей, на куплѣ у друзей или на давности, такъ и формы заключенія брака съ manus восходятъ къ тѣмъ же тремъ правовымъ формуламъ:

а) *Confarreatio*. Въ историческія времена это былъ самый торжественный видъ заключенія брака, сопровождавшійся авспиціями, жертвоприношеніями и другими обрядами, при которыхъ видное мѣсто принадлежало широгу изъ полбы (far, panis farreus, libum farreum), и происходившій въ присутствіи верховнаго понтифика, Юпитерова фламмина и 10 свидѣтелей. Этотъ способъ брака составлялъ необходимое условіе для нѣкоторыхъ жречествъ (Gai. 1, 112): еще при Гаѣ три фламмина и гех sacerdotum должны были происходить отъ такого брака и жить въ такомъ же. Изъ всего этого можно заключить, что это была исконно преимущественная форма *патриціанскаго* брака ⁶⁾.

---

¹⁾ Поэтому требовалось особое разрѣшеніе, ср. Liv. 39, 19, 5: ut Hispallae euptio esset, quasi ei vir testamento dedisset.

²⁾ Примѣръ смертнаго наказанія за пьянство у Val. Max. 6, 3, 9.

³⁾ Dion. 2, 25; Plaut. Amph. 847 сл.; Liv. 39, 78.

⁴⁾ Ср. Гельбе, общественное положеніе жены у древнихъ римлянъ (Ж. М. Н. Пр. 1878).

⁵⁾ Gell. 18, 6, 9: matrem familias appellatam esse eam solam, quae in manu esset.

⁶⁾ Обрядъ confarreatio поразительно похожъ на свадебные обряды Индіи, что и свидѣтельствуешь объ индоевропейской древности ихъ возникновенія.

Сказаніе о похищеніи первыхъ римскихъ матронъ (сабинянокъ) доказываетъ, что народная память представляла себѣ похищеніе невѣсты, какъ древнѣйшую форму римскаго брака. И дѣйствительно, *deductio in dōtum mariti* можетъ быть разсматриваема именно какъ остатокъ экспедиціи, отправлявшейся нѣкогда для фактическаго похищенія невѣсты (серіознаго или только обрядоваго=умыканіе) ¹⁾. Насильственный характеръ доставленія невѣсты въ домъ жениха выражается въ томъ, что черезъ порогъ переносили ее на рукахъ ²⁾. Исходя изъ представленія о похищеніи невѣсты, можно объяснить и значеніе самой конфарреациі. Похищеніе дѣвушки должно было повлечь за собою распрю между ея семьей и семьей жениха; за распрей слѣдовало примиреніе, какъ это изображено и въ легендѣ о сабинянкахъ. Обрядъ конфарреациі и есть собственно обрядъ примиренія, знакомъ котораго служило переломленіе пирога ³⁾; возстановленіе обоюднаго согласія выражено въ предлогѣ *con*, такъ что *con+farreatio*=„обоюдное признаніе брака при помощи отгѣдыванія пирога въ знакъ примиренія“ ⁴⁾.

При такомъ происхожденіи брака понятны и самые термины *manus* и *mancipium* (отъ *manu capere*) ⁴⁾, равно какъ и возникновеніе *кнубія* (см. ниже).

b) *Coemptio* ⁵⁾. Это тоже несомнѣнно древне-индо-европейскій способъ ⁶⁾, состоявшій въ обрядовой куплѣ жены (*mancipatio*), при которой женихъ, въ присутствіи 5 свидѣтелей и лица, державшаго вѣсы (*libripens*), клалъ на послѣдніе кусокъ мѣди (*aes*) ⁷⁾. Такъ какъ также и *coemptio* влекла за собою *manus* ⁸⁾, то такой бракъ однороденъ съ *con-farreatio*, отличаясь отъ послѣдней не по основному возрѣвію, а только формою. Сравнительно съ *con-farreatio*, однако, этотъ способъ брака является менѣе почетнымъ, очевидно вслѣдствіе отсутствія представленія объ удалствѣ, предполагаемомъ при похищеніи. Такимъ образомъ *coemptio* можно считать формою брака низшаго индо-европейскаго сословія, т. е. кліентовъ. Также и здѣсь предлогъ *con* указываетъ на

¹⁾ О похищеніи невѣсты, какъ послѣдствіи *родовою* начала, у гилковъ см. *Этногр. Обзор.* 1893 № 2.

²⁾ Ср. также *hasta saelibaris*.

³⁾ Аналогичные случаи у другихъ народовъ см. напр. у Bernhöft-a § 81.

⁴⁾ Ср. Gai. 4, 16: *maxime sua esse credebant, quae ex hostibus cepissent*.

⁵⁾ Ср. Вергъ, *In coemptione uter, vir an femina, emisse videatur* (Ж. М. Н. Пр. 1876).

⁶⁾ Schrader, *Sprachvergl. und Urgesch.* 381 сл.; 546 сл.

⁷⁾ Это доказываетъ, что обрядъ въ этой формѣ существовалъ уже тогда, когда не было еще монетъ, а мѣдъ только отгѣшивалась при производствѣ платежей.

⁸⁾ Gai. 1, 13: *coemptione in manum conveniunt per mancipationem*.

обоедное согласіе обоихъ семействъ, причеиъ слово *coemptio* явственно образовано только въ подражаніе термину *confarreatio*.

Какъ *confarreatio*, такъ и *coemptio* въ концѣ ресублики уже были мало въ ходу ¹⁾.

с) *Usus* (Gai. 1, 111; Gell. 3, 2, 12): самый простой способъ, основанный на допущеніи давности, наступавшей въ томъ случаѣ, если жена въ течение цѣлаго года непрерывно жила въ домѣ своего мужа безъ всякихъ возраженій со стороны ея родной семьи; трехдневная отлучка (*trinoctium*) служила уже поводомъ для устраниенія *manus*.

Хотя форма давности вполне соответствуетъ индоевропейскимъ воззрѣніямъ, тѣмъ не менѣе признаніе ея законодательствомъ XII таблицъ имѣло, повидомому, особенное значеніе для плебеевъ, желавшихъ приобрѣтеніемъ права на *manus* сравниться съ патриціями ²⁾. Впослѣдствіи форма давности была извѣстна только юристамъ изъ текста XII таблицъ (Gai. 1. с.).

§ 175. Независимо отъ всего этого, съ древнѣйшихъ временъ въ Римѣ существовалъ еще другой, основанный на совершенно иныхъ воззрѣніяхъ, типъ брака безъ *conventio in manum*, при которомъ жена считалась законной супругой мужа, но оставалась при этомъ подъ *patria potestas* своего отца, съ правомъ наслѣдованія по отношенію къ отцовскому имуществу; напротивъ, по отношенію къ имуществу мужа она имѣла право наслѣдованія только въ случаѣ отсутствія кровныхъ родственниковъ мужа. Притомъ, если она была *sui iuris* (или сдѣбалась таковой вслѣдствіе смерти отца), то ея имущество оставалось вполне отдѣльнымъ отъ имущества мужа. Эти характеристическія особенности, столь отличныя отъ индоевропейскихъ воззрѣній, указываютъ на плебейское (не-индоевропейское) происхожденіе этой формы брака ³⁾. Во всякомъ случаѣ такой бракъ считался на особомъ положеніи, такъ какъ жена даже и не признавалась за *mater familias*, а называлась только *uxor* ⁴⁾. Однако, благодаря имущественнымъ и инымъ выгодамъ этой

¹⁾ При Цицеронѣ даже многіе адвокаты уже не знали *quibus verbis coemptio fiat* (Cic. or. 1, 56, 237).

²⁾ *Confarreatio*, при тогданнемъ различіи религіи обоихъ сословій, была для плебеевъ недоступна, а *coemptio* навѣрно не соответствовала ихъ воззрѣніямъ, если семейное дѣло у нихъ основывалось на материнскомъ правѣ.

³⁾ Казу съ патриціанской женой плебейскаго консула 296 года (Liv. 10, 23, 4) вполне понятенъ при *существенномъ* отличіи плебейскаго брака отъ патриціанскаго. Содержаніе § 6 и § 9 у Ливія указываетъ какъ будто на то, что у плебеевъ вѣсегда была возможна даже полиандрія.

⁴⁾ Cic. top. 4, 23: *eius duae formae: una matrum familias; eae sunt, quae in manum convenerunt; altera earum, quae tantummodo uxores habentur*; Gell. 18, 6, 9

формы ¹⁾, она мало по малу начала вытѣснять формы брака съ manus, которая особенно со 2 пунической войны чѣмъ дальше, тѣмъ больше переходила на положеніе исключеній.

Свободная форма брака (безъ manus) отличается отъ конкубината тѣмъ, что, какъ при manus, такъ и въ этомъ случаѣ устраивается свадебное торжество (nuptiae) ²⁾. Другое отличіе состояло въ томъ, что невѣста приносила мужу приданое (Pl. Trin. 690 сл.). Во времена, изъ которыхъ сохранились подробныя свѣдѣнія, свадебные обряды представляютъ собою явную смѣсь патриціанскихъ и плебейскихъ элементовъ ³⁾. Такимъ же образомъ и приданое вошло въ обычай также при бракахъ съ manus ⁴⁾, хотя въ этомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать, наоборотъ, подарковъ отцу невѣсты (гом. *ѣсѣва*). Вліяніе формы свободного брака обнаруживается и въ имени жены, такъ какъ сохраненіе ея родного имени ⁵⁾ наиболѣе подходит къ условіямъ брака этого типа. Что при бракахъ съ manus дѣло первоначально обстоило иначе, объ этомъ свидѣтельствуетъ обрядовая свадебная формула: *ubi tu es Gajus, ibi ego sum Gaja*.

§ 176. Разводъ при бракѣ безъ manus не представлялъ никакихъ трудностей ⁶⁾ и происходилъ или по взаимному соглашенію (*divortium facere*) или же вслѣдствіе отказа одной изъ обѣихъ сторонъ (*repudium repuntiare, remittere*). Эта свобода произвести разводъ касается не только самихъ супруговъ, но и ихъ *patres familias*, такъ что, напр., отецъ жены всегда могъ просто *filiam abducere*. Только по *lex Julia* для обоихъ разрядовъ развода (*divortium* и *repudium*) введены были нѣкоторыя правила ⁷⁾.

Напротивъ при manus формальная инициатива развода была совершенно невозможна для жены и весьма затруднительна для мужа.

Quint. 5, 10, 62.—При этомъ самое слово ихог трудно объяснимо изъ этимологическаго матеріала индоевропейскихъ языковъ.

¹⁾ Къ тому же и число патриціевъ все болѣе сокращалось.

²⁾ Отсюда правило: *pater est, quem nuptiae demonstrant*.

³⁾ Къ послѣднимъ принадлежитъ, напр., то, что невѣста, по вступленіи въ домъ жениха, давала ему *assem, quem in manu tenebat*, какъ символъ приданого.

⁴⁾ Cic. top. 4, 28: *cum mulier viro in manum convenit, omnia, quae mulieris fuerunt, viri sunt dotis nomine*.

⁵⁾ Жена, происходившая напр. изъ рода Эмилиевъ, въ бракѣ называлась Эмилией такого-то (мужа).

⁶⁾ На этой же легкости основываются и случаи уступки жени другому лицу (Plut. Cat. min. 25, 52).

⁷⁾ Такъ напр. при *repudium*, отказывающаяся сторона должна была вручить другой письменный *libellus repudii* въ присутствіи 7 свидѣтелей.

Такъ напр. конфарреационный бракъ фламинговъ считался нерасторжимымъ. Для обыкновенныхъ гражданъ, хотя разводъ брака съ *manus* и былъ возможенъ, но былъ обставленъ извѣстными условіями. При одномъ изъ указанныхъ въ § 173 пороковъ можно было просто е *conspectu abire jubere*. Въ другихъ случаяхъ мужъ долженъ былъ выдавать женѣ часть своего имущества и, кромѣ того, вносить часть въ пользу храма Цереры ¹⁾; разводъ въ этомъ случаѣ, какъ и при бракѣ безъ *manus*, производился словами: *tuas res tibi habeto* (Cic. Phil. 2, 28, 69), причемъ у жены отбирались ключи. Для расторженія конфарреационнаго брака, кромѣ того, требовался подобный религіозный обрядъ, называвшійся *diffarreatio*.

Во всѣхъ случаяхъ развода мужъ долженъ былъ предварительно созывать совѣтъ изъ родственниковъ жены и своихъ друзей ²⁾.

§ 177. II. *Commercium*. Это понятіе развилось на почвѣ международныхъ отношеній (см. отдѣлъ о peregrинахъ) въ видахъ охраны имущества и связанныхъ съ нимъ матеріальныхъ интересовъ иностранцевъ, по образцу охраны, которая должна была существовать издавна и въ дѣлѣ взаимныхъ сношеній гражданъ съ гражданами. Здѣсь ограничиваемся лишь перечисленіемъ нѣкоторыхъ, часто встрѣчающихся терминовъ:

1. Приобрѣтеніе имущества, независимо отъ захвата вещи у непріятели (*praeda*), оформлялось:

а) посредствомъ купли-продажи, древнѣйшая форма которой была *mancipatio per aes et libram*.

б) болѣе новымъ способомъ, называвшимся *in jure cessio* и состоявшимъ въ заявленіи передъ магистратомъ о передачѣ вещи другому лицу, которому магистратъ и присуждалъ ее (*addicere*).

в) черезъ *usu capio* (Gell. 9, 10), т. е. безпрепятственное пользованіе недвижимымъ имуществомъ въ теченіе двухъ лѣтъ, движимымъ же въ теченіе одного года (ср. *usus* при бракѣ).

Продажа въ пользу казны происходила *sub hasta*, продажа военноплѣнныхъ, а по этому образцу и рабовъ вообще — *sub corona* ³⁾.

---

¹⁾ Plut. Rom. 22. Въ томъ и другомъ обстоятельствѣ сказывается уже плебейское вліяніе.

²⁾ Въ 307 г. цензоры исключили изъ сената Л. Антонія за то, quod quam virginem in matrimonium duxerat, repudiasset. nullo amicorum in consilium adhibito.

³⁾ Sub hasta vendero указывало первоначально на право войны (при продажѣ полководцемъ добычи); sub corona есть остатокъ того времени, когда плѣнныхъ приносили въ жертву богу войны, ср. Keller. Volksetym. стр. 346 сл.

2. Переходъ имущества въ другія руки осуществлялся между прочимъ, путемъ завѣщаній и наслѣдованіемъ ¹⁾. Завѣщанія оформлялись:

a) нѣ *comitia calata*, собиравшихся для этой цѣли два раза въ годъ (§ 138).

b) *in procinctu*—передъ отправленіемъ въ походъ (*Gai.* 2, 201).

c) *per aes et libram*, т. е. въ формѣ купли-продажи.

При переходѣ фамильнаго имущества къ новому владѣльцу переходила и забота о фамильныхъ *sacra*; однако это было лишь религиозное обязательство ²⁾,

3. О *locatio* и *conductio* ср. § 82.

4. Къ формамъ обязательствъ принадлежатъ:

a) *nexus per aes et libram*. Этотъ видъ обязательствъ игралъ весьма видную роль въ быту древнѣйшей республики и своею строгостью (§ 163, d) ³⁾ вызывалъ нерѣдко волненія плебеевъ. Въ вѣкъ Варрона этотъ способъ уже устарѣлъ ⁴⁾.

b) *sponsio*, считавшаяся свойственною однимъ только римскимъ гражданамъ (обязательство на религиозной подкладкѣ) и *stipulatio* (чисто свѣтская сдѣлка): въ томъ и другомъ случаѣ обязательство оформлялось устно въ общественномъ мѣстѣ, а именно *stipulatio* передъ преторомъ, *sponsio* же, напр., у *aga maxima*.

c) внесеніе имени должника (*nomen scribere, facere*) въ приходо-расходную книгу кредитора (*codex accerti et expensi*), принимавшуюся въ судѣ, какъ документъ.

d) при Цицеронѣ въ качествѣ доказательства обязательствъ принимались и росписки (*obligatio litterarum*), называвшіяся у перегриновъ (*Gai.* 3, 134) *syngrapha* или *chirographum*.

§ 178. В. *Преимущества римскихъ гражданъ* ⁵⁾. Сюда принадлежатъ:

---

¹⁾ Въ числѣ доказательствъ въ пользу правъ римскаго гражданства Цицеронъ (*Arch.* 5, 11) указываетъ, между прочимъ, на то, что *Arxii et testamentum sacre fecit nostris legibus et adiit hereditates civium Romanorum*.

²⁾ *Cic. leg.* 2, 21, 52: *sacra cum pecunia pontificum auctoritate, nulla lege conjuncta sunt*. Это было, слѣдовательно, предписаніе понтификальнаго (сокральнаго) права.

³⁾ Должники, принявшіе на себя такія обязательства, назывались *nexi ob aes alienum* (*Liv.* 2, 23, 1), при чемъ тѣ, которымъ еще не истекъ срокъ, были *nexi soluti*, а тѣ, которые уже работали на кредитора, *nexi vincti* (*Liv.* 2, 23, 8).

⁴⁾ *Varro l. l.* 7, 105: *Liber, qui suas operas in servitutem pro pecunia quadam debebat, dum solveret, nexus vocatur*.

⁵⁾ *Henry Michel, Des signes distinctifs de la qualité de citoyen romain 1885.*

1. *Toga* (jus togae Plin. ep. 4, 11, 3). Она перешла въ Лациі изъ Этрурiи ¹⁾, составивъ издавна характеристическій атрибутъ латинъ вообще ²⁾ и въ частности римлянъ, называвшихся поэтому *togati* ³⁾ въ отличіе отъ грековъ, которые были *palliatii*. Въ древнѣйшее время римляне и ихъ латинскіе союзники ходили въ тогахъ даже и на войну ⁴⁾, причемъ тога надѣвалась особымъ способомъ, называвшимся *Gabinus cinctus* ⁵⁾. Это сохранилось навсегда при *devotio* полководца, надѣвавшего для этого случая именно тогу (Liv. 8, 9; 10, 7). Первоначально тогу носили и женщины; этимъ только и можно объяснить, что съ одной стороны одеждой весталокъ служила тога, а съ другой—также и *strettrices* должны были носить тогу вмѣсто обычнаго въ позднѣйшее время одѣянія римскихъ матронъ.

По слияніи въ одно цѣлое древнихъ римскихъ гражданъ съ италійскими союзниками тога получила значеніе отличительнаго знака римскаго гражданина по преимуществу, вслѣдствіе чего ношеніе тоги стало запрещаться иностранцамъ ⁶⁾, равно какъ и самимъ гражданамъ, подвергавшимся лишенію правъ ⁷⁾; съ другой стороны считалось неприличнымъ, чтобы римскіе граждане публично появлялись не въ тогѣ, въ особенности на форумѣ, а также и на чужбинѣ ⁸⁾, такъ что магистратъ могъ даже принуждать къ этому гражданъ путемъ *coercitio* ⁹⁾. Но, впрочемъ, въ будничной жизни, особенно для простолюдина, обыкновенной выходной одеждой оказывалась *lasegna* и *raepula* темнаго цвѣта ¹⁰⁾; высшіе классы въ свою очередь къ концу республики начали переходить къ греческой хламидѣ (Val. Max. 3, 6, 3). Вслѣдствіе этого тога мало по малу приобрѣла значеніе параднаго одѣянія римскихъ гражданъ, обязательнаго для нихъ въ торжественныхъ или официальныхъ случаяхъ.

¹⁾ На этрусское происхожденіе тоги указываетъ, между прочимъ, греческое названіе τῆβεννος.

²⁾ Напр. *fabula togata* заимствовала свои сюжеты изъ быта латинъ вообще.

³⁾ Virg. A. 1, 282: Romanos rerum dominos et gentem togatam.

⁴⁾ Serv. ad Aen. 7, 612: Veteres Latini praecinctis togis bellabant, unde etiam milites in procinctu esse dicuntur.

⁵⁾ Procincta classis по Фесту=cum exercitus cinctus erat Gabino cinctu.

⁶⁾ Suet. Claud. 15: peregrinitatis reum orta inter advocatos contentione, togatumne an palliatum dicere causam oporteret, mutare habitum, prout accusaretur defendereturque, jussit.

⁷⁾ Plin. ep. 4, 11, 3: carent jure togae, quibus aqua et igni interdictum est.

⁸⁾ Ср. Liv. 29, 19, 12; Cic. pro Rab. Post. 9, 25; 10, 27; Verr. 4, 25, 55; Val. Max. 3, 6, 3.

⁹⁾ Suet. Aug. 40; Dio 57, 13.

¹⁰⁾ Отсюда *pullati*=простой народъ (Suet. Ang. 44).

Цвѣтъ одежды римскаго гражданина былъ бѣлый (съ красными полосами въ подлежащихъ случаяхъ § 49. b) ¹⁾, такъ что *toga candida* отличалась отъ обыкновенной тоги только свѣжестью цвѣта (§ 59) ²⁾.

Въ болѣе древнія времена республики свободные граждане надѣвали на голову *pilleus* ³⁾. Повдѣе ⁴⁾ вошло въ моду появляться на улицѣ съ непокрытой головой (въ случаѣ необходимости на голову набрасывался верхній конецъ тоги) и при томъ съ коротко стриженными волосами ⁵⁾. Примѣнительно къ этому рабамъ при отпущеніи на волю надѣвали *pilleus* и стригли волоса (*Liv.* 34, 52, 14 ⁶⁾).

Со времени введенія особаго военнаго одѣянія тога служила признакомъ мирныхъ занятій гражданина (отсюда *togatus* противопоставляется *armatus*), тѣмъ болѣе что также и ношеніе оружія въ городѣ воспрещалось.

§ 179. 2. *Латинскій языкъ* ⁷⁾ считался официальнымъ языкомъ внутренняго управленія, какъ для римской общины, такъ и для прочихъ общинъ съ римскимъ или латинскимъ правомъ гражданства. Не латинскія общины пользовались мѣстными языками въ зависимости отъ этнографическихъ условій; употребленіе же латинскаго языка такими общинами нуждалось въ особомъ разрѣшеніи римскаго правительства ⁸⁾. Но римскія власти, въ сношеніяхъ съ такими общинами, сами употребляли только латинскій языкъ, какъ для эдиктовъ, такъ и въ судопроизводствѣ, но такъ что правительственные указы нерѣдко вывѣшивались и въ переводахъ на мѣстные языки. Это касается особенно греческихъ областей, въ которыхъ переводы на греческій языкъ изго-

---

¹⁾ Отсюда рабы при отпущеніи на волю получали *бѣлую* одежду (*vestis alba Tertull. de resurr.* 57, 4); того же происхожденія и бѣлая рубашка при крещеніи.

²⁾ Женщины могли надѣвать любые цвѣта; однако одно время и имъ было запрещено носить цвѣтныя одежды (по *lex Oppia Liv.* 34, 1, 3; *Val. Max.* 9, 1, 3).

³⁾ *Liv.* 24, 16, 8; 45, 44, 19. О двухъ II см. *K. Z.* стр. 308 сл.

⁴⁾ По Варрону (г. г. 2, 11, 10) стрижка овецъ въ Лациѣ введена была только въ 300 г. По этому поводу Варрону замѣчаетъ, что и люди раньше не стригли волосъ: *olim tonsores non fuisse adsignificat antiquorum statuae, quod pleraeque habent eapillum et barbam magnam.*

⁵⁾ Ношеніе длинныхъ волосъ (повидямому, старинный индоевроп. способъ) дольше всего удержалось у самнитянъ, въ Римѣ же у рабовъ въ отличіе отъ господъ. Однако еще *Сципионъ старшій* ходилъ въ *promissa caesaries* (*Liv.* 28, 35, 6).

⁶⁾ Кромѣ того *pilleus* сохранялся у жрецовъ, а въ день сатурналій употреблялся и прочими гражданами въ видѣ праздничнаго атрибута.

⁷⁾ *Budinszky, Die Ausbreitung der lat. Sprache über Italien und die Provinzen.*

⁸⁾ Это засвидѣтельствовано для Кумъ въ 180 г. (*Liv.* 40, 42).

Записки Императ. Харьк. Универ. III вып., 1895 г.

товлялись, повидимому, средствами самих же римских властей ¹⁾. О переговорахъ съ греками въ римскомъ сенатѣ безъ посредства переводчиковъ см. § 134, 2 кон.

§ 180. 3. *Титулятура* римскаго гражданина состояла изъ нѣсколькихъ частей въ слѣдующемъ порядкѣ: *praenomen*, *nomen* (*gentile*), отчество, поименованіе трибы и, наконецъ, *cognomen* ²⁾.

а) *Praenomen*. Наиболѣе распространенныя *praenomina* установились, вѣроятно, въ патриціанскихъ семьяхъ и отъ нихъ перешли и къ кліентамъ и плебеямъ. При этомъ издавна въ каждой *gens* были свои любимыя ³⁾ и нелюбимыя ⁴⁾ имена, что въ связи съ немногочисленностью патриціанскихъ *gentes* привело къ тому, что такихъ *praenomina* въ общей сложности оказывалось очень немного. Самые обыкновенныя слѣдующія: А., App. (въ *gens Claudia*), С., Сп., К. (въ семьяхъ *Acilii*, *Quilii*, *Fabii*), D. (въ патриціанской *gens Claudia* и въ плебейскихъ семьяхъ *Junii* и *Laelii*), L., М'. (часто у *Aemilii* и *Sergii*), М., Mam. (только у *Aemilii*), N. (въ родѣ *Фабіевъ*), Р., Q., Ser. (часто у *Cornelii* и *Sulpicii*), Sex., S. или Sp. (особенно у *Postumii*), Т., Ti или Tib., рѣдко другія, каковы напр. *Agrippa* у *Furii* и *Menenii*, *Paullus* у *Aemilii Lepidi*, *Proculus* у *Verginii*, *Volero* у *Publilii* ⁵⁾.

б) *Nomen* ⁶⁾. О происхожденіи *nomen gentile* см. § 12.

в) *Отчество* (см. § 13) обозначалось при помощи отцовскаго *praenomen* въ соединеніи съ буквой F (= *filius*); къ этому присоединялось часто еще и имя дѣда съ буквой N (= *nepos*). У вольноотпущенниковъ вмѣсто имени отца ставилось имя патрона въ соединеніи съ словомъ *libertus* (древнѣе *servus* § 186). Незаконнорожденные получали отчество *sp. f.*, т. е. *spurius filius* (вмѣсто чего читалось *Spurii filius*) ⁷⁾.

г) *Триба* (§ 21). Въ видѣ сокращенія употреблялись первыя три буквы каждаго названія: АЕМ(*ilia*), АНИ(*ensis*), АРН(*ensis*), САМ(*ilia*),

¹⁾ Въ греческихъ текстахъ сенатскихъ рѣшеній встрѣчается множество латинизмовъ, и даже такихъ грубыхъ, какъ $\dot{\iota}\nu\alpha$ въ смыслѣ *ut imperativum*.

²⁾ Въ позднѣйшее время присоединилось къ этому еще указаніе родни (§ 206).

³⁾ Такъ напр. въ родѣ *Claudii Neronis* встрѣчается только Tib. и D., въ родѣ *Cornelii Scipiones* только Сп., L. и Р.

⁴⁾ Такъ напр. *praenomen L.* устранено было въ *gens Claudia* (*postquam e duobus gentilibus praedictis eo alter latrocinii, caedis alter convictus est Suet Tib. 1*); *praenomen M.* въ *gens Manlia* (*propter unius M. Manlii scelus Cic. Phil. 1, 13, 32; Liv. 6, 20*).

⁵⁾ Мальчики получали имена въ 9 день отъ рожденія; но официально закрѣплялось за ними определенное *praenomen* только со времени принятія мужской тоги.

⁶⁾ *Nomen* употребляется чаще всего въ смыслѣ *nomen gentile*, но въ болѣе обширномъ смыслѣ можетъ быть употреблено и о *praenomen* и *cognomen*.

⁷⁾ Юристы толковали аббревиатуру *sp. f.* въ смыслѣ *sine patre filius*.

CLA(udia), CLV(stumina), COL(lina), COR(nelia), ESQ(uilina), FAB(ia), FAL(erna), GAL(eria), HOR(atia), LEM(onia), MAE(cia), MEN(enia), OVF(entina), PAL(atina), PAP(iria), POP(lilia), POL(lia), POM(ptina), PVP(inia), QVIR(ina), ROM(ilia), SAB(atina), SCA(ptia), SER(gia), STE(latina), SVC(usana), TER(etina), TRO(mentina), VEL(ina), VOL(tinia), VOT(uria).

е) *Cognomen*. Прозвища встрѣчались безъ сомнѣнія съ древнѣйшихъ временъ, какъ видно, напр., изъ легендъ, примыкавшихъ къ значенію такихъ словъ, какъ Poplicola, Ahala, Brutus, Scaevola и т. п. Прозвища возникали, конечно, въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ по отношенію къ какому-либо отдѣльному лицу, отъ котораго потомъ по наслѣдству могли переходить и къ его потомкамъ ¹⁾. Всѣ отрасли патриціанскихъ gentes имѣли издавна свои наслѣдственные cognomina, для отличія отдѣльныхъ familiae ²⁾, за исключеніемъ рода Клавдіевъ, не имѣвшихъ стариннаго наслѣдственнаго cognomen ³⁾. Члены такихъ фамилій съ наслѣдственнымъ прозвищемъ могли вновь получать еще личное cognomen, которое въ свою очередь оягь могло превращаться въ наслѣдственное ⁴⁾; однако почетныя прозвища за побѣды, по постановленію сената 240 г., могли переходить только на старшихъ сыновей (Dio. fr. 44) ⁵⁾.

На частныхъ надписяхъ (напр. Сципіоновскихъ) прозвища встрѣчаются издавна; но въ официальномъ стилѣ (напр. при обозначеніи года по именамъ консуловъ) употребленіе прозвищъ вошло въ обычай не раньше времени Суллы. Этимъ объясняется и мѣсто прозвища въ концѣ титулатуры.

г) Такимъ образомъ полная титулатура, напр., Цицерона была слѣдующая: M. Tullius M. f. M. n. Cor. (=Cornelia tribu) Cicero. Обыкновенная же малая титулатура состояла только изъ praenomen, nomen и cognomen (=tria nomina): M. Tullius Cicero. Но и эти tria nomina упо-

¹⁾ Въ числѣ cognomina есть довольно много такихъ, которыя могли составлять первоначально только личную кличку по отличительнымъ особенностямъ (даже недостаткамъ) опредѣленнаго лица.

²⁾ Такъ напр. въ gens Cornelia встрѣчаются cognomina: Cethegi, Cossi, Lentuli, Maluginenses, Scipiones.

³⁾ Въ послѣднихъ столѣтіяхъ республики, однако, и здѣсь образовались двѣ вѣтви. Claudii Pulchri и Claudii Nerones (независимо отъ плебейскихъ Claudii Marcelli).

⁴⁾ Такъ напр. одна отрасль Сципіоновъ имѣла наслѣдственное второе прозвище Nasica.

⁵⁾ Почетныя прозвища, какъ и всякія другія, считались всегда полученными со стороны (отсюда выраженіе: qui appellatus est), напр., черезъ аккламацію со стороны народа или войска или по рѣшенію сената.

*

треблялись обыкновенно не всё подъ рядъ. При обращеніи употреблялись обыкновенно только первыя два: *M. Tulli* ¹⁾. Если же говорили о гражданинѣ, какъ о третьемъ лицѣ, то употреблялось или только одно изъ двухъ послѣднихъ именъ (причемъ иногда получаетъ предпочтеніе *попен*, другой разъ *согнопен*; ср. напр. Цэлій, Овидій, Виргилій, но Цезарь, Цицеронъ) или же любя два (особенно *попен* и *согнопен*, или *граепопен* и *согнопен*). Со времени Суллы въ нѣкоторыхъ аристократическихъ фамиліяхъ (*Julii, Aemilii, Claudii*) вошло въ моду замѣнять *граепопен* прозвищемъ ²⁾.

g) Вся эта титулатура составляла отличительное преимущество римскихъ гражданъ, вслѣдствіе чего и вольноотпущенники и перегрины не италійскаго происхожденія ³⁾, приобрѣвшіе права римскаго гражданства, получали римскія *граепопен* и *попен*: первое по произвольному выбору (ср. *граепопен* *Архія*), послѣднее же по родовому имени патрона ⁴⁾; прежнее же имя перегрина могло употребляться, какъ *согнопен* ⁵⁾, между тѣмъ какъ отпущенники могли принимать произвольное прозвище ⁶⁾, но только не такое, которое уже употреблялось въ аристократическихъ фамиліяхъ, и не такое, которое было бы похоже на какія-либо древне-римскія *согномина* ⁷⁾.

h) Женщины обозначались родовымъ именемъ ⁸⁾ въ соединеніи съ родительнымъ падежомъ имени отца или мужа (напр. *Cic. div. 1, 46, 104: Caecilia Metelli*; на надп. *Caecilia Qu. Cretici f.*), хотя въ родной семьѣ употреблялись для нихъ и разныя личныя имена.

---

¹⁾ Онушеніе *граепопен* считалось признакомъ фамильярности (*Cic. fam 9, 32, 1: sine graepomine familiariter ut debebas ad me epistulam misisti*); низшіе при обращеніи къ высшимъ не должны были опускать его (*Hor. sat, 2, 5, 32: gaudent graepomine molles auriculae*).

²⁾ Сынъ диктатора Суллы назывался *Faustus Cornelius Sulla*. Въ связи съ этимъ находится и то, что Цицеронъ любитъ ставить *согнопен* на первомъ мѣстѣ передъ *попен*, напр. *Ahala Servilius* (*Mil. 3, 8*); Цезарь соблюдаетъ обычный порядокъ.

³⁾ Италійскія племена издавна употребляли титулатуру, аналогичную римской.

⁴⁾ Напр., отпущенники Суллы назывались *Cornelii*; также точно назывались и отпущенники прочихъ Корнеліевъ (*Cic. fam. 13, 36*).

⁵⁾ *Cic. Verr. 4, 17, 37: Lutatius Diodorus, qui Q. Catuli beneficio civis Romanus factus est*.

⁶⁾ Впрочемъ, рядомъ съ произвольнымъ прозвищемъ удерживалось часто и прежнее рабское имя въ видѣ перваго *согнопен*.

⁷⁾ Т. е. съ суффиксами—*anus, —ensis* и т. п. Обыкновенныя прозвища вольноотпущенниковъ состояли или изъ иностранныхъ именъ или изъ простыхъ латинскихъ словъ, въ родѣ *Flassus, Calidus, Tuscus* и т. п.

⁸⁾ Рѣдко *согнопен*, напр. *Metella* у *Cic. Att. 11, 23, 3*.

§ 181. I'. *Сословія гражданъ.* Для республиканскаго періода нужно различать:

I. *Древнія сословія*, унаслѣдованныя отъ доисторическихъ временъ.

1. *Патриціи* (§ 13). Отличіе патриціанскаго сословія отъ плебеевъ никогда не исчезало окончательно, не смотря на полное уравниеніе гражданскихъ правъ. Нѣкоторые остатки прежняго привилегированнаго положенія патриціевъ пережили даже республику, но только на сакральной почвѣ. Всегда только изъ патриціевъ должны были избираться *rex sacrorum* (Cic. dom. 14, 38; Liv. 6, 41, 9), *flamines majores* (Fest. s. v.) или, по крайней мѣрѣ, *flamen Dialis*, а также и *Салии* (Cic. dom. 14, 38; Dion. 2, 70; Juv. 6, 603; Lucan. Phars. 9, 477).

Принятіе въ число патриціевъ постороннихъ лицъ (*cooptatio* Liv. 4, 4) предполагается традиціей только для древнѣйшихъ временъ и только какъ послѣдствіе переселенія въ Римъ патриціевъ изъ другихъ сосѣднихъ общинъ (напр. изъ Альбалонги), такъ какъ новые граждане тогда приписывались къ тому сословію, къ которому принадлежали на родинѣ. Послѣдній примѣръ принятія чужаго рода (Клавдіевъ) въ составъ римскихъ патриціевъ традиція приурочиваетъ къ началу республики ¹⁾. Съ тѣхъ поръ патриціи составляли замкнутое сословіе, изъ котораго нельзя было ни выйти, ни войти въ него, какъ только путемъ усыновленія (§ 172) ²⁾.

Къ концу республики патриціевъ было уже такъ мало (§ 12), что Цезарь (а по его примѣру потомъ и Октавіанъ и послѣдующіе императоры) призналъ необходимымъ увеличить составъ этого сословія путемъ пожалованія избраннымъ плебеямъ патриціанскаго достоинства (Dio. 43, 47; Suet. Caes. 41).

О пожизненныхъ „патриціяхъ“ въ сенатѣ см. § 76 и § 112.

2. *Плебеи.* Постепенное уравниеніе въ правахъ плебеевъ съ патриціями видно изъ слѣдующаго хронологическаго перечня:

494: *secessio in montem sacrum*; введеніе плеб. трибуната.

451—449: XII *tabulae*.

449: *leges Valeriae Horatiae*: ut qui tribunis plebis aedilibus iudicibus decemviris nocuisset, ejus caput Jovi sacrum esset, familia ad aedem Cereris Liberi Liberaeque venum iret (Liv. 3, 55, 7); ut quod tributim plebes jussisset, populum teneret (ib. § 3; см. § 140); ut senatus consulta in aedem Cereris ad aediles plebis deferrentur (ib. § 13).

445: *lex Canuleja de conubio* (Liv. 4, 1).

409: первые квесторы изъ плебеевъ (Liv. 4, 54, 3).

386: первый *magister equitum* изъ плебеевъ (Liv. 6, 39, 3; 10, 8, 8).

¹⁾ Liv. 2, 16; Suet. Tib. 1: gens Claudia in patricios *cooptata*.

²⁾ Владѣніе этого даже такіе знатные роды, какъ этрусскіе *Cilnii* и *Caecinae* числились въ сословіи плебеевъ.

- 367: *leges Licinia Sextiae: ut consulum alter ex plebe crearetur* (Liv. 6, 35, 5).
366: первый консулъ изъ плебеевъ (Liv. 7, 1, 2; 10, 8, 8).
356: первый диктаторъ изъ плебеевъ (Liv. 7, 17, 6).
351: первый цензоръ изъ плебеевъ (Liv. 7, 22, 9; 10, 8, 8).
342: *uti liceret consules ambos plebejos creari* (Liv. 7, 42, 2).
339: *leges Publiliae Philonis, ut plebiscita omnes Quirites tenerent, ut alter utique ex plebe censor crearetur* (Liv. 8, 12, 15).
337: первый преторъ изъ плебеевъ (Liv. 8, 15, 9).
300: *lex Ogulnia, ut quattuor pontifices, quinque augures de plebe omnes adlegerentur* (Liv. 10, 6, 6).
287: *lex Hortensia, ut quod plebs jussisset, omnes Quirites teneret* (Gell. 15, 27, 4).
280: *lustrum* впервые предоставлено плебейскому цензору (Liv. ep. 13).
258: первый *pontifex maximus* изъ плебеевъ (Liv. ep. 18).
216: первый примѣръ доклада трибуна въ сенатѣ (Liv. 22, 61, 7).
209: первый *curio maximus* изъ плебеевъ (Liv. 27, 8).
172: въ первый разъ оба консула изъ плебеевъ (*fasti Cap.: ambo primi de plebe*).

Несмотря на полное уравненіе гражданскихъ правъ, первоначальная обособленность плебейскаго сословія навсегда сохранилась въ томъ, что трибунами, равно какъ и плебейскими эдилами могли быть одни только плебеи. Патриціямъ нельзя было достигнуть трибуната иначе, какъ только путемъ перехода къ плебсу (*transitio ad plebem*). Для приобрѣтенія патриціемъ званія плебея требовалось съ одной стороны соответственное рѣшеніе плебса въ трибутскихъ комиціяхъ ¹⁾, а съ другой—клятвенный отказъ отъ патриціата со стороны переходившаго лица ²⁾. Этотъ отказъ происходилъ въ *comitia calata* (§ 147) и назывался *detestatio sacrorum* ³⁾. Этими, повидимому, и можно было ограничиваться, какъ видно изъ того, что многіе патриціи, перешедшіе къ плебсу ⁴⁾, удерживали свои родовыя имена безъ измѣненія ⁵⁾. Другой способъ перехода къ плебсу заключался въ усыновленіи (*adoptio* и *argogatio* § 172, b) ⁶⁾, которое сопровождалось, однако, переименованіемъ.

¹⁾ Cic. Att. 1, 19, 5: *Herennium tr. pl. saepe jam de Clodio ad plebem traducendo agere coepisse, huic frequenter interceditur*; 1, 18, 4: *C. Herennius tr. pl. ad plebem C. Clodium traducit*. Это аналогично патриціанской *cooptatio* въ курияхъ.

²⁾ Dio 37, 51: *τὴν εὐγένειαν ἐξωμόσατο* (о Клодіѣ); Zon, 7, 15: *εἰ δὲ τις τὸ τοῦ γένους ἀξίωμα ἐξωμόσατο*. При первоначальномъ различіи обоихъ сословій отказъ отъ патриціата равнялся отказу отъ патриціанской религіи (отсюда *detestatio sacrorum*).

³⁾ По аналогіи съ такимъ же актомъ при переходѣ изъ одной *gens* въ другую черезъ *argogatio*.

⁴⁾ Въ теоретическомъ отношеніи однородны и случаи *ложнаго* производства плебейскихъ родовъ отъ патриціевъ—однофамильцевъ (Cic. Brut. 111).

⁵⁾ Одинъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ примѣровъ превращенія патриціанской фамиліи въ плебейскую, съ сохраненіемъ прежняго имени, представляютъ *Servilli Gemini* (ср. Mommsen, *Röm. Forsch.* I, 118).

⁶⁾ Клодіѣ намѣревался ограничиться обыкновенной *transitio ad plebem* (Dio 37, 51) безъ переимѣн. имени. Однако, его клятвенный отказъ отъ патриціата произошелъ

3. *Клиенты.* Отъ древнихъ кліентовъ (§ 14), еще въ началѣ республики находившихся въ зависимости отъ патриціанскихъ gentes въ поземельномъ отношеніи, кліенты позднѣйшихъ временъ отличаются существеннымъ образомъ. Это была уже болѣе или менѣе свободная клиентела съ характеромъ простаго покровительства, оказываемаго вліятельнымъ человѣкомъ слабѣйшему. Также и эта новая клиентела могла быть наследственная (lex de repet. стр. 10). Подобнымъ образомъ и другіе признаки древней клиентелы удерживались въ видѣ переживаній, каково, напр. право патрона на наследство послѣ кліента, умершаго безъ прямыхъ наследниковъ (Cic. off. 1, 11, 35), или право патрона не давать въ судѣ свидѣтельства противъ своего кліента (Plut. Mar. 5).

а) Прямымъ продолженіемъ древней клиентелы является:

α) Принятіе знатымъ лицомъ подъ свое покровительство ¹⁾, напр., изгнанниковъ изъ другихъ общинъ ²⁾.

β) Положеніе вольноотпущенниковъ ³⁾ по отношенію къ ихъ бывшимъ хозяевамъ, см. § 186.

б) Рядомъ съ этимъ начали вырабатываться еще и нѣкоторыя новыя формы клиентелы:

α) Съ усиленіемъ политическаго вліянія Рима древнее hospitium, примѣнявшееся издавна между римскими гражданами и иногородними (см. ниже) и заключавшееся первоначально во взаимномъ покровительствѣ, мало по малу стало превращаться въ одностороннее покровительство римлянина; отсюда развился патронатъ знатныхъ римлянъ надъ иногородними, и не только отдѣльными лицами, но даже и цѣлыми общинами и племенами. Въ этомъ случаѣ почетный титулъ patronus употреблялся безпрепятственно; напротивъ терминовъ cliens, clientela избѣгали, по крайней мѣрѣ официально ⁴⁾.

β) Подобный патронатъ началъ вырабатываться въ концѣ республики среди римской знати и по отношенію къ бѣдному населенію

не въ установленной формѣ, въ видѣ *куриатской detestatio sacrorum* (Dio 37, 51 οἱ δὲ μὴ κατὰ τὰ πάτρια ἢ ἐκποίησις αὐτοῦ ἐγεγονεῖ, ἐν γὰρ τῇ ἐς φόρον τοῦ φρατρίακοῦ νόμου μόνως ἐξῆν τοῦτο γίνεσθαι). Нужно думать, что Клодій не могъ добиться этого, почему, въ виду агитацій враждебной ему партіи, онъ и рѣшился прибѣгнуть еще и къ *agrogatio*, при которой нельзя было ему отказать въ *куриатской detestatio sacrorum*.

¹⁾ Ср. lex de repet. стр. 10: quoja in fide is erit majoresve in majorum fide fuerint.

²⁾ Cic. off. 1, 39, 177: quid quod item in centumvirali judicio certatum esse accepimus; qui Romam in exilium venisset, cui Romae exulare jus esset, si se ad aliquem quasi patronum applicavisset intestatoque esset mortuus: nonne in ea causa jus applicationis patefactum in judicio?

³⁾ Ср. Liv. 43, 16, 14: cliens libertinus.

⁴⁾ Однако ср. Cic. Cat. 4, 11, 23: pro clientelis hospitibusque provincialibus.

столицы ¹⁾; однако наибольшей развѣтъ этой городской клиентелы (сильно напоминающей греч. параситовъ) принадлежитъ уже императорскому періоду ²⁾.

§ 182. II. *Новья сословія*, ³⁾ развившіяся въ республиканскій періодъ.

1. *Nobilitas*. Этимъ словомъ обозначалась чиновная знать, образовавшаяся по уравненіи правъ патриціевъ и плебеевъ. Несмотря на формальное равенство всѣхъ гражданъ, въ римской республикѣ издавна большое значеніе придавалось знатности происхожденія (ср. § 111 кон.) ⁴⁾. Въ древнѣйшей республикѣ единственными знатными людьми были патриціи ⁵⁾, которые одни только и занимали тогда всѣ высшія должности. Когда же въ послѣднимъ были допущены и плебеи, то для нихъ должности составили источникъ знатности, оформленной въ видѣ *jus imaginum* (§ 54, 7), т. е. обычая выставлять въ атриумѣ маски предковъ, занимавшихъ должность консула ⁶⁾, позднѣе вообще какую-либо курульную должность. Плебей, проложившій себѣ дорогу къ высшимъ должностямъ безъ знатныхъ предковъ, назывался *homo novus* ⁷⁾ и родоначальникомъ знатности своего рода (*princeps nobilitatis*), приобретававшего черезъ него *jus imaginum* ⁸⁾. Напротивъ, патрицій самъ по себѣ

¹⁾ Раньше, наоборотъ, люди изъ низшихъ классовъ сами задабривали знатныхъ гражданъ (особенно сенаторовъ) приношеніями и подарками, запрещенными потомъ по закону Цинція (Liv. 34, 4: *quid legem Cinciam de donis et muneribus excitavit, nisi quia vectigalis jam et stipendiaria plebes esse senatui cooperat?*)

²⁾ Благовѣщенскій, Римскіе кліенты Домиціанова вѣка (Русск. Мысль, мартъ 1890).

³⁾ Старья сословія общаго обозначенія не имѣютъ. Напротивъ, новья сословія обозначаются терминномъ *ordo*, особенно тѣ изъ нихъ, членамъ которыхъ составлялись особые списки, каковы: *ordo senatorius* (Cic. Clu. 37, 104; Sall. Cat. 17), *ordo equester*, а по этому образцу и *ordo libertinus*. О классахъ населенія по занятіямъ или другимъ признакамъ употребляется терминъ *genera hominum* (Liv. 8, 20, 4; 10, 21, 3; 40, 51, 9; Cic. Att. 2, 19, 2; Verr. II, 2, 55, 137).

⁴⁾ Одинъ изъ обычныхъ хвалебныхъ эпитетовъ составляетъ выраженіе *nobilissimo loco natus*. Браки между знатнымъ и незнатнымъ считались *improbes* (Liv. 6, 34, 9; Sall. Jug. 11; Tac. а. 1, 53; h. 2, 50), хотя и не были таковыми въ юридическомъ смыслѣ.

⁵⁾ Ср. Liv. 2, 56, 10; 4, 4, 7; 6, 42, 9.

⁶⁾ Liv. 10, 7, 7: *numerarentur duces eorum annorum, quibus plebejorum ductu et auspicio res geri coepitae sint, numerarentur triumpho: jam ne nobilitatis quidem suae plebejos paenitere.*

⁷⁾ Liv. 7, 1, 1: *annus hic erit insignis novi hominis consulatu* (о первомъ консулѣ изъ плебеевъ); Sall. Jug. 85, 25: *quia imagines non habeo et quia mihi nova nobilitas est.*

⁸⁾ Cic. Brut. 14, 58: *princeps nobilitatis vestrae; fam. 9, 21; Verr. 5, 70, 180: cum ipse (M. Cato) sui generis initium ac nominis ab se gigni et propagari vellet.*

былъ уже знатный человекъ и, слѣдовательно, никогда не былъ homo pocius, хотя бѣ и въ его родѣ не имѣлось курульныхъ предковъ ¹⁾). Среди новой знати наиболѣе знатными считались *familiae consulares*, т. е. семьи, имѣвшія между своими предками консуловъ ²⁾). Такъ какъ эта знать, составившаяся изъ патриціевъ и знатныхъ плебеевъ, всѣми силами старалась удалить „новыхъ людей“ отъ высшихъ должностей ³⁾), то получилось фактически почти замкнутое сословіе, въ которое новые роды проникали лишь въ видѣ исключенія ⁴⁾). Вмѣстѣ съ республикой прекратилось и дальнѣйшее развитіе этой знати, главнымъ образомъ вслѣдствіе окончательнаго сформированія сенаторскаго сословія; остатки ея, сохранивъ свое *jus imaginum*, продержались до временъ Флавіевъ ⁵⁾).

§ 183. 2. *Ordo senatorius*. Среди наследственной чиновной знати къ концу республики ⁶⁾ стала выдвигаться личная чиновная знать, состоявшая изъ всѣхъ наличныхъ членовъ сената, въ качествѣ бывшихъ магистратовъ (§ 114 и § 117). Между тѣмъ какъ слово *senatus* обозначаетъ сенатъ въ его совокупности, какъ учрежденіе, при терминѣ *ordo senatorius* (Cic. Clu. 37, 104; Sall. Cat. 17) имѣется въ виду общественное положеніе отдѣльныхъ членовъ сената въ ихъ отличіи отъ другихъ разрядовъ гражданъ. Обособленіе сенаторскаго сословія есть только послѣдствіе обособленія всадническаго сословія и того антагонизма, который возникъ во 2 стол. до Р. Хр. изъ-за права присяжнаго засѣдательства (§ 139). Между тѣмъ какъ прежде званіе всадника, опредѣляемое по одному имущественному цензу, было совмѣстимо съ званіемъ сенатора, со времени Гракховъ, напротивъ, всадникъ, поступившій въ

¹⁾ Такъ напр. М. Аemilius Scaurus (консуль 115 г.) называется homo nobilissimus, не смотря на то, что онъ первый *memoriam prope intermortuam generis sui renovavit* (Cic. Mur. 7, 16).

²⁾ Cic. Planc. 8, 19: tu es e municipio Tusculano, ex quo sunt plurimae familiae consulares; ib.: est tuum nomen utraque familia (отцовская и материнская) consulare.

³⁾ Ср. Liv. 22, 34, 7; Sall. Jug. 63: consulatum nobilitas inter se per manus tradebat; Liv. 39, 41, 1.

⁴⁾ Cic. agr. 2, 1, 3: me perlongo intervallo prope memoriae temporumque nostrorum primum hominem novum consulem fecistis et eum locum, quem nobilitas omnino ratione obvallatum tenebat, me duce rescidistis.

⁵⁾ Такое же значеніе, какъ nobilitas, имѣетъ въ сущности и слово *optimates* (= optimo loco nati), но употребляется преимущественно въ смыслѣ политическаго термина для обозначенія „благонамѣренныхъ“ гражданъ (=boni, т. е. консервативные), вслѣдствіе чего и не совпадаетъ съ nobilitas, отдѣльные члены которой (напр. Цезарь) шли съ демократической (popularis) партіей „переворотовъ“ (novis rebus studere).

⁶⁾ Т. е. съ тѣхъ поръ, какъ магистратура разрослась въ такой степени, что можно было пополнять сенатъ почти только одними бывшими магистратами.

число сенаторовъ, исключался изъ всадническаго сословія, изъ чего и выработалось представленіе о званіи сенатора, какъ о признакѣ особаго сословія, отличнаго отъ сословія всадниковъ и притомъ стоящаго выше послѣднихъ. Однако, хотя почетное положеніе сенатора отражалось и на его семьѣ (§ 110), все таки принадлежность къ сенаторскому сословію составляла только личное преимущество, связанное съ мѣстомъ въ сенатѣ. Только уже Августъ сформировалъ *ordo senatorius* въ видѣ дѣйствительнаго, и притомъ наслѣдственнаго ¹⁾ сословія съ примѣненіемъ къ нему того же принципа имущественнаго ценза, которымъ обусловливалось издавна существованіе всадническаго сословія.

О знакахъ отличія см. § 140.

§ 184. 3. *Ordo equester* (Cic. Phil. 6, 5, 13; dom. 28, 74) ²⁾. Независимо отъ чиновной знати въ римской республикѣ съ древнѣйшихъ временъ начала формироваться и имущественная аристократія въ видѣ особаго сословія. По росписанію Сервія Туллія набиралось 18 центурій всадниковъ изъ гражданъ 1-го класса, причемъ въ виду почетнаго положенія этой службы, а также и въ виду ея накладности, во всадническіи центуріи принимались только сыновья наиболѣе знатныхъ и богатыхъ фамилій ³⁾, которыя такимъ образомъ образовали особую группу въ составѣ перваго класса. Не извѣстно, съ какого времени, но во всякомъ случаѣ уже издавна ⁴⁾, для такихъ семействъ установился особый „всадническій“ цензъ, въ 10 разъ превышавшій основную цензъ 1-го класса, именно 400'000 сестерціевъ ⁵⁾. Другими словами, съ давнихъ поръ центуріи всадниковъ пополнялись только членами такихъ семействъ 1-го класса, которыя владѣли имуществомъ не менѣе 400'000 сестерціевъ. Такое привилегированное положеніе наиболѣе богатыхъ фамилій усилилось съ 403 года еще и тѣмъ, что молодые люди, принадлежавшіе къ семьямъ съ всадническимъ цензомъ, но не попавшіе въ составъ нормальныхъ 18 центурій, получили право служить всетаки на положеніи всадниковъ ⁶⁾, но подъ условіемъ приобрѣтенія лошади на

¹⁾ Но, впрочемъ, только до 3 поколѣнія.

²⁾ Béllot, l'histoire de chevaliers romains; ero же, de la révolution économique et monétaire, que eut lieu à Rome à milieu du III siècle.

³⁾ Liv. 3, 27: L. Tarquinius patriciae gentis stipendia pedibus propter paupertatem fecit.

⁴⁾ По Ливію опредѣленный *census equester* существовалъ еще въ 403 г. до Р. Хр. (Liv. 5, 7, 5).

⁵⁾ Составляющихъ 1'000'000 секстантарныхъ ассовъ противъ 100'000 ассовъ 1-го класса.

⁶⁾ Liv. 5, 7, 5: quibus census equester erat, equi publici non erant assignati, concilio prius inter se habito senatum adeunt...; tum primum equis (suis) merere equi-

свой счетъ, въ то время какъ всадники 18 центурій получали изъ казны деньги для обзаведенія (§ 18). Послѣдніе назывались equites Romani equo publico ¹⁾, первые же просто equites Romani, приче́мъ опредѣленіе „Romani“ въ томъ и другомъ случаѣ имѣло существенное значеніе для отличія отъ обыкновенныхъ equites, набираемыхъ изъ союзниковъ ²⁾. Реченіе: equites Romani имѣло такимъ образомъ значеніе почетнаго титула, свойственнаго первоначально только тѣмъ, которые дѣйствительно были зачислены въ конницу. Но по мѣрѣ того, какъ римская конница начала составляться независимо отъ всадническаго ценза ³⁾ и преимущественно изъ союзниковъ, подъ терминомъ equites Romani разумѣлись вообще всѣ римскіе граждане, имѣвшіе *право* служить въ конницѣ, безъ отношенія къ тому, состояли ли они на службѣ или нѣтъ, подобно тому какъ и терминъ equites Romani equo publico обозначалъ тѣхъ, которые были *зачислены* въ 18 центурій всадниковъ, опять таки независимо отъ дѣйствительной службы. Къ тому же въ позднѣйшей республикѣ молодые люди изъ семействъ со всадническимъ цензомъ, поступая на дѣйствительную службу въ конницу, служили тамъ не въ видѣ простыхъ кавалеристовъ, но, напротивъ, получали высшія офицерскія мѣста въ званіи praefecti socium. Совокупность *всѣхъ* семействъ, члены которыхъ по цензу имѣли *право* служить въ конницѣ, составила такимъ образомъ особое всадническое сословіе: ordo equester. Принадлежность къ этому сословію имѣла особенное значеніе для тѣхъ плебеевъ, которые не успѣли проникнуть въ nobilitas ⁴⁾, такъ какъ и послѣдняя, по своему богатству, принадлежала въ большинствѣ случаевъ къ тому же всадническому сословію, въ которомъ продолжали числиться нѣкогда и граждане, достигшіе должностей или сдѣлавшіеся сенаторами.

Со времени Г. Гракка, передавашаго всадникамъ право быть присяжными судьями вмѣсто сенаторовъ (§ 139), самое понятіе о всадникахъ сгузилось, такъ какъ подъ всадниками въ этомъ случаѣ разумѣлись только простые equites, т. е. такіе, которые не достигали званія

---

tes coeperunt. Послѣднее замѣчаніе указываетъ на то, что лишніе „equites“ прежде не служили equis, а въ иѣхотѣ.

¹⁾ Cic. Phil. 6, 5, 13: altero ab equitibus Romanis equo publico, qui item adscribunt: patrono.

²⁾ Въ противоположности къ всадникамъ непріятельскаго войска также и союзническіе equites могли быть, конечно, тоже названы equites Romani (Liv. 39, 31, 1; Sall. Jug. 63).

³⁾ Такъ напр. въ битвѣ при Placentia (Liv. 21, 59) въ числѣ 300 equites было только aliquot equestris ordinis.

⁴⁾ Ливій 2, 1, 10 называетъ набранныхъ богатыхъ плебеевъ — primores equestris gradus.

сенатора, вслѣдствіе чего съ тѣхъ поръ всѣ сенаторы исключались изъ всадническаго сословія, составляя особое, высшее сословіе (§ 183). Это распространилось даже и на equites equo publico, такъ какъ и они, по достиженіи магистратуры, а черезъ это и мѣста въ сенатѣ, при слѣдующемъ цензѣ сдавали свою лошадь и выбывали изъ центурій всадниковъ ¹⁾. Разумѣется, изъ этихъ же центурій (но не изъ всадническаго сословія) должны были выбывать и тѣ всадники, которые достигли предѣльнаго возраста, такъ какъ еще въ концѣ республики equites equo publico (=18 цент.) были adulescentes ²⁾.

Со времени lex de provincia Asia того же Г. Гракха всадническое сословіе играло большую роль въ государственномъ хозяйствѣ въ качествѣ publicani (§ 165, b), составлявшихъ среди всадниковъ какъ-бы особое сословіе (ordo publicanorum Cic. Planc. 9, 23) ³⁾.

§ 185. Всадникамъ, повидимому, искони были присвоены нѣкоторые знаки отличія, а именно сперва навѣрно только всадникамъ equo publico, но затѣмъ и всему сословію. Пока также и сенаторы продолжали числиться во всадническомъ сословіи, то и имъ принадлежало право на всадническіе знаки отличія, помимо специально сенаторскихъ. Когда же со времени Гракха оба сословія раздѣлились, то установилось и различіе во внѣшнихъ знакахъ (§ 140).

a) *Angustus clavus* на туникѣ искони, повидимому, былъ присвоенъ всадникамъ (въ первоначальномъ и позднѣйшемъ смыслѣ) ⁴⁾, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые состояли сенаторами. Послѣ Грекховъ сенаторы мало-по-малу стали употреблять болѣе широкую полосу, чѣмъ всадники, что и составляло со временемъ ⁵⁾ главнѣйшій знакъ отличія обоихъ сословій: *latus clavus* для сенаторовъ (§ 140, 1) и *angustus* для всадниковъ ⁶⁾.

b) *Anulus aureus* см. § 140, 2.

¹⁾ Наиболѣе извѣстный примѣръ представляетъ Помпей.

²⁾ [Q. Cic.] *com. pet.* 8, 33; Cic. *Mur.* 35, 73; *Нор. а. р.* 341 (гдѣ *celsi Rames* противопоставляются центуріямъ *seniorum*).

³⁾ Сенаторамъ, а также и либертинамъ не разрѣшалось принимать участіе въ госуд. откупахъ и подрядахъ.

⁴⁾ Если Плиній (*h. n.* 33, 1, 27) говоритъ: *volgo purpura latiore tunicae usos invenimus etiam praesones, sicut patrem L. Aelii Stilonis*, то это доказываетъ 1) что всадники встрѣчались даже въ званіи глашатаевъ и 2) что ширина полосы первоначально зависѣла отъ личнаго усмотрѣнія.

⁵⁾ Еще при Цицеронѣ отличіе это не было установлено окончательно (впервые объ *angustus* и *latus clavus* упоминаютъ писатели Августова вѣка).

⁶⁾ Впрочемъ, и вслѣдствіи сенаторы при траурѣ пользовались туникой съ узкимъ *clavus* (ср. напр. *Dio* 38, 14).

с) *Bulla aurea*. Ношение золотого амулета (как и прочих амулетов), вероятно, плебейского происхождения, но сделалось современным знаком отличия всаднических дѣтей вообще (Plin. h. n. 33, 1) 10), а через это и сенаторских (§ 140, 8).

д) *Почетная мѣста* во время зрѣлищъ. Подобно сенаторамъ (§ 140, 4), также и всадники получили особособленные мѣста въ театрѣ, вероятно черезъ Гракха, какъ видно изъ того, что Сулла, отменивъ его законъ о присяжныхъ судьяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ и право всадниковъ на особые мѣста въ театрѣ. Въ 67 г. право это было опять восстановлено ¹⁾, причемъ подъ всадниками разумѣлось уже вообще все всадническое сословіе (*equites Romani, ordo equester*) въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Мѣста, предназначенныя для всадниковъ, состояли изъ первыхъ 14 рядовъ за оркестрой, въ которой сидѣли сенаторы. Въ циркѣ же получили они отдѣльныя мѣста только уже въ императорское время, какъ и сенаторы ²⁾.

е) Независимо отъ этого, собственнымъ *equites equo publico* были присвоены еще особые знаки отличія, а именно *trabea* (стр. 65 вып. 2) и серебряныя *phalerae* на лошадяхъ (Liv. 39, 31). Въ этомъ видѣ всадники 18 центурій, раздѣленные на *turmae* ³⁾, принимали участіе въ ежегодномъ всадническомъ праздникѣ 15 іюля, называвшемся *transvectio equitum* (Liv. 9, 46, 15), а также при общественныхъ похоронахъ (*funus publicum* § 54, 7) ⁴⁾ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ. О *recognitio equitum* см. § 83, 1.

§ 186. 4. *Ingenui et libertini*. Въ отличіе отъ *ingenuus*—„гражданинъ по рожденію“, *libertinus* есть бывший рабъ римскаго гражданина, получившій права гражданства черезъ отпущеніе на волю (*ex servo liber factus* у Плавта; *qui servitutem servierunt* у Liv. 40, 18, 7; 45, 15, 5) ⁵⁾ Рядомъ съ терминомъ *libertinus*, обозначавшимъ нѣкогда не столько самихъ отпущенниковъ, сколько ихъ потомковъ ⁶⁾, употребляется еще

¹⁾ Liv. ep. 90: L. Roscius tr. pl. legem tulit, ut equitibus Romanis in theatro XIV gradus proximi adsignarentur; Cic. Mur. 19, 40: L. Otho equestri ordini restituit non solum dignitatem, sed etiam voluptatem.

²⁾ Хотя по Liv. 1, 35, 8 по крайней мѣрѣ въ circus maximus оба сословія имѣли особые мѣста еще при царяхъ.

³⁾ Suet. Aug. 37: recognoscendi turmas equitum.

⁴⁾ Напр. при похоронахъ Суллы (App. b. c. 1, 106).

⁵⁾ Gai. 1, 10: liberorum hominum alii ingenui sunt, alii libertini; ingenui sunt, qui liberi nati sunt, libertini qui ex justa servitute manumissi sunt.

⁶⁾ Suet. Claud. 24: latum clavum libertini filio tribuit et Appium censorem libertinorum filios in senatum adlegisse docuit, ignarus temporibus Appi et deinceps aliquamdiu libertinos dictos non ipsos, sed ingenuos ex his procreatos.

слово *libertus*, примѣнявшееся сперва вообще въ значеніи „вольноотпущенникъ“¹⁾, но удержавшееся впоследствии только въ видѣ какъ-бы официального титула въ соединеніи съ именемъ патрона (*libertus* такого-то, см. § 180, с)²⁾; въ болѣе древней терминологіи употреблялось въ этомъ случаѣ слово *servus* вм. *libertus*³⁾.

Многочисленное сословіе⁴⁾ этихъ гражданъ пользовалось далеко не тѣми правами, какъ свободнорожденные. Въ политическомъ отношеніи ихъ положеніе совпадало въ древнѣйшее время съ положеніемъ кліентовъ, подобно которымъ, вѣроятно, и *libertini* числились въ куріи и трибѣ своего патрона⁵⁾. Послѣ разрушенія древней клиентелы положеніе отпущенниковъ нуждалось въ особой нормировкѣ, тѣмъ болѣе что количество ихъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалось, по мѣрѣ умноженія самихъ рабовъ. Незадолго до начала 2 пун. войны (*Liv. ep.* 20) отпущенники и дѣти отпущенниковъ (т. е. по тогдашней терминологіи *liberti* и *libertini*) были исключены изъ трибъ своихъ патроновъ и переведены въ городскія трибы⁶⁾. Съ тѣхъ поръ издавались разныя постановленія о ихъ правѣ голосованія⁷⁾ въ связи съ борьбою партій, но въ общемъ отпущенники числились въ составѣ городскихъ трибъ вплоть до конца республики, причеиъ однако въ послѣднія времена подъ *libertini* разумѣлись только бывшіе рабы (но не ихъ свободнорожденные дѣти).

Въ частномъ быту положеніе бывшихъ рабовъ было далеко не одинаковое для всѣхъ, такъ какъ оно зависѣло отъ тѣхъ условій, на которыхъ хозяинъ соглашался дать волю своему рабу (ср. *Cic. Att.* 7,

---

¹⁾ Еще у Плавта, напр. *Asin.* 410: *hodie salvare jussi Libanum libertum, jam manu emissus est*; *ib.* 652: *libertos, non patronos*.

²⁾ Соответственно этому употребляется *libertus* (*ne libertinus*) также и въ соединеніи съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ, ср. *Pl. Curc.* 543: *Lusco liberto tuo*; *Sall. Cat.* 59, 3: *ipse cum libertis* (подр. suis).

³⁾ Напр. *Servio(s) gabinio(s) T. s(ervus) fecit*. Ср. еще *Cic. fam.* 5, 20, 2: *librum accipi a meo servo scriba*.

⁴⁾ *Ordo libertinus* у Ливія, напр. 42, 27, 3; подобное выраженіе и у *Cic. Cat.* 4, 8, 16.

⁵⁾ Это видно, напр., изъ того, что Ливій въ разсказѣ о цензурахъ Аппія и Фабія (9, 46, 10 сл.) говоритъ о городскихъ трибахъ только вообще какъ о *forensis turba*, между тѣмъ какъ по отношенію къ сенату тутъ же упоминаетъ специально о либертинцахъ: *qui senatum primus libertinorum filiis lectis inquinaverat*.

⁶⁾ *Liv. ep.* *libertini in quattuor tribus redacti sunt, cum antea dispersi per omnes fuissent, Esquilinam Palatinam Suburanam Collinam*.

⁷⁾ Частью цензоровъ (*Liv.* 45, 15, 1; *Cic. or.* 1, 9, 38), частью законодательнымъ порядкомъ (*de vir. ill.* 72: *M. Aemilius Scaurus consul legem de libertinorum suffragiis tulit*. *Liv. ep.* 77; *Dio* 36, 25).

2, 8). По закону П. Публилія Руфа (консула 105 г.) обязательства отпущенниковъ были нормированы въ видѣ барщины (*oregae Pl. Men. 1032 сл.*): они должны были работать на своего бывшего хозяина известное количество дней въ году или же сдавать ему свой заработокъ за эти дни. Но, конечно, хозяинъ могъ и не выговаривать ничего въ свою пользу, а, чапротивъ, еще даже награждать отпущенника, напр., землей. Но во всякомъ случаѣ бывшіе рабы продолжали оставаться въ сильной зависимости отъ своего патрона, который (если только былъ достаточно вліятеленъ) могъ привлекать ихъ даже и къ своему суду и расправѣ (*Snet. Caes. 48*).

Въ виду такого положенія отпущенниковъ, они употреблялись для военной службы, главнымъ образомъ, только на корабляхъ (*Liv. 9, 38*), въ легионахъ же лишь въ случаѣ нужды (*Liv. 10, 21, 4: libertini captiviati; 22, 11, 8*). Еще во время союзнической войны изъ нихъ составлялись особые отряды добровольцевъ (*Liv. 74*).

Также и *conubium* съ ними было фактически ограничено, но не столько въ юридическомъ смыслѣ, сколько въ сословномъ или вообще общественномъ ¹⁾.

Что при такихъ условіяхъ объ *jus honoꝝum* и рѣчи быть не могло, разумѣлось само собою.

Лучше было уже положеніе свободнорожденныхъ *дтей отпущенниковъ* (*Liv. 22, 11*), главнымъ образомъ потому, что крѣпостная зависимость отъ патрона на нихъ не переходила. По отношенію къ трибамъ они были сравнены съ *ingenui* еще по закону трибуна Теренція Куллеона (189 г.), что и было примѣнено цензорами этого года (*Plut. Flam. 18*) ²⁾. Съ тѣхъ поръ они начали считаться не за *libertini*, а только за *libertinorum filii* или *libertino patre nati*. Тѣмъ не менѣе и они къ должностямъ не допускались.

Только въ третьемъ поколѣніи, какъ сыновья свободнорожденныхъ (*ab ingenuis oriundi*), они переходили на нормальное положеніе полноправныхъ гражданъ, получая доступъ къ должностямъ ³⁾ и въ се-

¹⁾ Бракъ свободнорожденного и особенно знатнаго человѣка съ либертиной, хотя и былъ законный, но считался не приличнымъ (*Cic. Sest. 52, 110: ut, credo non libidinis causa, sed ut plebicola videretur, libertinam duxit uxorem; Liv. 6, 40, 6; 39, 19 5*). Поэтому и весталкой не могла быть, *cujus parentes alter ambove servierunt aut in negotiis sordidis versantur* (*Gell. 1, 12, 5*).

²⁾ Поэтому, напр., в Гораций называетъ себя *ingenuus* (*sat. 1, 6, 7*).

³⁾ *Liv. 9, 46, 1; Gell. 7, 9*: въ этомъ разсказѣ о писцѣ Флавіѣ необходимо понимать *libertino patre* въ старинномъ смыслѣ слова *libertinus*, такъ какъ возраженіемъ противъ его кандидатуры служило собственно то, *quia scriptum faceret*.

нать ¹⁾, хотя всетаки лишь въ видѣ исключенія, такъ какъ придавалось большое значеніе именно знатности происхожденія (§ 111). Только уже Цезарь принималъ въ сенатъ даже самихъ отпущенниковъ (§ 116).

§ 187. D. *Гражданская честь*. Кромѣ безупречности происхожденія для гражданина важна была и безупречность имени, такъ какъ опороченные (*infames, improbi*) устранялись отъ кандидатуры на должности (§ 45, 1) и исключались цензорами изъ сената и даже изъ трибъ (§ 84). Лишеннымъ чести воспрещалось „предъявлять искъ вмѣсто другихъ, давать когнатора, назначать прокуратора, а также выступать въ судѣ въ качествѣ когнатора или прокуратора“ (*Gai. 4, 182*). Такому безчестію подвергались напр., осужденные по искамъ о воровствѣ и грабежѣ (l. c.) ²⁾. Безчестіе передъ судомъ установлено было еще XII таблицами ³⁾. Нѣчто подобное предусматривалось законами и въ политическихъ дѣлахъ ⁴⁾.

Независимо отъ этого зарабатываніе пропитанія личнымъ трудомъ за плату считалось за *sordidum negotium* (*Cic. off. 1, 42*) и ставило гражданина на низкую ступень общественнаго положенія, несомнѣстную, напр., съ должностями ⁵⁾; актеры же подвергались даже полной *infamia*.

§ 188. E. *Приобрѣтеніе правъ гражданства* происходило:

1. по наслѣдству для дѣтей римскихъ гражданъ, родившихся въ законномъ бракѣ.
2. отпущеніемъ на волю рабовъ, принадлежавшихъ римской казнѣ (§ 107) или римскимъ гражданамъ ⁶⁾.
3. переселеніемъ въ Римъ латинъ (§ 200).

¹⁾ Liv. 9, 46, 10: App. Claudii, qui senatum primus libertinorum filias lectis inquit paverat; также и здѣсь слово *libertinus* должно быть понимаемо въ древнемъ смнслѣ.

²⁾ Gell. 15, 13, 11: qui se sieri testarier libripensve fuerit, ni testimonium fariatur, improbus infestabilisque esto.

³⁾ Cic. Clu. 42, 119: turpi iudicio damnati in perpetuum omni honore ac dignitate privantur.

⁴⁾ Cp. Liv. 10, 9, 5: siquis adversus ea fecisset, nihil ultra quam „improbe factum“ adjecit.

⁵⁾ Поэтому писецъ Флавій, прежде чѣмъ была принята его кандидатура, долженъ былъ отказаться отъ своего прежняго званія (Liv. 9, 46, 2: *tabulam posuisse et jurasse se scriptum non facturum*).

⁶⁾ Интересна правовая подкладка этого дѣла: гражданинъ, отпускаяшій на волю своего раба, даровалъ ему не только свободу, но и всѣ гражданскія права; послѣднее основывалось только на *mos majorum* и выработалось по аналогіи положенія древнихъ нліемтовъ, пользовавшихся правами гражданина, несмотря на ихъ зависимость отъ патроновъ.

4. пожалованіемъ правъ иностранцамъ, а именно

а) обыкновенно по рѣшенію комицій (§ 140), все равно, касалось-ли дѣло отдѣльныхъ лицъ ¹⁾ или цѣлыхъ общинъ ²⁾.

б) по законамъ de repetundis 123 и 111 годовъ въ видѣ награды обвинителямъ изъ не-гражданъ, особенно изъ латинъ.

в) иногда уполномочивались къ этому магистраты, но только по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Такія полномочія получали прежде всего члены комиссій, отправляемыхъ для основанія какой-либо колоніи. Этимъ образомъ, напр., въ 184 г. приобрѣтены права гражданства постомъ Энніемъ во время основанія гражданскихъ колоній Potentia и Pisaurum (Cic. Brut. 20, 79); подобнымъ образомъ въ 100 г. разрѣшено было Марію наградить правами гражданства трехъ лицъ для каждой изъ основывавшихся тогда колоній (Cic. Valb. 21, 48). Тотъ же Марій получилъ разрѣшеніе въ войнѣ противъ кимвровъ награждать правами гражданства отличившихся солдатъ изъ союзниковъ (Plut. Mar. 28; Val. Max. 5, 2, 8). Такое же разрѣшеніе давалось съ тѣхъ поръ римскимъ полководцамъ во всѣхъ болѣе важныхъ войнахъ ³⁾; но это касалось всегда только отдѣльныхъ лицъ (singillatim), между тѣмъ какъ пожалованіе правъ гражданства цѣлымъ общинамъ до конца республики оставалось за комиціями.

§ 189. Ж. *Потеря правъ гражданства*. Римскіе юристы (Gai. 1, 159 сл.) различали три степени, изъ которыхъ, сюда принадлежатъ только первыя двѣ:

1. *deminutio capitis maxima*: потеря всѣхъ правъ гражданства вслѣдствіе потери свободы; это случалось:

а) при выдачѣ гражданина непріятелю по феціальному праву за нарушеніе международныхъ договоровъ или за заключеніе позорнаго мира, не принятаго римскимъ правительствомъ (§ 130).

б) при переходѣ въ состояніе раба, какимъ считалась не только прямая продажа въ рабство (§ 163, с), но и нахожденіе въ плѣну у непріятеля; гражданинъ, вернувшійся изъ плѣна, возстановлялся въ своихъ правахъ, что называлось *postliminium*.

2. *deminutio capitis media*: сохраненіе личной свободы при потерѣ всѣхъ прочихъ правъ римскаго гражданства; это случалось

¹⁾ Liv. 3, 29; 27, 5; 39, 19; Cic. Valb. 24, 55.

²⁾ Liv. 38, 36; Cic. Arch. 4, 7.

³⁾ Напр. Сулль (Cic. Arch. 10, 25), Помпею (Cic. Valb. 8, 19), Цезарю (Cic. fam. 13, 36; Phil. 1, 10, 24; 5, 4, 11).

а) при принятіи правъ гражданства въ чужой общинѣ (*mutatio civitatis* ¹⁾), такъ какъ совмѣщеніе чужого гражданства съ римскимъ не рѣзрѣшалось ²⁾; отъ этого нѣжно отличать позднѣйшую муниципальную принадлежность гражданина рядомъ съ понятіемъ о Римѣ, какъ *communis patria* всѣхъ римскихъ гражданъ вообще (§ 206).

б) вслѣдствіе *exilium* (§ 163, e), равносильнаго принятію чужого гражданства ³⁾.

3. *deminutio capitis minima* обозначаетъ только потерю соотвѣтственныхъ правъ въ одной семьѣ при одновременномъ цріобрѣтеніи тѣхъ же правъ въ другой семьѣ черезъ *adoptio* или *conventio in manum*.

(Продолженіе слѣдуетъ)

---

¹⁾ Въ отличіе отъ грековъ, у которыхъ можно было состоять гражданиномъ одновременно въ разныхъ общинахъ (*Cic. Balb. 11, 28: duarum civitatum civis noster jure civili nemo potest*).

²⁾ *Nep. Att. 3: nonnulli ita interpretantur amitti civitatem Romanam alia adscita; Cic. Balb. 12, 30: cum ignorarent, si illam civitatem essent adepti, hanc se perdidisse, nisi postliminio reciperassent*.

³⁾ *Cic. pro Caec. 34, 106: amittitur haec civitas, cum is, qui profugit, receptus est in exilium, hoc est in aliam civitatem; dom. 30, 78; 1, 128: cum is, cui aqua et igni interdicitur, civitatem Romanam amittat*.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Бузескуль. „Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.“. Харьковъ. 1895.

В. П. Бузескуль не новичекъ въ области изслѣдованій, относящихся къ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля. Въ теченіи времени съ 1891 года, т. е. съ самаго года опубликованія этого памятника, до 1894 г. включительно онъ помѣстилъ въ различныхъ научныхъ журналахъ рядъ статей и замѣтокъ, касающихся этого трактата, въ которыхъ съ достаточной ясностью обрисовался методъ его изслѣдованій и общій взглядъ на значеніе этого памятника для исторіи государственнаго строя Аѳинъ. Что касается общаго взгляда на „Политію“ Аристотеля, то его совершенно вѣрно охарактеризовалъ самъ В. П. Бузескуль въ предисловіи къ настоящему труду словами: „съ самаго начала я не принадлежалъ ни къ безусловнымъ панегиристамъ, ни къ не въ мѣру строгимъ порицателямъ новооткрытаго источника“ (стр. VI). И этотъ взглядъ у него явился не апріорно, а выработался путемъ строго научнаго метода изслѣдованія: онъ подвергъ внимательному и всестороннему изученію самый памятникъ, спеціально первую, историческую часть его, сличалъ сообщенія его съ сообщеніями прежнихъ нашихъ источниковъ, старался установить первоисточники его, дѣлалъ оцѣнку отдѣльныхъ сообщеній въ связи со всеѣмъ ходомъ и развитіемъ государственной жизни аѳинянъ и провѣрялъ результаты изслѣдованій современныхъ ученыхъ, касающихся этого памятника и государственнаго строя Аѳинъ.

Отмѣченныя черты характеризуютъ и настоящій трудъ В. П. Бузескула, являющийся окончательной формулировкой результатовъ его изслѣдованій въ этой области.

Разбираемый трудъ раздѣленъ на четыре главы различнаго объема. Въ составъ первыхъ трехъ главъ, какъ заявляетъ и самъ авторъ въ предисловіи (стр. III), „вошли, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, статьи, печатавшіяся въ „Ж. М. Н. Пр.“ въ теченіи 1892—1894 г.“. Эти три главы являются, такъ сказать, вторымъ, дополненнымъ и исправленнымъ изданіемъ указанныхъ статей. Кромѣ дополненій и измѣненій, вызванныхъ главнымъ образомъ появленіемъ въ свѣтъ новыхъ изслѣдо-

ваній послѣ напечатанія этихъ статей, въ разбираемомъ трудѣ ново дѣленіе на главы и параграфы, которое облегчаетъ пользование книгою и вноситъ строгую систематизацію матеріала по отдѣльнымъ вопросамъ.

Четвертая глава, появліющаяся, за исключеніемъ восьми страницъ, въ первый разъ въ печати, занимаетъ почти половину книги: изъ 476-ти страницъ всей книги на ея долю приходится ровно 200 страницъ. Она также, какъ и первыя три главы, раздѣлена на параграфы, въ которыхъ въ хронологическомъ порядкѣ разсматриваются отдѣльныя ступени въ развитіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V вѣка, причемъ въ основу положенъ трактатъ Аристотеля.

Всѣ четыре главы составляютъ одно неразрывное цѣлое и преслѣдуютъ одну цѣль, точно формулированную въ названіи сочиненія, но первыя три главы готовятъ почву для четвертой, въ которой собственно и разрѣшается вопросъ о значеніи Аристотелевой „Политіи“, какъ источника для исторіи государственнаго строя Аѳинъ.

Въ первой главѣ дается обзоръ современной литературы объ „Аѳинской Политіи“. Здѣсь говорится о возникновеніи сомнѣній еще до опубликованія новооткрытаго трактата относительно принадлежности Аристотелю „Аѳинской Политіи“, какъ и вообще „Политій“, приписывавшихся ему въ древности, о „берлинскихъ фрагментахъ“, которые были признаны за отрывки изъ „Аѳинской Политіи“ (§ 1), затѣмъ излагается исторія опубликованія „лондонскаго папируса“, въ которомъ первый же издатель призналъ „Аѳинскую Политію“ Аристотеля, и первые восторженные отзывы объ этомъ трактатѣ (§ 2). Непосредственно къ этому примыкаетъ обзоръ послѣдующей литературы, вызванной открытіемъ трактата, до послѣдняго времени (въ добавленіяхъ указаны даже статьи, появившіяся въ 1895 г.), причемъ авторъ держится такой системы: сначала онъ касается литературы, отнесшейся отрицательно и скептически къ принадлежности трактата Аристотелю и значенію его какъ источника (§ 3 и 4), затѣмъ слѣдуетъ полемика между представителями безусловной вѣры въ трактатъ и скептиками (§ 5), литература умѣреннаго направленія (§ 6); § 7 посвященъ трудамъ Кейля, Виламовица, Кайбеля и Сандиса, выдающимся по объему и по научному значенію среди тѣхъ работъ, которыя были посвящены новооткрытому трактату; послѣдніе два параграфа (8 и 9) даютъ обзоръ изслѣдованій отдѣльныхъ сторонъ и извѣстій „Аѳинской Политіи“ и общихъ сочиненій по исторіи Греціи и древностямъ, появившихся послѣ опубликованія трактата.

Такимъ образомъ мы получаемъ полную картину научнаго движенія, которое вызвано открытіемъ трактата, въ наглядномъ и системати-

ческомъ изложеніи, дающемъ возможность ориентироваться въ трудно обозримой литературѣ вопроса о трактатѣ, разсѣянной въ самостоятельныхъ книгахъ и брошюрахъ, журналахъ спеціальныхъ и общихъ, и руководствахъ. Въ этой главѣ авторъ говоритъ устами другихъ изслѣдователей и только мѣстами можно найти указанія на то, раздѣляетъ ли онъ извѣстный взглядъ и методъ изслѣдованія, или нѣтъ.

Со второй главы начинается самостоятельное изслѣдованіе. Эта глава: «„Аѳинская Политія“, какъ произведеніе Аристотеля», по самому свойству темы имѣетъ болѣе или менѣе полемическій характеръ. Автору приходится разобратъ среди сонма самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ доводовъ, высказанныхъ за и противъ принадлежности трактата Аристотелю. *Sine ira et studio* онъ подвергаетъ тщательному изслѣдованію отдѣльные спеціальныя вопросы, изъ которыхъ составляетъ этотъ общій вопросъ. Такъ, прежде всего онъ останавливается на гипотезѣ Розе, высказанной еще до открытія трактата, будто приписывавшіяся въ древности Аристотелю „Политія“ вовсе не произведенія Аристотеля. Проверкою древнихъ свидѣтельствъ и доводовъ Розе В. П. Бузескуль опровергаетъ эту гипотезу и доказываетъ, что „Политія“ и спеціально „Аѳинская Политія“, приписывавшіяся въ древности Аристотелю, могли и должны были быть произведеніемъ великаго Стагирита. Затѣмъ онъ разбираетъ очень обстоятельно вопросъ о тождествѣ открытаго трактата съ Аристотелевой „Политіей“ (§ 2) и рѣшаетъ его утвердительно, хотя, на мой взглядъ, слѣдовало бы обратить болѣе серьезное вниманіе на отсутствіе одного раньше извѣстнаго фрагмента изъ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля въ нашемъ трактатѣ; далѣе онъ устанавливаетъ (§ 3) весьма убѣдительными доводами какъ *terminus ante quem* для составленія *Аѳ. Пол.* послѣдніе три года жизни Аристотеля, чѣмъ съ одной стороны устраняется предположеніе о составленіи трактата послѣ смерти Аристотеля, а съ другой—объясняется отсутствіе ссылокъ въ произведеніяхъ Аристотеля на этотъ трактатъ. Далѣе (§ 4) авторъ подвергаетъ сравненію „Аѳинскую Политію“ съ „Политикою“ Аристотеля по отношенію къ политическимъ воззрѣніямъ, фактическимъ сообщеніямъ, общему плану, приемамъ, стилю и языку. Здѣсь онъ удачно устраняетъ выставившіяся разными изслѣдователями противорѣчія между тѣмъ и другимъ произведеніемъ, противорѣчія, не позволявшія будто бы принять за автора ихъ одно лицо. Не такъ убѣдительно и нѣсколько блѣдна попытка его доказать единство автора этихъ двухъ произведеній на основаніи сходныхъ чертъ въ этихъ послѣднихъ, такъ какъ эти черты недостаточно характерны для того, чтобы на основаніи ихъ дѣлать тотъ или иной выводъ. Въ двухъ послѣднихъ параграфахъ

*

этой главы авторъ даетъ общую характеристику „Аѳинской Политіи“ какъ историческаго произведенія, отмѣчаетъ ея достоинства и недостатки какъ таковаго.

Не смотря на преимущественно полемическій характеръ этой главы авторъ сумѣлъ обдуманной систематизаціей выдвинутыхъ имъ вопросовъ, убѣдительною доводовъ при разрѣшеніи ихъ и установленіемъ положительныхъ результатовъ въ вопросѣ о несомнѣнной принадлежности разбираемаго трактата Аристотелю дать, по крайней мѣрѣ по отношенію къ этому произведенію, полную характеристику великаго Стагирита какъ историка. Мы выносимъ впечатлѣніе, что Аристотель интересовался Аѳинскимъ государственнымъ строемъ какъ объектомъ научнаго изслѣдованія, никакой тенденціи въ своемъ трактатѣ не проводилъ, что философская спекуляція въ немъ отсутствуетъ, а заключенія по аналогіи играютъ не послѣднюю роль, что прагматическимъ изложеніемъ, рационалистическимъ объясненіемъ историческихъ фактовъ онъ напоминаетъ Фукидида, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приемы его сходны съ приемами современныхъ ученыхъ, какъ напр., дѣленіе трактата на историческую и систематическую части, привлеченіе въ качествѣ источниковъ самаго разнообразнаго матеріала, изъ котораго можно извлечь фактическія данныя или сдѣлать какой-нибудь выводъ, стремленіе къ хронологической опредѣленности и т. п.

Рядомъ съ этими достоинствами, обнаруживающимися въ трактатѣ, авторъ отмѣчаетъ и недостатки, которые онъ объясняетъ тѣмъ, что трактатъ написанъ вѣроятно наскоро и неполнѣ отдѣланъ, и тѣмъ, что дошедшая до насъ редакція его имѣетъ пропуски и интерполяціи.

Доказавъ принадлежность трактата Аристотелю, авторъ однако не настаиваетъ на томъ, что онъ вышелъ непосредственно изъ подъ пера Аристотеля; напротивъ, онъ склоняется къ тому мнѣнію, по которому вообще всѣ „Политіи“ составлены при участіи его учениковъ, но подъ непосредственнымъ наблюденіемъ, руководствомъ и отвѣтственностью Аристотеля.

Установивъ такимъ образомъ принадлежность „Аѳинской Политіи“ Аристотелю авторъ обращается въ третьей главѣ къ вопросамъ перво-степенной важности при опредѣленіи значенія этого трактата какъ источника для исторіи государственнаго строя Аѳинъ, именно къ вопросамъ о томъ, какими источниками и какъ пользовался Аристотель въ „Аѳинской Политіи“.

Указавъ въ первомъ параграфѣ на важность для историка разрѣшенія именно этихъ вопросовъ и на то, что установленіе отношенія Аристотеля къ доступнымъ и памъ источникамъ даетъ право принять

такое же отношеніе его и ко всѣмъ остальнымъ его источникамъ, авторъ начиная со 2-го параграфа послѣдовательно сопоставляетъ свидѣтельства трактата съ соотвѣтствующими свидѣтельствами Геродота, Фукидида, Ксенофонта, отмѣчаетъ сходство и разницу въ сообщеніяхъ Аристотеля и этихъ авторовъ по содержанію и по формѣ и выдѣляетъ тѣ случаи, гдѣ видно критическое отношеніе Аристотеля къ сообщеніямъ даннаго автора. Въ 5-мъ параграфѣ онъ касается отношенія Аристотеля къ Эфору, насколько можно судить объ этомъ послѣднемъ по Діодору, и къ Теопомпу, одинъ изъ фрагментовъ котораго напоминаетъ сообщеніе Аристотеля. Затѣмъ, начиная съ 6-го параграфа до конца главы авторъ послѣдовательно останавливается на документальныхъ данныхъ, отмѣчая тѣ мѣста въ трактатѣ, которыя, судя по формѣ, носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды посредственнаго или непосредственнаго заимствованія изъ официальныхъ документовъ, — на Аттидахъ и тенденціозныхъ сочиненіяхъ какъ источникахъ „Аѳинской Политіи“, опредѣляетъ отношеніе Аристотеля къ произведеніямъ Исократы и Платона, отмѣчаетъ прочіе источники его, къ числу которыхъ принадлежатъ стихотворенія Солона, сколи, археологическіе памятники, устная традиція и наконецъ его собственныя наблюденія надъ современными ему порядками и обычаями, на основаніи которыхъ онъ дѣлалъ заключенія отъ настоящаго къ прошедшему.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ можно, мнѣ кажется, составить себѣ понятіе о томъ, какъ широко поставилъ себѣ авторъ задачу и какъ послѣдовательно онъ отмѣчаетъ и какъ всесторонне подвергаетъ изслѣдованію отдѣльные моменты, входящіе въ ея составъ. Если прибавить къ этому, что авторъ не упускаетъ изъ виду ни одного взгляда, предположенія, довода, высказаннаго въ литературѣ по занимающему его вопросу, что онъ вникаетъ въ него, провѣряетъ по источникамъ, — то сдѣлается совершенно ясно, въ какой полнотѣ у него собранъ необходимый матеріалъ, съ какой добросовѣстностью обработанъ, приведенъ въ систему и на какомъ прочномъ основаніи построены выводы. Для полноты считаю не лишнимъ указать одинъ, два примѣра той осмотрительности и сдержанности, съ какою авторъ дѣлаетъ свои выводы.

Такъ, въ параграфѣ, посвященномъ разсмотрѣнію вопроса о тяжести открытаго трактата съ Аристотелевой „Политіей“, очень обстоятельно на девяти страницахъ говорится о томъ, не находится ли въ нашемъ трактатѣ чего-нибудь такого, чего нельзя предположить въ Аристотелевой „Аѳ. Пол.“. Исходнымъ пунктомъ авторъ ставитъ Плутарха. У этого послѣдняго мы не находимъ нѣкоторыхъ фактовъ, упоминаемыхъ въ нашей „Политіи“. Указавъ на нѣсколько случаевъ такого молчанія

Плутарха объ извѣстїяхъ, сообщаемыхъ въ трактатѣ, авторъ останавливается на двухъ: Драконтовой конституціи и участіиThemistocle вь проведеніи Эфїальтовой реформы Ареопага. Показавъ вполне убѣдительно, что Плутархъ, если бы зналъ эти сообщенія нашей 'АФ. Пол., непременно привелъ бы ихъ, такъ какъ онъ останавливается очень подробно на моментахъ, непосредственно соприкасающихся съ этими фактами, авторъ разбираетъ различныя возможности объяснить это молчаніе, какъ выставляенныя уже раньше, такъ и допускаемыя имъ самимъ. Такъ, онъ останавливается на возможности объяснить молчаніе Плутарха тѣмъ, что этотъ послѣдній, когда писалъ свои біографіи, пользовался извлеченіями изъ Аристотеля, сдѣланными имъ раньше, и не обращался вновь къ самому трактату,— и тѣмъ, что онъ просто игнорируетъ эти сообщенія, какъ незаслуживающія вѣры,— и приходитъ рядомъ сообщеній къ убѣжденію, что Плутархъ этихъ сообщеній не зналъ. Послѣ этого онъ ставитъ вопросъ, чѣмъ объяснить такое невѣдѣніе? тѣмъ ли, что Плутархъ пользовался Аристотелевой „Политіею“ изъ вторыхъ рукъ, или тѣмъ, что въ извѣстной ему 'АФ. Пол. этихъ сообщеній не было? По поводу первой части вопроса авторъ замѣчаетъ, что въ виду большого сходства между сообщеніями Плутарха въ біографіи Солона и сообщеніями нашего трактата нельзя не принять, что авторамъ, которыми онъ могъ пользоваться, источникомъ служилъ именно нашъ трактатъ, и такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, почему эти авторы не воспользовались этими сообщеніями 'АФ. Пол., т. е., такъ сказать, отвѣтственность за молчаніе переносится только съ Плутарха на его источники. Показавъ затѣмъ, что молчанія Плутарха въ данныхъ случаяхъ нельзя объяснить тѣмъ, что онъ пользовался нашимъ трактатомъ изъ вторыхъ рукъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что оно должно быть объяснено возможностью, высказанною во второй части вопроса, т. е. тѣмъ, что дошедшая до насъ редакція трактата несовсѣмъ тождественна съ тою, которая имѣлась подъ руками не только у Плутарха или авторовъ, которыми онъ пользовался, но вообще у древнихъ авторовъ, что доказывается полнымъ молчаніемъ ихъ объ этихъ двухъ фактахъ. Опровергнувъ затѣмъ высказанныя въ печати предположенія, во-первыхъ, что дошедшій до насъ трактатъ есть произведеніе I-го вѣка до или послѣ Р. Х., и во-вторыхъ, что нашъ трактатъ есть извлеченіе изъ Аристотелевой 'АФ. Пол., сдѣланное Гераклидомъ, авторъ приходитъ къ выводу, что дошедшая до насъ редакція въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ вставки, а также, быть можетъ, и пропуски.

Укажу еще, какъ на примѣръ присущей автору сдержанности и осторожности въ выводахъ, на тѣ параграфы третьей главы, въ кото-

рыхъ идетъ рѣчь объ Аттидахъ и тенденціозныхъ сочиненіяхъ, какъ источниковъ Аристотелевой „Политіи“. Здѣсь авторъ сдерживаетъ пылъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, которые строятъ подчасъ слишкомъ смѣлыя гипотезы. Дѣло въ томъ, что ни Аттиды, ни въ особенности памфлеты и тенденціозныя сочиненія намъ не извѣстны на столько, чтобы устанавливать заимствованія Аристотеля изъ нихъ. И вотъ нѣкоторые ученые возстанавливаютъ эти произведенія на основаніи Аѳинской же Политіи Аристотеля и утверждаютъ, что именно изъ нихъ Аристотель заимствовалъ болшую часть своихъ сообщеній. В. П. Бузескуль напротивъ ограничивается тѣми дошедшими до насъ отрывками изъ этихъ произведеній, въ которыхъ дѣйствительно видно сходство съ отдѣльными частями Аристотелева трактата, и довольствуется тѣмъ выводомъ, во-первыхъ, что Аристотель могъ изъ аттидографовъ пользоваться Клидемомъ и Андротіономъ и, во-вторыхъ, что трудно приурочить къ одному опредѣленному имени или даже къ одному сочиненію антидемократическую тенденцію, нашедшую себѣ отраженіе въ Аристотелевомъ трактатѣ. Авторъ довольствуется тѣмъ несомнѣннымъ результатомъ, что на основаніи сличенія *’Аѳ. Пол.* съ Геродотомъ и Фукидидомъ нужно установить самостоятельное критическое отношеніе Аристотеля къ своимъ источникамъ, и не одобряетъ попытокъ во что бы то ни стало приурочить то или другое сообщеніе нашего трактата къ опредѣленному автору и сочиненію, свѣдѣнія наши о которыхъ слишкомъ скудны.

Обращаясь къ послѣдней, четвертой главѣ, которая и по объему, и по содержанію составляетъ главную часть труда В. П. Бузескула, замѣчу, что каждый параграфъ ея представляетъ самостоятельную монографію, въ которой подвергается тщательному изслѣдованію одинъ или нѣсколько вопросовъ по государственному строю Аѳинъ, но въ то же время они стоятъ въ тѣсной взаимной связи, давая въ совокупности цѣльную картину развитія государственнаго строя Аѳинъ и значенія „Аѳинской Политіи“ Аристотеля для исторіи этого строя. Шагъ за шагомъ авторъ подвергаетъ изслѣдованію отдѣльныя фазы въ развитіи государственной жизни Аѳинъ, отмѣчая новыя данныя, сообщаемыя въ трактатѣ Аристотеля, свѣряя ихъ съ прежде извѣстными намъ источниками и взявшия ихъ по отношенію къ достовѣрности или правдоподобію.

Въ этой главѣ, въ которой ему приходится по преимуществу имѣть дѣло съ источниками, съ особенной наглядностью обнаруживается стремленіе автора быть по возможности безпристрастнымъ изслѣдователемъ и устанавливать только такіе факты, которые имѣютъ подъ собою твердую почву. Если у него сравнительно съ другими изслѣдователями прояв-

ляется подчасъ даже нѣкоторая неувѣренность, то она конечно не можетъ быть поставлена ему въ упрекъ въ виду того, что въ 'Аф. Пол. вѣдь есть такія мѣста, которыя даже специалистами-филологами толкуются различно. Напротивъ, къ чести автора нужно сказать, что онъ не поддается, подобно многимъ другимъ изслѣдователямъ, увлеченію и заманчивому построенію гипотезъ на основаніи новооткрытаго трактата, а съ тактомъ объективнаго изслѣдователя оставляетъ лучше данный вопросъ открытымъ и ограничивается опредѣленіемъ степени достовѣрности и правдоподобія свидѣтельства Аристотеля сравнительно съ прежними нашими источниками.

Не стану перечислять результатовъ, добытыхъ авторомъ: это значило бы пересказывать содержаніе всей главы. Дѣло въ томъ, что въ четвертой главѣ труда В. П. Бузескула подвергаются тщательному изслѣдованію всѣ тѣ данныя, которыя сообщаются Аристотелемъ. Но этого мало, авторъ выдвигаетъ и такіе вопросы, отвѣта на которые нѣтъ въ трактатѣ, но разрѣшеніе которыхъ необходимо для уясненія развитія государственнаго строя Аѣинъ. Достаточно указать на общій методъ изслѣдованія В. П. Бузескула. По каждому отдѣльному вопросу опредѣляется съ большей или меньшей подробностью положеніе его до открытія „Политіи“ Аристотеля, провѣряются выводы изслѣдователей, сдѣланные на основаніи трактата, сравниваются свидѣтельства нашихъ прежнихъ источниковъ съ сообщеніями „Аѣинской Политіи“, провѣряются тѣ свидѣтельства этой послѣдней, въ которыхъ заключаются данныя дотолѣ неизвѣстныя, отмѣчается и по возможности объясняется отсутствіе въ ней указаній на факты, извѣстные изъ другихъ источниковъ. Такой способъ изслѣдованія служитъ достаточной гарантіею того, что выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, являются строго обоснованными. И дѣйствительно, мы не найдемъ, правда, въ его изслѣдованіи выводовъ, поражающихъ блескомъ или грандіозностью комбинацій — къ этому и не стремится авторъ, — но за то, согласно намѣченной имъ въ предисловіи цѣли, онъ точно опредѣляетъ значеніе поваго источника для разрѣшенія затронутыхъ въ немъ отдѣльныхъ вопросовъ, относящихся къ государственному строю Аѣинъ.

Изъ его изложенія читатель долженъ вынести убѣжденіе, что „Политія“ Аристотеля не во всѣхъ частяхъ одинаково надежна какъ источникъ и что не всегда на основаніи ея можно передѣлывать установленные раньше взгляды на тотъ или иной вопросъ, какъ это дѣлали нѣкоторые изслѣдователи. Такъ, напр., авторъ приходитъ къ заключенію, что въ вопросѣ о гектеморахъ свидѣтельство Плутарха заслуживаетъ предпочтенія передъ свидѣтельствомъ Аристотеля, что въ вопросѣ

о непосредственномъ виновникѣ заговора Гармодія и Аристокрита сообщеніе Фукидида вѣрнѣе сообщенія Аристотеля; отмѣчаетъ невѣрность показаній Аристотеля объ измѣненіи монетной системы, произведенномъ Солономъ,—о томъ, будто доходъ съ Маронейскихъ рудниковъ былъ, по предложеніюThemistocles, розданъ частнымъ лицамъ безъ указанія цѣли, именно постройки кораблей,—о томъ, будто многочисленныя потери людьми, которыя несли Афиняне во время усиленія демократіи послѣ реформы Эфиальта, зависѣли отъ неопытности стратеговъ; доказываетъ, что сообщенія трактата о конституціи Драконта и объ участіи Themistocles въ Эфиальтовой реформѣ принадлежатъ не Аристотелю, а представляютъ интерполяціи (вопросъ объ участіи Themistocles въ названной реформѣ разрѣшенъ авторомъ въ этомъ смыслѣ еще въ 1891 г., о чемъ онъ сдѣлалъ тогда же сообщеніе въ Харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ). Съ другой стороны авторъ устанавливаетъ важность для рѣшенія соответствующихъ вопросовъ показаній Аристотеля о введеніи жребія, о Клисеновомъ дѣленіи народа на филы и демы, объ усиленіи Ареопага послѣ персидскихъ войнъ, о правленіи четырехсотъ и олигархическихъ проектахъ 411 года. Въ то же время авторъ опредѣляетъ границы, до которыхъ можно итти въ установленіи точныхъ хронологическихъ датъ на основаніи трактата, границы, которыя не разъ переступали изслѣдователи, подчиняясь авторитету Аристотеля или толкуя односторонне текстъ трактата, какъ напр. въ установленіи хронологіи пентеконтаэтіи или времени введенія клятвы для бουλευтовъ и установленія десяти стратеговъ и связаннаго съ этимъ приуроченія архонтства Гермокронта къ опредѣленному году.

Конечно, въ нѣкоторыхъ частностяхъ можно не соглашаться съ авторомъ, напр., въ толкованіи того или иного выраженія, въ правильности того или иного сближенія фактовъ и источниковъ и т.п., но это ничуть не уменьшаетъ прочности выводовъ В. П. Бузескула.

Изъ сказаннаго, полагаю, достаточно выяснилось значеніе разбираемаго труда, который является надежнымъ руководителемъ и долженъ быть настольной книгою изслѣдователей въ области исторіи государственнаго строя Афинъ до конца V вѣка.

Г. Шульцъ.

1-го мая 1896 г.

**М. Е. Халанскій. Южно-славянскія сказанія о Кралевицѣ Маркѣ.
1895 года.**

Исслѣдованіе М. Е. Халанскаго „Южно-славянскія сказанія о кралевицѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса“, представленное авторомъ для полученія степени доктора исторіи русскаго языка и литературы, печаталось по частямъ въ послѣдніе три года въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, и многіе выдающіеся русскіе ученые, интересующіеся вопросами, затронутыми г. Халанскимъ, пользовались уже его солиднымъ трудомъ, выводами, особенно матеріалами, весьма обильными и во многихъ случаяхъ новыми. На обиліе фактического содержанія указываетъ уже самый объемъ изслѣдованія, составившаго въ отдѣльныхъ оттискахъ три части въ совокупности въ 800 страницъ. Авторъ пользовался многими пособіями. Въ особенности обширной оказывается отмѣченная авторомъ литература южно-славянскаго эпоса. Авторъ воспользовался тѣмъ, что могъ найти въ фундаментальной библіотекѣ харьковскаго университета и въ частной библіотекѣ спеціалиста по славяновѣдѣнію М. С. Дринова. Мало того. Онъ съ научной цѣлью посѣтилъ Бѣлградъ и Загребъ и на мѣстѣ собралъ разныя мелкіе, но въ научномъ отношеніи цѣнные сборники пѣсенъ.

Исслѣдованіе написано такъ, какъ обыкновенно пишутъ біографіи, въ хронологическомъ порядкѣ исторической и эпической жизни Марка Кралевица. Всѣхъ главъ XX. Въ первой главѣ говорится о происхожденіи Марка, во 2 — о его дѣтствѣ и юности, въ 3 — о первыхъ богатырскихъ подвигахъ, въ 4 — о регенствѣ, въ 5 — о Маркѣ Кралѣ, его македонскихъ побратимахъ и посестримахъ, въ 6 — о враждебномъ отношеніи Марка къ виламъ, въ 7 — о Маркѣ и джидовѣ, въ 8 — о Маркѣ и черныхъ арапахъ, въ 9 — о Маркѣ и Филиппѣ мадяринѣ, банѣ Свилаинѣ и др., въ 10 — объ участіи Марка въ свадебныхъ походахъ, въ 11 — о Nibelungenlied и славянскомъ героическомъ эпосѣ, въ 12 — о сватовствѣ и женитьбѣ Марка, въ 13 — о Маркѣ и туркахъ, въ 14 — объ отношеніи Марка къ членамъ своего рода — племени, женѣ, сыну, дочери и племяннику, въ 15 — о различныхъ подвигахъ Марка (мелкіе

мотивы, не вошедшіе въ предыдущіе рубрики); въ 16 — о болѣзни и смерти Марка, въ 17 — о гибели богатырей, въ 18 — о распространеніи сказаній о Маркѣ, въ 19 дополнительной объ Олегѣ-Вольгѣ-Eligas'ѣ — Ильѣ Муромцѣ и 20 — о славянскомъ эпическомъ стихѣ.

Каждая изъ главъ раздѣлена на нѣсколько мелкихъ подраздѣлений; напр., глава 12 о сватовствѣ и женитьбѣ Марка распадается на 16 частей; глава 14-я объ отношеніи М. къ членамъ своего рода—племени имѣетъ около 30 подраздѣлений. Есть главы краткія, напр., 16-я въ 12 стр., 17-я въ 27 стр., 18-я въ 7 стр., 19 въ 20 стр. и главы весьма обширныя, напр. 14-я въ 160 стр. Всѣ главы обработаны почти одинаково старательно, кромѣ главы 18, гдѣ замѣтна уже нѣкоторая усталость автора, нежеланіе входить въ подробности, пропускъ ссылокъ и лишнее повтореніе одного изъ основныхъ положеній.

Въ изученіи южно-славянскихъ сказаній М. Е. Халанскій слѣдуетъ тому же методу, который съ большимъ успѣхомъ былъ примѣненъ А. А. Потебней при объясненіи малорусскихъ и сродныхъ съ ними пѣсенъ, преимущественно въ приложеніи къ колядкамъ. Методъ этотъ состоитъ въ разложеніи пѣсенъ на отдѣльные мотивы и въ опредѣленіи простѣйшихъ пѣсенныхъ элементовъ. Такъ какъ М. Е. Халанскій захватилъ очень широкую область, то ему пришлось встрѣтиться съ огромнымъ количествомъ мотивовъ самаго разнообразнаго состава и разнообразнаго происхожденія. Автору пришлось обращаться и къ древне-греческимъ сказаніямъ, и къ старинной христіанской письменности, и къ германскому эпосу. Мотиве всего автору далъ азіатскій востокъ. По научному направленію, по основнымъ выводамъ авторъ—западникъ, почти совсѣмъ непризнающій восточныхъ, въ частности иранскихъ вліяній, и въ этомъ отношеніи онъ кореннымъ образомъ расходится съ Вс. О. Миллеромъ. Въ изслѣдованіи г. Халанскаго выдвинута такая сторона, которая не привлекала къ себѣ вниманія ученыхъ—взаимодѣйствіе германскаго и славянскаго пѣснотворчества. Это область очень темная, очень трудная для научнаго изслѣдованія. Несомнѣнная заслуга автора, что онъ вводитъ новую точку зрѣнія на нѣкоторыя эпическія теченія и, главное, на двухъ-трехъ мотивахъ основательно доказываетъ внутреннюю связь между германскимъ и сѣверно-великорусскимъ эпосомъ. Но главныя положенія автора о переходѣ южнорусскихъ сказаній объ Олегѣ на германскій сѣверъ, переработкѣ ихъ въ сказаніи объ Elegast'ѣ, Eligas'ѣ, Ilias'ѣ изъ Reussen и затѣмъ переходѣ послѣднихъ въ сѣверную Русь и передѣлкѣ въ былинны объ Ильѣ Муромцѣ—всѣ эти положенія или точнѣе предположенія представляются весьма шаткими и возбуждаютъ разныя сомнѣнія и недоразумѣнія. Здѣсь у автора гипотезы нанизываются одна

на другую, и въ итогѣ получается нѣчто совсѣмъ гадательное. М. Е. Халанскій утверждаетъ, что Олегъ Вѣщій при германскомъ устно-поэтическомъ посредничествѣ перешелъ въ Илью Муромца. Такой кривой линіи въ распространеніи литературныхъ памятниковъ до сихъ поръ не было замѣчено, даже въ приложеніи къ отдѣльнымъ небольшимъ поэтическимъ мотивамъ, и трудно допустить, чтобы такой линіей пошелъ цѣлый рядъ южнорусскихъ эпическихъ сказаній. Странно, напр., почему вниманіе германскихъ пѣвцовъ остановилось на Олегѣ Вѣщемъ, почему затѣмъ онъ былъ забытъ въ самомъ германскомъ эпосѣ, почему на новой сѣверно-русской почвѣ, въ муромской глуши, этотъ, по мнѣнію автора-германскій или точнѣе онѣмеченный герой получилъ такую новую и богатую поэтическую разработку.

М. Е. Халанскій посвятилъ свой трудъ изученію южнославянскаго и русскаго эпосовъ къ ихъ внутренней связи; но такъ какъ при этомъ въ основу положены сказанія о Кралевицѣ Маркѣ и сказанія эти вездѣ являются у автора исходнымъ пунктомъ, то собственно русскому эпосу пришлось занять второстепенное мѣсто. О былевыхъ мотивахъ авторъ говоритъ чаще по поводу другихъ сходныхъ или тождественныхъ мотивовъ, встрѣченныхъ въ южно-славянскомъ эпосѣ, и такимъ образомъ русскій эпосъ представляется въ изслѣдованіи М. Е. Халанскаго скорѣе комментариемъ къ южно-славянскому эпосу, чѣмъ предметомъ изслѣдованія. Но такъ какъ авторъ очень широко захватываетъ мотивы и даетъ имъ объясненія на основаніи широкихъ сравнительно-литературныхъ изученій, то и русскому эпосу отведено много мѣста, собрано много новаго весьма цѣннаго въ историко-литературномъ отношеніи матеріала и многимъ мотивамъ дано новое оригинальное объясненіе. Изученіе поэтической біографіи Кралевица Марка послужило поводомъ для одновременнаго изслѣдованія многихъ мотивовъ великорусскаго былевого эпоса. Такъ, въ ^Уразныхъ мѣстахъ изслѣдованія рассмотрѣны былины о Добрынѣ, Олешѣ, Соловьѣ Будиміровичѣ, Ставрѣ, Иванѣ Годиновичѣ, Дунаѣ. Въ наибольшей полнотѣ и цѣльности автору удалось рассмотреть эпическую біографію Ильи Муромца. Почти всѣ мотивы поэтической исторіи объ Ильѣ содержатся въ циклѣ сказаній о Кралевицѣ Маркѣ, такъ что изслѣдованіе сюжетовъ Марковаго эпоса въ значительной степени обуславливаетъ пересмотръ существующаго матеріала объ Ильѣ и высказанныхъ о немъ научныхъ мнѣній. Въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія г. Х. мы находимъ болѣе или менѣе обширные, но почти одинаково дѣльные экскурсы въ область былинъ объ Ильѣ Муромцѣ:

1) Былина о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ и встрѣчѣ его съ Соловьемъ разбойникомъ и дочерью послѣдняго, по мнѣнію М. Е. Ха-

ланскаго, представляет вариант или передѣлку сѣв.-германскаго сказанія о Тетлейфѣ Датскомъ.

2) Былина объ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ, по предположенію автора („кажется“), есть изложеніе традиціоннаго сюжета, съ яркими чертами татарскаго ига.

3) Былина о заключеніи Ильи въ погребъ и нашествіи цари Калина—неносредственная передѣлка книжнаго сказанія объ Акирѣ Премудромъ, тоже съ несомнѣннымъ приуроченіемъ къ татарскому нашествію.

4) Былина о встрѣчѣ Ильи съ сыномъ представляет изложеніе эпическаго сюжета, заимствованнаго устнымъ путемъ изъ средневѣковаго зав. европейскаго эпоса и подвергшагося на Руси позднѣйшимъ книжнымъ и устнымъ вліяніямъ.

5) Былина о Жидовинѣ представляет вариантъ предыдущаго мотива и, можетъ быть, заимствована изъ южнославянскаго эпоса.

6) Былина о гибели богатырей, въ томъ числѣ Ильи Муромца, развиваетъ книжный мотивъ, проникшій въ Византію, вѣроятно, съ востока, и на Руси приуроченный къ татарскому нашествію.

Общая точка зрѣнія М. Е. Халанскаго съ наибольшею яркостью обнаружилась въ слѣдующемъ замѣчаніи (на стр. 545): „На общемъ фонѣ перекрестно дѣйствовавшихъ различныхъ культурныхъ взаимодействій и воздѣйствій, безъ которыхъ вообще немислима жизнь культурнаго народа, въ русскомъ былевомъ эпосѣ ярко выдѣляется и вполне научно опредѣляется поэтическое вліяніе западно и южно-европейское, а не азіатское, будетъ ли то ордынское, татарское или иранское, процѣженное черезъ тюркскую среду. По своимъ устно-поэтическимъ идеаламъ мы народъ европейскій“.

Хотя въ сближеніяхъ русскаго эпоса съ германскимъ, особенно въ сравненіи древнихъ русскихъ сказаній объ Олегѣ, Ольгѣ и Святославѣ съ древне-нѣмецкими историческими сказаніями объ Eilegas'ѣ, Гельхѣ, Рюдигерѣ (стр. 399 и др.), есть много гадательнаго и искусственнаго, при всемъ томъ въ изслѣдованіи г. Халанскаго мы находимъ много дѣйствительно весьма характерныхъ параллелей между русскимъ и германскимъ эпосами, свидѣтельствующихъ о внутренней ихъ связи.

Захвативъ очень широкій кругъ литературныхъ и устно-поэтическихъ явленій, М. Е. Халанскій естественно встрѣтилъ массу разнородныхъ мотивовъ, и нельзя сказать, что онъ со всѣми попутными мотивами справился одинаково удачно, всѣмъ удѣлилъ надлежащее вниманіе, во всѣмъ отнесся съ точки зрѣнія самостоятельнаго научнаго изслѣдованія. Многое лишь мимоходомъ упомянуто и о многомъ автору пришлось говорить съ чужихъ словъ, безъ достаточной критической провѣрки. У

автора всегда было двѣ стороны для историко-литературныхъ сравненій: южно-славянскія пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ и затѣмъ нѣчто другое, такъ или иначе съ ними сходное, будутъ-ли то русскія былины, древне-германскія или французскія повѣсти, древне-греческія сказки. Первая сторона — южнославянскій эпосъ — у автора всегда стоитъ на главномъ мѣстѣ, и здѣсь авторъ выступаетъ во всеоружіи обширной начитанности; но вторая сторона мѣстами обставлена строго-научной аргументаціей, мѣстами слаба и поверхностна. Сравнительно лучше обработаны пункты, гдѣ авторъ говоритъ о русскихъ былинахъ и германскомъ эпосѣ. Сочиненію вредитъ то, что авторъ мѣстами пускаетъ въ кругъ сравненій неизслѣдованные въ научномъ отношеніи, вообще мало подходящіе литературные памятники. Наиболѣе характерными примѣрами могутъ служить многократныя сравненія пѣсенъ о Кралевичѣ Маркѣ съ искусственной и дѣланной повѣстью Стороженка „Марко Проклятый“ (стр. 85, 175, 350, 549, 558, 738—739). Правда, М. Е. Халанскій мимоходомъ замѣчаетъ, что рассказъ Стороженка построенъ на народныхъ разсказахъ о Маркѣ Проклятомъ; но, во-первыхъ, нужно еще выдѣлить долю народнаго вымысла отъ личнаго вымысла и разныхъ личныхъ прикрасъ, и затѣмъ, если въ рассказѣ Стороженка и можно найти кое-какіе народные элементы, то элементы эти примыкаютъ не къ южно-славянскимъ сказаніямъ о Маркѣ кралевичѣ, а къ сказкамъ и повѣстямъ восточнымъ и ихъ западнымъ литературнымъ версіямъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію частныхъ, я ограничусь немногими и краткими замѣчаніями, въ надеждѣ развить ихъ подробно впослѣдствіи.

На стр. 9 М. Е. Халанскій приводитъ то мѣсто въ сербской пѣснѣ, гдѣ Вукашинъ привязываетъ Видосаву къ хвостамъ коней, и кони размыкали ее живую за стѣнами Пирдитора. М. Е. Халанскій не останавливается на этомъ мотивѣ, любопытномъ въ томъ отношеніи, что онъ составляетъ окончаніе многихъ малорусскихъ сказокъ и, повидимому, указываетъ на одинъ изъ древнѣйшихъ способовъ казни.

На стр. 30 приведена интересная пѣсня о женитьбѣ Вукашина на вилѣ. Рассказъ о томъ, какъ гнался Вукашинъ за вилой, воспроизводится въ весьма сходной формѣ во многихъ пѣсняхъ, большею частью съ добавкой мотива объ обращеніи любовниковъ въ разные неодушевленные предметы и въ животныхъ, иногда, подобно сербскому варианту, и безъ оборотничества, напр., довольно часто въ польскихъ пѣсняхъ. Этимъ мотивомъ, между прочимъ, воспользовался Генрихъ Сенкевичъ въ прекрасномъ рассказѣ „Лѣсная картинка“.

На стр. 41—42 г. Халанскій былевый сказаніа о Добрынь и Маринь ставитъ въ связь съ средневѣковыми повѣрьями о превращеніи вѣдьмами людей, а равно и самихъ вѣдьмъ и чертей въ образы животныхъ. Послѣ того, какъ была издана I ч. изслѣдованія г. Халанскаго, мы въ специальной статьѣ о Добрынь и Маринь привели рядъ доказательствъ въ пользу другого мнѣнія, именно свели былины о Добрынь и Маринь на первоначальную ихъ сказочную пѣсню, а основные сказочные мотивы возвели къ древне-греческимъ сказаніямъ; наше мнѣніе не вызвало ни возраженій, ни опроверженій, и принято нѣкоторыми учеными за достаточно достовѣрное.

Замѣчаніе М. Е. Халанскаго на стр. 40, что средневѣковыя представленія дьявола отразились на славянскомъ народномъ творчествѣ, ничего особенно невѣроятнаго не представляющее, требуетъ, однако, сравнительно болѣе многочисленныхъ научныхъ подтвержденій и болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія. Славянское народное поэтическое творчество легко могло съ XVI и XVII ст. кое-что позаимствовать изъ западно-европейской демонологіи; но болѣе ранняя славянская поэзія если и пользовалась какими-нибудь западными демонологическими элементами, то, вѣроятно, при посредствѣ славянской же письменности; вообще это очень темная сторона народной словесности.

М. Е. Халанскому пришлось захватить массу пѣсенныхъ мотивовъ; вездѣ онъ изучаетъ ихъ на пѣсенной почвѣ, если не считать двухъ-трехъ сказокъ по случайнымъ мелкимъ поводамъ. Сказка при изученіи эпоса имѣетъ важное значеніе и, на мой взглядъ, сочиненіе г. Халанскаго во многомъ бы выиграло, еслибы онъ обратился прежде всего къ сравненію южнославянскихъ пѣсенъ о королевичѣ Маркѣ и русскихъ былинь съ славянскими же сказками, и затѣмъ уже могъ идти эпосъ германскій, романскій, древнія греческія сказанія и пр. т. п., вообще далекое и иноплеменное. Относительно русскаго былевого эпоса съ несомнѣнными доказательствами въ рукахъ можно утверждать, что многіе мотивы онъ заимствовалъ изъ русскаго же сказочнаго эпоса, и сказки во многихъ случаяхъ нужно разсматривать, какъ ближайшіе литературные источники былинь, такъ что собственно историко-литературное изслѣдованіе нужно вести отъ сказокъ, а не отъ былинь, и требуется сравнительно болѣе трудное опредѣленіе источниковъ сказочныхъ мотивовъ.

На стр. 57 и 613 М. Е. Халанскій, слѣдуя за учеными давняго времени, пѣснь о гостѣ Терентыщѣ относитъ къ новгородскому былевому эпосу. Въ обоихъ случаяхъ авторъ говоритъ объ этой пѣснѣ ми-

моходомъ. Въ дѣйствительности пѣсня о гостѣ Терентыицѣ не имѣеть ничего общаго съ новгородскими былинами, ни въ содержаніи, ни въ размѣрѣ. Это захожая западно-европейская новелла о невѣрной женѣ, разработанная въ весьма сходной формѣ въ Новгородской области, въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи. Отдаленнымъ источникомъ новеллы нужно признать ея восточно-азиатскую версію.

На стр. 44 и 57 М. Е. Халавскій въ свѣтломъ образѣ змѣя героическаго эпоса славянъ усматриваетъ древнѣйшія общеславянскія и даже индо-европейскія мифическія представленія молніи и огня. Трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ автора, особенно при дальнѣйшемъ добавленіи слѣдующаго замѣчанія: „Во многихъ сербскихъ пѣсняхъ змѣи—благодѣтельные геніи сербскаго народа, его *дариоуес*, *геніи* или *lages publici*, хранители и оберегатели его государственной независимости, породной свободы, счастья и довольства; оставленіе ими страны предвѣщаетъ обще-государственное бѣдствіе, потерю государственной самостоятельности“. Если славянскіе змѣи имѣютъ такое значеніе, то, вопреки толкованію М. Е. Халавскаго, значеніе это вытекаетъ не изъ мифическихъ представленій молніи и огня, а изъ анимистическихъ представленій душъ предковъ въ зооморфическихъ образахъ, въ данномъ случаѣ змѣи. Анимистическая точка зрѣнія должна быть исходной и основной, тѣмъ болѣе, что такаа точка зрѣнія находитъ важное подтвержденіе въ цѣнныхъ научныхъ трудахъ Спенсера, Тейлора, Леббова.

Въ статьѣ о корчеваньѣ поля на стр. 88 высказано гадательно мнѣніе о возможности заимствования этого мотива болгарами у русскихъ въ виду его одинокаго положенія въ южно-славянскомъ эпосѣ и особенно въ виду того, что онъ не поется, а сказывается. Теорія заимствования здѣсь выступаетъ слишкомъ шаткой, безъ справокъ въ болгарскихъ сказкахъ, тѣмъ болѣе, что сказываются не только новые заимствованные мотивы, но чаще старинныя, такъ сказать, уже вывѣтрившіяся и обветшавшія пѣсни, что можно видѣть, напр., на русскихъ сказкахъ объ Ильѣ, о Добрынѣ и др. былевыхъ герояхъ.

На стр. 130 и сл. авторъ привелъ нѣсколько объясненій былевого Соловья-Разбойника, причѣмъ пропустилъ нѣкоторые, не лишеныя значенія, напр., историческое толкованіе Квашнина-Самарина.

На стр. 188—191 М. Е. Халавскій ставитъ рядомъ лѣтописное свидѣтельство подъ 1096 г. о народахъ, загнанныхъ Александромъ Македонскимъ въ горы, и позднѣйшее народное преданіе, записанное Немировичемъ-Данченкомъ въ Уральскихъ горахъ, и далѣе прямо говорить, что древнее преданіе „въ теченіе 8—9 вѣковъ не двинулось изъ

области др. новгородскихъ Печоры и Югры. Этотъ выводъ отличается значительной искусственностью, и во всякомъ случаѣ представляется слишкомъ шаткой почвой для дальнѣйшаго предположенія о существованіи, наряду съ бродячими, и сидячихъ сказаній. Преданіе, записанное Немировичемъ-Данчевкомъ, говоритъ о народахъ, спрятавшихся отъ Ермака въ горахъ; такое преданіе, естественно обусловленное мѣстными гористыми особенностями, встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ есть горы, и нѣтъ прочнаго основанія, чтобы связать его съ лѣтописнымъ преданіемъ и поставить въ прямую генетическую зависимость отъ послѣдняго,

Сближеніе Обиды и Дива Слова о Полку Игоревѣ (стр. 197 и сл.) съ вилами, дивами и огненными змѣями славянскаго эпоса и въ особенности предположеніе автора, что дивъ и змѣй-огненный юнакъ представляютъ первоначально исходные или тождественные по значенію образы, — все это представляется почти совсѣмъ лишнимъ, при существованіи другихъ болѣе вѣроятныхъ предположеній о происхожденіи и значеніи Дива. Малоруссы долго сохраняли преданія о Дивѣ, и одно изъ такихъ преданій отиѣчено добросовѣстнымъ этнографомъ Руликовскимъ въ половинѣ текущаго вѣка. Если принять во вниманіе, что и въ индусскихъ повѣрьяхъ встрѣчается дивъ именно въ значеніи лѣсного духа, то въ Дивѣ Слова о Полку Игоревѣ можно видѣть исконный славянский, можетъ быть, вообще, индо-европейскій образъ злого лѣшаго.

На стр. 209 авторъ, упоминая о трехъ самовилахъ Дургѣ, Велѣ и Магдѣ, для объясненія имени Магды приводитъ слово Магдона въ Слово вѣтго Алекса въ Архивѣ Ягича т. XV. Къ этому указанію можно еще добавить указаніе на старинную малорусскую повѣсть о Майдонѣ. Литературная исторія этой повѣсти невыяснена, и происхожденіе имени Магда, Магдона, Майдона представляется загадочнымъ.

На стр. 221 и 741 М. Е. Халанскій мимоходомъ упоминаетъ о малорусской думѣ про Олексія Поповича и ставитъ этого староказацкаго эпическаго героя въ связь съ былевымъ Алешой Поповичемъ. Кроме случайнаго совпаденія прозванія Поповичъ между великор. Алешой, т. е. Александромъ Поповичемъ, и малорусскимъ Олексіемъ Поповичемъ нѣтъ ничего общаго, и малорусская дума стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ великорусскихъ былинъ.

На стр. 221 М. Е. Халанскій приводитъ записанный Д. И. Эварницкимъ въ Харьковской губерніи малорусскій рассказъ о борьбѣ съ великаномъ и затѣмъ, упомянувъ мимоходомъ о лѣтописномъ сказаніи подъ 992 год. о борьбѣ русскаго хоробра съ печенѣжскихъ богатыремъ, на-

зывает малорусскій разсказъ дожившимъ до нашихъ дней въ устномъ храненіи непосредственнымъ варіантомъ лѣтописнаго разсказа. Такой огромный скачокъ изъ X в. въ XIX сдѣланъ безъ основанія. Разсказы о борьбѣ съ великанами столь обычны въ словесности всѣхъ народовъ, что нѣтъ никакой возможности подвести ихъ подъ теорію исторической преемственности или подъ теорію литературнаго заимствованія, особенно при отсутствіи какихъ-либо соединительныхъ звеньевъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Малорусскій разсказъ могъ имѣть десятки другихъ источниковъ, могъ возникнуть совершенно самостоятельно на общей шаблонной эпической основѣ борьбы героевъ съ великанами. А между тѣмъ М. Е. Халанскій на основаніи этого шаткаго сближенія и еще другого столь же шаткаго сближенія лѣтописнаго и современнаго народныхъ разсказовъ о народахъ, скрывающихся внутри горъ, — на основаніи этихъ крайне искусственныхъ сближеній дѣлаетъ смѣлый выводъ объ устойчивости народно-поэтическаго преданія вообще, въ частности объ устойчивости южно-русской древней эпикѣ и далѣе дѣлаетъ еще болѣе смѣлое, но уже совсѣмъ ошибочное обратное заключеніе, что теперешніе южно-русы, не сохранившіе за немногими исключеніями древнихъ сюжетовъ, излагаемыхъ въ великорусскихъ былинахъ, и не знали ихъ въ XI—XIII в. „Не нужно упускать еще изъ виду, говоритъ М. Е. Халанскій, что и самый народъ на югѣ Руси едва ли былъ способенъ къ воспріятію и развитію такого строгаго эпоса, какъ былины и казацкія пѣсни....“ Все это очень старо, высказывалось нѣкогда Безсоновымъ и Погодинымъ, правда, въ нѣсколько другой формѣ и съ нѣсколькими другими цѣлями, и все это настолько искусственно и гадательно, что не можетъ удержаться въ строго научной литературѣ. М. Е. Халанскій самъ признаетъ „немногія исключенія“ — древніе сюжеты въ малорусскомъ казацкомъ эпосѣ, а, разъ будетъ хотя одно исключеніе, вся теорія о томъ, что древняя южная Русь не имѣла и даже не была способна выработать эпосъ, падаетъ сама собой. Затѣмъ, эта теорія вмѣсто уясненія русскаго эпоса вноситъ новую, неразрѣшимую загадку не только историко-литературнаго свойства, но, что важнѣе, загадку чисто психологическаго характера. Великороссы, сербы и болгары оказались въ XI—XIV вѣкахъ способными къ созданію и развитію эпоса, а малороссы въ это время почему-то оказались къ этому неспособными, тѣ малороссы, которые въ XVI—XVII ст. создали превосходный казацкій эпосъ. Сравнительно болѣе правильной представляется господствующая нынѣ теорія, что казацкій эпосъ выросъ и развился на почвѣ другого болѣе древняго южно-русскаго эпоса. При такой теоріи получаютъ объясненіе и древніе элементы новаго казацкаго эпоса.

На стр. 252 и 253 авторъ высказываетъ мнѣніе, что повѣствованіе Хронографа о жидяхъ, какъ первыхъ людяхъ на свѣтѣ, вышедшихъ изъ земли, словно грибы, повліяли на славянскія сказанія о гигантахъ; при этомъ авторъ подчеркиваетъ выраженіе Хронографа „человѣки отъ земля рождены“. По поводу послѣдней подробности нужно сказать, что она идетъ отъ широко распространеннаго у дикихъ и варварскихъ народовъ повѣрья о происхожденіи первыхъ людей изъ земли, о чемъ подробно см. у *Ревилля* въ *Histoire des religions des peuples non-civilisés*. Повѣрье это, повидимому, восходитъ въ глубокую древность и, быть можетъ, нѣкогда было раздѣляемо всѣми народами. Древніе греки думали, что земля порождаетъ жабъ, червей, мышей, а народы дикіе пошли еще далѣе — отъ земли они производили самого человѣка.

На стр. 265 и 381 М. Е. Халанскій говоритъ о вѣщемъ значеніи птицъ въ сновидѣніяхъ по даннымъ славянскаго эпоса. Жаль, что авторъ не остановился подробнѣе на этой детали, не привлекъ Слово о полку Игоревѣ и народныхъ снотолкователей. При такомъ сравненіи выяснилась бы любопытная сторона народной психологіи.

На стр. 317 и сл. высказано предположеніе, что эпическій Ледянь-Леденець есть *Islant* средневѣковаго германскаго эпоса. Это объясненіе трудно принять, потому что народная словесность даже при заимствованіяхъ избѣгаетъ прямого перевода, и иностранныя собственныя имена или замѣняются другими, славянскими, или просто искажаются и въ силу народной этимологіи получаютъ своеобразное толкованіе. Впрочемъ, возможно, что Ледянь путемъ долгаго процесса народно-этимологическаго приспособленія произошелъ изъ *Islant*, но въ такомъ случаѣ, вѣроятно, обнаружались бы переходныя ступени.

Поэтическіе мотивы, отмѣченные на стр. 445 и сл. до 470 включительно и съ 594 до 607, объ освобожденіи плѣнника дочерью хозяина, о невѣстѣ, оказавшейся сестрой и др., во многомъ можно пополнить и расширить по даннымъ въ сборникѣ англійскихъ и шотландскихъ балладъ Чайльда.

На стр. 590 въ кругъ сравненій съ сербскими пѣснями о томъ, какъ Марко казнилъ свою жену за ея любовную связь съ Дукой, введена извѣстная великорусская пѣсня о томъ, какъ обманутая дѣвушка грозитъ убить любовника, изъ головы его сдѣлать кружку, изъ костей рукъ и ногъ — кровать, изъ крови — пиво и пр. Эта пѣсня относится къ другому циклу сказаній съ загадками.

Хотя въ изслѣдованіи М. Е. Халанскаго многое представляется спорнымъ, хотя мѣстами, правда, изрѣдка, попадаются слишкомъ искусственныя сопоставленія и слишкомъ смѣлыя или совсѣмъ неудачныя

*

обобщенія, при всемъ томъ многолѣтній трудъ М. Е. Халанскаго представляетъ много новаго и цѣннаго. Въ настоящее время многіе ученые пользуются имъ, какъ весьма солиднымъ изслѣдованіемъ, и впредь навѣрно надолго и для многихъ этотъ трудъ послужитъ важнымъ пособіемъ. Изслѣдованіе посвящено памяти А. А. Потебни, и дорогая намъ память покойнаго ученаго, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ достойно почтена благодарнымъ ученикомъ, доказавшимъ большое трудолюбіе, обширную начитанность, умѣлое пользованіе источниками и пособиями, правильные методическіе приемы и научную добросовѣстность.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ЛѢТОПИСЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Презекторъ Ипполитъ Осиповичъ Вилкомирскій, его служебная и литературная дѣятельность.

(Матеріалы къ исторіи Харьковскаго университета).

Проф. М. А. Поповъ.

Въ 1905 году свершится столѣтіе Императорскаго Харьковскаго университета. Къ этому времени, естественно, должна быть подготовлена „Исторія Харьковскаго университета“. Желая, съ своей стороны, хотя немного облегчить громаднѣйшій трудъ историографа родного мнѣ университета, я задумалъ заняться подготовкой матеріала по исторіи кафедр нормальной анатоміи. Такъ какъ каждая кафедра тѣсно связана съ ея представителемъ, то отсюда понятно, что удобнѣе всего начать подготовку матеріаловъ біографическими очерками профессоровъ и преподавателей извѣстной кафедры.

Было бы, естественно, правильнѣе, если бы такія біографіи были изданы по порядку, начиная отъ перваго и кончая послѣднимъ представителемъ, но къ сожалѣнію это не всегда удобно, а для меня и невозможно, такъ какъ для оцѣнки представителя науки недостаточно одного только обзора его служебной дѣятельности, который можно составить по архивнымъ дѣламъ, а необходимо имѣть подъ руками и всѣ его печатные труды, краткіе рефераты которыхъ краснорѣчивѣе всего говорятъ какъ за степень достоинства напечатаннаго, такъ равно и вѣрно обрисовываютъ, чѣмъ человекъ специально занимался. Имѣть подъ руками всѣ печатные труды представителей кафедры—далеко не такъ легко, въ виду ихъ разбросанности въ печати по разнымъ спеціальнымъ журналамъ и періодическимъ изданіямъ, а иногда даже они бывають изданы отдѣльнымъ изданіемъ, въ видѣ брошюры. Поэтому необходимо время для собиранія этаго печатнаго матеріала.

Имѣя въ виду печатать матеріалы для составленія „Исторіи кафедры нормальной анатоміи“, я, въ интересахъ этой послѣдней, не буду ограничиваться узко-біографическими очерками, а вмѣстѣ съ извѣстными личностями буду сообщать и современныя имъ фазы кафедры анатоміи, какъ напр. конкурсы, временное порученіе кафедры извѣстному лицу и т. под.

Предлагаемый біографическій очеркъ посвященъ И. О. Вилкомирскому, который болѣе $\frac{1}{4}$ вѣка находился при кафедрѣ анатоміи, при-

чемъ болѣе 8 лѣтъ вполнѣ завѣдывалъ всею кафедрой, т. е. читалъ лекціи, велъ практическія занятія и завѣдывалъ музеемъ анатоміи и всѣмъ хозяйствомъ.

При составленіи этого біографическаго очерка я пользовался главнымъ образомъ архивомъ Харьковскаго университета и печатными трудами И. О. Вилкомирскаго. Считаю своею обязанностью принести мою благодарность глубокоуважаемому ректору университета Михаилу Мартыновичу Алексѣенко за его любезное разрѣшеніе воспользоваться архивомъ университета, инженеру Маевскому за доставленіе мнѣ почти всѣхъ печатныхъ сочиненій Вилкомирскаго и доктору Э. Ф. Беллину за доставленіе мнѣ всего дѣла о смерти И. О. Вилкомирскаго.

Авторъ.

Ипполитъ Осиповичъ Вилкомирскій, изъ дворянъ, римско-католическаго вѣроисповѣдыванія, родился въ 1825 году. Въ Харьковскій университетъ на медицинскій факультетъ поступилъ въ 1841 году; въ это время анатомію читалъ проф. П. А. Нарановичъ. Въ 1845 году Вилкомирскій состоялъ студентомъ IV курса, а въ 1846 г. 11-го октября удостоенъ званія лѣкаря I-го отдѣленія, и въ томъ-же засѣданіи факультета проф. Т. Л. Ванцетти представилъ его на должность помощника ординатора хирургической клиники. Съ представленіемъ Ванцетти вполне согласились члены факультета, и на означенную службу Ипполитъ Осиповичъ вступилъ 26-го марта 1847 г., хотя извѣщеніе въ факультетъ объ опредѣленіи Вилкомирскаго получено 25-го апрѣля 1847 года. Въ засѣданіи факультета 2-го октября 1847 г. заслушано было прошеніе лѣкаря Вилкомирскаго о допущеніи его къ экзамену на званіе уѣзднаго врача, а 10-го октября онъ подвергался испытанію на это званіе и выдержалъ таковое удовлетворительно. Удостоенъ званія уѣзднаго врача ноября 26-го 1847 г. Въ засѣданіи факультета 2-го апрѣля 1848 г. заслушано было прошеніе Вилкомирскаго о допущеніи его къ экзамену на акушера, какъ члена врачебной управы и въ засѣданіи 7-го іюня того же года выдержалъ удовлетворительно экзаменъ на это званіе, въ которомъ и утвержденъ былъ 10-го іюня того-же года.

Въ 1848 году въ Россіи была холера и отъ Харьковскаго университета были командированы для поданія помощи холернымъ больнымъ слѣдующіе врачи: 1) *Галицкій* въ Ставропольскую губернію; 2) *Шадровъ*—на Кавказъ; 3) *Казикій* въ Переяславль и 4) *Вилкомирскій* въ Лубенскій уѣздъ Полтавской губерніи. 5-го октября 1848 г. въ медицинскій факультетъ поступилъ отъ г. попечителя учебнаго округа отчетъ Вилкомирскаго о сдѣланномъ имъ наблюденіи надъ холерою въ Полтавской губерніи. 12-го апрѣля 1849 г. разсматривались въ факультетѣ отчеты о холерѣ, составленные медицинскими чиновниками вѣдомства университета, бывшими въ командировкахъ, при этомъ объ отчетѣ Вилкомирскаго было высказано слѣдующее:

„Отчетъ г. Вилкомирскаго, наблюдавшаго холеру въ селеніяхъ Лубенскаго уѣзда, не представляетъ ни описанія болѣзни, какъ она въ тѣхъ мѣстахъ обнаружилась, ни систематическаго изложенія употреб-

*

лемыхъ средствъ, ни систематической таблицы о числѣ заболѣвшихъ, выздоровѣвшихъ и умершихъ, ни, наконецъ, наблюдений надъ ходомъ эпидеміи. Кромѣ того въ этомъ отчетѣ встрѣчаются часто противорѣчія. Такъ г. Вилкомирскій пишетъ, что онъ убѣжденъ, что „въ истинной холерѣ никто не можетъ ничего сдѣлать“, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ „съ большимъ успѣхомъ мною былъ употребленъ рвотный камень, какъ рвотное“ и далѣе „о холодныхъ же ваннахъ, средствъ такъ дешевомъ, не могу ничего сказать, скажу однакожь только то, что я очень имъ вѣрю, равно какъ и холоднымъ обливаніямъ, но мнѣ безъ больницъ ни какъ невозможно было оимъ средствомъ пользоваться“. Въ другихъ же мѣстахъ говоритъ о больницѣ, о мношѣ, привезенномъ въ больницу въ сильнѣйшей степени холеры, котораго онъ для *отсутія* оставилъ безъ лекарства. Въ другомъ мѣстѣ Вилкомирскій говоритъ: „Въ этой больницѣ незначительное число больныхъ и многіе одержимые сильною холерою (*cholera algida*) момъ, почти ежедневнымъ присмотромъ получили совершенное выздоровленіе“, хотя прежде говорилъ, что „въ истинной холерѣ никто не можетъ ничего сдѣлать“ и что „способы медика, касающіеся лѣченія, весьма ограничены и рѣшительно никакіе“.

1-го марта 1849 г. Вилкомирскій подалъ въ факультетъ прошеніе о допущеніи его къ экзамену на оператора, какъ члена врачебной управы, а въ засѣданіи 20-го сентября того же года заслушано предложеніе проrektора о допущеніи Ипполита Осиповича къ испытанію на степень доктора медицины. Въ засѣданіяхъ факультета 4, 11, 18, 24 октября, 8 и 15 ноября Вилкомирскій держалъ теоретическій экзаменъ на доктора медицины и выдержалъ изъ всѣхъ предметовъ удовлетворительно.

15-го февраля 1850 г. И. О. Вилкомирскій назначенъ г. попечителемъ учебнаго округа проrektоромъ анатоміи при Харьковскомъ университетѣ.

Въ засѣданіи медиц. факультета 21 апрѣля 1851 г. заслушано было прошеніе проrektора Вилкомирскаго, при коемъ онъ представляетъ диссертацию подъ заглавіемъ „*De versione foetus in pedes*“, наисланную имъ съ цѣлью полученія степени доктора медицины ¹⁾. Резолюція факультета была поставлена: разослать членамъ факультета для разсмотрѣнія.

¹⁾ Эта первая научная работа Вилкомирскаго не напечатана и въ видѣ манускрипта сохраняется при дѣлахъ архива Харьковскаго университета. *De versione foetus in pedes. Dissertatio medica, quam scripsit Hippolytus Wilkomirski anatomiae prosector. Charokowiae. 1851.* Сочиненіе на латинскомъ языкѣ заключаетъ въ себѣ 29 писанныхъ листовъ и состоитъ изъ предисловія, введенія и шести главъ: I. О показаніяхъ къ по-

Въ засѣданіи 13 августа 1851 г. разсуждали о достоинствѣ диссертациі Вилкомирскаго, написанной съ цѣлью полученія степени доктора медицины и нашли оную неудовлетворительною для полученія исконой степени. Изъ архивныхъ дѣлъ факультета видно, что диссертациа Вилкомирскаго передана была на рецензію декану факультета профессору акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней Фридриху Ивановичу Гану, который далъ о ней слѣдующій отзывъ:

„Dissertatio D-ni Wilkomirsky „de versione foetus in pedes“ nil nisi compilationem jejunam et infulsam exhibet. Auctor eaque Kilian (Operationslehre für Geburtshelfer) et Rosshirt (Die geburtshülfliehen Operationen), de versione foetus in pedes scripserunt, in suum usum ingenue convertit. Nihilominus tamen fere omnia confuse, sine ordine, sine contextu, multa vel leviter tantum attacta vel obscure prolata. Historiae denique partuum adnexae nullius sunt pretii scientifici. Dissertationem igitur hanc omnino rejciendam esse censeo. d. 25 april, 1851⁴. Подписалъ Р. Р. Нahn.

Съ мнѣніемъ дежана вполне согласились члены факультета: Ванцетти, Нарановичъ, Калениченко, Гордѣнко, Альбрехтъ, Струве и Демонси.

Въ 1852 г. съ 1 мая и по 30 сентября Ип. Ос. исполнялъ должность врача и преподавателя медицины при харьковской семинаріи по частному приглашенію. Съ 30 же сентября Вилкомирскій опредѣленъ врачомъ и преподавателемъ харьковской семинаріи съ жалованьемъ, послѣ того какъ получено было извѣщеніе отъ ректора университета, что препятствій къ опредѣленію на это мѣсто Вилкомирскаго со стороны медицинскаго факультета не имѣется. Медицинскій же факультетъ свой отзывъ основывалъ на мнѣніи проф. анатоміи Нарановича, высказанномъ послѣднимъ въ засѣданіи факультета 13 мая 1852 г.

вороту вообще, II. О показаніяхъ въ частности, III. О противопоказаніяхъ, IV. Предсказаніе, V. Что должно дѣлать до поворота, VI. Способы поворота на ножки. Къ диссертациі приложены 4 исторіи болѣзни и 11 положеній. Положенія слѣдующія:

- 1) Existere musculos, ut studio anatomico inserviant, nullius est utilitatis.
- 2) In curandis morbis non semper anatomiae pathologicae cognitio veram indicat agendi viam.
- 3) Occipitis positionem secundam primariam nego.
- 4) Synchronothomia ex numero operationum obstetriciarum expellenda est.
- 5) Pelvis sana omnibus aliis coarctatis periculosior inpartu est.
- 6) In curanda quinta partus periodo nonnisi in extremis manu utilicet.
- 7) Ubi lithotripsia fieri potest, lithotomiae praefrenda est.
- 8) Sunt inflammationes sui generis methodo antiphlogistica minime debellandae.
- 9) Homoeopathia in malis chronicis saepe allopathiae praefrenda est.
- 10) Infantes teniores ratione hydropathica curare insipidum est.
- 11) Digitalis aequae urinam pellit ac sanguinis detractio.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству 10 марта 1854 г. Вилкомирскій произведенъ въ надворные совѣтники со старшинствомъ.

Вначалѣ 1854 г. Вилкомирскій окончилъ практическій экзаменъ на доктора медицины, и написалъ письменные отвѣты на латинскомъ языкѣ: 1) de incarnatione herniarum и 2) de plica polonica, признанные профессорами Струве и Демонси удовлетворительными.

Въ засѣданіе мед. фак. 2 марта 1854 г. представлена диссертация Вилкомирскаго на степень доктора медицины подъ заглавіемъ „De rationibus quibus diarthroses contiguae ob diversam earum structuram anatomicam moveantur et luxentur“. Рецензія диссертации поручена проф. Нарановичу.

Въ засѣданіи мед. фак. 11 мая 1854 г. разсуждали о достоинствѣ, предварительно рассмотрѣннаго гг. членами факультета, сочиненія лѣкаря Вилкомирскаго „De rationibus quibus diarthroses etc“. При семъ прочитано донесеніе, подписанное гг. професс. Нарановичемъ, Иллинскимъ и Струве, слѣдующаго содержания:

„Разсмотрѣвъ по порученію факультета сочиненіе лѣкаря Вилкомирскаго: „De rationibus, quibus diarthroses contiguae ob diversam earum structuram anatomicam moveantur et luxentur“, представленное имъ къ соисканію степени доктора медицины, честь имѣемъ донести слѣдующее:

Въ предисловіи авторъ, сказавши о важности предмета имъ избраннаго для разсужденія, дѣлаетъ сравненіе состоянія этой науки у древнихъ съ настоящимъ и объясняетъ причины, подвинувшія эту часть хирургіи на такую высокую степень совершенства. Сдѣлавши потомъ классификацію члено-соединеній въ скелетѣ, объясняетъ, почему онъ взялъ, какъ предметъ разсужденія diarthrosin contiguam исключительно. Наконецъ говоритъ, что, для необходимой ясности предмета и возможной его краткости, сочиненіе свое онъ раздѣляетъ на двѣ части: въ первой разсмотрѣны различныя виды diarthroses contiguae, а во второй разсмотрѣны подробнѣе только тѣ суставы, которые чаще другихъ подвергаются вывихамъ.

Въ первой части, раздѣливши diarthrosin contiguam на четыре вида, разсматриваетъ ихъ отдѣльно, излагая въ каждомъ изъ этихъ видовъ общія свойства, относительно устройства анатомическаго участія въ механизмѣ движенія и различной наклонности къ вывихамъ.

Во второй части разбираетъ нѣкоторые составы отдѣльно, излагая подробно анатомическое ихъ устройство, механизмъ движенія, вывихи оныхъ и способы вправленія.

Предметъ изложенъ вездѣ подробно, ясно и сообразно съ настоящимъ состояніемъ этой науки, почему и полагаемъ, что сочиненіе г. Вилкомирскаго вполнѣ соответствуетъ къ достиженію искомой ученой степени". Подписали проф. Нарановичъ, Струве и Иллиинскій.

Медицинскій факультетъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ рецензентовъ и разрѣшилъ печатать диссертацию. 14 сентября 1854 г. происходила публичная защита диссертациі И. О. Вилкомирскимъ, причемъ официальными оппонентами были проф. Струве, Свиридовъ и Иллиинскій. Защита признава удолетворительной и Вилкомирскій удостоенъ степени доктора медицины.

Въ газетѣ „Другъ здравія“ ¹⁾ о диссертациі Вилкомирскаго помѣщенъ отзывъ д-ра Грума, который между прочимъ пишетъ такъ:

„Хотя въ послѣднее время хирургическая литература обогатилась многими превосходными сочиненіями, въ которыхъ врачъ найдетъ все нужное, однако же и отдѣльныя изложенія какого-либо предмета хирургіи, какъ напримѣръ въ диссертациі Вилкомирскаго, имѣютъ свои выгоды въ томъ отношеніи, что будучи тщательнѣе обработаны и заключаая въ себѣ множество ссылокъ на сочиненія разныхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, могутъ служить вмѣстѣ и справочной книгой для тѣхъ, которые бы захотѣли подробнѣе заняться этимъ предметомъ“. И далѣе „вообще диссертациія написана ясно, просто, кратко, съ знаніемъ дѣла и обличаетъ въ авторѣ отличныя анатомическія свѣдѣнія и поэтому можетъ быть съ пользою прочтена каждымъ практическимъ врачомъ“.

Состоя прозекторомъ, Вилкомирскій пожелалъ въ 1854 г. занять мѣсто врача при харьковскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ, мѣсто это безъ жалованья, но съ правами государственной службы. На запросъ, сдѣланный ректоромъ факультету о томъ, можетъ ли прозекторъ Вилкомирскій безъ упущенія прямыхъ своихъ обязанностей занять мѣсто врача при духовномъ училищѣ, Деканъ, на основаніи отзыва проф. анатоміи Иллиинскаго, сообщилъ ректору, что занятія прозектора Вилкомирскаго при анатомическомъ театрѣ не могутъ служить ему препятствіемъ къ занятію вышеупомянутой должности. Сентября 18-го 1854 г. Вилкомирскій былъ опредѣленъ врачомъ при харьковскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 1854 г. октября 29 заслушанъ былъ рапортъ проф. Нарановича слѣдующаго содержанія:

„При клиникѣ хирургической необходимо имѣть адъюнкта, ибо онъ (Нарановичъ), имѣя 13 часовъ въ недѣлю не можетъ выполнять всѣхъ

¹⁾ „Другъ здравія“ врачебная газета, 1855 г. № 21. Отдѣлъ библиографіи.

потребностей кафедры, не прибавляя еще особыхъ занятій. Онъ полагаетъ, что прозекторъ анатоміи Вилкомирскій по его познаніямъ, склонностямъ къ хирургическимъ занятіямъ и примѣрному усердію могъ бы занять это мѣсто съ тѣмъ, что по назначенію факультета онъ могъ бы читать и какой-либо предметъ". Съ этимъ мнѣніемъ Нарановича были согласны и прочіе члены факультета и положили представить о семъ въ Совѣтъ.

23 ноября 1854 г. въ засѣданіи совѣта университета Вилкомирскій подвергался баллотировкѣ на означенную должность, причѣмъ получилъ 16 избирательныхъ и 12 неизбирательныхъ балловъ. По сему совѣтъ постановилъ: просить ходатайства г-на управляющаго харьковскимъ учебнымъ округомъ объ опредѣленіи прозектора Вилкомирскаго адъюнктомъ при хирургической клиникѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ по назначенію факультета могъ читать и какой-либо предметъ.

На это ходатайство совѣта послѣдовалъ отказъ.

По этому поводу въ медицинскій факультетъ поступила и заслушана бумага отъ ректора въ засѣданіи 7 февраля 1856 г., въ которой говорится: „что г. Министръ Народнаго Провсвѣщенія затрудняется согласиться на опредѣленіе прозектора Вилкомирскаго адъюнктомъ по хирургической клиникѣ по слѣдующимъ причинамъ: 1) въ университетскомъ совѣтѣ оказалось весьма значительное число голосовъ противъ настоящаго предложенія; 2) кромѣ московскаго университета, штатъ коего увеличенъ по случаю учрежденія при немъ обширѣйшихъ клиническихъ заведеній, нигдѣ въ клиникахъ прочихъ университетовъ по штатамъ ихъ не положено быть адъюнктовъ; 3) хирургическія занятія совершенно отличны отъ анатомическихъ занятій и хотя практическому анатому и легко сдѣлаться хорошимъ операторомъ, но ему много еще нужно изучить, чтобы сдѣлаться хорошимъ хирургическимъ врачомъ, а чтобы быть полезнымъ преподавателемъ необходимы еще сверхъ того особыя педагогическія способности. По сему и для прозектора г. Вилкомирскаго возможность полученія званія адъюнкта по кафедрѣ хирургіи и хирургической клиники зависитъ еще отъ тѣхъ доказательствъ, которыя онъ долженъ представить для удостовѣренія въ познаніяхъ его собственно по части хирургіи и искусствѣ въ хирургическихъ способностяхъ его, такъ какъ адъюнкты въ извѣстныхъ случаяхъ должны замѣнять профессоровъ. Къ сему г. Министръ присовокупилъ, что онъ считаетъ нужнымъ обратить вниманіе на Высочайше разрѣшенную въ 1842 г. мѣру о дозволеніи имѣть при университетскихъ клиникахъ ассистентовъ съ жалованьемъ и правомъ службы, такъ какъ этою мѣрою можетъ воспользоваться и харьковскій университетъ для облегченія хотя въ нѣкоторой степени занятій проф. Нарановича“.

Въ 1854 г. 7 декабря Вилкомирскому, вслѣдствіе ходатайства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, за отличіе по службѣ, объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

Въ 1855 г. во время крымской войны, масса больныхъ транспортировалась чрезъ г. Харьковъ, причежъ въ Харьковѣ образованы были особыя клиническія отдѣленія временнаго военнаго госпиталя. Пользующимися врачами въ эти клиническія отдѣленія назначались профессора и чиновники медицинскаго факультета. И. О. Вилкомирскій былъ также въ числѣ назначенныхъ. Онъ безвозмездно завѣдывалъ госпитальнымъ отдѣленіемъ, съ 1 октября 1855 г. по 16 января 1856 г. и съ 21 апрѣля по 15 іюля 1856 года. Кроме того состоялъ помощникомъ завѣдывавшаго 4 харьковскимъ клиническимъ отдѣленіемъ того же госпиталя съ 16 января по 14 марта и съ 10 мая по 1 іюня 1856 г.

14 февраля 1856 г. проф. анатоміи Иллинскій вошелъ въ факультетъ съ рапортомъ, въ которомъ просить: 1) поручить прозектору Вилкомирскому производство еженедѣльныхъ репетицій студентамъ 1 и 2 курсовъ и назначить для этого по 2 часа въ недѣлю; 2) вмѣнить г. Вилкомирскому въ обязанность, независимо отъ практическихъ занятій г. Иллинскаго со студентами 2 курса, упражнять ихъ въ практическомъ изученіи анатоміи и производствѣ разныхъ анатомическихъ работъ по указаніямъ его, г. проф. Иллинскаго. Члены факультета согласились съ этимъ предложеніемъ и положили представить о семъ въ совѣтъ университета. Ходатайство это было уважено совѣтомъ университета, о чемъ было сообщено въ факультетъ 13 марта того же года.

Что практическія занятія по анатоміи повидимому велись, то объ этомъ можно думать по одному документу, а именно отношенію прозек. Вилкомирскаго (9 мая 1857 г.) къ инспектору студентовъ о томъ, чтобы студенты 2 курса Кундзичъ, Фуксъ, Черняковскій, Юрьевъ и Алексѣевъ явились въ анатомическій театръ для приготовленія анатомическихъ препаратовъ.

25 февраля 1856 года проф. Иллинскій былъ командированъ въ Крымъ. На время его отсутствія преподаваніе описательной и общей анатоміи поручено было факультетомъ проф. хирургической клиники П. А. Нарановичу, который по этому поводу вошелъ 7 марта 1856 г. съ рапортомъ въ факультетъ, въ коемъ объясняетъ, что онъ очень затрудняется принять на себя преподаваніе всей анатоміи, по причинѣ многочисленныхъ занятій по клиникѣ. Соглашаясь читать частную анатомію, онъ рекомендуетъ предложить читать общую анатомію прозектору Вилкомирскому. Члены факультета согласились съ предложеніемъ проф. Нарановича. — Помощникъ попечителя, выражая свое согласіе

(13 марта) на то, чтобы за отсутствием Иллинского читалъ анатомію Нарановичъ, спрашивалъ, не находитъ ли факультетъ возможнымъ, чтобы недочитанные отдѣлы общей анатоміи, а именно общая анатомія сосудовъ, нервовъ и железъ, были дочитаны проф. Иллинскимъ по возвращеніи его изъ командировки? Факультетъ нашелъ, что окончить курсъ общей анатоміи необходимо; вслѣдствіе чего 23 марта изъ совѣта университета поступило предложеніе, коимъ онъ проситъ факультетъ наблюдать, чтобы въ 1856—57 академ. году непременно были прочитаны статьи, оставшіяся непройденными въ настоящемъ году за отсутствиемъ проф. Иллинского. Такимъ образомъ общую анатомію пришлось преподавать прозектору Вилкомирскому.

Въ 1857 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ проф. Иллинскій обратился съ просьбой въ факультетъ ходатайствовать о командировкѣ его Иллинского за границу съ научной цѣлью безъ всякаго пособія, а только съ удержаніемъ содержанія, получаемого имъ по службѣ. Командировку онъ проситъ на одинъ годъ срокомъ съ 1-го апрѣля 1858 г. по 1-е апрѣля 1859 года. Факультетъ, находя эту заграничную командировку весьма желательной и полезной для проф. Иллинского, обратился съ ходатайствомъ объ этомъ въ совѣтъ университета, пояснивши при этомъ, что экзамены по анатоміи согласенъ произвести проф. Нарановичъ. Что же касается до преподаванія анатоміи въ будущемъ 1858—59 академическомъ году, то преподаваніе простѣйшихъ отдѣловъ описательной анатоміи какъ-то: ученіе о костяхъ, связкахъ и мускулахъ, а также преподаваніе общей анатоміи можно возложить на г. прозектора Вилкомирскаго, подъ руководствомъ проф. Нарановича; преподаваніе же важнѣйшихъ отдѣловъ анатоміи приметъ на себя проф. Нарановичъ. Практическія занятія со студентами 2 курса должны быть поручены прозектору Вилкомирскому.

24 апрѣля 1858 года проф. Иллинскій, уѣзжая, сдалъ анатомическій кабинетъ прозектору Вилкомирскому.

Весной 1858 года скончался проф. П. А. Нарановичъ и уже 22 мая г. ректоръ предложилъ медицинскому факультету снова войти въ разсмотрѣніе, на кого въ будущемъ 1858—59 академическомъ году возможно возложить преподаваніе анатоміи. Факультетъ отвѣтилъ, что преподаваніе описательной анатоміи, а именно ученіе о костяхъ, связкахъ и мышцахъ, въ количествѣ 4 часовъ въ недѣлю, онъ положилъ поручить прозектору Вилкомирскому, подъ руководствомъ г. декана. Преподаваніе общей анатоміи по 1 часу въ недѣлю поручить тоже Вилкомирскому. Такое постановленіе факультета было утверждено г. попечителемъ учебнаго округа. Въ засѣданіи медич. факультета 7 ноября 1858 г. постановлено было

за отсутствіемъ проф. Иллинскаго поручить проз. Вилкомирскому производить практическое испытаніе по анатоміи лицъ, подвергающихся испытанію на разныхъ медицинскіихъ степеняхъ.

Съ 1856 года по 1860 годъ включительно И. О. Вилкомирскій удостоился получить рядъ наградъ. Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству 20 ноября 1856 г. за № 235 произведенъ за выслугу лѣтъ въ коллежскіе совѣтники со старшинствомъ, считая съ 15 февраля 1856 г. За отлично усердную службу Всемилостивѣйше награжденъ обыкновеннымъ подаркомъ въ 200 р. въ августѣ 20, 1856 года. На основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста Вилкомирскому выдана 26 августа 1856 г. бронзовая медаль въ память войны 1853—1856 гг. для ношенія на андреевской лентѣ. За отлично усердную и ревностную службу Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Станислава 3 степени февраля 24, 1857 г. За отличіе по службѣ Всемилостивѣйше награжденъ единовременно выдачею 250 р. марта 8, 1860 года. За отдѣльное преподаваніе сверхъ своей обязанности лекцій общей и частной анатоміи, выдано ему августа 2, 1860 г. съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія 285 р. 86 к. изъ экономическихъ суммъ университета. Въ 1860 г., апрѣля 12 Вилкомирскій уволенъ по прошенію отъ должности врача и преподавателя медицины при харьковской духовной семинаріи и училищѣ, причемъ за его 6-лѣтнюю беззедную службу г. Прокуроромъ Св. Синода Вилкомирскому изъявлена благодарность. Указомъ Правительствующаго Сената 28 іюля, 1860 г. произведенъ за выслугу лѣтъ въ статскіе совѣтники со старшинствомъ съ 1860 г. февраля 15. За отличіе по службѣ Всемилостивѣйше награжденъ единовременно выдачею 260 руб. изъ экономической суммы университета 1860 г., декабря 28.

Профессоръ Т. С. Иллинскій изъ заграничной командировки уже болѣе не возвращался на свой постъ въ Харьковъ, а перешелъ профессоромъ въ медико-хирургическую академію въ С.-Петербургъ. Харьковскій медицинскій факультетъ остался безъ преподавателя анатоміи и отвѣчая на запросъ 29-го мая 1859 г., что къ перемѣщенію проф. Иллинскаго въ С.-Петербургъ препятствій не имѣется, Харьковскій медицинскій факультетъ въ тоже время доносить г. попечителю учебнаго округа, что такъ какъ факультетъ не можетъ оставаться совершенно безъ преподавателя анатоміи, то онъ находитъ необходимымъ поручить г. Вилкомирскому чтеніе анатоміи какъ въ первомъ, такъ и во второмъ курсѣ, такъ какъ нѣтъ другой возможности возложить чтеніе этого предмета на кого либо изъ членовъ факультета.

Съ этого времени всѣ стремленія И. О. Вилкомирскаго были направлены къ тому, чтобы занять кафедру анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ въ качествѣ профессора. Такъ въ то-же засѣданіе факультета 29-го мая поступаетъ прошеніе проз. Вилкомирскаго, коимъ, увѣдомляя о желаніи проф. Иллинскаго перемѣститься въ число профессоровъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, онъ проситъ факультетъ имѣть его, Вилкомирскаго, въ виду при опредѣленіи преподавателя анатоміи. Факультетъ на это прошеніе положилъ резолюцію: доложить заявленіе Вилкомирскаго въ свое время. Другое прошеніе Вилкомирскаго о томъ же было представлено въ факультетъ 6-го іюня 1859 г. При второмъ прошеніи приложено удостовѣреніе проф. Т. С. Иллинскаго слѣдующаго содержанія:

„Оставляя кафедру анатоміи при Харьковскомъ университетѣ, я считаю для себя пріятною обязанностью изъяснить мою искреннюю благодарность г. доктору Вилкомирскому, какъ ближайшему помощнику моему въ занятіяхъ. Усвоивъ съ первыхъ моихъ лекцій принятый мною способъ преподаванія и въ особенности практическое его направленіе, докторъ Вилкомирскій, какъ прозекторъ въ теченіе пяти лѣтъ постоянно оставался вѣрнымъ своему убѣжденію. Всѣ части человѣческаго тѣла приготовляемы были имъ ежегодно на свѣжихъ кадаверахъ, при чемъ отчетливость отдѣлки, соединенная съ раціональнымъ пониманіемъ дѣла, доставляли мнѣ возможность преподаванія на препаратахъ, годныхъ и для постояннаго храненія въ кабинетъ—обстоятельство сколько интересное для преподавателя, столько и существенно полезное для слушателей. Проходи такимъ образомъ науку практически по всѣмъ ея отдѣламъ, докторъ Вилкомирскій приобрѣлъ въ ней познанія, которыя по большей части остаются недоступными ученымъ внѣ занятій, обусловливаемыхъ обязанностію прозектора. Не ограничиваясь при томъ макроскопическою частью науки, докторъ Вилкомирскій постоянно занимался изученіемъ гистологическаго ея направленія и, раздѣляя со мной труды въ работахъ на микроскопѣ, приобрѣлъ въ нихъ необходимый къ этому практической навѣкъ“.

Вслѣдъ за этимъ 13-го іюля въ медицинскій факультетъ поступило предложеніе г. ректора университета обсудить вопросъ о замѣщеніи вакантной кафедры анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ достойнымъ преподавателемъ. Медицинскій факультетъ, въ засѣданіи 12-го августа, разсуждалъ о замѣщеніи кафедры анатоміи, при чемъ рассмотрѣны были оба прошенія Вилкомирскаго и прочитано удостовѣреніе проф. Иллинскаго и по надлежащемъ обсужденіи всего дѣла, факультетъ нашель

нужнымъ объявить конкурсъ на кафедру анатоміи, программу котораго и составилъ въ томъ же засѣданіи въ слѣдующемъ видѣ:

Программа конкурса для лицъ желающихъ занять въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ кафедру физиологической анатоміи.

Желающіе занять кафедру физиологической анатоміи обязаны представить въ 1-му числу апрѣля 1860 года въ совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета:

1. Свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, подробныя свѣдѣнія о своемъ школьномъ и университетскомъ образованіи, о своихъ занятіяхъ до сего времени по части медицины вообще и по части физиологической анатоміи въ особенности.

2. Дипломъ доктора медицины въ подлинникѣ, или въ засвидѣтельствованной копіи, а если соискатель состоялъ на государственной службѣ—то формулярный списокъ о своей службѣ.

3. Диссертацию написанную имъ для полученія степени доктора медицины и другія печатныя, или рукописныя ученныя сочиненія, преимущественно относящіяся къ физиологической анатоміи.

По удовлетворительному исполненію излагаемыхъ потребностей соискатель удостоивается выбора, но вмѣстѣ съ тѣмъ для окончательнаго утвержденія на вакантную кафедру онъ подвергается по уставу российскихъ университетовъ чтенію трехъ пробныхъ лекцій въ присутствіи медицинскаго факультета университета, или конференціи медико-хирургической академіи.

Въ Харьковскомъ университетѣ профессоръ состоитъ по должности въ VII классѣ и получаетъ жалованья 1143 р. 68 к. и квартирныхъ 142 р. 95 к. въ годъ. Экстра-ординарный профессоръ по должности въ VIII классѣ и получаетъ жалованья 857 р. 67 к. и квартирныхъ 114 р. 30 к. въ годъ. Каждому профессору безпорочно прослужившему 20 лѣтъ при увольненіи отъ службы назначается въ пенсію половина оклада жалованья, а прослужившему 25 лѣтъ полный окладъ жалованья; изъ этой пенсіи, по кончинѣ пользовавшагося ею, одна половина назначается вдовѣ, а другая дѣтямъ его.

Объявленіемъ этого конкурса факультетъ на время отодвинулъ отъ себя оцѣнку перваго кандидата на кафедру анатоміи — прозектора Вилкомирскаго.

До выбора профессора, обязанности преподавателя всецѣло исполняетъ И. О. Вилкомирскій.

Изъ дѣлъ факультета видно, что въ засѣданіи 10-го сентября 1859 года рассмотрѣна и одобрена программа общей и частной анатоміи, представленная пров. Вилкомирскимъ. Въ томъ же засѣданіи за-

слушанъ рапортъ Вилкомирскаго, коимъ онъ испрашиваетъ о назначеніи ему кромѣ 6 часовъ для преподаванія физиологической анатоміи, еще 1 часъ для чтенія общей анатоміи и 3 часа для чтенія органовъ чувствъ студентамъ 2 курса. Факультетъ соглашается на это и одобряетъ, а 25-го сентября совѣтъ университета утверждаетъ часы преподаванія.

Кромѣ этого въ засѣданіи 18-го сентября того же года заслушанъ рапортъ проф. Струве слѣдующаго содержанія:

„По назначеніи г. Рындовскаго профессоромъ фармакологіи при медицинскомъ факультетѣ остался только одинъ адъюнктъ, опредѣленный отдѣльно для эпизоотологіи и судебной медицины. Между тѣмъ какъ въ нашемъ факультетѣ чаще, чѣмъ въ другихъ необходимо бываетъ отдѣлить нѣкоторые предметы отъ разныхъ кафедръ, по причинѣ ихъ обширности, и поручить особеннымъ преподавателямъ; такъ по моей кафедрѣ я считаю нужнымъ отдѣлить адъюнкту науку о вывихахъ и переломахъ и десмургію. Прося поэтому факультетъ объ опредѣленіи новаго адъюнкта при факультетѣ, я нахожу справедливымъ ходатайствовать объ избраніи въ это званіе прозектора Вилкомирскаго, который сверхъ означеннаго предмета могъ бы взять на себя и чтеніе топографической анатоміи, до сихъ поръ у насъ не преподаваемой отдѣльно, а также помогать будущему профессору физиологической анатоміи, всѣ части которой трудно преподавать одному лицу при настоящемъ состояніи науки. При этомъ позволяю себѣ обратить вниманіе факультета на слѣдующее: г-нъ Вилкомирскій былъ три года помощникомъ ординатора при профессорѣ Ванцетти, 10 лѣтъ состоитъ уже прозекторомъ и имѣетъ степень доктора медицины. Въ знаніи имъ анатоміи удостовѣряютъ насъ нѣсколько хорошихъ мнѣній отъ проф. Нарановича, свидѣтельство проф. Иллинскаго и преподаваніе этого предмета г. Вилкомирскимъ въ прошломъ году и возложеніе на него того-же предмета въ настоящее время“.

По выслушаніи этого рапорта факультетъ положилъ: имѣть объ этомъ сужденіе по окончаніи конкурса на кафедре анатоміи.

Срокъ конкурса (1-го апрѣля 1860) приближался. И. О. Вилкомирскій, рассчитывая выступить конкурентомъ, и чувствуя, что печатныхъ трудовъ за нимъ числится мало, всего лишь одна диссертация, онъ печатаетъ въ началѣ 1860 г. три брошюры: 1) „Первая лекція по анатоміи“; 2) „Последняя лекція по анатоміи“ и 3) „Обзоръ мышечной ткани и мускуловъ вообще“.

На конкурсъ явились три кандидата: прозекторъ Ипполитъ Осиповичъ Вилкомирскій, докторъ медицины Вильгельмъ Краузе и доцентъ Пражскаго университета Душанъ Федоровичъ Ламбль.

Послѣ сдѣланнаго г. ректоромъ предложенія обсудить достоинства лицъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ конкурсѣ для занятія каеедры физиологической анатоміи, медицинскій факультетъ въ засѣданіяхъ своихъ 14-го и 29-го апрѣля 1860 года поручилъ проф. В. Θ. Грубе сдѣлать критическій разборъ представленныхъ этими докторами сочиненій и программъ и, кромѣ того, самыя сочиненія и программы положилъ разослать гг. членамъ факультета, для ознакомленія съ ихъ содержаніемъ.

Въ засѣданіи медицинскаго факультета 8-го мая читавъ былъ рапортъ проф. В. Θ. Грубе слѣдующаго содержанія:

„Согласно порученію медицинскаго факультета, я рассмотрѣлъ сочиненія, статьи и программы гг. Вилкомирскаго, Краузе и Лимбля, присланныя къ объявленному совѣтомъ конкурсу по каеедрѣ физиологической анатоміи, и имѣю честь донести слѣдующія свои заключенія:

І. Относительно сочиненій и статей.

1. Что касается до статей *Вилкомирскаго*, то онѣ состоятъ изъ 3-хъ въ здѣшнемъ университетѣ читанныхъ лекцій и въ нихъ разсматривается историческое развитіе анатоміи (именно въ „Первой лекціи по анатоміи“), гистологическая часть (въ „Послѣдней лекціи“) и наконецъ все соединяется въ чисто описательномъ видѣ при третьей не напечатанной лекціи о мышечной ткани и мускулахъ вообще. Достоинство ихъ факультету вполне извѣстно, такъ какъ онѣ читались въ присутствіи всего факультета, или декана одного, но мнѣ, который не имѣлъ честь быть въ то время членомъ этого факультета, осталось къ сожалѣнію довольствоваться однимъ чтеніемъ напечатанныхъ лекцій. Исполнивъ это, я долженъ признать, что автору дѣйствительно много стоило трудовъ составить подобныя лекціи, (это доказываетъ его тщательное отыскиваніе авторитетовъ для анатомическихъ названій, приведенныхъ имъ много—и менѣе извѣстныхъ мнѣній, касающихся достоинства анатоміи и т. п.); но при всемъ этомъ онѣ не могутъ вполне удовлетворить требованія этого предмета въ настоящее время. Я согласенъ, что у насъ на отечественномъ языкѣ дѣйствительно очень мало еще статей или сочиненій, которыя могли бы сравниться съ современною литературою этого предмета въ Германіи, Франціи, или Англии, и что поэтому требованія у насъ могли бы быть болѣе умѣренны; не смотря на то, мы нынѣ замѣчаемъ, на сколько эта отрасль медицины подвигается впередъ у насъ въ послѣдніе годы, такъ какъ сочиненія *Заблоккаго*, *Платонова*, *Вальтера* и т. п. считаются уже недостаточными и вмѣсто ихъ являются руководства переведенныя съ нѣмецкаго языка (*Hurtl*, *Hollstein* и др.)

Понимая вполне этот недостаток, авторъ старался его удалить и въ третьей своей лекціи, образцѣ, читанныхъ имъ въ послѣдніе два академическихъ года, общаетъ намъ особенный новый взглядъ на эту часть анатоміи, т. е. при описаніи мышечной ткани и мускуловъ вообще. Сколько я и не трудился отыскать это новое воззрѣніе по этому отдѣлу анатоміи, но, чтобы быть справедливымъ, я долженъ сознаться, что въ сожалѣнію и слѣдовъ подобнаго новаго воззрѣнія отыскать я не могъ; по крайней мѣрѣ преподаваніе мышцъ, начиная съ брюшныхъ, или съ тѣхъ вообще, которыя скорѣе подвергаются гніенію, (преподаваніе, о которомъ авторъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи) я не нахожу новымъ, такъ какъ подобнымъ образомъ уже Лаутъ въ своей анатоміи 1835 г. распредѣлилъ этотъ отдѣлъ.

При всемъ этомъ эта третья не напечатанная лекція единственная изъ всѣхъ конкурсныхъ работъ, которая поставила себѣ цѣлью исполнить всѣ требованія физиологической анатоміи: въ ней мы встрѣчаемъ гистологію, исторію развитія (*Embryologia*), сравнительную анатомію, чисто описательную часть и т. п., во все это такъ поверхностно, такъ мало основано, что только крайній недостатокъ времени (о которомъ авторъ упоминаетъ въ своемъ предисловіи и который факультету вполне извѣстенъ) можетъ ее извинить какъ конкурсную работу.

2. Въ статьѣ г. Краузе „О строеніи сухожилия, его отношеніяхъ къ вопросу о соединительной ткани“ мы получаемъ прибавленіе къ разрѣшенію древняго, по сіе время не вполне оконченнаго, спора о строеніи соединительной ткани, этого гистологическаго сфинкса. Авторъ считаетъ необходимымъ въ предисловіи (1—4 стр.) познакомить насъ съ потребностями сочиненій по части естественныхъ наукъ вообще, излагаетъ трудности самостоятельныхъ занятій, именно въ Россіи, описываетъ преимущество, которымъ онъ овладѣлъ и методъ, котораго онъ придержался, при изслѣдованіи соединительной ткани, наконецъ, общаетъ намъ особенные, противорѣчащіе прежнимъ наблюденіямъ результаты. Чтобы болѣе выставить имъ найденное, авторъ въ I главѣ, въ историческомъ развитіи вопроса о соединительной ткани (стр. 5—14), изложилъ все различіе въ мнѣніяхъ о соединительной ткани, и, чтобы болѣе быть понятнымъ, онъ соединилъ ихъ подъ слѣдующія шесть положеній:

a) соединительная ткань въ основѣ своей состоитъ изъ густо-стоящихъ клѣточекъ, между которыми скоро-является недѣятельная между-клеточная матерія (Reichert):

b) Матерія эта одвообразна и состоитъ изъ бляшекъ (Virchow), или же она имѣетъ складки (Reichert), или переходитъ въ волокна (Henle, Kölliker).

с) Клѣточки, бывшія сначала круглыя, удлиняются въ веретенообразныя, въ которыхъ раздробленіемъ зеренъ образуются волокна (Schwan).

d) Часть клѣточекъ превращается въ сократительныя волокна (Donders), или принимаетъ пигментъ (Wittich), или же принимаетъ жиръ (Schwan).

с) Большая часть клѣточекъ остается и, соединяясь между собою, образуютъ аппараты, служащіе регуляторомъ для питанія, обмѣна веществъ и новообразованія соединительной ткани (Virchow, Donders, Kölliker).

f) Соединительная ткань волокниста и образуется чрезъ раздробленіе твердаго, однообразнаго вещества безъ участія клѣточекъ (Bruch, Rollet).

Во II главѣ разсматривается одна форма соединительной ткани, принадлежащая къ такъ называемой форменной соединительной ткани, съ цѣлю сдѣлать потомъ заключеніе по строенію этой ткани вообще. Въ этой главѣ опять изложены различныя, нынѣ еще существующія, или уже болѣе неупотребительныя мнѣнія различныхъ авторовъ; на дѣлѣ всѣ повѣрены и подтверждены, или отвергнуты, и авторъ, какъ большая часть гистологовъ, этимъ предметомъ занимающихся, увѣренъ, что имъ открыты новыя, болѣе вѣрныя данныя, въ которыхъ онъ насъ убѣждаетъ различными болѣе или менѣе вѣрными доказательствами. Онъ старается подвергнуть сухожиліе различнымъ способамъ изслѣдованія, даетъ обо всемъ этомъ вѣрный отчетъ, съ прибавленіемъ рисунковъ (хотя и не самыхъ лучшихъ, по крайней мѣрѣ собственноручныхъ и довольно ясныхъ) и т. п., все съ цѣлю эту отдѣльную статью употребить къ вопросу о соединительной ткани. Наконецъ для большей ясности авторъ въ концѣ своей статьи соединяетъ всѣ результаты своихъ изслѣдованій въ 20 положеніяхъ, а именно:

1. Основная ткань сухожилій состоитъ изъ однообразной массы, въ которой полосатый видъ не зависитъ ни отъ волоконъ, ни отъ складочекъ.

2. Эта основная ткань заключена во влагалища, самостоятельность которыхъ я доказалъ.

3. Веретенообразныя и звѣздообразныя клѣточки Virchow'a не существуютъ въ сухожилияхъ, но онѣ суть промежутки, щели.

4. Тѣльца въ сухожилияхъ суть зерна клѣточекъ, но потомъ они принимаютъ различныя формы, они уменьшаются въ количествѣ, отъ появленія своего въ зародышѣ до полного развитія сухожилій.

5. Въ сухожилияхъ есть клѣточки, которыя не измѣняются, а остаются таковыми и въ развитыхъ сухожилияхъ.

6. Промежутки и щели находятся только между влагалищами, они никогда не находятся въ однообразной массѣ внутри влагалищъ.

7. Продольныя полосы и способность сухожилія колоться въ длину зависятъ отъ множества мелкихъ сократительныхъ волоконъ, описанныхъ мною.

8. Чѣмъ старѣе сухожиліе, тѣмъ больше въ немъ находится этихъ сократительныхъ волоконъ, чѣмъ моложе, тѣмъ меньше ихъ.

9. Маленькія овальныя точки на продольномъ разрѣзѣ зависятъ отъ поперечно-разрѣзанныхъ тѣлецъ.

10. Совершенно мелкія точки, находящіяся между овальными, зависятъ отъ перерѣзанныхъ сократительныхъ волоконъ.

11. На поперечномъ разрѣзѣ зародышнаго сухожилія находится больше перерѣзанныхъ тѣлецъ, а у взрослога больше точекъ отъ перерѣзанныхъ сократительныхъ волоконъ.

12. Описанныя Donders'омъ и Gerlach'омъ на поперечномъ разрѣзѣ сухожилія лентообразныя полосы суть, по моему мнѣнію, влагалища соединительной ткани, лежащія между клѣточной ткани и окружающія канатикъ сухожилій.

13. Сухожилія первично развиваются изъ клѣточекъ, потомъ послѣдовательно межкѣлочная масса, которую мы должны считать за продуктъ выдѣленія клѣточекъ.

14. Изъ веретенообразныхъ и звѣздообразныхъ клѣточекъ, или развиваются сократительныя волокна, или же капиллярныя сосуды.

15. Сухожилія богаты кровеносными сосудами и имѣютъ двойную сѣть капиллярныхъ сосудовъ, одну съ широкими петлями, а другую— съ узенькими.

16. Маленькіе артеріальные стволы въ сухожиліяхъ всюду сопровождаются двумя маленькими венами, которыя почти всегда превышаютъ ихъ въ объемѣ.

17. Кровеносныя сосуды входятъ въ сухожилія не только по сторонамъ, но и чрезъ мышцы и кости, къ которымъ они прикрѣпляются.

18. Обвивающія сократительныя волокна не существуютъ; также не существуютъ описанныя Rollet'омъ перекладины; по моему мнѣнію, капиллярныя сосуды въ неналитомъ видѣ были приняты за волокна и перекладины.

19. Большіе пузырьки постоянно находятся въ сухожиліяхъ и ихъ нужно считать за остатки зародышнаго процесса развитія.

20. Сократительныя волокна въ межкѣлочной ткани на поверхности сухожилій шире и многочисленнѣе, чѣмъ въ глубинѣ.

При разсмотрѣннн этой статьи, распредѣленіе которой я сообщилъ, мы встрѣчаемъ главное затрудненіе въ изложеніи различныхъ по этому гистологическому вопросу существующихъ мнѣній, въ постоянномъ повтореніи ихъ и наконецъ въ отыскиваніи настоящаго, дѣльнаго, собственнаго результата, котораго ожидать мы были вправѣ по обѣщаніямъ автора въ своемъ предисловіи. Мы дѣйствительно иногда встрѣчаемъ усилія со стороны автора убѣдить насъ въ особенныхъ результатахъ, полученныхъ имъ при употребленіи реагентовъ Gerlach'a, или Reichert'a, или наконецъ измѣненнаго Gerlach'a, но вскорѣ опять масса различныхъ чужихъ мнѣній заставляетъ его возвратиться къ прежнимъ, всѣмъ уже извѣстнымъ. Я согласенъ, что вопросъ о строеніи соединительной ткани принадлежитъ къ болѣе труднымъ въ нашей гистологіи; тѣмъ не менѣе онъ вѣрно не приблизится къ рѣшенію, если мы при всякой новой обработкѣ отдѣльнаго распространенія этой ткани постоянно исчисляемъ историческое развитіе мнѣній и все таки окончательно соглашаемся съ общеупотребительнымъ, что подъ названіемъ соединительной ткани гистологи разумѣютъ ткань, состоящую изъ клѣточекъ (соединительныхъ тѣлецъ) и межкѣлочной массы; что эта ткань характеризуется наклономъ своею располагаться въ волокна; что даже клѣточные элементы со своими отростками соединяются въ эластическую трубчатую сѣть, или болѣе, или менѣе плотныя волокна. При всемъ этомъ мы должны имѣть въ виду какъ эта ткань въ степени развитія, въ отношеніяхъ къ сосѣднимъ частямъ, въ своемъ назначеніи и т. п. столько намъ должна давать различія въ гистологическомъ строеніи, что всякое усиліе соединить ихъ подъ одну, легко только путаетъ изслѣдователя, тѣмъ болѣе если ко всѣмъ различіямъ еще прибавить найденное для объясненія этой ткани вообще; наконецъ изъ подобной обработки особенно никакой выгоды не предвидится въ научномъ отношеніи. Не смотря на подобное возрѣвіе на этотъ предметъ съ моей стороны, мы встрѣчаемъ именно въ послѣднее время много гистологовъ, которые преимущественно занимаются подобнаго рода изслѣдованіями, и, естественно, вопросъ о строеніи соединительной ткани, безъ этого запутанный, еще болѣе и болѣе путаютъ, привлекая для объясненія болѣе и болѣе отдѣльнаго распространенія соединительную ткань. Между этими изслѣдованіями и г. Краузе считалъ необходимымъ прибавить свое мнѣніе къ этому разногласію относительно строенія соединительной ткани и выбралъ гистологическое описаніе сухожилія. Ему повадилось, чтобы дать этой статьѣ болѣе научный видъ, впередъ изложить всѣ мнѣнія относительно строенія соединительной ткани вообще, потомъ, описывая еще разногласія въ строеніи сухожильной ткани и собственные свои убѣжденія,

*

постоянно старается подвести строение послѣдней подъ соединительную ткань вообще; это все его принудило часто повторять, непрерывно указывать на различные авторитеты и все таки окончательно намъ сообщаетъ тоже самое существующее различіе въ мнѣніяхъ гистологовъ, которое и понынѣ казалось извѣстнымъ, только съ меньшими противорѣчіями, какъ мы ихъ здѣсь встрѣчаемъ (напримѣръ: заключеніе № 11 противорѣчить № 8 и т. п.). Я нахожу, что эти затрудненія, которымъ мы должны подвергнуться, при обработкѣ подобной гистологической темы, довели автора до того, что вся его статья окончательно оказывается компиляціею. Въ добавокъ все въ этой статьѣ тяжело составлено, съ очень незначительною критикою разсмотрѣны прежнія мнѣнія, или основаны собственныя, гдѣ они номвляются. Сомнѣнія нѣтъ, что требуется утомительное занятіе для отыскиванія вѣрнаго въ такой статьѣ; и что все это возможно было бы изложить гораздо проще, гораздо короче и все таки убѣдительнѣе и съ большей выгодой для науки. Слѣдовало бы автору только придержаться къ статьямъ о томъ же самомъ предметѣ, которыя имъ приводятся, именно Band, Rollet, Gerlach, Billroth и др., или наконецъ къ новѣйшему мнѣнію о соединительной ткани Beer'a, о которомъ авторъ впрочемъ даже и не упоминаетъ, и онъ могъ услужить всякому своею статьею. Имѣя въ виду громадную массу существующаго анатомическаго матеріала, мы считаемъ себя вправѣ требовать болѣе простоты и болѣе ясности, а то насъ это болѣе путаетъ, чѣмъ убѣждаетъ. Все таки трудъ г. Краузе, какъ молодаго анатома, заслуживаетъ всякаго вниманія, въ немъ современное научное направленіе, хотя еще довольно перепутанное.

3. Что касается до присланныхъ статей г. Лямбля, то объ одной части ихъ я долженъ отозваться, какъ объ образцѣ лучшихъ статей по патологической анатоміи; въ нихъ, со всею потребною научною скромностію, съ вполне современнымъ взглядомъ, и съ весьма вѣрными, долговременными занятіями, приобрѣтенными познаніями, изложены и рѣшены спорные пункты этого предмета; въ другой за то части статей г. Лямбля, именно его отчетъ о выставкѣ въ Парижѣ, путешествіи въ Англіи и Франціи мы уже не встрѣчаемъ односторонняго патолого-анатома, а вполне образованнаго медика, вооруженнаго всѣми, нынѣ для этого званія потребными познаніями, именно естественныхъ наукъ и съ критическимъ взглядомъ, который только приобрѣтается долговременнымъ, тщательнымъ занятіемъ по этому предмету. Прочитавъ эти статьи, изъ которыхъ впрочемъ извлеченія сдѣлать нельзя было, мы невольно забываемъ, что дѣло имѣемъ съ анатомомъ болѣе патологическимъ, а не физиологическимъ: мы убѣждаемся въ томъ, что подобнымъ статьямъ по

патологической анатоміи предшествовали обширныя познанія физиологической анатоміи. Если-бъ здѣсь еще потребовались доказательства, то мы ихъ находимъ въ свидѣтельствахъ извѣстныхъ намъ личностей (Boschdaleck, Hurlt, Engel и др.) о занятіяхъ г. Лямбля по описательной и топографической анатоміи. Сомнѣнія нѣтъ, что и новая статья, начало которой г. Лямбль препровождаетъ, составитъ хорошее прибавленіе къ нашимъ познаніямъ по этому предмету.

II. Относительно программъ.

1. Г. *Вилкомирскаго* — мы встрѣчаемъ программу извѣстную уже университетскаго преподавателя, которая не нуждается въ изложеніи метода, потому что она уже признана и на дѣлѣ оказалась вѣрною. Г. Вилкомирскій вполне вправѣ подобнымъ образомъ написать программу, такъ какъ онъ уже два года сряду по этой программѣ, одобренной факультетомъ, преподавалъ физиологическую анатомію. Не смотря на это, казалось бы необходимымъ нѣсколько подробнѣе узнать, какія намѣренія у соискателя кафедры физиологической анатоміи, относительно будущаго образованія своихъ слушателей по этому предмету; изъ простаго исчисленія всѣхъ предметовъ очень мало видно.

2. Г. *Краузе* въ своей программѣ знакомитъ насъ въ предисловіи съ исторіею анатоміи, съ ея значеніемъ прежде и нынѣ, утверждаетъ васъ на гистологическую часть, говоритъ такъ много, что трудно кажется ему будетъ выполнить; тѣмъ болѣе это покажется намъ вѣрнымъ, если мы рассмотримъ специальную его программу; въ ней исчисляется все и такъ много, что я боюсь за его слушателей и сомнѣваюсь, возможно-ли имъ будетъ все то выслушать, что обѣщается въ программѣ. Важнѣе было-бы для насъ, если бы мы могли изъ этой программы познаться съ собственнымъ мнѣніемъ г. Краузе, а то мы узнаемъ всѣ современныя мнѣнія относительно любого отдѣла физиологической анатоміи, но не упоминается, какого изъ нихъ авторъ придерживается. Нельзя же при преподаваніи одного предмета постоянно сообщать своимъ слушателямъ все разногласіе въ мнѣніяхъ и не указывать имъ дорогу, по какой имъ только возможно пріобрѣсти настоящія познанія по этому предмету въ будущности. Въ послѣдствіи, при специальной обработкѣ этого предмета, каждый можетъ болѣе обратить вниманія на историческое развитіе существующаго мнѣнія и тѣмъ предостерегаются отъ ошибокъ при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ.

3. Въ программѣ г. *Лямбля* изложенъ точно методъ преподаванія физиологической и патологической анатоміи, тоже въ такомъ обширномъ видѣ, какъ онъ только можетъ потребоваться для специалистовъ, менѣе

для тѣхъ, которыхъ еще ожидаютъ другія, можетъ быть, важныя занятія. Изъ этой программы только видно, что г. Лямбль въ состояніи, соотвѣтственно современнымъ требованіямъ, преподавать всѣ части анатоміи въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, но настоящаго круга своихъ дѣйствій онъ себѣ не начертилъ.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что я относительно присланныхъ къ объявленному конкурсу статей все преимущество долженъ отдать статьямъ г. Лямбля; зато ни одна изъ всѣхъ трехъ программъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ потребностямъ, которыя мы вправѣ выставить при преподаваніи физиологической анатоміи въ современномъ ея развитіи⁴.

По прочтеніи проф. Грубе критическаго разбора представленныхъ конкурентами сочиненій и программъ, члены медицинскаго факультета, читавшіе вышеупомянутыя сочиненія и программы гг. конкурентовъ, раздѣляютъ вполне мнѣніе проф. Грубе, и, имѣя къ тому же въ виду лестный отзывъ бывшаго профессора Харьковскаго университета Иллинскаго, напечатанный въ журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія за 1860 годъ (январская книжка) о достоинствѣ доктора Лямбля, какъ отличнаго преподавателя и ученаго анатома, отдають полное преимущество г. Лямблю, признавъ его одного исполнившимъ всѣ требованія по конкурсу, вслѣдствіе этого и положили: представить и ходатайствовать объ одномъ только г. Лямблѣ въ совѣтъ университета, какъ вполне достойномъ къ занятію каведры анатоміи въ университетѣ.

Дѣло о конкурсѣ на каведру нормальной анатоміи поступило въ совѣтъ университета, гдѣ и разсматривалось подробно въ засѣданіи 17-го мая 1860 г. Въ этомъ засѣданіи послѣ прочтенія доклада медицинскаго факультета, прочитанъ былъ *in extenso* отзывъ проф. Иллинскаго о докторѣ Лямблѣ, напечатанный въ январской книжкѣ за 1860 г. Журнала Министерства народнаго просвѣщенія¹⁾ и кромѣ того доложено

¹⁾ Отзывъ проф. Иллинскаго напечатанъ слѣдующій:

„*Дѣтскій госпиталь профессора Лешнера (Löschner)*. Объ этомъ заведеніи я долженъ упомянуть на столько, на сколько это касается существующаго въ немъ анатомическаго преподаванія. При госпиталѣ находится небольшая коллекція анатомическихъ и патологическихъ препаратовъ и залъ для анатомическихъ работъ; та и другая находится въ завѣдываніи приватъ-доцента доктора Лямбля, который и даетъ здѣсь частныя курсы нормальной и патологической гистологіи и дѣлаетъ патологическія секціи съ демонстраціями. Докторъ Лямбль принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые, при обширныхъ познаніяхъ, обладаютъ въ высокой степени даромъ яснаго, отчетливаго и послѣдовательнаго изложенія. Знакомый со всѣми особенностями микроскопа и всѣми тонкостями микроскопическихъ изслѣдованій, онъ приносить чрезвычайную пользу своимъ слушателямъ, научая видѣть въ предметѣ существенное и излагая тѣ начала развитія, на которыхъ основано

было предложеніе г. помощника попечителя округа, въ которомъ изъяснено, что посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Балабинъ, рекомендуетъ господину Министру народнаго просвѣщенія изъясвившаго желаніе занять вакантную въ Харьковскомъ университетѣ каедру анатоміи доктора Лямбля, который, при достоинствахъ ученаго и преподавателя, знаетъ и русскій языкъ. Въ этомъ же засѣданіи доложено было, что одинъ изъ конкурентовъ, а именно д-ръ Браузе просилъ о дозволеніи ему прочесть пробныя лекціи и что медицинскій факультетъ отказалъ ему въ этомъ, такъ какъ онъ не удовлетворилъ конкурса. Объ И. О. Вилкомирскомъ въ совѣтѣ не говорилось ничего, о Краузе—тоже, въ виду того, что медицинскимъ факультетомъ представленъ достойнымъ конкурентомъ одинъ только Лямбль. Члены совѣта, по обсужденіи всего дѣла, положили большинствомъ голосовъ подвергнуть одного Лямбля баллотировкѣ въ этомъ же засѣданіи. По справкѣ оказалось, что въ университетѣ есть только одна вакантная каедра экстра-ординарнаго профессора. Не смотря на это, большинство членовъ совѣта (15 противъ 9-ти), принимая во вниманіе европейскую извѣстность доктора Лямбля и не сомнѣваясь въ великой пользѣ, которую сей ученый, сдѣлавшись русскимъ профессоромъ, можетъ принести Россіи и Харьковскому университету, полагали справедливымъ баллотировать Лямбля прямо въ ординарные профессора.

Таковая баллотировка состоялась, при чемъ оказалось избирательныхъ 21 и неизбирательныхъ 3 голоса.

Такъ окончился первый конкурсъ на каедру нормальной анатоміи вполне неудачно для И. О. Вилкомирскаго.

Въ началѣ 1860 года И. О. Вилкомирскій подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности врача и преподавателя медицины при Харьковской духовной семинаріи. Увольненіе это состоялось 26-го іюня того-же года.

различное расположеніе и нерѣдко возникающая отсюда разнообразная форма элементовъ морфологическихъ, совершенно тождественныхъ между собою. Не менѣ замѣчательна въ немъ механическая часть наблюденія; одинъ и тотъ-же предметъ готовится къ изслѣдованію разнообразными способами; онъ имѣетъ сверхъ того значительную коллекцію готовыхъ препаратовъ, которые служатъ не малымъ пособіемъ при заготовленіи и изслѣдованіи свѣжихъ частей. При всемъ этомъ постоянное нахождение Лямбля въ кругу работающихъ при немъ и всегдашняя его готовность объяснять всѣ возникающія недоумѣнія, придаютъ еще болѣе цѣны анатомическимъ занятіямъ въ дѣтскомъ госпиталѣ. Не только специалистъ, но и всякій образованный врачъ не останется въ наглядѣ, удѣливъ часть времени на занятія у Лямбля, потому что здѣсь, кромѣ микроскопическихъ изслѣдованій, онъ найдетъ и практическія примѣненія таковыхъ у постели больныхъ“.

28-го іюля 1860 г. Ипполитъ Осиповичъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ засѣданіи 18-го августа 1860 г., за понесенный И. О. Вилкомирскимъ трудъ, какъ преподавателя анатоміи, возложенный на него факультетомъ, по причинѣ отсутствія профессора, медицинскій факультетъ положилъ представить въ совѣтъ о награжденіи Вилкомирскаго годовымъ окладомъ жалованья. Представленіе это уважено совѣтомъ въ засѣданіи 6-го сентября того-же года и Ипполиту Осиповичу назначено 571 р. и 72 коп. изъ экономическихъ суммъ университета.

Такъ какъ Д. Ф. Лямбль Высочайше опредѣленъ исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора анатоміи 28-го сентября, а въ Харьковѣ пріѣхалъ только въ концѣ 1860 года, то поэтому все преподаваніе анатоміи въ началѣ 1860—61 акад. года велъ И. О. Вилкомирскій, да и по пріѣздѣ Ляμβля, во-второй половинѣ 1860—61 акад. года анатомію студентамъ I-го курса читалъ тоже Вилкомирскій, а Лямбль въ первой половинѣ 1861 года читалъ анатомію сосудовъ и нервовъ только студентамъ 2-го курса 3 часа въ недѣлю и имъ же общую анатомію 1 часъ въ недѣлю; кромѣ того еще 2 часа въ недѣлю онъ употреблялъ для микроскопическихъ демонстрацій.

11-го мая 1861 г. проз. Вилкомирскій сдалъ анатомическій кабинетъ проф. Д. Ф. Лямблю. Въ теченіи 1861 года И. О. Вилкомирскій былъ 2 раза назначаема факультетомъ официальнымъ оппонентомъ при защитѣ диссертаций, а именно: 1-й разъ — 16-го апрѣля, при защитѣ диссертации подъ заглавіемъ „Объ органическомъ возстановленіи нижней губы“ лѣкаремъ Иваномъ Кондр. Зарубинымъ, официальными оппонентами были профф. В. Θ. Грубе, Д. Θ. Лямбль и проз. И. О. Вилкомирскій; 2-й разъ — 12-го ноября, при защитѣ диссертации, подъ заглавіемъ „Объ ущемленныхъ паховыхъ грыжахъ и ихъ лѣченіи“ лѣкаремъ Евгениемъ Скобликовымъ, официальными оппонентами были профф. В. Θ. Грубе, Д. Θ. Лямбль и проз. И. О. Вилкомирскій.

Итакъ изъ всего вышеприведеннаго мы видимъ, что Ипполитъ Осиповичъ является довольно дѣятельнымъ членомъ по кафедрѣ анатоміи, начиная съ 1855 года и кончая 1861 годомъ включительно. Въ 18^{55/56}, 18^{56/57} и 18^{57/58} академическихъ годахъ онъ производилъ рещитици студентамъ 1 и 2 курсовъ медицинскаго факультета по 2 часа въ недѣлю, а далѣе три года сряду (18^{58/59}, 18^{59/60} и 18^{60/61}) онъ вполне завѣдуетъ кафедрой и ведетъ все преподаваніе анатоміи.

Эти три года преподаванія анатоміи, включая сюда какъ лекціи, такъ и практическія занятія на трупахъ, должны были показать, насколько Ипполитъ Осиповичъ въ состояніи былъ оправдать тѣ надежды, которыя на него возлагались факультетомъ, надежды, основанныя на рекомен-

даці такихъ достойныхъ представителей науки, какъ гг. профессора Ванцетти, Нарановичъ, Струве и Иллинскій. Судя по послѣдующимъ дѣйствіямъ факультета, нужно думать, что онъ не былъ удовлетворенъ дѣятельностью Вилкомирскаго, такъ какъ при открывшейся вакансіи профессора на кафедре анатоміи, послѣ перехода Иллинскаго въ медицинско-хирургическую академію, факультетъ отказался представить на таковую И. О. Вилкомирскаго, а объявилъ конкурсъ. Встрѣтивъ между конкурентами такого виднаго представителя анатоміи и гистологіи какъ Д. Ф. Лямбль, факультетъ рѣшилъ даже игнорировать другихъ двухъ конкурентовъ, Вилкомирскаго и Краузе, и представилъ отъ себя въ совѣтъ университета одного лишь достойнаго кандидата Лямбля.

Нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ такому дѣянію медицинскаго факультета, такъ какъ очевидно онъ стремился поднять на надлежащую высоту основную кафедру медицинскаго факультета—анатомію, которая, какъ свидѣтельствуютъ современники, крайне пала за время отсутствія проф. Иллинскаго. Паденіе это выразилось, во-первыхъ, въ уменьшеніи количества студентовъ медиковъ на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета. Всякій, кто только могъ и имѣлъ средства, ѣхалъ въ Кіевскій или Московскій университетъ, или даже въ мед.-хир. академію. Ропотъ неудовольствія между молодежью, неудовлетворенной изложеніемъ Вилкомирскаго, дошелъ до того, что стали посылаться массами письменныя заявленія редактору „Современной Медицины“—проф. Вальтеру ¹⁾. „О невозможно печальномъ состояніи кафедры анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ, такъ какъ читающій ее профессоръ В. ни свѣдѣніями своими, ни способомъ выраженія не удовлетворяетъ молодежи, которая не находитъ даже мысли у лектора при изложеніи; что практическія занятія по анатоміи вовсе не ведутся, а экзаменъ по анатоміи до скандальности легокъ“.

Хотя И. О. Вилкомирскій и напечаталъ ²⁾ отъ себя отвѣтъ, въ которомъ онъ желалъ доказать якобы несправедливость взводимыхъ на него упрековъ, но отвѣтъ этотъ очень слабъ и мало доказателенъ, а потому и тяжесть обвиненія осталась въ глазахъ общества въ полной силѣ. Дѣйствительно, нужно было слышать, какъ отзывались слушатели о лекціяхъ И. О. Вилкомирскаго, чтобы судить объ ихъ достоинствѣ. Еще будучи гимназистомъ VI и VII классовъ, я имѣлъ весьма много знакомыхъ студентовъ медиковъ, слушателей Ипполита Осиповича и ни отъ одного изъ нихъ не слышалъ одобрительнаго отзыва о лекціяхъ Вилко-

¹⁾ „Современная Медицина“. 1860 г., № 39.

²⁾ „Московская Медицинская Газета“. 1861 г., № 4.

мирскаго, наоборотъ, въ частныхъ товарищескихъ кружкахъ постоянно передавались, въ крайне насмѣшливомъ тонѣ, разныя частныя замѣчанія по поводу лекцій. Благоговѣя предъ университетомъ, какъ храмомъ науки, я былъ пораженъ, какъ возможно въ такомъ шутовскомъ тонѣ говорить объ одномъ изъ представителей этого храма. Что касается экзамена, то онъ производился по билетамъ и были случаи, когда на полулѣкарскомъ экзаменѣ проходили съ знаніемъ одной только остеологии, да и то по преимуществу костей черепа!

Не смотря на такое положеніе дѣлъ, видимо не говорящихъ въ пользу Ипполита Осиповича, мы находимъ въ дѣлахъ факультета одинъ чрезвычайно интересный документъ, говорящій за Вилкомирскаго— это именно рапортъ проф. Лямбля, заслушанный въ факультетѣ 14 мая 1861 г. Рапортъ этотъ слѣдующій:

„Оканчивая чтеніе въ истекшемъ академическомъ году, признаю за собой обязанность, независимо отъ представленнаго уже мною въ факультетъ отчета о пройденномъ, представить ему въ немногихъ словахъ и результатъ того отдѣльнаго чтенія по части анатоміи, какое рѣшено было въ началѣ полугодія факультетомъ, признано совѣтомъ и утверждено г. попечителемъ. Обязанность эта тѣмъ болѣе въ глазахъ моихъ настоятельнаѣе, что чтеніе это утверждено въ силу моего представленія и должно было совершиться подъ непосредственнымъ моимъ наблюденіемъ. Г. прозекторъ Вилкомирскій, на котораго возложена была часть чтенія по частной анатоміи, началъ его почти въ самомъ началѣ втораго семестра и продолжалъ вплоть до окончанія преподаванія передъ праздникомъ пасхи. Въ нѣкоторыя недѣли количество лекцій его доходило до четырехъ, иногда до трехъ и очень рѣдко до двухъ. Неравномѣрность эта зависѣла отъ необходимости отдѣлить одну, другую лекцію для спеціальнаго разсмотрѣнія предмета, на которомъ я находилъ полезнымъ остановиться самъ.

Въ первое время лекціи г. Вилкомирскаго читались постоянно въ моемъ присутствіи (въ продолженіи 2 мѣсяцевъ), въ послѣдствіи, особенно подъ конецъ курса, я усмотрѣлъ полную возможность ослабить и даже въ заключеніе вовсе устранить отъ себя эту обязанность, довольствуясь предварительнымъ краткимъ совѣщаніемъ съ г. Вилкомирскимъ о предметѣ его чтенія въ ту или другую лекцію и о способѣ, какимъ успѣшнѣе изложить тотъ, или другой предметъ. Такая перемѣна въ отношеніяхъ моихъ къ этимъ лекціямъ обусловливалась естественно значеніемъ лекцій и приобрѣтенной увѣренностію, что значеніе ихъ не измѣнится и въ моемъ отсутствіи въ аудиторіи; въ этой увѣренности я не премину представить и оправданіе.

Могу сказать без преувеличенія, что каждая лекція г. Вилкомирскаго отличалась необходимою *подробностью*, полнотою и точностью, сопровождалась ясностью и *отчетливостью* въ изложеніи. Въ каждой лекціи замѣтно было трудолюбивое *приготовленіе*, основанное на извлеченіи лучшаго изъ многихъ лучшихъ пособій и руководствъ, и понятно, что каждая лекція не могла не нести за собою вполне удовлетворительнаго успѣха. Само собою разумѣется, что въ излагавшейся имъ части анатоміи, я встрѣчалъ постоянно то же ревностное прилежаніе и обладаніе тѣми же необходимыми для пользы студентовъ условіями. Конечно, *приготовить препаратъ* для лекціи опытному прозектору не составляетъ особеннаго труда, но для меня всегда казались неизмѣримо важнѣйшими тѣ указанія, которыя производятся надъ трупомъ *немосредственно* передъ слушателями, безъ приготовительной въ ихъ отсутствіи работы. При этомъ способѣ студентъ усваиваетъ не только то, что имѣется въ виду для опредѣленной лекціи, но и приучается къ самому процессу вскрытія искомой части въ организмѣ и при этомъ та же искомая часть представляется ему уже въ яснѣйшей и полнѣйшей связи со всѣмъ окружающимъ. Тутъ и отъ преподавателя требуется прочнѣйшее *знаніе*, а *вмѣстѣ навѣкъ и ловкость*. Въ этомъ отношеніи г. Вилкомирскій убѣждалъ меня постоянно, что недаромъ прошла долгодѣтная его служба прозекторомъ. Убѣжденіе это не мало скрѣплялось и неоднократно моими предложеніями прочесть тотъ или другой предметъ, который казался необходимымъ для моихъ специальныхъ занятій съ гг. студентами,—предложеніями, дѣлавшимися иногда наканунѣ лекціи, а иногда въ день лекціи за очень непродолжительное предъ нею время. Не считая достаточнымъ ограничиваться собственнымъ своимъ довольствомъ лекціями г. Вилкомирскаго, я подъ конецъ семестра старался разузнать сужденіе объ ихъ успѣхѣхъ и отъ тѣхъ, кто поставленъ въ необходимость наиболѣе понимать и цѣнить этотъ успѣхъ—отъ гг. *студентовъ* и въ отвѣтъ ихъ—это были студенты I курса—услышалъ я пріятное для меня оправданіе и моего собственнаго довольства и моей увѣренности въ возможности послѣдующаго отсутствія моего на лекціяхъ г. прозектора.

Все это вызвало меня къ нравственной необходимости: а) принести *искреннюю благодарность* г. Вилкомирскому предъ медицинскимъ факультетомъ, согласившимся на мое предложеніе объ временномъ отдѣленіи части лекцій на долю г. прозектора и б) просить факультетъ объ *уведомленіи объ этомъ совѣта университета*, охотно подтвердившаго рѣшеніе факультета. Я считаю излишнимъ изъяснять факультету всю пользу, какую принесъ г. Вилкомирскій чтеніемъ одной части описательной

анатоміи моимъ занятіямъ со студентами: безъ него я не имѣлъ бы того простора во времени, какимъ необходимо долженъ былъ располагать при столь позднемъ началѣ чтенія и при полной неподготовленности студентовъ „въ общей (микроскопической) анатоміи“.

Не смотря на такой лестный отзывъ Лямбля о Вилкомирскомъ, все же таки анатомію въ слѣдующемъ 1861—62 академическомъ году читалъ Д. Ф. Лямбль; Ипполиту Осиповичу поручено было только наблюденіе надъ практическими занятіями студентовъ на трупахъ.

Въ 1861 году я поступилъ на медицинскій факультетъ Харьковскаго университета и въ теченіи двухъ академическихъ лѣтъ (1861—62 и 1862—63) выслушавъ полный демонстративный курсъ анатоміи и гистологіи Лямбля. Что же касается до практическихъ занятій, то таковыя велись очень плохо, вѣрнѣе сказать, ихъ почти вовсе не было. Для изученія остеологіи намъ приходилось покупать кости у помощника прозектора П. К. Гумбурга, или просто у служителей анатомическаго театра. Работы же на трупѣ не считались обязательными, а потому мало кто работалъ. За два года я едва могъ упросить Гумбурга дать мнѣ верхнюю конечность для препарованія мышцъ и нервовъ. Руководителя при занятіяхъ не было и разбирать препаратъ приходилось исключительно самому. Обязательной сдачи препарованной части не требовалось.

Въ 1862 году, января 16-го, Ипполитъ Осиповичъ, за отличіе по службѣ, Всемилостивѣйше награжденъ единовременною выдачею 280 р. изъ экономическихъ суммъ университета. Въ мартѣ того-же года И. О. Вилкомирскій вошелъ въ факультетъ съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

„Преподавая три года сряду анатомію по порученію медицинскаго факультета и въ то же время исполняя прямыя свои обязанности по званію прозектора, я такъ разстроилъ свое здоровье, что признаю крайне необходимымъ отправиться для излеченія за границу на минеральныя воды. Не имѣя средствъ для этой цѣли, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить медицинскій факультетъ исходатайствовать мнѣ денежное пособіе и отпуска для поѣздки за границу на двадцать восемь дней сверхъ ваканціоннаго времени съ удержаніемъ жалованья“.

На это прошеніе факультетъ положилъ такую резолюцію: представить совѣту университета, что факультетъ согласенъ съ мнѣніемъ г. Вилкомирскаго касательно командировки его въ просимое имъ заграничное путешествіе съ сохраненіемъ получаемаго имъ жалованья. Что же касается до денежнаго пособія, то факультетъ затрудняется ходатайствовать о выдачѣ ему онаго, такъ какъ г. Вилкомирскій недавно получилъ денежную награду, впрочемъ представляетъ обстоятельство

это благоусмотрѣнію совѣта. Результатъ былъ таковъ: командировка разрѣшена, въ денежномъ пособіи отказано.

27-го марта 1862 г. Ипполитъ Осиповичъ былъ въ числѣ официальныхъ оппонентовъ при защитѣ докторантомъ Аврамомъ Финкельштейномъ диссертациі, подъ заглавіемъ „Исслѣдованіе важнѣйшихъ вопросовъ ущемленія паховыхъ и бедренныхъ грыжъ“.

1-го іюня 1862 г. въ факультетъ поступилъ рапортъ проф. Лямбли слѣдующаго содержанія: „Еще въ концѣ 18⁶⁰/61 академическаго года я имѣлъ случай заявить предъ факультетомъ и предъ совѣтомъ университета о трудолюбіи, знаніи и преподавательскихъ способностяхъ прозектора нашего университета доктора Вилкомирскаго, о томъ же нахожу вполнѣ справедливымъ заявить и въ настоящее время. Между тѣмъ объемъ физиологической анатоміи расширяется съ каждымъ годомъ больше и больше и при необходимости внимательнаго изученія со стороны студентовъ микроскопической анатоміи ставитъ преподавателя анатоміи въ невозможность съ одинаковымъ успѣхомъ проходить всѣ ея части, для этого оказывается недостаточнымъ ни время, ни силы одного человѣка, а потому, принимая въ соображеніе и долговременную службу въ званіи прозектора д-ра Вилкомирскаго, его неоднократныя чтенія лекціи по анатоміи, въ отсутствіи профессоровъ, доставившія ему значительную опытность, наконецъ и то, что онъ успѣлъ уже внимательно выслушать и усвоить полный курсъ физиологической и патологической анатоміи на моихъ лекціяхъ, я считаю справедливымъ и съ его стороны заслуженнымъ предоставить д-ру Вилкомирскому званіе адъюкта по физиологической анатоміи и прошу совѣтъ университета объ исходатайствованіи ему у высшаго начальства этого званія, которое по моему рѣшительному убѣжденію должно исключительно принадлежать прозектору анатоміи“.

Обсудивъ рапортъ проф. Лямбля, факультетъ положилъ: Довести совѣту университета, что медицинскій факультетъ согласенъ съ проф. Лямблемъ, что преподаваніе физиологической анатоміи требуетъ значительныхъ трудовъ и занимаетъ много времени у профессора, но тоже самое можетъ быть отнесено и ко всѣмъ другимъ медицинскимъ предметамъ, такъ что если бы факультетъ согласился на учрежденіе мѣста адъюкта для физиологической анатоміи, то на томъ же основаніи онъ долженъ бы былъ имѣть адъюктовъ и по другимъ медицинскимъ кафедрамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя гораздо больше обширны, чѣмъ кафедра анатоміи; примѣромъ можетъ служить кафедра хирургической клиники и оперативной хирургіи, преподаватель которой имѣетъ 15 часовъ въ недѣлю, тогда какъ преподаватель анатоміи только 7 часовъ.

Основываясь на этомъ и руководствуясь примѣромъ всѣхъ русскихъ и иностранныхъ университетовъ, факультетъ считаетъ мѣсто адъюнкта при кафедрѣ фізіологической анатоміи совершенно излишнимъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, не смотря на рекомендацію Лямбля, факультетъ отказался ходатайствовать о назначеніи Вилкомирскаго адъюнктомъ по кафедрѣ нормальной анатоміи и не нашелъ нужнымъ даже назначеніе самой должности адъюнкта по анатоміи.

14-го октября 1862 г. Ипполитъ Осиповичъ снова выступалъ въ качествѣ официальнаго оппонента при защитѣ докторантомъ Альбертомъ Шислеромъ диссертации, подъ заглавіемъ „Объ образованіи искусственнаго зрачка посредствомъ иридектоміи“.

Въ 1863 году февраля 3-го, за прослуженіе 12 лѣтъ сряду въ должности не ниже VIII класса, И. О. Вилкомирскій Всемиловѣннѣе награжденъ орденомъ св. Анны 3 степени.

Въ засѣданіи факультета 19-го августа 1863 г. разсуждали объ отдѣленіи кафедры микроскопической и патологической анатоміи. Принявъ во вниманіе важность патологической анатоміи для современной медицины и необходимость распространенія преподаванія ея въ нашемъ университетѣ, медицинскій факультетъ предложилъ проф. Лямблю принять на себя преподаваніе этого предмета, вслѣдствіе чего, съ согласія проф. Лямбля, назначилъ для него 5 часовъ въ недѣлю въ 3 курсѣ. Такъ какъ при этомъ оказывается невозможнымъ для проф. Лямбля, преподающаго кромѣ того микроскопическую анатомію, заниматься вмѣстѣ и преподаваніемъ описательной анатоміи, то факультетъ, основываясь на § 20 и 23 Высочайше утвержденнаго устава университета, положилъ поручить преподаваніе описательной анатоміи, въ видѣ временной мѣры, г. прозектору Вилкомирскому.

Такимъ образомъ въ 1863—64 академическомъ году Ипполитъ Осиповичъ снова является на кафедрѣ анатоміи. Въ сентябрѣ 1863 Вилкомирскій былъ назначенъ официальнымъ оппонентомъ при защитѣ докторантомъ Юліемъ Газенъ-Егеромъ диссертации подъ названіемъ „О резекціи верхней и нижней челюсти“.

Желая обезпечить кафедру анатоміи отдѣльнымъ преподавателемъ, медицинскій факультетъ 2-го сентября 1863 г. положилъ объявить конкурсъ для лицъ, желающихъ занять въ Харьковскомъ университетѣ должность доцента при кафедрѣ описательной анатоміи. Срокъ конкурса назначенъ на 1 марта 1864 г. Программа конкурса составлена проф. Лямблемъ и по своему содержанію ничѣмъ не отличается отъ программы, объявленной въ 1860 году.

Имя въ виду явиться конкурентомъ на доцентуру анатоміи, Ипполитъ Осиповичъ напечаталъ въ 1863 г. 1 выпускъ своего „Курса физиологической анатоміи человѣческаго тѣла“, заключающій въ себѣ остеологию и синдесмологию ¹⁾, а въ началѣ 1864 г. 2 выпускъ—Миологию съ фасціями. На объявленный конкурсъ явилось три конкурента: Вилкомирскій, Финкельштейнъ и Вагнеръ.

Въ засѣданіи 27 апрѣля факультетъ обсуждалъ достоинства конкурентовъ, причѣмъ о послѣднихъ доставлены слѣдующія свѣдѣнія въ факультетъ.

1. Г. *Вилкомирскій*. Предпосылаются краткія свѣдѣнія о его учебной и служебной дѣятельности. На конкурсъ представлены имъ слѣдующія сочиненія: А. *Печатныя* — 1) докторская диссертация — „De rationibus quibus diarthroses contiguae, ob diversam earum structuram anatomicam moveantur et luxentur“; 2) первая лекція по анатоміи; 3) послѣдняя лекція по анатоміи; 4) обзорѣніе мышечной ткани и мускуловъ вообще; 5) курсъ физиологической анатоміи человѣческаго тѣла, 1-й и 2-й выпускъ. В. *Рукописныя сочиненія*—1) анатомико-топографическое описаніе паховаго канала съ его приготовленіемъ ex promptu; 2) анатомико-топографическій очеркъ надключичнаго треугольника съ исторіею перевязки лѣвой подключичной артеріи, сдѣланной проф. Ванцетти.

---

¹⁾ Докторъ Грumbъ, въ издаваемой имъ врачебной газетѣ „Другъ здравія“ за 1864 г., № 7-й, въ отдѣлѣ Библіографія, — стр. 56, помѣстилъ слѣдующій отзывъ о первомъ выпускѣ анатоміи Вилкомирскаго: „In paucis multa et necessaria“ должно быть левизомъ этому учебнику, который служитъ руководствомъ къ изученію анатоміи при диссекціяхъ. Учащимся дѣйствительно необходимо такое элементарное сочиненіе, которое вмѣщало-бы въ себѣ начальныя познанія науки и могло-бы служить всегдашнимъ руководствомъ къ изученію предметовъ въ академическихъ курсахъ. Эта необходимость болѣе всего явственна въ изученіи анатоміи, гдѣ не столько надобно изучать то, что содержится въ книгѣ, особенно номенклатурные элементы, сколько то, что представляетъ собою весьма сложный человѣческій организмъ. Онъ требуетъ рациональнаго изслѣдованія и изученія, но такого только, которое возможно и необходимо для учащагося. Анатомическая номенклатура, то греческая, то латинская, весьма многочисленна, и чтобы только ее одну изучать, требуется много времени и усилій. Между тѣмъ изученіе всѣхъ составовъ организма, даже и не въ подробности требуетъ большихъ усилій памяти и занятій на трупахъ. Вотъ почему такъ трудно приспособить элементарное сочиненіе къ потребностямъ науки и академическаго курса. Я увѣренъ, что гораздо полезнѣе и необходимѣе краткое руководство, чѣмъ учебникъ многотомный, обремененный номенклатурою, цитатами и вводными, особенно физиологическими свѣдѣніями. Итакъ, курсъ доктора Вилкомирскаго составленъ для учащихся по такой программѣ, которая наиболѣе соответствуетъ своей цѣли и изученію предметовъ. Въ анатоміи теперь почти нѣтъ новыхъ открытій, и уже почти все сдѣлано для совершеннаго познанія организма въ здоровомъ его состояніи. При томъ теперь есть очень много превосходныхъ анатомиче-

2. Г. *Финкельштейнъ* — окончилъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1860 году, путешествовалъ за тѣмъ за-границей, гдѣ, по его словамъ, занимался преимущественно анатоміею и хирургіею; въ 1862 году, по выдержаніи имъ экзамена и защищеніи диссертациі, утвержденъ въ степени доктора медицины; въ 1863 г. определенъ лѣкаремъ Кавказскаго линейнаго № 10 баталіона и состоитъ въ настоящее время при Грозненскомъ военномъ госпиталѣ. На конкурсъ представлены имъ слѣдующія сочиненія: 1) диссертациія на степень доктора; 2) лекціи фیزیологической патологіи К. Бернара; 3) о скорбутѣ и дискразіяхъ вообще; 4) описаніе нѣкоторыхъ остеологическихъ препаратовъ изъ анатомическаго музея Харьковскаго университета; 5) изслѣдованіе нѣкоторыхъ анатоми-хирургическихъ вопросовъ, относящихся къ подчелюстной области.

3. Г. *Вагнеръ* окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ и по защищеніи диссертациі удостоенъ степени доктора медицины въ 1858 г.; въ томъ-же году назначенъ помощникомъ прозектора при Дерптскомъ университетѣ; въ 1861 г. былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу на 6 мѣсяцевъ; время это было употреблено имъ главнымъ образомъ на занятія анатоміею человѣка и животныхъ подъ руководствомъ

скихъ таблицъ. Кромѣ того во всякомъ анатомическомъ музеѣ препараты представляютъ для нагляднаго изслѣдованія всѣ составы нашего тѣла и можно во всякое время изучать его. На лекціяхъ обыкновенно передъ учащимися показываются тѣ свѣже-приготовленные препараты, о которыхъ говорятъ профессоры. Микроскопія и химія не должны быть присоединяемы къ анатоміи, ибо тѣ составляютъ теперь отдѣльныя науки и принадлежать болѣе къ патологической анатоміи. Правду сказать, что въ настоящее время какія-бы то ни было элементарныя анатоміи, въ сущности, суть ни что иное, какъ компиляціи. Поэтому, вся заслуга авторовъ заключается въ томъ, чтобъ они умѣли приспособить ихъ къ практическимъ потребностямъ. Фیزیологія же хотя и находится въ тѣсной связи съ анатоміею, но она составляетъ самостоятельную науку, и свѣдѣнія по анатоміи и фیزیологіи разграничены. Фیزیологія непрерывно совершенствуется, распространяется и видоизмѣняется. Этому доказательствомъ служатъ непрерывно выходящія въ свѣтъ фیزیологическія сочиненія и періодическія изданія. Они то показываютъ, какъ фیزیологія все болѣе и болѣе обогащается новыми свѣдѣніями на счетъ отправленій всѣхъ частей тѣла, и въ особенности нервной системы. Въ теченіи 32-лѣтней журнальной моей дѣятельности я имѣлъ полную возможность слѣдить за фیزیологіею и видѣть, какъ эта наука развивалась и расширялась и что она сдѣлала съ 1832 по 1863 г. Можно сказать, что успѣхи фیزیологіи были изумительны, между тѣмъ какъ анатомія мало обогащалась и авторы дѣлали ее занимательною только чрезъ присовокупленіе къ ней фیزیологическихъ свѣдѣній, т. е. чрезъ указаніе, какія отправленія принадлежатъ къ какой части тѣла. Впрочемъ, собственно топографическая анатомія, можно сказать, наука еще новая, однако разработана на столько, что теперь уже есть много прекрасныхъ сочиненій по этой отрасли анатоміи.

проф. Рейхерта, Дюбуа и Гурльта. Въ 1862 г. опредѣленъ приватъ-доцентомъ при томъ же университетѣ; въ 1863 г. былъ командированъ съ ученою цѣлью во внутреннія губерніи Россіи на 4 мѣсяца. По возвращеніи изъ путешествія г. Вагнеръ читалъ лекціи по сравнительной анатоміи мозга позвоночныхъ животныхъ и человѣка; въ настоящемъ же году преподаетъ топографическую анатомію. На конкурсѣ представлены имъ слѣдующія сочиненія: 1) докторская диссертация— „De partibus mammalium os temporum constituentibus“; 2) „Notiz über einen theilweise doppelten Centralcanal im Rückenmark des Menschen“; 3) „Ueber den Ursprung der Sehnervenfasern im menschlichen Gehirn“.

Послѣ сего въ факультетѣ выслушано мнѣніе проф. Лямбля о сочиненіяхъ конкурентовъ слѣдующаго содержания:

I. Г. Вилкомирскій. Три изъ приведенныхъ сочиненій (a) De rationibus, quibus diarthroses contiguae moveantur et luxentur, b) анатомо-топографическій очеркъ надключичнаго треугольника, съ исторіею перекрестка лѣвой подключичной артеріи и с) анатомо-топографическое описаніе паховаго канала относятся къ частнымъ вопросамъ, и такъ какъ предметъ въ нихъ описанъ съ достаточной подробностью и точностью, то они заслуживаютъ быть призванными за полезныя труды. Входя въ разрядъ сочиненій по описательной и топографической анатоміи, всѣ они не лишены практическихъ выводовъ и замѣчаній въ отношеніи къ хирургіи. Три сочиненія d) первая лекція по анатоміи, e) послѣдняя лекція по анатоміи и f) обзоръ мышечной ткани и мускуловъ вообще, принадлежащія къ разряду ораторскихъ произведеній, имѣютъ едва-ли больше, нежели условное значеніе, опредѣляемое мѣстностью и временемъ, гдѣ и когда они были произнесены. Наконецъ, курсъ физиологической анатоміи стоитъ наравнѣ съ многочисленными изданіями такъ называемыхъ компендій, печатаемыхъ (въ особенности за границей) не для проведенія новыхъ взглядовъ, а для распространенія извѣстныхъ фактовъ въ сжатомъ видѣ, или въ такой формѣ, какая кажется пригодною для руководства преподавателямъ и слушателямъ.

Назначая конкурсъ на должность доцента по анатоміи, факультетъ имѣлъ въ виду пріобрѣтеніе новой, свѣжей учебной силы и усиленіе состава преподавателей. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить, что прошеніе г. Вилкомирскаго объ опредѣленіи его доцентомъ никакъ не соотвѣтствуетъ цѣли и намѣренію факультета. Извѣстно кромѣ того, что, по новому уставу, прозекторъ считается не только наравнѣ съ доцентомъ, но въ извѣстномъ отношеніи положеніе его даже выгоднѣе положенія послѣдняго. Если при такихъ обстоятельствахъ и вопреки очевидной выгодѣ, прозекторъ желаетъ занять мѣсто доцента, то воп-

рость можетъ состоять только въ томъ, считаетъ ли себя факультетъ въ правѣ отказать ему въ исполненіи этого желанія? Не зная, какое будетъ рѣшеніе этого вопроса, и считая долгомъ заявить, что г. Вилкомирскому можно повѣрить чтеніе только описательной анатоміи, которое впрочемъ поручено ему факультетомъ уже прежде.

II. Г. *Финкельштейнъ*. О нѣкоторыхъ изъ его сочиненій было своевременно подано письменное мнѣніе; докторская диссертация тоже была защищена въ здѣшнемъ университетѣ. Два сочиненія: а) лекціи физиологической патологіи проф. К. Бернара и б) о скорбутѣ—не имѣютъ никакого отношенія къ предмету, по которому назначенъ конкурсъ; кромѣ того одно изъ этихъ сочиненій (а) не представляетъ самостоятельнаго труда, а другое (б) составлено по такимъ обветшалымъ источникамъ и стариннымъ взглядамъ, что уже десять лѣтъ тому назадъ должно было бы считать его несовременнымъ. Остаются только два сочиненія: с) изслѣдованіе нѣкоторыхъ анатомо-хирургическихъ вопросовъ, относящихся къ подчелюстной области и d) описаніе нѣкоторыхъ препаратовъ Харьковскаго анатомическаго театра, относящихся къ описательной анатоміи; одно изъ нихъ (с) написано за ученымъ столомъ, другое (d), хотя и составлено по естественнымъ предметамъ, но о технической способности автора оно никакъ не свидѣтельствуетъ, такъ какъ нѣтъ никакого ручательства—занимался-ли онъ когда нибудь въ анатомической лабораторіи. Это важное обстоятельство, котораго нельзя оставить безъ вниманія, коль скоро вопросъ идетъ о техническомъ дѣлѣ. Ни ученость, ни счастливыя комбинаціи умственной дѣятельности не могутъ замѣнить ловкости и вѣрности практическихъ приѣмовъ—что составляетъ существенно необходимое качество, требуемое отъ преподавателя анатоміи.

Два года тому назадъ, когда я высказалъ г. Финкельштейну готовность снабдить его всѣми пособиями, чтобы онъ, въ качествѣ приватъ-доцента успѣлъ приобрести техническую опытность, я могъ на вѣрно рассчитывать, что, при нѣкоторомъ прилежаніи, чрезъ два года изъ него выйдетъ достойный кандидатъ для доцентуры. Однакожь, кандидатъ провелъ два года въ постороннихъ занятіяхъ и является вновь конкурентомъ на преподавательскую должность, для замѣщенія которой факультету не можетъ показаться достаточнымъ одно „желаніе заниматься“ анатоміею, такъ какъ ему нужно имѣть до извѣстной степени опытнаго преподавателя. Представляю впрочемъ рѣшенію факультета, насколько мое мнѣніе сообразно съ новымъ уставомъ.

III. Г. *Вагнеръ*. Печатныя сочиненія: 1) De partibus mammalium os temporum constituentibus, 2) Notiz. ueber einen theilweise doppelten

Centralkanal im Rückenmark des Menschen; 3) Ueber den Ursprung der Sehnervenfasern im menschlichen Gehirn.

Къ 1. Авторъ занялся, по совѣту проф. Гейснера, сравнительнымъ изслѣдованіемъ череповъ млекопитающихъ, для рѣшенія вопроса о составныхъ частяхъ височной кости; въ результатѣ выходитъ, что у нихъ, равно какъ и у человѣка, есть три существенныя части, изъ которыхъ двѣ (*os petrosum et os tympanicum*) служатъ для органа слуха. Такъ называемая „*pars mastoidea*“ представляетъ только отростокъ у человѣка, не находящійся у другихъ животныхъ.

Къ 2. Въ настоящее время опредѣляется каналъ спиннаго мозга на микроскопическихъ разрѣзахъ только окрашиваніемъ эпителія карминомъ; на этомъ методѣ основывается наблюденіе автора о двойномъ каналѣ — патологическомъ уклоненіи, найденномъ у человѣка среднихъ лѣтъ.

Къ 3. Авторъ занялся микроскопическимъ изслѣдованіемъ началъ и происхожденія зрительнаго нерва въ мозгѣ, одной изъ самыхъ трудныхъ задачъ, о которой очень многіе авторы писали, но которую очень немногіе изслѣдовали, такъ что даже относительно Kölliker'a можно сомнѣваться, сдѣлалъ ли онъ когда нибудь настоящее изслѣдованіе, о Якубовичѣ извѣстно, что его разновременныя описанія слишкомъ сжаты, неточны и между собою несогласны. Хотя авторъ результаты своихъ изслѣдованій не считаетъ полнымъ и окончательнымъ рѣшеніемъ всего вопроса, а самъ сравниваетъ ихъ съ афоризмами и отрывками, не дающими еще возможности общаго соображенія, но нельзя не признать его добросовѣстности въ этомъ отношеніи, равно какъ и отчетливости и точности въ избранномъ методѣ, вѣрность котораго служитъ ручательствомъ за то, что приведенныя здѣсь показанія будутъ считаться первыми основательными свѣдѣніями о центральномъ концѣ зрительнаго нерва. Микроскопическія измѣренія и литографическіе рисунки придаютъ предмету желаемую наглядность.

Не имѣя данныхъ, чтобы судить о знаніи русскаго языка и о степени преподавательскихъ способностей кандидата, я привожу только слѣдующій выводъ изъ упомянутыхъ трехъ сочиненій: Авторъ любитъ самостоятельную обработку нерѣшенныхъ вопросовъ; въ пользу его говорить знакомство съ микроскопомъ и, по всей вѣроятности, искусство рисованія, столь полезное или, лучше сказать, необходимое для анатома“.

По разсмотрѣніи означенныхъ сочиненій всѣхъ конкурентовъ гг. членами факультета и по обсужденіи письменнаго мнѣнія о нихъ проф. Лямбля, факультетъ положилъ подвергнуть гг. конкурентовъ баллотировкѣ на основаніи § 70 устава университетовъ. При произведенной

*

баллотировкѣ оказалось, что г. Вилкомирскій получилъ 2 бѣлыхъ и 4 черныхъ, г. Финкельштейнъ 0—бѣлыхъ и 6 черныхъ и г. Вагнеръ 5 бѣлыхъ и 1 черный.

Дѣло о конкурсѣ на кафедрѣ анатоміи разсматривалось въ засѣданіи Совѣта 14-го апрѣля 1864 г., а баллотировка конкурентовъ произведена въ засѣданіи Совѣта 5-го мая того же года, при чемъ Вилкомирскій получилъ избирательныхъ 13 и неизбирательныхъ 12, Финкельштейнъ избир. ни одного, неизбир. 25 и Вагнеръ избират. 17 и неизбир. 8 балловъ.

20-го августа того же года медицинскій факультетъ получилъ увѣдомленіе, что И. К. Вагнеръ утвержденъ г. попечителемъ учебнаго округа въ званіи доцента анатоміи.

Такимъ образомъ и второй конкурсъ на кафедрѣ анатоміи прошелъ для Ипполита Осиповича также неудачно, какъ и первый.

Въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца пріѣхалъ въ Харьковъ И. К. Вагнеръ, а потому факультетъ 12-го сентября сдѣлалъ распределеніе преподаванія анатоміи въ такомъ видѣ, что Вилкомирскому поручено преподаваніе студентамъ 1 курса отдѣловъ о костяхъ и связкахъ въ 1 семестрѣ, причемъ для преподаванія назначены 3 часа въ недѣлю. Доцентъ Вагнеръ долженъ преподавать остальные отдѣлы описательной анатоміи студентамъ того же курса 6 часовъ въ недѣлю.

Въ концѣ 1864 года Ипполитъ Осиповичъ напечаталъ „Анатомико-топографическій очеркъ надключичнаго треугольника“ и началъ печатаніе 3-го выпуска своей анатоміи—ученіе о сосудахъ (Angiologia).

7-го декабря 1864 года Ипполитъ Осиповичъ заявилъ желаніе въ факультетъ читать анатомію для желающихъ, на что выражено согласіе факультета.

Въ 1865, 1866, 1867 и 1868 годахъ съ разрѣшенія г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа Вилкомирскій преподавалъ безвозмездно лекціи микроскопической анатоміи въ Харьковскомъ ветеринарномъ училищѣ.

27-го ноября 1864 г. за отлично-усердную службу Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени.

Мая 3-го 1866 года Вилкомирскій по экзамену удостоенъ медицинскимъ факультетомъ званія инспектора врачебной управы.

Въ маѣ того же года И. О. Вилкомирскій напечаталъ „Вступленіе въ публичныя лекціи физиологической анатоміи“, а въ ноябрѣ того же года напечаталъ 4-й выпускъ своей анатоміи „Нервологию“.

Со времени вступленія И. К. Вагнера доцентомъ анатоміи, отношенія между нимъ и Вилкомирскимъ становились все болѣе и болѣе

натянутыми. Вилкомирскій, считая себя обиженнымъ факультетомъ и совѣтомъ, что его не выбрали въ доценты анатоміи и предпочли ему Вагнера, никогда не могъ простить этого и старался при всякомъ случаѣ въ частныхъ разговорахъ доказать, что выборъ былъ неправиленъ, уже по одному тому, что Вагнеръ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ. Вмеѣстѣ съ тѣмъ Вилкомирскій сталъ небрежно относиться къ исполненію своихъ обязанностей. Являлся лишь на часъ или на два въ анатомической театрѣ для приготовления препарата къ лекціи и затѣмъ тотъ-часъ же уходилъ. Веденіе практическихъ занятій со студентами считалъ какъ бы лишнимъ. Понятно, что Вагнеръ тоже не могъ хладнокровно смотреть на это и требовалъ отъ Вилкомирскаго аккуратнаго выполненія его прозекторскихъ обязанностей. Съ своей стороны Вилкомирскій, считая требованія Вагнера преувеличенными и незаконными, вошелъ въ факультетъ съ просьбой выяснитъ его прозекторскія обязанности.

Въ засѣданіи 2-го октября 1866 года въ факультетѣ былъ возбужденъ вопросъ объ обязанностяхъ прозектора и помощника прозектора. Факультетъ предложилъ Вагнеру составить инструкцію объ обязанностяхъ упомянутыхъ лицъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ факультетъ, находя необходимымъ точно обозначить обязанности прозектора и помощника прозектора, при кафедрѣ физиологической анатоміи, составилъ слѣдующую инструкцію, которую и просилъ совѣтъ университета утвердить.

Въ проектѣ инструкціи значится:

I. Обязанности прозектора.

1. Прозекторъ анатоміи долженъ заниматься ежедневно отъ 9—12 часовъ утра въ анатомическомъ театрѣ. Въ это время онъ приготовляетъ нужные для чтенія препараты; потомъ онъ дѣлаетъ новые, или возобновляетъ испорченные препараты для анатомическаго кабинета. Родъ препаратовъ опредѣляетъ преподаватель анатоміи.

2. Прозекторъ завѣдуетъ практическими упражненіями студентовъ надъ трупами, вечеромъ отъ 5 до 7 часовъ, въ мѣсяцахъ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ.

II. Обязанности помощника прозектора.

1. Помощникъ прозектора доставляетъ трупы для анатомическаго театра и заботится объ удаленіи обработанныхъ труповъ.

2. Завѣдуетъ загороднымъ анатомическимъ заведеніемъ, гдѣ совершается мацерация костей и т. под.

3. Имѣть надзоръ за инструментами и всѣмъ хозяйственнымъ матеріаломъ анатомическаго театра.

4. Наблюдаетъ за сохранностью препаратовъ въ анатомическомъ кабинетѣ.

5. Въ случаѣ надобности, онъ помогаетъ прозектору въ приготовленіи препаратовъ для лекцій.

Инструкція эта представлена въ совѣтъ университета, который, разсмотрѣвъ и одобривъ ее въ засѣданіи 22-го ноября 1866 года, положилъ передать ее въ медицинскій факультетъ къ надлежащему исполненію.

Въ 1867 году освободилась каеэдра описательной анатоміи въ Казанскомъ университетѣ, который и обратился, между прочимъ, въ Харьковскій университетъ съ просьбою указать лицъ, могущихъ занять означенную каеэдру. Ректоръ Харьковскаго университета отношеніе Казанскаго университета препроводилъ въ Харьковскій медицинскій факультетъ для объявленія лицамъ, желающимъ занять вакантную каеэдру. Въ засѣданіи 30 мая того же года факультетъ, вслѣдствіе отношенія Казанскаго университета, положилъ: донести совѣту Харьковскаго университета, что въ настоящее время факультетъ не имѣетъ въ виду лицъ, на которыхъ онъ могъ бы указать совѣту Казанскаго университета, для замѣщенія каеэдры описательной анатоміи, кромѣ прозектора Вилкомирскаго, который, какъ извѣстно факультету, готовъ изъявить на то свое согласіе. Г. Вилкомирскій можетъ представить совѣту Казанскаго университета свои печатные труды, по которымъ означенный совѣтъ можетъ судить о его научной подготовкѣ и способности исполнять обязанности преподавателя; къ этому совѣтъ Харьковскаго университета можетъ еще присовокупить, что Вилкомирскому неоднократно поручаемо было преподаваніе описательной анатоміи студентамъ медицинскаго факультета и о преподаваніи его факультетъ относился каждый разъ одобрительно.

Согласно съ этимъ отзывомъ совѣтъ Харьковскаго университета извѣстилъ 31-го мая того же года о кандидатѣ Вилкомирскомъ совѣтъ Казанскаго университета.

Такимъ образомъ Ипполитъ Осиповичъ въ третій разъ явился конкурентомъ на каеэдру анатоміи, но и на этомъ конкурсѣ ему также не посчастливилось, какъ и на первыхъ двухъ. Въ Казани его также забаллотировали.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1867 года я былъ утвержденъ на должность помощника прозектора фізіологической анатоміи при Харьковскомъ университетѣ и съ этого времени мнѣ пришлось служить вмѣстѣ съ Иппо-

литомъ Осиповичемъ, подъ непосредственнымъ его начальствомъ. Совмѣстная моя служба продолжалась до 1872 года, т. е. до времени моего выѣзда за границу. Это, почти 4½ лѣтнее, совмѣстное служеніе съ Ипполитомъ Осиповичемъ дало мнѣ возможность ближе узнать его и познакомиться до нѣкоторой степени съ его характеромъ и дѣятельностью.

Какъ *товарищъ и сослуживецъ*, Ипполитъ Осиповичъ былъ прекрасный человѣкъ, но его нельзя было назвать откровеннымъ. Много говорить онъ вообще не любилъ и, во время совмѣстной препаровки на трупѣ, ограничивался мврѣдка лишь законическими фразами. Быть можетъ, со мной онъ менѣе дѣлился своими впечатлѣніями уже потому, что считалъ меня очень юнымъ. При поступленіи на службу мнѣ было всего 22 года, Ипполитъ же Осиповичъ доканчивалъ уже свой срокъ службы, ему было 52 года съ лишнимъ. Не смотря, впрочемъ, на свои годы, онъ старался всегда выглядѣть молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ холостъ и такъ холостымъ и умеръ. Во время моего съ нимъ сослуженія онъ жилъ на квартирѣ на Торговой площади, въ домѣ Колупаева, въ верхнемъ этажѣ, надъ аптекой Кирилова (въ настоящее время аптека Лапина). Жилъ Ипполитъ Осиповичъ вполне на холостую ногу и весьма скромно. Онъ занималъ двѣ комнаты небольшія съ переднею. Въ комнатахъ царилъ по большей части какой-то безпорядокъ и особенной чистотой онъ не отличался. Видимо хозяинъ не обращалъ вниманія ни на комфортъ, ни на обстановку своей квартиры; зато того же нельзя сказать по отношенію къ собственной персонѣ; всегда гладко-выбритый, по большей части съ коротко-обстриженными волосами, онъ всегда появлялся чистенько, хотя и не роскошно, одѣтымъ.

Кромѣ своей прозекторской обязанности, Ипполитъ Осиповичъ практиковалъ и какъ практикъ пользовался большимъ довѣріемъ, по преимуществу, въ купеческихъ кругахъ. Судя по рассказамъ знавшихъ его близко, онъ имѣлъ громадную практику.

Какъ о *лекторѣ*, я не имѣю права говорить ничего о Вилкомирскомъ, такъ какъ я не былъ его слушателемъ. Состоя уже помощникомъ прозектора, я, любопытства ради, выслушалъ двѣ лекціи Ипполита Осиповича по топографической анатоміи, одну—о наховой области, другую—о промежности. Хотя вторая лекція была очень кратенькая, тѣмъ не менѣе изложеніе въ обѣихъ лекціяхъ было довольно удовлетворительно.

Какъ о *прозекторѣ* я, опять таки, могу говорить объ Ипполитѣ Осиповичѣ за то время, которое я прослужилъ съ нимъ вмѣстѣ. Что касается, во первыхъ, его препаровки, то ее нельзя назвать вполне

удовлетворительной, такъ какъ нерѣдко мнѣ приходилось, по желанію профессора, доканчивать напимѣръ препаровку мышцъ точнымъ и яснымъ представленіемъ на свѣжѣмъ препаратѣ точекъ начала и прикрѣпленія мышцъ, а на артерьяльныхъ и нервныхъ препаратахъ доработывать развѣтвленіе сосудовъ и нервовъ такихъ вѣтвей, какія перечисляются обыкновенно въ руководствахъ. Подобное недодѣлываніе препаратовъ, разумѣется, нельзя отнести къ тому, что Иполиту Осиповичу, какъ опытному прозектору и анатому, неизвѣстны были, напимѣръ, сосуды, и нервы, которые должны были быть приготовлены къ лекціи, в просто нужно объяснить недостаткомъ времени для препаровки. И дѣйствительно, Иполитъ Осиповичъ являлся обыкновенно не болѣе какъ за часъ, или полтора до лекціи препаровать иногда довольно большую область, что естественно вело къ послѣдности въ препаровкѣ, съ необходимыми послѣдствіемъ недодѣлности препарата и неполнаго представленія на немъ того, что необходимо для лекціи. Послѣдность при препаровкѣ вела иногда къ самымъ печальнымъ результатамъ, такъ, напимѣръ, однажды, при препаровкѣ мышцъ бедра, Иполитъ Осиповичъ такъ энергично провелъ разрѣзъ кожи, что перерѣзалъ на передней поверхности мыш. sartorius, который разумѣется пришлось потомъ сшить; точно также довольно нерѣдко, при препаровкѣ сосудовъ и нервовъ, вѣтви ихъ оказывались перерѣзаны, что, понятно, заставляло прибѣгать къ послѣдовательному сшиванію и связыванію концовъ перерѣзанныхъ вѣтвей. Нѣкоторыя-же части трупа, какъ напимѣръ, мозгъ, Иполитъ Осиповичъ при мѣ ни разу не препаровалъ. Все сказанное относится, разумѣется, къ препаратамъ, приготовлявшимся къ лекціямъ. Что же касается до тѣхъ препаратовъ, которые въ силу „инструкціи“, утвержденной совѣтомъ 22 ноября 1866 года, Иполитъ Осиповичъ долженъ былъ поставить въ музей, то таковыхъ за 4¹/₂ года было сдѣлано равнымъ счетомъ семь: 6 изъ нихъ относятся къ головнымъ нервамъ и 1—мышцы женской промежности. Препараты эти и до сихъ поръ сохраняются въ музеѣ. Оригинальный способъ препаровки этихъ препаратовъ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. При препаровкѣ, напимѣръ, 2 и 3 вѣтви тройничнаго нерва оставлены только кости и нѣкоторые изъ нервныхъ вѣточекъ, все же остальное удалено. Понятно, что для показанія какъ и гдѣ проходятъ и развѣтвляются нервы, эти препараты, разумѣется недостаточны. Препаратъ *regimen femininum* еще менѣе удаченъ. Слабо-развитыя, блѣдныя и не отчетливо приготовленныя мышцы, при ненормально-растянутыхъ отверстіяхъ задняго прохода и влагалища, Иполитъ Осиповичъ, якобы для ясности, окрасилъ мышцы карминомъ, причемъ окрасились, понятно, также

и сосѣдняя соединительная ткань такъ, что не только хода мышечныхъ волоконъ, ихъ начала и прикрѣпленія нельзя различить, но даже весьма трудно отличить окрашенные и мацерированные въ весьма слабомъ спиртѣ мышцы отъ соединительной ткани. Понятно, что подобные препараты едва ли были пригодны для демонстрацій. Профессоръ Вагнеръ рѣдко оставался доволенъ препаратами Иполита Осиповича и это было главной причиной возникавшихъ недоразумѣній между профессоромъ и прозекторомъ.

Довольно холодно Иполитъ Осиповичъ относился и къ практическимъ занятіямъ студентовъ на трупахъ. У него не было въ привычкѣ давать какія нибудь указанія препарующему, а тѣмъ менѣе давать какія нибудь объясненія на готовомъ препаратѣ. Исполняя „инструкцію“, Иполитъ Осиповичъ дѣйствительно иногда являлся на практическія занятія послѣ обѣда, но активность его выражалась лишь въ записываніи фамилій работающихъ съ отмѣткой тѣхъ частей трупа, которыя они работали. На всѣ случаи аномалій мускуловъ и сосудовъ, которыя встрѣчались довольно нерѣдко, онъ обыкновенно махалъ рукой и подѣ часъ даже иронизировалъ, говоря, что „при препаровкѣ аномаліи можно дѣлать искусственно“.

Въ 1868 году Вилкомирскій напечаталъ двѣ статьи „о хилопластикѣ“ и „объ оваріотоміи“.

Въ 1869 году Иполитъ Осиповичъ путешествовалъ лѣтомъ за границу, откуда возвратился съ большимъ запозданіемъ, а именно 7-го октября. Въ томъ же году онъ напечаталъ „Compte-rendu succinet du voyage a l'etranger etc.“.

Въ 1870 году Ип. Ос. снова пользовался заграничнымъ отпускомъ на вакаціонное время и сверхъ того на 28 дней. Въ томъ-же году онъ вошелъ 10-го декабря въ факультетъ съ рапортомъ о желаніи читать въ первомъ полугодіи 1871 года студентамъ высшихъ курсовъ топографическую анатомію, причемъ и приложилъ программу прикладной анатоміи. Программа эта факультетомъ передана на разсмотрѣніе проф. Вагнеру, который въ засѣданіе факультета 17-го декабря представилъ о ней слѣдующее мнѣніе:

„Г. прозекторъ Вилкомирскій представилъ факультету программу преподаванія топографической анатоміи, которую выполнить онъ обѣщаетъ въ теченіи будущаго, болѣе короткаго полугодія; программа эта, мнѣ кажется, чрезчуръ объемиста, такъ какъ въ ней заключается и вся общая анатомія, собственно непринадлежащая къ топографической, и которая одна потребуетъ много времени при хорошемъ преподаваніи; что же касается собственно программы топографической анатоміи, то

г. Вилкомирскій перечисляетъ важнѣйшія для хирурга области тѣла, но не придерживается строго топографическаго раздѣленія и тамъ между отдѣльными областями встрѣчаются напримѣръ: pharynx, выходное яичко, *hernia inguinalis*, *fascia colli*. Многимъ важнымъ областямъ человѣка совсѣмъ не упоминаются, напр. *regio retromaxillaris*, *regio orbitalis*, или только отчасти, какъ между прочимъ вся топографическая анатомія живота и таза заключается въ *canalis inguinalis*, *fossae iliacaе et regio perinealis et scroti*.

Какъ ни желательно было-бы преподаваніе топографической анатоміи, но это непременно встрѣтитъ непреодолимое препятствіе въ недостаткѣ матеріала, особенно въ будущемъ полугодіи. Эта скудость матеріала принудила меня и въ этомъ полугодіи прервать правильный ходъ преподаванія описательной анатоміи и прибѣгнуть къ преподаванію другихъ отдѣловъ анатоміи, для которыхъ въ анатомическомъ музеѣ имѣется достаточно препаратовъ. Замѣчу при этомъ, что первый курсъ, состоящій не менѣе какъ изъ 60 человѣкъ, потребуетъ для практическихъ занятій много матеріала и это требованіе должно быть удовлетворено прежде всего. Я, по крайней мѣрѣ, не вижу возможности дать столько матеріала, который необходимо потребуется хорошимъ преподаваніемъ топографической анатоміи, а впрочемъ оставляю на благоусмотрѣніе факультета распорядиться, послѣ этого моего заявленія, какъ ему благоугодно будетъ“.

Факультетъ положилъ: назначить г. Вилкомирскому для преподаванія топографической анатоміи въ будущемъ полугодіи 2 часа въ недѣлю въ III курсѣ, не дѣлая, впрочемъ, этотъ предметъ обязательнымъ для студентовъ и предоставить ему пользоваться трупами изъ анатомическаго театра каждый разъ съ разрѣшенія проф. Вагнера.

Курсъ топографической анатоміи Вилкомирскій читалъ въ теченіе 1871, 1872 и первой половины 1873 года.

Въ 1871 году Ипп. Осип. былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. Въ томъ же году снова получилъ заграничный отпускъ на вакаціонное время и изъ отпуска возвратился съ значительнымъ оиозданіемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.

Въ засѣданіи факультета 13-го января 1873 года заслушано было предложеніе совѣта съ увѣдомленіемъ о томъ, что вслѣдствіе представленія совѣта, г. попечитель Харьковскаго учебнаго округа оставилъ прозектора Вилкомирскаго на службѣ по 1-е января 1874 года. Срокъ службы окончился въ 1872 г. 28-го ноября и за выслугой 25-лѣтняго срока, предложеніемъ товарища министра народнаго просвѣщенія отъ

3-го января 1873 г. Иполиту Осиповичу назначена пенсія по 571 р. 42 к. въ годъ.

14-го февраля 1873 г., вслѣдствіе болѣзни, назначеннаго официалнымъ оппонентомъ на диссертацию лѣкаря Яковенкова, доцента Залѣскаго, факультетъ назначилъ официальнымъ оппонентомъ проз. Вилкомирскаго.

Въ засѣданіи медицинской секціи общества опытныхъ наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, 2-го мая 1873 г., Вилкомирскій сообщилъ свою замѣтку о леченіи дизентеріи слабымъ растворомъ сулемы ($\frac{1}{4}$ gr. на ʒvj) и хорошее вліяніе этого средства на теченіе сказанной болѣзни, а также объ оушчія maligna и о леченіи этой болѣзни порошкомъ plumbi nitrici. Въ томъ-же году и вышла въ свѣтъ отдѣльная брошюра: „De оушчія maligna“.

Въ засѣданіи совѣта университета 22-го ноября г. ректоръ заявилъ, что 1-го января будущаго 1874 года оканчивается срокъ, на который проз. Вилкомирскій, по выслугѣ 25 лѣтъ, оставленъ на службѣ и что г. Вилкомирскій желаетъ подвергнуться баллотированію съ цѣлью оставленія его на службѣ до истеченія 5-лѣтняго срока. Вслѣдствіе такого заявленія совѣтъ опредѣлилъ: подвергнуть Вилкомирскаго баллотированію съ означенной цѣлью въ слѣдующее засѣданіе.

Это заявленіе г. ректора въ совѣтѣ побудило проф. Вагнера войти въ ближайшее засѣданіе медицинскаго факультета, 26-го ноября, съ нижеслѣдующимъ рапортомъ:

„Въ засѣданіи совѣта университета, 22-го ноября, ректоръ университета заявилъ, что проз. Вилкомирскій желаетъ снова баллотироваться въ совѣтѣ университета на должность прозектора описательной анатоміи, срокомъ на 4 года. Въ виду такого заявленія, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить медицинскому факультету нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности г. д-ра Вилкомирскаго, въ качествѣ прозектора.

Когда въ прошедшемъ году, по окончаніи 25-лѣтней службы д-ръ Вилкомирскій баллотировался въ совѣтѣ только на одинъ годъ дальнѣйшей службы, я устно заявилъ совѣту, что д-ръ Вилкомирскій не только не соотвѣтствуетъ требованіямъ должности прозектора, но даже, занимая эту должность, оказываетъ невыгодное вліяніе на правильный ходъ анатомическаго преподаванія. Не взирая на это мое заявленіе, д-ръ Вилкомирскій былъ выбранъ въ совѣтѣ большинствомъ, если не ошибаюсь, одного голоса. Я не могу себѣ объяснить такого результата баллотировки иначе, какъ тѣмъ, что многимъ членамъ совѣта не были извѣстны ни дѣятельность д-ра Вилкомирскаго въ качествѣ прозектора, ни способность его для исполненія этой должности.

Когда я, 10 лѣтъ тому назадъ, занялъ кафедру анатоміи, то я, между прочимъ, обратился къ проф. Лямблю, желая знать его мнѣніе касательно д-ра Вилкомирскаго, какъ прозектора. Я услышалъ малолѣтнѣйшій отвѣтъ, который передаю буквально: „Не ожидайте отъ него ничего“, сказалъ мнѣ проф. Лямбль, „не требуйте отъ него ничего, онъ портитъ все, что беретъ въ руки“. Десятилѣтній опытъ мнѣ доказалъ, что проф. Лямбль сказалъ сущую истину.

Какъ глубоко д-ръ Вилкомирскій проникнуть своею обязанностию, это показываетъ его прошеніе, поданное имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ медицинскій факультетъ. Въ этомъ прошеніи д-ръ Вилкомирскій заявилъ факультету, что онъ не знаетъ, въ чемъ именно состоитъ обязанность прозектора и потому просилъ дать ему письменную инструкцію объ этихъ обязанностяхъ. По распоряженію факультета проф. Лямбль и я составили такую инструкцію, которая и была вручена д-ру Вилкомирскому. Къ сожалѣнію, однако, эта инструкція осталась только на бумагѣ, потому что, хотя д-ръ Вилкомирскій и имѣлъ ее при себѣ, но, считая ее обременительною для себя, онъ истолковывалъ обязанности прозектора на свой ладъ и исполнялъ ихъ попрежнему крайне небрежно. Здѣсь я считаю необходимымъ представить факультету, насколько исполнилъ эти обязанности прозекторъ Вилкомирскій.

Первымъ долгомъ прозектора считается вездѣ завѣдываніе практическими упражненіями студентовъ надъ трупами. Этого д-ръ Вилкомирскій почти вовсе не исполнялъ, такъ что я принужденъ былъ самъ завѣдывать практическими упражненіями студентовъ. На первыхъ порахъ я пробовалъ поручить ему надзоръ за занятіями студентовъ, но эта проба оказалась крайне неудачною. Д-ръ Вилкомирскій обладаетъ столь малой ловкостью въ искусствѣ препаровать и вообще препаруетъ такъ небрежно и неопритно, что я счелъ невозможнымъ довѣрить ему дальнѣйшій надзоръ за занятіями студентовъ, такъ какъ студенты подъ его руководствомъ не могли пріобрѣсти той ловкости въ препаровкѣ, которая, кромѣ подробнаго и основательнаго изученія человѣческаго тѣла, во всякомъ случаѣ необходима для будущаго врача.

Второю обязанностию прозектора считается во всѣхъ университетахъ приготовленіе свѣжихъ препаратовъ для демонстраціи на лекціяхъ анатоміи. Эту обязанность д-ръ Вилкомирскій исполнялъ дѣйствительно, но на свой собственный ладъ; впрочемъ большую часть препаратовъ приготовлялъ д-ръ Поповъ въ то время, когда онъ состоялъ помощникомъ прозектора; препараты же, которые приготовлялъ д-ръ Вилкомирскій, были по большей части такъ небрежно и неаккуратно приготовляемы, что я долженъ былъ отнимать часть времени отъ лекціи, для

того, чтобы сдѣлать ихъ сколько нибудь годными для демонстраціи. Причина такого неудовлетворительнаго приготовленія препаратовъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ короткомъ времени, которое д-ръ Вилкомирскій употребляетъ для этого. Если онъ въ теченіе одного часа приготавливаетъ препараты, для обработки которыхъ даже ловкій прозекторъ долженъ посвятить 3 или 4 часа усидчиваго труда, то легко можно себѣ представить, какого рода должны быть эти препараты. Поэтому я часто вынужденъ былъ возвращать ему такіе препараты для того, чтобы онъ сдѣлалъ ихъ снова.

Далѣе, во всѣхъ университетахъ съ полнымъ правомъ требуется отъ прозектора анатоміи, чтобы онъ приготавливалъ известное количество образцовыхъ препаратовъ для анатомическаго музея, разумѣется въ то время, когда лекціи не требуютъ приготовленія свѣжихъ препаратовъ. Чтобы доказать, какъ выполнилъ д-ръ Вилкомирскій и эту обязанность прозектора, я ссылаюсь на незначительное количество препаратовъ, которые, въ теченіе 10 лѣтъ, д-ръ Вилкомирскій доставилъ музею физиологической анатоміи и которые качествами своими не удовлетворяютъ даже самымъ умѣреннымъ требованіямъ. Въ теченіе 10 лѣтъ д-ръ Вилкомирскій появлялся въ анатомическомъ театрѣ никогда не раньше конца сентября мѣсяца, потому что весь сентябрь мѣсяць онъ обыкновенно или путешествовалъ, или былъ боленъ, или вообще не являлся по какимъ либо другимъ причинамъ, вѣроятно, весьма уважительнымъ. Время послѣ страстной недѣли д-ръ Вилкомирскій вовсе не считаетъ годнымъ для дѣятельности прозектора и поэтому онъ или совсѣмъ не является въ анатомическій театръ, или же, если и показывается, то отнюдь не затѣмъ, чтобы заниматься работою, а просто для развлечения; но зато на времени отъ ноября до страстной недѣли д-ръ Вилкомирскій сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность. Чтобы дать факультету какое нибудь понятіе объ этой дѣятельности его, я, между прочимъ, записалъ все то, чѣмъ занимался д-ръ Вилкомирскій отъ 20 октября до 8 декабря 1872 года. 20 октября распиздена имъ голова. 21 окт. былъ полтора часа въ анатомическомъ театрѣ и ничего не дѣлалъ. 23 окт. сдѣлалъ препаратъ для лекціи. 24 окт. приготовилъ препаратъ для лекціи, весьма плохой. 25 окт. приготовилъ тоже препаратъ для лекціи, совершенно негодный. 26 окт. сдѣлалъ плохой препаратъ для лекціи. 27, 28, 30, 31 окт. препараты для лекціи сносные. 1 ноября—препаратъ совершенно негодный. 2 нояб. препаратъ порядочный. 3 нояб.—ничего не дѣлалъ. 4 нояб. приготавливалъ для лекціи. 6, 7, 8, 9, 11, 13 ноября приготавливалъ для лекціи препараты, которыхъ, впрочемъ, требовалось очень мало, такъ такъ въ то время я читалъ о кожѣ и

введеніе въ спланхнологію. 15, 16, 17, 18, 20, 22, 23 и 24 нояб. занимался очисткою почти готоваго скелета и не окончилъ его. 25 нояб.—приготовилъ мышцы языка. 27 нояб. приготовилъ мышцы глотки. 28 и 29 нояб. приготовилъ пищепріемникъ, препаратъ нукуда не годный и совершенно испорченъ. 30 нояб.—ничего не дѣлалъ. 1 дек. приготовилъ пищепріемникъ. 2 дек. ничего не дѣлалъ. 4 и 5 дек. разрѣзалъ тонкую и толстую кишку. 7 дек. не явился вовсе въ анатомическій театръ. 8 дек. приготовилъ сосуды воротъ печени и т. д. Къ этому я, именно, прибавлю, что это еще не былъ плохой періодъ дѣятельности д-ра Вилкомирскаго. Изъ всего вышесказаннаго факультетъ можетъ составить достаточное понятіе о дѣятельности и заслугахъ д-ра Вилкомирскаго, въ качествѣ прозектора анатоміи. Въ прошломъ году, передъ баллотировкой д-ра Вилкомирскаго на должность прозектора анатоміи, я объявилъ совѣту университета, что д-ръ Вилкомирскій не только не удовлетворяетъ требованіямъ должности прозектора, но даже оказываетъ невыгодное вліяніе на ходъ анатомическаго преподаванія. Не говоря уже о томъ, что препараты, приготовленные имъ, мало или совсѣмъ не годны для демонстраціи на лекціяхъ, д-ръ Вилкомирскій употребляетъ для приготовленія ихъ слишкомъ много матеріала, который онъ портитъ, прежде чѣмъ ему удастся сдѣлать хотя одинъ сносный препаратъ. Такимъ образомъ прозекторъ Вилкомирскій отнимаетъ у студентовъ очень много матеріала, который пригодился бы имъ для практическихъ занятій. Если прозекторъ истребляетъ столь много матеріала, то понятно, что и всякій студентъ считаетъ себя вправѣ дѣлать то же самое. Эта, истребляющая сторона дѣятельности д-ра Вилкомирскаго, конечно, самая невыгодная, не говоря уже объ его неловкости и небрежности въ искусствѣ препарованія. Наконецъ на то незначительное количество препаратовъ, которые онъ приготовилъ для музея, онъ истребилъ столь много матеріала, что это просто удивительно. Къ сожалѣнію я не могу показать факультету этой массы потребленнаго дорогаго матеріала, что портилъ д-ръ Вилкомирскій, такъ какъ онъ, разумѣется, лежитъ на кладбищѣ, а кладбище не даетъ отчета о дѣятельности Харьковскаго прозектора. Послѣ этого заявленія съ моей стороны, я просилъ бы факультетъ высказаться: согласенъ-ли онъ съ моимъ мнѣніемъ о годности д-ра Вилкомирскаго для должности прозектора? И въ случаѣ согласія, я просилъ бы факультетъ сдѣлать заявленіе передъ совѣтомъ о томъ, что новое избраніе д-ра Вилкомирскаго на должность прозектора, еще на четыре года, едва ли можетъ отозваться благоприятнымъ образомъ на преподаваніе описательной анатоміи и на практическія занятія студентовъ“.

По выслушаніи этого рапорта, медицинскій факультетъ, на основаніи того, что факультетамъ предоставлено право ходатайствовать предъ совѣтомъ университета объ оставленіи на службѣ того или другого лица, выслужившаго установленный 25-лѣтній срокъ, обсуждалъ съ должнымъ вниманіемъ вопросъ о томъ, признаеть ли онъ возможнымъ ходатайствовать объ оставленіи на службѣ прозектора Вилкомирскаго еще на четыре года и, наконецъ, въ заключеніе своего сужденія отвѣчалъ на этотъ вопросъ посредствомъ закрытой подачи голосовъ единогласно отрицательнымъ образомъ, о чемъ и положено довести до свѣдѣнія совѣта, безъ приложенія рапорта проф. Вагнера.

Въ засѣданіи совѣта 5 декабря 1873 г. передъ баллотировкой проз. Вилкомирскаго, съ цѣлью оставленія его на службѣ на 4 года, доложено было вышеозначенное мнѣніе медицинскаго факультета. Затѣмъ согласно опредѣленію совѣта 22 ноября приступлено было къ баллотированію г. Вилкомирскаго, причемъ оказалось избирательныхъ 20 и неизбирательныхъ 21 баллъ. Положили представить г. попечителю объ увольненіи г. Вилкомирскаго за выслугою срока, съ назначеніемъ ему при отставкѣ получаемой имъ пенсіи и съ представленіемъ права носить мундиръ, должности присвоенный. Такое увольненіе и воспослѣдовало 24 января 1874 года.

Съ 1874 года и по 1885 годъ Ипполитъ Осиповичъ Вилкомирскій проживалъ по большей части въ г. Харьковѣ и занимался частною медицинскою практикою. За этотъ періодъ имъ напечатаны слѣдующія статьи: въ 1875 г. „De uncipressione“; въ 1877 г. „Нѣсколько словъ прочитанныхъ въ Кавказскомъ медицинскомъ Обществѣ“; въ 1883 г. „По поводу перевода на русскій языкъ: Grundriss der Anatomie des Menschen von D-г J. Henle“.

Въ 1885 г. когда уже введенъ былъ новый, нынѣ дѣйствующій, университетскій уставъ, Ип. Осип. снова подалъ прошеніе въ Харьковскій медицинскій факультетъ о принятіи его привать-доцентомъ по кафедрѣ анатоміи.

Въ засѣданіи 25-го мая 1885 г. медицинскій факультетъ имѣлъ сужденіе по поводу прошенія д-ра Вилкомирскаго. При обсужденіи этого прошенія, члены медицинскаго собранія, большинству которыхъ лично извѣстенъ д-ръ Вилкомирскій по его служебной, ученой и преподавательской дѣятельности, протекшей при Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ онъ занималъ въ теченіе 25 лѣтъ должность прозектора описательной анатоміи, высказались всѣ, за исключеніемъ профф. Лашкевича и Гиршмана не въ пользу допущенія г. Вилкомирскаго къ чтенію

лекцій въ качествѣ привать-доцента. При этомъ они руководствовались слѣдующими соображеніями:

1. Хотя д-ру Вилкомирскому было поручено на нѣкоторое время, за отсутствіемъ проф. анатоміи, преподаваніе этого предмета, однакоже факультетъ, который за это время близко ознакомился съ преподавательскими способностями г. Вилкомирскаго; не считалъ возможнымъ предоставить ему вакантную кафедру и искалъ себѣ другого кандидата.

2. Когда д-ръ Вилкомирскій выслужилъ 25 лѣтъ въ должности прозектора, который по уставу 1863 г. пользовался всѣми правами доцента, въ факультетѣ возникъ вопросъ, находятъ-ли онъ возможнымъ ходатайствовать объ оставленіи на службѣ д-ра Вилкомирскаго и этотъ вопросъ закрытою подачею голосовъ единогласно былъ рѣшенъ отрицательно. Изъ этого рѣшенія вытекаетъ, что факультетъ не полагалъ, что г. Вилкомирскій можетъ удовлетворить требованіямъ, предъявленнымъ какъ къ прозектору, такъ и къ доценту.

3. Харьковскій медицинскій факультетъ не можетъ также забыть, какими печальными обстоятельствами сопровождалось чтеніе пробныхъ лекцій г. Вилкомирскимъ въ Казанскомъ университетѣ, куда онъ являлся соискателемъ кафедры описательной анатоміи.

4. Проф. анатоміи Вагнеръ, наблюдавшій долгое время прозекторскую дѣятельность д-ра Вилкомирскаго, съ которою связывалось руководство практическими занятіями студентовъ по анатоміи, высказалъ, что онъ считаетъ д-ра Вилкомирскаго негоднымъ для преподаванія анатоміи.

5. Проф. Кузнецовъ, какъ бывшій слушатель г. Вилкомирскаго, добавилъ, что преподаваніе г. Вилкомирскимъ анатоміи всегда отличалось полной невразумительностію, а способы изложенія имъ предмета и педагогическіе его приемы представлялись способными лишь возбуждать въ слушателяхъ чувства, несогласныя съ достоинствомъ науки и университетскаго преподаванія.

По окончаніи сужденій, на рѣшеніе факультетскаго собранія былъ поставленъ деканомъ И. К. Зарубинимъ вопросъ: согласенъ-ли факультетъ на принятіе г. Вилкомирскаго въ число привать-доцентовъ описательной анатоміи или нѣтъ? Въ результатѣ голосованія оказалось: утвердительные два голоса (профф. Лашкевичъ и Гиршманъ) и отрицательные одиннадцать голосовъ (профф. Дудукаловъ, Анрепъ, Субботинъ, Кузнецовъ, Залѣсскій, Кучинъ, Оболенскій, Вагнеръ, Лазаревичъ, Щелковъ и деканъ Зарубинъ). Профф. Вагнеръ, Лашкевичъ, Гиршманъ и Кузнецовъ обѣщали представить письменныя особыя мнѣнія.

Положили: О заключеніи факультета записатьъ въ журналъ. Мнѣніе проф. Лашкевича приложить къ журналу ¹⁾).

Въ слѣдующемъ за симъ засѣданіи медицинскаго факультета 20-го августа, того-же года, во время чтенія журнала предъидущаго засѣданія до 257 статьи, въ коей шла рѣчь о д-рѣ Вилкомирскомъ, шло все правильно. По прочтеніи-же этой статьи и мнѣнія проф. Лашкевича, профф. Грубе и Кремянскій желали выразить свои мнѣнія, но деканъ Зарубинъ заявилъ, что профф. Грубе и Кремянскій не имѣютъ на это права, такъ какъ не присутствовали въ прошломъ засѣданіи. Вслѣдствіе чего Кремянскій вышелъ изъ засѣданія, чрезъ что оказалось недостаточное число членовъ въ засѣданіи, и деканъ долженъ былъ закрыть засѣданіе. Кремянскій вошелъ съ отдѣльнымъ по этому поводу мнѣніемъ, въ концѣ котораго, между прочимъ, говоритъ:

„Въ частности же по дѣлу д-ра Вилкомирскаго я расхожусь съ мнѣніемъ большинства, требующаго недопущенія его къ привать-доцентурѣ, потому что мнѣ кажется, что такое недопущеніе противорѣчитъ свободѣ преподаванія и ученія, опредѣляемой новымъ университетскимъ уставомъ 1884 года и насущнымъ потребностямъ въ изученіи анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ“.

Такимъ образомъ и эта послѣдняя попытка Ипполита Осиповича явиться на кафедру анатоміи, въ качествѣ привать-доцента, тоже не удалась.

Все остальное время съ 1885 года и до конца своей жизни Ипполитъ Осиповичъ продолжалъ оставаться въ г. Харьковѣ, занимаясь частною медицинскою практикою. Въ 1890 году онъ выпустилъ въ свѣтъ послѣднюю свою брошюру. „Проф. В. Ф. Грубе и его факультетская хирургическая клиника въ Харьковѣ“.

И. О. Вилкомирскій скончался 23-го іюня 1890 года въ 11½ часовъ вечера. Смерть его была неожиданная, какъ-бы скоростяжная. По поводу его смерти, однимъ изъ близкихъ его знакомыхъ, инженеромъ Маевскимъ было выражено подозрѣніе въ насильственной смерти, а именно въ отравленіи ухаживающимъ за нимъ человекомъ (Жариковымъ), съ цѣлью грабежа, такъ какъ Вилкомирскаго считали очень богатымъ и состояніе его опредѣлялось близко его знающими въ 60,000 р. Вслѣдствіе заявленія г. Маевского произведено было полицейское дознаніе и затѣмъ произведено судебно-медицинское вскрытіе трупа.

¹⁾ Письменнаго мнѣнія проф. Лашкевича, къ сожалѣнію, я въ дѣлахъ архива медицинскаго факультета найти не могъ. Авт.

Полицейскимъ дознаніемъ и свидѣтельскими показаніями выяснены слѣдующія данныя:

Ип. Осип. Вилкомирскій, передъ смертю, проживалъ въ г. Харьковѣ, на Рыбной улицѣ, въ домѣ Величенко, № 19-й. По показаніямъ всѣхъ свидѣтелей былъ очень скупъ, жилъ очень грязно и весьма часто злоупотреблялъ спиртными напитками. До заболѣванія Вилкомирскій пилъ двѣ недѣли сряду и только за 4 дня до смерти оставилъ пить. Послѣдніе дни онъ былъ сравнительно здоровъ. 25-го іюня онъ пилъ водку и ѣлъ кашу, сваренную женою служителя Жарикова. Въ скоромъ времени, въ 6 часовъ вечера, Ипполитъ Осиповичъ почувствовалъ себя очень дурно, при чемъ сказалъ Жарикову „Прощай, я умираю“. Были тотчасъ призваны доктора Прокопенко и Филипповичъ, по совѣту которыхъ Ипп. Осип. отправленъ былъ въ больницу медицинскаго Общества, въ которую онъ былъ доставленъ въ 10 часовъ вечера, въ безсознательномъ состояніи, гдѣ, не смотря на всѣ принятые мѣры, скончался въ 11¹/₂ часовъ ночи. Причина смерти, по мнѣнію лечившихъ врачей, былъ мозговой ударъ (Apoplexia cerebri).

Протоколъ вскрытія.

1890 года, іюня 27-го дня, и. д. судебного слѣдователя 1 уч. г. Харькова, черезъ старшаго городского врача г. Харькова (Беллина), производилъ вскрытіе трупа статскаго совѣтника Ипполита Осиповича Вилкомирскаго. При вскрытіи оказалось:

Трупъ 65 лѣтъ, крѣпкаго тѣлосложенія, высокаго роста, хорошаго питанія. Покровы головы и лица равномерно темнобагроваго цвѣта, вздуты. Кожа шеи и верхнихъ частей груди вздута разложеніемъ, пятнисто-синевато-красноватаго цвѣта; такой же цвѣтъ представляетъ кожа верхнихъ и нижнихъ конечностей и отлогія части туловища. Нижнія конечности, начиная отъ пальцевъ и до колѣнъ сильно опухшія, отечныя; на голеняхъ замѣчаются рубцы отъ большихъ язвъ. Мшонка сильно раздута газами, синевато-краснаго цвѣта. Покровы живота блѣдны, весь животъ шаровидно вздутъ. Кисти рукъ синеватаго цвѣта съ рѣзко просвѣчивающими подкожными венами. На тыльной поверхности правой ручной кисти усмотрѣнъ кровоподтекъ въ двухкопѣечную монету величиною, расположенный у основанія 3 и 4 пальцевъ. Такой-же величины подтеки усмотрѣны въ кожѣ наружной поверхности лѣваго колѣна и на передней поверхности средней трети голени, надъ гребешкомъ больше-берцовой кости. На спинѣ, съ правой стороны, въ области нижнихъ реберъ замѣчается нѣсколько темно-красныхъ сухихъ, перга-

ментозныхъ пятенъ, безъ подтековъ подъ ними въ мягкихъ частяхъ. Наружныхъ поврежденій, кромѣ указанныхъ кровоподтековъ и ссадинъ на спинѣ, не усмотрѣно.

Покровы черепа сочны, съ большимъ содержаніемъ крови, безъ слѣдовъ поврежденій; кости черепа толсты съ равномерно-развитымъ губчатымъ слоемъ. Твердая мозговая оболочка сильно сращена съ костями по стрѣловидному шву, въ другихъ частяхъ также съ трудомъ отдѣляется, вслѣдствіе плотнаго сращенія; сама оболочка мутна, толста, на внутренней поверхности, вдоль серповидной пазухи, покрыта плотными, пигментированными перепонками изъ соединительной ткани. Пазухи ея содержатъ темную, жидкую кровь. Мягкая мозговая оболочка утолщена, мѣстами совершенно непрозрачна, мутна, снимается легко, сплошь пропитана большимъ количествомъ серозной жидкости; сосуды и капилляры ея сильно налиты кровью, мѣстами набрякшіе, сильно извилистые. Вещество мозга нормальной плотности съ сильно налитыми сосудами; поверхность разрѣзовъ блеститъ отъ капиллярнаго слоя жидкости, которою они покрываются. Боковые желудочки содержатъ значительное количество красноватой жидкости; сосудистыя сплетенія съ расширенными и налитыми венами. Большіе узлы основанія безъ измѣненій. Сосуды основанія мозга сильно склерозированы, мѣстами расширены. Мозжечекъ и продолговатый мозгъ съ тѣми же измѣненіями, что и большой мозгъ.

Легкія на всемъ почти протяженіи приращены къ грудной клѣткѣ, снаружи темно-краснаго цвѣта, на ощупь тѣстовидны, растянуты; на разрѣзѣ почти равномерно окрашены въ темно-красный же цвѣтъ и выдѣляютъ громадное количество слабо-пѣнистой кровавистой жидкости; бронхи выполнены красноватою, пѣнистою слизью. Сердце громадной величины, спавшееся, мягкое, дряблое, сплошь покрыто жиромъ; стѣнки желудочковъ тонки, блѣдно-грязно-бураго цвѣта, разминаются пальцами; полости желудочковъ сильно расширены, содержатъ темную, жидкую кровь; внутренняя оболочка и клапаны имбибированы кровью; клапаны аорты сморщены атероматозными измѣненіями и отложеніями; внутренняя поверхность аорты съ рѣзковыраженными явленіями артеріосклероза, распространяющимися вверхъ на дугу аорты, представляющуюся сильно расширенною, истонченною; вѣнечныя артеріи сердца сильно расширены съ тѣми же атероматозными измѣненіями; онѣ свободно проходимы; устья ихъ свободно пропускаютъ конецъ указательнаго пальца.

Печень громадной величины, грязно-бураго цвѣта, ткань ея губчата, пещериста, легко разрываема отъ разложенія. Почки увеличены втрое противъ нормы, мягки, поверхность ихъ бугристая, неровная;

*

корковое вещество ихъ сильно увеличено, буровато-желтаго цвѣта; мозговое вещество слегка краснаго цвѣта; поверхность разрѣзовъ покрывается каплями жира. Лоханки расширены, истончены. Селезенка мягка, чернаго цвѣта, сильно увеличена; микоть представляетъ густую черную массу. Желудокъ большой величины, сильно растянутъ газами, слизистая оболочка его равномерно блѣдно-сѣро-красноватаго цвѣта, утолщена, эмфизематозно надута, поверхность ея неровная. Желудокъ содержитъ большое количество шоколаднаго цвѣта жидкости. Слизистая оболочка сильно надутыхъ тонкихъ и толстыхъ кишекъ блѣдно-краснаго цвѣта; въ тонкихъ содержится кашцеобразная пищевая смѣсь, въ толстыхъ—такой же консистенціи грязно-сѣрый калъ. Глотка и пищепріемникъ представляютъ темно-синеватую слизистую оболочку; слизистая оболочка гортани и дыхательнаго горла буро-краснаго цвѣта, утолщена и покрыта буро-красноватою же слизью. Мочевой пузырь растянутъ мутною съ бѣловатымъ осадкомъ мочою.

Мнѣніе о причинѣ смерти статскаго совѣтника, доктора медицины, И. О. Вилкомирскаго:

Данныя, добытыя вскрытіемъ трупа, указываютъ на смерть отъ паралича сердца, вызваннаго сильнѣйшею степенью ожирѣнія и расширенія сердца. Вскрытіемъ въ то же время не обнаружено никакихъ измѣненій, указывающихъ на смерть отъ отравленія.

Подписалъ старшій городской врачъ г. Харькова, докторъ медицины Э. Ф. Беллинъ.

Такъ окончилъ свою жизнь скоростижно, при крайне некрасивой обстановкѣ, человекъ, который въ молодыхъ годахъ, повидимому, подавалъ большія надежды въ будущемъ.

Рефераты печатныхъ трудовъ И. О. Вилкомирскаго.

I. *De rationibus, quibus diarthroses contiguas, ob diversam earum structuram anatomicam moveantur et luxentur.* Dissertatio inauguralis anatomico-chirurgica, pro gradu Doctoris Medicinae rite obtinendo, conscripta a Medico Hippolyto Wilkomirski. Charkowias. Typis universitatis. 1854.

Книжка въ 48 страницъ на латинскомъ языкѣ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что изученіе вывиховъ и ихъ леченій, составляющихъ самый частый матеріалъ хирургической практики, должно входить въ кругъ занятій всякаго врача-практика, такъ какъ леченіе вывиховъ должно быть не эмпирическое, а рациональное, основанное на

точномъ знаніи анатоміи и фізіологіи. Вывихъ производится механическою силою, слѣдовательно, такимъ же путемъ и долженъ быть вправляемъ; но для вправленія недостаточно приложенія одной силы, а для успѣшнаго дѣйствія необходимо, чтобы вправляющій былъ хорошо знакомъ съ анатомическимъ устройствомъ суставовъ. Препятствуютъ вправленію, разумеется, края суставныхъ впадинъ и связки, но гораздо большее сопротивление оказываютъ при этомъ мышцы, окружающія суставъ. Поэтому желательно ослабить напряженіе мышцъ и съ этою цѣлью прижѣняются теплыя ванны и внутреннее употребленіе рвотнаго камня и опія, а также кровопусканіе.

Опредѣливши, что такое вывихъ, авторъ дѣлитъ суставы на три рода: а) *diarthroses contiguae* т. е. свободные суставы, б) *diarthroses contiguae* з. *amphiarthroses*—полуподвижные суставы и в) *synarthroses*—неподвижныя соединенія.

При общемъ описаніи подвижныхъ суставовъ—*diarthroses contiguae*, авторъ упоминаетъ объ обводномъ хрящѣ, сумочной связкѣ, состоящей изъ двухъ слоевъ: наружнаго—волокнистаго и внутренняго—серознаго; далѣе объ укрѣпляющихъ суставъ связкахъ, которыя бываютъ наружныя и внутреннія и о сухожиліяхъ мышцъ, прилежающихъ къ суставамъ.

Diarthroses contiguae относятся къ самымъ подвижнымъ суставамъ. Свобода движеній зависитъ отъ формы суставныхъ поверхностей. Вообще тѣ суставы, въ которыхъ суставныя поверхности бываютъ выпуклыя и вогнутыя, обладаютъ большею свободою движенія, нежели тѣ, которые имѣютъ плоскія суставныя поверхности.

Далѣе авторъ перечисляетъ только слѣдующіе виды свободныхъ суставовъ: 1) *Enarthrosis*, 2) *Arthrodia*, 3) *Ginglymus* и 4) *Rotatio* з. *throchoides*. Анатомическое описаніе всѣхъ этихъ суставовъ сдѣлано очень кратенькое.

Къ 1—*enarthrosis* авторъ относитъ сочлененія: *scapulo-humeralis*, *ossis capitati cum osse naviculari et semilunari*, *coxo-femoralis*, *astragaloscaphoidea* (по настоящему *articulatio talo-calcaneo-navicularis*).

2—*arthrodiam* авторъ разбиваетъ на два вида: *arthrodia vaga* з. *condyloarthrosis* и *arthrodia adstricta*. Къ *condyloarthrosis* причисляетъ сочлененія: *temporo-maxillaris*, *sterno-clavicularis*, *scapulo-clavicularis*, *radio-carpalis*, *ossis triquetri cum rotundo*, *multanguli majoris cum metacarpo primo*, *metacarpo-phalangiales* et *metatarso-phalangiales*. Къ *arthrodia adstricta* причисляются сочлененія: *processuum articulorum vertebrarum*, *capitulorum costarum*, *costo-transversalis*, *articulationes carpi inter se* (за исключеніемъ *ossis triquetri cum rotundo* и *ossis capitati cum osse naviculari et semilunari*), *articulationes ossium carpi cum ossibus metacarpi*

четырёх послѣднихъ пальцевъ, *ossium metacarpi inter se, tibio-fibularis superior, articulationes ossium tarsi inter se* (за исключеніемъ *astragaloscapoidea*), *articulationes ossium tarsi cum ossibus metatarsi et ossium metatarsi inter se*.

3—въ *ginglymus* причислены *articulationes cubito-humeralis, phalangiales manus et pedis, femoro-tibialis, cruris cum tarso*.

4—въ *rotatio* причислены: *articulationes atlantis et occipitis cum epistropho, radio-cubitalis superior et inferior*.

Расположеніе въ вывихамъ въ суставахъ, по автору, зависитъ отъ: 1) формы и 2) величины суставныхъ поверхностей, 3) отъ числа костей образующихъ суставъ, 4) отъ числа, длины, слабости и крѣпости связокъ, 5) отъ прилегающихъ сухожилій, 6) отъ волокнисто-хрящеваго строения сустава, 7) отъ мускуловъ окружающихъ суставъ, 8) отъ крѣпости и слабости окружающихъ мускуловъ, 9) отъ подвижности суставовъ, 10) отъ размѣра и формы движеній, 11) отъ числа самыхъ суставовъ, 12) отъ неправильныхъ насильственныхъ наружныхъ движеній, 13) отъ профессиональныхъ занятій, 14) отъ большого, или меньшаго вниманія и осторожности, 15) отъ возраста, 16) отъ бывшаго уже однажды вывиха и 17) наконецъ отъ условій жизни.

Затѣмъ слѣдуетъ специальное анатомическое описаніе сочлененія *scapulo-humeralis*, а также и движенія въ этомъ сочлененіи.

При разсмотрѣніи вывиха плеча, на основаніи его анатомическаго устройства, отвергается возможность вывиха вверхъ и назадъ и допускается впередъ, или внизъ, послѣднее бываетъ чаще. При этомъ разсмотрѣніи и могутъ быть осложненія, какъ разрывы связокъ, надрывы сухожилій и мышцъ. Вывихи различаются: *subglenoidalis, subcoracoidea et subacromialis*. Какъ лучшей способъ вправленія плеча, авторъ рекомендуетъ способъ А. Коопер'а.

Затѣмъ описано анатомическое устройство *articulationis coxo-femoralis* и движенія въ этомъ суставѣ. Перечислены слѣдующіе вывихи бедра: 1—задне-верхній—*ad dorsum ilei*, 2—задне-нижній—*ad tuberositatem ischii*, 3—передне-нижній—*ad foramen ovale* и 4—передне-верхній—*ad os pubis*.

При леченіи вывиха бедра, авторъ отдаетъ преимущество способу А. Коопер'а; при этомъ говорится о приложеніи аппарата—*polyspastus Vitruvii*.

За тазобедреннымъ суставомъ слѣдуетъ анатомическое описаніе височно-челюстнаго сустава, движенія въ немъ и вывиха челюсти впередъ. Вправленіе челюсти должно быть произведено по способу Цельса или Купера.

Наконецъ описана анатомія локтеваго сустава и движенія въ немъ. Вывихъ локтя допускается только взади; для вправленія хвалится методъ Воуег.

Къ диссертациі приложены слѣдующія положенія:

1. Чѣмъ труднѣе происходитъ вывихъ, тѣмъ необходимо скорѣйшее вправленіе его.

2. При вправленіи вывиха мы должны всѣми мѣрами стараться прилагать не одну только силу, а правильно вправить вывихнутый членъ.

3. Изъ всѣхъ анатомическихъ препаратовъ, которые сохраняются сухими, я не признаю никакой пользы за сухими мышечными препаратами.

4. Повязка *ex linteo, adhaesivo Liston (Seutenianus)* при простыхъ переломахъ должна быть предпочитаема повязкамъ изъ дестрина, крахмала и гипса.

5. Чѣмъ болѣе требуется удаленіе сустава, тѣмъ ампутація предпочтительнѣе предъ экзартикуляціей.

6. *Extractio cataractae* разрѣзомъ верхняго сегмента роговицы для производства труднѣе, но много безопаснѣе.

7. Всякому лекарству присуще свое собственное дѣйствіе, которое въ другихъ лекарствахъ не находится.

8. Названіе „*narcotica*“ неопредѣленно и очень неудовлетворительно и должно быть выброшено изъ фармакодинамики.

9. Заблуждаются тѣ, которые по пульсу артерій думаютъ, что можно судить о силѣ и дѣйствіи лекарствъ.

10. Что собственно можетъ быть жаро-понижающимъ—очень сомнительно и неизвѣстно.

11. *Cholera orientalis* болѣзнь незаразительная.

12. Все, что не уподобляется организмомъ,—раздражаетъ его.

13. Врачъ не долженъ быть не чисто однимъ теоретикомъ, не чисто однимъ практикомъ.

14. Фонтанель, какъ отвлекающее, не представляетъ вѣрнаго средства.

II. *Первая лекція по анатоміи.* (Посвящается Т. Л. Ванцетти) Ипполита Вилкомирскаго. Москва. Типографія Каткова. 1860. Книжка въ 39 страницъ.

Вступительная лекція эта читана была въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ 2 сентября 1858 г. И. О. Вилкомирскимъ, потому что, по случаю пребыванія профессора анатоміи Т. С. Иллинскаго, прозектору Вилкомирскому поручено было чтеніе студентамъ анатоміи.

Первая лекція по анатоміи, какъ введеніе въ анатомію, представляетъ собою довольно хорошо обработанную компиляцію. Судя по по-

ряду изложенія и по нѣкоторымъ выраженіямъ, взятымъ дѣликомъ изъ извѣстныхъ авторовъ, лекторъ, при составленіи своей первой лекціи, пользовался главнымъ образомъ учебниками Гиртля, Голлштейна (Вильсона), Вальтера и еще нѣкоторыхъ другихъ. Лекція, по обычаю того времени, украшена нѣсколькими латинскими цитатами. Программа лекціи слѣдующая:

Выразивши предъ слушателями свое смущеніе, какъ выступающаго въ первый разъ на кафедрѣ, лекторъ даетъ понятіе о тѣлахъ неорганическихъ и органическихъ, причемъ главнымъ отличіемъ поставляетъ присутствіе жизни въ послѣднихъ и произвольнаго движенія. Неорганическимъ тѣламъ присущи явленія силы тяготѣнія и химическаго средства, а органическимъ—возрастаніе ихъ, движеніе различныхъ жидкостей, принятіе и измѣненіе пищи и т. д., короче сказать присуща сила жизни, причемъ въ жизни органическаго тѣла дѣйствуютъ законы физическіе и химическіе. Для существованія органическихъ тѣлъ, назначено ограниченное время. Пройдя извѣстные періоды: развитія, возрастанія, зрѣлости (періодъ распложенія) органическія тѣла умираютъ, разрушаются (гниютъ, истлеваютъ), хотя не безслѣдно, такъ какъ матерія разрушенныхъ органическихъ тѣлъ въ общей экономіи природы сохраняется и переходитъ въ другія тѣла, или неорганическія, или въ растенія.

При жизни органическихъ тѣлъ въ нихъ постоянно происходитъ возобновленіе, именуемое обмѣномъ веществъ. Жизненные процессы требуютъ необходимыхъ условій, какъ напримѣръ теплоты, воздуха, свѣта, воды и пищи. Самое низшее проявленіе органической жизни замѣчается въ низшихъ растеніяхъ, а самое высшее въ человѣкѣ. При этомъ наблюдается замѣчательная послѣдовательность въ переходахъ и чѣмъ выше организмъ, тѣмъ сложнѣе его устройство. Затѣмъ лекторъ знакомитъ съ понятіемъ о микрокозмѣ—человѣкѣ и макрокозмѣ—вселенной.

Сказавши, что физиологія занимается изученіемъ явленій и отправленій въ организмѣ, лекторъ далѣе говоритъ, что, для того, чтобы изучить эти явленія въ организмѣ, нужно знать его строеніе и такимъ образомъ подходитъ къ опредѣленію анатоміи и указываетъ происхожденіе этого слова. Опредѣливши затѣмъ, что такое *phytotomia* и *zootomia*, лекторъ перечисляетъ пять расъ человѣческихъ по Блюменбаху. Указавши на сравнительно слабое развитіе анатомическаго ученія въ древности, по причинамъ запрещенія вскрывать человѣческіе трупы, онъ нападаетъ на интердиктъ относительно трупосвѣченія, изданный въ 1858 г. вѣнскимъ архіепископомъ, указывая на его отсталость. Извѣстіе объ этомъ интердиктѣ оказалось современнымъ сомнительнымъ.

Далѣ въ лекціи слѣдуютъ опредѣленія описательной (физиологической) анатоміи, гистологіи, патологической и хирургической анатоміи. Затѣмъ говорится о важности знанія анатоміи, не только для врача-практика, но и для всякаго образованнаго человѣка. Приводятся нѣкоторые изъ фамилій, занимавшихся анатоміею въ Россіи: Буяльскаго, Ванцетти и Н. И. Пирогова.

Перешедши затѣмъ къ анатомической терминологіи, лекторъ на 8 страницахъ приводитъ различныя анатомическія названія, введенныя въ анатомію по именамъ извѣстныхъ ученыхъ. Послѣдній отдѣлъ цѣликомъ почерпнутъ изъ Вильсона-Голдштейна.

Пожелавши своимъ слушателямъ усерднѣе заняться анатоміею, лекторъ заканчиваетъ свою лекцію словами Галена: *Sacrum sermone, quem ego Conditoris nostri verum humanum compro, existimoque in hoc veram esse pietatem non si taurorum hecatombas ei plurimas sacrificaverim, et cosias aliaque sexcenta odoramenta ac unguenta suffumigaverim, sed si noverim ipse primaus, deinde et aliis exposuerim quatenam sit ipsius sapientia, quae virtus, quae bonitas.*

III. *Последняя лекція анатоміи*, читанная 23 апрѣля 1859 года. (Посвящается А. К. Струве) Ипполита Вилкомирскаго.

Отдѣльный оттискъ въ 19 страницъ изъ Журнала Мин. Народн. Просв., 1860 г., № 5-й.

Въ своей послѣдней лекціи, читанной въ концѣ 1858—59 академическаго года, лекторъ выражаетъ сожалѣніе, что ему вѣроятно болѣе не придется выступать на кафедре. Затѣмъ говоритъ: „я далеко отъ мысли, чтобы отъ моего изложенія курса анатоміи вы могли всецѣло усвоить эту науку, но не забывайте, что лишь въ первый разъ и, то на короткое время, и имѣлъ счастье выступить въ качествѣ преподавателя“.

Послѣдняя лекція посвящена краткому обзору общей анатоміи и объясненію значенія анатоміи для медики и главнымъ образомъ общей анатоміи.

Начиная свой обзоръ съ общей анатоміи, лекторъ всѣ ткани дѣлитъ на три рода: 1—ткани, состоящія изъ влѣточекъ, соприкасающихся другъ съ другомъ; сюда относятся эпителии и кожа, при чемъ по его ученію *эпителии представляютъ одинъ слой клеточекъ*, а кожа состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ влѣточекъ. Ко второму роду тканей принадлежатъ соединительныя ткани въ обширномъ смыслѣ слова, при чемъ кратенько и не вполне ясно приводятся мнѣнія Швана, Генле, Рейхерта и Вирхова о соединительной ткани. Къ третьему роду тканей относятся мускулы, нервная ткань и кровеносные сосуды. Упомянется

о существованіи поперечно-полосатыхъ и гладкихъ мышечныхъ волоконъ, о бѣдныхъ и мозговое вещество содержащихъ нервныхъ волоконъ; о переходѣ сѣраго нервного волокна въ бѣлое и наоборотъ. Упоминаетъ вскользь о нервныхъ клѣточкахъ и о томъ, что Янубовичъ различаетъ движущія, чувствующія и сочувственные нервныя клѣтки; тутъ же говоритъ о периферическомъ окончаніи нервовъ, причемъ приводитъ одни только Пачиніевы тѣльца.

Говоря о сосудахъ, лекторъ говоритъ, что какъ артеріи, такъ и вены состоятъ изъ трехъ оболочекъ: наружная (*adventitia*) и третья (*serosa*) образуются клѣтчаткою, а средняя заключаетъ упругія волокна, а въ мелкихъ сосудахъ мышечные. Капилляры состоятъ изъ однородной оболочки съ ядрами и образуютъ *retia capillaria*. Тамъ, гдѣ нѣтъ капилляровъ, бываютъ *vasa serosa*. Къ тканямъ, которыя бѣдны сосудами, причислены сухожилія, кости, зубы, хрящи и пуповина. Вкратцѣ говорится о строеніи этихъ тканей, при чемъ въ хрящамъ причислена (по химическому составу) *cornea*. Общее заключеніе лектора таково, что всѣ ткани, равно какъ и органы—железы образованы изъ клѣточекъ. Затѣмъ нѣсколько словъ сказано вообще о клѣточкѣ, что она имѣетъ оболочку, содержимое и ядро. Указываетъ на то, что функція клѣточекъ зависитъ отъ содержимаго и бываетъ различна; для примѣра довольно удачно приводятся мышцы, печень и матка.

Клѣтки имѣютъ специфичность и отъ совокупности ихъ зависятъ специфичность самой ткани и самаго органа. На жизнь организма лекторъ смотритъ, согласно съ Вирховымъ, какъ на совокупность жизни клѣточекъ его составляющихъ.

Различные патологическіе процессы могутъ происходить не только при помощи волосныхъ сосудовъ и нервной ткани, но и посредствомъ исключительно однѣхъ клѣточекъ. Нарушеніе правильнаго питанія клѣточекъ, приводя ихъ въ раздраженіе, можетъ породить патологическій процессъ, напримѣръ ожирѣніе, жировое перерожденіе, атрофію и даже образованіе новыхъ тканей, какъ *tumor fibrosus* изъ элементовъ, находящихся уже въ нашемъ тѣлѣ; короче повторяетъ извѣстную мысль Вирхова „auch heterologen Gewebe haben physiologische Typen“.

Послѣ обзора твердыхъ тканей, лекторъ переходитъ къ обзору жидкой ткани—крови. Нѣсколько словъ сказано о красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ шарикахъ; затѣмъ говоритъ о лимфатическихъ железахъ и сосудахъ; перечисляются *glandulae solitariae*, *Pejerjanae*, *lien*, *tonsillae* и *thymus*; приводится выраженіе Вирхова, что притекающая лимфа фильтруется въ лимфатическихъ железахъ, изъ которыхъ въ кровь поступаютъ бѣлые кровяные шарики, приготовляющіеся въ железахъ. При

патологическомъ раздраженіи образовательный процессъ кліточекъ въ железахъ увеличивается. (Увеличеніе селезенки при тифѣ и лихорадкѣ). Тѣмъ-же путемъ и количество бѣлыхъ шариковъ крови можетъ увеличиться, что и наблюдается въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

Указавши своимъ слушателямъ на то, какое важное значеніе имѣть для нихъ въ будущемъ знаніе общей анатоміи, лекторъ говорить, что таковое же значеніе имѣть и частная анатоміи и обращается къ слушателямъ съ слѣдующей витиватой фразой:

„Въ дальнѣйшихъ курсахъ, при послѣдующемъ изученіи наукъ медицинскихъ, вы вездѣ будете сталкиваться съ анатомією; всюду на избранномъ вами трудномъ поприщѣ практики, она будетъ являться руководительницею подобно полярной звѣздѣ, выводящей на открытую дорогу путника, заблудившагося ночью въ степи, или дремучемъ лѣсу“.

Перечисливши затѣмъ четырнадцать химическихъ элементовъ, лекторъ говорить, что во время жизни изъ нихъ образуются сложныя химическія соединенія, которыми обуславливается составная форма тканей и органовъ нашего тѣла и постояннымъ химическимъ обмѣномъ въ кліткахъ поддерживается жизнь. Послѣ смерти съ наступленіемъ гніенія, виѣшняя форма уничтожается, слѣдуетъ разложеніе и вещество возвращается къ первоначальному источнику—землѣ: „земля еси и въ землю отыдеши“. Лекцію свою лекторъ закончилъ тѣми же словами Галена, которыми закончилъ и первую свою лекцію по анатоміи.

IV. *Обозрѣніе мышечной ткани и мускуловъ вообще.* Доктора И. О. Вилкомирскаго. (Посвящается А. К. Струве). Москва. 1860 года.

Эта маленькая брошюрка въ 32 страницы написана авторомъ, какъ видно изъ его предисловія, послѣ временнаго, въ теченіи двухъ лѣтъ, преподаванія имъ студентамъ анатоміи и написана имъ для представленія на конкурсѣ, съ цѣлью занять кафедру анатоміи въ Харьковѣ.

Брошюра самая представляетъ собою очень кратенькій конспектъ, компиляцію всего того, что извѣстно было до 1860 года о мышечной системѣ. Порядокъ самаго изложенія таковъ:

Начавши съ того, что мышцы есть дѣятельные органы движенія, онъ дѣлитъ ихъ на *musculi externi* (мышцы скелета) и *mm. interni, s. viscerales, s. vitae organicae*. Первые попереочно полосатыя (*mm. voluntarii*), а вторыя гладкія (*mm. involuntarii*). Мускулы состоятъ изъ пучковъ (*fasciculi*), а эти послѣдніе изъ первичныхъ волоконъ. (*fibrae elementares s. primitivae, s. fibrillae*), одѣтыхъ оболочкой (*sarcolemma pellucidum*). Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе микроскопическаго строенія попереочно-полосатыхъ и гладкихъ мышечныхъ волоконъ. Говоря о ядрахъ

гладкихъ мышць, авторъ ничего не говоритъ объ ихъ формѣ. Упоминаетъ о томъ, что пучки гладкихъ мышць образуютъ въ кожѣ *mm. corrugatores dartos, arreectores pili* и о томъ, что онѣ также находятся въ стѣнкахъ кишекъ.

Мышечная масса увеличивается отъ упражненія, и на правой сторонѣ тѣла поэтому мышцы сильнѣе, чѣмъ на лѣвой. Каждый мускуль состоитъ изъ двухъ частей: *pars carnea et pars tendinosa*. Мышечная часть одѣта покровомъ (*involucrum, s. vagina muscularis, s. peremissium externum*), отъ котораго идутъ внутрь тонкіе отростки, одѣвающие болѣе тонкіе пучки (*peremissium internum*). Затѣмъ идетъ краткое описаніе формы сухожилій и ихъ микроскопическаго строенія. Далѣе, при общемъ описаніи мышць, разбирается что такое головка (*caput*) и хвостъ (*cauda*) мускула. Разница въ числѣ мускуловъ (346—400) авторомъ объясняется разными взглядами ученыхъ на извѣстныя простыя, а въ особенности на сложныя мышцы (*multifidus* и *m. p.*). Мускулы дѣлятся на длинныя, широкіе, короткіе, зубчатые и проч.

Фасціи различаются поверхностныя и глубокія. Между пластинками поверхностной фасціи авторъ помѣщаетъ подкожныя мышцы *mm. orbicularis palpebrarum, platisma myoides et sphincter ani externus*. Упоминается о *ligg. intermuscularia* и невозможно кратко о *bursae synoviales*.

Далѣе дѣлается обзоръ терминологіи мускуловъ, которая, по мнѣнію автора, устанавливается въ XV вѣкѣ, со временъ Сильвія, а затѣмъ позже Шоусе. Приводятся названія различныхъ мускуловъ, данныя имъ различными анатомами, или по точкамъ начала и прикрѣпленія, или по формѣ, или по положенію, или по физиологическому отпращиванію.

О сосудахъ мускуловъ авторъ говоритъ, что артеріальный стволъ, подошедши къ мускулу, дѣлится на мелкія вѣтви, затѣмъ на капилляры, которые въ видѣ сѣти покрываютъ поверхность первичнаго пучка, не давая внутрь его сосудовъ. Изъ капилляровъ образуются вены, которыхъ при мелкихъ артеріяхъ бываетъ одна, а при болѣе крупныхъ двѣ. Лимфатическихъ сосудовъ въ мышцахъ мало и они недостаточно изслѣдованы. Нервы, входя въ мышцу, дѣлятся на вѣточки и оканчиваются свободно въ оболочкѣ первичнаго пучка, но какъ—не сказано.

Сухожилія бѣдны кровеносными сосудами, а лимфатическихъ сосудовъ и нервовъ вовсе не имѣютъ.

Далѣе авторъ говоритъ, что въ человѣческомъ зародышѣ только на третьемъ мѣсяцѣ можно замѣтить мускулы и наконецъ послѣднія шесть страницъ авторомъ посвящены кратенькому сравнительно-анатомическому обзору мышечной системы и вообще органовъ движенія.

V. *Отвѣтъ прозектора Харьковскаго университета Вилкомирскаго на статью въ № 39 „Современной медицины“ 1860 г., подъ заглавіемъ: „Анатомія въ Харьковскомъ университетѣ“.* (Московская Медицинская газета. 1861 г. № 4. Стр. 31—32).

Отвѣтъ этотъ вызванъ статьею проф. Вальтера, который, на основаніи полученныхъ имъ письменныхъ свѣдѣній отъ студентовъ Харьковскаго университета, заявилъ печатно въ издаваемой имъ газетѣ „Современная Медицина“ о невозможно-печальномъ состояніи кафедры анатоміи въ Харьковскомъ университетѣ, такъ какъ читающій ее прозекторъ В. ни свѣдѣніями своими, ни способомъ выраженія не удовлетворяетъ молодежи, которая не находитъ даже мысли у лектора при изложеніи; далѣе затѣмъ Вальтеръ говоритъ, что практическія занятія по анатоміи въ Харьковѣ вовсе не ведутся, а экзаменъ по анатоміи до скандальности легокъ.

Въ отвѣтъ на это Вилкомирскій пишетъ, что подобныя свѣдѣнія могли быть даны или студентами высшихъ курсовъ медицинскаго факультета, или студентами другихъ факультетовъ, которые его не слушали и притомъ по враждебному лично къ нему отношенію. Даже можетъ быть и его слушателями, но тѣми, которые почему нибудь на него недовольны. При этомъ Вилкомирскій не упускаетъ случая кольнуть проф. Вальтера тѣмъ, что и о Вальтерѣ слухи идутъ нехорошіе по поводу принужденія платить особая деньги за лекціи физиологіи, читанныя въ Кіевѣ проф. Вальтеромъ.

Пояснивъ затѣмъ, что Харьковскимъ медицинскимъ факультетомъ ему поручено было читать анатомію по случаю заграничной командировки проф. Иллинскаго, Вилкомирскій говоритъ, что какъ прозекторъ онъ заслужилъ цѣлый рядъ похвалъ отъ профф. Ванцетти, Нарановича и Иллинскаго, а какъ лекторъ онъ придерживался тѣхъ же руководствъ Голлштейна и Гиртля, которыхъ придерживались и предъидущіе проффесора. Что-же касается экзамена, то на такомъ онъ требовалъ только существенное, важное для медика и что практическія занятія въ Харьковѣ велись по анатоміи и даже былъ примѣръ, что Вилкомирскій не зачелъ таковыхъ одному изъ студентовъ, непосѣщавшему практическихъ занятій по анатоміи.

VI. *Анатомико-топографическій очеркъ надключичнаго треугольника (Trigonum supraclaviculare), съ исторіею перевязки лѣвой подключичной артеріи (Arteria subclavia sinistra), сдѣланной профессоромъ Т. Л. Ванцетти. Прозектора анатоміи доктора Ипполита Вилкомирскаго.*

(Посвящается ректору Падуанскаго университета профессору Титу Лаврентьевичу Ванцетти). Харьковъ 1864 года.

Длинное названіе брошюры, состоящей изъ 14 страницъ.

Брошюра начинается изложеніемъ топографіи надключичнаго треугольника. Топографо-анатомическое описаніе ограничивается впрочемъ очень кратенькимъ перечисленіемъ мышцъ, фасціи, нервовъ и сосудовъ, находящихся въ *Trigonum supraclaviculare* и изложено все на двухъ страничкахъ. Дѣленіе *fasciae colli* на двѣ пластинки авторъ не признаетъ. Объ отклоненіяхъ артерій и венъ сказано очень мало.

По удобству перевязыванія подключичной артеріи, ее можно, говорить авторъ, раздѣлить на три части: первая часть оканчивается у внутренняго края лѣстничнаго передняго мускула; вторая часть лежитъ между *mm. scalenus ant. et medius* и третья—простирается подъ ключицею до нижняго края перваго ребра. Перевязка артеріи въ первой части почти невозможна, по причинѣ отхожденія четырехъ крупныхъ артеріальныхъ вѣтвей. Коллесъ сдѣлалъ перевязку на этомъ мѣстѣ въ 1813 г. и больной умеръ.

Во второй части артерія лигатура наложена Дюпюитреномъ въ 1819 г., не смотря на то, что при этой перевязкѣ перерѣзывается *m. scalenus ant.* и легко можетъ раниться *n. phrenicus*. Самая удобная для перевязки третья часть артеріи, хотя и здѣсь нѣкоторымъ хирургамъ она не удавалась (Куперъ, Дюпюитрень).

Далѣе описывается случай перевязки *art. subclaviae sin.*, произведенной проф. Ванцетти.

Солдатъ 40 лѣтъ почувствовалъ съ марта 1845 г. боль и тяжесть въ лѣвой подкрыльцевой ямѣ, затѣмъ явилась опухоль, которая увеличивалась и дошла до ключицы. Появилась одышка, тяжесть въ груди и бессонница. Больного отослали въ госпиталь, а оттуда онъ былъ присланъ 10 августа 1846 г. въ хирургическую клинику Харьковскаго Университета къ проф. Ванцетти. Діагносцирована была аневризма лѣвой подкрыльцевой артеріи и такъ какъ аневризма со дня на день увеличивалась, то чрезъ семь дней пребыванія въ клиникѣ произведена операція—*Ligatura art. subclaviae sin.* въ лѣвомъ надключичномъ треугольникѣ по обыкновеннымъ правиламъ. Осложненій и случайностей при операціи никакихъ не было. На перерѣзанныя, при операціи, мелкія артерійки и венозные стволы наложены лигатуры. Послѣ операціи губы раны соединены липкимъ пластыремъ (по формулѣ Листона), а сама рана покрыта англійской корнѣю. Послѣдовательнаго кровотечения почти не наблюдалось. Послѣдующее леченіе состояло въ наложеніи мокрыхъ тепловатыхъ компрессовъ. При припуханіи раны, на пятый

день послѣ операціи, приставлено было 25 пѣвоекъ, а на шестой день еще 30 пѣвоекъ и кромѣ того давались слабительныя соли. На 23 день удалена лигатура. На 31 день больной выписанъ въ удовлетворительномъ состояніи, хотя аневризма не уменьшилась. 30 октября больной снова былъ принятъ въ клинику, такъ какъ аневризматическая опухоль еще не вполне прошла и рана еще не зажила. Больной пробылъ въ клиникѣ до 27 февраля 1847 г. и за это время аневризма совершенно прошла и рана зажила.

Къ этому описанію, произведенной проф. Ванцетти, операціи авторъ отъ себя нашель, почему-то, удобнымъ вставить длинный рассказъ о лѣченіи ранъ вообще, причемъ рекомендуетъ лѣчить ихъ или 1) прикладываніемъ простой воды, въ видѣ мокрыхъ тряпокъ, или 2) наложеніемъ сухой корпии. Тутъ-же рекомендуется 1) не перевязывать часто раны, 2) смывать гной только съ краевъ, 3) оставлять раны въ покой, 4) больныхъ хорошо питать, и при заживленіи 5) помазывать края раны кристалломъ синяго камня, или ляписомъ.

VII. *Курсъ физиологической анатоміи человѣческаго тѣла*, читанный въ Харьковскомъ университетѣ прозекторомъ анатоміи, докторомъ Ипполитомъ Вилкомирскимъ. Харьковъ. Университетская типографія.

а) — Выпускъ первый — *Остеологія и Синдесмологія или Артрологія* 1863 г., стр. 1—73.

б) — Выпускъ второй — *Миологія съ фасціями*. 1864 г., стр. 74—158.

в) — Выпускъ третій — *Ангиологія*. 1865 г., стр. 159—273.

г) — Выпускъ четвертый — *Нервологія*. 1866 г., стр. 274—389.

Весь курсъ физиологической анатоміи человѣческаго тѣла И. О. Вилкомирскаго представляетъ очень кратенькій конспектъ грубой анатоміи. Какъ руководство для занятій, этотъ курсъ едва ли могъ служить его слушателямъ, или вообще кому бы то ни было. Не говоря о томъ, что въ этомъ курсѣ отсутствуютъ два такихъ громаднхъ отдѣла анатоміи, какъ ученіе о внутренностяхъ и объ органахъ чувствъ, но и другіе, имѣющіеся на лицо, отдѣлы анатоміи заключаютъ въ себѣ почти одну лишь анатомическую номенклатуру, да и то далеко не полную. Трудно себѣ представить цѣль изданія подобнаго курса, такъ какъ во время его изданія между учащеюся молодежью уже циркулировали такія сочиненія какъ Загорскаго, Вальтера, а въ переводѣ были уже Гиртль и Голаштейнъ. Единственно, для чего могъ служить этотъ курсъ, это для повторенія, въ видѣ конспекта, передъ экзаменомъ.

Въ первомъ выпускѣ своего курса анатоміи — *Остеологія и Синдесмологія* (73 стр.) — авторъ, послѣ краткаго введенія и еще болѣе крат-

каго общаго очерка о костяхъ, переходитъ къ изложенію костей черепа (3—12 стр.), затѣмъ костей лица (13—17). Все ученіе о цѣломъ черепѣ изложено на 7 страничкахъ (18—24). Кости туловища подраздѣлены на А) кости позвоночнаго столба (25—30), В) кости грудной кѣтки (31—33) и С) кости таза (34—38). Третій отдѣлъ остеологіи: А) верхнія конечности (39—44) и В) нижнія конечности (44—50).

Что касается до самаго изложенія, то оно, хотя и кратко, но довольно послѣдовательно. Если объектъ описанія находился бы въ рукахъ у учащагося, то для краткаго повторенія этотъ курсъ остеологіи могъ бы сослужить службу.

Такой-же характеръ конспекта имѣетъ и второй отдѣлъ—синдесмологія или артрологія. Послѣ краткаго общаго понятія о сочлененіяхъ и связкахъ (51 и 52 стр.) излагаются: I—связки головы (53 стр.), II—связки туловища (54—61) и III—связки конечностей (61—71 стр.).

Во второмъ выпускѣ—*миологія съ фасціями* (84 стр.) излагается:

Общее понятіе о мышцахъ, ихъ форма, части и свойства (стр. 75—80). Затѣмъ слѣдуютъ мышцы головы и мускулы лица (81—83); при этомъ не безъинтересно замѣтить, что *mm. incisivi* авторъ никогда не видѣлъ. На стр. 83 онъ говоритъ: „хотя во всѣхъ анатомическихъ руководствахъ (по обычному подражанію) описываются *mm. incisivi* *Соврегі* *superiores* et *inferiores*, но на *трупѣ* трудно видѣть ихъ (по крайней мѣрѣ я никогда отдѣльно не могъ приготовить ихъ). (?)

В. Мускулы для движенія нижней челюсти (84—85) перечислены *mm. masseter, temporalis et pterigoidei*.

II. Мускулы туловища: А) мускулы на передней сторонѣ туловища: *mm. colli* (86—93). Немного странно описаны фасціи шеи. На стр. 92 авторъ говоритъ: „Хотя на шеѣ принимаютъ двѣ фасціи, одну поверхностную, а другую глубокую, однакожъ *нужно сознаться, что поверхностная фасція, описываемая надъ (?) мускуломъ platysma myoides, не есть фасція*; напротивъ, глубокая фасція, или собственная фасція шеи (*fascia profunda* s. *propria colli*) дѣйствительно заслуживаетъ названія фасціи: она, начинаясь на задней части шеи отъ *lig. nuchae* и продолжаясь подъ кожей съ каждой стороны, впередъ, до заднихъ краевъ грудинососковыхъ мускуловъ, образуетъ для послѣднихъ влагалища, отъ переднихъ краевъ коихъ она продолжается къ средней линіи шеи, гдѣ, соединившись съ подобной фасціею другой стороны, прикрѣпляется къ подъязычной кости; отсюда покрывная мускулы *sternohyoidei* и *sternothyroidei* нисходитъ къ *lig. interclaviculare*, къ коей и прикрѣпляется. Эта фасція шеи соединяется вверху съ фасціею *parotideomasseterica*, а внизу переходитъ въ фасцію грудной вѣтки. Отъ внутренней ея по-

верхности происходит множество отростковъ, которые, образуя, какъ для мускуловъ, такъ и для органовъ, сосудовъ и нервовъ, влагалища, покрываютъ дно шейныхъ треугольниковъ, и, соединяясь между собой, удерживаютъ на мѣстоположеніи какъ мускулы, такъ и органы, сосуды и нервы, прикрѣпляясь къ шейной части позвоночнаго столба“.

Первое, что брасается въ глаза при этомъ описаніи это то, что авторъ отказывается признать поверхностную фасцію шеи, а между тѣмъ самъ же ее описываетъ, какъ продолженіе его же *fasciae profundae colli*, я говорю тоже, такъ какъ никто изъ анатомовъ не описываетъ, подъ названіемъ *fascia profunda colli*, то, что описано авторомъ. Но оригинальнѣе всего это то, что авторъ желалъ найти поверхностную фасцію шеи *надъ* *m. platysma myoides* и дѣйствительно это трудно, такъ какъ самое названіе этой мышцы „*subcutaneus colli*“ указываетъ, что она лежитъ непосредственно подъ кожей. Интересно знать, у кого вычиталъ авторъ, что *fascia superficialis colli* находится надъ *musc. platysma myoides*, очевидно, тутъ или ошибка, или же недоразумѣніе. Вообще описаніе фасціи шеи нельзя назвать удовлетворительнымъ. За описаніемъ шейныхъ мышцъ слѣдуютъ грудныя мышцы (94—96), далѣе брюшныя (97—103) и наконецъ глубокія мышцы туловища (104—106): *diaphragma*, *mm. recti capitis ant. major et minor*, *longus colli*, *triangularis sterni* и *quadratus lumborum* (о *m. transversus thoracis posterior* не упоминается).

В—мускулы на задней поверхности туловища (*mm. dorsi* 107—113). При описаніи начала *m. cucullaris*, вѣроятно опечатка, сказано, что онъ начинается отъ *поперечныхъ* отростковъ всѣхъ грудныхъ, тогда какъ нужно было сказать отъ остистыхъ отростковъ. Точно также ошибочно и неясно обозначено начало и прикрѣпленіе *m. spinalis dorsi*. На стр. 110 и 111 сказано, что *m. spinalis dorsi* начинается отъ остистыхъ отростковъ 2 верхнихъ поясничныхъ и прикрѣпляется до втораго груднаго позвонка; между тѣмъ какъ извѣстно, что *m. spinalis dorsi* начинается отъ остистыхъ отростковъ 2 верхнихъ поясничныхъ и 3 нижнихъ грудныхъ позвонковъ и, минуя остистый отростокъ 9 груднаго позвонка прикрѣпляется къ остистымъ отросткамъ отъ 2-го до 8-го груднаго позвонка. Вообще нужно замѣтить, что длинныя и короткія мышцы спины описаны непозволительно кратко.

Въ слѣдующей затѣмъ главѣ мускулы конечностей довольно удовлетворительно описаны: А) мускулы верхнихъ конечностей (114—126) и В) мускулы нижнихъ конечностей (127—155). Жаль только, что, при изложеніи мышцъ предплечія, авторъ отступилъ отъ общепринятаго порядка изложенія этихъ мышцъ.

Послѣднія страницы міологіи (стр. 156—158) посвящены авторомъ разсужденію о значеніи мышечной системы и важности ея для различныхъ цѣлей.

Выпускъ третій—*Анѳіологія* (113 стр.) посвященъ ректору и профессору Падуанскаго университета Титу Лаврентьевичу Ванцетти.

Предпославши нѣсколько словъ объ артеріяхъ вообще, авторъ сосудистую систему начинаетъ изложеніемъ артерій. Артеріи вообще описаны довольно удовлетворительно, упоминается даже о нѣкоторыхъ аномаліяхъ. Порядокъ изложенія слѣдующій:

I—Aorta; A) aorta ascendens; B) arcus aortae и ея вѣтви: aa. carotis communis, carotis externa. Вѣтви carotis externae описаны довольно удовлетворительно. Вѣтви carotis internae не описаны и на стр. 176 сказано, что „развѣтвленіе carotis internae будетъ описано при описаніи большаго мозга и органа зрѣнія“.

Далѣ BB) art. subclavia и ея вѣтви, за исключеніемъ развѣтвленія a. vertebralis et basilaris, описаніе которыхъ также отнесено къ ученію о спинномъ мозгѣ и мозжечкѣ. Aa. axilaris и brachialis съ ихъ вѣтвями описаны достаточно подробно.

C) Aorta descendens thoracica съ ея вѣтвями и далѣ aorta descendens abdominalis и ея вѣтви, при чемъ объ a. coeliaca сказано просто (стр. 192), что она развѣтвляется на три артеріи, идущія къ желудку, печени и селезенкѣ. Отдѣльно же вѣтви ея и ихъ вѣтвленія не описаны. Затѣмъ слѣдуютъ aa. iliaca communis, hypogastrica et iliaca externa съ ихъ вѣтвями.

При описаніи arteria pulmonalis (на стр. 209) крупная опечатка, а именно сказано, что a. pulmonalis выходитъ изъ лѣваго желудочка сердца.

По окончаніи описанія артерій слѣдуетъ глава о капиллярахъ (стр. 211—212). Ученіе о венахъ (213—228) начинается описаніемъ общихъ свойствъ венъ, затѣмъ описывается система Venae cavae superioris, за исключеніемъ венозныхъ пазухъ твердой мозговой оболочки и венъ самого мозга, описаніе которыхъ отнесено къ неврологіи; далѣ слѣдуетъ система Venae cavae inferioris и наконецъ Venae pulmonalis.

Изложеніе ученія о сердцѣ (228—239) нельзя назвать удачнымъ, такъ какъ описаніе сдѣлано безъ всякой системы. Авторъ, описывая, вынутое изъ трупа, сердце, быстро перескакиваетъ отъ описанія наружной поверхности къ заслонкамъ сердца и, затѣмъ, къ описанію предсердій и желудочковъ. При описаніи сердца in situ снова возвращается къ описанію наружной поверхности сердца. Ходъ мышечныхъ волоконъ въ сердцѣ совершенно не описанъ; равно какъ при описаніи заслонокъ

сердца пропущена *Valvula Eustachii*. О бугоркѣ Ловера тоже не упоминается.

Околосердечная сумка описана далеко не ясно.

За описаніемъ сердца слѣдуетъ отдѣльная 5 глава—*кровь* (240—245). Странно какъ-то немного, что въ грубой анатоміи, и притомъ кратенькой, вставлена цѣлая глава о крови. Описаніе крови заимствовано изъ какого то учебника фізіологіи и притомъ довольно отсталого.

Слѣдующая затѣмъ глава *о кровообращеніи*. Упомянувши о Гарвеѣ, авторъ говоритъ далѣе о сокращеніи сердца и описываетъ кровообращеніе въ сердцѣ, (при этомъ упоминается о Ловеровомъ бугоркѣ и *Valv. Eustachii*). Сказано о большомъ и маломъ кругѣ кровообращенія. Тутъ же говорится о сердечномъ толчкѣ, тонахъ сердца, скорости движенія крови въ сосудахъ артеріальныхъ, капиллярныхъ и венозныхъ.

Заключительная 7 глава въ ангиологіи—*есть лимфатическіе сосуды* (258—273). Авторъ всасывающіе сосуды дѣлитъ на 1) *Vasa lactea*, находящіеся въ кишкахъ и брыжжейкѣ, и на 2) *Vasa lymphatica*, находящіеся во всѣхъ частяхъ тѣла. Раздѣливши эти послѣдніи на *superficialia* и *profunda*, авторъ говоритъ, что начало ихъ составляетъ соединительная ткань, а именно звѣздообразныя ея кѣлѣочки—„изъ отростковъ звѣздообразныхъ кѣлѣочекъ соединительной ткани начинаются лимфатическіе сосуды“ (стр. 257). Далѣе говорится объ устройствѣ стѣнокъ большихъ лимфатическихъ сосудовъ; о наливаніи сосудовъ ртутью; о томъ, что они назначены для всасыванія; объ опасности зараженія при вскрытіи труповъ чрезъ лимфатическіе сосуды. Различая лимфатическіе сосуды, какъ приносящіе (*afferentia*) и относящіе (*efferentia*) съ образованіемъ *plexus lymphatici*, авторъ говоритъ далѣе о лимфатическихъ железахъ, ихъ устройствѣ и о дѣленіи ихъ на поверхностныя и глубокія.

Анатомія грубыхъ лимфатическихъ сосудовъ изложена вмѣстѣ съ железами въ такомъ порядкѣ: а) лимфатическіе сосуды головы, б) шеи, в) грудной полости, д) верхнихъ конечностей, е) нижнихъ конечностей, ф) таза и г) брюшной полости. Затѣмъ описываются лимфатическіе стволы—*trunci lymphatici* и содержимое лимфатическихъ сосудовъ—лимфа.

Заключительнымъ словомъ къ ангиологіи служитъ разсужденіе автора объ обмѣнѣ веществъ, питаніи, патологическомъ состояніи крови и наконецъ о діатезѣ и о темпераментѣ.

Четвертый выпускъ—*нервологія*. (115 стр.).

Послѣ краткихъ замѣчаній вообще о нервной системѣ (274—279), авторъ прямо приступаетъ къ изложенію анатоміи мозга. Во введеніи предпосылается понятіе о томъ, что вся нервная система дѣлится на

*

животную или мозговую и симпатическую — узловатую; далѣе, что въ центральныхъ частяхъ нервной системы невооруженнымъ глазомъ различается сѣрое и бѣлое вещество, а съ помощью микроскопа различаютъ нервныя клѣтки, нервныя волокна и невроглія. Далѣе говорить о составѣ нервнаго волокна и нервной клѣтки и наконецъ о нервныхъ окончаніяхъ.

Описаніе мозга (280—326) начинается описаніемъ механизма вскрытія черепа и выниманія мозга; затѣмъ описанъ большой мозгъ, мозжечекъ, продолговатый мозгъ съ Вароліевымъ мостомъ и спинной мозгъ. При описаніи мозга упомянуты по названіямъ всѣ отдѣльныя его части въ довольно послѣдовательномъ порядкѣ. Странно только одно, что авторъ, называя отдѣльныя части мозга, о большинствѣ изъ нихъ прибавляетъ отъ себя, что они „не имѣютъ важности“. Для примѣра приведу изъ стр. 285: „Въ заднемъ рогѣ описывается бѣлое продолговатое возвышеніе, *не имѣющее никакой важности*, подъ названіемъ *calcar avis*. Въ среднемъ (нижнемъ) рогѣ описываютъ *pes hyosampi major*, *не имѣющій никакой важности*, а на немъ *digitationes*, *тоже не имѣющія никакой важности*“ и т. д. и т. д. Дѣло доходитъ до того, что на стр. 298 авторъ говоритъ „Нижніе концы *cornu pyramidalium (medullae oblongatae)*, перекрещиваясь волокнами между собою на *fissura longitudinalis anterior*, образуютъ *decussatio pyramidum*, *не имѣющую, впрочемъ, никакой важности*“. Борозды и извилины мозга совершенно не описаны. Сказавши нѣсколько словъ о томъ, что физиологія мозга еще слабо развита и что мы ничего, или очень мало, знаемъ объ отправленіяхъ мозга, авторъ тѣмъ самымъ желаетъ оправдать свои лаконическія приписки, приставленныя имъ къ каждому изъ названій отдѣльныхъ частей мозга, „не имѣетъ никакого значенія“.

За описаніемъ мозга слѣдуетъ описаніе его оболочекъ, а затѣмъ артерій и венъ мозга и его оболочекъ.

Второй отдѣлъ неврологіи начинается перечисленіемъ отверстій на основаніи черепа, чрезъ которыя выходятъ головные нервы. Далѣе слѣдуетъ описаніе 12 паръ головныхъ нервовъ. О ядрахъ нервовъ въ мозгу авторъ ничего не говоритъ, „такъ какъ, по его словамъ, начала всѣхъ нервовъ покрыты еще завѣсой“ (стр. 328).

Подробное описаніе I, II, III, IV и 1-й вѣтви V пары не сдѣлано; равнымъ образомъ не описаны VI, VIII пары и много вѣтвей IX и X паръ. Описаніе ихъ обѣщано при изложеніи органовъ обонянія, зрѣнія, слуха, вкуса и при изложеніи ученія о внутренностяхъ. (Этотъ выпускъ, впрочемъ, не вышелъ въ свѣтъ). Описаніе всѣхъ остальныхъ головныхъ нервовъ нельзя назвать точнымъ, а тѣмъ менѣе подробнымъ. Едва-ли

этотъ конспектъ головныхъ нервовъ былъ-бы достаточенъ студенту для повторенія къ экзамену.

Периферическіе спинно-мозговые нервы (345—371) описаны сравнительно удовлетворительно. Послѣдняя глава есть симпатическая нервная система (372—389).

VIII. *Вступленіе въ публичныя популярныя лекціи фізіологической анатоміи*, читанныя, въ теченіи великаго поста 1866 года, докторомъ Ипподитомъ Вилкомирскимъ. Посвящается любителямъ и любительницамъ медицины, посѣщавшимъ эти лекціи. Харьковъ, Университетская типографія, 1866 года.

Брошюра въ 12 страницъ.

Прежде, чѣмъ начать изложеніе анатоміи человѣка, лекторъ счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о естествознаніи вообще, причемъ опредѣляетъ, что предметъ естествознанія есть природа, а цѣль естественныхъ наукъ изученіе и объясненіе явленій природы и на первомъ планѣ изученіе человѣка.

Всѣ существа (?) въ природѣ какъ организованныя, такъ и неорганизованныя подчинены очень немногимъ общимъ законамъ природы, на основаніи которыхъ естественныя науки объясняютъ разныя явленія, пугающія необразованный народъ; при этомъ въ примѣръ приводятся кометы, затменія солнца и луны, молнія и громъ. Естествознаніе, говоритъ лекторъ, просвѣтляетъ и облагораживаетъ взглядъ на все окружающее, охраняетъ здоровье, жизнь и благонадежность какъ каждого человѣка, такъ и цѣлаго общества. Образованному человѣку извѣстно до какой степени простирается господство человѣка надъ природою, страшныя силы которой онъ нерѣдко обращаетъ въ покорныхъ для себя слугъ; какъ примѣръ, приводятся электричество и паръ.

Господство человѣка даже можетъ вліять и на органическую жизнь, измѣняя формы тѣла и жизнь домашнихъ животныхъ, или культивируя растенія.

Многія, удивляясь господству человѣка въ природѣ, видя въ немъ вѣнецъ творенія, не подозреваютъ, что тѣлесная его организація и жизненные отправленія сходны съ таковыми же прочихъ животныхъ.

Далѣе, лекторъ говоритъ, знаніе устройства и отправленія частей своего тѣла важно и въ практическомъ отношеніи. При неправильномъ ходѣ отправленій, возможно дать правильный имъ ходъ—иначе сказать лечить. Поэтому для врача необходимо знать анатомію, и леченіе безъ такого знанія есть шарлатанство, которое у необразованныхъ и является въ видѣ знахарей, а у образованныхъ людей въ видѣ магнетизеровъ.

Знаніе строенія тѣла—анатоміи и отправленія его органовъ—физиологіи важно для всякаго и въ особенности для матери и воспитателей, такъ какъ незнакомство съ этими предметами заявляется плохими послѣдствіями: слабыя дѣти, хилые, раздражительные и мало способные молодые люди, плохо развитыя дѣвушки, которыя сдѣлавшись матерью, не въ состояннн даже кормить дѣтей, при чемъ позже развивается преждевременная дряхлость.

Развивши идею о необходимости знать анатомію, лекторъ признается, что въ шесть лекцій трудно ознакомить слушателей съ такими громадными предметами, какъ анатомія и физиологія, а потому онъ по необходимости будетъ передавать только существенное и то поверхностно, руководясь положеніемъ, что лучше что нибудь знать, нежели ровно ничего.

Весь свой курсъ лекторъ раздѣлилъ на шесть лекцій въ такомъ порядкѣ: I. Скелетъ, связки, мышцы и кожа; II. Пищеварительные органы. III. Кровообращеніе и питаніе. IV. Органы дыханія и проч. V. Нервы, мозгъ, органы зрѣнія и слуха. VI. О возрастахъ человѣка. Бесѣды свои лекторъ предполагалъ сопровождать демонстраціями искусственныхъ препаратовъ, такъ какъ трупы для публичныхъ чтеній не пригодны.

IX. *О хилопластикѣ*. (Chiloplastica). Доктора Ипполита Вилкомирскаго. Съ пятью литографированными рисунками. Харьковъ. Университетская типографія. 1868.

Брошюра въ 32 страницы.

Авторъ сообщаетъ тѣ главные методы хилоластики, которые по его многолѣтнему опыту онъ нашелъ болѣе полезными. Методы эти слѣдующіе: 1) Поверхностное вырѣзываніе рака, занимающаго только край нижней губы и шиваніе слизистой оболочки съ кожей. 2) Вырѣзываніе рака, занимающаго $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ губы, на подобіе латинской буквы V, со сходящимся угломъ на подбородкѣ и шиваніе краевъ раны. 3) Вырѣзывается ракъ какъ въ предъидущемъ случаѣ (если ракъ занимаетъ $\frac{1}{2}$ губы), и разрѣзъ продолжается отъ угловъ рта поперегъ чрезъ толщю щекъ; слизистая оболочка отдѣляется отъ нижней челюсти, доскуты сближаются и шиваются; свободный край слизистой оболочки шивается съ кожей. 4) Когда ракъ занимаетъ всю нижнюю губу, то примѣняется способъ Цельса. 5) Если ракъ занимаетъ не только нижнюю губу, но и щеки, то примѣнимъ способъ Диффенбаха. 6) Если поражена и верхняя губа, то дѣлается одинъ разрѣзъ продольный около крыла носа и другой поперечный на собачьей ямкѣ. Послѣ передви-

женія лоскутовъ книзу, остающіеся дефекты на щекахъ заживають рубцемъ. 7) Если ракъ занимаетъ еще и средину тѣла нижней челюсти, то, кромѣ хилопластики, прилагается по извѣстнымъ правиламъ *resectio maxillae inf.* (по срединѣ).

При дѣланіи операціи, хирурга не должно стѣснятъ обязательное, по извѣстному плану, выкраиваніе лоскутовъ, а онъ долженъ приспособляться къ извѣстному случаю.

Говоря о приложеніи микроскопа съ діагностическою цѣлью, авторъ не придаетъ ему особенной важности; важнѣе, онъ говоритъ, осмотрѣть, не поражены-ли лимфатическія железы.

Анестезированіе при пластическихъ операціяхъ не примѣнимо. Операція производится по большей части въ сидячемъ положеніи. При операціи авторъ рекомендуетъ самые простые, несложные инструменты: ножъ, ножницы, пинцетъ, пила Жеффрея. При этомъ онъ рассказываетъ случай, какъ онъ на Друскенникскихъ водахъ одной лишь катарактальной иглой произвелъ надавливаніе и даже раздробленіе хрусталика у одной бѣдной большой и сравнительно съ хорошимъ исходомъ. Швы въ хилопластикѣ лучшіе суть: *podosa*, *circumflexa* и карльсбадскій. Помощники должны быть опытные и не трусливые. Говоря о показаніи къ операціи, авторъ говоритъ, что, когда ракомъ поражено очень много и притомъ важные органы, то производить операцію не слѣдуетъ.

Затѣмъ слѣдуетъ странная вставка. Авторъ начинаетъ говорить о нѣмецкомъ нигилизмѣ въ медицинѣ и о французскомъ выжидательномъ методѣ леченія; о томъ какъ Пироговъ и Неялтонъ опредѣляли, гдѣ застряла пуля у Гарибальди, и наконецъ здѣсь-же почему-то говорится, какъ авторъ лечитъ вообще раны.

Счастливому исходу хилопластики содѣйствуютъ: а) избѣжаніе напряженія лоскутовъ; б) избѣжаніе липкихъ пластырей и натяженія лоскутовъ; в) не употреблять холодныхъ примочекъ; г) не прикладывать послѣ операціи корпии, обмоченной въ масло, а лучше употреблять сухую корпию, или вату; д) дѣлать первую перевязку не ранѣе 48 или 54 часовъ, съ удаленіемъ въ это же время части или всѣхъ швовъ; е) удалить прижатіемъ пальца нарывчики на мѣстахъ швовъ; ж) тщательно удалить засохшую матерію на рубцахъ и з) и тщательно присматривать за кормленіемъ больного посредствомъ сифона.

Въ концѣ брошюры приложено описаніе двухъ наблюденій, иллюстрированныхъ рисунками.

1-е наблюденіе. 70-лѣтній простолудинъ; ракъ занималъ возлѣ самой щели рта съ лѣвой стороны бѣольшую половину нижней губы, двѣ трети верхней губы и бѣольшую часть щеки. Железы не были поражены.

Ракъ вырѣзанъ. Лоскуты сдѣланы по способу Диффенбаха для нижней губы, а верхняя губа образована изъ верхней части лѣвой щеки. Сро- щеніе краевъ раны *per primam intentionem*. Губы верхняя и нижняя вышли довольно сносныя, судя по приложенному № 4 рисунку. Авторъ, говоритъ, что онъ могъ бы представить до ста подобныхъ наблюденій.

2-е наблюденіе. 50-лѣтній простолюдинъ; огромнѣйшая опухоль подбородка въ видѣ конуса, основаніе котораго занимало все тѣло нижней челюсти, а вершина нисходила почти къ верхнему отверстию грудной клѣтки.

Опухоль препятствовала говорить и жевать твердую пищу. Опухоль развилась въ послѣдніе годы жизни и по мѣрѣ разростанія дѣлалась болѣзненная, и больной обратился къ проф. Ванцетти. При осмотрѣ оказалось, что опухоль занимала среднюю часть тѣла нижней челюсти, тверда, по мѣстамъ упруга, неподвижна, при сдавливаніи слышенъ слабый трескъ; лимфатическія шейныя железы не поражены. Болѣзненность очень сильна была на нѣкоторыхъ покраснѣвшихъ пунктахъ. На этихъ пунктахъ сдѣланы были проколы, чрезъ которые выдѣлилось нѣсколько кровянистой, гноевидной жидкости. При проколѣ оказалось, что опухоль была сложной кистой, развившейся въ тѣлѣ нижней челюсти и истончившей костяныя стѣнки ея до крайней степени. Повторные проколы въ продолженіи трехъ недѣль не уменьшили опухоли, а потому профессоромъ Ванцетти была произведена операція резекціи всего тѣла нижней челюсти. На 22-й день послѣ операціи больной совершенно выздоровѣлъ; швы сняты на 2 и 3 день операціи; лоскуты кожи зажили *per primam intentionem*. Чрезъ 4 года авторъ видѣлъ этого больного, онъ пополнилъ и былъ здоровъ, но только говорилъ со свистомъ.

X. *Объ оваріотоміи.* (Ovariectomy). Статскаго совѣтника и кавалера, удостоеннаго званій оператора и акушера, какъ члена врачебной управы и званіе инспектора врачебной управы, доктора Ипполита Вилкомирскаго. Съ двумя литографированными рисунками. Харьковъ. Университетская типографія. 1868 г.

Брошюра въ 64 страницы. Во введеніи авторъ говоритъ, что побужденіемъ написать эту брошюру было желаніе его заявить печатно, что *оваріотомія въ первый разъ въ Россіи произведена проф. Ванцетти въ Харьковѣ въ 1848 году, 9 марта.*

Предпославши краткое анатомическое и гистологическое описаніе яичниковъ, авторъ объясняетъ происхожденіе опухолей яичниковъ, а именно кистъ отъ заболѣванія (гипереміи) истиннаго и ложнаго желтаго тѣльца, а также вслѣдствіе воспаленія Граафова пузырька. Кисты авторъ различаетъ простыя—*cystis follicularis* и сложныя—*cystis aggregata*

и *cystis prolifera*. Затѣмъ авторъ для сравнительной діагностики перечисляетъ тѣ болѣзни, которыя могутъ быть смѣшаны съ кистой яичника. Болѣзни эти слѣдующія: 1—*ascites*, 2—*echinococcus* (печени, селезенки, сальника), 3—фиброиды матки, 4—*tumor chronicus lienis*, 5—перерожденіе амилоидное селезенки, 6—амилоидное и 7—жировое перерожденіе печени, 8—ракъ печени, 9—*hydrops vesicae felleae*, 10—*graviditas extrauterina* и даже нормальная беременность, 11—злокачественный кистъ яичниковъ, 12—дермоидальный кистъ яичника, 13—*haematocele retrouterina*, 14—кистъ Фаллопиевыхъ трубъ, 15—*lordosis lumbalis* и 16—*retentio urinae*.

При изслѣдованіи больной авторъ возстаеъ противъ прокола троакаркомъ, какъ средства вреднаго, влекущаго за собой приращенія, воспаления и проч. Затѣмъ перечисляются припадки, наблюдаемые при *cystovarium*, какъ объективныя, такъ и субъективныя. Такъ какъ самоизлеченіе кисты яичника, путемъ нагноенія и опорожненія содержаемаго чрезъ матку, прямую кишку и другими путями наблюдается весьма рѣдко, а лекарства никакія помочь не могутъ, равно какъ и *ragasentesis abdominis*, то, согласно съ другими, и авторъ рекомендуетъ единственный способъ избавиться отъ кисты яичника—это посредствомъ операціи оваріотоміи, которая должна быть произведена не по способу *Jefferson'a*, который для вскрытія брюшной полости дѣлаеъ разрѣзъ по бѣлой линіи всего въ 1½ или 2 дюйма, а по способу *Charles Clay*, который проводитъ разрѣзъ отъ *processus xurhoideus* до *symphysis ossium pubis*. Затѣмъ описывается, какъ должна производиться оваріотомія, при чемъ авторъ отрицаеъ хлороформированіе при этой операціи. Указывая на опасность операціи, авторъ говоритъ, что оваріотомія менѣе опасна, чѣмъ кесарское сѣченіе.

Изъ приведенныхъ затѣмъ трехъ исторій больныхъ, которымъ была произведена операція оваріотоміи проф. Ванцетти, видно, что первая оваріотомія произведена была въ Харьковѣ, а двѣ остальные въ Италіи: одна въ Падую, а другая въ Веронѣ. Такъ какъ авторъ былъ ординаторомъ при хирургической клиникѣ въ Харьковѣ у проф. Ванцетти, то и первая оваріотомія, очевидцемъ которой, и даже помощникомъ при операціи, былъ самъ авторъ, описана имъ, хотя и съ недостаточной точностью и полнотою, но для того времени (1848 г.) довольно подробно.

Исторіи больныхъ слѣдующія:

А.—Исторія первой русской оваріотоміи Ванцетти.

Дворянка Прасковья Дьякова, помѣщица, 23 лѣтъ отъ роду. Регулы, появившись на 16 году, были правильны и продолжались отъ 5—7 дней. 17-го ноября 1847 года родила благополучно послѣ трехлѣт-

ниго брака. Послѣ родовъ животъ остался увеличеннымъ, въ размѣрахъ половины беременности. Далѣе объемъ живота увеличился и въ концѣ декабря достигъ размѣровъ послѣднихъ мѣсяцевъ беременности. Она обратилась за совѣтомъ къ врачамъ г. Екатеринослава, которые посоветовали ей поѣхать въ Харьковъ къ Ванцетти. При осмотрѣ оказалось: объемъ живота громадный, сама больная исхудавшая, упавшая духомъ, чувствуетъ тяжесть въ животѣ и препятствіе при дыханіи, сильные запоры. При изслѣдованіи найденъ громадный кистъ яичника. Больная сама умоляла Ванцетти сдѣлать операцію, которая и была произведена 9 марта 1848 года, въ присутствіи профессоровъ медицинскаго факультета и трехъ помощниковъ докторовъ, въ числѣ которыхъ былъ и авторъ брошюры. Не анестезируя больную, Ванцетти сдѣлалъ разрѣзъ всей бѣлой линіи по способу Charles Clay; кистъ вслѣдствіе отсутствія всякихъ приращеній выдался изъ полости живота совершенно цѣльнымъ; на длинную, толстую его ножку, находящуюся на правомъ яичникѣ, наложена лигатура, затѣмъ киста отрѣзана и удалена. На рану наложено 22 узловатыхъ шва, а въ нижнемъ углу раны оставлена височная лигатура, наложенная на ножку кисты. Животъ забинтованъ. Первые три дня послѣ операціи больная чувствовала себя очень хорошо. Узловатые швы сняты на третій день, но начиная съ четвертаго дня появилось горячее состояніе, пульсъ сталъ повышаться и на шестой день достигъ 152 въ минуту, появилась сильная слабость, обмороки, иногда рвота; на седьмой день упадокъ пульса и смерть. Вскрытія сдѣлано не было, такъ какъ этого не пожелали родственники. Всѣхъ вырѣзанной кисты (*cystis multilocularis*) былъ 55 гражданскихъ фунтовъ. Сухой препаратъ этой кисты сохраняется и до сихъ поръ въ музеѣ физиологической анатоміи Харьковского университета.

В. Исторія первой италіанской овариотоміи г. Ванцетти въ Падуѣ. 20-лѣтняя незамужняя служанка; до появленія въ клинику Падуанскаго университета въ концѣ 1858 г. она страдала неправильными регулами, которыя прекратились совершенно 7 мѣсяцевъ назадъ; объемъ живота увеличился. При изслѣдованіи найдена киста, раздѣленная на части и предположено сдѣлать овариотомію, которая и произведена проф. Ванцетти по способу Charles Clay. Киста была съ приращеніями. Операція произведена безъ хлороформа. Не смотря на искусно произведенную операцію, больная умерла на 21 день послѣ операціи, какъ показало вскрытіе, отъ воспаленія брюшины съ фибринознымъ экссудатомъ; найдены, кромѣ того, многочисленныя прободенія кишекъ со стороны серозной поверхности, съ выпаденіемъ фекальныхъ массъ въ полость брю-

шины. Кроме того найдены периферическія сращения кишекъ съ маткой и мочевымъ пузыремъ и нарывъ въ печени. Вѣсъ кисты 50 фун.

С. Вторая итадіанская овариотомія Г. Ванцетти въ Веронѣ.

40-лѣтняя замужняя, имѣвшая 3 дѣтей, женщина. Въ 1858 году животъ началъ увеличиваться; мѣсячныя прекратились; предполагалась беременность, но въ надлежащій срокъ роды не воспослѣдовали. Обратилась за совѣтомъ къ хирургу Gelmi, который діагностировалъ Cysto-varium. На консультацію былъ вызванъ изъ Паду—и проф. Ванцетти. Рѣшено сдѣлать овариотомію, которую и произвелъ Ванцетти по способу Charles Clay. Киста была съ приращеніями. Операция произведена безъ хлороформа. Больная умерла на 8 день отъ воспаления брюшины. Вѣсъ кисты 70 фунтовъ.

XI. *Compte-rendu succinct du voyage a l'etranger, entrepris dans un but scientifique et particulierement de la visite fait a la clinique chirurgical de l'Université de Padoue, par le Conseiller d'Etat et chevalier, le Docteur Hippolyte Wilcomirski, Prosecteur a l'Université Imperial de Kharkoff (Russie). Kharkoff. 1869.*

Брошюра въ 13 страницъ на французскомъ языкѣ.

Въ своемъ краткомъ отчетѣ о заграничномъ путешествіи, авторъ перечисляетъ нѣсколько интересныхъ случаевъ хирургическихъ операций, которые ему были демонстрированы проф. Ванцетти.

1.—Резекція наружныхъ мышечковъ бедра съ сохраненіемъ надколѣнника на лѣвой ногѣ, произведенная въ 1861 году у 25-лѣтняго деревенскаго жителя. Исходъ великолѣпный. Несмотря на неподвижность въ лѣвомъ колѣнномъ сочлененіи, больной владѣлъ этой конечностью также хорошо, какъ и правой, въ особенности во время ходьбы. На словахъ Ванцетти передалъ автору, что съ такимъ-же успѣхомъ онъ произвелъ подобную-же операцію еще и съ удаленіемъ надколѣнника въ 1865 году у девятилѣтняго мальчика.

2.—Расширеніе лимфатическихъ сосудовъ на лѣвой сторонѣ мопшонки, отчасти лѣваго паха и бедра, въ видѣ неравномѣрнаго возвышенія кожи съ жидкимъ содержимымъ. Возвышенія эти то уменьшались, то увеличивались, мѣняя цвѣтъ своего содержимаго и притомъ въ извѣстное время, такъ утромъ она была водянистая, а вечеромъ молочнаго цвѣта. Случай этотъ одновременно былъ демонстрированъ Филадельфійскому хирургу Gross. Какъ лечение, Vanzetti прилагалъ бандажъ.

3.—Успѣшное лечение, посредствомъ пальцеваго давленія на артеріальный стволъ, а) аневризмы въ правой подколенной ямѣ у одного каменьщика; б) Elephantiasis лѣвой голени у дѣвушки и с) успѣшное лечение флегмонознаго воспаления и воспаления суставовъ.

4.—Примѣненіе одного только лишь гуммознаго пластыря при леченіи *pedis vari*.

5.—Удаленіе маленькой фибромы изъ уретры одной женщины, средняго возраста, посредствомъ ножницъ и затѣмъ прижиганіемъ азотной кислотой.

6.—Укороченіе длинной небной занавѣски посредствомъ ножницъ.

7.—Леченіе *granulae* посредствомъ проведенія чрезъ *granula* серебряной или золотой нитки, которой придается видъ кольца.

8.—Ампутація стопы по способу Пирогова. Авторъ видѣлъ пациента послѣ выздоровленія и онъ могъ свободно ходить, какъ здоровый.

9.—Успѣшное леченіе *ragonuchia maligna* посредствомъ *plumbum nitricum*.

10.—Приложеніе двухлористаго метилена, какъ анестезирующаго средства при операціяхъ, авторъ наблюдалъ въ клиникѣ Ванцетти весьма много разъ. Анестезія производилась чрезъ вдыханіе и по истеченіи непродолжительнаго времени слѣдовала полная, общая анестезія, при нормальномъ пульсѣ. Авторъ перечисляетъ нѣкоторыя изъ операцій, свидѣтелемъ коихъ онъ былъ, произведенныхъ при анестезированіи двухлористымъ метиленомъ. Операціи эти были слѣдующія: а) ампутація грудной железы у дѣвицы, вслѣдствіи саркоматознаго ея перерожденія; б) леченіе *ragarhymosis* в) *acupuncture* при *ischias*; d) *lithotomia* у 4-лѣтняго мальчика; е) *extirpatio testiculi dextri*, пораженнаго ракомъ, у 40-лѣтняго мужчины; f) громадныя разрѣзы, сдѣланныя на мошонкѣ и промежности, которыя были поражены гангреной, вслѣдствіе *stricturae urethrae*.

Далѣе авторъ говоритъ, что онъ познакомился въ Падуѣ съ профессорами Brunetti, Vlasowicz, Pinalli, Giorre; упоминаетъ о томъ, что Брунети и Вляковичъ показывали ему свои музеи. Авторъ нашелъ что Вляковичъ приготовляетъ такіе-же точно препараты, какъ и Брунети. Въ Падуѣ ему показывали кресло, на которомъ сидѣлъ когда то Fabricius ab aquapendente и Margagni; говоритъ, далѣе, что онъ видѣлъ низенькій домикъ, гдѣ Margagni писалъ свое безсмертное произведеніе: „De causis et sedibus morborum“.

Далѣе авторъ рассказываетъ, что онъ былъ на минеральныхъ водахъ въ Абано, гдѣ самъ лечился отъ золотушнаго состоянія, при этомъ говоритъ, что въ Абано нѣтъ ни того шума, ни тѣхъ роскошныхъ увеселеній, какія встрѣчаются на нѣмецкихъ курортахъ, куда обыкновенно дамы съѣзжаютъ охотиться на жениховъ.

Въ концѣ своей брошюры, авторъ говоритъ о томъ обычаѣ, какой практикуется въ Италіи при замѣщеніи профессорскихъ кафедръ.

Во время своего заграничнаго путешествія, авторъ посѣтилъ еще Мюнхенъ, Вѣну и Берлинъ, но о нихъ онъ не находитъ нужнымъ говорить, такъ какъ эти города всѣмъ хорошо извѣстны.

XII. *De onychia maligna*. Д-ра Вилкомирскаго. Сообщение въ медицинской секціи общества опытныхъ наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, бывшей послѣднею передъ лѣтними вакаціями 1873 года. Москва. Университетская типографія.

Брошюра въ 18 страницъ съ 10 рисунками на одной таблицѣ.

Прежде чѣмъ начать свое сообщеніе, авторъ говоритъ о томъ, что практикующему врачу иногда приходится прибѣгать при леченіи болѣзней къ такимъ средствамъ, которыя, хотя нельзя признать за специфическія, тѣмъ не менѣе они приносятъ видимую пользу. Приводитъ затѣмъ изъ своей практики случай кровавистаго поноса, послѣдовавшаго послѣ холеры у взрослога и излеченнаго микстурой изъ сулемы (gr. $\frac{1}{4}$ на ℥jij) съ Laudan. liquid. Sydenhami gtt. xjj, по столовой ложкѣ чрезъ часъ. Потомъ говоритъ о леченіи поносовъ у дѣтей, въ жаркое время, касторовымъ масломъ. Затѣмъ приводитъ составъ капель докторовъ Иноземцева, Добронравова, Лейгоны и Боткина, употребляемыхъ противъ холеры.

Только на 6-й страницѣ начинается сообщеніе объ onychia. Предпославши кратенькое анатомическое описаніе ногтя, онъ затѣмъ приводитъ по Хеліусу описаніе наружной формы болѣзни—*onychia maligna*, которую дѣлитъ на *spontanea* и *traumatica*. Признавая разныя причины появленія *onychia* (скрофулезъ, худосочіе, сифились и развитіе споръ), онъ въ то же время признаетъ *предрасположеніе* къ этой болѣзни. Находя болѣзнь очень тягостною, онъ рекомендуетъ для успѣшнаго леченія употребленіе присыпки *plumbum nitricum*, по совѣту Moerloose (1868 г.). Въ доказательство успѣшности леченія приводитъ пять собственныхъ наблюденій (мальчикъ 6 лѣтъ, дѣвочка 9 лѣтъ, мальчикъ 7 лѣтъ, дѣвушка 15 лѣтъ и мальчикъ 8 лѣтъ), въ которыхъ присыпка *plumbi nitrici* вполне излѣчила *onychiam*. Всѣ случаи переданы въ 10 рисункахъ, два рисунка на каждый случай: одинъ при первомъ наблюденіи болѣзни, а второй по истеченіи 1½ или 2 лѣтъ послѣ излеченія.

XIII. *De uncipressione*. Доктора медицины И. О. Вилкомирскаго. Москва. 1875.

Отдѣльный оттискъ изъ Московскаго Врачебнаго Вѣстника. Брошюра въ 16 страницъ.

Авторъ начинаетъ свою брошюрку разсказомъ о томъ, что практическому хирургу приходится наблюдать различныя виды кровотеченій,

причемъ употребляются различныя кровоостанавливающія средства (ае-
mostatica), какъ холодъ, разныя вѣжущія наружныя, затѣмъ давящія
повязки, тампоны, прижатіе артеріальныхъ стволовъ, прижиганіе и на-
конецъ *ligatura* мелкихъ и даже крупныхъ артеріальныхъ стволовъ.
Нерѣдко многія изъ кровоостанавливающихъ средствъ остаются недѣй-
ствительными, а потому авторъ рекомендуетъ испробовать новый способъ
Vancetti—прижатіе крючкомъ—*Uncipressio*. При этомъ авторъ рефери-
руетъ три случая, описанные въ брошюрѣ Ванцетти (*Della uncipressione
menevgia del prof. Vanzetti. Venezia. 1874*), въ которыхъ при сильныхъ
кровотеченіяхъ прижатіе крючками дало прекрасные результаты. Случаи
эти слѣдующіе: 1—простолюдинъ 50 лѣтъ, рубленая рана лѣвой
кисти руки между костями запястья и большимъ и указательнымъ паль-
цами. 2.—Прикащикъ 28 лѣтъ, рѣзаная рана лѣвой кисти руки, ниже
половины пястья между большимъ и среднимъ пальцами. 3.—Плотникъ
54 лѣтъ, колотая рана лѣваго предплечія.

Послѣ передачи этихъ трехъ случаевъ, авторъ сообщаетъ свое соб-
ственное наблюденіе въ декабрѣ 1874 г. Стекольщикъ упалъ со стек-
ломъ, причемъ сильно разрѣзалъ ладонь; послѣдовало сильное кровоте-
ченіе. Удаливши осколки стекла, авторъ приложилъ лечение — придав-
ливаніе краевъ раны двойными анатомическими крючками; кровотеченіе
остановилось. Черезъ 24 часа крючки удалены и рана въ непродолжи-
тельномъ времени заросла.

На основаніи наблюденій Ванцетти и своего собственнаго, авторъ
выводитъ слѣдующія положенія:

1.—Наружныя кровотеченія, вслѣдствіе травматическихъ причинъ,
останавливаются посредствомъ крючковъ, введенныхъ въ глубину раны
и разворачивающихъ такимъ образомъ края самой раны.

2.—Для останавливанія наружныхъ кровотеченій достаточно бы-
ваетъ одинъ крючекъ, а иногда, что впрочемъ можетъ случиться чаще,
бываютъ нужны два и болѣе.

3.—Крючки дѣйствуютъ кровоостанавливающимъ образомъ, или
посредствомъ прямого и непрямаго давленія на раненую артерію, или
же посредствомъ искривленія и измѣненія ея отношенія къ окололе-
жащимъ частямъ.

4.—Крючки должны быть вводимы въ рану на различную глубину,
пока не достигнутъ будетъ желаемый успѣхъ.

5.—Крючки должны оставаться въ ранѣ на сутки и на болѣе про-
должительное время.

6.—Крючки могутъ быть простые или двойные анатомическіе или
хирургическіе, острые, но безболѣзненные, тупые.

7.—Крючки могутъ быть различной длины и кривизны.

8.—За неимѣніемъ крючковъ могутъ быть употреблены изогнутыя булавки, шпильки и т. п. вещи.

9.—Крючки должны натягивать край раны въ томъ направленіи, при которомъ достигается желаемый успѣхъ.

10.—Ручки крючковъ прикрѣпляются къ ближайшей подкладкѣ, или же ближайшимъ предметамъ.

11.—Привязываются крючки шнурочками, тесемками простыми и резиновыми.

XIV. *Нѣсколько словъ, прочитанныхъ въ Императорскомъ Кавказскомъ медицинскомъ обществѣ*, 1-го ноября 1877 г. относительно опухолей вообще и одной въ частности и также, въ бѣгломъ взглядѣ, относительно леченія и перевязыванія ранъ вообще, докторомъ Ипполитомъ Вилкомирскимъ; отдѣльный оттискъ въ 17 страницъ изъ протоколовъ Императорскаго Кавказскаго медицинскаго общества, 1877 г. № 9.

Брошюра посвящена военно-медицинскому инспектору Кавказской арміи К. Ѡ. Брошнѣвскому.

По мнѣнію автора врачи-хирурги должны различать только доброкачественныя и злокачественныя опухоли, такъ какъ первыя лечатся радикально, а вторыя—симптоматически. Далѣе авторъ рассказываетъ наблюдавшійся имъ случай опухоли въ области околушной железы лѣвой стороны, развившюся безболѣзненно втеченіе 5 лѣтъ. Поставивши діагнозъ, что опухоль доброкачественная, авторъ желалъ вылущить ее, для каковой цѣли сдѣлалъ два перпендикулярныхъ другъ къ другу разрѣза (горизонтальный и вертикальный).—При отдѣленіи верхняго лоскута, опухоль была нечаянно надрѣзана и изъ нея свободно вышелъ чистый, густоватый гной, приблизительно около двухъ столовыхъ ложекъ. По удаленіи гноя видна была полость, въ которой была сумка; удаливши часть стѣнки сумки около лоскутовъ, послѣдніе были зашиты узловатымъ швомъ и наложена давящая повязка; на 10-й день рана совершенно зажила.

Далѣе авторъ трактуетъ о леченіи ранъ вообще; отвергая леченіе раны мазями и пластырами и перечисливши разные взгляды на леченіе ранъ, онъ говоритъ, что сформировалось три способа леченія: 1—заживленіе ранъ подъ струпомъ (методъ Гунтера), 2—противогнилостный способъ (Геренъ и Листеръ) и 3—открытое леченіе ранъ (Буровъ и Крепелейнъ). Какого изъ этихъ способовъ нужно держаться при леченіи ранъ? Авторъ отвѣчаетъ: „Меня учили держаться всегда середины“. Открытое леченіе ранъ авторъ отвергаетъ при скопленіи равеныхъ въ госпиталѣ.

Сравнивая старые и новые способы леченія ранъ, авторъ находитъ, что они не отличаются другъ отъ друга ничѣмъ; новые способы только усовершенствованы введеніемъ карболовой и салициловой кислоты, гигроскопической и полуторохлористаго желѣза ваты, упрощеннаго перевязочнаго матеріала и проч. При леченіи ранъ, говоритъ авторъ, нужно обращать вниманіе на правильный образъ жизни больного и затѣмъ не забывать такъ называемаго *показанія* относительно общаго состоянія больного и раны.

XV. По поводу перевода на русскій языкъ „*Grundriss der Anatomie des Menschen von Dr. I. Henle*. Text und Atlas. Braunschweig. 1880“ гг. проф. И. К. Вагнеромъ и проз. М. А. Поповымъ. Харьковъ. 1881. Доктора Ипполита Вилкомирскаго. Харьковъ. 1883.

Брошюра въ 32 страницы.

Критическій разборъ вышедшаго на русскомъ языкѣ перевода анатоміи Генле, написанный И. О. Вилкомирскимъ, нельзя назвать вполне спокойнымъ, а тѣмъ болѣе справедливымъ и приличнымъ. Рецензентъ мало воздерженъ въ своихъ выраженіяхъ и такъ грубъ, что даже не удостоился своевременно отвѣта на свою ругню—рецензію. Не стоило было даже тратить времени на литературную перебранку. Въ настоящее время еще менѣе позволительно разбирать рецензію и мотивы появленія ея и вообще многое говорить нельзя, такъ какъ авторъ рецензіи покоится въ могилѣ.

Всякому переводчику, разумѣется, крайне интересно слышать отзывы о его трудѣ, и за всякія справедливыя указанія ошибокъ въ душѣ переводчика остается искренняя благодарность рецензенту. Совершенно другое впечатлѣніе остается послѣ прочтенія рецензіи Вилкомирскаго. Во всякой строкѣ, во всякомъ словѣ слышится одно лишь раздраженіе. Сличая подлинникъ съ переводомъ, онъ, безъ всякой причины, глумится надъ послѣднимъ и дѣлаетъ свои поправки, которыя, впрочемъ, ничуть не лучше сдѣланнаго перевода и представляютъ лишь простую перестановку словъ, отъ которой не выигрывается ни ясность изложенія, ни плавность слога. Рецензентъ, попробовавши самъ перевести на русскій языкъ *нѣсколько лишь строкъ* изъ „Очерка анатоміи“ Генле, убѣдился въ трудности сдѣлать таковой и на стр. 13 своей рецензіи изложеніе и слогъ Генле называетъ „архинѣмецкимъ“, а потому и исключаетъ всякую возможность буквальной передачи подлинника. Если бы переводчики придерживались мысли Вилкомирскаго и уклонились бы отъ буквальнаго перевода, то тогда заслужили бы дѣйствительно упрека, и для озлобленнаго рецензента расширилось бы поле дѣятельности,

но къ этому придраться было нельзя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ переводѣ, правда, тяжелый языкъ, но въ этомъ нельзя винить переводчиковъ, такъ какъ и въ оригиналѣ онъ также тяжелъ и вышелъ таковымъ по причинѣ слишкомъ большой сжатости и краткости въ выраженіяхъ у самого Генле.

За нѣкоторыя, впрочемъ, указанія и поправки я лично, какъ участвовавшій въ переводѣ, былъ благодаренъ г. Вилкомирскому, такъ какъ, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевода можно было выразиться лучше, нежели, какъ стоитъ въ переводѣ, но такихъ поправокъ, откровенно говоря, сдѣлано мало, большинство же изъ нихъ носило другой, крайне несимпатичный характеръ.

Въ концѣ своей брошюры рецензентъ даже впалъ въ нѣкоторое себѣ противорѣчіе. Такъ напримѣръ: вначалѣ брошюры онъ дѣйствительно признаетъ Генле первокласснымъ анатомомъ и его сочиненіе *Grundriss der Anatomie*, хотя и сжатымъ, но весьма хорошимъ руководствомъ, причемъ въ подтвержденіе приводитъ и отзывъ Гиртля о систематической анатоміи Генле, отзывъ въ которомъ Гиртль уступаетъ пальму первенства въ изложеніи анатоміи профессору Генле; въ концѣ же брошюры онъ все таки находитъ, что для учащихся лучше анатомія Гиртля и атласъ Гейдмана, чѣмъ Очеркъ анатоміи Генле съ атласомъ—почему? а потому, изволите видѣть, что рисунки въ атласѣ Генле мелки и не такъ схематичны, какъ у Гейдмана. Что касается до анатоміи Гиртля, то, разумѣется, никто и не думалъ, изданіемъ перевода новаго учебника, умалить значеніе учебника Гиртля, заслужившаго, по достоинствамъ, всесвѣтную извѣстность и похвалу, по никому изъ анатомовъ не придетъ въ голову схематическіе рисунки Гейдмана предпочесть оригинальнымъ, снятымъ съ натуры, рисункамъ, находящимся въ атласѣ Генле.

XVI. *Профессоръ Вильгельмъ Федоровичъ Грубе и его факультетская хирургическая клиника въ Харьковѣ.* Доктора медицины, статскаго совѣтника Ип. О. Вилкомирскаго. Москва. Типографія Кушнера. 1890 г.

Брошюра въ 20 страницъ.

Вся брошюра посвящена описанію того впечатлѣнія, которое произвелъ профессоръ Грубе на автора, при посѣщеніи послѣднимъ хирургической клиники проф. Грубе. Побудительной причиною къ написанію этой брошюры кромѣ обаянія, произведеннаго персонально профессоромъ В. Ф. Грубе, какъ хирургомъ, на автора, было еще желаніе передать тѣ особенныя приемы, которые употребляетъ проф. Грубе при производствѣ операціи камнеотчненія по способу *sectio alta*.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“ III вып., 1895 г.

6

Высокое камнеотделение, рекомендованное впервые Петромъ Франкомъ въ 1561 году, нашло себѣ въ послѣднее время послѣдователей въ лицѣ Томсона, а у насъ на югѣ Россіи въ лицѣ проф. Грубе. Операция эта производится, по описанію И. О. Вилкомирскаго, слѣдующимъ образомъ:

Проводится разрѣзъ по бѣлой линіи надъ лобкомъ, по направленію въ пупку, смотря по надобности, то выше, то ниже, *однимъ* скальпелемъ, безъ ножницъ и безъ помощи желобчатого зонда. Вскрывши полость таза и захвативши крючкомъ мочевой пузырь, послѣдній разрѣзывается продольнымъ разрѣзомъ. Мочевой пузырь, естественно, предварительно наполняется слабымъ растворомъ дезинфицирующей жидкости. Наполняется также и прямая кишка жидкостью, или же, еще проще, въ нее на время операціи вкладывается губка, какъ это дѣлаетъ проф. Грубе. Вынувши камень щипцами, края разрѣзаннаго мочевого пузыря, ни при толстыхъ, ни при тонкихъ его стѣнкахъ, не сшиваются между собою. Края раны при толстостѣнныхъ пузыряхъ срастаются, по предположенію автора, *per primam intentionem*, а края тонкостѣнныхъ пузырей, по всей вѣроятности, посредствомъ грануляцій. Проф. Грубе противудѣйствуетъ инфильтраціи и затекамъ мочи въ *sacca peritonoealia Retzii* накладываніемъ одного или двухъ швовъ на верхній уголь раны, который такимъ образомъ въ томъ мѣстѣ поднимается. Зашивъ края раны покрововъ, проф. Грубе оставляетъ отверстіе, чрезъ которое вставляется довольно толстый, безъ окошечекъ, дренажъ. Для болѣе удобнаго истеченія мочи строго приказывается слѣдить, чтобы оперированный нѣсколько дней сряду, днемъ и ночью, лежалъ въ кровати на животѣ. Рану покрововъ покрываютъ очень часто перемѣняемыми подушечками, наполненными торфомъ, или же, такъ называемой, древесной ватой, пропитанною слабымъ растворомъ сулемы. Такую операцію высокаго камнеотделения авторъ наблюдалъ на трехъ мальчикахъ со счастливымъ исходомъ.

Не смотря на неопредѣленную заслугу антисептики, авторъ признается, что при лѣченіи ранъ и язвъ ему мало приходилось примѣнять антисептическій способъ лѣченія по его дороговизнѣ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію того обаянія, которое производилъ на него проф. В. Ф. Грубе, при исполненіи операціи. Именуя В. Ф. Грубе „идеальнымъ“ хирургомъ, авторъ говоритъ, что „онъ ловко, проворно и быстро поворачивается на всѣ стороны около оперируемаго; его рука мягкая, очень гибкая и отъ рода хирургическая“. Операція производится *sito, tuto et juscunde*. Грубе—хирургъ по рожденію. „И, дѣйствительно, нужно быть слѣпымъ на оба глаза, чтобы не видѣть, съ какимъ наслажденіемъ онъ берется за ножъ: онъ грустятъ

и мраченъ, если нѣтъ субъекта для операціи, и дѣлается веселымъ, когда принимается за ножъ". Отдавая, заслуженную профессоромъ Грубе, похвалу, авторъ перечисляетъ его достоинства, что онъ уменъ, ученъ; извѣстенъ въ литературѣ отечественной и иностранной, находчивъ, энергиченъ и остроуменъ.

Далѣе авторъ упоминаетъ о томъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ проф. Грубе неутомимо хлопоталъ о раненыхъ при крушеніи 17 октября 1888 года Царскаго поѣзда.

Оговорившись относительно того, что все написанное не есть лесть и заискиваніе, такъ какъ къ этому нѣтъ никакихъ причинъ, авторъ заканчиваетъ брошюру пожеланіемъ В. Ф. Грубе хорошаго здоровья на многія лѣта, на пользу больныхъ и учащейся молодежи.

FRANZ VON HOPPE, BILD VON ZEUS MORSE

B. Hummerstein

Василій Григорьевичъ Имшенецкій.

(Биографическій очеркъ)

Е. А. Андреева.

Отдавая посильную дань памяти замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ ученаго и выдающагося своими талантами профессора, мы стараемся представить въ настоящемъ очеркѣ общее теченіе его жизни и дѣятельности и главныя черты его характера частію по своимъ собственнымъ наблюденіямъ и впечатлѣніямъ, частію же по свидѣтельствамъ другихъ лицъ и по письменнымъ документамъ, собраннымъ въ теченіе трехъ лѣтъ, протекшихъ съ его смерти.

По времени и мѣсту дѣятельность В. Г. Имшенецкаго распределяется на три рѣзко разграниченные періода: Казанскій, Харьковскій и Петербургскій, представляющіеся какъ-бы отдѣльными фазами его полнаго научно-педагогическаго поприща.

Казанскій періодъ намъ лично не былъ извѣстенъ. Объ обстоятельствахъ этого времени, касающихся В. Г. Имшенецкаго, мы имѣемъ свѣдѣнія отъ другихъ лицъ, изъ рассказовъ его самого и изъ его переписки съ родственниками и друзьями. Наиболее цѣнными фактическими данными, относящимися къ этому времени, мы обязаны дѣтямъ покойнаго ученаго и профессорамъ Казанскаго университета Ѳ. М. Суворову и Д. И. Дубягѣ.

Время пребыванія В. Г. Имшенецкаго въ Харьковѣ протекло на нашихъ глазахъ; причеиъ, будучи въ близкихъ, можно сказать, дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ, мы могли прослѣдить всѣ роды его дѣятельности за это время и, наблюдая его внутреннее настроеніе, составить себѣ понятіе о его характерѣ, темпераментѣ, вкусахъ и увлеченіяхъ.

Что же касается Петербургскаго періода, то, находясь за это время въ довольно дѣятельной и откровенной перепискѣ съ В. Г. Имшенецкимъ, мы имѣли возможность уже изъ однихъ его писемъ извлечь

достаточно свѣдѣній, чтобы составить нѣкоторое представленіе объ общемъ ходѣ событій и важнѣйшихъ фактахъ, какъ въ окружающей его средѣ, такъ и въ его собственной жизни и его ближайшей обстановкѣ. Происходившія же по временамъ между нами свиданія или въ Петербургѣ, или въ Харьковѣ содѣйствовали, между прочимъ, разъясненію того, что оставалось недосказаннымъ или непонятымъ при перепискѣ.

Независимо отъ всего этого письменныя данныя, заключающіяся въ большомъ количествѣ писемъ, полученныхъ В. Г. Имшенецкимъ въ разные періоды его жизни, въ черновыхъ наброскахъ его работъ, докладовъ, отчетовъ и т. п., найденныя въ его бумагахъ, а также протоколы и отчеты тѣхъ учреждений и обществъ, которымъ онъ принадлежалъ, составили въ цѣломъ довольно надежный матеріалъ для выполненія той задачи, которую мы себѣ поставили.

Не можемъ поручиться, что всѣмъ этимъ матеріаломъ мы воспользовались какъ нельзя полнѣе. Легко можетъ быть, что болѣе тщательное изученіе такихъ источниковъ, какъ черновыя бумаги, содержащія слѣды кабинетнаго труда, откроютъ со временемъ что-либо ускользнувшее отъ нашего вниманія. Всѣ новыя выводы, къ которымъ приведетъ такое изученіе, равно какъ и свѣдѣнія, которыя могутъ получиться изъ другихъ, не эксплуатированныхъ еще нами источниковъ, могутъ составить предметъ особаго дополненія къ настоящему очерку или найдутъ себѣ соответствующее мѣсто въ болѣе полной біографіи. Въ настоящее же время, не считая себя въ правѣ медлить исполненіемъ того долга, который налагается на насъ чувствомъ высокаго уваженія къ памяти покойнаго ученаго и довѣріемъ лицъ, доставившихъ намъ свои воспоминанія и документы, мы постараемся изложить то, что оказалось для насъ доступно и съ чѣмъ мы успѣли ознакомиться основательно.

Отецъ Василія Григорьевича, Григорій Васильевичъ Имшенецкій былъ врачъ, происходилъ родомъ изъ духовныхъ дворянъ Черниговской губерніи и долгое время служилъ въ званіи штабъ-лекаря на Ижевскомъ казенномъ оружейномъ заводѣ въ Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи. Въ этомъ уединенномъ промышленномъ уголкѣ сѣверо-восточнаго края и родился будущій профессоръ и академикъ 4-го января 1832 года.

Семья Г. В. Имшенецкаго была довольно многочисленна, и хотя не была богатою, но, благодаря энергіи и трудолюбію своего главы, пользовалась достаткомъ. Вблизи Ижевскаго завода Имшенецкимъ принадлежало небольшое помѣстье, Агаровка, бывшее мѣстомъ первоначаль-

наго воспитанія всѣхъ дѣтей, а впоследствии, когда семья осиротѣла и молодое поколѣніе подросло, мѣстомъ почти постояннаго жительства для сестеръ и лѣтнаго отдыха для братьевъ.

Василій Григорьевичъ былъ однимъ изъ младшихъ членовъ семьи; у него былъ одинъ только братъ, нѣсколько старше его, и пять сестеръ. Есть преданіе, что онъ былъ любимцемъ отца и въ раннемъ дѣтствѣ внушалъ ему своими способностями лестныя надежды на свое будущее. У самого Василія Григорьевича сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ отецъ, ласкал его, называлъ своимъ маленькимъ математикомъ.

Не суждено было, однако, любящему отцу увидѣть своего сына большимъ математикомъ. Въ одинъ изъ зимнихъ переѣздовъ по дѣламъ службы онъ сильно простудился и, вслѣдствіе какой-то тяжелой и скоротечной болѣзни, умеръ, когда Василю Григорьевичу было только 10 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ смерти отца маленькаго математика отвезли въ Петербургъ съ цѣлю помѣстить на казенный счетъ въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, но тамъ онъ не былъ принятъ. Тогда мать рѣшилась отдать его въ первую Казанскую Императорскую гимназію пенсіонеромъ.

Будучи отъ природы застѣнчивъ, Имшенецкій, хотя и учился въ гимназіи хорошо, но не былъ однимъ изъ тѣхъ учениковъ, которые привлекаютъ на себя вниманіе наставниковъ быстрымъ усвоеніемъ преподаваемаго и находчивостью въ отвѣтахъ. Въ 1848 году онъ окончилъ курсъ гимназіи съ аттестатомъ не особенно блестящимъ и попытался поступить въ томъ же году въ университетъ; однако не былъ принятъ, не выказавъ въ испытательномъ комитетѣ достаточныхъ познаній. Въ слѣдующемъ году онъ снова держалъ вступительныя въ университетъ экзамены и на этотъ разъ болѣе успѣшно, такъ какъ былъ удостоенъ принятія въ число студентовъ по математическому разряду и зачисленъ на казенное содержаніе.

О томъ, какъ протекали учебныя годы и юность Имшенецкаго, сохранилось мало свѣдѣній, такъ же какъ о его отношеніяхъ къ товарищамъ студентамъ. Несомнѣнно, однако, что онъ не былъ одиночкой, отщепенцемъ среди товарищей; у него были съ нѣкоторыми изъ нихъ пріятельскія и даже дружескія связи, основанныя на безавѣтной юношеской преданности и сохранившіяся на всю жизнь.

Черезъ 25 лѣтъ по окончаніи университетскаго курса, въ январѣ 1878 г. одинъ изъ трехъ его товарищей ¹⁾, съѣхавшихся случайно въ Петербургъ, писалъ ему въ задушевномъ письмѣ, въ которому подписались и двое остальныхъ, слѣдующія строки:

¹⁾ О. О. Эссенъ, жившій тогда въ Петербургѣ. Два другіе: М. Н. Курбановскій и Н. Н. Касьяновъ.

„При первой же встрѣчѣ, при быстро нахлынувшихъ воспомина- нійхъ, перенесшихъ насъ за 25 лѣтъ назадъ, прежде всего вырвалось сожалѣніе, что среди насъ недостаетъ еще одного, всегда милого и дорогого для насъ товарища—тебя, любезный другъ и товарищъ, Васи- лій Григорьевичъ. Мы такъ дружно прожили всѣ четыре года нашей университетской жизни, что, сколько я припомню, ни одна даже ма- лѣйшая размолвка не омрачила нашихъ истинно товарищескихъ, глу- боко искреннихъ отношеній“.

Переписка Имшенецкаго съ матерью и сестрами, относящаяся ко времени его студенчества, свидѣтельствуесть о его горячемъ чувствѣ родственной привязанности. Въ его письмахъ мы находимъ постоянно самыя искреннія выраженія заботливости не только объ удобствахъ жизни и благополучіи всей семьи, но и о душевномъ настроеніи каждаго изъ ея членовъ въ частности. Въстѣ съ тѣмъ изъ этихъ писемъ можно за- ключить, что образъ жизни и помыслы молодого человѣка были чрез- вычайно скромными, и всѣ его интересы обусловливались умственными и нравственными побужденіями высшаго порядка.

Старшій братъ Василя Григорьевича окончилъ курсъ тоже въ Казанскомъ университетѣ и, притомъ, ранѣе его только на два года; слѣдовательно, въ теченіе двухъ лѣтъ, оба брата жили въ Казани сту- дентами вмѣстѣ. Но, между тѣмъ какъ старшій братъ любилъ свѣтскимъ развлеченія, балы, танцы, маскарады, младшій заводилъ знакомства очень неохотно и, если бывалъ на вечеринкахъ, то только въ семейныхъ домахъ знакомыхъ своей матери. Въ то-же время его приводитъ въ восторгъ опера, и онъ считаетъ важнѣйшимъ событіемъ въ городѣ пріѣздъ въ Казань маленькой труппы итальянскихъ пѣвцовъ. „Я былъ на представленіи Лючіи, пишетъ онъ сестрамъ, и хотя сидѣлъ очень высоко, въ самомъ раю, но чудные звуки уносили меня еще выше“.

Но самое большое эстетическое удовольствіе юношѣ Имшенецкому доставляло, повидимому, то, что обыкновенно называютъ прелестями природы. Предметомъ его особеннаго вниманія служитъ ихъ сѣмейный деревенскій садъ. Объ немъ онъ часто пишетъ въ письмахъ и, хотя о красотахъ его, по сравненію съ швейцарскими, отзывается съ ироніей, тѣмъ не менѣе постоянно просить сестеръ заботиться о немъ, расчи- щать его, насаждать деревья и цвѣты, въ ожиданіи его пріѣзда на лѣто.

Занятія науками составляли для него главное и любимое употре- бленіе времени, и нужно думать, что успѣхи въ этихъ занятіяхъ доста- вляли ему высокое нравственное удовлетвореніе, которое еще болѣе воз- росло отъ соединенія съ чувствомъ семейной солидарности. Будучи, при

окончаніи курса, удостоенъ золотой медали за диссертацию и сообщая объ этомъ въ письмѣ къ сестрамъ, онъ прибавляетъ:

„Слѣдовательно, ваши самолюбивыя мечты исполнились и, признаюсь, большая доля удовольствіи, которое я испытывалъ и испытываю при такомъ удачномъ концѣ моего дѣла, происходитъ отъ того, что васъ это очень порадуетъ“.

О своихъ профессорахъ, изъ лекцій которыхъ Василій Григорьевичъ почерпнулъ первое вдохновеніе своихъ научныхъ стремленій, онъ хранилъ во всю жизнь почтительныя и благодарныя воспоминанія. Этими вдохновителями научныхъ интересовъ были люди горячо и искренне преданные наукѣ, а именно: А. Ѡ. Поповъ, П. И. Котельниковъ и М. А. Ковальскій. Съ двумя послѣдними Имшенецкій впоследствии былъ сослуживцемъ, а съ М. А. Ковальскимъ состоялъ потомъ въ дружеской перепискѣ. Знаменитаго Н. И. Лобачевского онъ помнилъ только, какъ помощника попечителя, никогда не слушалъ его лекцій и лишь изрѣдка видѣлъ на экзаменахъ. Тѣмъ не менѣе, труды Лобачевского онъ старательно изучилъ и въ этомъ только смыслѣ воспользовался его научнымъ наслѣдіемъ.

Въ 1853 году Имшенецкій окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата, а въ началѣ февраля 1854 года поступилъ старшимъ учителемъ въ Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Жизнь въ Нижнемъ-Новгородѣ ему очень не понравилась. Здѣсь онъ скучалъ и впалъ, какъ самъ жаловался въ письмѣ къ сестрамъ, въ раздражительное желчное состояніе духа. Вѣроятно, онъ самъ хлопоталъ о переводѣ его въ другое мѣсто, такъ какъ 5-го мая того же 1854 года состоялось его назначеніе тоже старшимъ учителемъ въ 1-ю Казанскую гимназію, въ которой онъ и самъ воспитывался.

Въ первое время своей учительской дѣятельности, Имшенецкій мало занимался науками. Будучи всегда добросовѣстнымъ исполнителемъ всякаго долга, онъ слишкомъ много отдавалъ вниманія и труда дѣлу преподаванія. Къ тому же ему приходилось часто нести на себѣ и другія обязанности, связанныя съ его учебною дѣятельностью. Онъ былъ секретаремъ педагогическаго совѣта, комнатнымъ надзирателемъ и библиотекаремъ въ гимназіи. Одно время, хотя и не долго, онъ былъ также преподавателемъ въ Родионовскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Однако, одна педагогическая дѣятельность не могла удовлетворять его. Не склонный по природѣ къ такъ называемымъ дешевымъ развлечениямъ, онъ находилъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе досуга, чтобы возвращаться къ своимъ студенческимъ тетрадямъ и изучать клас-

сическія сочиненія по математикѣ, рекомендованныя бывшими наставниками профессорами. Сѣмя науки, попавшее на добрую почву, стало проростать. Условія среды также отчасти благоприятствовали этому.

Въ то время, какъ Имшенецкій былъ преподавателемъ гимназіи, въ Казани находилось не мало молодыхъ людей, проникнутыхъ любовью къ наукѣ и высшими интересами жизни. Это были, большею частію, воспитанники того-же Казанскаго университета, преподаватели двухъ гимназій и молодые профессора, хранившіе свято научныя завѣты своихъ наставниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, занимаясь математикою, помѣщали свои замѣтки или переводы въ издававшемся тогда „Вѣстникѣ Математическихъ Наукъ“ Гусева. Къ числу ихъ принадлежалъ, между прочимъ, И. А. Износковъ, нынѣ директоръ Казанскаго реального училища, съ которымъ Имшенецкій былъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ, поддерживавшихся, по отъѣздѣ послѣдняго за границу, посредствомъ переписки.

По свидѣтельству И. А. Износкова ¹⁾, общность интересовъ соединяла молодыхъ людей въ тѣсный кружокъ, нѣчто вродѣ маленькаго ученаго общества, однимъ изъ инициаторовъ котораго былъ Имшенецкій. Члены этого кружка собирались по субботамъ сперва въ особомъ помѣщеніи, нанятомъ специально для этихъ собраний, а потомъ въ квартирахъ участвующихъ. Время проводилось въ бесѣдахъ, посвященныхъ вопросамъ, возбуждавшимся практикою преподаванія. Имшенецкій нѣ шутку называлъ этотъ кружокъ научно-филантропическимъ обществомъ субботы, а участвовавшихъ въ немъ субботниками.

Занимаясь науками подъ руководствомъ своихъ бывшихъ профессоровъ, Имшенецкій привлекъ къ себѣ ихъ вниманіе и довѣріе. На него стали смотрѣть, какъ на лицо, могущее быть полезнымъ для дѣятельности университетской. Вслѣдствіе этого, съ ноября 1860 г. ему было поручено чтеніе лекцій въ университетѣ по нѣкоторымъ предметамъ чистой математики.

Около того-же времени Имшенецкій вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Марьей Іосифовной Бегнеръ, дочерью австрійскаго подданнаго, долго жившаго въ Казани и пользовавшагося въ обществѣ большимъ уваженіемъ и извѣстностью прекраснаго преподавателя музыки.

Бракъ этотъ нужно считать важнѣйшимъ событіемъ въ жизни Имшенецкаго, такъ какъ онъ создалъ для него прочное семейное счастье, невозмутимо длившееся до конца его жизни и повліявшее благоприят-

¹⁾ „Извѣстія Физико-Математическаго Общества при Имп. Каз. Унив.“. 2-я серія, Т. III, 1893 г., отд. 2, стр. 37—44. „В. Г. Имшенецкій“ (Воспоминанія И. А. Износкова).

нымъ образомъ на всю его дѣятельность. Ниже мы увидимъ, какихъ возрѣвнй держался Имшенецкій на условія семейнаго счастья; теперь же замѣтимъ только, что въ лицѣ своей избранницы онъ приобрѣлъ такого вѣрнаго друга и нашелъ такое полное пониманіе его умственныхъ интересовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое неослабное покровительство всѣмъ его лучшимъ побужденіямъ и опору въ трудѣ, что семья сдѣлалась для него чѣмъ-то роднѣ святилища и въ тоже время мѣстомъ отраднаго успѣшннн отъ житейскихъ невзгодъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, передъ введеніемъ новаго университетакаго устава (1863 г.), министерство народнаго просвѣщенія, озабочиваясь быстрымъ пополненіемъ университетскихъ коллегій свѣжими научными и педагогическими силами, командировало за границу сразу большое число молодыхъ людей, пожелавшихъ посвятить себя научной дѣятельности. Всѣ университеты были приглашены рекомендовать для этого лучшихъ своихъ питомцевъ.

Казанскій университетъ предложилъ 8 человекъ и въ томъ числѣ Имшенецкаго. Это число оказалось слишкомъ большимъ; потребовалось уменьшить его до 5, и въ новый списокъ Имшенецкій не вошелъ. Однако, попечитель учебнаго округа счелъ нужнымъ выключить въ свое представленіе министру особенное ходатайство, проси, въ случаѣ, если въ числѣ командированныхъ окажется недочетъ, восполнить пробѣлу учителемъ 1-й Казанской гимназіи Имшенецкимъ, „весьма даровитымъ молодымъ человекомъ, предназначаемымъ впоследствии для замѣщенія каедры прикладной математики вмѣсто профессора Котельникова“. Ходатайство это было уважено.

Съ большою радостью принялъ Имшенецкій предложеніе отправиться на два года за границу съ содержаніемъ отъ министерства по 1600 р. въ годъ, хотя въ то время его семейныя условія не вполне благоприятствовали этому. 5-го мая 1862 г. состоялся высочайшій приказъ о его командированнн, 11-го іюля у него родилась дочь, а 25-го августа ему предложено было министерствомъ отправиться за границу для своихъ занятій. Оставивъ новорожденную малютку на попеченіи старшихъ родственниковъ, молодые супруги поѣхали сперва въ Петербургъ, а оттуда прямо въ Парижъ.

Одновременно съ выѣздомъ за границу цѣлаго отряда русской интеллигентной молодежи, отправившейся для преслѣдованія своихъ научныхъ цѣлей, такъ сказать, вразсыпную, министерствомъ былъ командированъ за границу нашъ извѣстный хирургъ и педагогъ Николай Ивановичъ Пироговъ, незадолго передъ тѣмъ оставившій постъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Пирогову было поручено наблюдать за молодыми учеными и помогать имъ, по мѣрѣ возможности, своими совѣтами и указаніями, а самимъ молодымъ людямъ предлагалось представиться Пирогову и постараться воспользоваться его совѣтами. Само собою понятно, что руководство знаменитаго хирурга болѣе всего было необходимо для медиковъ и натуралистовъ, но несомнѣнно, что и филологи, юристы и математики могли получить не мало полезныхъ совѣтовъ и указаній отъ этого истиннаго друга университетовъ, проникнутаго высокими гуманными идеями и отдавашаго такъ много своихъ душевныхъ силъ дѣлу водворенія и развитія науки въ нашемъ отечествѣ.

Первое время Пироговъ жилъ постоянно въ Германіи, переѣзжалъ изъ одного университетскаго города въ другой и потому, какъ увидимъ ниже, Имшенецкій могъ явиться къ нему не ранѣе, какъ черезъ полтора года послѣ выѣзда за границу.

Вмѣсто совѣтовъ Пирогова, въ Парижѣ Имшенецкій могъ воспользоваться услугами и указаніями другого опытнаго русскаго ученаго Николая Владиміровича Ханькова, извѣстнаго оріенталиста и большого любителя математики. Послѣдній жилъ очень долго въ Парижѣ и имѣлъ связи со многими французскими знаменитостями науки, преимущественно изъ среды математиковъ. Lashé, Duhamel, Liouville, Chasles, Bertrand были его хорошими знакомыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для всѣхъ русскихъ, занимавшихся науками, Ханьковъ былъ весьма доступенъ и въ высшей степени обязателенъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, Имшенецкій прежде всего озаботился составленіемъ плана своихъ занятій на предстоящій осенній семестръ и для этого обратился къ Ханькову, къ которому имѣлъ рекомендацію изъ министерства. На первое время его интересовали болѣе всего лекціи въ политехнической школѣ, этомъ знаменитомъ созданіи Монжа, служащемъ гордостью французскихъ математиковъ. Но доступъ туда для постороннихъ лицъ крайне затруднителенъ. Политехническая школа состоитъ, какъ извѣстно, въ военномъ вѣдомствѣ, вся организациія ея военная, и воспитанники подчинены строгой дисциплинѣ. При этомъ въ число воспитанниковъ принимаются только французскіе подданные по строгому конкурсу и при весьма ограниченномъ комплектѣ. Лица, не входящія въ кадры школы, допускаются въ нее только по особому разрѣшенію военнаго министра. Эти затрудненія не остановили Имшенецкаго. Сперва чрезъ Ханькова онъ попытался заручиться содѣйствіемъ Дюгамеля, бывшаго тогда профессоромъ въ школѣ, а потомъ при посредствѣ русскаго посольства обратился съ ходатайствомъ въ военное министерство. Разрѣшеніе было дано; но Имшенецкій могъ только слушать

лекціи; притомъ сидѣлъ на особой скамьѣ вмѣстѣ съ другими посторонними лицами и долженъ былъ удалиться изъ школы, какъ только кончалась лекція и начинались репетиции.

О своихъ занятіяхъ Имшенецкій, какъ и другіе командированные, долженъ былъ представлять въ министерство, черезъ каждые 4 мѣсяца, отчеты, которые потомъ были напечатаны въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. Изъ нихъ мы видимъ, что, слушая лекціи въ политехнической школѣ, Имшенецкій, въ теченіе трехъ семестровъ, проведенныхъ въ Парижѣ, съ большимъ стараніемъ и аккуратностью слѣдилъ за нѣсколькими курсами знаменитыхъ профессоровъ въ Sorbonne'ѣ, и Collège de France, а также знакомился съ произведеніями этихъ ученыхъ и изучалъ классиковъ математическаго анализа. Особенно привлекательны были для него лекціи Lamé по математической физикѣ и лекціи Bertrand'a изъ теоріи потенціала и теоріи дифференціальныхъ уравненій. Записки по многимъ изъ этихъ лекцій, тщательно составленные и переписанные, сохранились въ бумагахъ Имшенецкаго до настоящаго времени.

Какъ бы, однако, ни были подробны официальные отчеты о научныхъ занятіяхъ, они даютъ только внѣшнюю обрисовку дѣла и ничего не говорятъ о томъ внутреннемъ обогащеніи, которое, такъ сказать, впитывается въ молодого ученаго, часто незамѣтно для него самого, какъ скоро онъ вступаетъ въ живую научную среду и всею душою отдается обаянію науки. Только позднѣйшіе собственные труды такого ученаго могутъ дать понятіе объ обиліи или скудости той жатвы, которая собрана была имъ для его научнаго самоусовершенствованія. Можно смѣло утверждать, что отчеты Имшенецкаго были написаны съ такою же правдивостью и внимательностью къ дѣлу, какими отличались все его писанія и дѣйствія, но изъ нихъ всетаки нельзя сдѣлать никакого заключенія о той пользѣ, какую имѣли для него заграничныя занятія. Между тѣмъ двѣ его диссертациі, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, первая есть несомнѣнно ближайшее слѣдствіе его занятій за границей, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о той перемѣнѣ, какаѣ въ немъ произошла за это время. Между Имшенецкимъ, какъ ученымъ, до и послѣ пребыванія за границей, нужно признать тоже различіе, какое существуетъ между двумя его маленькими замѣтками, первыми его печатными произведеніями, опубликованными въ Ученыхъ Запискахъ Каз. Унив. въ 1862 г., и названными диссертациями, сразу пріобрѣтшими ему весьма широкую европейскую извѣстность.

О скромномъ, можно даже сказать суровомъ, образѣ жизни Имшенецкаго за границей свидѣтельствуютъ его собственные письма къ И. А.

Износкову, полная дружеской откровенности. Изъ нихъ же можно вывести кой-какія заключенія о нѣкоторыхъ его общихъ впечатлѣніяхъ и кругѣ интересовъ, почти всецѣло сосредоточенныхъ на научномъ мірѣ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ онъ И. А. Износкову въ своемъ первомъ письмѣ отъ 7-го (19) октября 1862 г.: „Я не буду вамъ описывать заграничной жизни, съ которой и самъ знакомъ еще поверхностно, но и при такомъ знакомствѣ мы видимъ многое, до чего намъ на Руси далеко. По части политики ровно ничего не знаю, потому что не имѣю времени даже газеты читать и вы, если угодно, можете сообщать мнѣ свѣжія политическія новости“.

Не смотря на то, что Имшенецкій жилъ за границей не одинъ, а съ женою, онъ скучалъ по родитѣ и товарищамъ. Черезъ Износкова онъ шлетъ сердечные поклоны своимъ друзьямъ-субботникамъ и, жалуясь на прекращеніе переписки съ нѣкоторыми изъ нихъ, между прочимъ, говоритъ: „Я чувствовалъ сильную потребность симпатическихъ сношеній съ той средой, которую оставилъ, такъ какъ новая была для меня совершенно чуждая, а оставаться, такимъ образомъ, изолированнымъ очень тяжело“.

Конечно, живи въ Парижѣ, Имшенецкій могъ развлечь свое чувство одиночества свиданіями и бесѣдами съ Н. В. Ханьковымъ, который, какъ было замѣчено, относился къ заѣзжимъ въ Парижъ русскимъ молодымъ ученымъ съ большою внимательностью, но разность возрастовъ и положеній, а въ особенности крайняя деликатность характера и застѣнчивость Имшенецкаго заставляли его опасаться быть навязчивымъ. Вѣроятно, тѣ-же его качества мѣшали ему завести знакомства и между французскими математиками, хотя-бы начинающими свою ученую карьеру.

Лишь по прошествіи года, проведеннаго въ усиленныхъ занятіяхъ, въ полной, хотя и невольной, отчужденности, тягостное чувство одиночества уступило мѣсто удовольствію отъ свиданія съ нѣкоторыми молодыми соотечественниками, съ которыми Имшенецкій могъ отвести душу въ бесѣдахъ о своихъ занятіяхъ. „Послѣдній семестръ, пишетъ онъ И. А. Износкову 4-го марта 1864 года, прошелъ для меня очень пріятно, такъ какъ сюда съѣхались изъ Германіи почти все командированные отъ министерства математики... Встрѣчаясь каждый день на лекціяхъ, мы скоро перезнакомились. Ближе другихъ я познакомился съ Бугаевымъ, магистромъ Московскаго университета“...

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ были написаны эти строки, Имшенецкій съ женою и малюткой сыномъ, родившимся въ Парижѣ, перѣхалъ въ Гейдельбергъ, предполагая найти тамъ Циргова, до

послѣдній въ это время находился уже въ Берлинѣ. Проведя въ Гейдельбергѣ только нѣсколько дней для отдыха, Имшенецкій имѣлъ возможность возстановить свои утомленные силы прогулками по горамъ и другими невинными развлеченіями въ обществѣ нѣсколькихъ русскихъ, между которыми были и его казанскіе знакомые. Свое краткое описаніе этихъ развлеченій и впечатлѣній, возбужденныхъ новою обстановкою и прелестью окружающей природы, онъ заканчиваетъ въ письмѣ къ И. А. Износкову отъ 4-го апрѣля 1864 года слѣдующими словами: „Проведя, такимъ образомъ, нѣсколько пріятныхъ дней и отдохнувъ физически и морально послѣ суровой жизни въ латинскомъ кварталѣ, мы отравились далѣе“.

Въ томъ же письмѣ, написанномъ въ Берлинѣ, онъ говоритъ: „Въ Гейдельбергѣ я уже не засталъ Н. И. Пирогова и явился къ нему уже адѣсь и это въ первый разъ, поэтому ожидалъ холоднаго пріема, но, напротивъ, былъ принятъ очень внимательно“.

Въ Берлинѣ Имшенецкій провелъ одинъ лѣтній семестръ, слушая лекціи нѣсколькихъ профессоровъ, и продолжая свое изученіе авторовъ, прерванное переѣздомъ изъ Парижа. Здѣсь, между прочимъ, онъ въ первый разъ встрѣтился и познакомился съ А. Н. Коркинымъ, который оказалъ ему услугу, снабдивши нѣсколькими нужными ему для зачатій книгами.

Причина, по которой Имшенецкій большую часть времени своей командировки отдалъ занятіямъ въ Парижѣ, весьма понятна. Прежде всего его привлекли туда громкія имена знаменитыхъ французскихъ математиковъ и желаніе ознакомиться съ преподаваніемъ въ политехнической школѣ, имѣющей въ глазахъ французскихъ ученыхъ такое важное значеніе для высшаго математическаго образованія. Затѣмъ, поселившись въ латинскомъ кварталѣ, получивъ доступъ въ политехническую школу и заинтересовавшись лекціями Ламэ и Бертрана, онъ, вслѣдствіе самой своей внимательности къ дѣлу и настойчивости въ преслѣдованіи научныхъ цѣлей, не могъ прервать установившагося хода занятій, ранѣе чѣмъ пришелъ къ сознанію нѣкоторой ихъ законченности. Выше было замѣчено, что слушанные курсы и кабинетныя занятія въ Парижѣ подготовили въ мысляхъ Имшенецкаго тотъ матеріалъ, изъ котораго выработалась потомъ его прекрасная магистерская диссертация. Естественно, что при этихъ условіяхъ онъ не былъ склоненъ оставлять начатыхъ занятій, прежде чѣмъ планъ задуманнаго труда не выяснился для него во всей цѣлости. Изъ отчета о занятіяхъ въ Берлинѣ мы, дѣйствительно, видимъ, что тамъ онъ приступилъ къ обработкѣ своего цѣлебнаго въ Парижѣ матеріала. Вместе съ тѣмъ, слушаніе кур-

совъ въ Берлинѣ не могло уже для него быть интереснымъ и полезнымъ, такъ какъ, по его словамъ, большинству этихъ курсовъ предназначалось для слушателей мало знакомыхъ съ высшею математикой, за исключеніемъ лишь курса профессора Вейерштрасса, который былъ уже слишкомъ специаленъ и читался для слушателей, знакомыхъ съ прежними не изданными изслѣдованіями того же профессора.

Любопытно мнѣніе Имшенецкаго, высказанное въ письмѣ къ И. А. Износкову, о томъ, какія преимущества имѣютъ курсы математическихъ наукъ въ Парижѣ, и какъ должны быть обставлены занятія лица, серьезно стремящагося къ совершенствованію себя въ этихъ наукахъ. „Нашъ математическій курсъ, читаемъ мы въ этомъ письмѣ, слишкомъ обремененъ побочными предметами, которые не изучаютъ, а слушаютъ для потери времени, поэтому въ отношеніи главныхъ, существенныхъ предметовъ онъ слишкомъ растянутъ по времени и слишкомъ неполонъ и по числу, и по объему предметовъ. Въ примѣръ противнаго я могъ бы указать Парижскій университетъ, гдѣ въ первый годъ въ два семестра читается въ такомъ-же объемѣ, какъ у насъ, дифференціальное, интегральное, варьціонное вычисленіи и аналитическая механика со всѣми ея частями; за то въ остальное время можно выслушать полные курсы математической физики, высшей геометріи и нѣсколько ученыхъ (а не учебныхъ) курсовъ по отдѣльнымъ вопросамъ въ Collège de France. Изъ этого сравненія уже видно, что послѣ нашего курса болѣе необходимости въ чтеніи авторовъ. Безъ этого запаса, обратившись къ самостоятельнымъ изысканіямъ, человѣкъ талантливый, изобрѣтательный постоянно будетъ чувствовать недостатокъ ресурсовъ, т. е. аналитическихъ приемовъ, и по необходимости заключится въ какомъ-нибудь тѣсномъ кругѣ частныхъ вопросовъ“.

Вернувшись изъ-за границы, Имшенецкій прежде всего направился въ Петербургъ, но пробылъ тамъ очень не долго и къ началу осени 1864 года водворился снова въ Казани. Здѣсь первымъ его дѣломъ было сдать экзамены на степень магистра, что ему удалось блестящимъ образомъ. Затѣмъ нужно было докончить и напечатать диссертацию, которая и появилась въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета уже въ 1865 г. подъ заглавіемъ: „Объ интегрированіи уравненій съ частными производными перваго порядка“. Не мало пошло времени на печатаніе и разсмотрѣніе членами факультета этого обширнаго и капитальнаго труда, доставившаго, какъ сказано выше, европейскую извѣстность автору. Наконецъ 11-го октября 1865 г., послѣ представленія въ факультетъ профессоромъ П. И. Котельниковымъ подробнаго отчета о книгѣ и весьма одобрительнаго о ней отзыва, со-

стоялся диспутъ, на которомъ Имшенецкій защищалъ свое произведеніе противъ возраженій профессоровъ П. И. Котельникова, Э. П. Явишевскаго и О. А. Больцани.

Считая излишнимъ входить въ настоящемъ общемъ очеркѣ въ частности относительно содержанія этой замѣчательной книги, отмѣтимъ только нѣсколькими словами ея судьбу, а также ея значеніе и связь съ научными произведеніями изъ той же области.

Обративъ прежде всего на себя вниманіе ученыхъ, занятыхъ послѣдними успѣхами науки, эта книга на долгое время осталась необходимымъ руководствомъ для всѣхъ, заканчивающихъ высшее математическое образованіе. Вскорѣ по своемъ появленіи она была переведена на французскій языкъ и заняла видное мѣсто въ западно-европейской математической литературѣ. Примыкая съ одной стороны къ важнѣйшимъ математическимъ твореніямъ Якоби и Коши, какъ ихъ разъясненіе и продолженіе, диссертация Имшенецкаго сдѣлалась съ другой первообразомъ для послѣдующихъ составителей систематическихъ трактатовъ по тому же предмету. Въ то время какъ Имшенецкій сдѣлалъ въ Парижѣ за лекціями Бертрана, послѣдній, выслушавъ своимъ слушателямъ важность и силу метода Якоби, неоднократно упоминалъ, между прочимъ, что въ произведеніи самого изобрѣтателя этотъ методъ еще не достаточно развитъ и объясненъ и никѣмъ еще не былъ приложенъ къ примѣрамъ. Это разъясненіе знаменитаго метода Якоби, отчасти упрощеніе его изложенія и, наконецъ, осуществленіе его на приложеніяхъ и было впервые дано Имшенецкимъ въ его диссертации.

Ближайшимъ практическимъ слѣдствіемъ для Имшенецкаго такого внушительнаго заявленія о себѣ, какъ объ ученомъ, было, разумѣется, утвержденіе его въ степени магистра математики и состоявшееся затѣмъ 3-го декабря 1865 г. опредѣленіе его на должность штатнаго доцента при кафедрѣ чистой математики въ Казанскомъ университетѣ, чѣмъ положено было прочное основаніе его учено-педагогической карьеры.

Основаніемъ своей извѣстности въ западной Европѣ Имшенецкій обязанъ, между прочимъ, счастливой случайности, приведшей къ сближенію его съ извѣстнымъ французскимъ ученымъ, знавшимъ русскій языкъ и приложившимъ не мало труда къ тому, чтобы сдѣлать математическія произведенія разныхъ національностей, преимущественно славянскихъ, своевременно общезвѣстными и, такъ сказать, ввести ихъ въ общую сокровищницу европейской науки. Этотъ скромный, но необыкновенно энергичный и трудолюбивый ученый былъ Гильомъ Жюль Уэль (Houel), профессоръ математики въ Бордо. Можно сказать, что Уэль былъ человѣкъ единственный въ своемъ родѣ, имя котораго навсегда останется памят-

нымъ въ исторіи математики, какъ труженика науки, энергія котораго не была возбуждаема никакими корыстными интересами, даже такими, какъ стремленіе къ извѣстности личными научными заслугами, составляющее слабость почти всѣхъ дѣятелей науки. Дѣлая все возможное для того, чтобы заслуги другихъ ученыхъ оцѣнивались по достоинству, онъ не оставлялъ себѣ времени, чтобы заявить о самомъ себѣ, какъ о болѣе или менѣе солидномъ научномъ собственникѣ, чего, безъ сомнѣнія, могъ бы достигнуть при другомъ менѣе безкорыстномъ направленіи своей дѣятельности.

Русская наука обязана Уэлю особенно многимъ. Въ теченіе по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ онъ своими прекрасными рецензіями и отчетами о большинствѣ русскихъ математическихъ сочиненій знакомилъ европейскихъ ученыхъ съ состояніемъ и успѣхами этой отрасли наукъ въ Россіи. Онъ перевелъ *in extenso* на французскій языкъ и издалъ важнѣйшія сочиненія Имшенецкаго изъ перваго періода его дѣятельности. Наконецъ, что по нашему мнѣнію самое важное, онъ первый возбудилъ въ Европѣ вопросъ о важности заслугъ нашего знаменитаго геометра Лобачевскаго и тѣмъ оберегъ это дорогое для русскихъ имя, если не отъ забвенія, то отъ потемнѣнія въ лучахъ столь блестящихъ именъ, какъ Гаусса и Римана. Настойчивость Уэля въ разысканіи и приведеніи въ извѣстность всего, что относилось къ дѣятельности Лобачевскаго, поистинѣ достойна удивленія и сдѣлала-бы честь любому соотечественнику послѣдняго, побуждаемому чувствомъ національнаго самолюбія. Послѣдняя заслуга Уэля велика, впрочемъ, и въ общенаучномъ отношеніи, такъ какъ его статьями о Лобачевскомъ возбужденъ былъ снова въ ученomъ мѣрѣ интересъ къ разъясненію сомнѣній, тяготѣвшаго надъ нимъ многіи столѣтія и завѣщаннаго ему древнею классическою наукою. Это повело къ тому, что, благодаря подготовленной трудами Лежандра, Лобачевскаго и Римана почвѣ, вопросъ въ короткое время былъ выясненъ вполне, и наука получила быстрое развитіе въ тѣхъ направленіяхъ, на которыя за нѣсколько десятковъ лѣтъ умъ человѣскій не рѣшался выступить. Создалась такъ называемая неевклидова геометрія.

Сношенія между Имшенецкимъ и Уэлемъ установились, благодаря профессору М. А. Ковальскому. Послѣдній былъ однимъ изъ весьма выдающихся у насъ ученыхъ, широко образованный и извѣстный въ западной Европѣ своими теоретическими трудами по астрономіи. Первые труды Уэля также относились къ теоретической астрономіи, и одного этого было достаточно для того, чтобы между обоими представителями этой науки установились сношенія. Несомнѣнно, что Ковальскій сразу

угадалъ въ Уэльъ человѣка, чрезвычайно полезнаго для сближенія русской науки съ западною, и по справедливости оцѣнилъ его заслуги передъ Казанскимъ университетомъ, какъ защитника нравъ на одно изъ важнѣйшихъ математическихъ открытій питомца и профессора этого университета Н. И. Лобачевского. По предложенію Ковальскаго Уэльъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Казанскаго университета. Когда скоро рѣ за тѣмъ Уэлю были доставлены, вмѣстѣ съ дипломомъ на это почетное званіе, Ученныя Записки Казанскаго Университета, то его вниманіе было привлечено находившейся въ нихъ диссертацией Имшенецкаго. Убѣдившись въ важности ея значенія, какъ вклада въ научную литературу того времени, Уэльъ рѣшился перевести и издать ее на французскомъ языкѣ и объ этомъ своемъ намѣреніи сообщилъ Ковальскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ послѣднему, что, въ виду принимаемаго имъ перевода, ему было бы очень пріятно имѣть личныя отношенія къ автору этого прекраснаго сочиненія. Это и послужило началомъ переписки между Имшенецкимъ и Уэлемъ, длившейся почти 15 лѣтъ и хотя прерывавшейся по временамъ промежутками, доходившими до двухъ лѣтъ, но зато въ другое время весьма оживленной и интересной. Можно сказать, что наука свизала обоихъ дружескими узами. Они никогда не встрѣчались и не знали другъ друга лично, но въ то же время переписка ихъ заключаетъ не мало доказательствъ высокаго другъ къ другу уваженія, искренности взаимнаго довѣрія, а иногда даже дружеской интимности.

Особенно оживленною эта переписка была вначалѣ, въ бытность Имшенецкаго доцентомъ и профессоромъ въ Казани. Въ это время Имшенецкій плылъ, такъ сказать, на всѣхъ парусахъ по тому научному теченію, которое подхватило его еще въ Парижѣ. Онъ занимался любимымъ, избраннымъ имъ самимъ предметомъ, имѣлъ успѣхъ и видѣлъ, что его трудъ высоко оцѣнивается. Будущее ему улыбалось и судьба не грозила еще суровыми толчками, способными нарушить душевное спокойствіе и сбить съ того пути, идти по которому онъ чувствовалъ себя призваннымъ.

Покончивъ со своею магистерскою диссертацией, Имшенецкій публиковалъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета небольшую работу, относящуюся къ той же области математики, а затѣмъ предпринялъ большой трудъ по изысканію способовъ интегрированія уравненій съ частными производными второго порядка. Черезъ два года этотъ трудъ былъ напечатанъ подъ заглавіемъ „Ислѣдованіе способовъ интегрированія уравненій съ частными производными второго порядка функцій двухъ независимыхъ переменныхъ“. Онъ представляетъ

второе большое произведение Имшенецкаго, столь же важное по своему значенію для науки, какъ и первое, и обратившее на себя также вниманіе ученыхъ. Въ то время, какъ началась переписка между Уэлемъ и Имшенецкимъ, это сочиненіе уже доставило послѣднему ученую степень доктора математики. Докторскій диспутъ Имшенецкаго происходилъ въ маѣ 1868 г., а первое письмо къ нему отъ Уэля помѣчено 24 (12) февраля 1869. Въ этомъ письмѣ говорится между прочимъ: „Вашъ первый мемуаръ есть настоящій полный трактатъ объ уравненіяхъ съ частными производными перваго порядка, въ которомъ вы въ одно и то же время проявляете и глубокомысліе ученаго и ясность изложенія опытнаго профессора. Только благодаря вамъ, я достигъ яснаго пониманія теорій, предъ трудностями которыхъ всегда останавливался за неимѣніемъ сочиненія, достаточно уясняющаго связь между возвышенными пунктами науки и ея частями болѣе элементарными“.

Годъ спустя (20 марта 1870 года), сообщая о лестномъ отзывѣ объ этомъ сочиненіи, напечатанномъ въ начавшемъ издаваться въ Парижѣ журналѣ „Bulletin des Sciences Mathématiques et Astronomiques“, и выражая мнѣніе, что этимъ долженъ быть возбужденъ въ ученыхъ интересъ и ко второй диссертациі, Уэль говоритъ: „Эти два мемуара, взятые вмѣстѣ, составляютъ трактатъ объ уравненіяхъ съ частными производными наиболѣе полный и наиболѣе ясно изложенный, какой только можно имѣть въ настоящее время“.

За Имшенецкимъ устанавливалась, такимъ образомъ, репутація не только счастливаго научнаго дѣятеля, въ короткое время подарившаго наукѣ серьезныя и важныя изслѣдованія, но и глубокаго знатока литературы и методовъ той крайней области знанія, въ которой онъ подвизался. Въ этомъ отношеніи любопытенъ одинъ эпизодъ, имѣющій связь съ докторскимъ диспутомъ Имшенецкаго и рассказанный имъ самимъ въ маленькой замѣткѣ, посвященной воспоминанію о проф. А. Э. Поповѣ.

За нѣсколько дней до диспута, А. Э. Поповъ, въ то время уже оставившій профессорскую дѣятельность, вздумалъ подвергнуть своего бывшаго ученика нѣкоторому испытанію, но, по своей обычной оригинальности, избралъ для этого своеобразный путь. Онъ обратился къ ректору университета съ прошеніемъ препроводить на рѣшеніе диспутанта предложенную имъ задачу, которая въ общихъ чертахъ можетъ быть охарактеризована слѣдующимъ образомъ. Даются четыре дифференціальныхъ уравненія съ частными производными втораго порядка функций двухъ независимыхъ переменныхъ и предлагаются три уравненія съ шестью произвольными функциями, какъ интегралы данныхъ, и еще

два равенства, выражающія одні изъ этихъ функцій черезъ другія; при этомъ требуется не только провѣрить справедливость предлагаемыхъ соотношеній, но и указать, можно-ли ихъ считать рѣшеніемъ простымъ и очевиднымъ или же требующимъ нѣкотораго искусства.

Получивъ этотъ вызовъ при официальной бумагѣ отъ факультета, Имшенецкій, естественно, былъ имъ смущенъ, и это смущеніе должно было увеличиваться близостью диспута, явиться на который, не рѣшивши предложенной задачи, было-бы неловко. Однако задача оказалась не превышающей силы того, кому была предложена, и даже доставила ему на дѣлѣ менѣе затрудненія, чѣмъ онъ самъ могъ сначала предположить. Рѣшеніе ея изложено въ названномъ воспоминаніи, но тамъ не приведено отвѣта на вопросъ о легкости или трудности задачи, который авторомъ ея былъ поставленъ категорически. На листѣ, сохранившемся въ бумагахъ Имшенецкаго и содержащемъ описаніе этого эпизода, мы находимъ этотъ отвѣтъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: „По моему мнѣнію, заявляетъ Имшенецкій, рѣшеніе этой задачи нельзя назвать очевиднымъ, такъ какъ оно выводится вычисленіемъ, т. е. цѣлымъ рядомъ сужденій. Это вычисленіе, хотя и требуетъ навыка, но производится на основаніи *известныхъ* правилъ, слѣдовательно, не требуетъ *искусства* (если подъ этимъ словомъ разумѣть математическую изобрѣтательность)“¹⁾. Вѣроятно, въ расчетъ именно на то широкое знакомство съ теоріей и практикой высшихъ вычисленій, которое А. Θ. Поповъ не безъ основанія предполагалъ въ своемъ бывшемъ ученикѣ и которое Имшенецкій скромно называлъ *навыкомъ*, и была предложена эта задача.

Успѣхъ въ наукахъ только увеличивалъ энергію Имшенецкаго, а приобрѣтенныи имъ опытность и широта кругозора дѣлали для него научныя занятія болѣе легкими и пріятными. Вскорѣ послѣ докторской диссертациі онъ печатаетъ въ Ученыхъ Запискахъ Каза всаго Университета еще одно изслѣдованіе: „О функціяхъ Як. Бернулли“. Этимъ было положено начало ряда другихъ изслѣдованій, въ которыхъ Имшенецкій достигъ вполнѣдствіи значительнаго расширенія и обобщенія своихъ первоначальныхъ идей и умножилъ ихъ приложенія.

Сочиненіе „О функціяхъ Бернулли“ было также переведено Узлемъ на французскій языкъ и помѣщено въ итальянскомъ журналѣ: *Giornale di Matematica*, въ 1871 г. Что же касается двухъ диссертациі, то онѣ

---

¹⁾ Можетъ быть Имшенецкій счелъ не нужнымъ приводить въ воспоминаніи о А. Θ. Поповѣ этотъ отвѣтъ, какъ не имѣющій прямого отношенія къ личности воспоминаемаго, но мы не считаемъ излишнимъ привести его теперь, вспоминая о самомъ Имшенецкомъ.

были напечатаны въ полномъ французскомъ переводѣ въ журналѣ Archiv für Mathematik und Physik, издававшемся А. Grunert'омъ въ Greifswald'ѣ, причемъ появленіе второй значительно замедлилось сперва по случаю франко-прусской войны, а затѣмъ по случаю смерти издателя этого журнала.

Одновременно съ расширеніемъ научной компетенціи Имшенецкаго улучшалось и положеніе его на службѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и матеріальныя условія жизни. 25 мая 1868 г. онъ былъ избранъ въ экстраординарные, а 21 декабря того же года въ ординарные профессора. Но не одними научными заслугами отличался Имшенецкій на своемъ посту. Онъ былъ въ то же время превосходный профессоръ. Ниже мы приведемъ свидѣтельства, характеризующія его въ этомъ смыслѣ съ разныхъ сторонъ и въ разные эпохи его жизни, а теперь замѣтимъ только, что лекціи его отличались всегда необыкновенною ясностью и убѣдительностью и при сжатой формѣ были всегда многосодержательны. Помимо природнаго таланта выражать свои мысли просто и ясно, онъ достигалъ силы и убѣдительности въ разъясненіи истинъ науки помощію тщательной и добросовѣстной подготовки читаемаго курса. Навѣрно можно сказать, что все, что имъ говорилось въ устномъ преподаваніи, профильтровывалось имъ предварительно въ собственномъ сознаніи, и только съ такими объясненіями выступалъ онъ передъ своими слушателями, которыя для него самого доводили рассматриваемый предметъ до полной ясности во всѣхъ деталяхъ. Онъ зналъ отлично всѣ трудности и неровности того пути, по которому вель учащихся и, будучи прекраснымъ психологомъ, всегда умѣлъ вовремя подать руку помощи слушателю, начинавшему путаться въ комбинаціяхъ новыхъ, не укоренившихся еще въ сознаніи, понятій. Читая лекціи, онъ зорко слѣдилъ за аудиторіей, и между нимъ и наиболѣе внимательными изъ слушателей происходила какъ бы умственная бесѣда въ діалогической формѣ, дополняющая монологическій способъ устной передачи.

Студенты любили Имшенецкаго, и часто научныя связи, установленныя между профессоромъ и слушателями, сохранялись на многіе годы за стѣнами университета. Въ бумагахъ Имшенецкаго сохранилось много писемъ отъ бывшихъ его учениковъ, въ которыхъ послѣдніе просятъ его быть судьей того или другого ихъ труда или изобрѣтенія. При этомъ заслуживаетъ вниманія то, что во многихъ случаяхъ самыя вступленія этихъ писемъ и мотивировка обращенія даютъ понять, что поводами къ нимъ были поощренія къ самостоятельному труду, исходившія отъ самого наставника и заложенныя въ самомъ складѣ его пре-

подаванія, или же выраженныя въ благосклонныхъ отвѣтахъ на предыдущія подобныя обращенія.

Въ разные годы своей педагогической дѣятельности въ Казани Имшенецкій читалъ лекціи почти по всѣмъ курсамъ математики. Если приходилось читать такіе курсы, по которымъ имѣлись хорошія руководства въ иностранной литературѣ, то Имшенецкій никогда не пренебрегалъ ими и никогда не придерживался какого-нибудь одного, а бралъ изъ разныхъ источниковъ наилучшія доказательства и наиболѣе понятныя для своихъ слушателей разъясненія. Часто же, не будучи вполне удовлетворенъ существующими доказательствами, замѣнялъ ихъ своими собственными, которыя всегда отличались сжатостью и точностью. Въ письмахъ къ Уэлю, который также былъ превосходный педагогъ, онъ сообщаетъ о результатахъ своей дѣятельности этого рода, и Уэль въ послѣдствіи, издавая свой курсъ исчисленія безконечно малыхъ, внесъ въ него нѣкоторыя заимствованія изъ этихъ сообщений.

Изъ иностранныхъ руководствъ по дифференціальному исчисленію особенное вниманіе Имшенецкаго привлекло принадлежащее кэмбриджскому профессору Todhunter'у. Это руководство онъ перевелъ въ Казани на русскій языкъ и, дополнивъ статью о безконечно-малыхъ и отдѣломъ, содержащимъ приложенія анализа къ геометріи трехъ измѣреній, издалъ въ Петербургѣ въ 1872 г. Въ *Bulletin des Sciences Math. et Astr.* Уэль помѣстилъ рецензію на эту книгу, справедливо оцѣнивая ея достоинства и въ особенности отмѣчая то значеніе, которое имѣютъ для нея прибавленія, сдѣланныя Имшенецкимъ.

Названный журналъ, для котораго Уэль былъ наиболѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ, былъ основанъ профессоромъ G. Darboux вскорѣ послѣ того, какъ началась переписка между Имшенецкимъ и Уэлемъ, и въ письмахъ послѣдняго мы встрѣчаемъ неоднократно повторявшіяся просьбы привлекать русскихъ ученыхъ къ сотрудничеству въ этомъ журналѣ съ цѣлью распространенія въ западной Европѣ свѣдѣній объ успѣхахъ математическихъ наукъ въ Россіи. Съ своей стороны, зная русскій языкъ, Уэль общалъ всевозможныя для этого содѣйствія. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ замѣчаетъ: „*Mon grand désir serait de pouvoir rendre notre Bulletin utile aux savants de votre pays*“. Въ другомъ же, помѣченномъ 21 мая 1871 г., находимъ слѣдующее: „*Tachez de me trouver les aides, et de mon côté je m'efforcerai de faire pour les autres géomètres russes ce que j'ai commencé à faire pour Lobatschewsky*“.

Для исполненія желаній Уэля Имшенецкій воспользовался бывшимъ въ августѣ 1871 года съѣздомъ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ, на который собралось весьма много русскихъ математиковъ.

*

Послѣ того многіе изъ нихъ, дѣйствительно, стали обращаться въ редакцію Bulletin'a или непосредственно, или же чрезъ посредство Уэля и Имшенецкаго.

По возвращеніи въ Казань изъ Кіева, Имшенецкому предстояло выступить въ качествѣ опонента на диспутѣ молодого ученаго, нынѣ извѣстнаго профессора Казанскаго университета, *Θ. М. Суворова*. Къ обязанностямъ этого рода онъ относился, какъ и ко всякому принимаемому на себя дѣлу, съ внимательностью и осмотрительностью, доходящими, можно сказать, до крайности. Разсматриваемое сочиненіе изучалось имъ обыкновенно въ мельчайшихъ подробностяхъ, поля книги исшестрялись сплошь разными замѣчаніями, большинство вычисленій автора вновь передѣлывалось, цитаты провѣрялись и, въ концѣ концовъ, получалось основательное знакомство не только съ самою диссертациею но и съ цѣлою серіею другихъ сочиненій, составляющихъ литературу предмета, къ которому она относится. Мало того, Имшенецкій составлялъ заранѣе списокъ своихъ возраженій, не только отмѣчая въ немъ общій смыслъ и содержаніе каждаго возраженія, но нерѣдко формулируя ихъ въ окончательной формѣ.

Такой списокъ возраженій на диссертацию *Θ. М. Суворова* сохранился въ бумагахъ Имшенецкаго, и въ немъ особеннаго вниманія заслуживаетъ подробно записанное вступительное обращеніе къ диспутанту. Нужно замѣтить, что книга *Θ. М. Суворова* „О характеристикахъ системъ трехъ измѣреній“ относится по своему содержанію къ области неевклидовой геометріи, на которую вниманіе автора было обращено по совѣту самого же Имшенецкаго. Тѣмъ болѣе послѣдній долженъ былъ чувствовать себя обязаннымъ не отстать въ знакомствѣ съ вредметомъ отъ того, кто слѣдовалъ его указаніямъ. И дѣйствительно, въ названномъ введеніи къ возраженіямъ мы находимъ сжатую, но прекрасную характеристику трудовъ Лобачевскаго и другихъ ученыхъ, какъ положившихъ основанія, такъ и содѣйствовавшихъ развитію и объединенію новыхъ обобщенныхъ геометрическихъ воззрѣній.

Слѣдую въ нашемъ изображеніи дѣятельности Имшенецкаго хронологическому порядку, мы пришли теперь къ тому моменту, когда обычное теченіе этой дѣятельности внезапно было нарушено и обстоятельства чуть было не отклонили Имшенецкаго отъ того пути, на которомъ онъ достигъ уже такихъ важныхъ успѣховъ. Осенью 1871 года онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими своими товарищами по службѣ вышелъ изъ профессоровъ Казанскаго университета. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе 20 лѣтъ; многихъ участниковъ этой печальной исторіи, приведшей къ такимъ крупнымъ результатамъ, уже нѣтъ въ живыхъ; для другихъ,

безъ сомнѣнія, она перестала имѣть жизненный интересъ и могла бы быть разсматриваема вполне объективно. Тѣмъ не менѣе, полного разъясненія этого событія мы не имѣемъ и, слѣдовательно, можемъ судить о немъ только гадательно.

Несомнѣнно, что, по своему положенію члена факультета и университетскаго совѣта, Имшенецкій не могъ оставаться совершенно въ сторонѣ отъ борьбы партій, неизбежной во всякой болѣе или менѣе многолюдной и самостоятельной коллегіи, когда члены ея занимаются дѣломъ съ живымъ интересомъ, влагая въ него, такъ сказать, свою душу. Къ несчастію, въ то время, о которомъ мы говоримъ, борьба партій въ Казанскомъ университетѣ приняла слишкомъ страстный характеръ и велась не съ достаточною осмотрительностью, при которой личныя достоинства участвующихъ уважаются и оберегаются безусловно. Имшенецкій принадлежалъ къ партіи, составлявшей меньшинство, которая, между прочимъ, особенно раздражена была предположеніемъ, что противная партія борется не однимъ собственнымъ оружіемъ, а имѣетъ, или, по крайней мѣрѣ, надѣется имѣть, опору для своихъ частныхъ интересовъ въ ближайшемъ начальствѣ. Впослѣдствіи Имшенецкій вспоминалъ обо всемъ этомъ не иначе, какъ съ сожалѣніемъ, но во время самой борьбы раздраженіе обѣихъ сторонъ дошло до того, что для нѣкоторыхъ изъ участниковъ возникъ вопросъ о защитѣ не только своего личнаго достоинства, но и достоинства университета, и о сохраненіи за собою права на уваженіе общества. Передъ этимъ, разумѣется, отступали на задній планъ всякіе житейскіе расчеты.

Вотъ что писалъ Имшенецкій, почти годъ спустя, въ своемъ письмѣ къ Уэлю: „De mon côté je n'ai qu'ajouter que moi et sept de mes anciens collègues et amis nous sommes décidés à quitter en même temps l'université de Kazan après les vains efforts à soutenir sa dignité, comme nous l'entendions, contre les intrigues, dont elle est malheureusement tombée en proie“.

Въ другомъ мѣстѣ, выражая предположеніе, что разладъ между членами совѣта произошелъ по вѣшнимъ причинамъ, онъ замѣчаетъ, что партія большинства подавляла и исключала всякое проявленіе самостоятельнаго, основаннаго на законахъ, отношенія къ дѣлу остальной группы членовъ. „Принадлежа къ этой послѣдней группѣ, поясняетъ онъ далѣе, я дѣлалъ вмѣстѣ съ другими попытки получить удовлетворительный выходъ изъ этого невыносимаго положенія, но эти попытки привели только къ тому, что наши понятія о правѣ и правдѣ втоптаны въ грязь и положеніе настолько ухудшилось, что всѣмъ намъ стало, очевидно, невозможно оставаться долѣе въ университетѣ, не по-

ступившись своимъ человѣческимъ достоинствомъ и не принявъ на себя незаслуженнаго позора въ глазахъ цѣлаго общества. Однимъ словомъ, на дняхъ мы подали въ отставку, протестуя *только* противъ своихъ коллегъ“.

Эти слова, изображающія дѣло подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ душевныхъ волненій, мы заимствуемъ изъ отрывка письма, написаннаго начерно собственною рукою Имшенецкаго, къ кому-то изъ бывшихъ его друзей юности, но къ кому именно, неизвѣстно, такъ такъ въ этомъ отрывкѣ нѣтъ начала и обращенія.

По выходѣ изъ профессоровъ Казанскаго университета, Имшенецкій оказался въ крайне затруднительныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Не будучи обеспеченъ какою-либо личною собственностью и имѣя на рукахъ семью, состоявшую изъ жены и пятерыхъ дѣтей, онъ долженъ былъ, не теряя времени, искать себѣ какой-нибудь службы или работы.

Прямимъ доказательствомъ этому служить только-что упомянутое письмо, представляющее собою призывъ къ помощи бывшаго товарища въ дѣлѣ присканія заработка. Сообщивши въ этомъ письмѣ о своемъ выходѣ въ отставку, Имшенецкій продолжалъ: „Но за симъ является угрожающій вопросъ о работѣ и хлѣбѣ для себя и семьи. Цѣль этого письма—пора ее выяснить—просить васъ помочь мнѣ разрѣшить этотъ тяжелый вопросъ. Съ этой же цѣлью я уже писалъ и Ѳ. Ѳ. Эссену ¹⁾. Вы видите, что мнѣ нельзя много прихотничать, такъ какъ кромѣ насъ двоихъ я долженъ имѣть въ виду еще пять маленькихъ желудковъ. Однако, это самое обстоятельство и вышеизложенное ²⁾ побуждаетъ желать сколько-нибудь сносной матеріальной и нравственной обстановки службы. Я разумѣю государственную службу, потому что, прослуживъ 18 лѣтъ по учебному вѣдомству (что равняется 25 годамъ гражд. службы), мнѣ было бы выгодноѣ дотягивать до пенсіи. Но, конечно, въ крайнемъ случаѣ, я не отказался бы и отъ частной дѣятельности. Предоставляя вамъ самимъ судить, на что я могу быть годенъ, прошу не оставить скорымъ отвѣтомъ, такъ какъ по первому саинному пути мнѣ неизбежно будетъ отправиться въ Петербургъ“.

Въ декабрѣ 1871 года Имшенецкій, дѣйствительно, находился уже въ Петербургѣ, гдѣ былъ занятъ издавіемъ своего перевода книги Tudhunter'a и употреблялъ всѣ усилія для присканія сносно оплачиваемыхъ занятій. Конечно, оставить совсѣмъ науку онъ не могъ бы ни

¹⁾ Университетскій товарищъ Имшенецкаго, о которомъ упоминалось выше (см. стр. 88).

²⁾ Въ письмѣ ранѣе говорится о предыдущихъ усиліяхъ Имшенецкаго въ наукѣ и на службѣ.

въ какихъ условіяхъ жизни, но для него было также больно покинуть навсегда педагогическую дѣятельность, въ которой онъ былъ такъ способенъ и съ которой успѣлъ уже сродниться. Въ письмѣ отъ 20 декабря 1871 г. онъ писалъ въ Москву одному молодому математику: „Прошу васъ передать мой искренній привѣтъ Н. В. Бугаеву, вполне понимающему, конечно, чувство, съ которымъ я оставилъ мою кафедру и разставался съ своими слушателями“.

Подъ вліяніемъ этого чувства онъ старался болѣе всего устроиться въ какомъ-нибудь изъ другихъ русскихъ университетовъ. Возможность къ этому вскорѣ представилась, но пришлось всетаки хлопотать и ждать.

Въ Харьковскомъ университетѣ въ то время была фактически свободна кафедра теоретической механики, такъ какъ состоявшій при ней доцентъ Алексѣевъ, уѣхавъ за границу, пропалъ тамъ безъ вѣсти. Университету необходимо было позаботиться о замѣщеніи этой кафедры, и проф. Д. М. Делярю обратилъ вниманіе физико-математическаго факультета на Имшенецкаго, какъ на наиболѣе достойнаго для этого кандидата. Предварительно, однако, потребовалось навести справки о судьбѣ Алексѣева чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ и затѣмъ хлопотать объ исключеніи его изъ списка служащихъ. Когда все это было сдѣлано, проф. Д. М. Делярю вошелъ въ факультетъ съ представленіемъ о приглашеніи Имшенецкаго на должность профессора аналитической механики.

Съ одной только, и притомъ чисто формальной, точки зрѣнія права Имшенецкаго на эту должность могли быть оспариваемы. По уставу университетовъ никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя ученой степени доктора по соответствующему отдѣлу наукъ; поэтому для вступающаго на кафедру аналитической механики принято было требовать степени доктора прикладной математики, между тѣмъ какъ Имшенецкій былъ докторомъ чистой математики. Однако, по существу дѣла, трудно было найти лицо, могущее занять названное положеніе съ большимъ правомъ и большимъ достоинствомъ, чѣмъ Имшенецкій. Во первыхъ, объ его диссертациіи относились къ той части математическаго анализа, которая имѣетъ ближайшее примѣненіе къ аналитической механикѣ, успѣшное развитіе которой, при современномъ ея состояніи, должно было обуславливаться успѣхами въ теоріи дифференціальныхъ уравненій съ частными производными. Во вторыхъ, живя въ Парижѣ, онъ одновременно съ занятіями математикою посвящалъ много времени и труда на изученіе математической физики, пользуясь для этого лекціями Lamé и его сочиненіями. Наконецъ, какъ ни преданъ былъ Имше-

нецкій чистой математикѣ, онъ болѣе всего цѣнилъ примѣненія ея къ изученію природы.

Физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета счелъ нужнымъ смотрѣть на дѣло именно съ этой точки зрѣнія, понимая болѣе широко права такого ученаго, каковъ былъ тогда Имшенецкій, и заботясь болѣе всего объ увеличеніи своихъ научныхъ силъ и пользѣ учащейся молодежи. 26-го апрѣля 1872 г. Имшенецкій былъ избранъ въ факультетскомъ собраніи, а 3-го мая въ совѣтъ университета, на должность экстра-ординарнаго профессора.

Такимъ образомъ, казанская катастрофа обошлась для Имшенецкаго весьма дорого. Не говоря о нравственныхъ безпокойствахъ и душевныхъ тревогахъ за ближайшее будущее семьи, ему пришлось оставаться полгода совсѣмъ безъ заработка и, наконецъ, при благоприятномъ исходѣ кризиса, поступить на окладъ, значительно меньшій того, какой онъ имѣлъ въ Казани. Даже послѣ избранія въ Харьковѣ Имшенецкій не могъ быть вполне спокоенъ за свою судьбу, такъ какъ выборъ совѣта могъ не быть утвержденъ министромъ.

Мы видѣли изъ словъ самого Имшенецкаго, что онъ и другіе профессора Казанскаго университета, вышедшіе въ отставку, сдѣлали это въ видѣ протеста противъ дѣйствій только своихъ коллегъ; тѣмъ не менѣе противная партія, а вмѣстѣ съ нею и ближайшее начальство, могли истолковать этотъ поступокъ въ совершенно иномъ смыслѣ. По счастью, бывший тогда министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой, при своемъ широкомъ и свѣтломъ взглядѣ на вещи, хорошо понималъ и справедливо оцѣнилъ всю казанскую исторію, вслѣдствіе чего какъ Имшенецкій, такъ и другіе вышедшіе съ нимъ въ отставку профессора, были безъ всякаго затрудненія утверждены въ новыхъ должностяхъ, на которыя они были избраны въ другихъ университетахъ.

Въ должности экстра-ординарнаго профессора Имшенецкій оставался, впрочемъ, не долго, такъ какъ въ декабрѣ того же 1872 года онъ былъ избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ обыкновенные профессора.

Переходъ Имшенецкаго изъ Казани въ Харьковъ долженъ былъ имѣть серьезное вліяніе на всю его дѣятельность. Прежде всего безпокойство и нарушеніе осѣдлости должны были на время совершенно прервать его научныя занятія. Затѣмъ, выступая профессоромъ по новому, весьма обширному предмету, по которому онъ еще никогда не читалъ лекцій, и не имѣя при этомъ сотоварища на той же кафедрѣ, съ которымъ онъ могъ бы подѣлить трудъ преподаванія, онъ долженъ былъ, не теряя времени, выработать новый курсъ лекцій. При обычной добросо-

вѣстности Имшенецкаго въ исполненіи всякаго дѣла, это должно было потребовать отъ него не мало времени и труда. Понятно поэтому, что въ первое время по водвореніи Имшенецкаго въ Харьковѣ его научная дѣятельность должна была нѣсколько ослабнуть вслѣдствіе усиленія педагогической. Тѣмъ не менѣе, онъ не оставлялъ прежнихъ научныхъ интересовъ и, удѣляя, сколько можно было, силъ своимъ научнымъ занятіямъ, публиковалъ время отъ времени ихъ результаты въ русскихъ и заграничныхъ изданіяхъ. Такъ въ 1874 и 1876 годахъ онъ помѣстилъ двѣ свои статьи, относящіяся къ теоріи уравненій съ частными производными, въ Московскомъ Математическомъ Сборникѣ. Въ томъ же 1876 году онъ напечаталъ одно изъ своихъ изслѣдованій въ „Bulletin des Sciences Math. et Astronomiques“. Затѣмъ онъ посылалъ иногда небольшія замѣтки, относящіяся къ дифференціальнымъ уравненіямъ и геометріи, въ бельгійское „Королевское общество наукъ въ Льежѣ“, которымъ былъ избранъ въ члены корреспонденты. Эти замѣтки были напечатаны въ мемуарахъ этого общества также въ 70-хъ годахъ.

Съ переходомъ Имшенецкаго въ Харьковъ возобновляется съ прежнимъ оживленіемъ его научная переписка съ Уэлемъ; Имшенецкій старается содѣйствовать чрезъ Уэля успѣху журнала „Bulletin des Sciences Math. et Astr.“ и зачисляется въ его постоянные сотрудники. Въ то же время онъ ведетъ постоянную научную переписку съ другимъ французскимъ ученымъ Graindorge'емъ, профессоромъ математики въ Льежѣ. Поводомъ къ возникновенію этой переписки послужили также труды Имшенецкаго по теоріи уравненій съ частными производными, которыми Graindorge воспользовался для составленія своего курса по этому предмету. Изъ переписки Имшенецкаго съ Уэлемъ мы видимъ, между прочимъ, что въ 1876 году послѣдній, по предложенію Имшенецкаго и Деларю, былъ избранъ почетнымъ членомъ Харьковскаго университета.

Возвращаясь къ дѣятельности Имшенецкаго, какъ профессора, замѣтимъ прежде всего, что тѣ же качества преподаванія, какими онъ отличался еще въ Казани, онъ перенесъ, конечно, и на новую кафедру. О содержаніи и особенностяхъ читаннаго имъ курса аналитической механики можно судить по литографированнымъ запискамъ, изданнымъ въ нѣсколько примѣровъ подъ его собственною редакціею. Можно думать, что самъ Имшенецкій былъ доволенъ своимъ курсомъ, такъ какъ незадолго до смерти имѣлъ намѣреніе напечатать его съ нѣкоторыми измѣненіями, какъ руководство для различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Полагаемъ, что это самая лучшая рекомендація курсу, такъ какъ къ своимъ собственнымъ произведеніямъ Имшенецкій всегда былъ чрезвычайно строгъ и, кромѣ того, имѣлъ обыкновеніе, при чтеніи лекцій по

каждому предмету, основательно знакомиться со всіми лучшими курсами по тому же предмету, имѣющимися въ русской и иностранной литературѣ. Собственно говоря, между профессоромъ и ученымъ нельзя провести разграниченія: тотъ не профессоръ, кто вѣдаетъ одни учебники. Имшенецкій зналъ это лучше кого бы то ни было и, перемѣнивши свою спеціальность, сталъ внимательно изучать какъ классическія произведенія, такъ и текущую литературу, по всему отдѣлу наукъ, называемому англійскими учеными „natural philosophy“ и включающему въ себѣ аналитическую механику и математическую физику. Объ основательномъ знакомствѣ Имшенецкаго съ этой литературой можно судить, напр., по отзыву, представленному имъ въ факультетъ, о диссертациі А. К. Погорѣлко, посвященной вопросамъ гидродинамики. Въ этомъ отзывѣ мы находимъ подробныя указанія какъ на сочиненія капитальныя, такъ и на новѣйшія журнальныя статьи, съ ясными признаками того, что тѣ и другія извѣстны рецензенту съ такою же основательностью, какъ и разсматриваемая диссертациія.

Заслуживаетъ упоминанія тотъ способъ изученія математическихъ произведеній, котораго держался Имшенецкій при чтеніи всякой сколько-нибудь замѣчательной книги или мемуара. Обыкновенно онъ не только передѣлывалъ самъ всѣ вычисленія, содержащіяся въ изучаемомъ сочиненіи, но записывалъ всѣ разсужденія и, притомъ, съ такою аккуратностью, что въ результатѣ получалось подробное изложеніе, представляющее выписку изъ прочитаннаго, часто съ очень интересными, сдѣланными мимоходомъ, критическими замѣтками. Наиболѣе же важныя сочиненія на иностранныхъ языкахъ онъ прямо переводилъ для себя или въ самыхъ существенныхъ частяхъ или же сполна. Большинство оставшихся послѣ него бумагъ представляетъ коллекцію тетрадей, содержащихъ такія выписки и переводы, сопровождающіяся часто маленькими вставками, обозначенными обыкновенно заглавіемъ: „мои замѣтки“.

Кромѣ своего обычнаго курса аналитической механики Имшенецкій читалъ одно время въ Харьковѣ, за неимѣніемъ профессора астрономіи, курсъ небесной механики. Сверхъ того, почти каждый годъ онъ читалъ установленныя издавна при университетѣ публичные курсы прикладной механики.

Въ качествѣ завѣдующаго кабинетомъ прикладной механики Имшенецкій прилагалъ не мало старанія къ пополненію этого учрежденія моделями, коллекціями механизмовъ и вообще предметами, необходимыми для демонстративнаго преподаванія механики. За указаніями и рекомендаціями, необходимыми для выполненія этой, не вполне свой-

ственной для теоретика, задачи, онъ обращался, между прочимъ, въ своихъ письмахъ къ Уэлю.

Нужно замѣтить, что организація преподаванія прикладной механики въ нашихъ университетахъ, особенно провинціальныхъ, оказалось дѣломъ крайне труднымъ. Наши инженеры, даже наиболѣе образованные и свѣдущіе въ теоретическихъ наукахъ, считали неудобнымъ, да и невыгоднымъ, принимать на себя преподаваніе въ качествѣ приватдоцентовъ. Для пріобрѣтенія же профессуры требовалась, кромѣ званія инженера, еще ученая степень доктора прикладной механики. Слѣдствіемъ этого было то, что въ большинствѣ университетовъ кафедра прикладной механики была или вовсе не занята, или же лицомъ, занимающимъ ее, читался только одинъ какой-нибудь отдѣлъ механическихъ приложений математики, мало соответствующій общему назначенію кафедры. Иногда же вмѣсто прикладной механики читался одинъ изъ отдѣловъ математической физики.

Какъ въ Казани, такъ въ особенности въ Харьковѣ, Имшенецкій въ качествѣ члена факультета заботился о болѣе прямомъ рѣшеніи этого труднаго вопроса. Въ перепискѣ его можно найти много слѣдовъ этихъ заботъ. Между прочимъ, у него была мысль склонить, при посредствѣ Уэля, кого-либо изъ хорошо образованныхъ французскихъ инженеровъ къ намѣренію, ознакомившись сколько-нибудь съ русскимъ языкомъ, взять на себя преподаваніе прикладной механики въ Казанскомъ университетѣ. Съ однимъ изъ такихъ лицъ велись даже переговоры.

Кромѣ того, Имшенецкій старался привлекать къ занятіямъ прикладной механикой наилучшихъ изъ окончившихъ курсъ студентовъ. По его стараніямъ при Харьковскомъ университетѣ былъ даже одно время стипендіатъ, готовившійся спеціально къ преподаванію этого предмета и, послѣ достаточной подготовки, уже командированный въ Петербургъ для пріобрѣтенія степени магистра. Но судьба совершенно случайно перебросила этого молодого ученаго съ избраннаго пути на другое поприще.

Когда министерствомъ народнаго просвѣщенія учреждены были стипендіи при Московскомъ техническомъ училищѣ для приготовленія учителей механики для реальныхъ училищъ, то Имшенецкій неоднократно предлагалъ лучшимъ студентамъ воспользоваться этими стипендіями и входилъ съ соответствующими ходатайствами въ совѣтъ университета. При этомъ онъ убѣждалъ молодыхъ людей держаться научнаго направленія и имѣть въ виду возможность, по достаточномъ усовершенствованіи, занять кафедру въ самомъ Харьковскомъ университетѣ.

Какъ членъ факультета и совѣта, Имшенецкій пользовался въ Харьковѣ большимъ уваженіемъ и даже вліяніемъ, послѣднимъ не столько въ силу личныхъ симпатій и дружескаго довѣрія сочленовъ, сколько вслѣдствіе серьезности и вѣскости своихъ сужденій. Всѣ мнѣнія, подававшіяся имъ письменно или устно, были всегда крайне сдержаны по формѣ и въ то же время многосторонни и объективны по содержанию, что придавало имъ силу и достоинство авторитета.

Благодаря своему прекрасному характеру, дѣловитости и общительности, Имшенецкій пріобрѣлъ скоро въ Харьковѣ не мало почитателей и хорошихъ знакомыхъ, для которыхъ онъ самъ и все его семейство были предметомъ почтительнаго вниманія и желаннымъ обществомъ. Вслѣдствіе этого онъ въ скоромъ времени хорошо освоился съ жизнью въ Харьковѣ, спокойно предавался своимъ обязанностямъ и любимымъ занятіямъ и, повидимому, чувствовалъ себя нравственно удовлетвореннымъ. Вообще Харьковскій періодъ жизни Имшенецкаго можно характеризовать какъ такой, въ который весь его нравственный міръ находился въ наиболѣе устойчивомъ равновѣсіи. Естественно, что при такихъ условіяхъ Имшенецкій не желалъ новыхъ перекочевокъ и потому въ 1879 г., когда по смерти проф. П. И. Котельникова въ Базани освободилась кафедра аналитической механики и проф. М. А. Ковальскій предлагалъ своему бывшему ученику возвратиться въ Казань, заявляя, что условія университетской жизни измѣнились тамъ къ лучшему, онъ, по зрѣломъ размысленіи, отвѣтилъ отказомъ.

Кромѣ обязанностей по университету, Имшенецкому приходилось по временамъ нести въ Харьковѣ и нѣкоторыя другія обязанности болѣе или менѣе случайнаго характера. Такъ, будучи членомъ совѣта при попечителѣ учебнаго округа, онъ не разъ былъ командированъ въ разные города округа, какъ депутатъ, на испытанія зрѣлости. Объ одной изъ такихъ поѣздокъ, именно въ Новочеркасскъ, онъ писалъ между прочимъ Уэлю, и эта поѣздка представляетъ для насъ тотъ интересъ, что сопровождалась обстоятельствомъ, проливающимъ яркій свѣтъ на личность Имшенецкаго, какъ человѣка, превосходнаго педагога и истиннаго друга юношества. Этимъ обстоятельствомъ, о которомъ ниже мы будемъ говорить нѣсколько подробнѣе, было коллективное обращеніе къ нему экзаменовавшихся съ письмомъ, въ которомъ выражалась благодарность за внимательное, гуманное и полное наставнической благожелательности къ нимъ отношеніе.

Мы упомянули выше, что одною изъ особенностей характера Имшенецкаго была общительность. При его постоянныхъ научныхъ занятіяхъ и размысленіяхъ естественно, что эта общительность должна

была приводить къ сближеніямъ на почвѣ науки и къ научнымъ бесѣдамъ. Къ этому нужно прибавить, что Имшенецкій всегда высоко цѣнилъ научную (разумѣется, вполнѣ безпристрастную) критику, никогда не отдавалъ исключительнаго предпочтенія избранному имъ самимъ направленію мысленія и любилъ провѣрять свои сужденія сужденіями другихъ. Понятно, что онъ поощрялъ и въ другихъ тѣ-же склонности, будучи увѣренъ, что только коллективный научный трудъ можетъ приводить къ возможно полному и безошибочному раскрытію истины.

Вслѣдствіе всего этого около Имшенецкаго группировались всегда кружки людей, интересующихся науками. Такъ было и въ Харьковѣ, гдѣ ближайшіе его товарищи по университету и нѣкоторые другіе любители математическихъ наукъ стали собираться по вечерамъ для бесѣды и разсказовъ о своихъ занятіяхъ. Имшенецкій былъ душою этихъ собраній и, такъ какъ онъ во всемъ любилъ порядокъ и представлялъ несомнѣнный авторитетъ въ глазахъ собиравшихся, то незамѣтнымъ образомъ сдѣлался ихъ руководителемъ. Затѣмъ очень скоро онъ позаботился дать болѣе устойчивую организацію этимъ собраніямъ, выработавши совмѣстно съ проф. Д. М. Делярю уставъ Математическаго Общества, которое, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, и было учреждено при Харьковскомъ университетѣ въ 1879 году.

Въ первый годъ по открытіи дѣятельности общества, его председателемъ былъ бывшій профессоръ математики и почетный членъ Харьковскаго университета Е. И. Бейеръ, но затѣмъ этотъ ветеранъ науки, утомленный многолѣтними трудами и разстроеннымъ здоровьемъ, сталъ мало по малу уклоняться отъ участія въ дѣлахъ общества и председателемъ былъ избранъ Имшенецкій, который и оставался дѣятельнымъ руководителемъ общества до самаго своего перехода въ Академію Наукъ.

Благодаря стараніямъ Имшенецкаго, общество, съ самаго своего возникновенія, получило возможность издавать протоколы своихъ засѣданій и сообщенія, какъ читанныя самими членами, такъ и доставлявшіяся посторонними лицами. Личныя сношенія Имшенецкаго съ русскими и иностранными учеными принесли большую пользу обществу тѣмъ, что обратили на него вниманіе ученаго міра и содѣйствовали быстро установившимся сношеніямъ съ другими подобными обществами и учрежденіями. Самъ Имшенецкій былъ постояннымъ посѣтителемъ засѣданій, дѣлалъ одно за другимъ научныя сообщенія и въ теченіе трехъ лѣтъ напечаталъ въ изданіи общества шесть небольшихъ своихъ статей.

Первая изъ этихъ статей появилась въ свѣтъ при обстоятельствахъ, представляющихъ одно изъ многихъ доказательствъ невыгоды

положенія, въ которомъ находятся русскіе провинціальныя ученые, занимающіеся текущими вопросами науки, сравнительно съ учеными западной Европы.

9-го апрѣля 1877 года Жозефъ Бертранъ, членъ института и непремѣнный секретарь Парижской Академіи Наукъ, публиковалъ въ № 16 Comptes Rendus de l'Ac. des Sc. слѣдующую задачу.

„Зная, что планеты описываютъ коническія сѣченія, и не предполагая ничего болѣе, найти выраженія слагающихъ дѣйствующихъ на нихъ силъ въ функціяхъ координатъ точекъ ихъ приложенія“.

Общій планъ рѣшенія этой задачи не представляетъ существенныхъ трудностей и изобрѣтательность рѣшающаго должна была быть направлена на изысканіе приемовъ упрощенія тѣхъ вычисленій, которыя въ общемъ видѣ оказывались невыполнимыми по своей сложности.

Многіе изъ геометровъ заинтересовались этою задачею тотчасъ же по ея опубликованіи, и между ними Дарбу и Имшенецкій. Первый основывалъ свое упрощеніе на предварительномъ допущеніи, что дѣйствующая сила должна быть центральною; второй — на особомъ видѣ уравненія траекторіи планеты. Но въ то время, какъ Дарбу опубликовалъ свои предварительныя соображенія въ ближайшемъ номерѣ Comptes Rendus, т. е. черезъ недѣлю послѣ постановки самой задачи, Имшенецкій только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ препроводилъ свое рѣшеніе къ Уэлю.

Послѣдній, всегда предупредительный по отношенію къ своему другу въ дѣлѣ распространенія его произведеній, переслалъ немедленно его письмо къ Дарбу, какъ редактору Bulletin des Sciences Math. et Astr. Затѣмъ Имшенецкій очень долго не получалъ отвѣта на свое письмо, пока, наконецъ, въ письмѣ отъ 2-го февраля 1879 года Уэль, извиняясь за промедленіе, не объяснилъ его слѣдующимъ образомъ.

„Прежде всего, писалъ онъ, я замедлилъ потому, что ждалъ заключенія г. Дарбу относительно присланнаго вами мемуара о задачѣ Бертрана. Г. Дарбу былъ это время такъ занятъ, что мнѣ пришлось долго ждать его отвѣта. Наконецъ, онъ мнѣ написалъ, что благодаря послѣднимъ работамъ, изданнымъ имъ и другими учеными, вопросъ этотъ въ теченіе времени, протекшаго отъ его публикованія въ № 16 Comptes Rendus до окончанія вашей работы, значительно подвинулся впередъ, и что всѣ ваши результаты не только уже извѣстны, но и получили дальнѣйшее развитіе“.

Если справедливо, что въ трудахъ французскихъ ученыхъ вопросъ получилъ болѣе широкое и полное рѣшеніе, а внослѣдствіи была даже расширена и самая его постановка, то справедливо также и то, что

Имшенецкій, выступивъ одновременно съ другими на поиски рѣшеній предложенной Бертраномъ задачи, долженъ былъ, вслѣдствіе только отдаленности отъ мѣстъ непосредственныхъ научныхъ сношеній, отстать съ самаго же начала пути и остаться, такъ сказать, за флагомъ.

Когда осенью 1879 года было открыто Харьковское Математическое Общество, то въ одно изъ первыхъ его засѣданій Имшенецкій сообщилъ свое рѣшеніе задачи Бертрана и напечаталъ его въ первомъ же выпускѣ „Сообщеній и протоколовъ“ общества подъ заглавіемъ: „Опредѣленіе силы, движущей по коническому сѣченію матеріальную точку, въ функціи ея координатъ“.

Вскорѣ послѣ того эта статья была переведена Уэлемъ и напечатана въ журналѣ общества Физическихъ и Естественныхъ Наукъ въ Бордо, но, конечно, слишкомъ уже поздно, чтобы имѣть для иностранныхъ читателей интересъ новизны.

Изъ другихъ статей Имшенецкаго, помѣщенныхъ въ „Сообщеніяхъ Харьковскаго Математическаго Общества“ за время его пребыванія въ Харьковѣ, одна возникла изъ его переписки съ Грендоржемъ, а одна составлена прямо изъ писемъ, которыми обмѣнялись въ 1881 г. Имшенецкій и профессоръ Кіевскаго университета В. П. Ермаковъ, вслѣдствіе чего авторское на нее право должно считаться принадлежащимъ обоимъ ученымъ вмѣстѣ.

Имшенецкій прожилъ въ Харьковѣ почти десять лѣтъ, съ начала августа 1872 года по конецъ апрѣля 1882, и можно сказать, что оставался въ немъ все это время безвыѣздно, если не принимать во вниманіе кратковременныхъ поѣздокъ на экзамены въ ближайшіе города учебнаго округа, да лѣтнихъ переѣздовъ съ семействомъ на дачу. Въ теченіе этого времени наши университеты пережили кризисъ, длившійся нѣсколько лѣтъ.

Сначала въ литературѣ, отчасти въ университетскихъ кругахъ и въ близкомъ къ нимъ обществѣ стали выражаться мнѣнія о неудовлетворительности существующихъ нормъ университетской жизни и необходимости реформы университетовъ. Въ то же время и въ правящихъ сферахъ замѣтно было намѣреніе поставить университеты въ новыя условія. Въ большинствѣ самихъ университетскихъ коллегій реформа признавалась несвоевременной, и считалось за лучшее сохраненіе, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, *status quo ante*. Мало по малу такъ называемый университетскій вопросъ сдѣлался вопросомъ дня, и въ разныхъ журналахъ можно было почти ежедневно читать то грубыя нападенія на существующіе университетскіе порядки, то защиту ихъ, то проекты

самыхъ невѣроятныхъ мѣропріятій для ихъ улучшенія или полной реорганизаціи.

Наконецъ, пересмотръ университетскаго устава былъ признанъ правительствомъ необходимымъ и въ видѣ одной изъ подготовительныхъ мѣръ для этого министерствомъ составлена была комиссія, на обязанности которой было, между прочимъ, объѣхать университеты и отобрать, по заранѣе составленной программѣ, мнѣнія всѣхъ профессоровъ. Въ сущность и подробности университетскаго вопроса пришлось вникнуть всѣмъ членамъ университетовъ.

Имшенецкій, привыкшій приводить въ порядокъ всѣ свои сужденія не иначе какъ съ перомъ въ рукахъ, составилъ по этому поводу небольшую записку. Вотъ какъ выражаетъ онъ въ ней свой взглядъ на цѣли и призваніе университетовъ.

„У насъ высказывалось иногда такое мнѣніе, что главная задача университетовъ — приготовленіе образованныхъ молодыхъ людей для различныхъ отраслей государственной службы, общественной и частной дѣятельности. Я думаю, что эта цѣль не главная, а второстепенная, цѣль, которая достигается сама собою, если мы главной цѣлью университетовъ поставимъ рѣшеніе другой высшей задачи — водвореніе въ странѣ, поддержаніе и развитіе самостоятельной научной дѣятельности при помощи національныхъ силъ. Только по мѣрѣ достиженія до этой цѣли страна начинаетъ освобождаться отъ умственной, нравственной и экономической зависимости и подчиненности другимъ опередившимъ ее народамъ, подобно тому, какъ ученикъ тогда только освобождается отъ авторитета своего учителя, когда уже въ состояніи и самъ дѣлать то-же и такъ-же хорошо, какъ его учитель“.

Замѣчательно, что это почти буквально тѣ же мысли, какія высказывалъ Н. И. Пироговъ еще до введенія университетскаго устава 1863 года.

Въ опроверженіе предположенія ограничить какими-либо мѣрами число учащихся въ университетахъ Имшенецкій писалъ: „Черезъ университетъ необходимо должно проходить много—и чѣмъ болѣе и разнообразнѣе тѣмъ лучше—учащихся, чтобы изъ этихъ многихъ имѣли полную возможность выдѣлиться истинные научные дѣятели. Остальная же масса учащихся въ университетахъ, пройдя школу свободной философской науки, усвоивъ ея приемы и возрѣвнѣя, будетъ, безъ сомнѣнія, на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности представлять необходимый для государства прогрессивный элементъ“.

Въ видахъ охраненія университетовъ отъ всякаго рода внутреннихъ броженій подавались, между прочимъ, совѣты дать имъ школьную

организацію. Имшенецкій настойчиво и авторитетно возражает против этого. „Я долгомъ считаю, пишетъ онъ, откровенно высказать мнѣніе, раздѣляемое, надѣюсь, всѣми друзьями университетовъ, что обратитъ ихъ въ школы, значить подписать имъ смертный приговоръ. Такія школы, не имѣя своей собственной задачи и, заимствуя свои цѣли отъ всевозможныхъ спеціальныхъ школъ, не были бы въ состояніи конкурировать ни съ одной изъ нихъ, и, не будучи убиты сразу, все равно погибли бы отъ безсилія и безхарактерности“.

Признавая немислимою названную мѣру, даже какъ опытъ, Имшенецкій прибавляетъ къ сказанному: „Такой опытъ не представлялъ бы даже интереса новизны, потому что всѣ наши университеты уже прошли черезъ эту первичную форму и были школами даже съ пенсіонами — сначала дворянскими (Моск.), потомъ съ пенсіонами разночинцевъ, подчиненными то правиламъ духовныхъ іезуитскихъ семинарій (время Магницкаго), то дисциплинѣ кадетскихъ корпусовъ (прошлое царствованіе ¹⁾). Наглядные результаты такого порядка мы сами видѣли назадъ тому лѣтъ 15. Когда состарѣвшіеся профессора, наполовину изъ нѣмцевъ, начали сходить со сцены, въ свѣжихъ научныхъ національныхъ силахъ оказался громадный дефицитъ, и нужно было сдѣлать поголовный наборъ всѣхъ волонтеровъ науки для посланки за границу, съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію — конечно, нѣсколько наскоро“.

Во всемъ этомъ достаточно ясно выражено направленіе идей Имшенецкаго въ вопросѣ о назначеніи и судьбѣ нашихъ университетовъ, направленіе, повторяемъ, чрезвычайно сходное съ тѣмъ, котораго держался въ свое время Н. И. Пироговъ ²⁾.

Весною 1881 года Имшенецкій получилъ порученіе отъ Академіи Наукъ разсмотрѣть два большихъ сочиненія по теоріи уравненій съ частными производными, представленныя въ Академію на соисканіе преміи имени ея вице-президента В. Я. Буняковского.

Разумѣется, онъ принялъ это порученіе съ большимъ удовольствіемъ и исполнилъ его не только съ глубокимъ знаніемъ дѣла, но и съ обычною для него, въ дѣлѣ оказанія научныхъ услугъ, щедростью на свое время и свой трудъ. Онъ проработалъ все лѣто и въ началѣ сентября представилъ Академіи отзывъ, равно замѣчательный, какъ по глубинѣ научныхъ взглядовъ и обширности эрудиціи, такъ и по безпристрастности сужденій. Самъ по себѣ этотъ отзывъ представляетъ серьезное научное произведеніе.

¹⁾ Т. е. до 1855 г.

²⁾ См. Сочиненія Н. И. Пирогова, С.-Петербург. 1887, т. II.

„Записки Императ. Харьк. Унив.-а“ III вып., 1895 г.

Въ то время физико-математическое отдѣленіе Академіи было озабочено вопросомъ о замѣщеніи кресла академика, останшагося вакантнымъ за смертію одного изъ представителей чистой математики. Естественно, что однимъ изъ кандидатовъ, достойныхъ занять это положеніе по своимъ научнымъ заслугамъ и своимъ доказаннымъ многолѣтнею дѣятельностью талантамъ, могъ считаться Имшенецкій. Ему было сдѣлано косвенное предложеніе, поразившее его своею неожиданностью и поставившее его въ немалое затрудненіе. Онъ не былъ честолюбивъ въ вульгарномъ смыслѣ этого слова, но, тѣмъ не менѣе, обладалъ чувствительнымъ научнымъ самолюбіемъ, и всякое призваніе его заслугъ въ наукѣ, исходящее изъ компетентной среды, не только доставляло ему удовольствіе, но и возбуждало въ немъ энергію.

Послѣ нѣкотораго колебанія онъ рѣшился, наконецъ, дать свое согласіе, руководимый, главнымъ образомъ, горячимъ желаніемъ послужить интересамъ науки на болѣе широкомъ поприщѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду и интересы своей семьи. Его дѣти уже подросли; необходимо было озаботиться довершеніемъ ихъ образованія. Жизнь въ столицѣ представляла для этого большія удобства и большее разнообразіе выбора направленій, чѣмъ въ провинціи.

Одно сильно смущало Имшенецкаго, это дороговизна столичной жизни, дѣлающая весьма затруднительнымъ содержаніе большой семьи. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ уже получалъ въ дополненіе къ своему содержанію назначенную ему за 25 лѣтъ учебной службы пенсію въ размѣрѣ 1143 рублей и надѣялся, что, при сохраненіи этой пенсіи на академической службѣ, ему удастся справиться съ предстоящими затрудненіями.

Избраніе Имшенецкаго въ ординарные академики состоялось 4-го декабря 1881 года, а Высочайшее утвержденіе его въ этой должности послѣдовало 20 февраля 1882 года. Въ половинѣ апрѣля, окончивши свой курсъ лекцій, онъ оставилъ Харьковъ.

Для Харьковскаго университета отъѣздъ Имшенецкаго былъ большою и чувствительною утратою. Коллегія профессоровъ сознавала, что лишалась въ немъ одного изъ полезнѣйшихъ членовъ своихъ собраній, всегда бдительнаго и осторожнаго и всегда готоваго прійти на помощь въ общихъ затрудненіяхъ какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ. Сослуживцы видѣли, что утрачиваютъ одного изъ самыхъ благожелательныхъ товарищей. Студенты понимали, что лишаются одного изъ лучшихъ руководителей.

Всѣ эти мысли и чувства были выражены Имшенецкому на устроенныхъ ему проводахъ и сопровождались горячими пожеланіями счастья и успѣховъ на новомъ широкомъ поприщѣ.

Такимъ образомъ, закончился второй періодъ служенія Имшенецкаго наукѣ и юношеству, можетъ быть, наиболѣе счастливый во всей его жизни. Если его научная производительность и была въ этотъ періодъ слабѣе, чѣмъ въ другіе, то его педагогическая дѣятельность и вліяніе на дѣятельность другихъ были наиболѣе значительны и благотворны. вмѣстѣ съ тѣмъ, признаніе его личныхъ качествъ и заслугъ въ окружающей его средѣ было наиболѣе полное.

Въ Петербургѣ Имшенецкій на первыхъ же порахъ потерпѣлъ одно очень тяжелое разочарованіе. Оказалось, что по уставу академической службы, пенсія, производившаяся ему, какъ профессору, не могла быть продолжаема въ его новомъ служебномъ положеніи.

Это до крайности его смутило. Не считая себя въ правѣ, ради личныхъ научныхъ интересовъ и почетнаго положенія въ официальномъ ученомъ мірѣ, заставить свою семью еще разъ испытывать нужду, онъ глубоко пожалѣлъ, что оставилъ свое скромное, но обезпеченное положеніе въ Харьковѣ, и готовъ былъ, какъ видно изъ его писемъ, сдѣлать все возможное, чтобы снова возвратиться въ это положеніе.

Затрудненіе, однако, вскорѣ устранилось. Благодаря стараніямъ и ходатайствамъ нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, пенсія, заслуженная Имшенецкимъ ранѣе и получавшаяся уже на службѣ въ университетѣ, была за нимъ сохранена и на службѣ въ званіи академика.

Отличаясь преданностью научнымъ интересамъ, Имшенецкій видѣлъ въ наукѣ не только предметъ для удовлетворенія пытливости своего ума, не только средство для достиженія возможно полнаго торжества человеческого духа надъ видимою природою: для него наука была своего рода божествомъ, которое онъ чтилъ беззаветно и которому служилъ благоговѣнно. Культъ этого божества даже въ его внѣшнихъ обрядовыхъ проявленіяхъ имѣлъ для него глубокой смыслъ и серьезное значеніе.

Понятно поэтому, съ какимъ чувствомъ смиренія передъ величіемъ науки вступилъ онъ въ первый разъ въ Академію, проникнутый благоговѣніемъ и удивленіемъ къ памяти ея знаменитыхъ дѣятелей прошедшихъ временъ и глубокимъ почтеніемъ къ ея современнымъ знаменитымъ представителямъ.

На другой день послѣ засѣданія физико-математическаго отдѣленія Академіи, бывшаго 27 апрѣля 1882 г., въ которомъ Имшенецкій присутствовалъ въ первый разъ, онъ писалъ въ частномъ письмѣ слѣдующее: „Вчера я въ первый разъ присутствовалъ въ очередномъ засѣданіи 1-го отдѣленія, и можете представить, что новичку было жут-

*

ко въ этой залѣ, украшенной бюстомъ Эйлера, и рядомъ съ разными тузами науки“.

Обладая, вообще, деликатною натурою и мягкимъ сердцемъ, будучи отзывчивъ на всякое выраженіе симпатіи и благожелательности и, въ то же время, чувствителенъ къ проявленіямъ сухости и недоступности тѣхъ, съ кѣмъ его сводила судьба, Имшенецкій всегда живо испытывалъ неловкость и стѣсненіе въ положеніи пришельца въ новыя для него общественныя сферы. На его счастье вблизи его почти всегда оказывались люди съ подобнымъ же складомъ характера, способные понять смущеніе его души и готовые его ободрить, обласкать и помочь выйти изъ того или другаго затрудненія. Въ Петербургѣ такимъ лицомъ былъ для него покойный вице-президентъ Академіи В. Я. Буняковскій, который, съ самаго вступленія Имшенецкаго въ Академію, относился къ нему въ высшей степени сердечно и покровительственно. Въ первомъ своемъ письмѣ изъ Петербурга въ Харьковъ Имшенецкій писалъ, между прочимъ: „Викторъ Яковлевичъ Буняковскій принялъ меня, какъ отецъ родной. Я просто очарованъ имъ. И съ какимъ сердечнымъ участіемъ онъ хлопоталъ по моему дѣлу о пенсіи“.

Первый годъ жизни въ Петербургѣ былъ для Имшенецкаго полонъ новыхъ задачъ и начинаній. Въ Академіи ему нужно было прежде всего присмотрѣться къ обычному теченію жизни этого первенствующаго ученаго учрежденія, ознакомиться съ его традиціями. Будучи, какъ мы видѣли ранѣе, въ своихъ убѣжденіяхъ вполне самостоятельнымъ, Имшенецкій, въ то же время, никогда не былъ склоненъ игнорировать то, что освящено временемъ и сложилось подъ вліяніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ его дѣятельности. Всякое новое теченіе признавалось имъ возможнымъ и полезнымъ только какъ такое, подъ дѣйствіемъ котораго на старыхъ обветшалыхъ формахъ создается новая жизнь съ задатками устойчивости и плодотворности ея отправленій. Вслѣдствіе этого онъ относился съ большимъ уваженіемъ къ тѣмъ порядкамъ Академіи, при которыхъ онъ въ нее вступилъ, и, не смотря на свои личныя симпатіи, счумѣлъ занять позицію внѣ всякихъ кружковъ и партій.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что ко времени вступленія Имшенецкаго въ Академію, прежняя партійность въ ея средѣ теряла уже почву, и такому тактичному и опытному человѣку, какимъ онъ былъ въ это время, не трудно было поставить себя въ нейтральное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное достоинства и значенія положеніе, которое и сохранилось за нимъ до его смерти.

На свое новое призваніе, равно какъ и на призваніе самой Академіи, Имшенецкій имѣлъ исполнѣ определенное воззрѣніе, проведенію котораго въ жизнь считалъ своимъ долгомъ служить неуклонно до конца дней своихъ. Позволимъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на изложеніи сущности этихъ воззрѣній, какъ дававшихъ главное направленіе всей его академической дѣятельности.

Русскій академикъ, содѣйствующій собственными научными трудами славл и величію своего отечества, исполняетъ, по мнѣнію Имшенецкаго, только часть того служенія, котораго въ правѣ ожидать отъ него все русское общество. Другая часть этого служенія должна состоять въ прямомъ воздѣйствіи на внѣшнія для Академіи общественныя сферы, разумѣтся, въ тѣхъ предѣлахъ, которые устанавливаются интересами науки.

Будучи первымъ свѣтильникомъ, разливающимъ въ нашемъ отечествѣ свѣтъ человѣческаго разума, Академія призвана не только украшать своимъ свѣтомъ его парадные апартаменты, но и, распространяя этотъ свѣтъ повсюду, привлекать къ себѣ всѣхъ, кто способенъ его увидѣть. Какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ представителей, Академіи есть верховный блюститель всего того, что дѣлается для науки и во имя науки кѣмъ-бы ни было и гдѣ-бы ни было.

Наука космополитична, но Академія Наукъ есть учрежденіе національное. Всѣ священнослужители служатъ одному Богу, но каждый въ отдѣльности призванъ приводить къ Богу свою паству, своихъ ближнихъ. Ближніе Академіи—всѣ труженики науки въ нашемъ отечествѣ. Видѣть ихъ дѣятельность, поощрять ее, отличать преуспѣвающихъ, направлять и привлекать къ совокупнымъ усиліямъ надъ рѣшеніемъ тѣхъ или другихъ задачъ науки есть, по мнѣнію Имшенецкаго, одно изъ существенныхъ назначеній Академіи.

Нельзя отрицать, что была эпоха въ жизни нашей Академіи, когда ея представители, будучи въ большинствѣ людьми чуждой русскому обществу національности и культуры, не смотря на свои блестящія заслуги въ наукахъ, не дѣлали ничего для установленія связи Академіи съ обществомъ и, содѣйствуя своими заслугами славл своего отечества, были отдѣлены отъ него почти непроницаемой стѣною. Такое положеніе дѣла Имшенецкій считалъ ненормальнымъ и, будучи увѣренъ, что оно отошло безвозвратно въ прошедшее, считалъ процвѣтаніе у насъ наукъ въ будущемъ обеспеченнымъ лишь при посредствѣ единенія всѣхъ научныхъ силъ подъ эгидою Академіи. Онъ не только твердо вѣрилъ въ осуществимость этого единенія, онъ его видѣлъ и, по мѣрѣ возможности и силъ, ему содѣйствовалъ. Увеличеніе у насъ

числа лицъ, самостоятельно трудящихся надъ развитіемъ наукъ и группирующихся около университетовъ въ различныя ученныя общества, являлось, по мнѣнію Имшенецкаго, залогомъ самобытной научной жизни въ нашемъ отечествѣ, а сближеніе этихъ научныхъ силъ, при помощи установившихся съ 60-хъ годовъ научныхъ съѣздовъ, сливало научныя стремленія въ общее теченіе, въ сторонѣ отъ котораго Академіи оставаться едва-ли было возможно.

Самъ Имшенецкій служилъ сближенію русскихъ ученыхъ съ Академіей, главнымъ образомъ, тѣмъ, что не оставлялъ не прочитаннымъ ничего изъ появлявшагося въ русской научной литературѣ изъ области чистой математики. Такимъ образомъ, онъ зорко слѣдилъ за всеми проявленіями у насъ талантовъ и научнаго знанія въ этой области и, считая несправедливымъ оставлять истинныя научныя заслуги безъ соотвѣтствующаго поощренія, дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы эти заслуги получали изъ среды Академіи признаніе и одобреніе.

Эта часть дѣятельности Имшенецкаго, какъ академика, потребовала, конечно, много времени и вовлекла его въ обширную научную переписку. Но онъ считалъ ее настолько важною, что не жалѣлъ о потраченномъ на нее времени и трудѣ.

Изучая труды другихъ съ указанною нами цѣлью, Имшенецкій относился къ авторамъ съ самой искренней благожелательностью, не былъ никогда придирчивъ къ формѣ, извинялъ случайныя погрѣшности и искалъ въ изучаемыхъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ, проявленія таланта и оригинальности. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ судьей, слишкомъ снисходительнымъ; бывали случаи, когда представленныя на премію сочиненія имъ не были одобряемы. Въ этихъ случаяхъ его отзывъ былъ кратокъ. Вообще отрицательная критика не соответствовала складу его характера, и онъ рѣшался на нее очень неохотно. Когда, въ самомъ началѣ его академической дѣятельности, два русскихъ ученыхъ, вступившіе между собою въ научный споръ по одному вопросу раціональной механики, пожелали посвятить его въ предметъ своего несогласія, то, разобравши добросовѣстно дѣло и откровенно изложивши въ письмѣ къ одному изъ нихъ свое безпристрастное сужденіе, онъ закончилъ это письмо словами: „Я желалъ бы, чтобы вы не увидѣли дурного побужденія въ предыдущихъ моихъ замѣчаніяхъ; они высказаны единственно по вашему же приглашенію. Самъ же я не имѣю призванія ни къ полемикѣ, ни къ критикѣ и расположенъ, напротивъ, съ теплымъ чувствомъ относиться къ самостоятельнымъ трудамъ нашихъ математиковъ“.

Только горячностью этого чувства можно объяснить то самоотверженіе, съ которымъ Имшенецкій оставлялъ въ сторонѣ свои собственныя занятія и принимался за изученіе предметовъ, которыми раньше никогда не интересовался. Сочиненія по геометріи, теоріи чиселъ, теоріи вѣроятностей изучались имъ съ такимъ же вниманіемъ, какъ и работы, имѣющія отношеніе къ его прежнимъ или текущимъ изслѣдованіямъ.

Въ 1884 году Имшенецкій получилъ отъ одного изъ нашихъ ученыхъ, бывшаго астронома-наблюдателя въ Казани П. С. Порѣцкаго, его только-что отпечатанный трактатъ по математической логикѣ, предмету, которымъ до того времени едва-ли кто интересовался у насъ болѣе чѣмъ поверхностно. Прочитавши значительную часть этого сочиненія, онъ писалъ автору, между прочимъ, слѣдующее: „Я приступилъ къ чтенію вашего послѣдняго большого трактата съ любопытствомъ, но не безъ опасенія, что едва-ли я буду въ состояніи слѣдить за вами. Мнѣ пріятно высказать, что никакихъ затрудненій я не встрѣтилъ до сихъ поръ и что интересъ къ предмету и къ мастерскому изложенію вашему чувствуется все болѣе, можно сказать, съ каждой прочитанной страницей....“ „Благодарю васъ, прибавляетъ онъ далѣе, за большую долю труда, который нельзя не признать значительнымъ и отраднымъ явленіемъ въ нашей литературѣ“.

Изъ дальнѣйшей переписки видно, что въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій физико-математическаго отдѣленія Академіи Имшенецкій представилъ трудъ Порѣцкаго при одобрительномъ устномъ отзывѣ.

Такихъ примѣровъ живого и дѣятельнаго участія къ трудамъ и интересамъ нашихъ ученыхъ, заброшенныхъ судьбою въ даль отъ научныхъ центровъ, можно указать въ жизни Имшенецкаго не мало.

Собственная научная производительность Имшенецкаго, какъ академика, выразилась рядомъ ученыхъ сочиненій и мемуаровъ, изъ которыхъ первый представленъ былъ имъ Академіи еще весною 1882 года, т. е. вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ. За этимъ первымъ докладомъ непрерывно слѣдовали другіе.

За все десятилѣтнее служеніе Академіи Имшенецкій напечаталъ въ ея изданіяхъ 11 своихъ работъ, изъ которыхъ не менѣе шести представляютъ собою большіе мемуары, а остальные пять суть статьи сравнительно меньшихъ размѣровъ. Кромѣ того, за это время имъ помѣщены въ разныхъ русскихъ повременныхъ изданіяхъ пять небольшихъ замѣтокъ, относящихся къ разнымъ частямъ математики.

Вообще, въ Петербургѣ Имшенецкій занимался науками далеко не такъ спокойно и непринужденно, какъ прежде, и относился къ это-

му дѣлу съ нѣкотораго рода горячностью и торопливостью. Будучи въ зимнее время обремененъ множествомъ случайныхъ порученій и служебныхъ дѣлъ, онъ старался наверстывать потерянное время въ теченіе лѣтнихъ каникулъ. На это время онъ удалялся обыкновенно со всей своей семьей по возможности дальше отъ столицы: въ Финляндію, на Ладожское озеро, а въ послѣдніе годы въ одинъ излюбленный всей семьей уединенный уголокъ Псковской губерніи, гдѣ мечталъ подъ старость водвориться окончательно. Онъ легко переносилъ нашу континентальную лѣтнюю жару, обыкновенно расслабляющую и отбивающую отъ занятій другихъ, и все лѣто продолжалъ, по его выраженію, крутить математическую нитку. Къ осени получался, большею частію, цѣлый мотокъ такихъ нитокъ въ видѣ законченнаго, тщательно проредактированнаго, а иногда даже аккуратно переписаннаго научнаго доклада. Не всегда, однако, ему удавалось это сдѣлать, такъ какъ и лѣтнее время приходилось иногда посвящать разсмотрѣнію и изученію сочиненій, представленныхъ на судъ Академіи, и составленію о нихъ отчетовъ.

Хотя работы Имшенецкаго, опубликованныя имъ въ Петербургскій періодъ его дѣятельности, относятся, какъ было сказано, къ разнымъ отдѣламъ математики, но самыя важныя изъ нихъ группируются все-таки около двухъ направленій, привлекавшихъ всего болѣе его мысли. Съ одной стороны его интересовали всегда такъ называемыя функціи Бернулли, въ теорію которыхъ онъ внесъ значительныя обобщенія вмѣстѣ съ любопытными приложеніями; съ другой—онъ стремился умножить и улучшить приемы интегрированія линейныхъ дифференціальныхъ уравненій, не входя въ изслѣдованіе свойствъ искомымъ интеграловъ внѣ зависимости отъ средствъ ихъ нахождения, изслѣдованіе, сдѣлавшееся въ послѣднее время главнымъ предметомъ трудовъ большинства западныхъ ученыхъ въ области линейныхъ дифференціальныхъ уравненій.

Одной изъ работъ этого послѣдняго направленія суждено было, какъ увидимъ ниже, сдѣлаться причиною не малыхъ огорченій автора въ послѣдній годъ его жизни.

Кромѣ произведеній Имшенецкаго, увидѣвшихъ свѣтъ при его жизни, были имъ задуманы, набросаны, но, къ сожалѣнію, не вполне окончены нѣкоторыя другія работы. Объ одной изъ этихъ работъ имъ было даже заявлено Академіи. Въ напечатанномъ въ Запискахъ Академіи протоколѣ засѣданія физико-математическаго отдѣленія, 11 сентября 1891 года, приведены замѣчанія Имшенецкаго на статью профессора Н. В. Бугаева: „Дробные частные интегралы дифференціальныхъ уравненій“, представленную имъ же, Имшенецкимъ, для напечатанія въ изданіяхъ Академіи. Въ концѣ этихъ замѣчаній говорится:

„По мнѣнію академика Имшенецкаго, способъ профессора Бугаева не устраиваетъ, для линейныхъ уравненій, приѣмовъ, предложенныхъ самимъ академикомъ Имшенецкимъ, короче ведущихъ къ цѣли и заключающихъ указанія, когда искомое рѣшеніе невозможно. Кромѣ того академикъ Имшенецкій надѣется показать примѣненіе тѣхъ же приѣмовъ къ одному интересному классу уравненій нелинейныхъ“.

Надежда эта не осуществилась по отношенію къ Академіи, но предварительное сообщеніе о примѣненіи приѣмовъ Имшенецкаго къ нѣкоторымъ нелинейнымъ дифференціальнымъ уравненіямъ было имъ сдѣлано въ засѣданіи Петербургскаго математическаго общества 16-го сентября того-же года.

Въ бумагахъ Имшенецкаго найдена послѣ его смерти рукопись, содержащая, какъ видно изъ нѣкоторыхъ частныхъ писемъ автора, изложеніе предмета названнаго сообщенія и носящая заглавіе: „Сравненіе способа проф. Н. В. Бугаева съ другими приемами разысканія рациональныхъ дробныхъ рѣшеній дифференціальныхъ уравненій“. Самое это заглавіе показываетъ, что рукопись должна представлять, хотя въ нѣкоторой степени, осуществленіе намѣренія, заявленнаго Имшенецкимъ Академіи при представленіи статьи профессора Бугаева. Въ концѣ 1893 года она была напечатана въ „Сообщеніяхъ Харьковскаго Математическаго Общества“ вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ другой редакціи того же изслѣдованія ¹⁾, а въ началѣ 1894 года издателемъ былъ напечатанъ „Комментарій“ къ этому изслѣдованію покойнаго ученаго, въ которомъ, между прочимъ, разъясняется связь между обѣими редакціями и отношеніе этой, очевидно, недоконченной работы Имшенецкаго къ другимъ его произведеніямъ ²⁾.

Немало находится въ бумагахъ Имшенецкаго и другихъ набросковъ болѣе или менѣе оригинальныхъ мыслей, но едва-ли можно vybrать изъ нихъ такіе, которые представляли бы достаточно разработанныя научныя замѣтки. Только одна замѣтка элементарнаго содержанія найдена въ совершенно законченномъ видѣ и напечатана также въ „Сообщеніяхъ Харьковскаго Математическаго Общества“ ³⁾.

Ученый, академикъ—Имшенецкій никогда не переставалъ быть прежде всего человекомъ. Чуткій по природѣ къ нуждамъ и интересамъ другихъ, онъ не былъ склоненъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, считать предметы своихъ научныхъ размышленій исключаящими инте-

¹⁾ См. „Сообщенія Харьк. Мат. Общ.“, 2-я сер., т. IV, стр. 60—80.

²⁾ Тамъ-же, т. IV, стр. 150—160.

³⁾ 2-я серія, т. III, стр. 257—262.

речь ко всему остальному. Всѣ, кто обращался къ нему за совѣтомъ или помощью, не получали отказа. Все, что составляло предметъ заботъ для учреждений и лицъ, среди которыхъ судьба поставила Имшенецкаго, тагъ или иначе привлекало на себя его вниманіе, и не нужно было много усилій, чтобы это вниманіе перешло въ дѣятельное сотрудничество.

Понятно, что въ Петербургѣ, при этомъ складѣ характера, Имшенецкій не могъ оставаться въ сторонѣ отъ текущихъ дѣлъ какъ самой Академіи, такъ и близкихъ къ ней сферъ интеллектуальной жизни. Задачи, выдвигаемыя этой жизнью, втягивали его одна за другою все въ новые и новые труды. Одинъ перечень предметовъ его занятій за время пребыванія въ Петербургѣ въ званіи академика потребуеъ не мало мѣста. Правда, большая часть этихъ дѣлъ принадлежитъ къ числу академическихъ (таковы, напр., устройство временнаго управленія Николаевской главной астрономической обсерваторіи, замѣщеніе вакантныхъ академическихъ должностей, присужденіе премій, выработка правилъ для премій, вновь учреждаемыхъ, предположеній о частичномъ измѣненіи академическаго устава и т. п.); однако, не мало было и такихъ, которыя, будучи дѣлами науки и просвѣщенія, имѣли лишь отдаленное отношеніе къ Академіи или вовсе ея не касались. Особенно много потрудился Имшенецкій надъ задачами, составлявшими временныя порученія министерства народнаго просвѣщенія.

Введеніе новаго устава университетовъ совершилось около того времени, когда началась академическая дѣятельность Имшенецкаго. Тѣмъ новымъ распоряжкамъ, которые съ этою перемѣною вносились въ жизнь университетовъ, онъ мало сочувствовалъ. Онъ, какъ мы видѣли, былъ сторонникомъ устава университетовъ 1863 года и тѣхъ его началъ, которыя, признавая за университетами живую органическую силу, предоставляли этимъ организмамъ ростъ на собственныхъ корняхъ. Но онъ не былъ упрямымъ поклонникомъ излюбленной идеи, враждующимъ съ неосуществляющею эту идею дѣйствительностью; онъ всегда мирился съ совершившимся фактомъ и готовъ былъ, вслѣдъ за несбывшимися надеждами, трудиться при новыхъ наличныхъ условіяхъ надъ созданіемъ порядка, наиболѣе плодотворнаго.

Этимъ объясняется то, что въ 1885 году Имшенецкій съ большою охотой принялъ на себя порученіе министра участвовать въ выработкѣ правилъ испытанія въ государственныхъ комиссіяхъ.

Еще ранѣе того онъ содѣйствовалъ выработкѣ проекта учрежденія эмеритально-пенсіонной кассы для народныхъ учителей; затѣмъ участвовалъ въ организаціонномъ комитетѣ съѣзда по техническому и про-

фессіональному образованію. Впослѣдствіи же, въ теченіе четырехъ лѣтъ подъ рядъ, онъ принималъ на себя обязанности предсѣдателя физико-математическихъ испытательныхъ комиссій при университетахъ Харьковскомъ (въ 1889 г.), Петербургскомъ (въ 1890 г.) и Московскомъ (въ 1891 и 1892 годахъ).

Всѣ эти дѣла поглощали не мало времени, тѣмъ болѣе, что исполнялись съ большою внимательностью и добросовѣстностью. Черновые бумаги, оставшіяся послѣ смерти Имшенецкаго, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этой добросовѣстности. Обширные доклады его, чуждые затѣлаго духа формальной канцелярщины, полны свѣжихъ мыслей и оригинальныхъ взглядовъ человѣка убѣжденнаго, старающагося внести въ дѣло жизнѣдѣтельное плодотворящее начало.

Съ оставленіемъ кѣредры въ Харьковскомъ университетѣ прекратилась для Имшенецкаго его официальная педагогическая дѣятельность, въ которой онъ, можно сказать, былъ неподражаемъ и по искусству изложенія и по нравственному воздѣйствію. По складу своего характера, по природнымъ талантамъ и потребностямъ, по добросердечію и любви къ юношеству, онъ былъ рожденъ для того, чтобы раскрывать предъ юношами прелести и силу знанія и привлекать младшихъ своихъ собратій къ служенію наукѣ. Этому мы находимъ множество свидѣтельствъ, одно другого убѣдительнѣе.

Вступивши въ Академію и отдавшись всецѣло новымъ своимъ обязанностямъ, онъ не имѣлъ сперва времени и случая примѣнить свои дарованія на обычномъ для него доголѣ поприщѣ. Вскорѣ, однако, онъ почувствовалъ искреннее сожалѣніе, что оставилъ это поприще и неоднократно выражалъ это въ письмахъ къ своимъ друзьямъ. Чтобы удовлетворить своей склонности, онъ могъ, конечно, въ виду дѣйствующаго устава университетовъ, открыть курсъ лекцій въ Петербургскомъ университетѣ въ качествѣ сторонняго преподавателя, но, будучи крайне деликатенъ и не желая быть назойливымъ, онъ не хотѣлъ сдѣлать этого шага по своей собственной инициативѣ. Изъ университетской же среды, сколько намъ извѣстно, ни разу не было сдѣлано попытки воспользоваться его педагогическою опытностью и талантомъ, вѣроятно, потому, что наличный комплектъ штатныхъ профессоровъ и приват-доцентовъ былъ вполнѣ достаточенъ для обезпеченія факультетскаго преподаванія.

Совершенно въ другой, неофициальной средѣ представился Имшенецкому случай осуществить свое главное призваніе, а именно въ средѣ, гдѣ по новості дѣла и отсутствію какъ хорошихъ, такъ и плохихъ традицій, услуги опытнаго и доброжелательнаго руководителя

были всего нужнѣе. Въ 1884 году его пригласили преподавать на высшихъ женскихъ курсахъ.

Всегда сочувствовавшій открытію доступа къ высшему научному образованію для молодыхъ интеллектуальныхъ силъ изъ среды женщинъ, Имшенецкій еще въ 70-хъ годахъ хлопоталъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими товарищами по университету, о разрѣшеніи учредить подобныя же курсы въ Харьковѣ. Понятно, что и въ Петербургѣ онъ отнесся къ сдѣланному предложенію не только съ обычною ему благосклонностью, но и съ твердою вѣрою въ успѣхъ дѣла. Согласившись сперва читать только одинъ предметъ по два часа въ недѣлю, онъ вскорѣ расширилъ въ значительной мѣрѣ область своего преподаванія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благотворнаго вліянія на занятія слушательницъ, а затѣмъ сдѣлался предсѣдателемъ педагогическаго совѣта физико-математическаго отдѣленія курсовъ.

По единодушному признанію какъ руководителей, такъ и руководимыхъ въ этомъ дѣлѣ, Имшенецкій не жалѣлъ для него своего труда, талантовъ и вліянія и былъ незамѣнимымъ наставникомъ и покровителемъ. Начальница курсовъ Н. В. Стасова, оцѣнивая дѣятельность Имшенецкаго, какъ предсѣдателя совѣта, писала, между прочимъ:

„Тутъ его потери глубоко чувствуется: каждое его предложеніе, каждый совѣтъ былъ всегда и со всѣхъ сторонъ обдуманъ и чрезвычайно полезенъ, а съ 1889 года, когда, по преобразованіи высшихъ женскихъ курсовъ, было уничтожено преподаваніе естественныхъ наукъ, Василій Григорьевичъ много разъ обращался къ г. министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о возобновленіи преподаванія этихъ наукъ“.

Что же касается вліянія Имшенецкаго на самихъ слушательницъ, то о немъ Н. В. Стасова говоритъ слѣдующее: „Василій Григорьевичъ своимъ глубокимъ знаніемъ, талантливымъ преподаваніемъ и безконечною любовью къ дѣлу умѣлъ приковывать вниманіе всей аудиторіи и заставлять всецѣло полюбить свой предметъ; а его, если можно такъ выразиться, поэтическое изложеніе увлекало за собой всѣ умы молодыхъ слушательницъ и заставляло работать и изучать предметъ со всѣмъ пыломъ молодости“.

То же самое свидѣлствуютъ и сами слушательницы. Приводимъ слова одной изъ нихъ, прослушавшей у Имшенецкаго полный курсъ.

„Василій Григорьевичъ, пишетъ она, обладалъ необыкновенною ясностью изложенія; читалъ всегда живо, свободно. Лекціи его всегда были богаты примѣрами, указаніями приложеній даннаго вопроса. Въ его изложеніи идея всякаго вопроса сразу была ясна, какъ бы вопросъ

самъ по себѣ ни представлялся труднымъ для учащихся. Его оживлен-ное бодрое настроеніе всегда дѣйствовало соответствующимъ образомъ на аудиторію; чувствовалось всегда, что онъ любитъ свой предметъ и что чтеніе лекцій доставляетъ ему удовольствіе. Лекціи его имѣли на насъ большое развивающее вліяніе. Самъ онъ не разъ говорилъ намъ: „Наше дѣло не только сообщить вамъ извѣстную сумму знаній, но развить васъ, научить приемамъ математическихъ изслѣдованій, познакомить съ методами“.

Какъ ни проста и общеизвѣстна эта характеристика всякаго высшаго научнаго преподаванія, но то, что она запада въ умъ учащихся и приписывается, какъ выразительная особенность преподаванія, одному опредѣленному лицу, показываетъ, что далеко не всѣ педагоги владѣютъ умѣньемъ поселать въ сознаніи учащихся основныя цѣли занятія высшими науками.

„Особенно цѣнили мы въ Васильѣ Григорьевичѣ, пишетъ далѣе та же слушательница, то довѣріе, которое онъ имѣлъ къ нашимъ силамъ, къ нашимъ знаніямъ. Какъ въ году, такъ и на экзаменахъ, онъ всегда былъ требователенъ, а это доказывало, что онъ серьезно относился къ дѣлу и видѣлъ въ нашемъ желаніи заниматься не одно убиваніе времени....“ „Всѣ мы глубоко благодарны Василю Григорьевичу за все, что онъ намъ далъ, а далъ онъ многое; ему мы обязаны всѣмъ нашимъ развитіемъ....“

Никто не станетъ отрицать, что это живое изображеніе приемовъ и особенностей преподаванія, это непосредственное, ничѣмъ не вынужденное и дышащее правдою заявленіе благодарности учащихся учителю, рисуетъ образъ Имшенецкаго, какъ преподавателя, самыми яркими и живыми красками.

Для полной характеристики Имшенецкаго, какъ педагога, для подтвержденія нашихъ словъ, что въ этомъ своемъ призваніи онъ былъ неподражаемъ, приведемъ еще свидѣтельство о томъ, каковъ онъ былъ по отношенію къ студентамъ, когда былъ профессоромъ. Для этого воспользуемся воспоминаніемъ одного изъ его слушателей въ Харьковскомъ университетѣ, появившемся въ мѣстной харьковской газетѣ вскорѣ послѣ смерти Имшенецкаго.

„Всѣ лекціи В. Г. Имшенецкаго, говорится въ этомъ воспоминаніи, были направлены къ тому, чтобы слушатели безукоризненно-ясно и отчетливо понимали и представляли то, что имъ читается; и я не знаю примѣра, гдѣ бы эта цѣль достигалась такъ полно, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ студентовъ, которые исправно посѣщали его лекціи....“ „Этимъ результатомъ Имшенецкій всецѣло былъ обязанъ своему лектор-

скому таланту; болѣе яснаго, понятнаго, отчетливаго изложенія предмета намъ не приходилось слышать. Къ его лекціямъ какъ нельзя болѣе примѣнимо грубое выраженіе: объясняетъ, какъ въ ротъ кладеть. Но у него вовсе не было привычки разжевывать то, что и само собою понятно; онъ не топтался на одномъ мѣстѣ, въ его лекціяхъ не было ни одного слова лишняго. Иногда, оканчивая выводъ какой-нибудь теоремы, онъ оборачивался отъ доски, на которой писалъ мѣломъ, къ слушателямъ и пристально смотрѣлъ на нихъ своими постоянно улыбающимися глазами. Если на лицахъ слушателей В. Г. замѣчалъ какое-либо недоумѣніе, онъ какимъ-то особымъ чутьемъ угадывалъ источникъ этого недоумѣнія и тотчасъ же разъяснял его, никогда не намекая, что онъ проникъ въ тайну своихъ слушателей. „Здѣсь надо разъяснить происхожденіе вотъ этой формулы“, говорилъ В. Г., подчеркивая ее мѣломъ, „она получена такъ...“; и Имшенецкій повторялъ и дополнял свои объясненія, лица студентовъ прояснялись, а добродушно-ироническая улыбка, никогда не сходявшая съ устъ В. Г., становилась шире и веселѣе“.

„Читая такой предметъ, какъ теоретическую механику, конечно, трудно сообщить своему изложенію какія-либо стилистическія красоты и еще труднѣе блеснуть какимъ-либо перломъ краснорѣчія или вставить то, что французы называютъ *mots*. Словомъ, выраженіе „увлекательное чтеніе“ плохо вяжется съ представленіемъ о математикѣ и механикѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, опредѣленіе *увлекательное* съ полнымъ правомъ могло-бы быть примѣнено къ чтенію Имшенецкаго. Онъ читалъ какъ-то такъ, что слушателей завлекалъ самый процессъ полученія какой-либо выводимой формулы или доказательства какой-либо теоремы. „А ну, что выйдетъ изъ всѣхъ этихъ преобразованій и выкладокъ?“—вотъ вопросъ, который умѣлъ поддерживать В. Г. въ умѣ своихъ слушателей въ продолженіи всей лекціи“.

„Не преувеличивая можно сказать, что въ изложеніи своей науки В. Г. доходилъ до виртуозности; труднѣйшіе вопросы теоретической механики въ его чтеніи казались совершенно легкими. И Имшенецкій, повидимому, самъ чувствовалъ, что онъ читаетъ превосходно; иногда, исписавъ всѣ доски въ аудиторіи и получивъ искомый выводъ, онъ взглядывалъ на слушателей и, убѣдившись, что все понятно, окидывалъ написанное на доскахъ такимъ взглядомъ, какимъ смотритъ художникъ, довольный нарисованной имъ картиной“.

При своемъ превосходномъ чтеніи Имшенецкій, какъ видно изъ предыдущихъ строкъ, умѣлъ сливать свои интересы съ интересами слушателей, переживать съ ними минуты, такъ сказать, общей умственной

жизни. Эта интимная солидарность учителя съ учениками, доказывающая, что Имшенецкій служилъ дѣлу преподаванія и умомъ и сердцемъ, всего лучше обрисовывается въ его дѣйствіяхъ въ качествѣ экзаменатора.

Въ только-что цитированныхъ нами воспоминаніяхъ находимъ на этотъ родъ педагогической дѣятельности Имшенецкаго слѣдующія указанія.

„Никогда онъ (Имшенецкій) не предлагалъ никакихъ замысловатыхъ вопросовъ, никогда не придирался къ случайнымъ ошибкамъ, не ставилъ даже въ вину, если экзаменующійся забывалъ ходъ математическихъ преобразованій и выкладокъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ прямо напоминалъ отвѣчающему то, что ему пришлось забыть, но очень цѣнилъ, если тотъ, подумавши, самъ выходилъ изъ затрудненія. Очень цѣнилъ онъ также въ экзаменуемомъ всякій, самый даже незначительный проблескъ самостоятельной работы, всякое проявленіе, такъ сказать, математической догадливости. Если отвѣчающій рѣшалъ какую-нибудь задачу, хотя-бы самую простую, *своимъ* способомъ, если при выводѣ какой-либо теоремы экзаменующійся употреблялъ гдѣ-нибудь, хотя-бы въ ничтожной подробности, оригинальный, имъ самимъ придуманный, приемъ—это доставляло В. Г. огромное удовольствіе. Вообще, онъ былъ совершенно свободенъ отъ благоговѣнія къ собственному курсу, къ собственнымъ „запискамъ“; для него было совершенно безразлично, по какому руководству готовился студентъ, лишь-бы онъ зналъ предметъ“.

Въ заключеніе тѣхъ же воспоминаній указывается еще одна характерная черта отношеній Имшенецкаго къ своимъ слушателямъ: „Онъ никогда не популярничалъ и не заискивалъ въ своихъ слушателяхъ; если не ошибаюсь, личныхъ семейныхъ знакомствъ со студентами у него не было. Но всякому, кто обращался къ нему съ какимъ-либо научнымъ вопросомъ, или кто желалъ заниматься самостоятельно, В. Г. оказывалъ самую дѣятельную помощь и не жалѣлъ для него ни времени, ни трудовъ“.

Наилучшій и наиболее убѣдительный документъ, характеризующій Имшенецкаго, какъ экзаменатора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его отношенія къ учащейся молодежи вообще,—это коллективное письмо къ нему нѣсколькихъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Новочеркасской классической гимназіи и подвергавшихся испытанію зрѣлости въ его присутствіи, какъ депутата отъ начальства учебнаго округа. Изъ этого письма мы видимъ, что, не смотря на непродолжительность времени, въ теченіе котораго молодые люди должны были пережить свою страдную пору на глазахъ этого высокаго для нихъ авторитета, этого со-

вершенно незнакомаго имъ лица, присланнаго начальствомъ для повѣрки ихъ званій, между ними и этимъ лицомъ успѣло образоваться что-то вродѣ дружбы, какое-то полное довѣрія и искренности взаимное сочувствіе и благожелательство.

Позволяемъ себѣ воспроизвести это письмо вполнѣ. Оно написано по полученіи фотографическихъ карточекъ Имшенецкаго, посланныхъ имъ вслѣдствіе настоятельной просьбы экзаменовавшихся.

„Съ чувствомъ искренней благодарности, такъ начинается это посланіе, получили мы ваши карточки и сохранимъ ихъ, какъ дорогую для насъ память. Онѣ всегда будутъ напоминать намъ черты вашего лица, выражающаго глубокую мысль, благородную доброту и сочувствіе къ учащейся молодежи. Не думайте, что отъ насъ ускользнули тѣ перемѣны, которыя происходили въ вашемъ лицѣ во время нашего экзамена зрѣлости; мы видѣли, какъ лицо ваше оживлялось, когда кто-нибудь изъ насъ разумно, сознательно и хорошо отвѣчалъ на ваши исполненные глубокой мысли, хотя и простые по формѣ вопросы, которыми вы желали вызвать не одинъ результатъ памяти, но убѣдиться въ самостоятельности мышленія и развитія ученика; равнымъ образомъ мы замѣчали выраженіе нѣкотораго сострадательнаго смущенія въ лицѣ вашемъ, когда въ тревожномъ настроеніи духа, весьма часто невольномъ при обстановкѣ и мысли о рѣшающемъ участъ экзаменѣ, отвѣчающій терялся и не сразу или сбивчиво отвѣчалъ на предложенный вопросъ“.

„Мы съ признательностью замѣчали, какъ вы искали, посредствомъ вопросовъ вашихъ, узнать не то, чего ученикъ не знаетъ, а то, что онъ знаетъ, дабы посредствомъ новыхъ, генетически связанныхъ вопросовъ вызвать въ умѣ то, что ему казалось какъ-бы незнакомымъ и что ваши вопросы дѣлали ему яснымъ“.

„Да, глубокоуважаемый Василій Григорьевичъ, мы считаемъ себя счастливыми, что начальство университета избрало на нашу долю такого достойнаго представителя науки, какъ вы. Ваше недолговременное пребываніе среди насъ навсегда утвердило ¹⁾ насъ въ томъ, что истинная наука неразлучна съ благородствомъ, гуманностью и снисходительностью“.

„Примите увѣреніе въ искреннемъ сочувствіи къ свѣтлой личности вашей отъ нижеподписавшихся благодарныхъ воспитанниковъ, нынѣ окончившихъ курсъ, Новочеркасской гимназіи“.

---

¹⁾ Вѣроятно, это слово употреблено по ошибкѣ, вмѣсто *убѣдило*.

„Чувства, одушевляющія насъ, раздѣляютъ и прочіе товарищи, теперь отсутствующіе“¹⁾).

Если даже допустить, что это письмо написано не безъ нѣкаго вліянія или подсказа со стороны ближайшихъ руководителей, то все-таки остается несомнѣннымъ полное согласіе приведенныхъ строкъ съ дѣйствительными чувствами и мыслями подписавшихся юношей.

Приходится заключить, что для учащейся молодежи Имшенецкій былъ поистинѣ „добрый пастырь“ и что онъ высоко держалъ передъ юношами свѣтильникъ науки, увеличивая его блескъ своимъ нравственнымъ на нихъ воздѣйствіемъ.

За пять мѣсяцевъ до смерти Имшенецкій былъ назначенъ профессоромъ въ Петербургскомъ технологическомъ институтѣ и тѣмъ получилъ возможность снова стать лицомъ къ лицу съ ищущими точныхъ знаній молодыми людьми. Это чрезвычайно его обрадовало, и онъ приступилъ вновь къ хорошо знакомымъ ему обязанностямъ профессора съ бодростью и энергіей молодого ученаго, впервые вступающаго на кафедру. Къ великому сожалѣнію и, смѣемъ думать, въ большой ущербъ интересамъ учащихся, эта бодрость была тою вспышкой священнаго огня, которая предвѣщала близость внезапнаго его угасанія.

Не имѣя въ Петербургѣ учениковъ, Имшенецкій не могъ, конечно, завязать и тѣхъ интеллектуальныхъ и нравственныхъ связей, которыя возможны только между двумя ближайшими генераціями служителей науки и имѣютъ всѣ признаки семейныхъ узъ. Тѣмъ не менѣе, добрыя отношенія устанавливались у него всюду, какъ внутри научныхъ сферъ, такъ и внѣ ихъ. Своими сослуживцами по Академіи онъ былъ уважаемъ и цѣнимъ. О томъ же, съ какимъ глубокимъ почтеніемъ къ своимъ новымъ сотоварищамъ вступилъ онъ въ академическую среду, было упомянуто нами выше.

Большинство петербуржцевъ, преданныхъ математическимъ наукамъ, профессоровъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а также и молодыхъ людей, выступающихъ на научное поприще, скоро также сдѣлались хорошими знакомыми Имшенецкаго, и если въ характерѣ этого знакомства и не было признаковъ интимности, то все же общіе интересы науки сближали всѣхъ и заставляли cadaго видѣть въ другихъ желанныхъ сотоварищей и собесѣдниковъ. На почвѣ этого знакомства образовались мало по малу научныя бесѣды, изъ которыхъ потомъ возникло Петербургское Математическое Общество.

¹⁾ Письмо оканчивается девятью подписями.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“ III вып., 1895 г.

Не подлежит сомнію, что однимъ изъ главныхъ факторовъ, обусловливавшихъ возникновеніе математическаго общества въ Петербургѣ, такъ же какъ за двѣнадцать лѣтъ ранѣе въ Харьковѣ, была личность Имшенецкаго, его научная общительность, его всегдашняя готовность послужить общему научному дѣлу и его, если такъ можно выразиться, организаторская способность въ коллективныхъ научныхъ предпріятіяхъ.

Конечно, и до пріѣзда Имшенецкаго въ средѣ научныхъ силъ Петербурга, посвященныхъ наукамъ математическимъ не было полной разрозненности. Высокіе научные авторитеты, профессора, стяжавшіе громкую и справедливую извѣстность какъ профессорскою, такъ и ученою дѣятельностью, стягивали вокругъ себя новобранцевъ науки и какъ естественные родоначальники, и какъ вдохновители. По внѣшности такое стремленіе молодежи къ центральной руководящей силѣ выражается обыкновенно въ собраніяхъ у учителя на-дому. Это, такъ сказать, научно-родственное, патриархальное единеніе въ высшей степени симпатично и, безъ сомнія, полезно, но, въ то же время, оно примитивно и въ самомъ себѣ заключаетъ помѣху для болѣе широкой, менѣе зависимой и болѣе устойчивой организаціи. Со смертью учителя его школа, большею частію, разбредается; въ рѣдкихъ случаяхъ на смѣну Сократа является Платонъ, а Платона уже обыкновенно никто не замѣняетъ.

Въ болѣе современномъ духѣ понималъ научное единеніе Имшенецкій. Какъ скоро стремленіе къ этому единенію казалось ему вполне выясненнымъ, онъ старался дать ему такой исходъ, при которомъ всѣ участвующіе были бы въ равной степени независимы. Онъ даже избѣгалъ собраній у себя или у кого-либо на-дому и, для засѣданій новаго кружка математиковъ, выхлопоталъ помѣщеніе въ одномъ изъ учрежденій Академіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ сторонникомъ строгой регламентаціи отношеній и, при возникновеніи новаго научнаго сообщества, спѣшилъ урегулировать его дѣятельность выработкою устава. Самъ онъ никогда не навязывалъ себя въ вожаки и не желалъ главенствовать. Если во многихъ случаяхъ, какъ это было въ Харьковѣ и въ первое время въ Петербургѣ, жезлъ руководителя оказывался въ его рукахъ, то это происходило вовсе не вслѣдствіе его честолюбивыхъ стремленій. Было уже сказано выше, что это выходило само собою, какъ результатъ его личныхъ преимуществъ, заключавшихся въ энергіи, постоянствѣ, любви къ порядку и твердой вѣрѣ въ пользу и успѣхъ общаго дѣла.

Какъ ни странно, но приходится признать, что даже у представителей такихъ отвлеченныхъ и точныхъ наукъ, какъ математическія, многія понятія объ однихъ и тѣхъ же предметахъ трудно приводятся

къ соглашенію, если эти понятія вырабатывались при разныхъ условіяхъ, подъ дѣйствиємъ различныхъ традицій и вліяній. Стремленіе Имшенецкаго дать возникающему Петербургскому Математическому Обществу прочную организацію съ опредѣленно намѣченными цѣлями не всѣми правильно было понято и не всѣми, имѣвшими желаніе и право участвовать въ этомъ дѣлѣ, по достоинству оцѣнено. Происшедшія несогласія повлекли за собою, какъ слѣдствіе, нѣкоторое охлажденіе отношеній между членами новаго общества и его главнымъ инициаторомъ и радѣтелемъ. Когда же въ собраніи 16 ноября 1891 года, при обсужденіи 1-го параграфа устава общества, окончательно выяснились различія во взглядахъ на цѣли общества и Имшенецкій остался въ меньшинствѣ, то онъ счелъ своимъ долгомъ сложить съ себя обязанности предсѣдателя.

Заканчивая свое письмо, содержащее отказъ отъ предсѣдательства, Имшенецкій говоритъ: „Несмотря на упомянутое выше противорѣчіе во взглядахъ на цѣль Математическаго Общества въ Петербургѣ, я навсегда сохраню искреннее сочувствіе къ проявленіямъ его научной дѣятельности и благодарное воспоминаніе о томъ, что оно довѣрило мнѣ, въ качествѣ предсѣдателя, общее руководство своими дѣлами въ первый годъ своего существованія“.

Кто хорошо зналъ Имшенецкаго, тотъ можетъ поручиться, что это не простыя галантныя фразы, а одно изъ правдивыхъ выраженій всегдашней готовности покойнаго ученаго посторониться безъ гнѣва и озлобленія на пути, хотя-бы имъ самимъ пролагаемомъ, чтобы дать свободу дѣйствій для другихъ.

Какъ бы то ни было, размолвка съ Математическимъ Обществомъ произошла, и это не мало печалило Имшенецкаго.

Стараясь выикнуть во внутреннія, такъ сказать, коренныя причины этой размолвки, мы склонны видѣть ихъ отчасти въ самой натурѣ Имшенецкаго, поддающейся, по многимъ ея особенностямъ, вполне безошибочной оцѣнкѣ только при достаточномъ съ нимъ сближеніи. Въ самомъ дѣлѣ, будучи крайне сдержанъ въ проявленіи своихъ чувствъ и мнѣній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнуть уваженіемъ къ своему нравственному достоинству, не имѣющимъ, впрочемъ, ничего общаго съ самовозвеличеніемъ, Имшенецкій всегда держалъ себя нѣсколько величаво и торжественно. Издали эта манера держать себя казалась многимъ проявленіемъ утонченной надменности. Въ то же время, постоянная бдительность Имшенецкаго къ самому себѣ и привычка стоять на сторожѣ каждаго своего слова и поступка дѣлала продолжительное пребываніе въ его обществѣ для людей, не приучившихъ себя къ подобной же дисциплинѣ, тягостнымъ и стѣснительнымъ.

*

Но что особенно вредило Имшенецкому во мнѣніи лицъ, не успѣвшихъ убѣдиться въ его крайнемъ добросердечіи и доброжелательности, это почти не сходявшая съ его лица, при спокойномъ настроеніи духа, тонкая, едва замѣтная улыбка ¹⁾).

Мы уже видѣли, что для слушателей Имшенецкаго эта улыбка представлялась добродушно-ироническою. Но для тѣхъ, кто смотрѣлъ на него не съ тою же довѣрчивостью, съ какою смотрять ученики на учителя, эта улыбка часто казалась болѣе ироническою, чѣмъ добродушною, а въ иныхъ случаяхъ, если тому подавались поводы, и имѣющею нѣкоторый отгвнокъ язвительности.

Не мало создала эта улыбка для Имшенецкаго скрытыхъ недруговъ и недоброжелателей.

Какъ бы въ вознагражденіе за утрату согласія и взаимной довѣрчивости съ петербургскими математиками, Имшенецкій около того же времени сошелся близко и дружественно съ большинствомъ ученыхъ, принадлежавшихъ Московскому Математическому Обществу.

По поводу этого проф. П. А. Некрасовъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Имшенецкомъ, между прочимъ, слѣдующее:

....„Ближе всего узналъ я В. Г. Имшенецкаго въ послѣдніе два года его жизни, когда онъ весной 1891 года и весной 1892 года на болѣе продолжительные сроки пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ предсѣдательствовалъ въ физико-математической испытательной комиссіи и гдѣ постигла его смерть, поразившая всѣхъ своею неожиданностью“.

„Въ эти пріѣзды его въ Москву между нимъ и московскими математиками установилось взаимное сочувствіе“.

„Московскіе математики, давно знавшіе В. Г. Имшенецкаго, какъ выдающагося русскаго ученаго, узнали его теперь, какъ чловѣка чуткаго, отзывчиваго, и полюбили его. Отъ него не вѣяло односторонностью узкаго спеціалиста; соприкосновеніе съ нимъ обнаруживало въ немъ различныя свойства его души, уравновѣшенныя и проявлявшіяся всегда сдержанно“.

„Экзаменующіеся въ физико-математической комиссіи съ своей стороны также привыкли питать въ отношеніи В. Г. Имшенецкаго чувство особеннаго уваженія, которое обуславливалось не однимъ только авторитетнымъ положеніемъ В. Г. Имшенецкаго. Они видѣли въ немъ лицо, которое, хотя и предъявляло къ нимъ безусловно строгія требованія въ извѣстныхъ необходимыхъ границахъ, но которое, въ

---

¹⁾ Къ сожалѣнію, ни на одномъ изъ фотографическихъ портретовъ не сохранилось достаточно выразительнаго отпечатка этой улыбки.

то же время, глубоко входило въ существо ихъ справедливыхъ интересовъ и переживало съ ними тревоги за эти интересы“.

„Но настроеніа В. Г. Имшенецкаго, въ которыхъ московскіе математики наблюдали его въ 1891 году и потомъ въ 1892 году, имѣли различный характеръ; и причина этого различія скрывалась частію въ обстоятельствахъ его петербургской жизни, частію въ свойствахъ его крайне чувствительнаго темперамента“.

„Настроеніе духа В. Г. Имшенецкаго въ маѣ 1891 года было вполне бодримъ и свѣжимъ. Болѣе тѣсное соприкосновеніе его съ кругомъ московскихъ ученыхъ, знакомыхъ ему лишь издали, подогрѣвало его надежды на будущность русской науки. Въ этотъ періодъ времени онъ не разъ говорилъ о сближеніи русскихъ ученыхъ съ Академіей Наукъ, высказывалъ желаніе, чтобы русскіе ученые сами не чуждались ей, присылали свои ученые труды для ея изданій. Въ немъ жила вѣра въ возможность этого сближенія и готовность на дѣлѣ содѣйствовать ему“.

Этого бодрого настроенія уже не было, когда Имшенецкій пріѣзжалъ въ Москву въ 1892 году. Въ этотъ пріѣздъ, по словамъ проф. Некрасова, въ немъ наблюдалось, напротивъ, угнетенное и утомленное настроеніе духа. Изъ писемъ самого В. Г. и свидѣтельства близкихъ ему лицъ видно, однако, что это было не только время утомленія, но время жгучихъ тревогъ и волненій. Его глубоко волновала и беспокоила своеобразная во формѣ и непонятная по своимъ цѣлямъ критика нѣкоторыхъ его произведеній.

Мы уже говорили, что въ петербургскій періодъ своей ученой дѣятельности Имшенецкій работалъ торопливо и, дорожа каждой минутой времени, удѣляемаго въ большой долѣ на дѣла, постороннія предметы его собственныхъ изысканій, спѣшилъ публиковать эти изысканія, не доводя ихъ часто до той степени обработки и совершенства, въ какой имѣлъ обыкновеніе выпускать въ свѣтъ свои произведенія въ молодости.

Такимъ, имѣющимъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ характеръ эскиза, пронаведеніемъ была, между прочимъ, его статья, напечатанная въ 1887 году въ LV-мъ томѣ Записокъ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: „Общій способъ нахождения рациональныхъ дробныхъ частныхъ интеграловъ линейныхъ уравненій съ рациональными коэффициентами“.

Предметъ этой статьи не новъ; имъ занимался Ліувилль еще въ 1832 году въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ, посвященныхъ нахожденію алгебраическихъ интеграловъ отъ алгебраическихъ функцій. Но замѣчательно, что и Ліувилль, какъ и Имшенецкій, не посвятилъ этому

предмету столько вниманія, сколько онъ самъ по себѣ заслуживаетъ. Въ смыслѣ содѣйствія дальнѣйшимъ успѣхамъ науки Ліувилль поступилъ, по нашему мнѣнію, всего менѣе удачно. Онъ придалъ слишкомъ много значенія подробностямъ вопроса при разсмотрѣніи простѣйшихъ случаевъ, когда данное дифференціальное уравненіе есть 1-го или 2-го порядка, а такъ какъ эти подробности при повышеніи порядка уравненія умножаются и усложняются до чрезвычайности, то идти по пути Ліувилля къ выработкѣ общихъ правилъ вычисленія, примѣнимыхъ къ уравненіямъ какой угодно степени, не представлялось никакой возможности. Пуассонъ, дававшій отчетъ о сочиненіи Ліувилля Парижской Академіи Наукъ, указывалъ на этотъ недостатокъ, но объяснял его трудностями, лежащими въ самомъ существѣ вопроса. Понятно, что послѣ этого замѣчанія не могло быть много охотниковъ устранять какими-либо приемами неустранимыя ничѣмъ трудности. Произошло, такимъ образомъ, то, что Ліувилль, при всей своей проникательности и глубокомыслии, и самъ не исчерпалъ вопроса до конца и другимъ помѣшалъ это сдѣлать.

Имшенецкій приписалъ, повидимому, замѣчанію Пуассона лишь условное значеніе, имѣющее силу только по отношенію къ изложенію Ліувилля. Этимъ объясняется, почему онъ взялся за вопросъ съ самаго начала и представилъ его въ новой обработкѣ. Мы не станемъ останавливаться здѣсь на особенностяхъ изложенія Имшенецкаго; объ этомъ уже говорилось не мало въ нашей научной литературѣ послѣднихъ трехъ лѣтъ. Но замѣтимъ только, что къ изложенію этому уже не примѣнимо замѣчаніе Пуассона какъ въ смыслѣ указанія недостатковъ, такъ и въ смыслѣ объясненія усматриваемыхъ въ вопросѣ трудностей.

Такимъ образомъ, вопросъ, снятый какъ-бы съ очереди и давно уже забытый, былъ оживленъ, благодаря Имшенецкому, и поставленъ имъ на новый ходъ.

Послѣдствія показали, что отъ этого произошла только польза для науки, такъ какъ послѣ смерти Имшенецкаго вопросъ получилъ полную и всестороннюю разработку. Но прежде чѣмъ это случилось, именно въ 1892 году, т. е. около пяти лѣтъ спустя послѣ появленія въ печати работы Имшенецкаго, нѣсколько петербургскихъ ученыхъ сочли нужнымъ выступить съ открытымъ противъ нея порицаніемъ.

Можно допустить, конечно, что это нападеніе на трудъ Имшенецкаго само содѣйствовало разъясненію вопроса и, можетъ быть даже, дѣлалось съ этимъ расчетомъ. Но никто не станетъ отрицать, что это не прямое, а лишь косвенное воздѣйствіе на прогрессъ науки и, какъ таковое, могло имѣть не одни только желаемыя послѣдствія.

Само по себѣ нападеніе петербургскихъ ученыхъ ничего положительнаго, кромѣ настаиванія на удовлетворительности приѣмовъ Ліувилля, не представляло, а между тѣмъ, въ томъ видѣ, какъ оно было сдѣлано, именно въ видѣ посланія къ Московскому Математическому Обществу, оно, естественно, должно было казаться Имшенецкому оскорбительнымъ и направленнымъ исключительно ко вреду его ученаго имени. Понятно поэтому, въ какомъ взволнованномъ настроеніи онъ долженъ былъ вступить весною 1892 года въ среду московскихъ математиковъ, которымъ только-что подана была аппеляція на одно изъ его произведеній.

Протоколы засѣданій Московскаго Математическаго Общества, напечатанные въ XVI и XVII томахъ „Математическаго Сборника“, вмѣстѣ съ соответствующими приложениями даютъ достаточное понятіе объ этомъ необычномъ столкновеніи на попріщѣ науки. Изъ нихъ мы видимъ, между прочимъ, что осужденіе работы Имшенецкаго имѣло въ нѣкоторой степени смыслъ вызова или загадки, такъ какъ сопровождалось примѣромъ, не поддающимся, по мнѣнію критиковъ, приѣмамъ Имшенецкаго и, въ то же время, легко рѣшающимся приѣмами Ліувилля ¹⁾.

Можетъ быть, Имшенецкій сдѣлалъ бы лучше всего, если бы отвѣтилъ на этотъ вызовъ спокойнымъ молчаніемъ. Но онъ былъ глубоко убѣжденъ во всеобъемлющемъ значеніи своего способа и оставлять въ другихъ на этотъ счетъ сомнѣніе, такъ же какъ предоставлять другимъ защиту своего дѣла, считалъ для себя непозволительнымъ.

Въ засѣданіи Московскаго Математическаго Общества, бывшемъ 19 мая 1892 года, онъ сдѣлалъ устный докладъ по спорному вопросу. Это было, повидимому, предварительное сообщеніе его возраженій, такъ какъ въ бумагахъ его не сохранилось никакихъ слѣдовъ точной ихъ формулировки. Префессору П. А. Некрасову мы обязаны приблизительнонымъ воспроизведеніемъ этого сообщенія ²⁾.

Насколько это вынужденное состязаніе было для Имшенецкаго тягостно, можно судить по тому взволнованному состоянію духа, въ которомъ онъ находился, идя въ упомянутое засѣданіе. Видя это волненіе, его вторая дочь, пріѣхавшая вмѣстѣ съ нимъ въ Москву, старалась успокоить и развлечь его своимъ разговоромъ, сопровождая его до самаго входа въ зданіе университета, гдѣ происходило засѣданіе.

По всей вѣроятности мысли Имшенецкаго и послѣ названнаго засѣданія продолжали вращаться около того же предмета, какъ недокон-

---

¹⁾ См. Матем. Сборн., т. XVII, стр. 389.

²⁾ См. тамъ же, стр. 391—398.

ченнаго еще непріятнаго дѣла и не переставали его беспокоить. Но этому безпокойству скоро насталь неожиданный конецъ.

Въ ночь на 24 мая, ложась спать, Имшенецкій вдругъ упалъ поперекъ кровати безъ чувствъ и сознанія, не успѣвъ позвать къ себѣ на помощь. Только слабый хрипъ привлекъ вниманіе находившейся въ со-сѣдной комнатѣ его дочери. Призванный немедленно врачъ констати-ровалъ смерть отъ паралича сердца.

Нужно думать, что организмъ покойнаго ученаго носилъ въ себѣ уже нѣсколько лѣтъ какой-то недостатокъ, который и былъ коренною причиною мгновеннаго пресѣченія повидимому нормальной и полной силъ жизни. Родные и близкіе друзья Имшенецкаго знали, что онъ былъ подверженъ припадкамъ внезапнаго удушья, случавшимся съ нимъ во время сна, и потому старались не оставлять его на ночь въ квар-тирѣ одного. Еще въ пріѣздъ его въ Харьковъ въ 1889 году онъ, по настоянью родственниковъ, приглашалъ къ себѣ въ гостинницу, въ ко-торой квартировалъ, одного изъ служителей университета для нѣкото-раго рода ночного при немъ дежурства. Въ два же послѣдніе года его жизни его сопровождала въ обѣ поѣздки въ Москву одна изъ его уже взрослыхъ дочерей. Что же касается ближайшихъ причинъ того, что натянута, но непрочная, нить жизни наконецъ порвалась, то ихъ мо-жетъ быть очень много и дѣлать объ этомъ какіи-либо предположенія совершенно бесполезно.

Научныя заслуги В. Г. Имшенецкаго были при его жизни при-знаны въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и высоко оцѣнены какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Самымъ значительнымъ возданіемъ за эти заслуги и, въ то же время, самымъ убѣдительнымъ ихъ доказательствомъ служить, конечно, избраніе его въ ординарные академики. Кроме того, онъ былъ избранъ въ почетные члены двухъ нашихъ университетовъ — Кіевскаго въ 1884 году и Харьковскаго въ 1888 году. Онъ былъ чле-номъ нѣсколькихъ русскихъ ученыхъ обществъ, а именно: почетнымъ членомъ Харьковскаго Математическаго и Московскаго Общества Лю-бителей Естествознанія и проч., дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Математическаго, Казанскаго Общества Естествоиспытателей и Казан-скаго Физико-Математическаго. Нѣкоторыя общества западной Европы также считали его въ числѣ своихъ членовъ. Но особеннымъ доказа-тельствомъ того, какъ цѣнилась его научная дѣятельность заграницей, служить то вниманіе, какое было оказано западными учеными его со-чиненіямъ по теоріи дифференціальныхъ уравненій съ частными про-изводными, которыя были переведены на французскій и нѣмецкій язы-ки и цитировались въ систематическихъ курсахъ и учебникахъ. Его

работы, относящіяся къ функціямъ Бернулли, также получили широкую извѣстность.

Будущее покажетъ, какое мѣсто должно принадлежать Имшенецкому, какъ ученому, среди его современниковъ. Не рискуя, однако, впасть въ большую ошибку, можно утверждать, что это мѣсто должно быть одно изъ видныхъ и почетныхъ. Но если теперь еще не настала пора для подведенія окончательныхъ итоговъ въ дѣлѣ служенія Имшенецкаго наукѣ, то необходимо, по крайней мѣрѣ, констатировать нѣкоторыя жизненныя, такъ сказать, особенности этого служенія, которыя не внесены въ специальное содержаніе ученыхъ мемуаровъ и которыя могутъ сохраниться только въ жизнеописаніи, какъ подтверждающіяся фактами жизни и безпристрастными свидѣтельствами.

Говоря коротко, служеніе Имшенецкаго интересамъ науки можетъ быть названо по преимуществу общественнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ другіе ученые, поднявшись въ своихъ изысканіяхъ на наивысшія вершины отвлеченнаго знанія, часто перестаютъ видѣть что-либо кромѣ себя и науки, Имшенецкій всегда видѣлъ передъ собою пользу общую и на свой трудъ смотрѣлъ, какъ на часть общаго дѣла. Для него было важно прежде всего то, чтобы наука росла въ глубь и ширь, а будетъ-ли этотъ приростъ достигнуть его собственными усиліями или трудами другихъ, составляло для него вопросъ второстепенной важности. Вслѣдствіе этого онъ, какъ мы это уже видѣли выше, съ необыкновенною симпатією и теплымъ ободряющимъ чувствомъ относился къ дѣятельности начинающихъ ученыхъ; вслѣдствіе этого онъ съ большою предупредительностью подавалъ помощь и не скупился на нравственныя поощренія труженикамъ науки, работающимъ въ глуши провинціи и въ одиночку; вслѣдствіе же этого онъ всегда стремился сплотить ученыхъ и поставить ихъ въ условія взаимнаго поощренія и взаимопомощи, обезпечивающія, по его мнѣнію, наиболѣе вѣрный и наиболѣе прямой путь къ расширенію научныхъ знаній. Этимъ же, если можно такъ выразиться, научнымъ альтруизмомъ объясняется и его взглядъ на задачи Академіи Наукъ и тотъ образъ дѣйствій, который онъ себѣ усвоилъ въ качествѣ дѣятельнаго органа этого учрежденія.

Въ собственныхъ ученыхъ занятіяхъ Имшенецкаго и во всѣхъ его научныхъ произведеніяхъ видны прежде всего скромность передъ заслугами другихъ, отсутствіе чрезмѣрной увѣренности въ своихъ силахъ и смиреніе передъ величіемъ науки.

Никогда онъ не задавалъ себѣ плановъ слишкомъ широкихъ, никогда не мечталъ о созданіи какихъ-либо новыхъ вѣтвей знанія, о про-

ложеніи новыхъ путей или новыхъ направленій въ наукѣ. Онъ тщательно изучалъ знаменитыхъ творцовъ науки, великихъ классиковъ математическаго анализа, до предѣловъ, передъ которыми они остановились, и, полный удивленія къ плодотворности созданныхъ ими методовъ, шелъ по ихъ стопамъ и считалъ себя счастливымъ, если могъ прибавленіемъ новыхъ камней къ начатому уже зданію содѣйствовать его завершенію и для послѣдующихъ труженниковъ науки пріобрѣсти новыя точки опоры. Своимъ ученикамъ, своимъ научнымъ друзьямъ онъ не задавалъ темъ, не ставилъ въ примѣръ себя, не приглашалъ ихъ работать вмѣстѣ съ собою. Онъ указывалъ имъ, какъ на истинныхъ вдохновителей, какъ на достойнѣйшіе примѣры для подражанія, на праотцевъ науки: Эйлера, Лагранжа, Гаусса и т. п. и всѣ пути, ведущіе къ расширенію человѣческихъ познаній, считалъ требующими эксплуатаціи.

Самая научная общительность Имшенецкаго, его стремленіе къ сплоченію ученыхъ въ общества, имѣеть въ своемъ основаніи его научную скромность, обусловливающую отсутствіе въ немъ увѣренности въ неоспоримыхъ достоинствахъ и безошибочности его единоличнаго труда. Пройдя почти весь жизненный путь, не болѣе какъ за два мѣсяца до смерти, онъ писалъ профессору Н. В. Бугаеву, между прочимъ, слѣдующее:

„Всю жизнь стараясь работать по мѣрѣ силъ, я давно убѣдился, что только общій коллективный трудъ ученыхъ можетъ надѣяться быть безошибочнымъ или, по крайней мѣрѣ, стремиться къ такому совершенству. Притязаніе на научную непогрѣшимость граничить съ сумасшествіемъ“.

Говоря объ огорченіяхъ, испытанныхъ Имшенецкимъ незадолго до смерти, профессоръ П. А. Некрасовъ въ своихъ воспоминаніяхъ изображаетъ слѣдующими словами его душевныя качества:

„Въ этихъ огорченіяхъ его (Имшенецкаго), какъ и въ тѣхъ, которыя въ избыткѣ приходилось ему переживать въ болѣе ранніе годы его дѣятельности, высказались его личныя свойства и качества. По этимъ свойствамъ онъ принадлежалъ къ разряду людей, предназначенныхъ судьбою болѣе къ тому, чтобы испытывать страданія, чѣмъ къ тому, чтобы устроить себѣ личное довольство, оградить себя разными орудіями борьбы. По свойствамъ своего кроткаго характера, по качествамъ своей души, деликатной, чуткой, воспріимчивой и сдержанной, В. Г. Имшенецкій не былъ даже созданъ для той жизненной борьбы за существованіе, въ которой беретъ перевѣсъ болѣе смѣлый въ выборѣ средствъ. Напротивъ, сила его была главнымъ образомъ нравственная и умственная—и внѣ сферы дѣйствія этой силы его богато-одаренная,

но нѣжная организація нуждалась въ томъ, чтобы ее оберегали отъ бурныхъ жизненныхъ столкновений. Самъ В. Г. Имшенецкій, безъ сомнѣнн, сознавалъ въ себѣ эти свойства и потому избѣгалъ личныхъ столкновений, доводилъ въ этомъ отношеніи свою осторожность до предѣловъ крайней терпѣливости. Оберегая, какъ святыню, лишь нравственное свое достоинство, онъ предпочиталъ лучше переносить личные обиды, дѣлать возможныя уступки въ личныхъ выгодахъ, чѣмъ вступать въ личные столкновения“.

„Но, не смотря на такія свойства своего характера, В. Г. Имшенецкій не избѣгалъ выступать настойчивымъ защитникомъ всякаго дѣла, отстоять которое онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ. При такихъ обстоятельствахъ поступки его иногда имѣли въ себѣ всѣ черты нравственныхъ подвиговъ, ибо чѣмъ менѣе склонился онъ къ нравственнымъ уступкамъ, тѣмъ болѣе уступалъ онъ въ личныхъ выгодахъ“.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще нѣкоторыя черты характера В. Г. Имшенецкаго.

По своему темпераменту онъ былъ скорѣе всего сангвиникъ; всѣ новыя впечатлѣнія вызывали въ немъ быструю реакцію. Въ особенности это замѣчалось, когда что-либо задѣвало его самолюбіе или вообще касалось неприязненно предметовъ, имѣвшихъ для него высокую нравственную цѣну. Но эта реакція никогда не проявлялась бурно. Не смотря на свой горячій характеръ, Имшенецкій всегда умѣлъ во время овладѣть собою и не давалъ возможности внутреннему приливу гнѣва или раздраженія вырваться наружу. Въ этомъ сказывалась не столько его природная сила воли, сколько сознательно выработанная привычка управлять собою и бдительно оберегать свои дѣйствія отъ всего неодобряемаго разумомъ и правилами нравственности.

Обладая, какъ было замѣчено, чувствительнымъ самолюбіемъ во всемъ, что касалось его личнаго достоинства, Имшенецкій былъ чуждъ самолюбія ложнаго, часто заставляющаго людей предпочитать свое чужому безъ всякой причины, уважительной съ болѣе или менѣе объективной точки зрѣнія. Если на ряду съ его мнѣніемъ выставлялось мнѣніе противоположное, онъ не отказывался взвѣснить и обсудить его совершенно такъ же, какъ и свое собственное, и всякое его преимущество признавалъ охотно и откровенно. Если ему случалось, защищая свое мнѣніе, зайти слишкомъ далеко и самому задѣть неосторожно самолюбіе другого, то онъ спѣшилъ какъ можно скорѣе исправить свой невѣрный шагъ, какъ только его замѣчалъ, былъ признателенъ тому, кто этому содѣйствовалъ, и никогда не стыдился попросить извиненія за причиненную неприятность.

Было уже сказано, что Имшенецкій не былъ властолюбивъ. Какъ во всѣхъ сообществахъ и кружкахъ, такъ и въ собственной семьѣ онъ избѣгалъ быть единоличнымъ распорядителемъ. Въ семьѣ ему принадлежала роль какъ бы конституціоннаго монарха; признавая за собою всю отвѣтственность за ея благосостояніе и долгъ окончательнаго распоряженія ея судьбою, онъ, въ то же время, во всѣхъ важныхъ вопросахъ, касающихся ея матеріальныхъ или нравственныхъ интересовъ, придавалъ рѣшающее значеніе семейному совѣту, въ которомъ, конечно, наиболѣе значительный голосъ, послѣ него самого, принадлежалъ его супругѣ, всегда проникнутой высокими гуманными идеями и непоколебимой въ своихъ нравственныхъ принципахъ. Непримиимаго разногласія въ этомъ совѣтѣ не могло, впрочемъ, и быть, потому-что убѣжденіями В. Г. Имшенецкаго были проникнуты всѣ члены его семьи, такъ же какъ и чувствами тѣсной дружбы, любви и взаимнаго довѣрія.

Болѣе 30 лѣтъ Имшенецкій пользовался тихимъ семейнымъ счастьемъ, и ни изъ его писемъ, ни изъ его личныхъ сношеній нельзя заключить, чтобы когда-либо это счастье было чѣмъ-нибудь возмущено. Не будучи, однако, идеалистомъ, онъ не считалъ это счастье даромъ случайнымъ и какъ на себя самого, такъ и на всѣхъ другихъ членовъ семьи, возлагалъ обязанность дѣлать все возможное, чтобы его создать и охранять. Еще въ молодыхъ годахъ, наслаждаясь розовою порою своей семейной жизни, онъ писалъ изъ Парижа своему другу И. А. Износкову, передъ его вступленіемъ въ бракъ: „Вы, конечно, въ качествѣ идеалиста составили себѣ идеалъ семейной жизни, который желаете осуществить. Я ограничусь замѣчаніемъ, что подобные идеалы или фальшивы, или неосуществимы, и пожелаю вамъ лучше сдумать устроить хорошую семейную жизнь изъ тѣхъ данныхъ, которыя представляются при комбинаціи характеровъ вашего и вашей подруги“.

Смерть В. Г. Имшенецкаго была для его семьи внезапно разразившимся громовымъ ударомъ, чувствительнѣе всего поразившимъ его супругу, которая пережила его только на пять мѣсяцевъ.

Примѣръ энергичнаго, неослабнаго служенія высшимъ нравственнымъ и умственнымъ интересамъ общества, примѣръ яснаго пониманія и честнаго исполненія своего гражданскаго долга—вотъ главное и лучшее наслѣдіе, которое оставили своимъ дѣтямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ своимъ ближнимъ эти высокостойные люди, эти такъ быстро другъ за другомъ угасшіе истинные свѣтильники міру.

Списокъ трудовъ академика В. Г. Имшенецкаго.

1. „О разложеніи въ безконечные ряды множителей функций: $\sin x$, $\cos x$, $\operatorname{sh} x$, $\operatorname{csh} x$, и проч.“. Кандидатская диссертация, удостоенная награжденія золотою медалью.—Напечатана не была.
2. „О функцияхъ равносторонней гиперболы и круга“. Казань, 1863, in 8°, 19 стр.—Напечатано въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“ за 1862 г., вып. 2-й.
3. „Способъ трилинейныхъ координатъ въ примѣненіи къ точкѣ и прямой линіи“. Казань, 1863, in 8°, 25 стр.—Напечатано въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“ за 1862 г., вып. 2-й.
4. „Объ интегрированіи уравненій съ частными производными перваго порядка“. Разсужденіе, написанное для полученія степени магистра чистой математики. Казань, 1865, in 8°, IV+172 стр.—Напечатано въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“ за 1864 г., вып. 2-й, стр. 1—172.
5. „Конечное интегрированіе одного вида уравненій съ частными производными посредствомъ введенія канонической системы переменныхъ“. Казань, 1866, in 8°, 10 стр.—Напечатано въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“ за 1866 г., томъ II, стр. 5—14.
6. „Исслѣдованіе способовъ интегрированія уравненій съ частными производными втораго порядка функции двухъ независимыхъ переменныхъ“. Казань, 1868, in 8°, 160 стр.—Напечатано въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета“ за 1868 г., томъ IV, вып. 3-й и 4-й, стр. 111—264.
7. „Sur l'intégration des équations aux dérivées partielles du premier ordre“. Traduit du russe par J. Hoüel. Paris, 1869, in 8°, 197 стр.—Напечатано въ „Archiv der Mathematik und Physik“ v. J. A. Grunert, t. L, 1869, p. 278—474.
8. „О функцияхъ Я. Бернуллі и выраженіи разности между однопредѣльными суммою и интеграломъ“. Казань, 1871, in 8°, 22 стр.—Напечатано въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Универс.“ за 1870 г., вып. 3-й и 4-й, стр. 245—265.
9. „Sur les fonctions de Jacques Bernoulli et sur l'expression de la différence entre une somme et une intégrale de mêmes limites“. 1871, in 4°, 17 p.—Напечатано въ „Giornale di Matematica“, t. IX, 1871.

10. „Etude sur les méthodes d'intégration des équations aux dérivées partielles du second ordre d'une fonction de deux variables indépendantes“. Traduit du russe par J. Hoüel.—Greifswald, 1872, in 8°, 152 p.—Напечатано въ „Archiv der Mathematik und Physik“ v. J. A. Grunert, t. LIV, 1872, p. 209—360¹⁾.

11. „Дифференціальное вычисленіе съ собраніемъ примѣровъ для упражненій И. Тотгента.—Переведено съ англійскаго и дополнено приложеніями къ геометріи пространства трехъ измѣреній“. С.-Петербургъ, 1873, in 8°, XIV+468+112 стр.

12. „Note sur le rapport anharmonique du plan de courbure C en un point quelconque P d'une ligne L d'intersection de deux surfaces quelconques S_1 et S_2 , des plans tangents A et B à ces surfaces en ce même point P , et du plan D mené par l'intersection des plans A , B , C “. Bruxelles (Liège) 1873, in 8°, 5 p.—Напечатано въ „Mémoires de la Société Royale des sciences de Liège“. 2-e série, t. V, 1873.

13. „Общій способъ интегрированія двухъ совмѣстныхъ уравненій съ частными производными перваго порядка двухъ функцій отъ двухъ независимыхъ переменныхъ“. Москва, 1874, in 8°, 9 стр.—Напечатано въ „Математическомъ Сборн.“, т. VII, вып. 2-й, 1874, стр. 206—214.

14. „Интегрированіе одной системы уравненій“. Москва, 1876, in 8°, 23 стр.—Напечатано въ „Математическомъ Сборникѣ“, т. VIII, вып. 2-й, стр. 254—276.

15. „Application des expressions complexes imaginaires à la formation de certains systèmes complètement intégrables d'équations canoniques et d'équations aux dérivées partielles“. Paris, 1876, in 8°, 22 p.—Напечатано въ „Bulletin des sciences math. et astr. rédigé par Darboux et Hoüel, t. XI, 1876, p. 162—183.

16. „Note sur les équations aux dérivées partielles“. Liège, 1878, in 8°.—Напечатано въ „Mémoires de la Société Royale des sciences de Liège“. 2-e série, t. VII, 1878.

17. „Опредѣленіе силы, движущей по коническому сѣченію матеріальную точку, въ функціи ея координатъ“. Харьковъ, 1879, in 8°, 11 стр.—Напечатано въ „Сообщеніяхъ Харьковскаго Математическаго Общества“ за 1879 г., вып. 1-й, стр. 5—15, (1-я серия).

18. „Задача: раздѣлить площадь данной трапеціи на n равно-великихъ частей прямыми, параллельными двумъ ея параллельнымъ сторонамъ“. Харьковъ, 1879, in 8°, 7 стр.—Напечатано въ „Сообщеніяхъ

¹⁾ Переводъ этого сочиненія на нѣмецкій языкъ изданъ г. Maser'омъ, 20 лѣтъ спустя, въ видѣ приложенія къ книгѣ: „Theorie der partiellen Differentialgleichungen erster Ordnung v. Dr. Paul Mansion“. Berlin, 1892.

Харьковскаго Математическаго Общества“ за 1879 г., вып. 1-й, стр. 25—31, (1-я серія).

19. „Каноническія дифференціальныя уравненія гибкой нерастяжимой нити и брахистохроны въ случаѣ потенциальныхъ силъ“. Харьковъ, 1880, in 8°, 38 стр.—Напечатано въ „Сообщеніяхъ Харьк. Математич. Общества“ за 1880 г., вып. 1-й, стр. 18—33 и 53—74, (1-я серія).

20. „Линейныя дифференціальныя уравненія 2-го порядка, интегрируемыя посредствомъ множителя (по поводу сообщенія г. Грендоржа)“. Харьковъ, 1880, in 8°, 5 стр.—Напечатано въ „Сообщеніяхъ Харьк. Математ. Общества“ за 1880 г., вып. 1-й, стр. 48—52, (1-я серія).

21. Détermination en fonction des coordonnées de la force qui fait mouvoir un point matériel sur une section conique“. Bordeaux, 1880, in 8°, 10 p.—Напечатано въ „Mémoires de la Société des sciences physiques et naturelles de Bordeaux“, t. IV, (2-e série), 1 cahier, p. 31—40.

22. „Начала Евклида съ пояснительнымъ введеніемъ и толкованіями орд. проф. М. Е. Ващенко-Захарченко“, (извлеченіе изъ рецензіи J. Houel'я). Харьковъ, 1881, in 8°, 7 стр. . Напечатано въ „Сообщеніяхъ Харьк. Матем. Общ.“ за 1880 г., вып. 2-й, стр. 129—135, (1-я серія).

23. „Sur le multiplicateur des équations différentielles linéaires du 2-e ordre“ (à propos d'une note de M. J. Graindorge). Bruxelles, 1881, in 8°, 5 p.—Напечатано въ „Mémoires de la Société Royale des sciences de Liège“, 2-e série, t. IX.

24. „Замѣтка о функціяхъ комплекснаго переменнаго“. Харьковъ, 1881, in 8°, 15 стр.—Напечатано въ „Сообщеніяхъ Харьк. Математич. Общества“ за 1880 г., вып. 2-й, стр. 173—187, (1-я серія).

25. „Замѣна переменныхъ, какъ способъ для разысканія интегрирующаго множителя дифференціального уравненія и какъ средство для пониженія порядка системы дифференціальныхъ уравненій“. Харьковъ, 1882, in 8°, 17 стр.—Напечатано въ „Сообщеніяхъ Харьк. Математич. Общества“ за 1881 г., вып. 1-й, стр. 3—19, (1-я серія)¹⁾.

26. „Распространеніе на линейныя уравненія вообще способа Эйлера для изслѣдованія всѣхъ случаевъ интегрируемости одного частнаго вида линейныхъ уравненій второго порядка“. С.-Петербургъ, 1882, in 8°, 21 стр.—Напечатано въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“, т. XLII, стр. 1—21.

---

¹⁾ Эта статья представляетъ извлеченіе изъ переписки В. Г. Имшенецкаго съ проф. университета Св. Владиміра В. П. Ермаковичъ, и хотя опубликована отъ имени послѣдняго, но тѣмъ не менѣе изъ содержанія ея видно, что это есть изслѣдованіе, произведенное одновременно обоими учеными. Безъ указанія на это изслѣдованіе списокъ трудовъ покойнаго В. Г. Имшенецкаго былъ-бы не полонъ.

27. „О неравенствахъ, ограничивающихъ величину опредѣленнаго интеграла отъ произведенія функцій“. Харьковъ, 1883, in 8°, 11 стр.—Напечатано въ „Сообщеніяхъ Харьковскаго Матем. Общ.“ за 1882 г., вып. 2-й, стр. 99—109, (1-я серія):

28. „Къ воспоминанію объ А. Θ. Поповѣ“. Казань, 1883, in 8°, 5 стр.—Напечатано въ „Протоколахъ Физико-Математической секціи Общества Естествоиспытателей“ при Казанскомъ университетѣ.

29. „Sur la généralisation des fonctions de Jacques Bernoulli“. St.-Petersbourg, 1883, in 4°, 57 p.—Напечатано въ „Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pét.“ VII série, t. XXXI, № 11.

30. „О связи основныхъ свойствъ эллиптическихъ интеграловъ и функцій со свойствами эллипса и нѣкоторыхъ его преобразованій“. С.-Петербургъ, 1884, in 8°, 43 стр.—Напечатано въ „Запискахъ Имп. Академіи Наукъ“, т. XLVIII, прилож. № 5.

31. „О нѣкоторыхъ приложенияхъ общихъ функцій Бернулли“. С.-Петербургъ, 1886, in 8°, 62 стр.—Напечатано въ „Запискахъ Имп. Академіи Наукъ“. т. LII, прилож. № 2.

32. „Sur la transformation d'une équation différentielle de l'ordre pair à la forme d'une équation isopérimétrique“. St.-Petersbourg, 1886, in 8°, 14 p.—Напечатано въ „Bulletin de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pét.“ t. XXXI, p. 283—292.

33. „Общій способъ нахождения рациональныхъ дробныхъ частныхъ интеграловъ линейныхъ уравненій съ рациональными коэффициентами“. С.-Петербургъ, 1887, in 8°, 55 стр.—Напечатано въ „Запискахъ Имп. Академіи Наукъ“. т. LV, прилож. № 9.

34. „Дополненіе теоріи и одно приложеніе общаго способа нахождения рациональныхъ дробныхъ рѣшеній линейныхъ дифференціальныхъ уравненій съ рациональными коэффициентами“. С.-Петербургъ, 1888, in 8°, 28 стр.—Напечатано въ „Запискахъ Имп. Акад. Наукъ“. т. LVIII, стр. 1—28.

35. „Элементарный выводъ закона большихъ чиселъ теоріи вѣроятностей“. Харьковъ, 1888, in 8°, 6 стр.—Напечатано въ „Сообщеніяхъ Харьк. Матем. Общества“: 2-я серія, т. I, вып. 1-й, стр. 1—6.

36. „Mémoire sur l'intégration des équations différentielles symétriques“. St.-Petersbourg, 1889, in 4°, 38 q.—Напечатано въ „Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pét.“, VII série, t. XXXVII, № 1.

37. „Замѣтка о геометрическомъ значеніи формулы Эйлера для приближеннаго вычисленія квадратуръ“. С.-Петербургъ, 1890, in 8°, 8 стр.—Напечатано въ „Запискахъ Имп. Акад. Наукъ“. т. LXII, стр. 45—52.

38. „Новое аналитическое доказательство параллелограмма силъ“. Харьковъ, 1890, in 8°, 6 стр.—Напечатано въ „Сообщенiяхъ Харьк. Матем. Общества“. 2-я серiя, т. II, вып. 3-й, стр. 108—113.

39. „О нѣкоторыхъ случаяхъ интегрированiя дифференциальныхъ уравненiй помощiю подстановки, подобной той, которая употребляется при интегрированiи уравненiй въ частныхъ производныхъ“. (Сообщенiе на VIII създѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ 5-го января 1890 года).—Напечатано въ „Трудахъ създа“, отд. I, стр. 47—53.

40. „Замѣтка о дифференциальныхъ линейныхъ уравненiяхъ, интегрируемыхъ посредствомъ общихъ гиперболическихъ синусовъ“. Москва, 1891, in 8°, 9 стр.—Напечатано въ „Математич. Сборникъ“, т. XVI, вып. 1-й, стр. 177—185.

41. „Интегрированiе линейныхъ однородныхъ уравненiй посредствомъ частныхъ рѣшенiй другихъ уравненiй того же вида и порядка равнаго или меньшаго“. С.-Петербургъ, 1891, in 8°, 47 стр.—Напечатано въ „Запискахъ Имп. Академiи Наукъ“, т. LXIV, прилож. № 8.

42. „Рѣшенiе уравненiй четвертой степени на основанiи симметричнаго омографическаго соотношенiя, существующаго между его корнями“. Харьковъ, 1893, in 8°, 6 стр.—Напечатано (послѣ смерти автора) въ „Сообщенiяхъ Харьк. Мат. Общ.“, 2-я серiя, т. III, стр. 257—262.

43. „Сравненiе способа проф. Н. В. Бугаева съ другими приѣмами разыскиванiя рациональныхъ дробныхъ рѣшенiй дифференциальныхъ уравненiй“. Харьковъ, 1893, in 8°, 21 стр.—Напечатано (послѣ смерти автора) въ „Сообщенiяхъ Харьк. Математ. Общества“, 2-я серiя, т. IV, стр. 60—80.

Опытъ исторіи Харьковскаго университета.

Д. И. Багалъя.

Томъ I-й.

III-я ГЛАВА.

Университетское самоуправленіе.

(Продолженіе).

Дольше всѣхъ держались вожди — Дюгуровъ и Шадъ, но и они ушли въ 1816 году; другіе стали уѣзжать еще раньше. Роммель выражалъ удовольствіе, что ему удалось уѣхать во время изъ Россіи и избавиться отъ послѣдствій того руссофильства, которое въ ней поднялось (съ 1812 г.). Онъ же сообщаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ рѣшили покинуть Харьковъ и проф. Дегуровъ, при чемъ оба они кромѣ руссофильства еще спасались отъ опаснаго нездороваго харьковскаго климата, жертвою котораго недавно передъ тѣмъ сдѣлался ихъ товарищъ Шмерфельдъ (онъ умеръ отъ тифозной горячки). Къ этому присоединялись еще и экономическія затрудненія, которыя стали испытывать профессора Харьковскаго университета (вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ) вслѣдствіе страшнаго паденія курса. А это послѣднее явилось результатомъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и въ особенности извѣстной пресловутой „континентальной системы“, введенной по мысли и желанію Наполеона и направленной противъ Англіи. Доведенные до крайности харьковскіе профессора подали въ 1810 году прошеніе на Высочайшее имя ¹⁾, въ которомъ умоляли правительство прійти къ нимъ на помощь въ столь тяжелыхъ обстоятельствахъ. Прошеніе было подписано, какъ русскими, такъ и иностранцами. Но на него послѣдовалъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что въ подобномъ же положеніи находились и другіе чиновники имперіи и что обстоятельства могутъ измѣниться къ лучшему. Само собою разумѣется, что эта неудача должна была особенно поразить иностранцевъ, у которыхъ не могло быть особенной любви къ Россіи, которые являлись сюда, чтобы устроить прежде всего свое матеріальное благополучіе. Теперь этому именно матеріальному благополучію наносился весьма существенный ударъ, и они не могли имѣть даже такого утѣшенія, какое было у ихъ русскихъ товарищей, что они приносятъ эти жертвы на алтарь отечества, ибо родиной они все-таки считали свой европейскій фатерландъ. Правительство утѣшало ихъ, что положеніе вещей можетъ измѣниться къ лучшему; но они плохо вѣрили въ это. Политическій горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался тучами. Между союзниками (императоромъ Александромъ I и Наполеономъ) охлажденіе постоянно

¹⁾ Его мы приведемъ въ оригиналѣ въ главѣ о бытѣ и нравахъ университетской среды.

увеличивалось; возникали взаимныя неудовольствія и пререканія, ясно доказывавшія, что союз этотъ ненормаленъ, и что онъ долженъ скоро смѣниться борьбою не на жизнь, а на смерть между владыкою Европы Наполеономъ и единственнымъ государствомъ на континентѣ, оставшимся внѣ сферы его политическаго владычества,—Россіей. Иностранные профессора съ ужасомъ ждали этой развязки: они, конечно, были вполне убѣждены, что Россію постигнетъ жестокая судьба, которая окончательно подорветъ ихъ благосостояніе и сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Россіи. Имъ угрожалъ также взрывъ „русофильства“, т. е. неудовольствіе противъ всѣхъ вообще иноземцевъ, которое дѣйствительно вызвано было „народною“ войною 12-го года. Его одинаково боялись, какъ нѣмцы, такъ и французы; а эти послѣдніе должны были опасаться особенной реакціи противъ себя, какъ представители націи „Великаго Наполеона“ и въ большинствѣ случаевъ его горячіе почитатели.

Постепенно измѣнялась также и внутренняя политика русскаго правительства вообще и отношеніе къ университетскому самоуправленію Министерства народнаго просвѣщенія въ частности. Въ 1812 году надъ совѣтомъ Харьковскаго университета разразилась гроза, вызванная его столкновеніемъ съ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ вѣдѣвіи университета, какъ мы знаемъ, находились всѣ учебныя заведенія огромнаго Харьковскаго учебнаго округа. Завѣдываніе ими составляло одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ профессорской коллегіи; въ особенности тяжело и неудобно было разбирать разныя ссоры и дризги, происходившія въ сферѣ преподавательскаго персонала гимназій и уѣздныхъ училищъ. Одно изъ такихъ дѣлъ — ссора курскихъ педагоговъ, — поступившее на разсмотрѣніе совѣта, послужило причиною прискорбнаго столкновенія харьковскихъ профессоровъ съ министромъ. Не касаясь сущности его, рассказанной въ статьѣ Н. А. Лавровскаго ¹⁾, мы только замѣтимъ, что министръ отмѣнилъ постановленіе совѣта объ удаленіи отъ должности нѣкоторыхъ уволенныхъ имъ учителей, и для новаго разсмотрѣнія дѣла на мѣстѣ командировалъ экспедитора своей канцеляріи Дуинъ-Борковскаго. „Эти распоряженія министра, будемъ говорить словами Н. А. Лавровскаго, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на университетъ и вызвали большую тревогу. Университетъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ вдвойнѣ: въ своихъ правахъ и въ своемъ достоинствѣ. По уставу 1804 г. окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, касающихся училищъ и гимназій, не только учебныхъ, но и спорныхъ и тяжбныхъ,

¹⁾ „Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета“ (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., ч. CXLV, № 10, стр. 249—260).

предоставлено было училищному комитету и университетскому правлению, а потому на вмѣшательство министра совѣтъ взглянулъ, какъ на явное нарушение своихъ правъ, утвержденныхъ Высочайшею волею. Въ назначеніи министерскаго чиновника для суда надъ дѣйствіями университетскаго совѣта, которому и комитетъ и правленіе были обязаны отчетностію, университетъ видѣлъ величайшее оскорбленіе своего достоинства. Начался рядъ бурныхъ засѣданій совѣта. Трудно представить себѣ волненіе, овладѣвшее профессорами, большинство которыхъ состояло изъ иностранцевъ, имѣвшихъ особенно высокое понятіе объ университетской автономіи. Ректоръ Стойковичъ не только не сдерживалъ и не умѣрялъ этого возбужденнаго состоянія совѣта, но еще поддерживалъ и усиливалъ его, такъ какъ въ его интересѣ было отстоять всѣ состоявшіяся рѣшенія по Курскому дѣлу, въ которомъ онъ дѣйствовалъ не безъ произвола и стороннихъ побужденій, о чемъ можно заключать изъ его переписки съ Любарскимъ....“ Нѣсколько далѣе Н. А. Лавровскій прямо обвиняетъ Стойковича въ слишкомъ большой короткости отношеній къ директору Любарскому, „которая для участниковъ въ дѣлѣ могла имѣть гораздо болѣе ясный смыслъ, чѣмъ для насъ въ настоящее время“, и говоритъ, что на него падаетъ главная часть вины за Курскіе безпорядки. „Оскорбленный въ своихъ правахъ совѣтъ принялся упорно отстаивать эти права, и здѣсь онъ былъ по идеѣ совершенно правъ, стоя на твердой почвѣ устава; но онъ повидимому былъ несправедливъ въ излишнемъ довѣрїи къ донесеніямъ ректора, заиждававшаго училищнымъ комитетомъ, что и вызвало сначала обращеніе учителей прямо къ министру, а потомъ строгія мѣры министра относительно совѣта“. Совѣтъ, по большинству голосовъ (Стойковича, Осиповскаго, Делявина, Книгина, Шада, Гизе, Ванотти, Дрейсига, Роммеля, Нельдехена и Ланга), оправдалъ всѣ свои прежнія рѣшенія по Курскому дѣлу, призналъ ихъ вполне законными и не только не суровыми, но даже снисходительными; отрицанію же этихъ рѣшеній онъ считалъ очень вредной и подрывающей авторитетъ университета и потому возставалъ противъ назначенія Дунина-Борковскаго. „Министръ былъ крайне недоволенъ этимъ опредѣленіемъ и считалъ необходимымъ употребить самыя рѣшительныя мѣры противъ дѣйствій профессоровъ. Представленіе совѣта было препровождено имъ въ комитетъ министровъ, и вотъ постановленіе послѣдняго, какъ оно изложено въ отношеніи Харьковскаго губернатора Бахтина въ университетъ отъ 8 ноября 1812 г., за № 835: профессоры, подписавшихъ мнѣніе о непризнаніи назначенія Дунина-Борковскаго, „призвать въ Харьковское губернское правленіе и сългать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели втрѣдь окажутъ

*

подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду“. Совѣтъ, не ожидавшій такихъ послѣдствій, рѣшилъ принести повинную. И первымъ дѣломъ его было принять мѣры къ тому, чтобы отсрочить исполненіе грознаго приговора. Къ счастью губернаторомъ былъ тогда извѣстный уже намъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, и словомъ, и дѣломъ выразавшій свое расположеніе къ Харьковскому университету. Онъ согласился не приводить въ исполненіе этого приговора до тѣхъ поръ, пока не получитъ отвѣтъ на коллективную просьбу профессоровъ о его смягченіи. А просьбу эту онъ отправилъ эстафетой въ Петербургъ при своемъ отношеніи. Вотъ ея текстъ въ русскомъ переводѣ (оригиналъ былъ составленъ по французски): „Сіятельныйшій графъ! Письмо, которое ваше сіятельство изволили препроводить въ совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, и предписаніе, которое получилъ г. Харьковскій губернаторъ, поразили всѣхъ насъ удивленіемъ и горестью. Никогда ни одинъ изъ насъ не питалъ въ сердцѣ своемъ намѣренія нарушать законы Имперіи и уклоняться отъ повиновенія министру, котораго мудрость и благодѣянія мы не далѣе какъ полтора года тому назадъ прославляли съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Одна изъ статей нашего устава, неточно понятая, повлекла совѣтъ въ ошибку важную, но совершенно невольную, такъ какъ никто не предвидѣлъ ея. Сдѣлавшіе ее готовы повести наказаніе, которое на нихъ наложено. Но совѣтъ университета осмѣливается просить васъ, сіятельныйшій графъ, простить минутное заблужденіе. Полагаясь на ваше великодушіе и на то особенное расположеніе, которое вы всегда изволили изъявлять въ отношеніи къ Харьковскому университету, совѣтъ довелъ до свѣдѣнія г. губернатора Бахтина, что онъ вошелъ съ представленіемъ къ вашему сіятельству, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ г. губернатора пріостановить, до полученія вашего отвѣта, исполненіе полученнаго имъ предписанія. Благоволите, сіятельныйшій графъ, оказать университетскому совѣту снисхожденіе, просимое имъ для большинства его членовъ или, лучше сказать, для всего его состава. Если ваше сіятельство не изволите признать возможнымъ отмѣнить вполнѣ наказаніе, то благоволите уменьшить его торжественность, лишивъ его гласности. Совѣтъ умоляетъ васъ о томъ во имя наукъ, коихъ вы покровитель, во имя народнаго просвѣщенія, успѣхамъ котораго силится содѣйствовать каждый изъ насъ, наконецъ, во имя достоинства, котораго пикогда не должно быть лишаемо управленіе важнаго національнаго учрежденія, въ особенности такого, какъ университетъ, имѣющій высокія обязанности и могущій безъ страха сослаться на свидѣтельство вашего сіятельства относительно того усердія, съ коимъ онъ ихъ исполняетъ. Совѣтъ университета счелъ долгомъ

присоединить къ этой покорной просьбѣ журналъ своего настоящаго засѣданія, изъ коего, какъ онъ надѣется, вы, сіятельнѣйшій графъ, благоволите усмотрѣть нѣкоторые обстоятельства, могущія уменьшить въ вашихъ глазахъ сдѣланную совѣтомъ ошибку“.

Вотъ подлинный текстъ совѣтскаго постановленія: „*pluralitate votorum decretum est juxta § 166 nominatum Dunin Borkovsky, qua visitatorem agnoscere non posse in rebus litterariis et toto circulo universitatis, utque aliquis visitator superioris ordinis mittatur, de qua re ad excellentissimum ministrum representetur*“¹⁾.

Извѣстный уже намъ отвѣтъ министра на это постановленіе былъ полученъ 6 ноября 1812 г. Тогда же профессоръ Шумлянскій заявилъ, что члены совѣта пострадали по винѣ *одного* человѣка—ректора Стойковича—и его поддержали всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи 10 іюля члены совѣта, за исключеніемъ профессора Дрейсига²⁾.

Но справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что это было не совсѣмъ вѣрно; очевидно, совѣтъ растерялся и рѣшилъ приписать всю вину Стойковичу, надъ которымъ въ это время велось слѣдствіе по жалобѣ адъюнкта Васильева. Само собою разумѣется, что разъ члены совѣта признали свой протестъ противъ назначенія ревизоромъ Дунина-Борковскаго незаконнымъ, *лаемымъ* виновникомъ его оказывался Стойковичъ, но только главнымъ, а *не единственнымъ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно вспомнить, что не только Стойковичъ, а и всѣ остальные члены совѣтскаго большинства, съ Шадомъ во главѣ, высказались противъ назначенія ревизоромъ министерскаго чиновника³⁾.

¹⁾ Acta, 1812 г., стр. 286.

²⁾ Приведемъ подлинную выдержку объ этомъ изъ совѣтскаго протокола 6 ноября: выслушавъ приказъ министра, проф. Шумлянскій, „*motus commiseratione quod tot membra universitatis reprehensionem patiantur ore tenus proposuit, unam tantum personam fuisse et esse, quae poenam illam apud auctoritatem meruit; ea autem persona rector universitatis est, quippe qui in sessione 10 julii postquam proscriptum excellentissimi ministri de misso visitatore Dunin-Borkovsky perlectum fuerat, usus est adhortatione ad membra senatus Academici directa, tum ore tenus prolata (simul proponens, ut protocollo inscribatur, se rectoratum depositurum, si res ita processerint), tum scripta perlectaque (quam finita sessione secum abstulit, nec ad acta dedit, quo omni jure pertinebat), ita quidem, ut argumentationibus ejus proritati et excitati contra proscriptum Excellentissimi Administri opiniones dederint, quae ipsi placebant. Quam rem revera ita factam fuisse et professorem Schumlansky vera dixisse (vota postulante professore Ossipovsky, qua prorectore) omnes ii, qui sessioni 10 julii interfuerant testati sunt. Professor Giese addidit, se quidem audivisse, quae rector prolegerat, expressiones tamen in memoriam revocare non posse. Professor Dreysig se testem esse in hac re abstulit*“.

³⁾ Обширное и прекрасно мотивированное мнѣніе по этому вопросу, со ссылками на §§ устава, гарантирующіе автономію университета, высказано было именно Шадомъ: оно цѣликомъ вошло въ протоколъ совѣта и къ нему применили Гизе, Ванотти, Дрейсигъ, Роммель, Нельдекенъ, Лауцъ; что же касается Стойковича, то онъ высказалъ самостоятельное предложеніе слѣдующаго содержания: „*opinor, ut aliquis superioris ordinis mittatur pro re Kurscii inquirenda*“.

Въ отвѣтъ на прошеніе совѣта гр. Разумовскій сообщилъ, что не въ его власти отмѣнять постановленіе комитета министровъ, но онъ, въ виду раскаянія профессоровъ въ ихъ проступкѣ, рѣшилъ сдѣлать негласный выговоръ; что же касается ссылки ихъ на ректора Стойковича, къ мнѣнію котораго они присоединились, то „сіе не мало не извиняетъ ихъ, поелику каждый за собственное мнѣніе отвѣтствовать обязанъ“. Смилженіе приговора допущено было и въ другомъ существенномъ пунктѣ -- ревизоромъ назначенъ былъ не министерскій чиновникъ (противъ чего собственно и возставалъ только совѣтъ), а профессоръ Московскаго университета Двигубскій. Этотъ послѣдній далъ заключеніе совершенно почти согласное съ рѣшеніемъ по этому дѣлу совѣта.

Таково было это печальное дѣло, совпавшее къ тому же съ общимъ тяжелымъ настроеніемъ, вызваннымъ началомъ войны 12-го года. Оно, естественно, должно было произвести гнетущее впечатлѣніе на членовъ совѣта, поставленныхъ въ крайне щекотливое и неудобное положеніе какъ передъ своимъ прямымъ начальствомъ и представителями другихъ вѣдомствъ въ Харьковѣ, такъ въ особенности передъ мѣстной педагогической средой. Высокій авторитетъ университета, какъ автономной корпораціи, надѣленной, благодаря довѣрью къ нему Верховной власти, весьма широкими правами и прерогативами, долженъ былъ неминуемо уменьшиться, какъ въ самомъ Харьковѣ, такъ и въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ, въ глазахъ многочисленныхъ представителей учебнаго вѣдомства — директоровъ и учителей гимназій, уѣздныхъ училищъ и т. п. Фактъ выговора (хотя и негласнаго) не могъ, конечно, остаться неизвѣстнымъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, канцелярская тайна должна была получить широкое распространеніе въ публикѣ, съ массою легендарныхъ прибавленій и преувеличеній. Благодарною средою для распространенія подобныхъ разсказовъ должна была явиться та часть харьковскаго общества, которая, по сообщенію Роммеля, относилась съ нескрываемою завистью къ привилегированному положенію университета и его профессоровъ. Эта зависть и недружелюбное отношеніе особенно сильно должны были развиваться вслѣдствіе учрежденія при университетѣ извѣстнаго уже намъ комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, не бывшихъ въ университетѣ, но желавшихъ получить высшіе чины.

Но изложенный нами „инцидентъ“ не имѣлъ все-таки такихъ печальныхъ послѣдствій для Харьковскаго университета, какъ возникшее вслѣдъ за нимъ громкое дѣло о предосудительныхъ дѣйствіяхъ ректора Стойковича. Первое ослабило, если можно такъ выразиться, юридическое

значеніе университета, второе сильно подорвало его нравственный авторитетъ. Къ этому-то „дѣлу“ мы теперь и переходимъ ¹⁾).

Мы касались уже отчасти вопроса о ректорствѣ Рижскаго и Стойковича и сдѣлали при этомъ краткую характеристику того и другого (стр. 214—215). Теперь мы остановимся на этомъ нѣсколько подробнѣе, основываясь на новыхъ данныхъ—документахъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Въ этихъ документахъ мы находимъ чрезвычайно важный для насъ отзывъ о Рижскомъ и его дѣятельности въ качествѣ ректора со стороны наиболѣе авторитетнаго и компетентнаго лица, которому лучше всѣхъ другихъ была извѣстна непрерывная и плодотворная его работа—со стороны попечителя округа, гр. Потоцкаго. И это мнѣніе имѣетъ для насъ тѣмъ болѣе значеніе, что касается не одного Рижскаго, а и другихъ кандидатовъ на ректорскую должность, и при томъ высказано было въ три различные момента его управленія—въ 1805, 1808 и 1810 гг. „Попечитель Харьковскаго учебнаго округа, сообщало главное правленіе училищъ министру П. В. Завадовскому, основываясь на донесеніи графа Потоцкаго, представилъ правленію, что соимѣтъ Харьковскаго университета 5 ноября 1804 г. занимался выборами ректора на будущій 1805 годъ. Трое изъ профессоровъ—Шадъ, Шумлянскій и Рижскій имѣютъ равное, болѣе передъ прочими, число шаровъ. Попечитель присоединяетъ, что рачительное отправление должности Рижскимъ въ теченіе настоящаго года убѣждаетъ отдать справедливость его усердію и дѣятельности и что благоустройство университета и введеніе должнаго порядка, замѣченныя вашимъ сіятельствомъ въ бытность въ Харьковѣ сего года, должно также отнести къ его попеченіямъ. По симъ причинамъ и для пользы университета онъ за нужное признаетъ предоставить на будущій годъ званіе ректора Рижскому, доказавшему уже способность свою въ отравленіи его. Главное правленіе училищъ, будучи согласно съ симъ мнѣніемъ, проситъ ваше сіятельство исходатайствовать ему Высочайшее въ ономъ званіи утвержденіе“. (Михайло Муравьевъ, Фѣдоръ Клиngerъ, Степанъ Румовскій, Николай Озерецковскій, Николай Фусъ, правитель дѣлъ Иванъ Мартыновъ) ²⁾. Чрезвычайно

¹⁾ Его довольно подробно изложилъ Н. А. Лавровскій (въ специальной статьѣ о Стойковичѣ, помѣщенной въ Читеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древностей (1873, кн. 2-я, стр. 1—38). Но мы рѣшились вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ, въ виду его важности и въ виду того, что въ нашемъ распоряженіи имѣется не мало новыхъ и важныхъ матеріаловъ. Мы пользовались: 1) особымъ дѣломъ о доносѣ Васильева на Стойковича (Дѣло правленія 1812—1813 гг., по архиву № 786, по карт. № 36), 2) протоколами совѣта (Акта 1812 г.) и 3) документами, извлеченными нами изъ архива министерства народнаго просвѣщенія; точныя ссылки на нихъ читатель найдетъ ниже.

²⁾ Архивъ мин. нар. проsv. № 5528, по картону 153; 1805 г.

интересенъ отзывъ графа Потоцкаго о совѣтскихъ выборахъ на 1808 г., отзывъ, касающійся не только двухъ кандидатовъ на должность ректора, но и кандидатовъ на должность декановъ; на эту послѣднюю оказались избранными одни иностранцы; попечитель отмѣчаетъ это обстоятельство и объясняетъ его ихъ интригами; объясненіе это имѣть въ нашихъ глазахъ большое значеніе, въ виду того, что онъ, вообще говоря, относился къ иностраннымъ профессорамъ съ большою симпатіей. „Милостивый государь, графъ Петръ Васильевичъ, писалъ графъ Потоцкій. Прилагая при семъ въ подлинникѣ доставленный ко мнѣ совѣтомъ Харьковскаго университета списокъ выборовъ, происходившихъ по случаю назначенія ректора и декановъ на сей 1808 годъ, я поставляю долгомъ донести вашему сіятельству, что выборы сіи давно бы могли быть представлены на утвержденіе вашего сіятельства, если бы г. профессоръ Осиповскій, избранный по большинству шаровъ въ ректоры, не отказался отъ этого званія по слабости здоровья; но какъ послѣ сего случая университетъ не представлялъ мнѣ о выборѣ другого вмѣсто г. Осиповскаго, то и принужденнымъ нашелся отложить оный до пріѣзда моего въ Харьковъ. Нынѣ по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, до сего предмета относящихся, полагалъ бы относительно выбора ректора утвердить въ семъ званіи профессора Рижскаго, который, какъ вашему сіятельству извѣстно, и прежде сего исправлялъ должность его съ отличнымъ усердіемъ. Что же касается до г. профессора Осиповскаго, то онъ, оставаясь при должности непремѣннаго засѣдателя, тѣмъ полезнѣе будетъ университету, ибо едва ли кто-нибудь другой изъ профессоровъ можетъ оную исправлять съ такою же точностію и стараніемъ. Относительно же выбора декановъ я долженъ замѣтить, что въ случаѣ утвержденія г. Рижскаго въ званіи ректора, остаются деканами токмо одни иностранные профессора; изъ сего можно заключить, что избраніе сихъ послѣднихъ произошло отъ начавшейся недавно въ университетѣ интриги между нѣкоторыми изъ сихъ профессоровъ, посредствомъ коей они надѣются получить преимущественную предъ другими власть управлять по большинству голосовъ университетскими дѣлами. При таковыхъ обстоятельствахъ и самый старательный ректоръ не имѣлъ бы возможности дѣйствовать безпрепятственно въ пользу университета, да и я самъ едва ли въ состояніи былъ бы отвѣчать за всѣ безпорядки и упущенія, какіе отъ незнанія ихъ руссійскаго языка, законовъ и порядка дѣлъ неминуемо должны произойти; по симъ причинамъ не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству изъ числа выбранныхъ иностранныхъ профессоровъ оставить деканами Де-Баллю и Шада, вмѣсто же другихъ двухъ — Делявина и Коритаря — утвердить въ семъ

званіи профессоровъ Шумлянскаго и Стойковича, изъ коихъ первый заслуживаетъ преимущество по числу шаровъ при выборѣ ректора, а послѣдній, при извѣстной дѣятельности, соединяетъ совершенное познаніе російскаго языка“¹⁾ (16 февр. 1808 г.). На слѣдующій 1809 годъ ректоромъ избранъ былъ снова Рижскій, а деканами Тимковскій, Стойковичъ, Шумлянскій и Де-Баллю; по поводу этихъ выборовъ гр. Потоцкій писалъ министру: „одобряя съ своей стороны совершенно выборъ означенныхъ профессоровъ, какъ способнѣйшихъ чиновниковъ къ управленію дѣлами университета, я покорнѣйше испрашиваю утвержденія ихъ въ семь званій“²⁾. По поводу ноябрьскихъ выборовъ 1810 г. (на слѣдующій 1811 годъ) попечитель писалъ министру графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому: „совѣтъ Харьковскаго университета, въ бывшихъ сего 9-го ноября выборахъ чиновниковъ на будущій 1811 годъ, избралъ единогласно въ ректоры университета ординарнаго профессора и нынѣшняго ректора Рижскаго; деканами отдѣленій избраны по большинству голосовъ: нравственно-политическихъ наукъ—проф. Тимковскій, физико-математическихъ—проф. Делявинъ, врачебныхъ—проф. Дрейсигъ, который, однако же, въ присутствіи совѣта отъ сего званія отказался, а потому и выборъ падаетъ на слѣдующаго за нимъ по большинству шаровъ—проф. Шумлянскаго и, наконецъ, словесныхъ наукъ—профессора Дюгура. Представляя о такихъ выборахъ совѣта на утвержденіе вашему сіятельству, я почитаю долгомъ при семъ случаѣ обратить начальническое вниманіе ваше на отличную службу профессора Рижскаго, который избирается уже въ шестой разъ въ ректорское званіе. Столь многократные выборы служатъ несомнительнымъ доказательствомъ отличительныхъ достоинствъ сего чиновника и той довѣренности и уваженія, каковыя приобрѣлъ онъ отъ своихъ сотоварищей. При всѣхъ многозаботливыхъ занятіяхъ по званію ректора, не оставлялъ онъ никогда трудиться и по должности профессора, занимался при этомъ изданіемъ полезныхъ сочиненій, изъ коихъ извѣстнѣйшія суть: Курсъ словесности и печатаемое нынѣ иждивеніемъ Императорской Російской Академіи пространное сочиненіе подъ заглавіемъ: Наука стихотворства. По симъ уваженіямъ, я приѣмлю смѣлость поручить профессора Рижскаго въ особенное благорасположеніе вашего сіятельства, признавая его при томъ достойнымъ награжденія за отличіе слѣдующимъ чиномъ при первомъ удобномъ случаѣ“³⁾ (Одесса, 26 ноября 1810 г.).

¹⁾ Архивъ мин. народ. просв., № 5670, по картону 154; 1808 г.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Архивъ мин. нар. просв., № 5739, по картону 155; 1810 г.

И эти отзывы вполне сходятся съ тѣмъ всеобщимъ уваженіемъ, какимъ пользовался Рижскій, какъ ректоръ, профессоръ и ученый, и какое нашло себѣ яркое выраженіе на его похоронахъ. Послѣ всѣхъ этихъ документальныхъ свидѣтельствъ, мы, конечно, не можемъ принять на вѣру той характеристики, какую даетъ Рижскому его преемникъ по ректорской должности хитрый Стойковичъ, въ своемъ прошеніи на имя министра народнаго просвѣщенія. Унижая заслуги своего предшественника, онъ этимъ самымъ хотѣлъ возвысить въ глазахъ начальства собственную личность; при томъ онъ могъ говорить въ конфиденціальному письмѣ о мертвомъ все, что угодно—никто его не могъ обличить. Одинъ разъ—въ 1807 году—Стойковичу удалось даже добиться завѣтной цѣли своихъ стремленій—ректорской должности. И получилъ онъ ее благодаря главнымъ образомъ попечителю, какъ это видно изъ представленія этого послѣдняго министру. „Совѣтъ Харьковскаго университета, писалъ гр. Потоцкій, на основаніи устава въ засѣданіи своемъ 4 ноября занимался избраніемъ ректора на будущій 1807 годъ. По большинству голосовъ избраны въ сіе званіе профессоръ хирургіи Шумлинскій и профессоръ физики Стойковичъ, изъ которыхъ каждый получилъ пять избирательныхъ и пять неизбирательныхъ голосовъ. Оба они, сколь извѣстно мнѣ, достойны сей чести, которой удостоиваетъ ихъ сословіе университета. Я съ своей стороны предпочтительно желаю, чтобы сіе мѣсто занималъ русскій, какъ знающій языкъ и обыкновенія страны. Но профессоръ Стойковичъ, будучи родомъ изъ карнатороссовъ, легко могъ научиться и усилъ въ русскіи языкѣ и имѣлъ довольно времени познать обыкновеніе той страны; онъ можетъ почесться почти русскимъ. При томъ посѣщая разные иностранные университеты, онъ видѣлъ многія полезныя заведенія, которыя могутъ быть введены равнымъ образомъ и въ нашемъ университетѣ; такимъ образомъ, избраніемъ его на сіе мѣсто соединится та польза, каковой должно надѣяться отъ ректора, знающаго обряды русскіе въ производствѣ дѣлъ, и будутъ отвращены разные толки, могущіе произойти со стороны иностранныхъ профессоровъ, если ректорское достоинство будетъ оставаться всегда между одними русскими. Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство исходатайствовать оному Стойковичу Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе въ званіи ректора на будущій 1807 годъ“¹⁾ (28-го ноября 1806 года).

Не смотря однако на поддержку попечителя, не смотря на удобство своего положенія (его считали своимъ и иностранные, и русскіе профессора), Стойковичъ не удержался болѣе года на ректорской долж-

¹⁾ Архивъ мѣн. нар. прося., № 5604, по картону 154, 1806 г.

ности и въ слѣдующемъ году опять долженъ былъ уступить свое мѣсто Рижскому.

Но вотъ Рижскій умираетъ въ 1811 году; его обязанности начинаетъ исправлять бывший тогда проректоромъ Стойковичъ; онъ хочетъ теперь прочно утвердиться въ должности ректора и съ этою цѣлью вноситъ проектъ о замѣнѣ годичнаго срока ректорства трехгодичнымъ; очевидно, онъ не рассчитывалъ на постоянную поддержку большинства и хотѣлъ такимъ образомъ упрочить свое положеніе. Впрочемъ нельзя отрицать и того, что новая система, и сама по себѣ, имѣла нѣкоторыя преимущества предъ прежней. Если Рижскій много сдѣлалъ для университета, то главнымъ образомъ потому, что оставался такъ долго на своемъ посту. Но между нимъ и Стойковичемъ была огромная разница въ томъ отношеніи, что онъ былъ почти безсмѣннымъ ректоромъ, не смотря на ежегодные выборы, благодаря своей высокополезной и безупречной дѣятельности, Стойковичъ же стремился къ власти и для упроченія ея хотѣлъ замѣнить годичный срокъ трехгодичнымъ. Дальнѣйшія событія показали, что онъ не могъ остаться въ должности и одного трехлѣтія и долженъ былъ съ позоромъ выйти въ отставку.

Довося непосредственно министру о смерти Рижскаго, Стойковичъ при этомъ писалъ: „еще при болѣзни г. ректора нашего университета, о коего смерти правленіе на сей почтѣ доносить вашему сіятельству, вступилъ я въ званіе проректора. По уставу безсумнѣнно я сію должность отправлять долженъ до новаго выбора ректора, который (выборъ) здѣсь бываетъ въ началѣ ноября. Но я осмѣливаюсь довести вашему сіятельству, что нынѣшнее положеніе нашего университета требуетъ, по моему мнѣнію, нѣкоторой перемѣны. Закопненіе и медленность въ дѣлахъ, происшедшія отъ болѣзненнаго состоянія покойнаго ректора, смерть его, а прежде его двухъ адъюнктовъ—Билинскаго и Рейниша, увольненіе проф. Гута и адъюнкта Кригера, а въ прошломъ году проф. Якоба и Коритарія, кромѣ сего вакансія нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ кафедръ произвели въ университетѣ пустоту. Нужно дать дѣламъ быстрее теченіе, нужно оживотворить наши занятія; сіе же не въ состояніи сдѣлать годичный ректоръ, пропускающій многое для того, чтобы выбравъ былъ на слѣдующій годъ; но нужна долгая дѣятельность одного и того же человѣка. Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, дабы вамъ, по милостивому во мнѣ благорасположенію, благоугодно было представить меня на утвержденіе на большее время. Его сіятельство графъ, нашъ попечитель, хотя и предложилъ университету, чтобы ректора выбрать на три года, но какъ выборъ видно случился не по его желанію, представилъ о утвержденіи его на одинъ годъ. Я счастли-

вымъ себя почту, ежели, получивъ одобрение вашего сїятельства, ревностію, усердіемъ и дѣятельностію потщусь доказать, что не недостойно представили къ утвержденію. Впрочемъ, предоставляя все сіе единой прозорливости вашей, знающей лучше, что для блага университета нужно, пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ, милостивый государь, вашего сїятельства всепокорнѣйшій слуга проректоръ А. Стойковичъ¹⁾. (20 марта 1811 г.).

Изъ этого письма видно, что Стойковичъ не только желалъ перемѣнить годичный срокъ на трехгодичный, а и хотѣлъ вообще нанести рѣшительный ударъ университетской автономіи, предлагая самому министру *помимо совѣта назначить* его ректоромъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; онъ прекрасно понималъ, что ректоръ, назначенный правительствомъ, могъ бы пользоваться несравненно болѣе обширною властію, чѣмъ выборный, а въ его характерѣ, очевидно, лежало стремленіе къ такимъ широкимъ прерогативамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и Роммель. Таковъ былъ этотъ честолюбецъ, который выставлялъ себя въ совѣтѣ однако защитникомъ университетскаго самоуправленія. Впрочемъ и министерство не захотѣло трогать выборнаго начала, хотя отнеслось сочувственно къ его предложенію о трехгодичномъ срокѣ для ректорской должности. На прошеніе Стойковича послѣдовала такая резолюція министра: „предложить университету избрать ректора установленнымъ порядкомъ“. По поводу же срока гр. Разумовскій вошелъ съ докладомъ на Высочайшее имя слѣдующаго содержания: „по смерти утвержденнаго на текущій годъ въ ректоры Харьковскаго университета ординарнаго профессора онаго коллежскаго совѣтника Рижскаго предложено было отъ меня университету сдѣлать въ ректоры новый выборъ. Вслѣдствіе чего большинствомъ голосовъ избранъ въ сіе званіе ординарный профессоръ физики коллежскій совѣтникъ Стойковичъ. При семъ случаѣ обязанности поставляю представить Вашему Императорскому Величеству, что по университетскимъ уставамъ въ ректоры положено избирать ежегодно. Но таковая ежегодная перемѣна ректоровъ сопряжена съ великими неудобствами. Должность сія требуетъ неуспынаго попеченія, занятія множествомъ подробностей, строгаго наблюденія и взысканія на учащихся и учащихъся и на всѣхъ чиновникахъ, по хозяйственной части употребляемыхъ, къ чему не иначе достигнуть можно, какъ опытностію черезъ долговременное упражненіе получаемую; при частой же перемѣнѣ ректоръ едва успѣетъ, такъ сказать, приглядѣться ко всему, какъ уже наступаетъ срокъ его смѣны. Во время ректорства, замѣчая разныя неисправности,

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв., № 5756, карт. 156, 1811 г.

побуждаемый участіемъ къ общественной пользѣ, обращеніемъ на себя вниманія начальства, онъ употреблялъ бы все стараніе къ изобрѣтенію средствъ противу неисправностей, но всѣ таковыя побужденія ослабѣваютъ при краткости времени его начальства, рождающей опасеніе оставить другому плоды трудовъ его. Опасаясь оскорбить того, кто вскорѣ можетъ заступитъ его мѣсто, онъ предпочтетъ снисхожденіемъ своимъ обрѣсти и для себя подобное же снисхожденіе. Наконецъ, долговременная привычка подчиненныхъ видѣть надъ собою одного и того же начальника усугубляетъ уваженіе къ нему и повиновеніе. По симъ причинамъ избраніе ректора въ Московскомъ университетѣ, по соизволенію Вашего Императорскаго Величества, происходитъ черезъ каждые три года; равно и въ Виленскомъ университетѣ ректоръ избирается на три же года. Причины сіи побуждаютъ меня ходатайствовать у Вашего Императорскаго Величества, дабы избраніе ректора въ Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ производимо было равнымъ образомъ чрезъ каждые три года. Если Вашему Величеству благоугодно будетъ изъявить на сіе Высочайшее соизволеніе, то я приѣмлю смѣлость испрашивать и на утвержденіе Стойковича въ званіи ректора на три года, т. е. до наступленія будущаго 1814 года¹⁾. На подлинномъ подписано: быть по сему. Александръ ¹⁾. (26 мая 1811 г.).

Въ этомъ докладѣ, какъ видимъ, подробно развита та мысль, которая была проведена и въ прошеніи Стойковича—что ректоръ, избираемый на короткій срокъ, не можетъ быть достаточно самостоятеленъ, находясь въ зависимости отъ своихъ избирателей. Такимъ образомъ, въ министерствѣ существовало желаніе поднять престижъ ректорской власти и при томъ не только среди учащихя и чиновниковъ университета, а и среди учащихся, т. е. профессоровъ. Стойковичъ, очевидно, зналъ о такомъ настроеніи въ Петербургѣ и заботился главнымъ образомъ о милостивомъ вниманіи къ нему начальства (министра и попечителя), которые и при выборномъ началѣ могли все таки помочь ему въ достиженіи ректорской должности, несмотря на оппозицію, существовавшую противъ него въ профессорской коллегіи. И дѣйствительно, со стороны попечителя, по крайней мѣрѣ, существовало нѣкоторое давленіе на выборы. М. И. Сухомлиновъ изобразилъ намъ Потоцкаго, какъ попечителя, который не вмѣшивался во внутреннія дѣла университета и только сохранялъ за собою высшее руководительство надъ дѣломъ народнаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Но такая характеристика не вполне соответствуетъ дѣйствительности и требуетъ во всякомъ случаѣ значительныхъ оговорокъ. Факты свидѣтельствуютъ, что Потоцкій, въ

¹⁾ Ibidem.

первые годы своего попечительства (до 1811 г.), хотя и проживалъ въ Харьковѣ, но очень внимательно слѣдилъ даже за мелкими дѣлами въ дѣятельности университета, высказывалъ свои соображенія, замѣчанія, давалъ свои заключенія и—что всего важнѣе—подчасъ позволялъ себѣ прямое вмѣшательство въ такія дѣла, которыя принадлежали по уставу исключительно компетенціи университета и его органовъ. Такъ было, на примѣръ, въ вопросѣ о выборѣ почетныхъ членовъ. Мы уже знаемъ, что онъ представилъ въ совѣтъ списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ, по его мнѣнію, нужно было избрать въ почетные члены, и былъ очень недоволенъ, когда совѣтъ дѣлалъ отступленіе отъ этого списка (стр. 253). Намъ извѣстно также, что и въ выборѣ ректора, декановъ, производствѣ профессоровъ Потоцкій нерѣдко расходился съ мнѣніемъ совѣта и дѣлалъ по этому поводу свои собственные представленія. Изъ письма Стойковича оказывается, что онъ также стоялъ за трехгодичный срокъ ректорской должности, но когда избрано было на этотъ постъ негодное ему лицо, то представилъ его только на одинъ годъ.

Вообще можно сказать, что съ 1811 г. уже началось въ правящихъ сферахъ нѣкоторое недоувѣріе къ широкой университетской автономіи и на фонѣ его разыгрывались и тѣ эпизоды, о которыхъ мы повѣствуемъ—Курскій инцидентъ и дѣло Стойковича. Стойковичъ первый почувствовалъ нѣкоторую перемѣну режима и рѣшилъ воспользоваться для своихъ личныхъ цѣлей. Оказалось, что въ одномъ частномъ случаѣ онъ зашелъ слишкомъ далеко (въ просьбѣ о назначеніи его ректоромъ *помимо* совѣта); но за то въ общемъ онъ вѣрно понялъ характеръ новой эры—стремленіе усилить единоличную власть на счетъ коллегіальной.

Спрашивается теперь, какъ же воспользовался новый ректоръ своимъ положеніемъ? Для такого честолюбиваго и корыстолюбиваго челоука, какимъ былъ Стойковичъ, новое его положеніе открывало чрезвычайно широкіе перспективы. Онъ былъ владыкой не только въ университетѣ, а и во всемъ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ, обнимавшемъ кромѣ нѣсколькихъ великорусскихъ губерній всю лѣвобережную Малороссію, Новороссію (съ Крымомъ включительно), область войска Довскаго и Черноморскаго и Сѣверный Кавказъ. По пространству это было цѣлое европейское государство; въ составъ его, въ качествѣ одной только части, входило Новороссійское генералъ-губернаторство, во главѣ котораго стоялъ тогда знаменитый Дюжъ де Ришелье. Всѣ учебныя заведенія—среднія и низшія, правительственныя и частныя,—находились въ прямой зависимости отъ Харьковскаго университета и при томъ не только въ учебномъ, но и въ хозяйственно-административномъ отношеніи. Понятно, каково было значеніе новаго ректора, который

впервые былъ утвержденъ, согласно своей просьбѣ, Верховною властію на три года и отличался, какъ мы знаемъ, непомѣрнымъ честолюбіемъ. Огромное значеніе имѣло также то случайное обстоятельство, что ректорство Стойковича совпало съ отъѣздомъ попечителя Потоцкаго въ Варшаву. Хотя и до сихъ поръ онъ не имѣлъ постоянного мѣстопробыванія въ Харьковѣ, но все таки всѣ дѣла проходили чрезъ его руки и кромѣ того онъ ежегодно навѣщаль Харьковскій университетъ и учебный округъ. Теперь же онъ уѣхаль изъ Петербурга въ Варшаву въ отпускъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, съ увольненіемъ отъ всѣхъ дѣлъ по должности попечителя. Университетъ и округъ, такимъ образомъ, остались безъ высшей власти, постоянно примирявшей до того разнообразныя интересы, устранявшей борьбу, пререканія, взаимное соперничество, контролировавшей, наконецъ, и власть самого ректора. Отсутствіе попечителя имѣло, по нашему мнѣнію, крайне вредныя результаты для Харьковскаго университета: главнымъ образомъ, благодаря ему внутреннія неурядицы и борьба партій и приняли теперь такіе большіе размѣры, приобрѣли такой ожесточенный, острый характеръ. Вслѣдствіе отъѣзда Потоцкаго, Стойковичъ могъ во всю ширь развернуть свою политическую дѣятельность по университету и округу. Никѣмъ не сдерживаемый и не контролируемый, онъ теперь дѣйствовалъ нерѣдко по произволу и преслѣдовалъ при этомъ свои личныя цѣли и выгоды. Одно назначеніе и увольненіе учителей и директоровъ, которымъ пользовался онъ, какъ предсѣдатель училищнаго комитета, ставило въ зависимость отъ него цѣлую армію педагоговъ. Съ другой стороны, въ качествѣ предсѣдателя правленія и совѣта, вѣдавшихъ хозяйственную часть, онъ, естественно, входилъ въ дѣловыя сношенія съ массою купцовъ, подрядчиковъ, рабочихъ и т. п. Однимъ словомъ, соблазнъ брать подарки и взятки для не особенно устойчиваго въ нравственномъ отношеніи человѣка былъ очень великъ, особенно если принять во вниманіе, что взяточничество въ то время было очень распространеннымъ, можно сказать, обычнымъ явленіемъ и къ нему не особенно строго относилось само общество. Едва ли можно также сомнѣваться въ томъ, что взяточничество было и въ университетѣ. Объ этомъ категорически свидѣтельствуетъ Роммель, а его свидѣтельство подтверждаетъ Розаліонъ-Сошальскій. Д. И. Каченовскій относилъ его свидѣтельство къ русскимъ профессорамъ, Н. А. Лавровскій—къ иностранцамъ, самъ же Роммель имѣлъ въ виду и тѣхъ, и другихъ, и если существовала нѣкоторая разница между ними, то, повидимому, только въ томъ, что первые брали взятки преимущественно съ частныхъ лицъ, а вторые предпочитали наживаться на счетъ казны. Само собою разу-

мѣтся, что взятки брали только *нѣкоторые* профессора, другіе же относились къ нимъ съ такимъ же негодованіемъ, какъ Роммель; можно даже предполагать, что большинство было свободно отъ этого порока; во всякомъ случаѣ лучшіе представители, какъ русской, такъ и иностранной партіи, имѣютъ въ этомъ отношеніи незапятнанную репутацію (Осиновскій, Рижскій, Тимковскій, Успенскій, Швейвардтъ, Гуть, Якобъ, Роммель и др.).

Что же касается Стойковича, то онъ, какъ человѣкъ безъ высшихъ нравственныхъ устоевъ, широко воспользовался своимъ привилегированнымъ положеніемъ для удовлетворенія своего честолюбія и корыстолюбія. Онъ забылъ, что на своемъ высокомъ и отвѣтственномъ посту онъ долженъ былъ служить примѣромъ для другихъ, сохранять незапятнанной свою репутацію, поставить себя даже внѣ всякихъ подозрѣній на этотъ счетъ, ибо *rector magnificus* является представителемъ университета, его чести и достоинства, и всякій проступокъ главы университетской коллегіи ложится тяжелымъ бременемъ не только на немъ самомъ, но и на всей корпорации, и при томъ имѣетъ несравненно болѣе печальныя послѣдствія, чѣмъ подобное же дѣяніе, учиненное простымъ, рядовымъ членомъ ея. Стойковичъ же былъ публично обвиненъ Васильевымъ въ обкрадываніи казны и сверхъ того общество было убѣждено, что онъ бралъ взятки за производство молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ разныхъ ученыхъ степеняхъ магистра и доктора. Въ этомъ послѣднемъ преступленіи его категорически обвиняетъ современникъ, бывший питомецъ Харьковского университета, Розальонъ-Сошальскій, напечатавшій свои воспоминанія подъ вліяніемъ спора о достовѣрности сообщеній Роммеля. Вотъ его свидѣтельство о Стойковичѣ: „теперь перехожу къ торгу въ университетѣ дипломами на ученые степени магистра и особенно доктора, которые давали права при вступленіи въ службу переименоваться въ титулярные совѣтники и коллежскіе ассесоры. Что это былъ фактъ неоспоримый и началось по смерти Рижскаго въ 1811 или въ 1812 году, со вступленіемъ Стойковича въ должность ректора,— было извѣстно въ Харьковѣ всѣмъ и каждому и послужило поводомъ къ запрещенію выдавать дипломы на высшія ученые степени или что-то въ родѣ этого“. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить, что около этого времени былъ изданъ законъ, потребовавшій университетскаго диплома для полученія чина коллежскаго ассессора; для чиновниковъ же, не получившихъ высшаго образованія, были учреждены въ 1810 г., какъ мы знаемъ, особые курсы и экзамены при университетѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о дипломѣ въ то и безъ того чиновное время получилъ весьма важный практическій интересъ,

въ особенности для сыновей богатыхъ помѣщиковъ; отцы же ихъ твердо вѣровали, что золотымъ ключемъ можно отпереть всякій сундукъ, и готовы были на значительныя денежныя жертвы, лишь бы облегчить своимъ дѣтамъ трудъ прохожденія службы, дѣлю которой являлось главнымъ образомъ полученіе чиновъ. Объ огромномъ значеніи табели о рангахъ въ тогдашнемъ харьковскомъ обществѣ (да и въ одномъ ли харьковскомъ? вѣрнѣе, во всемъ русскомъ обществѣ) свидѣлствуютъ и Роммель, и Розальонъ-Сошальскій.

Стремясь отовсюду получать доходы, съѣдаемый корыстолюбиемъ, Стойковичъ не упускалъ случаевъ обогащаться на счетъ казны, не смотря на то, что въ качествѣ ректора, онъ долженъ былъ быть блюстителемъ казенныхъ интересовъ. Намъ удалось найти въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія одинъ документъ, изъ котораго видно, что еще раньше обвиненія, возбужденнаго адъютантомъ Васильевымъ, съ него требовали объясненія по поводу аналогичнаго случая. Дѣло въ томъ, что Стойковичъ выписалъ себѣ изъ заграницы 98 бочекъ вина и вступилъ въ споръ съ таможеней по поводу размѣровъ причитающихся съ него таможенныхъ пошлинъ. Онъ оцѣнилъ свое вино въ 433 руб. (по мѣстнымъ славонскимъ цѣнамъ); таможня же опредѣлила его стоимость въ 2970 руб.; онъ назвалъ его простымъ славонскимъ; таможня же считала краснымъ венгерскимъ; онъ назвалъ посуду, въ которыхъ оно находилось, боченками; таможня же готова была считать ихъ бочками. Сверхъ того Стойковичъ ходатайствовалъ, чтобы Высочайше предписано было таможнѣ брать съ профессоровъ отнынѣ пошлину только за вѣсь самихъ книгъ, выключая переплеты. Таможня отправила свое отношеніе по этому дѣлу къ министру финансовъ, тотъ къ министру народнаго просвѣщенія, а этотъ послѣдній потребовалъ въ 1811 году объясненія отъ правленія университета. Правленіе дало отъ себя краткій отзывъ и приложило къ нему обширное разъясненіе самого Стойковича. Оно составлено съ такимъ искусствомъ и на столько вообще характерно, что мы воспроизведемъ его здѣсь съ буквальною точностью; а передъ нимъ для полноты помѣстимъ и отзывъ правленія.

„Вслѣдствіе предложенія вашего сіятельства отъ 14 числа прошедшаго іюля подъ № 2258 правленіе сіе, истребовавъ отъ ректора университета и кавалера Стойковича объясненіе о выписанныхъ имъ изъ заграницы 2-хъ ящикахъ съ книгами и 20-ти бочкахъ съ виномъ, имѣеть честь представить оное на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства, при-
соединяя къ сему, 1-е, что книги, выписанныя имъ г. Стойковичемъ въ прошломъ 1806 году, суть польскія сочиненія, кои поручено было

„Записки Императ. Харьк. Унив.», III вып., 1895 г.

ему Стойковичу отъ университета выписать для университетской библіотеки, а потому хотя онѣ въ таможенѣ записаны пропущенными на его имя, но онѣ въ счетъ книгъ его собственныхъ не поступаютъ; 2-е, что въ 1809 году привезено книгъ принадлежащихъ г. Стойковичу 551, всѣ переплетенныя въ полуфранцузской переплетъ, т. е. въ политуру съ кожаными корнемъ, въ томъ числѣ: въ четвертку 17, въ осьмушку 442 и въ 12 долю 92, за которыя, полагая пошлинные деньги по указу 15 февраля 1807 года, слѣдуетъ 79 рублей 75 коп. Непременный засѣдатель Тимофей Осиповскій. Деканъ Павелъ Шумляевскій. Августа 12 дня 1811 года¹⁾.

„Честь имѣю представить оному правленію какъ профессоръ, писалъ Стойковичъ, потребованное отъ меня объясненіе: 1-е, относительно трехъ увражей, 2-е двухъ ящичковъ съ книгами, 3-е вина, привезенныхъ изъ чужихъ краевъ на мое имя, и пропущенныхъ чрезъ Радзивиловскую таможеню, по силѣ привилегіи, Высочайше дарованной профессорамъ университетовъ.

1. *Относительно до трехъ сочиненій*, пропущенныхъ на мое имя черезъ таможеню, я для себя таковыхъ никогда не выписывалъ; а что для университета выписаны мною польскія сочиненія не три, но больше, о томъ и правленію извѣстно.— Сочиненія г. Самойломъ Лице, сочинителемъ великаго словаря славянскихъ языковъ, изъ Варшавы присланы на мое имя потому, что университетъ чрезъ меня писалъ, такъ какъ университетъ чрезъ меня выписывалъ и юридическія книги для себя и разныя другія сочиненія для Екатеринославской гимназіи, наконецъ, и шесть учителей славянской націи для своего округа и проч.

2. *Относительно двухъ ящичковъ книгъ*. Кто имѣлъ счастье обучаться въ Геттингенскомъ или другомъ какомъ германскомъ университетѣ, тотъ знаетъ, какъ легко и дешево можно мало по малу, на продолжающихся чрезъ цѣлый годъ аукціоновъ, купить для себя величайшее количество книгъ. Три года съ половиною, которые я тамъ провелъ, и путешествія по Германіи и Италіи дали мнѣ случай снабдить себя книгами, во всѣмъ частямъ учености относящимися, особливо же по части физической.— Въ то время, когда попечитель сего университета чрезъ российское посольство, находящееся въ Вѣнѣ, предлагалъ мнѣ не занятое физики профессора мѣсто, и, по многократномъ его предложеніи, принявъ оное, политическими обстоятельствами принужденъ былъ выѣхать изъ Вѣны, не бывъ даже дома (что въ Славоніи), и не сдѣлавъ никакого распоряженія въ имѣніи своемъ, котораго я и былъ и есмь единственный наслѣдникъ, и не взявъ съ собой

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв., № 5747, картонъ 156, 1811 г.

ни книгъ и ничего нужнаго. Проходя здѣсь службу съ ревностію, какъ надѣюсь, начальству извѣстною, купилъ я мало по малу за нѣсколько тысячъ рублей книгъ, и поелику книги по моей части все еще не доставали у меня, ни въ библиотекѣ нашего университета не существовали, то я выписалъ вдругъ свои собственныя, а на какой конецъ выписалъ оныя, такъ же извѣстно начальству, знающему сколько я уже издалъ сочиненій на російскомъ мѣ не матернемъ языкѣ. Всѣ почти сочиненія, объ которыхъ я говорю въ своей физикѣ, въ сочиненіи о воздушныхъ камняхъ и въ послѣднемъ о предохраненіи себя отъ молніи, находятся въ собственной моей библиотекѣ. А поелику я сіи сочиненія покупалъ съ переплетомъ, поелику выписывалъ ихъ для пользы новаго моего отечества съ большими издержками, поелику Его Императорское Величество Государь Императоръ изъ указа о переплетенныхъ книгахъ исключилъ университеты, академіи и гимназіи, то я прошу оное правленіе представить его сіятельству господину министру народнаго просвѣщенія, для испрошенія у Государя Императора изъятія и для профессоровъ отъ сего указа, когда они выписываютъ старыя книги единственно для пользы отечества, какъ я сіе сдѣлалъ. Ибо какая причина принудила меня выписать сіи книги? вѣрно не интересъ, а рвеніе къ службѣ. И какая причина побудитъ другихъ профессоровъ выписывать книги, ежели они вмѣсто признательности за труды свои, поставлены будутъ на одной линіи съ книгопродавцами? Впрочемъ, правленію извѣстно, что профессоръ Гуть гораздо болѣе получилъ книгъ изъ чужихъ краевъ, нежели я имѣлъ, и за переплетъ ничего не заплатилъ.

3. *Относительно вина*, я по сей статьѣ отвѣчаю на слѣдующіе вопросы: 1-е, какое вино, славонское ли или венгерское?... 2-е, что оно стоитъ въ Славоніи, 433 р. или 2970 р.? 3-е, на какой предметъ оно выписано и 4-е, почему сосудамъ я далъ другое имя на таможнѣ?

1) Кто покупалъ вино, кто его отправлялъ отъ мѣста покупки до границы, кто чрезъ границу препровождалъ, всякой тотъ имѣетъ ясное доказательство въ рукахъ, какое должно быть вино — славонское ли или венгерское; но я покупалъ вино и покупалъ въ Славоніи, т. е. на родинѣ своей, сказалъ сіе въ отношеніи моемъ въ таможнѣ, доказалъ свидѣтельствомъ, даннымъ мнѣ отъ продавца Игнатія Станковича, утвержденнымъ печатью его и своеручно писаннымъ, на которомъ означено мѣсто Рафенъ или Ровеница по-сербски, которое есть деревня и монастырь въ Сремѣ (что въ Славоніи). Ровеница отстоитъ отъ родины моей полторы милею, т. е. десятью верстами, между сербскими монастырями Язакъ и Гергетекъ. Мѣста сіи ежели не означены на ландкартѣ, то есть въ Санктпетербургѣ русской столповой дворянинъ Алек-

*

сандръ Ивановичъ Тургеневъ, который первый изъ россіянъ, путешествуя по земли Сербской, во всѣхъ сихъ мѣстахъ былъ и знаетъ, что Ровеница есть не во Венгріи, а въ Славоніи, во Фрушкой такъ называемой горѣ, шесть миль отъ Карловца, мѣста сербскихъ митрополитовъ. *Когда* честной человѣкъ и говоритъ, а колыми паче *когда* пишетъ, *когда* сіе доказываетъ законнымъ свидѣтельствомъ, *когда* сей честной человѣкъ есть чиновникъ Имперіи, тогда таможня должна вѣрить его словамъ, а особливо тогда, когда сей чиновникъ *служитъ такъ, какъ я служу*. По какому праву можетъ она по своему произволу давать чуждыя имена вещамъ, которыя повидимому ей неизвѣстны? Но остановимся на наименованіи венгерскаго краснаго вина, каковымъ таможня назвала вино, мнѣ принадлежащее. Подъ словомъ венгерскаго вина разумѣютъ по всѣмъ частямъ Россіи токайское вино, слѣдовательно, и сіе бы красное вино, должно быть красное токайское; но на цѣлой цѣпи Токайскихъ горъ, простирающейся длиною на пятнадцать миль, никогда не было и нѣтъ ни одного зерна краснаго винограда. Но предполагая, что оно есть токайское красное, то по какому щету таможня полагаетъ его цѣну въ 2970 рублей, когда такое количество токайскаго вина по крайней мѣрѣ бы двадцать тысячъ рублей стоило? Остается, слѣдовательно, чтобы сему вину быть Ерлаугскому, Будимскому (Budiense), Саксардскому (Sexardiense), Свiateандрейскому (Sen-Endriense), или наконецъ Минешскому (Menesense), ибо сіи суть сорты винъ красныхъ въ Венгріи; но вина сіи такъ различествуютъ другъ отъ друга и отъ вина, мною выписаннаго, какъ французское отъ донскихъ или волошскихъ. Почему таможня не означила имя вина, когда его предполагаетъ быть венгерскимъ, ибо слово венгерское вино ничего не означаетъ? Къ доказательствамъ симъ я прилагаю у сего копію счета комисіонерскаго, въ которомъ оно означено простымъ сремскимъ, т. е. славонскимъ виномъ, комисіонеръ же, получивши вино, по письмамъ, къ нему писаннымъ, оное наименовалъ.

2) По накладной, данной отъ г. Станковича, отправившаго оное вино, значитъ, что онъ посылаетъ „98“ ведеръ Австрійскихъ (аймеровъ); я же купилъ у него „100“ аймеровъ, какъ онъ самъ въ вышеупомянутомъ и отъ меня въ таможню препровожденномъ свидѣтельствѣ пишетъ, въ которомъ ясно сказано, что онъ отъ меня получилъ 1300 гульденовъ банковыми нотами; курсъ же въ то время, какъ можно видѣть изъ Вѣнскихъ газетъ, имѣющихся вѣрно въ Петербургѣ, напримѣръ, у посланика австрійскаго, тогда былъ „30“ гульденовъ червонецъ, которые дѣлаютъ сорокъ три червонца и одну треть, а поелику тогда червонецъ былъ десять рублей, то сіе и дѣляетъ 433 руб. 33 коп., такъ какъ я

писалъ въ таможеню и какъ теперь повторяю. Ежели таможенѣ сіе покажется дешево, то потому, что таможенное вино покупаютъ для себя у жидовъ, и не покупаютъ его въ Славоніи, а покупаютъ въ Радзивилловѣ; извѣстно же, какъ сей народъ торгуетъ. Когда таможня говорить о заграничныхъ цѣнахъ, то она не можетъ о другихъ, какъ о Бродскихъ цѣнахъ говорить, а что оно въ Бродахъ можетъ около трехъ тысячъ стоять; сіе есть безсумнѣнно; но здѣсь не спрашивается, по чему сіе вино можно въ Бродахъ купить, а спрашивается, по чему я его купилъ, а же сказалъ, свидѣтельствомъ доказалъ и теперь повторяю, что я купилъ за 1300 флориновъ, и требую непременно, чтобы мнѣ всякой вѣрилъ, когда я такимъ образомъ доказываю. Ежели взять провозъ изъ Славоніи до Бродъ, т. е. съ одной стороны отъ границы турецкой въ другую сторону до границы россійской, чрезъ всю имперію австрійскую; ежели взять, что изъ Венгрии въ Галицію или изъ Галиціи въ Броды платится питейная подать, ежели взять, что жидъ или всякой другой купецъ, торгующій виномъ, оное безъ барыша не отдастъ, то безсумнѣнно въ Радзивилловѣ уже столько платить за вино надобно. Но сомнѣваться въ томъ, что вино стоитъ 433 руб. въ моей родинѣ, значить тоже самое, что сомнѣваться, бывши въ Петербургѣ, ежели кто пріѣхавшій изъ Харькова скажетъ, что здѣсь можно купить иногда возъ арбузовъ за рубль, между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ рублями платять за одинъ арбузъ, или что здѣсь ведро хорошихъ вишенъ продаютъ за тридцать копѣекъ, когда въ Петербургѣ за десятокъ платять рубль. Сія страшная разность въ одномъ и томъ же государствѣ служить доказательствомъ, что таковая разность можетъ гораздо легче и должна даже случиться, когда продукты проходятъ изъ государства, изобилующаго ими, въ другое государство, гдѣ ихъ весьма мало. Кому изъ ученыхъ или по крайней мѣрѣ читавшихъ статистику Венеціи неизвѣстно, что часто случалось такое изобиліе винограда, что хозяева столько ведеръ вина всякому даютъ, во сколько ведеръ бочки получаютъ. Сіе ежели неизвѣстно таможенѣ, оспаривать нельзя, ибо довольно есть венгровъ въ Петербургѣ, которые сіе, въ статистикахъ напечатанное, можетъ быть онымъ видѣли; при семъ разительномъ примѣрѣ, можетъ ли еще послѣ онаго таможня означать цѣну вина?

3) Извѣстно университету и самому г. министру народнаго просвѣщенія, его сіятельству графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, что я послѣ почти семилѣтняго моего служенія при университетѣ, въ различнѣйшія будучи употребляемъ должности, въ одно и то же время, и занимая даже кромѣ своей, чрезъ теченіе трехъ лѣтъ, катедру сельскаго домоводства, я столь разстроилъ свое здоровье, что по увѣренію

медиковъ въ одномъ только путешествіи, въ дыханіи отечественнымъ воздухомъ и въ употребленіи минеральныхъ водъ спасеніе найти могу. Къ несчастію моему политическія обстоятельства, принудившія меня оставить отечество свое, за семь лѣтъ предъ симъ, еще не перемѣнились при побѣдѣ моей въ Австрію, и я, находясь тамъ въ непріятномъ положеніи, употреблялъ минеральныя воды, все отчаяваясь въ выздоровленіи, и только въ Славоніи дыша воздухомъ, въ которомъ свѣтъ узрѣлъ, и питаюсь плодами, щедро изліянными на сей край рукою природы, началъ выздоравливать; но въ Славоніи нельзя мнѣ было долго прожить, потому что причиною путешествія моего предполагали быть не нездоровье, и Аргусовыми глазами смотрѣли на меня по предписанію свыше. Ежели я, слѣдовательно, самаго того плода, который возвратилъ мнѣ здоровье, вывезъ съ большими издержками, то само по себѣ разумѣется, что сіе для употребленія, ибо кто только чрезъ семь лѣтъ можетъ видѣть свое отечество, почему таковому человѣку не употребить нѣкую сумму для своего удовольствія, особливо ежели онъ издержки таковыя понестъ въ состояніи, какъ я сіе могу.

4) Наконецъ, относительно наименованія сосудовъ (предполагая, что ихъ наименовалъ я боченками, ибо, какъ я ихъ наименовалъ, не припомню, не оставя у себя копій съ отношенія моего въ таможеню), то оное должно изъяснить слѣдующимъ образомъ. Въ Славоніи и Венгріи сербы называютъ сосудъ отъ одного до шести ведеръ венгерскихъ, т. е. отъ 4 до 24 російскихъ, не именовъ рода, но именовъ вида, т. е. одно, два, три, четыре, пять, шесть ведеръ. Иногда употребляютъ италянское слово барило. — Отъ шести до пятнадцати ведеръ называютъ буре, сирѣчь бочка, отъ 50 до 300 ведеръ, т. е. 1200 русскихъ, называется ардоерь, которое различіе существуетъ ли въ російскомъ языкѣ не знаю, слѣдовательно, поелику всѣ мои сосуды меньше нежели 6 ведеръ венгерскихъ, я ихъ по моему понятію иначе и назвать не могу какъ боченками, я же писалъ по своему понятію. — Въ Россіи называютъ продолговатую рюмку покаломъ, а у сербовъ въ Славоніи подъ именемъ покала разумѣется сосудъ, въ которой входитъ немножко больше, нежели шампанская бутылка вина; и такъ какъ здѣсь пьютъ за здоровье изъ бокаловъ своихъ, такъ и тамъ пьютъ изъ бокаловъ же. Слѣдовательно, ежели бы я, говоря о здѣшнемъ покалѣ, назвалъ покальчиномъ, то бы сіе справедливо было по моему понятію о сербскихъ покалахъ. Совершенно такъ справедливо есть и наименованіе сосудовъ боченками, въ сравненіи венгерскихъ бочекъ. Впрочемъ всякой народъ имѣетъ свою единицу для мѣры, и понятія наименованій различныхъ мѣръ относятъ къ сей своей единицѣ. А поелику бочки, по законамъ

таможни, пропускаются при свѣтѣ дня, то какъ бы я ихъ не назвалъ, не нужно было тамождѣ къ названію прицѣпляться, которое не есть существо вещи.

Изъяснивъ такимъ образомъ предметъ сей, покорнѣйше прошу онаго правленія: во 1-хъ, представить сіе мое объясненіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я его даю, высшему начальству; во 2-хъ, представить его сіятельству господину министру народнаго просвѣщенія невыгоды, встрѣчающіяся при покункѣ книгъ въ чужихъ краяхъ профессорами на аукціонахъ, и объ испрошеніи сей Монаршей милости профессорамъ, занимающимся ревностною службою, чтобы за переплетъ старыхъ книгъ не платили; въ 3-хъ, ежели пожитки, выписываемые профессорами изъ чужихъ краевъ, должны быть считаемы по цѣнамъ тамошнимъ, то и цѣну вина поставить въ чотыреста тридцать три рубля; если же по цѣнамъ здѣшнимъ, то по опредѣленію таможни. Профессоръ А. Стойковичъ ¹⁾. 6 августа 1811 года⁴.

Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками полнаго текста той бумаги таможни, которая вызвала только что приведенную отповѣдь Стойковича, хотя о содержаніи ея можно судить по отвѣту этого послѣдняго. Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, у всякаго читателя послѣ прочтенія объясненія Стойковича должно сложиться подозрѣніе, что онъ хотѣлъ заплатить пошлины за вино гораздо меньше, чѣмъ было нужно въ дѣйствительности, желалъ, какъ говорится, выгадать на этомъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ „наказать казну“. И хотя его объясненіе представляетъ въ своемъ родѣ шедевръ искусства и ловкости, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ все таки выдаетъ себя слишкомъ матуными доводами. Таковы его разъясненія касательно боченковъ: не смотря на всѣ его доказательства или, правильнѣе говоря, вслѣдствіе ихъ у насъ невольна складывается убѣжденіе, что это были не боченки, а бочки. Въ самомъ дѣлѣ изъ его же словъ оказывается, что въ каждомъ изъ этихъ боченковъ было нѣсколько менѣе 24 русскихъ ведеръ вина; а если въ нихъ было по 20 ведеръ, то это были уже не боченки, а скорѣе бочки. За тѣмъ Стойковичъ въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ говоритъ о самомъ важномъ пунктѣ въ этомъ дѣлѣ — о *значеніи вина*. Изъ его словъ видно, что онъ предназначалъ это вино исключительно для собственнаго употребленія; но насъ невольна поражаютъ размѣры заказа; таможни оцѣнила его почти въ 3000 р.; Стойковичъ же говоритъ, что если бы это было красное токайское, то стоило бы по крайней мѣрѣ 20000 руб.; самъ онъ оцѣнилъ его въ 483 р., но нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта оцѣнка сильно приуменьшена, хотя

¹⁾ Ibidem.

онъ и старается всячески насъ убѣдить, что за такую сумму оно именно было куплено на мѣстѣ въ Славови и даже ссылается въ доказательство на счетную квитанцію продавца. Смущаетъ насъ также и то обстоятельство, что таможня сочла это вино не простымъ славонскимъ, а венгерскимъ: должна же она была имѣть для этого какія-нибудь основанія! Невольно припоминается здѣсь, что въ слѣдующемъ 1812 г. Стойковичъ былъ обвиненъ Васильевымъ въ беспошлинномъ провозѣ именно *венгерскою вина*. Въ концѣ концовъ, если *оправдательной* записки Стойковича и недостаточно для обвиненія его въ нарушеніи казеннаго интереса, то онъ все-таки долженъ быть оставленъ въ сильномъ подозрѣніи по этому дѣлу. Во всякомъ случаѣ дѣло это прошло для него вполнѣ безнаказанно, да и по существу своему являлось скорѣе проступкомъ противъ чести и нравственности, чѣмъ противъ уголовныхъ законовъ. Безнаказанность же эта, какъ это всегда бываетъ съ людьми безъ нравственныхъ устоевъ, только усилила его желаніе поискать мѣръ и средствъ, чтобы вовсе не платить пошлинъ въ ненавистную ему таможню. И такія средства были вскорѣ изобрѣтены ловкимъ, хитрымъ Стойковичемъ. Онъ покровительствовалъ своимъ землякамъ — сербамъ и другимъ славянамъ, вызывалъ ихъ на службу въ Россію, давалъ мѣста учителей въ гимназіяхъ и т. п. Естественно, что они чувствовали себя обязанными за это покровительство и въ свою очередь готовы были отплатить услугой за услугу. Да и вообще среди учителей Харьковскаго округа были лица, готовые всячески заискивать у всемогущаго главы университета, объединившаго въ своей персонѣ, съ отъѣздомъ въ Варшаву Потоцкаго, и власть попечителя. Стойковичъ рѣшился воспользоваться этимъ послушнымъ элементомъ для собственной наживы. Каждый иностранецъ, переходившій на службу въ Россію, имѣлъ право по закону привезти съ собою беспошлинно разныхъ товаровъ на 3000 р. И вотъ, якобы на деньги, доставшіяся по наслѣдству учителю Паратичу, онъ приобрѣтаетъ въ Австро-Венгріи вино и разныя другія вещи, *беспошлинно* ввозитъ ихъ въ качествѣ имущества Паратича въ Россію и за тѣмъ продаетъ все это съ большимъ барышомъ, частію самъ, а частію посредствомъ учителей, которые должны были выступить въ несвойственной имъ роли комиссіонеровъ.

Въ такомъ видѣ представляется это печальное дѣло по слѣдствію, вызванному публичными формальными изобличеніями адъюнкта Васильева, поданными въ совѣтъ университета въ 1812 году. Къ подробнаго мы теперь и переходимъ.

Адъюнктъ архитектуры Васильевъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Харьковѣ; это объясняется съ одной стороны его

спеціальністю, а съ другою—характеромъ. Онъ читаль лекціи по архитектурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ практикомъ-архитекторомъ. „Все что въ Харьковѣ до 1832 года построено лучшее, начиная отъ Дворянскаго собранія, университетскихъ зданій и соборной колокольни до купеческихъ порядочныхъ домовъ есть его, Васильева, произведевіе“; такъ говорить о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ современникъ Т. С. Селивановъ. „Мало было людей въ Харьковѣ, которые бы его не знали; это былъ весельчакъ, любитель общества и веселыхъ компаній, открытый, безпечный, беззаботный; онъ могъ, говорить Т. С. Селивановъ, получать большія деньги и подарки, но получалъ немного и изъ того не все домой приносилъ“. Состоя преподавателемъ архитектуры, занимая должность университетскаго архитектора, ведя городскія постройки и будучи при этомъ безпечнымъ человѣкомъ, онъ, естественно, манкировалъ лекціями и нерѣдко отлучался изъ города, чтобы заняться постройками у своихъ пріятелей-помѣщиковъ¹⁾. Въ университетѣ однако онъ, очевидно, стяжалъ себѣ репутацію практика и дѣльца, хорошо знакомаго не только съ строительною частью, но и съ юридическими вопросами, съ законами; объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что онъ въ теченіе 5 лѣтъ состоялъ синдикомъ, а на эту должность избирались обыкновенно только опытные юристы. Впрочемъ онъ отчасти и подготовился къ этому своею предшествующей дѣятельностью, ибо до назначенія въ Харьковъ служилъ въ Петербургскомъ городскомъ магистратѣ, и засѣдателемъ въ Богодуховскомъ земскомъ судѣ. Это былъ человѣкъ, обладавшій художественнымъ вкусомъ и его архитектурные проекты заслуживали одобренія высшаго начальства. За составленный имъ планъ, признанный министромъ и всѣми членами главнаго правленія училищъ „весьма красивымъ и доказывающимъ знаніе въ архитектурѣ и дарованія трудившагося надъ онымъ“, онъ получилъ отъ попечителя округа въ 1805 г. полную благодарность. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ В. Н. Каравинимъ, который его привлекъ въ Харьковскій университетъ и пользовался его услугами для созданія своихъ грандіозныхъ строительныхъ плановъ. Таковъ былъ человѣкъ, рѣшившійся вступить въ борьбу съ ректоромъ Стойковичемъ.

Стойковичъ, какъ мы знаемъ, былъ грозный противникъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени ловкій, практическій, умный, обладавшій огромными административными и дипломатическими способностями, съумѣвшій высоко себя поставить, какъ въ самомъ университетѣ, такъ

¹⁾ Изъ его жалобы на ректора Стойковича видно, что онъ въ одно лѣто заложилъ по своему плану дома и церкви у помѣщиковъ — Герсевича, Захаржевскихъ, Норова, Шидловской, Квитки, Альховскаго.

и во мѣнѣннѣхъ попечителя и министерства. Роммель отзывался о немъ такъ: „нашимъ гениемъ добра и зла былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны русскихъ и нѣмцевъ, честолюбивый сербъ *Стойковичъ*. Его высокая худоцавая фигура, строгое съ ормичнымъ носомъ лицо вызывали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административные таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе... Скромныя занятія ученаго не были его призваніемъ и настоящая арена открылась для него съ выборомъ въ ректоры: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ вполне развернулъ необыкновенную, можно сказать, политическую свою дѣятельность... Онъ едва не вздумалъ отстаивать независимость нашего университета (имѣется въ виду, очевидно, его роль въ курскихъ беспорядкахъ)... Всегда готовый на обширныя планы, онъ сильно поддерживалъ нѣмцевъ, когда задумали было вызвать новыхъ профессоровъ изъ Германіи... Не будучи самъ выдающимся ученымъ, онъ однако способствовалъ учрежденію въ Харьковѣ ученаго общества при университетѣ. Его склонность къ смѣльнымъ проектамъ выразилась между прочимъ въ томъ, что онъ поднималъ вопросъ о переводѣ Харьковскаго университета въ другой городъ въ виду ужасныхъ гигиеническихъ условій Харькова. Наконецъ, замѣтимъ, что и въ знакомствахъ своихъ онъ держался преимущественно высшаго круга“. И нельзя не сознаться, что Стойковичъ былъ дѣйствительно незаурядный университетскій дѣятель — энергичный, умный администраторъ. При этомъ онъ занялъ совсѣмъ особенное и чрезвычайно выгодное для него положеніе чловека, стоявшаго внѣ тогдашнихъ партій — русской и иностранной; онъ не принадлежалъ ни къ той, ни другой, а между тѣмъ пользовался преимуществами первой и второй; иностранцы предпочитали его русскимъ кандидатамъ на разные университетскія должности, потому что видѣли въ немъ все таки европееца по мѣсту рожденія, воспитанія и научнымъ стремленіямъ; правительство же смотрѣло на него какъ на единовѣрца и единоплеменника, рѣшившагося посвятить всѣ свои силы служенію Россіи, и потому, какъ мы видѣли, всячески покровительствовало ему. Самъ же онъ отличался огромнымъ честолюбіемъ, которое двигало его по пути служебныхъ отличій и карьеры. Къ сожалѣнію, главнымъ двигателемъ его на ряду съ честолюбіемъ былъ матеріальный расчетъ, корыстные побужденія, заставлявшія его дѣлать такіе поступки, которые совершенно не гармонировали съ достоинствомъ ректорскаго званія. „Понемногу, говоритъ Роммель, открылись его торговныя спекуляціи, подрывавшія казну и состоявшія въ безошлинномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, особенно венгерскаго вина. Началось скандальное слѣдствіе: онъ лишился должности“. Розаліонъ-Сопальскій прямо называетъ Стойковича корыстолю-

бывшимъ человекомъ, прибавляя при этомъ, что и женился онъ на богатой помещицѣ Голубовой изъ корыстныхъ побужденій, польстившись на ея приданное ¹⁾.

Что собственно послужило причиною вражды между Васильевымъ и Стойковичемъ, въ точности неизвѣстно. Можно только думать, что едва ли высшія нравственныя соображенія подвинули Васильева на его доносъ. По всей вѣроятности, ссора возникла изъ столкновеній, вызванныхъ должностями и характеромъ обомъ дѣйствующихъ лицъ: ректоръ долженъ былъ постоянно стакиваться въ своей хозяйственной дѣятельности съ архитекторомъ; если къ этому прибавить, что ректоръ отличался властолюбивымъ характеромъ, а Васильевъ былъ горячъ, откровененъ и, быть можетъ, нѣсколько самоувѣренъ, то на такой почвѣ и могли произойти разногласія, тѣмъ болѣе, что Стойковичъ стремился изъ своей ректорской должности извлечь какъ можно болѣе выгоды. Между нимъ и Васильевымъ, вѣроятно, произошло то, что раньше случилось съ Делявинымъ; „помню, разсказываетъ Роммель, какъ однажды онъ крупно поспорилъ съ ректоромъ Стойковичемъ за то, кому пользоваться травою изъ огромнаго ботаническаго сада“. Что ближайшій поводъ къ враждѣ былъ практическаго свойства, въ пользу этого говоритъ и характеръ пререканій, и одно частное обстоятельство. Оказывается, что вражда началась въ 1812 г., когда вмѣсто Васильева, занимавшаго дотогдѣ должность университетскаго архитектора, назначено было другое лицо. Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что виновникомъ удаленія его отъ должности былъ ректоръ, и понятное дѣло, что Васильевъ могъ за это быть на него въ большой претензіи.

Сущность жалобы, поданной Васильевымъ въ совѣтъ 18 сентября 1812 года, заключается въ слѣдующемъ. По объясненію его, ректоръ предъявлялъ къ нему, какъ архитектору, слишкомъ строгія и незаконныя требованія, а именно: 1) требовалъ объясненія по поводу его отлучекъ изъ города во время каникулъ; 2) приказалъ эстафетою немедленно вернуться въ Харьковъ будто бы для исполненія порученія, которое ему не было дано; 3) велѣлъ ежедневно осматривать работы на крышахъ университетскихъ зданій; „цѣль же всѣхъ этихъ предписаній ректора, прибавлялъ Васильевъ, была та, чтобы лишить меня доходовъ, приобретаемыхъ мною отъ занятій постройками для частныхъ лицъ и необходимыхъ для содержанія моего многочисленнаго семейства“.

¹⁾ Должно думать, что Стойковичъ, при неоспоримыхъ достоинствахъ какъ ученаго и профессора, былъ очень корыстолюбивъ. Женился онъ на дворянкѣ Бахмутскаго уѣзда (Екатери. губ.) Голубовой, какъ вся обстановка показывала, изъ денежныхъ видовъ. („X. Губ. Вѣд.“, 1869, № 44).

Но вслѣдъ за этимъ объясненіемъ, служащимъ отвѣтомъ на запросы и требованія ректора, у Васильева идетъ уже настоящій обвинительный актъ противъ этого послѣдняго. „Можно ли человѣку, ничѣмъ не запятнавшему свою службу, пишетъ онъ, уважать начальника, который изъ университета сдѣлалъ торговое мѣсто, отерывъ въ погребахъ его ведерную и бутылочную продажу вина? Могъ ли я дорожить мнѣніемъ о моемъ отъѣздѣ изъ Харькова во время вакацій того начальника, который самъ въ продолженіе цѣлаго года не посѣщалъ аудиторіи? Возможно ли честному члену совѣта прійти съ просьбою объ отпускѣ къ ректору, который самопроизвольно передалъ торговкѣ Розалии имущество учителя Билинскаго, принадлежащее пенсіонной суммѣ? Какого уваженія заслуживаетъ начальникъ, который унижалъ свое званіе до мелочнаго торгаша лентъ, матерій, гранатъ, остатковъ? Всѣ эти самопроизвольныя и незаконныя дѣйствія, столь явно совершаемыя, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣмъ членамъ совѣта и не открыты высшему начальству только потому, что сообщеніе этого рода имѣло бы видъ доноса, всегда представляющагося каждому русскому чѣмъ то ужаснымъ, и я бы никогда этого не сдѣлалъ, если бы самъ ректоръ не потребовалъ отъ меня актомъ показать причины моего къ нему неуваженія“.

25 сентября состоялось засѣданіе совѣта, на которое рѣшено было передать жалобу Васильева на разсмотрѣніе правленія; но такъ какъ во главѣ правленія стоялъ ректоръ, то выбрали особаго предсѣдателя проф. Срезневскаго (хотя нѣкоторые и находили это излишнимъ въ виду того, что законъ не предусматривалъ такого случая). На это обстоятельство ¹⁾, а также на предсѣдательство въ совѣтѣ проф. Осиповскаго, (а не проректора, какъ того требовалъ уставъ), было указано Стойковичемъ, какъ на отступленіе отъ требуемыхъ закономъ формальностей (въ совѣтскомъ засѣданіи 2 октября); были отмѣчены и другія отступленія отъ правилъ устава ²⁾, которыя, по мнѣнію Стойковича,

¹⁾ Quaeque, говорятъ Стойковичъ, ubi sunt illae leges imperii, ubi consuetudo, ubi paragraphi statutorum nostrae universitatis, qui permittunt ut loco rectoris, a sua Caesarea Majestate confirmati, eligatur praeses Directorii? Etenim, si Summus Imperator hoc voluisset, mentio hujus rei certe paragrapho 150 (ubi hic casus expresse occurrit) injecta fuisset. Statuta autem altum de hac re silent, leges imperii vetant et consuetudo nunquam ab initio inde hujus imperii obtinuit, ut membra alicujus collegii pro lubitu in quacunque re praesidem eligant“.

²⁾ Такъ между прочимъ Стойковичъ отмѣтилъ, что 4 члена совѣта высказались вообще противъ выборовъ особаго предсѣдателя въ правленіи (Дегуровъ, Лангъ, Роммельъ и Делявинъ), а между тѣмъ имена ихъ, неизвѣстно почему, числятся среди лицъ, участвовавшихъ въ избраніи.

уничтожали значеніе постановленія, сдѣланнаго въ предыдущемъ засѣданіи; самымъ важнымъ изъ нихъ было то, что жалобу на ректора нужно было направить прежде всего по 150 § устава въ правленіе, а не совѣтъ, который являлся высшей инстанціей. Отмѣтивъ цѣлый рядъ нарушеній законовъ и обычаевъ, Стойковичъ говоритъ слѣдующее (мы приведемъ это мѣсто въ подлинникѣ, потому что оно даетъ понятіе объ его краснорѣчии и литературныхъ талантахъ): „servanda sunt a nobis, clarissimi viri, sanctissime statuta, quibus suae Caesareae Majestati placuit benignissime hanc suam universitatem munire, namque si nosmet ipsi contra ea agere perrexerimus et nostras decisiones eis non conformaverimus, tum ipsi erimus in culpa, si jura et praerogativae nobis non concessa... nobis adimantur. Etenim nulla ratio adduci posset, cur properatum sit ad electionem; universitas enim et omnia, quae ad eam pertinent, sunt in maxima quiete et non fuit periculum, ne per moram detrimentum aliquod patiatur“¹⁾. Въ этомъ замѣчаніи много справедливаго. Дѣйствительно, жаль, что въ такомъ серьезнѣйшемъ дѣлѣ, какъ судъ надъ ректоромъ по обвиненію его въ *тяжкомъ преступленіи*, совѣтъ нарушилъ нѣкоторыя формальности и дѣйствовалъ слишкомъ быстро и недостаточно осмотрительно. Но это, конечно, объясняется тѣмъ общимъ возбужденіемъ, которое, очевидно, существовало противъ Стойковича среди профессоровъ. Васильевъ, подавая свою жалобу, несомнѣнно, рассчитывалъ на сочувствіе къ себѣ большинства; можно даже сказать, что во 2-й части своей жалобы, связанной только механически съ первой, онъ просто явился выразителемъ общаго настроенія. Нужно, впрочемъ, прибавить, что отвѣтъ ректора вызвалъ объясненія Осиповскаго, подробно разобравшаго указанія Стойковича на неправильности, будто бы допущенныя въ засѣданіи совѣта, и въ значительной степени ихъ опровергнувшаго²⁾.

Н. А. Лавровскій, разобравъ подробно объясненія Стойковича и Осиповскаго, приходитъ къ заключенію, что совѣтъ отнесся къ дѣлу Стойковича слишкомъ страстно. „Вражда раздула это дѣло и тотчасъ сообщила ему размѣры, какихъ оно въ дѣйствительности не имѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что при иныхъ условіяхъ былъ бы прежде всего отвергнутъ совѣтомъ самый доносъ, какъ не подлежащій его вѣдѣнію и недостойный его; при иныхъ условіяхъ онъ, можетъ быть, и не появился бы въ совѣтѣ, потому что самое появленіе его, очевидно, вызвано было личными отношеніями“. Мы съ этимъ согласиться не можемъ. Дѣло это можно счи-

¹⁾ Acta, 1812, стр. 343—345, 346—352.

²⁾ Это было сдѣлано въ засѣданіи 6 ноября; ib. стр. 381—384.

тать мало важнымъ только въ той его части, которая относится къ личному столкновению Васильева со Стойковичемъ — и здѣсь оно дѣйствительно было раздуто Васильевымъ. Но въ немъ была другая сторона, имѣвшая огромное общественное значеніе — это обвиненія Васильевымъ Стойковича въ торговлѣ и при томъ противозаконной. Хотя мы и замѣтили выше, что обвиненія эти были вызваны, по всей вѣроятности, личнымъ раздраженіемъ Васильева, но это не уничтожаетъ ихъ серьезности. Н. А. Лавровскій говоритъ, что доносъ Васильева не подлежалъ вѣдѣнію совѣта; но вѣдь совѣтъ и не разбиралъ его по существу, а передалъ на разсмотрѣніе правленію, какъ того требовалъ уставъ. Н. А. Лавровскій полагаетъ, что совѣтъ долженъ былъ бы отвергнуть этотъ „доносъ“, какъ недостойный его; но это не былъ доносъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: это было явное обличеніе человѣка, позорившаго своими поступками честь университета, направленное при томъ въ ту самую коллегію, которая стояла на стражѣ нравственныхъ интересовъ всего учрежденія и потому прежде всего должна была узнать о предосудительныхъ дѣйствіяхъ своего начальника, представителя и вмѣстѣ съ тѣмъ товарища. Правда, что совѣтъ отнесся къ дѣлу Стойковича очень страстно; но могъ ли онъ сохранить спокойствіе при такомъ тяжкомъ обвиненіи, въ особенности, когда, по словамъ Васильева, о торговлѣ ректора знали уже и безъ того всѣ? Между тѣмъ Стойковичъ, чувствуя шаткость своего положенія, рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы дѣло его было перенесено въ Петербургъ въ министерство. Онъ полагалъ, что ему можетъ быть удастся такимъ образомъ вывернуться изъ бѣды: тутъ ему могла помочь дальность разстоянія, его дипломатическіе таланты, ловкость и изворотливость, умѣнье писать бумаги и, наконецъ, недобѣрчивость министерства къ доносамъ. Въ Харьковѣ же, очевидно, никто не сомнѣвался въ его виновности и потому тутъ онъ едва ли могъ рассчитывать на благопріятный исходъ своего дѣла, какъ въ правленіи, такъ и въ совѣтѣ (въ особенности послѣ того, какъ предсѣдателемъ правленія по его дѣлу былъ избранъ Срезневскій). И вотъ 30-го октября онъ обращается въ совѣтъ съ такимъ прошеніемъ: „всѣмъ вамъ довольно извѣстно о моей болѣзни; но мысль о моей обязанности, которую я свято чтить, всегда мѣшала мнѣ воспользоваться и самымъ малымъ временемъ свободы для собственнаго здоровья и это съ тѣхъ поръ, какъ Его Императорскому Величеству угодно было возложить на меня должность ректора университета. Много и весьма много приходится исполнять ректору такого, что вамъ неизвѣстно, такъ какъ никто изъ васъ не былъ ректоромъ; многія дѣла ректоромъ и оканчиваются, не доходя вовсе до вашего свѣдѣнія. Я весь поглощенъ былъ ими, посвящая имъ дни и

ночи. Думаю, всѣмъ вамъ извѣстно, что я со всею ревностью занимался всѣмъ, что относится къ общему благу. Но уже ослабѣваютъ мои силы, плечи не могутъ долѣ выносить возложеннаго на нихъ бремени. Кровохарканіе, обнаружившееся недѣли двѣ тому назадъ, доказываетъ, что мое здоровье въ опасности“. Въ виду всего этого Стойковичъ просилъ освободить его временно отъ занятій по университету, выбрать проректора и отправить его дѣло къ министру.

Правленіе между тѣмъ энергично вело слѣдствіе надъ ректоромъ. Затребованы были объясненія, какъ отъ него, такъ и отъ Васильева. Объясненія ректора оказались краткими и слишкомъ общими; тутъ, между прочимъ, Стойковичъ высказалъ любопытное сужденіе, что если бы возводимыя на него обвиненія были и справедливы, то они не имѣютъ никакого отношенія къ его служебной дѣятельности; „служба имѣетъ свои правила и не должна быть смѣшиваема съ внутренними домашними дѣлами“; очевидно, что Стойковичъ признавалъ только одинъ кодексъ нравственности — уголовное право. Васильевъ сдѣлалъ цѣлый рядъ фактическихъ указаній по поводу торговой дѣятельности ректора. „Оптовая и мелочная торговля всѣми прописанными вещами (винами, лентами, гранатами и картинами) производилась столь явно, висалъ онъ, какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ нанятомъ домѣ Дмитріевой, что она извѣстна была всему городу и передъ глазами всѣхъ членовъ университета, на которыхъ я въ справедливости сказаннаго и ссылаюсь“. Между прочимъ, прибавляетъ далѣе Васильевъ, нѣсколько бочекъ вина и значительное количество гранатъ было отправлено для продажи учителю Курской гимназіи Паратичу; покупали вино у ректора харьковскіе обыватели — Коссовскій и Сердюковъ (первый три ведра, а второй бочку); ведрами платилось по 35, а бочкою по 30 рублей ведро; почетный смотритель Купянскаго уѣзднаго училища Элли купилъ много вина и до 40 картинъ; большую же часть вина, картинъ, лентъ и гранатъ продалъ въ Харьковѣ въ домѣ Дмитріевой иностранецъ Лангнеръ, состоящій нынѣ преподавателемъ иностранныхъ языковъ въ Екатеринославской губерніи; для продажи ректорскихъ товаровъ онъ былъ даже отправляемъ въ Москву; картинъ было болѣе 200—и по оцѣнкѣ, произведенной учителемъ рисованія Матесомъ и самимъ Васильевымъ, каждая изъ нихъ стоила отъ 25 до 100 руб. Однихъ гранатъ продано было Паратичемъ на 1300 руб.; ленты же отданы на продажу частію торговкѣ Розалин, имѣвшей въ Харьковѣ модную лавку, а частію Лангнеру. По поводу объясненія Стойковича, что всѣ эти обвиненія относятся къ его частной жизни, Васильевъ замѣчаетъ: „всякій знаетъ, что публичный учитель къ знаніямъ, ему потребнымъ, долженъ

приобщить строгую нравственность и честное поведение; почему же ректоръ думаетъ иначе, о томъ судить предоставляю правительству". Отъ ректора потребовали опроверженія этихъ доказательствъ — и онъ послѣ долгаго промежутка времени далъ его правленію. Здѣсь опять обвиненія въ торговлѣ называетъ онъ частнымъ дѣломъ, удивляется, почему его допрашиваютъ по поводу его, и за тѣмъ доказываетъ, что никому онъ за деньги вина не отпуская, что Паратичъ продавалъ ленты и гранаты, купленные на деньги, доставшіяся ему по наслѣдству въ Венгріи, и что если Лангнеръ и продавалъ товары, то онъ и ректоръ — два совершенно различныхъ лица. Вслѣдъ за тѣмъ явились въ правленіе Стойковичъ и Васильевъ и подали просьбу о примиреніи и прекращеніи дѣла. Но правленіе рѣшило все-таки продолжать слѣдствіе о незаконномъ торгѣ ректора, какъ о дѣлѣ публичномъ, а не частномъ. Прежде всего члены правленія отправились въ ректорскій погребокъ, чтобы изслѣдовать количество и качество находящагося въ немъ вина, но слѣдствіе не привело ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. За тѣмъ дѣло вышло за стѣны университета и приняло по истинѣ грандіозныя размѣры. Допрошены были Курскіе учителя, Екатеринославскій учитель Лангнеръ, университетскій педель Ломаковскій, профессора Дегуровъ и Ванотти, учитель рисованія въ университетѣ Матесъ, добровольно явился со своими показаніями проф. Шадъ, намѣревались сдѣлать запросы разнымъ таможникамъ и т. д. Курскіе учителя — Рудневъ, Пузановъ и Василевскій — подтвердили обвиненіе Васильева; они показали, что Паратичъ получилъ отъ Стойковича по почтѣ ящикъ съ золотыми часами и гранатами, и письмомъ, въ которомъ тотъ поручалъ ему продать находившіяся здѣсь товары за назначенную имъ цѣну. Паратичъ исполнилъ эту комиссію, но при этомъ, не разобравъ въ точности обозначенныхъ ректоромъ цѣнъ, продалъ дешевле, чѣмъ было нужно, и потому долженъ былъ впослѣдствіи отбирать назадъ проданныя вещи и возвращать деньги, хотя все-таки, благодаря этому, приплатился изъ собственнаго кармана. Профессора Дегуровъ и Ванотти показали, что ректоръ, по ихъ просьбѣ, продалъ имъ по ведру вина съ платою по 30 и 25 руб. за ведро. Матесъ подтвердилъ заявленіе Васильева на счетъ оцѣнки картинъ или, какъ онъ называетъ ихъ, эстамповъ. Шадъ явился въ правленіе съ 10 кусками цѣлыхъ и начатыхъ лентъ и со спискомъ ихъ, писаннымъ рукою самого ректора; эти ленты не были проданы Паратичемъ и онъ передавалъ ихъ Стойковичу черезъ жену Шада; этотъ же послѣдній официально возвращалъ ихъ ректору черезъ правленіе, добавляя при этомъ, что ему нѣсколько разъ Паратичъ говорилъ, что вещи эти ректора и что онъ только изъ боязни и располо-

женія къ Стойковичу, какъ своему начальнику и земляку, далъ ложное показаніе, будто онѣ приобрѣтены имъ на деньги, полученныя по наслѣдству. Обо всѣхъ этихъ показаніяхъ узнавалъ, конечно, своевременно Стойковичъ отъ своихъ друзей. И вотъ онъ направляетъ въ совѣтъ два новыя объясненія. Въ первомъ онъ силился доказать, что Паратичъ продавалъ свои собственныя вещи, а не ректорскія, и закончилъ свою рѣчь угрозою примѣнить 17 § университетскаго устава, т. е. прибѣгнуть къ военнымъ или гражданскимъ властямъ. Во второй бумагѣ Стойковичъ пытается подорвать значеніе показаній Курскихъ учителей, какъ лицъ, которые недавно выступали доносчиками на университетъ (въ извѣстномъ нами дѣлѣ о Курскихъ беспорядкахъ) и опять-таки требуетъ отсылки его дѣла въ Петербургъ къ министру. Отзывъ этотъ былъ разосланъ для заключеній всѣмъ членамъ совѣта, и любопытно, что въ пользу отправленія дѣла Стойковича въ Петербургъ высказалась половина членовъ совѣта — Гизе, Дрейсигъ, Ванотти, Швейкардтъ, Лангъ, Пильгеръ и Дегуровъ; другая половина — Роммель, Каменскій, Книгинъ, Осиповскій, Срезневскій, Шумлянскій и Шадъ, — наоборотъ, стояла за продолженіе слѣдствія. Любопытен отзывъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ. Швейкардтъ, напримѣръ, совѣтовалъ „просить министра о снисходительномъ отвращеніи отъ университета скандала въ столь пустомъ дѣлѣ“. Дегуровъ объявилъ: „такъ какъ дѣло между ректоромъ и Васильевымъ тавется уже 8 мѣсцевъ и не предвидится, когда правленіе окончитъ свой судъ, а между тѣмъ немедленное установленіе мира, для блага науки, въ нашемъ университетѣ необходимо, и такъ какъ ректоръ жалуется на незаконность дѣйствій правленія, а обсужденіе дѣла въ совѣтѣ угрожаетъ еще большими раздорами, то слѣдуетъ всѣ относящіяся сюда бумаги немедленно препроводить къ министру“. Но рядомъ съ этимъ спокойнымъ предложеніемъ мы находимъ слѣдующій рѣзкій отзывъ секретаря совѣта Ланга объ извѣстномъ намъ свидѣтельскомъ показаніи проф. Шада въ правленіи университета: „весьма удивляюсь, какъ осмѣливается этотъ человекъ, какъ членъ совѣта, высказывать свое мнѣніе въ настоящемъ дѣлѣ, когда онъ, какъ самъ говоритъ, представилъ въ правленіе ленты, о которыхъ еще неизвѣстно, кому они принадлежать, съ тою цѣлію, чтобы обнаружить свои предательскіе помыслы, когда онъ такимъ образомъ явился и обвинителемъ и доносчикомъ, какъ осмѣливается высказывать свое мнѣніе тотъ, кто долженъ воздерживаться отъ подачи какого бы то ни было мнѣнія“. Полную противоположность этому составляетъ отзывъ проф. Пильгера: „такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ, писалъ онъ, нѣтъ рѣчи о предметахъ, касающихся образованія и преподаваемой мною науки, и такъ какъ я не имѣю никакихъ свѣ-

дѣній въ юридическихъ наукахъ, то и не могу высказать вѣрнаго мнѣнія, соотвѣтствующаго настоящему дѣлу¹⁾.

Изъ всего этого видно, что многіе члены совѣта были утомлены этимъ прискорбнымъ процессомъ, отражавшимся крайне невыгодно на ученыхъ занятіяхъ университета, и желали, чтобы его поскорѣе разрѣшило своимъ властнымъ словомъ высшее начальство. Къ этому послѣднему теперь и обратились всѣ — и самъ ректоръ, и его противники. Еще 28 ноября 1812 года Стойковичъ отправилъ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому обширное конфиденціальное письмо, въ которомъ старался оправдаться по дѣлу о Курскихъ безпорядкахъ, выставлялъ себя вполне благонамѣреннымъ и усерднымъ слугою министра, перечислялъ свои заслуги на пользу университета и округа и, чтобы рельефнѣе оттѣнить ихъ, не щадилъ темныхъ красокъ для характеристики своего предшественника слабого и бездѣтельнаго, по его словамъ, ректора Рижскаго, при которомъ будто бы университетъ и дѣло образованія во всемъ округѣ пришли въ полный упадокъ и разстройство. Письмо это представляетъ необыкновенно искусный образчикъ оправдательной записки и свидѣтельствуетъ о недюжинномъ талантѣ Стойковича въ составленіи подобныхъ бумагъ: тутъ есть все — и самохвалство, и смѣлое извращеніе фактовъ въ характеристикѣ дѣятельности своего предшественника, который лежалъ въ гробу и не могъ отвѣтить на эти инсинуаціи, и подчеркиваніе своей благонамѣренности, и лесть передъ высшимъ начальникомъ, и даже обѣщаніе публично прославлять его имя. Стойковичъ во что бы то ни стало хотѣлъ вернуть прежнее довѣріе къ себѣ министра, которое было для него столь необходимо и въ новомъ дѣлѣ, въ борьбѣ съ Васильевымъ, членами правленія и совѣта (Васильевъ подалъ свою жалобу на Стойковича 18 сентября 1812 г., а этотъ послѣдній отправилъ письмо министру 28 ноября).

Вотъ подлинный текстъ письма Стойковича на имя министра.

„Ваше сіятельство, М. Г.! Харканье кровью, которое послѣ долговременной грудной болѣзни въ октябрѣ мѣсяцѣ открылось, принудило меня 30 октября просить у совѣта увольненія отъ дѣлъ на нѣкоторое время. Получивъ оное, поѣхалъ я въ Сорочинцы къ прославившемуся тамъ врачу Трофимовскому и, пробывъ у него нѣсколько дней, снабженъ его совѣтами и лѣкарствомъ возвратился въ Харьковъ, гдѣ я засталъ неприятное дѣло о назначенномъ вашимъ сіятельствомъ въ Курскую гимназію визитаторѣ, которое на меня такъ сильно подѣйствовало, что я,

¹⁾ Всѣ приведенныя здѣсь фактическія подробности мы позаимствовали изъ статьи Н. А. Лавровскаго о Стойковичѣ (Чтенія, 1873, кн. 2, стр. 1—37).

при продолжающемся еще кровохарканіи, не токмо своею должностію, но и ничѣмъ на свѣтѣ заниматься не могу и въ единомъ токмо спокойствіи и бездѣйствіи нахожу нѣкоторое облегченіе. Но при всемъ этомъ собираю я послѣднія силы, дабы изъяснить вашему сіятельству сущность того дѣла, на которомъ г. профессоръ Шумлянскій основалъ свой голосъ, дабы вашему сіятельству можно разсудить было о справедливости или несправедливости онаго. Я долженъ начать съ предшествовавшаго сему времени.

Въ послѣднее время ректорства покойнаго профессора Рижскаго университета приближался къ паденію: должности были пренебрегаемы, члены университета иногда по недѣлѣ и по двѣ не ходили въ классы. Въ совѣтѣ часто многіе не бывали, такъ что одинъ разъ должно было разойтись всѣмъ пришедшимъ членамъ, потому что число отсутствовавшихъ было больше половины. Нѣкоторые выѣзжали изъ города не на день и не на два, а на двѣ и три недѣли, не извѣщая ректора о своихъ отлучкахъ, которыя впрочемъ однимъ членомъ адъюнктомъ Васильевымъ и по сіе время продолжались. Многія профессорскія мѣста не были заняты, и науки ихъ не читались. Медицинскіе чиновники кромѣ одного, читавшаго антропологию, брали жалованье по пустому. Наконецъ, одинъ профессоръ во все время съ открытія университета не окончилъ ни одного курса; но сей уже увольняется на всегда. Кабинеты университетскіе (кромѣ физическаго, находившагося подъ моимъ вѣдѣніемъ) были въ безпорядкѣ и безъ описей; бібліотека не имѣла каталога. Въ типографіи университетской такое существовало бездѣйствіе, что на нее болѣе выходило издержекъ, нежели она приносила дохода. Однажды въ ней цѣлый мѣсяцъ не работали, потому, что, какъ увѣрили, дѣла не было. Въ здѣшней гимназіи непослушаніе учениковъ и пансіонеровъ не токмо къ учителямъ, но и къ директору доведено было до такой степени, что когда покойный ректоръ увѣщевалъ учениковъ одинъ разъ публично въ классѣ и угрожалъ имъ, то одинъ изъ сего числа закричалъ: *а что намъ сдѣлаете?* Извѣстно вашему сіятельству и то неустройство, за которое университетъ, наконецъ, принужденъ былъ выключить четырехъ гимназистовъ. Сіи неустройства принудили, наконецъ, совѣтъ пріѣхавшему мнѣ изъ чужихъ краевъ препоручить лично надзоръ за гимназіей и пансіонами.

Въ округѣ университета дѣятельность чрезвычайно была уменьшена. Открытіе уѣздныхъ училищъ почти пріостановилось, а о приходскихъ (которыхъ числомъ двадцать во время моего ректорства въ 1807 году въ здѣшней губерніи къ открытію совершенно были приготовлены и по перемѣнѣ моей также забыты) и не помышляли. Въ

*

херсонской губерніи ни одного училища не было открыто, а таврическая въ такомъ осталась забвеніи, какъ бы и вовсе не принадлежала къ харьковскому учебному округу. Покойный ректоръ или по слабости, или по другой какой-либо причинѣ, мнѣ неизвѣстной, позволялъ всякому дѣлать, что хотѣлъ и какъ кто хотѣлъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла университета, когда я утвержденный по милости вашего сіятельства на три года вступилъ въ должность. Что съ того времени до сего дня публично при университетѣ сдѣлано, частію вашему сіятельству извѣстно изъ донесеній университета. Пополнены вакантныя кафедры, приглашены молодые учителя изъ округа въ университетъ или какъ адъюнкты, или какъ магистры. Трое изъ нашихъ воспитанниковъ посланы для ихъ образованія въ другія мѣста и теперь всѣ науки, положенныя уставомъ, проходятся. Кабинеты приведены въ порядокъ и или описаны, или описываются; бібліотекѣ сдѣланъ временный каталогъ подъ собственнымъ моимъ присмотромъ, немедленно по вступленіи моемъ въ должность; въ типографіи умножено число работниковъ изъ бывшихъ воспитанниковъ нашей и другихъ гимназій, такъ что нынѣ всѣ четыре станка находятся въ дѣйствиіи. Помѣщеніе типографіи распространено; одинъ изъ воспитанниковъ былъ отправленъ въ Москву для изученія словолитному дѣлу, другой же воспитанникъ посланъ для усовершенствованія своего въ переплетеніи книгъ, и оба уже возвратились; дѣла въ типографіи такъ много, что и сіи не успѣваютъ.

Чиновники университета начали и продолжаютъ исполнять должности свои рачительно; студенты прилежаніемъ своимъ и поведеніемъ совершенно отличаются; казеннокоштные же, послѣ двувратнаго очищенія ихъ комнатъ отъ неизщетнаго множества клоповъ и послѣ другихъ нѣкоторыхъ распоряженій, живутъ чисто и опрятно и трудолюбіемъ развѣ токмо Геттингенскимъ воспитанникамъ уступятъ, такъ что г. Швейкардъ и пріѣхавшій изъ Москвы Тауберъ удивлялись порядку и точному исполненію должностей учащихся и учащихъ.

Здѣшняя гимназія и заведенные при ней пансіоны находятся въ самомъ лучшемъ устройствѣ.

Въ округѣ университета сколько въ теченіи сего времени открыто училищъ уѣздныхъ и приходскихъ, вашему сіятельству изъ донесеній извѣстно; въ одинъ высокаторжественный день коронованія Его Величества 15-го сентября сего года открыто ихъ нѣсколько въ разныхъ губерніяхъ, не по случаю, а по распоряженіямъ, мною сдѣланнымъ. Для таврической губерніи присланъ мною человекъ дѣятельный, и тамъ, гдѣ прежде одно токмо уѣздное училище существовало, въ крат-

вомъ времени открыта и гимназія, и почти всѣ уѣздныя училища. Въ херсонской губерніи три уѣздныя училища открыты, а три послѣднія къ открытію совершенно приготовлены. Только потому не были открыты до сего времени, что зараза начала тамо свирѣпствовать. Пятьсотъ приходскихъ училищъ по плану должны быть открыты въ округѣ, изъ которыхъ многіе уже открыты, многіе по военнымъ обстоятельствамъ остановлены, а другіе приготовлены къ открытію. Для устройства же Александровскаго греческаго въ Нѣжинѣ училища и тамошней гимназіи я самъ ѣздилъ.

Безсумнѣнно многія изъ сихъ дѣйствій, то есть тѣ, о которыхъ университетъ обыкновенно доноситъ, извѣстны вашему сіятельству и и обратили на университетъ сей вниманіе ваше, прочія же, которыя только лично можно видѣть, оставались, можетъ быть, вамъ неизвѣстными, потому что попечитель не пріѣзжалъ и никто другой визитаторомъ въ университетъ присылаемъ не былъ. Видя дѣла наши въ такомъ блистательномъ положеніи, естественно было мнѣ, какъ ректору, желать, чтобы кто-нибудь могъ донести подробно вашему сіятельству о состояніи университета и потому я желалъ въ душѣ моей, чтобы ваше сіятельство прислали къ намъ визитатора. Въ самое то время, какъ я сею идеею занимался, получено предложеніе отъ вашего сіятельства объ отправленіи въ Курскую гимназію и другія учебныя заведенія визитатора. И поелику я не могъ знать, будетъ ли г. Дунина-Барковскій и къ намъ въ университетъ, не могъ также знать, можетъ ли Дунина-Барковскій войти подробно во всѣ части университета, о состояніи котораго льстило моему честолюбію, чтобы ваше сіятельство получили подробное свѣдѣніе, то и родилась во мнѣ мысль, нельзя ли будетъ соединить Курское дѣло съ визитаціею университета и просить ваше сіятельство объ отправленіи визитатора изъ ученыхъ высшихъ классовъ. Сіе мое мнѣніе положилъ я на бумагу и прочиталъ въ совѣтѣ, но, увидѣвъ, что со мною не согласовались и что мнѣнія были различны, я остался при своемъ мнѣніи, въ томъ, сирѣчь, что я желаю, что бы посланъ былъ кто нибудь изъ высшихъ ученыхъ чиновниковъ, который бы, разумѣется, могъ осмотрѣть и состояніе университета. Я при семъ мнѣніи имѣлъ въ виду больше университетъ, нежели Курское дѣло, и въ невинности своей никакъ ни думалъ, чтобы я симъ могъ оскорбить ваше сіятельство. Противъ г. Дунина-Барковскаго я ничего не имѣлъ, а что я его почитаю, то я ему доказалъ въ дѣлѣ, о которомъ онъ ко мнѣ относился. Относительно же особы вашего сіятельства я никогда не забуду того снисхожденія, съ которымъ вамъ угодно было меня въ Петербургѣ принять и отпустить въ

чужіе краи. Я бы безумнымъ долженъ себя считать, если бы могло въ умѣ мнѣ притти противиться вашимъ предписаніямъ, ибо отъ кого я долженъ ожидать награжденія за мои труды? и кто при здоровомъ умѣ захочетъ тому не повиноваться, отъ котораго зависитъ его счастье?— Изъ всего вышесказаннаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что мое мнѣніе, здѣсь въ кратцѣ изложенное, совсѣмъ не согласно съ мнѣніемъ прочихъ профессоровъ. Я не различаю визитатора Курской гимназіи отъ визитатора университета; не говорю, что не признаю г. Дунина-Барковского, какъ визитатора, и не упоминаю ни слова о § 161-мъ, а просто говорю, что желаю, чтобы ученый высшихъ классовъ чиновникъ былъ посланъ (изъ прежде наведенной причины). Какъ же послѣ сего можно сказать, что гг. профессеры подали мнѣніе по моей волѣ? Развѣ ректоръ въ состояніи принудить профессоровъ? Развѣ мужи, которымъ ввѣрена участь чиновниковъ цѣлаго округа столь мало самостоятельности имѣть могутъ? Неужели тѣ, которые себя въ латинскомъ слогѣ называютъ *patres conscripti* (какъ себя называли римскіе сенаторы), не обдумая вещи дѣла, должны слѣдовать за ректоромъ, какъ овцы за пастыремъ? Странное дѣло, подавая совершенно противный моему голосъ, утверждать, что мнѣ слѣдовали. Почему же не подписали моего голоса, когда ему слѣдовали? Почему же г. Шумлянскій не послѣдовалъ ни моему голосу, ни голосу Осиповскаго, ни голосу г. Шада? Онъ же г. Шумлянскій говоритъ, что гг. профессеры слѣдовали моему голосу. Ежели мой голосъ на него не подѣйствовалъ, почему же онъ, не бывши сердцеѣдцемъ, знаетъ, что мой голосъ подѣйствовалъ на другихъ? Но я повторяю, что я отказываюсь отъ ихъ голосовъ, ибо мой голосъ со всѣмъ не сходенъ съ ихъ голосами.

Впрочемъ, я г-ну профессору Шумлянскому прощаю, ибо источникъ желчи его есть ректорство и прежнее и нынѣшнее. Но развѣ я виноватъ, что въ прежнее изъ насъ двоихъ выбранныхъ г-нъ попечитель представилъ меня на утвержденіе и въ нынѣшнее не онъ избранъ? Однакожъ не простиительно тѣмъ изъ гг. профессоровъ, которые въ публичномъ актѣ доказали, что они какъ ученики и дѣти дѣйствовали, а не какъ профессеры. Сей родъ извиненія есть самый гнусной и не простибельный.

Ежели и послѣ сего чистосердечнаго моего признанія ваше сіятельство почитаете меня виновнымъ въ семь дѣлъ, то я покорнѣйше васъ прошу извинить меня и великодушно простить, что я желалъ визитатора противъ вашего назначенія. Я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что сіе не произошло отъ какого либо упорства, котораго во мнѣ никогда не было, или отъ злого намѣренія противиться вашей волѣ,

но единственно отъ желанія, чтобы ваше сіятельство лучше могли узнать о моихъ трудахъ.

Я, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, ничего не сдѣлалъ такого, чтобы послужило къ стыду моей фамиліи, которая нѣкогда управляла Сербією и изъ которой и нынѣ Миленко Стойковичъ есть вторая въ народѣ особа. Могъ ли я на сороковомъ году моей жизни съ намѣреніемъ сдѣлать такой непростительный поступокъ, который бы и меня и ее обезчестилъ? Есть ли бы вашему сіятельству извѣстна была исторія жизни моей, то бы я уже увѣренъ былъ въ моемъ прощеніи: теперь же я о семъ васъ покорнѣйше прошу. Равномѣрно прошу ваше сіятельство взять въ милостивое ваше вниманіе повесенные мною въ университетѣ великіе труды и удостоить меня по представленію совѣта просимымъ награжденіемъ. Сіе послужитъ мнѣ доказательствомъ, что ваше сіятельство такъ ко мнѣ добры, какъ были въ бытность мою въ Петербургѣ. Оно послужитъ мнѣ одобреніемъ продолжать (ежели останусь живъ послѣ болѣзни) службу мою съ такимъ рвеніемъ и такою дѣятельностію, съ каковыми и до сей поры продолжалъ оную, и заставить меня прославлять имя ваше, что ваше сіятельство въ непродолжительномъ времени на опытѣ увидите. Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою ректоръ А. Стойковичъ. Ноября 28 дня 1812 года ¹⁾.

Съ другой стороны министерство получило и бумаги, содержавшія самыя сильныя и рѣзкія обвиненія противъ Стойковича. Таково было, напримѣръ, „мнѣніе профессора Шада о двухъ отношеніяхъ отъ г. ректора университетскому совѣту 2 мая представленныхъ“. Оно было доложено совѣту Харьковскаго университета, а затѣмъ отправлено въ министерство. Вотъ его полный текстъ въ русскомъ переводѣ.

„Когда уже до того дошло въ нашемъ университетѣ, что всякій порядокъ и должное повиновеніе къ законамъ государственнымъ нарушается, когда такъ ведется, что проступокъ одного влечетъ за собою общее всѣхъ несчастіе, когда, наконецъ, о вредѣ, безразсудностію одного университета нанесенномъ и грозящемъ гибелью, нельзя болѣе разсуждать со снисхожденіемъ; то въ семъ случаѣ да проститъ мнѣ совѣтъ, если слогъ мой будетъ суровъ и сообразенъ съ гнусностію того преступленія, которое учинить намѣревались, которое долженствовало во всѣхъ честныхъ людяхъ произвести оцѣненіе, отвращеніе и ужасъ, которое, наконецъ, непремѣнно поколебало бы цѣлый университетъ и

¹⁾ Архивъ мѣн. нар. просв. Дѣло № 6053, карт. 159, присоединенное къ дѣлу № 6006, 1813 года.

въ скоромъ времени приблизило его къ паденію, если бы только осталось безъ справедливаго наказанія.

Наступило уже время, въ которое самыя сокровеннѣйшія ощущенія души могутъ быть обнаруживаемы; нынѣ всякій, кто только любить свѣтъ истины, а не обманъ или мглу ея скрывающую, ясно усмотрѣть можетъ, кто какъ мыслить о университетѣ и государствѣ Россійскомъ. Воины наши, изгнавъ изъ отечества своего тирана Европы, и въ чуждыхъ странахъ сражаются противъ него съ тѣмъ же мужествомъ. Правдивымъ мужамъ, поставленнымъ бодрствовать надъ благосостояніемъ университета, которое пришло было въ крайнюю опасность отъ проступка одного сочлена ихъ, теперь уже нечего опасаться. По крайней мѣрѣ я, будучи руководимъ истиною, справедливостію и доброю совѣстію, ничего не боюсь. При общей опасности, долгомъ почитаю открыть чистосердечно душевныя мои чувствованія, какъ предъ совѣтомъ, такъ и предъ г. министромъ, коего любовь къ справедливости и человѣколюбію въ короткое время уврачуютъ наши бѣдствія.

Г. ректоръ въ двухъ отношеніяхъ своихъ къ совѣту отъ 2 мая, со всѣмъ свойственнымъ ему лукавствомъ, старается доказать, что вещи, продаваемыя учителемъ Паратичемъ, были не его, а сего учителя; для доказательства того употребилъ онъ непристойную выдумку, что Паратичъ приобрѣлъ деньги по наслѣдству въ Венгріи и купилъ на оныя вещей, кои и продавалъ нѣсколько лѣтъ публично. Г. ректоръ, желая покрыть глаза наши непроницаемымъ мракомъ, прибѣгаетъ къ святости редиги, вызываясь все сіе подтвердить присягою, если только нужно сіе; каковое обстоятельство въ письмѣ, переписанномъ другимъ, приписалъ онъ собственною рукою, дабы тѣмъ больше ослѣпить насъ, хотя противное нимало не сомнительно. Въ правленіи такъ уже много доказательствъ противъ того, что о преступномъ намѣреніи г. ректора никто изъ благоразумныхъ, справедливыхъ и безпристрастныхъ мужей сомнѣваться не можетъ; а потому совсѣмъ другое правленію предложить учинить изслѣдованіе, нежели каково было доселѣ — о гнусной и безчестной его торговлѣ, которою онъ обезславилъ университетъ нашъ, съ того несчастнаго времени, какъ обратно сюда, будучи преслѣдуемъ австрійскою полиціею до самаго почти университета.

Я не могу согласиться съ тѣми, кои подали уже письменныя свои мнѣнія о семъ дѣлѣ и кои желаютъ, чтобы дальнѣйшихъ по оному слѣдствій не производить ни въ правленіи, ни въ совѣтѣ, а все, принадлежащее къ оному, безъ изслѣдованія послать къ г. министру. Напротивъ думаю, что все дѣло сіе тщательно должно разсмотрѣть прежде въ правленіи, а потомъ уже съ опредѣленіемъ или мнѣніемъ онаго пре-

проводить къ г. министру. Причины, коими руководствуюсь въ семъ мѣнѣніи, суть слѣдующія. 1) Въ подобныхъ случаяхъ именно сіе предписывается уставомъ университета § 150. 2) Многія обстоятельства, въ сему относящіяся, въ нашемъ университетѣ удобно могутъ быть открыты, между тѣмъ какъ въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ, какъ Петербургъ, оныя могутъ укрыться; даже тамъ объ нихъ никому не придетъ и на мысль. 3) Притомъ какая будетъ польза изъ того, если все дѣло, сіе и неполныя записки (поелику слѣдствіе о преступленіи г. ректора началось только за нѣсколько дней) безъ дальнѣйшаго разысканія послать къ г. министру. Мы ясно видимъ, что г. ректоръ о томъ только и старается, дабы слѣдствіе сіе не было производимо на самомъ мѣстѣ преступленія, ибо, какъ хитрый человѣкъ, онъ явно предвидитъ, что если дѣло его разбираемо будетъ въ Петербургѣ, безъ университетскаго слѣдствія, то многія обстоятельства, которыя могли бы открыться на мѣстѣ и тѣмъ весьма много пояснить дѣло, въ Петербургѣ останутся вовсе неизвѣстными; а потому не только боялся онъ правленія, разсматривающаго дѣло его, но сверхъ того, чтобы воспрепятствовать слѣдствію, которое почиталъ для себя весьма опаснымъ, будучи мучимъ притомъ черною совѣстію своею, осмѣлился угрожать даже, что онъ поступитъ по § 17 устава, т. е. разгонитъ членовъ Правленія, призвавъ въ помощь градскую полицію. Итакъ, ницѣмъ не могъ онъ истребовать своего намѣренія, дабы избавиться отъ слѣдствія.

Но предлагая учинить присягу, какъ бы въ дѣлѣ самомъ несправедливомъ, чрезъ то самое уже открылъ онъ преступленіе свое, а дѣлая угрозы правленію, оказалъ безразсудность свою. Ибо можетъ ли быть чтонибудь несмысленнѣе такого требованія, чтобы самому не только быть судьей въ собственномъ дѣлѣ, но даже предсѣдательствующимъ судилища, разсматривающаго проступокъ его? Можетъ ли быть чтолибо безумнѣе и безсовѣстнѣе, какъ угрожать полиціе законному судилищу, коему онъ самъ подчиненъ? И симъ безумнымъ насиліемъ ищетъ снисхожденія и прощенія, которое въ такомъ гнусномъ поступкѣ, каковъ есть самовольный вызовъ учинить ложную присягу, одному только безумцу можетъ быть оказано. У всѣхъ народовъ, у коихъ разумъ хотя бы едва только пробудился отъ усыпленія и кои хотя нѣкоторое понятіе имѣютъ о законахъ и повиновеніи онымъ, никто не можетъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ, особливо же обвиняемый въ важномъ преступленіи. А онъ хочетъ поступать такимъ образомъ въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ чрезъ цѣлыя вѣки, особливо со временъ Петра Великаго, цвѣтутъ превосходнѣйшіе и достоиннѣйшіе всякаго уваженія законы. Что онъ дѣлаетъ? На что отваживается? Какъ мыслить о государствѣ

Россійскомъ? Къ какимъ варварскимъ, дикимъ, не имѣющимъ признаковъ челоѣчества и невѣжественнымъ народамъ хочеть онъ отпести знаменитый народъ Россійскій? Но уже сѣбира лежитъ при корени всѣхъ золь, кои мы перенесли со времени учрежденія университета. Если нѣкоторыя отрасли въ немъ и содѣлываются знаменитыми, то и сіи исторгаются безъ всякой трудности. Преступное намѣреніе сего челоѣка само собою явно обнаружилось. Покровители и друзья защищаютъ его, другіе колеблются, самъ онъ грозитъ не только правленію изслѣдующему ужасное преступленіе его, но и самый совѣтъ университета страшаетъ полицію. Тщетное покушеніе, не надежное средство и прибѣжище! Въ университетѣ нашемъ есть мужи правдивые, отважные и радѣющіе о благѣ общемъ; голось ихъ, хотя нѣкоторые и желаютъ оправдать сего челоѣка въ самомъ гнусномъ дѣлѣ, достигнеть чрезъ г. министра даже до престола мудраго и справедливаго Монарха.

2. Я никакъ не могу согласиться съ г. профессоромъ Срезневскимъ, который въ 4-й статьѣ мнѣнія своего говоритъ: „что касается „до присяги, которую г. ректоръ обѣщается принять въ томъ, что „проданныя и продаваемыя г. Паратичемъ и другими вещи не его „собственныя, почитаю за нужное предоставить сіе правленію, дабы „оно по силѣ и формѣ законовъ привело г. ректора къ упомянутой „присягѣ“. Сохрани Боже! Чтобы дозволить присягу такому челоѣку, коего преступленіе очевидно.

3. И къ чему всѣ доказательства г. ректора, что учителю Паратичу досталось въ Венгріи наслѣдство? Вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, состоитъ не въ наслѣдствѣ, а въ томъ, точно ли вещи, продаваемыя Паратичемъ, куплены были на деньги, вырученныя имъ за наслѣдство, что г. ректоръ хочеть присягою подтвердить, или лучше, не самъ ли г. ректоръ на свои собственныя деньги покупалъ и — къ безславію университета — повсюду выставлялъ ихъ для продажи чрезъ г. Паратича? Вотъ, говорю, вопросъ, который единственно должно рѣшить. — Но, чтобы, сколько можно, пояснить дѣло сіе предъ совѣтомъ, нужнымъ считаю предложить нѣчто оному, о чемъ я никогда бы не упомянулъ, если бы не требовало того благосостояніе университета, отъ проступка одного только сочлена приходящее въ великую опасность; въ семъ случаѣ частное дружество и долгъ гостепримства не имѣютъ мѣста: 1) сей Паратичъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, одинъ или съ своею женою, жилъ у меня, когда только пріѣзжалъ въ Харьковъ. По сему случаю неоднократно бралъ онъ у г. ректора разныя вещи для продажи, которыя не только мнѣ, но и другимъ, посѣщающимъ меня, показывалъ и предлагалъ для покупки, чистосердечно отрываясь, что

вещи сіи не его, а г. ректора, ибо онъ тогда не могъ предвидѣть таковыхъ пагубныхъ слѣдствій сей гнустной торговли. 2) Что вещи сіи дѣйствительно принадлежали ректору, то несма недавно на самомъ дѣлѣ открылъ Паратичъ: когда жена моя, бывшая нѣсколько недѣль въ Курскѣ, намѣревалась обратно ѣхать въ Харьковъ, то Паратичъ, воспользовавшись симъ случаемъ, препоручилъ ей перевезти въ Харьковъ значущее количество связокъ, коихъ онъ не могъ болѣе распродать, вмѣстѣ съ каталогомъ оныхъ, писаннымъ рукою самого ректора, для доставленія ихъ настоящему хозяину. 3) Въ Курскѣ, даже до пріѣзда визитатора, коего г. министръ прислалъ туда, прошло зимою Паратичъ со всею искренностію объявлялъ тоже самое всѣмъ тѣмъ, коимъ предлагалъ онъ вещи для покупки. Будучи же допрашиваемъ по сему дѣлу г. визитаторомъ, отвѣчалъ, что продаваемые имъ вещи не Стойковичевы, а его, ссылаясь на то же наслѣдство, коимъ онъ только въ университетѣ такъ много превозносится. Но что вещи точно были Стойковичевы, то сіе во всемъ городѣ Курскѣ сдѣлалось извѣстнымъ по слѣдующему достопамятному случаю. Паратичъ несовершенно зналъ цѣну продаваемымъ королькамъ, каковую назначилъ имъ главный купецъ, находящійся въ домѣ университета, и потому продавалъ оныя гораздо дешевле, нежели чего они стоили. Но когда г. ректоръ, ничего нехотѣвшій и слышать о сей ошибкѣ Паратича, требовалъ отъ него всей суммы, причитающейся по оцѣнкѣ купцовъ, то Паратичъ, вмѣстѣ съ женою своею, принужденъ былъ бродить по всему городу, дабы выкупить продавныя уже корольки, представляя обратно заплаченныя покупателями деньги. Курскіе жители еще были столько добры, что отдавали корольки, довольствуясь тѣмъ, что получали обратно заплаченныя ими деньги. Но многія таковыя нитки корольковъ проданы были пріѣзжимъ, бывшимъ случайно въ то время въ Курскѣ, кои не могли уже быть выкуплены, а посему Паратичъ горько жаловался какъ въ Курскѣ, такъ и въ Харьковѣ, что по непреклонности г. ректора потерялъ онъ въ семъ случаѣ по крайней мѣрѣ 300 руб. 4) По случаю пріѣхалъ и въ городъ Курскъ въ то самое время, когда профессоръ Двигубскій былъ тамъ визитаторомъ; по отъѣздѣ его, Паратичъ чистосердечно признался мнѣ, что вся исторія о купленныхъ вещахъ на доставшіяся якобы по наслѣдству деньги была выдумана, и что онъ изъ одного повиновенія къ Стойковичу, такъ какъ ректору и земляку своему, прибѣгъ къ сему услужливому обману, для того, чтобы онъ постарался о его чинѣ; что хотя и получилъ онъ наслѣдство въ 800 р. въ Венгріи, впрочемъ, на деньги сіи не только не покупалъ вещей для продажи, но даже и до сего времени остаются онѣ въ Венгріи для сохраненія. Паратичъ, по моему мнѣнію, удобно

можетъ быть извиненъ въ семь обманѣ, который онъ употребилъ по дружбѣ, сверхъ того онъ не вызвался учинить присяги въ неправомъ дѣлѣ; но совѣтъ иначе долженъ быть принять поступокъ ректора, которой для оправданія своего въ томъ неправомъ дѣлѣ вызвался учинить присягу.

Дабы показать все мое отвращеніе къ гнусности преступленія, которое готово было совершиться, не могу не привести здѣсь одного мѣста изъ Цицерона, гдѣ ораторъ такъ выражается противъ Антонія: „и тебя, и подобныхъ тебѣ, и приближенныхъ твоихъ презираю, гнушаюсь и прокливаю; не страшусь угрозъ твоихъ, не ужасаюсь гибели, тобою „мнѣ предопредѣляемой“. Проф. Шадъ. Харьковъ. 19 мая 1813 г.)¹⁾.

Съ неменѣе рѣзкимъ заявленіемъ выступило коллективно 8 профессоровъ, направившихъ его черезъ совѣтъ прямо къ министру. Вотъ его текстъ въ тогдашнемъ же русскомъ переводѣ (оригиналъ былъ писанъ по латыни).

„Совѣту Императорскаго Харьковскаго университета. Съ того самого времени, какъ поступила въ совѣтъ жалоба Курскихъ учителей, возникло превратное понятіе и направленіе дѣла, къ оной принадлежащихъ. Вскорѣ послѣ того ректоръ университета вооружилъ членовъ онаго противъ предписанія его сіятельства г. министра просвѣщенія, отъ чего едва не всѣ мы подверглись было слѣдствію въ какомъ-либо публичномъ судѣ. По одному только милосердію и особенному великодушію его сіятельства избавлены мы отъ того. Многіе профессора приведены ректоромъ въ заблужденіе двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что многія принадлежности, могшія вредить какъ ему самому, такъ и учителю Паратичу, земляку и сотруднику его въ торговыхъ дѣлахъ, были имъ нарочно запутаны и утаены отъ совѣта, предъ коимъ напротивъ весьма часто объяснялся онъ на счетъ тѣхъ только обстоятельствъ въ коихъ другіе учителя казались виновными и якобы бунтовщиками; а наконецъ, важнымъ тономъ въ рѣчи своей старался увѣрить всѣхъ, что назначеніемъ визитатора, коего г-ну министру угодно было послать, нарушаются всѣ права и преимущества, дарованныя университету, въ защищеніи и соблюденіи коихъ совѣтъ въ свое время долженъ будетъ дать отчетъ самому Государю Императору; а чтобы еще болѣе придать вѣсу словамъ, торжественно объявилъ, что, если такъ пойдутъ дѣла и такъ будутъ нарушаемы университетскія права и преимущества, онъ сложитъ съ себя званіе ректора. Таковымъ поступкомъ, подъ видомъ благосостоянія университета, онъ обольстилъ всѣхъ тѣхъ, кои не знали, что въ дѣлѣ семь онъ ни мало не старался о пользѣ универси-

¹⁾ Архивъ мнн. нар. просв. Дѣло № 6005, карт. 159.

тета, но заботился о собственномъ только положеніи, которое, какъ то онъ намъ возвѣстилъ, приведено было въ величайшую опасность, такъ что, если бы проступокъ его былъ тогда же обнаруженъ, университетъ былъ бы избавленъ отъ того несчастія, подъ игомъ коего онъ стонетъ и будетъ стонать, покуда профессоръ Стойковичъ останется ректоромъ.

Но грозить тѣмъ, что сложить съ себя званіе ректора, было съ его стороны чистое хвастовство, каковую угрозу онъ весьма часто употреблялъ, какъ будто бы отъ него именно зависѣло благосостояніе университета, между тѣмъ, какъ достовѣрнѣйшимъ есть то, что при семъ ректорѣ оное тѣмъ вышшей подвергается опасности, а что угроза сія была однимъ хвастовствомъ, это очевидно изъ того, что въ то время какъ г. министръ изъявилъ свое согласіе на просимую имъ отставку, онъ притворился, какъ будто о томъ ничего не зналъ.

Наконецъ, поступила въ совѣтъ жалоба на ректора отъ адъюнкта Васильева, въ которой, между прочимъ, было донесено о запрещенномъ торгѣ и о пренебреженіи должности. Адъюнктъ сей убѣдительно доказалъ, что ни одинъ честный человѣкъ не можетъ имѣть почтенія къ такому ректору. Какъ же скоро ректоръ увидѣлъ, что при тщательномъ допросѣ тѣхъ, коими онъ былъ обвиняемъ, легко можетъ обнаружиться проступокъ его, то ничего болѣе не желалъ, какъ примиренія съ тѣмъ человѣкомъ, коего гвалъ онъ съ величайшею ненавистію; примиренія сего искалъ онъ разными путями и, наконецъ, достигъ того съ величайшею признательностію. Но такимъ поступкомъ тѣмъ болѣе посрамилъ онъ санъ ректора въ глазахъ всѣхъ ученыхъ и честныхъ людей, потому что чрезъ сіе ясно открылись и вина его, въ коей онъ сознался, и низкое понятіе о чести, кою онъ предъ всѣми величался. Однако-жь и примиреніе сіе не могло имѣть желаемого конца, ибо такъ какъ жалоба адъюнкта Васильева передана уже была въ правленіе, которое тщательно принялось изслѣдовать сіе дѣло и требовало у ректора по сему отзывовъ, изъ коихъ нѣкоторые имъ и даны, то правленіе по законамъ государственнымъ никакъ уже не могло утаить и уничтожить сіе дѣло. Слѣдствіемъ же правленія ректоръ столько былъ раздраженъ, что въ отношеніи своемъ, недавно читанномъ и въ журналѣ записанномъ, грозилъ, что поступить съ правленіемъ по § 17-му устава, т. е., испросивъ помощь полиціи, разгнать членовъ правленія; а въ другомъ отношеніи объявилъ, что прежде сказанное имъ, т. е., что вещи, продаваемыя учителемъ Паратичемъ, были не его, а сего учителя, готовъ подтвердить клятвою, въ случаѣ нужды, между тѣмъ, какъ изъ многихъ документовъ явствуетъ, что вещи точно его, ректора; чѣмъ самымъ онъ нарушается достоинству званія имъ носимаго, чести же и

славѣ университета причиняетъ величайшій вредъ. Таковыя предложенія, торжественно въ совѣтѣ имъ чинимыя и изъясняемыя письменно, довольно показываютъ, къ какимъ подлостямъ онъ способенъ.

Съ того времени ректоромъ и его приверженцами подаваемы были самыя вздорныя совѣты, мнѣнія и поправки, разстроившія совершенно порядокъ и спокойствіе, грозившія переворотомъ самому университету, имѣя дѣлю то, чтобы проступокъ одного показать проступкомъ общимъ, и чтобы отставка, заслуженная однимъ ректоромъ, была рѣшительно защищаема дѣлымъ университетскимъ совѣтомъ. Если же съ равнодушнымъ терпѣніемъ, которое уже вотще было употребляемо нами въ отношеніи къ ректору, и съ спокойнымъ духомъ рѣшимся ожидать конца симъ неустройствамъ, то оныя болѣе и болѣе будутъ усиливаться, такъ что наконецъ ни одинъ честной и праводушной человѣкъ не согласится присутствовать тамъ, гдѣ предсѣдаетъ ректоръ; даже и тогда, когда бы дѣло шло только о немъ самомъ, а не другой какой либо долгъ предлежалъ намъ, мы имѣли бы уже достаточную причину убѣгать тѣхъ засѣданій, въ коихъ онъ предсѣдательствуетъ.

По самымъ важнымъ причинамъ, кои впослѣдствіи гораздо тщательнѣе выведутся наружу, нижеподписавшіеся находятся въ необходимости прибѣгнуть къ покровительству его сіятельства г. министра, съ полною надеждою ожидая его милосердія и покорнѣйше прося, чтобы среди бѣдствій, отъ коихъ стонетъ университетъ нашъ, простеръ къ намъ отеческую руку свою и по своему усмотрѣнію удостоилъ возстановить въ университетѣ тишину, изгнанную симъ ректоромъ и во гробѣ покойнаго ректора Рижскаго ищущую для себя убѣжища, которая впрочемъ готова паки возвратиться къ намъ, какъ скоро будемъ имѣть достойнаго ректора.

Почитая долгомъ своимъ донести его сіятельству о настоящемъ положеніи и о сей язвѣ университета, чего причиною и виною одинъ только ректоръ, предадимъ благоусмотрѣнію и великодушію его сіятельства все сіе, то есть, и раны, университету причиненныя, и горестъ нашу, равно средства и попеченіе о томъ. Онъ и самъ соизволитъ усмотрѣть, что покуда время не выведетъ наружу всего того, что къ сему дѣлу принадлежитъ, мы ничего не можемъ принести его сіятельству, кромѣ совершенной преданности и покорности высшей власти.

Итакъ, всѣ мы одного мнѣнія, дабы совѣтомъ опредѣлено было донести его сіятельству, что миръ и согласіе въ университетѣ никакимъ образомъ не могутъ быть возстановлены, покуда сей ректоръ останется здѣсь, съ покорнѣйшею просьбою, объ освобожденіи насъ отъ оваго. Маія 31 дня 1813 г. Харьковъ. Подписали: профессеры Шавель

Шумлянскій, Тимофей Осиповскій, Иванъ Шадъ, Христофоръ Роммель, Иванъ Каменскій, Иванъ Книгинъ, Иванъ Срезневскій, Карль Нельдехенъ желаетъ только, чтобы водворено было согласіе въ университетѣ и чтобы спокойно могъ онъ отправлять свою должность“¹⁾.

Подписали эту бумагу, какъ мы видимъ, всѣ тѣ профессора (7), которые хотѣли довести дѣло до конца; что же касается восьмого—Нельдехена—то онъ хотѣлъ только, чтобы въ университетѣ былъ, наконецъ, водворенъ порядокъ.

Сверхъ того одинъ изъ подписавшихся—профессоръ Книгинъ—обратился къ министру съ частнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія.

„Сіятеlemnѣйшій графъ, М. Г.! Преисполненный благоговѣнія къ Монарху, неоднократно меня удостоившему Высочайшаго довѣрія и благоволенія во время службы моей въ Сактпетербургѣ, я не могу и теперь принести въ жертву кромѣ чувствованій преданности и усердія къ общему благу. Симъ однимъ руководимъ съ чистѣйшею откровенностію предстою особѣ вашего сіятельства изрещи правду, какъ бы съ оною надлежало повергнуться къ подножію трона.

Назначеніе университетовъ есть образованіе полезныхъ гражданъ; опыты насъ научили, что слѣдствіе всегда бываетъ равно своимъ причинамъ; а по сему добро и зло происходятъ тѣмъ же порядкомъ. Есть ли представить настоящее положеніе Харьковскаго университета, то скорбь и соболѣзнованіе объемлетъ духъ сына отечества, предвидя неизбѣжныя и пагубныя послѣдствія отъ зла въ ономъ вкореняющагося.

Корень зла заключается вообще въ избраніи ректора изъ пришельцевъ и въ особенности въ лицѣ профессора Стойковича. Пресѣченіе зла въ первомъ отношеніи готовитъ вашему сіятельству благоволеніе потомства, въ послѣднемъ благодарность всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества за избавленіе отъ чловѣка, заглушившаго свою совѣсть и поклявшагося быть вѣчнымъ врагомъ тишины, чести, справедливости и всякаго добра, кромѣ собственнаго интереса.

Иностранецъ сей, лишенный качествъ высшаго чиновника, слишкомъ нагруженный безсовѣстіемъ, что было бы зломъ тлетворнымъ и въ частномъ лицѣ, пріосѣненный геніемъ Россіи, подъ защитою чловѣколюбивыхъ законовъ ея избѣгаетъ правдивой казни, которая за незаконные его поступки давно бы его постигла въ собственномъ отечествѣ. Въ кругѣ простодушныхъ и неалчныхъ гражданъ обрѣтаетъ тысячи средствъ удовлетворять страсти къ любостыжанію. Среди сочленовъ—однихъ, въ миролюбіи не ревнующихъ кромѣ пользы отечества, другихъ, обольщенныхъ коварствомъ его и общаніемъ награды, невоз-

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6005, карт. 159.

бранно идетъ на всѣ высшія степени, не по достоинству, а пронырствомъ, не для общей пользы, а для собственнаго низкимъ образомъ стяжаемаго интереса.

Уличенный въ поступкахъ, неприличныхъ званію и мѣсту, сокровенно возжигаетъ распри между сочленами, дабы тѣмъ большую часть склонить на свою сторону и силу вины своей ослабить, а вмѣстѣ, какъ говорятъ, въ мутной водѣ и рыбу ловить. Гдѣ требуетъ собственная его польза, онъ не знаетъ ни святости чести, ни совѣсти, ни закона.

Такое состояніе университета требуетъ помощи вашей, требуетъ истребленія тлетворной заразы, уже довольно вкоренившейся. Настоящій ректоръ по большей склонности къ торговлѣ и раздорамъ, а не къ наукамъ и тишинѣ долженъ изъ круга образователей быть удаленъ.

Вотъ искра всѣхъ раздоровъ какъ теперь, такъ и впредь угрожающая университету пагубными слѣдствіями.

Представляя сіе на высокое вашего сіятельства благоусмотрѣніе, имѣю честь пребыть, сіятельнѣйшій графъ, вашъ всенекорнѣйшій слуга Харьковскаго университета профессоръ Иванъ Книгинъ. Харьковъ. 1813 года, іюня 1 дня.

У министра народнаго просвѣщенія, впрочемъ, сложилось уже определенное мнѣніе о дѣлѣ Стойковича прежде даже, чѣмъ онъ получилъ послѣднія представленія профессоровъ: онъ рѣшилъ прекратить слѣдствіе и удалить въ отставку ректора. 21 мая гр. А. К. Разумовскій писалъ правленію: „предлагаю начатое правленіемъ слѣдствіе по доносамъ адъюнкта Васильева на ректора Стойковича оставить вовсе, какъ потому что они уже между собою помирились, такъ и для того что Васильевъ показанія свои не подтверждаетъ достаточными доводами; отобраніе же объясненій отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, найпаче не подвѣдомыхъ университету, продлило бы производство дѣла сего, и при томъ сношенія о семъ предметѣ съ посторонними мѣстами могли бы поселить въ людяхъ объ университетѣ, какъ о новомъ въ тамошнемъ краю заведеніи, невыгодное мнѣніе, что послужило бы къ великому вреду учебной части“. Въ тотъ же день министръ разрѣшилъ Стойковичу трехъ мѣсячный отпускъ, съ вычетомъ впрочемъ жалованья, а совѣту приказалъ выбрать проректора. Наконецъ, въ тотъ же день была имъ подписана въ совѣтъ бумага слѣдующаго содержанія: „разстроенное здоровье ректора сего университета Стойковича и дѣлаемая имъ по сей причинѣ частыя отъ университета отлучки побуждаютъ меня предложить совѣту объ избраніи установленнымъ порядкомъ на мѣсто его въ ректоры другого изъ ординарныхъ профессоровъ“¹⁾. 23 іюня министръ шлетъ

¹⁾ Чтеніа, 1875, кн. 2-я, стр. 35.

новую бумагу, въ которой пишетъ совѣту: „предложивъ совѣту на мѣсто настоящаго ректора избрать другого изъ ординарныхъ профессоровъ, предписываю нынѣ воспѣшить симъ выборомъ, а между тѣмъ избрать профессора, который имѣеть тотъ часъ вступить въ управленіе своей должности, *хотя бы настоящий ректоръ* и находился еще въ Харьковѣ“¹⁾. Проректоромъ сейчасъ же былъ избранъ Осиповскій, утвержденный въ своей должности 26 іюля и онъ же вслѣдъ за этимъ былъ избранъ и въ ректоры, 8-го августа гр. Разумовскій сдѣлалъ слѣдующій докладъ Государю: „ректоромъ Харьковскаго университета въ маѣ мѣсяцѣ 1811 года утвержденъ на три года ординарный профессоръ онаго коллежскій совѣтникъ Стойковичъ. Впослѣдствіи частые болѣзненные припадки столько ослабили его здоровье, что онъ не въ силахъ сдѣлался исправлять безотлучно должность свою и для пользованія своего принужденъ былъ оставлять нерѣдко университетъ, какъ и нынѣ по сей же причинѣ отпущенъ къ кавказскимъ водамъ на три мѣсяца. Обстоятельство сіе побудило меня предложить университету избрать въ ректоры другого изъ профессоровъ, который бы, находясь безотлучно при университетѣ, *могъ быть болѣе для него полезенъ*. Вслѣдствіе сего избранъ совѣтомъ университета въ ректоры ординарный профессоръ коллежскій совѣтникъ Осиповскій. Объ утвержденіи его въ семь званіи по установленію на три года имѣю счастье представить“.

На это послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: „согласно представленію вашему ординарному профессору Харьковскаго университета коллежскаго совѣтника Осиповскаго утверждаю ректоромъ сего университета по установленію на три года“. На подлинномъ собственною Е. И. В. рукою подписано такъ: Александръ, Грушево, августа 8 дня 1813²⁾.

Но еще до полученія этого указа въ Харьковѣ Стойковичъ самъ подалъ слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его по болѣзни въ отставку отъ профессорской должности. Очевидно, онъ рассчитывалъ добиться такимъ образомъ по крайней мѣрѣ пенсіи. „Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ, Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій! Просить Харьковскаго университета профессоръ, коллежскій совѣтникъ, Аванасій Ивановъ сынъ Стойковичъ, а о чемъ мое прошеніе, то слѣдуетъ. Десятый уже истекаетъ годъ, какъ я вступилъ въ службу Вашего Императорскаго Величества по ученой части. Съ самаго открытія учрежденнаго волею Вашемою въ Харьковѣ университета, не щадилъ я

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6005, карт. 159.

²⁾ Ibidem.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“ III вып., 1895 г.

силъ моихъ во исполненіи возлагаемыхъ на меня должностей; я отправлялъ ихъ съ вѣрностію и токмо совѣсти моею извѣстнымъ рвеніемъ. Многообразными должностными и поднятими трудами, кои видны изъ послужнаго моего при семъ прилагаемаго списка, здоровье мое разстроилось, и я для поправленія онаго отпущень былъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ чужіе края въ 1810 году. Нынѣ болѣзни мои умножились до такой степени, что я, не видя здѣсь избавленія отъ нихъ, какъ явствуетъ изъ лѣкарственнаго свидѣтельства, службу мою продолжать не въ состояніи. Будучи безъ измѣнія, повергаюсь предъ Высочайшею Вашего Императорскаго Величества волею, изъявленной въ утвердительной грамотѣ университета. И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять, записать, меня отъ службы въ отставку уволить и за оную для пропитанія пенсіономъ по благоусмотрѣнію вознаградить. Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. 1813 г. августа 9 дня. Къ подацію надлежитъ въ совѣтъ Императорскаго Харьковского университета. Прошеніе писалъ проситель самъ¹⁾.

По университетскому уставу, пенсія полагалась за 25-ти лѣтнюю службу, за исключеніемъ того случая, когда профессоръ долженъ былъ выйти въ отставку ранѣе этого срока по неизлѣчимой болѣзни, лишавшей его возможности исправлять свои обязанности; тогда ему назначалась половинная пенсія, а иногда въ видѣ исключенія, за выдающіяся услуги, по особому одобренію университета, и полная (т. е. 2000 р.). Стойковичъ прослужилъ всего 10 лѣтъ и вышелъ въ отставку, не по болѣзни, а потому, что не могъ остаться въ университетѣ послѣ раскрытія его торговыхъ операцій. Слѣдовательно, онъ въ сущности не имѣлъ права рассчитывать ни на какую пенсію, тѣмъ болѣе, что у него, какъ мы знаемъ, было порядочное состояніе. Министръ народнаго просвѣщенія зналъ хорошо всѣ его предосудительные поступки, легшіе тяжкимъ бременемъ на университетъ, видѣлъ, что и ссылка его на неизлѣчимую болѣзнь есть только одинъ предлогъ; но, по великодушію своему, рѣшилъ удовлетворить его ходатайство и выдать половинную пенсію, какъ будто неизлѣчимо больному. Казалось бы, что Стойковичу уже ничего болѣе не оставалось, какъ благословлять щедрую и милосердную руку своего бывшаго министра. А между тѣмъ онъ пускаетъ въ ходъ просьбы и искательства, чтобы добиться еще награжденія слѣдующимъ чиномъ и вмѣсто половинной пенсіи получить полную! Эта назойливость окончательно дорисовываетъ намъ крайне антипатичную

¹⁾ Архивъ мин. нар. проsv. Дѣло № 6053, карт. 159.

въ нравственномъ отношеніи личность Стойковича. Его искательства переполнили чашу терпѣнія даже у сдержаннаго, корректнаго министра и заставили его дать спокойную, но откровенную, безъ недомолвокъ, характеристику Стойковича въ отвѣтномъ письмѣ къ ходатайствовавшему за него князю Салтыкову. Хотя печатаемые нами ниже документы и относятся уже къ 1815 году, т. е. ко второму десятилѣтію въ исторіи университета, но мы ихъ помѣщаемъ здѣсь въ виду тѣсной связи ихъ съ разсказаннымъ выше эпизодомъ о ректорствѣ Стойковича.

Прежде всего Стойковичъ обратился съ личнымъ ходатайствомъ къ гр. А. К. Разумовскому о награжденіи его чиномъ статскаго совѣтника—и здѣсь, по присущей ему манерѣ, подробно излагалъ свои заслуги передъ университетомъ, забывая о неудобствѣ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ и по обыкновенію безъ зазрѣнія совѣсти, приписывая себѣ то, что сдѣлано было другими; такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что университетскій садъ исключительно ему обязанъ „своимъ бытіемъ“, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности такъ могъ бы выразиться о себѣ скорѣе всего попечитель гр. Потоцкій; затѣмъ тутъ же онъ говоритъ, что управлялъ университетомъ въ теченіе 5 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ стоялъ во главѣ его только 3 года и 2 мѣсяца.

Вотъ подлинный текстъ его письма.

„Сіятельныйшій графъ, М. Г. Двѣнадцатый уже протекаетъ годъ, какъ я по приглашенію вступилъ въ службу. Бывъ при самомъ открытіи университета, половину времени служенія моего управлялъ я онымъ; другую половину отправлялъ я важнѣйшія при немъ должности безпрерывно. Я смѣло утвердить могу, что ни единого нѣтъ при университетѣ заведенія, къ которому бы я не содѣйствовалъ: многія изъ нихъ, какъ-то — университетскій садъ, технологическій кабинетъ и проч. одолжены мнѣ бытіемъ своимъ; другія, какъ-то — физическій кабинетъ, типографія и пр. мною именно усовершенствованы. О сочиненіяхъ умалчиваю: они извѣстны. Не одинъ городъ и губернію Харьковскую — я призываю во свидѣтели весь университетскій округъ, сколь неусыпно трудился о благѣ просвѣщенія: вездѣ находятся слѣды трудовъ и стараній моихъ. Служа съ таковымъ рвеніемъ болѣе десяти лѣтъ, узналъ я токмо на сихъ дняхъ съ горестнымъ души прискорбіемъ, что при представленіи другихъ къ слѣдующему чину я пропущенъ. Я не смѣю думать, что сіе могло произойти отъ личнаго вашего неудовольствія, по причинѣ происшедшихъ въ послѣдній годъ ректорства моего въ университетѣ несогласій; *во-первыхъ* потому, что вы же сами послѣ того удостоили меня представить къ пенсіону; *во-вторыхъ* потому, что теперь уже видно, кто былъ истиннымъ крамолъ, споровъ и интригъ, продолжавшихся и послѣ меня и

*

при томъ въ худшемъ видѣ, *въ-третьихъ*, наконецъ, по тому, что ваше сіятельство и самыхъ зачинщиковъ всѣхъ несогласій не наказали и, слѣдовательно, неестественно, чтобы меня *суубо* хотѣли наказать. Что же можетъ быть причиною *суубаю* сего наказанія? Я остаюсь въ недоумѣніи и готовъ вашему сіятельству изъ официальныхъ университетскихъ бумагъ доказать свою невинность.

Сіятельнѣйшій графъ! Отъ васъ зависитъ успокоить меня; и я, зная ваше праводушіе, осмѣливаюсь питать себя надеждою, что вы мнѣ не откажете въ милости, которую вы другимъ оказали, не столько ее заслужившимъ, сколько пребывающій съ глубочайшимъ почтеніемъ милостивый государь вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Аванасій Стойковичъ. С.-Петербургъ, 4-го марта 1815 года“.

Но не рассчитывая на убѣдительность своей просьбы, Стойковичъ рѣшилъ прибѣгнуть къ протекціи сильныхъ міра сего и добился того, что князь Н. И. Салтыковъ написалъ въ пользу его слѣдующее письмо къ графу А. К. Разумовскому:

„Милостивый государь мой, графъ Алексѣй Кирилловичъ! Извѣстно мнѣ, что ваше сіятельство взяли обратно отъ управляющаго дѣлами комитета министровъ представленіе ваше объ опредѣленіи половиннаго пансіона бывшему профессору Харьковскаго университета Стойковичу съ тѣмъ, чтобы вмѣсто онаго доставить другое представленіе ваше объ опредѣленіи ему полнаго пансіона, который ему слѣдуетъ по Высочайше утвержденному уставу объ университетахъ за выслугу извѣстныхъ лѣтъ и за изданіе полезныхъ сочиненій. Зная г. Стойковича весьма достойнымъ человѣкомъ и принимая въ немъ участіе, я покорнѣйше прошу васъ, М. Г. мой, оказать ему сію заслуженную имъ милость, равно какъ и отдать ему справедливость въ разсужденіи слѣдуемаго ему чина, чѣмъ вы меня весьма одолжить изволите. Я слышу, что вы остановились до сего времени представленіемъ о г. Стойковичѣ потому, что есть какое-то дѣло о взаимныхъ его съ нѣкоторыми членами Харьковскаго университета неудовольствіяхъ. Но, какъ извѣстно, что дѣло сіе при самомъ началѣ предано по вашему предложенію забвенію, и г. Стойковичъ, по приѣздѣ своемъ сюда, просилъ васъ единственно о томъ, чтобы дѣло сіе истребовали для собственнаго вашего свѣдѣнія, желая, чтобы вы усмотрѣли изъ онаго его невинность и при томъ, такъ какъ онъ и университетъ уже два года оставилъ, то кажется мнѣ, дѣло сіе и не можетъ имѣть никакого вліянія на то, что ему за выслуги его по всей справедливости слѣдуетъ. Имѣю честь впрочемъ быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга (подписано) князь Салтыковъ. Октября 29 дня 1815 г.“.

Въ отвѣтъ на это графъ А. К. Разумовскій написалъ князю Н. И. Салтыкову слѣдующее:

„Милостивый государь, князь Николай Ивановичъ! На почтеннѣйшее письмо вашей свѣтлости отъ 29 минувшаго октября о бывшемъ профессорѣ Харьковскаго университета Стойковичѣ—имѣю честь откровенно сообщить причины, удерживавшія меня доселѣ представить его къ пенсіону, и изъяснить обстоятельства, предшествовавшія увольненію его отъ университета. Я не отвергаю его ученыхъ знаній, но въ сужденіи нравственности его, каковую долженъ имѣть опредѣленный къ образованію юношества чиновникъ, она весьма сомнительна, какъ изволите усмотрѣть изъ слѣдующаго. По Высочайше дарованнымъ правамъ для университетскихъ иностранныхъ профессоровъ дозволено имъ выписать вещей или пожитковъ на три тысячи рублей безпошлинно. Стойковичъ, пользуясь симъ правомъ, побывавъ въ отпуску на родинѣ своей въ Славоніи, выписалъ оттуда не другое что, какъ тамошнее красное вино въ количествѣ не менѣе 19 оксофтовъ 14½ ведеръ. Г. министръ финансовъ, получивъ о семъ изъ Радзивиловской таможни донесеніе, предоставилъ заключеніе на счетъ сего привоза моему усмотрѣнію. Ваша свѣтлость, по собственному проищанію вашему, судить изволите,—можетъ ли такое количество вина быть выписано для домашняго токмо употребленія профессора, какъ Стойковичъ утверждать старался. Вскорѣ послѣ того явились у него на значительную сумму иностранные естампы, женскія украшенія, гранатами называемыя, и разныхъ сортовъ ленты. Товары сіи запрещены къ привозу и, слѣдовательно, не могли быть иначе, какъ тайно привезены изъ заграницы. Стойковичъ, будучи ректоромъ университета, завелъ предосудительную торговлю сими товарами и разсылалъ оныя для распродажи къ подвѣдомымъ университету учителямъ, которые не обинуясь говорили вездѣ, что товары сіи принадлежать ректору. Торговля сія всюду сдѣлалась извѣстною. Въ Курскѣ учитель ошибкою продалъ гранаты за дешевую цѣну и послѣ принужденъ былъ ходить по домамъ и отбирать ихъ отъ тѣхъ, кто купилъ ихъ. Въ послѣдствіи сдѣланъ формальный доносъ на Стойковича въ таковой торговлѣ, и онъ старался прекратить дѣло мировымъ прошеніемъ и потомъ поданнымъ въ университетъ письменнымъ отзывомъ готовъ былъ утвердить присягою, что вещи не его; но по сдѣланному слѣдствію обнаружилось, что онъ дѣйствительно отъ Стойковича къ учителямъ для продажи присланы были и ими продавались. Такимъ образомъ, Стойковичъ и присягу свою готовъ былъ ни во что вмѣнить. Сберегая лишь славу университета, какъ заведенія въ томъ краю новаго, я приказалъ прекратить дѣло сіе; но имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ

удостоверительныя отзывы о возникшихъ въ университетѣ раздорахъ, пришедшихъ въ ономъ безпорядкахъ и разстройствѣ, на которые нельзя было взирать равнодушно, не подвергнувши самое заведеніе въ глазахъ тамошнихъ жителей и помѣщиковъ презрѣнію и осмѣянію, и что причиною всему тому ректоръ Стойковичъ, потерявшій отъ университетскихъ чиновниковъ всякое уваженіе, я принужденъ былъ испросить повелѣніе Его Императорскаго Величества смѣнить Стойковича отъ ректорства, что вѣроятно было поводомъ ему просить послѣ того увольненія отъ университета. Съ опредѣленіемъ новаго ректора водворились спокойствіе и порядокъ въ университетѣ. Что касается до пенсіи Стойковичу, то, по университетскимъ постановленіямъ, положено давать за 25-ти лѣтнюю службу, исключая того, когда профессоръ, какъ въ университетской грамотѣ сказано,—окажется одержимъ неизлѣчимою болѣзнію, отъемлющею силы исправлять свою должность; въ такомъ случаѣ назначается *половинная пенсія*; но за отличныя достоинства и оказанныя заслуги, по особенному одобренію университета, опредѣлять предположено въ пенсію полное жалованье, разумѣется, все въ случаѣ неизлѣчимыхъ болѣзней. Стойковичъ находился въ службѣ только 10 лѣтъ, и потому одна болѣзнь его, которую онъ выставляетъ, можетъ служить поводомъ къ назначенію ему пенсіона; но и сей предлогъ не будетъ имѣть основанія, если, какъ по наружному виду Стойковича судить можно, онъ не одержимъ неизлѣчимою болѣзнію, которая бы отняла отъ него всѣ силы къ исправленію должности. Получивъ отъ него чрезъ университетъ прошеніе объ опредѣленіи ему пенсіона за болѣзнь и сожалѣя объ немъ, какъ о человѣкѣ, не въ отечествѣ своемъ находящемся, я представилъ его по установленію къ половинному пенсіону, т. е. къ полученію тысячи рублей въ годъ. Вашей свѣтлости извѣстно, что чиновники гражданской службы, проходя оную въ три раза долѣе Стойковича, остаются безъ сего пособія. Стойковичъ недоволенъ будучи и симъ, ищетъ за 10-ти лѣтнюю службу полнаго пенсіона — 2000 руб. Не получивъ отъ университета одобренія о службѣ его, что именно требуется Высочайшимъ постановленіемъ, а напротивъ имѣя въ виду упомянутыя дѣла его, помрачающія и самыя ученныя достоинства его, я не въ правѣ отступить отъ постановленія и представить его къ полному пенсіону, не подавъ повода, смотря на сей примѣръ и другимъ требовать того же. Почему слѣдующій къ разсмотрѣнію комитета гг. министровъ проектъ доклада моего о половинной пенсіи Стойковичу имѣю честь приложить при семъ, предоставляя вашей свѣтлости судить, справедливо ли Стойковичъ ищетъ назначенія ему полнаго пенсіона. Упомянутыя дѣла были также причиною оста-

новки къ представленію его къ слѣдующему чину; но поелику онъ въ настоящемъ выслужилъ уже положенное время, то я ожидать буду увѣдомленія вашей свѣтлости, угодно ли будетъ вамъ, дабы о награжденіи его онымъ сдѣлано было отъ меня представленіе въ комитетъ гг. министровъ. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашей свѣтлости. Подписано: покорнѣйшимъ слугою Г. Алексѣй Разумовскій. Ноября 5 дня. 1815 года“.

Замѣтимъ еще, что Стойковичъ, которому, по его словамъ, были такъ дороги интересы Харьковскаго университета, и по выходѣ въ отставку, постарался повредить ему своей инсинуаціей и доносомъ, причинившими не мало хлопотъ новому ректору проф. Осиповскому; но объ этомъ мы будемъ говорить уже во 2-мъ томѣ своего труда.

Таковъ былъ прискорбный эпизодъ ректорства Стойковича и борьбы съ нимъ совѣта и правленія. Вѣрную оцѣнку его далъ въ своемъ письмѣ къ кн. Салтыкову самъ министръ народнаго просвѣщенія, который, изучивъ внимательно все дѣло, пришелъ къ полному убѣжденію въ виновности Стойковича и вообще въ отсутствіи у него нравственныхъ началъ, столь необходимыхъ для руководителя и наставника молодого поколѣнія. Онъ справедливо также отмѣтилъ то важное обстоятельство, что, благодаря своему недостойному образу дѣйствій, Стойковичъ совершенно утратилъ уваженіе своей коллегіи и потому не долженъ былъ оставаться во главѣ ея. Наконецъ, онъ объясняетъ намъ, что только одна забота о поддержаніи чести и репутаціи новаго въ томъ краѣ учебнаго заведенія заставила его прекратить слѣдствіе, которое однако и безъ того дало достаточно вѣскія улики противъ ректора. Сопоставляя это письмо министра съ его прежнимъ отвѣтомъ правленію, гдѣ онъ говорилъ, что Васильевъ не доказалъ своего обвиненія убѣдительными доводами, мы замѣчаемъ между ними какъ бы противорѣчіе, но его можно объяснить отчасти желаніемъ министра не становиться рѣшительно на сторону враговъ Стойковича, чтобы этимъ не возбудить еще болѣе ихъ страстей, а отчасти незнакомствомъ его съ содержаніемъ послѣднихъ представленій и объясненій профессоровъ (которые не успѣли еще тогда до него дойти)—получивъ же ихъ, онъ обончательно убѣдился въ полной виновности Стойковича. Въ нашемъ распоряженіи были всѣ тѣ официальные документы, какими пользовался и гр. А. К. Разумовскій; мы представили ихъ въ подлинникахъ читателю и надѣмся, что онъ вынесетъ изъ нихъ такое же убѣжденіе, какое вынесъ и министръ народнаго просвѣщенія, несмотря на то, что раньше онъ сильно благоволилъ къ Стойковичу. И современный историкъ долженъ произнести суровый приговоръ надъ Стойковичемъ, какъ

ректоромъ, хотя не можетъ отрицать въ немъ ни огромной энергіи, ни большихъ административныхъ талантовъ, ни довольно широкаго (хотя и не особенно глубокаго) образованія, ни заслугъ въ области научныхъ изслѣдованій. Время его ректорства, несмотря на нѣкоторые успѣхи въ отдѣльныхъ частяхъ управленія, является самою печальною страницей въ исторіи Харьковскаго университета — это была въ полномъ смыслѣ этого слова *смутная эпоха, михолтъе*, время взаимныхъ распрей, интригъ, доносовъ, пререканій въ совѣтѣ, правленіи и факультетахъ, расцвѣтъ организованнаго взяточничества — покупки магистерскихъ и докторскихъ дипломовъ и обкрадыванія казны, въ чемъ примѣръ другимъ подавалъ ректоръ. Этотъ упадокъ, эта деморализація, конечно, должны были подрывать нравственное значеніе университета и въ окружающей средѣ — и дѣло о Курскихъ безпорядкахъ вмѣстѣ съ торговлей учителей Паратича и Лангнера служить яркимъ тому доказательствомъ. Такимъ образомъ, терялось то, что съ большимъ трудомъ пріобрѣтено было въ первые годы существованія университета, въ ректорство незабвеннаго Рижскаго, о которомъ не даромъ теперь вспоминали въ своей бумагѣ, поданной министру, профессора: „тишина, изгнанная изъ университета Стойковичемъ, писали они, ищетъ себѣ убѣжища въ гробѣ покойнаго ректора Рижскаго“. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить въ заключеніе того важнаго обстоятельства, что выступили противъ Стойковича и выдерживали всю тяжесть борьбы съ нимъ профессора русскаго происхожденія со включеніемъ только двухъ иностранцевъ — Роммеля и Шада. Конечно, трудно въ настоящее время судить о мотивахъ, побудившихъ тѣхъ или иныхъ профессоровъ выступить противъ ректора, — одни дѣйствовали по однимъ соображеніямъ, другіе — по другимъ; одни искренно возмущались поведеніемъ главы университета; другимъ не нравилось, что это былъ не русскій человекъ, а „пришелецъ“; третьи и раньше знали о его продѣлкахъ, но относились къ нимъ совершенно спокойно, равнодушно, а теперь подъ вліяніемъ личныхъ отношеній, стали возмущаться ими; къ числу первыхъ мы относимъ такихъ лицъ, какъ Осиповскій, Роммель; ко второй группѣ принадлежалъ Книгинъ и, вѣроятно, еще другіе (напримѣръ, Шумляевскій); къ третьей нужно причислить Васильева и Шада; о побужденіяхъ перваго мы говорили выше: онъ самъ оцѣнивалъ эстампы Стойковичу, по приглашенію этого послѣдняго, а потомъ выступилъ съ публичнымъ обвиненіемъ противъ него; второй такъ близко зналъ торговыя операціи Стойковича и пользовался такимъ довѣріемъ у Паратича, что тотъ передалъ черезъ его жену ректору непроданныя ленты. Во всякомъ случаѣ у насъ нѣтъ данныхъ заподозрить чистоту побужденій тѣхъ пяти русскихъ профессоровъ, которые довели

дѣло до конца — Осиповскаго, Срезневскаго, Книгина, Шумлянскаго, Каменскаго и шестого иностранца Роммея; а если можно заподозрить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ какой-нибудь задней мысли, то только въ желаніи, чтобы во главѣ университета стоялъ профессоръ русскаго происхожденія — желаніи, вполне законномъ, тѣмъ болѣе, что въ составѣ русской партіи числился тогда такой достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ дѣятель, какъ Осиповскій. Этого же послѣдняго мы не имѣемъ права заподозрить ни въ какихъ честолюбивыхъ планахъ или искательствахъ, потому что онъ самъ раньше отказывался отъ ректорской должности, хотя и имѣлъ всѣ права на нее, пріобрѣвъ большую опытность въ университетскихъ дѣлахъ сперва въ качествѣ члена комитета, завѣдывавшаго приготовленіями къ открытію университета, а потомъ непремѣннаго засѣдателя правленія; лестный отзывъ о немъ попечителя графа Потockаго мы приводили выше. Что касается профессоровъ иностраннаго происхожденія, то они играли въ дѣлѣ ректора Стойковича какую-то двойственную роль, за исключеніемъ, быть можетъ, Швейкардта, который дѣйствовалъ bona fide и искренно, по всей вѣроятности, былъ убѣжденъ въ необходимости скорѣйшаго прекращенія „такого пустого дѣла“. Профессоръ Лангъ (секретарь совѣта) былъ на сторонѣ Стойковича. Пильгеръ и Нельдехенъ хотѣли, повидимому, дѣйствовать по пословицѣ: „моя хата зъ краю—и я ничего не знаю“, при чемъ первый былъ приведенъ къ этому своей упорной борьбой съ членами факультета, не разрѣшавшими ему медицинской практики. Дегуровъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ ректоромъ и въ то же время заклятымъ врагомъ Шада, напавшаго яростно, какъ мы видѣли, на Стойковича — и потому (а отчасти и вообще по свойствамъ своего характера), вѣроятно, лавировалъ; кромѣ того, онъ скорѣе предпочиталъ бы видѣть ректоромъ льнуваго въ иностранцамъ Стойковича, чѣмъ Осиповскаго; по одному же извѣстію, которое мы приведемъ ниже, онъ вмѣстѣ со Стойковичемъ бралъ взятки за дипломы; не имѣя возможности провѣрить этого обвиненія (а оно исходитъ отъ врага Дегурова—нѣмца Рейта), мы все-таки должны замѣтить, что въ нравственномъ отношеніи это былъ весьма ненадежный человекъ, какъ это доказано его ролью въ печальной исторіи Петербургскаго университета, гдѣ онъ былъ ректоромъ. Какими побужденіями руководились въ дѣлѣ Стойковича Гизе, Дрейсигъ и Ванотти, сказать не можемъ; впрочемъ, они и не играли видной роли, не выступали въ немъ активно; можно думать только, что Стойковичъ старался придать своему дѣлу характеръ борьбы съ представителями русской партіи и потому его поддерживали нѣкоторые изъ иностранцевъ, столь сильно боявшіеся, какъ мы видѣли, руссофильства, т. е. національнаго

русскаго самосознанія, выроставшаго подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ.

Борьба членовъ совѣта съ ректоромъ и партійныя распри, естественно, обостряли вообще отношенія профессоровъ другъ къ другу, вызвали частыя ссоры, несогласія, столкновенія и въ совѣтскихъ, и въ факультетскихъ засѣданіяхъ; и страдали отъ этого нерѣдко лица постороннія, непричастныя къ дѣлу. Цѣлый рядъ пререкавій возбудили дѣла о дарованіи разнымъ лицамъ ученыхъ степеней магистра и доктора. Особенно сильное возбужденіе въ факультетѣ и совѣтѣ вызвала промоція купца Хлапонина, искавшаго докторской степени.

Съ одной стороны сильное стремленіе къ образованію, съ другой желаніе выйти въ чиновники и поступить на государственную службу побудили курскаго купца Григорія Хлапонина держать въ университетѣ экзаменъ на степень доктора философіи. Руководителемъ въ его спеціальныхъ занятіяхъ философскими науками былъ проф. Шадъ—и одного этого было достаточно, чтобы бывший тогда ректоромъ Стойковичъ сталъ всячески тормозить выдачу Хлапонину установленнаго диплома. Въ результатѣ явились бурныя засѣданія совѣта и взаимныя жалобы Хлапонина и Стойковича другъ на друга министру. Наглядное понятіе объ этомъ даетъ, напримѣръ, слѣдующее письмо Стойковича къ министру: „по случаю предложенія нашего сіятельства за № 1040 въ разсужденіи удостоиваемыхъ въ докторы, предложилъ я въ засѣданіи 28-го сего мая совѣту университета нѣкоторые вопросы относительно экзамена купца Хлапонина, которые имѣю честь препроводить при семъ подъ литерою А. Вопросы сіи весьма нужны были, поелику я, пересматривая прошлагодніе журналы нравственно-политическаго факультета, къ величайшему моему удивленію, нашель, что въ оныхъ о письменномъ экзаменѣ Хлапонина ни слова не упоминается, что выраженіе въ протоколѣ того-жъ факультета, отъ 7-го ноября 1812 года, будто бы Хлапонинъ отвѣчалъ и письменно, несправедливо и что, слѣдовательно, донесеніе факультета о семъ дѣлѣ совѣту фальшиво. — Сіе мое предложеніе такъ поразило г. профессора Шада, тогдашняго декана и нѣкоторыхъ еще членовъ, думавшихъ, что дѣло рѣшено, что они никакъ не соглашались на выполненіе въ немъ содержащагося. Однако, большинствомъ голосовъ положено требуемыя мною справки представить совѣту, отъ котораго въ свое время вашему сіятельству донесено будетъ.

Послѣ сего г. профессоръ Лангъ началъ читать свое мнѣніе относительно производимыхъ въ университетахъ въ докторы, изъ которыхъ здѣсь подъ литерою В приложеннаго мнѣнія ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что оно стоитъ вниманія. При самомъ началѣ сего

чтенія гг. профессоры Шадъ и Роммель начали кричать. Я ихъ остановилъ; и г. Лангъ только что хотѣлъ продолжать, какъ г. Шадъ въ полномъ совѣтѣ закричалъ: *senatus academicus est conventus nationalis sub praesidio Roberspierrri*, то есть, *совѣтъ университета есть національный конвентъ, подъ председательствомъ Робеспьера*. Я, видя, что г. профессоръ Шадъ вышелъ изъ предѣловъ благопристойности, всталъ и въ силу 55-го § устава университета объявилъ, что по сей причинѣ засѣданіе прекращается. О чемъ долгомъ моимъ поставлю донести вашему сіятельству.

Теперь узналъ я, что послѣ сего засѣданія г. профессоръ Шадъ 30-го и 31-го чиселъ истекшаго мая ко всѣмъ ординарнымъ и экстраординарнымъ профессорамъ ѣздилъ съ какою-то бумагою, уговаривая ихъ подписать оную. Поступокъ сей хотя и противенъ законамъ и подлъ, но какъ многіе участвовали въ удостоеніи Хлапонина въ докторы, то г. Шадъ и найдеть таковыхъ, которые готовы будутъ подписать сію бумагу. Но какая бы сія бумага ни была и чтобы въ ней не содержалось, я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что я ни за что на свѣтѣ отъ своей должности и отъ своихъ правилъ, покуда я ректоръ, ни на одинъ шагъ не отступлю и съ такою же строгостію буду взыскивать за исполненіемъ обязанностей каждаго, съ каковою и до сихъ поръ взыскивалъ. Ректоръ А. Стойковичъ. Іюня 2 дня 1813 года¹⁾.

Большіе споры происходили также по поводу возведенія въ магистерское и докторское званіе Дудровича, Дегаля, Любовскаго, Мизка и Гесъ-де-Кальве; но объ этомъ мы скажемъ ниже. Теперь же только замѣтимъ, что большая часть этихъ претендентовъ искала ученыхъ степеней по предмету философіи у проф. Шада, отчасти благодаря его огромному ученому авторитету, а отчасти, быть можетъ, и по другимъ побужденіямъ, ничего общаго съ наукою не имѣющимъ. Деканомъ этнополитическаго факультета былъ раньше Шадъ, а въ послѣднее время онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто Швейкардту. Между Шадомъ и Швейкардтомъ были очень враждебныя отношенія, которыя разражались частыми столкновеніями ихъ, какъ въ факультетѣ, такъ и въ совѣтѣ: точно такія же столкновенія происходили между Шадомъ и бывшимъ секретаремъ совѣта Лангомъ²⁾. Дѣло дошло до того, что многіе профессора перестали посѣщать засѣданія, а проф. Швейкардтъ официально просилъ совѣтъ освободить его на зимнее время отъ засѣданій, такъ какъ они происходятъ по вечерамъ, когда онъ, по состоянію своего

¹⁾ Архивъ мин. нар. проsv. Дѣло № 5977, карт. № 158.

²⁾ См., напримѣръ, дѣло совѣта Харьковскаго университета о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 23—25, 70—72.

здоровья, не долженъ выходить изъ дому ¹⁾. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія, который принужденъ былъ издать слѣдующій циркуляръ: „замѣчено мною, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, не взирая на данное мною предписаніе, члены установленныхъ совѣтовъ, конференцій и другихъ сословій (sic!) не бывають иногда въ собраніяхъ оныхъ, не объявляя никакой законной причины своему отсутствію; почему подтверждаю университету, чтобы члены онаго, когда не могутъ быть въ собраніяхъ, объявляли о томъ напередъ, съ показаніемъ препятствующихъ причинъ, которыя всегда означать въ журналахъ, а отнюдь въ оныхъ не записывать, что кто-либо изъ членовъ не присутствовалъ по неизвѣстной причинѣ“ ²⁾ (29 января 1814 года). Кромѣ этого общаго циркуляра министръ обратился еще спеціально въ совѣтъ Харьковскаго университета съ такимъ разъясненіемъ: „усматривая изъ меморій университетскаго совѣта, что нѣкоторые профессора не бывають въ собраніяхъ по причинѣ, что заняты въ то время лекціями, предлагаю распорядить всѣ университетскія собранія, если можно, такимъ образомъ, чтобы они назначаемы были въ свободное отъ преподаваній время“ ³⁾.

Засѣданія совѣта бывали столь бурны, что оказалось необходимымъ напомнить членамъ объ указѣ Петра Великаго (отъ 27 января 1724 г.), ограждающемъ порядокъ въ засѣданіяхъ, и этотъ указъ былъ теперь же переведенъ на французскій языкъ, чтобы съ нимъ могли познакомиться профессора-иностранцы ⁴⁾.

Приведенное нами выше письмо Стойковича было написано уже тогда, когда министръ подписалъ бумагу объ избраніи на его мѣсто новаго ректора, каковымъ былъ избранъ, какъ мы знаемъ, Осиповскій. Хотя министръ и писалъ Салтыкову, что при немъ возстановилась тишина въ Харьковскомъ университетѣ, но прежнія хроническія, такъ сказать, распри не могли пройти безслѣдно, не могли не повліять на нравы и привычки профессорской коллегіи. Авторитетъ совѣта въ глазахъ зависимыхъ отъ него лицъ замѣтно палъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вслѣдъ за профессорами стали обращаться непосредственно къ министру и эти послѣднія, прилагая свои жалобы и обиды и нерѣдко при этомъ инсинуируя на своихъ враговъ. Понятное дѣло, что провѣрка такихъ жалобъ была для министерства чрезвычайно затруднительна и не-

¹⁾ Ibidem, стр. 209.

²⁾ Дѣло совѣта 1814 г., № 33.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 141—142.

приятна. Въ видѣ примѣра можно указать на частное письмо, посланное министру адъюнктомъ Рейтомъ, гдѣ онъ жалуется, что его въ теченіе многихъ лѣтъ несправедливо не производять въ профессора ¹⁾. Самыхъ незначительныхъ поводовъ подъ часъ было достаточно, чтобы вызвать въ совѣтѣ непримиримое противорѣчіе мнѣній, для разрѣшенія котораго приходилось обращаться опять-таки въ министерство. Эти постоянныя жалобы какъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, такъ и со стороны всего совѣта, естественно, подрывали довѣріе къ университету въ министерствѣ, дискредитируя въ его глазахъ и университетскую автономію, и ея дѣятелей. Въ одномъ подобномъ случаѣ министръ вынужденъ былъ даже сдѣлать замѣчаніе совѣту по поводу рапорта его слѣдующаго содержанія:

„Въ засѣданіи 7 іюля профессоръ Шадъ письменно представилъ совѣту слѣдующее: „какъ профессоръ Каменскій недавно въ совѣтѣ читалъ и въ протоколѣ помѣстилъ нѣкоторое писаніе, въ коемъ ставится доказать: а) что адъюнкты философіи не нужны; б) что учители Дудровича, бывшаго два года при университетѣ лекторомъ, должно уволить; то я, какъ деканъ нравственно-политическаго отдѣленія, почитаю нужнымъ просить совѣтъ о выдачѣ мнѣ копій съ онаго писанія. — Между тѣмъ прошу разрѣшить, не обязанъ ли секретарь совѣта въ дѣлахъ, касающихся до какого-либо отдѣленія, по просьбѣ сего, сообщать представленіе, посылаемое къ его сіятельству господину министру и вчернѣ хранимое въ архивѣ?“ — По поводу сего опредѣлено: а) чтобы профессоръ Шадъ самъ въ присутствіи секретаря переписалъ просимое писаніе; б) когда нѣкоторые члены словесно изъяснили, что, по смыслу второй статьи, не только наводится подозрѣніе на вѣрность секретаря, но и означаетъ то, что совѣтъ университета обязанъ отдѣленію давать отчетъ въ своихъ дѣлахъ; то ректоръ университета предложилъ, что секретаря долгъ и отвѣтственность есть та, чтобы представленіе было сходно съ протоколомъ, и что не одинъ секретарь, но вмѣстѣ ректоръ или другой членъ совѣта подписываетъ представленіе, — такъ что отдѣленіе должно представить причину, для которой имѣетъ надобность разсмотрѣть представленіе, препровождаемое къ вашему сіятельству, съ чѣмъ согласно думалъ и профессоръ Делавинъ; профессора Успенскій, Шадъ, Гизе и Роммель почитали нужнымъ представить о семъ на разрѣшеніе вашего сіятельства; профессора Лангъ, Дрейссигъ и Швейкардтъ мнятъ, что отдѣленіе можетъ просить, дабы представленіе вчернѣ было оному показываемо, не споря, что о семъ вашему сіятельству представить можно;

¹⁾ Это письмо мы приведемъ впоследствии.

профессоръ Книгинъ изъяснилъ, что отдѣленіе можетъ просить не представленіе, но выписку изъ протокола. Секретарь совѣта профессоръ Каменскій просилъ позволеніе принести жалобу его сіятельству господину министру на подозрѣніе, которымъ онъ не можетъ не оскорбляться. Наконецъ, опредѣлено представить о семъ вашему сіятельству. Во время чтенія протокола вчернѣ въ засѣданія 15 іюля, профессоръ Шумляинскій изъяснилъ, что дѣло, опредѣленное закономъ, не слѣдовало бы представлять; но поелику настоятъ, то по требованію должно представить.—Профессоръ Каменскій не только представилъ на разсмотрѣніе протоколъ засѣданія, въ коемъ шло дѣло о надобности адъюнкта философіи, и представленіе писанное вчернѣ и препровожденное къ вашему сіятельству, которое и было читано ректоромъ и профессоромъ Книгинымъ, но и просилъ профессора Шада взять обратно свою бумагу, дабы о таковыхъ преніяхъ не поступили безвременно представленія къ вашему сіятельству, что, однако, профессоръ Шадъ отвергнулъ. О чемъ, вашему сіятельству совѣтъ имѣетъ честь представить на разрѣшеніе. Ректоръ Тимофей Осиповскій. Совѣта секретарь профессоръ Иванъ Каменскій. № 218. Августа 15 дня 1814 года“.

Въ отвѣтъ на это министръ написалъ въ совѣтъ такую бумагу. „Изъ представленія совѣта № 218, къ крайнему сожалѣнію моему усматриваю я, что между членами совѣта водворились по прежнему распри; что совѣтъ продолжаетъ заниматься пустыми преніями о предметахъ, весьма маловажныхъ, и что не существуетъ въ немъ единодушія, отъ котораго зависитъ цвѣтущее состояніе не только самого университета, но и учебныхъ заведеній, ему подвѣдомыхъ. Обстоятельство, имѣетъ ли право какое либо отдѣленіе университета, просить копію съ представленія отъ университетскаго совѣта, начальству посланнаго, съ величайшимъ жаромъ принято было на разсужденіе. Я полагаю, что если дѣйствія совѣта основаны на справедливости, то никакой нѣтъ причины не давать отдѣленію копію съ посланнаго начальству о чемъ либо представленія, или журнала, по которому таковое представленіе сдѣлано. И потому предлагаю всякой разъ, когда какое-либо отдѣленіе или сословіе, къ составу университета принадлежащее, найдетъ нужнымъ имѣть къ свидѣнію своему копію съ представленія или журнала, по предмету, до отдѣленія относящагося, незамедлительно сообщать оныя отдѣленію. При семъ случаѣ обязанностію считаю рекомендовать членамъ совѣта, дабы они, остави навсегда неприличныя званію ихъ, какъ наставниковъ юношества, распри и несогласія, обратились къ единодушію, толь нужному во всякомъ сословіи, а найпаче въ сословіи учащихъ, которые должны подавать собою примѣръ согласія и доброй

нравственности. Члены совѣта должны, вспооществуя другъ другу благимъ совѣтомъ, совокупными силами содѣйствовать, дабы университетъ приобрѣлъ общее уваженіе, въ какомъ онъ, какъ высшее учебное заведеніе, находится долженствуетъ. Впрочемъ, обязанъ я присовокупить, что если, за всѣми убѣжденіями моими, продолжаться будутъ впредь распри въ университетѣ, то зачинщика оныхъ не премину и обратитъ къ порядку и неприятностямъ, каковыя съ таковымъ встрѣтятся, самъ онъ причиною будетъ. Сентября 7 1814 г.¹⁾

Когда эта бумага прочитана была въ совѣтѣ, то профессоръ Лангъ выступилъ письменно съ такимъ предложеніемъ: „когда въ засѣданіи совѣта 23-го сентября читано было предложеніе его сіятельства г. министра, коимъ напоминаетъ профессорамъ о согласіи, г. профессоръ Гизе думалъ, чтобы спорныя дѣла оставить безъ производства, къ коему мнѣнію и другіе профессора присоединились. Я охотно принимаю оное мнѣніе, надѣясь, что, когда они будутъ оставлены, то исчезнутъ всѣ поводы къ несогласію“²⁾.

Къ сожалѣнію, это доброе намѣреніе не было приведено въ исполненіе, и распри въ совѣтѣ продолжались и впоследствии.

На этомъ мы и заканчиваемъ обзоръ дѣятельности совѣта и теперь переходимъ къ характеристикѣ дѣятельности факультетовъ и правленія.

По уставу, въ Харьковскомъ университетѣ было четыре факультета, но правильно функционировали только три изъ нихъ—словесный, этико-политическій и физико-математическій; четвертый же—медицинскій—хотя и имѣлъ штатъ профессоровъ (впрочемъ, далеко не полный), но, по недостатку студентовъ, преподаваніе на немъ не могло идти акуратнымъ образомъ и вообще дѣятельность его до 1811 года отличалась случайнымъ характеромъ: объявленные курсы не всегда осуществлялись; профессора его, за неимѣніемъ настоящихъ слушателей, читали лекціи воспитанникамъ Харьковскаго коллегіума, которымъ разрѣшено было посѣщать съ этою цѣлью университетъ; состояніе учебноспомогательныхъ заведеній, столь необходимыхъ для правильнаго преподаванія медицинскихъ наукъ, было самое печальное. Въ виду такого положенія дѣлъ возникъ было даже вопросъ объ упраздненіи медицинскаго факультета въ нашемъ университетѣ и за эту мѣру высказался самъ попечитель графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Къ счастью, министръ на-

¹⁾ Архивъ мин. нар. проsv. Дѣло № 6146, карт. 160; см. также архивъ Харьковского университета; дѣло совѣта 1814 г., № 34.

²⁾ Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ 1814 г., № 58, стр. 166.

роднаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій стоялъ за *statu quo* и поддержаль представленіе совѣта о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо было предпринять для обезпеченія правильнаго преподаванія. Мѣры эти состояли съ одной стороны въ привлеченіи студентовъ, а съ другой—въ увеличеніи преподавательскаго персонала и устройствѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Намѣченная ими цѣль была достигнута, и университетъ, благодаря этому, сохранилъ свою цѣлостность и неприкосновенность; уничтоженіе же одного факультета могло угрожать въ будущемъ полнымъ его расчлененіемъ или превращеніемъ въ лицей, тѣмъ болѣе, что одно время весьма серьезно ставился вопросъ о переводѣ Харьковскаго университета въ другой городъ въ виду крайне неблагоприятныхъ гигиеническихъ условий г. Харькова ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ внутренняя коллегіальная дѣятельность на медицинскомъ факультетѣ была значительно слабѣе, чѣмъ на трехъ остальныхъ, хотя и здѣсь все-таки мы видимъ всѣ тѣ функціи, какія характеризуютъ работу другихъ отдѣленій.

По уставу, обыкновенныя факультетскія засѣданія должны были происходить ежемѣсячно, а чрезвычайныя — по мѣрѣ необходимости. Предсѣдателемъ на нихъ могъ быть ректоръ или деканъ. Факультеты вѣдали слѣдующія дѣла: 1) составили распределеніе лекцій; 2) производили экзамены для полученія разныхъ университетскихъ степеней; 3) разсматривали рѣчи, приготовленныя для чтенія на актахъ, и сочиненія, представленныя для напечатанія на счетъ университета; 4) назначали темы конкурсныхъ сочиненій и давали отзывы объ этихъ послѣднихъ; 5) разсматривали смѣту средствъ, предназначенныхъ на нужды факультета; 6) разсуждали о предложеніяхъ, внесенныхъ въ факультетъ деканомъ или ректоромъ. Всѣ постановленія факультетовъ вносились на утвержденіе совѣта, который могъ отвергнуть ихъ, утвердить или сдѣлать свои измѣненія ²⁾.

Какъ видно отсюда, дѣятельность факультетовъ была очень скромная по сравненію съ дѣятельностью совѣта. Она касалась главнымъ образомъ факультетскаго преподаванія и чисто научныхъ сферъ; но и эти вопросы, въ болѣе широкой постановкѣ, обсуждались и разрѣшались, какъ мы видѣли, въ засѣданіяхъ совѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Подробнѣе объ оставленіи медицинскаго факультета при Харьковскомъ университетѣ и о мѣрахъ, которыя были приняты для поднятія преподаванія на немъ, мы будемъ говорить въ главѣ, посвященной научно-преподавательской дѣятельности, а о планѣ перевода Харьковскаго университета въ другой городъ—въ главѣ о бытѣ и нравахъ профессорской коллегіи.

²⁾ Сборникъ постановленій по министерству народн. просв., т. I-й, стр. 277—278.

Отчетъ о диспутѣ М. Е. Халанскаго.

Михаилъ Георгіевичъ Халанскій — сынъ священника. Родился въ селѣ Расховцѣ, Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Бѣлгородской духовной семинаріи. Въ 1877 г. поступилъ въ Харьковскій Императорскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, каковой окончилъ въ 1881 г. со степенью кандидата славяно-русской филологіи и оставленіемъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ славянской филологіи. Съ 1883 г. по 1890 г. состоялъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Бѣлгородской и Харьковской второй гимназіяхъ. Въ 1868 году защитилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на степень магистра русской словесности диссертацию „Великорусскія былины Кіевскаго цикла“. Въ 1889 году совершилъ путешествіе въ южно-славянскія земли, занимался въ бібліотекахъ Бѣлграда и Загреба, собирая матеріалы для вышеупомянутого теперь въ свѣтъ сочиненія „Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ“. Въ 1889 же году открылъ чтеніе лекцій въ Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ по исторіи русск. языка и словесности въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1892 году былъ возведенъ въ званіе и. д. экстраординарнаго профессора.

Напечатанные труды г. Халанскаго слѣдующіе:

- Черты народнаго говора Щигровскаго уѣзда, Курской губ.
- Народныя пѣсни, записанныя въ Щигровскомъ уѣздѣ, Курской губ.
- О языкѣ актовъ Оскольскаго края.
- О сербскихъ народныхъ пѣсняхъ Косовскаго цикла.
- Замѣтки по славянской народной поэзіи.
- Къ вопросу о заимствованіяхъ въ славянской народной поэзіи.
- Къ былинѣ про Микулу Селяниновича.
- Великорусскія былины Кіевскаго цикла.
- Пушкинъ и г-жа Ризничъ.
- Былина о Жидовинѣ.
- Къ былинѣ про Дюка Степановича.

Городъ Ледянь-Леденець въ славянской народной поэзіи.

О преподаваніи русскаго языка и словесности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Нынѣ же, для полученія степени доктора русской словесности, представилъ диссертацию подъ заглавіемъ:

„Южно-славянскія сказанія о кравевитѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса. Сравнительныя наблюденія въ области героическаго эпоса южныхъ славянъ и русскаго народа“.

Диспутъ происходилъ 22 мая 1895 года. Официальными оппонентами, по назначенію отъ факультета, были Н. Ѳ. Сумцовъ и М. С. Дриновъ.

Во вступительной рѣчи диспутантъ сдѣлалъ общій обзоръ изученій героическаго эпоса у южныхъ славянъ и на Руси. Съ бѣльшей подробностью остановился на современномъ положеніи вопроса о восточныхъ вліяніяхъ въ русскомъ эпосѣ, на трудахъ Потапина и В. Миллера. Въ связи съ общими выводами, высказанными послѣднимъ въ сочиненіи „Экскурсы въ область русскаго эпоса“, опредѣлилъ г. Халанскій и цѣли своего труда, насколько онъ захватываетъ область русскаго эпоса. Затѣмъ выяснивъ методъ, котораго держался въ своемъ изслѣдованіи, формулировалъ приемы сравнительнаго изученія героическаго эпоса въ шести положеніяхъ.

Переходя къ общимъ выводамъ своего изслѣдованія, г. Халанскій сначала опредѣлилъ, въ чемъ выразились внѣшнія вліянія въ русскомъ и южно-славянскомъ эпосѣ и съ какой стороны они направлялись. Заимствованные сюжеты въ русскомъ и южно-славянскомъ героическомъ эпосѣ представляютъ или книжные мотивы, или устные западно-европейскаго происхожденія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда какой-либо сюжетъ встрѣчается и въ восточныхъ сказаніяхъ, русское былинное изложеніе его стоитъ ближе къ западно-европейскимъ параллелямъ. Такимъ образомъ вопреки теоріямъ, отводящимъ русскій народъ за поэтическими мотивами въ Азію, оказалось, что онъ по своимъ устно-поэтическимъ идеаламъ — народъ европейскій. Въ русскомъ и южно-славянскомъ героическомъ эпосѣ доселѣ звучать во многихъ случаяхъ отголоски эпохи рыцарства и миннегезанга. Заимствованіе иностраннаго содержанія въ славянскомъ устно-поэтическомъ творчествѣ не было простымъ переводомъ, а являлось усвоеніемъ пришлыхъ поэтическихъ мотивовъ съ измѣненіемъ подробностей ихъ содержанія, согласно съ народной исторіей, національными симпатіями и требованіями народнаго языка, — было, словомъ, процессомъ творческимъ. Вообще, героическій эпосъ всякаго народа, при международномъ характерѣ составляющихъ его сюжетовъ (положеніе академика Веселовскаго), является національнымъ въ ихъ обработкахъ.

Опредѣливъ объемъ и характеръ внѣшнихъ вліяній въ славянскомъ героическомъ эпосѣ, диспутантъ опредѣлилъ и его національныя основы. Онѣ состоятъ частію въ мѣстныхъ преданіяхъ и представленіяхъ, общихъ всѣмъ славянамъ наряду со многими другими народами; главнымъ же образомъ въ отраженныхъ въ поэтическихъ образахъ воспоминаній о древнихъ историческихъ дѣятеляхъ: Олегѣ, Владимирѣ, Добрынѣ, Олешѣ, кн. Лазарѣ, король Маркѣ, Момчилѣ, Релѣ, Боданѣ и друг. Русскій народъ превосходитъ всѣ славянскіе древностью именъ воспѣваемыхъ героевъ. Закончилъ свою рѣчь г. Халанскій указаніемъ на важное національное и международное значеніе дѣятельности древнихъ дружинныхъ пѣвцовъ, игравшихъ активную роль въ созданіи и распространеніи произведеній древне-славянскаго героическаго эпоса, остатками котораго являются былины — у русскихъ и юнацкія пѣсни у южныхъ славянъ.

Возраженія проф. Н. Θ. Сумцова состояли въ слѣдующемъ: Оппонентъ находилъ, что изслѣдованіе г. Халанскаго, посвященное почти всецѣло южно-славянскому эпосу, ставитъ русскій эпосъ въ подчиненное положеніе, и при такой точкѣ зрѣнія былины не освѣщены въ такой полнотѣ и съ такой разносторонностью, какія можно было ожидать, еслибы русскій былевой эпосъ былъ предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія и исходнымъ пунктомъ.

Одно изъ главныхъ положеній автора — о происхожденіи Ильи Муромца отъ южно-русскаго Олега Вѣщаго при посредствѣ германскихъ Elegast'a, Eligas'a—Ilías von Reussen—представляется весьма гадательнымъ. Такой кривой линіи въ распространеніи южно-русскихъ литературныхъ памятниковъ и такого германскаго посредничества до сихъ поръ не было указано. Неизбѣжно возникаютъ вопросы, почему вниманіе германскихъ пѣвцовъ остановилось на Олегѣ Вѣщемъ, почему затѣмъ онъ былъ забытъ въ самомъ германскомъ эпосѣ, почему, наконецъ, на новой сѣверно-русской почвѣ, въ муромской глуши, этотъ онѣмеченный Ilías von Reussen получилъ такую богатую и новую поэтическую разработку.

Слѣдуя за учеными стараго времени, М. Е. Халанскій ошибочно причисляетъ Пѣсню о гостѣ Терентыщѣ къ новгородскому эпосу. По мнѣнію Н. Θ. Сумцова, это заходящая западно-европейская новелла, извѣстная хорошо не только въ Новгородской области, но также въ Бѣлоруссіи и въ Малороссіи.

Оппонентъ находилъ далѣе, что свѣтлый образъ змѣя славянскаго героическаго эпоса (стр. 44 и 57) основанъ не на индо-европейскомъ мѣстномъ представленіи молніи и огня, какъ думаетъ М. Е. Халан-

*

скій, а на глубоко-древнемъ анимизмѣ, точнѣе, на культѣ душъ предковъ въ зооморфическихъ образахъ змѣй.

М. Е. Халанскій ставитъ во внутреннюю литературную связь сказаніе лѣтописца подъ 1096 г. о заклѣтыхъ народахъ съ позднѣйшимъ народнымъ преданіемъ, записаннымъ на Уралѣ г. Немировичемъ-Данченкомъ (стр. 188—191), и лѣтописное сказаніе о печенѣжскомъ богатырѣ съ позднѣйшей малорусско-богатырской сказкой въ записи г. Эварницкаго (221). Эти сопоставленія бездоказательны; внутренней связи и зависимости между этими сказаніями не видно. Каждое изъ сказаній могло возникнуть самостоятельно.

Мнѣніе г. Халанскаго, что въ древности въ Южной Руси не было „строгаго“ эпоса и что „самый народъ на югѣ Россіи едва ли былъ способенъ къ воспріятію и развитію такого строгаго эпоса, какъ былины и нѣмецкія пѣсни“—мнѣніе это, по словамъ Н. Θ. Сумцова, не разъясняя ничего по существу въ великорусскомъ эпосѣ, создаетъ лишь новую загадку о происхожденіи позднѣйшаго казацкаго малорусскаго эпоса.

Сближеніе Алексія Поповича малорусскихъ думъ съ Алешей Поповичемъ былинь (стр. 221 и 741) представляется устарѣлымъ и лишнимъ, такъ какъ, кромѣ случайнаго звуковаго совпаденія, между этими эпическими лицами и между посвященными имъ думами и былинами вѣтъ ничего общаго.

Оппонентъ находилъ, что повѣсть Стороженко „Марко Проклятый“ произведеніе настолько искусственное, что авторъ напрасно ввелъ его въ кругъ сравнительно-литературныхъ матеріаловъ.

Въ заключеніе оппонентъ указалъ на выдающіяся достоинства изслѣдованія, на большое трудолюбіе и научную добросовѣстность автора.

Въ отвѣтъ на возраженія проф. Н. Θ. Сумцова диспутантъ объяснилъ:

1. Многое въ поэтической исторіи Ильи Муромца и для него самого остается неяснымъ, многое возбуждаетъ рядъ вопросовъ и недоуразумѣній; тѣмъ не менѣе онъ въ своемъ трудѣ имѣлъ цѣлью только дать рядъ обобщеній на основаніи тѣхъ фактовъ, которые частью были извѣстны прежде, частью вновь указаны имъ. Ему остается только ждать иныхъ объясненій тѣхъ поразительныхъ совпаденій въ именахъ и сюжетахъ между русской лѣтописью и германскими поэмами и между этими послѣдними и русскими былинами, какія указаны и отмѣчены имъ. Въ вопросѣ объ отношеніяхъ Олега къ Eligas'у—Ilías'у и Ильѣ Муромцу онъ руководился установленнымъ филологически тождествомъ собственныхъ именъ. Собственныя имена, тождество которыхъ установ-

лено строго-филологически, были для него путеводными столбами въ тѣхъ общихъ выводахъ, которые имъ даны.

2. Согласившись съ мнѣніемъ г. оппонента о былинѣ про гостя Терентьица, диспутантъ замѣтилъ, что означенное изслѣдованіе проф. Сумцова появилось послѣ напечатанія имъ I вып. своего изслѣдованія.

3. Поддерживая свое толкованіе образа змѣя, г. Халанскій указалъ на трудность достигнуть въ рѣшеніи этого вопроса такого вывода, который былъ бы одинаково убѣдителенъ для всѣхъ. Ему кажется, что представленіе души змѣей не есть непосредственная концепція, она предполагаетъ по крайней мѣрѣ двѣ другія: души—огнею и огня—змѣей.

4. Сходство между лѣтописными разказами о людяхъ, загнанныхъ въ горы, печенѣжскомъ богатырѣ и народными преданіями, записанными г. Немировичемъ-Данченкомъ и г. Эварницкимъ, несомнѣнно. Что же касается вѣрности предположеній, высказанныхъ диспутантомъ въ его изслѣдованіи, то онъ согласенъ съ оппонентомъ, ихъ вѣроятность не особенно значительна. Возможны и другія объясненія этихъ совпаденій.

5. Выраженіе „строгий“ эпосъ диспутантъ употребляетъ въ смыслѣ отсутствія лирическаго элемента, характеризующаго южно-русскія эпическія произведенія. Въ этомъ смыслѣ ему кажется основательной аналогіи между Провансомъ и южной Россіей. Что же касается отношенія думъ къ былинамъ и обеихъ группъ произведеній къ древне-русскому эпосу, то его точка зрѣнія, на его взглядъ, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторіи русскаго героическаго эпоса и гораздо проще разрѣшаетъ нѣкоторыя загадки въ исторіи былинъ и думъ, чѣмъ это было доселѣ.

6. Сближеніе Олеси Поповича былинъ и Олексія Поповича думъ и диспутанту кажется недостаточно обоснованнымъ; но оно принадлежитъ проф. Дашкевичу, человѣку авторитетному въ этихъ вопросахъ, и диспутантъ счелъ вправѣ коснуться этого взгляда.

7. Поэма Стороженка, по признанію самого автора, основана на фактахъ народно-поэтическихъ. И это признаніе подтверждается отмѣченнымъ сходствомъ между поэмой и южно-славянскими пѣснями о Маркѣ краевичѣ. Диспутантъ не счелъ себѣ вправѣ миновать тѣхъ сравненій, которыя такъ и напрашивались сами въ изслѣдованіе.

Профессоръ *Дриновъ* остановился главнымъ образомъ на исторической части диссертациі М. Е. Халанскаго, въ которой отмѣтилъ слѣдующія, по его мнѣнію, неточности:

На 1-й страницѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ иностранныхъ хронистахъ, называющихъ королевича Марка княземъ Болгаріи, упущено изъ виду, что точно такъ же титулуется Марка и извѣстный сербскій янычарь, Михаилъ Константиновичъ, жившій въ 15-мъ вѣкѣ.

На стр. 158-й, основываясь на письмѣ Константинопольскаго патріарха Антонія къ Угровлахійскому воеводѣ Мирчѣ, диспутантъ утверждаетъ, что королевичъ Марко сдѣлался турецкимъ вассаломъ съ благословія Охридскаго архіепископа. Оппонентъ находитъ основу этого утвержденія несостоятельною, указывая, что цитируемое тутъ мѣсто въ письмѣ патріарха Антонія вовсе не относится къ Марку.

Столь же неосновательнымъ, по мнѣнію М. С. Дринова, является и утвержденіе автора о томъ, что сѣверо-западные сербскіе владѣтели подчинялись отцу Марка, королю Вукашину, до конца жизни послѣдняго, погибшаго въ Марицкой битвѣ съ турками (стр. 156—157). Оппонентъ не сомнѣвается, что политическая связь державы Вукашина съ сербскимъ сѣверо-западомъ была порвана еще около пяти лѣтъ до названной битвы, и тѣмъ болѣе сожалѣетъ объ отмѣченныхъ имъ неточностяхъ, что М. Е. Халанскій на нихъ отчасти основываетъ свое объясненіе причинъ популярности Марка и распространенія сказаній о немъ по всей Сербіи и Болгаріи (стр. 158, 159).

Профессоръ Дриновъ перешелъ за тѣмъ къ предлагаемому въ разсматриваемой книгѣ объясненію происхожденія позднѣйшихъ, несомнѣнно, сербскихъ сказаній, представляющихъ короля Вукашина „вселукавымъ діаволомъ, искоренителемъ дому Неманскаго, убійцею храбраго воеводы Момчила, ненавистникомъ своего собственнаго сына Марка и т. д.“ (стр. 23, 151—153). Назвавъ это объясненіе заслуживающимъ полнаго вниманія, оппонентъ выразилъ сожалѣніе, что авторъ упустилъ тутъ изъ виду то обстоятельство, что король Вукашинъ уничтожилъ въ своихъ владѣніяхъ власть сербскаго патріаршества, замѣнивъ ее властію Охридской архіепископіи. По мнѣнію проф. Дринова, М. Е. Халанскій еще ближе подошелъ бы къ источнику названныхъ сербскихъ сказаній, если бы принялъ въ соображеніе указанный поступокъ короля Вукашина. Поступокъ этотъ неминуемо долженъ былъ вызвать сильное озлобленіе противъ Вукашина между сербскимъ духовенствомъ (Печскимъ), въ средѣ котораго, по весьма правдоподобному предположенію автора, и сложились сказанія о вселукавомъ злодѣѣ.

На стр. 739 диспутантъ утверждаетъ, что у Македонскихъ славянъ, среди которыхъ возникли первыя историческія пѣсни о Маркѣ, героическій эпосъ развился подъ западно-европейскимъ вліяніемъ, со времени основанія латинской имперіи. Мнѣніе это проф. Дриновъ на-

ходитъ слишкомъ смѣлымъ, указывая, что латинское завоеваніе коснулось лишь весьма незначительныхъ славянскихъ уголковъ южной Македоніи и Фракіи, да и тамъ господство латинянъ продолжалось не болѣе десяти лѣтъ. Съ другой стороны, оппонентъ не сомнѣвается, что еще задолго до появленія латинской имперіи у южныхъ славянъ существовалъ эпосъ, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, Дуклянская лѣтопись, писанная въ половинѣ XII вѣка. М. С. Дриновъ ставитъ автору въ большую заслугу то, что въ своей диссертациіи онъ привелъ не мало такихъ фактовъ, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что западно-европейскій эпосъ оказывалъ вліяніе на южно-славянскій, если не чрезъ латинскую имперію, то другими путями, но, по мнѣнію оппонента, М. Е. Халанскій слишкомъ преувеличиваетъ это вліяніе, приписывая ему и самое зарожденіе героическаго эпоса у южныхъ славянъ. Такое обидное для славянства мнѣніе проф. Дриновъ считаетъ совершенно неосновательнымъ.

Во второмъ своемъ тезисѣ диспутантъ относитъ къ 17—18 в. переходъ произведеній южно-славянскаго героическаго эпоса изъ устъ княжескихъ пѣвцовъ къ пѣвцамъ народнымъ. По мнѣнію оппонента, тутъ упущено изъ виду то, что не только въ 18 и 17-мъ, но и въ болѣе раннемъ 16-мъ вѣкѣ у болгаръ и сербовъ княжескихъ пѣвцовъ не было.

На стр. 308 приведено безъ всякихъ оговорокъ мнѣніе сербскаго проф. Сретъковича о томъ, что встрѣчающееся въ известныхъ сербскихъ пѣсняхъ слово Бугаринъ и производныя отъ него употреблены не въ смыслѣ Болгаринъ, а въ значеніи латинскаго *vulgaris* (*profanum vulgus*), итальянскаго *volgare*, отъ которыхъ де и происходитъ. Это словопроизводство Сретъковича проф. Дриновъ считаетъ несостоятельнымъ уже потому, что въ славянскихъ заимствованіяхъ изъ латинскаго и вообще изъ романскихъ языковъ латинское *v* не подвергается никакимъ измѣненіямъ, напримѣръ: *вино*—*vinum*, *вила* (подзорная труба) отъ латинскаго *vigilia*; *вирти* (хорошо расти, зеленѣть, процвѣтать) отъ латинскаго *vigere*; *вумія* (мѣшокъ, сдѣланный изъ необдѣланной бараньей или козьей вожжи и употребляемый простымъ людомъ, преимущественно пастухами, цыганами и т. п.) несомнѣнно отъ латинскаго *vulgus*.

Стольный городъ Марка Кралевица М. Е. Халанскій называетъ *Припитомъ*. Проф. Дриновъ полагаетъ, что было бы гораздо лучше придерживаться формы *Припелъ*, или *Припѣлъ* (сравни. греч. *Πριπέλος*), употребляемой жителями этого города, какъ и вообще болгарами.

Оппонентъ закончилъ свои замѣчанія выраженіемъ увѣренности, что встрѣчающіеся въ громадной книгѣ М. Е. Халанскаго недочеты

нисколько не помѣшаютъ ей сдѣлаться настольною книгою для всѣхъ занимающихся славянскимъ эпосомъ.

На возраженія проф. Дринова г. Халанскій отвѣчалъ:

1. Едва ли точно причислять явчара Михаила Константиновича къ туземнымъ хронистамъ, такъ какъ его хроника написана не на сербскомъ и не на болгарскомъ языкѣ.

2. Признавая справедливыми замѣчанія проф. Дринова относительно указанныхъ имъ неточностей въ исторической части своего изслѣдованія, диспутантъ, въ свое оправданіе, ссылаясь на крайнюю бѣдность историческихъ изслѣдованій эпохи краля Марка, недостаточность матеріаловъ, неясности и противорѣчія въ источникахъ и происходящія отъ того затрудненія—особенно для неспециалиста—разобраться въ историческомъ матеріалѣ и воспользоваться вполне удачно выводами историковъ для историко-литературныхъ предположеній.

3. Основавію латинской имперіи и диспутантъ не придаетъ значенія въ исторіи развитія славянскаго эпоса и упоминаетъ объ этомъ историческомъ фактѣ вскользь. Что же касается вообще вопроса о западно-европейскихъ вліяніяхъ въ южно-славянскомъ эпосѣ, то диспутантъ замѣтилъ, что въ настоящее время въ сравнительныхъ трудахъ европейскихъ ученыхъ по народному эпосу фактъ вѣдшихъ вліяній не подвергается сомнѣнію. Тѣмъ вѣдшее вліяніе возводитъ въ законъ литературнаго развитія. Академикъ Веселовскій выразилъ свои взгляды на заимствованія въ извѣстномъ афоризмѣ: „народный эпосъ всякаго историч. народа по необходимости международный.“ Г. Халанскій выразилъ удивленіе по поводу того, что оппонентъ обвиняетъ его въ нанесеніи обиды славянамъ, такъ какъ главная задача его изслѣдованія заключалась именно въ томъ, чтобы опредѣлить національныя основы славянскаго героическаго эпоса, скрытыя подъ заимствованіями. И на его взглядъ онъ до извѣстной степени выполнилъ свою задачу, указавъ, что самостоятельное эпическое творчество у славянъ было весьма значительнымъ; оно выразилось въ поэтическихъ воспроизведеніяхъ многихъ историческихъ событій, въ историзаціи заимствованнаго содержанія, въ созданіи стихотворнаго метра, поэтическаго языка и друг. Его наблюденія надъ героическимъ эпосомъ славянъ дали ему возможность противопоставить вышеприведенному афоризму Веселовскаго слѣд. свой выводъ: народный эпосъ всякаго историческаго народа, при международномъ характерѣ составляющихъ его сюжетовъ, является національнымъ въ ихъ обработкахъ. Указывая на родство славянскаго эпоса съ эпосомъ народовъ европейскихъ, диспутантъ полагаетъ, что этимъ онъ приобщаетъ славянскіе народы съ культурной жизни европейскихъ

народовъ въ средніе вѣка. Заимствованіе, по взглядамъ диспутанта, второй моментъ въ исторіи развитія всякаго эпоса, предполагающій существованіе національныхъ основъ поэтическаго творчества—національныя эпическія произведенія.

Эпическое значеніе Дуклянской хроники, по мнѣнію диспутанта, не велико. Существованіе эпоса до-Косовскаго и до-Маркова можетъ быть доказано и безъ нея.

4. Указываемая профессоромъ Дриновымъ неточность во 2 тезисѣ— по мнѣнію диспутанта—мнимая, такъ какъ здѣсь говорится вообще о славянахъ восточныхъ, стало быть, и русскихъ, и черногорцахъ, и боснякахъ и герцеговинцахъ. А у этихъ племенъ были дружинные и княжескіе дѣвцы и въ XVI и въ XVII вѣкахъ.

5. Мнѣніе проф. Сречковича о происхожденіи слова бугарштица кажется диспутанту весьма вѣроятнымъ. Нарушеніе въ этомъ словѣ указаннаго оппонентомъ фонетическаго закона можетъ быть объяснено дѣйствіемъ народной этимологіи. Для принятія мнѣнія оппонента о происхожденіи слова бугарштица отъ имени народа диспутантъ не видитъ ни одной аналогіи въ устной словесности другихъ народовъ.

6. Г. Халанскій согласился, что лучше бы употреблять ф. Прилѣпъ. Употребляя ф. Прилипъ, г. Халанскій слѣдовалъ сербскимъ народнопоэтическимъ источникамъ и нѣкоторымъ ученымъ, напр., арх. Руварцу.

По окончаніи диспута деканъ факультета, заслуженный ординарный профессоръ А. С. Лебедевъ, собравъ голоса, объявилъ, что факультетъ единогласно удостоиваетъ г. Халанскаго степени доктора русской словесности.

Секретарь факультета, орд. проф. *И. Нестушиль.*

Отчетъ о диспутѣ В. П. Бузескула.

14-го мая 1895 г. и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, В. П. Бузескуль, защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ: „Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.“, представленную имъ на степень доктора всеобщей исторіи.

По *curriculum vitae*, прочитанному перелъ диспутомъ секретаремъ факультета, В. П. Бузескуль—изъ дворянъ Екатеринославской губ., родился въ 1858 г. Окончивъ курсъ во второй Харьковской гимназіи съ золотою медалью въ 1876 г., онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ; за сочиненіе на тему: „Мстиславъ Мстиславичъ, князь Торопецкій“, получилъ золотую медаль, и по окончаніи курса со степенью кандидата въ 1880 г. былъ оставленъ при университетѣ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ всеобщей исторіи. Въ 1885 г. В. П. Бузескуль выдержалъ магистерскій экзаменъ и началъ чтеніе лекцій въ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1889 г. защитилъ диссертацию на степень магистра, подъ заглавіемъ „Периклъ“. Въ 1890 г. назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора.

По прочтеніи *curriculum vitae* и перечисленіи печатныхъ трудовъ В. П. Бузескула, послѣдній произнесъ рѣчь, въ которой познакомилъ публику съ новооткрытымъ трактатомъ Аристотеля, послужившимъ предметомъ его диссертациі, съ значеніемъ этого памятника, съ мотивами, побудившими его взяться за изученіе послѣдняго, и съ цѣлями, которыя онъ преслѣдовалъ въ своемъ изслѣдованіи.

Официальными оппонентами, по назначенію факультета, были ординарные профессора Г. Ѳ. Шульцъ и Ѳ. А. Зеленогорскій; въ качествѣ неофициальнаго оппонента выступилъ проф. Петербургскаго университета, Ѳ. Ф. Зѣлинскій, бывший въ Харьковѣ предсѣдателемъ испытательной комиссіи по историко-филологическому факультету.

Проф. Г. О. Шульцъ, обращаясь къ дефенденту, сказалъ слѣдующее: „Вашъ прекрасный трудъ непосредственно принадлежитъ къ области классической филологіи: во-первыхъ, вы въ немъ даете подробную оцѣнку памятника древне-греческой литературы, правда не со стороны историко-литературной, а какъ источника для опредѣленнаго отдѣла греческихъ древностей,—по самому существу вашей задачи вы конечно не могли останавливаться на критикѣ текста и значеніи „Аѳ. Пол.“ Аристотеля какъ литературнаго произведенія, но вы должны были, какъ вы это и сдѣлали, занять опредѣленное положеніе по отношенію къ этому памятнику, произвести самостоятельный критическій анализъ его по содержанію,—а во-вторыхъ, вашъ трудъ посвященъ исторіи государственнаго строя Аѳинъ, т. е. отдѣлу греческихъ древностей, которыя составляютъ одну изъ дисциплинъ классической филологіи.

Поэтому понятно, что я, какъ одинъ изъ представителей классической филологіи въ нашемъ университетѣ, при томъ самъ занимавшійся изслѣдованіемъ „Аѳ. Пол.“ Аристотеля, съ особеннымъ удовольствіемъ исполнилъ порученіе факультета написать отзывъ о вашей диссертациі.

Не буду останавливаться на перечисленіи достоинствъ вашего труда, но не могу не указать на одну выдающуюся черту, дѣлающую вашъ трудъ особенно цѣннымъ для науки. Я имѣю въ виду спокойное и строго научное отношеніе къ избранной вами задачѣ. Вамъ пришлось имѣть дѣло съ массою самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ взглядовъ и выводовъ, высказанныхъ въ ученой литературѣ по занимающимъ васъ вопросамъ, и вы сумѣли разобраться въ нихъ и сохранить самостоятельность въ выводахъ, которые вы основываете на источникахъ, не поддаваясь заманчивымъ иногда гипотезамъ“.

Въ своихъ возраженіяхъ проф. Шульцъ остановился на IV-й главѣ сочиненія В. П. Бузескула, какъ самой главной части труда. Онъ находилъ, что утвержденіе В. П. Бузескула на стр. 286, будто „3-я гл. (Аѳ. Политія) находится, очевидно, не на своемъ мѣстѣ“, несовѣтъ вѣроятно въ виду того, что 1) слова: *ἢν δ' ἡ τάξις τῆς ἀρχαίας πολιτείας κτλ.* непосредственно привязываютъ ее къ предшествующему изложенію, гдѣ сказано, что народъ тяготился порабощеніемъ и вообще своимъ положеніемъ, и прибавлено: *οὐδενὸς γάρ, ὡς εἶπετο, ἐτύχωνον μετέχοντες*. Эти слова составляютъ естественный переходъ къ изложенію государственнаго строя въ 3-й гл.; 2) если относить слова 4-й главы: *μετὰ δὲ ταῦτα χρόνου τινὸς οὐ πολλοῦ διελθόντος* къ событіямъ, связаннымъ съ возстаніемъ Килона, то ихъ нужно перенести въ конецъ первой главы, въ которой рѣчь идетъ объ этомъ возстаніи, а не въ конецъ 2-й гл., въ которой излагается тяжелое экономическое положеніе

народа; и 3) между изложениемъ 3-й главы и соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ резюмѣ 41-й гл. несоотвѣтствія нѣтъ: какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ мѣстѣ рѣчь идетъ о *πρώτη πολιτεία*, отнесенной къ Тесееву періоду. Для времени до Солона Аристотель не располагалъ опредѣленными хронологическими данными и потому считалъ возможнымъ разъяснить только въ общихъ чертахъ развитіе государственнаго строя до этого реформатора, при чемъ, въ виду постепенности перехода отъ монархіи къ аристократіи (ср. стр. 286 диссертации), отнесъ развитіе изложенной въ 3-й гл. политіи къ періоду Тесея. Такимъ образомъ получила такую послѣдовательность въ изложеніи: сначала были разсказаны историческія событія въ періодъ времени отъ Тесея до Солона, затѣмъ дано описаніе экономическаго положенія народа, какимъ засталъ его Солонъ, и наконецъ изображено въ общихъ чертахъ развитіе государственнаго строя опять-таки до времени Солона. По всему видно, что Аристотелю было важно какъ-бы мотивировать реформаторскую дѣятельность Солона, а государственную жизнь Аѣинъ предшествующаго времени онъ изложилъ суммарно и переходъ отъ монархіи къ аристократіи отнесъ къ періоду отъ Тесея до Солона. Мимоходомъ оппонентъ замѣтилъ, что вполне раздѣляетъ взглядъ В. П. Бузескула на слова 3-й гл. трактата о призваніи Іона, которыя онъ понимаетъ „въ смыслѣ сравненія обстоятельствъ“ (стр. 287), при чемъ высказалъ предположеніе, что слѣдуетъ читать не *ὄφειν καί, а ὄφειρ καί τὸν Ἴωνα μετελέμψαντο*.

На замѣчанія по поводу 3 главы Аристотелева трактата диспутантъ возражалъ: 1) что во всякомъ случаѣ нельзя назвать естественнымъ такой порядокъ изложенія, что описаніе перехода отъ монархіи къ аристократіи идетъ вслѣдъ за упоминаніемъ о послѣдствіяхъ Килоновой смуты и описаніемъ бѣдственнаго положенія населенія; 2) слова *μετὰ δὲ ταῦτα χρόνου τινός οὐ πολλοῦ διελθόντος*, стоящія въ началѣ 4-й гл., едва-ли можно переносить въ конецъ 1-й главы, такъ какъ, не говоря уже о нѣкоторой рискованности подобнаго перенесенія, тогда выходило бы, что Драконово законодательство предшествовало началу борьбы знатныхъ и демоса, а это невѣроятно: изданіе писанныхъ законовъ обыкновенно являлось однимъ изъ результатовъ подобной борьбы, одною изъ первыхъ уступокъ со стороны знатныхъ; 3) онъ признаетъ, съ своей стороны, что вслѣдствіе постепенности перехода отъ монархіи къ аристократіи Аристотель, быть можетъ, затруднялся принять этотъ переходъ за опредѣленную грань между періодами, но по его мнѣнію, нельзя допустить безъ натяжекъ отождествленія политіи, описанной въ 3 гл., съ политіей Тесея.

По поводу словъ на стр. 333,—будто изъ указаній въ гл. 8 и особенно 47 видно, „что Солоновъ законъ, по коему казначей должны быть изъ пентакосіомедимновъ, оставался въ силѣ еще и въ IV в., но въ дѣйствительности обходился и занимать эту должность могъ всякій, избранный по жребію, хотя бы даже и очень бѣдный“, оппонентъ замѣтилъ, что дѣлать такой выводъ изъ текста 47-й главы едва ли можно. Тамъ сказано, что казначей избирается по жребію изъ пентакосіомедимновъ и что тотъ, на кого падетъ жребій, вступаетъ въ должность, хотя бы онъ былъ и очень бѣденъ, т. е. предполагается, что пентакосіомедимнъ могъ быть бѣденъ, причемъ возникаетъ вопросъ о томъ, каково было значеніе Солоновыхъ классовъ въ IV вѣкѣ (ср. замѣчаніе Аристотеля въ 7-й гл. о еетахъ). То толкованіе, котораго придерживается В. П., предполагаетъ такой текстъ: ... *εἰς ἐκ τῆς φυλῆς, κατὰ μὲν τὸν Σόλωνος νόμον... ἐκ πεντακοσιμεδίωνων, ἄρχει δ'ὁ λαχὼν* (или пожалуй еще лучше *ὁ τυχών*) *κτλ.* Въ другихъ источникахъ прибавки *ἄρχει δ'ὁ λαχὼν κтл.* нѣтъ и категорически заявляется, что казначей избирались по жребію изъ пентакосіомедимновъ, и самъ Аристотель прямо говоритъ въ 8-й и 47-й гл., что этотъ законъ Солона *остаётся и теперь въ силѣ.*

На это В. П. Бузескуль отвѣтилъ, что замѣчанія Аристотеля въ 7-й главѣ, относительно еетовъ, которые по закону доступа въ должности никогда не имѣли, почему когда у желающаго подвергнуться жеребьеванію для избранія на какую-нибудь должность спрашиваютъ, къ какому классу онъ принадлежитъ, то никто не скажетъ, что онъ—еетъ, эти замѣчанія говорятъ именно въ пользу его пониманія указанныхъ мѣстъ въ 8 и 47 гл.; законъ могъ оставаться въ силѣ, т. е. не быть отменнымъ, но впоследствии на практикѣ иногда обходиться.

Затѣмъ оппонентъ остановился на сообщеніи Аристотеля объ избраніи десяти архонтовъ по низверженіи Дамасія, о чемъ В. П. говоритъ на стр. 358 сл. Онъ находилъ, что объясненіе В. П. недостаточно опредѣленно, такъ какъ не уясняетъ роли десятаго архонта. Въ виду того, что непосредственно передъ этимъ сообщеніемъ у Аристотеля рѣчь идетъ объ архонтѣ-эпонимѣ, и вслѣдъ за нимъ опять о томъ-же архонтѣ, причемъ разъясняется важность его роли, можно бы предположить, что было избрано именно 10 архонтовъ-эпонимовъ. Но это слишкомъ невѣроятно, почему, по мнѣнію оппонента, слѣдуетъ предположить, что между этими десятью архонтами было 2 архонта-эпонима.

Докторантъ на это заявилъ, что ему казалось лишь яснымъ, что тутъ имѣлось въ виду установить извѣстное равенство между евпатридами и неевпатридами, путемъ предоставленія тѣмъ и другимъ равнаго числа мѣстъ въ коллегіи архонтовъ,—предположеніе, которое потомъ

высказалъ и *Sidgwick* въ *Class. Rev.*; но какъ распредѣлены были должности, этого дѣйствительно онъ не рѣшается сказать, такъ какъ вообще избѣгаетъ гипотезъ, для которыхъ нѣтъ достаточныхъ оснований.

Относительно затруднительности положенія сыновей Писистрата (о чемъ В. П. говоритъ на стр. 373) оппонентъ замѣтилъ, что на трактатѣ Аристотеля разсужденіе В. П. не можетъ опираться, такъ какъ Аристотель совершенно опредѣленно приписываетъ возникновеніе бѣды для Писистратидовъ одной причинѣ, поведенію Θεσσαλα: *ἀφ' οὗ καὶ συνέβη τὴν ἀρχὴν αὐτοῖς γενέσθαι πάντων τῶν κακῶν* (гл. 18).

Дефендентъ отвѣтилъ, что говоря о положеніи Писистратидовъ въ Аѳинахъ, онъ опирался собственно не на слова трактата, а на болѣе или менѣе общія соображенія и наблюденія надъ исторіей тиранновъ; приведенныя слова Аристотеля скорѣе касаются *повода* къ низверженію тиранніи, а поводъ нужно, конечно, отличать отъ общихъ причинъ; да и приводимый самимъ Аристотелемъ эпизодъ согласуется съ высказанными въ книгѣ общими замѣчаніями.

Затѣмъ оппонентъ указалъ на то, что едва-ли можно такъ категорически сказать, какъ это дѣлаетъ В. П. на стр. 395: „выборы страгетовъ“ и т. д. происходили „въ первую послѣ шестой пританію“. Дѣло въ томъ, что у Аристотеля въ 44 гл. сказано: *ποιοῦσι δὲ* (sc. *τὰς ἀρχαιρείας*) *οἱ μετὰ τὴν ἕκτην προταγεύοντες ἐφ' ὧν ἂν εἰσημία γένηται*, т. е. назначаютъ избраніе тѣхъ изъ пританствующихихъ послѣ шестой пританіи, при которыхъ явится хорошее предзнаменованіе. Такимъ образомъ изъ словъ Аристотеля явствуетъ только, что эти выборы происходили не раньше седьмой пританіи.

В. П. Бузескулъ согласился, что тутъ есть нѣкоторая неточность въ передачѣ Аристотелевыхъ словъ,—что она, впрочемъ, придаетъ лишь нѣсколько иной оттѣнокъ, сущность же дѣла мало измѣняетъ.

По поводу словъ Аристотеля, относящихся къ Кимону: *πρὸς τὴν πόλιν ὀψὲ προελθόντα*, которыя В. П. на стр. 429 предлагаетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Кимонъ возвратился въ городъ слишкомъ поздно, или поздно возвратился изъ изгнанія, оппонентъ замѣтилъ, что такое толкованіе не соотвѣтствуетъ тексту, а что слова Аристотеля просто относятся къ развитію политическихъ событій: Кимонъ принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ въ то время, когда дѣло τῶν ἐπιχειρημάτων было уже проиграно.

Диспутантъ замѣтилъ, что онъ имѣлъ здѣсь въ виду не столько возвращеніе Кимона въ городъ (на этомъ онъ не настаиваетъ), сколько то, съ чѣмъ соглашается и оппонентъ, т. е. что Кимонъ вступилъ въ

политическую борьбу слишком поздно не для своего возраста (какъ обыкновенно понимаютъ), а для того, чтобы поправить дѣло своей партіи.

Въ заключеніе оппонентъ сказалъ, что сочиненіе В. П. будетъ настоятельною книгою и надежнымъ руководителемъ для всѣхъ, кто будетъ заниматься „Аѳинскою Политіею“ Аристотеля и вопросами, связанными съ этимъ трактатомъ.

Проф. *Θ. Α. Ζελενογορскій* послѣ указанія весьма важныхъ достоинствъ диссертациі началъ свои возраженія съ того мѣста книги, гдѣ говорится, что „философскій элементъ отсутствуетъ въ Политіи“ Аристотеля. Не соглашаясь съ этимъ, онъ сначала сформулировалъ нѣсколько общихъ положеній, выражающихъ какъ философское міровоззрѣніе Аристотеля вообще, такъ и философско-политическіе взгляды его, дабы въ дальнѣйшихъ своихъ возраженіяхъ сослаться на эти положенія. Эти положенія таковы. Аристотель въ своей „Политикѣ“ сравниваетъ государство съ организмомъ животныхъ; а объ организмѣ животныхъ онъ говоритъ въ своемъ сочиненіи: „О частяхъ животныхъ“, что наиболѣе совершенный животный организмъ есть тотъ, въ которомъ для каждой отдѣльной функціи существуетъ отдѣльный органъ; у низшихъ животныхъ нерѣдко одинъ и тотъ же органъ служитъ для нѣсколькихъ функцій (вышія животныя предназначены для *лучшей жизни* — τὸ εὖ ζῆν, низшія — только *для жизни* — τὸ ζῆν). Равнымъ образомъ то государство наиболѣе совершенно, въ которомъ для каждой функціи существуетъ отдѣльный органъ (*δεῖ μίαν ἀρχὴν τετάχθαι πρὸς ἓν ἔργον*); это нужно для наилучшаго государственнаго устройства (*πρὸς σπουδαίαν πολιτείαν*); лишь въ маломъ государствѣ административныя должности соединяются, а въ большомъ онѣ специализируются; на первой ступени развитія государства царь есть вмѣстѣ и военачальникъ и жрецъ. Также и семья достигла наибольшаго совершенства послѣ того, какъ къ ней присоединенъ былъ рабъ или слуга; а раньше обязанности раба въ семьѣ исполнялись женою и дѣтьми, что остается у варваровъ и бѣдныхъ грековъ. Что касается *постепенности* развитія государства, то Аристотель въ „Политикѣ“ (Lib. III, cap. 15) намѣчаетъ такой порядокъ: первоначально въ древности управляли государствомъ *цари*, а затѣмъ совершился переходъ къ республикѣ (*πολιτεία*); республика преобразовалась въ *олигархію*, а за олигархіею слѣдовала *тирانیя*, которая подготовила *демократію*. Аристотель-историкъ не могъ отрѣшиться отъ Аристотеля-философа; поэтому, философско-политическія идеи необходимо руководствовались имъ при изложеніи исторіи развитія Аѳинскаго государственнаго строя.

В. П. Бузескуль отвѣтилъ на это, что онъ констатируетъ лишь фактъ, который нельзя же отрицать, именно, что изложение въ „Полити“ фактическое, а не философское; но онъ не отрицаетъ, что самые факты могли быть подобраны съ извѣстною философскою или научною цѣлью; напротивъ, онъ самъ въ своей книгѣ, на стр. 166, отмѣчаетъ, что „Полити“ стоятъ въ связи съ „Политикою“; и съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, сравненіе между ними можетъ быть дѣлаемо, чему мы видимъ теперь и примѣръ въ послѣднихъ статьяхъ М. М. Покровскаго („Фил. Об.“, т. VIII, кн. 1).

Если такъ,—продолжалъ проф. Θ. А. Зеленогорскій,—то вышеизложенныя, философско-политическія идеи Аристотеля могутъ руководить читателя при объясненіи тѣхъ мѣстъ трактата Аристотеля, которыя на первый разъ кажутся непонятными. Одно изъ выдающихся такихъ мѣстъ въ Афинской Полити Аристотеля есть 4 глава, гдѣ говорится объ олигархической конституціи при Драконѣ. Авторъ диссертации назвалъ эту главу въ трактатѣ Аристотеля интерполяціею. Оппонентъ на основаніи вышеприведенной схемы развитія государства, начертанной Аристотелемъ въ „Политикѣ“, по которой послѣ царства и республики слѣдуетъ олигархія, высказалъ предположеніе, что Аристотель былъ убѣжденъ въ существованіи въ данное время (при Драконѣ) въ Афинахъ олигархіи, хотя, быть можетъ, и не имѣлъ на то документальныхъ данныхъ. При этомъ оппонентъ замѣтилъ, что въ текстѣ Аристотель отнюдь не приписываетъ эту олигархическую конституцію (изложенную въ 4 главѣ трактата) Дракону; послѣдній далъ лишь писанные законы для существовавшей уже олигархической конституціи; при этомъ проф. Зеленогорскій сослался опять-таки на „Политику“ Аристотеля, гдѣ въ 12 главѣ II книги прямо говорится о существовавшей уже конституціи (*ἑλαρχούση πολιτεία*), для которой написалъ законы Драконъ. (Законы пишутся ради конституціи, а не конституція ради законовъ Polit. 1289 a).

Здѣсь оппонентъ обратился къ самому тексту трактата и сравнилъ изложеніе конституціи при Драконѣ и конституціи Солона, дабы доказать, что Аристотель не приписываетъ Дракону конституціи, начертанной въ 4 главѣ трактата. Выводъ сдѣланъ такой: съ одной стороны вѣроятно, что 4 глава трактата не есть интерполяція, какъ назвалъ ее авторъ диссертации, съ другой: Аристотель не приписываетъ Дракону конституціи, о которой говорится въ 4 главѣ трактата.

Въ отвѣтъ на это докторантъ отстаивалъ свое положеніе, что описаніе Драконовой конституціи есть вставка, ссылаясь на явныя, по его мнѣнію, противорѣчія между 4-ю гл. и другими мѣстами трактата, напр.,

извѣстіями объ избраніи должностныхъ лицъ до Солона ареопагомъ и о введеніи Солономъ имущественныхъ классовъ: если принять 4-ю главу, то нужно допустить и существованіе этихъ классовъ до Солона, съ точно обозначенными границами, такъ какъ взиманіе штрафовъ, разнаго размѣра, сообразно съ принадлежностью къ тому или другому классу, необходимо предполагаетъ существованіе такихъ границъ. Приводимое оппонентомъ мѣсто изъ II книги „Политики“, по мнѣнію диспутанта, говоритъ скорѣе въ пользу его положенія, т. е. что большая часть 4-й гл. трактата принадлежитъ не Аристотелю. А что до того, будто въ 4 гл. Дракону вовсе не приписывается созданіе особой конституціи, то такое объясненіе, предложенное и П. Мейеромъ, кажется ему нѣсколько искусственнымъ; такому толкованію, по мнѣнію дефендента, противорѣчатъ и слова въ 41 гл., при перечисленіи „перемѣнъ“: *ἡ ἐπὶ Δράκοντος* (подраз. *πολιτεία*), изъ коихъ слѣдуетъ, что если не Аристотель, то интерполаторъ предполагалъ существованіе особой Драконовой конституціи.

Переходя далѣе къ Клисѣеновой конституціи, оппонентъ былъ противъ того, чтобы назвать ее чисто-демократическою, что, повидимому, склоненъ утверждать авторъ. При существованіи олигархическаго Ареопага не могло быть чистой демократіи; да и олигархи 411 г., по свидѣтельству Аристотеля, не называли ее демократическою. Здѣсь оппонентъ снова обратился къ теоріи естественнаго, постепеннаго развитія Аѳинскаго государства. Послѣ царства управленіе государствомъ перешло въ руки родовитыхъ и вмѣстѣ богатыхъ лучшихъ людей; далѣе въ олигархіи привлеченъ былъ къ управленію средній малоимущественный классъ (зевгиты), который имѣлъ возможность вооружаться на свой счетъ (военная олигархія); Солонъ сдѣлалъ участвующимъ въ управленіи демось (индустриальная конституція); наконецъ, эволюція чрезъ Клисѣена захватываетъ самый низшій слой общества: зачисляются въ филы и рабы, и иностранцы, которые отнюдь не пользовались правами гражданства. Едва-ли можно сомнѣваться, что симпатіи Аристотеля были на сторонѣ Клисѣеновой конституціи, потому что въ Политикѣ онъ говоритъ, что то государство—лучше, которое составлено изъ болѣе многочисленныхъ элементовъ. Но дальше было нарушено естественное органическое развитіе Аѳинскаго государственнаго строя случайнымъ историческимъ событіемъ—Персидскою войною (*σύμπτωμα*, какъ выражается Аристотель въ „Политикѣ“). Послѣ кратковременнаго господства Ареопага началось развитіе крайней демократіи въ Аѳинахъ, которое поддерживалось честолюбцами демагогами. Аристотель не сочувствуетъ уничтоженію Ареопага, не сочувствуетъ и демагогамъ, хотя и отдаетъ должную справедливость дарованіямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Хотя онъ и мирится съ

крайнею демократією, но не считаетъ дальнѣйшее развитіе Аѳинскаго государственнаго строя движеніемъ къ совершенству; съ его точки зрѣнія нельзя считать совершенствомъ, если, напр., вслѣдствіе ограниченія совѣта дикастеріи были обременены множествомъ дѣлъ (смотри выше приведенныя положенія). Между тѣмъ автору диссертации представляется, что органическое развитіе Аѳинскаго государственнаго строя не нарушалось,—что Аѳинская демократія развилась *органически*. Это несогласно со взглядами Аристотеля, который говоритъ, что Аѳинскій народъ подъ вліяніемъ демагоговъ сдѣлалъ много ошибокъ. Вообще Аристотель остался не вполне яснымъ для автора въ той части трактата, въ которой говорится о развитіи крайней демократіи послѣ Персидской войны и о дѣйствіи демагоговъ, такъ какъ точки зрѣнія ихъ на данный періодъ различны.

Докторантъ возразилъ, что онъ не считаетъ Клисѳеновъ строй—крайнею демократією; онъ говоритъ лишь, что если кого можно считать основателемъ истинной демократіи (въ нашемъ смыслѣ слова, а не въ смыслѣ Аристотелевомъ) въ Аѳинахъ, то скорѣе всего — Клисѳена, и полагаетъ, что важность Клисѳеновыхъ реформъ, введеніе новыхъ филъ, принятіе метѳковъ въ составъ гражданъ и т. д., и самыя свидѣтельства Аристотеля въ „Политикѣ“ (1319 в 19) и въ „Политіи“ (въ которой строй Клисѳена называется гораздо болѣе демократическимъ, нежели Солоновъ) служатъ оправданіемъ такого мнѣнія. Что развитіе демократіи совершалось постепенно послѣ Клисѳена, это показываетъ даже 22 гл. трактата, при всей своей видимой безсвязности. Греко-Персидскія войны вовсе *не нарушали* хода внутренней исторіи Аѳинъ, не дали ей иного направленія, а напротивъ—дѣйствовали въ томъ-же направленіи, что и предшествующія событія и реформы; онѣ лишь еще болѣе способствовали развитію демократіи въ Аѳинахъ. Аристотель, конечно, не сочувствуетъ послѣдующимъ демагогамъ, но естественность перехода изъ одного вида демократіи въ другой тѣмъ не менѣе онъ признавалъ, и самъ въ „Политикѣ“ выясняетъ намъ условія подобныхъ переходовъ.

Въ заключеніе оппонентъ, возвращаясь назадъ, высказалъ, что онъ неудовлетворенъ тою характеристикой Аристотеля, какъ историка, которая находится въ главѣ: „О достоинствахъ и недостаткахъ Аѳинской политіи Аристотеля“ и другихъ мѣстахъ диссертации. Авторомъ не выяснено: обнаруживаетъ ли себя Аристотель въ своемъ историческомъ трудѣ зауряднымъ историческимъ писателемъ, или даетъ исторической наукѣ новое направленіе, вводитъ новый методъ въ нее послѣ Геродота, Фукидида и тенденціозныхъ писателей временъ софистики?

В. П. Бузескудь вполне согласился съ этимъ замѣчаніемъ, сказавъ, что и его самого, какъ автора, указанный параграфъ не удовлетворяетъ: онъ считаетъ его неудачнымъ.

Третій оппонентъ, проф. *Θ. Ф. Зѣлинскій*, прежде всего указалъ на глубокое знаніе, обнаруженное диспутантомъ не только въ непосредственно подлежащей его обсужденію области, но равнымъ образомъ и въ смежныхъ вопросахъ, а также и на полноту привлеченныхъ имъ матерьяловъ изъ новѣйшей литературы о предметѣ, благодаря которой его сочиненіе должно сдѣлаться настольною справочною книгой для всѣхъ, кто занимается трактатомъ Аристотеля, греческой исторіей или греческими древностями,—каковой цѣли оно, впрочемъ, удовлетворило бы еще болѣе, если бы къ нему былъ приложенъ указатель мѣстъ и именъ.

Въ отвѣтъ на послѣднее замѣчаніе докторантъ заявилъ, что онъ вполне сознаетъ, насколько необходимо былъ бы указатель, и предполагалъ приложить его къ своей книгѣ, но эта книга—диссертация, которую онъ слѣшилъ выпустить въ свѣтъ, а потому и вынужденъ былъ отказаться отъ своего первоначальнаго намѣренія.

Перейдя затѣмъ къ настоящему предмету своей оппозиціи проф. *Θ. Ф. Зѣлинскій* заявилъ, что намѣренъ не столько возражать диспутанту, сколько указать на одно упущенное имъ изъ виду соображеніе, которое отчасти подтверждаетъ его доводы, отчасти видоизмѣняетъ ихъ. Для этой цѣли онъ выбралъ четыре мѣста изъ трактата Аристотеля, именно гл. 4 (конституція Дракона), гл. 25 (анекдотъ о *Θемистоклѣ* и *Эфіальтѣ*), гл. 18 (характеристика *Θессала*) и 31 (временная конституція 411 г.), изъ которыхъ первое признается самимъ диспутантомъ за вставку, второе—тоже, хотя съ меньшею увѣренностью, третье объявлено подложнымъ другими учеными, четвертое пока заподозрѣно не было, но по многимъ причинамъ должно быть признано очень подозрительнымъ. Отмѣтивъ апалогичныя условія, въ которыхъ находятся эти четыре мѣста, оппонентъ указалъ затѣмъ на особаго рода знаки, имѣющіеся въ рукописи и тождественные по своей формѣ съ такъ назыв. *ὄβελοι*, которыми александрійскіе критики обозначали интерполированныя стихи Гомера и др.; этихъ знаковъ въ рукописи Аристотелева трактата шесть, причемъ они приходятся противъ всѣхъ четырехъ выше названныхъ мѣстъ и еще двухъ, которыя, не возбуждая противъ себя подозрѣній по содержанію, тѣмъ не менѣе являются экскурсами и, какъ таковыя, могутъ быть интерполированными. Отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію оппонента, что эти шесть мѣстъ читались не во всѣхъ рукописяхъ Аристотеля; а это опять наводитъ насъ на мысль, что трактатъ

*

объ Афинской Политіи въ своемъ настоящемъ видѣ произошелъ агрегаціоннымъ путемъ, т. е. приблизительно такъ же, какъ (по правдоподобной гипотезѣ А. Н. Шварца) былъ созданъ и родственннй по содержанию трактатъ Псевдо-Ксенофонта.

Диспутантъ отвѣтилъ на это, что на указанные знаки впервые обратила его вниманіе еще замѣтка оппонента въ Lit. Centralblatt, но что онъ, не зная въ точности смысла этихъ знаковъ, не рѣшался основывать на нихъ свои заключенія. Разумѣется, онъ очень радъ, что и палеографическія данныя какъ разъ подтверждаютъ его положеніе, что дошедшій до насъ текстъ Аристотелева трактата не вполне тождественъ съ тѣмъ, который 'извѣстенъ былъ источникамъ Плутарха, а имѣетъ интерполяціи, и что такими интерполяціями является конституція Дракона и анекдотъ оThemistoklѣ и Эфіальтѣ, тѣмъ болѣе, что къ такому выводу онъ пришелъ послѣ перваго же ознакомленія съ трактатомъ. Что касается конституціи 411 г., то онъ, помимо указанныхъ знаковъ, не видитъ основаній, почему бы слѣдовало сомнѣваться въ достовѣрности ея, не усматривая ничего невозможнаго въ томъ, что олигархи постепенно, шагъ за шагомъ, шли къ осуществленію своей цѣли, и во всякомъ случаѣ готовъ въ данномъ вопросѣ отдать предпочтеніе свидѣтельству трактата предъ свидѣтельствомъ другихъ источниковъ.

По окончаніи диспута, продолжавшагося ровно три часа (съ 12^{1/2} до 3^{1/2}), деканъ факультета, заслужен. орд. проф. А. С. Лебедевъ, собравъ голоса, объявилъ, что факультетъ единогласно удостоиваетъ г. Бузескула степени доктора всеобщей исторіи.

Секретарь фак., орд. проф. *И. Нетушиль*.

Отвѣтъ проф. А. П. Соколову на его рецензію книги „Электромагнитная теорія свѣта“.

Въ концѣ прошлаго года я имѣлъ честь защитить предъ физико-математическимъ факультетомъ Императорскаго Московскаго университета свою магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ: „Электромагнитная теорія свѣта“. Одинъ изъ официальныхъ оппонентовъ, проф. А. П. Соколовъ, свои возраженія, какъ сдѣланныя имъ на диспутѣ, такъ и нѣкоторыя новыя, опубликовалъ въ видѣ рецензіи на мою книгу отдѣльной брошюрой, одинъ экземпляръ которой я имѣлъ честь отъ него получить. Ознакомившись съ содержаніемъ этой рецензіи, я рѣшилъ сначала не отвѣчать на нее, такъ какъ она по тону, и по своимъ полемическимъ приѣмамъ казалась мнѣ неудовлетворяющей тѣмъ основнымъ требованіямъ, какія можно предъявить къ критицѣ всякой научной работы,—а именно она должна носить ясныя слѣды знакомства съ критикуемой работой и быть вполне объективной. Но въ тоже время соображенія, что рецензія г. Соколова могла бы ввести въ заблужденіе читателей незнакомыхъ съ моей книгой, а мое молчаніе могло быть истолковано до извѣстной степени согласіемъ съ возраженіями,—эти соображенія и заставили меня взяться за перо и дать отвѣтъ на рядъ тѣхъ замѣчаній, которыми удостоилъ мою книгу проф. Соколовъ. Мой отвѣтъ будетъ идти шагъ за шагомъ за всѣми возраженіями рецензіи, оставаясь вездѣ строго объективнымъ.

Послѣ краткаго обзорѣнія содержанія моей книги г. Соколовъ приступаетъ къ ея разбору. Посмотримъ, что-же онъ находитъ.

Г. Соколовъ начинаетъ съ того, что считаетъ преобразование уравненій электрооптики для различныхъ системъ прямоугольныхъ координатъ и выводъ соотношеній между діэлектрическими и магнитными постоянными, когда анизотропная среда отнесена къ той или другой

системѣ координатъ, *вопросомъ весьма мало относящимся къ дѣлу и почти не имѣющимъ научнаго значенія*; но такое утвержденіе показываетъ, какъ мало понимаетъ г. Соколовъ математическую теорію электрооптики. Дѣйствительно, основныя уравненія оптики для точекъ внутри средины въ видахъ простоты относятъ къ такъ называемымъ *главнымъ осямъ* средины, т. е. на границѣ ея съ другой, то выгоднѣе принять за оси другую ортогональную систему, а именно нормаль къ границѣ въ разсматриваемой точкѣ и двѣ перпендикулярныя касательныя; иными словами, приходится переходить отъ одной системы ортогональныхъ координатъ къ другой, а при этомъ и нѣкоторые коэффициенты (дѣл. и магнитныя постоянныя), зависящіе отъ направленія, измѣняютъ свое значеніе; мы же изъ опыта опредѣляемъ лишь ихъ значеніе для главныхъ осей,—отсюда ясна необходимость умѣть опредѣлять первые по послѣднимъ, т. е. является необходимость дать формулы для вычисленія однихъ по другимъ. И рѣшеніе такого вопроса г. Соколовъ считаетъ мало относящимся къ дѣлу! Съ его точки зрѣнія подлежатъ такому же упреку, напр., всѣ трактаты по механикѣ, хотя бы за главу о моментахъ инерціи, которые опредѣляются для какой угодно системы осей. Скажемъ болѣе, самъ г. Соколовъ на стр. 6-й своей рецензіи пользуется иной системой координатъ, чѣмъ та, въ которой выражены основныя уравненія электрооптики. Упрекъ, дѣлаемый мнѣ за эти преобразованія, съ такимъ же правомъ г. Соколовъ могъ бы сдѣлать, напр., Кирхгоффу, который въ своей работѣ: „Ueber die Reflexion und Brechung des Lichts“ (Gesammelte Abhandlungen S. 374—375) производитъ подобныя же преобразованія, хотя и изъ области упругости, или, напр., Лямэ (какъ и другіе авторы квивѣ по теоріи упругости), который въ своей знаменитой теоріи упругости посвящаетъ аналогичному вопросу стр. 43—53 (Leçons sur la théorie mathématique de l'élasticité des corps solides. 2-me éd.). Сошлюсь еще на Фолькмана (Vorlesungen über die Theorie des Lichtes. S. 335—337), который тоже занимается подобными преобразованіями; а Фолькмана г. Соколовъ навѣрное читалъ! Въ заключеніе разбираемаго абзаца г. Соколовъ утверждаетъ, будто я „окрестилъ“ эти преобразованія „громкимъ именемъ механики эфира“. Позволю себѣ спросить г. Соколова, гдѣ я утверждалъ это?

Въ слѣдующемъ абзацѣ г. Соколовъ говоритъ, что мой выводъ основныя уравненій электрооптики занимаетъ много мѣста и объясняетъ это растянутостью изложенія и тѣмъ, что „авторъ занимается главнымъ образомъ вопросами, неимѣющими никакого научнаго значенія“. „Въ доказательство“, говоритъ далѣе г. рецензентъ, „достаточно указать на

слѣдующіе примѣры“. Слѣдуютъ примѣры, но примѣры лишь на растянутость изложенія, а утвержденіе, что я „главнымъ образомъ“ занимаюсь „вопросами, неимѣющими никакого научнаго значенія“, такъ и остается безъ доказательства!

Затѣмъ г. Соколовъ считаетъ усложненіемъ, когда я ввожу въ составъ электрическихъ и магнитныхъ силъ функціи F и J . Г. Соколовъ полагаетъ, что даже въ томъ случаѣ, когда существуютъ свободныя электрическія и магнитныя массы, эти функціи можно положить равными нулю. Разумѣется, ихъ можно считать нулями и я даже показываю, что функція $J=0$, но относительно F не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Соколова. Считать электрическіе заряды нулями, конечно, можно, но это будетъ *частный случай*, я же рассматриваю *общій*. А разъ функція F входитъ въ дифференціальныя уравненія, служація для опредѣленія функцій X_1 , Y_1 , Z_1 (силы электро-индукціи), то для опредѣленія этихъ, послѣднихъ я и исключаю ее. Все это одна необходимость, а отнюдь не усложненіе, какъ полагаетъ г. Соколовъ, и я не думаю, чтобы это запутывало изложеніе.

Затѣмъ (стр. 3) слѣдуетъ обвиненіе меня въ томъ, что я мало обращаю вниманія на законность своихъ предположеній и строгость выводовъ и въ доказательство приводятся три мѣста, изъ которыхъ два (первое и третье) названы даже курьезами. Разберемъ эти курьезы. Курьезъ первый состоитъ въ томъ, что будто бы я изъ желанія „найти аналогію тамъ, гдѣ ея нѣтъ“ захожу такъ далеко, что забываю основы дифференціального исчисленія и позволяю себѣ „три неизвѣстныя функціи считать за частныя производныя по координатамъ отъ четвертой“. Интересно знать, что думаетъ г. Соколовъ объ авторахъ, напр., книгъ по электростатикѣ, встрѣчая въ послѣднихъ такія уравненія:

$$X = -\frac{dV}{dx}; \quad Y = -\frac{dV}{dy}; \quad Z = -\frac{dV}{dz} ? \quad (\text{Обозначенія всѣмъ извѣстны}).$$

Что касается до вывода изъ этого „курьеза“, который дѣлаетъ г. Соколовъ, то онъ былъ бы другой, если бы г. Соколовъ далъ себѣ трудъ быть болѣе внимательнымъ и сопоставилъ положенія, о которыхъ онъ говоритъ въ концѣ 3 стр., съ тѣмъ, что сказано у меня на стр. 39 (формулы (6)) и въ подсрочномъ примѣчаніи (2) на стр. 40. Сверхъ того надо замѣтить, что разбираемое обстоятельство *не имѣетъ абсолютно ни какаго вліянія ни на одну строчку послѣдующаго* и я на диспутѣ заявлялъ, что эти замѣчанія слѣдуетъ *зачеркнуть* (т. е. строки 3—5

на стр. 32 сверху со словъ „съ той“,—4 послѣднихъ строки стр. 36 и подстрочное примѣчаніе на стр. 44).

Переходимъ ко второму „куръезу“ (стр. 4). Онъ состоитъ въ томъ, что я дифференцирую дважды выраженіе:

$$F = -\frac{H}{\omega^2} \int F(q) dq,$$

по переменнѣй t , входящей въ составъ количества q и нахожу:

$$\frac{d^2 F}{dt^2} = -HF'(q),$$

такъ какъ

$$q = \omega t - mx - ny - pz,$$

но подстрочное примѣчаніе (стр. 136) дѣйствительно ошибочно, да и то лишь относительно верхняго предѣла интеграла—и его надо выкинуть, какъ невѣрное; но въ текстѣ все правильно и не надо большой проницательности, чтобы видѣть, гдѣ ошибка.

Вторая ошибка (стр. 4 сверху) со всѣмъ уже не понятная: должно быть тутъ какія-нибудь опечатки и сверхъ того замѣчаніе г. Соколова опять относится къ мѣсту, не имѣющему значенія при дальнѣйшемъ изложеніи.

Эти ошибки, найденныя на протяженіи 136 страницъ (во всей книгѣ 280 стр.), г. Соколовъ, впрочемъ, снисходительно считаетъ ошибками, имѣющими „конечно лишь второстепенное значеніе“. Пусть такъ. Какой же отсюда выводъ? Казалось бы, что если на протяженіи двухсотъ слишкомъ страницъ книги найдены *лишь второстепенныя ошибки* ¹⁾ въ вычисленіяхъ, но крупныхъ ошибокъ не открыто даже такимъ строгимъ критикомъ, какъ проф. Соколовъ, то, относясь къ дѣлу справедливо, можно только утверждать, что авторъ иногда впадаетъ при своихъ вычисленіяхъ въ погрѣшности, впрочемъ незначительныя и неимѣющія *никакого значенія для послѣдующаго*. Но г. Соколовъ выводитъ совсѣмъ другое: онъ находитъ, что этимъ „подрывается всякое довѣріе къ его (т. е. моимъ) дальнѣйшимъ вычисленіямъ“ и что я „недостаточно вдумался въ предметъ своей диссертациіи и небрежно относился къ изложенію“. Это уже не объективная критика, а что-то весьма далекое отъ таковой.

---

¹⁾ Т. е. одинъ недосмотръ и одна ошибка въ примѣчаніи.

Затѣмъ слѣдуетъ обвиненіе (конецъ стр. 4), что я „упускаю изъ вида вопросъ капитальный для электромагнитной теоріи свѣта: это вопросъ о возможности продольныхъ электромагнитныхъ колебаній въ изотропныхъ средахъ. „Все, что мы находимъ у него (т. е. у меня) по этому предмету, ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ“ (приводится замѣчаніе со стр. 9). Совершенно невѣрно! Я самымъ категорическимъ образомъ утверждаю неоднократно (стр. 108, 127, 140 и др.), что въ электромагнитной теоріи свѣта свѣтовое колебаніе строго-поперечно. Самъ г. Соколовъ принимаетъ колебанія для изотропной среды поперечными и я съ нимъ совершенно согласенъ и даже иду далѣе: принимаю строгую поперечность ихъ и для анизотропныхъ срединъ. Въ этомъ отношеніи для меня по словамъ самого же г. Соколова вовсе нѣтъ нужды толковать о продольныхъ колебаніяхъ, ибо для электромагнитной теоріи свѣта „даже въ самомъ общемъ случаѣ возможными являются *только волны поперечныя*“ (курсивъ мой) (стр. 5). Я ихъ и принимаю. Очевидно, г. Соколова ввело въ заблужденіе опять то же, что онъ не далъ себѣ труда внимательно отнестись къ критикуемой имъ работѣ. Дѣло въ томъ, что въ первой главѣ (предыдущіе упреки г. Соколова относятся къ I-й гл. моей работы) я занимаюсь общими выводами, вытекающими изъ основныхъ уравненій Герца и затѣмъ уже во второй главѣ примѣняю найденные общіе результаты къ частному случаю: къ электромагнитной теоріи *света*. Вотъ почему мнѣ нѣтъ никакой надобности въ первой главѣ своей книги полагать съ самаго начала, что $A=0$ или $\Theta=0$; когда же я перехожу къ самой электромагнитной теоріи свѣта, то тогда дѣлаю такія положенія (стр. 108, 111, 137 и др.). Это мѣсто рецензіи въ высшей степени поучительно: оно показываетъ, какъ я уже неоднократно замѣчалъ, и степень внимательности къ разбираемой имъ работѣ, и степень объективности самой рецензіи г. Соколова. Для большей убѣдительности я позволю себѣ выписать это мѣсто цѣликомъ. „Электрическая теорія свѣта не нуждается въ такихъ дополнительныхъ гипотезахъ“ (передъ этимъ г. Соколовъ говорилъ о гипотезахъ Фрэнзеля и Кельвина,—что къ моей работѣ не относится)—„для нея даже въ самомъ общемъ случаѣ возможными являются однѣ только волны поперечныя: въ этомъ г. Грузинцевъ легко могъ бы убѣдиться, если бы онъ разучилъ внимательно § 3 (?) лекцій Кирхгоффа по математической оптикѣ (Leipzig, 1891 г.).

Сопоставьте, читатель, первый періодъ до двоеточія со вторымъ и что же выходитъ? Выходитъ то, что я не впалъ бы въ погрѣшность непринятія поперечности электромагнитныхъ волнъ, если бы *разучилъ* (какъ будто книга Кирхгоффа музыкальная пьеса!) параграфъ книги Кирхгоффа,

тракующій объ этомъ вопросѣ! Но я, какъ доказаль выше, не только принимаю въ своей книгѣ поперечность электромагнитныхъ волнъ, но выставилъ эту поперечность въ числѣ моихъ тезисовъ ¹⁾, что г. Соколову, какъ моему оппоненту на диспутѣ, да еще и официальному, отлично, разумѣется, извѣстно. И такъ, спрашивается: зналъ-ли я, что въ электромагнитной теоріи свѣта колебанія надо принимать поперечными, и принималъ ли я ихъ таковыми? Моя книга отвѣчаетъ: зналъ и принималъ. Такъ къ чему же, г. Соколовъ, вы совѣтуете мнѣ „разучить“ соответствующее мѣсто книги Кирхгоффа? Такой полемическій приемъ наврядъ-ли можно одобрить! Да къ тому-же вы то сами „разучили“ эту книгу Кирхгоффа не твердо,—номеръ параграфа помните, а номеръ лекціи забыли! (Книга Кирхгоффа называется: *Vorlesungen über mathematische Optik*; въ ней 14 лекцій и въ каждой есть свой § 3-й!).

Въ слѣдующемъ мѣстѣ, которое уже не имѣетъ значенія послѣ вышеприведенныхъ объясненій, есть все-таки одинъ пунктъ, который и одинъ достаточенъ, чтобы показать, насколько добросовѣстно авторъ рецензіи относится къ своей задачѣ. Въ числѣ ученыхъ, на которыхъ ссылается г. Соколовъ, упомянуть извѣстный нѣмецкій физикъ Эбертъ. Конечно, здѣсь надо подразумѣвать работы Эберта по электромагнитной теоріи. На диспутѣ я ссылался въ подтвержденіе одной своей мысли на Эберта, тогда въ отвѣтъ мнѣ г. Соколовъ публично заявилъ, что ояъ незнакомъ съ Эбертомъ; теперь-же въ своей рецензіи ссылается на Эберта! Разумѣется, теперь г. Соколовъ прочелъ Эберта и я очень радъ, что указаль г. Соколову на него,—ибо работы Эберта крайне интересны и поучительны. Далѣе г. Соколовъ переходитъ къ разбору второй части первой главы моей работы. Вотъ что пишетъ г. Соколовъ о ней; „здѣсь мы должны признать, что вся эта часть представляетъ собой *сплошное заблужденіе* г. Грузинцева (если-бы г. Соколовъ былъ знакомъ съ литературой вопроса, — то зналъ-бы, что подобныя-же „заблужденія“ можно найти у такихъ ученыхъ, какъ напр. Poincaré и Potier!) и притомъ *самаго грубаго свойства* (курсивъ мой). Далѣе слѣдуетъ краткое и мѣстами не вѣрное изложеніе сущности взглядовъ электромагнитной теоріи свѣта на такъ называемыя пограничныя условія. Это мы разберемъ пониже, а теперь объяснюсь по поводу моего „заблужденія“. Уже не одинъ разъ я показываль выше, что г. Соколовъ не удостоилъ мою работу надлежащаго вниманія и поэтому *совершенно не понялъ* ея задачи. Если-бы г. Соколовъ вчитался внимательно въ одно „Введеніе“ (стр. I—IX)

---

¹⁾ Первый мой тезисъ слѣдующій: „Для электромагнитной теоріи свѣта достаточно принимать свѣтотыя колебанія поперечными“.

къ моей книгѣ, то и тогда онъ появля бы, что не только во второй части I-й гл. нѣтъ заблужденій, но и вообще во всей книгѣ (ошибки, поспѣшныя заключенія и другіе недостатки, можетъ быть и крупныя, разумѣется, есть—это удѣлъ всякаго человѣческаго дѣла) „заблужденій“ нѣтъ. Впрочемъ я не въ претензіи на г. Соколова: онъ не вполне понимаетъ даже Г. Герца: г. Соколовъ думаетъ, что Герцъ далъ въ своей работѣ новую математическую теорію электричества и магнетизма, а между тѣмъ онъ далъ больше: онъ далъ математическую теорію *среды* (которую я осмѣлился бы предложить называть *средой или эфиромъ Герца*), кинетическое состояніе которой мы изучаемъ, то какъ явленіе электрическое или магнитное, то какъ оптическое. Значитъ, занимаясь общими выводами изъ основныхъ уравненій Герца, мы не имѣли въ виду непосредственно лишь только электрическія, магнитныя или оптическія явленія. А затѣмъ уже подготовивъ, такъ-сказать, математическую почву, примѣняемъ найденное къ *частной области явленій*. Такъ поступаетъ и Герцъ, онъ-то и служить мнѣ образцомъ. Сначала онъ даетъ общую теорію *своей среды*, а затѣмъ примѣняетъ ее сначала къ электрическимъ и магнитнымъ явленіямъ, а потомъ къ оптическимъ ¹⁾. Обратимся теперь къ *пограничнымъ* условіямъ. Какимъ же образомъ мы можемъ получить эти условія для векторовъ, удовлетворяющихъ внутри средины дифференціальнымъ уравненіямъ, установленнымъ въ первой половинѣ первой главы? Если мы имѣемъ какойнибудь векторъ, то онъ, ясно, въ двухъ точкахъ бесконечно-близкихъ къ поверхности раздѣла и взятыхъ на нормали ²⁾ къ ней, будетъ имѣть значенія или различающіяся между собой бесконечно-мало или—на конечное количество, а, слѣдовательно, для точки на самой поверхности эти значенія векторовъ или будутъ равны, или будутъ различаться на конечное количество. Такъ какъ я въ I-й главѣ стою на общей точкѣ зрѣнія, то и *долженъ* разсматривать оба случая. Сверхъ того, *строю* примѣняя общія уравненія для точекъ *внутри* средины къ точкамъ *на поверхности*, мы можемъ получить, какъ слѣдствіе, нѣкоторое условіе (но только *одно*, если выводъ дѣлать *строга точно*) для векторовъ на границахъ. Это условіе, какъ у меня показано, и есть то, что я называю принципомъ Кирхгоффа. Оно, какъ я уже сказалъ, только одно, а именно для электрическихъ и магнитныхъ силъ имѣетъ видъ равенства (стр. 101):

¹⁾ См. его „Untersuchungen“ S. 210.

²⁾ О тангенціальныя составляющія вектора говорить нечего: онѣ равны между собой. Весь вопросъ въ нормальныхъ составляющихъ.

$$(LY - MX)_1 = (LY - MX)_2.$$

Это даетъ *строю* проведенный анализъ. Разумѣется, это условіе обращается въ *тождество*, если мы положимъ:

$$X_1 = X_2; Y_1 = Y_2; L_1 = L_2; M_1 = M_2 \text{ (тамъ же стр. 101),}$$

но эти послѣднія, электромагнитныя условія въ обычномъ смыслѣ слова, сами по себѣ не вытекаютъ *строю* изъ основныхъ уравненій для точекъ *внутри* среды. Какія же пограничныя условія должно взять въ концѣ концовъ? А тѣ, результаты которыхъ согласны съ опытомъ; но это уже входитъ во вторую главу моей работы, а теперь мы говоримъ еще о первой, общей. Надѣюсь, что сказаннаго достаточно, чтобы убѣдить непредубѣжденнаго читателя, что въ разбираемой части моей работы не только грубыхъ, но и просто „заблужденій“ нѣтъ. Можно возражать противъ метода, противъ изложенія и т. п., но о заблужденіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Обращаюсь теперь къ доказательствамъ моихъ *грубыхъ заблужденій*, приводимыхъ самимъ г. Соколовымъ. Г. Соколовъ утверждаетъ (стр. 6), что пограничныя условія въ электромагнитной теоріи свѣта (хотя въ первой гл., какъ и уже сказалъ выше, еще не занимаюсь *электромагнитной теоріей свѣта*, но г. Соколовъ этого не замѣтилъ) суть слѣдующія:

$$X_1 = X_2; Y_1 = Y_2; \epsilon_1 Z_1 = \epsilon_2 Z_2; L_1 = L_2; M_1 = M_2; \mu_1 N_1 = \mu_2 N_2;$$

но такихъ условій въ общей части „Исслѣдованій“ Герца нѣтъ (стр. 220—223); онѣ у него являются лишь въ томъ небольшомъ параграфѣ (§ 19), который посвященъ теоріи оптическихъ явленій въ изотропныхъ срединахъ (стр. 252), и не суть единственныя возможныя.

Затѣмъ г. Соколовъ поучаетъ меня на счетъ пограничныхъ условій, но всѣ эти поученія нисколько къ дѣлу не относятся, ибо разъ г. Соколовъ не далъ себѣ труда вникнуть хорошенько въ мою работу, да и исслѣдованія Г. Герца (да и Максвелла тоже) изучалъ поверхностно, то всѣ его доводы опровергають, что угодно, но только не то, что я пишу во второй половинѣ первой главы. Здѣсь я только укажу, насколько г. Соколовъ мало понимаетъ, что такое *строюсть* аналитическихъ выводовъ. На стр. 9 онъ утверждаетъ, что „мы можемъ пользоваться этимъ принципомъ“ (т. е. принципомъ Кирхгоффа) „даже и для вывода этихъ самыхъ уравненій“ (т. е. электромагнитныхъ пограничныхъ), „какъ это дѣлается, напр., у Volkmann'a“; но самъ Фолькманъ ¹⁾ *считаетъ свое*

¹⁾ Vorlesungen. S. 299.

доказательство возбуждающим сомнѣніе и отсылаетъ читателя къ Герцу. Точно также г. Соколовъ утверждаетъ, что электромагнитная элементарная работа на поверхности раздѣла выражается такъ:

$$(X_1 - X_2) \frac{du}{dt} + (Y_1 - Y_2) \frac{dv}{dt} + (Z_1 - Z_2) \frac{dw}{dt} + (L_1 - L_2) \frac{d\xi}{dt} + (M_1 - M_2) \frac{d\eta}{dt} + (N_1 - N_2) \frac{d\zeta}{dt}.$$

Неужели, г. Соколовъ, это выраженіе элементарной работы? Перечисленіе моихъ „заблужденій“ г. Соколовъ заканчиваетъ тирадой (стр. 10): „Мы видимъ такимъ образомъ, что по самому коренному вопросу теоретической оптики у г. Грузинцева произошло *полное смѣшеніе* (курсивъ мой) двухъ различныхъ теорій, механической и электромагнитной; *понятно* (курсивъ мой), что отсюда во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи у него получается такой хаосъ противорѣчій, разобраться въ которомъ нѣтъ никакой возможности“. Первый курсивъ относится ясно къ предыдущему, но мы показали, что никакого смѣшенія тамъ нѣтъ, а, слѣдовательно, все заключеніе этого мѣста, начиная со второго курсива, не имѣетъ никакой силы и представляетъ лишь обычный полемическій приемъ г. Соколова.

Теперь надо-бы перейти къ опроверженію возраженій противъ второй главы моего сочиненія, но такъ какъ эта глава есть примѣненіе къ *частному случаю* оптическихъ явленій общей теоріи первой главы, то я ограничусь немногими словами. Приступая къ разбору 2-й главы, г. Соколовъ выписываетъ начало ея, въ которомъ я утверждаю, что *хотя свѣтовое колебаніе есть электромагнитное явленіе*, но остается еще доказать, какой же векторъ будетъ представлять свѣтовое колебаніе. Г. Соколовъ говоритъ, что, по мнѣнію автора, это *главная задача* (стр. 11) электромагнитной теоріи свѣта. Авторъ же этого не говоритъ. Затѣмъ г. Соколовъ поучаетъ, чѣмъ можно теперь заниматься, чѣмъ нельзя; такъ онъ запрещаетъ заниматься вопросомъ о механическомъ значеніи температуры; жаль, что тѣ физики, которые занимались этимъ вопросомъ, не знали такого мнѣнія г. Соколова.

Далѣе г. Соколовъ говоритъ о блестящихъ изслѣдованіяхъ Вивера надъ стоячими свѣтовыми волнами, объ изслѣдованіяхъ Друде и Нернста, такъ что читатель навѣрно подумаетъ, что я погрѣшилъ въ чемъ-то противъ опытныхъ результатовъ. Но все это у г. Соколова только „полемическій приемъ“ и доказываетъ лишь то, что г. Соколовъ *плохо* чи-

таль и понималъ выше приведенныя имъ въ высшей степени важныя изслѣдованія почтенныхъ нѣмецкихъ физиковъ. Я въ своемъ сочиненіи упоминаю о Винерѣ (стр. 126, подстр. замѣч.), такъ какъ онъ изъ своихъ опытовъ вывелъ слѣдствія въ пользу оптической системы Фрэнзеля, съ чѣмъ я не былъ согласенъ и противъ чего возражалъ Друде (на что у меня тоже есть ссылка, стр. 128), — г-нъ же Соколовъ приводитъ Винера противъ меня, — но что же оказывается? Друде въ 3-й своей замѣткѣ противъ выводовъ Винера (Wied. Ann. Bd. 48, S. 119) говоритъ, что изъ устныхъ и письменныхъ сообщеній Винера онъ узналъ, что и самъ Винеръ держится того же взгляда, т. е., что его опыты не разрѣшаютъ вопроса въ пользу Фрэнзелевой системы (противъ Неймановой). Вотъ какъ внимательно читаетъ г. Соколовъ авторовъ, приводимыхъ имъ противъ меня! А Друде въ послѣдствіи (въ 1894) въ своей „Физикѣ эфира“ и въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ большого Handbuch'a Винкельмана совершенно категорически утверждаетъ тоже самое. Это послѣднее обстоятельство несомнѣнно извѣстно г. Соколову, такъ какъ я на диспутѣ упоминалъ о томъ высокомъ удовольствіи, которое испыталъ, встрѣтивъ послѣ опубликованія своей книги, въ новыхъ изслѣдованіяхъ тѣ же взгляды, которыхъ держусь самъ. И вотъ, послѣ такихъ доводовъ противъ меня, г. Соколовъ позволяетъ себѣ такія фразы: „но не будемъ такъ строги къ г. Грузинцеву...“!

Пойдемъ далѣе. Я теперь выпишу цѣликомъ слѣдующее мѣсто изъ рецензіи г. Соколова—оно очень характерно. „Для сей цѣли г. Грузинцевъ привлекаетъ къ разсмотрѣнію 10 векторовъ, изъ нихъ четыре главныхъ—электрическая и магнитная пертурбаціи, электрическая и магнитная сила, а 6 остальныхъ *совершенно случайныхъ* (курсивъ мой); это именно тѣ векторы, которые ему *случайно* (курсивъ мой) понадобились въ первой главѣ для исключенія функцій F , J и т. д. Почему они привлечены къ дѣлу, а не какіе-либо другіе изъ безчисленнаго множества векторовъ, какіе можно себѣ вообразить, остается тайной“.

Половина „тайны“ раскрывается самимъ г. Соколовымъ, хотя онъ этого не замѣчаетъ: эти векторы явились не *случайно*, а изъ *необходимости* исключенія неизвѣстныхъ функцій изъ дифференціальныхъ уравненій—о чемъ я уже говорилъ раньше, и я ихъ, слѣдовательно, *не сочинялъ*; что же касается до безчисленнаго множества иныхъ векторовъ, которые можно придумать, то, сознаюсь, я этимъ не занялся, ибо съ одной стороны они не имѣли бы за собой никакого физическаго или математическаго „raison d'être“, а съ другой—они усложнили бы задачу г. Соколова, который и съ 6-ю векторами не могъ справиться! Разъ г. Соколовъ не вчитался въ сущность дѣла, то ему, естественно, должно

казаться дальнѣйшее изложеіе „путаницей“ и „противорѣчивыми выводами“!

Далѣе, противъ моего вывода изъ всѣхъ результатовъ изслѣдованія различныхъ векторовъ нашъ рецензентъ приводитъ тотъ доводъ, что, если бы мы взяли „другіе векторы“, ибо по его мнѣнію *выборъ векторовъ совершенно произволенъ*, то получили бы прямо противоположные результаты; но въ томъ-то и дѣло, что *выборъ векторовъ не произволенъ*, какъ я уже выше замѣтилъ. При такомъ приѣмѣ полемики г. Соколовъ можетъ опровергнуть, что угодно; еще древніе софисты умѣли это отлично дѣлать!

Въ концѣ стр. 13 г. Соколовъ задается задачей расчислить „обширный матеріалъ“, собранный мной во второй главѣ и отдѣлать пшеницу отъ плевеловъ; но вмѣсто очищенія критикуемаго мѣста г. рецензентъ обнаруживаетъ рядъ собственныхъ промаховъ и образцы своего излюбленнаго полемическаго приѣма: такъ, напр. онъ утверждаетъ, что „10 векторовъ приводятся на самомъ дѣлѣ лишь къ тремъ различнымъ“, это неправда, ибо *все векторы опредѣляются по одному*, вслѣдствіе существованія между ними зависимостей; я даже въ видахъ удобства приложеній въ послѣдующемъ собралъ въ началѣ книги на стр. 46—47 всѣ эти зависимости между векторами; но это мѣсто не удостоилось вниманія г. Соколова. Затѣмъ (конецъ стр. 14) г. Соколовъ опять возвращается къ своему частному случаю, когда нѣтъ свободныхъ электрическихъ массъ и наговариваетъ, какъ въ концѣ стр. 14, такъ и въ началѣ стр. 15, цѣлую массу, неотносящихся къ моему изслѣдованію, соображеній.

Теперь я обращаю вниманіе читателя на чрезвычайно поучительное мѣсто (почти вся стр. 15) въ рецензії г. Соколова. Я это мѣсто позволю себѣ выписать. „Между тѣмъ и это открытіе“ (т. е. что электрическая сила не можетъ представлять свѣтового колебанія въ предположеніи поперечныхъ колебаній), „свидѣтельствуетъ только, что авторъ не могъ сираться *самолично*“ (курсивъ мой, но какой таинственный смыслъ скрытъ въ этомъ словѣ—не знаю!) „съ этимъ вопросомъ и и притомъ остается *въ полномъ невѣдѣніи* (курсивъ мой) относительно подобнаго же вопроса въ механической теоріи свѣта“. Далѣе, г. рецензентъ въ поученіе мнѣ приводитъ имена нѣкоторыхъ авторовъ, принимавшихъ, т. н. quasi—поперечныя колебанія. Все это ярко свидѣтельствуеетъ, что г. Соколовъ, какъ мы выше показали, неполнѣ знакомый съ современной нѣмецкой литературой по разбираемому вопросу (случай съ Эбертомъ и Друде), также мало знакомъ и съ отечественной: нѣсколько лѣтъ тому назадъ я опубликовалъ работу, посвященную какъ

разъ критическому изложенію механическихъ теорій свѣта ¹⁾. Болѣе права имѣю я обвинять г. Соколова въ незнаніи механическихъ теорій свѣта, ибо онъ этого знанія ранѣе печатно не доказалъ, а въ рецензіи на мою книгу этого знанія не видно.

Дальнѣйшія соображенія (стр. 15 и часть 16) г. Соколова я не буду разбирать, ибо изъ всего предыдущаго достаточно видно, какого характера они должны быть, да, кромѣ того въ отвѣтъ на разборъ второй половины первой главы я уже показалъ въ чемъ сущность дѣла, приведу лишь слѣдующее: 1-е. Мой *выводъ* ²⁾ поверхности волны изъ физическаго опредѣленія луча—г. Соколовъ считаетъ голословнымъ, на это я возражу, что этотъ выводъ на столько же голословенъ, какъ и принципъ Кирхгоффа; впрочемъ случай съ Фолькманомъ, приведенный ранѣе, показываетъ, что г. Соколовъ считаетъ *точнымъ доказательствомъ*. 2-е. Г. Соколовъ утверждаетъ, что „задача“, рѣшенію которой я посвятилъ конецъ второй главы (§§ 117—120), „къ электромагнитной теоріи не относится“. А задача эта состоитъ въ рѣшеніи системы уравненій, къ которой приводитъ теорія кристаллической поляризаціи, и я помѣстилъ рѣшеніе этой системы съ одной стороны потому, что ранѣе я привелъ рѣшеніе соотвѣтственной, хотя и совершенно простой задачи для изотропныхъ срединъ (стр. 121 и 125),—противъ чего г. Соколовъ не возражаетъ,—а съ другой стороны имѣлась болѣе основательная причина, приведенная мной въ § 117. Дѣло въ томъ, что разбираемая система очень сложна и ея непосредственное рѣшеніе, данное однимъ лишь Ф. Нейманомъ, требуетъ длинныхъ и сложныхъ вычислений ³⁾ и не удобно для изслѣдованій; это заставило Макъ-Куллоха дать другое рѣшеніе, геометрическое, очень остроумное, но слишкомъ искусственное; вотъ почему я и привелъ свое рѣшеніе, данное мной еще въ 1882 г. ⁴⁾. Если бы я не помѣстилъ этого рѣшенія,—то моя книга подлежала бы упреку по этому случаю въ отсутствіи научной обстоятельности.

Въ концѣ стр. 16 и до середины 17 г. Соколовъ говоритъ о томъ, въ чемъ должна состоять истинная задача электромагнитной теоріи свѣта и выставляетъ рядъ вопросовъ, на которые она должна дать отвѣты и на эти вопросы въ моей книгѣ имѣются отвѣты, какіе могутъ

¹⁾ Сообщенія Харьковскаго Математическаго Общества, вып. I за 1882 г.

²⁾ Г. Соколовъ ссылается только на § 97,—слѣдовало бы упомянуть и § 100.

³⁾ Вотъ что говорятъ по этому поводу извѣстный французскій физикъ Корню: „Il (M. Neumann) osa attaquer de front les pénibles éliminations de la théorie et son travail restera un chef-d'oeuvre de patience analytique“. (Ann. de Ch. et de Ph. 4 serie, t. XI, p. 299).

⁴⁾ Сообщенія Харьк. Матем. Общ. за 1882 г.; стр. 124—138.

вытекать изъ основныхъ идей Герца,—исключая до нѣкоторой степени дисперсію, о которой буду еще говорить ниже. Только проф. Соколовъ опять настаиваетъ на томъ, что нѣтъ при этомъ необходимости изучать „всевозможные векторы“, а достаточно изучить только три; но я на это отвѣчу, что и раньше уже говорилъ, что я и не изучаю всевозможные векторы, но кромѣ „трехъ“ (вѣрнѣе четырехъ) векторовъ Герца разсматриваю и другіе, вызываемые самымъ дѣломъ, а именно необходимостью исключенія нѣкоторыхъ функцій, какъ уже выше было упомянуто. Такимъ образомъ дальнѣйшее утвержденіе г. Соколова, что приведенные имъ „вопросы по большей части вовсе не затрагиваются“ у меня „или же трактуются весьма поверхностно“, лишено всякаго фактическаго основанія. А разъ имѣются рѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ, только съ болѣе широкой точки зрѣнія, то, слѣдовательно, имѣется и электромагнитная теорія свѣта, вопреки заключительному утвержденію г. Соколова (стр. 17).

Теперь два слова о теоріи дисперсіи. Г. Герцъ въ теоретической части своихъ „Исслѣдованій“ отказывается дать теорію дисперсіи и она дана была впоследствии лишь Гельмгольцемъ, расширившимъ теорію Герца введеніемъ поляризаціи самой матеріи для *всякихъ срединъ*,—поэтому, мнѣ кажется, что въ виду сейчасъ сказаннаго требовать отъ меня *полной теоріи дисперсіи* не совсѣмъ справедливо ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ то, что я даю, есть нѣкоторое существенное дополненіе къ теоріи Герца. Но и здѣсь г. Соколовъ не воздержался отъ своихъ излюбленныхъ полемическихъ приемовъ: на стр. 18 онъ говоритъ, что я лучше сдѣлалъ бы, если бы обстоятельно изложилъ электромагнитную теорію дисперсіи Гельмгольца. Совѣтъ прекрасенъ, и не знакомый съ дѣломъ читатель могъ бы упрекнуть меня, что я даю свою теорію, когда есть теорія такого высокаго авторитета, какъ Гельмгольцъ; но дѣло въ томъ, что эта теорія появилась въ то время, какъ я уже печаталъ свою работу ²⁾. Впрочемъ, могу сообщить проф. Соколову, что, отдавая посильную дань высокимъ научнымъ заслугамъ знаменитаго ученаго, я въ одномъ изъ засѣданій здѣшняго Математическаго Общества (мартъ 1895 г.) прочелъ докладъ о послѣднихъ научныхъ работахъ Гельмгольца и въ этомъ докладѣ подробно изложилъ его теорію дисперсіи ³⁾.

¹⁾ Полной теоріи я не могъ дать и потому, что занимаюсь въ своей книгѣ лишь непроводниками.

²⁾ Я все таки въ своей книгѣ упоминаю о теоріи Гельмгольца (стр. 229, подстрочное примѣчаніе).

³⁾ Докладъ этотъ будетъ напечатанъ въ ближайшей книжкѣ V тома „Сообщеній Харьк. Математ. Общества“.

Наконецъ, рецензія подходитъ къ концу: разбирается IV глава моей книги и о ней г. Соколовъ не находитъ „надобности распространяться“ (стр. 18), а такъ какъ все предыдущее достаточно показываетъ, что значить „распространяться“ на языкѣ г. Соколова, то я могу только поблагодарить его ¹⁾.

Въ итогѣ всей рецензіи г. Соколова значитъ, „что книга г. Грузинцева лишь по недоразумѣнію названа „электромагнитной теоріей свѣта“ (какъ будто дѣло въ названіи книги!) и вообще лишена какого-либо научнаго значенія“. Разумѣется, не автору судить о научномъ значеніи своей работы, но своего вывода о моей книгѣ г. Соколовъ не только не доказалъ, какъ показываютъ предыдущія страницы, а напротивъ того, онъ обнаружилъ своей рецензіей полное непониманіе ея и крайне поверхностное и часто несогласное съ истиной отношеніе къ дѣлу.

А. Грузинцевъ.

7-го мая 1895 г.

---

¹⁾ Въ примѣчаніи г. Соколовъ приводитъ слова проф. А. Г. Столѣтова, что въ этой IV главѣ нѣтъ ни „механики“, ни „эфира“, ни тѣмъ менѣе „механики эфира“. Можетъ быть, это очень остроумно, но наврядъ-ли справедливо, хотя для г. Соколова весьма, разумѣется, неприятно, что нѣтъ „эфирной механики“, ибо настоящая механика — наука тяжеловѣсная и строгая, требующая серьезныхъ познаній въ математическомъ анализѣ и привычки къ точному мышленію.

ула. Муравьи живутъ колоніями, обществами, состоящими главнымъ образомъ изъ *рабочихъ*, т. е. безкрылыхъ недоразвитыхъ самокъ и, далѣе, изъ самцовъ и самокъ, имѣющихъ крылья лишь до окончанія брачнаго лета. Какъ самки, такъ и рабочіе одарены ядоносной железой. Секретъ ея выдѣляется въ рану нанесшимъ ее жаломъ, а при недостаткѣ послѣдняго (муравей рыжій), брызжится въ рану, укушенную челюстями. Постройки муравьевъ состоятъ изъ ходовъ и норокъ, то заложенныхъ въ гниломъ деревѣ или въ землѣ, то расположенныхъ въ муравейникѣ, нанесенномъ изъ хвой, стебельковъ, листьевъ. Запасовъ на зиму муравьи не собираютъ, такъ какъ впадаютъ въ зимнюю спячку. Яйца откладываются однѣми только матками, не знающими другихъ обязанностей. Такихъ матокъ въ муравейникѣ по нѣскольку. Червеобразныя личинки пользуются тщательнымъ уходомъ рабочихъ, откармливаются ими отрыгаемою пищевою кашицею, защищаются отъ враговъ. Окуклиаясь, личинки вьютъ вокругъ себя эллиптической коконъ и тогда представляютъ изъ себя такъ называемыя *муравьиныя яйца* любителей комнатныхъ птицъ. Съ куколками рабочія точно также нячутся, выносятъ ихъ для обогрѣванія, обсушки и дезинфекціи на солнце. Куколки даютъ большею частью рабочихъ; но отчасти, т. е. въ извѣстное время года, также и крылатыхъ самцовъ и самокъ. Эти развитыя половыя особи совокупаются на лету. Послѣ этого самцы умираютъ, самкамъ же рабочіе откусываютъ крылья ¹⁾ и переносятъ ихъ либо въ старый муравейникъ, либо въ другое мѣсто, гдѣ закладывается новый. Муравьи всеядны; но особенно любятъ сахаристыя вещества, ради которыхъ часто посѣщаютъ тлѣй (см. стр. 153, табл. VIII, рис. 235) и щекотятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не выпустятъ сладкаго сока. Интеллектъ муравьевъ связывается въ искусной и дружной строительной работѣ, въ уходѣ за молодою, въ войнахъ, въ экспедиціяхъ для похищенія въ рабство муравьиныхъ личинокъ и куколокъ, въ разведеніи нѣкоторыми извѣстныхъ злаковъ, грибовъ, въ переговорахъ другъ съ другомъ какъ мимикой, такъ и звуками. Муравейники служатъ пристанищемъ для цѣлой фауны другихъ насѣкомыхъ, на которыхъ муравьи отчасти смотрятъ какъ на враговъ, отчасти какъ на индифферентныхъ гостей, отчасти же какъ на пріятелей, которыхъ, какъ слѣпого жука *Claviger* (стр. 11), даже кормятъ. Иные изъ тропическихъ муравьевъ нерѣдко совершаютъ нашествія въ дома и истребляютъ сѣстные припасы. Въ Европѣ въ домахъ попадается мелкій *муравей дерновой* (*Tetramorium caespitum*),

---

¹⁾ Если самка одиночно кладетъ начало колоніи, то сама себѣ откусываетъ крылья.

падкій какъ на растительные, такъ и на животные съѣстные припасы; въ особенности же на все сладкое. Многіе муравьи, въ томъ числѣ и нѣкоторые европейскіе, болѣзненно жалятъ или кусаются.—*Муравей рыжій* (*Formica rufa*, рис. 270), строитель извѣстныхъ муравейниковъ, особенно въ хвойныхъ лѣсахъ. Жала не имѣетъ; обороняется челюстями и впрыскиваетъ ядъ въ рану изъ железнатаго пузырька на концѣ брюха. Главная составная часть этой жидкости, какъ вообще у муравьевъ, *муравьиная кислота* (*Acidum formicicum* s. *formicarum*). Она является существенною составною частью муравьиного спирта (*Spiritus formicarum*) и спиртной настойки муравьевъ (*Tinctura formicarum*). Оба препарата готовятся изъ растертыхъ, свѣже-собранныхъ, живыхъ насѣкомыхъ; но гораздо рациональнѣе разведеніемъ водою или виннымъ спиртомъ муравьиной кислоты, полученной искусственно, химически. Внутреннее дѣйствіе этого вещества мочегонное, наружное раздражающее кожу. Въ прежнія времена примѣнялись ванны изъ цѣлаго муравейника, при ревматизмахъ и параличахъ. Въ наши аптеки доставляются какъ цѣлые муравейники, такъ и муравьи, пойманные на медовую приманку въ бутылкѣ, всованной въ муравейникъ. Для умерщвленія и высушиванія насѣкомыхъ, мѣшокъ съ муравейникомъ кладется въ печь, послѣ чего насѣкомыя отбираются руками.

3. *Осы* (*Vespidae*, рис. 271 и табл. I, рис. 130, верхній). Онѣ узнаются по тонкому, удлиненному тѣлу и складывающимся вдоль переднимъ крыльямъ. Однѣ изъ нихъ живутъ въ одиночку, другія обществами. Осинныя общины состоятъ изъ тѣхъ же троякаго рода особей, какъ пчелиныя. Въ противоположность муравьинымъ, работницы осы обладаютъ крыльями. Гнѣзда лѣплятся осами изъ древесной массы, разжеванной въ своего рода бумагу. Они, равно какъ и ихъ народонаселеніе, однолѣтнія. Перезимовавшая оплодотворенная матка одна приступаетъ къ созиданію первыхъ ячеекъ, и лишь по мѣрѣ вылупленія работницъ, находитъ съ ихъ стороны помощь. Осы сами питаются цвѣточнымъ нектаромъ, личинокъ же выкармливаютъ пережеванными насѣкомыми. Меду онѣ вообще не собираютъ. Самцы и самки появляются лишь въ концѣ лѣта и совокупляются на лету. Самцы вскорости погибаютъ; вслѣдъ за ними погибаютъ и работницы; зимуютъ лишь оплодотворенныя самки, укрывшіяся подъ камнями, во мху и т. д. Обладающія жаломъ работницы и матки пользуются имъ только для цѣлей обороны себя лично или своего гнѣзда. Ядъ, запускаемый ими въ уколъ, кислой реакціи. Мухъ онѣ убиваютъ моментально. Послѣдствія ужаленій человѣка и домашнихъ животныхъ ограничиваются обыкновенно скоро проходящимъ, легкимъ мѣстнымъ воспаленіемъ; но иногда ими вызываются также во-

спаленіе лимфатическихъ сосудовъ, язвы, нарывы, рожа, антоновъ огонь. Извѣстны случаи, сопровождавшіеся потерю юзнанія и чувствительности и даже смертельнымъ столбнякомъ. Не такъ рѣдко осы, попавшія въ ротъ, жалятъ небо, языкъ и даже шотку: происходитъ опухоль, отъ которой пациентъ можетъ задохнуться. Опасны также ужаленія глазъ. Серьезными послѣдствіями угрожаютъ, въ особенности дѣтямъ, ужаленія одновременно многими осами. Наиболѣе опаснымъ является самый крупный видъ—*шершень* (*Vespa crabro*, рис. 271); менѣе опасны: *оса обыкновенная* (*V. germanica*) и еще менѣе *оса галльская* (*Polistes gallica*).

4. *Шмели* (*Bombus*). Все туловище массивное, толстое, въ густыхъ волоскахъ. Шмели гнѣздятся въ земляныхъ ямкахъ. Они не строятъ сотъ, а лишь скопляютъ неправильныя комья изъ цвѣтени и меду, куда и откладываютъ яички. Возникновеніе шмелиныхъ колоній тоже, что и осинныхъ. Малочисленность членовъ этихъ колоній, помѣщеніе гнѣздъ въ землѣ, тяжелый, неповоротливый полетъ и болѣе миролюбивый характеръ шмелей—причины того, что люди и животныя сравнительно рѣдко подвергаются ихъ ужаленію.

5. *Пчела обыкновенная* (*Apis mellifica*, табл. VIII, рис. 227 и 228; табл. IX, рис. 272). Самецъ или *трутень* (*A, A'*) массивной формы, съ широкимъ брюхомъ, сталкивающимися въ медіальной линіи глазами и короткими ротовыми частями. Самка, *матка* или *королева* (*B, B'*) съ удлиненнымъ брюхомъ и тоже короткими частями рта. Недоразвитая самка или *рабочая* (*C, C'*) съ длинными ротовыми частями. Голени ея задней пары ногъ на наружной поверхности съ углубленіемъ, окруженнымъ рядомъ щетинокъ (*корзиночка*); первый членикъ лапокъ расширенъ и на внутренней поверхности усѣянъ рядами щетинокъ (*щеточка*). Какъ щеточка, такъ и корзиночка служатъ для собиранія цвѣтени. Отечество пчелы Европа, Азія и сѣверная Африка. Дикія пчелы гнѣздятся въ дуплахъ и тому подобныхъ защищенныхъ пространствахъ. Одомашненіе пчелы относится къ незапамятнымъ временамъ. Въ большомъ современномъ ульѣ число рабочихъ достигаетъ иногда 30,000. На это количество приходится только въ извѣстное время года до 3000 трутней и всего одна оплодотворенная матка, живущая до 4-хъ лѣтъ. Въ лѣтнюю пору она въ состояніи откладывать свыше 3000 яицъ въ сутки. Восковыя сота пчелъ, въ противоположность бумажнымъ осъ, расположены въ отвѣсной плоскости. Онѣ усажены ячейками съ обѣихъ сторонъ. Ячейки имѣютъ видъ шестигранныхъ призмъ съ днищемъ изъ трехъ ромбовъ. Ячейки меньшихъ размѣровъ служатъ отчасти для принятія пищевыхъ запасовъ (т. е. меду и цвѣтени), отчасти для

*

вывода рабочихъ, тогда какъ болѣе просторныя наполняются либо чистымъ медомъ, либо содержатъ яйца и молодъ трутней. Сверхъ того мѣстами на краю сотъ, въ извѣстное время, встрѣчается ограниченное число особенно крупныхъ, неправильныхъ, боченкообразныхъ ячеекъ (*маточниковъ*). Въ нихъ выращивается по одной маткѣ. Личинки трутней вылупляются изъ неоплодотворенныхъ яицъ, личинки же какъ молодыхъ матокъ, такъ и рабочихъ, изъ оплодотворенныхъ. Изъ числа личинокъ вылупившихся изъ оплодотворенныхъ яицъ, обитающія въ маточникахъ получаютъ изъ зоба рабочихъ обильное количество медовыхъ соковъ, а потому становятся настоящими самками съ вполне развитыми половыми органами; тогда какъ обитающимъ въ обыкновенныхъ ячейкахъ подносится кормъ болѣе грубый (цвѣтень и медъ), и то въ болѣе ограниченномъ количествѣ: отсюда недоразвитіе половыхъ органовъ пчелъ рабочихъ. Впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ и рабочія кладутъ яйца; но эти яйца, какъ неоплодотворенныя, даютъ однихъ только трутней. Передъ вылупленіемъ первой молодой матки старая оставляетъ улей въ сопровожденіи части рабочихъ и вмѣстѣ съ нею основываетъ новый. Что же касается старшей изъ молодыхъ матокъ, то она точно также вылетаетъ съ новымъ роемъ и на воздухѣ оплодотворяется однимъ изъ числа многочисленныхъ сопутствующихъ ей самцовъ. Послѣ этого весь рой либо ищетъ себѣ новое пристанище, а именно въ томъ случаѣ, если улей былъ сильно заселенъ рабочими, либо—при слабомъ его населеніи—возвращается въ него. Въ этомъ второмъ случаѣ молодая матка предварительно, т. е. еще передъ роеніемъ, обезпечиваетъ за собою нераздѣльную власть въ ульѣ самоличнымъ закалываніемъ своимъ жаломъ еще не успѣвшихъ выйти изъ ячеекъ сестеръ-соперницъ. Матка оплодотворяется только однажды на всю жизнь, причемъ скопившихся въ ея сѣмяприемникѣ живчиковъ хватаетъ на нѣсколько лѣтъ. Въ случаѣ полного истощенія ихъ запаса, матка владетъ неоплодотворенныя яйца, дающія исключительно трутней. Если улей, по какой бы то ни было причинѣ, остался безъ матки и нѣтъ на лицо имѣющихъ вылупиться молодыхъ матокъ, тогда рабочія надстраиваютъ нѣкоторыя изъ рабочихъ ячеекъ, превращаютъ ихъ въ маточники, а изъ содержащихся въ нихъ личинокъ измѣненнымъ уходомъ выращиваютъ матокъ.

Пчелиный ядъ представляетъ свѣтлую жидкость кислой реакціи, съ большимъ содержаніемъ муравьиной кислоты. Вкусъ его кислый, стигивающій, жгучій. На воздухѣ онъ быстро испаряется. Послѣдствіемъ ужаленія пчелами тѣ-же, хотя вообще болѣе слабыя, нежели шмелями, и въ особенности осами. Ужаленіе пчелами (а также осами) иногда

случайно выдѣчиваетъ воспалительныя состоянія прилегающихъ органовъ: причина примѣненія пчелъ въ народной медицинѣ, въ особенности при ревматизмѣ и ischias. Насѣкомыхъ сажаютъ подъ рюмку на данный участокъ кожи и раздражаютъ ихъ просунутой плашмя бумажкой. Пчела можетъ нанести только одно ужаление, т. к. оно стоитъ ей жизни: зазубренное жало не вытаскивается обратно изъ ранки, а обрывается вмѣстѣ съ концомъ брюха. — Для закупорки прорѣховъ и щелей въ ульѣ, пчелы пользуются особой замазкой смолистой, пахучей, красновато-бураго цвѣта. Онѣ собираютъ ее челюстями съ почекъ и молодыхъ побѣговъ тополей, березы, сосенъ и др. деревьевъ, выдѣляющихъ смолу. Это вещество пригодно въ технику для получения отпечатковъ; въ медицинѣ же прописывалось какъ разрѣшающее средство; оно входитъ также въ составъ помады и курительныхъ свѣчей. *Медъ* (mel) служитъ запасомъ питательнаго матеріала на неблагоприятныя для прокормленія пчелъ и личинокъ дни. Пчелы-работницы сосутъ изъ нектарниковъ цвѣтовъ сладкій сокъ, главную составную часть котораго образуетъ тростниковый сахаръ или сахароза. Проглоченный пчелой нектаръ въ ея зобу подвергается химическому дѣйствию сока, выдѣляемаго стѣнками самаго зоба или же слюнными железами. Содержащійся въ этомъ соку ферментъ (инвертинъ) переводитъ тростниковый сахаръ въ виноградный и плодовый (декстрозу и левулезу); причемъ незначительная часть тростниковаго сахара остается неразложенною. Послѣ нѣкотораго времени пчела отрыгаетъ переработанный ею такимъ образомъ въ медъ растительный продуктъ. Ароматъ меда зависитъ отъ примѣси эфирныхъ маселъ, различныхъ у различныхъ медоносныхъ растений. Въ большихъ приемахъ медъ дѣйствуетъ какъ легкое слабительное. Въ медицинѣ онъ употребляется обыкновенно въ качествѣ воспримлющаго для кашекъ (electuaria) и въ формѣ уксусо-меда (oxumel). Препараты нашей фармакопеи: Mel rosatum, Oxumel simplex, Oxumel Colchici и Oxumel Scillae. Будучи обыкновенно здоровымъ питательнымъ матеріаломъ, медъ, собранный съ ядовитыхъ растений, можетъ обладать ядовитыми свойствами. Еще *Ксенофонтъ* и *Діодоръ Сицилійскій* повѣствуютъ о своего рода бѣшенномъ оьяненіи, овладѣвшемъ въ Трапезундѣ воинами, изъ числа участниковъ знаменитаго абабазиса, послѣ употребленія ими въ пищу меда. *Турнефоръ* въ той же странѣ былъ свидѣтелемъ подобныхъ явленій и приписываетъ ихъ посѣщенію мѣстными пчелами понтійской азалии и понтійскаго рододендрона. Въ Европѣ отравленіе медомъ также наблюдалось. *Галлеръ* упоминаетъ о смерти двухъ альпійскихъ пастуховъ, наѣвшихъся меду изъ цвѣтовъ аконита. Аналогичныя факты наблюдались и въ Америкѣ. *Воскъ* (sega) по происхож-

денію своего рода кожное сало (см. стр. 152). Онъ выдѣляется у пчелъ рабочихъ четырьмя парами железъ, расположенными подъ члениками брюха, съ вентральной стороны. Выдѣляясь, онъ скопляется между этими члениками въ видѣ тонкихъ, прямоугольныхъ пластинокъ. Пластины слѣпляются пчелами помощью лапокъ, мѣсятся челюстями, смоченными слюною, и ими же налѣпляются, гдѣ это нужно. Благодаря упругости и мягкости воска при высокой температурѣ улья, ячейки сами собою принимаютъ математически правильную форму. Въ большихъ кускахъ воскъ желтаго цвѣта и медоваго запаха, а по окончательной очисткѣ, бѣлый, почти безъ запаха. Главныя составныя части воска: церинъ и мирицинъ, въ свою очередь состоятъ изъ смѣси нѣсколькихъ химическихъ соединений. Въ медицинѣ воскъ употребляется, какъ прекрасное воспреемлющее для составленія массы иныхъ пилюль (напр. изъ Копайскаго бальзама) и въ особенности разныхъ пластырей, цератовъ, мазей. Топленнымъ воскомъ пропитаны: *Charta cerata* и *Spongia cerata* (стр. 64).

Типъ VI. Мягкотѣлая (*Mollusca*).

Тѣло этихъ животныхъ двусторонне-симметричное, нерасчлененное, безъ членистыхъ придатковъ. Оно покрыто мягкой, слизистою кожею и лишено какъ внутренняго, такъ и внѣшняго локомоторнаго скелета. Въ дѣлѣ передвиженія имѣетъ значеніе кожно-мышечный мѣшокъ, особенно брюшная его часть, составляющая такъ называемую *ногу*. Со спинной стороны кожно-мышечный мѣшокъ образуетъ щитовидное утолщеніе, края котораго на подобіе складокъ, обрастаютъ и отчасти прикрываютъ тѣло, составляя собою *эпанчу* или *мантію*. Поверхность ея выдѣляетъ известковую раковину. Мягкотѣлая могутъ быть названы животными паренхиматозными, у которыхъ отъ первоначальной полости тѣла сохранились лишь небольшіе остатки: полость околосердечной сумки и половыхъ органовъ. Нервная система состоитъ изъ трехъ паръ узловъ, находящихся каждая въ связи съ особыми органами чувствъ. Одна изъ этихъ паръ лежитъ дорсально отъ глотки и соответствуетъ *головнымъ* или *мозговымъ узламъ* червей и членистоногихъ. Подъ кишечникомъ спереди, на мускульной массѣ ноги расположена вторая пара нервныхъ узловъ, узлы *ножные*. Далѣе кзади, также вентрально, помѣщаются *внутренностные узлы*. Всѣ названные узлы соединяются спайками, образующими между прочимъ и окологлоточное кольцо, въ сущности такое же, какъ и въ другихъ только что названныхъ типахъ. При укороченіи спаекъ вся нервная система можетъ концентрироваться въ общую окологлоточную массу. Головные узлы снабжаютъ нервами, между про-

чимъ, глаза и щупальцы, ножные слуховые пузырьки, тогда какъ внутренностные узлы даютъ нервы весьма распространенному у мягкотѣлыхъ органу чувства, который представляется въ видѣ эпителиальнаго, мерцающаго утолщенія въ полости эпанчи и принимается за органъ обонянія.

Сердце короткое, мѣшеччатое, чисто-артеріальное. Въ составъ его входитъ всегда одиночный желудочекъ, тогда какъ предсердій можетъ быть либо два, при парныхъ жабрахъ, либо одно—при непарной жабрѣ. Существуютъ артеріи и вены; а въ высшемъ изъ классовъ, еще и волосные сосуды. Сердце заключено въ околосоердечную сумку, которая—въ качествѣ остатка полости тѣла—почти всегда сообщается мерцательнымъ каналомъ съ почкою. У нѣкоторыхъ околосоердечная сумка сообщается и съ полостью половыхъ железъ, точно также разсматриваемую какъ остатокъ полости тѣла.

Мягкотѣлыя размножаются исключительно двуполымъ способомъ. Развитие происходитъ весьма часто путемъ метаморфозы съ личиночною ступенью по типу трохофоры (см. стр. 69, таб. IV, рис. 85).

Изъ числа классовъ, признаваемыхъ современными систематиками, наиболѣе характерными являются слѣдующіе три:

Тѣло сжато съ боковъ, безъ обособленной головы; съ двулопастной эпанчей, правой и лѣвой створками раковины, соединенными между собою дорсально связкою; имѣются обширныя листоватыя жабры..... кл. Пластинчатожаберныя.

Голова обособлена, большею частью со щупальцами; нога обыкновенно на подобіе подошвы; мантия нераздѣльная, возвышающаяся на спинѣ шапкою, въ которой заключенъ клубокъ внутренностей, прикрытый цѣльной, спирально витой, рѣже плоской раковиною..... кл. Брюхоногія.

Голова рѣзко обозначена; вокругъ рта вѣнчикъ щупалецъ (рукъ) съ присосками; нога воронкообразно продырявлена; гонохористы..... кл. Головоногія.

Кл. 1. Пластинчатожаберныя (*Lamellibranchiata*).

По расположенію внѣшнихъ частей пластинчатожаберныя уподобляются книгѣ, обращенной корешкомъ вверхъ (табл. IX, рис. 274). Череплету соответствуютъ правая и лѣвая створки раковины. Соеди-

неніе створокъ—корешекъ книги—образуется такъ наз. *замкомъ*, т. е. своего рода сочлененіемъ въ видѣ шарнира, и поверхъ его упругой связкой, всегда готовой пассивно раскрыть створки. Антагонистами связки служатъ одинъ или два сильныхъ мускула, идущихъ поперекъ отъ одной створки къ другой. Первому и послѣднему, примыкающимъ

Рис. 279. Unio.

непосредственно къ переплету, листамъ книги соотвѣтствуютъ складки *эпанчи* (*t*). Слѣдующими листками какъ въ началѣ, такъ равно и въ концѣ книги, являются по два *жаберныхъ* листочка (*br*). Въмѣсто остальныхъ, среднихъ страницъ книги, находимъ сплошную массу внутренностей, которая продолжается книзу въ сильно растяжимый и сократи-

тельный отростокъ—въ *ногу* (*p*). Средняя, массивная часть тѣла имѣетъ спереди ротовое, а сзади заднепроходное отверстія. По сторонамъ рта двѣ пары листовидныхъ ротовыхъ щупалецъ. Пищеварительный каналъ обложенъ объемистою печенью. Задняя его часть проходитъ сквозь желудочекъ сердца. Большинство пластинчатожаберныхъ гонохористы.

У многихъ пластинчатожаберныхъ обѣ лопасти *эпанчи* срастаются своими краями въ медіальной плоскости тѣла, причемъ, однако, остаются три отверстія. Одно изъ нихъ служитъ для выдвиганія ноги, тогда какъ другія два образуютъ *сифоны*, часто вытягивающіеся своими краями въ длинныя, сократительныя трубки. Продуктомъ выдѣленія наружнаго слоя мантии является раковина (табл. IX, рис. 273). Она состоитъ изъ трехъ слоевъ: наружнаго, кутикулярнаго (*c*), средняго, призматическаго (*p*) и внутренняго (*s*), образованнаго изъ многочисленныхъ, тончайшихъ пластинокъ, часто съ радужною интерференціей свѣта (*перламутръ*). Въ химическій составъ раковины входятъ: углекислая известь, съ ничтожною примѣсью фосфорнокислой, и органическое вещество *конхиолинъ*, изомерное оссеину. Раковина утолщается на слойкой снутри новыхъ частицъ, выдѣляемыхъ наружнымъ *эпанчовымъ* эпителиемъ. Она удлиняется и расширяется такимъ же способомъ отложеніемъ частицъ по краямъ. Перламутръ отлагается *эпанчею* и вокругъ песчинокъ и другихъ инородныхъ тѣлъ. Такимъ образомъ получаютъ жемчужины.

Всѣ безъ исключенія пластинчатожаберныя живутъ въ водѣ, и при томъ большинство въ морской. Многія изъ морскихъ употребляются въ пищу. Будучи питательны и удобоваримы, такія мягкотѣльныя, въ особенности устрицы и ракушки (*Mytilus*), нерѣдко рекомендуются стра-

дающимъ желудочнымъ катарромъ, а также выздоравливающимъ. Удобоваримы лишь свѣжія, живыя, неваренныя животныя. Впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ, употребляемая въ пищу устрицы и ракушки вызываютъ симптомы отравленія, отъ накапливающагося въ нихъ токсина (см. стр. 68). Появленіе его установлено (для *Mytilus edulis*) между прочимъ и въ зависимости отъ загрязненія воды клоакальными стоками (эпидемія въ Вильгельмсафенѣ въ 1884 г.).

Устрицы (*Ostrea edulis* и др. сродные виды), представители пластинчатожаберныхъ съ одною только запирающею мышцею (отрядъ *Monomyaria*). Животныя лишены ноги и приращены неподвижно къ подводному предмету своей лѣвой, выпуклой створкой. Правая створка плоская. Въ предѣлахъ Европы устрицы водятся у скалистыхъ береговъ Атлантическаго океана, Нѣмецкаго, Средиземнаго, Чернаго морей. Онѣ селятся огромными массами на такъ называемыхъ банкахъ (отмеляхъ), покрывая сплошь подводныя тѣла и прильпаясь одна къ другой. По берегамъ Франціи, Англіи, Испаніи, а въ новѣйшее время и въ Севастопольской бухтѣ, устрицы разводятся въ такъ называемыхъ *паркахъ* изъ свай и фашичника, къ которымъ охотно прикрѣпляются плавающія первоначально свободно личинки. При правильной эксплуатаци, добываемыхъ драгами устрицъ сажаютъ до отправки въ продажу на нѣкоторое время въ прѣсноводные бассейны. Устричныя раковины составляютъ предметъ аптечной торговли. Приготовляемый изъ нихъ, по снятіи наружнаго слоя, порошокъ (*Conchae praeparatae* нашей фармакопеи) имѣетъ то-же примѣненіе, какъ порошокъ изъ раковыхъ камешковъ.

Кл. 2. Брюхоногія (*Gastropoda*).

Типичными представителями класса являются улитки. Онѣ обладаютъ мускулистою ногою съ подошвою, на которой ползаютъ, и явственно обособленною,

Рис. 280. *Helix pomatia*.

головою со щупальцами. На спинѣ выпячиваются какъ бы грыжею внутренности, прикрытыя колпакомъ изъ мантии и, поверхъ послѣдней, цѣлкою, почти всегда

спирально извитою раковиною. Мантия обыкновенно прикрывает собою парную или непарную дыхательную полость.

Изъ числа сухопутныхъ брюхоногихъ *садовая улитка* (*Helix pomatia*,

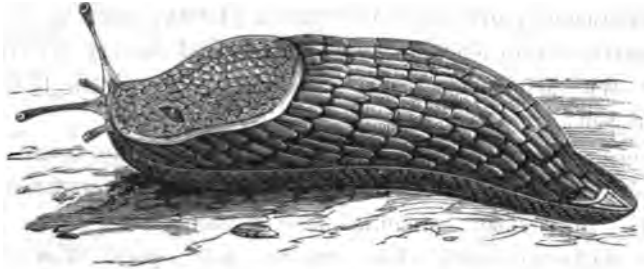

Рис. 281. *Arion empiricorum*.

рис. 280) и *слизень* (*Arion empiricorum*, рис. 281) имѣли когда-то значеніе въ медицинѣ. Ихъ жесткое, неудобоваримое мясо употребляется въ пищу въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы и нашихъ западныхъ окраинъ.

Кл. 3. Головоногія (Cephalopoda).

Ихъ тѣло распадается на рѣзко обособленную голову и туловище. На концѣ головы помѣщается ротовое отверстіе, вооруженное двумя роговыми челюстями формы клюва попугая. Вокругъ рта расположено лучеобразно 8 или 10 мускулистыхъ щупалецъ или рукъ, усаженныхъ рядами присосокъ. На нихъ животное ползаетъ. Въ вѣнчика щупалецъ, по сторонамъ головы виднѣются громадные глаза, устроенные почти столь же сложно, какъ у позвоночныхъ животныхъ. На границѣ между головою и туловищемъ съ вентральной стороны помѣщается *воронка*, гомологъ ноги брюхоногихъ. Она открыта съ обѣихъ концовъ. Вся вентральная поверхность туловища скрыта отъ наблюдателя подъ толстою, мускулистою складкою эпанчи. Между нею и собственно брюшною поверхностью тѣла остается обширная, открытая впереди полость мантии. Въ эту полость втекаетъ вода. Когда животное сокращаетъ складку эпанчи такъ, что ея передніе, свободные края прижимаются къ основанію воронки, тогда вода извергается сильною струею черезъ во-

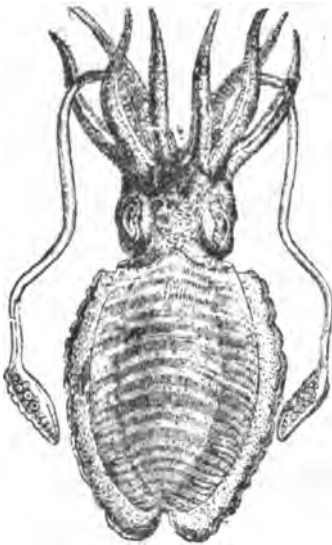

Рис. 282. *Sepia officinalis*.

Кл. 3. Головоногія (Cephalopoda).

ронку, и все тѣло получаетъ толчекъ заднимъ концомъ туловища впередъ. На ритмическомъ накопленіи и опорожненіи полости мантии основано плаваніе головоногихъ. Въ полости мантии помѣщаются парные перистыя жабры, отверстія кишечника, половыхъ органовъ и чернильнаго мѣшка. Стѣнки послѣдняго выдѣляютъ темнобурюю, почти черную жидкость (краску сепію), которую животное, въ случаѣ опасности, мутитъ воду, чтобы укрыться отъ взора преслѣдователей.

Головоногія имѣютъ мускулистую глотку съ языкомъ, покрытымъ теркою (*radula*) изъ известковыхъ зубчиковъ. Пищеводъ часто съ зобомъ. Имѣются: желудокъ, спирально витая слѣпая кишка, кишечныя петли, большая печень, слюнные железы. Кровеносная система весьма сложная съ артеріями, венами и волосными сосудами. Сердце съ двумя предсердіями, которыя воспринимаютъ кровь, идущую изъ жаберъ, и съ однимъ желудочкомъ, препровождающимъ ее въ аорту. Сверхъ сего имѣются еще парныя сердца на жаберныхъ артеріяхъ, для накачиванія невозной крови въ жабры. Начало пищевода обхватывается нервными узлами, объемъ которыхъ свидѣтельствуетъ о высокихъ для безпозвоночнаго животнаго умственныхъ способностяхъ. Головные нервныя узлы заключены въ хрящевую черепную капсулу.

Полы всегда раздѣльные. Какъ сѣмянникъ, такъ и яичникъ железы непарныя; причѣмъ, однако, яйцеводы могутъ быть и парными. Изъ отдѣловъ сѣмяпровода особенно замѣчательно вмѣстилище для сперматофоръ (сѣмянныхъ патроновъ). Перенесеніе послѣднихъ на самку достигается при посредствѣ такъ называемаго *нектокотилуса* (*Hectocotylus*). Это одно изъ щупалець самца, при основаніи болѣе или менѣе раздувающееся и получающее каналъ, который и заряжается сѣмянными патронами. *Нектоcotylus* отрывается отъ тѣла и, подобно паразиту, ползаетъ по нѣскольکو дней въ полости мантии самки. Развитіе головоногихъ прямое.

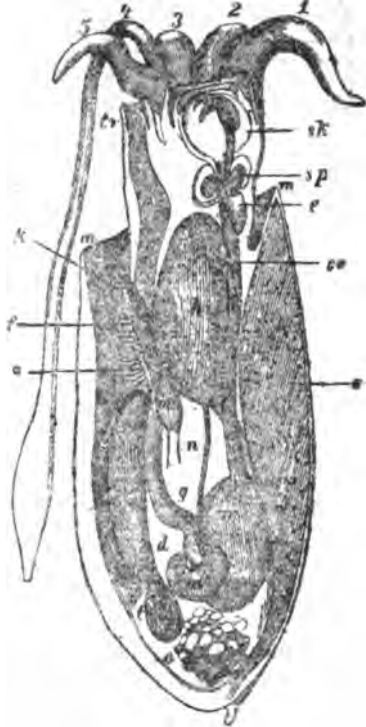

Рис. 283. Строеніе каракатицы. 1—5—щупальцы; с—зобъ; d—слѣпая кишка; f—полость мантии; g—толстая кишка; l—печень; m, m—эпипанча; mg—желудокъ; я—яйцеводъ, о—яичникъ; s—внутренняя раковина, sk—глотка съ языкомъ и *radula*; ср—пищеводъ; sp—слюнные железы; ч—чернильный мѣшокъ; л—воронка.

Всѣ головоногіе обитатели морей. Ихъ величина колеблется отъ лѣснаго орѣха до чудовищной въ 6 метровъ при длинѣ щупалець въ 11 метровъ.

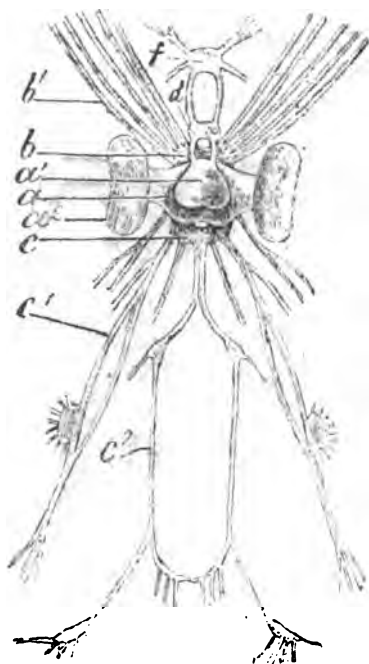

Рис. 284. Нервная система каракатицы. *a*—зритель. нервъ; *a'*—мозговой узелъ; *d*—зритель. узелъ; *b*, *b'*—нервы щупалець; *c*, *c'*—связки къ щупальцамъ и къ узламъ внутренностей.

Каракатица обыкновенная (*Sepia officinalis*, рис. 282—285), изъ отряда *Двужаберныхъ* (*Dibranchiata*) и подотряда *Десятиногихъ* (*Decapoda*). Кромѣ восьми щупалець обыкновеннаго типа имѣется еще пара очень длинныхъ, шнуровидныхъ съ расширенной концевой лопастью. Эта пара щупалець можетъ прятаться въ особые мѣшки. По бокамъ туловища плавниковая кайма; на спинной сторонѣ, подъ кожей известковая пластинка—внутренняя раковина. Каракатица достигаетъ длины до 30 см. и болѣе. Ея нижняя поверхность обыкновенно бѣлая, тогда какъ верхняя, благодаря игрѣ хроматофоръ, быстро мѣняется окраску отъ почти бѣлой до темнубурой. *S. officinalis* водится въ Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ.

Ея жесткое мясо употребляется въ пищу, по преимуществу низшимъ классомъ побережныхъ жителей; объемистые червильные мѣшки идутъ на приготовленіе краски сепинъ; а внутренняя раковина, „кость“ каракатицы (*os Sepiae*) поступаетъ въ торговлю аптекарскими товарами. *Os Sepiae* представляетъ собою очень легкую, двояко-выпуклую пластинку овальнаго очертанія и бѣлаго цвѣта. Наружный слой тонкій какъ бумага и твердый, внутренній толстый и рыхлый. Главная составная часть этой раковины углекислая известь, находящаяся въ химическомъ соединеніи съ конхиолиномъ. При извлеченіи извести кислотой, конхиолинъ остается какъ гибкое, полупрозрачное основное вещество. Другія, менѣе существенныя составныя части ра-

Рис. 285. *Os Sepiae*. Раковины суть: хлористый натрій, слѣды магnezіальныхъ солей и животный клей или глютинъ. Медицинское значеніе *os Sepiae* сводится къ приготовленію изъ него зубныхъ порошковъ.

Типъ VII. Позвоночныя (Vertebrata).

Подобно кольчещамъ и членистоногимъ, позвоночныя относятся къ членистымъ, сегментированнымъ животнымъ; но сегментация ихъ скрытая, выражающаяся въ повтореніи по длинѣ тѣла тѣхъ же костей (позвонковъ, реберъ), тѣхъ же мускуловъ, сосудовъ, нервовъ. Яснѣ всего внутренняя сегментировка сохраняется въ низшемъ изъ классовъ, у рыбъ. Она вполне ясная и у зародышей остальныхъ классовъ, даже млекопитающихъ; но позднѣе болѣе или менѣе скрадывается вслѣдствіе преобразования сегментовъ и ихъ слиянія въ области тѣла. Такихъ областей различаютъ три главныхъ: голову, туловище и хвостъ. Туловище можетъ распадаться еще на второстепенныя области: шейную, грудную, брюшную и тазовую или крестцовую. Наружный скелеть, налагающій такую рѣзкую печать на членистоногихъ животныхъ, у позвоночныхъ составляетъ исключеніе, и притомъ не имѣетъ локомоторнаго значенія. Въмѣсто него выработалась плотная, внутренняя скелетная ось—позвоночникъ, или же—у самыхъ низшихъ формъ—его предтеча, *спинная струна* (Chorda dorsalis). Позвоночникъ и спинная струна обозначаютъ рубежъ между двумя трубками, дорсальной или центрально-поверхней и вентральной или полости тѣла (целоми), въ которую вложены органы растительной жизни. Такимъ образомъ центральная нервная система располагается дорсально, а сердце вентрально отъ кишечника; тогда какъ у членистоногихъ имѣетъ мѣсто обратное. Кровь позвоночныхъ красная.

Позвоночныя животныя подраздѣляются на два подтипа: *Рыбopodobныхъ* (Ichthyopsida s. Anamnia) и *Ящерицоподобныхъ* (Sauropsida s. Amniota). Къ первому причисляются классы рыбъ и земноводныхъ, близкихъ между собою по анатомическимъ признакамъ и не имѣющихъ плодовой оболочки amnion. Ко второму подтипу могутъ быть причислены остальные три класса: пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія. Всѣ они обладаютъ amnion'омъ. Первообразомъ ихъ могутъ считаться ящерицы (Saurii). Группировка позвоночныхъ животныхъ на холоднокровныхъ, вѣрнѣе, измѣнчиво-температурныхъ (Poikilothermia) и на теплокровныхъ, вѣрнѣе, постоянно-температурныхъ (Homoeothermia) основано на неодинаковомъ напряженіи физиологическихъ процессовъ, развивающихъ теплоту и, главное, на степени совершенства аппаратовъ, регулирующихъ температуру тѣла.

Сходство позвоночныхъ животныхъ съ оболочниками, спеціально съ асцидіями, отмѣчено выше, на стр. 118—120. Что же касается ихъ родства съ кольчатými червами, то оно сказывается рѣзче всего въ

зародышевомъ періодѣ, и притомъ въ особенности на устройствѣ первоначальныхъ выдѣлительныхъ органовъ, нефридій (въ частности проперфрос). Эти органы у зародышей всѣхъ позвоночныхъ животныхъ точно также состоятъ изъ сегментальныхъ трубочекъ съ мерцательными воронками. Сличеніе между собою рисунковъ 174 (на табл. VI) и 275 (на табл. IX) показываетъ лишь осложненіе сегментальныхъ трубочекъ позвоночныхъ животныхъ сосудистымъ (мальпигіевымъ) клубкомъ, вдавленнымъ въ слѣпой отростокъ трубочекъ, а также впаденіемъ этихъ трубочекъ въ особый собирательный каналъ (*сегментальный* или *вольфовъ протокъ*). Послѣдній открывается въ клоаку. Такъ какъ этотъ каналъ разсматривается эмбриологами какъ впятившаяся въ глубь полоска внѣшняго покрова тѣла, то сегментальныя трубочки и у позвоночныхъ de jure открываются на внѣшней поверхности тѣла.

Классификація позвоночныхъ.

Anamnia s. Ichthyopsida.	}	Кожа влажная, съ костяной чешуей; имѣются парные и непарные плавники; дышуть жабрами; сердце венозное, объ одномъ предсердіи и одномъ желудочкѣ; развитіе прямое..... <i>Рыбы.</i>	}	Poikilothermia.
		Кожа влажная, голая; имѣются ноги; дышуть легкими и, временно или постоянно, также жабрами; сердце венозно-артериальное, о двухъ предсердіяхъ и одномъ желудочкѣ; два Condylī occipitales; развитіе съ превращеніемъ..... <i>Земноводныя.</i>		
Amniota s. Sauropsida.	}	Кожа сухая, большею частью съ роговыми чешуйками или щитиками; дышуть исключительно легкими; сердце о двухъ предсердіяхъ и двухъ, не вполне раздѣленныхъ желудочкахъ; одинъ Condylus occipitalis; развитіе прямое..... <i>Пресмыкающіяся.</i>	}	Homoeothermia.
		Кожа покрыта перьями; дышуть исключительно легкими; сердце о 4 вполне разграниченныхъ отдѣлахъ; одинъ Condylus occipitalis; переднія конечности — крылья; кладутъ яйца..... <i>Птицы.</i>		
		Кожа покрыта волосами; дышуть исключительно легкими; сердце о 4 вполне разграниченныхъ отдѣлахъ; два Condylī occipitales; всѣ конечности б. ч. ноги; рожаютъ живыхъ дѣтенышей и вскармливываютъ ихъ молокомъ..... <i>Млекопитающія.</i>		

Кл. 1. Рыбы (Pisces).

Во всѣхъ классахъ позвоночныхъ животныхъ имѣются отряды, приуроченные къ водной жизни; но нигдѣ соответствующія приспособленія организаци не достигли такихъ предѣловъ, какъ въ классѣ рыбъ.

Форма тѣла, рассчитанная на уменьшеніе сопротивленія капельно-жидкой средѣ, характеризуется небольшимъ поперечнымъ разрѣзомъ. Она большею частью веретенообразна и сжата съ боковъ; заостренная носовая часть облегчаетъ врѣзываніе въ воду. Гибкой шеи, которая мѣшала бы плаванию, не существуетъ: голова непосредственно слита съ туловищемъ. Большою гибкостью и подвижностью обладаетъ лишь задній, хвостовой отдѣлъ, въ услуженіи котораго, какъ главнаго органа движенія, находится бѣльшая часть мускулатуры. Хвостъ дополняется отвѣснымъ плавникомъ, обыкновенно о двухъ лопастяхъ, верхней и нижней. Этотъ плавникъ развивается изъ общей складки (табл. IX, рис. 276, А), которая у зародыша оторочиваетъ тѣло, начинается отъ затылка и, огибая хвостъ, доходитъ до задняго прохода (An). Другими мѣстными разраженіями этой же складки являются спинные (d) и заднепроходные (a) плавники въ различномъ числѣ. Они имѣютъ значеніе килей, т. е. аппаратовъ, придающихъ движеніямъ правильность и плавность. Такое же физиологическое значеніе, а также значеніе рулей, имѣютъ и парные плавники (p), гомологи конечностей остальныхъ позвоночныхъ животныхъ. Число ихъ не превышаетъ двухъ паръ. Передніе, *рудные плавники* (p) всегда прилегаютъ къ головѣ, тогда какъ задніе или *брюшные* (ab) не приурочены къ опредѣленному мѣсту. И тѣ и другіе развиваются изъ двухъ боковыхъ зародышевыхъ складокъ или оторочекъ (рис. А), которыя начинаются отъ головы и идутъ къ заднему проходу, на соединеніе, позади послѣдняго, съ непарною плавниковою складкою. Изгибами этихъ складокъ объясняется нахожденіе брюшныхъ плавниковъ иногда подъ самыми грудными или даже спереди ихъ. Въ составъ плавниковъ какъ парныхъ, такъ и непарныхъ входятъ, кромѣ складки кожи, костяные или хрящевые лучи, а иногда и дополнительные къ нимъ роговыя нити кожного происхожденія. Въ хвостовой плавникъ заходитъ и конецъ позвоночника. При этомъ онъ только иногда сохраняетъ первоначальное прямолинейное зародышевое направленіе (рис. 307); а чаще загибается кверху. Такой загибъ позвоночника можетъ оставаться рѣзко обозначеннымъ на всю жизнь (рис. 299, 303) или же маскироваться равномернымъ развитіемъ верхней и нижней плавниковыхъ лопастей.

Наружный покровъ тѣла сохраняетъ характеръ слизистой оболочки, т. е. не имѣетъ ороговѣшаго слоя. За-то въ немъ почти всегда заключаются костяныя пластинки—чешуя (рис. 277). Смежныя чешуйки большею частью надвигаются одна на другую на подобіе черепицы. Ихъ свободный, т. е. неприкрытый задній конецъ бываетъ то гладкій (А), то усаженный зубчиками (В). Покрывающій чешую наружный слой кожи у извѣстныхъ рыбъ окаменѣваетъ въ твердую, блестящую эмаль. Такая эмальированная или *яноидная* чешуя иногда точно также образуетъ круглую черепицу, большею же частью имѣетъ видъ ромбическихъ, сфальцованныхъ одна съ другою пластинокъ (С). Какъ особая форма чешуи описывается еще чешуя *плектоидная* (D). Она состоитъ изъ костяныхъ зеренъ или пластинокъ, на которыхъ сидитъ отростокъ, имѣющій строеніе настоящаго зуба изъ мякоти, слоновокостнаго вещества и эмали.

Осевой скелетъ рыбъ, при типичномъ его развитіи, составленъ изъ позвонковъ, съ тѣлами воронкообразно вогнутыми спереди и сзади. Связь позвоночныхъ тѣла проходитъ тонкою нитью сливная струна; тогда какъ въ полостяхъ между смежными позвонками это образование утолщается въ видѣ четокъ. Грудины рыбы не имѣютъ. Для черепа особенно характерны висцеральные дуги, изъ коихъ задняя серія является носительницею жаберныхъ листочковъ.

Головной мозгъ показываетъ черты низкой организаціи. Такъ полушарія большого мозга (рис. 289, *h*) остаются свободными, безъ спаекъ. Они очень малы и состоятъ исключительно изъ *Corpora striata*, покрытыхъ мозговою корою (Pallium) изъ однослойнаго эпителия. Велики обонятельныя лопасти (*Lobi olfactorii l. o*) и червь (*Vermis*) мозжечка (*c*). Всѣ отдѣлы мозга лежатъ въ одной плоскости. Въ глазу шарообразный хрусталикъ. Слуховой аппаратъ изъ одного только преддверья лабиринта съ первымъ зачаткомъ улитки. Нѣтъ ни наружнаго, ни средняго уха.

Пищеварительный каналъ позади широкой пасти превращается въ относительно узкую, мало извитую трубку съ нерѣзко разграниченными пищеводомъ, желудкомъ, тонкими и толстыми кишками. Слюнныхъ железъ недостаетъ; печень объемиста, обыкновенно съ желчнымъ пузыремъ. Имѣется почти всегда и поджелудочная железа. На переходной части желудка въ кишки сидятъ у многихъ рыбъ болѣе или менѣе многочисленныя слѣпые отростки (*appendices pyloricae*). Для нѣкоторыхъ отрядовъ характерна *спиральная заслонка* (рис. 290), складка слизистой оболочки, на подобіе винтовой лѣстницы перегородивающая просвѣтъ тонкой кишки. Всѣ рыбы имѣютъ селезенку.

У большинства рыб (рис. 291, А) стѣнки шейной области тѣла до того тонки, что образуются, такъ сказать, одними лишь жаберными дугами; при этомъ жаберные листочки выступаютъ на наружной поверхности тѣла и, для своей защиты, прикрыты лишь костянымъ клапаномъ—*жаберной прищипкой* (*ор*). Это такъ называемыя *гребенчатые жаберы*. Въ отрядѣ акуловыхъ (*В*) стѣнки тѣла шейной области, напротивъ того, очень толсты, покрыты кожей и представляютъ рядъ глубокихъ щелей, простирающихся въ полость зѣва. При этомъ, вмѣсто узкихъ дугъ, получаютъ широкія пластинки, къ которымъ и приметаны жаберные листочки. При такомъ скрытомъ расположеніи жаберъ защитная крышка совершенно излишня: ея и недостаетъ (*скрытые жаберы*).

За гомолоръ легкихъ многими авторами признается *плавательный пузырь* (рис. 292), имѣющійся у весьма многихъ рыбъ. Нормальное его положеніе—между кишечникомъ и позвоночникомъ. Плавательный пузырь развивается какъ выпячиваніе пищеварительной трубки и весьма часто сохраняетъ сообщеніе съ нею помощью воздухоноснаго канала. Пузырь служитъ вспомогательнымъ органомъ при плаваніи, особымъ гидростатическимъ аппаратомъ. Степенью сокращенія мускульныхъ волоконъ самаго пузыря, а также напряженія брюшныхъ стѣнокъ, видоизмѣняется объемъ пузыря съ заключающимися въ немъ газами, и такимъ образомъ удѣльный вѣсъ рыбы измѣняется. Пока онъ равенъ единицѣ, рыба стоитъ неподвижно на данной глубинѣ, когда больше единицы, она опускается, когда меньше, напротивъ того, подымается вверхъ. На эти движенія тратится весьма мало мускульной работы. Плавательный пузырь нѣкоторыхъ, немногихъ рыбъ преобразованъ въ легкія.

Сердце лежитъ далеко опереди, на горлѣ, подъ жабернымъ снарядомъ (рис. 293). Оно состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: задняго—предсердія (*а*) и передняго—желудочка (*в*). Предсердіе принимаетъ возвращающуюся со всего тѣла венную кровь; желудочекъ преноситъ ее впередъ, въ артеріальный стволъ съ утолщеннымъ основнымъ концомъ (*Vulbus s. Conus arteriosus, ба*). Этотъ стволъ отдаетъ боковыя артеріи по числу жаберныхъ дугъ. Артеріи распадаются въ жабрахъ на сѣть волосныхъ сосудовъ, изъ коихъ набираются мало по малу жаберныя вены. Последнія сливаются надъ пищеварительнымъ каналомъ въ непарную нисходящую аорту (*ао*).

Мочевые органы рыбъ состоятъ изъ парныхъ почекъ, которыя распространяются вдоль позвоночника по всей длинѣ полости тѣла. Мочеточники сходятся обыкновенно въ мочевой пузырь, прилегающій къ дорсальной стѣнкѣ выводной кишки и здѣсь же ованчивающійся. Какъ мужскія, такъ и женскія половыя железы представляютъ удли-

ненные парные мѣшки съ протоками, соединяющимися въ одинъ общій, который открывается наружу на мочеполовомъ сосочкѣ, и лишь у нѣкоторыхъ въ клоаку. Впрочемъ, у извѣстныхъ рыбъ половыя железы не имѣютъ связаннаго съ ними выводного протока. Въ этихъ случаяхъ зрѣлые половые продукты, яйца и сѣмя, попадаютъ въ полость тѣла и отсюда выводятся или особыми каналами, которые начинаются свободнымъ отверстіемъ въ полости тѣла, или же черезъ особое брюшное отверстие (*porus genitalis*), лежащее позади порошицы. Рыбы вообще мечутъ икру, которую самецъ вспрыскиваетъ сѣменемъ; но есть и живородящіе, совокупающіеся представители.

Вообще весьма питательное, удобоваримое и, по обилію фосфора, подкрѣпляющее мясо рыбъ легко пріобрѣтаетъ токсическія свойства, вслѣдствіе появленія въ немъ органическихъ алкалоидовъ изъ группы птомаиновъ или трупныхъ ядовъ. Происходитъ ли „рыбный ядъ“ самостоятельными химическими процессами или же какъ продуктъ обмена веществъ бактерій—до сихъ поръ не выяснено ¹⁾. Присутствію лейкомаиновъ обязаны своею ядовитостью многіе представители костистыхъ рыбъ, по преимуществу въевропейскихъ странъ. Къ такимъ рыбамъ относятся: *ежерыбы*, *четырепзубцы* (*Diodon* и *Tetrodon*, рис. 304) и другіе представители подотряда Сростночелюстныхъ, продажа которыхъ на японскихъ базарахъ наказывается денежнымъ штрафомъ, далѣе: *адовитая сельдь* (*Meletta venenosa*), *Scarus*, *Pagellus* и др. *Реми* въ Токио, экспериментально изучавшій ядовитость разныхъ видовъ *Tetrodon*, пришелъ къ заключенію, что мясо ихъ безвредно и что лейкомаины скопляются лишь въ половыхъ железахъ, въ молокахъ и, въ особенности, въ яичникахъ, и при томъ по преимуществу въ періодъ размноженія, какъ продукты усиленной дѣятельности организма (см. выше стр. 68 и 179). Собаки, съѣвшія половыя железы этихъ рыбъ, только потому не всегда умираютъ, что освобождаются рвотой отъ проглоченнаго яда. Выприснутая подъ кожу водяная вытяжка изъ растертыхъ половыхъ железъ убиваетъ собаку въ нѣсколько минутъ. Очень возможно, что и для другихъ рыбъ, признанныхъ ядовитыми, съ томъ числѣмъ и для нѣкоторыхъ прѣсноводныхъ въ предѣлахъ Россіи, будетъ доказано скопленіе яда въ половыхъ органахъ. Извѣстно, что икра осетровыхъ, щуки и другихъ рыбъ, даже вполне свѣжая, вызываетъ иногда всѣ признаки

¹⁾ Ростовскіе рыбопромышленники утверждаютъ, что осетровая рыба, снятая съ крючка уже мертвою, хотя и свѣжею, ядовита. На самомъ дѣлѣ, въ долго бившейся и замученной до смерти рыбѣ могло бы скопиться особенно большое количество нормально вырабатываемыхъ животными ядовитыхъ органическихъ алкалоидовъ — лейкомаиновъ.

отравления. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать и возможности скопленія яда въ остальныхъ частяхъ тѣла. Такъ свѣжее мясо угря и другихъ представителей того же семейства (*Muraenidae*) иногда оказывается ядовитымъ; а 0,5 куб. см. кровяной сыворотки мурены было достаточно впрыснуть въ яремную вену собаки, чтобы убить ее черезъ 7 минутъ. Судя по этому, въ крови пятифунтоваго угря содержится количество яда, достаточное для убіенія шести человѣкъ. Обыденные симптомы отравленія рыбнымъ ядомъ черезъ желудокъ суть: рвота, поносъ, острые боли въ пищеварительномъ каналѣ, головокруженіе, полный упадокъ силъ, иногда сыпь. Смертельный исходъ—не рѣдкость.

Въ особую категорію заслуживаютъ быть поставлены рыбы съ ядоносными снарядами. Всѣ эти рыбы изъ отряда Костистыхъ. Особенно хорошо изученъ этотъ снарядъ у рода *Synanceia* (рис. 305), свойственнаго Тихому и Индѣйскому океанамъ. Передній отдѣлъ спинного плавника состоитъ тутъ изъ колючихъ лучей. Вдоль каждаго изъ нихъ проходятъ по двѣ глубокия бороздки, основной конецъ которыхъ находится въ сношеніи съ особымъ ядоноснымъ резервуаромъ. На каждый лучъ приходится по два резервуара продолговато-цилиндрической формы съ нитевиднымъ, спирально витымъ слѣпымъ наконечникомъ. Въ резервуаръ впадаетъ съ десятокъ мелкихъ ядовыдѣлительныхъ трубочекъ. При надавливаніи на резервуаръ его наконечникъ лопається и изъ него вытекаетъ капля яда. Синанцеи держатся близъ береговъ, на днѣ моря, цвѣту котораго подражаютъ. Рыболовы и купальщики наступаютъ на колючій плавникъ и причиняютъ себѣ отравленныя раны. Мѣстные жители боятся синанцей больше змѣй и скорпионовъ. Ея уколы сопровождаются сильною болью, которая слѣдуетъ ходу сосудовъ и простирается до груди; рана воспаляется и часто даетъ начало рожи-стому процессу и автонову огню. Смертные случаи достаточно засвидѣтельствованы. Нѣкоторыя другія рыбы имѣютъ вполне аналогичный ядоносный снарядъ. У обыкновеннаго рѣчного окуня (*Perca fluviatilis*) *Боттаромъ* описанъ зачаточный ядоносный аппаратъ, лежащій въ перепонкѣ между колючими лучами спинного плавника. *Морской ершъ* (*Cottus scorpius*), водящійся и въ Черномъ морѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ, имѣетъ на жаберныхъ крышкахъ шипы съ ядоносными каналами. *Trachinus* и *Thalassophryne* обладаютъ ядоносными шипами одновременно и въ спинномъ плавникѣ, и на жаберныхъ крышкахъ.

Отряды, на которые принято подраздѣлять классъ рыбъ, характеризуются нижеслѣдующимъ образомъ:

Ланцетовидныя рыбы съ голою кожей; безъ парныхъ плавниковъ, съ развитой спинной

*

струной, безъ черепа и позвонковъ, безъ головного мозга и сердца; кровь безцвѣтная.. *Безчерепная* (Acrania).

Червеобразная рыбы съ голою кожей, безъ парныхъ плавниковъ, съ развитой спинной струною, съ хрящевымъ черепомъ и другими хрящевыми частями скелета; жаберныя щели въ видѣ каналовъ съ мѣстными мѣшеччатыми расширениями; носовая полость непарная, ротъ безъ челюстей, представляетъ собою присоску; эктопаразитируютъ на другихъ рыбахъ; развитіе съ превращеніемъ ..... *Крулзоротыя* (Cyclostomi).

Хрящескелетныя рыбы, большею частью съ влакнистыми чешуйками; парныя плавники очень развиты; жабры скрыты въ глубокихъ щеляхъ, открывающихся на наружной поверхности тѣла; при сердцѣ мускулистый Conus arteriosus съ вѣсколыми рядами клапановъ; кишка со спиральной заслонкой; имѣется клоака..... *Хрящеплавниковыя* (Chondropterygii).

Хряще-или костноскелетныя рыбы съ эмальированной чешуей или костяными щитками; плавники съ fulcrum; жабры гребенчатыя, прикрытыя крышкой; имѣется Conus arteriosus съ рядами клапановъ; въ кишкѣ спиральная заслонка ..... *Твердочешуйныя* (Ganoidei).

Костескелетныя рыбы обыкновенно съ костяной чешуей, жабры гребенчатыя, прикрытыя крышкой; имѣется Bulbus arteriosus съ двумя клапанами; кишка безъ спиральной заслонки..... *Костистыя* (Teleostei).

Чешуйчатая рыбы, дышашія жабрами и легкими; спинная струна сохраняется; имѣется Conus arteriosus и спиральная заслонка *Двожадышашія* (Dipnoi).

Отрядъ 1. Безчерепная или Трубкасердечная (Acrania s. Lepto-cardii). Единственный представитель этого отряда *ланцетникъ* (Amphioxus lanceolatus, рис. 294—296)—рыбка длиною до 5 см., сильно сжатая съ боковъ, спереди и сзади ланцетовидно заостренная, бѣлаго цвѣта. Ланцетникъ не имѣетъ парныхъ плавниковъ, а лишь непарную плавниковую кайму, развитую только въ хвостовомъ отдѣлѣ, но и тамъ

лишенную плавниковыхъ лучей. Наружный, эпителиальный пластъ кожи состоитъ всего изъ одного слоя клѣточекъ, сквозь который ясно обрисовываются однообразные мускульные сегменты. Мѣсто позвоночника занимаетъ громадная, сравнительно съ величиною животнаго, спинная струна, тянущаяся во всю длину тѣла. Поверхъ ея расположена однообразная центральная нервная система, незамѣтно расширяющаяся въ головномъ концѣ. Здѣсь центральный каналъ образуетъ нѣчто въ родѣ мозгового желудочка и открывается отверстіемъ прямо въ воду. Пигментное, черноватое пятнышко въ стѣннкѣ этого мозгового желудочка—зачатокъ глаза. Воронкообразный входъ въ желудочекъ принимаютъ за органъ обонянія. Слуховыхъ органовъ не найдено.

Ротовое отверстіе обрамляется подковообразнымъ хрящикомъ, подпорою для усиковъ. Позади рта слѣдуетъ длинный, объемистый мѣшокъ, имѣющій около сотни парныхъ щелей. Это жаберная клѣтка (*br*), Ея щели въ молодомъ возрастѣ открываются на наружной поверхности тѣла, впоследствии же въ околожаберную полость (*cp*), такую же, какъ у асцидій. Околожаберная полость ближе къ заднему концу тѣла снабжена отверстіемъ (*Porus peribranchialis*, *P*), для отработавшей дыхательной воды. Упомянутая полость происходитъ изъ пары боковыхъ складокъ тѣла, впоследствии срастающихся въ вентральной линіи. Нижнежаберный желобокъ, такой же, какъ у асцидій, гомологъ средней части щитовидной железы вышнихъ позвоночныхъ, ведетъ въ собственно пищеварительную трубку. Ходъ этой трубки почти прямой. Начальный ея отдѣлъ продолжается въ слѣпой отростокъ—первобытную печень (*h*); отдѣлъ же концевой открывается сдвинутымъ вправо заднепроходнымъ отверстіемъ (*a*).

Кровеносная система (рис. 298) состоитъ изъ вентрального, венознаго (*v*) и дорсального артеріальнаго ствола (аорты *ao*), расположеннаго подъ спинной струной. Анастомозы между этими главными стволами залегаютъ въ жаберныхъ дугахъ. Настоящаго сердца вовсе не достаетъ, за него пульсируютъ: венозный сосудъ и его вѣтви, ведущія въ жабры (жаберныя артеріи).

Въ настоящей, значительно суженной полости тѣла берутъ начало короткія сегментальныя воронки и трубочки, оканчивающіяся въ околожаберную полость. Въ части полости тѣла, прилегающей къ жаберной клѣткѣ, образуются съ каждой стороны по ряду половыхъ, мужскихъ или женскихъ мѣшечковъ (*g*). Когда яйца или сѣмя созрѣли, мѣшечки лопаются и опоражниваютъ свое содержимое въ околожаберную полость, откуда оно извергается въ воду либо черезъ *porus branchialis*, либо черезъ ротъ.

Исторія развитія показываетъ свободно плавающую *gastrula* (рис. 11 на стр. 18) и дальнѣйшій метаморфозъ личинки, идущій въ общихъ чертахъ до того параллельно съ превращеніемъ асцидій, что рис. 182 на табл. VII можетъ служить и для иллюстраціи развитія ланцетника.

Amphioxus lanceolatus извѣстенъ какъ изъ Атлантическаго, такъ и изъ Индѣйскаго и Тихаго океана съ прилегающими къ нимъ морями. Въ предѣлахъ Россіи онъ найденъ въ Севастопольской бухтѣ. Рыбка предпочитаетъ тихіе заливы; держится на небольшой глубинѣ, зарывшись въ песокъ, изъ котораго выставляетъ лишь ротъ.

Отрядъ 2. Круглоротыя (Cyclostomi). Ограничиваемся ссылкой на краткую характеристику, приведенную выше въ обзорѣ отрядовъ, тѣмъ болѣе, что круглоротыя скорѣе всего должны считаться формами, выродившимися примѣнительно къ паразитическому образу жизни. Къ отряду относятся *миноги* (Petromyzon) и *миксины* (Muxine).

Отрядъ 3. Хрящеплавниковыя (Chondropterygii), иначе *Акуловыя* (Selachii) или *Поперечноротыя* (Plagiostomi). При значительномъ различіи между собою въ формѣ тѣла, всегда сохраняется удлиненіе рыла водорѣзкомъ и сопряженное съ нимъ смѣщеніе рта на нижнюю поверхность. Ротовая щель широкая, поперечная. Кожа по большей части заключаетъ въ себѣ костяныя тѣльца, на которыхъ сидятъ мелкіе эмальированные зубы (плакоидная чешуя, рис. 277, D). Иныя формы носятъ также костяныя бляхи большей величины или же, при плавникахъ, крѣпкіе шипы. Хвостъ съ выраженной вертикальною асимметрией. Внутренній скелетъ изъ хрящевой, но болѣе или менѣе омѣлѣвшей ткани. Позвоночникъ съ двояковогнутыми тѣлами. Челюсти усажены рядами постоянно смѣняющихся зубовъ. Грудные плавники достигаютъ большого развитія и играютъ существенную роль при плаваніи. Къ брюшнымъ плавникамъ прилегаютъ сзади еще пара лопастей, принимаемая за третью пару конечностей. Эти лопасти развиты хорошо лишь у самца и обладаютъ тутъ желобоватыми отростками, которые при совокупленіи складываются и функционируютъ какъ членъ. Въ шейной области большею частью 5, рѣже 6 или 7 жаберныхъ щелей, по типу, изображенному на рис. 291, B. У многихъ формъ имѣется еще пара дополнительныхъ, придвинутыхъ къ глазамъ жаберныхъ щелей—*брызгательныя отверстія* (*sp*).

Спиральная заслонка составляетъ неотъемлемую принадлежность тонкихъ кишекъ; плавательный пузырь встрѣчается лишь въ видѣ зачатка. Въ мускулистомъ *Conus arteriosus* сердца насчитывается отъ 2 до 5 рядовъ клапановъ. По развитію головного мозга акуловыя занимаютъ высшую ступень во всемъ классѣ.

Хрящеплавниковыя рыбы большею частью кладутъ яйца, облаченные въ роговую скорлупу; но у многихъ развитіе зародышей происходитъ въ маткѣ и дѣтеныши рождаются живыми. При этомъ у извѣстныхъ формъ имѣется настоящая беременность, сопряженная съ эндосмотическимъ обмѣномъ составныхъ частей крови плода и матери. Отличіе этой беременности отъ свойственной млекопитающимъ въ томъ, что въ образованіи дѣтскаго мѣста (послѣда, placenta) принимаетъ участіе не продолженіе мочевого пузыря (allantois), а желточный мѣшокъ.

1. *Настоящія акулы* (Squalides, рис. 300), веретенообразной формы, постепенно утончающейся къзади. Жаберныя щели сбоку. Величина акулъ отъ 1 до 50 футовъ и даже болѣе. Крупныя формы опасны для человѣка. Жесткое и жирное мясо акулъ употребляется въ пищу лишь низшимъ, бѣднымъ классомъ приморскихъ жителей. Разныя виды акулъ встрѣчаются почти во всѣхъ моряхъ.

2. *Скаты* (Rajides, рис. 298), формы сплющенной, округлой или ромбической. Глаза на верхней, пигментированной, жаберныя щели на нижней, бѣлой сторонѣ тѣла. Грудныя плавники тянутся широкой каймой отъ затылка до основанія хвоста и содержатъ весьма многочисленныя хрящевыя лучи. Челюсти либо какъ бы вымощены, либо усажены рядами коническихъ или пластинчатыхъ зубовъ. Скаты держатся по преимуществу на днѣ моря и питаются главнымъ образомъ ракообразными и миготѣлыми. Мясо употребляется въ пищу бѣдняками. Многие скаты обладаютъ электрическими органами разныхъ степеней развитія. Наибольшаго протяженія они достигаютъ у *инюсовъ* или *настоящихъ электрическихъ скатовъ* (*Torpedo marmorata*, *T. oculata* и др.). Здѣсь они образуютъ широкую массу (рис. 298, *o. e*), занимающую все пространство между головою съ жаберными щелями и весьма широкимъ основаніемъ грудного плавника. Они пронизываютъ тѣло во всю его толщину. Электрической органъ скатовъ состоитъ изъ шестигранныхъ призмъ, составленныхъ изъ особымъ образомъ перерожденныхъ мускульныхъ волоконъ. Призмы образуютъ нѣчто въ родѣ вольтовыхъ столбовъ. Онѣ сложены, какъ свертки монеть, изъ многочисленныхъ пластинокъ. Между пластинками расположены прослойки соединительной ткани, по которымъ идутъ нервныя вѣточки (рис. 299, *N*). Каждая пластинка состоитъ изъ трехъ слоевъ: нижняго (*ln*), образуемаго по преимуществу нервными окончаніями, средняго — электрической пластинки (*le*) и верхняго, студенистаго (*lg*). Электрической органъ получаетъ свои нервы изъ особой электрической лопасти продолговатаго мозга (рис. 298, *Le*) и лишь отчасти отъ *Nervus trigeminus*. Въ моментъ раздраженія нижняя сторона электрическихъ пластинокъ (*le*) является электроположи-

тельной, верхняя — электроотрицательной. Электрические разряды суть результаты волевого акта. Электрическими ударами гвусы обороняются и ошеломляют добычу.

Отрядъ 4. Твердочешуйная (Ganoidei). Некоторые существенные признаки сближают Твердочешуйныхъ съ Хрящеплавниковыми. Таковы: присутствіе спиральной кишечной заслопки и *Conus artemiosus* съ рядами клапановъ. Сходство можетъ усугубиться еще несимметричностью хвоста (гетероцерціей), эмальированными кожными затвердѣніями и хрящевымъ скелетомъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ разбираемый отрядъ по другимъ признакамъ рѣшительно примыкаетъ къ Костистымъ рыбамъ. Таковы прежде всего: устройство жаберъ, снабженныхъ крышкою, присутствіе плавательнаго пузыря и привратниковыхъ отростковъ (*appendices pyloricæ*). Особую дѣву систематики придаютъ такъ называемымъ *falca* твердочешуйныхъ. Это серіи костяныхъ шиповъ, сдвинутыхъ между собою черепицеобразно въ общій твердый шипъ, укрѣпляющій переднія края парныхъ или непарныхъ плавниковъ. Въ первобытномъ мірѣ, вопрѣвъ силлурійскій періодъ, существовали причудливыя твердочешуйныя съ броней изъ обширныхъ костяныхъ пластинокъ.

Осетровыя (Acipenseridae, рис. 301 и 302). Это семейство относится къ твердочешуйнымъ съ хрящевымъ скелетомъ. Ихъ позвоночникъ (рис. 301) весьма примитивнаго устройства. Въ составъ его входятъ нижнія (*ai*) и верхнія (*as*) дуги; послѣдніи дополняются остистыми отростками (*ps*). На мѣстѣ позвоночныхъ тѣлъ расположена зародышевая спинная струна (*ch*), сильно разросшаяся и приобретающая плотное влагалище. Черепная коробка хрящевая, окостенѣвшая лишь при основаніи, вообще же обложенная кожными покровными костями. Мелкіе зубы встрѣчаются лишь въ самомъ молодомъ возрастѣ, какъ указаніе на предковъ, обладавшихъ зубами. Гетероцерція очень выражена. Морда заострена водорѣзомъ. Ротъ отодвинутъ отъ конца морды далеко къзади, за линію глазъ и выступаетъ въ родѣ трубки. Спереди его расположены 4 усика. Кожа болѣе или менѣе густо усыяна костяными зернами и блишками, между которыми выдѣляются пять продольныхъ рядовъ пластинокъ: одинъ особенно развитой спинной и двѣ пары боковыхъ. Всѣ эти костяныя образованія лишены эмалеваго покрова. Почти всѣ осетровыя суть рыбы проходныя. Живя обыкновенно въ морѣ, онѣ ежегодно для метанія икры стаями поднимаются въ рѣки. Рыбешка уходитъ въ море до достиженія половой зрѣлости. Одва лишь старлядь форма исключительно прѣсноводная; но и она не размножается въ замкнутыхъ озерахъ, а для нерестованія обязательно переходитъ въ рѣки. Ловля „красной рыбы“ составляетъ предметъ обширнаго.

хищническаго промысла въ рѣкахъ черноморскаго и каспійскаго бассейновъ, главнымъ образомъ на Дону, Волгѣ, Уралѣ и Курѣ. — *Блуна* (*Acipenser huso*, рис. 302), наиболѣе крупный видъ, достигающій иногда длины свыше 2 сажень, съ короткимъ, заостреннымъ рыломъ и какъ бы голой кожей, *севрюга* (*A. stellatus*), *осетръ тмекскій* (*A. sturio*), *шипъ* (*A. schura*) и другіе виды. Не рѣдки также и помѣси основныхъ видовъ. Красная рыба поступаетъ въ торговлю въ свѣжемъ (замороженномъ и незамороженномъ) видѣ и вяленною (балыкъ); а цѣнными продуктами ея являются, далѣе: икра, вязига (т. е. засушенная спинная струна) и плавательный пузырь. Последний извѣстенъ въ фармакогнозии подъ названіемъ *рыбьяго клея* (*Colla piscium* s. *Ichthyocolia*). Пузыри только что выпотрошенныхъ рыбъ взрѣзываются, моются, вымачиваются въ водѣ и растягиваются на доскахъ. Послѣ нѣкоторой подсушки на солѣцѣ съ пузырей сдирается наружная оболочка; ошипенный же внутренній слой окончательно высушивается. Такимъ образомъ получается лучший сортъ или листовою рыбій клей. Низшіе его сорта, высушенные въ видѣ колецъ, лиры или пачками, наподобіе книжекъ, въ аптеки не допускаются. Хорошій рыбій клей содержитъ въ себѣ около 70 и болѣе процентовъ животнаго клея (плютина) и, при раствореніи въ горячей водѣ, оставляетъ не болѣе 3% волокнистой соединительной ткани. Врачебное употребленіе рыбьяго клея сводится къ приготовленію изъ него студня (*gelatina*) и англійскаго пластыря (*Emplastrum anglicum* s. *Sericum adhaesivum*). Онъ служитъ также иногда и для приготовленія гибкихъ капсулъ (*Capsulae gelatinosae*). Рыбій клей все болѣе и болѣе вытѣсняется изъ употребленія химически чистымъ клеємъ, вывариваемымъ изъ костей и кожныхъ, сухожильныхъ и другихъ обрѣзковъ домашнихъ животныхъ.

Отрядъ 5. Костистыя (*Teleostei*). Къ этому отряду относятся громадное большинство прѣсноводныхъ и морскихъ рыбъ. Онѣ обязаны своимъ названіемъ сильнымъ окостенѣніемъ скелета. Позвонки образуютъ цѣлыя кольца съ двояковогнутыми тѣлами, между которыми спинная струна сохраняется лишь четкообразными гнѣздами. Имѣются хорошо развитыя ребра и весьма часто окостенѣвшія нити въ *Ligamenta intermuscularia*. Первичный хрящевой черепъ сильно окостенѣваетъ и вытѣсняется множествомъ костей также и кожного происхожденія. Хвостъ съ симметричнымъ плавникомъ. Чешуя изъ тонкихъ, круглыхъ, цѣльнокрайнихъ или зубчатокрайнихъ пластинокъ (рис. 277, *A, B*). Лишь у немногихъ она замѣняется щитами или иглами. Узкія жаберныя дуги, въ числѣ не свыше четырехъ паръ, прикрыты, въ дополненіе къ жаберной крышкѣ, еще и хорошо развитой перепонкой съ ко-

стяжными лучами, которые сидят на подъязычной кости. Плавниковые лучи бывают двух родов: *мягкие* и *твердые*. Первые членистые, вѣтвистые и гибкіе, вторые же цѣльные и твердые. Сердце вмѣсто *Conus arteriosus* имѣетъ *Bulbus arteriosus*. Спиральной заслонки не бываетъ; *Appendices pyloricae* не очень распространены. Большею частью имѣется плавательный пузырь.

Систематическое подраздѣленіе костистыхъ рыбъ на подотряды основано на совокупности нѣсколькихъ признаковъ, а именно: имѣеть ли плавательный пузырь воздухоносный каналъ, или же не имѣеть, снабжены ли плавники мягкими или колючими лучами, расположены ли брюшные плавники на брюхѣ, на груди или же на горлѣ и пр.

Среди костистыхъ рыбъ нѣкоторыя, немногочисленныя, обладаютъ электрическими органами, зачаточными (нильскіе *Mormyrus*) или же хорошо развитыми (*Gymnotus*, *Malapterurus*). Изъ числа ихъ *электрическій угрь* (*Gymnotus electricus*, рис. 307), близкій къ семейству настоящихъ угрей, живетъ въ рѣкахъ и болотахъ южной Америки. Онъ достигаетъ до 6 ф. длины и своими электрическими ударами въ состояніи повалить даже такихъ крупныхъ животныхъ, какъ лошадь. Его электрическіе органы расположены во всей нижней половинѣ чрезвычайно длиннаго хвоста, стало быть, въ замѣнъ весьма мощной мускулатуры нашихъ рыбъ. Электрическіе столбики лежатъ тутъ горизонтально, а не вертикально, какъ у гнуса. Они получаютъ свыше 200 нервовъ изъ спинного мозга.—*Электрическій сомъ* (*Malapterurus electricus*, рис. 303) водится въ Нилѣ. Длина его доходитъ до 50 см. Электрическій органъ образуетъ почти непрерывный слой, облегающій туловище непосредственно подъ кожей и особенно развитый по бокамъ тѣла. Весьма странно, что всѣ электрическіе нервы столь обширнаго органа исходятъ изъ одной только пары чудовищно развитыхъ нервныхъ клѣтокъ, которыя расположены въ спинномъ мозгу близъ второй пары спинномозговыхъ нервовъ. Эти клѣточки продолжаютъ въ первичное нервное волокно, развѣтвляющееся на все необходимое громадное количество волоконцевъ.

Треска (*Gadus morrhua*, рис. 306), представитель подотряда Мягкоперыхъ и семейства Тресковыхъ, важнѣйшая изъ промысловыхъ рыбъ. Треска достигаетъ длины до 1,5 м. Цвѣтъ ея сверху сѣрый съ желтоватыми крапинами и бѣлой боковой линіей, снизу бѣловатый. На нижней челюсти усикъ. Брюшные плавники помѣщаются на горлѣ. Имѣются три спинныхъ и два заднепроходныхъ плавника. Треска водится по преимуществу въ сѣверной части Атлантическаго и въ Ледовитомъ океанѣ. Преслѣдуя стаи сельдей, она сама громадными мас-

сами приближается къ берегамъ Скандинавіи, Лабрадора, Ньюфаундленда. Многіе десятки тысячъ рыбаковъ, обладатели цѣлыхъ флотовъ кораблей и лодокъ, съ гигантскими снастями, кормятся исключительно тресковымъ промысломъ. Просоленная треска носитъ названіе лабардава, вяленая—штокфиша, просоленная и затѣмъ высушенная—клипфиша. Отъ трески пользуются далѣе малоцѣнной икрой, плавательнымъ пузыремъ, какъ рыбимъ клеемъ низкаго качества, тогда какъ отбросы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перерабатываются въ удобрительные туки. На крайнемъ сѣверѣ трескою, за недостаткомъ сѣна, прокармливаютъ коровъ, молоко которыхъ пріобрѣтаетъ отъ этого отвратительный рыбій вкусъ и запахъ. Важный въ медицинѣ продуктъ—*тресковый* или *рыбій жиръ* (*Oleum jecoris Aselli*). Онъ добывается изъ печени, освобожденной отъ желчнаго пузыря. Наивысшій сортъ получается изъ наиболѣе свѣжихъ, бѣловатыхъ печеней и выходитъ изъ нихъ самотекомъ, отъ взаимнаго давленія сложенныхъ въ бочку или чанъ печеней. Для ускоренія процесса, при добываніи сортовъ менѣе высокихъ, прибѣгаютъ къ прессу или къ слабому подогрѣванію въ сосудахъ съ двойными стѣнками для пропусканія теплой воды или пара. Лишь самый плохой, почти черный, недопускаемый въ аптеки жиръ вытапливается въ котлахъ, на голомъ огнѣ. Рыбій жиръ назначается врачами какъ питательное, діететическое средство, спеціально при золотухѣ, англійской болѣзни и хроническихъ страданіяхъ дыхательныхъ органовъ, сопровождаемыхъ упадкомъ питанія организма. Плохіе сорта тресковаго жира находятъ разнообразное примѣненіе въ техникѣ.

Отрядъ 6. Двооякодышущія (Dipnoi). По вѣншему облику эги животныя мало чѣмъ отличаются отъ типичныхъ рыбъ, покрыты чешуею, имѣютъ двѣ пары плавниковъ. Въ основѣ послѣднихъ лежитъ расчлененная скелетная ось съ членистыми же лучами, прилегающими къ ней либо съ одной, либо съ обѣихъ сторонъ. Нераздѣльная плавниковая кайма оторачиваетъ задній ковецъ тѣла, огибая стелющийся строго горизонтально хвостовой отдѣлъ позвоночника. Скелеть по преимуществу хрящевой, у *Lepidosiren* съ сохраненіемъ на всемъ протяженіи спинной струны, какъ у *Ganoidei*, съ которыми *Dipnoi* вообще въ наиболѣе близкомъ сродствѣ. Въ кишкѣ точно также заключается спиральная заслонка. При всемъ томъ разбираемая группа показываетъ переходные признаки къ земноводнымъ, признаки на столько существенные, что первый изъ изслѣдователей анатомическаго устройства отнесъ ее именно къ этому классу. Наши рыбы, на подобіе низшихъ земноводныхъ и личинокъ высшихъ, обладаютъ одновременно и жабрами и легкими. Къ жабрамъ, прикрытымъ небольшою жаберною крышкою, присоединяются (у *Protopterus*, рис 308) еще и три наружныхъ жаберныхъ пучка, подобныхъ столь распространеннымъ у постоянножаберныхъ земноводныхъ. Легкія нашихъ рыбъ—по всей вѣроятности преобразование плавательнаго пузыря—представляютъ изъ себя длинный, цѣлостный или перегородженный вдоль

мѣшокъ со складчатыми выступами на внутренней поверхности, рассчитанными на увеличение поверхности развѣтвленія легочныхъ кровеносныхъ сосудовъ. Короткій протокъ (дыхательное горло) этихъ легкихъ открывается на нижней поверхности глотки; сами же легочные мѣшки лежатъ въ дорсальной части полости тѣла, внѣ брюшины. Значеніе настоящихъ легкихъ этотъ преобразованный плавательный пузырь получаетъ благодаря тому, что къ нему приуроченъ особый, малый кругъ кровообращенія. Легкія получаютъ венозную кровь изъ сердца черезъ вѣтвь задней аортальной или жаберной дуги; окислившаяся же въ легкихъ кровь особыми венами возвращается въ сердце. Сообразно этому сердце двоякодышущихъ имѣетъ два предсердія и не полно перегороденный желудочекъ, какъ у земноводныхъ. Благодаря своимъ легкимъ, двоякодышущія могутъ выживать и въ водоемахъ съ испорченною водою, отъ времени до времени высовывать изъ нея морду и ноздри и вбирать атмосферный воздухъ. Послѣдній попадаетъ въ глотку и легкія черезъ заднія носовыя отверстія (хоаны), которыми остальные рыбы (при замкнутыхъ сзади носовыхъ мѣшкахъ) не обладаютъ. *Protopterus* (рис. 308) тропической Африки встрѣчается въ водоемахъ, пересыхающихъ въ знойное время года, и въ этотъ періодъ покоится, одержимый спячкой, въ засохшемъ илѣ, дыша легкими. Кромѣ названнаго, намъ извѣстны еще только два современныхъ представителя отряда: бразильскій *Lepidosiren* и новоголландскій *Ceratodus*. Послѣдній достигаетъ почти саженой длины. Первобытній міръ облюбовалъ двоякодышущими, составляющими, не смотря на высокое устройство органовъ дыханія и кровообращенія, весьма древнюю группу.

Кл. 2. Земноводныя (*Amphibia*).

Земноводныя сразу отличаются отъ рыбъ отсутствіемъ плавниковъ. Правда, въ личиновомъ періодѣ, а у нѣкоторыхъ и во всю жизнь, имѣется непарная, окаймляющая хребетъ и хвостъ плавниковая кожная складка; но въ ней не бываетъ какихъ-либо костяныхъ или хрящевыхъ лучей. Парные же плавники уступили свое мѣсто ногамъ, т. е. двигательнымъ аппаратамъ, пригоднымъ для ходьбы. Отличія этихъ конечностей отъ гомологичныхъ имъ плавниковъ заключаются въ уменьшеніи лучей до пяти (пальцевыхъ) и, главное, въ удлиненіи ихъ основной части въ систему сочленяющихся между собою костныхъ рычаговъ. Отдѣльныя звенья послѣднихъ носятъ названія плеча и бедра, предплечья и голени, кисти и ступни съ подраздѣленіями послѣднихъ на запястье и пятку, пясть и плюсну и, наконецъ, пальцы съ ихъ фалангами. Поясъ грудной пары конечностей впервые удалился отъ головы, поясъ же брюшной, у рыбъ весьма несовершенный, хорошо развитъ и, какъ подпора для главныхъ двигателей тѣла, вступилъ въ прочную связь съ однимъ изъ позвонковъ. Черепъ, отчасти еще хрящевой, соединяется съ позвоночникомъ настоящимъ сочлененіемъ, въ которомъ, какъ у млекопитающихъ, принимаютъ участіе два затылочныхъ мыщелка (*Condylī occipitales*).

Входъ въ пищеварительный каналъ образуется широкою пастью. Ея челюсти и небо носятъ обыкновенно мелкіе и слабыя зубы, пригодные лишь для удерживанія пищи. Короткій пищево́дь переходитъ въ желудокъ, нерѣдко очень слабо разграниченный. Выводная часть кишки раздута въ клоаку. Органы дыханія и кровообращенія по существу сходны съ описанными для Двоякодышущихъ рыбъ и представляютъ всѣ ступени приспособленія къ исключительно сухопутной жизни. Личинки (или зародыши) имѣютъ первоначально только жабры какъ наружныя, такъ и внутреннія. Легкія низшихъ, наиболѣе рыбообразныхъ представителей состоятъ изъ очень узкихъ, скорѣе трубокъ, нежели мѣшковъ и не имѣютъ никакихъ выступовъ для увеличенія поверхности газообмѣна. Хорошо развиты легкія только у формъ сухопутныхъ, но и здѣсь складки, выступающія въ ихъ просвѣтъ, образуютъ лишь очень грубыя камеры. При плохомъ развитіи легкихъ кожное дыханіе земноводныхъ преобладаетъ надъ легочнымъ, благо тонкая, влажная, сходная со слизистой оболочкою кожа удобна для диффузіи газовъ. Легкія земноводныхъ всегда парныя, лежащія подъ пищеварительнымъ аппаратомъ. Крайне короткое дыхательное горло у лягушекъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ гортанью—голосовымъ аппаратомъ и, для усиленія звуковъ, у самцовъ можетъ продолжаться въ пару голосовыхъ пузырь-резонаторовъ. Механизмъ легочного дыханія, при отсутствіи діафрагмы и реберъ, основанъ на глотаніи воздуха работою мускуловъ языка и брюха.—Въ періодъ исключительно жабернаго дыханія строеніе сердца и распредѣленіе главныхъ артеріальныхъ стволовъ совершенно такія же какъ у рыбъ (рис. 293). Позже, съ присоединеніемъ легочного дыханія, обособляется малый кругъ кровообращенія и первоначально простое предсердіе перегородивается на два, правое и лѣвое, изъ коихъ правое принимаетъ венную кровь, возвращающуюся изъ всего тѣла, а лѣвое артеріальную, притекающую легочными венами. Легочная артерія вѣтвь четвертой аортальной (жаберной) дуги, какъ у Двоякодышущихъ рыбъ (рис. 308). *Septum ventriculorum*, никогда не полное, принадлежность высшихъ формъ.—Мочеполовые органы остаются на ступени, соответствующей зародышамъ высшихъ позвоночныхъ животныхъ. Они оканчиваются въ клоаку.

Развитіе земноводныхъ вообще сопряжено съ превращеніемъ. Личинки, именуемыя спеціально у лягушекъ головастиками, рыбообразны, съ сильнымъ плавательнымъ хвостомъ. Ноги показываются сравнительно поздно. Метаморфоза упрощается у низшихъ, постоянножаберныхъ формъ, которыя и во взросломъ возрастѣ остаются—за исключеніемъ ногъ—рыбообразными. Свободная метаморфоза отпадаетъ и у

немногихъ высшихъ, живородящихъ представителей, вѣрнѣе, она здѣсь совершается еще въ маткѣ. Есть и такія исключительныя формы, у которыхъ молодь проходитъ личинковыя ступени въ яйцѣ и выдупляется готовыми лягушатами.

Земноводныя современной эпохи подраздѣляются на три отряда: Хвостатая, Безхвостая и Безногая.

Отрядъ 1. Хвостатая (Urodela s. Caudata). Ящерцеобразныя, съ хвостомъ и двумя парами равномѣрно развитыхъ конечностей, они могутъ считаться самою типичною группою всего класса. Къ тому же низшими своими представителями они примыкаютъ къ родоначальному классу, къ рыбамъ. Сообразно градаціямъ удаленія отъ рыбаго типа можно различать три группы или подотряда. 1) *Постоянножаберныя (Perennibranchiata)* навсегда сохраняютъ внутреннія жабры и три пары наружныхъ жаберныхъ пучка. Примѣры: *Menobranchus*, *Siren*, *Proteus* (рис. 309), слѣпой обитатель пещеръ Краины и Военной границы (см. стр. 24). 2) *Скрытножаберныя (Derotrema)*, безъ наружныхъ жаберныхъ пучковъ; но со щелью на каждой сторонѣ шеи. Примѣры: *Amphiuma*, *Менарота* и, какъ переходъ къ слѣдующей группѣ, лишенная шейной щели исполинская японская саламандра (*Cryptobranchus japonicus*). 3) *Саламандры (Salamandrina)*, безъ жаберной щели и безъ жаберъ. Сюда относятся *тритоны* или *уколы* (*Triton cristatus*, *T. taeniatus* и др.) нашихъ озеръ, рѣчекъ, прудовъ и болотъ. Они живутъ въ водѣ лишь первую половину лѣта, въ періодъ размноженія. Сюда же настоящія саламандры, какъ *саламандра пятнистая (Salamandra maculosa*, рис. 310). Этотъ видъ достигаетъ длины до 17 см., цвѣта чернаго съ яркооранжевыми пятнами. Водится въ западной Европѣ и западной же Россіи. Странное положеніе въ системѣ занимаетъ мексиканскій *аксолотль (Siredon pisciformis*, рис. 311), разводимый и въ Европѣ, въ акваріяхъ. Оставаясь обыкновенно въ теченіи многихъ поколѣній постоянножабернымъ существомъ, онъ даетъ изрѣдка индивидуумы, превращающіеся въ сухопутныхъ саламандръ (*Amblystoma*. См. стр. 24 и 31).

Отрядъ 2. Безхвостая или Лягушачьи (Anura s. Batrachia). Тѣло укороченное, безъ хвоста, обыкновенно съ удлинненными задними ногами. Изъ относящихся сюда семействъ *настоящія лягушки (Ranidae)* имѣютъ длинныя, прыгательныя заднія ноги съ плавательными перепонками. Челюсти съ мелкими зубами. Лягушки обладаютъ способностью быстро мѣнять свою окраску. *Лягушка водяная или съѣдобная (Rana esculenta)*, болѣе западная и южная форма европейскихъ лягушекъ. *Лягушка травяная или бурая (R. temporaria)*, во всей Европѣ, не исключая и сѣверной полосы. *Чесночница (Pelobates)*, похожая на

жаба, съ такою же бородавчатою кожей, но съ зубами въ верхней челюсти. *Жабы* (Bufonidae), неуклюжей формы, съ кожей бородавчатой, богатой железами, которыя по сторонамъ затылка скоплены въ значительные валики (parotides); челюсти беззубыя. Заднія ноги мало удлинены, почти непригодныя къ прыганію. Наиболѣе распространенные европейскіе виды: *жаба обыкновенная* (*Bufo vulgaris*) и *жаба зеленая* (*B. viridis*).

Для многихъ хвостатыхъ и безхвостыхъ амфибій доказана экспериментально ядовитость ихъ кожного выдѣленія. Въ большинствѣ случаевъ кожа съ характеромъ слизистой оболочки, влажная, и лишь у жабъ на ощупь довольно сухая. Ея поверхность бываетъ либо гладкая, либо бородавчатая. Кожа обилуетъ шарообразными или трубчатыми железами, выстланными однимъ слоемъ эпителиальныхъ клѣточекъ (рис. 312). Ихъ выдѣленіе служитъ для увлаженія кожи, а своимъ противнымъ запахомъ и ядовитостью для защиты животнаго отъ многихъ изъ преслѣдователей. Это млечно-мутноватая жидкость, быстро створаживающаяся на воздухѣ. Въ этой жидкости, полученной изъ кожи саламандры, открытъ особый, весьма сильно дѣйствующій алкалоидъ (саламандринъ *Зальсскаю*). Ядовитость саламандры на столько сильна, что горчаки (*Rhodeus amarus*), къ которымъ въ акваріи посадили саламандру, умерли черезъ нѣсколько часовъ отъ отравленія воды. лягушки, сидѣвшія въ бочкѣ вмѣстѣ съ саламандрами, издохли черезъ нѣсколько дней. Ядъ дѣйствуетъ энергично и на черепахъ. Птицы еще болѣе чувствительны даже къ небольшимъ количествамъ яда, впрыснутымъ подъ кожу: онѣ умираютъ въ конвульсіяхъ. При вскрытіи ихъ полукружные каналы оказывались всегда наполненными кровью. Нѣкоторыя млекопитающія (морская свинка, мышь) значительно противостоятъ яду; кроликъ болѣе воспримчивъ. Введеніемъ подъ кожу капли яда въ нѣсколько часовъ убиваются: лягушки, тритоны, жабы. Ядъ саламандры, равно какъ и всякаго другого ядовитаго земноводнаго—вопреки болѣе старому мнѣнію—дѣйствуетъ и на животныхъ того же самаго вида, но лишь при введеніи его подъ кожу въ большихъ дозахъ. Засушенный ядъ саламандры не утрачиваетъ своей силы и по прошествіи болѣе одного года. Изъ числа тритоновъ *Triton cristatus* наиболѣе ядовитый. Одинаковая доза яда тритона убиваетъ животныхъ даже быстрѣе яда саламандры. Физиологическое его дѣйствіе, впрочемъ, иное, обнаруживающееся по преимуществу на сердцѣ, біенія котораго останавливаются. Ядъ тритона дѣйствуетъ и черезъ кожу человѣка: достаточно подержать въ рукѣ нѣкоторое время такое животное для того, чтобы вызвать на кожѣ красноту и жжение. Если нѣсколько капель брызнуть въ глазъ

или носъ, то тотчасъ же чувствуется жестокое раздраженіе соединительной оболочки и невыносимое щекотаніе въ ноздрахъ; наступаетъ безпрестанное чиханіе; слизистая оболочка выдѣляетъ обильно; голосъ становится гнусливымъ. Эти признаки черезъ пять минутъ достигаютъ высшей своей степени. Они довольно быстро ослабѣваютъ при обильныхъ промываніяхъ струею воды. Лягушечій ядъ болѣе слабый, но тѣмъ не меніе и онъ вызываетъ раздраженіе на слизистыхъ оболочкахъ глазъ и носа. Зато ядъ жабы, при общемъ физиологическомъ сходствѣ съ ядомъ тритона, дѣйствуетъ еще быстрѣе и энергичнѣе его. Подкожные впрыскиванія его смертельны для улитокъ, пауковъ, насекомыхъ, рыбъ, земноводныхъ (саламандръ, тритоновъ, лягушекъ, самихъ жабъ), пресмыкающихся (ящерицъ, ужей, черепахъ), птицъ и млекопитающихъ. Такъ собака и морская свинка умираютъ въ теченіе отъ полчаса до полутора часовъ, мелкія птицы уже черезъ нѣсколько минутъ. Къ симптомамъ отравленія относятся: позывы ко рвотѣ или самая рвота, часто конвульсія. Смерть наступаетъ, какъ при ядѣ тритона, отъ паралича сердца. Нѣкоторыя змѣи, исполинская японская саламандра и др. безнаказанно поѣдаютъ жабъ. Собака, проглотившая цѣлую жабую кожу, не обнаруживаетъ никакихъ симптомовъ отравленія, вѣроятно, въ силу медленнаго всасыванія яда, успѣвающаго выдѣляться съ мочою раньше скопленія въ крови въ большихъ количествахъ. Лягушка, напротивъ того, поддается отравѣ и при введеніи яда въ желудокъ (аналогія съ дѣйствіемъ стрѣлового яда кураре).

Отрядъ 3. Безногія или Червяки (Apoda s. Gymnophiona). Червеобразная форма тѣла подавала поводъ къ отнесенію этой малочисленной группы къ змѣямъ, тогда какъ ея принадлежность къ амфибіямъ доказывается внутреннимъ строеніемъ и исторіей развитія. Зародышъ имѣетъ три прекрасныхъ пары наружныхъ жаберныхъ пучковъ въ дополненіе къ внутреннимъ жабрамъ. Послѣднія, равно какъ и соответственная шейная щель, сохраняются еще и у личинки. На основаніи этихъ и другихъ данныхъ разсматриваютъ червягъ какъ потомковъ постоянножаберныхъ хвостатыхъ, лишившихся ногъ и принявшихъ червеобразную форму примѣнительно къ образу жизни въ землѣ, на подобіе земляныхъ червей. Сродство безногихъ съ весьма древнею группою первобытнаго міра, съ заключенными въ костяную броню *Stegocerphala*, доказывается сохраненіемъ въ нихъ кожъ мелкихъ костяныхъ чешуекъ. Червяги водятся исключительно въ тропической Азіи и Америкѣ.

Кл. 3. Пресмыкающіяся (Vertilla).

Еще не такъ давно не дѣлали строгаго различія между Рептиліями и Амфибіями. Причисляя ихъ къ одному и тому же классу, говорили объ амфибіяхъ голыхъ и чешуйчатыхъ. Это оправдывалось вѣшнимъ сходствомъ саламандръ съ ящерицами, червягъ со змѣями и,

если угодно, лягушечьихъ съ черепахи. Принятое современными авторами строгое разграниченіе двухъ классовъ достаточно обосновано анатоміей и исторіей развитія. Земноводныя рѣшительно примыкають къ рыбамъ, пресмыкающіяся же къ теплокровнымъ животнымъ. Наравнѣ съ послѣдними они обладаютъ амніономъ и аллантоисомъ и никогда, ни въ зародышевомъ, ни въ послѣзародышевомъ періодѣ, не имѣють жаберъ; вообще же они предъявляютъ всѣ признаки животныхъ сухопутныхъ. Послѣднее справедливо и для тѣхъ формъ, которыя держатся по преимуществу въ водѣ (крокодилы, нѣкоторыя змѣи и черепахи).

Кожа пресмыкающихся, долженствующая противостоятъ иссушивающему вліянію воздуха, сильно ороговѣла, б. ч. съ образованіемъ чешуи или щитовъ. Она вообще безъ железъ. Таковыя наблюдаются только у нѣкоторыхъ формъ, и то лишь на опредѣленныхъ, ограниченныхъ мѣстахъ (у ящерицъ на бедрахъ). Крокодилы и въ особенности черепахи обладаютъ костяными кожными пластинками. Внутренній скелетъ можетъ быть названъ вполнѣ окостенѣвшимъ. Затылочная кость съ однимъ непарнымъ мыщелкомъ для сочлененія съ атлантомъ. Тазъ соединяется не съ однимъ, какъ у земноводныхъ, а съ двумя позвонками.

Тазъ какъ пресмыкающіяся даже временно не носятъ жаберъ, то ихъ зародышевыя висцеральныя (шейныя) щели заростають еще до вылупленія животнаго изъ яйца. При непроходимости кожи для газовъ процессъ дыханія возложенъ исключительно на легкія. Въ связи съ этимъ находится болѣе полное обособленіе двухъ половинъ сердца: венозной и артеріальной. Тѣмъ не менѣе полная, непродыравленная перегородка желудочковъ свойственна однимъ лишь крокодиламъ.

Головной мозгъ достигъ болѣе высокаго развитія, нежели у земноводныхъ. Шишковидный его придатокъ (*Epiphysis cerebri* s. *Conarium*) у многихъ ящеричныхъ продолжается въ непарный нервный стволъ, который ведетъ къ третьему, или темянному, глазу, лежащему подъ кожей, въ отверстіи черепа.

Мочеотдѣленіе производится настоящими, третичными почками (*Metanephros*), свойственными всѣмъ *Amniota*, въ противоположность вторичнымъ почкамъ (*Mesonephros* или Вольфовымъ тѣламъ) *Anamnia*. Всѣстѣ съ тѣмъ моча, сѣмя и яйца выводятся гомологами протоковъ, свойственныхъ млекопитающимъ и птицамъ.

Почти всѣ пресмыкающіяся кладуть яйца съ твердою известковою или мягкой, пергаментообразною скорлупой и, какъ у птицъ, содержатъ вокругъ желтковъ слой бѣлка. Яйце-живородащія формы составляютъ рѣдкія исключенія.

Отрядъ 1. Ящерицы (Saurii). Ящерицы должны считаться наиболее типичнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальнымъ отрядомъ класса. На тѣлѣ съ ясностью различаются: голова, шея, собственно туловище, хвостъ и двѣ пары конечностей. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ какъ подраздѣленіе тѣла на области, такъ равно и конечности могутъ быть утрачены; но въ такомъ случаѣ, въ отличіе отъ змѣй, оказываются зачатки плечевого и тазагового пояса, а также грудины. Половины нижней челюсти спереди срощены, чѣмъ ограничивается расширяемость ротовой щели. Ящерицы имѣютъ свободныя вѣки, барабанную полость и перепонку, коихъ у змѣй не полагается. Челюсти несутъ по ряду однообразныхъ зубовъ, присосшихъ у однѣхъ ящерицъ къ самому краю челюстей, а у другихъ, отступя отъ края, къ внутренней ихъ поверхности. Покровъ тѣла показываетъ роговую чешую и щитики.

Ящерицы питаются большею частью насекомыми, лишь нѣкоторыя также мелкими позвоночными животными. Отъ своихъ преслѣдователей, въ томъ числѣ и отъ чедовѣка, онѣ спасаются быстрымъ бѣгствомъ, ища убѣжище въ норкахъ, трещинахъ скалъ и проч. Многія пользуются защитною окраскою, иныя способностію, помощью подвижныхъ хроматофоръ, приспособляться по цвѣту къ окружающимъ предметамъ (хамелеоны и др.). Крупныя внѣевропейскія ящерицы больно кусаются; но, насколько извѣстно, только одна изъ нихъ ядовита, а именно:

Heloderma horridum (рис. 313). Это животное водится въ Мексикѣ и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и достигаетъ иногда длины свыше 1 метра. Тѣло покрыто буграми, плоская голова треугольными щитиками. Въ ея нижней челюсти весьма большая гроздевидная железистая масса, отъ которой исходятъ четыре протока. Они вѣдряются въ кость и здѣсь подраздѣляются на дальнѣйшіе протоки. Каждый изъ этихъ второстепенныхъ протоковъ оканчивается впереди одного изъ зубовъ. Ядовитое выдѣленіе железы при укушеніи попадаетъ въ рану тѣмъ удобнѣе, что вдоль передней поверхности зубовъ проходитъ по бороздкѣ. Отъ укушенія *Heloderma* погибаютъ не только мелкія животныя, но иногда и люди.

Мѣдьяница или *веретеница* (*Anguis fragilis*), водящаяся во всей Европѣ, и *желтопузь* или *желтобрюхъ* (*Pseudopus Pallasii*), встрѣчающійся въ Крыму и на Кавказѣ, двѣ безногія ящерицы, принимаемыя профанами за змѣй. Оба животныя вполне безвредны. Мѣдьяница длиною около 1 ф., желтопузь иногда съ полсажени.

Отрядъ 2. Змѣи (Ophidia s. Serpentes). На червеобразно удлиненномъ, безногомъ тѣлѣ отдѣльныя области скрадываются, причемъ гра-

ница между туловищемъ и хвостомъ узнается обыкновенно лишь по положенію клоакальной щели. Въ связи съ непомѣрнымъ удлиненіемъ тѣла находится чрезвычайное умноженіе позвонковъ (ихъ часто свыше 400). Свободныя пары реберъ присвоены позвоночнику на всею его протяженіи, за исключеніемъ лишь хвоста. Грудины никогда не бываетъ. Отсутствуютъ вообще конечности и ихъ пояса; лишь немногіе представители (змѣи-великаны) сохранили ничтожныя зачатки заднихъ конечностей. Вѣки какъ будто отсутствуютъ, что зависитъ отъ ихъ сращенія и стекловидной прозрачности. Половины нижнихъ челюстей (рис. 314) между собою не сращены, а соединены очень растяжимой связкой. Верхнечелюстная и небная кости подвижно соединены съ черепомъ. Благодаря этимъ условіямъ, въ связи съ нѣкоторыми другими остеологическими деталями, ротовая щель и пасть змѣи неимоვნю растяжимы и даютъ проходъ добычѣ, поперечный разрѣзъ которой далеко превосходитъ размѣры змѣиной головы. При актѣ глотанія существенное значеніе имѣютъ зубы. Коническіе, острые, закорюченные, они не даютъ добычѣ возможности выскользнуть изъ пасти. Змѣя надвигается на нее исподволь, поочередно высвобождая, подавая впередъ и вновь вонзая въ добычу правую и лѣвую половину челюстей.

Челюстная и небная кости усажены приросшими въ нихъ зубами. У неядовитыхъ змѣй зубы однообразныя и равномерныя; тогда какъ на верхнихъ челюстяхъ ядовитыхъ змѣй выдѣляются своею величиною ядовитыя зубы (рис. 314). Последніе бываютъ двухъ родовъ: *желобоватые* и *трубчатые*. Желобокъ первыхъ (рис. 315, *A, A'*) тянется по передней кривизнѣ зуба, начинаясь близъ его основанія и не доходя до его конца; каналецъ же вторыхъ (*B, B'*) ничто иное какъ такой-же желобокъ съ краями вполне сросшимися. Само собою разумѣется, что просвѣтъ канала не имѣетъ ничего общаго съ настоящею зубною полостью (*p*). При закрытомъ ртѣ ядоносныя зубы расположены приблизительно горизонтально; при раскрываніи же рта (рис. 314) они становятся отвѣсно, въ силу автоматическаго вращенія верхнечелюстныхъ костей (*m*) вокругъ горизонтальной оси. Подлѣ ядоносныхъ зубовъ всегда находится нѣкоторое число разновозрастныхъ резервныхъ (замѣстителей). У змѣй съ трубчатыми зубами послѣдніе сидятъ лишь въ числѣ одного развитого въ укороченныхъ, удобовращаемыхъ верхнихъ челюстяхъ (*Solenoglypha*). Желобоватые зубы встрѣчаются иногда въ большемъ числѣ, причемъ могутъ находиться или тоже совсѣмъ спереди (*Proteroglypha*) или же болѣе или менѣе далеко взади, позади большаго или меньшаго числа обыкновенныхъ (*Opisthoglypha*), ибо змѣи съ желобоватыми зубами обладаютъ болѣе или менѣе удлиненными верх-

*

ними челюстями. Наибольшаго протяженія эти кости достигаютъ у змѣй, имѣющихъ лишь обыкновенные зубы. Гроздевидно-перистая ядоносная железа (рис. 316) соотвѣтствуетъ не околоушной, какъ прежде думали, а верхнегубной слюнной железѣ высшихъ животныхъ. Она окружена волокнистой капсулой, прикрытой въ свою очередь жевательными мускулами, которые въ моментъ усиленнаго закрыванія рта выжимаютъ изъ железы каплю яда. Протокъ железы открывается на слизистой оболочкѣ при основаніи ядоноснаго зуба, желобокъ или каналецъ котораго служить для него хорошимъ проводникомъ въ ранку. Железа не сразу опоражнивается: змѣя можетъ смертельно жалить по нѣсколько и даже по много разъ сразу.

Ужи и многія другія неядовитыя змѣи обладаютъ точно также, хотя и мелкими, ядоносными железами, мало того, послѣ новѣйшихъ опытовъ *Журдена* стало вѣроятнымъ, что всѣ змѣи въ большей или меньшей степени ядовиты. Такъ *Журденъ*, при соблюденіи извѣстныхъ условій, подвергалъ ужаленію *Coelopeltis lasertina* мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, которыя довольно быстро издыхали. По отношенію къ человѣку эта змѣя совершенно невинна уже по той причинѣ, что ядоносные зубы расположены въ ея пасти слишкомъ глубоко.

Змѣиный ядъ—клейкая, прозрачная, обыкновенно безцвѣтная, но иногда и желтоватая или зеленоватая жидкость, причемъ даже у экземпляровъ одного и того же вида цвѣтовые оттѣнки яда могутъ варьировать. Запаха ядъ не имѣетъ. Реакція несмѣшаннаго со слюною яда кислая. Въ запаянныхъ волосныхъ трубочкахъ ядъ, свободный отъ микроорганизмовъ, сохраняется безъ измѣненія неопредѣленное время. Онъ не утрачиваетъ своихъ свойствъ и послѣ засушиванія,—фактъ хорошо извѣстный нѣкоторымъ дикарямъ Новаго и Стараго свѣта, пользующимся змѣинымъ ядомъ для отравленія стрѣлъ. Такъ какъ дѣйствующія начала яда, растворимыя въ водѣ, не растворимы въ алкогольѣ, а осаждаются имъ, то заспиртованные экземпляры змѣй сохраняютъ свою ядовитость неопредѣленное время, и неосторожное съ ними обращеніе бывало причиною отравленій. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ *Физам* и *Бертрана* надъ ядомъ гадюки, въ немъ содержится два ядовитыхъ бѣлковыхъ начала, изъ коихъ за однимъ оставлено ими болѣе старое названіе *эхидназы*, другое же названо ими *эхиднотоксиномъ*. Эхидназа вызываетъ лишь воспалительный мѣстный процессъ, тогда какъ эхиднотоксинъ сильнѣйшимъ образомъ возбуждаетъ нервную систему, нарушаетъ правильность дѣйствія сосудодвигательнаго аппарата и, въ болѣе сильныхъ дозахъ, причиняетъ смерть. Змѣиный ядъ скопляется не въ нервныхъ центрахъ, какъ прежде думали, а въ крови, которая дѣ-

лается настолько ядовитой, что *Фэре* (Fauger) удавалось убивать от трех до четырех животных того же вида, производя послѣдовательныя переливанія крови отъ одного къ другому. Быстрота всасыванія и дѣйствія змѣйнаго яда зависятъ отъ большаго или меньшаго обилія на мѣстѣ укушенія кровеносныхъ сосудовъ. Наимыстрѣйшія послѣдствія получаютъ въ случаѣ проникновенія ядоносныхъ зубовъ прямо въ вену. Большая энергія процессовъ кровообращенія и всасыванія—очевидная причина сильнѣйшаго дѣйствія яда на животныхъ теплокровныхъ сравнительно съ холоднокровными. Слизистыя оболочки всасываютъ ядъ вообще настолько медленно, что, по мѣрѣ всасыванія, онъ усиѣваетъ выдѣляться съ мочою. Желудочный сокъ не ослабляетъ, а скорѣе немного усиливаетъ крѣпость яда. Изъязвленіе или пораненіе слизистой оболочки полости рта и кишечника можетъ такимъ образомъ повести къ зараженію; а потому высасываніе ранки, нанесенной сильно ядовитыми змѣями, не совѣмъ безопасно. Извѣстенъ случай смерти грудного ребенка, мать котораго была укушена змѣей. Тѣмъ не менѣе въ общемъ, при условіи цѣлости слизистыхъ оболочекъ, введеніе яда въ пищеварительный каналъ, хотя бы употребленіемъ въ пищу животныхъ, убитыхъ отравленными стрѣлами или ужаленныхъ змѣею, должно считаться безопаснымъ.—Отравленіе змѣинымъ ядомъ получило названіе *эхиднизма*. Степень и исходъ заболѣванія находятся въ зависимости отъ возраста, величины, пола и рассы укушеннаго. На нѣкоторыхъ животныхъ ядъ мало или вовсе не дѣйствуетъ. Такъ ежъ большею частью благополучно переноситъ укушенія гадюки, свинья—очковой змѣи. Собаки, укушенные очковой змѣей, часто выздоравливаютъ; кошки же почти никогда не умираютъ. Наивысшею степенью невоспримчивости къ яду обладаютъ змѣи, въ особенности ядовитыя; но и неядовитыя переносятъ укушеніе ядовитыхъ. *Физали* и *Бертранъ* показали, что прививкою яда, ослабленнаго подогрѣваніемъ, морскія свинки мало-помалу дѣлаются невоспримчивыми къ гадючьему яду: въ ихъ крови вырабатывается какое-то противоядіе; ибо кровяная сыворотка такихъ иммунизированныхъ свинокъ, будучи привита непочатымъ свинкамъ, дѣлала и ихъ невоспримчивыми къ впрыскиваніямъ даже значительныхъ дозъ гадючяго яда. Отсюда проистекаетъ возможность выработки прививочнаго метода лѣченія индивидуумовъ, укушенныхъ змѣями.—Рекомендовавшіяся для лѣченія змѣиныхъ укушеній углекислыя щелочи и аміакъ никакого дѣйствія на ядъ не оказываютъ. Нѣкоторое замедленіе дѣйствія яда достигается однопроцентнымъ растворомъ *Kali hypermanganicis*. Рекомендуется также инъекція на границѣ опухоли 1% раствора хромовой кислоты. Раціональнѣйшимъ средствомъ является немедлен-

ная тугая перевязка конечности выше мѣста ужаленія, ради замедленнаго всасыванія яда, съ которымъ могло бы итти въ шагъ его выдѣленіе мочею и потомъ.—Въ О. Индіи ежегодно умираетъ отъ укушенія змѣй круглымъ счетомъ по 20,000 чел.

Раздвоенный на концѣ, длинный, втяжимый въ особое влагалище языка, „жало“ простонародья, служитъ органомъ осязанія. Внутренности змѣй, примѣнительно къ формѣ тѣла, весьма удлинены, что особенно рѣзко бросается въ глаза на печени и лѣвомъ легкомъ. Правое легкое, примѣнительно къ тѣснотѣ полости тѣла, болѣе или менѣе недоразвито. Мочевого пузыря недостаетъ. Нѣтъ барабанной полости, барабанной перепонки и евстахіевой трубы.

Значительная часть характерныхъ для отряда признаковъ скрадывается въ группѣ *Смѣшанной* (Typhlopidae). Это мелкія змѣи съ узкою, не расширяющеюся ротовою щелью, безъ или только съ короткимъ хвостомъ, съ зачатками заднихъ конечностей. Живутъ эти змѣйки въ землѣ или подъ камнями, на подобіе червей, и питаются насѣкомыми.

1. *Ужъ обыкновенный* (Coluber s. Tropidonotus natrix, рис. 317), весьма обыкновенная и широко распространенная европейская змѣя, длиною иногда свыше 1,5 м. Верхъ голубовато-сѣрый съ двумя рядами темныхъ пятенъ вдоль спины. Особенно характерный признакъ составляютъ два большихъ полудлунныхъ пятна за висками, у самки бѣловатыхъ, у самца желтыхъ или желто-оранжевыхъ. Ужъ охотно откладываетъ мягкія, съ пергаментной скорлупой яйца кучами въ мѣрки, на навозъ. Онъ не кусается, безвреденъ и заслуживаетъ пощадъ какъ истребитель мышей.

2. *Мѣдьянка гладкая* (C. s. Coronella laevis), въ западной Европѣ и болѣе теплой полосѣ европейской Россіи. Длина обыкновенно до 60 см., много до 1 м. Основной цвѣтъ спинной стороны обыкновенно бурый; рисунокъ состоитъ изъ болѣе темныхъ пятенъ: одного большого на затылкѣ и двухъ продольныхъ рядовъ по спинѣ. Особенно характерна гладкая, лоснящаяся чешуя. Этотъ видъ столь же безвреденъ, какъ ужъ обыкновенный.

3. *Гадюка* или *Козулька* (Vipera v. Peliás bergus, рис. 318), обыкновенно сѣраго цвѣта съ чернымъ зигзагомъ вдоль спины и такими же пятнами по бокамъ. Гадюка водится во всей Европѣ, на сѣверѣ до Бѣлаго моря. На нашемъ сѣверѣ это единственный видъ змѣй. Въ предѣлахъ Россіи гадюка распространена еще въ Сибири, центрально-азиатскихъ владѣніяхъ и на Кавказѣ. Длина гадюки достигаетъ не рѣдко 60 см. Въ южной Россіи, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Европы, встрѣчается черная разновидность гадюки (V. prester). На

сѣверѣ умаленія гадюки менѣе опасны. Взрослые люди отъ нихъ рѣдко умирають, дѣти же довольно часто.

4. *Очковые змѣи* (*Naja tripudians*, *N. haje* и др., рис. 319). Онѣ могутъ расширять свою шею, раздвигая помощью особенно сильныхъ мускуловъ удлиненныя ребра этой области. При этомъ у *N. tripudians* выступаетъ темный рисунокъ, похожій на пенсне. Разные виды очковыхъ змѣй свойственны жаркому поясу всѣхъ странъ свѣта; причемъ наибольшую извѣстность пользуются остиндскіе и сѣверо-африканскіе виды. Несмотря на свою страшную ядовитость, они дрессируются фокусниками, которые при этомъ далеко не всегда выламываютъ имъ ядовитые зубы.

5. *Гремучники* (*Crotalus durissus*, *C. horridus* и др.) относятся исключительно къ американской фаунѣ. По ядовитости соперничаютъ съ очковыми змѣями. Приближеніе ихъ оповѣщается шелестомъ членистаго, рогового наконечника на хвостѣ (рис. 320).

Отрядъ 3. Черепахи (*Chelonia*), аномальная группа, давно отдѣлившаяся отъ ящерицъ. Тѣло укоротилось, расширилось, облеклось броней изъ спинного и брюшного костяныхъ щитовъ, покрытыхъ еще роговыми пластинками. Зубы исчезли и замѣнились роговымъ клювомъ, наподобіе птичьяго. Въ частности форма тѣла, большая или меньшая выгнутость спинного щита и устройство ногъ измѣняются въ связи съ образомъ жизни черепахъ: на сушѣ, попеременно на сушѣ и въ водѣ или же почти исключительно въ водѣ.

Отрядъ 4. Крокодилы (*Crocodylia*). По внешнему виду они весьма сходны съ ящерицами, отъ которыхъ отличаются большимъ совершенствомъ въ устройствѣ мозговыхъ центровъ, вкоченными зубами, наиболее полнымъ обособленіемъ отдѣловъ сердца. Кожа крокодиловъ покрыта роговыми щитками, а въ глубокоемъ своемъ слое содержитъ костяные щитки. Сжатый съ боковъ, веслообразный хвостъ и болѣе или менѣе развитыя плавательныя перепонки изобличаютъ въ крокодилахъ животныхъ водяныхъ по преимуществу.

Кл. 4. Птицы (*Aves*).

Кожа этихъ теплокровныхъ животныхъ отчасти, особенно на заднихъ конечностяхъ, обложена такими же роговыми чешуйками и щитками, какъ у пресмыкающихся. Вообще же кожа птицъ тонка. Наружный пластъ рогового ея слоя не облѣзаетъ періодически цѣликомъ; а постоянно слущивается перхотью. Тонина кожи оправдывается существованіемъ поверхъ ея плотнаго защитнаго пласта изъ перьевъ. Птицы одарены объемистой надхвостной сальной железой (*Gl. uropygii*), изъ наконечника которой онѣ выжимають клювомъ сало для смазки перьевъ. На всемъ остальномъ протяженіи кожа безжелезистая.

Столь характерны для птиц перья суть осложненные чешуи. Они точно также развиваются из кожного сосочка, только сосочекъ этотъ первоначально утопаетъ въ глубь кожи и затѣмъ вновь выдвигается, одновременно осложняясь вѣтвями. Различаютъ пухъ и собственно перья. *Пухъ* (рис. 321) состоитъ изъ короткаго стволика съ вѣнчикомъ мягкихъ, не сдѣпляющихся между собою вѣточекъ. Одно-стороннимъ удлинениемъ верхушки пуховинка преобразовывается въ *перо*. На перѣ имѣются: *очинь* (*c*), соответствующій стволику пуховины, *стержень* (*r*), т. е. одностороннее удлинение очина, и *опала* (*v*). Последнее представляетъ собою крайне растянутый вѣнчикъ пуховины съ вѣточками, твердыми, пластинчатыми и сдѣпляющимися между собою крючечками. Какъ болѣе рѣдка форма встрѣчаются, напр. у куръ подъ хвостомъ, перья о двухъ стержняхъ, большемъ и меньшемъ. Такія двойныя перья происходятъ вслѣдствіе двусторонняго разращенія верхушки пуховинки. Молодыя птицы, а часто уже зародыши, обладаютъ только пухомъ. Покровныя перья позднѣйшаго происхожденія. Они располагаются не сплошь, а лишь на опредѣленныхъ полянахъ и дорожкахъ, форма которыхъ весьма характерна для разнородныхъ птицъ (рис. 322). Большія перья крыльевъ называются *маховыми* (*remiges*), хвоста—*рулевыми* (*rectrices*). Число тѣхъ и другихъ для разныхъ видовъ нормировано.

Приспособленіе птицъ къ полету, въ связи съ раздѣленіемъ физиологическаго труда между конечностями, сказывается очень рѣзко на устройствѣ скелета (рис. 223). Позвонки собственно туловища болѣе или менѣе срастаются между собою и съ сильно удлинненнымъ впередъ тазомъ, давая крѣпкую и устойчивую основу конечностямъ. Хвостъ, какъ основа вѣрообразнаго руля изъ перьевъ, коротокъ. Онъ состоитъ изъ немногихъ свободныхъ основныхъ позвонковъ и серіи концевыхъ, сросшихся въ пластинчатое *os sacrum*. За неподвижность туловищныхъ позвонковъ птицы вознаграждаются длинной, гибкой шеей о 9—24 позвонкахъ, соединенныхъ своими тѣлами помощью настоящихъ, сѣдообразныхъ сочлененій. На заднихъ краяхъ реберъ на отростку, надвинутому на слѣдующее, смежное ребро. Реберныя хрящи окостенѣвшіе. Грудина (*s*) представляетъ весьма обширную пластинку, на которой возвышается гребень или киль (*Crista sterni s. Carina*), приспособленіе, увеличивающее поперечное сѣченіе главнѣйшихъ летательныхъ мускуловъ (*mm. pectoralis major et minor*). *Condylus occipitalis* черепа непарный, какъ у пресмыкающихся. Почти всѣ кости черепа срастаются между собою еще въ птенцовомъ возрастѣ. Самостоятельная *квадратная кость*, какъ у пресмыкающихся, образуетъ промежуточное звено между ниж-

нею челюстью и собственно черепомъ. Имѣется точно также лишь одна слуховая косточка (*Colimella*).—Плечевой поясъ состоитъ: изъ очень длинной, узкой, въ видѣ косы, лопатки (*sc*), расположенной дорсально, изъ пары настоящихъ ключицъ (*cl*), не сочленяющихся съ грудною, а срастающихся между собою въ *дужку* (*Furcula*) и, наконецъ, изъ пары очень развитыхъ *ossa coracoidea* (*co*), сочленяющихся съ грудною. Вслѣдствіе сліянія со смежными костями, въ запястьѣ (*c*) остаются только двѣ самостоятельныя косточки. Въ кисти всего только три пальца (*I, II, III*). Ихъ пастыни кости (*mc*) срослены между собою. Пальцы *II* и *III* срастаются между собою и основными фалангами. Число пальцевыхъ члениковъ низведено до одного, много двухъ. Для заднихъ конечностей нормальное число пальцевъ 4. Обыкновенно одинъ изъ нихъ направленъ назадъ, остальные же три впередъ. Задній (или *I*) палецъ о 2 членикахъ, медиальный (*II*) о 3, средній (*III*) о 4 и латеральный (*IV*) о 5 членикахъ. Птицы опираются въ землю только фалангами, тогда какъ плюсевыя кости, сросшіяся между собою въ общую кость (*mt*), стоятъ отвѣсно. Въ приподнятой отъ земли пяткѣ мы не находимъ мелкихъ костей, т. е. еще въ зародышевомъ періодѣ верхній ихъ рядъ сливается съ голенными, а нижній съ плюсевыми костями. Зубовъ птицы не имѣютъ; ихъ челюсти, подобно черепашьимъ, одѣты роговыми башмаками съ рѣжущими краями.—Скелетъ птицъ пневматиченъ. Въмѣсто костнаго мозга и губчататаго вещества кости содержатъ воздухъ. У лучшихъ летуновъ, каковы альбатросы, всѣ кости пневматичны, за исключеніемъ лишь лопатки, скуловой кости и пальцевыхъ члениковъ; у вовсе не летающихъ страусовъ пневматичны по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ костей черепа. Пневматичностью достигаются: уменьшеніе абсолютнаго и удѣльнаго вѣса тѣла, а также нѣкоторое усиленіе газообмѣна крови. Лишь немногія изъ воздухоносныхъ костныхъ полостей, подобно синусамъ нашихъ *Ossa maxillaria, frontale, sphaenoideum*, находятся въ связи съ носовыми полостями (или отчасти сообщаются и со слуховымъ проходомъ). Большая же часть пневматичныхъ костей выполнена отростками большихъ пузырей или мѣшковъ, въ которые еще въ зародышевой жизни разрастаются концы опредѣленныхъ бронховъ. Такихъ крупныхъ мѣшковъ (рис. 324) нѣсколько паръ, причемъ заднія распространяются по всей полости тѣла.

Легкія птицъ (рис. 324 и 286, *p*) составляютъ весьма рыхлую, не столь плотную губчатую массу, какъ у млекопитающихъ. Гортань птицъ не развита. Ее функціонально замѣняетъ т. наз. *нижняя гортань* (*s*), преобразованное въ голосовой аппаратъ вмѣсто вѣтвленія дыхательнаго горла на два бронха. Тутъ помѣщаются голосовыя связки,

а также мускульный аппарат, весьма сложный у пѣвчихъ птицъ.— Обособленіе большого и малаго круга кровообращенія, подраздѣленіе сердца (*c*) на четыре отдѣла и устраненіе смѣшенія венозной крови съ артеріальной у птицъ на столько же полныя, какъ у млекопитающихъ. Изъ двухъ аортальныхъ дугъ зародыша— вмѣсто обихъ, какъ это имѣеть мѣсто у пресмыкающихся,—развивается одна лишь *правая*.

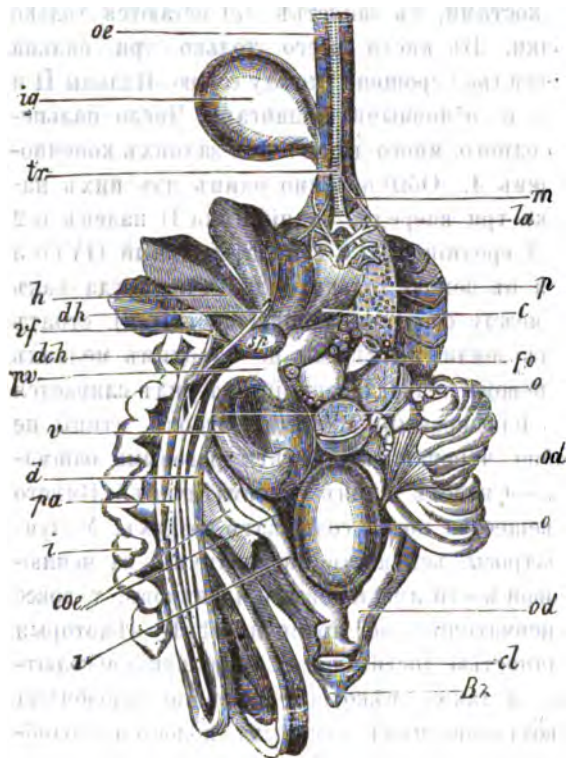

Рис. 236. Внутренности курицы. *Вг*—хвостецъ; *c*—сердце; *dch*—желчный протокъ; *cl*—клоака; *coe*—слѣпая кишка; *d*—протокъ поджелудочной железы; *fo*—желтцный яйцевой фолликулъ; *h*—печень; *i*—кишки; *ig*—зобъ; *la*—ниж. гортань; *m*—мускулы; *o*—яичникъ; *o'*—яйцо; *od*—oviductъ; *oe*—пищеводъ; *p*—панкреасъ; *ra*—поджелудочная железа; *rv*—желѣзистый желудокъ; *r*—толстая кишка; *tr*—дыхательное горло; *v*—муск. желудокъ; *vf*—желчный пузырь.

да тонкихъ кишекъ (*i*) въ очень короткую *толстую* кишку (*r*) насажены двѣ слѣпые кишки (*coe*). Печень съ желчными пузырями (*h, vf*), поджелудочная железа (*pa*) и селезенка хорошо развиты.

Птицы имѣють клоаку (*cl*), въ которую кромѣ толстой кишки открываются съ дорсальной стороны: непарный слѣпой мѣшокъ (*Bursa Fabricii*), парные мочеточники и половые пути. Сѣмяпроводы тоже парные, сообразно парности сѣмянниковъ; женскій же выводной путь

Пищеводъ (*oe*) образуетъ мѣстное расширение— *зобъ* (*Ingluvies, ig*). Последний составляетъ то простой резервуаръ для избытка пищи, не умѣщающагося въ желудокъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ аппаратъ для размачиванія и нѣкоторой химической подготовки пищи. Въ последнемъ случаѣ его стѣнки заключаютъ въ себѣ соответственные железы. У голубей этими железами въ периодъ размноженія выделяется творожистое бѣловое вещество, которымъ родители кормятъ птенцовъ. Желудковъ описывается два: первый—*желѣзистый* (*rv*), выделяющій железами своихъ стѣнокъ желудочный сокъ, и второй—*мускульный*, для растиранія пищи. На мѣстѣ перехода

почти всегда непарный. Правый яичникъ, а вмѣстѣ съ нимъ и правый яйцепроводъ (Мюллеровъ каналъ), еще въ зародышевой жизни весьма рано отстаютъ въ ростѣ и исчезаютъ. Остающійся яичникъ (*o*) становится гроздевиднымъ, вълѣдствіе выступающихъ на немъ разновозрастныхъ, сильно „отѣвшихся“ яйцевыхъ клѣточекъ, т. е. желтковъ. При выдѣленіи яицъ окружающій ихъ фолликулъ лопается и превращается въ т. наз. *calix* (*fo*). Освободившійся желтокъ попадаетъ въ раструбъ яйцевода (*od*) и медленными сокращеніями послѣдняго передвигается къ выходу. Въ это время желтокъ обволакивается слизистымъ бѣлковымъ веществомъ (бѣлкомъ), продуктомъ выдѣленія железокъ, заложенныхъ въ толщю стѣнокъ яйцевода. Благодаря спиральному ходу складокъ на слизистой оболочкѣ яйцевода, желтокъ подвигается, вращаясь вокругъ продольной оси. Этимъ объясняется наматываніе на него бѣлковаго студня (*a*) слоями и скручиваніе этого студня на оси яйца въ шнурки, т. наз. *радужки* (*chalazae*, рис. 325, *ch*). На дальнѣйшемъ протяженіи яйцевода его железки выдѣляютъ уже не бѣлокъ, а известковую жидкость, дающую поверхъ яйца сначала скорлуповую пленку (*mi*), а затѣмъ, въ расширенномъ выходномъ концѣ яйцевода, т. е. въ маткѣ (рис. 286, *e*), гдѣ яйцо дольше всего задерживается, и самую скорлупу (*t*). На поверхности желтка замѣчается бѣлый кружокъ—*наседъ* (*dp*). Въ яйцахъ оплодотворенныхъ (оплодотвореніе происходитъ еще въ яичникѣ или въ верховьяхъ яйцевода) *наседъ* составляетъ въ сущности молодой зародышъ, т. е. въ немъ уже различаются зародышевые листки. Послѣ отложенія яицъ, благодаря низкой внѣшней температурѣ, дальнѣйшее зародышевое развитіе приостанавливается, при условіи сохраненія яйца въ свѣжести, на долгое время, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ благоприятной температуры, даваемой *наседкой* или инкубаторомъ.

Степень развитія головного мозга птицъ гармонируетъ съ ихъ высокими умственными способностями. Большія полушарія (рис. 326, *h*) по объему значительно преобладаютъ надъ среднимъ мозгомъ (*cq*) и на него надвинуты. Сильно развитъ и мозжечекъ (*e*). Между нимъ и большими полушаріями выступаетъ верхній мозговой придатокъ (*Eriphysis cerebri*, *ep*), подходя къ твердой мозговой оболочкѣ—указаніе на еще не столь давнее исчезновеніе третьяго глаза. Центральный спинномозговой каналъ въ крестцовой области расширяется въ обширный мозговой желудочекъ. Органы чувствъ высоко организованные.

¹⁾ Мужской совокупительный органъ, въ видѣ могучаго выпячиванія изъ клоаки члена, свойственъ лишь страусамъ, лебедямъ, гусямъ, уткамъ.

Птицы выдупляются изъ яйца еще неспособными къ полету. При этомъ многія—такъ наз. *тупицы*,—не могутъ ни ходить, ни стоять и имѣютъ еще голую кожу. Эти птицы требуютъ тепловой защиты и кормленія веществами, собираемыми для нихъ родителями. Другія птицы, т. наз. *выводковыя*, напротивъ того, рождаются болѣе зрѣлыми, уже покрытыми пухомъ, готовыми тотчасъ слѣдовать за своими родителями и сами подбирать кормъ.

Современныя птицы связаны съ родоначальными для нихъ ящерицами ископаемыми формами, жившими въ Юрскій и Мѣловой періоды. Нѣкоторыя изъ нихъ стояли ближе къ ящерицамъ, другія, напротивъ того, примыкали непосредственно къ птицамъ, хотя обладали еще зубами (рис. 327, А). Сюда относятся прежде всего *Archaeopteryx lithographica* изъ литографическаго шифера Золенгофена (Баварія), съ длиннымъ ящерицеобразнымъ, но опереннымъ хвостомъ, съ тремя свободными, вооруженными когтями пальцами крыльевъ (В). Ископаемыя зубастыя птицы Сѣверной Америки обладали болѣе или менѣе укороченнымъ хвостомъ и передними конечностями приблизительно такими же, какъ у современныхъ птицъ.

Современныхъ птицъ принято подраздѣлять на два подкласса: *Плотовыя* и *Килевыя*. Подклассъ Плотовыхъ (*Ratitae*), совпадающій съ отрядомъ *Имаюшихъ* (*Cursores*), характеризуется грудною плоскою, подобно плоту, лишенною кля. Сюда: страусы, вауары, эмпы, все птицы съ зачатками переднихъ конечностей и при отсутствіи рулевой функціи хвостовыхъ перьевъ, не слившимися послѣдними хвостовыми позвонками. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что эти особенности вторичнаго происхожденія и *Ratitae* ведутъ свой родъ отъ летавшихъ предковъ. Килевыя или гребнегрудинныя птицы почти безъ исключенія имѣютъ хорошо развитую *Crista sterni*, полный плечевой поясъ и хорошо развитыя крылья. (Послѣднія только у чистиковъ служатъ не воздушными, а водяными веслами). Къ килевымъ птицамъ причисляются нижеслѣдующіе весьма дурно разграниченныя, болѣе или менѣе условныя отряды: *Куриныя* (*Gallinaei* s. *Rasores*), *Голубиныя* (*Columbinae*), *Голенастыя* (*Grallatores*: аисты, цапли, бекасы и пр.), *Плавающія* (*Natatores*: чайки, утки, чистики, пингвины и пр.), *Лазящія* (*Scaptores*: дятлы, кукушки, попуган и пр.), *Воробьиныя* (*Passeres*: воробьи, жаворонки, славки, вороны, ласточки и пр.) и *Хищныя* (*Raptatores*: соколы, орлы, совы).

Отрядъ Куриныя или *Скребущія* (*Gallinaei* s. *Rasores*). Ихъ клювъ короткій, но вѣркій, на концѣ нѣсколько загнутый; ноги сильныя, съ небольшимъ, приподнятымъ отъ земли заднимъ пальцемъ; когти короткіе, слегка загнутые. Крылья короткія, закругленныя, свидѣтельствующія о плохомъ, тяжеломъ и шумномъ полетѣ. Куриныя отыскиваютъ кормъ на землѣ и въ землѣ, которую для этого разгребаютъ лапами. Большинство куриныхъ живетъ въ полигаміи, причемъ самецъ бываетъ гораздо красивѣе самки, носитъ удлиненныя хвостовыя или надхвостныя перья,

особенно развиты кожные лопасти съ пещеристыми тѣлами, шпоры. Самки устраниваютъ на землѣ самыя незатѣйливыя гнѣзда и однѣ, безъ содѣйствія самца, насиживаютъ яйца. Куриныя относятся къ птицамъ выводковымъ. Наиболѣе замѣчательны семейства *Тетеревовъ* и *Куръ* (Phasianidae). Ко второму относятся:

Пѣтухъ обыкновенный (Gallus bankiva), распространенный культурными народами въ безчисленныхъ породахъ по всему свѣту. Дикія куры водятся до сихъ поръ въ лѣсахъ и кустарникахъ Ост-Индіи. Онѣ очень мелкаго роста, по оперенію же не отличаются отъ домашняго пестраго пѣтуха и ржавобурой курицы. Одомашеніе куръ теряется во мракѣ древней исторіи. Дикая курица несется разъ въ годъ, кладя въ общей суммѣ не болѣе 8—12 яицъ; тогда какъ носская домашняя курица, при хорошемъ уходѣ, при обильномъ кормѣ и содержаніи въ теплѣ, кладетъ ихъ и свыше 200 (см. стр. 25).

Павлины (Pavo cristatus, P. spicifer). На головѣ, вмѣсто гребня, хохолокъ. Брачное опереніе самца красиво-металлическое, съ сильно разросшимися нахвостными перьями, которыя приподымаются колесомъ какъ особыми, имъ присвоенными мускулами, такъ и настоящимъ хвостомъ. Родина павлиновъ О. Индія. *Фазаны* (Phasianus) меньше куръ, съ хвостомъ очень длиннымъ, но очень узкимъ, опущеннымъ. Въ дикомъ состояніи фазаны водятся въ южной и средней Азій, а въ предѣлахъ Европы, на Кавказѣ и въ Астраханской губерніи.—*Цесарка* (Numida meleagris), сѣрая, съ бѣлыми крапинами; черепъ подымается шлемомъ. Эта домашняя птица родомъ изъ сѣверной Африки.

Индюкъ (Meleagris gallopavo), представитель семейства Пенелопидъ, встрѣчается въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ Мексики и бассейна Миссисипи.

Отрядъ Голубиныхъ (Columbinae) соединяется съ куриными переходными формами. Типичные голуби отличаются отъ куръ болѣе слабымъ, удлинненнымъ клювомъ съ мягкими, раздутыми ноздрями, длинными, заостренными крыльями, свидѣтельствующими о превосходномъ полетѣ, слабыми, болѣе короткими ногами съ пальцами, несоединенными даже при основаніи складками кожи. Голуби птицы насѣдковыя.—*Вязурь* или *дикій голубь* (Columba livia), родоначальникъ всѣхъ домашнихъ голубиныхъ породъ. Въ одичаломъ состояніи встрѣчается въ Европѣ всюду, въ особенности въ городахъ и вообще близъ человѣческаго жилья. Настоящею его родиною считается скалистая побережья Средиземнаго моря и Атлантическаго океана.

Отрядъ Плавающихъ (Natatores). Ноги почти всегда очень короткія, широко разставленныя и отодвинутыя далеко взади (отсюда валкая походка). Между пальцами плавательныя перепонки.—*Сем. Пластинчатоклювые* (Lamellirostres). Клювъ большой, широкій, на концѣ приплюснутый. Его роговой покровъ въ общемъ мягкій, лишь на концѣ уплотненъ въ т. наз. *ноготокъ*. Особенно характерны роговыя пластинки, концы усажены края клюва. Языкъ мягкій. Наиболѣе замѣчательны, какъ родоначальники нашихъ домашнихъ плавающихъ птицъ, слѣдующіе дикіе европейскіе виды: *кряква* или *кряковая утка* (Anas boschas), *гусъ сѣрый* (Anser cinereus), *лебедь кликумъ* (Cygnus musicus) и *лебедь шумный* (C. olor).

Кл. 5. Млекопитающія (Mammalia).

Діагноз класса принято устанавливать, по сравненію съ птицами, слѣдующимъ образомъ: „четвероногія теплокровныя животныя, покрытыя волосами, рождающія живыхъ дѣтенышей и вскармливающія ихъ материнскимъ молокомъ; затылочная кость (какъ у земноводныхъ) о двухъ мышелкахъ; шейныхъ позвонковъ почти всегда 7; челюсти вооружены зубами; изъ двухъ зародышевыхъ артеріальныхъ дугъ остается лѣвая“. Въ частности большинство этихъ признаковъ оказывается непостояннымъ.

По устройству конечностей, приспособленныхъ къ ходьбѣ, млекопитающія подраздѣляются на: *стопоходящихъ*, *пальцеходящихъ* и *концеходящихъ*. Стопоходящія становятся на всю ступню и кисть, не исключая пятеи и запястья (медвѣдь, человѣкъ); пальцеходящія же становятся на одни лишь пальцы, причемъ плюсна съ пяткой и пясть съ запястьемъ приподняты отъ земли (собака). Концеходящія упираются въ землю лишь концами послѣднихъ пальцевыхъ члениковъ, обутыхъ въ роговой башмакъ, копыто (копытныя животныя). Говорятъ также о полустопоходящихъ, у которыхъ соприкасаются съ землею, кромѣ пальцевъ, также плюсна и пясть; причемъ пятка и запястье приподняты отъ земли (куницы). Нормальное число пальцевъ 5 нерѣдко редуцируется, причемъ у Placentalia соблюдается извѣстная очередь, именуемая *закономъ редукии пальцевъ*. Законъ выражается рядомъ цифръ: I, V, II, IV, означаящимъ, что на четырехпалой конечности недостаетъ I (большого) пальца, на трехпалой, кромѣ I, еще и V пальца (мезинца), на двухпалой, кромѣ I и V, еще и II (указательнаго) пальца и, наконецъ, на однопалой конечности, кромѣ упомянутыхъ I, V, II, исчезъ еще и IV (безимянный) палецъ, при сохраненіи одного лишь III (или средняго). Отряды морскихъ коровъ и китовъ лишены заднихъ конечностей, двигательная функція которыхъ передана хвосту. У многихъ млекопитающихъ конечности приспособлены къ спеціальнымъ отправленіямъ: къ плаванью, прыганью, полету, рытью въ землѣ, къ хватанію.

Особенно важны для систематики зубы по отношенію къ ихъ числу, формѣ и смѣнѣ. Число зубовъ принято выражать зубными формулами, отдѣльными для молочныхъ и для постоянныхъ зубовъ. Такъ напр. формула молочныхъ зубовъ человѣка изображается въ слѣдующемъ видѣ: $\frac{2+1+2}{2+1+2}$; а зубовъ постоянныхъ: $\frac{2+1+2+3}{2+1+2+3}$. Цифры надъ чертой относятся къ верхней челюсти, а подъ нею къ нижней. Во главѣ cadaго ряда стоитъ число рѣзцовъ; за нимъ слѣдуетъ число клы-

ковъ (всегда 1 или 0), даѣе, ложнокоренныхъ и, наконецъ, коренныхъ зубовъ. Всѣ цифры относятся къ половинамъ верхней и нижней челюсти.

Млекопитающія подраздѣляются на нижеслѣдующіе 3 подкласса и 14 отрядовъ:

I. *Яйцесущія* (Ovipara)..... Однопроходныя (Monotremata).

II. *Зародышеводныя* (Embryopara).. Сумчатыя (Marsupialia).

III. *Живородящія* (Vivipara s. Placentalia) .....

- Китообразныя (Cetacea).
- Морскія коровы (Sirenia).
- Копытныя (Ungulata).
- Неполнозубыя (Edentata).
- Грызуны (Rodentia).
- Ластогія (Pinnipedia).
- Хищныя (Carnivora).
- Рукокрылыя (Chiroptera).
- Насѣкомоядныя (Insectivora).
- Полуобезьяны (Prosimiae).
- Четверорукія (Quadrupedia).
- Двурукія (Bimana).

Отрядъ 1. Однопроходныя или Птицевъры (Monotremata, рис. 328, 329). Цѣлымъ рядомъ признаковъ доказывается низкое положеніе и связь этой группы съ древними млекопитающими, а также сродство съ птицами и пресмыкающимися. Къ этимъ признакамъ принадлежитъ прежде всего сохраненіе на всю жизнь зародышевой клоаки, т. е. общаго выѣстилица, въ которое оканчиваются прямая кишка и мочеполовые пути. Сюда же относится сохраненіе, въ видѣ самостоятельныхъ элементовъ плечевого пояса, пары сочленяющихся съ грудиною ossa coracoidea, а также пары насаженныхъ на тазъ спереди сумчатыхъ костей (ossa marsupialia). Сосцовъ еще не существуетъ. Множество млечныхъ железокъ трубчатой формы (по типу потовыхъ, а не салныхъ) отрываются на брюхѣ справа и слѣва подъ мѣхомъ, на островкѣ кожи. Вокругъ этихъ островковъ у самки эхидны на время размноженія образуется выводковая полость. Сходство однопроходныхъ съ птицами сказывается въ устройствѣ челюстей и женскихъ половыхъ органовъ; а также въ способѣ размноженія. Челюсти удлинены наподобіе птичьяго клюва и покрыты роговымъ футляромъ. Зубовъ птицевъры не имѣютъ; но у молодыхъ утконосовъ въ недавнее время открыты коренные зубы, внослѣдствіи всасывающіеся и служащіе воспоминаніемъ о предкахъ животнаго. Яичники гроздевидные, какъ птичьи, съ выступающими крупными желтками. Лѣвый яичникъ развитъ больше

праваго. Извилистые яйцеводы къ выходу расширяются каждый порознь въ мускулистую матку и порознь же открываются въ мочеполовой отдѣлъ (*Sinus urogenitalis*) клоаки. Однопроходныя кладутъ яйца величиною примѣрно въ 1 см. съ пергаментобразной скорлупой. Содержимое ихъ состоитъ изъ крупнаго желтка и сравнительно тонкаго слоя бѣлка.—Температура тѣла птицезвѣрей замѣчательно низкая: отъ 28 до 30° Ц.

Къ отряду относятся всего только новоголландскіе утконосъ и эхидны. *Утконосъ* (*Ornithorhynchus paradoxus*, рис. 328) длиною около 2 фут., бураго цвѣта; имѣетъ клювъ сходный съ утинымъ. На немъ обособляется съ каждой стороны по два широкихъ роговыхъ зуба, въ замѣнъ упомянутыхъ настоящихъ зубовъ молодого возраста. Лапы съ плавательными перепонками. Пятки самца вооружены крѣпкой шпорой, сквозь которую проходитъ протокъ железы. Основанное на воображеніи туземцевъ прежнее мнѣніе о ядовитыхъ свойствахъ шпоры можетъ считаться опровергнутымъ. Шпора является вспомогательнымъ органомъ совокупленія; по ней приходится впадина на бедрѣ самки. Утконосъ держится въ рѣкахъ; вырываетъ норки съ однимъ выходомъ на сушу, а другимъ подъ воду. Въ своемъ логовищѣ самка кладетъ по два яйца. *Эхидны* или *ежаки* (*Echidna hystrix* и др., рис. 329), покрыты щетиной и иглами. Длина животныхъ около 1½ фута. Клювъ ихъ узкій, удлиненный, съ маленькою концевою ротовою щелью, изъ которой можетъ высовываться длинный, удобный для подбирания насѣкомыхъ языкъ. Самцы имѣютъ шпору. Эхидны чисто-сухопутныя животныя. Самки кладутъ только по одному яйцу, которое помѣщаютъ во временную брюшную сумку, гдѣ температура повышается до 35°.

Отрядъ 2. Сумчатая (Marsupialia, рис. 330 и 331). По устройству половыхъ органовъ и способу размноженія они стоятъ ступенью выше однопроходныхъ. Ихъ клоака уже подраздѣляется промежностью на кишку и мочеполовой проходъ; но промежность ихъ бываетъ и такъ слабо развита, что отъ клоаки можетъ оставаться еще болѣе или менѣе явственная впадина, въ которую открываются кишка и мочеполовой снарядъ. Верховья праваго и лѣваго женскихъ половыхъ путей, т. е. яйцеводы и матки, еще вполне обособлены; но низовья ихъ (влагалища) уже могутъ быть слиты на большемъ или меньшемъ протяженіи. Тѣмъ не менѣе оба влагалища открываются въ *Sinus urogenitalis* самостоятельно. Этой двойственности влагалища соотвѣтствуетъ тотъ фактъ, что мужской членъ на концѣ раздвоенъ: результатъ неполнаго слиянія въ зародышевой жизни самостоятельно развивающихся половинокъ члена. Яичники уже не гроздевидныя, такъ какъ яички ими производимыя,

мелкія, въ родѣ присвоенныхъ высшимъ млекопитающимъ. Сумчатые уже не кладутъ яицъ. Ихъ яички обладаютъ полной сегментацией и развиваются въ маткѣ въ зародышъ на счетъ питательнаго матеріала (*маточнаго молока*), выдѣляемаго железами маточныхъ стѣнокъ. Въ какую-либо сосудистую связь со стѣнкою матки зародышъ еще вовсе не вступаетъ: послѣда или дѣтскаго мѣста (*placenta*) не образуется. Отсюда названіе *Безпослѣдныя* (*ApIacentalia*), даваемое сумчатымъ (также и въ совокупности съ однопроходными) въ противоположность всѣмъ остальнымъ, высшимъ млекопитающимъ. Указаннаго первобытнаго способа питанія зародыша, очевидно, недостаточно для развитія готоваго дѣтеныша: приплодъ рождается матерью еще въ видѣ беспомощнаго мелкаго зародыша. Даже исполинское кэнгуру съ человѣческой ростъ носить всего 39 дней и производить на свѣтъ голый, слѣпой зародышъ длиною всего около 2,5 см. Новорожденныхъ зародышей мать губами и лапами прикладываетъ къ млечнымъ сосцамъ. Сосцы расположены на брюхѣ, въ глубинѣ сумкообразной, парной или одиночной кожной складки (*marsupium*). Подпорою для этой сумки съ боковъ служитъ пара сумчатыхъ костей. Верхушка сосца настолько набухаетъ во рту зародыша, что послѣдній крѣпко виситъ на немъ, и молоко, по крайней мѣрѣ въ первое время, совершенно пассивно вливается въ его пищеварительный аппаратъ. Впослѣдствіи сумка служитъ долгое время убѣжищемъ вплоть развитому уже дѣтенышу (рис. 331).

Во вторичную и третичную эпоху сумчатые были распространены по всему земному шару. Лишь впослѣдствіи они все болѣе и болѣе вытѣснялись выработавшимися, очевидно, изъ нихъ живородящими млекопитающими. Нынѣ богатая и разнообразная фауна сумчатыхъ сохранилась лишь въ Новой Голландіи. На этомъ материкѣ, рано отдѣлившимся отъ остальныхъ, классъ млекопитающихъ представленъ исключительно сумчатыми, если не считать мышей, летучихъ мышей, тюленей, т. е. такихъ формъ, которыя легко заносятся воздушными или морскими теченіями (послѣдними отчасти на пльвучихъ древесныхъ стволахъ и т. п.) Кромѣ Новой Голландіи, очень немногіе представители сумчатыхъ сохранились еще только въ Америкѣ. По разнообразію формъ сумчатые не составляютъ цѣлостной группы; но могли бы быть подраздѣлены на нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ, параллельныхъ отрядамъ копытныхъ животныхъ, грызуновъ, насѣкомоядныхъ, хищныхъ. Примѣры: *двуутробки* (*Didelphys*, рис. 330), *кэнгуру* (*Halmaturus*, рис. 331).

Отрядъ 3. Китообразныя (*Cetacea*, рис. 332, 333). Китообразныя, несомнѣнно ведущія свой родъ отъ наземныхъ животныхъ, до того приспособились къ жизни въ водѣ, что нынѣ ей существовать уже вовсе

не могут. Формою тѣла и плавательныхъ придатковъ они какъ бы вернулись къ рыбамъ, за каковыхъ профанами и по сію пору принимаются. Главнымъ органомъ движенія служитъ колоссально развитой, мускулистый хвостъ, оканчивающійся плавникомъ. Послѣдній отличается отъ рыбаго горизонтальнымъ положеніемъ и отсутствіемъ въ немъ какихъ либо костяныхъ или хрящевыхъ скелетныхъ лучей. Такихъ лучей нѣтъ и въ спинныхъ плавникахъ, играющихъ роль килей. Заднія конечности представлены лишь запрятанными въ толщѣ мускулатуры зачатками таза, а иногда и крошечныхъ остальныхъ отдѣловъ конечностей. Что касается переднихъ конечностей, то онѣ превращены въ лапы или плавники, расположенные горизонтально. Онѣ работаютъ какъ цѣльное, не расчлененное весло, ибо въ нихъ сохранилось одно лишь плечевое сочлененіе, тогда какъ вмѣсто сочлененій локтевого и всѣхъ сочлененій кисти имѣются только синхондрозы. Число пальцевыхъ члениковъ болѣе или менѣе превышаетъ число три, нормальное для млекопитающихъ.

Толстый слой сала (подкожной жировой влѣтчатки), уменьшая удѣльный вѣсъ тѣла, облегчаетъ плаваніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ и для тепловой защиты, взамѣнъ бесполезной для китовъ и утраченной ими шерсти. Остатками первобытнаго волосянаго покрова являются рѣдкія щетины около рта. Сосцы, въ числѣ одной пары, помѣщаются по бокамъ половой щели.

Китообразныя подраздѣляются на *Зубастыхъ* (Denticeti) и *Беззубыхъ* или *Настоящихъ китовъ* (Mysticeti). Изъ числа первыхъ наиболее типичными являются дельфины. Ихъ верхнія и нижнія челюсти усажены рядомъ однообразныхъ, коническихъ зубовъ, появляющихся лишь разъ въ жизни, т. е. не подлежащихъ смѣнѣ—обстоятельство, которое указываетъ на наклонность зубовъ къ исчезновенію. Впрочемъ, и беззубыя или настоящіе киты имѣютъ въ зародышевой жизни множество явственныхъ, и притомъ сложныхъ зубныхъ зачатковъ: доказательство ихъ происхожденія отъ формъ, вооруженныхъ зубами. Взамѣнъ зубовъ на верхнихъ челюстяхъ у нихъ вырастаютъ роговыя пластинки (*Китовый усъ*, рис. 339), въ числѣ свыше двухъ сотенъ, которыя образуютъ густой частоколь или решето. Китъ, забравъ въ свою широкую пасть стаю мелкихъ рыбъ, ракообразныхъ или мягкотѣлыхъ, процѣживаетъ сквозь частоколь китоваго уса лишнюю воду. Китовый усъ имѣетъ значеніе въ технику; такъ изъ него могутъ быть приготовляемы весьма тонкіе, гибкіе хирургическіе зонды и планшеты для ортопедическихъ корсетовъ и пр. Киты самыя исполинскія изъ животныхъ современнаго міра. Нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ длины свыше 100 ф.

Кашалотъ (*Physeter macrocephalus*, рис. 332). Главный отличительный признак кашалотовъ—присутствіе однообразныхъ, коническихъ зубовъ въ одной только нижней челюсти. Далѣе, кашалоты имѣютъ громаднѣйшую голову, составляющую около одной трети общей длины тѣла. Спереди голова какъ бы отвѣсно обрѣзана; сбоку очертанія головы прямоугольныя. Узка лишь нижняя челюсть. Глаза приходятся далеко къзади, надъ угломъ рта. Тутъ же по близости и парные плавники, сравнительно, очень скромныхъ размѣровъ. Цвѣтъ животного сверху черноватый, снизу бѣловатый. Иногда попадаются старыя самцы длиною до 25 метровъ (ок. 12 саж.). Самки вообще значительно меньше самцовъ. Кашалоты встрѣчаются во всѣхъ океанахъ, и притомъ чаще въ южномъ полушаріи. Они держатся иногда парами, но чаще стаями, обыкновенно небольшими, но въ исключительныхъ случаяхъ насчитывающихся до 200 недѣлимыхъ. Удары хвоста раненнаго гарпуною или картечью кашалотъ не рѣдко гибельны не только для лодокъ, но и для довольно крупныхъ судовъ. Экземпляръ кашалота представляетъ большую цѣнность: его кожа, изрѣзанная на кольцевыя полосы, даетъ превосходные цѣльные машинные ремни; изъ сала вытапливается ворвань; а кости и мягкія части идутъ на приготовленіе искусственнаго удобрения. Сверхъ того два особенно цѣнныхъ продукта, *спермацетъ* и *амбра*, имѣютъ нѣкоторое медицинское значеніе. Спермацетъ особенно вѣжное, при температурѣ тѣла жидкое сало. Онъ находится главнымъ образомъ поверхъ черепа, въ образуемой послѣднимъ корытообразной рывнѣ. По снятіи съ головы кожи наталкивается прежде всего на слой сала толщиной дюймовъ въ пять; а подъ нимъ на толстую, плотную сухожильную массу. Этой массой прикрывается въ свою очередь второе сухожильное растяженіе толщиной въ нѣсколько пальцевъ, простирающееся отъ морды до затылка. Удаливъ и этотъ слой, встрѣчаемъ многочисленныя исходящія отъ него отдѣльныя перегородки, которыми разграничивается система полостей, заключающихъ въ себѣ маслянистую, свѣтлую, безцвѣтную жидкость—жидкій спермацетъ. Подъ этимъ поверхностнымъ слоемъ спермацетовыхъ камеръ, одѣвающихъ голову въ родѣ колпака, лежитъ второй такой же слой толщиной, смотря по размѣрамъ животного, отъ 4 до 7½ фут. Спермацетовыя вмѣстилища шире всего въ затылочной области и уже всего въ носовой. Ихъ камеры между собою сообщаются отверстиями. Описанныя головныя вмѣстилища даютъ нерѣдко свыше 50 центнеровъ (150 пудовъ) спермацета. Кромѣ того имѣется еще другое вмѣстилище, тянущееся отъ головы до хвоста, толщиной на переднемъ концѣ съ человеческое бедро, а на заднемъ всего съ палецъ. Впрочемъ, и среди обыкновеннаго сала, а

*

также мускуловъ, тамъ и сямъ заложены мѣшечки со спермацетомъ. Для полученія спермацета (*Sperma ceti* s. *Cetaceum*) вынимаютъ маслянистое содержимое спермацетовыхъ полостей, отдѣляютъ процѣживаніемъ затвердѣвшій спермацетъ отъ жидкаго *Oleum ceti*, остатки котораго устраняются сильнымъ выжиманіемъ и, наконецъ, омыляющимъ растворомъ поташа или ѣдкой щелочи. Очищенный спермацетъ расплавляется и выливается въ формы. Въ медицинѣ онъ употребляется въ настоящее время лишь въ качествѣ наружнаго средства, какъ составная часть нѣкоторыхъ цератовъ и мазей, а именно: *Ceratum labiale album* s. *Emplastrum Cetacei*, *Unguentum Cetacei* и *Ung. leniens* или кольдкремъ.—Другой, еще болѣе цѣнный продуктъ кашалота *амбра* (*Ambra*). Долгое время происхожденіе амбры представлялось загадочнымъ, тогда какъ теперь можетъ считаться вполне выясненнымъ, что это ничто иное какъ каловыя массы. Амбра отчасти вынимается изъ толстой кишки кашалота, отчасти вылавливается кусками въ морѣ или, прибитая волной, собирается на берегу. Она попадаетъ округлыми глыбами вѣсомъ отъ 50 гр. до 10 килогр. (до 24 фун.). Амбра вещество легкое, сѣраго до темнобураго цвѣта, съ весьма тонкимъ, ароматическимъ запахомъ, напоминающимъ отчасти мускусъ. Очень возможно, что этотъ запахъ обязанъ своимъ происхожденіемъ мускусному спуту, который наравнѣ съ другими видами головоногихъ, составляетъ главную пищу кашалота. Роговые клювы этихъ животныхъ были находимы въ амбрѣ. Амбра играетъ большую роль въ приготовленіи духовъ и ароматическихъ куреній; медиками она изрѣдка прописывается внутрь въ видѣ эфирно-спиртной настойки *per se* или съ мускусомъ (*Tinctura Ambrae* и *T. Ambrae cum Moscho*).

Отрядъ 4. Морскія коровы (*Sirenia*). По внѣшнему виду онѣ сходны съ тюленями; но не имѣютъ заднихъ конечностей. Функционально ихъ замѣняетъ длинный хвостъ, такой же какъ у китовъ или же закругленный. Переднія конечности въ видѣ ластовъ; но отличаются отъ китовыхъ сохраненіемъ всѣхъ сочлененій. Кожа голая или съ самою рѣдкою щетиною. Дальнѣйшія отличія отъ китовъ: расположеніе пары млечныхъ железъ не въ паховой области, а на груди. Морскія коровы питаются водорослями и вообще растеніями. Сюда: *ламантини* и *дюоны*.

Отрядъ 5. Копытныя (*Ungulata*, рис. 334—336). Послѣдніе пальцевые членики этихъ животныхъ покрыты роговыми башмаками (копытами). Почти всѣ копытныя—животныя концеводящія. Пальцы всегда развиты неравномѣрно; причемъ надъ остальными то преобладаетъ два пальца, а именно III и IV (*парнопалая*) или же одинъ только III (*непарнопалая*)¹⁾.

¹⁾ Всѣ копытныя животныя произошли палеонтологически отъ одного и того же корня; раздѣленіе же ихъ на парно-и непарнокопытныхъ произошло въ древне-третичный періодъ.

Подотрядъ А. Парнопалыи (Artiodactyla). При предпочтительномъ развитіи III и IV пальцевъ, II и V находятся въ болѣе или менѣе зачаточномъ состояніи (рис. 336, B, C), I же вовсе отсутствуетъ. Парнокопытныя подраздѣляются на *Холмозубыи* и *Лунозубыи*.

Группа 1. Холмозубыи (Bunodonta) имѣютъ коренные зубы усаженные буграми. Клыки всегда существуютъ. Желудокъ одноѣстный, т. е. представляетъ одно общее вмѣстилище. Тѣмъ не менѣе по характеру слизистой оболочки онъ долженъ быть названъ сложнымъ, такъ какъ пищеварительныя железы сосредоточены лишь на опредѣленномъ полѣ. Пястные и плюсневые кости между собою не срастаются (рис. 336, B, пс.). Сюда причисляются бегемоты и свиньи.—*Сем. Свиньи (Suidae)* съ щетинистымъ покровомъ тѣла и полною зубною системою, въ которой однако зубы сидятъ не совсѣмъ сплошными рядами. Только III и IV пальцы (рис. 336, B) упираются въ землю, тогда какъ II и V висятъ сзади въ видѣ придатковъ, полезныхъ лишь животному, вязнущему въ топкомъ грунтѣ. Сосцовъ имѣется отъ 5 до 6 паръ, расположенныхъ отчасти на груди, отчасти на брюхѣ.—*Кабанъ или дикая свинья (Sus scrofa)* водился еще не такъ давно почти всюду въ лѣсахъ Европы; въ настоящее же время на западъ его можно видѣть лишь въ паркахъ. Въ предѣлахъ Россіи кабанъ встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ, гдѣ еще уцѣлѣли лѣса, а также на Кавказѣ, въ Сибири и центральноазиатскихъ владѣніяхъ. Кабанъ живетъ отъ 20 до 30 лѣтъ, достигая большого роста и силы. Его клыки относятся къ зубамъ безъ сомкнутыхъ корней и съ постояннымъ ростомъ. У стараго самца они далеко выступаютъ изо рта и составляютъ опасное орудіе обороны и нападенія. Кабаны сильно вытаптываютъ и объѣдаютъ лѣсныя поросли. Пойманные въ первомъ возрастѣ кабаны легко приручаются; также легко дичаетъ домашняя свинья, сбѣжавшая въ лѣсъ; а ея приплодь уже не отличается отъ дикихъ родичей. Въ домашнемъ состояніи свинья разводилась въ Китаѣ еще за 5000 л. до Р. Х. Европейскія домашнія свиньи точно также ведутъ свой родъ отъ кабановъ; тѣмъ не менѣе въ происхожденіи ихъ, повидимому, принимали участіе еще и другіе виды, жившіе въ эпоху свайныхъ построекъ какъ въ дикомъ, такъ и прирученномъ состояніи.—Употребляемое въ аптекахъ при приготовленіи мазей и пластырей свиное сало (*Adeps suillus* s. *Axungia porcī*) вытапливается изъ жировой клѣтчатки почекъ, сальника, брыжжеекъ вообще и другихъ брюшныхъ внутренностей, а также реберъ. Поджелудочная железа только-что убитой свиньи служитъ матеріаломъ для добыванія панкреатина (*Pancreatinum*). Свинья замѣчательна также какъ хозяйнѣ трихинѣ и цистидерковѣ *Taenia solium*.

Группа 2. Лунозубья или Жвачная (Selenodonta s. Ruminantia). Зубная система неполная: обыкновенно недостает рѣзцовъ въ верхней челюсти и клыковъ. Кромѣ того на челюстяхъ остаются беззубые края. Особенно характерны полулунныя складки на коренныхъ зубахъ. Желудокъ (рис. 334) сложный и многокѣстный, обыкновенно о четырехъ (рѣдко о трехъ) отдѣлахъ. Изъ числа ихъ послѣдній, примыкающій къ двѣнадцатиперстной кишкѣ отдѣлъ, *сычугъ* (Abomasus, 4) соответствуетъ настоящему желудку остальныхъ млекопитающихъ и содержитъ въ своихъ стѣнкахъ пепсиновыя железы. Остальные отдѣлы, а именно: *рубецъ* или *требуха* (Rumen, 1), *сѣтка* (Reticulum s. Ollula, 2) и *книжка* (Omasus s. Liber, 3) суть ничто иное, какъ одностороннія раздутія конца пищевода. Изъ рубца (см. стр. 12) и сѣтки пища отрывается порціями для повторнаго пережевыванія и затѣмъ препровождается въ книжку для просушки между ея листьями и, на послѣдокъ, переходитъ для химической обработки въ сычугъ. Плюсовые и пастыня кости сливаются въ одну общую кость (рис. 336, C).

Сем. Полорогая (Cavicornia), безъ клыковъ; рѣзцовъ верхнихъ 0, нижнихъ 8; обыкновенно съ рогами, состоящими изъ длинной (вторичной) кожной кости (os cornu), которая крѣпко и навсегда срастается съ бугромъ черепа и одѣта роговымъ футляромъ. Ноги о четырехъ пальцахъ: двухъ развитыхъ и двухъ зачаточныхъ.

1. *Быкъ домашній (Bos taurus)*, потомокъ нѣсколькихъ видовъ, нѣкогда обитавшихъ въ лѣсахъ Европы, каковы въ особенности: *туръ* или *уръ* (Bos primigenius), угасшій лишь въ средніе вѣка, и еще болѣе древнія формы (B. brachyceros, longifrons, frontosus и др.). Говяжьему мясу принадлежитъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ среди питательныхъ продуктовъ. Выдающееся значеніе присвоено, далѣе, молоку. Значеніе лѣчебно-діететическое имѣютъ также препараты: молочный сахаръ или лактоза (Saccharum lactis), мясной сокъ (Succus carnis), мясной экстрактъ (Extractum carnis), пепсинъ (Pepsinum, приготовляемый изъ телячьяго сычуга), бычачья желчь (Fel tauri) и бычачье сало (Sebum bovinum), вытапливаемое изъ жировой клѣтчатки брюшныхъ внутренностей и служащее воспримлющимъ нѣкоторыхъ маселъ и пластырей.

2. *Домашняя овца (Ovis aries)* съ довольно многочисленными породами. Овца приручена съ незапамятныхъ временъ. Можно ли считать ея прародительницею одну изъ нынѣ живущихъ дикихъ овецъ, и которую именно, неизвѣстно. Овечья шерсть (Lana) играетъ выдающуюся роль въ гигиенѣ одежды; изъ нея же состоятъ употребляемыя въ хирургіи и для согрѣвающихъ компрессовъ фланелевыя бивты. Изъ грязной, содержащей потъ и сало шерсти добывается *лянолинъ* (Lanolinum),

смѣсь свободныхъ жирныхъ кислотъ и соединеній этихъ кислотъ. Лянолинъ хорошо смѣшивается съ разнообразными лѣкарственными веществами, способенъ поглощать воду, а стало быть, и смѣшиваться съ веществами, растворенными въ водѣ, легко проникаетъ вмѣстѣ съ лѣкарственными веществами черезъ кожу, не раздражая ее. Лянолинъ не горкнетъ. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ его превосходнѣйшимъ воспринимавшимъ веществомъ для мазей и пригоднымъ косметическимъ средствомъ.

3. *Домашняя коза* (*Capra hircus*). Одомашеніе козы теряется во мракѣ исторіи. Полагаютъ, что родоначальницей домашней козы должна считаться *Capra aegagrus*, водившаяся и понынѣ въ Персіи и Малой Азіи.

Сем. Олени (*Cervidae*). Рога ихъ точно также состоятъ изъ кожной кости; но кость эта прикрыта не роговымъ футляромъ, а кожей съ мѣхомъ. По довершеніи рогами роста ихъ кожа омертвѣваетъ и отваливается. Далѣе, рога оленей ежегодно сбрасываются и образуются вновь, и при томъ съ каждымъ годомъ осложняясь лшшею вѣтвью. Рога свойственны вообще только самцамъ. — *Сѣверный олень* (*Cervus tarandus*), единственный представитель семейства, у котораго рога имѣются въ обоемъ полахъ. Нѣкогда очень распространенный въ сѣверной и средней Европѣ, этотъ олень въ настоящее время держится въ дикомъ состояніи еще въ Скандинавіи и на Уралѣ. На стадахъ сѣвернаго оленя основано все благополучіе народовъ арктическаго пояса.

Сем. Мускусы или Кабары (*Moschidae*). Мускусы весьма сродны съ оленями. Они отличаются отъ нихъ отсутствіемъ роговъ, вмѣсто которыхъ самцы одарены удлинненными, торчащими изъ рта верхними клыками. Къ тому же мускусы малорослые. Совокупность этихъ признаковъ въ связи съ палеонтологическими данными обличаютъ въ нихъ группу весьма древнюю, родоначальную оленямъ и сродную вмѣстѣ съ тѣмъ съ предками, общими для оленей и полорогихъ. Въ современномъ мірѣ семейство представлено лишь немногими видами. Изъ числа ихъ *мускусъ яванскій* (*Moschus javanicus*) величиною, примѣрно, съ кролика, упоминается гистологами какъ млекопитающее животное съ самыми мелкими кровяными шариками. Ихъ діаметръ равняется 0,0025 мм.: въ 3 раза меньше чѣмъ у человѣческихъ. — *Мускусъ или Кабарга обыкновенная* (*M. moschiferus*, рис. 335), длиною всего около 3 ф. Цвѣтъ шерсти бурый или сѣробурый. Молодые животныя, подобно оленямъ, съ бѣловатыми пятнами, съ годами пропадающими. Отечество кабарги вся средняя Азія отъ Тибета до Алтая и Станового хребта включительно. Мѣстами обитанія она выбираетъ трудно доступныя горныя вершины. Бродя большею частью въ одиночествѣ, кабарги собираются въ небольшія стада въ ноябрѣ и декабрѣ, для спариванія. Въ этотъ періодъ самцы ведутъ между собою жестокія побоища изъ-за самокъ, нанося другъ другу раны своими острыми клыками. Распространяемый

въ это время самцами сильный, слышный на далекое разстояніе мускусный запахъ, вѣроятно, служить для приманки и полового возбужденія самокъ. Въ началѣ лѣта самка приноситъ одного или же двухъ пятнистыхъ дѣтенышей. Вслѣдствіе чуткости и осторожности кабарги, охота на нее крайне затруднительна; поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имъ ставятъ петли и силки на излюбленныхъ ими пастбищахъ и водопояхъ. пойманная такимъ образомъ кабарга весьма часто достается, вмѣсто ловца, хищнымъ животнымъ. *Мускусный мѣшокъ* самца (рис. 287, *gl. m.*) расположенъ на брюхѣ, подъ кожей, между пупкомъ и членомъ. Его отверстіе открывается наружу непосредственно впереди влагалища члена ¹⁾. Длина мѣшка до 7 см., ширина же до 5 см. Порція подкожного мускула

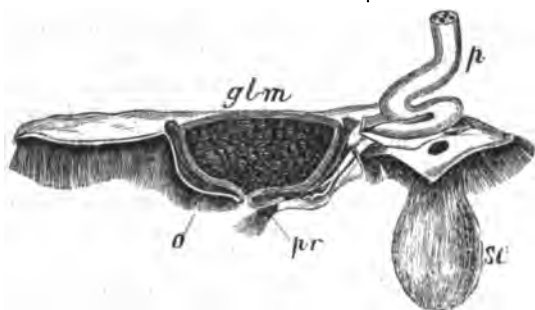

Рис. 287. Мускусный мѣшокъ кабарги. *gl. m.*—мускус. мѣшокъ въ продольномъ сѣченіи; *o*—брюшное покрывъ; *p*—членъ, согнутый буквою *S* въ своемъ влагалищѣ; *ur*—крайняя цѣпоть; *sc*—мошонка.

обволакиваетъ мѣшокъ и можетъ его сжимать. Выстилающая его складчатая слизистая оболочка заключаетъ въ себѣ многочисленныя железки по типу сальныхъ. Ими выдѣляется красно-бурная, полужидкая мазь *мускусъ* (*Moschus*), специфическаго запаха. Въ торговлю поступаютъ какъ за-

сушенные цѣлые мускусные мѣшки, такъ и вынутое изъ нихъ содержимое, засохшее въ бурый порошокъ. Мускусъ считается средствомъ, возбуждающимъ угасающую дѣятельность сердца. Онъ прописывается либо въ порошокѣ, либо въ формѣ капель (*Tinctura Moschi* и *T. Ambræ cum Moscho*).

Верблюды (*Camelidae*). Въ молодости имѣется полный комплектъ верхнихъ рѣзцовъ; да и впослѣдствіи сохраняются два крайнихъ верхнихъ рѣзца. Въ нижней челюсти общее число рѣзцовъ не 8, какъ у оленей и полорогихъ, а 6. II и V-й пальцы совершенно исчезли. Верблюды животныя не концеводящія, а пальцеводящія, съ мозолистой подошвой, покрывающей всѣ три фаланга. Книжки не достаетъ. Сюда: *верблюдъ одногорбый* или *дромадеръ* (*Camelus dromedarius*), содержащийся въ Африкѣ и южной Азій и верблюдъ *двугорбый* (*C. bactrianus*), содержащийся въ остальной Азій. Въ послѣднее время верблюды съ пользою разводятся и на югѣ Европейской Россіи. Дикіе двугорбые верблюды водятся по сѣверу въ центральной Азій. Къ тому же семейству относятся и *ламы*, американскія безгорбья животныя меньшихъ размѣровъ.

Подотрядъ В. Непарнокопытныя (*Perissodactyla*). Число пальцевъ большею частію нечетное и, главное, III или средній палецъ всегда развитъ предпочти-

¹⁾ Пупочный мѣшокъ свиньи—вѣроятный гомологъ мускуснаго.

тельно передъ остальными. Зубы всѣхъ трехъ родовъ. Къ непарнокопытнымъ причисляются: тапиры, носороги, лошади.

Лошади (Equidae). Это семейство отличается наибольшимъ развитіемъ средняго пальца и удлинениемъ соответствующихъ ему пастной и плюсневой костей (рис. 336, D). Пальцы II и IV отсутствуют; причемъ соответствующія имъ пастныя и плюсневныя кости сильно редуцированы, представляя т. наз. грифельныя кости. Тѣмъ не менѣе въ кожѣ сохранились зачатки копытъ исчезнувшихъ пальцевъ, въ видѣ *каштановъ* и *шпоръ*. Въ связи съ общимъ сужениемъ и удлинениемъ конечностей, ради наибыстрѣйшаго бѣга, находится утолщеніе Ulna и Fibula книзу при замѣнѣ ихъ отчасти связкою. Глазницы замкнуты костнымъ кольцомъ. Полная зубная формула:

$$\frac{3.1.4+3}{3.1.4+3}$$
 Изъ числа четырехъ ложно-

коренныхъ зубовъ передній (*волчий*) недоразвитъ и обыкновенно выпадаетъ у молодого жеребенка. Рѣзцы съ чашкой, въ глубинѣ наполненной цементомъ. Клыки у кобылы зачаточные, не прорѣзывающіеся. Всѣ современные представители семейства заслуживаютъ быть отнесенными къ одному и тому же роду Equus.— 1. *Зебры* (E. zebra, quagga и др.) суть африканскія лошади съ болѣе или менѣе выраженными тигровыми полосами, коровьимъ хвостомъ, короткою, торчащею гривой и узкими копытами.— 2. *Оселъ* (E. asinus), сѣрый съ чернымъ ремнемъ и поперечною полосой черезъ лопатки, съ длинными ушами, коровьимъ хвостомъ, узкими копытами и съ каштанами только на переднихъ ногахъ. Дикіе ослы, родоначальники домашнихъ, по сію пору водятся въ сѣверо-восточной Африкѣ. Ноги ихъ всегда съ горизонтальными черными полосами.— 3. *Джигитан* или *куланы* (E. hemionus и проч.) соловой масти и, какъ зебры и ослы, съ коровьимъ хвостомъ, короткою гривой, узкими копытами и каштанами только на переднихъ ногахъ. Тѣмъ не менѣе эти дикія формы средней Азіи уже значительно напоминаютъ настоящихъ лошадей.— 4. *Лошадь Пржевальскаго* (E. przewalskii), точно также изъ центральной Азіи. Изъ всѣхъ современныхъ дикихъ видовъ она представляетъ наибольшее сходство съ настоящими лошадьми. Такъ у нея вся нижняя половина хвостовой рѣпицы усажена длинными волосами; а каштаны замѣчаются на всѣхъ конечностяхъ.— 5. *Лошадь* (E. caballus) имѣетъ: широкія копыта, каштаны какъ на переднихъ, такъ и на заднихъ ногахъ, сравнительно короткія уши, длинную гриву и хвостъ, пушистый съ самаго основанія. Въ доисторическія времена дикія лошади были распространены въ Европѣ повсюду. На нихъ охотились уже древнѣйшіе люди каменнаго вѣка, о чемъ свидѣлствуютъ „кухонные остатки“, сложенные около очаговъ и обиталищъ этихъ первобытныхъ людей. Разбитые, очевидно, для извлеченія мозга лошадиные черепа и кости конечностей встрѣчаются въ этихъ свалочныхъ кучахъ въ неимоверныхъ количествахъ. Въ западной Европѣ дикія лошади водились еще въ средніе вѣка и кое-гдѣ даже позднѣе; въ стѣняхъ средней и южной Россіи послѣдніе косяки ихъ продержались до пятидесятихъ годовъ нашего столѣтія. Со времени открытія Америки въ ея пампасахъ и саваннахъ одичали и неимоверно размножились лошади, за безкормицей выпущенныя на волю испанцами-завоевателями. Въ Европѣ лошади приручались еще въ періодъ свайныхъ построекъ. О настоящихъ дикихъ лошадяхъ и времени ихъ прирученія въ Азіи ничего не извѣстно; но несомнѣнно, что онѣ и тамъ водились и тамъ же приручались. Въ древнѣйшихъ книгахъ Ветхаго Завѣта о лошадяхъ еще не упоминается. Современные европейскія лошади произошли изъ скрещивавшія мѣстныхъ съ восточными, сопутствовавшими еще азіатамъ во времена великаго переселенія народовъ.

Семейство лошадей стало вырабатываться изъ животныхъ съ типичной пятипалой лапой еще въ древнюю (эоценовую) эпоху третичнаго періода. Жившіе тогда въ нывѣшней Европѣ и Америкѣ *иракотеріи* (*Eohippus* и *Orohippus*), при величинѣ всего съ лисицу, имѣли переднія ноги еще о четырехъ пальцахъ, лишь съ замѣтнымъ преобладаніемъ III-го. Уже болѣе рослые *анхитеріи* (*Mesohippus* и *Miohippus*) средней (міоценовой) эпохи того же третичнаго періода обладали передними ногами лишь о трехъ пальцахъ и отчасти пятою пястной костью. Въ новой (пліоценовой) эпохѣ этого періода жили *иптаріоны* (*Protohippus*, *Hipparion*), имѣвшіе еще по три пальца; но съ замѣтно болѣшимъ преобладаніемъ III и укороченіемъ II и IV. Ихъ зубы уже очоь походили на лошадиные. Въ этотъ же періодъ у *Pliohippus* отъ II и IV пальцевъ оставались лишь большія грифельныя кости. Тогда же, путемъ дальнѣйшей редукціи грифельныхъ костей, произошелъ и родъ *Equus*. Замѣтельно, что въ Америкѣ, главной территоріи палеонтологическаго развитія семейства лошадиныхъ до настоящихъ лошадей включительно, еще до времени открытія ея испанцами, угасло о нихъ всякое историческое воспоминаніе.

Слоны или *Хоботныя* (*Proboscidea*) представляютъ своеобразную группу величайшихъ сухопутныхъ млекопитающихъ съ удлинненнымъ хватательнымъ носомъ (хоботомъ), безъ клыковъ, съ бивнями (удлинненными рѣзцами) въ межчелюстныхъ костяхъ, со сложными коренными зубами, которые у настоящихъ слоновъ, по причинѣ укороченности челюстей, выдвигаются постепенно на смѣну одинъ другому.

Отрядъ 6. Неполнозубыя (*Edentata*). Зубная система неполная; рѣзцы всегда отсутствуютъ; есть и совсѣмъ беззубыя формы. Зубы безъ корня и эмали. Конечности съ серповидными когтями. Малочисленная группа съ такими разнообразными представителями какъ *муравьѣды*, *броненосцы*, *мннвицы*.

Отрядъ 7. Грызуны (*Rodentia* s. *Glires*). Зубная система неполная, безъ клыковъ. Коренные зубы призматической формы, съ поперечными складками эмали. Характернѣе всего рѣзцы (рис. 339) въ числѣ всего пары верхнихъ и пары нижнихъ. Они долотообразны со скошенной рѣзущою поверхностью. Такое скашивание зависитъ отъ неодинаковой твердости дентина и эмали, прикрывающей одну лишь переднюю поверхность рѣзцовъ. Рѣзцы не имѣютъ замкнутыхъ корней и, будучи серповидно изогнуты, сидятъ въ весьма глубокихъ луночкахъ, въ нижней челюсти доходящихъ иногда до основанія сочленовнаго отростка. Они постоянно въ глубинѣ нарастаютъ и выдвигаются, какъ бы непрерывно прорѣзываются; но при этомъ, вслѣдствіе стиранія на свободномъ концѣ, сохраняютъ одну и ту же длину. Форма сочленовныхъ поверхностей, позволяетъ нижней челюсти совершать, кромѣ движеній въ отвѣсной плоскости, движенія еще только спереди назадъ и сзади напередъ; мелющія же движенія въ стороны невозможны. Къ грызунамъ относятся слѣдующія главнѣйшія семейства: бѣлки, бобры, дикобразы, мыши, зайцы.

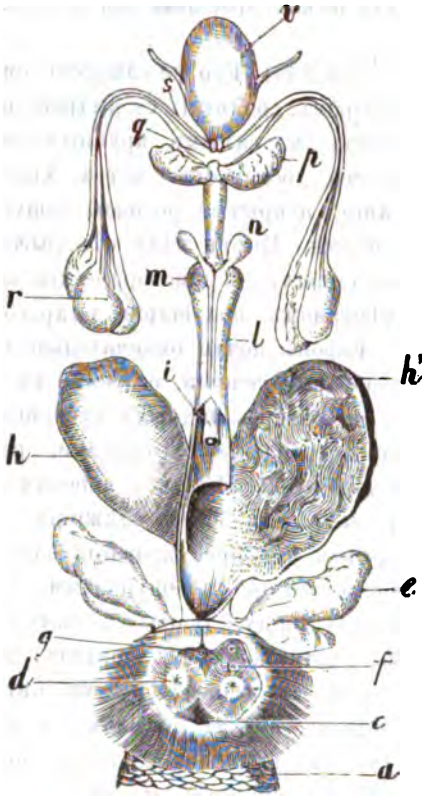
Зайцы (*Leporidae*). Позади верхнихъ рѣзцовъ стоитъ еще дополнительная пара очень маленькихъ. Сюда, кромѣ настоящихъ зайцевъ, относится также кро-

митъ (*Lepus suniculus*). Отличительные признаки кролика от настоящих зайцев: болѣе короткія уши и заднія ноги. Настоящей родиной кролика считаются Испанія и южная Франція. Одичалые кролики распространены почти по всей Европѣ. Во Франціи кролики употребляются въ пищу.—Шерсть кроликовъ, въ особенности шелковистой, длинношерстой породы, идетъ на пояркъ. Въ домашнемъ состояніи содержится также плодовитая сама въ себѣ помѣсь кролика съ зайцемъ (*лепорида*), по величинѣ и кротости весьма пригодная для физиологическихкихъ опытовъ.

Рычнѡй бобръ (*Castor fiber*, рис. 338 и 339). Его не слѣдуетъ смѣшивать съ морскимъ или камчатскимъ бобромъ, сроднымъ съ выдрѡ (изъ отряда хищниковъ). Бобръ принадлежитъ къ самымъ крупнымъ изъ грызуновъ: его длина, вмѣстѣ съ хвостомъ, достигаетъ 1 метра. Хвостъ широкій, плоскій, яйцевиднаго очертанія, покрытый роговою чешуею. Заднія лапы съ плавательными перепонками. Цвѣтъ мѣха отъ рыжаго до темнобураго. Бобръ, нѣкогда, въ особенности въ доисторическія времена, весьма распространенный въ сѣверномъ полушаріи Стараго и Новаго свѣта, въ настоящую эпоху въ Европѣ почти окончательно вывелся. Сохранились только немногія бобровыя селенія, особенно въ долинѣ Эльбы и въ нашихъ западныхъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ (напр. въ Полѣскѣ). Къ беспощадному истребленію охотниками, ради мѣха и бобровой струи, присоединяются порубка лѣсовъ и пересыханіе рѣкъ, озеръ, болотъ, этихъ необходимыхъ для бобра убѣжищъ. Въ средніе вѣка бобрамъ приходилось терпѣть отъ преслѣдованія католическихъ монаховъ, считавшихъ водяное животное съ чешуйчатымъ хвостомъ за рыбу и, стало быть, за постную пищу. Бобры питаются по преимуществу лубомъ деревъ, которыя такимъ образомъ портятъ. Они перегрызаютъ также цѣлыя довольно толстыя деревья и ихъ вѣтви, таскаютъ ихъ въ воду. Изъ этого матеріала, вмѣстѣ съ иломъ и пескомъ, они сооружаютъ въ мелкихъ рѣчкахъ плотины и создаютъ болѣе обширныя пруды, среди которыхъ изъ того же матеріала воздвигаютъ хижины въ видѣ округлой кучи вышиною до 1½ саж.

Мочеполовые органы и задній проходъ бобра открываются въ общее углубленіе, могущее считаться остаткомъ клоаки (рис. 288, *f*). Здѣсь же находятся и отверстія т. наз. *жировыхъ мѣшковъ* (*Glandulae praeruptio-anales*, *e*). Въ устройствѣ мужскихъ половыхъ органовъ замѣчательно необычайное развитіе *Uterus masculinus* (*g*). Членъ обыкновенно втянутъ въ глубину своего влагалища, обращенный головкою назадъ. Къ половымъ органамъ приурочены также *касторовыя мѣшки* (*h*, *h'*). Они грушевиднаго очертанія; оба мѣшка оканчиваются однимъ общимъ отверстіемъ. Послѣднее открывается въ каналъ крайней плоти; почему мѣшки заслуживаютъ причисленія къ категоріи *Glandulae praer-*

putiales. Гомологи этих мѣшковъ встрѣчаются и у самки, у которой открываются во входъ во влагалище. Женскіе мѣшки значительно меньше мужскихъ и въ продажу обыкновенно не поступаютъ. Выстилающая мѣшки извилисто-складчатая, покрытая еще своеобразными сосочками,

слизистая оболочка выдѣляетъ особыми железами *бобровую струю* (Castoreum), своего рода смегма праепутіи. Это вещество, наполняющее мѣшки въ большей или меньшей степени, у живыхъ и только-что убитыхъ животныхъ представляется въ видѣ болѣе или менѣе жидкой массы вещества бѣловатаго, желтаго или оранжеваго цвѣта съ сильнымъ специфическимъ запахомъ. На воздухѣ бобровая струя засыхаетъ въ бурю массу. Въ продажу касторовые мѣшечки поступаютъ парами, высушенными въ дыму. Ими промышляютъ скупщики, приобретающіе ихъ отъ канадскихъ и сибирскихъ охотниковъ на пушныхъ звѣрей. Европейскіе мѣшечки, по рѣдкости въ Европѣ бобровъ, на разсчетъ уже не входятъ. Въ медицинѣ бобровая струя считается средствомъ, возбуждающимъ нервную систему. Она прописывается преимущественно при истерическихъ страданіяхъ, иногда въ формѣ порошка, чаще капель (Tinctura Castorei).

Рис. 288. Мочеполовые органы бобра-самца. а—хвостъ; с—заднепроходное отверстие; d—отверстія жировыхъ мѣшковъ; e—жировые мѣшки; f—члѣвка; g—отверстіе крайней плоти (плагалища члена); h, h'—касторовые мѣшки; i—голова члена; l—членъ; m—Vulvus prethrae; n—Куперовы железы; p—сѣменные пузыри; q—мужская матка; r—сѣмяники; s—сѣмяпроводы; v—мочевой пузырь.

Стрядъ 8. Хищная (Ferae s. Carnivora). Зубная система хищныхъ характеризуется слабыми, мелкими рѣзцами, большими, изогнуто-коническими и острыми клыками и, въ числѣ коренныхъ зубовъ, однимъ особенно развитымъ на счетъ остальныхъ, т. наз. плотояднымъ зубомъ (Dens sectorius). Плотоядный зубъ верхней челюсти есть ничто иное какъ послѣдній изъ ложнокоренныхъ, нижней же челюсти первый истинный коренной. Нижняя челюсть совершаетъ движенія только въ отвѣс-

ной плоскости: пища раздирается клыками и потомъ изрѣзывается, какъ ножницами, сжатыми съ боковъ грядями коренныхъ зубовъ. Часто наблюдаются зачатки ключицъ. Когти сильные, острые. Къ отряду хищныхъ причисляются семейства: медвѣди, куницы, виверры, собаки, гиены и кошки.

Собаки (Canidae), животныя пальцеходящія съ невтяжными когтями; переднія ноги пяти-, заднія четырехпалыя. Сюда многочисленныя виды собственно собакъ, волковъ, лисицъ Стараго и Новаго свѣта.— *Домашняя собака* (*Canis familiaris*), извѣстная во многихъ десяткахъ породъ. Многие ученые считаютъ родоначальниками домашней собаки еще по нынѣ существующіе дикіе виды, какъ волка, лисицу, шакала и проч., отчасти смѣшавшихся между собою. По мнѣнію другихъ, домашнія собаки произошли отъ вымершихъ ископаемыхъ формъ. Палеонтологическими изысканіями доказано, что въ первобытныя времена въ западной Европѣ водились нынѣ исчезнувшіе виды собакъ, какъ напр.: *C. ferus Spalletti*, *C. palustris*, *C. intermedius*, *C. matris optimaе*, которые отчасти завѣдомо приручались. Еще раньше, въ дилювиальную эпоху встрѣчались тамъ-же *C. familiaris fossilis*, а на берегу Ладожскаго озера *C. familiaris Inostranzewii*, сходный съ первобытнымъ волкомъ. Домашняя собака интересуетъ медика какъ разносительница бѣшенства (*Rabies canina*), разсадникъ *Taenia echinococcus*, *cucumerina*, *coenurus*, *Pentastomum taenioides*, а физиологовъ какъ любимый объектъ для вивисекцій.

Кошки (Felidae), подобно собакамъ, животныя пальцеходящія, но съ приподымающимися концевыми фалангами и обыкновенно втянутыми, серповидно изогнутыми, острыми когтями. Пальцевъ, какъ у собакъ, на переднихъ конечностяхъ 5, на заднихъ 4. Челюсти очень укорочены сообразно числу коренныхъ зубовъ, которыхъ всего 4 вверху и 3 внизу. Клыки особенно длинные и сильные.— *Домашняя кошка* (*Felis catus domesticus*), несмотря на значительное сходство съ *дикимъ котомъ* (*F. catus ferus*) лѣсовъ Европы и Кавказа, произошла не отъ этого не поддающагося прирученію вида; тѣмъ болѣе, что исторически доказанъ переходъ домашнихъ кошекъ въ Европу изъ Египта черезъ Грецію и Римъ. Въ древнемъ же Египтѣ была приручена *нубійская кошка* (*F. paniculata*), еще понинѣ водящаяся въ нильскомъ районѣ. Столь часто находимыя въ гробницахъ муміи священныхъ кошекъ служатъ подтвержденіемъ сказаннаго.—Къ семейству кошекъ относятся далѣе: левъ, тигръ, барсъ или леопардъ, рысь и мн. др.

Отрядъ 9. Ластоногія (Pinnipedia), отпрыскъ хищныхъ животныхъ, присособившійся къ жизни въ водѣ. Пятипалыя ноги этихъ животныхъ съ плавательными перепонками. Брюшныя конечности отставлены далеко кзади, ради болѣе

производительной ихъ работы при плаваніи. Кожа покрыта лишь короткими волосами; тепловая защита достигается толстымъ слоемъ подкожнаго сала. Сюда относятся: тюлени и моржи.

Отрядъ 10. Насѣкомоядныя (Insectivora), мелкія стопоходящія, большею частью пятипалыя животныя. Зубы всѣхъ трехъ родовъ. Въ противоположность хищнымъ, насѣкомоядныя имѣютъ обыкновенно большіе рѣзцы и короткіе клыки; но ихъ коренные зубы тоже остробугорчатые. Сюда относятся: землеройки, кроты, ежи.

Отрядъ 11. Рукокрылыя или Летучія мыши. (Chiroptera). Они сродны съ насѣкомоядными, въ частности съ землеройками. Переднія конечности, въ особенности пальцы отъ II до V, необычайно удлинены. Между этими пальцами во всю длину летательныя перепонки. Такія же перепонки протянуты между передними и задними конечностями. Ступни и большой палецъ рукъ остаются свободными и приспособлены для ползанія. Имѣется всего одна пара сосцевъ на груди. Летучія мыши, за исключеніемъ питающихся плодами летучихъ собакъ, ловятъ на лету насѣкомыхъ. — *Вампиры (Phyllostomum, Vampyrus* и др.), крупныя летучія мыши тропической Америки, налетаютъ иногда, въ ночное время, на спящихъ домашнихъ животныхъ и людей и сосутъ кровь; но раны ими наносимыя не опасны.

Отрядъ 12. Полуобезьяны или Лемуры (Prosimiaе, рис. 341). Зубная система полуобезьянъ вообще болѣе всего сходная съ насѣкомоядною. Руки и ноги какъ у обезьянъ хватательныя. Вообще сходство съ обезьянами настолько значительно, что лемуры считаются ихъ родоначальниками. Изъ числа отличительныхъ признаковъ заслуживаютъ упоминанія: незамкнутость глазницы и нѣсколько паръ сосцевъ, расположенныхъ отчасти на груди, отчасти на брюхѣ. Лемуры свойственны Мадагаскару и Индіи, ведутъ ночной образъ жизни и питаются насѣкомыми и мелкими позвоночными животными.

Отрядъ 13. Четверорукиа или Обезьяны (Quadrupana, рис. 337, 340 и 342). Зубная система полная; въ верхней и нижней челюсти по 4 рѣзца, расположенныхъ, какъ у человѣка, сомкнутымъ рядомъ. Корническіе клыки выступаютъ надъ общимъ уровнемъ зубовъ, въ родѣ того какъ у хищныхъ; причемъ, для помѣщенія верхняго клыка, между нижнимъ и первымъ кореннымъ остается нѣкоторый промежутокъ. Коренные зубы о тупыхъ буграхъ, указывающихъ на растительныя вещества какъ главную пищу. — Не только руки, но и ноги хватательныя, т. е. съ большимъ пальцемъ, противопоставляемымъ остальнымъ. Тонкія конечности приспособлены какъ для завладѣванія пищей, такъ и для хватанія за вѣтви деревь при лазаніи. Удобныя для прыжковъ конечности плохо приспособлены къ бѣганію по землѣ. Общее сходство формъ тѣла съ человѣческой дополняется укороченнымъ челюстнымъ аппаратомъ, при которомъ глаза направлены впередъ. Они, какъ у человѣка, сидятъ въ полныхъ, замкнутыхъ глазницахъ. Лицо болѣе или менѣе голое; тогда какъ остальное тѣло покрыто мѣхомъ. Сосцовъ всего одна пара, на груди.

Большинство обезьянъ живетъ обществами въ лѣсахъ жаркихъ странъ. Въ табунахъ предводительствуетъ наиболѣе рослый и сильный изъ самцовъ. Обезьяны питаются преимущественно плодами и сѣменами; но не пренебрегаютъ также насѣкомыми, яйцами и птицами. Самка приноситъ лишь по одному, рѣже по два дѣтеныша, которыхъ любовно холить и оберегаетъ. По умственнымъ проявленіямъ обезьяны стоятъ гораздо выше всѣхъ предъидущихъ отрядовъ.

Кости ископаемыхъ обезьянъ встрѣчаются уже въ древне-третичной формаци; но обезьяны соответственной эпохи стояли еще близко къ лемурамъ. Въ средне-третичныхъ отложеніяхъ Европы попадаются уже скелетныя части настоящихъ обезьянъ.

Особнякомъ въ отрядѣ четверорукихъ стоятъ т. наз. *Коготныя* (*Arctopithecii*), мелкія южно-американскія формы, у которыхъ только большой палецъ ноги носить ноготь, тогда какъ всѣ остальные пальцы ногъ и рукъ вооружены когтями. Большой палецъ рукъ неспособенъ противопоставляться остальнымъ. Число коренныхъ зубовъ, какъ у человѣка, 5, изъ коихъ однако три ложнокоренныхъ и два истиннокоренныхъ. Коготныя обезьяны предъявляютъ лишь слабыя умственныя способности. Тѣмъ не менѣе количество мозга относительно массы тѣла у нихъ больше, чѣмъ у какой-либо другой, высшей обезьяны, а лицевой уголъ приближается къ 60°; однако, это не болѣе, какъ частное проявленіе закона *Галлера*, по которому относительное количество мозга тѣмъ больше, чѣмъ меньше животное.

Типичныя четверорукія подраздѣляются на обезьянъ *Новаго и Старога свѣта*.

А. *Обезьяны Новаго свѣта* (*Platyrrhini*). Ноздри на столько раздвинуты, что смотрять въ сторону. Коренныхъ зубовъ по 6 въ каждой половинѣ верхней и нижней челюсти. Лишній, противъ человѣческихъ, зубъ ложнокоренной. Хвостъ длинный, цѣпкій, иногда вмѣстѣ съ тѣмъ хватательный и тогда на концѣ снизу, какъ палецъ, лишенъ мѣха. *Примѣры*: капуцины (*Cebus*), ревуны (*Mycetes*).

Б. *Обезьяны Старога свѣта* (*Catarrhini*). Носовая перегородка спереди до того узкая, что ноздри сближены, обращены впередъ и внизъ. Зубная формула та-же, что у человѣка.—Цѣпкихъ хвостовъ не бываетъ.

Павіаны (*Супосерпалиды*), массивнаго тѣлосложенія, съ вытянутымъ, собачьимъ рыломъ, съ защечными мѣшками и голымъ, мозолистымъ сѣдалищемъ. Водятся по преимуществу въ Африкѣ, въ скалистыхъ мѣстахъ.

Мартишки (*Серкопитhecиды*, рис. 340), лекаго, граціознаго тѣлосложенія; но тоже съ защечными мѣшками и мозолями на сѣдалищѣ, почти всегда съ длиннымъ хвостомъ. Африка и Индія. *Маготъ* или *турецкая обезьяна* (*Inuus escaudatus*), безъ хвоста. Сѣверная Африка и Гибралтарь.

Человѣкоподобная (Anthropomorphae, рис. 337 и 342). Хвоста нѣтъ. Лицо голое, сходное съ человѣческимъ. Переднія конечности длиннѣе заднихъ; такъ что при ходьбѣ спина поката. Защечныхъ мѣшковъ не имѣется. Отсутствуютъ также сѣдалищныя мозоли (только у гиббоновъ имѣются еще очень маленькія).—1. *Горилла* (*Gorilla gina*, рис. 337), самая рослая изъ обезьянъ, въ отвѣсной позѣ высотой до 6 ф. Носъ широкій, бровныя дуги сильно выступаютъ. Цвѣта чернаго. Реберъ 13 паръ. Горилла живетъ обществами въ лѣсахъ западной Африки, на берегахъ р. Габуна.—2. *Орангъ-утанъ* (*Satyrus orang*), замѣтно меньше, рыжій. Руки длинныя; 12 паръ реберъ. Отечество болотистыя лѣса на о. Борнео.—3. *Шимпанзе* (*Troglodytes niger*, рис. 342). Наиболѣе человѣкоподобная и смышленная изъ обезьянъ, значительно меньше предыдущихъ. Уши сильно отстаютъ; нижняя губа велика; кисти и ступни узкія. Реберъ 13 паръ. Шимпанзе держится цѣлыми обществами въ лѣсахъ западной Африки, въ Гвинее. Для ночлега онъ строитъ на деревѣ, изъ отламываемыхъ имъ-же вѣтвей, гнѣздо съ навѣсомъ.

Отрядъ 14. Двурукія (Vimana). Въ свое время дѣлались многочисленныя попытки къ указанію какихъ-либо частей тѣла, или исключительно принадлежащихъ одному только человѣку, или, напротивъ того, только у него отсутствующихъ. Всѣ эти попытки ни къ чему не привели. Такъ, напр., *Pes hipposamprî minor s. Calcar avis* задняго мозгового рожка оказался принадлежностью и животныхъ; а *Ossa intermaxillaria*, столь ясная у млекопитающихъ, нашлись у человѣческаго зародыша. Зоологическія отличія человѣка отъ млекопитающихъ, а спеціально отъ четверорукихъ, имѣютъ не принципиальное, а лишь количественное значеніе. Отрядъ Vimana установленъ *Кювье* и *Оузномъ*, тогда какъ еще въ прошломъ столѣтіи *Линне* принималъ отрядъ Primates, общій для человѣка, обезьянъ, полуобезьянъ и летучихъ мышей. *Гексли*, и по его примѣру многочисленные современные авторы, возстановливаютъ отрядъ Primates, выключая изъ него летучихъ мышей и полуобезьянъ. При условности категорій зоологической системы вопросъ о помѣщеніи человѣка въ особомъ отрядѣ или же въ отрядѣ, общемъ съ четверорукими, едва-ли имѣетъ серьезное значеніе.

Число зубовъ у человѣка тоже, что у обезьянъ Стараго свѣта. Послѣдній истинный коренной зубъ (*Dens serotinus s. sapientiae*) показываетъ явную склонность къ исчезновенію. Позади его въ новѣйшее время найденъ зачатокъ уже исчезнувшаго шестого коренного зуба, по всей вѣроятности, существующій и у антропоморфныхъ обезьянъ. Зубы расположены сомкнутою изгородью, безъ промежутковъ для помѣщенія влыковъ, такъ какъ длина всѣхъ зубовъ (у нормальныхъ субъектовъ) одинаковая.

Челюстной аппаратъ укороченъ, мозговая коробка объемиста. Отсюда лицевой уголъ отъ 70 до 90°. Въ частности соотношеніе между мозговымъ и лицевымъ отдѣлами черепа измѣняется въ зависимости отъ возраста и племени. Такъ какъ мозгъ своимъ развитіемъ опережаетъ челюстной аппаратъ, то преобладаніе собственно черепного отдѣла надъ лицевымъ (какъ и у обезьянъ) въ дѣтствѣ болѣе значительно нежели во взросломъ возрастѣ. Болѣе ранняя остановка мозгового роста у низшихъ расъ — причина ихъ прогнатіи. Смѣщеніе большой затылочной дыры человѣка къ серединѣ основанія черепа объясняется отчасти большимъ объемомъ мозговой коробки, отчасти, и при томъ главнымъ образомъ, отвѣснымъ положеніемъ туловища. При послѣднемъ подпора тяжелоувѣсной головы въ центрѣ тяжести весьма цѣлесообразна.

Человѣкъ лишь короткое время, въ возрастѣ около года, ходитъ на четверинкахъ, тогда какъ обезьяны на всю жизнь сохраняютъ этотъ способъ передвиженія. Стояніе и хожденіе на двухъ только удлиненныхъ брюшныхъ конечностяхъ сопряжено съ явнымъ ущербомъ для равновѣсія и устойчивости; во этотъ недостатокъ во много разъ искупается большей поворотливостью тѣла и, главное, раздѣленіемъ труда между конечностями. Грудныя конечности, избавленныя отъ обязанности подпирать и двигать тѣло, изощряются на всевозможномъ сложномъ и тонкомъ механическомъ трудѣ, на приготовленіи орудій, которыя по силѣ и точности дѣйствія далеко превосходятъ ихъ. Въ такой спеціализаціи рукъ заключался весьма существенный залогъ къ возникновенію человѣческой культуры. Кисть съ ея длинными, тонкими и гибкими пальцами, несравненно ловче кисти высшихъ обезьянъ. Въ противоположность кистевымъ, ножные пальцы человѣка укорочены. Лишь у новорожденныхъ большой палецъ ноги сохраняетъ способность аддукціи и абдукціи. Способность эта въ послѣдствіи утрачивается отъ неупражнения (въ особенности при ношеніи обуви). Лишь нѣкоторые африканскіе дикари, индусскіе и египетскіе ремесленники, а также японскіе акробаты и рождающіеся безъ рукъ уроды, упражняютъ ножные пальцы и такимъ образомъ поддерживаютъ хватательную функцію ступней. Хватательная нога обезьянъ менѣе человѣческой приспособлена къ ходьбѣ: антропоморфныя обезьяны ходятъ на наружномъ краѣ завороченныхъ во внутрь ступней; тогда какъ человѣкъ упирается въ землю краями сводистой подошвы.

Волосной покровъ утраченъ человѣкомъ въ значительной мѣрѣ и хорошо сохранился лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ. Напоминаніемъ нѣкогда обильнаго волоснаго покрова служитъ зародышевое lanugo, которое, впрочемъ, сохраняется въ видѣ уродства и у взрослыхъ, даже

въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Къ отсутствію тепловой защиты присоеди- няется отсутствіе органовъ обороны и нападенія: все особенности, по- буждавшія первобытнаго человѣка изощряться въ вознагражденіи себя искусственными способами (хижины, одежда, орудія).

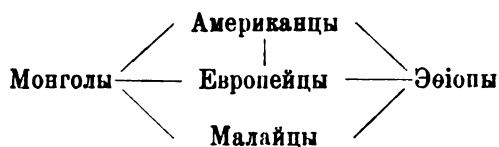
По воспримчивости органовъ чувствъ человѣкъ не можетъ счи- таться безусловно выше всякаго другого животнаго. Зоркостью зрѣнія онъ уступаетъ орлу, тонкостью слуха сернѣ, чутьемъ охотничьей со- бакѣ и даже верблюду, чующему воду за десятки верстъ. Впрочемъ, чуткость органовъ чувствъ у дикарей въ ихъ постоянной борьбѣ съ природою значительнѣе нежели у цивилизованныхъ народовъ. Послѣд- ніе изощрили высшіе органы чувствъ на тонкихъ различіяхъ тоновъ и цвѣтовъ.

Весьма важнымъ функціональнымъ признакомъ человѣческаго рода признается членораздѣльная рѣчь. Тутъ, однако, надо имѣть въ виду, что необходимѣйшія три условія для рѣчи, а именно: слухъ, органъ го- лоса и извѣстная доля понятливости, присущи и многимъ животнымъ. Такъ попугаи выучиваются пѣть и говорить, а, при методическомъ обу- ченіи, и болѣе или менѣе понимать человѣческую рѣчь. Начатыя въ послѣдніе годы опыты фонографированія звуковъ, издаваемыхъ обезья- нами, клонятся къ доказательству существованія и у нихъ звуковыхъ сочетаній, передающихъ опредѣленные ощущенія и представленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣчь такихъ животныхъ неизмѣримо бѣднѣе рѣчи самыхъ первобытныхъ дикарей. Передача же рѣчью отвлеченныхъ понятій и мыслей—исключительное преимущество человѣка.

Нахожденіемъ въ разныхъ странахъ свѣта частей человѣческихъ скелетовъ вмѣстѣ съ первобытными каменными орудіями и костями мамонтовъ, ископаемыхъ носороговъ доказано существованіе человѣка еще въ диллювіальный періодъ. Происхожденіе его, по всей вѣроятности, должно быть отнесено къ третичному періоду. Оно до сихъ поръ по- крыто густымъ мракомъ, легко объяснимымъ, впрочемъ, предположе- ніемъ о появленіи первыхъ людей въ странахъ, палеонтологически мало или вовсе не изслѣдованныхъ. Лишь въ послѣдніе годы *Ев. Дюбуа* описаны покрывка черепа, зубъ и бедренная кость, вымытые рѣкою изъ ново-третичныхъ отложеній на о. Явѣ, и, повидимому, принадлежавшіе существу, среднему между человѣкомъ и обезьянами. На основаніи раз- мѣровъ и формы этихъ остатковъ, *Дюбуа* приписываетъ своему *Pithecantho- gorus erectus*, ростъ человѣка, отвѣсное положеніе, мозгъ въ $\frac{2}{3}$ чело- вѣческаго объема, зубную систему, хотя и съ признаками редукціи, но еще по обезьяньему типу. Какъ бы то ни было, происхожденіе человѣка изъ вышнихъ антропоморфныхъ обезьянъ не вѣроятно уже потому,

что ни въ послѣзародышевой, ни въ зародышевой жизни человѣка не повторяется періода, когда переднія конечности были бы длиннѣе заднихъ. Остается только принимать для человѣка генеологическое дерево, отдѣльное отъ нынѣшнихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ.

Вопросъ о видовомъ единствѣ или множествѣ человѣка, по причинѣ условности разграниченія понятій о разновидности (рассѣ) и видѣ, едва-ли заслуживаетъ того серьезнаго вниманія, съ которымъ онъ обсуждался и обсуждается. Къ тому же и самыя племена, принимаемыя другими за виды, не поддаются строгой установкѣ, столько между ними переходныхъ, неопредѣленныхъ формъ. Практическую важность и популярность приобрѣли пять расъ *Блуменбаха*. Основываясь на формѣ черепа, *Ранке* располагаетъ эти расы нижеслѣдующимъ образомъ:

1. *Кавказское (европейское) племя.* Кожа бѣлая, лобъ высокій, лицо продолговато-овальное, носъ узкій, зубы стоятъ отвѣсно. Обитатели Европы, западной Азіи и сѣверной Африки. Сюда относятся: индо-германцы, славяне и семиты.

2. *Монгольское племя.* Кожа желтая; голова короткая, почти квадратная; лобъ низкій, лицо широкое съ выдающимися скулами, тупымъ носомъ, косыми глазами; волоса черные, гладкіе. Обитатели Азіи и крайняго сѣвера.

3. *Эфиопское или негрское племя.* Кожа черная; голова длинная, челюсти выступаютъ впередъ; зубы стоятъ наклонно; лобъ и подбородокъ отступаютъ назадъ; лицевой уголъ всего около 75° ; носъ короткий и тупой; губы толстыя; волоса черные, короткіе, курчавые. Обитатели средней и южной Африки.

4. *Американское племя.* Кожа мѣдно-красная, лобъ узкій; лицо широкое со впалыми глазами, выступающими скулами и тупымъ, но выдающимся носомъ; волоса черные, гладкіе. Обитатели Америки.

5. *Малайское племя.* Кожа бурая или черноватая; челюсти выступаютъ; носъ широкій; губы раздуты; волоса густые, черные, волнистыя. Обитатели Австраліи и Зондскихъ острововъ.

Попытки замѣнить эту весьма шаткую и условную классификацію болѣе строгою не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Таковы классификаціи на основаніи формы черепа и гладкости или курчавости волосъ.

ПРИБАВЛЕНИЕ.

Противоглистное лѣчение

(по преимуществу по Мозлеру и Пейперу).

1. *Taenia solium*, *T. saginata*, *Bothriocephalus latus* и другіе ленточные черви. Обычные методы лѣченія до того мучительны и изнурительны, что должны быть предпринимаемы лишь при твердо установленномъ діагнозѣ, т. е. при наличности выдѣленныхъ изъ кишечника несомнѣнныхъ проглоттидъ или же нахожденія яицъ въ кишечныхъ изверженіяхъ. Въ случаѣ сомнѣнія удается достигать выдѣленія члениковъ помощью слабительнаго или небольшой дозы противоглистнаго средства (Rp. Extr. Filicis mar. aeth. 1,0, Syr. Mannae 50,0. M. d. s. Утромъ 2—3 чайн. ложки). Нерѣдко пациенту бываетъ достаточно поѣсть селедки, черники, земляники или смородины, чтобы въ стулѣ появились проглоттиды.

Благодаря сильно развитымъ присоскамъ, *T. saginata* оказываетъ наибольшее сопротивленіе противоглистнымъ средствамъ.

Особая осторожность показуется при лѣченіи стариковъ и дѣтей. Отсрочки или даже отказа отъ лѣченія требуютъ: острая, особенно лихорадочная заболѣванія, туберкулезъ, сильное малокровіе, періодъ выздоровленія, острая заболѣванія желудочно-кишечнаго канала, далѣе, періоды мѣсячныхъ очищеній, беременности и кормленія грудью. Желательно производить лѣченіе подъ непосредственнымъ наблюденіемъ врача.

Приготовительныя дѣйствія заключаются прежде всего въ опорожненіи кишечника отъ каловыхъ массъ, которыя могли бы задержать паразита не убитаго, а лишь ошеломленнаго противоглистными средствами. Къ тому же нахожденіе головки паразита въ водянистыхъ испражненіяхъ легче, чѣмъ въ каловыхъ. Предварительное лѣченіе направлено также на ослабленіе паразита. Въ дни, предшествующіе принятію глистогоннаго средства, пациентъ долженъ избѣгать пищи, дающей много кала; а также любимыя питательныя вещества паразита—молоко и сахаръ. Наканунѣ пища дается въ скудной мѣрѣ; а со второй половины дня рекомендуется давать только черный кофе безъ сахара, бульонъ, селедку, кислые огурцы и капусту. Лишь слабымъ па-

ціентамъ дѣлаются уступки при выборѣ пищи. Въ теченіи той же второй половины дня пациенту дается умѣренное слабительное или же, вечеромъ, ставится основательная клизма.

Собственно лѣчение начинается на слѣдующее утро дачею глистогоннаго. Съ наибольшимъ успѣхомъ примѣняются слѣдующія глистогонныя средства:

а) *Эфирная вытяжка изъ корневища папоротника* (Extractum Filicis maris aethereum). Проще всего прописывать: Rp. Extr. Filicis mar. aether. 1,0. D. t. d. ad caps. gelat. № 7 до 10. Число капсуль сообразуется съ возрастомъ и силами пациента, а также съ видомъ червя, при чемъ *T. saginata* требуетъ большей дозы, нежели *T. solium* и *Bothriocercarius latus*. Всѣ капсули принимаются сразу въ теченіи минутъ 10 и запиваются, для лучшаго растворенія, горячимъ чаемъ или кофе. Пациентамъ, не привыкшимъ глотать желатиновыя капсули, можно прописывать: Rp. Extr. Filicis mar. aether. 7,5—10,0, Syrupi simpl. 40,0. M. D. S. Тошнота и позывъ къ рвотѣ, буде появятся, унимаются: глотаніемъ кусочковъ льда, лимоннымъ сокомъ, коньякомъ. По прошествіи часа пациенту даются двѣ столовыхъ ложки *Ol Ricini*; а при безуспѣшности этого средства, черезъ часъ или два, приступаютъ къ промывательнымъ, дабы не дать глистѣ времени ожить и вновь присосаться. Пациентъ лучше всего остается въ постели. Изверженія тщательно собираются и, прополаскиваніемъ водою, въ нихъ разыскивается головка паразита. Въ случаѣ ея отсутствія, ее иногда удается извлекать дальнѣйшими промывательными клизмами. Въ видахъ предупрежденія зараженія людей (и домашнихъ животныхъ) финками, вышедшія глисты лучше всего сжигаются. Руки и все пришедшее въ соприкосновеніе съ члениками *T. solium* тщательно моется. Безуспѣшность лѣченія еще не служитъ доказательствомъ непригодности средства, такъ какъ головка паразита могла сидѣть подъ прикрытіемъ кишечной складки. Въ случаяхъ отрицательнаго или сомнительнаго результата, повтореніе лѣченія показуется по прошествіи не ранѣе двухъ мѣсяцевъ, когда вновь начнутъ выходить членики.—Экстрактъ папоротника въ дозахъ свыше 10 граммъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и болѣе слабыя, вызываютъ припадки отравленія, позывъ къ рвотѣ, колики, неукротимые поносы, бѣлокъ въ мочѣ, желтуху, головокруженіе и пр. Извѣстны и летальныя случаи, при которыхъ смерть наступала въ тетаническихъ судорогахъ, сходныхъ со свойственными отравленію стрихниномъ.

б) *Бензинъ* (Benzinum). Послѣ описаннаго выше подготовительнаго лѣченія, прописываются *Ol. Ricini* и массовый клистиръ съ прибавле-

ніемъ отъ 10—20 граммъ бензину. Вслѣдъ за симъ, нѣсколько часовъ спустя дается отъ 60 до 200 капель чистаго бензина въ желатинныхъ капсулахъ (или въ микстурѣ: Rp. Benzini 6,0, Mucil. Gummi arab., Succ. Liquiritiae ana 30,0, Aquae Menthae piper. 120,0. M. D. S. Ежечасно по стол. ложкѣ).

с) *Сѣмяна тыквы*. (Semina cucurbitae). Послѣ 12 часового воздержанія отъ пищи пациентъ получаетъ кашицу изъ 180 граммъ шелушенныхъ и перетертыхъ съ водою сѣмянъ (мексиканскій способъ). *Шторхъ* рекомендуетъ приготовленіе въ ступкѣ вкусной пасты изъ шелушенныхъ сѣмянъ съ кристаллическимъ сахаромъ. Для взрослыхъ берутъ 120, для дѣтей отъ 60 до 100 сѣмячекъ.

2. *Ascaris lumbricoides*. Вѣрнымъ и общепринятымъ средствомъ является сантонинъ (Santoninum). Имѣющіяся готовыми въ аптекахъ лепешки (Trochisci Santonini), содержащія по 0,025 до 0,05 грамма сантонина, прописываются дѣтямъ по одной три раза въ день (послѣ принятія пищи утромъ, днемъ и вечеромъ) въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ. Взрослымъ двойныя порціи. На третія сутки дается слабительное. Не принимать сантонина натощакъ, ибо слишкомъ быстрое всасываніе наноситъ большій вредъ хозяину нежели паразиту. Разстройства, производимыя сантониномъ, суть: желтовидѣніе, изнеможеніе, рвота, приступы судорогъ и проч. У хилыхъ, малокровныхъ дѣтей этимъ могутъ вызываться угрожающія явленія, даже смерть. Вообще желательно избѣгать долгой задержки сантонина въ организмѣ. Поэтому многіе врачи даютъ его не иначе, какъ совмѣстно со слабительными. (Rp. Santonini 0,02—0,05, Calomelani 0,03—0,05, Sacchari albi 0,5, M. f. p. D. t. dos. № 6. S. утромъ и вечеромъ по порошокъ).

3. *Oxyuris vermicularis*. Частой дачей слабительныхъ достигается какъ уменьшеніе наличнаго числа паразитовъ, такъ и препровожденіе ихъ въ нижніе, болѣе доступныя мѣстной терапіи отдѣлы кишечника. Для удаленія экземпляровъ, пребывающихъ въ тонкой кишкѣ, рекомендуется въ теченіи нѣсколькихъ дней дача Natri santonici (0,05—0,1) съ послѣдующимъ энергичнымъ очищеніемъ кишечника. Предпочитающіе одновременное примѣненіе сантонина и слабительнаго, могутъ прописывать: Rp. Santonini 0,2, Ol. Ricini, Syrupi Rubi idaei ana 50,0, Chloroformi 1,0. M. D. S. Взбалтывать. Вечеромъ 1—2 стол. лож.—Исключительное пользованіе подобными средствами оказывается недостаточнымъ для полнаго излѣченія. Настоятельно рекомендуется одновременно каждый вечеръ по наливанію воды въ прямую кишку. Такія наливанія, ополаскивая значительный участокъ слизистой оболочки, устра-

няють какъ катарръ, вызываемый червями, такъ и самихъ червей. Методъ этотъ примѣняется въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Выгодно прибавлять на литръ воды отъ 1—2 столовыхъ ложекъ Aqua chlorata или же по нѣсколько капель бензина. Для такихъ клизмъ рекомендуются также 0,2—1% растворъ Sapo medicatus, а также 0,0001—0,0003% растворъ сулемы (Rp. Hydrargyri bichlorati corrosivi 0,01—0,03, Aq. dest. 100,0 M. D. S.). Зудъ въ заднемъ проходѣ унимается смазываніемъ сѣрою ртутною мазью. Частая смѣна носильнаго и постельнаго бѣлья и опрятность вообще служатъ необходимымъ подспорьемъ лѣченія (см. стр. 99).

Алфавитный этимологический указатель.

- А** *biogenesis* (а—не, *biosis*—жизнь, *genesis*—рождение) 14
- Abomasus* 226
- Acanthocephali* (*acantha*—колючка, *cephalé*—голова) 93, 108
- Acarina* (*acarus*—клещъ) 136
- Acephalocystae* (а—безъ, *cephalé*—голова, *cystis*—пузырь) 91
- Acineta* (*acinetos*—неподвижно) 49
- Acipenseridae* (*acipenser*—осетръ) 196
- Acipenser huso* (нѣм. *Hausen*) 197
- „ *stellatus* (*stella*—звѣзда) 197
- „ *sturio* (нѣм. *Stör*) 197
- „ *schura* (шипъ) 197
- Асте* (верхушка, цвѣтъ) 23
- Acrania* (а—безъ, *cranium*—черепъ) 192
- Amnion* (*amnos*—овечка) 18
- Amniota* (*amniion*—овечья оболочка) 185
- Amoebina* (*amoibe*—измѣненіе) 33
- Amoeba buccalis* (бисса—щека) 35
- „ *coli* (ободочной кишки) 34
- „ *dentalis* (*dens*—зубъ) 35
- „ *parasitica* (чужелдная) 35
- „ *vaginalis* (*vagina*—влага-лице) 35
- Amphibia* (*amphi*—двойко, *bioo*—живу) 200
- Amphilina* (*amphi*—обоюдо, *linon*—сѣтъ) 80
- Amphipoda* (*amphi*—обоюдо, *pus*—нога) 124
- Amphistomum* (*amphi*—обоюдо, *stoma*—ротъ) 74
- Amphistomum conicum* (коническое) 77
- Апанія* (ап—безъ, *amniion*—овечья оболочка) 185
- Anas boschas* (утка) 217
- Anguillulidae* (*anguilla*—угорь) 95
- Anguillula aceti* (*acetum*—уксусъ) 96
- „ *intestinalis* (*intestinum*—кишка) 95
- Anguillula tritici* (*triticum*—пшеница) 96
- Anguis* (змѣя) 206
- „ *fragilis* (ломкій) 206
- Anisoplia* (*anisos*—неравный, *hople*—когогъ ноги) 20, 169
- Anisoplia austriaca* (австрійская) 169
- Ankylostomum* (*agkylos*—крючекъ, *stoma*—ротъ) 101
- Ankylostomum duodenale* (*duodenum*—12-ти перст. кишка) 101
- Annelides* (*annellus*—колечко) 110
- Anser cinereus* (пепельно-сѣрый) 217
- Anthozoa* (*ánthos*—цвѣтокъ, зооп—животное) 59
- Anthropomorphae* (*ánthropos*—человѣкъ, *morphe*—наружность, видъ) 236
- Anura* (а—безъ, *urá*—хвостъ) 202
- Arhaniaptera* (*arhanes*—невидимый, *pteron*—крыло) 166
- Arhidae* (*arhis*—травянная вошь) 153
- Apis* (пчела) 175
- „ *mellifica* (*mel*—медъ, *facere*—готовить) 175
- Arplacentalia* (а—безъ, *placenta*—послѣдъ) 221
- Arpoda* (а—безъ, *pus*—нога) 204
- Appendicularidae* (*appendicula*—придаточекъ) 120
- Apterogenea* (а—безъ, *pteron*—крыло, *genea*—рожденіе) 149
- Arpus* (а—безъ, *pus*—нога) 2, 16, 123, 124
- Arachnoidea* (*arachne*—паукъ) 129
- Araneina* (*aranea*—паукъ) 130
- Arcella* (арса—ковчегъ) 35

Archenteron (archi—первоначальный, enteron—кишка) 18
 Archigetes (предокъ) 81
 Archigonia (archi—первоначальный, gone—рождение) 14
 Arctopitheci (árctos—медвѣдь, pithecos—обезьяна) 235
 Argas (змѣя) 138
 „ persicus (персидскій) 138
 „ reflexus (отогнутый) 138
 Argulus (маленькій Аргусъ) . 123, 124
 „ foliaceus (листообраз.) . 123, 124
 Agion (мног. имя) 182
 „ empiricorum (empiricus—врачъ) 182
 Arthropoda (arthron—членъ, pus—нога) 120
 Artiodactyla (ártios—четный, dactylos—палецъ) 225
 Ascaridae (ascaris—глиста) . . . 95, 96
 Ascaris crassa (толстая) 100
 „ gibbosa (горбатая) 100
 „ lumbricoides (lumbricus—дождевой червь) 96
 Ascaris megaloccephala (megas—большой, cephalé—голова) . . . 100
 Ascaris mystax (усы) 98
 Ascidae (ascos—мѣшокъ) 118
 Astacidae 127
 Astacus (видъ рака) 127
 „ fluviatilis (рѣчной) 127
 „ leptodactylus (leptos—тонкий, dactylus—палецъ) 127
 Asteroidea (aster—звѣзда) 66
 Aulostomum (aulos—трубка, stoma—ротъ) 117
 Aulostomum gulo (обжора) 117
 Aurelia (золотая) 57
 „ aurita (ушастая) 57
 Aves (avis—птица) 211
Valantidium coli (balántion—кошелекъ, colon—ободочн. кишка) 48
Vatylus (vatys—глубоко, bioo—живу) 33
Batrachia (batrachos—лягушка) . 202
Bilharzia (Bilharz—врачъ) 76
Vimana (bi—два, manus—рука) . . 236

Bos (быкъ) 226
 „ brachyceros (brachys—короткий, ceras—рогъ) 226
 Bos frontosus (лобастый) 226
 „ longifrons (longus—длинный, frons—лобъ) 226
 Bos primigenius (primus—первый, genius—рожденный) 226
 Bos taurus (бугай) 226
 Bothrioccephalus (bothrion—ямка, cephalé—голова) 82
 Bothrioccephalus cordatus (сердцевидный) 84
 Bothrioccephalus cristatus (гребенчатый) 84
 Bothrioccephalus latus (широкий) . 82
 „ liguloides (похожій на Ligula) 84
 Bothrioccephalus longicollis (длинношейный) 84
 Brachiopoda (brachion—рука, pus—нога) 117
 Brachycera (brachys—короткий, ceras—рогъ) 157
 Brachyura (brachys—короткий, ura—хвостъ) 126
 Branchiata (bránchia—жабры) . . 121
 Branchipus (branchia—жабры, pus—нога) 25, 123, 124
 Bryozoa (bryon—мохъ, zoon—животное) 117
 Bufonidae (bufo—жаба) 203
 Bufo viridis (зеленая) 203
 „ vulgaris (обыкновенная) . . . 203
 Bunodonta (bunos—холмъ, odus—зубъ) 225
Calandra (жаворонокъ!) 169
 „ granaria (granum—зерно) 169
 Calcispongiae (calx—известь, spongia—губка) 63
 Camelidae (camelus—верблюжь) . . 228
 Camelus bactrianus (бактрійскій) 228
 „ dromedarius (dromas—бѣгушій) 228
 Canidae (canis—собака) 233
 Canis familiaris (семейный) . . . 233

- Canis fossilis* (ископаемый) 233
 „ *ferus* (дикій) 233
 „ *intermedius* (средній) 233
 „ *matris optimaе* (добрѣйшей матушки) 233
Cantharis (пшанка) 169
Capra hircus (козелъ) 227
Carnivora (саго—мясо, vorare—ждать) 232
Carposarps (*carpós*—плодъ, *carpo*—захватываю, пожираю). 168
Carposarps pomonella (Ромона—богиня плодовъ) 168
Caruophyllaeus (*caruophyllus*—гвоздика) 80
Castor (бобръ) 231
 „ *fiber* (нѣм. *Biber*) 231
Catallactae (*catallactes*—посредникъ). 50
Catarrhini (*catà*—внизъ, *rhis*—носъ) . . . . .
Caudata (*cauda*—хвостъ) 202
Cavicornia (*cavus*—пустой, *cornu*—рогъ) 226
Cecidomyidae (*ketis*—чернильный орѣшекъ, *myia*—муха) 165
Cecidomyia destructor (разрушитель) 165
Cephalomyia (*cephale*—голова, *myia*—муха) 164
Cephalomyia ovis (овцы) 164
Cephalopoda (*cephalé*—голова, *pus*—нога) 182
Ceraospongiae (*ceras*—рогъ, *spongia*—губка) 63
Ceratodus (*céras*—рогъ, *odús*—зубъ) 200
Cercomonas hominis (*cercos*—хвостъ, *monàs*—монада) 45
Cercopithecidae (*cercos*—хвостъ, *pithecus*—обезьяна) 235
Cervidae (*cervus*—олень) 227
Cervus tarandus (сѣв. олень) 227
Cestodes (*cestos*—поясъ) 77
Cetacea (*cetus*—китъ) 221
Chaetopoda (*chaeta*—щетина, *pus*—нога) 111
Chelonia (*chelóne*—черепаха) . . . 211
Cheyletus eruditus (ученый) 139
Chilognatha (*heilos*—губа, *gnathos*—челюсть) 129
Chilopoda (*cheilos*—губа, *pus*—нога) 129
Chiroptera (*cheir*—рука, *ptéron*—крыло) 234
Chondropterygii (*chóndros*—хрящъ, *ptéryx*—крыло) 194
Chorion (кожа) 18
Cicada (цикада) 152
 „ *orni* (*ornus*—маннов. ясенъ) 152
 „ *sanguinolenta* (кровенно-крас.) 152
Ciliata (*cilia*—рѣсницы) 46
Cimex (клопъ) 151
 „ *lectularius* (*lectulus*—постелька) 151
Cirripedia (*cirrus*—усикъ, *pes*—нога) 124
Claviger (*clava*—булава, *gero*—ношу) 11
Clepsidrina blattarum (*clepsydra*—водяныя часы; *blatta*—тараканъ) 37
Cnida (крапива) 53
Coccidae (*coccus*—ядро, *nasťk.* . . 152
Coccidae (*coccus*—ядро), грегар. . . 38
Coccidium oviforme (*ovum*—яйцо, *forma*—форма) 39
Coccidium perforans (продыривающій) 39
Coccus (ядро) 152
 „ *sacti* (кактуса) 152
Coelenterata (*coilos*—полость, *énteron*—кишка) 52
Coelenteron (*coilos*—полость, *énteron*—кишка) 52
Coeloma (*coiloma*—полость). 19
Coeloplana (*coilos*—полюй, *plane*—скитаніе) 71
Coenenchyma (*coinos*, *coenos*—общій, *enchyma*—заключенное). . . 60
Coleoptera (*coleóbs*—пожвы, *ptéron*—крыло) 167
Coluber (ужъ) 210
 „ *natrix* (пловецъ) 210
Columbinae (*columba*—голубь) . . . 217
Columba livia (свинцовая) 217
Somatula (*soma*—волосы головы) . . . 67
Coprepoda (*copre*—весло) 124
Coronella (коронка) 210
 „ *laevis* (гладкая) 210
Cottus (древ. назв., *cottos*—голова) 191

Cottus scorpius (скорпионъ)	191
Crinoidea (crinon—ляля)	67
Crocodylia (crocodylus—крокодилъ)	211
Crotalus (cróton — гремучка)	211
„ durissus (durus—твердый)	211
„ horridus (страшный)	211
Crustacea (crusta—кора)	122
Cryptobranchus (cryptós—скрытый, branchia—жабры)	202
Ctenophorae (cteis—гребень, phoros—несущий)	54
Culex (комаръ)	164
„ ripiens (ripio—пищу)	164
„ annulatus (кольчатый)	164
Cursores (currere—бѣгать)	216
Cyclops (кругоглазный, циклопъ)	124
Cyclóstomi (cyclos—кругъ, stóma—ротъ)	194
Cygnus (лебедь)	217
„ musicus (поющій)	217
„ olor (olor—лебедь)	218
Cynipidae (орѣхотворки)	172
Cynocephalidae (cyn—собака, cephalé—голова)	235
Cysticercus (cystis—пузырь, cercos—хвостъ)	79
Cysticercus cellulosaе (cellulosa—клетчатка)	86
Cysticercus fasciolaris (fasciola—повязочка)	92
Cysticercus pisiformis (pisum—горохъ)	92
Cysticercus tenuicollis (tenuis—тонко, collum—шея)	92
Cyrtamoeba (cytos—клеточка, amoeba—амеба)	42
Cytoleichus (cytos—полость, leicho—лижу)	141
Cytopharynx (cytos—клеточка, pharynx—глотка)	44
Cytoprue (cytos—клеточка, prue—задній проходъ)	44
Cytozoon malariae (cytos—клеточка, zoon—животное, malaria—болотная лихорадка)	42
Daphnia (Daphne—дочь водяного Пенея)	124

Dasypus (dasys—шершавый, pus—нога)	18, 289
Decapoda (deca—десять, pus—нога), ракообр.	125
Decapoda, мягкотѣлая	184
Demodicidae (demas—тѣло, dex—червь)	141
Demodex folliculorum (folliculus—мѣшечекъ)	142
Dendrocoela (dendron—дерево, coilon—полость)	72
Denticeti (dentes—зубы, cetus—китъ)	222
Dermaleichidae (derma—кожа, leicho—лижу)	141
Dermanyssus (derma—кожа, nyssos—колю)	138
Dermanyssus gallinae (курицы)	138
Dermatobia (derma—кожа, bios—жизнь)	163
Dermatobia noxialis (вредный)	163
Dermatocoptes (derma—кожа, copto—ранить)	141
Dermatodectes (derma—кожа, decetes—кусающій)	141
Dermatodectes communis (обыкновенный)	141
Dermatophagus (derma—кожа, phago—ѣсть)	141
Dermatophagus communis (обыкновенный)	141
Dermestes (derma—кожа, estio—грызу)	167
Dermestes lardarius (любитель сала)	169
Derotrema (derós—постоянный, tremata—отверстие)	202
Desoria (Désor—геологъ)	149
„ glacialis (ледниковая)	149
Dibranchiata (dis—два, branchia—жабра)	
Dicyemidae (di—два, cyema—зачатокъ)	50
Didelphys (di—два, delphys—матка)	221
Digenea (di—два, génes—поколѣние)	74
Diodon (di—два, odón—зубъ)	190
Diplopoda (diplos—двойной, pus—нога)	129

- Dipnoi* (dipnoos — дышащій вдвойнѣ) 199
Diptera (bi—два, pteron—крыло) . 156
Distomaeae (di—два, stoma—ротъ) 74
Distomum conoideum (конусообраз.) 77
 „ *haematobium* (хаема—
 кровь, bio—жить) 76
Distomum hepaticum (hepar—печень) 74
 „ *lanceolatum* (ланцето-
 видное) 76
Distomum lineare (линейное) . . . 77
 „ *ophthalmobium* (ophthal-
 mos—глазь, bio—жить) 77
Distomum ovatum (яйцевидное) . 77
 „ *pellucidum* (прозрачное) . 77
Dochmius (изогнутый) 101
Dochmius duodenalis (двѣнадцати-
 перстн. кишки) 101
Doryphora (doryphoros—копыено-
 сецъ) 169
Doryphora decemlineata (съ 10-ю
 полосами) 169
Dracunculus (дракончикъ) 106
- Е***chidna* (сказачное чудовище) . 220
Echinococcus (echinos—ежъ, coc-
 cos—зерво) 84
Echinococcus multilocularis (multus
 —многій, locus—мѣсто) 89
Echinococcus racemosus (racemus—
 кисть) 89
Echinodermata (echinos—ежъ, der-
 ma—кожа) 64
Echinorhynchus (echinos—ежъ,
 rhynchos—хоботъ) 108
Echinorhynchus angustatus (сѣужен-
 ный) 110
Echinorhynchus canis (собаки) . . 110
 „ *cuniculi* (кролика) 110
 „ *gigas* (исполинъ) . 109
 „ *moniliformis* (мо-
 ниле—ожерелье, formis—образ-
 ный) 110
Echinorhynchus polymorphus (мно-
 гоформенный) 110
Echinorhynchus sphaerocephalus
 (sphaera—шаръ, cephalé—голова) 110
Ectoderma (ectos—наружный, der-
 ma—кожа) 18
- Edentata* (e—безъ, dentes—зубы) . 230
Edriophthalmata (hedrion—сидѣнье,
 ophthalmos—глазь) 124
Eimeria (Eimer—зоологъ) 41
 „ *falciformis* (серповидная) 41
Entoderma (ento—внутри, derma
 —кожа) 18
Entomostraca (entomon—надсѣчен-
 ное, ostracon—скорлупа) 124
Eohippus (eos—восходъ, hippos—
 лошадь) 230
Erythra (древній Коринѣъ) 57
Eriblast (epi—сверху, blastos—за-
 чатокъ) 18
Equidae (equus—лошадь) 229
Equus asinus (asinus—оселъ) . . . 229
 „ *caballus* (лошадь) 229
 „ *hemionus hemi*—полу, onos
 —оселъ) 229
Equus Przewalskii (Пржевальскій
 —путешественникъ) 229
Equus quagga (отеч. назв.) . . . 229
 „ *zebra* (отеч. назв.) 229
Eustrongylus (eu—хорошо, stroggy-
 los—округлый) 100
Eustrongylus gigas (великанъ) . . 100
Evolutio (evolvo—развиваю, раз-
 матываю) 23
- F***elidae* (felis—кошка) 233
Felis catus (котъ) 233
 „ „ *domesticus* (домашнїй) 233
 „ „ *ferus* (дикїй) 233
 „ *maniculata* (manica—перчатка) 233
Ferae (ferus—дикїй) 233
Filariadae (filum—нить) 106
Filaria equina (лошаднїя) . . . 108
 „ *immitis* (враждебная) . . . 108
 „ *lentis* (lens—чечевица) . . . 108
 „ *medinensis* (Medina—городъ) 106
 „ *papillosa* (бородавчатая) . . 108
 „ *sanguinis hominis* (крови
 человѣческой) 44
Flagellata (flagellum—бичъ) . . . 44
Foraminifera (foramen—отверстїе,
 fero—несу) 35
Forficula (щипчнки) 150
 „ *auricularia* (auris—ухо) 150

Formicidae (formica—муравей) . . . 172
 Formica rufa (рыжий) 174

Gadus (древ. назв.) 198
 „ morrhua (франц. morue) 198

Galeodes (galea—шлемъ, eidos—
 видъ) 134

Galeodes araneoides (паукообраз-
 ный) 134

Gallinacei (gallina—курица) . . . 216

Gallus (пѣтухъ) 217
 „ bankiva (яванск. назв.) 217

Gamasidae 138

Gammarus (назв. морск. рыба) . . . 124

Ganoidei (gānos—блескъ) 196

Gastrophilus (gaster—желудокъ,
 philos—любитель) 163

Gastrophilus equi (лошадн.) . . . 163
 „ haemorrhoidalis (ге-
 морональный) 163

Gastrophilus nasalis (носовой) . . 164

Gastropoda (gastér—брюхо, pus—
 нога) 181

Gastrula (gaster—желудокъ) . . . 9, 18

Gemmulae (gemma—почка) 63

Generatio (зарождение) 14
 „ aequivoca (сомнительная) 14
 „ alternans (чередующаяся) 17
 „ spontanea (добровольная) 14

Glires (glis—соня, крыса) 280

Globigerina (globus—шаръ, gero—
 несy) 36

Gnathobdellidae (gnáthos—челюсть,
 bdella—пьявка) 115

Gorilla gina (отеч. назв.) 236

Grallatores (ходульвики) 216

Gregarinae (greg. gregis—стадо) . . 37

Gromia (?) oviformis (яйцевид-
 ная) 35

Gymnophiona (gymnós—голый,
 óphis—змея) 204

Gymnotus (gymnós—голый, notos—
 спинна) 198

Инаематоева (haema—кровь,
 amoeba—амеба) 42

Haematopinus (haema—кровь, pino
 —пять) 155

Haematopinus piliferus (pilus—во-
 лось, fero—несу) 155

Haementaria (haema—кровь) . . . 117
 „ eostata (ребристая) . 117

Haemobdella ceilonica (haema—
 кровь, bdella—пьявка) 117

Haemopsis vorax (haema—кровь, orixo
 —сосать, vorax—прожорливый) 116

Halmaturus (halma—скачекъ, пра—
 хвостъ) . . . . .

Halteres (гимнастич. гири) 156

Hectocotylus (hecto—сто, cotyla—
 кубокъ) 183

Heliosphaera (helios—солнце, sphae-
 ra—шаръ) 36

Heliosphaera echinoides (echinus—
 ежъ) 36

Heliozoa (helios—солнце, zoop—жн-
 вотное) 36

Helix (улитка) 182
 „ pomatia (рома—крышка) . 182

Heloderma (chelos—бородавка, der-
 ma—кожа) 206

Heloderma horridum (страшное) . 206

Hemistomum (hemi—полу, stoma—
 ротъ) 74

Heterodera Schachtii (héteros—раз-
 ный, dére—шея) 96

Heteromera (héteros—различный,
 méros—часть, часть) 179

Heterotricha (héteros—разно, trich—
 волосъ) 48

Hipparion (лошадка) 230

Hippobosca (hippos—лошадь, bóscos
 пасу) 164

Hippobosca equina (лошадина) . 164

Hirudinei (hirudo—пьявка) . . . 113

Hirudo ceilonica (цейлонская) . . 117
 „ chlorogaster (chloros—зеле-
 ный, gaster—брюхо) 116

Hirudo medicinalis (медicina-
 ская) 115
 „ officinalis (аптечная) . . . 116
 „ vorax (прожорливая) . . . 116

Holostomum (holos—цѣлый, stoma
 —ротъ) 77

Holostomum erraticum (errare—
 блуждать) 77

- Holothurioidea* (holos—весь, thurios—нападающий) 68
- Holotricha* (holos—всѣѣло, trix—волость) 48
- Homoeothermia* (homoeos—одинаковый, thermos—теплый) . . . 185
- Hydatides* (hydatis—пузырь съ жидкостью) 89
- Hydra* (многоглавая водяная змѣя, побѣжденная Геркулесомъ) . . 56
- Hydra fusca* (бурая) 56
- Hymenoptera* (hymen—плевая, pteron—крыло) 171
- Hypoblast* (hypo—внизу, blastos—зачатокъ) 18
- Hypoderma* (hypo—внизу, derma—кожа) 162
- Hypoderma bovis* (быка) 162
- "   *tarandi* (сѣв. оленя) . 163
- Hypotricha* (hypo—снизу, trix—волость) 48
- I***chthyopsida* (ichthys—рыба, opsis—видъ) 185
- Inachus* (сынъ Oceanus и Tethys) 11
- Infusoria* (infundo—наливаю) . . . 43
- Insecta* (insectum—надсѣченое) . 145
- "   *ametabola* (неизмѣнный) . 148
- "   *hemimetabola* (hemi—полу, metabolos—измѣнный) 148
- Insecta holometabola* (holos—вполнѣ, metabolos—измѣнный) . . 148
- Insectivora* (insectum—насѣкомое, vorare—жрать) 234
- Inuus* (божество стадъ) 235
- "   *escaudatus* (e—безъ, cauda—хвостъ) 235
- Inversio viscerum* (inverto—переворачиваю, viscera—внутренности) 27
- Involutio* (involvero—заворачиваю) . 23
- Isopoda* (isos—равный, pus—нога) 124
- Ixodidae* (ixodes—прилипчивый) . 137
- Ixodes ricinus* (клещевина) 137
- L***amellibranchiata* (lamella—пластинка, branchia—жабра) . . . 179
- Lamellirostres* (lamella—пластинка, rōstrum—клювъ) 217
- Larva* (личина, маска) 19
- Laverania* (Laveran—ученый) . . . 42
- "   *malariae* (malaria—болотная лихорадка) 42
- Laverania Danilewskii* (Данилевский—физиологъ) 43
- Lepas* (lepas—видъ улитки) . . . 124
- Lepidoptera* (lepis—чешуя, pteron—крыло) 167
- Lepidosiren* (lepis—чешуя, siren—хвостатое земноводное) 199
- Lepisma* (чешуя) 149
- "   *saccharina* (сахарная) . 149
- Leporidae* (lepus—заяць) 230
- Lepus cuniculus* (кроликъ) 230
- Leptocardii* (leptós—тонко, cardia—сердце) 192
- Leptumnus autumnalis* (осенний) 139
- Liber* (книга) 226
- Ligula* (ремень) 80
- Limnadia* (limne—прудь, болото) 124
- Linguatulida* (lingua—языкъ) . . 143
- Linguatula taenioides* (taenia—цѣпень, eidos—видъ) 143
- Lucilia* (lux, lucis—свѣтъ, блескъ) 160
- "   *macellaria* (macellum—мясной рынокъ) 160
- Lucilia hominivora* (людоедъ) . . 160
- Lumbricus* (червь) 113
- Lycosa* (lycos—волкъ) 132
- "   *rossica* (русскій) 132
- "   *singoriensis* 132
- "   *tarentula* (Tarentum, Tarento—городъ) 132
- Lytta* (бѣшенство собакъ) 169
- "   *vesicatoria* (производящая пузырь) 169
- M***acronucleus* (macroс—большой, nucleus—ядро) 47
- Macrura* (macroс—большой, ura—хвостъ) 126
- Malacostraca* (malakós—мягкій, ostracon—скорлупа) 124
- Malapterurus* (malós—мягкій, pteron—плавникъ, ura—хвостъ) . . 198
- Mallophaga* (málxъ ѣдлiцiя) . . . 155
- Mammalia* (mamma—женская грудь) 218

- Mammalia embryopara** (embryo — зародышъ, pario — рождаю) . . . 219
- Mammalia ovipara** (ovum — яйцо, pario — рождаю) . . . 219
- Marsupialia** (marsupium — сумка) . 220
- Megastoma** (mégas — большой, stoma — ротъ) . . . 46
- Megastoma intestinale** (кишечное) 46
- Meleagris** (миеологич. имя) . . . 217
- „ galloravo (gallus — пѣтухъ, ravo — павливъ) . . . 217
- Meloë** (древн. названіе нѣкоторыхъ жуковъ) . . . 171
- Melolontha** (у грековъ жукъ плодовыхъ садовъ) . . . 169
- Melolontha vulgaris** (обыкновенная) 169
- Melophagus** (melon — руно, phago — ѣмъ) . . . 164
- Melophagus ovinus** (овечій) . . . 164
- Mesoblast** (mesos — средній, blastos — зачатокъ) . . . 19
- Mesoderma** (mesos — средній, derma — кожа) . . . 5, 49
- Mesohippus** (mesos — средній, hippos — лошадь) . . . 230
- Mesozoa** (mesos — средній, zoon — животное) . . . 5, 49
- Metazoa** (meta — сверху, zoon — животное) . . . 5, 49
- Miastor** (пятнающій преступленіемъ) . . . 16, 165
- „ metralaos (metra — мать, laos — народъ) . . . 16, 165
- Micronucleus** (micros — малый, nucleus — ядро) . . . 47
- Microstomum** (micros — малый, stoma — ротъ) . . . 72
- Miohippus** (hippos — лошадь) . . . 230
- Mollusca** (mollus — мягкій) . . . 178
- Monadina** (monàs — недѣлимое, атомъ) . . . 45
- Monas crepusculum** (сумерки) . . . 45
- „ globulus (шарикъ) . . . 45
- „ navicula (корабликъ) . . . 45
- Moneres** (простые) . . . 33
- Monocystis agilis** (monos — одинъ, cystis — пузырь; agilis — подвижн.) 37
- Monocystis epithelialis** (эпителиальный) 41
- Monogenea** (monos — одинъ, génos — поколѣніе) . . . 73
- Monostomum** (mónos — одинъ, stoma — ротъ) . . . 74
- Monostomum flavum** (желтое) . . . 77
- „ lentis (lens — чечевица, хрусталикъ) . . . 77
- Monostomum mutabile** (измѣнчивое) 77
- Monotremata** (mónos — одинъ, trema — отверстие) . . . 219
- Morula** (morus — тутовая ягода) . . . 49
- Moschidae** (mòschos — мускусъ) . . . 227
- Moschus javanicus** (явскій) . . . 227
- „ moschiferus (moschus — мускусъ, fero — несу) . . . 227
- Musca** (муха) . . . 158
- „ domestica (domus — домъ) . 158
- „ vomitoria (рвотная) . . . 159
- Mugale** (землеройка) . . . 132
- Myiasis** (myia — муха) . . . 158
- Muriapoda** (myrios — множество, pus — нога) . . . 127
- Mysticeti** (mystax — усъ, cetus — китъ) . . . 222
- Mutilus** (древн. назв.) . . . 181
- „ edulis (съѣдобный) . . . 181
- Mухospongiae** (муха — слизь, spongia — губка) . . . 63
- Naja** (мѣстное назв.) . . . 211
- „ haje (арабск. назв.) . . . 211
- „ tripudians (танцующая) . . . 211
- Natatores** (пловцы) . . . 217
- Nauplius** (naus — корабель, pleo — плаваю) . . . 122
- Nematodes** (nema, nematos — нить, eidos — видъ) . . . 93
- Nemertini** (*Nemertes*, дочь морск. бога *Нерен*) . . . 70
- Nemocera** (nema — нить, ceras — ротъ) . . . 164
- Neuroptera** (neuron — нервъ, pteron — крыло) . . . 149
- Numida** (Numidia — въ Африкѣ) . . . 217
- „ meleagris (миеол. имя) . . . 217
- Ocelli** (ocellus — глазокъ) . . . 121
- Oestridae** (oestrus — оводъ) . . . 162

Oligochaetae (oligos—мало, chaite—щетина)	113
Ollula (чепчикъ)	226
Olynthus (древн. городъ въ Халкидикѣ)	62
Omasus	226
Oncosphaera (oncos—опухоль, sphaera—шаръ)	79
Oniscidae (oniskos—осликъ)	123
Oniscus murarius (murus—стѣна)	124
Ophidia (orphis—змѣя)	207
Orpisthoglypha (orpisthe—сади, glypho—выдалбливаю)	207
Ornithorhynchus (ornis—птица, rhynchos—клювъ)	220
Ornithorhynchus paradoxus (странный)	220
Orohippus (oros—гора, hippos—лошадь)	230
Orthonectidae (orthos—прямо, nectes—пловецъ)	50
Orthoptera (orthos—прямо, pteron—крыло)	149
Osculum (уменьш. отъ os—ротъ)	62
Ostracoda (ostracon—скорлупа, raxъ, eidos—видъ)	124
Ostrea (устрица)	181
„ edulis (съѣдобная)	181
Ovis aries (овенъ)	226
Oxuris (oxys—остро, ura—хвостъ)	98
„ compta (равный)	100
„ curvula (curvus—изогнутый)	100
„ mastigodes (mastix—бичъ, eides—видъ)	100
Oxuris vermicularis (червеобраз.)	98
Paedidia (pais, paidos—ребенокъ, eidos—сходный)	29
Paramaesium (paramékes—продолговатый)	47
Parthenogenesis (parthenos—дѣва, genesis—рожденіе)	16
Passeres (passer—воробей)	216
Pavo cristatus (съ гребнемъ)	217
„ spicifer (spica—колосъ, fero—везу)	217
Pediculidae (pediculus—вошь, вошь)	153

Pediculus capitis (головы)	155
„ pubis (лобка)	155
„ vestimenti (платья)	154
Pelias (копье Ахилла)	210
„ berus (видъ змѣи)	210
Pelobatidae (pelds—плъ, bato—иду)	202
Pentastomida (pente—пять, stoma—ротъ)	143
Pentastomum taenioides (taenia—цѣпекъ)	143
Perca (окунь)	191
„ fluviatilis (рѣчной)	191
Perennibranchiata (perennis—постоянный, branchia—жабра)	202
Peripatus (прогуливающийся)	128
Periplaneta (periplanés—бродячий)	150
„ orientalis (восточная)	150
Perissodactyla (perissos—нечетный)	228
Peritricha (peri—вокругъ, trich—волость)	48
Phasianidae (Phasianus—фазанъ)	217
Philtia (phileo—люблю)	171
Phthirus (phtheir—вошь)	155
„ inguinalis (паховой)	155
Phyllopoda (phylon—листъ, pus—нога)	124
Phyllopteryx (phylon—листъ, pteryx—крыло, плавникъ)	26
Phyllopteryx equeus (рыцарь)	26
Phyllostomum (phylon—листъ, stoma—ротъ)	234
Phylloxera (phylon—листъ, xeròs—высасывать)	153
Phylloxera vastatrix (опустошительница)	153
Physalia (phusa—пузырь)	54
Physeter (духочій)	223
„ macrocephalus (macro—большой, cephalé—голова)	223
Pinnipedia (pinna—плавникъ, pedes—ноги)	233
Pisces (piscis—рыба)	187
Pithecanthropus (pithecós—обезьяна, anthropos—человѣкъ)	238
Pithecanthropus erectus (выпрямленный)	238
Placentalia (placenta—послѣдъ, съств. прогъ)	212

Plagiostomi (plāgios—поперекъ, stōma—ротъ)	194
Planula (plāno—спую, блуждаю)	54
Plasmodium malariae (plasma—образованіе, malaria—болотн. лп-хорадка)	42
Platyhelminthes (platys—плоскій, helmins—глиста)	70
Platyrrhini (platys—плоскій, rhis—носъ)	235
Podophthalmata (pus—нога, стель, ophthalmos—глазъ)	124
Podurhippus (pus—нога, ura—хвостъ, hippos—лошадь)	149
Podurhippus pityriasicus (pityriasis—сыпь въ видѣ отрубей)	149
Poikilothermia (poikilos—разный, thermos—теплый)	185
Polistes (строитель города)	175
„ gallica (гальская)	175
Polychaeta (polys—много, chaite—щетинка)	112
Polymitus malariae	42
Polypodium hydriforme (polys—многій, pus—нога, hydriforme—гидроподобный)	57
Polypomedusae	54
Polystomeae (polys—много, stōma—ротъ)	73
Polystomum integerrimum (цѣльное)	73
Poriferi (porus—отверстіе, phoros—несущій)	61
Proboscidea (probocis—хоботъ)	230
Proglottis (proglottis—кончикъ лзчика)	77
Proscolex (pro—предъ, scolex—червь)	79
Prosimiae (pro—вродъ, simia—обезьяна)	234
Proteroglypha (prōteros—спереди, glypho—выдабливаю)	207
Protohippus (protos—первичный, hippos—лошадь)	230
Protohydra (protos—первичный)	57
Протомуха (protos—первичный, муха—слизь)	33
Протомуха aurantiaca (оранжевая)	33

Protopterus (protos—первичный, pteron—плавникъ)	199
Protozoa (protos—первоначальный, зоон—животное)	4, 31
Pseudopus (pseudos—ложный, pus—нога)	206
Pseudonavicellae (pseudos—ложный; navicella—корабликъ)	37
Pseudoneuroptera (pseudos—ложный, neuroptera)	155
Pulicinae (pulex—блоха)	166
Pulex avium (птиць)	167
„ canis (собаки)	167
„ felis (кошки)	167
„ irritans (раздражающій)	166
Pupipara (pupa—кукла, pario—рождаю)	164

Quadrula (не изв.)	35
Quadrupana (quatuor—четыре, manus—рука)	234

Radiolaria (radiolus—маленькій лучъ)	36
Radula (терка)	183
Rajides (raja—скать)	195
Ranidae (Rana—лягушка)	202
Rana esculenta (съѣдобная)	202
„ temporaria (ея tempora, виски, обозначены темн. пятномъ)	202
Raptatores (raptare—разбойничать)	216
Rasores (radere—скрести)	216
Ratitae (ratis—плоть)	216
Reptilia (repto—ползу)	204
Reticulum (сѣточка)	226
Rhabditis (rhābdos—шесть)	95
„ stercoralis (stercus—испражненіе)	95
Rhabdocoela (rhābdos—шесть, koiion—полость)	72
Rhabdonema (rhābdos—шесть, neta—нить)	95
Rhabdonema strongyloides (похожіи на Strongylus)	95
Rhizocéphala (rhiza—корень, cephalē—голова)	4
Rhizopoda (rhiza—корень, pus—нога)	32

Rhizostoma (rhiza—корень, stoma—ротъ)	57	Sclerostomum armatum (вооруженное)	102
Rhopalocephalus carcinomatosus (rhopalon—булава, cephalo—голова, carcinoma—раков. опухоль) 41		Sclerostomum equinum (лошадное) 102	
Rhynchobdellidae (rhynchos—хоботъ, bdella—пьявка)	115	Scolex (червь)	78
Rhynchota (rhynchos—хоботъ)	151	Scolopendra (тысяченожка)	129
Rotalia (rota—колесо)	36	„ cingulata (cingulum—поясъ), опоясанная	129
Rotatoria (rota—колесо)	69	Scolopendra gigantea (исполнинская) 129	
Rodentia (rodere—грызть)	230	„ morsitans (кусающая) 129	
Rumen (ruminare—пережевывать) 226		Scorpionina (scorpio—скорпионъ) . 135	
Ruminantia (ruminare—пережевывать)	226	Scorpio europaeus (европейскій) . 135	
Sacculina (sacculus—мѣшочекъ) 4, 124		Selachii (selache—акула)	194
Salamandra (саламандра)	202	Selenodonta (selene—луна, odus—зубъ)	226
„ maculosa (пятнистая) 202		Sepia	184
Salinella salve (salina—салина, salve—здравствуй)	50	„ officinalis (аптечная)	184
Sanguisuga (sanguis—кровь, sugo—сосу)	115	Serpentes (serpere—ползати)	206
Sanguisuga medicinalis (медицинская)	115	Silicispongiae (silex—кремень, spongia—губка)	63
Sarcophaga (sarx—мясо, phago—ѣмъ)	160	Simulidae (simulo—обманываю) . 165	
Sarcophaga carnaria (мясная) . . . 160		Simulia columbacschensis (Колумбачъ—сербск. деревня на Дунаѣ) 166	
„ magnifica (великоколѣбная)	160	Siphonophora (siphon—трубка, phoros—несущій)	59
Sarcophaga Wohlfahrti (имя ученаго) 160		Sirenia (сирены)	224
Sarcopsylla (sarx—мясо, psylla—блоха)	167	Solenoglypha (solen—трубка, glypho—выдалбливаю)	207
Sarcopsylla penetrans (проникающая)	167	Solifugae (sol—солнце, fugo—избѣгаю)	134
Sarcoptidae (sarx—мясо, opto—раняю)	139	Solpuga araneoides (паукообразная) 134	
Sarcoptes minor (меньшій)	141	Spicula (spiculum—жало, стрѣла) . 94	
„ scabiei (scabies—чесотка) 139		Spirochona (speira—витокъ, chone—воронка)	47
Sarcosporidia (sarx—мясо, spora—спора)	42	Spongiae	61
Satyrus (сатиръ)	236	Spongia officinalis (officina—аптека) 63	
„ orang (малайское назв.)	236	Spongilla (губочка)	63
Saurii (sauros—ящерица)	206	„ fluviatilis (рѣчная)	63
Sauropsida (sauros—ящерица, opsis—видъ)	185	„ lacustris (озерная)	63
Scansores (scandere—лазати)	216	„ sibirica (сибирская)	63
Sclerostomum (scleros—твердый, stoma—ротъ)	102	Sporozoa (sporos—сѣмя, spora, zoon—животное)	37
		Squalides	195
		Stemmata (stemma—голов. уборъ) 121	
		Stentor (голосистый герой Илліады) 47	
		Stomoxys (stoma—ротъ, oxys—острый)	159
		Stomoxys calcitrans (calcitra—лгаться)	159

- Strongylidae (stroggylos—округлый) 109
 Strongylus duodenalis (12-ти черт-
 ной кишки) 101
 Strongylus gigas (великанъ) . . . 100
 „ filaria (filum—нить) . . . 109
 „ longevaginatus (longus
 —длинный, vagina—вагина) 101
 Strongylus micrurus (mikros—ма-
 лый, ura—хвостъ) 102
 Strongylus vasorum (vasa—сосуды) 109
 „ viviparus (живородящій) 109
 Stylonychia (stylos—грифель, олу-
 чиюп—коготокъ) 46
 Stylorhynchus (stylos—грифель, сте-
 бель; rhynchus—хоботъ) 37
 Stylorhynchus oligacanthus (oligos—
 малый, acantha—иголка) 37
 Suidae (sus—свинья) 225
 Sus scrofa (свинья) 225
 Symbiotes (syn—вместѣ, bios—
 жизнь) 141
 Symbiotes communis (обыкновен-
 ный) 141
 Synanche (synanche—воспаление) 101
 Syngamus (syn—вместѣ, gamos—
 бракъ) 103
 Syngamus trachealis (trachea—ды-
 хательное горло) 103
 Tabanidae (tabanus—слѣпень) . 161
 Tabanus autumnalis (autumnus—
 осень) 162
 Tabanus bovinus (бмчачій) 162
 „ pluvialis (дождевой) 162
 Taeniidae (taenia—лента) 84
 Taenia coenurus (koinos—общій,
 ura—хвостъ) 92
 Taenia crassicollis (crassus—тол-
 стый, collum—шея) 92
 Taenia cucumerina (огуречная) . . 88
 „ echinosoccus (echinos—ежъ,
 soccus—зерно) 89
 Taenia elliptica (эллиптическая) . 88
 „ expansa (распространенная) 92
 „ marginata (margo—край) . . . 92
 „ mediocanellata (medium—се-
 редина, canellata—исчерченная) 87
 Taenia murina (mus, muris—мышь) 92
 Taenia nana (nanus—карликовый) 92
 „ perfoliata (вполнѣ листовид-
 ная) 92
 Taenia saginata (откормленная) . 87
 „ serrata (serra—вила) 92
 „ solium 84
 Tardigrada (tardis—лѣнливый, gra-
 dus—шагъ) 143
 Tegenaria (tégos—кровь, комната) 134
 „ domestica (домашняя) . 134
 Teleostei (téleos—вполнѣ, ostéon—
 кость) 197
 Tenebrio (любитель тьмы) 169
 „ molitor (мельникъ) 169
 Tetramorium (tetramoros—четырек-
 раздѣльный) 173
 Tetramorium caespitum (caespes—
 деренъ) 173
 Tetrodon (tetra—четыре, odus—
 зубъ) 190
 Thalassocola (thalassa—море, colla
 —клей) 36
 Thalassocola pelagica (морская) . 36
 Thelyidia (thelys—самка, eidos—
 видъ) 29
 Tinea (моль) 163
 „ granella (granum—зерно) . 168
 „ pellionella (pellis— 166
 „ tapezella (tapete—коверъ,
 обоя) 168
 Torpedo (гнѣзъ, торгог—пара-
 личъ) 195
 Torpedo marmorata (мраморная) . 195
 „ oculata (съ глазками, т. е.
 съ пятнами) 195
 Tracheata (trachea—дыхательное
 горло) 121
 Transpositio viscerum (transpono—
 переставляю) 27
 Trematodes (trema—отверстие) . . 72
 Trichina spiralis (trix, trichos—волосъ) 104
 Trichocephalus (trix, волосъ, ce-
 phale—голова) 103
 Trichocephalus dispar (непарный) 103
 „ crenatus (надѣ-
 ченный) 103
 Trichodectes (trix—волосъ), déctes
 —кусающій) 155

*

- Trichomonas* (*trix*, *trichos*—волосъ, *monas*—монада) 46
Trichomonas vaginalis (влагалищная) 46
Trichoplax (*trix*—волосъ, *plax*—пластинка) 50
Trichoplax adhaerens (пристающая) 50
Trichosomum (*trix*, *trichos*—волосъ, *soma*—тѣло) 12
Trichotrachelidae (*trix*, *trichos*—волосъ, *trachelos*—шея) 103
Triton (сынъ Нептуна) 202
   " *cristatus* (*crista*—гребень) . 202
   " *taeniatus* (*taenia*—лента) . 202
Trogloodytes (троглодитъ, обитатель пещеръ) 236
Trogloodytes niger (черный) 236
Trombididae (*trombidium* — комочекъ) 138
Tropidonotus natrix (*tropis*—киль, *notos*—спина, *natrix*—пловецъ) .
Tрураносома (*труранум* — голово-ротъ, *сверло*, *soma*—тѣло) 46
Tрураносома sanguinis (кровя) 46
Tunicata (*tunica*—плащъ) 118
Turbellaria (*turbo*—водоворотъ) . 70
Tyroglyphus (*tyros*—сыръ, *glypho*—долблю) 136
Tyroglyphus siro (вещъ) 136
U*ngulata* (*ungula*—копыто) 224
Unio (жемчужная раковина) 180
Urodela (*urà*—хвостъ, *delos*—явственный) 202
V*ampyrus* (упырь) 234
Vermes 69
Vermisylla (*vermis*—червь, *sylla*—блоха) 167
Vertebrata (*vertebra*—позвонокъ) 185
Vespidae (*vespa*—оса) 174
Vespa scabro (шершень) 175
   " *germanica* (германская) . . 175
Vipera (*vivipara*—живородящая) . 210
   " *berus* (видъ змѣи) 210
Volvocinae (*volvo*—ворочаю) 50
Vorticellidae (*vortex*—вихоръ, водоворотъ) 47
Z*oëa* 122

Русскій алфавитный указатель.

<p>Акаръ . . . . . 136</p> <p>Акуловья . . . . . 194</p> <p>Алакургъ . . . . . 167</p> <p>Альбинизмъ (albus—бѣлый) . . . . 27</p> <p>Амбулаторная система (ambula- re—ходить) . . . . . 65</p> <p>Анабиозъ (ана—вверхъ, bios—жизнь) 2</p> <p>Антимеры (anti—противъ, meros— часть) . . . . . 7</p> <p>Анхитеріи (anchi—близко, therion— звѣрь) . . . . . 230</p> <p>Ассимиляція (ad—къ, similis—сход- ный) . . . . . 1</p> <p>Атавизмъ (atavus—пращуръ) . . . . 28</p> <p>Афины . . . . . 16, 153</p> <p>Бабочки . . . . . 167</p> <p>Безкрылородныя . . . . . 149</p> <p>Безногія . . . . . 204</p> <p>Безхвостыя . . . . . 202</p> <p>Безчерепныя . . . . . 192</p> <p>Биогенетическій законъ (bios — жизнь, genesis—происхождение). 20</p> <p>Влохи . . . . . 166</p> <p>Бобръ . . . . . 231</p> <p>Богомолы . . . . . 150</p> <p>Боконплавны . . . . . 124</p> <p>Бродячіе листы . . . . . 26 и 150</p> <p>Брюхоногія . . . . . 181</p> <p>Быки . . . . . 226</p> <p>Бѣгающія птицы . . . . . 216</p> <p>Вакуоль (vacuus—пустой) . . . . 33</p> <p>Вампиры . . . . . 234</p> <p>Верблюды . . . . . 228</p> <p>Веретеница . . . . . 206</p> <p>Веслоногія . . . . . 124</p>	<p>Веснянки . . . . . 155</p> <p>Вилхвостка . . . . . 149</p> <p>Власоглавъ . . . . . 103</p> <p>Власошейки . . . . . 108</p> <p>Власоѣды . . . . . 155</p> <p>Водоворотники . . . . . 70</p> <p>Воробьиныя . . . . . 216</p> <p>Вши . . . . . 153</p> <p>Вьюрушки . . . . . 70</p> <p>Вяхирь . . . . . 217</p> <p>Гадюка . . . . . 210</p> <p>Гапонидная чешуя (gáponos—блескъ) 188</p> <p>Гастреды (похожія на гастрей) . 50</p> <p>Гастрея (Gastraea: gaster—желудокъ) 20</p> <p>Гермафродитизмъ (Гермесъ и Аффо- дата) . . . . . 17</p> <p>Гетерогонія (Heterogonia: heteros— различный, gone—рожденіе) . . 17</p> <p>Гидрополипы . . . . . 54</p> <p>Гиппарионы . . . . . 230</p> <p>Гипертаморфоза (hyper—сверхъ, metamorphosis—превращеніе) . 171</p> <p>Гиракотеріи (hyrax—землеройка, therion—звѣрь) . . . . . 230</p> <p>Глетчерная блоха . . . . . 149</p> <p>Голенастыя птицы . . . . . 216</p> <p>Головоногія . . . . . 182</p> <p>Голубиныя . . . . . 217</p> <p>Гонохоризмъ (gone—половая часть, choristos—раздѣльно) . . . . 17</p> <p>Горилла . . . . . 236</p> <p>Гребневники . . . . . 54</p> <p>Гремучники . . . . . 211</p> <p>Грызуны . . . . . 230</p> <p>Губки . . . . . 61</p> <p>Гуси . . . . . 217</p>
---	--

Дарвинизм	30	Кокколиты (coccus—ядро, lithos—камень)	3 и 33
Дафнии (Дафне—дочь водяного Пенея)	16, 124	Коккосферы (coccus—ядро, sphaeга—шаръ)	33
Двоукрышція	199	Коловратки	69
Двукрылыя	156	Колорадскій жукъ	169
Двурукія	236	Кольчецы	110
Двуутробки	221	Колючеголовые	93 и 108
Десятиногія	125	Кожары	164
Джигитан (отеч. назв.)	229	Конъюгація (conjugatio—соедине- віе)	47
Диморфизмъ (dis—двѣ, morphé—фор- ма)	23	Копытныя	224
Долгоносики	169	Кораллы	59
Дромадеръ	228	Кромысла	156
Ежаки	220	Костистыя рыбы	197
Жабы	203	Кощенилы	152
Жвачныя	226	Кожки	233
Жгутниковыя	44	Красногѣлки	138
Железницы	141	Кровососка	164
Желтобрюхи	206	Кровоклѣбки	155
Желтопузы	206	Крокотилы	211
Жуки	160	Круглоротыя	194
Зайцы	230	Кряквы	217
Зебры	229	Бузвечки	150
Земноводныя	200	Куколородящія	164
Зыбы	207	Куламы (отеч. назв.)	229
Зудни	139	Куриныя	216
Индюки	217	Кангуру	221
Интуссусцепція (intus—внутри, sus- cipio—воспринимаю)	1	Лазящія птицы	216
Кабаны	225	Ламаркизмъ	29
Кабарги	227	Ластоногія	238
Кара-курты	138	Лебеди	217
Кашалотъ	228	Лемуры (lemur—привидѣнне)	234
Китообразныя	221	Легучія мыши	234
Клопъ	151	Листоногія	124
Клещани	187	Ложносытчатокрылыя	155
Клещи	136	Лошади	229
Кобылки	152	Луновулыя	226
Коготныя обезьяны	235	Лучевики	36
Кожевдъ (клещъ)	141	Лягушки	202
Кожевдъ (жукъ)	169	Маготъ (отеч. назв.)	235
Козулыя	210	Мадреперовая пластинка	61
		Медрепормы	61
		Майки	171
		Майскій хрущъ	169

Малощетниковые	113	Онтогенезъ (onta—существа, gene- sis—происхождение)	14
Мальпитгато	188	Оотипъ (оол—яйцо, туроо—печа- таю)	78
Мартышки	285	Орангъ-утангъ (по малайски лѣсной человѣкъ)	236
Медузы	55	Орѣхотворки	172
Мезентеріальныя перегородки	60	Осетровыя	196
Метагенезъ (Metagenesis: meta— сверхъ, genesis—рожденіе)	17	Осы	174
Метамеры (meta, meros—часть)	8	Острицы	98
Метаморфоза (Metamorphosis: me- ta—сверхъ, morphe—форма)	19	Очковыя змѣи	211
Милабрисы	171		
Мимікрія, мимітизмъ (mimo— подражаніе)	26	П	
Миофаны (mys—мышца, rhaino- mai—кажусь)	34	Павіаны	235
Млекопитающія	218	Павины	217
Многоножки	127	Паразитизмъ (para—подлѣ, situs— нища)	12
Многочетниковые	112	Параподія (para—вродѣ, pis—ноги)	111
Мокрицы	123	Парнонадыя	225
Моли	168	Паукообразныя	129
Морскіе ежи	68	Переопчатокрылыя	171
Морскія звѣзды	66	Плывающія птицы	217
Морскія коровы	224	Плакондная чешуя (plax—плас- тинка)	188
Морскія кубышки	68	Пластинчатожаберныя	179
Мотки	165	Пластинчатоклювыя	217
Муравьи	172	Плероцеркоидъ (pleres—полный, segsos хвостъ)	79
Мускусы	227	Плодожорка	168
Мшанки	117	Плоскіе черви	70
Мѣденица	206	Плошца	155
Мѣдянка	210	Поденки	155
Мѣхоѣды	155	Позвоночныя	185
Мякотѣлыя	178	Полиморфизмъ (polys—много, mor- phe—форма)	11
		Полпы	59
Н		Полорогія	226
Накожники	141	Полубезьяны	234
Наливочныя	43	Поперечворотыя	194
Насѣкомоядныя	234	Пресмыкающіяся	204
Насѣкомыя	145	Привидѣныя	150
Непарнокопытныя	228	Протонефридіи (protos—первич- ный, nephros—почка)	69
Неполнозубыя	230	Протоплазма (protos—первичный, plasma—образованіе)	1
Нптчатки	106	Прусакъ	151
Нитчатые черви	93	Прямотрылыя	149
		Псороспермозъ (psoros—паршиво, sperma—сѣмя)	39
Обезьяны	214		
Оболочники	118		
Оводы	162		
Овца	226		
Однопроходныя	219		
Олени	227		

Птицевѣри	219	Т араканъ	150
Птицевѣды	132	Тарангулы	132
Птицы	211	Твердоустка	102
Пузырьникъ	59	Твердочешуйныя	196
Пухоѣды	155	Термиты (терма—земля)	155
Пчела	175	Тихоходцы	145
Пьявочныя	113	Тли	153
Пѣтухъ	217	Травяныя вши	158
Пятиустковыя	143	Треска	198
Р авноногія	124	Тритоны	202
Ракообразныя	122	Трохофора (trochos—колесо) 69, 112, 179	
Ракушковидки	124	Трубкасердечныя	192
Редип (Редп—итальянскій ученый). 74		Трубчатники	59
Рукокрылыя	234	Туръ	226
Руконогія	117	Турецкая обезьяна	235
Рыбы	187	У грицы	95 и 96
Рѣсничныя инфузоріи	46	Ужъ	210
С аламандры	202	Уколы	202
Саранчп	150	Улитки	182
Саркода (sarx, sarkos—мясо)	1	Усоногія	124
Сахарница	149	Устрицы	181
Свайники	100	Утконосъ	220
Сверчки	150	Урь	226
Свиньи	225	Уховертка	150
Сегментадія	18	Ф агоциты (phago—ѣмъ, cytos— кѣлочка)	5
Симбіозъ (syn—вмѣстѣ, bios—жизнь) 12		Фазаыи	217
Скаты	195	Фаланги	134
Склериты (skleros—твердый)	3	Филогенезъ (Phylogenesis: phylon— племя, genesis—рожденіе).	21
Скорпионы	135	Финка	79
Скребяи	109	Х востатыя земноводныя	202
Слизень	182	Хищныя млекопитающія	232
Слоны	230	Хищныя птицы	216
Слѣпни	161	Хлѣбный жукъ	169
Слѣпыши (змѣи)	210	Холмозубыя	225
Собаки	233	Хрущакъ мучной	169
Солнечники	36	Хрящевлаивниковыя	194
Сосальщикои	72	Ц есарки	217
Спарникъ	103	Цикады	152
Спороцисты (spora—спора, cystis— пузырь)	74	Циста (cystis—пузырь)	33
Стрекозы	155	Цистицеркондъ	79
Струнцы	106	Ч еловѣкоподобныя обезьяны	286
Сумчатыя	220		
Сцифополипъ (scyphus—кубокъ) . 57			
Сцифостома (scyphus—кубокъ, sto- ма—ротъ)	57		

Червецы	152	Эктосаркъ (ectos—наружный, sarx—мясо)	33
Черви	69	Электрическіе скаты	195
Червяги	204	Электрическіе сомы	198
Черепахи	211	Электрическіе угри	198
Чесночницы	202	Эндостиль (endo—внутри, stylus—стержень)	118
Четверорукия	234	Энтоплазма (ento—внутри, plasma—образование)	33
Членистоногія	120	Энтосаркъ (ento—внутри, sarx—мясо)	33
Членистохоботныя	151	Эхидны	220
Ш елкопрядъ	169	Ю кстаппозиція (juxta — подлѣ, arpoно—прикладываю)	1
Шимпанзе	236	Я зычковыя	148
Шмели	175	Ящерицы	206
Шпанки	169		
Щ етинковые	111		
Э ктоплазма (ectos — наружный, plasma—образование)	33		

Об'ясненіе таблицъ.

Таблица I.

1. Листоногъ (*Apus*) ест. вел.
2. Циклопъ (*Cyclops*), самка съ яйцевыми мѣшечками, увел.
3. Водяная блоха (*Daphnia*), самка, увел.
4. Паучекъ-тихоходецъ (*Arctiscoen*), увел.
5. *Sacculina*, *a*—самка, увел. ок. 2 разъ; *b*—личинка, сильно увел.
6. *Magosphaera*.
7. Ракъ-отшельникъ, въ сожителствѣ съ активной.
8. *Bonellia*. *a*—самецъ, сильно увел.; *b*—самка въ ест. вел. съ умѣренно растянутою хоботковою лопастью.
9. *Miastor*, живородящая личинка, увел.
10. *Blastula*.
11. Дальнѣйшее осложненіе зародыша (схема). Наружнее кольцо—эпигласть, внутренній—гипогласть. Изъ

послѣднаго развиваются: парными, карманообразными выпячиваніями—средній зародышевый листъ и вторичная полость тѣла (*coeloma*), непарнымъ выпячиваніемъ—*chorda dorsalis*. Между желобкомъ спинной струны и эпигластомъ видѣнъ разрѣзъ центральной нервной трубки.

13. Мимиврія. *a*—привидѣнье (*Asaphthodermis*)—подражаніе хвосту; *b*—бродячій листъ (*Phyllium*)—подражаніе листу; *c*—сверху оса, снизу подражающее ей по цвѣту (черному съ желтыми полосками) двукрылое (*Syrphus*) и жесткокрылое изъ дровосѣковъ (*Clytus*).

14. Морской конекъ (*Phyllopteryx*), подражающій водорослямъ.

15. Примѣры нормальной асимметріи. *a*—черепъ морскаго единорога (*Monodon*); *b*—голова клеста; *c*—камбала.

Таблица II.

Всѣ рисунки сильно увеличены.

16. *Protamoeba*. *a*—цѣлый организмъ съ псевдоподіями; *b*, *c*—процессъ дѣленія.
17. *Protozoa*. Вверху—цѣлый организмъ съ многочисленными вѣтвистыми псевдоподіями. Внизу—инцистированіе и спорованіе. Посрединѣ свободныя жгутиковыя споры, переходящія въ амебонидныя существа, отчасти другъ съ другомъ сливающимся.

18. *Batubius*. При немъ: коккосфера и отдѣльный кокколитъ.

24. Микроскопическое строеніе мѣла.

34. *Rhopaloscerphalus carcinomatosus* (по *Коротневу*). См. стр. 41.

36. Малайскіе зоомікробы. См. стр. 42.

37. Монады (*Monas*).

38. Церкомонады (*Cercomonas*).

39. *Bodo urinarius*.

40. *Trichomonas vaginalis*.

41. *Megastoma intestinale*.

42. *Tytrapa ovata*. Слѣва типичная—спиральная форма; правѣ—парообразная форма и различныя ступени ея дѣленія; справа—дѣленіе веретенообразной формы.

45. Размноженіе инцистированной инфузорія.

48. Примеръ одиночной вортицеллѣиды.

49. Примеръ колоніальной вортицеллѣиды (*Eristylis*).

53. Дидіомида. Слѣва взрослая форма съ молодью, зарождающаея эндогенно въ центральной кѣлочкѣ. Слѣ-

ва—различныя ступени зародышевого развитія.

54. *Salinella salve*. Сверху—взрослая особь. Подъ нею предполагаемая самая молодая, однокѣтная: внизу копьюгація съ инцистированіемъ и послѣдательнымъ дробленіемъ на споры.

55. Строеіе стѣнки тѣла гидры. Слѣва кѣлочка гипобласта съ мерцательными рѣсницами; справа—кѣлочка эпибласта съ киндоцистами. Между гипобластомъ и эпибластомъ—пограничная пластинка.

56. Гистологическіе элементы кишечнополостныхъ. См. стр. 52.

59. *a, b*. Почкованіе гидры.

Таблица III.

62. Единство устройства гидрополина и медузы. *a*—гидрополипъ; *b*—медуза, перевернутая, въ продольномъ сѣченіи; *ep*—эпибластъ; *hy*—гипобластъ; *m*—мезобластъ; *t*—щупальца.

63. Развитие высшихъ медузъ. *a*—плавающая личинка *planula*; *b*—сидячій сцифополипъ; *c*—такой же сцифополипъ, почкующій личинокъ медузъ (*ephyra*); *d*—отшнуровавшаяся *ephyra*.

64. Корнеротъ (*Rhizostoma*).

65. Медуза (*a*) и постепенная ея деградация (*b, c*) до ступени половой почки или скопленія половыхъ продуктовъ (*d*).

66. Трубочатникъ (схема). *a*—стержень, увѣнчанный воздухоноснымъ пузырькомъ; *b*—пищеварительные полости; *c*—ловчія нити; *d*—щупики; *e*—поло-

вая особь; *f*—плавательные колокола; *g*—покровная чешуя.

67. Пузырьникъ (*Physalia*).

71. *Olynthus*. *o*—*osculum*; *p*—*pori*.

72. Строеіе стѣнки тѣла губки. *e*—эпибластъ; *h*—гипобластъ; *m*—мезобластъ съ яйцевыми кѣлочками.

73. Схема осложненнаго устройства губокъ.

74. Скелетъ губокъ. *a*—роговая сѣтъ; *b*—пглы.

75. Развитие губокъ. *a*—*planula*; *b*—*gastrula*; *c*—молодая губка.

76. Бадага (*Spongilla*). *a*—колонія на ностороннемъ тѣлѣ, въ ест. вел.; *b*—скелетъ; *c*—скелетъ, увел.

80. Волосатка (*Comatula*), небольшой экземпляръ въ ест. вел.; *b*—молодые экземпляры трехъ возрастовъ, увел.

Таблица IV.

85. Личинка *Trochophora*, увел. *a*—задній проходъ; *i*—нишка; *n*—центральная нервная система; *o*—ротъ; *pr*—протоцефриды.

86. Коловратка (*Rotifer*), сил. увел. *A*—самка; *B*—калпковый самецъ. *t*—сѣмянникъ.

87. Прѣсноводный водоворотникъ (*Planaria*).

88. Морской водоворотникъ (*Thysanozoon*).

89. Строеіе прямокишечнаго водоворотника (*Mesostomum*). *o*—ротъ.

90. Размноженіе дѣлевіемъ прямокишечнаго водоворотника (*Microstomum*).

91. Строеніе вѣтвистокішечнаго водоворотника (*Polycelis*).

92. *Coeloplana*.

93. Половой аппаратъ водоворотника (*Mesostomum*). Въ центрѣ рпеука намѣченъ ротъ. *ov*—яичники; *gc*—желточники; *r*—сѣмяпріемникъ; *v*—влагалище; *t*—сѣмянники; *p*—членъ.

99. *Polystomum integerrimum*, увел.

100. Двуустка печеночная (*Distomum hepaticum*), большой экземпляръ въ ест. вел.

101. Яйцо *Distomum hepaticum*, сильно увел.

102. *Limnaea minuta*, въ ест. вел.

103. Двуустка ланцетовидная (*Distomum lanceolatum*), въ ест. вел.

109. *Sargophyllaeus*, увел.

110. *Archigetes*, увел.

111. Хвостатый цистицеркоидъ.

112. Цистицеркоиды. *A*—голова вытянута; *B*—голова наполовину вытянута; *C*—голова вполне вытянута.

113. Цистицерки. *A*—съ выпяченной головкой; *B*—съ впяченной головкой.

114. Цѣпень мозговика (*Taenia coenurus*). *A*—небольшой экземпляръ въ ест. вел.; *B*—сколексъ, увел.; *C*—цистицеркъ съ выпяченными головками; *D*—цистицеркъ со впяченными головками.

115. Финки (*Cysticercus cellulosa*) въ кускѣ свинины, въ ест. вел.

116. Развѣтвленная разновидность финки.

117. Цистицеркъ въ глубинѣ человѣческаго глаза. Продольный разрѣзъ.

118. Цистицеркъ передней камеры человѣческаго глаза. Сколексъ вытянутъ.

Таблица V.

119. Лентецъ широкій (*Bothrioccephalus latus*), голова и два членника, увелич.

120. Цѣпень невооруженный (*Taenia saginata*), голова и членникъ, увел.

121. Цѣпень вооруженный (*Taenia solium*), голова и членникъ, увел.

122. Лентецъ широкій (*Bothrioccephalus latus*), въ ест. вел., съ пропусками.

123. Цѣпень невооруженный (*Taenia saginata*), въ ест. вел., съ пропусками.

124. Цѣпень вооруженный (*Taenia solium*), въ ест. вел., укороченный.

125. Голова *T. solium* спереди.

126. Цѣпень тмевовидный (*Taenia cucumerina*). *A*—ленточная форма, въ ест. вел., съ пропусками; *B*—проглотка; *C*—цистицеркоидъ.

127. Молодой половозрѣлый членникъ *T. solium*. *a*—быльковая железа; *e*—выдѣлительный каналъ; *n*—нервный стволъ; *ot*—скорлуповая железа (оотипъ); *ov*—яичники; *t*—сѣмянники; *m*—матка, пока безъ выпяченій; *v*—

влагалище; *vd*—сѣмяпроводъ (*vas deferens*).

128. Половозрѣлый членникъ *B. latus*. *f*—женское половое отверстие; *m*—мужское половое отверстие; *ot*—скорлуповая железа; *ov*—яичники; *p*—въ впяченный членъ; *t*—сѣмянники; *m*—матка; *vd*—сѣмяпроводъ.

129. Схема строенія и размноженія эхинококка. *a, b, c, d, e*—различныя ступени почкованія выводковъхъ капсулекъ и сколексовъ; *f*—лопушная выводковая капсулька; *g*—сколексъ, перерождающійся въ капсульку; *h*—выводковая капсулька, перерождающаяся въ дочерній эхинококкъ; *i, k, l, m*—различныя ступени экзогеннаго развитія дочернихъ эхинококковъ.

130. Сколексъ эхинококка.

131. Гроздевидный эхинококкъ (*Echinococcus racemosus*).

132. Многогнѣздный эхинококкъ (*Echinococcus multilocularis*).

133. Эхинококкъ печени, не вскрытый.

Таблица VI.

164. Угрида (*Anguillula stercoralis*).
165. Аскарида кошачья (*Ascaris mystax*). *A*—самка, въ ест. вел.; *B*—голова, увел.; *C*—яйцо, сильно увел.
166. Острица червеобразная (*Oxyuris vermicularis*). *A*—самецъ; *B*—самка, въ ест. вел.ч.
167. Свайникъ двѣнадцатиперстной кишки (*Strongylus duodenalis*), въ ест. вел. *A*—самецъ; *B*—самка.
168. Свайникъ двѣнадцатиперстной кишки (*Strongylus duodenalis*), увел. *A*—самецъ; *B*—самка; *C*—ротовая капсула; *E*—яйцо; *D*—совокупительный колоколь.
169. Власоглавъ неварный (*Trichocephalus dispar*). *A*—самецъ; *B*—самка, въ ест. вел.; *C*—самецъ, укрѣпленный въ слизистой оболочкѣ, увел.
170. Трихинъ, увелич. *A*—самецъ; *B*—самка.
171. Нитчатка кровяная человѣчья (*Filaria sanguinis hominis*). *A*—половозрѣлая особь, увел. въ 2 раза; *B*—личинки въ кровѣ, увелич.
172. Ринета (*Filaria medinensis*). *A*—самка, въ ест. вел.; *B*—головной конецъ, увел.; *C*—поперечный разрѣзъ животнаго, увел. Видны: стѣнка тѣла; слѣва прижатый къ ней облитерированный кишечникъ; въ центрѣ матка, набитая личинками; *D*—целоуѣ, зараженный личинками.
173. Кровеносная система кольчатого червя. *a*—спинной, *b*—брюшной ствола; между ними, по сегментамъ тѣла—анастомозы.
174. Сегментальныя трубочки кольчатого червя.
175. Щетинка кольчатого червя въ выдѣлвшемъ ее мѣшечкѣ. Подъ нею замѣстительница. *m, m'*—мускулы. Мп—кроскопич. препар.
176. Поперечный разрѣзъ кольца (схема). *br*—жабры; *s*—щупикъ; *l*—кишка; *n*—брюшная нервная цѣпь; *p, p'*—параподи; *s*—сегментальныя трубочки; *v, v'*—кровеносныя сосуды.
177. Размноженіе кольчатого червя (*Myrianida*) почкованіемъ.

Таблица VII.

178. Мшанка (*Plumatella*), увел.
179. Представитель руконогихъ (*Terebratula*).
180. Отроеіе асцидій, полусхема: *a*—задній проходъ; *s*—сердце; *cl*—клоака; *cl'*—выходное отверстіе; *e*—эндо-стиль или нижежаберный желобокъ; *hy*—нижній мозговой придатокъ (*hypophysis*); *i*—кишка; *n*—мозговой узелъ; *ov*—яичникъ; *ph*—жаберная клѣтка; *t*—сѣмянникъ; *tu*—звѣзочка; *v*—желудокъ.
181. Нижежаберный желобокъ асцидій въ поперечномъ сѣченіи, увел.
182. Развѣтїе простыхъ асцидій. *A*—ступень развитія, слѣдующая за *gastula*: *blastoporus* (*br*) слѣстился на спинную поверхность; образуются сливные валики. *B*—таже ступень развитія въ медіальномъ сѣченіи. *C*—дальнѣйшая ступень развитія; спинныя валики сомкнулись; *blastoporus* замѣнился *neurogorus* (*np*). *D*—таже ступень развитія въ медіальномъ сѣченіи. *sl*—спинная струна; *ne*—нервно-кишечный каналъ. *E*—хвостатая личинка. *sl*—спинная струна; *d*—кишечникъ; *n*—центральная нервная система; *ph*—жаберная клѣтка.
183. Сложная асцидія (*Botryllus*), въ ест. велич.
184. *Appendicularia*.
185. Простой (точечный) глазъ паука въ продольномъ сѣченіи. *cv*—стекловидное тѣло; *l*—хрусталикъ; *r*—слѣчатка.

186. Сложный глаз въ радиальномъ сѣченіи.
 187. Дыхательная трубочка (трахея).
f — спиральная кутікулярная нить;
st — устиде.
 188. Зофа, увелич.
 189. Мокрица (*Oniscus*), въ ест. вел.
 190. Морская уточка (*Lepas*), въ ест. велнч.
 191. Бокославъ (*Gammarus*).
 192. Крабъ обыкновенный (*Carcinus maenas*), небольшої экземпляръ въ ест. велнч.
 193. Поперечный разрѣзъ рѣчного рака. *br* — жабры; *c* — сердце; *p* — ноги.

194. Придатки тѣла рѣчного рака.
a₁ *a₂* — первая и вторая пара усиковъ;
md — верхняя челюсть; *mx₁*, *mx₂* — первая и вторая пары нижнихъ челюстей;
pt₁, *pt₂*, *pt₃* — три пары ногочелюстей;
p₁ до *p₅* — пять паръ ногъ; *pa₁* — шесть паръ брюшныхъ конечностей.
 195. Желудокъ рѣчного рака въ медіальномъ сѣченіи. Видны зубы и жерновокъ. *i* — кишка; *oe* — пищеводъ.
 196. Жерновки рѣчного рака.
 197. Кипсакъ (*Julus*).
 198. Сколопендра (*Scolopendra*), передняя часть тѣла. *pt₁*, *pt₂* — двѣ пары ногочелюстей.

Таблица VIII.

212. Голова крестовика (*Ereiga diademata*), спереди. На лбу глазен. *md* — верхнія челюсти; *p* — щупики нижней челюсти.
 213. Ротовыя части крестовика. *md* — верхнія челюсти; *mx* — нижнія челюсти; *p* — щупикъ.
 214. Крестовикъ (*Ereiga diademata*), самка, въ ест. вел.
 215. Совокупительный снарядъ паука-самца.
 216. Анатомическое строеніе паука, полусхема. *cor* — сердце; *g* — ядовитая железа; *h* — печень; *m* — мальпиевы сосуды; *o* — глазки; *ov* — яичникъ; *p* — ноги; *pl* — легкія; *v*, *t* — паутинные железы и ихъ протоки; *v* — паутинные бородавки.
 217. Тарантулъ (*Lycosa tarentula*), самка, въ ест. вел.
 218. Мальничнато или каракуртъ (*Lathrodectus tedeceinguttatus*), самка, въ ест. велнч.
 219. Фаланга (*Galeodes aganeoides*), въ ест. велнч.
 220. Скорпионъ (*Scorpio europaicus*), въ ест. велнч.
 221. Клещакъ собачій (*Ixodes ricinus*). *A* — самецъ; *B* — самка; *C* — самка, насосавшаяся, ест. вел.; *D* — хоботъ,

- увелич. *md* — верхнія челюсти; *mx* — нижнія челюсти; *p* — щупики.
 222. Травяной клещъ (*Lepthmus autumnalis*), увелич.
 223. Зудень чесоточный (*Sarcoptes scabiei*), увелич. *A* — самецъ; *B* — самка; *C* — кожный ходъ съ самкою, яйцами и пометомъ.
 224. Акарь сырный (*Tyroglyphus sigo*), сильно увелич.
 225. Членики настѣкомаго (жука): членики головы, три членика груди съ ногами и крыльями, членики брюха. *f* — бедро; *t* — голень.
 226. Кусаящія ротовыя части тарантана (*Pteriplaneta*). *lv* — верхняя губа *md* — верхнія челюсти; *mx* — нижнія челюсти со щупиками*; *lb* — нижняя губа со щупиками**.
 227. Голова пчелы (*Apis*). Видны: усики, глаза сложные и простые. *md* — верхніе челюсти; *mx₁* — нижнія челюсти; *mx₂* — вторая пара нижнихъ челюстей (нижняя губа); *l* — языкъ.
 228. Органы пищеваренія пчелы. *gv* — ядовитѣльная железа; *im* — зобъ; *m* — мальпигиевы сосуды; *oe* — пищеводъ; *r* — толстая кишка; *s* — слюнная железа; *v* — желудокъ.

229. Дыкательныя трубочки. Слѣва сохранена полоса кожи съ устидами.

230. Сахарница (*Lepisma saccharina*), въ ест. веллч.

231. Уховертка (*Forficula auricularia*), въ ест. веллч.

232. Черный тарануль (*Periplaneta orientalis*), въ ест. вел. *A*—самецъ; *B*—самка съ кокономъ; *C*—вскрытый вдоль коконъ, увел. въ 1½ раза.

233. Цикада манновая (*Cicada orni*), въ ест. веллч.

234. Кошениль (*Coccus casti*) на вѣтви кактуса, въ ест. веллч.

235. Тли (*Aphis*), крылатый самецъ и безкрылая кормилица, увел.

236. Вошь головная (*Pediculus capitis*), увел. *A*—насыкомое; *B*, *C*, *D*—хоботъ на различныхъ ступеняхъ выдвиганія.

Таблица IX.

259. Голова мухи (*Musca domestica*), сбоку. *hpi*—нижнеглоточникъ; *lb*—нижняя губа, преобразованная въ хоботокъ-черпало; *lr*—верхняя губа; *me*—подбородокъ; *ma*—зачатки нижнихъ челюстей; *—нижнечелюстные щупики; **—губные щупики.

260. Ротовыя части комара-самки, раздвинутыя. *lb*—нижняя губа; *lr*—верхняя губа; *md*—верхняя челюсти; *mx*—нижняя челюсти; *—нижнечелюстные щупики.

261. Лапка домашней мухи. *p*—подшвенныя лопасти.

262. Вольфартова муха (*Sarcophaga magnifica*), въ ест. вел.

263. Момка колумбацкая (*Simulia columbaeschenensis*), увел.

264. Блоха лесчаная (*Sarcophylla repentina*), раздувающаяся самка.

265. Шелкопрядъ тутовый (*Bombux mori*). *A*—бабочка; *B*—гусеница; *C*—куколка.

266. Шпаяка (*Lytta vesicatoria*) на листѣ бузины, въ ест. вел. *A*, *B*—самцы; *C*—самка; *D*—молодая личинка, увелчч.

267. Майка (*Meloe*), въ ест. вел.

268. Гиперметаморфоза *Meloe*.

269. Орѣхотворки (*Cynips*). *A*—крылатое насыкомое; *B*—личинка внутри чернильнаго орѣшка; *C*—орѣшекъ покинутый насыкомымъ.

270. Муравей рыжий (*Formica rufa*). *A*—взрослый самецъ; *B*—взрослая самка; *C*—работчій, увел.; *D*—личинка, увел.; *E*—куколка, увел.; *F*—коконъ.

271. Шершень (*Vespa crabro*),

272. Пчела обыкновенная (*Apis mellifera*). *A*, *A1*—трутень и его голова; *B*, *B1*—матка и ея голова; *C*, *C1*—работчая и ея голова.

273. Слон раковины. *c*—кутикулярный слой; *p*—призматическій слой; *s*—перламутровый слой; *ee*—наружный, *ei*—внутренній эпителий эпанчи.

274. Пластинчато-жаберное животное въ поперечномъ сѣченіи (полухема). *br*—жабры; *co*—равовина; *i*—прямая кишка; *l*—связка; *p*—нога; *r*—почки; *t*—эпанча; *v*—желудочекъ сердца.

275. Сегментальныя выдѣлительныя органы зародыша акулы.

276. Схема развитія плавниковъ у зародыша акулы.

277. Различныя формы рыбной чешуи. *A*—циклоидная ч.; *B*—стеноидная ч.; *C*—ганеоидная ч.; *D*—плакоидная ч.

Таблица X.

289. Мозгъ окуны сверху. *c*—мозжечекъ; *h*—большія полушарія; *lo*—обонятельныя лопасти.

290. Спиральная кишечная заслонка.

291. Два главнѣйшихъ типа рыбныхъ жаберъ. *A*—гребенчатая жабрь; *op*—

жаберная крышка. *B*—скрытыя жаберы.

292. Плавательный пузырь о двухъ отдѣлахъ, съ воздухоноснымъ каналомъ. Рисунокъ перевернуть.

293. Схема органовъ кровообращенія рыбъ. *a*—предсердіе; *v*—желудочекъ; *ba*—*Bulbus arteriosus*; *ao*—аорта.

294. Ланцетникъ (*Amphioxus lanceolatus*), въ ест. вел.

295. Внутренности ланцетника. *a*—задній проходъ; *br*—жаберная клетка; *ch*—спинная струна; *cp*—околожабер. полость; *g*—полов. мѣшечки; *h*—печень; *n*—центр. нервн. сист.; *P*—отверстіе околожаб. пол. (*porus peribranchialis*).

296. Кровеносная система ланцетника. *ao*—артеріальный стволъ; *v*—венозный стволъ.

297. Минога (*Petromyzon*), уменьш.

298. Электрическій скаты (*Torpedo maritima*), уменьш. *Le*—электриче-

ская лопасть продолговатаго мозга; *oe*—электрическій органъ.

299. Микроскопическ. строеніе пластинокъ электрическихъ столбиковъ. *N*—нервные вѣточки; *ln*—слой нервныхъ окончаній; *le*—электрическій слой; *lg*—студенистый слой.

300. Акула (*Acanthias*).

301. Позвонки осетровой рыбы, *A* сверху, *B* спереди. *ai*—нижнія дуги; *as*—верхнія дуги; *ch*—спинная струна; *ps*—остистые отростки.

302. Бѣлуга (*Acipenser huso*).

303. Электрическій сомъ (*Malapterurus electricus*).

304. Четырехзубецъ (*Tetrodon*).

305. Синанцея (*Synanceia*).

306. Треска (*Gadus morrhua*).

307. Электрическій угрь (*Gymnotus electricus*).

308. Легочная рыба (*Protopterus*).

Таблица XI.

309. Протей темничный (*Proteus*).

310. Саламандра пятнистая (*Salamandra maculosa*).

311. Аксолотль (*Siredon pisciformis*).

312. Кожныя железы саламандръ, микроскопич. преп.

313. *Heloderma horridum*.

314. Черепъ змѣи (*Crotalus*). *m*—верхнечелюстная кость.

315. Ядоносные зубы змѣи—сбоку и въ поперечномъ сѣченіи. *p*—зубная полость. *A*, *A'*—желобоватый зубъ; *B*, *B'*—трубчатый зубъ.

316. Ядоносный снарядъ гремучника.

317. Голова ужа (*Coluber natrix*).

318. Голова гадюки (*Vipera berus*).

319. Голова и шея очковой змѣи (*Naja*).

320. Гремучка гремучника (*Crotalus*).

321. Пуховина и перо. *s*—очинъ; *r*—стержень; *v*—опухало.

322. Распредѣл. покровныхъ перьевъ у курицы.

323. Скелетъ птицы. *s*—запястье;

cl—ключица; *co*—вторыя ключицы; *f*—бедренная к.; *fi*—малая берцовая к.; *h*—плечевая к.; *ii*—подвздошная к.; *is*—сѣдалищная к.; *m*—запястье; *ms*—пясть; *mt*—плюсна; *p*—лобковая к.; *r*—лучевая к.; *v*—грудина; *vc*—лопатка; *t*—большая берцовая к.; *w*—локтевая к.

324. Воздухоносные мѣшки голубя.

325. Строеніе птичьяго яйца. *a*—бѣлокъ; *ch*—градинки; *dp*—наседъ; *mt*—скорлуповая пленка; *t*—скорлупа; *v*—желтокъ; *v'*—бѣлый желтокъ.

326. Мозгъ голубя. *s*—мозжечекъ; *sq*—средній мозгъ; *ep*—верхній мозговой придатокъ; *h*—большія полушарія; *mo*—продолговой мозгъ.

327. Ископаемая зубастая птицы (*Odontornithes*). *A*—черепъ *Ichthyornis*. *B*—кисть *Archaeopteryx*.

Таблица XII.

128. Утконось (<i>Ornithorhynchus paradoxus</i>).	335. Кабарга (<i>Moschus moschiferus</i>), самецъ.
329. Ежакъ (<i>Echidna hystrix</i>).	336. Типы кистей млекопитающихъ.
330. Двуутробка (<i>Didelphys dorsigera</i>).	A—собака; B—свинья; C—корова; D— лошадь.
331. Кенгуру (<i>Macrurus</i>).	337. Черепъ гориллы (<i>Gorilla gina</i>).
332. Кашалотъ (<i>Physeter macrocephalus</i>).	338. Бобръ (<i>Castor fiber</i>).
333. Черепъ настоящаго кита.	339. Черепъ бобра.
334. Желудки жвачнаго животнаго, I—рубець; II—сѣтка; III—книжка; IV—смѣтъ.	340. Мартышка (<i>Cercopithecus</i>).
	341. Полуобезьяна (<i>Otolicnus</i>).
	342. Цимпанзе (<i>Troglodytes niger</i>).

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
12	16 св.	бодяги;	бадяги.
25	10 св.	снѣгирей;	снигирей.
33	8 св.	батыбей;	батыбій.
36	4 св.	palagisa;	relagisa.
50	9 св.	дѣленіемъ (b)	дѣленіемъ.
—	8 св.	(c)	(b).
—	7 св.	элементовъ	элементовъ (c).
68	4 св.	рис. 83	рис. 83 и 84.
107	10 св.	sanguines	sanguinis.
113	17 св.	отрядъ	Подклассъ II и отрядъ.
118	7 св.	t	tu.
125	2 св.	15	7.
127	3 св.	15	7.
129	8 св.	VI	VII.
131	7 св.	16	216.

Рудольфу Лейкарту

къ его пятидесятилѣтнему докторскому
юбилею

13-го Декабря 1895 года

посвящаетъ

признательный ученикъ.

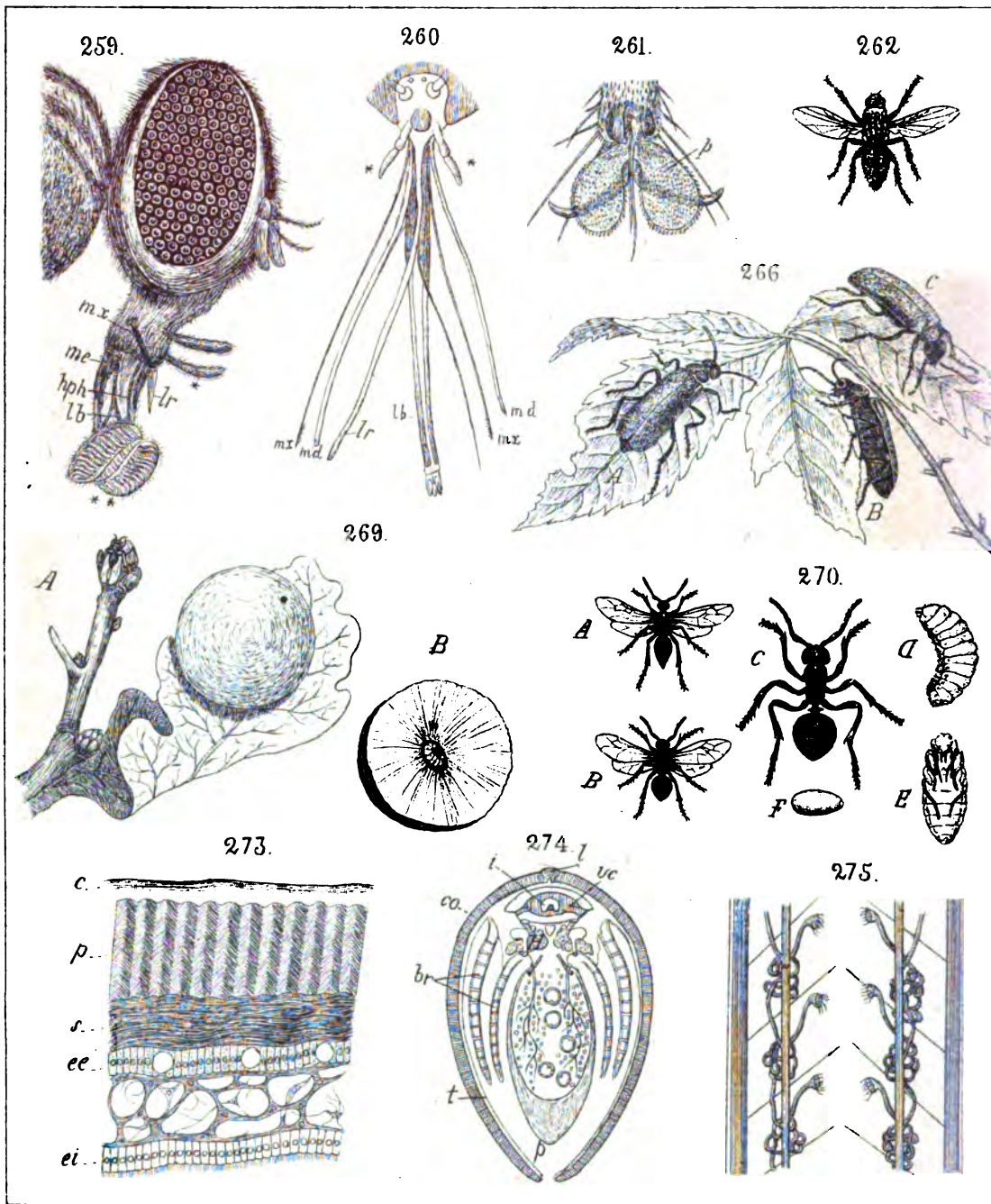
ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	I
Общая Морфологія и Физиологія	1
Общія свойства организмозъ—1. Отличія животныхъ отъ растений—3.	
Одноклѣтныя и многоклѣтныя животныя—4. Ткани—5. Органы—6.	
Антимеры и метамеры—7. Индивидуумы—8. Видъ, родъ, семейство и пр.—9. Сожительство животныхъ—11.	
Общая Исторія развитія	14
А. Онтогенезъ. Самопроизвольное зарожденіе—14. Бесполое размноженіе—15. Однополое размноженіе—15. Двуполое размноженіе—16. Сочетанные способы размноженія—17. Зародышевое развитіе—18. Постзародышевое (постэмбриональное) развитіе—19. Основной законъ развитія организмозъ—19. Результатъ размноженія—20.	
Б. Филогенезъ. Измѣнчивость (<i>Varia'bilitas</i>)—21. Ученіе о происхожденіи видовъ—29.	
Подцарство и типъ I. Простейшія (<i>Protozoa</i>)	31
Кл. 1. Корненожки (<i>Rhizopoda</i>)	32
Кл. 2. Грегарины или Споровики (<i>Gregarinae</i> s. <i>Sporozoa</i>)	37
Кл. 3. Наливочныя или Инфузоріи (<i>Infusoria</i>)	49
Подцарство II. Многоклѣтныя животныя (<i>Metazoa</i>)	49
Типъ II. Бишечвополостныя (<i>Coelenterata</i>)	52
Кл. 1. Полипомедузы (<i>Polypomedusae</i>)	54
Кл. 2. Полипы или Кораллы (<i>Anthozoa</i>)	59
Прибавленіе: Кл. 4. Губки (<i>Spongiae</i> s. <i>Poriferi</i>)	61
Типъ III. Иголкожа (Echinodermata)	64
Типъ IV. Черви (<i>Vermes</i>)	69
Кл. 1. Плоскіе черви (<i>Platyhelminthes</i>)	70
Водоворотники (<i>Turbellaria</i>)—70. Сосальщикообразныя (Trematodes)—72. Ленточныя глисты (<i>Cestodes</i>)—77.	
Кл. 2. Круглые черви (<i>Nemathelminthes</i>)	93
Нитчатые черви (<i>Nematodes</i>)—93. Колючеголовые (<i>Acanthocephali</i>)—108.	
Кл. 3. Кольчатые черви или Кольчецы (<i>Annelides</i>)	110
Подкл. I. Щетинковые (<i>Chaetopoda</i>)—111. Многощетинковые (<i>Polychaetae</i>)—112. Малощетинковые (<i>Oligochaetae</i>)—113.—Подкл. II. Пиявочные (<i>Hirudinei</i>)—113.	
Кл. 5. Мшанки (<i>Bryozoa</i>)	117
Кл. 6. Руконогія (<i>Brachiopoda</i>)	117

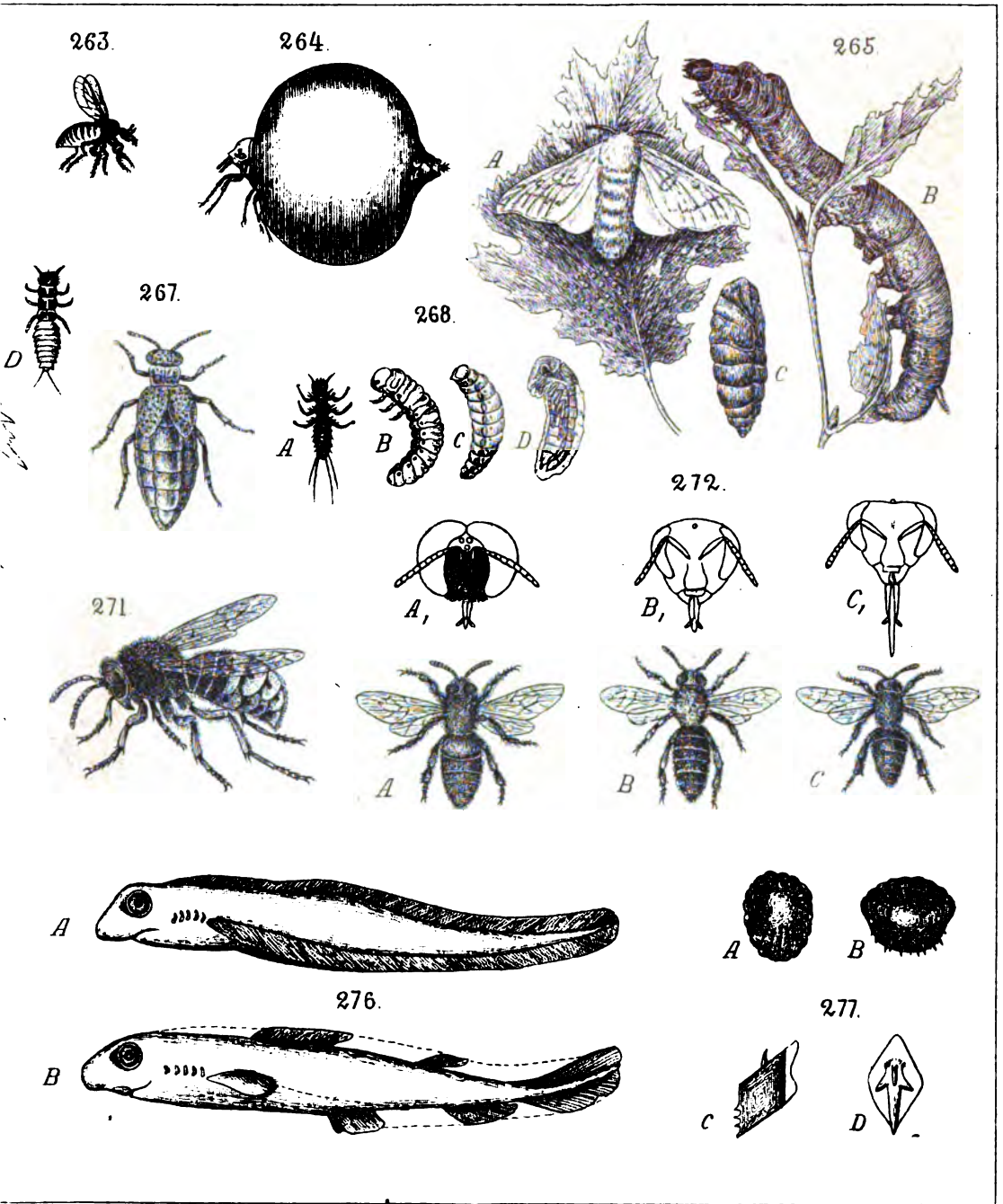
	Стр.
Кл. 7. Оболочники (Tunicata)	118
Типъ V. Членистоногія (Arthropoda)	120
Кл. 1. Ракообразныя (Crustacea)	122
Кл. 2. Многоножки (Myriapoda)	127
Кл. 3. Паукообразныя (Arachnoidea)	129
Настоящіе пауки (Araneina)—130. Фаланги (Solifugae)—134. Скорпионы (Scorpionina)—135. Клещи (Acarina)—136. Языковыя или Пятиустковыя (Linguatulida s. Pentastomida)—143.	
Кл. 4. Насѣкомыя (Insecta)	145
Безкрылородныя (Apterogenea)—149. Прямокрылыя (Orthoptera)—149. Членистоноботныя (Rhynchota)—151. Двукрылыя (Diptera)—156. Чешуе- крылыя или Бабочки (Lepidoptera)—167. Жесткокрылыя или Жуки (Coleoptera)—169. Перепончатокрылыя (Hymenoptera)—171.	
Типъ VI. Мягкотѣлыя (Mollusca)	178
Кл. 1. Пластинчатожаберныя (Lamellibranchiata)	179
Кл. 2. Брюхоногія (Gastropoda)	181
Кл. 3. Головоногія (Cephalopoda)	182
Типъ VII. Позвоночныя (Vertebrata)	185
Кл. 1. Рыбы (Pisces)	187
Безчерешныя или Трубкасердечныя (Acanthia s. Leptocardii)—192. Круг- лоротыя (Cyclostomi)—194. Хрящеплавниковыя (Chondropterygii)—195. Твердочешуйныя (Ganoidei)—196. Костистыя (Teleostei)—197. Двоико- дышашія (Dipnoi)—199.	
Кл. 2. Земноводныя (Amphibia)	200
Хвостатыя (Urodela s. Caudata)—202. Безхвостыя или Лягушки (Anura s. Batrachia)—202. Безногія или Червяги (Apoda s. Gymnophiona)—204.	
Кл. 3. Пресмыкающіяся (Reptilia)	204
Ящерицы (Saurii)—206. Змѣи (Serpentes)—206. Черепахи (Chelonia)—211. Крокодилы (Crocodylia)—211.	
Кл. 4. Птицы (Aves)	211
Куриныя или Сребушія (Gallinacei s. Rasores)—216. Голубиныя (Co- lumbinae)—217. Плаваюція (Natatores)—217.	
Кл. 5. Млекопитающія (Mammalia)	218
Однопроходныя или Птицезвѣри (Monotremata)—219. Сумчатыя (Mar- supialia)—220. Китобразныя (Cetacea)—221. Морскія коровы (Sirenia)— 224. Конятыя (Ungulata)—224. Неполнозубыя (Edentata)—230. Гры- зуны (Rodentia s. Glires)—230. Хищныя (Carnivora s. Ferae)—232. Лас- тоногія (Pinnipedia)—233. Насѣкомоядныя (Insectivora)—234. Руко- крылыя (Chiroptera)—234. Полуобезьяны или Лемуры (Prosimiae)—234. Четверорукія или Обезьяны (Quadrumana)—234. Двурукія (Bimana) 236.	
Этимологическій алфавитный указатель	244
Объясненіе таблицъ	262

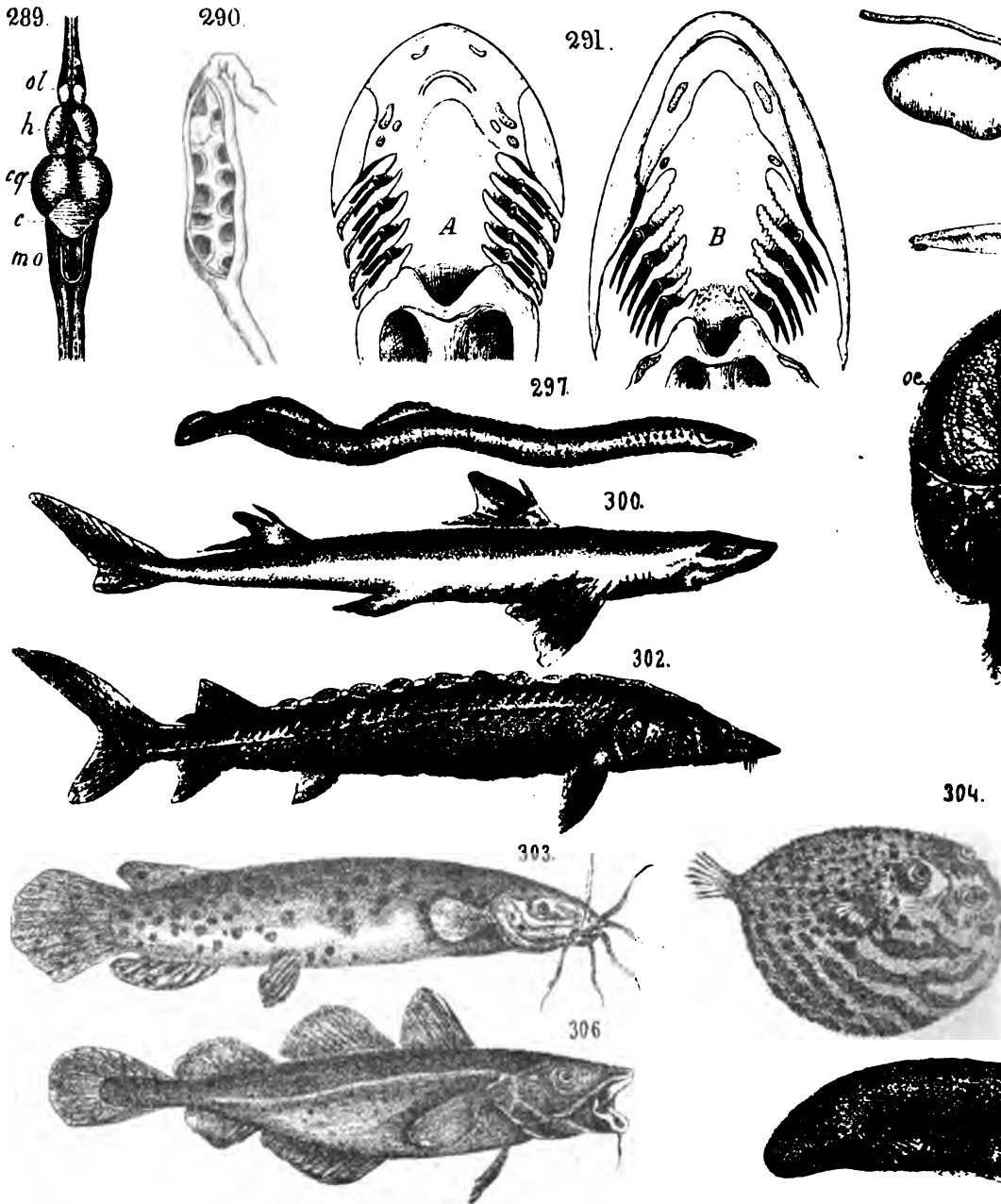

Грaс. II. Сокологъ.

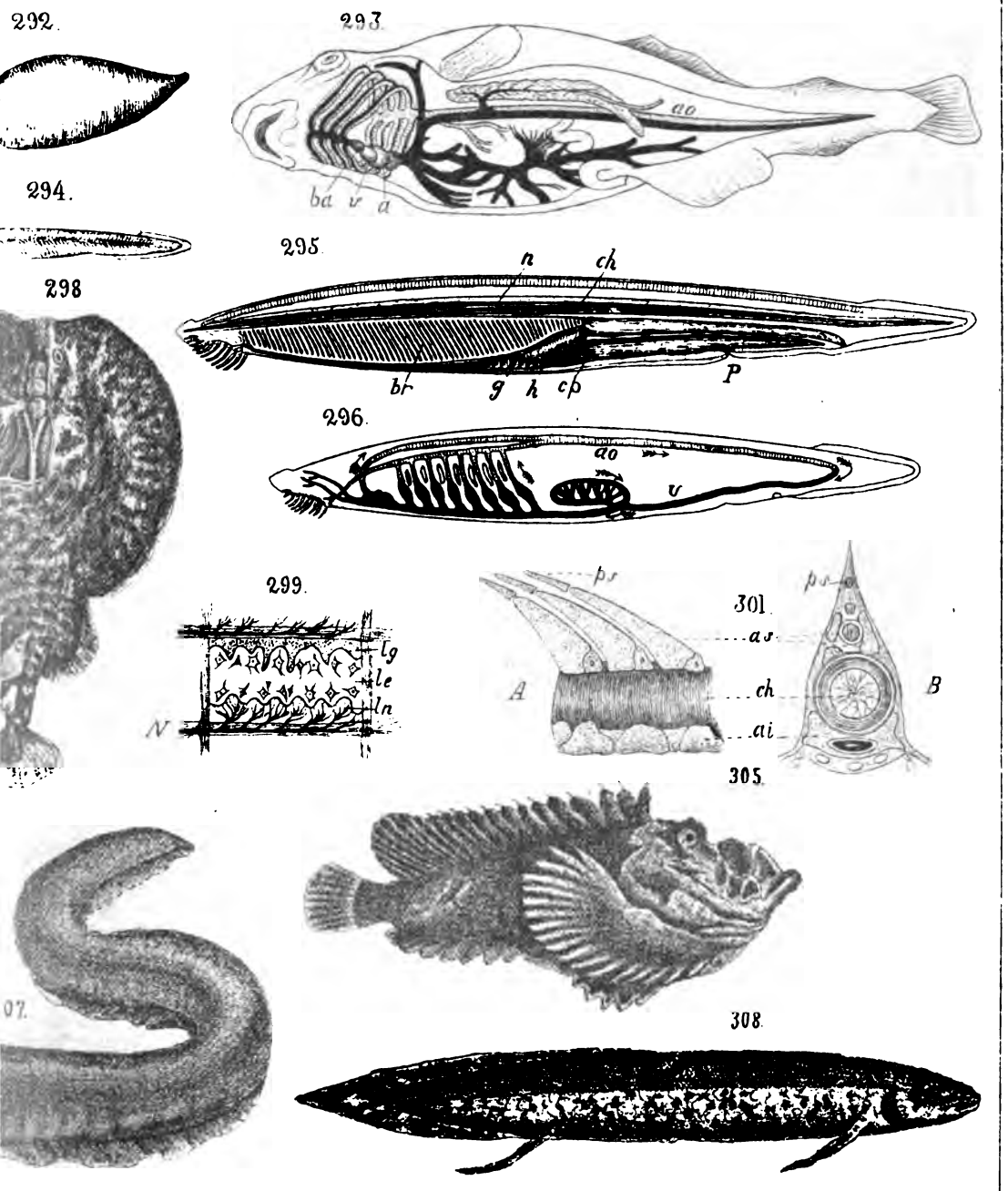

Грав. П. Соколовъ.

Харьковъ, Типо-Литографія Зильберберга.

**„ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА“**

ВЫХОДЯТЪ 4 РАЗА ВЪ ГОДЪ:

1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для студентовъ Харьковского Университета назначается по 2 руб. въ годъ, для постороннихъ лицъ, безъ пересылки, 4 руб., а съ пересылкою 5 руб. въ годъ.

Адресъ Редаціи „Записокъ Императорскаго Харьковского Университета“:
Харьковъ (въ зданіи Университета).

Редакторъ *Проф. Д. Овсянко-Будиковскій.*

18
19

Annales de l'Université impériale de Kharkow.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1895 г.

БИБЛИОТЕКА	УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧ.	КОМИТЕТА
МИНИСТР.	УЧЕБ. Д.
ШКАФЪ	
№ 21097	

70
32

19127

ХАРЬКОВЪ.

Типографія и Литографія Зильберберга, Рыбная—30.

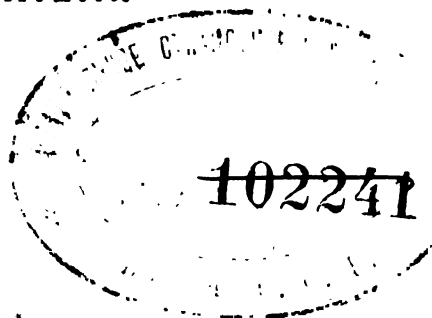
1895.

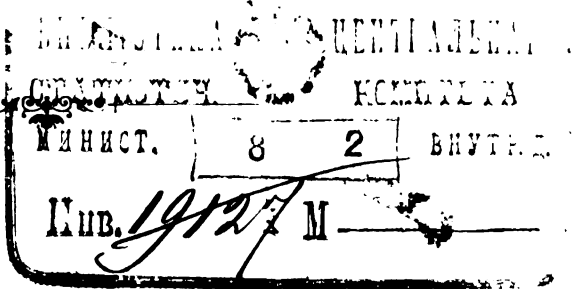
Annales de l'Université Impériale de Kharkow.

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.**

1895 г.

Книга 4.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія и Литографія Зильберберга, Рыбная—30.
1895.

Всего в 1938 году издано 1000 экземпляров

ЗАПИСКИ

ОТ ПЕЧАТНИКА

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1938

Печатать и выпустить в свет разрешается. 1-го Декабря 1895 года.

Ректор Императорского Харьковского Университета

М. Аленченко.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Научный отдѣлъ.

Стран.

Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка. Прив.-доц. А. С. Вязигина	1
Prof.-aggrégé A. Wiazigulne. Notes sur l'histoire de la littérature polémique du XI-me siècle.	
Кудруна. Проф. Л. Ю. Шепелевича	17
Prof. L. Chérolévitch. Kudrun.	
Памяти Г. С. Сковороды. Проф. Ф. А. Зеленогорскаго	109
Prof. Th. Zélenogorsky. A la mémoire de G. S. Skovoroda.	
Петръ Даміани и церковно-общественныя преобразованія XI-го вѣка. Прив.-доц. А. С. Вязигина	119
Prof.-aggrégé A. Wiazigulne. Pierre Damiani et les réformes du XI-me siècle.	
Элементарный учебникъ Римскаго права. Особенная часть. Проф. Л. Н. Загурскаго	163
Prof. L. Zagoursky. Manuel du droit romain.	

Лѣтопись Харьковскаго университета.

Опытъ исторіи Харьковскаго университета. Проф. Д. М. Багалъя	179
Prof. D. Bagaleï. Essai de l'histoire de l'université de Kharkow.	
Замѣтка къ исторіи Харьковскаго университета. Прив.-доц. В. В. Лапина	235
Prof.-aggrégé V. Lapine. Une notice pour l'histoire de l'université de Kharkow.	

Критика и библиографія.

Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von K. Brugmann und B. Delbrück. III Band: Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen von B. Delbrück. 1 ^{ster} Theil. Leipzig. 1893. Прив.-доц. М. Маслова	1
Prof.-aggrégé M. Maslow. Vergleichende Syntax der indogerm. Sprachen von B. Delbrück.	

Приложеніе.

Исследование элементовъ земного магнетизма въ Харьковѣ для эпохи 1894 года. Е. Н. Жижневскаго	1
E. N. Jiznevsky. Etudes sur les éléments du magnétisme terrestre à Kharkow pour l'époque 1894.	
Объявленія	I

STATE OF TEXAS

COUNTY OF _____

Know all men

that _____

of the County of _____ State of Texas, for and in consideration of the sum of _____ Dollars, to _____ of the County of _____ State of Texas, by _____

do hereby certify that _____

is the true and correct copy of the _____

as the same appears from the _____

of the _____

of the _____

of the _____

of the _____

of the _____

Witness my hand and seal

this _____ day of _____ 19____

at _____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка.

А. С. Вязигина.

(Libelli de lite Imperatorum et Pontificum. T. I и II).

(Продолженіе) *).

Установленная Манегольдомъ тѣснѣйшая зависимость державныхъ правъ свѣтскихъ владѣтелей отъ ихъ личныхъ качествъ и поведения составляетъ прямую противоположность вѣчно неизмѣннымъ преимуществамъ апостольскаго престола и въ сильнѣйшей степени отражается на представленіяхъ марбахскаго настоятеля объ отношеніяхъ властей: притязаніи свѣтскихъ правителей на замѣщеніе епископскихъ мѣстъ вообще и римской кафедры въ особенности кажутся ему совершенно неосновательными и онъ вполне послѣдовательно *отвергаетъ свѣтскую инвеституру*, рассматривая вопросъ о ней съ исключительной полнотой и удѣляя ему, сравнительно съ другими современниками, особое вниманіе: по глубочайшему убѣжденію Манегольда духовенство и по значенію своего сана и по вѣскому свидѣтельству писанія стоитъ далеко выше мірянъ, поэтому оно само подвергаетъ себя тяжелой обидѣ и позорному безчестию, отдавая мірянамъ то, что св. каноны вручаютъ исключительно ему ¹⁾. Вѣдь, послѣ постановленія папы Льва ²⁾, только человекъ, впавшій въ явное безуміе, можетъ оспаривать, что епископскіе престолы нельзя раздавать по произволу королевскихъ желаній: папа Левъ не говоритъ: „слѣдуетъ предпочесть всѣмъ лицо, удобное королю“, но „того, кого требуетъ согласное желаніе клира и народа“, и не предписываетъ „по усмотрѣнію короля избирать того, кто оказалъ ему наиболѣе услугъ“, но устанавливаетъ, чтобы „по приговору митрополита предпочтеніе отдавалось тому, за кого говорятъ наибольшія заслуги“. Если бы не было другихъ свидѣтельствъ по данному вопросу, то по одному этому мнѣнію, блестящему и апостольскимъ авторитетомъ и полной разумностью, противники должны были бы обуздать свою глупость“. Какъ наилучшее доказательство разумности постановленія папы Льва, вслѣдъ за этой рѣзкой выходкой, Манегольдъ даетъ правдивую картину церковныхъ не-

¹⁾ С. LI. p. 403.

²⁾ С. LI. p. 400.

*) См. „Зан. Харьк. Унив.“ 1895 г., кн. 2, стр. 179.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“ IV выд., 1895 г.

строений, вызванныхъ произвольнымъ замѣщеніемъ епископскихъ кафедръ свѣтскими владыками. Онъ съ особой силой подчеркиваетъ неестественность установившихся порядковъ, указывая, что клирики не могутъ избрать тѣхъ, кого никогда не видѣли; паства не можетъ испрашивать тѣхъ, о комъ ничего не слышала, не знаетъ ни ихъ образа жизни, ни ихъ дѣяній, ни ихъ нравственности, ни ихъ способностей; часто даже не вѣдаетъ ихъ рода и отечества. Вдобавокъ, большинство царствъ и имперій имѣетъ обширнѣйшіе размѣры, обнимаетъ различныя и разноразличные народы. Весьма часто, поэтому, бываетъ, что государь или князь, находясь на противоположной окраинѣ своихъ владѣній, назначаетъ на осиротѣлый престолъ не только человѣка, воишь неизвѣстнаго его будущей паствѣ, но даже незнающаго ея языка¹⁾.

Эти сѣтованія Манегольда вовсе не плодъ его досужихъ вымысловъ, какъ показываетъ примѣръ Пибона, епископа Тульскаго, который вынужденъ былъ учиться по французски, такъ какъ „совершенно не понималъ языка своей паствы“²⁾. Но такое ревностное стремленіе къ дѣйствительному исполненію своихъ пастьрскихъ обязанностей было рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ: обыкновенно поступали не такъ, что, при существованіи національныхъ антипатій³⁾ и стремленій нѣмецкихъ императоровъ къ замѣщенію епископскихъ мѣстъ имперіи нѣмцами, имѣло чрезвычайно гибельныя послѣдствія: кафедру пастьрей нерѣдко занимали люди, неподготовленные къ мѣстнымъ особенностямъ, не могущіе благотворно вліять на паству и по недостатку свѣдѣній, и образу жизни; скорѣе чиновники императорскіе, чѣмъ служители божьи⁴⁾.

¹⁾ С. LI p. 400—401.

²⁾ Gesta episcoporum Tullensium c. 46 p. 646.

³⁾ Landulfi Lib. II c. 22 p. 59; c. 23 p. 60; c. 26 p. 65; Lib. III c. 32 p. 100. Radulfi Glab. Lib. III c. 9 p. 668.

⁴⁾ Издатель, къ сожалѣнію, ограничился голословнымъ и общимъ осужденіемъ Манегольда и не даетъ необходимыхъ поясненій, но прекрасное подтвержденіе этихъ словъ Манегольда даютъ, вопреки своему желанію, нѣмецкіе ислѣдователи. См. *Franziss, Der deutsche Episcopat in seinem Verhältniss zu Kaiser und Reich unter Heinrich III*, двѣ части. Stadtambhof 1879 и 1880 г. *Beyer, Die Bischofs und Abtswahlen in Deutschland unter Heinrich IV in den Jahren 1056—1076. 1881 г. Bonin, Die Besetzung der deutschen Bistümer in letzten 30 Jahren Heinrichs IV. 1077 bis 1105. 1889 г. ср. Melker, Gregor VII und die Bischofswahlen. 1876. Voigt, Die Klosterpolitik der salischen Kaiser und Könige. Leipzig. 1888.*

Такимъ образомъ, легко ознакомиться съ составомъ и качествами нѣмецкихъ епископовъ времени Генриха IV и III. Къ сожалѣнію, нѣтъ подобныхъ работъ о епископахъ Италіи (Труда *Ughelli Italia Sacra. Venet. 1717 г.* нѣтъ подъ руками), гдѣ злоупотребленія императоровъ были еще замѣтнѣе и пагубнѣе. Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе, что помимо ряда „нѣмецкихъ“ папъ (съ Климента II по Льва IX), нѣмцы сидѣли въ *Аквиленѣ*: Рабингъ: An. Aug. p. 128 и An. Alt. p. 819. Зихардъ: An. Alt. p. 819; Lamberti p. 174; съ *Веронъ* Гартвингъ An. Alt. p. 821. Гусвардъ An. Alt. p. 824; Брюно: An. Alt. p. 824; съ *Пармъ* Эбергардъ Bonithonis Lib. VI p. 655. Adami Lib. III c. 34 p. 348. Ср. подвиги Видгера съ *Русемъ*: Gesta ep. Leod. c. 58. p. 224. Herimani ad. an. 1046 p. 126. Petri Damiani Ep. L. VII № 2, p. 119. Его преемникъ

Всѣ эти нестроения происходили отъ злоупотребленія свѣтской властью правомъ инвеституры, незаконно захваченнымъ.

Сущестующій порядокъ, по Манегольду ¹⁾, стоитъ въ противорѣчїи съ письмами Симмаха, Ормизда, Иннокентія, съ предписаніями папъ Анаклета, Аниція, Бонифація, Геллазія, постановленіями третьяго карфагенскаго собора, арльскаго, 4-й главой Никейскаго и законами Юстиніана ²⁾, такъ какъ для всякаго безумца станеть извѣстнымъ, по ихъ разсмотрѣніи, что королямъ нельзя ставить епископовъ, но *по избраніи ихъ клиромъ и народомъ* надлежитъ посвящать ихъ викаріямъ подъ руководствомъ митрополита.

Однако, Манегольдъ не сумѣлъ окончательно разобраться въ противорѣчивыхъ соборныхъ постановленіяхъ по этому поводу и въ другомъ мѣстѣ ³⁾ приводитъ цѣлый рядъ ихъ съ цѣлью доказать, что замѣщеніе епископскихъ мѣстъ не подчинено произволу королей, но неоспоримо находится *во власти епископовъ*, имѣющихъ полномочіе избрать новаго пастыря взаимнѣ усопшаго. Манегольдъ не замѣчаетъ даже этого разнорѣчїя соборныхъ постановленій, спѣшитъ ⁴⁾ доказать, что инвеститурой нарушаются установленныя апостолами правила избранія священнослужителей, ибо поручено св. Павломъ не царямъ, а Титу и Тимоѳею, послѣ надлежащаго разслѣдованія назначать пресвитеровъ и епископовъ. Кто не подчиняется этому разслѣдованію ⁵⁾ и изъ суетной жизни внезапно, по расположенію государя, попадаетъ на высоту епископскаго достоинства, учить тому, чему самъ никогда не учился, тотъ, по слову евангельскому, воръ и разбойникъ. Да и дѣла ⁶⁾, совершаемыя такими ставленниками мирянъ, поддерживающихъ ихъ или по близкому родству, или изъ-за денегъ и дести, обличаютъ ихъ: проникнувъ въ хлѣвъ божій они для удержанія несправедливо захваченной власти, для полнаго удовлетворенія своихъ страстей, для уклоненія отъ карательной силы христіанскаго строя и порядка, не страшатся умерщвлять людей, принятыхъ ими для управленія, и спѣшатъ низринуть въ адъ тѣхъ, кого

нѣмецъ Гунфрїдъ An. Al. p. 817. Her. Ch. p. 126 an. 1047. Генрихъ еп. Равенскій былъ также родомъ нѣмецъ: Steindorff В. II p. 174 пр. 4. Даже приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобъ поддержать показаніе Манегольда. — Объ общемъ уровнѣ итальянскаго духовенства см.: *Dresdner Kultur und Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit im 10 und 11 Jahrhundert.* Breslau 1890, гдѣ, несмотря на смѣшеніе явленій разнаго времени и отсутствіе критики извѣстій, много цѣнныхъ указаній. О французскихъ епископахъ см. *P. Imbart de la Tour. Les élections épiscopales dans l'église de France du IX au XII siècle.* Paris, 1891.

¹⁾ С. LI, p. 400—403.

²⁾ С. LII, p. 403.

³⁾ С. LV, p. 417.

⁴⁾ С. 53, p. 405.

⁵⁾ С. 54, p. 406; с. 53, p. 403; с. 53, p. 405.

⁶⁾ С. 53, p. 403—4.

*

должны ввести на небо¹⁾. Ихъ поведеніе и образъ жизни стоятъ въ противорѣчій съ ученіемъ св. Августина и папы Григорія Великаго, равно какъ и нѣкоего мудреца²⁾, такъ какъ королевскіе ставленники домогаются мѣсть поученія не ради вѣчной мзды, но изъ-за высокоумнаго стремленія къ мірской славѣ, изъ-за жажды власти, и, не имѣя другой опоры, злоупотребляютъ защитой мірянь³⁾.

Итакъ, „по непреложному авторитету какъ св. отцовъ, такъ и каноническаго писанія, инвеститура уворенилась благодаря честолюбію дурныхъ людей, небрежности и нерадѣнію князей и священно-служителей и, какъ доказано, вообще противна св. отцамъ“⁴⁾. Да и самый обрядъ инвеституры рукой свѣтскаго владѣтеля кажется Манегольдъ⁵⁾ вполне неосновательнымъ. Его логическій умъ замѣчаетъ здѣсь подлежащее устраненію противорѣчіе: „Инвеститура заключается въ передачѣ посоха и перстня. Обыкновенно получаютъ отъ королей посохи—знаменующіе исполненіе пастырскихъ заботъ, и перстни, служащіе обозначеніемъ небесныхъ тайнъ⁶⁾, но, однако, въ послѣдствіи вновь берутъ тѣ же посохи и перстни съ епископскимъ благословеніемъ при повтореніи обряда⁷⁾. Но или предварительное полученіе отъ королей имѣетъ силу, сохраняетъ значеніе и остается непоколебимымъ, или послѣдующее одобреніе епископовъ не имѣетъ значенія, теряетъ силу, колеблется. Оставаться непоколебимыми одновременно оба они не могутъ... Однако даже совершающіе инвеституру міряне признаютъ необходимымъ повторить обрядъ при посвященіи, но уже его совершаютъ посвящающіе епископы. Зачѣмъ же совершать неблагочестивое и нечестивое дѣло, заслуживающее полного осмѣянія, оказывающееся глупѣе всякой глупости, даже безуміе ея? Вѣдь, если запрещено повторять крещеніе, то слѣдуетъ и воспретить повтореніе инвеституры епископовъ: запретное въ одномъ случаѣ не позволено и въ другомъ. Стало быть и по свидѣтельству церковныхъ писаній, и по доводамъ разума инвеститура, совершаемая мірянами, является зло-

¹⁾ Пояснительными примѣрами могутъ послужить епископ Камбре (см. Chr. v. Andreae Lib. III с. 2, р. 540) и Аннонъ Кельскій (см. Lambertі р. 214—215).

²⁾ Бернальда. Манегольдъ вообще довольно широко пользовался его сочиненіями (см. с. 10, р. 331, сл.; с. 17, р. 340—1; с. 20, р. 347; с. 21, р. 348; с. 22, р. 351; с. 25, р. 356, сл.; с. 29, р. 362 и 363; с. 31, р. 368; с. 53, р. 404; с. 71, р. 423). но обнаруживалъ и самостоятельное къ нему отношеніе (см. с. 10, р. 332; с. 17, р. 340 и 341; с. 20, р. 345 и 347; с. 21, р. 348; с. 22, р. 349). Къ сожалѣнію, сочиненія Бернальда издатели отнесли во второй томъ и тѣмъ разорвали временную преемственность.

³⁾ С. 53, р. 403—406.

⁴⁾ С. 54, р. 406.

⁵⁾ С. 64, р. 416.

⁶⁾ Ср. толкованіе Гумберта ст. 21—22 и Manegoldi ad Gebhardum с. 53 р. 405, гдѣ посохъ и перстень названы „libertatis ecclesiasticae insignia“.

⁷⁾ „iterata commendatione“. О значенія слова въ подобныхъ случаяхъ см. *Dic Cange Glossarium* T. III, р. 444, изд. 1884 года.

употребленіемъ, отражающимся самымъ пагубнымъ образомъ на общемъ ходѣ церковной жизни. Эта изва времени рѣзко бросалась въ глаза и нисколько не удивительно, что современное духовенство представлялось Манегольду въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ рисуетъ ¹⁾ священно-служителей, не сочувствовавшихъ преобразованію церкви: „ихъ дѣло и любимое времяпрепровожденіе потолковать о наружности женщинъ, предаться омерзительному распутству, побывать на зрѣлищахъ, поиграть въ кости, поохотиться, устранивъ всякое воздержаніе, наполнить до чрезмѣрности свое чрево яствами и питьями, распредѣлять духовныя должности не по заслугамъ, а по количеству данныхъ денегъ, ненасытно жадать барышей и прибылей, святотатственнымъ торгашествомъ расточать пожертвованное на общую пользу и, что еще хуже, стремиться, чтобъ ихъ считали святыми, несмотря на такіе пороки, совершать не только простыя любодѣянія и блудъ, но на подобіе соглядатаевъ толкаться съ нечистымъ ржаніемъ вокругъ женъ ближнихъ, аббатиссъ и монахинь и вдобавокъ, оставивъ „естественное употребленіе женщинъ творить скверну на мужчинахъ“ ²⁾, радоваться пролитію крови, восхищаться грабежемъ и пожарами, волноваться при видѣ женскихъ украшеній и пышныхъ одеждъ, не столько совершать множество подобныхъ безобразій и безчинствъ, сколько поджигать и поощрять другихъ къ ихъ совершенію“ ³⁾.

Въ такихъ пастыряхъ жило еще и лицемѣріе ⁴⁾ и желаніе казаться святымъ въ глазахъ обманываемаго ими народа. Положеніе дѣлъ настойчиво требовало измѣненія и его необходимою объясняетъ себѣ и другимъ Манегольдъ вмѣшательство папы, находя естественнымъ, что

¹⁾ С. 15 р. 338.

²⁾ Рим. I, 27. *Sodomitā*—отнюдь не дѣтище возрожденія, взрослее на классической почвѣ: она свирѣпствовала съ особой силой въ монастыряхъ, гдѣ иноки, вопли чуждые классическихъ воспоминаній, взаимной исповѣдью отпускали другъ другу общій грѣхъ. См. P. Damiani op. VII с. 7 р. 155. „*Liber Gomonhianus*“ ясно показываетъ, что и міряне и духовенство одинаково предавались гнусному пороку. Зло видѣлось такъ глубоко, что папа Левъ IX совѣтовалъ принять строгія мѣры только относительно наиболѣе виновныхъ *ibid* р. 148.

³⁾ Въ этихъ словахъ Манегольда заключается значительная доля правды: ср. P. Damiani Ep. Lib. I N 15 р. 227. N 20. р. 242. Lib. II N 1 р. 255. Lib. IV. N 9 р. 813. Op. XVI с. 3 р. 363—4. op. XXXI с. 6 р. 548—550 и т. д. *Fulberti Carnotensis episcopi* р. 130—131. *Brunonis Segniensis* р. 847. *Lamberti* р. 171. *Bonithonis* Lib. V р. 625. *Vita Arialdi* с. 7 р. 1441. *Radulfi Glab.* Lib. II с. 6 р. 636—7. *Leo. Cas.* Lib. II с. 16. р. 639. *ib.* Lib. III с. 25 р. 715. *Bertholdi* р. 302. Ep. Col. N 16 р. 541—542. *Herimanni Contr.* р. 129. *Hugonis*, *Opuscula* с. 6 р. 535. Вообще въ современныхъ памятникахъ разсѣяно множество чертъ изъ быта духовенства, которыя блестятельно подтверждаютъ характеристику, данную Манегольдомъ.

⁴⁾ С. 15 р. 338.

папа выступилъ противъ такого нечестія по обязанности своего сана и рвенію къ справедливости, равно какъ по опасенію за будущность христіанскаго міра ¹⁾. Положеніе, занятое папой въ данномъ случаѣ, имѣло рѣшающее значеніе: глаза мірянъ и свѣтскихъ владѣтелей открылись, они съ ужасомъ увидѣли омерзительный образъ жизни своихъ пастырей, для которыхъ прихожане являлись предметомъ выгоды—вѣрнѣе добычи, а не заботы, со скорбью усмотрѣли свою слѣпоту, обреченную на водительство слѣпыми, и сознали, что дурные священнослужители—*главная причина столь смертоносной язвы*.

Стало быть, состояніе церкви, по Манегольду, требовало самыхъ настойчивыхъ мѣропріятій и вмѣшательство папы имѣло самыя благоприятныя послѣдствія, оттолкнувъ стадо отъ негодныхъ пастырей. Исходя изъ такого убѣжденія Манегольдъ и беретъ подъ свою защиту всѣ мѣропріятія Григорія VII ²⁾. Его предписанія противъ симоніи Манегольдъ отстаиваетъ на основаніи постановленій Халкидонскаго собора, почитаемаго, какъ Евангеліе ³⁾, и обязательнаго для всего запада, какъ показываетъ присяга, даваемая епископами. Но рвеніе увлекаетъ нашего писателя далѣе и онъ „для обузданія глупости тѣхъ, кто подумаетъ, что не слѣдуетъ исполнять требованій папы, такъ какъ его поддерживаетъ только одинъ Св. соборъ“, приводитъ ⁴⁾ пѣлую груду выписокъ изъ сочиненій Амвросія, Григорія Великаго, постановленій Толедскаго собора, другихъ помѣстныхъ соборовъ и церковныхъ писателей, равно какъ своеобразныя толкованія библейскихъ мѣстъ, въ особенности разсказа о покупкѣ Авраамомъ могилы для Сарры и о Валаакѣ. Даже за совершеніе требъ, погребенія, нельзя брать деньги: „нельзя искать мзды за землю, обреченную тлѣнію“.

Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ обширныхъ выписокъ Манегольдъ и выводитъ, что запрещеніе симоніи и карательныя мѣры противъ симонистовъ стоятъ въ полномъ согласіи съ установленіями всѣхъ святыхъ отцовъ, жившихъ въ предшествовавшее время, и каждый, противящійся имъ, посягаетъ на „оракуловъ каноническаго писанія“, а потому не только „подлежитъ удаленію отъ служеній, но и исключенію изъ православной общины и осужденію на вѣчную анафему“.

Необходимость осужденія лицъ, выступающихъ посредниками при симоническихъ сдѣлкахъ, Манегольдъ оправдываетъ ⁵⁾ участіемъ Гезія, слуги Елисея.

¹⁾ Ср. с. 28 р. 361.

²⁾ С. 16 р. 340; с. 17 р. 340—1; с. 18 р. 341.

³⁾ С. 18 и 19 р. 341—2.

⁴⁾ С. 20 р. 342—347.

⁵⁾ С. 21 р. 347—8.

Отдѣлъ, посвященный нашимъ писателямъ симоніи, заканчивается разборомъ ходившаго тогда возраженія ¹⁾, будто не продажа посвященія, а купля-продажа имущества, предназначенныхъ для общаго пользования людей, считается позволительной и отнюдь не составляетъ прегрѣшенія.

Устраненіе этого мнѣнія Манегольдъ беретъ ²⁾ у Бернальда, который въ свою очередь ссылается на извѣстное уже письмо Видо ³⁾.

Несмотря на свою распространенность ⁴⁾, симонія осуждалась даже такими яркими поборниками старины, какъ Бенно ⁵⁾ и Бенцо ⁶⁾, поэтому Манегольдъ и не распространяется особенно по ея поводу и обрушивается съ особой яростью на сторонниковъ *брачной жизни духовенства*. Однако, онъ наименѣе самостоятеленъ въ данномъ случаѣ: извѣстный фанатикъ-ненавистникъ женщинъ ⁷⁾ Петръ Даміани и непримиримый Бернальдъ ⁸⁾ даютъ ему важнѣйшія основанія, доводы и ссылки. Манегольдъ придаетъ ⁹⁾ большое значеніе постановленіямъ Никейскаго собора, запретившаго, подѣ страхомъ строгихъ каръ, пребываніе женщинъ, не бывшихъ ближайшими родственницами священнослужителей, въ ихъ домахъ. Стало быть, заключаетъ нашъ писатель, открытое блудодѣянне (брачная жизнь) пастырей не можетъ быть терпимо и подлежитъ суровымъ наказаніямъ. Точно также изъ позволенія мирянамъ принимать причастіе только послѣ трехдневнаго воздержанія

¹⁾ P. Damiani Lib. V. N 13 p. 359 и 364 сл. Lib. I N 13 p. 219—223. Ср. Op. VI с. 27 p. 125. Humberti Lib. III с. I p. 198—9. Widonis monachi epistola p. 6.

²⁾ С. 21 p. 348.

³⁾ См. стр. 4.

⁴⁾ Ср. Donizonis Lib. I с. 16. v. 1608 p. 373 и Lib. II с. I v. 162 сл. p. 383. Vita Anselmi с. 13 p. 17 Arnulfi Lib. III с. 14 p. 21. Vita s. Romualdi с. 35 p. 461. Vita S. Benedicti с. 2 p. 198 и с. 8 p. 202. Chron. Vult. p. 514. P. Damiani Lib. VII N 2 p. 241 и т. д.

⁵⁾ Lib. II с. 16 p. 619 и L. I с. 27 p. 610.

⁶⁾ Lib. II с. 7 p. 13.

⁷⁾ Lib. V N 1 p. 387; Lib. VII N 18 p. 458. Op. 18 с. 7, p. 410 сл. Op. 49, с. 3. p. 723, Op. 52 с. 5. p. 769—70. Ср. однако, Vita P. Damiani с. II p. 118. Op. 42 с. 7 p. 673.

⁸⁾ С. 22—23 p. 348—355 и с. 78 p. 430. Последняя глава устранена намѣренно (Floto B. II p. 302 пр. 2). Повидному Манегольдъ опровергалъ Лже-Ульриха. (*Замѣтки*, стр. 25—26) и съ особеннымъ дикимъ настроеніемъ нарисовалъ грязь и распущенность духовенства, такъ что какой-либо ревнитель, во избѣжаніе соблазна, вырѣзалъ послѣдніе листы и выскоблилъ соблазнительныя строки.

⁹⁾ С. 22 p. 348—9. Манегольдъ ссылается на 4-е правило Никейскаго собора, но даже католическій историкъ Гефеле говоритъ, что оно не имѣетъ въ виду браковъ священнослужителей, но запрещаетъ имъ простыя сожителства: *Hefele*, Concilien-geschichte B. I p. 381 и пр. 3.

отъ супружескихъ отношеній, Манегольдъ выводитъ ¹⁾, что „священнослужители, ежедневно совершающіе таинства, должны оставаться безбрачными“. Нѣтъ, вѣдь, ничего удивительнаго, если у христіанъ соблюдается то, что въ древности признавалось обязательнымъ даже у язычниковъ, какъ показываетъ бл. Іеронимъ, говоря объ однобрачныхъ жрицахъ Фортуны, о запрещеніи вторичнаго брака для всѣхъ жрецовъ и объ оскотленіи гіерофантовъ у Ассирянъ ²⁾.

По Манегольду ³⁾, брачная жизнь духовенства держится на неправильномъ пониманіи отдѣльныхъ мѣстъ св. писанія, на тонкомъ и хитроумномъ толкованіи словъ апостола „одной жены мужъ“, будто бы исключаящихъ изъ числа священнослужителей только лицъ, женившихся на вдовѣ или до крещенія овдовѣвшихъ послѣ второго брака. Точно также разбирая извѣстныя мѣста изъ посланій апостола Павла ⁴⁾, Манегольдъ на чисто разумныхъ основаніяхъ доказываетъ ⁵⁾, что запрещеніе браковъ для епископовъ распространяется и на священниковъ, тѣмъ болѣе, что изъ сопоставленія различныхъ мѣстъ апостольскихъ посланій вытекаетъ, что „Апостоль кого называлъ пресвитеромъ, того же именовалъ и епископомъ“. Да и св. Амвросій и Іеронимъ, изъясняя эти мѣста, свидѣтельствуютъ, что въ древности „епископъ“ и „пресвитеръ“ обозначали одно и то же, причемъ послѣднее названіе указывало на возрастъ, первое на обязанности. „Уже впоследствии, по свидѣтельству Іеронима, для устраненія раскола было постановлено по всему міру, чтобъ одинъ изъ пресвитеровъ стоялъ бы выше остальныхъ, и на него перешла бы забота о всей церкви“.

Но безбрачіе духовенства не являлось отвлеченнымъ вопросомъ, чисто богословскаго характера; оно имѣло громадное жизненное значеніе: запрещеніе браковъ церковно-служителей разрывало узы, связывавшія клиръ съ міромъ, уничтожало семьи священно-служителей, поднимало новое недоумѣніе, какъ быть съ женами и дѣтьми духовенства. Уже раньше, отчасти рѣшая этотъ вопросъ, и въ то же время выдвигая новое оружіе противъ непокорныхъ, папа Левъ IX предписалъ; чтобъ „сожительницы“ римскаго духовенства были рабынями Латерана и исполняли тамъ черныя работы, а Даміани требовалъ распространенія этой мѣры на всю церковь ⁶⁾. Манегольдъ не только сталъ на ту же ⁷⁾

¹⁾ С. 22 р. 360.

²⁾ С. 22 р. 350 в. 21 сл.

³⁾ С. 22, р. 350.

⁴⁾ I Тим. 3, 11, 4, 14, 5, 22 и Тит. I. 5, 7.

⁵⁾ С. 22, р. 333.

⁶⁾ Op. 18 с. 7 р. 411. Bernaldi p. 426.

⁷⁾ С. 23, р. 353—4.

точку зрѣнія, но и развилъ ее дальше, объявивъ, что каноническое мщеніе постигаетъ и *дѣтей* отъ этихъ запретныхъ связей ¹⁾. Въ доказательство онъ приводитъ постановленіе Толедскаго собора, обрекавшее потомство священно-служителей на вѣчное рабство той церкви, гдѣ ихъ отцы были пастырями, и считаетъ этотъ вопросъ настолько „яснымъ, разсмотрѣннымъ и переразсмотрѣннымъ въ теченіи всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній, до такой степени воплѣтъ извѣстнымъ даже идиотамъ, что онъ совершенно не нуждается въ новомъ пересмотрѣ, тѣмъ болѣе, что если бы приводить все множество подходящаго матеріала, то скорѣе не хватило бы времени, чѣмъ были исчерпаны различные трактаты различныхъ отцовъ по этому поводу“.

Одобряя такую крутую и по истинѣ ужасную мѣру, Манегольдъ, конечно, не могъ не признать воплѣтъ основательнымъ запрещеніе народу посѣщать служенія и обращаться съ требами къ симонистамъ и николаитамъ ²⁾, равно какъ и всѣ кары, направленныя на послушниковъ этихъ предписаній и „защитниковъ подобныхъ ересей“ ³⁾. И тутъ онъ, желая доказать „искренность своего смиренія“ и сдѣлать болѣе плодотворнымъ свой трудъ, не приводитъ своихъ доводовъ, а опирается на вождей духовнаго состязанія, приготовившихъ средства для одержанія побѣды“. Этими вождями для Манегольда являются тѣ же П. Даміани и Бернальдъ, изъ твореній которыхъ онъ и приводитъ обширѣйшія выписки ⁴⁾. Считаая ихъ давными убѣдительными и достаточными для всякаго, кто не одержимъ глупостью и неблагодарностью (такихъ не удовлетворяетъ и достаточное), Манегольдъ, однако, приводитъ и свои „основанья“, ибо, по Евангелію, „устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтверждается всякое слово“ ⁵⁾.

„Папа Александръ I-й объявляетъ схизматикомъ каждаго члена клира, не поддерживающаго своихъ собратій, а потому злѣйшіе противники правителя всего христіанства, преслѣдующіе и ненавидящіе своего учителя, являются уже больше, чѣмъ схизматиками. Вдобавокъ апостолъ не отдѣляетъ схизмы отъ ереси, употребляя эти слова для выраженія одинаковыхъ понятій, слѣдовательно всѣ непокорные соборнымъ запрещеніямъ и продолжающіе совершать богослуженія вопреки церковнымъ постановленіямъ подлежатъ карѣ, опредѣленной апостоломъ“

¹⁾ С. 23, р. 355.

²⁾ Такъ онъ называетъ жематныхъ духовныхъ. Причину такого прованія объясняетъ П. Даміани: Ор. XVIII, с. 8, р. 414.

³⁾ С. 68, р. 420 и с. 69, р. 421.

⁴⁾ С. 70, р. 421—2 и с. 71—73, р. 422—426.

⁵⁾ С. 73, р. 426. Ср. с. 70, р. 428.

для еретиковъ. Мы никакъ не можемъ соблюсти это предписаніе апостольское, если будемъ принимать служенія и требы этихъ еретиковъ. Своимъ запрещеніемъ папа Григорій VII спасъ народъ отъ вѣчной гибели за общеніе съ людьми, обреченными на то же наказаніе“¹⁾. „Дekretъ папы Евтиціана указываетъ еще яснѣе, какъ опасно принимать и давать св. Дары такимъ еретикамъ“²⁾. „Нашъ глава божественной памяти Петръ Даміани считалъ Николаитами защитниковъ брачной жизни духовенства; да они не только Николаиты, но и Гебюниты, Павлинисты, осужденные вселенскими соборами, за несоблюденіе постановленій которыхъ папа Григорій I караетъ анаемой. Очевидно-же, всѣ сторонники браковъ клириковъ не признаютъ четыре³⁾ вселенскихъ, святыхъ собора, а потому не только женатые священно-служители, но и ихъ единомышленники подлежатъ узамъ анаемы папы Григорія I“.

„Апостоль говоритъ: „не носите ярмо съ невѣрными“; всякій же неповинующійся, какъ показалъ папа Григорій, становится невѣрующимъ. Ясно, что совершающіе служеніе вопреки запрещенію сами являются невѣрующими и народъ, не уклоняющійся отъ нихъ, имѣетъ часть съ невѣрующими. Женатые священно-служители не любятъ Христа, а потому связаны анаемой самого Апостола. Никто не станетъ спорить, что съ анаематствованными нельзя имѣть общеніе, развѣ только люди впавшіе въ явное безуміе и посягающіе не только на каноны, но и на самое священное писаніе, сочтя ихъ ничего не стоящими. Папа вполне основательно запретилъ прихожанамъ посѣщать служенія такихъ пастырей, дабы спасти стадо отъ гибели за общеніе съ преданными анаемѣ самимъ Христомъ“⁴⁾.

Но всѣ мѣропріятія Григорія находили дружный отпоръ со стороны приверженцевъ прежнихъ порядковъ и одни запрещенія и отлученія не провели бы въ жизнь его начинаній. Папа обратился⁵⁾ за содѣйствіемъ къ свѣтской власти, предписывая „даже силою“ мѣшать совершенію богослуженій женоватыми священно-служителями или симонистами. Манегольдъ и тутъ становится всецѣло на точку зрѣнія Григорія и съ особой рѣзкостью оправдываетъ примѣненіе насилія въ дѣлахъ вѣры. По его убѣжденію, противники—еретики, и міряне должны

¹⁾ Сар. 74, р. 426—7. Опечатка несправленная въ Libelli с. 64.

²⁾ Сар. 75, р. 428. Здѣсь Манегольдъ приводитъ обширную выписку, опредѣляющую наказанія за посѣщеніе служеній, совершаемыхъ еретиками, за общеніе съ ними и даже за молитву о нихъ.

³⁾ С. 76, р. 429.

⁴⁾ С. 76, р. 429; с. 77, р. 429—430.

⁵⁾ R. II, N. 45, р. 160.

вооруженной рукой удержать ихъ отъ безумія ихъ собственной глупости, разъ они пренебрегаютъ опредѣленіями церковной кротости“ 1). Это вмѣшательство мірянъ одобряетъ папа Григорій Великій 2). Князья даже обязаны, по слову апостоловъ Петра и Павла, защищать церковь, для чего при вѣнчаніи на царство даютъ королямъ мечъ. Императоръ Θεодосій сознавалъ, что на немъ лежитъ эта обязанность, а потому особымъ закономъ отнялъ у еретиковъ помѣстья и имущества. Блаженный Августинъ доказалъ справедливость этого закона. Приговоръ, произнесенный надъ Донатистами, какъ нельзя болѣе подходитъ къ сторонникамъ Генриха“ 3) и всѣ мѣры противъ еретиковъ оказываются вовсе не преслѣдованіемъ, а дисциплинарнымъ взысканіемъ 4).

„На этомъ основаніи, полагаю, продолжаетъ Манегольдъ 5), установилось въ церкви издревле обычное возрѣніе, не считающее убійцами лицъ, умертвившихъ отлученнаго, и оставляющее въ данномъ случаѣ безъ примѣненія законы объ убійцахъ: тутъ убитый вполне основательно не считается челоѣкомъ“ 6). Это разрѣшеніе убивать примѣняется на вполне разумныхъ основаніяхъ и къ сторонникамъ Генриха: они не только сами отступники, но и побуждаютъ къ отступничеству, кого только могутъ — угрозами, мученіями, отнятіемъ имущества, даже пытаются извратить и обезсилить законы, дарованные Св. Духомъ. Св. мученикъ Кипріанъ говоритъ, что королевское правосудіе требуетъ устраненія нечестивцевъ съ лица земли, казни клятвopеступниковъ и убійцъ, стало быть исполнить лишь долгъ правосудія тотъ, кто убьетъ, не по личнымъ счетамъ, кого-либо изъ сторонниковъ Генриха 7), вносящихъ расколъ въ церковь и совращающихъ въ грѣхъ идолопоклонства, мечемъ языка ежедневно губящихъ родителей, родственниковъ, братій христіанъ. Стало быть постановленія православныхъ императоровъ и завѣты отцовъ церкви православной, письма и рѣшенія папъ, соборныя предписанія 8) несомнѣнно разрѣшаютъ прибѣгнуть къ насилію для устраненія современнаго разлада.

1) С. 33, р. 369—371.

2) С. 34, р. 371—2.

3) С. 35, р. 372—3; с. 36, р. 373—374. Ср. *Трубецкой*, Міросозерцаніе блаженнаго Августина, стр. 155—160.

4) С. 37, р. 374—376.

5) С. 38, р. 376—377.

6) С. 38, р. 376.

7) С. 37, р. 377.

8) Дословнымъ выпискамъ изъ самыхъ различныхъ сочиненій, постановленій и рѣшеній по этому поводу Манегольдъ отводитъ почти исключительно цѣлыхъ 9 главъ: с. 33—42, р. 369—388.

„Ясно ¹⁾, что никоимъ образомъ нельзя ни причислить къ человекоубійцамъ, ни подвергнуть покаянію и наказанію за убійство тѣхъ, кто ради защиты церкви нынѣ умерщвляетъ ея гонителей, клеветующихъ на Христа и преслѣдующихъ блаженнаго Петра, князя апостоловъ“. Моисей, посвятивъ свои руки Господу, убилъ въ одинъ день 23,000 отступниковъ, хотя и говорилъ „не убій“, но онъ же отдалъ приказаніе: „да умертвить каждый ближняго и брата своего“. Придавая изреченію „не убій“ общій смыслъ, противники говорятъ, что это запрещеніе не имѣетъ никакихъ исключеній и убивать вообще нельзя. Послѣдовательное развитіе спора приводитъ къ тому, что любому крестьянину нельзя зарѣзать поросенка или курицу; на такомъ же основаніи не слѣдуетъ и рвать овощи въ своихъ огородахъ, ибо извѣстно, что растенія живутъ своеобразною жизнью и рвать ихъ значить, по качеству ихъ жизни, убивать. Но такого пониманія заповѣди „не убій“ надо всячески избѣгать, чтобъ не впасть въ манихейство ²⁾. Ложное состраданіе лишило Саула царства, Моисей, самый кроткій изъ обитавшихъ землю, и Самуилъ назорей одни только во всемъ ветхомъ завѣтѣ молились за враговъ своихъ по своей исключительной кротости, но и они безъ опасеній убивали враговъ божіихъ по требованію обстоятельствъ. И въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ, за поношеніемъ священнослужителей всегда слѣдовало отищеніе мірянъ. Прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ православные князья, изъ чувства пріязни или суровостію исправляютъ тѣхъ, на кого не могло подѣйствовать мягкое обращеніе, или отнимаютъ у нихъ возможность вредить ³⁾. Эту суровость блаженный Августинъ называетъ милостынею ⁴⁾. Великіе и святые мужи, сознавая, что не слѣдуетъ бояться смерти, освобождающей душу отъ тѣла, наказывали смертью за нѣкоторые проступки ради души тѣхъ, кто дрожалъ передъ нею: этимъ они и живымъ внушали спасительный страхъ, да и казненнымъ вредила не смерть, а грѣхъ, который могъ усугубиться, если бы они остались въ живыхъ ⁵⁾. Иеронимъ, Григорій, Августинъ, Оригенъ и многіе дру-

¹⁾ С. 39, р. 349.

²⁾ Манегольдъ (с. 39, р. 348) сообщаетъ о казни Генрихомъ III еретикомъ въ Госларѣ, которые, по другимъ источникамъ (Lamberti, р. 155; Herimanni, р. 130; Gesta episcoporum Leodiensium, с. 64, р. 228), совершенно воздерживались отъ пролитія крови и погибли за то, что, при всемъ правосѣріи, отказались зарѣзать пѣтуха.

³⁾ Сар. 39, р. 379—380.

⁴⁾ Сар. 40, р. 380.

⁵⁾ Франке не понялъ надлежащимъ образомъ этого мѣста, а потому прибѣгъ къ излишней прибавкѣ: „sed peccatum, quod auferri posset, si viverent [lueretur]“. Этого слова нѣтъ въ рукописи и оно является не нужнымъ для общаго смысла, равно какъ

гіе несомнѣнно доказывають, что сторонниковъ Генриховой язвы должно подавить всяческимъ образомъ, грабежомъ, поджогомъ, убійствомъ, такъ какъ ясныѣ свѣта, что для нихъ самихъ гораздо полезнѣе, чтобъ ихъ безумію былъ положенъ предѣлъ, хотя бы смертью, ибо дальнѣйшее продолженіе неистовства должно быть пожрано уже вѣчнымъ пожаромъ. Убійство язычника при защитѣ церкви считалось дѣломъ похвальнымъ, если же кто-либо, отстаивая справедливость, умертвить какого-нибудь изъ этихъ презрѣнныхъ, то онъ еще менѣе виновенъ, чѣмъ убійца язычника: проступокъ убійства оправдывается огромнымъ размѣромъ ихъ злодѣяній.

„Нѣтъ ничего удивительнаго, если убійство и смерть этихъ негодяевъ пренебрегается съ такой легкостью, когда они лишены, хотя бы обратились на путь истинный, общей молитвы, единственнаго утѣшенія грѣшниковъ и исключительнаго приближенія виновныхъ. Люди вѣрующіе и благочестивые сочтутъ, пожалуй, это наше положеніе нелѣпностью, если мы не подкрѣпимъ его священными авторитетами“ ¹⁾. Приведа выписки изъ Евангелія Іоанна и толкованій Августина, Манегольдъ продолжаетъ ²⁾: „такъ какъ нельзя вообще найти, съ какой бы тщательностью не разыскивать, почему сторонники Генриха посягаютъ на братьевъ своихъ, другой причины, кромѣ ихъ ненависти къ благочестію и справедливости, кромѣ ихъ отвращенія къ церковнымъ порядкамъ, то, по свидѣтельству апостола Іоанна и Августина, за нихъ теперь не слѣдуетъ молиться“ ³⁾. Ясно, что наши злоумышленники сопротивляются до послѣдней капли крови для того, чтобы ихъ не принудили подвергнуться лѣченію церковной дисциплины или свѣтскаго воздаянія за ихъ омерзительнѣйшіе поступки и за ихъ ужаснѣйшія злодѣянія“ ⁴⁾.

Дѣйствительно, Генрихъ IV представился Манегольду истиннымъ чудовищемъ разврата и осужденіе папой его образа жизни послужило, по мнѣнію марбахскаго настоятеля, началомъ открытой борьбы ⁵⁾. Пана

и принятая издателемъ рѣстановка знаковъ препинанія: „mortem, que animam dissolvit, a corpore non esse formidandam“. Занатую нужно перенести за „a corpore“ и тогда выиграетъ и построение фразы и общая связь изложенія.

¹⁾ Сар. 40, р. 381.

²⁾ Сар. 41, р. 382.

³⁾ И здѣсь Франке совершенно неправильно рѣставилъ знаки препинанія и разбилъ цѣльный періодъ на два: „secundum Johannis et Augustini testimonium“ отнюсится, очевидно, къ „non est orandum“. Какъ видно изъ снимка рукописи Манегольда (р. 302 в.), онъ очень часто ставитъ точку и точку съ занятой позой отдѣльныхъ словъ; зтотъ своеобразный приѣмъ и ввелъ издателя б. м. въ заблужденіе.

⁴⁾ Сар. 41, р. 382—383.

⁵⁾ С. 25, р. 356—358.

съ первыхъ же шаговъ на этомъ новомъ пути вель себя съ надлежащей кротостью ¹⁾; его мѣропріятія противъ германскаго короля признала необходимыми императрица Агнесса ²⁾; Григорій объяснилъ съ достаточной убѣдительностью всѣмъ сомнѣвающимся свои благія побужденія и доказалъ правоту своего поведенія ³⁾. Каждый, кто только прилежно пересматривалъ древнюю и правдивую исторію различныхъ государствъ, сознается, что низложеніе дурныхъ государей и несправедливыхъ князей дѣло не новое и не необычное: это бывало очень часто, какъ показываютъ примѣры Констанція, Людовика, Пипина, Лотаря ⁴⁾. „Если никто не порицаетъ Николая, отлучившаго Лотаря за *одно* только прелюбодѣянiе съ Вальрадою, то почему осыпаютъ нареканіями его преемника Григорія, осудившаго короля Генриха, не слушавшаго даже никакихъ увѣщаній, за Юдитту, Оффигію, чтобы помолчать о безчисленномъ множествѣ остальныхъ, коихъ я, по совѣсти, могъ бы поименовать, если бы не боялся утомить читателя, говоря общезвѣстное. Я это высказываю не по какимъ-либо подозрѣніямъ, не по толкамъ простонародья, а по точному и, увы, достовѣрному знанію дѣла: явнымъ доказательствомъ служатъ сыновья, рожденные отъ этихъ прелюбодѣяній, воспитанные не тайно, какъ это водится въ подобныхъ случаяхъ, но на глазахъ всѣхъ и съ большей любовью, чѣмъ законныя дѣти. Я могъ бы, по истинѣ, поименно назвать многія блудодѣянія, совершенныя имъ даже съ аббатиссами и монахинями, если бы не былъ принужденъ пройти мимо и не обратить вниманія на этотъ ничтожный въ сравненіи съ большими проступокъ. На этомъ же основаніи я оставляю въ сторонѣ, не чей либо домыселъ или невѣрный слухъ, а узнавное изъ точнаго разсказа многихъ, съ большою скорбію присутствовавшихъ при столь славномъ и столь подобающемъ королю дѣлѣ, какъ оскверненіе двухъ родныхъ сестеръ, изъ которыхъ одна была уже пострижена, другая связана узамъ брака: все это блѣднѣетъ передъ той гнусностью, съ которой онъ, оставивъ естественное употребленіе женщины, совершалъ скверну надъ мужчинами. Изъ нихъ я могъ бы поименовать многихъ, если бы не зналъ, что это всѣмъ извѣстно въ одинаковой степени и даже составляетъ предметъ пересудовъ и разговоровъ множества простыхъ людей. Быть можетъ кто-либо скажетъ, что меня слѣдуетъ обвинить въ безстыдствѣ, разъ я не стѣсняюсь открыто говорить о такихъ гнусностяхъ. Почему-же обвиняютъ меня за разсказъ о такихъ мерзостяхъ, когда они не сты-

¹⁾ С. 26, р. 358.

²⁾ С. 27, р. 358—9.

³⁾ С. 28, р. 359—361.

⁴⁾ С. 39, р. 362.

даться совершать ихъ почти всенародно, ибо если стыдно говорить, то еще стыднѣе дѣлать. Да развѣ мы можемъ быть скромнѣе Павла, писавшаго объ этомъ въ своихъ письмахъ въ назиданіе народамъ?¹⁾

Приведа соответствующую выписку изъ посланія къ Римлянамъ и упомянувъ о посѣщеніи Богомъ Содома, Манегольдъ продолжаетъ свои обвиненія: „я прохожу молчаніемъ преступленіе неслыханное во всѣхъ предшествующіе вѣка, не совершенное даже самымъ извѣстнымъ по чудовищности своихъ злодѣяній язычникомъ, я молчу объ немъ лишь потому, чтобы, будучи побужденъ необходимою, я не уронилъ собственного достоинства какимъ-либо выраженіемъ, хотя бы и вполне справедливымъ, но крайне непристойнымъ. Таково его поведеніе, какъ частнаго лица, но современная смута въ церкви и опустошеніе всего государства будутъ громко кричать о томъ, какъ онъ запустилъ общественныя дѣла, какъ попралъ церковныя законы и права гражданъ.

„Кто только не отрицаетъ, что папа Николлай справедливо отлучилъ Лотаря за одно только прелюбодѣяніе и осудилъ епископовъ за ихъ соучастіе, тотъ, по простой послѣдовательности, согласится, что Генрихъ за такія многочисленныя злодѣянія, за несправедливое избіеніе многихъ тысячъ осужденъ не только въ силу гораздо большаго права, но прямо по неизбѣжной необходимости: такая участь²⁾ постигла короля Гарберта, отлученнаго св. Германомъ Парижскимъ, Вамбу, государя испанскаго, постриженнаго и заточеннаго епископами, императора Карла III, низложеннаго германскими князьями только потому, что онъ, человекъ кроткій и добрый, началъ страдать и тѣломъ и духомъ; Борисъ болгарскій выкололъ глаза и отнялъ царство у старшаго своего сына за его проступки, какъ показываетъ хроника краснорѣчивѣйшаго Регинона. Всякій, кто захочетъ взвѣсить эти и подобныя примѣры, скажетъ, что не только справедливо низложеніе Генриха, но и всѣхъ вообще дурныхъ владыкъ. Развѣ въ наше время венгры не лишили царства Петра, угнетавшаго ихъ и извращавшаго прародительскіе законы? Его возстановило насиліе Генриха, а соотечественники выкололи у него глаза. Этотъ же народъ низложилъ Соломона, предававшагося многимъ блудодѣяніямъ и несправедливостямъ, и поставилъ на его мѣсто Гейзу, а затѣмъ, при жизни Соломона, Владислава, человека дѣятельнаго и хорошаго. Этотъ поступокъ совершенно правиленъ, ибо по словамъ блаженнаго Иеронима, „король“, „герцогъ“, „графъ“,—слова, обозначающія санъ и обязанности, а не природныя права и преимущества³⁾. Всѣ знаютъ по-

¹⁾ С. 29, р. 363.

²⁾ Сар. 29 р. 363—364.

³⁾ Сар. 29 р. 364—5.

становленія божескихъ и человѣческихъ законовъ, нарушенныя и по-
пранныя Генрихомъ; такъ Анвирскій соборъ запрещаетъ молиться объ
мужеложникахъ наравнѣ съ остальными христіанами. Какъ же можетъ
онъ править государствомъ, исповѣдующимъ вѣру Христову? Только
одержимые злымъ духомъ могутъ стоять за такого человѣка. Даже со-
баки стоятъ выше такой разнузданности ¹⁾. Генрихъ долженъ низложе-
ніемъ искупить свои злодѣянія.

„Но, продолжаетъ Манегольдъ, увѣряютъ, будто „никого нельзя
низлагать за совершенные проступки, нельзя даже попрекать за пре-
грѣшенія“—почему же были прогнаны съ престоловъ многіе государи,
почему же были низложены настоятели многихъ церквей—развѣ не по
винѣ своей? почему былъ лишенъ райскихъ утѣхъ первый человѣкъ,
почему былъ низвергнутъ съ небесной высоты Люциферъ, если никто,
какъ безумствуютъ эти люди, не долженъ лишаться разъ полученнаго
сана, несмотря на безмѣрное количество любыхъ преступленій?“

Тяжелыя обвиненія, взводимыя Манегольдомъ на Генриха, служатъ
для вѣмецкихъ изслѣдователей важнѣйшимъ доводомъ для крайне отри-
цательной оцѣнки достовѣрности „Книги къ Гебгарду“. Уже это обстоя-
тельство побуждаетъ къ провѣркѣ показаній марбахскаго настоятеля,
тѣмъ болѣе, что выводы, добытые этой провѣркой, имѣютъ значеніе для
правильнаго пониманія всей борьбы Григорія VII съ германскимъ ко-
ролемъ. Манегольдъ въ данномъ случаѣ повторяетъ только въ болѣе
опредѣленныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ слова знаменитаго папы: объ-
ясняя „всей братіи христовой“ свой разрывъ съ Генрихомъ, Григорій
говорить ²⁾, что его побудили къ крутымъ мѣрамъ „неслыханная пороч-
ность и различныя несправедливости короля“. По словамъ Гильдебранда,
онъ не разъ писалъ, еще будучи архидиакономъ, письма Генриху съ
увѣщаніями объ исправленіи и передъ разрывомъ и началомъ открытой
борьбы отправилъ къ нему пословъ съ секретнымъ увѣщаніемъ: „чтобы
король совершилъ покаяніе въ своихъ злодѣяніяхъ, о которыхъ ужасно
даже говорить, хотя они извѣстны очень многимъ и разглашены во
многихъ мѣстахъ; за эти злодѣянія слѣдуетъ не только отлучить его
до должнаго удовлетворенія, но лишить, безъ всякой надежды на воз-
становленіе, королевскаго сана, какъ свидѣтельствуешь и повелѣваешь
авторитетъ божескихъ и человѣческихъ законовъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Nullus certe canis nisi feminae sui generis miscetur. Atvero, si quisquam canem
suum cum alio contra naturam coire conspiceret, nequaquam ultra vivere permetteret.
Infra canes ergo vos esse ostenditis, qui eum (,) qui canibus detestabilior est (,) vobis
superponere furibundi certatis“. Сар. 30 p. 366.

²⁾ R. IV, N. 1, p. 239. Ср. Ep. col., N. 14, p. 536.

КУДРУНА.

Переводъ II части поэмы (Гильда) и опытъ ея объясненія.

Проф. Л. Шепелевича.

Г Л А В А II.

(Продолженіе)*.

Мы признавали вполне вѣроятнымъ, что третья часть нашей поэмы составилась изъ сплетенія Гервигъ-саги съ сагой о Кудрунѣ (70 и 106 ст., р. 1-й ч.).

Это предположеніе было высказано Вильмансомъ и обставлено вполне удовлетворительно. Содержаніе Гервигъ-саги состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Островной князь Гервигъ сватается за дочь могущественнаго короля. Въ сраженіи онъ ее и приобретаетъ. 2) Красавица до брака увезена. 3) Гервигъ преслѣдуетъ похитителя и умерщвляетъ его.

Въ сагѣ о Кудрунѣ Вильмансъ видитъ слѣдующее содержаніе: 1) у короля Гегелинговъ увезена дочь Кудруна. 2) Онъ преслѣдуетъ похитителя, догоняетъ на уединенномъ островѣ и падаетъ въ битвѣ съ большею частью своего войска. 3) Его жена Гильда ожидаетъ съ нетерпѣніемъ зрѣлости новаго поколѣнія, чтобы отмстить за смерть мужа и отнять дочь. 4) Только спустя много лѣтъ она въ состояніи послать войско. Враги побѣждены, и Кудруна возвращена матери.

Подтвержденіе существованія отдѣльной саги о Гервигѣ съ полнымъ основаніемъ можно видѣть въ балладѣ о Гилюгѣ. Она состоитъ изъ слѣдующихъ моментовъ: 1) Гилюга сватается за Гильдину, но получаетъ отказъ. 2) Оркнейскій ярлъ похищаетъ красавицу и бѣжитъ съ нею. 3) Отецъ и Гилюга преслѣдуютъ бѣглецовъ. Поединокъ Гилюги и ярла и смерть послѣдняго. 4) Свадьба Гилюги и Гильдины и гибель перваго въ пламени.

За исключеніемъ послѣдняго момента, сага о Гилюгѣ вполне совпадаетъ съ предполагаемой Гервигъ-сагой и говоритъ въ пользу ея существованія.

Если мы, по выдѣленіи изъ третьей части нашей поэмы содержанія Гервигъ-саги, обратимся съ содержанію саги о Кудрунѣ и спросимъ, можетъ ли она даже въ этомъ видѣ быть продолженіемъ саги о Гильдѣ второй, то отвѣтъ получится положительный.

*) См. „Зап. Харьк. Унив.“ 1895 г., кн. 2, стр. 91.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“ IV вып., 1895 г.

Сага о Кудрунѣ, какъ указано выше, состоитъ изъ четырехъ моментовъ, притомъ четвертый составляетъ развитіе третьяго. Такимъ образомъ въ сагѣ о Гильдѣ мѣсть за похищеніе отсутствуетъ; въ сагѣ же о Кудрунѣ она является заключительнымъ моментомъ. Кромѣ этого отличія, мы не можемъ указать какихъ-либо чертъ, которыя свидѣтельствовали-бы о независимомъ существованіи саги о Кудрунѣ, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ разновидностей этой саги и даже родственныхъ аналогичныхъ преданій въ сѣверо-германской поэзіи. Напоминаемъ, что, какъ видно изъ извѣстій, сопоставленныхъ нами во второй главѣ 1-й ч. нашего изслѣдованія, сага о Гильдѣ, въ противоположность сагѣ о Кудрунѣ не только отличается извѣстной самостоятельностью, но и имѣетъ достаточное количество параллелей: таковы англо-саксонскія, скандинавскія и нѣмецкія версіи.

Упоминаю еще разъ замѣчательное во многихъ отношеніяхъ двустипіе.

Hagena (царствовалъ) Holmrygum, and Heoden Glommum
Vitta veöld Svaefum, Vada Hålsingum ¹⁾.

Извѣстіе англо-саксонскаго пѣвца относится къ VIII ст. и свидѣтельствуешь, что въ то время сага одинаково была локализована въ Англіи и въ Норвегіи (Glommum, Holmrygum) и уже лишилась мифическаго характера.

Равнымъ образомъ здѣсь можно видѣть соприкосновеніе саги о Гильдѣ съ сагой о Вате, такъ какъ и Вате упоминается въ перечисленіи въ качествѣ одного изъ владѣтелей скандинавскаго полуострова.

Другое извѣстіе о Гильдѣ-сагѣ у англо-саксовъ мы находимъ въ извѣстной „Жалобѣ Деора“ (ср. 27 с. 1-й).

Въ полномъ переводѣ это мѣсто звучить: „Я хочу сказать, что когда-то я былъ пѣвцомъ Геоданинговъ, былъ дорогъ князьямъ. Звали меня Деоръ. Много лѣтъ имѣлъ я прекрасный постъ у благосклонныхъ государей, пока Георренда, искусный въ пѣсняхъ мужъ, не получилъ послѣ меня того, что доставляло мнѣ прибѣжище у знатнѣйшихъ повелителей“.

Георренда-пѣвецъ Геоданинговъ; въ этомъ нельзя не видѣть указанія на Гильда-сагу, а такъ какъ „Жалоба Деора“ относится по меньшей мѣрѣ къ VIII ст., то она свидѣтельствуешь объ очень раннемъ присутствіи Гильда-саги у англо-саксовъ. Niaggandi въ Сворровой Эддѣ называется отцомъ Гедина, а такъ какъ Гиарранди — эпитетъ Одина, Оди́нъ же, между прочимъ, и богъ пѣнія, пѣніе же Горанта сближаетъ

¹⁾ Grein. Angels. Bibl. I, 221.

его съ сагой о Вальтерѣ Альвитинскомъ (въ польскихъ обработкахъ), то Кле ¹⁾ предполагаетъ, что въ древнѣйшей редакціи Гларранди—Одинъ помогаетъ пѣвнѣмъ своему сыну Гедину въ уводѣ Кудруны. Но слѣдуетъ еще доказать, что польская редакція о Вальтерѣ и Гильгундѣ развилась самостоятельно въ излагаемомъ эпизодѣ ²⁾. Нѣмецкая поэма и „Жалоба Деора“ находятся въ прямомъ противорѣчїи съ Снорровой Эддой и извѣстіемъ Саксона Грамматика, которые ничего не знаютъ о пѣнїи Горанта.

Мало вѣроятно, чтобы, какъ полагаетъ Мартинъ ³⁾, Снорри, желая быть краткимъ, не упомянулъ о пѣснѣ Горанта. Снорра, который обо всемъ говоритъ обстоятельно, а о многомъ подробно, не упустилъ бы изъ виду эту существенную черту, если бы нашелъ ее въ древнихъ пѣсняхъ.

Относительно Деора, Тенъ-Бринкъ ⁴⁾ высказываетъ предположеніе, что лицо это, какъ самостоятельное, не существовало. Положеніе это не подкрѣпляется никакими фактическими данными, которыхъ, впрочемъ, нельзя привести и въ пользу существованія Деора, но не подлежитъ сомнѣнїю, что вся пѣсня имѣетъ настолько субъективный характеръ, что всѣ споры относительно автора являются излишними; какъ бы ни назывался авторъ, онъ долженъ былъ существовать. Но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы Георренди „Жалобы Деора“ считать Горантомъ „Кудруны“. Не говоря уже о несоотвѣтствїи формъ обоихъ словъ (Neogrenda должно дать Heggant), роли обоихъ лицъ различны. Георранда—страстующій пѣвецъ, Горантъ—могущественный король. Во всякомъ случаѣ пѣніе Горанта является позднѣйшимъ наслоеніемъ, обязаннымъ, можетъ быть, своимъ происхожденіемъ одной изъ версій сагъ о Вальтерѣ и Гильгундѣ.

Скандинавскими версіями Гильда—саги являются, какъ указано выше, свидѣтельство Браги („Старого“), Снорровой Эдды, Саксона Грамматика, исландской *Sörla Thattr* и шетландской баллады. Важнѣйшія довольно обстоятельно рассмотрѣны нами. Когда Сигруна (въ Эддѣ) видитъ убитыми своего отца и брата, она чувствуетъ, несмотря на нанесенныя имъ обиды, глубокую скорбь. Она желала бы ихъ оживить. Гиль-

---

¹⁾ Zur Hildesage s. 12.

²⁾ Мнѣніе г. Рихки о существованїи въ Польшѣ нѣмецкаго племени, культивировавшаго родныя преданія, ничѣмъ не оправдывается (*Verhältnisz der polnischen Sage von Walgierz Wdaly zu den deutschen Sagen v. Walther von Aquitanien*). Ср. Карловичъ, *Athenum* 1881 г. IV. с. 214. Heintzel. *Die Walthersage*. 1890.

³⁾ Введеніе, с. XXXIV.

⁴⁾ *Geschichte der engl. Lit.* 1877, I, 76, 77.

хи утѣшаетъ ее слѣдующими словами: „не плачь Сигруна, ты была намъ Гильдой, и князья не могутъ побѣдить своей судьбы“.

Когда составлялась эта пѣсня, сага о Гильдѣ очевидно пользовалась большою популярностью: о ней упоминается, какъ о чемъ то хорошо извѣстномъ. Такъ какъ та часть Эдды, гдѣ находится только что упомянутый эпизодъ, принадлежитъ, какъ доказано изслѣдователями (Мюллеромъ и др.) къ VIII ст., то ясно, что сага о Гильдѣ была извѣстна гораздо раньше этого времени. Что-же касается до формы, въ которой являлась эта сага, то не подлежитъ сомнѣнiю, что, подобно всѣмъ образцамъ эпической поэзіи, она распѣвалась въ цѣломъ или частяхъ странствующими пѣвцами. Выводъ этотъ можетъ быть сдѣланъ лишь по аналогіи съ другими частями Эдды, такъ какъ эти отдѣльныя пѣсни не сохранились. Впрочемъ, Снорри указываетъ на существованіе такихъ пѣсень, содержаніе которыхъ касалось битвы Гаднинговъ. Отношеніи Гильды и Гедина носятъ такой живой характеръ, что производятъ вѣчатлѣнныя точной записи. Наконецъ самъ Снорри цитируетъ отрывокъ пѣсни, которую, по его мнѣнiю, сочинилъ скальдъ Браги Старый по изображеніямъ на щитѣ, полученнымъ имъ въ подарокъ отъ Рагнарь-Ладброка.

Общій смыслъ довольно таинственныхъ стиховъ тотъ, что искусная въ колдовствѣ Гильда излѣчиваетъ кровавыя раны и даетъ своему отцу поясъ (для примиренія). Гегни отказывается отъ мира и битва возобновляется съ новою силою.

По поводу нѣмецкихъ версій, разобранныхъ уже нами, я считаю необходимымъ вернуться еще разъ къ Александреидѣ Лямпрехта. Особо странно, кромѣ какого-то Wolfin или Wolfram (вм. Orfwın), упоминаніе въ четвертомъ стихѣ о Гагенѣ послѣ того, какъ въ третьемъ говорится объ отцѣ Гильды, т. е. о томъ же Гагенѣ. Если принять конъектуру В. Гримма Hetepen вм. Hagenen, то получится очень ясный смыслъ первыхъ пяти стиховъ. Вате и Гетель, похитители Гильды, настигнуты Гагеномъ въ Вюльпинвертѣ. Происходитъ ужасное сраженіе. Гагенъ падаетъ въ битвѣ, и поэтъ приводитъ сцену, въ которой Гетель и Вате послѣ битвы стоятъ надъ труномъ доблестнаго врага. Этотъ видъ саги соотвѣтствуетъ ходу ея органическаго развитія. Что вмѣсто безконечнаго сраженія Гаднинговъ является временная битва, легко объясняется, какъ и въ другихъ случаяхъ, вліаніемъ христіанства. Лишь одинъ изъ сражающихся долженъ былъ пасть. Если-бы палъ Гетель, то это было бы заслуженнымъ наказаніемъ. Гагенъ увезъ бы дочь домой и все осталось бы по прежнему. Это было бы совершенно прозаическое заключеніе. Для художественныхъ литературныхъ цѣлей необходимъ

другой исходъ: смерть Гагена. Какъ ни противорѣчить этотъ исходъ нашимъ чувствамъ справедливости, слѣдуетъ признать, что онъ вполне соответствуетъ тому фатализму, которымъ вообще проникнута сѣверогерманская поэзія, склонная становиться на сторону счастливыхъ любовниковъ. Изложенный эпизодъ Александриды Лимпрехта представляетъ важное промежуточное звено между Гильда-сагой и эпосомъ о Кудрунѣ. Именно въ Гильда-сагѣ оба сражающіеся убиваютъ другъ друга и каждую ночь возобновляютъ сраженіе, въ „Кудрунѣ“—сраженіе временное и ведется по необходимости.

Въ эпизодѣ Александриды Ахиллъ и Гекторъ, Аяксъ и Несторъ сопоставляются съ Гервигомъ и Вольфвиномъ, Гетелемъ и Вате. Упомянувъ о сраженіи при Вюльпензандѣ съ замѣчательными его героями Вате и Гетелемъ, поэтъ обратилъ вниманіе на сагу о Гильдѣ и Кудрунѣ. Онъ считаетъ ненужнымъ говорить, гдѣ отличились Гервигъ и Вольфвинъ, такъ какъ предполагаетъ это извѣстнымъ всѣмъ и каждому. Это не можетъ относиться къ сраженію при Вюльпензандѣ, въ которомъ участвовали Вате и Гетель, а къ какому то другому, гдѣ принимали участіе Гагенъ, Вате и Гетель.

Такое объясненіе указаннаго мѣста Лимпрехта ведетъ за собою слѣдующія заключенія. 1) Гильда-сага оканчивается смертью Гагена. 2) Сраженіе, въ которомъ погибъ Гагенъ, сражаясь съ Вате и Гетелемъ, произошло при Вюльпенвердѣ. 3) Въ началѣ XII ст. Гильда-сага и сага о Кудрунѣ являются въ одномъ цѣломъ,—значитъ соединеніе должно было произойти по меньшей мѣрѣ въ XI ст.

Укажемъ на отличія Гильда-саги въ нашемъ эпосѣ отъ сѣверогерманскихъ преданій.

1) Въ сѣверныхъ версіяхъ сраженіе ведется каждую ночь до свѣтопреставленія; въ эпосѣ оно является однимъ изъ эпизодовъ, оканчивающимся миромъ.

2) Въ сѣверныхъ преданіяхъ констатируется лишь фактъ увода, но о средствахъ и подробностяхъ нѣтъ рѣчи.

3) По сѣвернымъ версіямъ саги Гетель самъ устраиваетъ похищеніе; въ эпосѣ онъ поручаетъ это своимъ дружинникамъ.

Отличія эти не могутъ считаться существенными. Первое объясняется вліяніемъ христіанства, которое не могло примириться съ идеей безконечнаго сраженія. Второе — необходимое слѣдствіе стремленія оставить рассказъ поэтическими подробностями и контаминаціи двухъ различныхъ версій сватовства. Въ одной сватами являются купцы; въ другой — рыцари-изгой. Причины происшедшей контаминаціи не могутъ быть указаны съ совершенной отчетливостью и во всякомъ случаѣ мало вѣ-

роятно, чтобы пѣвецъ соединилъ обѣ версіи для примиренія двухъ различныхъ направленій ¹⁾. Въ уводѣ Гильды мы видимъ одну существенную подробность, которой не знаютъ сѣверо-германскія саги: пѣніе Горанта. О немъ въ эпосѣ идетъ рѣчь всего одинъ разъ—въ другихъ частяхъ поэмы пѣвецъ забываетъ о пѣніи рыцаря. Сдѣлавъ Горанта пѣвцомъ, авторъ поэмы не считалъ этой способности къ пѣнію особенно существенной чертой, въ противоположность автору Нибелунговъ, не забывающему о музыкальныхъ способностяхъ Фолькера. Мотивъ пѣнія въ данномъ случаѣ, въ виду его случайнаго характера, является болѣе позднимъ и дѣлаетъ роль Горанта сходною съ пѣніемъ въ „Королѣ Ротерѣ“. Само собою разумѣется, что если пѣніе Горанта болѣе поздняго происхожденія, то возможно спросить, появился ли Горантъ передъ сплетеніемъ Гильда-саги съ сагой о Кудрунѣ, подобно Вате и Фруте, или послѣ него. Выше указано, при какихъ обстоятельствахъ Вате и Фруте появились въ Гильда-сагѣ; остается выяснитъ, почему именно они появились и отбѣснили на задній планъ Гетеля. Первый вопросъ разрѣшается указаніемъ на то, что у Англосаксовъ Гильда-сага и сага о Вате, у Датчанъ Гильда-сага и сага о Фруте стояли близко другъ къ другу. Въ „Кудруну“ они привнесены были такъ, какъ въ Нибелунги Дитрихъ Бернскій и Эрманарихъ. Чтобы отвѣтить на второй вопросъ, слѣдуетъ вспомнить отличія характеристики въ сѣверныхъ преданіяхъ Гагена и Гетеля. Гетелю приписывается мягкій примирительный характеръ. Такая фигура могла съ теченіемъ времени показаться весьма блѣдною въ сравненіи съ сильной индивидуальностью Гагена и для равновѣсія Гетеля окружили сильными фигурами. Фруте былъ національнымъ героемъ, Вате—миѳическимъ или полумиѳическимъ существомъ.

Разсмотрѣніе нами Гильда-саги въ связи съ ея отношеніемъ къ эпосу „Кудруна“ должно пролить нѣкоторый свѣтъ на отношеніе второй и третьей частей другъ къ другу.

Съ Гильда-сагой, пережившей много измѣненій, связана сага о Кудрунѣ случайнымъ генеалогическимъ звеномъ.

Рядомъ съ Гетелемъ и въ этой третьей части находятся Вате, Фруте, Горантъ, Иролдъ и Морунгъ. Исключивъ пророчество птицы и странствованіе гегелинговъ, мы получимъ простѣйшую форму саги о Кудрунѣ. Вилльманнсъ замѣтилъ не вполне логическую роль Гервига, спокойно ожидающаго цѣлыя годы, чтобы освободить невѣсту и шадящаго своего главнаго врага—Гартмута. Онъ же указалъ на тѣсную связь Людвигъ и Гартмута, объясняя ее контаминаціей двухъ сагъ, уже изло-

¹⁾ Предположеніе Г. Шмитта. Versuch einer Geschichte der Hilde und Kudrun-sage. Wisbaden. 1887, с. 19.

женных нами подробно. Саги о Кудрунѣ и Гервигѣ совпадали въ двухъ существенныхъ пунктахъ: похищеніи невѣсты и ея возвращеніи. Контаминація этихъ сагъ, связанная внѣшнимъ образомъ со второй частью поэмы, обусловила переходъ нѣкоторыхъ лицъ Гильда-саги съ значительнымъ измѣненіемъ первоначальной ихъ роли и характера. Особенно отодвигаются на задній планъ Горантъ и Фруте.

Не женихъ и не братъ, а сѣдовласый Вате является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, настоящимъ „героемъ“ дѣи. Къ нему переходитъ начальство надъ войскомъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Фруте сохраняетъ роль благоразумнаго совѣтника, тогда какъ о Горантѣ, какъ о неподобающемъ пѣвцѣ, ничего неизвѣстно въ третьей части поэмы.

Какъ замѣчалось неоднократно, самостоятельной саги о Кудрунѣ не было. Но этотъ отрицательный выводъ не даетъ намъ ни малѣйшаго права сдѣлать положительное заключеніе (которое гипотетически высказывается и акад. А. Н. Веселовскимъ въ его *Лекціяхъ объ эпосѣ*), что исторія Кудруны является лишь повтореніемъ исторіи о Гильдѣ, хотя бы съ уступкой контаминаціи съ Гильда-сагой. Это очевидно даже изъ сопоставленія географической арены дѣйствія той и другой саги. Привнявъ во вниманіе изложенную въ первой части настоящаго труда попытку объясненія географическихъ названій, встрѣчающихся во второй части поэмы и въ третьей, мы придемъ къ заключенію, что дѣйствіе во второй части происходитъ первоначально въ Англіи и потомъ перешло въ Данію и сосѣднія нѣмецкія побережья, въ третьей же части въ Фрисландіи и Нормандіи. Возможно, конечно, выраженіе, что арена дѣйствія въ Гильда-сагѣ могла вполне естественно подвинуться на югъ. Но аналогичныя сѣверныя преданія указываютъ на сѣверное происхожденіе ея, притомъ съ довольно опредѣленнымъ національнымъ характеромъ, тогда какъ никакихъ аналогій къ сагѣ о Кудрунѣ мы не имѣемъ. Въ сущности выраженіе „сага о Кудрунѣ“, хотя и получившее право гражданства, является совершенно произвольнымъ, да и сама эта сага состоитъ изъ нѣсколькихъ, легко отличаемыхъ составныхъ частей.

Кромѣ общаго имени, саги (употребляю это выраженіе условно) о Гильдѣ и Кудрунѣ являются вполне независимыми другъ отъ друга.

Древность второй части поэмы (Гильда) доказывается не только мотивами, принадлежащими къ стариннымъ преданіямъ сѣверогерманской поэзіи, но и сравнительно послѣдовательно выдержаннымъ ихъ характеромъ.

Въ отличіе отъ первой и третьей части, вторая сохранила болѣе суровый характеръ древности. Въ развитіи сюжета можно отмѣтить гораздо меньше скачковъ и неослѣдовательностей. Кромѣ того, интер-

полющія и вставки здѣсь менѣе многочисленны, чѣмъ въ первой и третьей.

Плѣнъ Кудруны является подробностью, прекрасно развитою и обставленною въ поэмѣ. Эпизодъ этотъ не только является однимъ изъ лучшихъ (если не лучшимъ) въ поэмѣ, но способенъ до известной степени пролить свѣтъ на происхожденіе исторіи о Кудрунѣ.

Третья часть поэмы лишена малѣйшихъ признаковъ мифа. Все въ ней указываетъ лишь на присутствіе сказочныхъ, народныхъ и историческихъ элементовъ. Первые будутъ рассмотрѣны нами въ связи съ славянскими и другими преданіями въ четвертой главѣ. Историческая подкладка въ общихъ чертахъ уже указана мною въ первой части этого труда; теперь выскажу нѣсколько замѣчаній по поводу гипотезы объ идентичности судьбы Кудруны и одного историческаго лица—Адельгейды, второй жены императора Оттона I.

Адельгейда, дочь Конрада Бургундскаго, вышла замужъ за Лотаря, короля Италиі. У нея была дочь Эмма. Молодая королева скоро овдовѣла. Одинъ изъ феодаловъ, необыкновенно энергичный и честолюбивый Беренгаръ, успѣлъ захватить верховную власть въ свои руки и, чтобы придать своему захвату обликъ законности, рѣшилъ женить своего сына Адальберта на молодой вдовѣ. Адельгейда, терпѣливо переносившая выходы надменнаго вассала, наотрѣзъ отказалась отдать руку его сыну. На голову несчастной женщины посыпались преслѣдованія всякаго рода. Адельгейду заключили въ темницу и подвергали лишеніямъ всякаго рода. Она мужественно переносила все и осталась непоколебимой. Слухи о ея добродѣтели, мужествѣ, гоненіяхъ скоро распространились во всей Германіи. Императоръ Оттонъ рѣшилъ выступить въ защиту королевы и добился освобожденія плѣнницы, которой скоро предстояло сдѣлаться его женою. Свадьбу съ особенною торжественностью сыграли въ Павіи.

Таковъ рассказъ исторіи. Видманъ ¹⁾ видитъ въ судьбѣ Кудруны значительное сходство съ судьбой преслѣдуемой вассаломъ королевы. Въ самомъ дѣлѣ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ идетъ рѣчь о сватовствѣ, отвергаемомъ невѣстой. Не женихъ, а отецъ жениха мститъ за презрѣніе (Людвигъ). Роль жениха—совершенно пассивная, подобная той, какая отведена Гартмуту въ поэмѣ. Мстителемъ является избранникъ сердца, являющійся издалика—въ исторіи могущественный нѣмецкій императоръ—въ поэмѣ братъ, женихъ и родные прекрасной многострадальной Кудруны. Исторія знаетъ одно центральное лицо въ роли заступника и защитника красавицы—жениха императора; поэма

¹⁾ Zur Kudrun, Mythisches und Historisches progr. Göt. 1873. passim.

всю честь побѣды и освобожденія приписываетъ доблестному старцу— Вате, подвиги котораго заставляютъ забывать объ Ортвинѣ и Гервингѣ.

Сходство судьбы Адельгейды и Кудруны дѣйствительно очень велико, но, на мой взглядъ, на основаніи этого сходства не слѣдуетъ дѣлать заключенія (подобно Видману), что судьба итальянской королевы была воспѣта въ нѣмецкой поэмѣ. Намъ неизвѣстно, насколько Адельгейда сдѣлалась темой народной пѣсни.

Далѣе, перенесеніе дѣйствія въ точно опредѣленную территорію является весьма мало понятнымъ; равнымъ образомъ, почти немислимо, чтобы могущественный защитникъ, императоръ Оттонъ, могъ быть забытъ поэтомъ, вносившимъ историческій разказъ въ раньше существовавшую поэтическую оболочку.

Гораздо вѣроятнѣе, что сходство участи Кудруны и Адельгейды объясняется аналогичными условіями жизни полу-исторической и исторической королевы, условіями столь часто встрѣчавшимися при извѣстномъ складѣ исторической жизни, что нѣтъ надобности прибѣгать къ предположеніямъ о заимствованіи и вліяніи, при отсутствіи яркихъ и убѣдительныхъ доказательствъ.

Необыкновенный реализмъ третьей части нашей поэмы исключаетъ всякую возможность участія мифа. Въ самомъ дѣлѣ: даже Вате, миѳическое происхожденіе котораго является внѣ всякаго сомнѣнія и который во второй части сохраняетъ нѣсколько характерныхъ, относящихся къ глубокой древности, атрибутовъ,—даже Вате въ третьей является лишь суровымъ, даже свирѣлымъ воиномъ. Выясненія элементовъ, вошедшихъ въ третью часть поэмы, слѣдуетъ, на мой взглядъ, искать не въ мифѣ и не въ лѣтописи, а въ историческихъ преданіяхъ и народной старинѣ. Историческую основу мы уже указали. О параллеляхъ народной повѣствовательной литературы мы скажемъ ниже.

Подвожу въ немногихъ словахъ итоги сказанному въ этой главѣ.

Связь составныхъ частей поэмы является совершенно случайной. О тѣсной зависимости одной отъ другихъ не можетъ быть рѣчи. Первая, обработанная наскоро и позже другихъ, обусловлена стремленіемъ построить генеалогію главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Вторая—наиболѣе древняя—основана на сѣверныхъ сагахъ, перевлетшихся съ историческими преданіями. Что-же касается до третьей, то она, какъ доказано Видльмансомъ, представляетъ контаминацію саги о Кудрунѣ (выраженіе условное) съ Гервингъ—сагой. Сага о Кудрунѣ, какъ таковая, никогда не существовала. Кудруна — полуисторическое и даже, быть можетъ, историческое лицо, судьба котораго переплелась съ мотивами народной

поэзіи. Со второй частью третья связана совершенно внѣшнимъ образомъ—генеалогическимъ родствомъ. О повтореніи второй части въ третьей не можетъ быть и рѣчи. То, что является какъ бы продолженіемъ объяснено своимъ происхожденіемъ поэту, обработавшему поэму и старавшемуся придать ей цѣльность и округленность.

ГЛАВА III.

Опытъ анализа поэмы.

Попытаюсь подвергнуть посильному анализу составъ поэмы. Такого рода анализъ былъ бы совершенно бесполезенъ, если бы я считала возможнымъ примкнуть къ выводамъ того или другого нѣмецкаго ученаго.

Руководящимъ положеніемъ будетъ для меня по возможности консервативное отношеніе къ нашему памятнику, исключеніе нѣкоторыхъ строфъ лишь тогда, когда это оправдывается очевидною необходимостью, удержаніе настоящаго распредѣленія и чтенія рукописи. Не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, сохранившимся въ одной рукописи, сдѣланной по заказу высокаго покровителя литературы, и трудно предположить, чтобы компетентный переписчикъ подвергалъ бы значительнымъ измѣненіямъ имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ.

Изыщество и старательность, съ какими сдѣлана прекрасная рукопись „Кудруны“, исключаютъ возможность многочисленныхъ ошибокъ и описокъ.

Тѣмъ не менѣе въ поэмѣ имѣются элементы, безъ всякаго сомнѣнія подлежащіе удаленію. Къ таковымъ относятся прежде всего „нибелунговы строфы“.

Совершенно справедливо онѣ считаются изслѣдователями не принадлежащими къ первоначальному составу поэмы. Ихъ безъ нарушенія цѣльности ея въ большинствѣ случаевъ можно удалить. Вопросъ о ихъ происхожденіи можетъ считаться спорнымъ. Циманъ и Фольмеръ полагаютъ, что онѣ перешли въ „Кудруну“ изъ другой обработки поэмы. Этмюллеръ приписываетъ ихъ четвертому редактору, а Мюллергофъ—нѣсколькимъ. Барчъ и Вилльмансъ думаютъ, что авторъ Кудруны постепенно усваивалъ техническія трудности Кудруновой строфы, столь близко подходящей къ нибелунговой (ср. ч. I. с. 113—114). Намъ происхожденіе нибелунговыхъ строфъ представляется слѣдующимъ образомъ.

Замѣтимъ, что болѣе трети (37) всего числа этого рода строфъ приходится на первую часть поэмы, заключающую 203 строфы, т. е. на восьмую почти часть поэмы (1705 с.) приходится 37 изъ общаго числа (98 или 99). Это цифровое отношеніе должно броситься въ глаза и требуетъ объясненія.

Предположеніе, что нибелунговы строфы перешли изъ другой обработки поэмы, не объясняетъ постепеннаго ея исчезновенія изъ поэмы. Подобнымъ же образомъ непоятно, почему редакторы помѣщали гораздо больше въ началѣ, чѣмъ въ концѣ, строфъ съ нибелунговымъ размѣромъ. Врядъ-ли возможно предположить, чтобы поэтъ, приступаая къ своему произведенію, обладалъ бы столь несовершенной техникой, что лишь мало по малу овладѣвалъ Кудруновой строфой. Кътобы онъ ни былъ, это былъ глубокой знатокъ формальнаго строя строфы, и не имѣлъ нужды, задумавъ свое большое и прекрасное произведеніе, упражняться, подобно школьнику, въ стихосложеніи. Вспомнимъ, что средне-вѣковые поэты владѣли немногими размѣрами, но владѣли ими въ такомъ совершенствѣ, что смѣло могутъ поспорить съ лучшими нашими мастерами стиха. Происхожденіе нибелунговыхъ строфъ можетъ быть объяснимо и иначе, если мы обратимся къ ихъ содержанію. (2—204).

Въ первой части поэмы имѣются слѣдующія строфы съ нибелунговымъ размѣромъ: 6, 14, 15, 21, 26, 36, 58, 60—69, 73, 77, 82, 83, 86, 101, 102, 107, 108, 114, 117, 126, 127, 142, 150, 151, 154, 155, 160, 184, 191—всего 37. Можно-ли выдѣлить ихъ изъ исторіи Гагена, не нарушая ея цѣльности и логическаго развитія сюжета?

Если процессъ исключенія возможенъ, то нибелунгова строфа окажется чѣмъ-то извнѣ привнесеннымъ и въ сущности будетъ совершенно безразлично, какимъ образомъ толковать это постороннее наслоеніе.

Строфа 6 говоритъ о вдовствѣ матери Сигебанда, рѣшившей не выходить вторично замужъ.

Die Sigebandes muoter den witewen stuol besaz
der maere helt guoter dar umbe liez er daz,
daz er niht wolte minnen zu rehter siner ê
den edelen küniginnen was nâch Sigebande wê.

Строфа эта составляетъ естественный переходъ отъ 5-й и къ 7-й, въ которой мать совѣтуетъ сыну жениться.

Кромѣ того, шестая строфа заключаетъ весьма существенную подробность о томъ, что правительницей послѣ смерти мужа оставалась его жена, а не сынъ. Ни въ какомъ случаѣ нельзя исключить этой строфы, такъ какъ нѣтъ возможности указать естественный переходъ отъ 5-й къ 7-й, если обойти рассматриваемую строфу.

Иначе мы можем отнести къ 14-й стр. Она рассказываетъ о пріемѣ, оказанномъ женѣ Сигебанта, забѣгаетъ нѣсколько впередъ и не только не служитъ тѣсной связью между 13 и 15 строфами, но даже разъединяетъ ихъ.

Пятнадцатая строфа занимаетъ нѣсколько болѣе опредѣленное положеніе.

Слѣдующая нибелунгова строфа (21)—совершенно лишняя: она не нужна для связи 20-й и 22-й, которая можетъ быть поставлена непосредственно послѣ 20-й.

Въ 26-й строфѣ королева обращается къ королю съ ласковымъ упрекомъ. Она не высказываетъ своего желанія, а лишь робко говоритъ о немъ въ общихъ выраженіяхъ. Въ слѣдующей строфѣ она высказывается опредѣленно. 26-я строфа не можетъ быть сочтена мѣшающей цѣльности разсказа и развитію сюжета, но она является довольно празднымъ многословіемъ, безъ котораго можно было бы и обойтись, измѣнивъ послѣднюю строку 25-й строфы. Устраненіе ея не можетъ повлечь никакихъ послѣдствій. 36-я строфа, заключаетъ отвѣтъ королевы на слова короля, касающіяся подробностей приготовленія къ празднествамъ. Король говоритъ:

„Jch wil iu gerne volgen, als ez mēr geschach
daz man nâch vrouwen râte lobeten hôchziten.
Mine und iuwer mäge wil ich her ze hove heizen rîten“.

Королева отвѣчаетъ:

Do sprach diu künigine „daz ist mir niht leit,
so gibe ich besunder vünf hundert vrouwen kleit.
Vier und sehzig meiden den gibe ich guot gewaete“
dô daz der künec erhôrte, er jach daz er ez williclichen taete.

Очевидно исключеніе этой строфы немисливо.

58-я строфа рассказываетъ о похищеніи Гагена грифомъ. Няньки бросили ребенка, котораго исполинская птица схватила въ свои когти.

Въ слѣдующей строфѣ продолжается описаніе похищенія Гагена, тѣсно примыкающее къ предыдущему.

Въ виду этого 58-я строфа должна считаться необходимою въ составѣ поэмы.

Отъ 60 до 69 строфы включительно мы имѣемъ отрывокъ, состоящій изъ нибелунговыхъ строфъ. Въ немъ рассказывается о скорби родителей Гагена, узнавшихъ о горестномъ приключеніи, объ отбѣдѣ гостей—вассаловъ, награжденныхъ хозяевами подарками и—въ началѣ 2-го авантюра—о томъ, какъ старый грифъ принесть мальчика своимъ

птенцамъ изъ которыхъ одинъ, схвативъ Гагена, полетѣлъ съ нимъ. Строфы отъ 60 до 66 включительно хотя и не могутъ считаться лишними, но мы могли бы исключить ихъ, не нарушая цѣльности содержания и красоты даннаго отрывка.

Такъ, послѣ похищенія грифомъ мальчика, можетъ слѣдовать рассказъ о его пребываніи на островѣ въ обществѣ дикихъ птенцовъ.

Но нельзя не признать, что строфы отъ 60 до 67 не кажутся намъ лишними, такъ какъ описаніе родительской скорби умѣстно послѣ рассказа о похищеніи, а подробность о подаркахъ, которыми, не смотря на постигшее ихъ горе, король и королева одарили вассаловъ, вполне соответствуетъ общему рыцарско-придворному тону поэмы.

Строфы отъ 67 до 69 включительно безусловно необходимы при настоящемъ строфѣ сюжета, такъ какъ при отсутствіи ихъ нѣтъ перехода къ счастливому освобожденію мальчика.

Слѣдующая нибелунгова строфа—73 проникнута благочестивымъ духомъ и довольно безсодержательна:

Got tuot michel wunder: des mac man verjehen
von der grifen sterke was ouch ê geschehen,
daz drier kûnege tohter wâren dar getragen..
Si sâzen da vil nâhen. nû kan iu nieman gesagen.

Исключеніе этой строфы не является необходимымъ, но и присутствіе не имѣетъ никакого значенія. Безъ нея немислимъ отвѣтъ Гагена, являющійся въ свою очередь логическимъ переходомъ къ дальнѣйшему изложенію.

82 строфа рассказываетъ, какъ томящіяся въ заключеніи королевны искали для Гагена травъ, составляющихъ ихъ пропитаніе. Опять мы встрѣчаемся съ такимъ же явленіемъ, какъ и при 73 строфѣ: исключеніе не необходимо, но возможно; нѣтъ необходимости говорить о томъ, что само собою разумѣется: для того, чтобы ѣсть травы и корни необходимо собрать ихъ.

83 строфа—продолженіе 82-й и къ ней относится то, что мы говорили относительно ея предшественницы.

86 строфа рассказываетъ, какъ корабли пилигримовъ были разбиты бурей; никто не уцѣлѣлъ, а грифы носили трупы въ свои гнѣзда. Четвертый стихъ заключаетъ бесполезное указаніе на предыдущее. Строфа эта довольно тѣсно связана съ слѣдующей и слабо съ предшествующей. Она также можетъ быть отнесена къ разряду безразличныхъ строфъ.

101 строфа заключаетъ подробное опредѣленіе того животнаго „vgevele unde balt“, которое бросилось на Гагена, но было убито его мечемъ.

Einem gabilûne was ez anelich
er begunde ez schinden. dô warter krefte rich
in luste sines bluotes do er des vol getranc,
do gewan er vil der krefte. er hete manigen gedanc.

Не смотря на то, что строфа эта весьма интересна и даетъ тему для цѣлыхъ комментаріевъ, она представляется мнѣ далеко не необходимою. Весьма возможно, что звѣрь „vgevele unde balt“ не былъ опредѣленъ ближайшимъ образомъ, такъ какъ его эпитетъ служилъ для читателей и слушателей достаточнымъ указаніемъ на его родъ (кто говорить, напр., *спрый* подразумеваетъ, конечно, волка, а не лису); съ теченіемъ времени пересказчикъ счелъ нужнымъ пояснить для другихъ, а можетъ быть, и для себя, что это за звѣрь „vgevele unde balt“ и вставилъ строфу. Небелунговъ размѣръ ему былъ извѣстенъ, и потому и получилась небелунгова строфа. Исключеніе 101 строфы не представляетъ, по моему мнѣнію, ничего невозможнаго, такъ какъ надо еще доказать, что звѣрь „vgevele unde balt“—дѣйствительно габилуна. Въ предположеніи о ненужности 101 строфы утверждаетъ насъ и то обстоятельство, что за нею слѣдуетъ строфа (102), повѣствующая о встрѣчѣ Гагена со львомъ—разсказъ и лишній и лишенный всякаго значенія. Основательна, вѣроятно, догадка Мартина, полагающая, что эта строфа возникла подъ влияніемъ саги объ Ивейнѣ.

107 и 108 строфы сообщаютъ подробности объ освобожденіи дѣвиць-царевенъ Гагеномъ и о встрѣчѣ корабля при Гараде. Гагенъ въ слѣдующихъ строфахъ проситъ помощи и получаетъ ее. Очевидно объ исключеніи 107-й и 108-й стр. безъ нарушенія цѣльности разсказа не можетъ быть и рѣчи.

114 строфа разсказываетъ, какъ полуодѣтымъ въ лохмотья дѣвушкамъ, которыхъ вель Гагенъ, принесли мужское платье, которое онѣ, не смотря на стыдъ, принуждены были одѣть, за отсутствіемъ женскаго. На нашъ взглядъ, эта строфа принадлежитъ къ безразличнымъ: нельзя опредѣлить, насколько необходима подробность о переодѣваніи. Возможно и безъ нея дальнѣйшее развитіе сюжета.

117 строфа—безусловно необходима.

Въ самомъ дѣлѣ, весьма естественно, что, пріодѣвъ и накормивъ дѣвушекъ, графъ обратился къ нимъ съ распросами о ихъ приключеніяхъ, въ противномъ случаѣ разсказъ трехъ лѣнницъ былъ бы вполне неумѣстенъ.

126 и 127 строфы заключаютъ вопросъ графа, какъ освободился Гагенъ отъ грифа и объясненіе послѣдняго. Далѣе слѣдуютъ неумѣренныя восхваленія силы Гагена придворными.

Говоря объ этихъ строфахъ, можно лишь указать на возможность исключенія второй. Что-же касается первой, то удаленіе ея сдѣлаетъ переходъ отъ 125 слишкомъ рѣзкимъ.

Итакъ, 126 строфа безусловно необходима, а 127 можетъ быть сохранена и удалена.

142 строфа является необходимой. Пилигриммы, пріѣхавъ къ городу Сигебанта, посылаютъ извѣстить короля о прибытіи Гагена. За этой строфой слѣдуетъ замѣчаніе Гагена, по какой примѣтѣ можно его узнать.

150 и 151 строфы не могутъ быть удалены безъ нарушенія цѣльности разсказа. Въ первой говорится о томъ, какъ высадился Гагенъ, во второй (начало 4-го авантюра) о встрѣчѣ, устроенной ему жителями города и королемъ.

Слѣдующія нибелунговы строфы — 154 и 155. Первая сообщаетъ, какъ, признавъ въ Гагенѣ сына, королева-мать обливала его слезами радости; 155 сообщаетъ о встрѣчѣ Гагена съ королемъ. Пропускъ этихъ строфъ повелъ бы за собою полную несообразность въ развитіи сюжета. Къ тому же онѣ проникнуты поэтической красотой рыцарски придворнаго, но свѣжаго стиля ¹⁾.

160 строфа разсказываетъ о полномъ примиреніи, ознаменованномъ пиршествомъ, Сигебанта съ графомъ Карадійскимъ. Она пополняетъ разсказъ предыдущихъ 158 и 159 строфъ. Она не вредитъ плавному развитію сюжета, но въ сущности немного и помогаетъ ему и могла бы исчезнуть, не требуя никакихъ существенныхъ измѣненій.

184-я строфа касается подробностей роскошнаго турнира, даннаго въ честь Гагена. Въ ней, неизвѣстно почему, выдѣлены въ особую группу 24 рыцаря, подвизающіеся на аренѣ, на которыхъ обращены взоры всѣхъ прекрасныхъ женщинъ. Строфа эта является совершенно ненужнымъ звеномъ между 183 и 185. Она блѣдна и безцвѣтна. Чтобы

---

1) Mit weinenden ougen si kuste in an den munt.
„é west iih mich sieehen, nû bin ich wol gesunt.
„bis willekomen Hagene, mû einigez kint.
nû mûgen sich dîn wol troesten die hie bi Sigebande sint.
Der kunic trat nâher, sin vreude diu was grôz.
Von sinen herzen liebe ûz sinen ougen vlôz
ime der vil heizen trehene dâ genuoc.
dem kinde er holden willen von schulden vriuntlichen truoc.

пополнить кажущійся пробѣлъ неизвѣстный поэтъ присочинилъ ее. Ему пришлось прибѣгнуть къ стариннымъ эпическимъ приемамъ, напр., условному числу (24).

Послѣдняя нибелунгова строфа первой части (191) ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подвергнута исключенію. Въ ней рассказывается, что ко двору короля Сигебанта отправились три царственные плѣнницы, и одна изъ нихъ, прекрасная Гильда изъ Иверланда, плѣнила сердце юнаго Гагена. Слѣдующая за этой строфа продолжаетъ эту же мысль.

Теперь переходимъ къ обзорѣннѣю нибелунговыхъ строфъ второй, а затѣмъ и третьей части поэмы.

213 и 214—нибелунговы строфы. Онѣ заключаютъ замѣчаніе Гетеля насчетъ свирѣлости Гагена и отвѣтъ Морунга, предлагающаго пригласить Горанта. Строфы эти могутъ быть исключены, если признать мотивъ жестокаго обращенія Гагена съ женихами ненужнымъ. Но на этомъ мотивѣ, выражаясь беллетристической терминологіей, зиждется интрига разсказа. Удаленіе его повело бы за собою распаденіе всей поэмы.

217-я строфа — безсодержательна. Въ ней мы читаемъ о любезномъ отвѣтѣ Горанта, заявляющаго свою преданность королю. Послѣ 216-ой можетъ слѣдовать 218-я, и исключеніе 217-й не только возможно, но и легко допустимо.

Почти тоже мы можемъ сказать относительно 223 и 234-й строфы. Вате спрашиваетъ, надо-ли брать съ собою дружину? Послы Гетеля отвѣчаютъ, что въ этомъ нѣтъ надобности. Очевидно, что вопросъ Вате совершенно излишній, такъ какъ ему довольно опредѣленно говорятъ, что требуются лишь его услуги; кромѣ того, онъ все-же захватилъ съ собою небольшую свиту въ 12 человекъ. Конечно, эти строфы не вредятъ красотѣ даннаго отрывка, но и не украшаютъ его, и исключеніе ихъ вполне возможно.

Слѣдующая нибелунгова строфа — 237-я. Въ ней Вате отвѣчаетъ любезно на привѣтствіе Гетеля. На первый взглядъ ея присутствіе можетъ быть оправдано, но если мы вникнемъ глубже, то убѣдимся въ возможности ея выдѣленія. Въ самомъ дѣлѣ: въ 240-й строфѣ мы читаемъ заявленіе Вате о готовности служить вѣрою и правдою своему королю. Характеръ Вате принадлежитъ къ наиболѣе цѣльнымъ и опредѣленнымъ: онъ не любитъ тратить словъ попусту и обиліе комплиментовъ и заявленій въ его устахъ является вполне неумѣстнымъ. Далѣе, 238-ая можетъ слѣдовать непосредственно послѣ 236-й: понятно, что Гетель привѣтствовалъ Вате, пригласилъ его сѣсть и обдумывать, какъ предложить ему рискованное предпріятіе; Вате не было нужды до начала рѣчи короля разсыпаться въ увѣреніяхъ, и мы находимъ вполне

умѣстнымъ и возможнымъ исключеніе 237-ой строфы, довольно блѣдной и безцвѣтной, какъ вносящей черты, несоотвѣтствующія типическимъ особенностямъ характера Вате.

Слѣдующая нибелунговая строфа—249. Она заключаетъ описаніе корабля по плану Фруте. За нею идетъ рѣчь о провіантѣ. Строфа эта не можетъ быть исключена, такъ какъ она тѣсно связана съ цѣлымъ эпизодомъ, гдѣ идетъ рѣчь о приготовленіяхъ къ предполагаемому путешествію.

258 строфа заключаетъ продолженіе рѣчи Вате, предлагающаго, чтобы послы Гетеля назвали себя политическими изгнанниками. Она можетъ быть удалена, такъ какъ таже основная мысль достаточно ясно высказана въ слѣдующей строфѣ.

268 строфа описываетъ въ нѣсколькихъ словахъ якорь и говоритъ о томъ, что Гетель заставлялъ плотниковъ спѣшить. Она безцвѣтна и отчасти повторяетъ сказанное раньше, такъ что удаленіе ея возможно.

270 строфа рассказываетъ о прибытіи Вате съ 400 воиновъ изъ Штурма. Последній стихъ вполнѣ безсодержателенъ и прибавленъ лишь для пополненія строфы. Къ тому же подробность о дружинѣ Вате находится въ полномъ противорѣчій съ 262-й строфой, гдѣ обуславливается прибытіе Вате безъ всякой свиты. Въ виду этого мы считаемъ эту строфу ненужною для развитія сюжета и подлежащему исключенію. Описаніе появленія Вате не обусловлено необходимостью, къ тому же присутствіе дружины ничѣмъ не мотивировано.

274 строфа рассказываетъ въ немногихъ словахъ о ласковомъ приѣмѣ, оказанномъ Гетелемъ его сподвижникамъ. Эта подробность имѣетъ какой-то случайный характеръ, и строфа могла бы быть удалена, если бы не была тѣсно связана съ послѣдующей. Весьма возможно, что поклонникъ рыцарскаго стили, неизвѣстный редакторъ поэмы, счелъ необходимымъ вставить подробность о любезности короля, безъ которой дальнѣйшее изложеніе казалось ему невыносимымъ.

281 строфа, сообщающая, что сотня воиновъ была скрыта подъ палубой, не можетъ быть исключена безъ замѣны другой, такъ какъ скрытые воины оказываютъ въ свое время необходимое содѣйствіе гегелингамъ.

287 строфа рассказываетъ о неудобствахъ, которымъ подвергались на морѣ Гегелинги. Строфа эта заключаетъ совершенно излишнюю подробность, такъ какъ въ предыдущей возвращеніе витязей представляется довольно благоприятнымъ. Кроме того, эта строфа риторическаго характера, и исключеніе ея представляется и возможнымъ, и желательнымъ.

304 строфа рассказываетъ, что ко двору Гагена поѣхали Горантъ и Ирольтъ. Королю сообщили, что къ нему прибыли изгнанные сюзереномъ знатные вассалы. Строфа эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть исключена, такъ какъ безъ нея неясно, кто именно и въ какой роли былъ посланъ къ Гагену. Притомъ дальнѣйшее изложеніе опирается именно на этой строфѣ. Такова же и слѣдующая нибелунгова строфа (314), въ которой мнимый гонитель князей—изгоевъ названъ Гетелемъ. Строфа эта составляетъ положеніе, изъ котораго исходить дальнѣйшій рассказъ. Въ этой строфѣ мы находимъ ненужныя повторенія (3 и 4 ст.), тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ возможности признать ее лишнею.

333 строфа на первый взглядъ кажется нелишнею, такъ какъ въ ней идетъ рѣчь о Горантѣ, ѣдущемъ вмѣстѣ съ другими товарищами ко двору Гетеля. Но она страдаетъ отсутствіемъ сколько нибудь яркихъ красокъ и опредѣленныхъ формъ.

Кромѣ того мы въ ней читаемъ о плащахъ, надѣтыхъ на Датчанъ, о чемъ говорилось и въ 332 с.

Слѣдующая (334 с.) сообщаетъ о встрѣчѣ гостей Гагеномъ и должна быть признана очень важною для содержанія даннаго эпизода.

336 строфа рассказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Гегелинговъ пріѣздомъ Гильды и о винахъ, предоставленныхъ гостямъ. Строфа эта—результатъ рыцарской учтивости редактора. Данный эпизодъ въ ней вовсе не нуждается, и она легко можетъ быть пропущена.

346 строфа не можетъ быть исключена, такъ какъ въ ней заключается вопросъ Гильды относительно Вате, а въ слѣдующей имѣется отвѣтъ на него.

Относительно 364-й строфы вопросъ можно считать открытымъ. Строфа эта несомнѣнно хороша и придаетъ художественныя реальныя подробности описанію поединка Гагена съ Вате, но ея присутствіе не можетъ считаться безусловно необходимымъ.

390 строфа, развивающая подробности о вліяніи пѣнія Горанта, является, на мой взглядъ, довольно празднымъ многословіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: умѣстно было говорить о томъ, что звѣри и пресмыкающіеся заслушались пѣнія Горанта, даже рыбы перестали плыть. Природа внимала пѣвцу—это понятно и поэтично, но когда намъ говорятъ о томъ, что священники перестали пѣть въ церквахъ, колокола—звонить, мы склонны видѣть въ этихъ подробностяхъ лишь многословіе. Въ самомъ дѣлѣ: эта строфа не усиливаетъ, а лишь ослабляетъ впечатлѣніе предыдущей, и кажется намъ совершенно лишнею; послѣ 389-й можетъ, если не должна, слѣдовать 391.

Строфы 416 и 417 принадлежать къ числу нибелунговыхъ. Исключеніе ихъ мы должны счесть безусловно полезнымъ.

Дѣло идетъ, какъ извѣстно, о признаніи камергеромъ въ Горантѣ родного племянника. Тутъ, какъ *deus ex machina*, является дѣйствующимъ лицомъ Морунгъ, который тоже оказывается родственникомъ камергера,—подробность и ненужная, и лишняя.

418 можетъ слѣдовать за 415-й, а 416-я можетъ быть исключена.

Такой же участи можетъ, по нашему мнѣнію, подвергнуться и 417-я строфа, такъ какъ въ 418-й довольно опредѣленно указывается отношеніе камергера въ двумъ витязимъ, а 417-я является, если не безусловно бесполезной, то, по крайней мѣрѣ, далеко не необходимой.

450 строфа довольно живо и наглядно изображаетъ, какъ Вате вскочилъ въ галеру съ 50 рыцарями вслѣдъ за Гильдой. Трудно сказать, на сколько существенна эта черта. Само собою понятно, что Вате долженъ былъ вскочить на корабль, но это должно было произойти гораздо раньше. Строфа 450-я находится уже послѣ разсказа о томъ, что корабли снялись съ якорей и люди Гагена очутились въ водѣ. Трудно предположить, чтобы Вате ждалъ такъ долго со своими воинами. Далѣе, послѣдняя строка этой строфы является совершенно праздною. Все это въ совокупности даетъ намъ право считать данную строфу подлежащей исключенію.

480 строфа принадлежитъ къ числу такихъ, которыя не вредятъ и не помогаютъ дѣлу. Она сообщаетъ нѣкоторыя подробности о встрѣчѣ Гильды, лишенной, впрочемъ, живыхъ, реальныхъ чертъ.

Слѣдующая нибелунгова строфа—502. Она намъ кажется совершенно лишней. Въ самомъ дѣлѣ, она предвосхищаетъ описаніе поединка Гетеля съ Гагеномъ, о которомъ рѣчь ниже (504 и сл.). Художественныя достоинства этой строфы весьма незначительны.

Тоже можно сказать и о 541 строфѣ. Въ ней поэтъ распространяется объ искусствѣ Вате — какъ врача, обладающаго чудодѣйственнымъ пластыремъ. Объ этомъ была уже рѣчь раньше (529 и сл.) и не было необходимости повторять вновь. Строфа эта — продуктъ празднаго многорѣчія.

Тоже можно сказать о 546 строфѣ. Эпическій поэтъ любитъ опредѣленные подробности, правдивыя или вымышленныя, но лишь весьма рѣдко прибѣгаетъ къ обобщеніямъ.

А именно такимъ характеромъ отличается разсматриваемая строфа. Въ ней толкуется, что Гегелинги вернулись въ отечество, гдѣ родственники убитыхъ много скорбѣли и плакали; „у нихъ были достаточныя къ тому основанія“, замѣчаетъ поэтъ. Строфа эта, довольно безвредная, представляется мнѣ лишней.

*

556 строфа (последняя из нибелунговых 2-й части) заключает отвѣтъ Гильдебурги на увѣщанія Гагена. Пропускъ этой строфы возможенъ, но настаивать на необходимости ея исключенія нѣтъ нужды. Мыслимо и, на мой взглядъ, гораздо естественнѣе, что Гильдебурга молча выслушала нравоученіе Гагена, но возможно, что она дала отвѣтъ, указывая на свои прежнія заслуги и испытанную вѣрность.

Переходимъ къ разсмотрѣнію нибелунговыхъ строфъ третьей части нашей поэмы со стороны ихъ содержанія.

671 строфа повѣствуетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Гервига нападеніемъ Зигфрида, и о мѣрахъ принятыхъ Зеланскимъ княземъ для защиты своей страны. Строфа эта можетъ быть исключена, такъ какъ тоже сообщается въ слѣдующей (672 и др.), но въ болѣе определенной формѣ и выраженіяхъ.

754 строфа заключаетъ нѣкоторыя подробности о сватовствѣ Гартмута Норманнскаго, который, предлагая Кудрунѣ свою руку, обѣщаетъ подарить ей и наслѣдство. Совершенно вѣрно замѣчаетъ Мартинъ, что послѣднiго обѣщанія Гартмутъ не былъ въ состояніи исполнить. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что строфа эта не нужна для послѣдовательнаго развитія сюжета, заставляетъ высказаться въ пользу ея исключенія.

773 строфа заключаетъ отвѣтъ, данный витязями Гетеля посламъ Гартмута, угрожавшаго войною въ случаѣ отказа руки Кудруны.

Die Hetelen recken, den boten saget man daz,
daz si vorhten kleine ir zorn unde ir gaz,
ob si niht wolten trinken des küneges Hetelen wîn
man schankte mit dem bluote ime und ouch den recken sin.

Строфа эта была бы вполне оправдана, тѣмъ болѣе, что ей нельзя отказать въ поэтической красотѣ и образныхъ, сильныхъ оборотахъ, если бы уже раньше (769) не было отрицательнаго отвѣта Кудруны, очень учтиваго и сдержаннаго, но прямого и рѣшительнаго. Допустить 773 строфу возможно, такъ какъ она не портитъ общаго впечатлѣнія и, какъ замѣчено, очень хороша, но и исключеніе ея представляется возможнымъ.

786 строфа рассказываетъ о подвигахъ Людвига Норманнскаго, отца Гартмута.

Ludewic der küene, der voget ûz Ormandîn,
ûz herten schildes spangen sluoc er rîten schin
nut sinem starken ellen, daz er in brüsten truoc,
die sinen spilgesellen wâren küene genuoc.

Пропускъ ея возможенъ, но не необходимъ, такъ какъ она прибавляетъ нѣсколько интересныхъ подробностей и отличается поэтическими достоинствами.

Слѣдующая нибелунгова строфа (788) относится къ такой же категоріи, какъ и предыдущая. Въ ней сообщается, что граждане Мателана пожалѣли о своемъ безразсудномъ мужествѣ, побудившемъ ихъ, вопреки совѣту Гильды, отворить ворота и выйти на встрѣчу норманнамъ.

800-я строфа заключаетъ слова Гартмута, который готовъ пощадить столицу Гетеля, въ противоположность Людвигу, желающему предать все раззоренію. Та же мысль проводится и въ предыдущей строфѣ, поэтому настоящая можетъ считаться лишнею, хотя настаивать на необходимости исключить ее — нельзя.

819-я строфа не прибавляетъ ничего существеннаго къ содержанію и является совершенно безвкусной и вымученной. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что Гетель, услышавъ вѣсть, которая должна была потрясти его, началъ оправдываться передъ гонцомъ, излагая причины отказа Гартмуту? Слѣдуетъ допустить, что онъ, человекъ дѣла, немедленно сталъ думать о возмездіи, т. е. за 818 строфой слѣдовала 820, но принять 819 — нѣтъ никакой возможности.

1004—нибелунгова строфа. Гартмутъ, уѣзжая, поручаетъ Кудруну матери, которая посылаетъ дѣвушекъ на тяжелую работу.

Diu ūbele tiuvelinne zornicliche gie
dā si daz ingesinde von Hegelingen lie.
Si sprach „ir juncvrouwen, in sult wŭrken gān.
daz ich iu gebiute, daz sol deheiniu verlān“.

Это слѣдуетъ непосредственно послѣ примирительныхъ словъ Гартмута. Пропускъ этой строфы вполне возможенъ, но не необходимъ, такъ какъ характеръ Герлинды допускаетъ возможность столь рѣзкаго перехода.

1041 и 1042 строфы совершенно лишнія. Болѣе того, онѣ портятъ все изложеніе. Въ самомъ дѣлѣ: по просьбѣ Гартмута, Ортруна умоляетъ Кудруну выйти замужъ за брата; та рѣшительно отказывается. Отвѣтъ Кудруны долженъ слѣдовать непосредственно за обращеніемъ къ ней, между тѣмъ, ему предшествуютъ двѣ строфы, къ дѣлу не идущія, о томъ, что Кудрунѣ предлагали норманнское царство, что ее заставляли стирать бѣлье и проч. Исключеніе этихъ строфъ вполне возможно.

1079—опять совершенно ненужная строфа. Автору ея не хватило даже умѣнія или усердія отдѣлать ее со стороны стила и формы; онъ повторяетъ вопросъ предыдущей строфы и дѣлаетъ (ст. 4) совершенно

безполезныя замѣчанія. Къ полнотѣ содержанія она не прибавляетъ ничего, и исключеніе ея представляется не только возможнымъ, но и необходимымъ.

Слѣдующая нибелунгова строфа 1126. Она повѣствуетъ, что корабли Гегелинговъ, приближаясь къ горѣ Гиверсъ, стали подвергаться силѣ притяженія магнита; даже мачты нагнулись. Строфа эта тѣсно связана съ послѣдующими и потому нѣтъ возможности исключить ее, но весь эпизодъ о магнитной горѣ сравнительно поздняго происхожденія, проникшій въ „Кудруну“, можетъ быть, изъ „Странствованій Брандана“, какъ предполагаетъ Мюлленгофъ.

1204-я строфа содержитъ отвѣтъ Кудруны на приказаніе Герлинды идти на стирку бѣлья безъ обуви по снѣгу. „Дай Богъ мнѣ помнить объ этомъ“, говоритъ дочь Гетеля. 4-я строка вполнѣ безсодержательна. Строфа эта легко можетъ быть исключена безъ нарушенія цѣльности содержанія, но настаивать на этомъ нельзя. Дѣло въ томъ, что мы находимъ здѣсь характерную и проводимую и въ другихъ строфахъ черту. Именно: Кудруна вовсе не голубица; это — характеръ глубокой, одинаково способный чувствовать обиды, какъ и отзывчивый на ласку и кроткое обращеніе.

Строфа 1210-я ровно ничего существеннаго не прибавляетъ и является результатомъ утонченной вѣжливости интерполятора, который на вопросъ Кудруны (въ формѣ восклицанія), не требующій отвѣта, счелъ нужнымъ помѣстить проникнутый придворной галантностью отвѣтъ Гильдебурги.

Dô sprach vrou Hildeburc „ir sehet wol, wie ez stât,
ir sult an mich niht lâzen alsô hôhen rât.
ich leiste mit iu gerne allez, daz ir tuot.
ich wil bi in beliben und liden übel unde guot.

Слѣдующая нибелунгова строфа 1219. Она является совершенно ненужною вставкою между 1218 и 1220 строфами. Она крайне бѣдна содержаніемъ ¹⁾ и къ подробностямъ бѣдственнаго положенія дѣвушекъ, описаннымъ въ 1218 с., прибавляетъ, что онѣ были въ рубашкахъ, страшно страдая отъ холода. Это уже само собою понятно изъ предыдущаго изложенія, и не было никакой надобности вставлять лишнюю фразу неудовлетворительную и со стороны формы.

1235 строфа заключаетъ вопросъ Ортуина, обращенный къ мнимымъ прачкамъ. Онъ спрашиваетъ дѣвушекъ, не знали ли онѣ плѣнницы, называвшейся Кудруна. За этимъ вопросомъ слѣдуетъ отвѣтъ

¹⁾ Второй стихъ совершенно безсодержателенъ.

одной из двѣшекъ. Въ виду этого исключеніе этой строфы является невозможнымъ.

1242 строфа отчасти повторяетъ предшествующее (ср. 1237 с. 3), отчасти забѣгаетъ впередъ (ср. 1247). Именно Кудруна, желая подвергнуть испытанію своихъ избавителей, говоритъ Гервигу и Ортуину, что будто бы дѣвушка, которую они разыскиваютъ, умерла. Гервигъ и Ортуинъ плачутъ (въ слѣдующей строфѣ). Весь данный эпизодъ принадлежитъ къ числу подозрительныхъ. Но исключеніе этой одной строфы немислимо безъ измѣненія расположенія строфъ.

1267 легко можетъ быть исключена. Дѣло въ томъ, что она заключаетъ тоже, что упомянуто въ 1284 и 1285 строфахъ. Кудруна еще разъ повторяетъ, что она готова сдѣлаться норманнской королевой. Заявленіе это совершенно лишнее, и къ содержанію даннаго эпизода эта строфа ничего не прибавляетъ.

1359 строфа должна быть удалена. Рассказывается, что Кудруна, изъявивъ прежде свое удовольствіе по поводу прибытія гегелинговъ, теперь высказываетъ сожалѣніе, предчувствуя гибель многихъ. Это находится въ очевидномъ противорѣчьи какъ съ предыдущей строфой, такъ и со взглядами Кудруны, считающей кровавую расправу дѣломъ справедливости (напр. 1377 с.).

Слѣдующая нибелунгова строфа. 1405, должна быть исключена или замѣнена другой или пропущена вмѣстѣ съ 1506. Дѣло въ томъ, что, кромѣ неудовлетворительной стилистической обработки, она заключаетъ и невѣрное сообщеніе: именно приближенные Ортуина, отвѣчая на его вопросъ относительно Гартмута, утверждаютъ, что онъ убилъ Гетеля. Это невѣрно, такъ какъ Гетеля убилъ Людвигъ (880).

Во всякомъ случаѣ удержаніе данной строфы немислимо, такъ какъ она должна относиться къ самымъ позднимъ вставкамъ, ибо немислимо, чтобы поэтъ забылъ, кто былъ убійца короля Гегелинговъ.

1408 с. легко можетъ быть исключена. За 1407 можетъ слѣдовать 1409 безъ всякой посредствующей строфы. Къ тому же 1408 имѣетъ и недостатки. Такъ, въ третьемъ стихѣ говорится о томъ, что должно быть изложено ниже. Въ формальномъ и стилистическомъ отношеніи она не вполне удовлетворительна.

1418 с. рассказываетъ, какъ Гартмутъ нанесъ Ортуину ударъ по плечу, такъ что тотъ обагрился кровью.

Въ слѣдующей строфѣ рассказывается, что борцы наносили другъ другу удары. Въ сущности 1418 с. должна бы слѣдовать за 1407, гдѣ упоминается о началѣ поединга двухъ витязей. Тѣсно связанная съ 1417, 1418 должна быть или оставлена или исключена вмѣстѣ съ нею.

1444 строфа можетъ подлежать исключенію.

Въ 1443 разсказывается начало поединка Людвигъ съ Гартмутомъ, въ 1445 его продолженіе и окончаніе. 1444 не заключаетъ никакихъ новыхъ подробностей и проникнута личнымъ элементомъ пересказчика, преобладающимъ надъ объективнымъ эпическимъ описаніемъ.

Si sprungen zuo einander durch strit in daz wal,
dâ herte wider herte in dem sturme ergal
waz dâ liute ersturbe, wer kunde dez wizzen aht?
des vlôs den sige Ludewic, dô er mit Herwige vaht.

Слѣдующая нибелунгова строфа—1452. Она заключаетъ обращеніе Гартмута, сулящаго своимъ храбрымъ воинамъ свое наслѣдіе. Строфа эта безъ ущерба для полноты содержанія могла бы не существовать, и 1453 могла бы слѣдовать за 1451. Кромѣ преувеличеннаго обѣщанія, которое даетъ Гартмутъ въ разсматриваемой строфѣ, и вся рѣчь его является неумѣстной.

Что же касается 1470, то она должна быть непременно удалена. Въ ней идетъ рѣчь о предстоящемъ столкновеніи Вате съ Гартмутомъ, говорится, что гора была полна мертвыхъ, а объ этой горѣ ни раньше, ни послѣ не упоминается ни однимъ словомъ. Кромѣ того, въ строфѣ много ненужныхъ и лишнихъ словъ. Удаленіе ея не только не вредитъ красотѣ даннаго эпизода, но способствуетъ его цѣльности и красотѣ.

Слѣдующая нибелунгова строфа 1473. Исключеніе ея вполне возможно. Въ ней сообщается, что на вызовъ мстительной Герлинды явился злодѣй, покушавшійся убить Кудруну, которая стала взывать о помощи.

Als diu Hilden tohter sach blôz ein wâfen tragen
Gegen ir zorneclîche, si mohte balde klagen,
daz si sô verre waere von ir vriunden komen.
und saehe ez niht her Hartmuot, ir waere ir houbet dâ benomen.

Кромѣ блѣдности и неясности, эта строфа страдаетъ и другими недостатками. Такъ во второй и третьей она вмѣсто разсказа заключаетъ разсужденіе неизвѣстнаго автора, а четвертая предвосхищаетъ дальнѣйшее изложеніе, именно заступничество Гартмута.

1475 стр. разсказываетъ, что голосъ Кудруны узналъ Гартмутъ и прибѣжалъ спасти ее. Трудно настаивать на исключеніи этой строфы, такъ какъ за нею слѣдуетъ обращеніе Гартмута къ злодѣю, изъ котораго безъ 1475 с. неясно, кто именно говоритъ. Но, по вѣрному наблюденію многихъ изслѣдователей, отрывокъ отъ 1471 до 1477 стр. принадлежитъ къ позднимъ и неискуснымъ интерполяциямъ.

Слѣдующая нибелунгова строфа — 1501 заключаетъ ироническое описаніе состоянія жителей столицы норманновъ послѣ ея захвата гегелингами и избіенія женщинъ и младенцевъ. Строфа эта не поясняетъ, кто виновникъ ненужной жестокости—это видно изъ послѣдующаго изложенія. Строфа эта находится въ тѣсной зависимости отъ предыдущихъ и послѣдующихъ и не можетъ быть исключена, по весь эпизодъ, къ которому она относится, принадлежитъ къ числу подозрительныхъ.

1621 строфа заключаетъ слова Кудруны на возраженія Ортуина относительно брака съ Ортруной, которыя заставляютъ молодого короля немедленно согласиться на предложеніе сестры. Уже эта поспѣшность является нелогичной: дѣйствительно, счеты Ортуина съ семьей Гартмута были слишкомъ сложны, чтобы не призадуматься, когда зашла рѣчь о бракѣ. Внутреннія и ви́шнія основанія достаточны, чтобы настаивать на исключеніи этой строфы.

1672 строфа посвящена описанію свадебныхъ торжествъ. Она въ значительной степени повторяетъ содержаніе предыдущей. Никакой необходимости въ ней нѣтъ. 1673 можетъ непосредственно слѣдовать за 1671 стр. Къ тому же, кромѣ нибелунгова размѣра, эта строфа страдаетъ и другими формальными недостатками и блѣдностью образовъ и выраженій.

Послѣдняя нибелунгова строфа—1692, присутствіе ея не вноситъ ничего новаго. Пропускъ ея не составилъ бы существеннаго пробѣла. Къ тому же она заключаетъ личные замѣчанія и наблюденія пересказчика.

Ich enweiz, in welher zfte spâte oder vruo
das si begunden segelen Kassiänen zuo.
sich vreute dô willichschen alliu diu diet
ich waen nâch arbeite got vil manegen dâ beriet.

Обозрѣніе нибелунговыхъ строфъ можетъ пролить и нѣкоторый свѣтъ на ихъ происхожденіе.

Въ первой части поэмы мы имѣемъ 37 такихъ строфъ. Изъ нихъ *двѣнадцать* необходимы для послѣдовательнаго развитія сюжета, *девѣнадцать* могутъ быть удержаны безъ вреда для извѣстныхъ эпизодовъ и только *шесть* должны, на нашъ взглядъ, быть исключены.

Во второй части поэмы—29 нибелунговыхъ строфъ въ общемъ числѣ 383. (Въ первой части 218 стр.). Изъ нихъ, какъ указано выше, *семнадцать* должны быть исключены, *пять* легко могутъ быть пропущены и только *семь* должны быть удержаны по причинѣ ихъ тѣсной

связи съ эпизодами, къ которымъ онѣ относятся, эпизодами, иногда внушающими подозрѣніе.

Въ третьей части поэмы 31 нибелунгова стр. на 1119 съ кудруновымъ размѣромъ. Изъ нихъ *восемнадцать* подлежатъ безусловному исключенію, *три* необходимы и *десять* принадлежатъ къ числу безразличныхъ, т. е. могутъ быть исключены, или оставлены безъ вреда для цѣлага. Итакъ, въ первой части поэмы, наименьшей по объему, мы имѣемъ болѣе трети всего числа нибелунговыхъ строфъ (37). Во второй ихъ 29, а въ третьей 31. Изъ 37 1-й части — 19 безусловно необходимыхъ и 6 ненужныхъ. Изъ 29 второй — 7 необходимыхъ, 5 — безразличныхъ и 17 ненужныхъ. Изъ 31 третьей — 3 необходимыхъ, 10 безразличныхъ и 18 ненужныхъ. Числовое отношеніе строфъ подлежащихъ исключенію во второй части и третьей приблизительно одно и тоже, но въ первой оно имъ обратно пропорціонально. Явленіе это должно привлечь вниманіе и подлежить объясненію.

Наиболѣе вѣроятными выводами, какіе можно сдѣлать изъ вышеизложеннаго обзорѣнія, мнѣ представляются слѣдующіе.

Первая часть поэмы принадлежитъ не тому автору, какому можетъ быть приписана вторая и третья. Число нибелунговыхъ строфъ въ первой части поэмы составляетъ около $\frac{1}{6}$ общаго количества. Во второй менѣе $\frac{1}{12}$, а въ третьей они составляютъ самый незначительный процентъ. Очевидно, при исключеніи невозможнаго, по моему мнѣнію, предположенія о томъ, что неизвѣстный авторъ „Кудруны“ исподоволь пріучался къ размѣру, мало ему извѣстному, гораздо вѣроятнѣе, что авторъ первой части не имѣлъ ничего общаго съ авторомъ (или авторами) второй и третьей. Кромѣ того, присутствіе многочисленныхъ нибелунговыхъ строфъ даетъ намъ возможность высказать слѣдующее предположеніе.

Первоначально первая часть „Кудруны“ существовала въ видѣ небольшой поэмы, написанной нибелунговымъ размѣромъ. Она повѣствовала о походеніяхъ славнаго и дикаго Гагена, любимаго героя вѣмецкаго эпоса. „Герцогъ Эрнстъ“ и рассказы, обязанные своими сюжетами крестовнымъ походамъ и восточнымъ вліяніямъ, доставили обильный матеріалъ для этой поэмы. Исторія Гагена въ поэмѣ съ нибелунговымъ размѣромъ находилась въ совершенно вѣшной случайной связи съ исторіей Гильды и ея дочери. Автору этихъ послѣднихъ показалось заманчивымъ рассказать и о походеніяхъ отца Гильды и дѣда Кудруны, и онъ воспользовался для этого существовавшей совершенно независимо небольшой поэмой о Гагенѣ. Она была написана въ подражаніе „Нибелунгамъ“ размѣромъ этой поэмы. При передѣлкѣ въ Ку-

друнову строфу, существенное отличие которой от нибелунговой заключается въ послѣдней строкѣ строфы, неизвѣстный авторъ отчасти по небрежности, отчасти по неумѣнію оставлялъ безъ измѣненія нѣкоторыя строфы, отчасти умышленно, не желая портить лучшихъ изъ нихъ. Отсюда многочисленность нибелунговыхъ строфъ и необходимость ихъ сохраненія въ первой части поэмы. Только нѣкоторыя могутъ быть отнесены на счетъ словоохотливости позднѣйшаго интерполятора. Другого объясненія происхожденія нибелунговыхъ строфъ первой части я не нахожу возможнымъ представить. Нибелунговъ размѣръ, благодаря весьма значительному распространенію поэмы, приобрѣлъ громадную популярность, а существованіе поэмы, воспѣвающей дѣтство Гагена, не представляетъ ничего невозможнаго. Передѣлка ея представлялась необходимой лицу, взявшему на себя задачу объединенія внѣшнимъ, почти механическимъ образомъ, судебъ трехъ поколѣній въ одной поэмѣ.

Другого происхожденія могутъ и должны быть нибелунговы строфы второй и третьей части поэмы. Ихъ немногочисленность и ихъ случайный характеръ свидѣтельствуютъ о томъ, что ихъ роль совершенно не такова, какой она является во второй и третьей части. Тогда какъ нибелунговы строфы первой части почти всѣ должны быть удержаны, во второй и третьей онѣ почти всѣ могутъ быть удалены. Между ними мы отмѣтимъ три категоріи: безусловно необходимыя, такія, которыя легко могутъ быть пропущены, но могутъ быть и сохранены, и подлежащія исключенію. Первая категорія во второй и третьей частяхъ самая немногочисленная. Во второй такихъ строфъ 7 (около $\frac{1}{4}$ всего числа) въ третьей—3 (менѣе $\frac{1}{10}$). Вторая категорія нѣсколько многочисленнѣе: во второй части—5, въ третьей—10. Самое большое число относится къ категоріи ненужныхъ. Число ихъ—около $\frac{2}{3}$ общаго—почти одинаково во второй и третьей части (17 и 18). Само собою разумѣется, что наблюденіе это нуждается въ объясненіи, которое въ общихъ чертахъ можетъ состоять въ слѣдующемъ.

Нибелунговы строфы второй и третьей частей обязаны своимъ происхожденіемъ случайнымъ интерполаторамъ. При этомъ слѣдуетъ различать двѣ руки. Одна вставила строфы ненужныя, другая легко поддающіяся исключенію. Можно было бы указать на другія характерныя особенности этихъ двухъ рукъ въ слогѣ, словарѣ, эпитетахъ и пр., но я не считаю необходимымъ приступить къ этой задачѣ и лишь ограничусь замѣчаніемъ, что такого рода обследованіе убѣдило бы въ существованіи именно двухъ рукъ. Что-же касается до нибелунговыхъ строфъ 2 и 3 ч., которыя должны быть удержаны, то ихъ присутствіе не требуетъ особенныхъ оправданій: случайный переходъ изъ одной

родственной строфы въ другую возможенъ даже въ современной поэзіи и не долженъ удивлять насъ, когда идетъ рѣчь о средневѣковомъ поэтѣ. Къ тому же эти строфы иногда относятся къ подозрительнымъ энизодамъ, которые могутъ подлежать исключенію во всемъ ихъ объемѣ, т. е. вмѣстѣ съ нибелунговыми строфами.

Итакъ, строфы съ нибелунговымъ размѣромъ первой части поэмы кажутся намъ первоначальными, въ противоположность другимъ, такъ сказать, наноснымъ.

Первыя болѣе ранняя, чѣмъ другія строфы первой части, происхожденія. Вторыя значительно моложе сосѣднихъ вудруновыхъ строфъ. Исключеніе первыхъ, за немногими изытіями, невозможно; вторыя, наоборотъ, должны быть удалены.

Это наблюденіе должно быть руководящимъ принципомъ и для критики текста.

Перехожу къ обзорѣннѣю цезурныхъ строфъ (съ рیمой въ цезурѣ), т. е. второго элемента, весьма подозрительнаго въ глазахъ многихъ изслѣдователей, особенно Мюлленгофа.

Не безынтересно на первый взглядъ то обстоятельство, что ріемы съ цезурой встрѣчаются во второй и третьей части поэмы и отсутствуютъ (за небольшими исключеніями, обьязанными своимъ происхожденіемъ переписчику) въ первой. Наблюденіе это, сколько мнѣ извѣстно, не было еще высказано; оно подтверждаетъ выводъ относительно первой и двухъ послѣдующихъ частей, принадлежащихъ совершенно различнымъ авторамъ. Строфа съ внутренней рیمой не есть исключительная особенность нашей поэмы; она встрѣчается, правда, довольно рѣдко, и въ „Нибелунгахъ“.

Царнке ¹⁾ основательно опровергаетъ невѣрное мнѣніе о томъ, что строфа эта въ „Нибелунгахъ“ составлена умышленно; рѣдкое ея появленіе обьясняется поэтической вольностью. Кромѣ нѣмецкаго мы встрѣчаемъ цезурную ріему и въ древне-французскомъ и провансальскомъ ²⁾ и въ altnord.

Такимъ образомъ цезурная строфа вовсе не изобрѣтена авторомъ „Кудруны“. Онъ нашелъ ее готовой въ образцахъ поэзіи, еѣу извѣстныхъ, и только далъ ей весьма широкое примѣненіе. Обращаю еще разъ вниманіе на то, что въ то время какъ цезурныя строфы въ первой части поэмы какъ бы случайно туда попали, во второй и третьей онѣ разставлены какъ бы умышленно для украшенія слога. Считаю лишнимъ повторять перечисленіе этихъ строфъ, сдѣланное Мюлленгофомъ ³⁾,

¹⁾ Das Nibelungenlied. 1887 с. (XXXIV с.).

²⁾ Diez. Altranz. Sprachdenk. с. 82 (Цитата Царнке).

³⁾ Kudrun, с. 55 и сл.

Мартиномъ ¹⁾, Пленіэсомъ ²⁾ и Симонсомъ ³⁾ по той простой причинѣ, что цезурныя строфы сами по себѣ не даютъ вѣрной точки опоры для критики текста и содержанія поэмы. Даже Мюлленгофъ, столь отрицательно относившійся къ этой строфѣ, принужденъ былъ въ своей реконструкціи предполагаемаго первоначальнаго текста поэмы оставить 30 строфъ съ риемой въ цезурѣ.

Кромѣ этого, прибавлю, въ составъ текста Мюлленгофа вошли и стихи съ ассонансами въ цезурѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что само понятие о цезурныхъ риемахъ довольно растяжимо, если обратить вниманіе на близость нѣкоторыхъ изъ нихъ къ ассонансамъ и на нѣкоторыя діалектическія особенности (австрійскія), которыя могутъ быть указаны въ извѣстныхъ мѣстахъ поэмы.

На основаніи содержанія я не считаю возможнымъ выдѣлить въ особую группу сколько-нибудь значительное число цезурныхъ строфъ.

Далѣе со стороны формы и стиля нельзя указать въ нихъ особенностей, рѣзко отличающихъ ихъ отъ другихъ строфъ поэмы, хотя, по вѣрному наблюденію Симонса ⁴⁾, онѣ не могутъ принадлежать той рукѣ, которой написано большинство строфъ поэмы. Во многихъ случаяхъ цезурныя строфы—интерполяціи. Считаю излишнимъ приводить примѣры, такъ какъ это уже сдѣлано Симонсомъ, притомъ ниже представляется посильный анализъ содержанія поэмы.

Мы видимъ, что цезурныя риемы не даютъ критикѣ текста положительныхъ данныхъ. Происхожденіе ихъ далеко не случайное, во видѣть какую-либо опредѣленную систему въ ихъ распредѣленіи нельзя.

Сама по себѣ эта риема благозвучна и съ этой стороны могла удовлетворять самому изысканному вкусу. Различныя цезурныя риемы возникали въ различное время, и нельзя думать, чтобы онѣ всѣ принадлежали одному лицу. Было бы въ высшей степени интересно указать какая группа цезурныхъ риемъ—ранняя, а какая—болѣе поздняя. Но для этого въ нашемъ распоряженіи нѣтъ критеріевъ.

Обозрѣніе главнѣйшихъ уклоненій въ формальномъ строфѣ, т. е. нибелунговъ и цезурныхъ строфъ привело насъ къ нѣкоторымъ выводамъ. Именно оно показало, что во второй и третьей части нибелунговы строфы легко могутъ быть удалены, какъ болѣе поздняго, сравнительно съ другими, происхожденія, въ первой же части онѣ почти всѣ необходимы, и, по всему вѣроятію, представляютъ первоначальный слой

¹⁾ Kudrun. Введеніе, XI и сл.

²⁾ Kudrun, с. 288 и сл.

³⁾ Beiträge zur gesch. d. Spr. 1884 г.

⁴⁾ См. 1-я ч., с. 115.

самостоятельной поэмы о дѣтствѣ Гагена, сочиненный нибелунговымъ размѣромъ и потомъ переделанный въ кудруновъ. Такимъ образомъ, нибелунговы строфы 1-й, 2-й и 3-й ч. различнаго происхожденія. Что же касается до цезурныхъ, то обзорѣніе ихъ убѣдило насъ, что овѣ не могутъ служить критеріемъ для опредѣленія подлинности или неподлинности строфы. Даже крайній представитель отрицательнаго направленія, Мюлленгофъ, былъ вынужденъ оставить около 30 строфъ съ цезурой, не находя достаточныхъ основаній для ихъ исключенія. Въ общемъ придется смотрѣть на эти строфы, какъ на формальную вольность, допускаемую въ различное время редакторами.

Переходимъ теперь къ восстановленію на основаніи различныхъ критеріевъ не того первоначальнаго вида поэмы, такъ сказать *иг-роет*, о которомъ мы не можемъ имѣть никакого представленія, а лишь формы, удовлетворяющей требованіямъ внутренней и внѣшней критики, которая можетъ быть посредствующей ступенью между первой и послѣдней обработкой нашей поэмы.

Приступая къ исполненію этой спеціальной задачи, я постараюсь отнестись къ ней по возможности консервативно. По моему мнѣнію, поэма и въ нынѣшнемъ ея видѣ прекрасна и совершенна и, если идетъ рѣчь объ исключеніи нѣкоторыхъ строфъ, то имѣется въ виду еще ббольшая красота и совершенство, а также, кромѣ эстетическихъ соображеній, логическія и формальныя. Разсмотрѣнію должны подвергнуться 2-я и 3-я часть поэмы; что же касается до первой, то ея роль настолько незначительна, что и анализъ ея представляется излишнимъ.

Въ самомъ дѣлѣ дѣтство Гагена рассказано уже тогда, когда обѣ части поэмы существовали, притомъ такъ, что даже внѣшняя связь между первой и второю очень слаба. О дѣтствѣ Гагена не упоминается въ другихъ частяхъ поэмы, хотя этого можно было бы ожидать въ виду того значенія, которое придается этому герою.

Вопросъ о составѣ первой части нашей поэмы является совершенно празднымъ, такъ какъ эта часть имѣетъ весьма скромное литературное значеніе и присочинена, на мой взглядъ, *ad usum*. Впрочемъ, мы имѣемъ полное право обойти его еще и по той причинѣ, что въ сущности рассказъ о дѣтствѣ Гагена не заключаетъ сколько нибудь крупныхъ слѣдовъ вставокъ или переделокъ, а лишнія строфы безъ труда могутъ быть удалены и не требуютъ никакихъ объясненій.

Иное отношеніе второй къ третьей части поэмы. Послѣдняя не мыслима безъ первой. но, наоборотъ, мы можемъ предположить самостоятельное существованіе второй части и читать ее безъ третьей, такъ какъ вторая вовсе не обуславливаетъ существованія третьей.

Основанія для болѣе или менѣе успѣшнаго исполненія нашей задачи должны быть двухъ родовъ: а) логическія и б) формальныя. Обработка, предшествующая нашей, должна была отличаться сравнительно большою стройностью и послѣдовательностью, которая, впрочемъ, надо понимать не въ смыслѣ современныхъ требованій романа, повѣсти или эпоса, а въ спеціальномъ, средневѣковомъ.

Формальныя основанія въ существенныхъ чертахъ уже были разсмотрѣны нами, здѣсь будетъ идти рѣчь о нѣкоторыхъ второстепенныхъ явленіяхъ и единичныхъ случаяхъ.

Прежде всего мы считаемъ совершенно излишнимъ подраздѣленіе на отдѣльныя отрывки, хотя этотъ принципъ принимается какъ нѣчто абсолютно необходимое лучшими германистами, работавшими надъ нашей поэмой.

Подраздѣленіе было бы необходимо, если бы мы поставили своей задачей воспроизведеніе постепеннаго образованія поэмы. Но такое воспроизведеніе, на мой взглядъ, немыслимо, хотя и было сдѣлано нѣсколько прекрасныхъ попытокъ. Изученіе поэмы приводитъ насъ къ совершенно другому заключенію. Именно намъ представляется, что посредствующихъ звеньевъ между полу-историческими, полу-поэтическими преданіями о Гильдѣ и Кудрунѣ не было; что отношеніе автора нашей поэмы къ своимъ источникамъ приблизительно такое, какъ Вольфрама въ Парсивалѣ къ французскимъ романамъ.

Нельзя предположить, чтобы „Кудруна“ пропла тѣ же фазисы развитія, что и „Нибелунги“. Нельзя указать въ нашей поэмѣ такого ряда послѣдовательныхъ моментовъ, какіе изслѣдователи могутъ отмѣтить съ большою достовѣрностью относительно старшаго нѣмецкаго эпоса. Нельзя указать въ древнихъ лѣтописяхъ рассказовъ, соответствующихъ гибели бургундскаго дома, смерти Атиллы и др., нельзя въ сѣверныхъ преданіяхъ указать версій, сдѣлавшихся исходной точкой для эпизода съ Брунгильдой, Зифридомъ, Нибелунгами и пр. Въ исторіи Гильды мы находимъ сказанія, соответствующія одному ея эпизоду, а для Кудруны у насъ есть лишь отдаленныя параллели въ народномъ устномъ творествѣ и историческія аналогіи, которыя мы можемъ представить лишь въ качествѣ догадокъ. Словомъ въ отношеніи къ „Кудрунѣ“ мы въ состояніи лишь говорить о ближайшей ея предшественницѣ, поэмѣ, въ которой о дѣтствѣ Гагена не было рѣчи, а вторая и третья части были нѣсколько меньшаго объема. Мы склонны думать, что никакихъ отдѣльныхъ пѣсень, воспѣвающихъ судьбу Гильды и Кудруны, не было въ такомъ видѣ, въ какомъ существовали пѣсни о Зифридѣ, Брунгильдѣ, въ какомъ застала исторія русской былинный эпосъ. Рыцарямъ-поэтамъ обязана „Кудруна“

своимъ происхожденіемъ. Не трудно было имъ въ эпоху разцвѣта эпической поэзіи найти достаточно элементовъ какъ для содержанія, такъ и для формы новой поэмы. Но эти элементы не были былинами, или небольшими поэмами, подобными „Valtharius manu fortis“, они составляли *disjecta membra*, и поэтъ художникъ собиралъ ихъ отовсюду искусной рукой. Предположеніе это не представляетъ ничего невѣроятнаго, если мы вспомнимъ, какой высоты достигло личное творчество въ то время, къ которому относится „Кудруна“,—особенно въ дѣятельности трехъ великихъ германскихъ поэтовъ. Не даромъ авторъ „Кудруны“ говоритъ о „*buoch*“ „*maere*“, т. е. о рукописныхъ и словесныхъ источникахъ. Относительно третьей части поэмы я рѣшительно утверждаю, что она была сочинена однимъ лицомъ, которому и принадлежитъ честь искусной комбинаціи стройнаго цѣлаго изъ элементовъ весьма разрозненныхъ.

Очевидно, изложенными взглядами обуславливаются и мои воззрѣнія на задачи критика текста „Кудруны“. Онъ долженъ стремиться къ установленію чтенія, соотвѣтствующаго той высотѣ поэтическаго стиля, какой достигаетъ „Кудруна“ въ лучшихъ мѣстахъ и современныя ей произведенія въ лучшихъ ихъ представителяхъ. Къ достиженію этой, на нашъ взглядъ, единственно возможной скромной цѣли, мы будемъ стремиться въ послѣдующемъ анализѣ.

Изложеніе второй части нашей поэмы начинается, какъ извѣстно, бесѣдой Гетеля съ дружинниками, совѣтующими ему взять достойную себя супругу. Морунгъ указываетъ королю на Гильду, дочь Гагена. Морунгъ предлагаетъ послать за Горантомъ, на что Гетель изъявляетъ свое согласіе. Является Горантъ и за нимъ Фруте: они увѣряютъ, что сражались въ Португаліи. Горантъ уклончиво отвѣчаетъ на предложеніе Гетеля ѣхать посломъ къ Гагену, а Фруте предлагаетъ послать за Вате. Вате спѣшить явиться на зовъ короля. Встрѣченный имъ необыкновенно любезно, онъ заявляетъ о своей преданности, но, услышавъ, чего отъ него требуютъ, раздражается бранью по адресу Фруте, котораго, очевидно, заподозрѣваетъ въ зломъ умыслѣ, и принимается за исполненіе приказанія короля подъ условіемъ, чтобы съ нимъ отправились Фруте и Горантъ. Горантъ соглашается, а Фруте немедленно обдумываетъ до мелкихъ подробностей экспедицію. Имъ-же намѣченъ планъ прикинуться кушцами, чтобы беспрепятственно проникнуть въ страну Гагена. Вате пополняетъ подробности экспедиціи новыми соображеніями и говоритъ, что имъ слѣдуетъ выдать себя за обиженныхъ и изгнанныхъ Гетелемъ вассаловъ. Вслѣдъ за тѣмъ дружина разъѣзжается. Дѣло происходитъ осенью или зимою, такъ какъ говорится о веснѣ, какъ о предстоящемъ времени года.

На этомъ эпизодѣ мы остановимся. Въ немъ должны обратить наше вниманіе слѣдующіе моменты. 1) Очевидное соперничество и непріязненные отношенія Фруте и Вате. 2) Предложеніе Фруте прикинуться купцами, а Вате выдать себя за князей-героевъ. 3) Нѣсколько странная роль Морунга. 4) Упомянутое о Португаліи.

Соперничество Фруте и Вате должно было имѣть глубокія историческія основанія, которыя теперь вполнѣ темны для насъ. Въ эпосѣ оно можетъ считаться довольно общимъ мѣстомъ: въ дружинѣ короля выдѣляется смѣлый совѣтникъ съ одной стороны и мудрый—съ другой.

Этимъ соперничествомъ и характеромъ рыцарей объясняется, вполнѣ удовлетворительно, на мой взглядъ, и образъ дѣйствія, предлагаемый каждымъ изъ нихъ. Воинственный Вате можетъ желать казаться только воиномъ; хитроумный Фруте измышляетъ наиболѣе удобную для достиженія цѣли комбинацію; купцы пользуются любезнымъ приѣмомъ и покровительствомъ самыхъ дикихъ и воинственныхъ владѣтелей.

Я не вижу необходимости предположенія контаминаціи потому только, что одинъ разъ гегелинги прикидываются рыцарями, а другой — купцами¹⁾. Оба плана нашли одобреніе дружины и рѣшено было слѣдовать имъ.

Третій моментъ, обращающій наше вниманіе, появленіе Морунга. Весьма замѣчательнымъ можетъ показаться исключеніе строфъ 211—215 включительно. Получится такое содержаніе. Дружина совѣтуетъ Гетелю жениться; онъ посылаетъ за Горантомъ. Рѣчь Морунга является совершенно праздною и участіе его въ походѣ имѣетъ случайный характеръ. Къ тому же въ 211 строфѣ Морунгъ названъ витяземъ изъ *Нидланды*, а въ 271-ой говорится, что „быстрый Морунгъ пріѣхалъ изъ Фризій“. Вообще же ему приписывается пребываніе въ *Waleis*, который и составляетъ лень этого князя (641, 697, 938 и др.).

Въ 271-ой строфѣ Морунгъ является вмѣстѣ съ Ирольдомъ. Если бы у насъ были формальныя или лексическія основанія для исключенія даннаго отрывка, мы могли бы его удалить, но въ этомъ отношеніи разсматриваемыя строфы вполнѣ удовлетворительны.

Четвертый моментъ—упомянутое о Португаліи (222), съ которой вели войну Фруте и Горантъ. Онъ является указаніемъ на то, что лицо, вставившее эту строфу, хорошо помнило крестовые походы. Строфа эта является вполнѣ бессмысленной, такъ какъ ни географическое положеніе Португаліи, ни возможныя историческія условія не допускаютъ въ-

¹⁾ Замѣтимъ, что сѣверные князья занимались также и торговлей. Сынъ Гаральда Björn называется kaupmathr (ср. Maurer. Islands u. Norwergens Verkehr mit d. Süden (Z. f. d. Ph. 1869, с. 468 и др.). Морольфъ переодѣвается купцомъ-разношникомъ (Акад. Веселовскій, Соломонъ и Китоврасъ, с. 284).

роятности столкновений между Фруте и Горантомъ съ одной стороны и королемъ Португальскимъ съ другой. Исключеніе этой строфы является необходимымъ. Въ лексическомъ и формальномъ отношеніи она представляется намъ очень неудовлетворительной. Такъ въ 4-ой строкѣ въ рукописи имѣется пропускъ (испр. *sêre*), правильная форма *etschadene* замѣнена діалектической *schaidte*, нарушающей размѣръ; вмѣсто *Portegale*—*Portigal* и др. Сохраненіе этой маловажной строфы мыслимо при соблюденіи одного условія: цѣлесообразной представляется замѣна *Portigal*—*Poley da*,—замѣна, удовлетворяющая логическимъ требованіямъ, такъ какъ войны сѣверныхъ германцевъ съ Польшей должны были находить и дѣйствительно находили отзвукъ въ нѣмецкихъ преданіяхъ. Нибелунговы строфы въ разсматриваемомъ эпизодѣ упомянуты выше (213, 214, 217, 233, 234, 237, 249, 258).

Когда корабли были построены и оснащены, ко двору Гетеля пріѣхали Вате, Морунгъ, Ирольтъ и Горантъ. О пріѣздѣ Фруте не упоминается, но и онъ оказывается на лицо и исполняетъ обязанности хранителя казны. 100 человекъ было скрыто въ кораблѣ, 300 человекъ рыцарей и слугъ сопровождали дружинниковъ Гетеля. Простившись съ печальнымъ королемъ, гегелинги отправились въ дорогу и 36 дней плыли до города Бальяна. Ставъ на якорѣ, они выгрузили свои товары и искусно играли роль купцовъ съ Фруте Датскимъ во главѣ. Узнавъ о прибытіи богатыхъ гостей, бургомистръ Бальяна выѣхалъ имъ на встрѣчу. Опять проявляется несогласіе Фруте съ Вате. Первый говоритъ о себѣ и своихъ, какъ о купцахъ, второй требуетъ свиданія съ повелителемъ страны. Гагена были посланы многочисленные и богатые подарки; послами отправились Горантъ и Ирольтъ. Рыцари Гагена обращаютъ вниманіе на цѣнность принесенныхъ подарковъ; любезность Гагена все возрастаетъ. Онъ ласково обращается къ гегелингамъ, и Горантъ называетъ себя и своихъ спутниковъ изгнанными ленниками короля Гетеля, противъ котораго Гагенъ обѣщаетъ имъ свою помощь и защиту. По распоряженію короля, гегелингамъ отводятъ квартиры, но отъ пищи съ королевскаго стола они отказываются. Фруте открываетъ свои палатки, и граждане почти даромъ получаютъ товаръ. По просьбѣ Гильды, Гагенъ приглашаетъ гегелинговъ ко двору.

Въ изложенномъ эпизодѣ обращаютъ на себя вниманіе два момента. Именно, двойственный характеръ гегелинговъ, являющихся то купцами, то изгнанными князьями и упоминаніе о Бальянѣ (*Polaу*), городѣ Гагена. На мой взглядъ первый моментъ является вполнѣ логическимъ и послѣдовательнымъ развитіемъ той скрытой вражды между Вате и Фруте, которая обнаруживается въ началѣ экспедиціи. На во-

прось воиновъ Гагена Фруте и Вате отвѣчаютъ по своему. Гегелинги, дорожащіе своимъ достоинствомъ, очевидно, поддерживаютъ при дворѣ Вате, выдавая себя за изгнанныхъ рыцарей-денниковъ; а для приобрѣтенія популярности среди жителей Бальяна очень удобенъ планъ Фруте, который и проводится послѣдовательно, насколько гегелинги имѣютъ дѣло съ жителями страны Гагена; тамъ-же, гдѣ они являются къ нему въ присутствіи его придворныхъ, они оказываются князьями-изгнанниками, т. е. въ такой роли, въ какой желаетъ ихъ видѣть Вате.

Другой моментъ—довольно странная строфа о Бальянѣ (288).

Сообщается, что Гагенъ царствовалъ въ этой странѣ, причѣмъ это сообщеніе опровергается. Названіе *Balian* въ 3-й строкѣ—конъектура Мартина и другихъ изслѣдователей.

Въ рукописи строфа эта читается

Si hete wol tûsent mile daz wazzer dan getragen
hin purc ze Baliane so wir hoeren sagen,
dâ er herre waere, ze Polay lasterliche
si liegen tobellche: ez enist dem maere niht gelleche.

Всѣ изслѣдователи, за исключеніемъ Гофмана и Гаупта, подвергаютъ чтеніе рукописи въ этомъ мѣстѣ значительнымъ исправленіямъ. Особенное вниманіе обращено на третью строку.

На мой взглядъ чтеніе рукописи и негодованіе поэта являются вполне осмысленными.

Именно говорится о городѣ Бальянѣ, какъ о столицѣ Гагена, и вслѣдъ за тѣмъ опровергаются извѣстія о томъ, что онъ владѣтель Польши. Презрительный эпитетъ къ славянскому племени вполне умѣстенъ въ устахъ нѣмца, бывшаго свидѣтелемъ многочисленныхъ войнъ своихъ соотечественниковъ съ славянами; могъ существовать рассказъ, приписывающій Гагену господство надъ Польшей, и поэтъ-нѣмецъ счелъ нужнымъ опровергнуть его, указывая на то, что народныя преданія не знаютъ этой подробности.

Въ послѣдующихъ строфахъ о Бальянѣ прямо говорится, какъ о городѣ Гагена, и конъектура, вставляющая *Balian der richen* вм. *Polay lasterliche* встрѣтилась съ значительными затрудненіями, такъ какъ впадала въ прямое противорѣчіе. Приходилось для избѣжанія ихъ видѣть основное удареніе въ опредѣленіи и къ нему относить отрицаніе, но это соображеніе противорѣчитъ основному смыслу, по которому Гагенъ представляется, если не такимъ богатымъ, какъ владѣтель Гегелинговъ, то во всякомъ случаѣ не бѣднымъ владѣтелемъ. Наиболее остроумнымъ является указаніе Симонса, относящаго эпитетъ рукописи къ Гагену.

*

Въ формальномъ отношеніи въ излагаемомъ эпизодѣ обращаютъ на себя вниманіе строфы съ цезурой и нибелунговы, разсмотрѣнныя выше.

По просьбѣ Гильды, Гагенъ приглашаетъ гостей ко двору. Описывается, довольно поверхностно, ихъ одежда. Королева учтиво встрѣчаетъ витязей. Первымъ былъ встрѣченъ Вате, какъ подобало его возрасту и достоинству. Наружность его вызвала уваженіе. На шуточный вопросъ дамъ, Вате отвѣчаетъ искренней остротой. Гегелинги гордо держатъ себя и принимаютъ любезности, какъ принадлежащія имъ по праву. Отъ королевы они отправляются въ покои короля, гдѣ происходитъ знаменитое фехтованіе Вате съ фехтмейстеромъ Гагена, а потомъ и съ самимъ королемъ.

Въ изложенномъ эпизодѣ (327—371) обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе моменты: 1) приемъ Вате и его товарищей при дворѣ, 2) фехтованіе Вате: а) съ фехтмейстеромъ и б) съ Гагеномъ.

Приемъ Вате и гегелинговъ при дворѣ представляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и художественныхъ эпизодовъ поэмы. Онъ выдержанъ въ придворно-рыцарскомъ тонѣ и передаетъ въ подробностяхъ всѣ особенности рыцарской жизни того времени. Гегелинги забываютъ о своемъ купеческомъ званіи и послѣдовательно выступаютъ въ роли изгнанныхъ знатныхъ вассаловъ, полныхъ сознанія собственного достоинства.

Фехтованіе Вате разсмотрѣно нами на послѣднихъ страницахъ первой части нашего изслѣдованія; мы уже упоминали объ этомъ эпизодѣ.

Въ фехтованіи Вате слѣдуетъ различать два эпизода: фехтованіе съ Гагеномъ и фехтмейстеромъ.

Фехтованіе Гагена—существенный и необходимый эпизодъ; исключить его мы не имѣемъ возможности, не вредя красотѣ и цѣльности даннаго отрывка, что же касается до поединка съ фехтмейстеромъ, то, на мой взглядъ, онъ составляетъ позднѣйшую вставку интерполятора, желавшаго разукрасить пребываніе Вате. Поищемъ указаній въ формальныхъ и лексическихъ условіяхъ.

Три строфы, въ которыхъ помѣщенъ рассказъ о фехтованіи Вате съ фехтмейстеромъ Гагена, требуютъ значительныхъ исправленій, иногда весьма существенныхъ. Такъ, въ 1-й стр. 359 ст. нарушенъ размѣръ, во второй вм. *legen* читаемъ *lernnen*, въ 4-й вм. *vrumet—frumbe*.

Въ 160 с. 1-й стр. опять вмѣсто *legen*—*lernnen*, въ 4-й вм. *kemphe*—*kempfer*.

Въ 361-й с. 2 с. вм. *alsam* читаемъ *als sam*, вм. *lébart*—*lewart*, въ 4-й вм. *sinen*—*seinen*—форма новая.

Риемы этихъ строфъ до того правильны, что могутъ возбуждать подозрѣніе. На основаніи этихъ данныхъ я считаю эпизодъ фехтованія Вате съ фехтмейстеромъ вставнымъ и подлежащимъ исключенію.

Слѣдующій эпизодъ, начинающійся съ VI авантюра, заключаетъ прекрасный разсказъ о пѣніи Горанта и пребываніи гегелинговъ въ покояхъ Гильды.

Горантъ запѣлъ чудесную пѣсню, которой заслушались не только люди, но и вся природа. По просьбѣ королевы, онъ пѣлъ еще три раза, въ послѣдній въ покояхъ Гильды мелодію изъ Амиле, которую слышалъ гдѣ-то на дикомъ морѣ. Въ результатъ Горантъ и гегелинги получили у дѣвушки согласіе стать женой ихъ повелителя и бѣжать къ Гетелю. Плавное развивающееся повѣствованіе внезапно обрывается, чтобы дать мѣсто эпизоду появленія камергера, который сначала грозитъ чужестранцамъ, но, узнавъ въ Горантѣ своего родного племянника, присоединяется къ ихъ заговору. Горантъ излагаетъ свой планъ увода, который получилъ одобреніе и Вате, въ которомъ при этомъ случаѣ сказалась пылка воинственность.

Въ этомъ эпизодѣ особенно выдаются слѣдующіе моменты: 1) Четырехкратное пѣніе Горанта. 2) Бесѣда Горанта съ Гильдой, направленная къ тому, чтобы убѣдить королеву сдѣлаться царицей Гегелинговъ. 3) Появленіе камергера и присоединеніе его къ планамъ Гильды и Горанта.

Первый разъ Горантъ поетъ по собственному почину. Второй разъ по просьбѣ Гильды, третій—по просьбѣ Гагена, четвертый опять по просьбѣ Гильды при ея дворѣ. Повтореніе пѣніи Горанта обращаетъ на себя вниманіе. Вліяніе его пѣсни постоянно возрастаетъ, съ каждымъ разомъ она становится все лучше и въ третій разъ достигаетъ своего апогея. Четвертая пѣсня изъ Амиле пѣлась имъ тогда, когда онъ былъ при дворѣ Гильды. Весьма естественно, что Горантъ, извѣстный пѣвецъ, своимъ искусствомъ обратилъ на себя вниманіе Гильды. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы для переговоровъ ей было необходимо пригласить Горанта съ Морунгомъ къ себѣ. Допустить это, однако, возможно, но къ сожалѣнію, въ послѣднемъ эпизодѣ является *deus ex machina*—камергеръ, оказывающійся также внезапно родственникомъ Горанта.

Появленіе Горанта при дворѣ весьма живо напоминаетъ пребываніе Герборта у Гильды, дочери Артура Бертангаландскаго.

Если пѣніе Горанта является очень древнею эпическою чертою, прекрасною по существу и необходимою въ данномъ эпосѣ, то подробность о его пребываніи при дворѣ является несомнѣнно болѣе поздней.

О значеніи пѣнія Горанта мы уже упоминали; чудесное вліяніе пѣнія и музыки очень часто приводится въ произведеніяхъ народной словесности. Съ этой точки зрѣнія мы постараемся еще разъ вернуться къ нему.

Для достиженія намѣченной поэтомъ задачи сцена эта является существенно необходимой; болѣе простая эпическая концепція легко могла бы обойтись безъ даннаго эпизода. Въ самомъ дѣлѣ: соглашеніе съ Гильдой могло бы случиться непосредственно послѣ пѣнія безъ специальной сцены, составленной по образцу упомянутаго выше эпизода Тидрекх-саги. Появленіе камергера прямо безсмысленно; оно вноситъ сказочно эпическую черту, *locus-communis* многочисленныхъ разсказовъ сказочно повѣствовательной народной литературы. Сцена съ камергеромъ не оправдывается и дальнѣйшимъ ходомъ разсказа и вовсе не нужна для развитія фабулы. О камергерѣ нѣтъ потомъ и рѣчи; соглашеніе гегелинговъ съ Гильдой легко могло бы случиться и безъ его участія. Безъ сомнѣнія это позднѣйшая интерполиція, въ чемъ убѣждаютъ насъ и формальные данныя.

Нибелунговы строфы въ данномъ отрывкѣ указаны выше; изъ другихъ строфъ особенно подозрительными являются 411 по 425. Такъ, 4-я строка 411-й строфы отличается неспостью конструкціи; кромѣ того, чтеніе рукописи лишено всякаго смысла: *udo mochten ir* = *moh-tens irs*; 3-я строка 412-й строфы заключаетъ въ рукописи неосмысленный оборотъ *hausset euch* вмѣсто правильнаго *hieз iuch*. Въ 4-й строкѣ *gefuegt-gevuogte*. Въ 4-й строкѣ 413 строфѣ неправильная разстановка словъ нарушаетъ правильность размѣра. Въ 414-й строфѣ во второй строкѣ въ рукописи грубая грамматическая ошибка: употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго падежа. Особенно много неточностей въ 415-ой. Во второй стр. *und hiess von* вмѣстѣ *er hiez*. Въ 3-ей *truege krone* вмѣсто *krone truege*, пропускъ слова *er*. Въ 4-ой стр. *sind* вмѣсто *sip* и пропускъ трехсложнаго слова, нарушающій размѣръ. Не менѣе существенны погрѣшности находимъ мы и въ другихъ, особенно характерны слова и обороты, изобличающіе въ авторѣ писателя XV и даже можетъ быть XVI вѣка. Ср. 422, 2-я и 4-я 424, 2 и 4. Подозрительность даннаго эпизода и полную ненужность его доказываетъ появленіе Морунга, роль котораго указана нами выше.

Обращаемся къ слѣдующему эпизоду. Онъ начинается съ 430-ой строфы. Гегелинги отправляются прощаться съ Гагеномъ. Ирландскій король предлагаетъ имъ подарки, но Вате заявляетъ, что у нихъ на корабляхъ много сокровищъ, и что они просятъ единственной милости, посѣщенія королею и королевой этихъ кораблей. Гагенъ съ удоволь-

ствіемъ соглашается. Послѣ обѣдни король, королева и прекрасная Гильда отправились къ кораблямъ. Осмотрѣвъ сокровища на берегу подъ навѣсами, Гагенъ съ супругою и дочерью идутъ осмотрѣть одинъ изъ кораблей. Гегелинги отдѣлили Гагена и его свиту отъ женщинъ, снялись съ явора и ушли; тщетно пытается преслѣдовать ихъ Гагенъ: корабли его оказались старыми и негодными. Весело плыли къ королю Гетелю гегелинги, а Гагенъ снаряжаетъ корабли, готовитъ кровавую месть.

Въ этомъ эпизодѣ можно отмѣтить три существенныхъ момента: во 1-хъ, прощаніе съ Гагеномъ, во 2-хъ, посѣщеніе Гагеномъ и Гильдою кораблей и похищеніе Гильды, въ 3-хъ: бой гегелинговъ съ ирландцами. Эти моменты имѣютъ значеніе для общаго развитія фабулы и не могутъ быть исключены. Съ формальной стороны мы не находимъ здѣсь никакихъ особенныхъ осложненій.

Слѣдующій эпизодъ начинается разсказомъ встрѣчи гегелинговъ съ Гетелемъ. Гонцы сообщаютъ королю о прибытіи королевы, онъ сначала не вѣритъ, потомъ щедро одаряетъ. Далѣе разсказывается о встрѣчѣ Вате съ Гетелемъ и наконецъ Гильды съ ея будущимъ супругомъ. Дочь Гагена ведутъ подъ руки къ королю гегелинговъ Ирольтъ и Морунгъ.

Далѣе сообщается о ласковомъ приѣмѣ, оказанномъ Гетелемъ Гильдебургѣ. Она имѣла знатную родню и была одна изъ тѣхъ, которыя находились долго у грифа (484). Гегелинги расположились лагеремъ, не предчувствуя бѣды.

Въ этомъ эпизодѣ можно выдѣлить слѣдующіе моменты: во 1-хъ, встрѣча Гетели съ вѣстниками; во 2-хъ, выступленіе дружины Гетели на встрѣчу возвращающимся товарищамъ; въ 3-хъ, обмѣнъ привѣтствій и любезностей и нѣжный приѣмъ, оказанный Гетелемъ своей невѣстѣ; въ 4-хъ, Гильдебурга и ея характеристика. Съ точки зрѣнія пѣлесообразности и правильности развитія сюжета три первые момента являются весьма существенными и должны быть признаны необходимыми составными частями поэмы; совершенно противоположное слѣдуетъ сказать объ эпизодѣ о Гильдебургѣ. Эпизодъ этотъ совершенно лишній и мало осмысленный. Во 1-хъ, сомнительно, чтобы подруга матери Гильды, раздѣлившая съ нею плѣнъ у грифа, могла быть воспитанницей этой матери и подругой дочери, почти однихъ съ нею лѣтъ. Во 2-хъ, Гильдебурга родомъ изъ Португаліи. Португалія упоминается только въ позднихъ подложныхъ строфахъ, наравнѣ съ Аравією, Индією и другими отдаленными отъ германскаго сѣвера странами. Очевидно, интерполляторъ желалъ этими тремя строфами поставить вторую

часть поэмы нѣ зависимость отъ первой и не остановился передъ хронологическимъ и логическимъ абсурдомъ.

Въ третьей части поэмы Гильдебурга является вѣрной подругой и терпѣливой товаркой, переносящей, наравнѣ съ Кудруной, кровавыя обиды Герлинды. Въ концѣ концовъ она выходитъ замужъ за Гартмута. Такимъ образомъ она, не старѣя, служитъ вѣрою и правдою тремъ поколѣнїямъ; бабушкѣ, матери и ввучкѣ. Очевидная бессмысленница, проистекающая отъ такой нелѣпой постановки, можетъ быть устраниена или удаленїемъ Гильдебурги, какъ ненужнаго лица, или отведенїемъ ей нѣсколько другой роли.

Исключенїе Гильдебурги изъ цѣлой поэмы лишило-бы третью ея часть одного изъ прекраснѣйшихъ эпизодовъ о дружбѣ двухъ загнанныхъ на чужбину плѣнныхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одна, именно Гильдебурга, ни на минуту не забывала о томъ, что Кудруна не только ея другъ, но и развѣчанная королева и повелительница. Гораздо вѣроятнѣе, что въ трехъ мѣстахъ поэмы, гдѣ идетъ рѣчь о Гильдебургѣ, говорится о различныхъ дѣвушкахъ, ничего общаго, кромѣ имени, не имѣющихъ. Въ самомъ дѣлѣ, Гильдебурга 1-й части—сказочное лицо, не играющее никакой роли и помѣщенное довольно легкомысленнымъ поэтомъ безъ достаточнаго основанїя. Гильдебурга второй части по-является на первый взглядъ съ характеромъ болѣе опредѣленнымъ, но вся сцена прївѣтствїя ея Гетелемъ совершенно лишняя и праздная. Въ ненужности строфъ, составляющихъ эпизодъ о Гильдебургѣ второй части поэмы, убѣждаютъ насъ и формальныя ихъ особенности.

Языкъ этихъ строфъ изобилуетъ выраженїями совершенно безсодержательными или бездѣйственными: напр., „*dā was eīnū under*“ (484,2) „*nach was in ungebüeret*“ (486,2). Есть формальныя погрѣшности 484,1 *alle im. al* (484,4), пропущено односложное слово (485,1), *hagne im. hagne* (485,4), *frembde diet im. vromeder diete* и въ той же строкѣ пропущено *nach ir*. 486,4—пропущено двухсложное слово, и этимъ нарушенъ размѣръ.

Всѣ эти соображенїя заставляютъ насъ считать эпизодъ съ Гильдебургой во второй части поэмы совершенно излишнимъ, тогда какъ въ третьей ея роль въ высшей степени существенна.

Перехожу къ слѣдующему отрывку поэмы.

Горантъ замѣтилъ корабли съ крестами на парусахъ и принялъ ихъ за возвращающихся пилигримовъ. Его ошибку замѣтилъ Вате и сталъ предупреждать гегелинговъ о грозящей имъ со стороны приближающагося Гагена опасности. Гильду подъ сильной охраной посадили на корабль, такъ какъ рѣшили перенести сраженїе на сушу. Разгорѣ-

лась жестокая сѣча, въ которой первая роль принадлежала Гагену и Вате. Гильда умоляетъ Гетеля спасти отца изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго богатыря Вате. Ему это удалось. По просьбѣ Гильды, подъ условіемъ примиреніи съ Гетелемъ, Вате обѣщаетъ излѣчить раны Гагена. Онъ уснѣваетъ въ этомъ и спасаетъ и многихъ другихъ. Наступило искреннее примиреніе и свадьба съ самой торжественной обстановкой. Гагенъ очень доволенъ зятемъ и собирается ѣхать. На прощаніе онъ читаетъ наставленія Гильдебургѣ, которая вспоминаетъ о своей дружбѣ съ матерью Гильды. Дома Гагенъ рассказываетъ о богатствѣ и могуществѣ Гетеля, а Гильда благодаритъ небо за судьбу, выпавшую на долю дочери.

Изложенный эпизодъ заключаетъ слѣдующіе моменты: 1) Приближеніе Гагена и описаніе сраженія. 2) Бой Гагена и Вате. 3) Вышпательство Гильды и Гетеля. 4) Излѣченіе Ватѣ ранъ. 5) Свадьба. 6) Прощаніе Гагена съ Гильдебургой и дочерью и возвращеніе его въ Ирландію.

Четыре первые момента, объединенные общимъ содержаніемъ, не заключаютъ ничего такого, что внушало бы какія-либо подозрѣнія, насчетъ ненужности ихъ. Всѣ они составляютъ довольно цѣльную и определенную картину сраженія на морскомъ берегу.

Только описаніе самаго боя кажется не вполне отчетливымъ и порядокъ расположенія строфъ нѣсколько подозрительнымъ.

Такъ мы предпочли бы, чтобы 500 с. предшествовала 499, а за нею слѣдовала 498. Далѣе, строфа 509, заключающая повтореніе сказаннаго въ 506, можетъ быть выпущена, строфа 507 должна была бы предшествовать 512, какъ общее положеніе, за которымъ слѣдуетъ частное, строфа 520, упоминающая о ранахъ Ирольта, мѣшаетъ правильному развитію разсказа. Строфа 543, подводящая итоги убитымъ въ сраженіи (300), совершенно неумѣстна. Смѣшно подумать, что таковы были скромные предѣлы жестокой сѣчи, въ которой отъ ударовъ одного Гагена гибли сотни, а Вате однимъ взмахомъ положилъ 500 враговъ (512).

Строфы, повѣствующія о прощаніи съ Гильдебургой, совершенно лишнія, по указаннымъ выше причинамъ. Если Гильдебурга была подругой и слугой матери, то обращеніе къ ней какъ къ молодой дѣвухѣ въ высшей степени странно. Въ формальномъ отношеніи эти строфы заключаютъ много погрѣшностей, но разсмотрѣніе ихъ мы въ данномъ случаѣ считаемъ излишнимъ, такъ какъ и безъ нихъ вопросъ намъ кажется вполне яснымъ ¹⁾. (Характерно, напр. то, что Гагенъ

¹⁾ Въ 555 въ рук. мы находили *phlige* вм. *phlic leichte*; вм. *lhte*, *vinde* вм. *bevinde* (нарушеніе размѣра) въ 556 *tuons* вм. *tuon*, *daz ich* вм. *dô ich*, пропускъ слова и нарушеніе размѣра.

прощается раньше съ Гильдебургой а потомъ съ дочерью (въ рукоп. Hilburge), а также и мягкій, правоучительный тонъ Гагена.

Слѣдующій отрывокъ начинается съ IX авантюра. Рассказывается о возвращеніи вассаловъ Гетеля въ свои лены. Гетель окружилъ свою супругу многочисленною свитою. Семь лѣтъ прожилъ онъ мирно съ Гильдой, наслаждаясь полнымъ спокойствіемъ страны, такъ какъ успѣлъ внушить страхъ многочисленнымъ врагамъ. У царственной четы было двое дѣтей: Кудруна и Ортуинъ. Когда первая достигла четырнадцатилѣтняго возраста, за нее стали свататься многочисленные женихи. Между ними былъ Зигфридъ изъ Альцабе (онъ же изъ Морланда). Но не смотря на могущество и богатство, онъ получилъ отъ Гетеля отказъ и обѣщаль при первомъ случаѣ отомстить ему.

Въ этомъ отрывкѣ нѣсколько мелкихъ, лишенныхъ взаимной связи моментовъ: 1) Возвращеніе вассаловъ, 2) Царствованіе Гетеля, 3) Дѣти короля и 4) Сватовство Зигфрида за Кудруну и отказъ ему.

Первый моментъ лишенъ скольконибудь существеннаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ: возвращеніе вассаловъ передается въ общихъ, лишенныхъ всякой выразительности чертахъ. Кромѣ того, и это особенно важно, мы не находимъ въ немъ ни слова о Фруте, которому принадлежала такая видная роль въ походѣ. Весьма умѣстно было бы рассказать вслѣдъ за подробностями свадьбы Гетеля о его царствованіи и о его дѣтихъ. Блѣдное и неполное перечисленіе вассаловъ ничего не прибавляетъ и не имѣетъ никакого значенія.

Второй и третій моменты составляютъ существенную часть поэмы и подлежать исключенію не могутъ.

Сватовство Зигфрида обставлено нѣсколькими фантастическими и вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительными подробностями. Въ 579 с. Зигфридъ называется королемъ Альцабе, въ 580 — Морландіи; ниже говорится о его черномъ (темномъ) цвѣтѣ кожи и о его рыцарскихъ подвигахъ на турнирахъ въ Икаріи. Всѣ эти строфы кажутся намъ въ высшей степени подозрительными. Въ самомъ дѣлѣ, идентичность Морланда и совершенно фантастическаго Альцабе не установлена и не можетъ быть доказана.

Еще страннѣе упоминаніе объ Икаріи, какъ о мѣстѣ турнировъ, если въ Икаріи видѣть извѣстный островъ. Гораздо болѣе цѣлѣности можно было бы найти въ данномъ отрывкѣ, если, пропустивъ 579, 580, и 581 с., поставить непосредственно послѣ 578—582. Въ стилѣ трудно найти что-либо характернаго, въ виду отсутствія сколько-нибудь живыхъ поэтическихъ мѣстъ, но встрѣчается несоблюденіе послѣдователь-

ности время, нарушение размѣра и важныя неправильности (напр., seipen вм. sinen). Всѣ эти соображенія заставляютъ меня высказаться въ пользу исключенія разсматриваемыхъ строфъ.

Столько-же подозрѣній внушаетъ послѣдняя строфа даннаго отрывка (586), упоминающая о Гервигѣ, т. е. предвосхищающая то, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Пропускъ ея является весьма желательнымъ.

Логически третья часть поэмы должна начаться съ IX авантюра, но въ рукописи оглавленіе въ 3-й части стоитъ надъ 587 с. (Chautrumb), потому и мы въ своемъ переводѣ отнесли IX авантюру ко 2-й части. Слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе на такое дѣленіе. Не свидѣтельствуетъ ли оно, что десятый авантюръ, начинающій третью часть, непосредственно слѣдовалъ послѣ 8-й (т. е. о томъ, что полагаетъ Мюлленгофъ)? Если бы у насъ въ IX аван. не было рѣчи о Зигфридѣ, играющемъ существенную роль въ дальнѣйшемъ изложеніи, мы могли бы вслѣдъ за VIII аван. поставить X. Не подлежитъ сомнѣнію, что Зигфридъ былъ вставленъ интерполяторами, по крайней мѣрѣ двумя, но первый настолько искусно вывелъ его въ поэму, что исключеніе этого героя весьма рискованно, такъ какъ на такомъ же основаніи можно бы исключить, напр., Гервига; Зигфридъ впоследствии воюетъ съ Гервигомъ; его походъ заставляетъ Гетеля отправиться на войну, покинувъ безъ защиты столицу и семью. Примиреніе Зигфрида съ Гетелемъ даетъ возможность послѣднему обратить свои силы противъ норманновъ, что ведетъ къ катастрофѣ—гибели самаго короля гегелинговъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ дѣлымъ рядомъ послѣдовательно развивающихся моментовъ, и исключеніе одного изъ нихъ ведетъ къ разрыву дѣлой цѣпи. Такимъ образомъ, признавая IX авантюру болѣе поздней вставкой, мы тѣмъ не менѣе вынуждены удержать часть его, именно ту, которая говоритъ о сватовствѣ Зигфрида. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Нападеніе Зигфрида на Гервига могло произойти не изъ ревности, а по другимъ мотивамъ. Такимъ образомъ романическая завязка въ IX авантурѣ падаетъ сама собой, и пропускъ этой части поэмы явится вполне оправданнымъ—пришлось бы только измѣнить мотивировку нападенія Зигфрида. Но какъ ни заманчивой представляется подобная комбинація, мы удерживаемся отъ нея, такъ какъ не считаемъ возможнымъ привести солидныхъ доказательствъ, притомъ реконструкція текста можетъ пойти слишкомъ далеко—а по принятому нами положенію, къ ней необходимо прибѣгать только въ крайнемъ случаѣ. Все же слѣдуетъ признать, что дѣленіе рукописи указываетъ косвеннымъ образомъ на то, что IX авантюра былъ вставленъ между VIII и X сравнительно поздно.

Переходимъ къ слѣдующему отрывку, начинающемуся съ X анантюра. Гартмутъ, король Орманіи (Норманіи), сынъ Людвига и Герлинды, услышавъ о красотѣ Кудруны, желаетъ послать къ Гетелю сватовъ. Отецъ протестуетъ противъ этого намѣренія, указывая на недоступность Гетели, на гордость его родныхъ. Гартмутъ упорствуетъ, на его сторону становится Герлинда, и Людвигъ нехотя соглашается. Норманнскіе короли снаряжаютъ посольство, состоящее изъ 60-ти избранныхъ мужей, и вручаютъ ему вѣрительныя грамоты (*versigelte brieve*). Посольство ѣдетъ болѣе ста дней и по дорогѣ посѣщаетъ Горитета, который даетъ посламу пропускъ (*geleite*). Король гегелинговъ принимаетъ пословъ очень ласково, но королева, узнавъ о содержаніи грамотъ, отвѣчаетъ рѣзкимъ отказомъ, указывая на то, что Людвигъ держалъ 103 бурга въ ленномъ владѣніи отъ Гагена. Когда послы прибыли и сообщили печальную вѣсть своему королю (Гартмуту), онъ спѣшитъ узнать, дѣйствительно ли такъ хороша дочь Гетели, какъ изображаетъ ее молва, и узнавъ, что она лучше всякаго описанія, замѣчаетъ, что не останется безъ нея. Герлинда рыдаетъ и поддерживаетъ въ сынѣ его намѣреніе.

Въ изложенномъ эпизодѣ можно отмѣтить слѣдующіе моменты: 1) Гартмутъ изъявляетъ желаніе свататься за Кудруну. 2) Людвигъ удерживаетъ сына, а Герлинда, наоборотъ, поощряетъ его. 3) Послы Гартмута являютъ къ Горанту. 4) Пріемъ норманновъ Гетелемъ и отказъ Гильды. 5) Возвращеніе пословъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору этихъ моментовъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно характера второй и третьей части поэмы.

Непосредственное впечатлѣніе, полученное при чтеніи третьей, такого рода, что она редактирована не тѣмъ лицомъ, которому обязана своей редакціей вторая. Я сказала „непосредственное впечатлѣніе“ потому, что это наблюденіе не можетъ быть доказано, по моему мнѣнію, ни формальными, ни стилистическими соображеніями.

О формальныхъ особенностяхъ я уже высказала нѣсколько замѣчаній, что же касается до лексическихъ и стилистическихъ данныхъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ трудно формулируемыми и почти неуловимыми особенностями, каковы разстановка словъ, синтаксисъ и проч. Одно только можетъ быть указано съ извѣстной основательностью: обиліе словъ спеціально рыцарскихъ, придворныхъ, иногда французскаго, иногда общероманскаго происхожденія: *schumphentüre* (*desconfiture*), *blanden*, *phlûm* (*flumen*), *tûren* (*durare*), *paniere*, *marnaere* (*marinarius*), *phiesel* (*pisalis* ml. sp. afr. *poesle*), *plâne* (*plaine*), *keibe* (*cofa* afr. *caive*), *baneken* (afr. *banoier*), *kovertiure*, *küsse* (ml. *culcitra*), *trunzen* (*tronçon*), *vol* (*pullus*), *pensel* (mlat. *penicillus*), *boie* (*boia* rom) *uneiz*.

Этого рода словъ мы почти не встрѣчаемъ во второй части нашей поэмы и должны отнести ихъ на счетъ особенностей редактора третьей. Вообще, какъ уже было замѣчено (88 с., I ч.), вторая часть поэмы представляетъ при дѣленіи гораздо менѣ затрудненій, чѣмъ третья. Этимъ объясняется, напр., то обстоятельство, что даже наиболее усердные послѣдователи Мюлленгофа, признавая его дѣленіе второй части поэмы вполне правильнымъ, относительно третьей высказываютъ нѣкоторыя сомнѣнія. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что Мюлленгофъ самъ создалъ себѣ довольно крупныя затрудненія, внося въ текстъ исправленія, настолько смѣлыя, что оправдать ихъ нѣтъ возможности.

Не вполне ясный характеръ Гартмута былъ давно отмѣченъ изслѣдователями „Кудруны“. Указывали на то, что первоначально Людвигъ, а не Гартмутъ былъ похитителемъ. Съ своей стороны мы можемъ принять это предположеніе лишь для весьма отдаленнаго фазиса въ развитіи нашей поэмы. Признавая за первоначальною фаволою нормандскій характеръ, мы можемъ замѣтить, что даже имя отца Гартмута больше, чѣмъ его, соответствуетъ этому характеру. Какъ бы то ни было поэма въ дошедшемъ до насъ видѣ слишкомъ тѣсно связала отца и сына для того, чтобы можно было искусственно разъединять ихъ. Къ тому же мы имѣемъ дѣло съ характерами, опредѣленно и отчетливо выработанными, и не должны пытаться исключить изъ поэмы одно или другое лицо.

Въ виду этого мнѣ кажется невозможнымъ говорить объ исключеніи первыхъ двухъ моментовъ разсматриваемаго эпизода. (Заявленіе Гартмута о желаніи свататься за Кудруну, протестъ Людвигъ и поддержка сына Герлиндою). Иное отношеніе будетъ къ третьему моменту. После Гартмута являются къ Горанту, который снабжаетъ ихъ пропускными грамотами. Можно лишь недоумѣвать, почему понадобилось норманнамъ заѣзжать къ Горанту. Страна его, насколько это можно установить, вовсе не лежала на пути норманновъ. Объясняется-же рассказъ о посѣщеніи норманнами князя Тенеланта слѣдующимъ соображеніемъ. Пѣвецъ третьей части, видя выдающуюся роль, какая выпала Горанту во второй, рѣшилъ возвеличить его, по мѣрѣ возможности. Но во второй части были на лицо элементы, сближающіе Горанта съ легендарнымъ пѣвцомъ-героемъ. Въ распоряженіи автора третьей были лишь рыцарскіе элементы и преданія, были свѣдѣнія о правахъ и преимуществахъ знатнѣйшихъ феодаловъ. Изъ такихъ привиллегій особенно важно было право давать пропуски—и имя наградила нашъ авторъ Горанта. Привиллегія давать пропуски (Geleisrecht) могла существовать лишь послѣ 1221 г., когда она впервые была установлена, и сомнительно,

чтобы лицо, писавшее разсматриваемый отрывокъ поэмы, узнало о ея существованіи непосредственно послѣ того, какъ она впервые была дана извѣстному лицу.

Мнѣ представляется, что сказанный отрывокъ могъ возникнуть лишь въ половинѣ XIII ст., если не позже. Разсказъ о посѣщеніи норманнами Горанта составленъ тенденціозно съ цѣлью возвеличить значеніе этого героя, уюмянувъ о его важной привилегіи. Другого значенія онъ не имѣетъ. Съ формальной и лексической стороны разсказъ о посѣщеніи норманнами Горанта никакихъ особенныхъ уклоненій не представляетъ. Стилъ изобличаетъ большую вычурность и стремленіе къ своеобразному рыцарскому изяществу; впрочемъ тоже можно сказать и о другихъ мѣстахъ третьей части нашей поэмы. Слогъ излагаемаго отрывка заключаетъ меньше нарушеній правильности формальной и грамматической, чѣмъ другія части поэмы.

Въ 601 строфѣ мы находимъ три стиха (2—4), совершенно неожиданно прерывающіе послѣдовательность разсказа.

Слѣдующій моментъ разсматриваемаго отрывка заключаетъ повѣствованіе о приѣмѣ норманнскихъ пословъ и отказъ Гартмуту въ рукахъ Кудруны. Изложеніе, плавное и ясное, не вызываетъ никакихъ соображеній до того мѣста, въ которомъ Гильда, вмѣшавшись въ бесѣду мужа съ послами, вспоминаетъ о ленной зависимости Людвига отъ ея отца Гагена.

Весьма страннымъ, во первыхъ, можетъ показаться, что не Гетель, а Гильда говоритъ о ленной зависимости Людвига отъ Гагена. Слѣдовало-бы ожидать, что Гетелю объ этой зависимости тоже было извѣстно. Во вторыхъ, Гильда говоритъ весьма неопредѣленно въ 611 строфѣ о мѣстонахожденіи этихъ леновъ.

Dó sprach vrou Hilde „wie laege si ime bi“?
ez lêch mîn vater Hagene hundred unde dri
sinem vater bürge dâ ze Garadîne,
diu lêhen nemen übele von Ludewiges hant die mage mîne (610)
Er gesaz in Fridenschotten ¹⁾ dô gediente er daz,
daz im des küneges Otten bruoder wart gehaz,
der ouch diu lêhen hête von Hagenen mînen herren,
der vremdet sich sêre, daz muoste in von dem künege harte
gewerren (611).

Замѣчательно, что строфа 611, кромѣ одной небольшой описки (des вм. daz), не заключаетъ никакихъ недочетовъ въ формальномъ и

¹⁾ Родина Уте.

стилистическомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, смыслъ ея представляется весьма неяснымъ. О какомъ братѣ короля Оттона идетъ рѣчь? Почему онъ не названъ по имени? Каково было его отношеніе къ Людвигу норманнскому?

Буквальный смыслъ тотъ, что Людвигъ и братъ короля Оттона вмѣстѣ были ленниками короля Гагена. Они перессорились, и Людвигъ навлекъ на себя гнѣвъ сюзерена. Людвигъ имѣлъ ленъ въ Фриденшпотенъ — родинѣ Уты. Обращаемъ вниманіе, что Фриденшпотенъ является лишь въ строфахъ болѣе поздняго происхожденія. Настоящая строфа, заключающая темный намекъ на историческія отношенія, въ сущности является и совершенно излишней въ послѣдовательномъ и правильномъ развитіи сюжета. Вполнѣ достаточно было упомянуть о бывшей ленной зависимости Людвига отъ Гагена, чтобы мотивировать отказъ. Подробность о братѣ Оттона и Фриденшпотенѣ является совершенно излишней. Съ внѣшней стороны строфа эта вполнѣ правильна и почти не требуетъ исправленій, но это обстоятельство говоритъ лишь о литературномъ образцованіи интерполатора.

Опечаленные возвращаются послы въ свое отечество. Гартмутъ интересуется, насколько хороша Кудруна; послы не щадятъ похвалъ и молодой король заявляетъ о своемъ рѣшеніи сдѣлаться супругомъ красавицы, а Герлинда своими жалобами и плачемъ поддерживаетъ въ немъ это рѣшеніе.

Само собою разумѣется, что характеръ излагаемаго отрывка исключаетъ всякую возможность отрицать его умѣтность. Со стороны содержания, онъ прекрасно соответствуетъ изложенному выше: съ формальной же стороны онъ не можетъ возбудить никакихъ вопросовъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на обстоятельство, кажущееся нѣсколько страннымъ: именно Гартмутъ, спрашивая про Кудруну, называетъ ее „Hagenen künne“, какъ бы не признавая высокаго ея по отцу происхожденія. Но если мы вспомнимъ, что говорится о ленной зависимости нормаенскихъ королей отъ Гагена, то поймемъ, почему бывший вассалъ особенно интересуется родствомъ съ бывшимъ сюзереномъ.

Слѣдующій отрывокъ состоитъ изъ одного авантора (XI) и заключаетъ рассказъ о томъ, какъ неудачно Гервигъ сватался за Кудруну, и какъ Гартмутъ отправился инкогито во дворъ Гетеля, чтобы видѣть дочь Гетеля, и успѣлъ ей понравиться. Кудруна убѣждаетъ Гартмута немедленно покинуть страну Гегелинговъ, чтобы не подвергаться очевидной опасности.

Такимъ образомъ въ изложенномъ эпизодѣ могутъ быть указаны 2 момента: во 1-хъ сватовство Гервига, во 2-хъ посѣщеніе Гартмутомъ

Кудруны. Относительно первого момента, не может быть никаких вопросов: существование его является необходимымъ. Что же касается второго, то онъ можетъ возбудить нѣкоторыя сомнѣнія. Въ высшей степени странно, что вслѣдъ за сообщеніемъ объ искательствѣ Гервига рассказывается о появленіи Гартмута при дворѣ Гетеля и о томъ, какъ Кудруна отнеслась къ нему благосклонно, советуя спастись отъ неминуемой гибели. О сватовствѣ Гервига въ самыхъ общихъ выраженныхъ говорятъ лишь 3 строфы (617—619), остальное посвящено разсказу о похожденияхъ Гартмута. Далѣе, слѣдующій авантюръ подробно рассказываетъ о сватовствѣ Гервига. Все это трудно объяснить, даже съ точки зрѣнія интерполяціи, признаніе которой вообще должно быть обставлено солидными доводами. Конечно, возможно признать весь авантюръ излишнимъ, какъ это сдѣлалъ Мюлленгофъ, но доводы этого ученаго не представляются мнѣ въ данномъ пунктѣ особенно глубокими. Если бы мы имѣли дѣло съ однимъ Гервигомъ или однимъ Гартмутомъ—не представлялось бы особенныхъ затрудненій; но какъ объяснить присутствіе обоихъ героевъ вмѣстѣ и рѣзкій переходъ отъ одного къ другому?

Трудно предположить, чтобы поэтъ позволилъ себѣ неумѣстную шутку или интерполяторъ былъ настолько веловокъ, что не только не позаботился соединить съ цѣлымъ своихъ вставокъ, но даже какъ бы умышленно разъединилъ два отрывка? Чтобы примирить эти несообразности, приходится обращаться къ болѣе или менѣе обоснованнымъ предположеніямъ.

Весьма остроумнымъ представляется мнѣ соображеніе А. И. Кирпичникова (Кудруна, с. 20) который предполагаетъ, что посѣтителемъ двора Гетеля былъ первоначально не Гартмутъ, и Гервигъ.

Этимъ соображеніемъ дѣйствительно устраняется бѣдующее въ глаза противорѣчіе. Но противъ догадки проф. Кирпичникова говорятъ 624 и 629 строфы, гдѣ прямо указывается, кто былъ красивымъ витяземъ, обратившимъ на себя вниманіе Кудруны. Именно въ 624 (3 с.) говорится:

Er enbot ir heimliche, daz si daz erkande
daz er hieze Hartmuot und waere von Ormanienlande.

А въ 629 сообщается, какъ поддерживала въ Гартмутѣ его стремленіе жениться на Кудрунѣ злая Герлинда. Наставать же на исключеніи этихъ строфъ, особенно 624, нѣтъ ни малѣйшей возможности, такъ какъ пропускъ послѣдней долженъ повести за собою необъяснимую необходимость реконструкцію текста. Возможно, кромѣ высказанной проф. Кирпичниковымъ гипотезы, объяснять видимое противорѣчіе слѣдующимъ предположеніемъ.

Въ разсматриваемомъ отрывкѣ можно видѣть совершенно виѣшнее силетеніе двухъ различныхъ рукъ.

Первый рассказчикъ говорилъ о сватовствѣ Гервига, и вслѣдъ за первыми тремя строфами XI авантюра слѣдовалъ XII. Второй рассказчикъ, очевидно, интерполяторъ, пожелалъ украсить повѣствованіе эпизодомъ о посѣщеніи Гартмутомъ Кудруны. Этотъ эпизодъ долженъ былъ предшествовать XII авантюру и составлялъ такимъ образомъ XI; три же строфы, излагающія сватовство Гервига, относятся къ XII ав. Вина путаницы лежитъ на переписчикѣ, который вставилъ эпизодъ о Гартмутѣ не такъ, какъ слѣдовало. Что же касается до происхожденія рассказа о появленіи Гартмута при дворѣ Гетеля, то онъ навязывался самъ собою рассказчику, начитавшемуся рыцарскихъ романовъ. Нѣтъ никакой надобности въ примѣрахъ — до того этотъ мотивъ распространенъ въ романическихъ исторіяхъ всякаго рода.

Въ подтвержденіе моего предположенія, я, къ сожалѣнію, не могу представить палеографическихъ объясненій. Рукопись „Кудруны“ написана одной рукой, прекраснымъ почеркомъ и, удовлетворяя наше эстетическое чутье, способна лишь огорчить критика. Въ лексическомъ и формальномъ отношеніяхъ нельзя указать солидныхъ данныхъ въ подтвержденіе нашего предположенія.

Разсматриваемый эпизодъ въ рукописи озаглавленъ: *wie Herwig und Chautrum unnd Hartmuot dar komen*, — фраза, очевидно, неясная и свидѣтельствующая, что переписчикъ, редактировавшій вмѣстѣ съ тѣмъ поэму, не зналъ, какъ формулировать содержаніе поэмы. Въ общемъ три первыя строфы, на мой взглядъ, представляютъ существенныя различія въ слогѣ отъ послѣдующихъ, которыя выдѣляются на общемъ фонѣ поэмы нѣкоторыми существенными уклоненіями. Такъ, въ 623 с. Гартмутъ названъ *milte unde küene*, — эпитеты, не вполне подходящіе къ его неясному облику, и во всякомъ случаѣ находящіеся въ прямомъ противорѣчій съ эпитетомъ *vil grimme* (629, 3), который въ примѣненіи къ Гартмуту не имѣетъ никакого смысла. Вообще слогъ автора разсматриваемаго отрывка носитъ на себѣ печать условности и недостатка оригинальности: упомяну для примѣра: *über rücke truoc den grōzen last, in sinen hōhen zūhten, der er im herzen gerte* (въ 626 и 624 с.), *der pōtveste*. Обращаю также вниманіе на появленіе нигдѣ не повторяющагося эпитета Герлинды *vālentinne* (вм. *tiuvelinne*); форма эта, безъ всякаго сомнѣнія, заимствована изъ Нибелунговъ (с. 1686 и 2308).

Въ данномъ случаѣ эпитетъ этотъ, нигдѣ въ нашей поэмѣ не встречающійся, указываетъ на совершенную обособленность этой строфы (629),

тѣмъ болѣе, что въ ней же имѣется и неумѣстный эпитетъ Гартмута. Этими замѣчаніями относительно 11-го авантюра мы и ограничимся.

Въ слѣдующемъ отрывкѣ мы находимъ необыкновенно цѣльный рассказъ о сватовствѣ Гервига за Кудруну.

Гервигъ съ своими вассалами, не смущаясь превосходствомъ силъ Гетеля, неожиданно нападаетъ на него. Происходитъ кровопролитное сраженіе, въ которомъ Гетель и Гервигъ вступаютъ въ единоборство. Кудруна, издали любующаяся Гервигомъ, своимъ заступничествомъ прерываетъ сраженіе и примиряетъ отца съ зеландскимъ княземъ.

Въ полныхъ достоинства словахъ, Гервигъ, сознающій свое имущественное неравенство, проситъ Кудруну сдѣлаться подругой его жизни. Та, одѣвивая его личныя качества, не задумываясь соглашается. Гетель и Гильда изъявляютъ свое согласіе, и молодые люди обручены другъ другу.

Расчленивъ разсматриваемый эпизодъ можно только искусственно, при этомъ дѣленіе будетъ весьма мелочное. Можно указать слѣдующіе моменты: 1) Гервигъ собираетъ дружину и врасплохъ нападаетъ на Гетеля. 2) Кудруна глядитъ на сражающихся и дѣлаетъ успѣшную попытку примирить враждующихъ. 3) Гетель соглашается на бракъ дочери. 4) Кудруна обѣщаетъ руку Гервигу. Возвращаясь къ предыдущему отрывку, мы замѣтимъ, что указаннымъ четыремъ моментамъ могъ бы предшествовать рассказъ о томъ, какъ Гервигъ былъ отвергнутъ царемъ Гегелинговъ.

Въ XII авантурѣ мы не находимъ ничего такого, что требовало бы объясненій и не видимъ надобности выдѣлять строфы, исключаемыя Мюлленгофомъ и другими. Если и есть здѣсь интерполяціи, то очень умѣльны, не нарушающія цѣльности, весьма ранняго происхожденія.

Слѣдующій отрывокъ начинается съ XIII авантюра. Въ немъ сообщается, что, прослышавъ объ удачѣ Гервига, Зигфридъ морландскій собираетъ многочисленную рать и нападаетъ на владѣнія зеландскаго князя. Превосходство силъ врага заставило Гервига обратиться за помощью къ Гетелю. Ожидая помощи будущаго тестя, Гервигъ заперся въ крѣпости. Гетель отсылаетъ пословъ Гервига къ Кудрунѣ, предлагая ей рѣшить дѣло; она умоляетъ отца помочь ея жениху. Гетель созываетъ своихъ вѣрныхъ вассаловъ—сподвижниковъ: являются Вате, Горантъ, Морунгъ и Ортуинъ. Теперь счастье перешло на сторону Гервига: съ помощью союзниковъ онъ истребилъ почти все войско чернаго короля, который долженъ былъ, въ свою очередь, искать убѣжища за стѣнами крѣпости. Союзники, не имѣя возможности вызвать Зигфрида на рѣшительное сраженіе, повели правильную осаду.

Въ разсматриваемомъ отрывкѣ могутъ быть указаны слѣдующіе отдѣльные моменты: 1) Нападеніе Зигфрида на Гервига. 2) Обращеніе зельвандскаго князя за помощью къ королю Гегелинговъ. 3) Прибытіе пословъ къ Гетелю; ходатайство Кудруны. 4) Приготовленіе Гегелинговъ къ походу и прибытіе вассаловъ. 5) Пораженіе Зигфрида и подвиги отдѣльныхъ героевъ.

Первые три момента являются весьма существенными и важными и не могутъ возбуждать никакихъ вопросовъ. Они необходимы для послѣдовательнаго и правильнаго развитія сюжета, и строфы, составляющія ихъ, съ формальной стороны не представляютъ вообще никакихъ спорныхъ пунктовъ.

Что же касается до четвертаго момента, то онъ менѣе важенъ и необходимъ, чѣмъ три первые. Приготовленія Гегелинговъ къ походу описаны въ общихъ, лишенныхъ всякой выразительности чертахъ. Такое описаніе могло быть составлено любымъ лицомъ; ничего новаго оно въ сущности не даетъ и, не вредя содержанію, вовсе не украшаетъ его. Обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая подробность: Гетель не рѣшаетъ самъ дѣла, а предоставляетъ рѣшеніе своей дочери. Такая любезность не представляетъ ничего страннаго, но строфа, въ которой она высказывается, по совершенно вѣрному замѣчанію Мартина (Kudrun, 162 с.), составлена по образцу нибелунговыхъ. Ср., напр., выраженіе „vür die vrouwen mîn“, рѣдко употребляющееся въ „Кудрунѣ“, но употребительное въ другихъ памятникахъ, напр., Нибелунгахъ. Замѣчательно, что строфы „Кудруны“, въ которыхъ встрѣчается упомянутое выраженіе, признаются интерполяціями.

Перечисленіе сподвижниковъ Гетеля, само по себѣ хотя и не лишнее, но не необходимое, замѣчательно лишь тѣмъ, что въ немъ впервые появляется Ортуинъ въ качествѣ уже взрослога и способнаго къ войнѣ рыцаря (788,4).

Пораженіе Зигфрида является вполне естественнымъ, и основная тема эпизода не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Иное будетъ наше отношеніе къ подробностямъ о подвигахъ Вате и другихъ сподвижниковъ Гетеля. Читая перечисленіе ихъ, встрѣчаешь вѣчто давно извѣстное и знакомое.

Тѣмъ не менѣе сохраненіе этихъ строфъ вполне возможно, за исключеніемъ 715-й, въ которой говорится о подвигахъ Фруте, не упоминаемомъ раньше при перечисленіи. Къ тому же строфа эта крайне безцвѣтна и лишена всякой оригинальности, повторяя цѣлыя фразы, заимствованныя изъ другихъ строфъ (напр. 4-й стихъ).

*

Тоже можно сказать и о 719 строфѣ, заключающей цезурную риему во всѣхъ четырехъ строкахъ, ничего не прибавляющей къ содержанию, со вставными предложениями (2-й ст.) и крайне безцвѣтну; исключеніе ея можетъ лишь повліять на улучшение даннаго эпизода. Къ тому же въ 4-мъ ст. она въ рукописи заключаетъ повидимому диалектическія вольности.

Слѣдующій отрывокъ начинается съ 14-го авантюра. Гетель посылаетъ гонцевъ къ женѣ и дочери, извѣщая о благопріятномъ исходѣ похода, но не можетъ возвратиться, занятый осадой морландскаго короля.

Между тѣмъ шпионы норманскихъ королей сообщаютъ, что Гетель со всѣми своими вооруженными силами находится далеко отъ дома, а семья его и столица остаются беззащитными. Гартмута подстрекаетъ Герлинда, указывая, что теперь именно настала удобная минута, чтобы овладѣть красавицей. Людвигъ выставилъ съ своей стороны 20000 воиновъ. Богаты норманскіе короли, и имъ не трудно собрать многочисленную рать. Войско ихъ высадилось на берегахъ страны Гетеля.

Въ послѣдній разъ Гартмутъ умоляетъ непреклонную Кудруну сдѣлаться его женой; къ просьбѣ онъ присоединяетъ и угрозу увезти упорствующую силой.

Съ достоинствомъ, сознавая всю безвыходность своего положенія, принимаютъ пословъ норманскаго короля Гильда и Кудруна, и послѣдняя наотрѣзъ отказывается дать слово Гартмуту; послы принуждены съ этимъ отвѣтомъ явиться къ своему королю.

Норманны дѣйствуютъ рѣшительно и быстро, и появляются передъ почти беззащитной столицей. Видя многочисленное войско, Гильда и Кудруна полагаютъ, что это возвращаются Гегелинги. Но скоро они жестоко разочаровываются. Видя полное неравенство своихъ силъ, Гильда предлагаетъ своей немногочисленной дружинѣ запереться въ городѣ и выдержать осаду. Но горсть ея смѣлыхъ рыцарей захотѣла помѣриться съ врагомъ въ открытомъ полѣ. Скоро превосходство силъ враговъ заставило гегелинговъ отступить къ городу. У стѣнъ завязался отчаянный бой, кончившійся полной побѣдой норманновъ, не пощадившихъ жителей. Городъ былъ разрушенъ; красивѣйшія женщины, въ томъ числѣ Кудруна и Гильдебурга, увезены въ плѣнъ. Гильда посылаетъ вѣстниковъ мужу, сообщая о случившемся несчастіи.

Въ этомъ эпизодѣ можно отмѣтить слѣдующіе, не одинаковой важности моменты: 1) Гетель посылаетъ вѣстниковъ Гильдѣ. 2) Гартмутъ собирается въ походъ и появляется въ странѣ Гегелинговъ. 3) Онъ же посылаетъ къ Кудрунѣ пословъ, прося ея руки и снова получаетъ рѣ-

шительный отказ. 4) Появление норманновъ у стѣнъ столицы Гетеля, сраженіе и разгромъ города. 5) Гильда извѣщаетъ Гетеля о случившемся.

Со стороны содержанія первый моментъ не имѣетъ существеннаго значенія. Для полноты его онъ не безусловно необходимъ. Но, допускаемая естественную заботливость Гетеля, пожелавшаго сообщить своей семьѣ о ходѣ военныхъ дѣлъ, мы предпочли бы видѣть этотъ эпизодъ въ другомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ авантюрѣ онъ предшествуетъ разсказу, въ которомъ и заключается вся суть эпизода, именно разсказу о шпионахъ Гартмута, извѣстившихъ норманновъ о положеніи гегелинговъ и о приготовленіяхъ послѣдняго къ походу. Въ отрывкѣ отъ 725 до 730 с. первые три строфы составляютъ одно опредѣленное цѣлое; что же касается до двухъ послѣднихъ, то онѣ не вяжутся съ предшествующими и, кромѣ того, не находятся между собою въ непосредственной связи. Далѣе 730 и 731 строфы ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться продолженіемъ предшествующихъ и вполне самостоятельны по содержанію. На нашъ взглядъ 728 и 729 с. могутъ быть исключены, безъ нарушенія цѣльности содержанія, а 725—727 включительно составляютъ отдѣльный отрывокъ, принадлежащій къ числу такихъ, которыхъ присутствіе не вредитъ и не помогаетъ. Съ формальной стороны онъ ничего особеннаго не представляетъ.

Третій моментъ: прибытіе пословъ къ Гартмуту, приготовленія его къ походу и появленіе въ странѣ Гегелинговъ, по существу является очень важнымъ. Ни съ внутренней, ни съ внѣшней стороны эпизодъ этотъ не возбуждаетъ никакихъ вопросовъ, и мы считаемъ необходимымъ оставить его безъ всякихъ измѣненій.

Слѣдующій моментъ—Гартмутъ посылаетъ пословъ къ Кудрунѣ и опять получаетъ отказъ. Въ 754 с. мы находимъ подробность, дѣлающую ее нѣсколько подозрительной: именно Гартмутъ общается Кудрунѣ, въ случаѣ ея согласія, *Sines vater erbe*. Далѣе 755 забѣгаетъ впередъ и въ двухъ послѣднихъ строкахъ является вполне безцвѣтной и безсодержательной. Далѣе 766 строфа, сама по себѣ удовлетворительная, портится четвертымъ стихомъ ¹⁾, не идущимъ къ дѣлу; да и содержаніе ея является совершенно излишнимъ. Другія строфы даннаго отрывка особенныхъ сомнѣній не возбуждаютъ.

Послѣ рѣшительнаго отказа Кудруны—Гартмутъ и Людвигъ приступаютъ къ военнымъ дѣйствіямъ,—четвертый моментъ эпизода. Кудруна принимаетъ норманновъ за рать отца. Въ 788 высказывается горькое разочарованіе. Кто сдѣлалъ это печальное открытіе—неизвѣстно.

¹⁾ Diu edele und diu guote minte den küenen Herwigen sere.

Si bekanten, daz ez waere des wirtes zeichen niht.
„ach grôzer swaere, diu hiute hie geschiht!
uns kument grimme geste nach Kûdrûn der vrouwen.
manegen helm veste siht man vor âbende noch zerhouwen.

По всему вѣроятію, si—Кудруна и Гильда; собственныя-же слова должны относиться къ Гильдѣ.

Изъ послѣдующихъ строфъ нѣкоторыя сомнѣнія способна возбудить 788. Она ничего новаго не даетъ, а притомъ страдаетъ многословіемъ (ср. 3-й стихъ). Сохраненіе ея возможно, но нежелательно. Далѣе 793-я строфа, если не безусловно лишняя, то во всякомъ случаѣ стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Поэтъ прибавляетъ отъ себя, что ему хотѣлось бы знать, какой оборотъ приняли бы дѣла, если бы Вате видѣлъ, какъ Людвигъ и Гартмутъ шли къ Кудрунѣ. 794 с. развиваеъ эту мысль дальше, прибавляя къ Вате и Гетеля. Вставка эта была бы вполне умѣстна, если бы въ 797 строфѣ устами Кудруны не высказывалась та же мысль,—въ настоящемъ же видѣ она является вполне излишней.

Слѣдующій—и послѣдній—моментъ—Гильда извѣщаетъ мужа о случившемся несчастіи. Первая строфа этого отрывка и послѣдняя предыдущаго—805. Она какъ бы связываетъ два эпизода и по содержанию въ 3-хъ первыхъ стихахъ принадлежитъ предпоследнему, а въ 4-мъ послѣдному. Отрывокъ этотъ кончается 813 строфой. Не смотря на небольшой размѣръ, рассматриваемый эпизодъ возбуждаетъ нѣкоторыя недомнѣнія. Такъ, 806 и 807 строфы передаютъ, какъ Гильда посылала Гетелю пословъ, 808 и 809.—возвращаются къ Гартмуту и повѣствуютъ о его возвращеніи. Слѣдующія за ними строфы опять возвращаются къ посольству, отправленному Гильдой. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ повтореніемъ. Слѣдуетъ лишь рѣшить, какому отрывку, рассказывающему о посольствѣ Гильды, должно быть дано предпочтеніе. На мой взглядъ, рѣшеніе должно основываться на анализѣ сравнительнаго эстетическаго достоинства обоихъ отрывковъ и анализѣ ихъ стили.

Эстетическія достоинства перваго отрывка гораздо больше, чѣмъ второго. Достаточно указать на то, что въ первомъ случаѣ приводятся слова Гильды, дающей посламъ порученіе къ мужу, во второмъ-же случаѣ это порученіе передается косвенной рѣчью. Такимъ образомъ живость и выразительность діалога пропадаютъ во второмъ случаѣ. Далѣе, строфы 806 и 807 с. дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ, 810—813 с.—являются простымъ повѣствованіемъ, 806 и 807 отличаются необыкновенною свѣжестью слога, краткостью и выразительностью фразы. Отдѣльныя слова и выраженія носятъ отпечатокъ древней рѣчи, подчасъ не

чужды архаизма (напр., *touwen*, устарѣвшее уже въ началѣ XIII ст.). Просто, безыскусственно, какъ подобаешь сильному горю и высокому характеру, высказываетъ Гильда свою жалобу:

„Ir boten, saget dem kûnege, daz ich vil eine bin.
ez ist mir komen ûbele, mit hôchverte hin
vert zi sinem lande Ludewic der rîche,
tûsent oder mêre ligent vor der porte jaemerlîche“.

Въ сравненіи съ этими полными сосредоточеннаго горя словами, въ высшей степени блѣдными покажутся многорѣчивыя 810—813 строфы. Со стороны слога онѣ способны возбудить не меньше порицаній. Собственные слова Гильды передаются въ этомъ отрывкѣ косвенной рѣчью, при томъ въ очень вычурныхъ и блѣдныхъ выраженіяхъ. Такъ, первыя двѣ строки 810 с. крайне безцвѣтны и вымучены, 811 с. повторяетъ сказанное уже въ 806 и 807; 812 с. заключаетъ строчку вполне лишнюю; 813 с. можетъ быть выпущена безъ нарушенія цѣльности эпизода. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ считать второй разсказъ о посланныхъ Гильдой послахъ интерполяціей, а первый—древней и существенной частью поэмы.

Слѣдующій отрывокъ передаетъ, какъ принялъ Гетель, ничего не подозрѣвавшій о случившемся, печальную вѣсть.

Король гегелинговъ собралъ своихъ друзей на военный совѣтъ, тщательно скрывая отъ войска свое несчастіе, чтобы не провѣдали объ этомъ мавры. Услышавъ о разразившейся надъ домомъ Гетеля бѣдѣ, заплакалъ Гервингъ, а за нимъ и другіе. Первый Вате приходитъ въ себя и убѣждаетъ товарищей, что Гартмута можно догнать, если примириться съ Зигфридомъ. Рѣшено сдѣлать отчаянный приступъ и среди самаго жаркаго сраженія возбудить переговоры о мирѣ. На слѣдующій день планъ этотъ приводится въ исполненіе. Зигфридъ соглашается на миръ, если условія не будутъ для него унижительными. Гетель потребовалъ лишь заявленія покорности, и миръ былъ заключенъ. Прежніе враги становятся союзниками и вмѣстѣ отправляются въ походъ противъ Гартмута. Такъ какъ у нихъ нѣтъ кораблей, то они захватываютъ ихъ у проѣзжающихъ крестоносцевъ.

Норманны остановились на морскомъ берегу, Вюльпензандѣ, чтобы отдохнуть послѣ утомительнаго путешествія. Кудруна потеряла всякую надежду на помощь отца. Одинъ норманскій воинъ увидѣлъ на горизонтѣ парусъ съ крестомъ и принялъ его за парусъ корабля крестоносцевъ. Но скоро узнали норманны, съ какими крестоносцами имъ придется имѣть дѣло. Короли ихъ вооружаются; битва длится до поздней ночи, и побѣда остается нерѣшенной. На слѣдующее утро сраже-

ніе возобновляется, и Гетель падаетъ отъ руки Людвигъ. Гегелинги, полные горя и отчаянія, оказываютъ чудеса храбрости, но во мракѣ ночи нельзя отличить друзей отъ враговъ, и сраженіе приостанавливается. Подъзвывая темною ночью, норманны послѣшно отплываютъ. Утромъ гегелинги видятъ, что преслѣдованіе невозможно, и принуждены заняться погребеніемъ безчисленнаго числа павшихъ.

Въ изложенномъ эпизодѣ можно отмѣтить: 1) Появленіе пословъ Гильды. 2) Совѣтъ Гетели. 3) Битва и примиреніе съ Зигфридомъ. 4) Ограбленіе крестоносцевъ. 5) Битва гегелинговъ съ норманнами и смерть Гетеля. 6) Бѣгство норманновъ и погребеніе павшихъ на полѣ сраженія. 8) Гильда узнаетъ о своемъ несчастіи, но, по совѣту приближенныхъ, должна ждать новаго поколѣнія.

Первый моментъ является существенно важнымъ для послѣдовательнаго развитія сюжета. Изъ семи строфъ, его составляющихъ, возбуждаютъ подозрѣніе двѣ: 817 и 819. Въ первой посолъ говоритъ о похищеніи у Гетеля сокровищъ. Похищеніе это само собою предполагается, такъ какъ о всеобщемъ разгромѣ говорится въ предыдущей строфѣ. Сомнительнѣе 819 строфа. Довольно странно, что Гетель, узнавъ объ именахъ похитителей Кудруны, считаетъ нужнымъ приводить мотивы отказа Гартмуту въ рукѣ дочери. Впрочемъ, настаивать на безусловной необходимости исключенія этихъ строфъ нельзя, такъ какъ съ формальной стороны онѣ вполне удовлетворительны.

Второй моментъ — совѣщаніе Гетеля съ дружиной. Строфы, составляющія этотъ отрывокъ, вполне удовлетворительны. Нѣсколько странными могутъ показаться слезы, проливаемые Гервигомъ, примѣру котораго слѣдуютъ и другіе витязи. Но такая способность проливать слезы; не свойственная нашему времени, какъ нельзя болѣе подходитъ тому грубому, но свѣжому и непосредственному поколѣнію, къ которому относятся герои „Кудруны“. Вспомнимъ, какъ ведутъ себя герои Вольфрама, Годгфрида, Ульриха фонъ-Лихтенштейнъ и другіе.

Вате совѣтуетъ примириться съ Зигфридомъ и совмѣстно съ ними преслѣдовать похитителей. Его совѣтъ приведенъ въ исполненіе. Битва и заключеніе союза съ Зигфридомъ составляютъ третій моментъ разсматриваемаго эпизода. Подозрительныхъ съ какой либо точки зрѣнія строфъ мы здѣсь не находимъ. Нѣсколько странной можетъ только показаться послѣшность, съ какою Зигфридъ соглашается принять предлагаемыя условія; характерно, что здѣсь посредникомъ является мудрый Фруте.

Четвертый моментъ составляетъ ограбленіе пилигримовъ, совершенное по почину и настоянію Вате. Трудно сказать что-либо поло-

жительное относительно умѣстности этого эпизода, Само собою разумѣется, что изъ того, что намъ страна Гервига представляется островною, не слѣдуетъ, чтобы и автору поэмы она казалась таковою же. Не подлежитъ сомнѣнiю, что эпизодъ этотъ указываетъ на необыкновенно тѣсную связь автора даннаго отрывка съ однимъ изъ крестовыхъ походовъ и его искреннюю симпатiю къ крестоносцамъ. Написанъ же этотъ отрывокъ очень хорошо, такъ что формальная его сторона не возбуждаетъ сомнѣнiй.

Слѣдующий моментъ — сраженiе гегелинговъ съ норманнами. Первая строфа въ немъ (847) возбуждаетъ безусловное подозрѣнiе, такъ какъ предвосхищаетъ рассказанное выше. Она составляетъ нѣчто въ родѣ предисловія пересказчика, желавшаго придать болѣшій интересъ своему разсказу. Изложенiе даннаго эпизода начинается съ 848 строфы. Въ 855 строфѣ норманны, принимавшіе гегелинговъ за крестоносцевъ, узнаютъ свою ошибку. Обращаетъ здѣсь вниманiе явленiе параллельное тому, которое мы уже встрѣтили при нападенiи норманновъ на столицу Гетеля; тамъ Гильда и ея приближенные приняли враговъ за друзей.

Сраженiе, какъ извѣстно, продолжалось два дня; въ первый оно было прекращено по причинѣ наступленiя ночи. Нѣтъ, по моему мнѣнiю, въ этомъ отрывкѣ ни одной строфы, которая должна была быть удалена. Въ описанiи второго сраженiя обращаетъ вниманiе неожиданная гибель Гетеля: поэтъ безъ всякихъ предисловiй приступаетъ къ описанiю, очень простому, но рельефному, смерти Гетеля.

Не совсѣмъ понятна 881 строфа: въ ней, непосредственно послѣ описанiя гибели Гетеля, говорится о плачѣ Кудруны и дѣвушекъ, узнавшихъ о смерти владѣтеля Мателяна; въ слѣдующей же строфѣ разсказывается про ярость обезумѣвшаго отъ гнѣва Вате. 881 строфа давала поводъ комментаторамъ высказывать болѣе или менѣе основательныя объясненiя. Такъ, Гильдебрандъ предполагаетъ, что произошла пауза въ сраженiи, общее замѣшательство. Но въ текстѣ мы не находимъ на этотъ счетъ указанiй; не умѣстиѣ ли будетъ предположить, что строфа 881 вставлена позже и не на надлежащемъ мѣстѣ. Трудно, впрочемъ, сказать, гдѣ умѣстна данная строфа, такъ какъ она стоитъ изолированно, и ниже про скорбь Кудруны нѣтъ и рѣчи.

Седьмой моментъ заключаетъ бѣгство норманновъ и удаленiе гегелинговъ, послѣ того какъ они предали погребенiю тѣла умершихъ. Въ отрывкѣ этомъ обращаетъ на себя вниманiе выдержанная роль Фруте, какъ мудраго совѣтника. Ортуинъ горячо настаиваетъ на необходимости преслѣдовать врага и увлекаетъ за собой и Вате; Фруте благоразумно указываетъ, что враги далеко, и что силы гегелинговъ

недостаточны. Христіанскому погребенію предали трупы всѣхъ павшихъ. На мѣстѣ битвы въ угоду Гильдѣ основанъ монастырь, а въ немъ поселены Іоанниты—орденъ, основанный вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода. Строфы, рассказывающія объ этомъ (съ 913), значительно смягчаютъ суровый тонъ первоначальнаго эпоса. Но настаивать на исключеніи этого отрывка нельзя. Мифіе Мартина, что подробность объ основаніи монастыря и больницы заимствована изъ поэмы Штрикера, ничѣмъ не подтверждается.

Обычай основывать монастыри и церкви на мѣстѣ смерти королей и знатныхъ людей принадлежитъ къ столь общераспространеннымъ, что поэту не было нужды искать литературныхъ образцовъ.

Въ излагаемомъ отрывкѣ исключенію подлежитъ 917 строфа, въ значительной степени повторяющая содержаніе 916 въ сходныхъ при томъ выраженіяхъ (въ 4-мъ стихѣ).

Перехожу къ слѣдующему моменту. Тяжелую обязанность сообщить Гильдѣ о постигшемъ ее несчастіи беретъ на себя Вате, послѣ того какъ всѣ другіе отказываются. Вате прямо сообщаетъ королевѣ о случившемся. Гильда въ большомъ горѣ, но должна терпѣливо ожидать удобнаго для мести времени. Первые двѣ строфы разсматриваемаго отрывка являются совершенно ненужнымъ прибавленіемъ къ цѣлому. Первая говоритъ о настроеніи родственниковъ Гетеля, вторая—о томъ, что Ортуинъ остался въ Ортландѣ, чтобы не видѣть скорби своей матери.

Такая чувствительность въ высшей степени неумѣстна и не оправдывается общимъ характеромъ Гетелева сына. Гораздо естественнѣе, на нашъ взглядъ, считать началомъ даннаго отрывка 921 строфу, признавъ двѣ предшествующія совершенно излишними.

Вся суть содержанія заключается въ отрывкѣ, начиная съ 921 строфы. Особенной важности всему этому отрывку я не склоненъ придавать. Онъ только необходимъ для опредѣленія причины, почему Гильда не послала такъ долго войска для освобожденія дочери. Но и представленная здѣсь причина не кажется намъ особенно основательной. Въ высшей степени мало вѣроятно, чтобы въ сраженіи при Вюльпенвердѣ потери гегелинговъ были таковы, что лишали возможности дальнѣйшаго веденія войны. Дѣлая эти замѣчанія, я не думаю, впрочемъ, настаивать на необходимости исключенія даннаго отрывка, но лишь отмѣчаю его подозрительность.

Въ отдѣльныхъ мѣстахъ разсматриваемаго эпизода въ высшей степени подозрительными кажутся тѣ, которые говорятъ объ ограбленіи пилигримовъ, какъ о причинѣ гибели Гетеля (наказаніе Божіе); ихъ

надо поставить въ связь съ раньше изложеннымъ, гдѣ говорится, какъ Гетель, по совѣту Вате, взялъ корабли у крестоносцевъ ¹⁾.

Строфа 931, нами разсматриваемая, составляетъ продолженіе словъ Вате, не оправдываемое 930 строфой. Вате, самъ предложившій насиліе надъ пилигриммами, не могъ теперь настаивать на преступности этого насилія и предлагать возвращеніе похищеннаго. Дальнѣйшія строфы до 934 продолжаютъ начатое въ 931 и подобно ей возбуждаютъ сильное подозрѣніе. Въ 934 появляется нѣсколько поадно плачущій Гервиго и довольно своеобразно утѣшаетъ Гильду ²⁾.

Изъ другихъ строфъ обращаетъ вниманіе 942, гдѣ Фруте поддерживаетъ благоразумный совѣтъ Вате и такимъ образомъ остается вѣренъ своей роли.

Неумѣстно, на первый взглядъ, выраженіе 945 строфы *mi listen*— его слѣдуетъ переводить не *хитростью*, а *благоразуміемъ*. Число судовъ въ 946 с., которыя обѣщаетъ снарядить Гильда, не соответствуетъ тому, которое она дѣйствительно могла снарядить. Относительно другихъ строфъ разсматриваемаго отрывка я не могу сдѣлать никакихъ замѣчаній.

Перехожу къ слѣдующему эпизоду. Норманны приближаются къ роднымъ берегамъ. Они стыдятся позорнаго бѣгства, но перспектива скорато свиданія съ покинутыми семьями скоро утѣшаетъ ихъ. Указывая на свой роскошный замокъ, Гартмутъ убѣждаетъ Кудруну полюбить его и сдѣлаться царицей могущественнаго государства. Но дочь Гетеля возражаетъ, что, кромѣ своего жениха, она никого не можетъ любить. Когда Людвигъ начинаетъ убѣждать ее, Кудруна рѣзко обрываетъ его, а онъ, вѣѣ себя отъ ярости, бросаетъ дѣвушку въ море. Съ трудомъ удалось Гартмуту спасти красавицу, при чемъ сынъ обратился къ отцу съ рѣзкими упреками.

Торжественно встрѣчаютъ побѣдителей жители столицы, а во главѣ ихъ мать Гартмута Герлинда и сестра Ортруна. Съ послѣдней Кудруна обжѣнялась подѣлуемъ, а отъ привѣтствія Герлинды уклонилась, называя ее виновницей всѣхъ своихъ бѣдъ. Сначала съ Кудруной обращаются хорошо, надѣясь склонить ее въ пользу Гартмута, но, когда ласка не помогаетъ, обращаются къ крутымъ мѣрамъ. Дочь короля Гетели должна убирать комнаты, мести и топить печи ³⁾. Особенно издѣвалась

¹⁾ Въ этомъ эпизодѣ могли отразиться затрудненія, встрѣчаемыя царями крестоносцевъ при переправѣ изъ Европы въ Азію и частыя обиды, имъ наносимыя.

²⁾ Von der vrouwen weinen trehenede dō began
Herwie der edele. dō sprach der junge man
si sint niht alle erstorben, die in dā helfen solten
unde ez gerne taten. des habent sumeliche sere engolten.

³⁾ Послѣднее занятіе считалось въ средніе вѣка особенно унизательнымъ.

надъ ней Герлинда во время отсутствія Гартмута, часто отлучавшагося на войну. Но ни упреки Герлинды, ни просьбы Ортруны не могутъ сломить рѣшенія плѣнницы. Гартмутъ, заступившійся за Кудруну, послѣ объясненія съ ней въ комнатахъ Ортруны чувствуетъ себя крайне обиженнымъ. „Чертовка“ посылаетъ царскую дочь стирать бѣлье во всякую погоду, позволяя и вѣрной Гильдебургѣ сопровождать свою госпожу. Подруги могутъ на досугѣ оплакивать свою судьбу (с. 1070).

Въ изложенномъ эпизодѣ могутъ быть отмѣчены слѣдующіе моменты: 1) Приближеніе норманновъ къ роднымъ берегамъ, разговоръ Гартмута съ Кудруной и насиліе Людвигъ. 2) Встрѣча побѣдителей Герлиндой и Ортруной. 3) Измѣненіе обращенія съ Кудруной. 4) Объясненіе дочери Гетеля съ Гартмутомъ въ покояхъ Ортруны. 5) Новыя преслѣдованія и стирка бѣлья.

Указанные моменты, если не всѣ имѣютъ одинаковую важность, то во всякомъ случаѣ находятся въ тѣсной другъ отъ друга зависимости. Въ первомъ изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе рассказъ о томъ, въ какомъ настроеніи приближались къ дому норманны. Ему предшествуетъ строфа, заключающая припѣвъ или обращеніе поэта и свидѣтельствующая, что онъ сознавалъ самостоятельность отдѣльныхъ частей, которыя связывались чисто внѣшнимъ и механическимъ образомъ. Но тотъ типъ, который представляетъ собою „Кудруна“ въ ея настоящемъ видѣ, и предшествующая поэмѣ ступень исключаютъ необходимость такого рода припѣвовъ, такъ какъ весьма сомнительно, чтобы наша поэма распѣвалась когда либо въ цѣломъ составѣ. Она больше предназначалась для чтенія, и потому не нуждалась въ такихъ былинныхъ оборотахъ, какія мы имѣемъ въ 951 с. По строю и духу поэма далеко отошла отъ первобытной кантилены, *chanson de geste* или нашей былины.

953 и 954 строфы рисуютъ, какъ уже замѣчено, то настроеніе, въ которомъ ѣхали норманны. Мы находимъ и внутренней ихъ смыслъ и внѣшнюю форму исполнѣ удовлетворительными, и потому считаемъ ихъ необходимыми. Изъ послѣдующихъ строфъ обращаетъ вниманіе 959-я, гдѣ Кудруна ставитъ опять на видъ неравенство происхожденія Гартмута, родившагося отъ вассала ея дѣда. По моему мнѣнію, отвѣтъ Кудруны исполнѣ соответствуетъ ея характеру и правамъ того времени. Въ 978 с. и 979 Кудруна отказывается отвѣтить на привѣтъ Герлинды, обвиняя ее въ подстрекательствѣ; однако, изъ предыдущаго изложенія не ясно, откуда знаетъ Кудруна, какую роль играла въ ея несчастіяхъ Герлинда. Привѣтствіе ея Ортруны является тоже не мотивированнымъ.

Слѣдующій моментъ заключаетъ изображеніе тѣхъ испытаній, которымъ подвергалась Кудруна въ плѣну, несмотря на заступничество Гартмута. Подозрѣніе можетъ возбуждать 1007 с., гдѣ вводится новое лицо — Гергарта, одна изъ дѣвушекъ Кудруны, приставленная теперь въ служанки къ Ортрунѣ. Впослѣдствіи эта Гергарта выходитъ замужъ за знатнаго норманна и дѣлается гердогиней. Очевидно, она была вставлена ради психологическаго и художественнаго эффекта, въ противовѣсъ вѣрной Гильдебургѣ, о которой снова идетъ рѣчь въ 1009 с., и которая существуетъ для того, чтобы служить связью между тремя поколѣніями. Географическія имена (Галиція, Португалія), къ ней приуроченныя, доказываютъ только словоохотливость интерполиатора.

Между 1021 и 1022 с. существуетъ нѣкоторое несогласіе. Именно, 1021 с. говоритъ о семилѣтнемъ срокѣ плѣна Кудруны, 1022 же упоминаетъ девятый годъ этого плѣна. Семь лѣтъ любимое эпическое число. Мартинъ ¹⁾ пытается примирить это числовое несоотвѣтствіе, приводя нѣкоторыя соображенія и указывая на аналогіи въ римскомъ счетѣ, — но эти доводы кажутся мнѣ нѣсколько натаянутыми. Гораздо правдоподобнѣе, что 2024 строфа принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ вставокъ: ничего новаго она не даетъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ патетическихъ восклицаній. Весьма странно, что Мюленгофъ счелъ возможнымъ сохранить эту строфу, тогда какъ онъ исключаетъ другія, имѣющія столько же, если не больше, правъ гражданства.

1034 строфа заключаетъ какъ бы обобщеніе того, что выше высказывается Кудруной. Она безцвѣтна и безсодержательна, поэтъ не зналъ даже, чѣмъ ее наполнить, такъ какъ четвертый стихъ — стереотипная фраза. Исключеніе этой строфы представляется мнѣ весьма желательнымъ.

1036 возбуждаетъ подозрѣніе комментаторовъ, на мой взглядъ, не вполне оправдываемое. Именно Кудруна въ отвѣтъ на угрозу Гартмута заявляетъ, что она готова перепести то, что ее ожидаетъ отъ него и Герлинды. На мой взглядъ этотъ отвѣтъ вполне подходитъ къ Кудрунѣ, вовсе неотличающейся кротостью и безобидностью агнца. Четвертый моментъ — объясненія Гартмута съ Кудруной у Ортруны. Здѣсь обращаютъ вниманіе слѣдующія строфы.

1041 строфа является ненужной преградой въ повѣствованіи. Это позднѣйшая вставка, одна изъ тѣхъ, которыя обобщаютъ или то, что было сказано выше, или то, что будетъ излагаться ниже: такія строфы мѣстами встрѣчаются и могутъ быть исключены изъ текста, такъ какъ

¹⁾ Кудруна, с. 235.

ничего ровно не прибавляют къ фбулѣ, а лишаютъ разсказъ той пластичности и рельефности, какую придаетъ конкретное представление. Ненужной должна считаться и слѣдующая 1042 строфа, гдѣ Кудруна представляется любезно принятой и угощаемой виномъ сестрой Гартмута. Въ 4-мъ стихѣ Кудруна говорить: „Я не хочу быть королевой“, а въ слѣдующей строфѣ начинаетъ свою рѣчь сначала, указывая (довольно мягко) на мотивы своего отказа.

Въ извѣстномъ противорѣчii находятся 1055 и 1056 стр. послѣдняго момента. Въ первой строфѣ рѣчь Кудруны довольно умѣренная.

На предложеніе Герлинды стирать бѣлье она заявляетъ, что слѣдуетъ еще выучиться этому. Въ 1056 она повторяетъ ту же мысль, но съ извѣстной ироніей, прикрываемой учтивостью. Въ первомъ случаѣ Кудруна говорить

vil riches küneges wip,
Sô schaffet, daz man lère mich daz ich den lip
dar zuo bringen müge, daz ich in wasche kleider.
ich sol niht haben wünne. ich wolte daz ir mir noch taetet leider.

Во второмъ:

„Nû heizet mich ez lëren, sit ich waschen sol,
ich weiz mich niht sô hêre, ich kunde ez gerne wol,
sit ich dâ mite dienen sol mîne spise.
ich versage ez niemen“.

Послѣднія слова поэтъ находитъ очень мудрыми, но, во 1-хъ, они были бы умѣстны, если бы не было предыдущей строфы; во 2-хъ, они мало подходятъ къ общему характеру Кудруны, которой менѣе всего свойственны хитрость и двоедушiе. Намъ 1056 с. кажется позднѣйшей вставкой. 1059 с. заключаетъ довольно поэтичное, но не вполне выдержанное, главное, не вполне умѣстное восхваленіе Гильдебурги, раздѣлявшей съ дочерью Гетеля всѣ труды; художественныя достоинства этой строфы очень велики и, имѣя ихъ въ виду, слѣдуетъ признать ее необходимою.

Послѣдняя строфа разсматриваемаго отрывка должна быть исключена. Въ ней сообщается, что Кудруна съ Гильдебургой стирали въ продолженіи шести съ половиной лѣтъ. Очевидно число это преувеличено, но позднѣйшіе интерполяторы не довольствовались имъ, а говорили о тринадцати и даже четырнадцати лѣтъ. Кромѣ того половина этой строфы безусловно безсодержательна.

Слѣдующій отрывокъ начинается съ 22-го авантюра. Гильда дѣятельно готовить флотъ. Когда прошло 12 лѣтъ и новое поколѣніе вои-

новъ успѣло созрѣть, королева носылаетъ пословъ къ своимъ друзьямъ и вассаламъ, напоминая о данной клятвѣ. Всѣ они являются съ дружинами. Раньше другихъ прибылъ Вате. Молодой Ортуинъ привелъ съ собой значительное войско. Въ назначенный день всѣ были готовы къ походу. Флотъ былъ отлично построенъ и снаряженъ. вмѣсто желѣза и стали употребляли колокольную мѣдь, опасаясь магнитныхъ горъ. Нѣкоторое время они блуждали по морю и даже приблизились къ магнитной горѣ Гиферсъ. Въ Вюльпензандѣ гегелинги соединились съ Зигфридомъ. У самыхъ береговъ Нормандіи дружина Гильды едва не потерпѣла крушенія. Къ счастью буря прошла и гегелинги высадились. Послѣ утомительнаго путешествія они отдыхали нѣкоторое время. Ирольтъ взлѣзъ на высокое дерево и видитъ оттуда замокъ Гартмута. Ортуинъ предлагаетъ послать развѣдчиковъ и рѣшается отправиться вмѣстѣ съ ними, не смотря на протесты Вате. Онъ проситъ друзей выкупить его, если попадется въ плѣвъ, и отмстить, если будетъ убитъ.

Въ изложенномъ эпизодѣ могутъ быть отмѣчены слѣдующіе моменты. 1) Приготовленіе Гильды къ походу и прибытіе вассаловъ. 2) Отправленіе въ походы и морскія приключенія. 3) Высадка въ Нормандіи. 4) Ортуинъ отправляется развѣдчикомъ.

Первый моментъ, начинающійся съ 22-го авантюра, заключаетъ подробное описаніе приготовленій Гильды (4 строфы). Описаніе это должно было быть поставлено въ непосредственную связь съ рассказомъ о томъ, каковы были корабли Гильды (съ 1102 с.), причемъ первый отрывокъ относится ко второму какъ общее къ частному. Изъ строфъ этого отрывка, возбуждающихъ нѣкоторые вопросы, слѣдуетъ отмѣтить: 1089, гдѣ страна Морунга называется Holzane ¹⁾—единственный разъ въ поэмѣ. Строфы съ Морунгомъ вообще нѣсколько подозрительны, а эта, въ виду новой локализациі, можетъ быть исключена; тѣмъ болѣе, что вполне достаточно для Морунга того, что говорится въ 1087 стр.

1093 с. Здѣсь опять появляется Гергарта, измѣнившая своей королевѣ и вышедшая замужъ за шенка норманнскаго двора. Строфа съ Гергартой для украшенія фабулы тѣмъ болѣе неумѣстна, что она внезапно прерываетъ рассказъ и переноситъ насъ ко двору норманновъ. Тоже можно сказать и о 1094, которая рассказываетъ о скорби Кудруны и какъ бы случайно сюда попала. Мнѣ кажется, что достаточно этихъ оснований для исключенія обѣихъ строфъ, вредящихъ плавному развитію фабулы и ни къ чему ненужныхъ.

---

¹⁾ Латинизація Гольштейна.

Съ 1120 строфа разсказывается, что Гегелинги встрѣтились съ Зигфридомъ и совмѣстно съ нимъ продолжали путь. Встрѣча эта является совершенно случайной и немотивированной, такъ какъ къ черному королю не посылали даже пословъ. Очевидно, позднѣйшій редакторъ, прельщенный ролью, разыгранной Зигфридомъ выше, желалъ и здѣсь сдѣлать маврскаго короля участникомъ побѣдъ. Строфы 1120—1123 очень подозрительны.

Въ 1126 мы встрѣчаемся съ магнитнымъ островомъ и горой Givers, куда загнала буря гегелинговъ. Мы говорили уже о ней (ч. I, с. 62). Теперь лишь отмѣтимъ, что весь эпизодъ съ магнитной горой представляется намъ позднѣйшей вставкой во вкусъ тѣхъ модныхъ морскихъ путешествій, которыя имѣли весьма популярнаго представителя въ лицѣ „Странствованій св. Брандана“. Описаніе бури и смятенія экипажа выдержано очень хорошо и хотя и можетъ принадлежать къ позднѣйшимъ прибавкамъ, но служитъ истиннымъ украшеніемъ даннаго эпизода.

Слѣдующій моментъ — высадка гегелинговъ. Онъ отличается цѣльнымъ и выдержаннымъ характеромъ, и подозрительной намъ кажется одна только строфа, 1164. Она въ первой строкѣ заключаетъ натяжку: военный совѣтъ продолжается цѣлый день. Совѣтъ этотъ притомъ упоминается послѣ того, какъ рѣшеніе послать развѣдчиками Гервига и Ортуина было уже принято. Кромѣ того, въ третьей строкѣ упоминается о *Gustrate*, какъ о мѣстѣ заката солнца, —миоическая подробность, мало обследованная учеными. Въ 1164 с. мы находимъ довольно существенныя неправильности размѣра, отсутствующія, вообще говори, въ строфахъ бесспорно подлинныхъ; такъ, въ 3 стр. есть лишній слогъ, тоже и въ 1-й стр.

Слѣдующій отрывокъ начинается съ 24 авантюра. Великимъ постомъ Кудруна и Гильдебурга моютъ платье на берегу рѣки. Вдругъ вблизи ихъ появилась прекрасная птица. Она отвѣчаетъ дочери Гетеля человеческимъ голосомъ и разсказываетъ про ея родныхъ и знакомыхъ. Въ заключеніе чудесный вѣстникъ сообщаетъ, что завтра придутъ къ морю два вѣстника отъ гегелинговъ. Обрадованныя дѣвушки возвращаются домой, не исполнивъ заданной работы. Герлинда бранитъ ихъ и объявляетъ, что на слѣдующій день онѣ на зарѣ отправятся стирать. На утро выпадаетъ снѣгъ; дѣвушки требуютъ башмаковъ, но имъ отказываютъ въ этомъ. Печально подчиняются онѣ приказанію Герлинды. Вдругъ глазамъ ихъ представляются два воина, ѣдущіе въ лодкѣ. Стыдясь незнакомцевъ, дѣвушки бѣгутъ. Гервицъ закликаетъ ихъ вернуться и спрашиваетъ, кому они служатъ, и затѣмъ, сколько войска въ столицѣ норманновъ. Оказывается, что послѣдніе приготовились къ защитѣ.

Дѣвушки дрожатъ отъ холода; Гервигъ предложилъ имъ свои плащи, но Кудруна съ сознаниемъ женскаго достоинства отказывается. Путники освѣдомляются о Кудрунѣ и ея дѣвушкахъ. Кудруна отвѣчаетъ, что та, про которую они спрашиваютъ, часто бывала въ большомъ горѣ, а потомъ, что ея уже нѣтъ въ живыхъ. Горько заплакали витязи. На вопросъ Кудруны, почему они такъ оплакиваютъ дочь Гетеля, рыцари назвали свои родственныя къ ней отношенія. Кудруна не вѣритъ, но когда Гервигъ показываетъ ей свое обручальное кольцо, она внѣ себя отъ радости. По кольцу-же узнаетъ ее и Гервигъ, желающій взять съ собою невѣсту; этому противится Ортуинъ, жаждущій военной славы. Кудруна принуждена въ послѣдній разъ вернуться въ замокъ Гартмута, бросивъ бѣлье. Здѣсь Герлинда встрѣчаетъ ее бранью и грозитъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Но стоитъ только Кудрунѣ заявить, что она согласна сдѣлаться женою Гартмута, какъ внезапно обращеніе Герлинды измѣняется. Мать Гартмута прощаетъ ей все и посылаетъ къ сыну гонца съ радостной вѣстью. Гартмутъ спѣшитъ къ Кудрунѣ, которая отклоняетъ его ласки, требуя роскошныхъ одеждъ, подобающихъ ея будущему сану. Подруги Кудруны плачутъ, думая, что не увидятъ своей родины, она смѣется—и этотъ смѣхъ возбуждаетъ подозрѣніе Герлинды.

Въ этомъ эпизодѣ можно отмѣтить слѣдующіе моменты. 1) Появленіе чудесной птицы и разговоръ ея съ Кудруной. 2) Возвращеніе дѣвушекъ домой и брань Герлинды. 3) Появленіе Гервига и Ортуина и разговоръ ихъ съ Кудруной. 4) Возвращеніе Кудруны и мнимое согласіе сдѣлаться женою Гартмута.

Эпизодъ съ птицей принадлежитъ къ числу превосходныхъ въ художественномъ отношеніи, но въ фабулѣ онъ не играетъ особенно важной роли. Легко можно представить себѣ встрѣчу Гервига и Ортуина съ Кудруной и безъ предупрежденія чудеснаго вѣстника. Къ тому же, не покажется ли страннымъ, что дѣвушки, знавшія, что ихъ посѣтятъ друзья, съ трудомъ вступаютъ съ ними въ бесѣду, какъ съ совершенно чужими и незнакомыми людьми? Но и независимо отъ этого въ данномъ эпизодѣ есть строфы, относительно которыхъ позволительно высказать кое-какія замѣчанія.

Въ IV главѣ я привожу нѣсколько фактовъ, касающихся роли птицы, какъ чудеснаго вѣстника. Здѣсь я обращаю вниманіе на двойственность ея характера.

Въ 1166 стр. говорится лишь о птицѣ; въ слѣдующей она становится „ангеломъ Божиимъ“ и въ такой роли уже выступаетъ и ниже. Не подлежитъ сомнѣнію, что представленіе птицы—чудеснымъ вѣстникомъ относится къ сравнительно болѣе раннему періоду.

Въ распредѣленіи строфъ разсматриваемаго эпизода слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторую непослѣдовательность. Кудруна спрашиваетъ, жива ли ея мать, затѣмъ Гервигъ и Ортуинъ, а вслѣдъ за нимъ мы должны ожидать вопроса о Вате, Горантѣ и Фруте,—однако мы здѣсь находимъ Ирольта и Морунга, потомъ уже Горанта и Вате. Этотъ невѣрный порядокъ можно объяснять или интерполяціей, помѣщенной не на мѣстѣ, или путаницей въ распредѣленіи строфъ. Первое намъ кажется болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ поэтъ, чувствующій симпатію къ Ирольту и Морунгу, считалъ нужнымъ навязать заботу о нихъ Кудрунѣ, которая могла удовольствоваться распросами о ближайшихъ родственникахъ, а Ирольтъ и Морунгъ къ таковымъ не принадлежали.

Возвращеніе дѣвушекъ въ замокъ Гартмута, гдѣ ихъ ожидала брань Герлинды, принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ поэмы. Нѣсколько подозрительны строфы, въ которыхъ поэтъ усугубляетъ жестокость Герлинды, но говорить объ ихъ исключеніи нельзя.

Третій моментъ—разговоръ Гервига и Ортуина съ Кудруной. Здѣсь относительно умѣстности нѣкоторыхъ строфъ могутъ возникать сомнѣнія. Такъ, тѣ строфы, гдѣ говоритъ Ортуинъ, весьма непослѣдовательны. Ортуинъ въ 1222 называетъ Кудруну достойной по красотѣ короны, въ 1239 с. онъ высказываетъ отличное отъ предыдущаго мнѣніе. 1243 с. возбуждаетъ сомнѣніе своей безсодержательностью, неумѣстностью нѣкоторыхъ выраженій (напр., *ougen licht*) и ненужными повтореніями (3 и 4 с.). Рѣшительно неумѣстны строфы 1252—1255. Ортуинъ освѣдомляется, гдѣ дѣти Кудруны, прижитыя съ Гартмутомъ, почему она терпитъ такія униженія? Одинъ вопросъ исключаетъ другой. Если Ортуинъ предполагалъ сожителство Кудруны съ Гартмутомъ, то онъ изъ ея положенія долженъ былъ догадаться, что она не можетъ быть ни женой, ни сожительницей норманнскаго короля: тогда Кудрунѣ не пришлось бы стирать бѣлья. Къ тому же Гервигъ, а не Ортуинъ долженъ былъ интересоваться отношеніями своей невѣсты къ Гартмуту.

Въ 1256 с. мы находимъ неумѣстную выходку Ортуина, заявляющаго, что если бы у него было 100 сестеръ, онъ скорѣе пожертвовалъ бы всѣми, чѣмъ согласился увезти одну хитростью. Еще болѣе груба выходка Ортуина въ 1259 с., гдѣ онъ, отстаивая свою мысль, заявляетъ, что предпочитаетъ убить свою сестру. Эта неумѣренность мысли и выраженій можетъ принадлежать къ позднѣйшимъ вставкамъ, такъ какъ эпосу чуждо такого рода отношеніе.

Слѣдующій моментъ—возвращеніе дѣвушекъ въ замокъ и мнимое согласіе Кудруны на бракъ.

Въ этомъ отрывкѣ возбуждаетъ подозрѣніе постоянное усугубленіе жестокости Герлинды. Хорошій поэтический эффектъ достигается уже тѣмъ, что Кудруна, въ отвѣтъ на угрозы Герлинды, заявляетъ о своемъ согласіи сдѣлаться женою Гартмута. Интерполатору этого казалось мало: онъ заставляетъ Герлинду привязать дочь Гетеля (с. 1283), которая, видя предстоящее ей истязаніе, произноситъ слова согласія. Кромѣ 1283 с., подозрительныхъ мѣстъ въ данномъ отрывкѣ я не нахожу.

Слѣдующій эпизодъ заключаетъ возвращеніе Ортуина и Гервига въ лагерь. Когда они рассказали, въ какомъ положеніи нашли они Кудруну и Гильдебургу, многіе плавали, а старый Вате пришелъ въ неопisanную ярость. Онъ убѣждаетъ товарищей кровью заплатить за униженіе царевны. Рѣшено ночью безъ шума подойти къ замку Гартмута. Никѣмъ не замѣченное войско располагается у стѣнъ его лагеремъ. Вате приказываетъ ожидать трехъ трубныхъ сигналовъ. На зарѣ дѣвушки Кудруны увидѣли войско, увидѣли его и враги. Людвигъ принялъ ихъ за крестносцевъ и послалъ гонца къ сыну. Гартмутъ объясняетъ отцу, какое это войско, и перечисляетъ различные отряды, входящія въ его составъ. Герлинда, видя превосходство силъ гегелинговъ, убѣждаетъ сына не давать сраженія, а выдержать осаду. Гартмутъ раздражается упреками по ея адресу и винить ее во всѣхъ бѣдствіяхъ, ожидающихъ норманновъ. Послѣ трехъ трубныхъ сигналовъ Вате начинается жестокой бой. Гартмутъ вступаетъ въ единоборство съ Ортуиномъ; поединокъ остается долго нерѣшеннымъ, но наконецъ Гартмутъ ранитъ брата Кудруны. Таже участь постигаетъ и подоспѣвшаго ему на помощь Горанта. Рыцари послѣдняго съ трудомъ успѣли прекратить поединокъ.

Въ другомъ мѣстѣ Гервигъ сражается съ Людвигомъ. Свирѣпый король норманновъ повергаетъ жениха Кудруны на землю; съ трудомъ спасаетъ его дружина. Оправившись, Гервигъ опять нападаетъ на Людвигъ и на этотъ разъ не только убиваетъ его, но и отнимаетъ знамена. Гартмутъ пытается пробиться къ замку, на встрѣчу ему бѣжитъ Вате. Начинается поединокъ. Въ это время Герлинда подсылаетъ къ Кудрунѣ убійцу, который убѣгаетъ, испугавшись угрозъ Гартмута.

Между тѣмъ Гартмутъ изнемогаетъ подъ ударами Вате. Ортруна видя это, бросается въ ноги Кудрунѣ, умоляя спасти брата. Кудруна поручаетъ это Гервигу; но Вате отвѣчаетъ ему бранью, и Гервигъ принужденъ вмѣшаться въ поединокъ; онъ падаетъ отъ удара Вате, а Гартмута захватываютъ въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ Гартмутомъ взята въ плѣнъ и его свита.

*

Не слушая ни просьбъ, ни увѣщаній, Вате врывается въ замокъ и избиваетъ всѣхъ, попадающихся ему на встрѣчу, не щадя женщинъ и дѣтей. Ортруна умоляетъ Кудруну спасти ее отъ гнѣва стараго героя. Вслѣдъ за нею является Герлинда и измѣнившая Кудрунѣ герцогиня Гергарта. Вбѣгаетъ Вате, исполненный ярости. Онъ спрашиваетъ, гдѣ Герлинда, ему отвѣчаютъ молчаніемъ. Тогда онъ грозитъ перебить всѣхъ. Нѣкоторые указываютъ ему на мать Гартмута. Не долго думая, Вате обезглавливаетъ ее, а потомъ и Гергарту. Ортруну и ея дѣвушекъ съ трудомъ спасаетъ Кудруна. Гегелинги отправляются въ глубь страны, разрушаютъ крѣпости и берутъ золожниковъ. Въ Нормандіи остается Горантъ съ гарнизономъ. Остальные гегелинги отплываютъ домой.

Въ этомъ обширномъ эпизодѣ мы должны отмѣтить слѣдующіе моменты. 1) Возвращеніе Ортуина и Гервига въ ихъ лагерь. 2) Появленіе гегелинговъ передъ стѣнами столицы Гартмута; заблужденіе Людвига и начало битвы. 3) Поединокъ Гартмута и Ортуина. 4) Поединокъ Гервига съ Людвигомъ. 5) Поединокъ Гартмута и Вате и посредничество Гервига (Герлинда подсылаетъ убійцу къ Кудрунѣ). 6) Вате убиваетъ Герлинду и Гергарту. 7) Окончаніе компании. 8) Отправленіе пословъ къ Гильдѣ и заключеніе нѣсколькихъ браковъ. Не трудно видѣть, что не всѣ эти моменты имѣютъ одинаковое значеніе въ фабулѣ поэмы. Присмотримся къ нимъ внимательнѣе.

Возвращеніе Ортуина и Гервига само по себѣ необходимо для перехода къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ. Изъ строфъ, входящихъ въ составъ этого отрывка, нѣкоторое подозрѣніе возбуждаютъ:

1350—1. Въ ней мы видимъ несогласіе съ 1392 и сл. Вате говорить, что при второмъ трубномъ сигналѣ рыцари должны осѣдлать коней, а при третьемъ (1353) они должны сѣсть на лошадей. Въ 1392 с. и сл. говорится, что при второмъ трубномъ звукѣ они должны сѣсть на лошадей, а при третьемъ—отправиться въ походъ. Вопреки мнѣнію большинства изслѣдователей нашей поэмы, я не считаю строфъ 1348—1354 интерполяціями; указанное мною противорѣчіе не особенно существенно и не исключаетъ возможности примиренія обѣихъ комбинацій; въ формальномъ же отношеніи строфы 1348—54 никакихъ подозрѣній не возбуждаютъ.

Второй моментъ: внезапное появленіе гегелинговъ передъ стѣнами столицы норманновъ. Нѣкоторыя мѣста здѣсь возбуждаютъ сильное подозрѣніе.

1359 с. говоритъ о богатыхъ парусахъ, которые представились глазамъ Кудруны. Но гегелинги отошли далеко отъ берега, такъ какъ всю ночь подходили къ столицѣ Людвига. Если даже предположить,

что въ перспективѣ могли быть замѣтны корабли гегелинговъ, то не они должны были поразить Кудруну, а масса вооруженныхъ людей, расположившихся у самаго замка.

Въ 1363 с. Людвигъ глядитъ на войско гегелинговъ и мавровъ и увѣряетъ, что это пилигриммы. Очевидно, авторъ строфы, свидѣтель многочисленныхъ движеній въ эпоху крестовыхъ походовъ, помѣстилъ свои воспоминанія и наблюденія. Странно, что всегда предусмотрительный и осторожный Людвигъ, впалъ въ столь грубую ошибку, которую исправилъ Гартмутъ (отъ 1368 до 1372 с.). Гартмутъ объясняетъ, какіе отряды входятъ въ составъ вражескаго войска, узнавая ихъ по знаменамъ. Строфы эти, вообще кажущіяся изслѣдователямъ подозрительными, на мой взглядъ, округляютъ разсказъ, и настаивать на исключеніи ихъ нѣтъ никакой возможности. Въ нихъ соблюдается извѣстная послѣдовательность въ распредѣленіи впечатлѣній Гартмута. Такъ, вниманіе его прежде всего обращается на рать Зигфрида, отличающуюся оригинальной внѣшностью и своеобразнымъ знаменемъ.

1382 с. ослабляетъ впечатлѣніе спора Герлянды съ сыномъ. Она напоминаетъ ему о ненависти, которую питала къ Гартмуту Кудруна за убійство отца, и въ концѣ позволяетъ себѣ неумѣстную ироническую выходку. Исключеніе этой строфы весьма желательно.

Слѣдующій моментъ—поединокъ Гартмута съ Ортуиномъ въ связи съ нѣкоторыми эпизодами сраженія. Здѣсь мы находимъ нѣсколько отрывковъ, нарушающихъ общую гармонію картины битвы. Такъ 1410 с. и сл. до 1417 вставлены въ описаніе поединка короля гегелинговъ съ Гартмутомъ.

Самъ по себѣ этотъ отрывокъ, повѣствующій о подвигахъ главныхъ героевъ, не заключаетъ ничего неумѣстнаго, но его слѣдовало бы вставить послѣ поединка или передъ нимъ. Тамъ, гдѣ онъ теперь поставленъ, этотъ эпизодъ нарушаетъ цѣльность картины поединка и ослабляетъ ея впечатлѣніе. Поэтическія достоинства этихъ строфъ (1410—1417) весьма незначительны, и авторъ ихъ пользовался приемами раньше извѣстными и стилистическими оборотами, не представляющими ничего новаго и свѣжаго.

Четвертый моментъ—поединокъ Гервига съ Людвигомъ. Онъ начинается съ 1430 с., служащей переходомъ къ описанію столкновенія Гервига съ Людвигомъ, и въ сущности почти лишній. Внушаютъ подозрѣніе и 1433 и 1434 с., въ которыхъ Гервигъ упрекаетъ Людвига въ убійствѣ Гетела и увозѣ Кудруны. Въ устахъ Гервига мы склонны ожидать послѣднаго упрека на первомъ мѣстѣ.

Пятый моментъ—поединокъ Вате съ Гартмутомъ. Изъ строфъ этого отрывка подозрительной является 1461, гдѣ, по словамъ Гартмута, за Гервигомъ слѣдуетъ 7000 войска, тогда какъ равьше рѣчь шла только о 3000. Далѣе въ 1467 совершенно неумѣстно упоминаніе о томъ, что знамя несъ Фруте.

Въ высшей степени подозрительнымъ является эпизодъ о томъ, какъ Герлинда подослала къ Кудрунѣ убійцу. Дѣвушкѣ, завидя злодѣя съ обнаженнымъ мечемъ, стали громко кричать. Гартмутъ вступаетъ за нихъ и прогоняетъ злоумышленника, потомъ его поединокъ съ Вате продолжается. Очевидно, авторъ этого отрывка позаботился о достиженіи довольно грубого эффекта, сгущая краски, изображающія злобу и жестокость Герлинды. Гартмутъ, общій любимецъ интерполяторовъ, долженъ былъ предстать истымъ рыцаремъ. Но съ одной стороны, трудно допустить, чтобы Герлинда, видя своего сына въ опасности, думала оубъ убійствѣ Кудруны, а не о средствахъ спасти Гартмута; съ другой же стороны, мало вѣроятно, чтобы среди поединка Гартмутъ могъ отвлечься, чтобы произнести угрозу злодѣю. Наконецъ, если предположить, что все это могло случиться, не покажется ли неумѣреннымъ гнѣвъ Вате по отношенію къ Гартмуту? Вѣдь Гартмутъ спасъ Кудруну—не естественно ли было послѣ этого оказать ему снисхожденіе. Далѣе, Кудруна, на жизнь которой только что посягали, не могла явиться ходатаемъ за Гартмута, такъ какъ не могла и знать, что онъ былъ ея спасителемъ. Появляясь совершенно неожиданно, ничего существеннаго не прибавляя, эпизодъ о покушеніи на жизнь Кудруны (1471—1477) разрываетъ превосходный рассказъ о поединкѣ Вате и Гартмута на двѣ части и, разсматриваемый по отношенію къ фабулѣ поэмы, не можетъ выдержать самой снисходительной критики.

Въ формальномъ отношеніи мы должны отмѣтить здѣсь 2 нибелунговы строфы (1471 и 1475; этотъ родъ строфъ, какъ извѣстно, падается весьма рѣдко въ третьей части поэмы). Размѣръ въ рукописи мѣстами нарушается вслѣдствіе пропуска отдѣльных словъ (напр. 1476, 3; 1474, 4).

Эпизодъ 1471—1477 положительно подлежитъ удаленію.

Шестой моментъ — разгромъ, произведенный свирѣпымъ Вате, и умерщвленіе Герлинды. Подозрительными здѣсь могутъ показаться строфы 1501—1504, рассказывающія о жестокости Вате, не щадившаго дѣтей, и о столкновеніи его съ Ирольдомъ. Но такое впечатлѣніе при ближайшемъ разсмотрѣніи этого отрывка должно исчезнуть: строфы эти (за исключеніемъ 1501) отличаются превосходнымъ эпическимъ стилемъ, изобилуютъ свѣжими народными оборотами рѣчи: ср. „jà habent iu den

tiuvet diu jungen kint getân“; „dû hâst kindes muot“ и вторую половину 1503 с., напоминающую конецъ 366 с.

Возбуждаютъ подозрѣніе строфы, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является Гергарта. Особенной злобы питать къ ней Кудруна не имѣетъ основанія; однако она обращается съ ней очень жестоко. Подобнымъ же образомъ мало мотивировано, почему Вате такъ тщательно разыскиваетъ Гергарту (1526). Какъ я замѣтилъ выше, Гергарта появилась поздно для противовѣса вѣрной Гильдебургѣ; не было даже о ней рѣчи, когда говорилось, кто попалъ вмѣстѣ съ Кудруной въ плѣнъ къ норманнамъ. Эпизодъ убійства Гергарты Вате подлежитъ, на мой взглядъ, исключенію (1516, 1510, 1526, 1527 и 1528),— послѣднія три строфы положительно не у мѣста, такъ какъ онѣ прерываютъ послѣдовательность повѣствованія.

Предпослѣдній моментъ—окончаніе компаніи (съ 1529 с.).

Замѣчательны въ разсматриваемомъ отрывкѣ строфы, гдѣ идетъ рѣчь о Фруте. Характеръ этого Нестора „Кудруны“ выдержанъ весьма послѣдовательно на всемъ протяженіи поэмы. Вездѣ Фруте даетъ полныя умѣренности и благоразумія совѣты, которымъ всѣ слѣдуютъ. Въ данномъ отрывкѣ Фруте убѣждаетъ гегелинговъ не предавать разрушенію столицы Гартмута (1534 и 1535). Особенно подозрительныхъ строфъ въ этомъ отрывкѣ мы не можемъ указать, но слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя, наиболѣе бьющія въ глаза повторенія и непослѣдовательности. Такъ, мы должны ожидать, что Кудруна испытаетъ особенную радость, встрѣтившись съ Гервигомъ и ближайшими родными, а въ 1533 с. на первый планъ выступаютъ Ирольтъ и Морунгъ. Въ 1539 с. число рыцарей не соотвѣтствуетъ приведенному раньше. Въ 1540 с. является на сцену король мавровъ и принимаетъ заявленія благодарности, тогда какъ его участіе въ войнѣ съ норманнами ни въ чемъ не выразилось. Если интерполяторъ и могъ сдѣлать Зигфрида союзникомъ гегелинговъ (что, впрочемъ, не приносило ничего интереснаго и, по всему вѣроятію, возникло подъ влияніемъ разсказа объ участіи Зигфрида во второй части поэмы), тѣмъ не менѣе выводитъ его на сцену еще разъ въ 1540 с. не было надобности.

Въ 1545 с. число воиновъ не соотвѣтствуетъ раньше приводимымъ цифрамъ.

Послѣдній—восьмой—моментъ заключаетъ описаніе приема Гильдой пословъ, встрѣчу ея съ дочерью и рядъ свадебныхъ празднествъ. Последнее, впрочемъ, привнесено гораздо позже, и, можетъ быть, составляетъ наиболѣе новую часть поэмы.

Лучшую часть данного отрывка составляет приемъ Гильдой пословъ. Особенно подозрительныхъ мѣстъ здѣсь мало. Странной можетъ показаться 1578 с. Гильда отмѣнно ласково принимаетъ Вате и послѣ него обращается къ сыну. Въ 1588 и 89 с. опять является на сцену король мавровъ, обвиняющійся съ Гильдой придворными любезностями. 1632 с. прерываетъ связный рассказъ и повторяетъ содержаніе предыдущей. 1643 с. заключаетъ предложеніе Кудруны выдать сестру Гервига за Зигфрида, короля карадійскаго. Сестра Гервига появляется на сценѣ совершенно неожиданно. Въ 1651 с. опять рѣчь о ея свадьбѣ съ маврскимъ королемъ; такъ что 1643 с. является совершенно неумѣстной. Замѣчательно, что, кромѣ свадьбы Кудруны съ Гервигомъ, всѣ прочія брачныя предложенія находятъ на первыхъ порахъ отпоръ. Такъ, Гильдебурга не особенно охотно соглашается выйти за Гартмута, котораго и не спрашиваютъ, насколько ему это желательно. Далѣе, Ортруна не безъ колебанія выходитъ за Ортуина, а сестра Гервига ѣдетъ къ брату, не зная, что онъ ей приготовилъ жениха.

Поэма оканчивается описаніемъ свадебныхъ празднествъ, во время которыхъ сотнями посвящали въ рыцари, давали подарки, устраивали турниры и пр. Эпизодъ этотъ прекрасно выдержанъ въ придворно-рыцарскомъ тонѣ. Изъ несообразностей слѣдуетъ указать на 1695 строфу, гдѣ упоминается карадійскій король, слышомъ поздно похидающій празднества.

Послѣдній авантюръ передаетъ подробность прощанія Кудруны съ матерью и братомъ и составленъ въ ровномъ, благородномъ тонѣ.

Послѣдніе эпизоды поэмы, начиная съ окончанія компаніи повидимому обработаны одной рукой и приставлены къ поэмѣ сравнительно поздно, можетъ быть, въ началѣ XIV в., въ эпоху полного разцвѣта рыцарства. Это единственное положеніе, которое можетъ быть доказано указаніями на стилистическія особенности, на обработку деталей, на находящійся на одномъ уровнѣ подъемъ рыцарско-придворнаго духа. Что же касается до поэмы въ ея цѣломъ, особенно послѣдней ея части, то высшая критика къ ней не можетъ быть примѣнена. Какъ ни мало доказательнымъ можетъ показаться нашъ анализъ состава поэмы, мы рѣшительно отрицаемъ возможность критики другого рода. Исслѣдователь „Кудруны“ долженъ искренно заявить, что тѣ средства, которыми располагаетъ въ настоящее время наука, оказываются недостаточными для уясненія генезиса и состава поэмы. Мы не имѣемъ почвы для сравненія большинства составныхъ моментовъ съ эпическими преданіями германской старины.

Въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ находится вторая часть поэмы. Мы уже высказывали свои взгляды на происхожденіе и составъ „Кудруны“. Подчеркиваемъ еще разъ, что изслѣдователь долженъ отказаться отъ мысли создать прототипъ ея, идти по стопамъ Мюлленгофа, если не желаетъ попасть въ цѣлый рядъ противорѣчій. Остается скромная задача—очистить поэму отъ строфъ, ея обезображивающихъ, нарушающихъ послѣдовательное развитіе фабулы,—и эту задачу я старался исполнить въ настоящей главѣ. Очевидно, анализъ мой получилъ бы большую глубину и большую доказательность, если бы я нашелъ для себя возможнымъ обслѣдовать словарь поэмы и обратить вниманіе на діалектическія особенности рукописи. Послѣднія имѣются, хотя не въ большомъ количествѣ, но тутъ придется встрѣтиться съ осложненіями, которыхъ я, при имѣющихся у меня наличныхъ средствахъ, преодолѣть не въ состояніи; притомъ и тогда, составъ поэмы не былъ бы освѣщенъ, но можно было бы, безъ особенныхъ натяжекъ, указать на привиаки отдѣльныхъ интерполаторовъ. Діалектическія особенности могутъ быть отмѣчены въ древнѣйшихъ памятникахъ вѣмецкой письменности, но, при неисправностяхъ, ошибкахъ и опискахъ текста, правильно указать ихъ бываетъ очень трудно.

Существованіе отдѣльныхъ пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ нашей поэмы, можетъ быть указано только по отношенію къ ея второй части. Но ни въ какомъ случаѣ поэтъ не могъ воспользоваться сырымъ матеріаломъ въ томъ видѣ, въ какомъ сохранили его указанные нами записи отдѣльныхъ мотивовъ. Посредствующія ступени должны были существовать. Присутствіе словъ латинскаго происхожденія указываетъ на косвенное вліяніе источниковъ латинскихъ или французскихъ. Существованіе краткой поэмы въ родѣ „Waltharius manu fortis“ не представляетъ на нашъ взглядъ ничего невѣроятнаго, если принять во вниманіе романтическо-христіанскій тонъ, который ярко окрашиваетъ „Кудруну“. Конечно, доказательствъ, кромѣ аналогій и правдоподобности, нельзя привести никакихъ, и мы не думаемъ настаивать на этой гипотезѣ. Пѣсенъ, соответствующихъ третьей части поэмы, не было и быть не могло. Рассказъ о судьбѣ Кудруны обязанъ своимъ происхожденіемъ 1) историческимъ воспоминаніямъ, 2) народнымъ рассказамъ объ уводѣ и плѣнѣ красавицы—царевны, 3) отрывкамъ фабулы, заимствованнымъ изъ второй части поэмы, 4) сказочнымъ и пѣсеннымъ мотивамъ.

Участіе элементовъ народной повѣствовательной литературы въ „Кудрунѣ“ весьма любопытно.

Многое здѣсь требуетъ разъясненія и освѣщенія, особенно во второй и третьей частяхъ. Въ первой же эти элементы настолько, если можно

такъ выразиться, примитивны, настолько легко выдѣлимы, вслѣдствіе несовершенства техники и безспорной принадлежности этой части перу одного автора, что и въ этомъ отношеніи изслѣдователь не найдетъ въ дѣтствѣ Гагена ничего особенно интереснаго. Иное будетъ его отношеніе ко второй и третьей частямъ. Попробуемъ отмѣтить здѣсь народно-повѣствовательные элементы, выяснитъ, сколько хватитъ умѣнія, ихъ смыслъ и значеніе.

Г Л А В А I V.

О нѣкоторыхъ сказочныхъ и эпическихъ мотивахъ поэмы.

Приступая къ посильному уясненію сказочныхъ и эпическихъ мотивовъ, имѣющихся въ нашей поэмѣ, скажу нѣсколько словъ о внутреннемъ ихъ значеніи. Къ сказочнымъ мотивамъ принадлежатъ: во 1-хъ, исполинская птица грифъ; во 2-хъ, неизвѣстный звѣрь габилюна; въ 3-хъ, упоминаніе о магнитной горѣ; въ 4-хъ, вѣщая птица; въ 5-хъ, нѣкоторыя реальныя подробности относительно убранства кораблей, и въ 6-хъ, признаніе Гервигомъ Кудруны и, наоборотъ, благодаря кольцу.

Къ эпическимъ мотивамъ я отношу: во 1-хъ, уводъ невѣсты во 2-й и 3-й частяхъ поэмы; во 2-хъ, подробность о пѣніи Горанта; въ 3-хъ, трубные сигналы, которые даетъ Вате предъ началомъ сраженія. Общій характеръ мотивовъ той и другой группы отличается извѣстною элементарностью внутренняго содержанія. Это простыя концепціи, не успѣвшія ассимилировать аналогичныхъ мотивовъ. Сравнительный методъ, примѣнимый къ этимъ мотивамъ, способенъ дать лишь весьма скромные результаты. Онъ можетъ пролить свѣтъ на степень ихъ популярности и распространенности, но не разъяснитъ намъ ни исторіи ихъ возникновенія, ни путей и средствъ заимствованія.

Изслѣдователю представляются крайне общіе и элементарные факты; можно до безконечности увеличить число параллелей къ нимъ, не достигая никакого опредѣленнаго результата, кромѣ сознанія сходства законовъ человѣческаго творчества. При этомъ умѣстно будетъ вспомнить замѣчаніе А. Н. Веселовскаго относительно значенія сказокъ: „Кажущееся разнообразіе сказокъ объясняется не столько богатствомъ ихъ мотивовъ, сколько разнообразіемъ и случайностью сводовъ, вызывающихъ все новые и новые варианты. Иногда достаточно было одного измѣненія въ разсказѣ, замѣны одной подробности другою, чтобы вмѣстѣ съ прежней исчезли всѣ мелкія, связанныя съ нею черты, явились новыя, обусловленныя новымъ образомъ; однимъ словомъ, новый вариантъ“¹⁾. „Толь-

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1873 г., 10, 689.

ко въ нѣкоторыхъ сказкахъ животныя или другіе сказочныя образы удержали свой исконный символическій смыслъ“. „Весь вопросъ въ томъ, какъ отличить эти позднія приставки, что въ сказкахъ можетъ быть признано кореннымъ и не случайнымъ“²⁾. Максъ Мюллеръ говоритъ: Die Erzählungen oder Märchen sind das moderne *Patois* der Mythologie, wenn sie aber einer wissenschaftlichen Untersuchung unterworfen werden sollen, so muss zuallererst jede moderne Erzählung auf eine frühere Legende, und jede Legende dann auf einen ursprünglichen Mythos zurückgeführt werden. Und bei dieser Gelegenheit müssen wir besonders darauf aufmerksam machen dass, obwohl ursprünglich unsere Volkserzählungen Reproduktionen älterer Legenden sind, nach einer gewissen Zeit ein allgemeiner Geschmack für wunderbare Geschichte aufkam. Jede Erzählung muss auf ihre ursprüngliche Form zurückgebracht und diese Form in strikter Ubereinstimmung mit den Regeln der vergleichenden Grammatik analisirt und erklärt werden²⁾. Эти методологическія замѣчанія касаются не только сказокъ въ ихъ цѣломъ, но и отдѣльныхъ сказочныхъ мотивовъ; но при отрывочности и элементарности этихъ мотивовъ всякая попытка возвести ихъ къ первоначальному миѳу является рискованной. Въ самомъ дѣлѣ, какое внутреннее содержаніе могутъ раскрыть намъ грифъ, рабилюна, магнитная гора и проч.? Все это факты столь простые, столь оторванные отъ почвы, что никакой символизаціи въ нихъ видѣть нельзя.

Нѣсколько въ иномъ положеніи находятся сказочно-эпическіе мотивы нашей поэмы. Въ нихъ можно уже указать два слоя; такъ птица—вѣстникъ—продуктъ миѳическаго міровоззрѣнія, осложненный примѣсью христіанскаго. Въ чудесномъ пѣніи Горанта мы видимъ примитивное представленіе о волшебной силѣ музыки и пѣнія и фактическую оболочку, сближающую его съ современными эпическими сказаніями. Уводъ Гильды и Кудруны, въ основаніи котораго лежатъ бытовья и, быть можетъ, въ известной степени миѳическія преданія, сталъ намъ мало известнымъ, но во всякомъ случаѣ историческимъ фактомъ.

Словомъ мы не находимъ возможнымъ придавать сказочнымъ и эпическимъ мотивамъ нашей поэмы сколько-нибудь важнаго значенія. За исключеніемъ увода Гильды и Кудруны, все прочее представляется очень отрывочнымъ и мало рельефнымъ. Переходимъ къ обзорѣнью важнѣйшихъ.

Наиболѣе богатой сказочными мотивами является первая часть поэмы. Уже чудесное похищеніе героя исполинской птицей, приобрѣте-

¹⁾ Ib., 671.

²⁾ Essays II (1869) XXI; „Volkssage“ с. 176 сл.

ніе имъ необыкновенной силы сближаютъ его со сказочными и шенеческими богатырями. Выолнѣ правъ проф. А. И. Кирпичниковъ, говоря о первой части поэмы: „Ея фантастически-рыцарское содержаніе и отсутствіе всякихъ сродныхъ преданій въ народной нѣмецкой поэзіи, кромѣ общаго мотива испытаній, насылаемыхъ на героя судьбою въ дѣтствѣ, доказываетъ, что она вымышлена самимъ поэтомъ и не находится въ связи съ преданіями, положенными въ основу слѣдующихъ частей.

Въ XII вѣкѣ французскіе рыцарскіе романы, повѣствующіе о чудесныхъ приключеніяхъ рыцарей короля Артура, проникли за Рейнъ въ Германію; въ нихъ на каждомъ шагѣ находимъ мы драконовъ, фей, похищеніе дѣтей, спасеніе царевнѣ и т. д. Зная многіе изъ нихъ, поэтъ Кудруна подчинился обаянію этой модной поэзіи и сочинилъ исторію дикаго Гагена; но какъ поэтъ, воспитанный на почвѣ отечественныхъ народныхъ преданій, не могъ удалиться отъ нихъ совершенно, и потому даже въ той части остались слѣды ихъ“¹⁾.

Проф. Кирпичниковъ, указывая на два мотива, особенно излюбленные народной поэзіей (похищеніе птицей-грифомъ и полученіе чудесной силы), приводитъ нѣсколько интересныхъ параллелей. Дитрихъ—сынъ Эльфа и обладаетъ огненнымъ дыханіемъ, Гагенъ также сынъ Эльфа, Волхъ Всеславьевичъ—сынъ змѣи, Иванъ Медвѣдко—сынъ медвѣды.

Профессоръ Кирпичниковъ вполне основательно отвергаетъ мнѣніе Гаупта, что грифъ относится къ сѣдой нѣмецкой старинѣ. Нашъ почтенный ученый указываетъ на возможность бретонскаго происхожденія идеи о похищеніи героя исполинской птицей и воспитанія внѣ дома (Германскія сказанія находили „домашніа средства“ вполне достаточными). Ланцелотъ воспитанъ Вивьяной, Вигамуръ унесенъ водяною женщиной Леспіей и помѣщенъ въ пещеръ, откуда его похищаетъ еще другое чудовище, Тристанъ проводитъ дѣтство въ скитаніяхъ и у разбойниковъ. Карлъ Великій по Вейхенстефановской хроникѣ (Hist. poet. de Charl. p. Gaston Paris) родится на мельницѣ; по другимъ источникамъ (хроника Турпина 21 и др.), онъ живетъ въ Испаніи, какъ изгнанникъ. Весьма много примѣровъ похищенія птицами людей доставляютъ сказки, особенно русскія. „Птица—нога выноситъ героя изъ подземнаго царства; гуси-лебеди уносятъ мальчика отъ отца (Аф. VI, ст. 118), приносятъ къ отцу (Аф. VI, 126); орелъ перевозитъ куница къ золотому дворцу своей сестры (ib. 221). Моголь-птица переноситъ Ивана Царевича къ ненаглядной красотѣ (Аф. VII, 71); грипъ (грифъ?)²⁾ — птица,

¹⁾ Кудруна, стр. 40.

²⁾ Для меня несомнѣнно, что грипъ-грифъ. Въ странствованіи Брандана этотъ святой видитъ на одномъ островѣ птицу Griffa, которая хочетъ растерзать странниковъ.

питающая своихъ дѣтей надалью, переноситъ Ивана купеческаго сына въ тридцатое государство, птица-соколъ дѣлаетъ тоже самое для Ивана царевича и т. д.¹⁾

Вторымъ народнымъ сказочнымъ элементомъ является мотивъ получения чудесной силы, сближающій нашу поэму съ цѣлымъ рядомъ аналогичныхъ сказаній. Мы привели уже нѣкоторыя изъ нихъ (1 ч. с. 43).

Относительно габилюны мы сдѣлали нѣсколько указаній (43). Въ дополненіе къ нимъ упомянемъ о замѣчаніи Jeiteles'a, выдающаго въ *gabilun*-ящеру, что намъ кажется вполне основательнымъ.

Содержаніе первой части, какъ извѣстно, состоитъ изъ разсказа о похищеніи Гагена грифомъ, его освобожденіи и женитьбѣ на Гильдѣ индійской. Уже послѣдняя подробность, разсказъ о Гильдѣ „изъ той Индіи богатыя“, указываетъ на связь съ востокомъ, особенно живую въ эпоху крестовыхъ походовъ. Вообще, начитанный въ повѣствовательной литературѣ восточнаго происхожденія, авторъ первой части не могъ отрѣшиться и отъ германской старины, не смущаясь этой странною смѣсью (ср. герц. Эрнстъ)²⁾. Заботы Гагена о сохраненіи дочери отъ посягательствъ жениховъ — прямо сказочный мотивъ, весьма распространенный.

Въ „Кудрунѣ“ вѣщая птица предсказываетъ дѣвушкамъ скорое освобожденіе. Въ этомъ поэтическомъ образѣ вѣщей птицы самый поверхностный взглядъ сумѣетъ отличить 2 наслоенія: народно-сказочный образъ переходитъ въ христіанское представленіе, притомъ птица прямо называется „ангеломъ Божиимъ“, „вѣстникомъ неба“.

Птица—вѣстникъ—очень распространенная поэтическая концепція. Армури посылаетъ письмо къ сыну съ красивой ласточкой: „Sage ihm dem Hundesohne, dem Kinde der Sünde, dass er fortan den Saracenen Gnade erweise, sonst wird auch er keine finden, wenn er in ihre Hände geräth“. Юноша даетъ слѣдующій отвѣтъ, также при посредствѣ ласточки: „Sagt meinem lieben Herrn Vater, dass, so lange ich unser Haus mit zwiefachen Riegeln verschlossen, meine Mutter und Brüder in Trauerkleidern sehe, ich jeden Saracenen, den ich antreffe, tödten und dessen Blut trinken werde. Erzürnen sie mich aber, so überfalle ich Syrien, erfülle die Thäler mit Feindesköpfen, tränke mit Blut die dürren Bergeskämme“. Такимъ образомъ въ пѣснѣ объ Армури ласточка является гонцомъ, носящимъ вѣсти отъ отца къ сыну и обратно³⁾.

¹⁾ Кирпичниковъ, Кудруна, с. 45.

²⁾ Предисловіе Барча къ изданію этой поэмы. Herzog Ernst. Her. v. K. Bartsch, Wien. 1869.

³⁾ А. Н. Веселовскій. Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos I. Das mittelgriechische Lied von Armuri (Arch. f. slav. Phil., III, 1879 с. 564).

Посредниками между любовниками являются птицы въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. Улянды приводятъ прекрасную пѣсенку, въ которой посредникомъ является соловей.

Es steht eine Lind'in einem Thal,
darauf da sitzt Frau Nachtigal
„Frau Nachtigall, kleins Waldvögelein!
du fiegst den grünen Wald aus und ein.
Ich wollt', du sollst mein Bote sein
und führn zu der Herzallerliebsten mein“.

Соловей исполняетъ данное порученіе ¹⁾. Въ одной шотландской балладѣ, извѣстной въ нѣсколькихъ редакціяхъ, мотивъ отправленія птицы въ качествѣ вѣстника является очень распространеннымъ. Птица называется ястребомъ и поугаемъ. Она должна доставить письмо любимой дѣвушкѣ, живущей въ отдаленной странѣ. Какъ узнать ее? спрашиваетъ птица, никогда не видѣвшая красавицы. Ей даютъ такіе признаки: „Что красно на ней — подобно крови, падающей на свѣтъ; что бѣло — какъ гагачій пухъ“. Птица по этимъ признакамъ находитъ дѣвушку, за моремъ, въ золотой башнѣ, поетъ на березѣ, когда та идетъ въ церковь, на ясенѣ, когда она возвращается изъ церкви, передъ ея окномъ и наконецъ обращаетъ вниманіе красавицы. Дѣвушка приглашаетъ своихъ собесѣдниковъ выпить краснаго вина, а сама идетъ къ окошечку слушать пѣніе птички. Дѣвушка выслушиваетъ пѣвунью и посылаетъ отвѣтъ своему милому, прибавляя къ нему булавку и ленту ²⁾. У Улянда мы находимъ слѣдующія параллели къ этой версіи. Птица-ястребъ — вѣстникъ любви въ шведской балладѣ (Sv. Focksviv. III, 110 и сл.) и въ сербской (Wila I, 199 и сл.) ³⁾.

Сѣверные моряки до приобрѣтенія компаса пользовались воронами, по полету которыхъ узнавали, близокъ ли материкъ. Въ германской мифологіи Одинъ ежедневно посылаетъ двухъ вороновъ, которые облетаютъ весь міръ и сообщаютъ своему властелину всѣ новости. Подобнымъ же образомъ вороны являются вѣстниками и посредниками въ шведскихъ и датскихъ пѣсняхъ. Такъ въ одной изъ нихъ воронъ сообщаетъ отцу о несчастіи, постигшемъ его дочь, вышедшую замужъ на чужбину. Онъ щедро награжденъ отцомъ. Воронъ исполняетъ порученія и въ датскихъ пѣсняхъ (ср. Уляндъ, III, 112).

Гораздо важнѣе, потому что приурочено къ крупному литературному памятнику, участіе ворона въ *Житіи св. Освальда*; оно издано въ

¹⁾ Uhlands Schriften. 1866. III, с. 109 и 110.

²⁾ Ib. 110—111.

³⁾ Ib. с. 171.

1835 г. Этмюллеромъ ¹⁾. Содержаніе его мы уже приводили (ч. I, с. 53), по другому поводу. Упомянемъ лишь, что въ названномъ памятникѣ воронъ играетъ выдающуюся роль, говорить человѣческимъ голосомъ при вѣтствіи, заставляетъ украсить себя золотою короною и покрыть перья золотомъ. Вообще онъ играетъ очень видную роль и пользуется расположеніемъ св. Освальда, молитва котораго возвращаетъ птицѣ потерянное ею кольцо. Птицы въ народныхъ произведеніяхъ сѣвера частью являются добрыми гениями, предупреждающими о грозящей людямъ опасности, свидѣтелями многихъ тайнъ и пр., но всѣ эти рассказы мало имѣютъ общаго съ той ролью, которую вѣщая птица играетъ въ „Кудрунѣ“.

Птица въ роли чудеснаго, одареннаго способностью говорить вѣстника, можетъ быть указана не только въ германскихъ народныхъ преданіяхъ, но и въ произведеніяхъ славянской народной поэзіи. Мы имѣемъ въ виду, конечно, только ту концепцію, которая соответствуетъ эпизоду нашей поэмы. Въ сборникѣ Миладиновичей мы находимъ любопытную пѣсню „Царь и Соколъ“ ²⁾. Прекрасный соколъ появляется на царскомъ дворѣ. Объ этомъ сообщаютъ царю:

„Завиль са е сивъ бѣлъ саколъ
На твои-те равни дворѣ,
Сега три дня ка са віе,
Ни сѣ вдига, ни сѣ слага“.

Царю сообщили объ этомъ. Онъ говоритъ:

„Я хвѣрлете ситна мряжа,
Ситна мряжа со чецгеле!“
Послушаха чоходаре
Та хвѣрлиха ситна мряжа,
Саколъ хвѣрчи оц' на горе,
Още горе надъ мряжа—та.
Извилъ са е сивъ бѣлъ саколъ,
Падна царю на кояно,
Си растѣси десно крило,
Та си падно бѣло книже,
Изъ книже-то ситно писмо,
И царь си имъ отговоря:
„Ей царьови чоходаре!
Я' викайте попъ Никола,

¹⁾ Sanct Oswaldes Leben. Ein Gedicht aus dem 12 Jahrhundert.

²⁾ Български народни пѣсни собрани одъ брата Миладиновци въ Загребѣ, 1861. № 63, с. 85—86.

Да расчете бѣло книже,
Та да види що е въ книже,
Що е въ книже написано“.
И викаха попъ Никола,
Книже чете слѣзи рони,
Та' на царю отвора:
„Ей та царю ле честити!
Е' ми глава, е' ти сабля!
Азе три дни да попувамъ,
А ти три дни да царувашъ“.

Еще рельефнѣе роль птицы въ другой пѣснѣ того же сборника. Попавшійся въ плѣвъ Богданъ хочеть послать вѣсть своей женѣ Ангелинѣ:

Кога Богданъ викаше,
До небо сѣ чуваше:
„Нема ли нейде некои
Тука на врата да дойде!
Че имамъ книшка да пиша,
До моя—то будка Ангелина“.
Де го зачу сиво гѣлапче,
Па на врата—та отиде,
Десно си крило подаде.
Богданъ на крило написа,
Фрѣкна голапче отиде,
На Богданови равни дворови,
Съ крила—та си трентеше,
Се очи долу гледаше ¹⁾.

Ангелина узнаеть, что ея милый супругъ въ темницѣ. Продолженіе пѣсни не важно для нашей цѣли. Совершенно сходно изображенъ этотъ мотивъ—мотивъ отправленія птицы вѣстникомъ въ пѣснѣ, находящейся въ сборникѣ болгарскихъ пѣсенъ г. Безсонова ²⁾:

Пилци пиштатъ, пилци гърванови
Дали ꙗ пилци или ꙗ челѣкъ
Нито ꙗ пилци, нито ꙗ челѣкъ
Ами бѣло седимъ—десять роба,

¹⁾ № 89, с. 132.

²⁾ Болгарскія пѣсни изд. П. Безсоновъ. с. 19—31. Этой книгой и нѣсколькими другими я могъ пользоваться, благодаря любезности проф. М. Е. Халанскаго, за что и приношу ему благодарность.

Поробилъ ги ꙗ именемъ Никола
Та ги запрѣгъ въ тѣмни задана.
До поясъ—тъ въ водѣ студѣну
Та ги пють мѣрски пиваницы.

● Богданъ взываетъ къ Богу о помощи; онъ хочетъ послать своей женѣ письмо.

Бре, Боже! Бре миле Боже!
Нѣма ли нѣкой отъ вѣгдѣ,
Да дойде на задански врата?
Имамъ книгѣ да си пишѣ
До мои тѣ младѣ бѣлкѣ Ангелинѣ!
Отъ гдѣ ю зачю ѣдно сѣво—бѣло голѣбче,
Та отиде на задански врата,
Дѣсно си крилицѣ подаде,
Тои му на крилицѣ напиша,
На бѣли перви чѣрно слово ¹⁾.

Голубъ прилетаетъ во дворъ Богдана и бросаетъ перо, на которомъ написано письмо. Ангелина узнаетъ объ участи своего мужа.

Настроение одного изъ редакторовъ нашей поэмы, бывшего свидѣтелемъ воодушевленія крестовыхъ походовъ, заставило его придать появлению вѣщей птицы исключительно религіозный характеръ. Онъ видѣлъ здѣсь ангела Божія, сообразно съ тѣми представленіями, которыя у него составились подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ духовныхъ легендъ. Подвергать сомнѣнію древность строфъ, въ которыхъ говорится о птицѣ, какъ объ ангелѣ, на этомъ лишь основаніи мы не имѣемъ права: *концепція* можетъ быть болѣе поздняя, а строфа болѣе ранняя. Къ тому же я, по указаннымъ выше причинамъ, не считаю возможнымъ отмѣтить слѣды различныхъ обработокъ въ „Кудрунѣ“ въ ихъ хронологической преемственности.

Представленіе ангела птицей, кромѣ легендъ, можетъ быть указано и въ другихъ памятникахъ. Такъ, въ „Dialogus Miraculorum“ Цезарія Гейстербахскаго ²⁾ рядомъ съ изображеніями ангеловъ въ видѣ

¹⁾ Полную библиографію этого мотива и его разновидностей см. у акад. А. Н. Веселовскаго. Южно-русскія былинны, III—XI, 1884 г., стр. 403 и сл.

²⁾ Изд. 1851 г. Штравге.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“ IV вып., 1895 г.

„прекраснѣйшихъ дѣвицъ“ (VII, 16), „мужей въ бѣлыхъ одеждахъ“ (XI, 8, VIII, 97), монаха (I, 6) мы встрѣчаемъ ангела—голубя (XI, 16).

Во всякомъ случаѣ въ вѣщей птицѣ „Кудруны“ мы въ правѣ видѣть прекрасный отзвукъ народно-миѣческихъ представленій, сглаженный вліяніемъ христіанскихъ представленій.

Пѣніе Горанта. Пѣніе Горанта является интересной подробностью ставящей этого героя въ ближайшую родственную связь съ Вальтеромъ Аквитанскимъ.

Мы касались этой подробности въ первой части настоящего труда; мы отиѣтили именно миѣческую сторону появленія Горанта, въ качествѣ увлекательнаго пѣвца, но на той ступени, на какой находится наша поэма, всякіе слѣды миѣческихъ вліяній исчезли у ея редакторовъ. Авторамъ нашей поэмы было гораздо ближе, чувствовалось ими гораздо непосредственнѣе живое народное преданіе, видѣвшее въ пѣніи чудесную силу, направляющуюся къ самымъ разнообразнымъ цѣлямъ. Пѣніе издревле считалось чудеснымъ свойствомъ. Въ сказкахъ Гриммовъ мы находимъ рассказъ о красавицѣ, находящейся въ башнѣ и увлекающей своимъ пѣніемъ. У Бенфея передается, какъ, силою пѣнія, цѣлая армія—люди, слоны, лошади—не можетъ двинуться съ мѣста, долго стоять, слушая его ¹⁾. Эпизодъ изъ Одиссеи общезвѣстенъ. Кауфманъ приводитъ интересныя данныя относительно удивительнаго вліянія пѣнія ²⁾. Аналогичные рассказы могутъ быть приведены въ значительномъ количествѣ, но положеніе наше, кажется, не требуетъ особенныхъ подтвержденій.

Извѣстно, что интригой второй и третьей части поэмы служатъ сватовство и уводъ невѣсты. Схема для второй части представляется такой: а) Гетель посылаетъ друзей, которые похищаютъ Гильду съ ея согласія, б) Гагенъ договяетъ похитителей, сражается съ ними и примиряется съ своимъ зятемъ. Схема для третьей части: а) Кудруна отвергаетъ сватовство Гартмута, б) въ отсутствіи отца Кудруны, Гартмутъ похищаетъ красавицу, в) Гетель преслѣдуетъ Гартмута и въ происшедшемъ сраженіи падаетъ на полѣ битвы, д) мать, женихъ и друзья, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, возвращаютъ похищенную царевну. Очевидно, въ сравненіи съ первой схемой, вторая является гораздо болѣе

---

¹⁾ Benfey Panchatantra I, 436.

²⁾ A. Kaufmann. Wolfs. Z. IV, 190. Прим. 5.

сложной; въ сущности обѣ схемы совпадаютъ лишь въ первомъ пунктѣ, съ извѣстнымъ, впрочемъ, ограниченіемъ, что похищеніе происходитъ— въ первомъ случаѣ съ согласія дѣвушки,—во второмъ безъ него. Въ основаніи, какъ замѣчено, лежитъ преданіе объ уводѣ силою невѣсты. Что подобный обычай былъ весьма распространенъ въ старину и сохранился и до настоящаго времени, извѣстно изъ трудовъ въ области этнографіи, особенно же изъ почтеннаго труда проф. Сумцова ¹⁾, сохранившаго значеніе до настоящаго времени. Укажемъ на нѣкоторые, болѣе рельефные факты. Путешественникъ XVI ст., Бузбекъ, говоритъ о широкомъ распространеніи у сербовъ похищенія дѣвиць. Бопланъ, бывшій на Украинѣ въ первой половинѣ XVII в., рассказываетъ, что казаки похищаютъ дѣвиць, иногда и дочерей помѣщика, за что ихъ нерѣдко убиваютъ. Добрыня, Зигфридъ вступаютъ въ борьбу: первый—съ Настасіей Микулишной, второй—съ Брунгильдой, въ чемъ нельзя не видѣть насильственнаго захвата невѣсты. Изъ лѣтописи извѣстно, что русскіе „умыкиваху у воды дѣвица“. Не касаюсь другихъ свидѣтельствъ, извлеченныхъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ позднихъ записей, такъ какъ они обстоятельно изложены въ упомянутомъ трудѣ проф. Сумцова (5 стр. и слѣд.). Мотивъ насильственнаго увода невѣсты, столь широко распространенный, имѣется, между прочимъ, и въ извѣстной былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ. Къ сопоставленію съ извѣстнымъ уже рассказомъ Эдды очень удачно привлечь ее въ послѣднее время М. Е. Халанскій въ своемъ трудѣ: „Южно-славянскія сказанія о королевичѣ Маркѣ“. Напоминаемъ содержаніе первой части названной былины. „Иванъ Годиновичъ или Годеновичъ, племянникъ великаго князя стольно-кѣвскаго, ѣдетъ въ Черниговъ или въ золотую Орду или въ Индію, или за славне, за си-не море, по невѣсту, дочь князя Черниговскаго, или короля царя Черниговскаго, или гостя богатаго Черниговскаго, или индѣйскаго, золотоордынскую красавицу Настасію или Марію. Невѣста оказывается просватанной за другого; но Иванъ Годиновичъ беретъ ее все-таки за себя, по однимъ вариантамъ силой,—по другимъ—съ ея добровольнаго согласія, отправляется съ молодой женой въ Кіевъ. За ними ѣдетъ въ погоню первый женихъ и вступаетъ въ борьбу съ Иваномъ Годеновичемъ“ ²⁾. Рассказъ о Гединѣ и Гильдѣ уже былъ приведенъ нами. Отмѣтимъ существенное его отличіе отъ былины объ Иванѣ Годеновичѣ: во 1-хъ, Гильда пытается примирить отца съ мужемъ, но безъ успѣха; во 2-хъ, бой Гедина съ Гегни продолжается до безконечности. Что въ скандинавскомъ преданіи преслѣдователемъ является отецъ, въ русской былинѣ

¹⁾ О свадебныхъ лѣснахъ, преимущественно русскихъ. X. 1881.

²⁾ М. Е. Халанскій. Сказ. о кор. Маркѣ, с. 600.

женихъ, не можетъ считаться существеннымъ отличіемъ. Гораздо важнѣе попытка Гильды примирить отца съ мужемъ, отсутствующая въ русской былинѣ. Попытка эта въ „Кудрунѣ“ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Древность этого мотива не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Очевидно, въ русской былинѣ онъ не возможенъ, какъ и въ поэмѣ о Вальтариі, вслѣдствіе характера самого содержанія этихъ разсказовъ. На сходствѣ мотивовъ и этимологія Годиновича основано предположеніе М. Е. Халанскаго о томъ, что наша былина есть воспроизведеніе германской саги на русской почвѣ¹⁾. Сходства мотивовъ нельзя отрицать, но мы видимъ и существенное отклоненіе въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Что же касается до этимологіи и предположенія, что Годиновичъ есть патронимическая форма отъ Гединъ, то доказательства, приведенныя М. Е. Халанскимъ, не кажутся намъ вполне убѣдительными. Было бы естественнѣе ожидать, что имя Гединъ, благодаря или народной этимологіи, или нѣкоторымъ измѣненіямъ въ звуковомъ составѣ, соответствующимъ народнымъ вкусамъ, сохранится и въ былинѣ. Къ тому же былина наша такъ локализована, что кромѣ наружнаго сходства собственнаго имени ничего напоминающаго скандинавское преданіе не удержалось. Мы могли бы ожидать сохраненія нѣкоторыхъ реальныхъ подробностей, и не находимъ ни малѣйшаго ихъ слѣда. Имена, близкія по этимологіи къ имени Гединъ, истрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Эдды, и патронимическое названіе можетъ быть въ русской былинѣ заимствовано и изъ другого источника²⁾.

Нами было указано общее значеніе мотива объ уводѣ невѣсты. Мы замѣтили, что существенное различіе этого мотива во 2-й и 3-й частяхъ поэмы состоитъ въ томъ, что въ 1-мъ случаѣ невѣста похищается съ ея же согласія, во 2-мъ уводится силой. Въ 1-мъ случаѣ между женихомъ и отцомъ происходитъ примиреніе, во 2-мъ отецъ гибнетъ въ сраженіи не отъ жениха, а отъ его отца. Различія ихъ столь существенны, что подвести ихъ подъ общую формулу нѣтъ никакой возможности. Формулы обоихъ разсказовъ являются весьма типичными, за исключеніемъ мотива объ умерщвленіи отца невѣсты отцомъ жениха. Послѣдняя объясняется возможнымъ сліяніемъ двухъ версій, изъ которыхъ одна дѣлала героемъ Людвига, — другая Гартмута.

До настоящаго времени сохранило всю силу дѣленіе Гана въ его предисловіи къ греческимъ и албанскимъ сказкамъ³⁾.

¹⁾ *Ib.* стр. 600 -601.

²⁾ Какъ объяснить Ставра Годиновича? Тоже отъ Гедина? Но здѣсь никакихъ сходныхъ со скандинавской сагой мотивовъ нѣтъ.

³⁾ *Griechische u. albanesische Märchen, gesammelt, übersetzt und erläutert v. Hahn. Lpzg. 1864.*

Онъ приводитъ 40 формулъ для сюжетовъ сказокъ и многихъ ми-
оновъ и находитъ 3 формулы увода невѣсты (Entführungsformel с. 54, 55).

1) Gudrunformel. А. Невѣсту похищаетъ герой. В. Невѣсту похи-
щаетъ чудовище.

2) Helenaformel—съ согласія дѣвушки.

3) Jasonsformel—счастливое похищеніе и бракъ.

а) Герой приходитъ, какъ чужеземецъ, въ землю красавицы.

б) Отецъ ея задаетъ ему трудныя задачи, которыя онъ исполняетъ
съ помощью красавицы.

с) Онъ бѣжитъ, спасается отъ преслѣдованій и достигаетъ отечества.

д) Онъ покидаетъ свою возлюбленную.

е) Мщеніе покинутой или примиреніе.

Проф. Кирпичниковъ въ своемъ трудѣ (с. 48) предложилъ еще
четвертую формулу—Heldenformel: герой уводитъ невѣсту не самъ, а
для него совершаютъ это дѣло другіе.

Въ эпосѣ она представляется обыкновенно въ слѣдующемъ видѣ:

а) Король или князь по совѣту дружины или по собственной ини-
ціативѣ желаетъ отыскать достойную себя супругу. Ему указываютъ на
необыкновенную красавицу; а) отецъ ея или б) она сама убиваетъ всѣхъ
жениховъ; онъ самъ ее добыть не въ силахъ.

б) На помощь ему является одинъ или нѣсколько героевъ, кото-
рые при посредствѣ хитрости и необыкновенныхъ даровъ (шапки-неви-
димки, какъ Зигфридъ, чудной пѣсни, какъ Горантъ) увозятъ ее а) съ
ея согласія или б) противъ ея воли.

с) а) Отецъ напрасно гонится за похитителемъ; герой-помощникъ
одолеваетъ его; б) она напрасно пытается освободиться или погубить
слабаго мужа; герой-помощникъ укрощаетъ ее.

Формула проф. Кирпичникова, какъ еще раньше было замѣчено
проф. Гейнцелемъ (въ 1877 г.), удачно заполняетъ пробѣлъ, допу-
щенный Ганомъ, и одинаково удобна и для второй, и для третьей части
поэмы. Привожу аналогию, имѣющуюся въ книгѣ А. И. Кирпичникова.

Изъ эпическихъ данныхъ мы находимъ въ ней былинку „О же-
нитбѣ князя Владиміра“ (изъ сборника Кирши Данилова).

Владиміръ на пирѣ спрашиваетъ:

А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу,
Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу?
Станомъ бы статна, и умомъ сверстна!

Иванъ Гостинный сынъ говорить:

И-ли Иванъ въ золотой ордѣ бывалъ,
У грознаго короля Етмануйла Етмануйловича,
И видѣлъ въ дому его двухъ дочерей:
Первая дочь Настасья Королевишна,
Вторая дочь Афросинья Королевишна,
Сидить Афросинья въ высокомъ терему,
За тридцать замками булатными;
А и буйные вѣтры не вихнуть на ее,
А красное солнце не печеть лице.,
Пошлай, сударь, Дунай свататься.

Ср. послѣднія строки о воспитаніи королевны съ описаніемъ воспитанія Гильды: „Солнце рѣдко бросало свои лучи на ея лицо, а вѣтерокъ едва касался его“.

Дунай отиравается съ Екимомъ Ивановичемъ; король отказывается, но Дунай и Екимъ силой увозить Афросинью.

Въ другой редакціи (Рыбн. 1, 178, ib. II, 46) Дунай самъ называетъ Опраксу и добываетъ ее съ Добрыней Никитичемъ. Въ третьей (ib. 186) старый Пермилъ Ивановичъ называетъ Опраксу, а ѣдетъ Дунай съ Васильемъ Казировичемъ ¹⁾.

Болѣе сходства видитъ А. И. Кирпичниковъ въ былинѣ, основанной на извѣстномъ литературномъ преданіи о Соломонѣ и Морольфѣ. Былина называется: о царѣ Саламанѣ, царицѣ Саламаніи и прекрасномъ Васильѣ Окульевичѣ. Василий Окулевичъ спрашиваетъ, почти также какъ Владиміръ, гдѣ ему найти „княгиню по разуму“? Ивашка Покаренный (вар. Ивашка Таракашка) указываетъ на жену премудраго царя Саламана; онъ же отправляется добывать ее на кораблѣ. Богатыми подарками онъ пріобрѣтаетъ благоволеніе царицы и проситъ позволенія торговать; царица посѣщаетъ его корабль; Ивашка увозитъ ее въ царство Василия. Саламанъ при помощи хитрости добываетъ обратно жену.

Гораздо чаще, чѣмъ въ энической пѣснѣ, встрѣчается разсказъ о добываніи невѣсты помощниками жениха въ сказкѣ. Русская занимаетъ здѣсь едва ли не первое мѣсто. Уже Шлёниесъ указалъ на сказку о Семи Симеонахъ, добывающихъ Елену Прекрасную, причеиъ нѣмецкій ученый придавалъ миѣическое значеніе нѣкоторымъ эпизодамъ, переходя иногда въ предѣлы фантазіи. Елена, напр., по его мнѣнію, валькирія, такъ какъ превращается въ лебедя. Симеона онъ отождествляетъ съ Ва-

¹⁾ Цитаты проф. Кирпичникова.

те. Подобная же формула встрѣчается и въ другихъ сказкахъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями: такъ герой—помощникъ беретъ невѣсту себѣ (Иванъ Быковичъ. Аф. VII, 24), иногда силой заставляетъ согласиться отца (Буря-богатырь Аф. VIII, 22). Въ сказкѣ „Кощей безсмертный“ (Аф. VIII, 64) Иванъ Царевичъ отправляется добывать Василису Кирбитьевну и выручаетъ Булата-младца, который потомъ и добываетъ невѣсту. Затѣмъ въ этой сказкѣ имѣются еще два мотива: 1) Кощей Безсмертный уноситъ у Ивана Царевича жену, но Булатъ снова добываетъ ее; 2) Булатъ слышитъ отъ 12 голубицъ о бѣдахъ, угрожающихъ Ивану царевичу, и отвращаетъ ихъ; когда его хотятъ казнить, онъ все рассказываетъ Ивану и за то превращается въ камень. Впослѣдствіи Иванъ царевичъ кровью собственныхъ дѣтей возвращаетъ жизнь Булату, но и дѣти оказываются живыми. Проф. Кирпичниковъ, изложеніемъ котораго мы пользуемся, обращаетъ особенное вниманіе на сходство сказки „Безногій и слѣпой богатыри“ (Аф. VIII, 191, № 23) со второй частью „Кудруны“ и отчасти съ эпизодомъ о сватовствѣ Гунтера въ Нибелунгахъ.

Царь задумалъ жениться и обѣщаетъ большую награду тому, кто найдетъ ему невѣсту „краснѣ солнца, яснѣ мѣсяца и бѣлѣ снѣгу“. Вызвался мужикъ Никита Колтома; цѣлый мѣсяцъ онъ пьетъ и гуляетъ, а потомъ приказываетъ собрать 12 молодыхъ и сдѣлать 13 шатровъ златотканыхъ. Царь, Никита и 12 человекъ свиты отправляются на коняхъ; по дорогѣ Никита сковываетъ себѣ палицу и избавляетъ отъ побоевъ старика Колдуна, который даетъ ему въ награду шапку-невидимку. Въ царствѣ Елены Прекрасной Никита разламываетъ рѣшетку и ставитъ на зановѣдныхъ лугахъ 13 шатровъ, а себѣ рогожанный шалашъ впереди всѣхъ. Елена посылаетъ противъ незваныхъ гостей сперва одного боярина, потомъ цѣлое войско. Никита перебилъ всѣхъ. Тогда она встрѣчаетъ грознаго царя съ ласкою и честью, а за нею 50 человекъ лукъ и стрѣлы несутъ; Никита надѣваетъ шапку-невидимку и стрѣляетъ вмѣсто царя. Царь женится. Елена въ брачную ночь едва не убиваетъ своего мужа; является Никита и одолеваетъ царицу. Когда Елена потомъ узнала, что ее взяли обманомъ, она рѣшила отомстить Никитѣ: во время сна ему отрубили ноги и пустили въ лодкѣ по морю. Окончаніе расходится съ эпосомъ: Никита встрѣчается съ своимъ братомъ Тимоеемъ, которому царица велѣла отрубить руки. Братья соединяются, освобождаютъ царя и наказываютъ царицу.

Въ первой части (III гл.), мы отмѣтили параллели второй части поэмы, уясняющія ея миѣческой характеръ. Теперь обращаемся къ третьей.

Проф. Кирпичниковъ отмѣчаетъ ея сравнительную бѣдность параллелями. Ганъ составляетъ особенную формулу Gudrunformel, отмѣчая слѣдующіе моменты: 1) невѣста или жена силою уведена у героя а) другимъ героемъ, б) чудовишемъ; 2) герой силой и хитростью добываетъ ее обратно ¹⁾. Ганъ приводитъ въ примѣръ у грековъ Елену, у германцевъ Кудруну и народныя сказанія о Зигфридѣ. Проф. Кирпичниковъ указываетъ слѣдующія сказочныя параллели: Аф. II, № 24; VI, № 6; VIII, № 5; VI, № 8, 9.

Итакъ, мы здѣсь коснулись трехъ, наиболѣе важныхъ мотивовъ. Другіе обстоятельно обслѣдованы нашими изслѣдователями. Напр., мотивъ признанія мужа (или жениха) и жены (или невѣсты) рассмотрѣнъ у Н. О. Сумцова въ статьѣ „Мужъ на свадьбѣ своей жены“ ²⁾. Значеніе рога Вате выяснено Фольмеромъ, Пленнісомъ и друг., равно какъ и другіе, незатронутые нами мотивы.

---

¹⁾ Nahn. 55.

²⁾ Этнографическое Обзорѣніе. XIX. Ср. Халанскій. Ор. с. 636 сл

Примѣчанія къ тексту (II ч.).

- 244 с., 4 ст. Sprache—gen. зависитъ отъ meré.
- 245 с., 2 ст. wie schiere er dô sprach—народное выраженіе.
4 ст. Hovereise. Martin „die fahrt zum Konige“. Вѣрвѣ, вообще, нутешествіе къ какому-либо двору.
- Undez wilen=under stunden и under ziten—иронич. выраженіе.
- 246 с., 1 ст. Genoete—очень рѣдкое выраженіе въ этомъ смыслѣ, bin—вм. со-слагат.
4 ст. Mit mir. Гофманъ предлагаетъ поправку von mir (т. е. я отплачу ему).
- 247 с., 2 ст. Ob michs=wenn selbst=даже въ томъ случаѣ, condit irr., bewagn: здѣсь=не сдѣлать.
- 248 с., 3 ст. Deheiner=irgend einer.
- 249 с., 1 ст. Uf die fluot—чтобы ѣхать по морю.
4 ст. Silberwiz—серебряный, а не въ переносномъ смыслѣ.
- 250 с., 3 ст. Vñeren—conj. зависитъ отъ imperat.
- 251 с., 3 ст. Nuschen, bouge—др. герм. украшенія; bouge, рѣдъ браслета или ожерелья, Nuschen—др. фр. posche пряжка, застегивающая плащъ.
- 254 с., 2 ст. Wie ez—ненужное обиліе словъ. Видимое противорѣчіе съ 242 стр., гдѣ идетъ рѣчь о Фруте.
- 255 с., 3 ст. Ja въ условн. знач. стоитъ въ началѣ предл. и относится къ глаг.; helfen—conj. въ значеніи повелит.; ritec—общее значеніе движенія.
- 256 с., 4 ст. Kráme—лавка; сомнительно, чтобы могло здѣсь помѣститься 200 человекъ.
- 257 с., 2 ст. Ros. Въ XIII с. болѣе употребительная форма ros. (нижнегерм.).
3 ст. Unzerunnen. Въ nhd съ узкимъ значеніемъ. Въ Mhd. относятся къ сказуемому Ср. Mir zerrinnet eines Dinges.
- 258 с., 1 ст. Tuo—conj. послѣ имп. глав. предл.
2 ст. Zuo—нарѣчіе, ze—предл.
4 ст. Vride=Geleite, Schutz.

- 259 с., 2 ст. Wilde—здѣсь не простой эпитетъ, а опредѣленіе съ особеннымъ удареніемъ.
3 ст. Herbergen—intrans. гл.=versehaffen jemandem herberge; uns—дат.
- 260 с., 2 ст. Hinnen= von hinnen
4 ст. Gekleidet—не только одѣваться, но и снаряжаться.
- 261 с., 2 ст. Wol—относится къ предыдущему слову.
3 ст. Galeide—военное судно.
- 270 с., 2 ст. Swaere adjec. и adv.
4 ст. vil=sehr.
- 272 с., 4 ст. Waere—praet. ви. plusquamperf.
- 274 с., 1 ст. Wol gezam=какъ причествовало королю; удивительно, что Ирольгъ на первомъ планѣ.
4 ст. Rumen daz lant—для отъѣзда.
- 276 с., 5 ст. Bt allen stunden=jemals; superl. въ знач. relat.
- 286 с., 4 ст. Mit gestabeten eiden.—Объясненіе Я. Гримма относительно формы присяги врядь-ли примѣнимо къ данному случаю.
- 287 с., 1 ст. Wille—наивное выраженіе.
- 288 с., 4 ст. Baligan. Названіе это очень употребительно въ Ирландіи и до на стоящаго времени.
- 289 с., 2 ст. Hagenen bürge—очень употр. genit.
- 290 с., 1 ст. Bunden mit anker. Чаще *anker werfen*
2 ст. Segele nider läzen—паруса сбрасывались, а не стягивались.
3 ст. Bürge—городъ, а не дворецъ.
- 293 с., 1 ст. Der можетъ быть и пош masc. и gen. fem. Ze Baljan=in der Stadt Baljan.
4 ст. Spaehe—обыкн. Sprachen.
- 294 с., 4 ст. Koufliute. Возможно думать, что здѣсь находились или 1) koufliute, или 2) koufliute и recke или 3) recke.
- 295 с., 1 ст. Gedinge—результатъ des Dinges.
2 ст. Kiesen=sehen—старин. выраж.
3 ст. da=обстоят. врем.; gereichte—не необходимая конъектура Мартина.
- 296 с., 1 ст. Min—отъ меня исходящій.
2 ст. Wide—висѣлица.
3 ст. Herren—не соотвѣтствуетъ званію купцовъ.
- 297 с., 3 ст. Gen—in.
- 298 с., 2 ст. Stunde—неопред. промежутокъ времени.
- 299 с., 2 ст. Boug—по преимуществу мужское украшеніе; mohten или auxil. самостоятельное значеніе.
- 300 с., 4 ст. Ви. Vate—не Ирольгъ-ли? Aller erste—nunc demum.
- 301 с., 1 ст. Vant ииѣли, а не наши.

- 302 с., 1 ст. Nâch der phelle mâze—можетъ быть масса, множество.
2 ст. Bezog—ueberzug.
- 303 с., 1 ст. Kastelan—не только въ придворной, но и въ народной поэзи (Мартинъ считаетъ это слово употребительнымъ лишь въ народной поэзи).
- 306 с., 1 ст. Einer—Ирольть или Горантъ.
- 307 с., 2 Man dar gân—безличн. выраженіе.
3 ст. Schouwen въ знач. prüfen.
- 311 с., 2 ст. Uf genade—въ ожиданіи милости.
- 313 с., 1 ст. Ze aechte bôt—юрнд. выраженіе.
2 ст. Wâgen—слѣд. waegen.
- 314 с., 1 ст. Sin name—обыкн. въ mhd. выраженіе.
- 317 с., 2 ст. Gevreischê conj. praes.
- 319 с., 1 ст. Herbergen—transit. знач.
- 320 с., 2 ст. Hûs diu aller besten—выраженіе, свойственное народному эпосу.
У Вольфрама рѣдко.
- 321 с., 1 ст. Kreftig—copiosus (Kraft—знач. множество).
4 ст. Gelücke fortuna.
- 322 с., 2 ст. Brot und win—общее значеніе пищи.
4 ст. Schentliche—не соответствующее достоинству.
- 323 с., 1 ст. Ze rehte—jure merito. Здѣсь гипотетически.
- 333 с., 2 ст. Wit—широкій и длинный.
- 334 с., 1 ст. Swie—concess. и съ conj. и съ indie.
3 ст. Gesidele—collec.
4 ст. lachen—быть довольнымъ.
- 335 с., 3 ст. Vermüeten—ослаблять.
- 336 с., 1 ст. Zühtic was ir muot—древній оборотъ.
- 341 с., 1 ст. Waere ir lihte leit—conj. praes. вл. plusquamperf.

*

Памяти Г. С. Сковороды.

Проф. Э. А. Зеленогорскаго.

(Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Историко-филол. общества, въ день празднованія столѣтней годовщины со дня смерти Сковороды).

М. Гг. Настоящій юбилей есть, можно сказать, юбилей исключительный среди другихъ, которые приходилось намъ праздновать: мы собрались почтить память *философа*. Конечно, такой юбилей не былъ бы исключительнымъ въ Германіи, Англіи, Франціи; но въ Россіи нельзя назвать его иначе, какъ исключительнымъ, особенно если принять во вниманіе то, что дѣятельность досточтимаго нами философа относится еще къ прошлому столѣтію.

Григорій Савичъ *Сковорода*, память котораго мы собрались почтить чрезъ сто лѣтъ послѣ его смерти, былъ истиннымъ философомъ. Онъ говорилъ, что „философія составляетъ главную цѣль человѣческой жизни“. „Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякъ — главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла направляетъ, чтобы дать жизнь чреву: иной — очамъ, иной волосамъ, иной — ногамъ и другимъ членамъ тѣла; иной же — одеждамъ и другимъ бездушнымъ вещамъ; философіи и любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего“. Разумъ или способность познавать и доискиваться истины есть принадлежность человѣка и отличаетъ его отъ другихъ тварей; поэтому, человѣкъ, чтобы жить согласно съ своею высшею природою, долженъ удовлетворять требованіямъ и запросамъ своего разума, т. е. мыслить, заниматься изысканіемъ истины, философствовать; въ этомъ состоитъ жизнь его духа. Г. С. усматривалъ премудрость и благость Творца въ томъ, что Онъ, давши человѣку разумъ, не сообщилъ ему истины, а предоставилъ ему самому изысканіе истины. Безъ этого изысканія истины не было бы

жизни духа, не было бы дѣятельности и движенія мысли, а вмѣстѣ съ этимъ не было бы и тѣхъ величайшихъ удовольствій и наслажденій, которыя испытываетъ человѣкъ, преданный изысканію истины. „Искать и удивляться, говорить Сковорода, значить тоже. Сіе движеніе веселитъ и оживляетъ душу, какъ стремленіе, какъ текущую по камнямъ воду“. „Какъ правильная циркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ—соковъ рождаетъ благосостояніе тѣла ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благоразуміемъ сердце. Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣживать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“. Такимъ образомъ, мысль, жизнь, удовольствіе у Сковороды сливаются въ одно; духъ человѣка живетъ настолько, насколько мыслить и философствуетъ.

Неудивительно послѣ этого, что Г. С. въ силу такихъ убѣжденій всецѣло преданъ былъ философіи. Съ раннихъ лѣтъ привлекали его философскія книги съ нравственно-философскимъ содержаніемъ. Будучи за границею, „онъ знакомился съ людьми учеными и знаніями отличво славными тогда“. Онъ изучалъ изъ естественныхъ наукъ естественную исторію. Но особенно привлекала его древне-классическая философская литература, а также — сочиненія многихъ отцовъ и учителей церкви. Когда онъ жилъ въ предѣлахъ Харькова, то для наиболѣе свободной и безпрепятственной работы мысли онъ нерѣдко удалялся отъ суеты мірской и житейскаго шума въ деревню, гдѣ выбиралъ мѣста наиболѣе уединенныя, какъ-то: лѣсъ, пасѣку или пчельникъ и т. д., и здѣсь-то всецѣло предавался философскимъ занятіямъ и мыслямъ. Въ „Израильскомъ змѣѣ“ — сочиненіи, наиболѣе выдающемся по глубокости мысли среди другихъ его сочиненій, онъ представляетъ себя пустынноникомъ, живущимъ въ уединенномъ саду и занимающимся „ловлею птицы — истины“. Это пребываніе среди природы и занятіе изысканіемъ истины было для него наилучшимъ временемъ въ жизни, какъ по его собственному признанію, такъ и по свидѣтельству ученика и друга его Ковалѣнскаго. Послѣдній, говоря напр. въ одномъ мѣстѣ „житія Сковороды“ объ удаленіи его въ деревню Гусинку, замѣчаетъ: „тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ Сковородѣ всѣ чувства тѣхъ драгоценныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудрымъ“. „Мнози глаголють, написалъ Сковорода своему другу изъ мѣста своего уединенія, что же дѣлаетъ въ жизни Сковорода? чѣмъ забавляется? Азъ же о Господѣ радуюся.... Блаженъ мужъ, иже въ премудрости живетъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынь, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ ея уразумится“. Одинъ изъ древнихъ философовъ на вопросъ, обращенный къ нему, что доста-

вила ему философія, отвѣчалъ: „она научила меня уживаться съ самимъ собою“. Это не такъ легко, какъ кажется; не даромъ Аристотель замѣчаетъ, что человѣкъ, живущій внѣ общества, есть или звѣрь, или Богъ. Ковалѣнскій также намекаетъ на борьбу, которая происходила въ душѣ Сквороды въ минуты уединенія. Эта борьба происходила по преимуществу въ ночное время. „Тутъ, говорится у Ковалѣнскаго, мгновенно брань открывалась и сердце его (Сквороды) дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержателемъ вѣка—свѣтскимъ разумомъ, собственными брэнности человѣческой слабостями и всѣми тварями, наначала сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее и быть подобнымъ Вышнему“. Но эта борьба всегда кончалась побѣдою Сквороды надъ самимъ собою. „Возсіяющее солнце облекало его въ свѣтъ побѣды, говоритъ Ковалѣнскій, и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе его со всею природою“. Въ этомъ отношеніи изъ ново-европейскихъ философовъ можно сопоставить съ нимъ развѣ одного голландскаго философа — отшельника *Спинозу*.

Перехожу къ философіи Г. С. Сквороды.

Скворода любилъ природу, любилъ и наблюдать ее и поучаться отъ нея. Въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ онъ нерѣдко говоритъ о природѣ. Его философскій взглядъ на природу отличается ясностію и законченностію; онъ проникнутъ полнымъ *оптимизмомъ*. „Вся экономія Божія, говоритъ Г. С., во всей вселенной исправна, добра и всѣмъ намъ всеполезна есть“. Шепотники, клеветники и противники Божіи... не разумѣюще хулятъ распоряженіе круговъ небесныхъ, осуждаютъ качество земель, порочатъ изваяніе премудрой Божіей десницы въ звѣряхъ, деревьяхъ, горахъ и травахъ; ничѣмъ недовольны. По ихъ несчастному и смѣшному понятію ненадобно въ мірѣ ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болѣзней, а паче всего смерти; къ чему она?... Ахъ бѣдное наше знаньице и понятійце“. Такимъ образомъ, Скворода не признавалъ зломъ то, что мы привыкли называть зломъ физическимъ. По его взгляду, вся тварь есть то поле слѣдствій Божіихъ; „вся дрянь дышетъ Богомъ и вѣчностію“. Есть мѣста въ сочиненіяхъ Сквороды, гдѣ Богъ и міръ отождествляются и самъ Богъ называется *натурою*, что дало поводъ нѣкоторымъ причислить Сквороду къ разряду философовъ-пантеистовъ.

Здѣсь мы по необходимости должны войти въ разсмотрѣніе того, какъ Скворода представилъ отношеніе Бога къ міру.

Причина явленія міра есть *воля* Божія, по ученію Сквороды. Но непосредственнымъ виновникомъ происхожденія міра было Божественное Слово, какъ говоритъ о Немъ Евангелистъ: „вся Тѣмъ быша и безъ

Него ничтоже бысть, еже бысть“. Слово и разумъ тождественны; а разумъ немислимъ безъ идей. Этотъ міръ представляетъ собою отобразы, тѣни идей Божественнаго Разума. „Тѣнь, говоритъ Сковорода, переходитъ и непостоянствуетъ: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ, то уклоняется; и многія тысячи тѣней бываютъ отъ одного и того же предмета“. Таковы всѣ твари этого міра. Но идеи неизмѣнны и вѣчны, каковы и самъ Божественный Разумъ. Такъ какъ идеи вѣчны, то нельзя говорить, что міръ когда-либо кончится. „Поколь яблонь, потоль и тѣнь ея“, говоритъ Сковорода. „Древо вѣчности всегда зеленѣеть. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна“. „Если, говоритъ Сковорода, мнѣ скажутъ, что внѣшній міръ сей въ какихъ-то мѣстахъ и временахъ кончится, имѣи положенный себѣ предѣлъ, и я скажу: кончится, сирѣчь начинается. Видишь, что одного мѣста граница есть она же и дверь, открывающая поле новыхъ пространностей. И тогда-жъ начинается циплѣнокъ, когда портится яйцо. И такъ все идетъ въ безконечность. Вся наполняющее начало и міръ сей, находясь тѣнью его, границъ не имѣеть. Онъ всегда и вездѣ при своемъ началѣ, какъ тѣнь при яблонѣ. Въ томъ только рознь, что древо жизни стоитъ и пребываетъ, а тѣнь умалается, то переходитъ, то родится, то исчезаетъ и есть ничто“. И такъ, изъ ученія о вѣчности Божественнаго Разума и его идей Сковорода вывелъ ученіе о *вѣчности* міра. Изъ того же ученія о Божественномъ Разумѣ, его идеяхъ и ихъ отобразяхъ или тѣняхъ онъ вывелъ другое ученіе о *дуализмѣ* или двойственности въ мірѣ. „Въ семъ цѣломъ мірѣ — два міра, говоритъ онъ, единъ міръ составляющіе: міръ видный и невидный, живой и мертвый, цѣлый и сокрушаемый. Сей вещество, а тотъ *ипостась*, сирѣчь: основаніе, содержащее вещественную грязь, такъ, какъ рисунокъ содержитъ свою краску. И такъ, міръ въ мірѣ есть то вѣчность въ тлѣни“. Сковорода написалъ отдѣльное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Бесѣда, нареченная *Двое*“, гдѣ говоритъ, что всюду нужно различать двое: міръ и міръ, тѣло и тѣло, человекъ и человекъ (т. е. идею и ея отобразъ или тѣнь), двое въ одномъ и одно въ двоихъ нераздѣльно и неслитно же, будто яблонь и тѣнь“. И такъ, по вышеизложенному ученію, идеи Божественнаго Разума непосредственно присущи этому міру, а внѣшній, видимый міръ есть отобразъ ихъ.

Этимъ отношеніе Бога къ міру, по ученію нашего философа, неограничивается. Еще ближе къ намъ и къ природѣ находится Божественный Духъ. „Божественный Духъ, говоритъ Сковорода, животворяетъ природу“. „Онъ весь міръ, какъ машинистова хитрость часовую на башнѣ машину въ движеніи содержитъ, и Самъ бытіемъ есть всл-

кому созданію. Самъ одушевляетъ, кормитъ, распорядитъ, починаетъ, защищаетъ и по Своей же волѣ, которая всеобщимъ закономъ зовется, опять въ грубую матерію обращается“.

Ученіе о присутствіи и дѣйствии Божественнаго Духа въ природѣ наиболѣе развито нашимъ досточтимымъ философамъ. Онъ съ особенною любовію останавливается на тѣхъ явленіяхъ природы, въ которыхъ по его взгляду обнаруживается и проявляется дѣйствіе Божественнаго Духа. Это — явленія, въ которыхъ обнаруживается необыкновенное и необъяснимое дѣйствіе силъ въ тѣлахъ, которыя сами по себѣ ничтожны. „Взглянь, говоритъ онъ, на маленькую компасную коробочку и на малую часть корабля — на его руль; онъ правитъ теченіе, а тая указываетъ путь. Маленькая искра раззоритъ городскія стѣны. Изъ крошечнаго зерна выходитъ толстая яблоня. Легонькій воздушный шумъ есть испущенное изъ устъ слово, но оно часто или смертно уязвляетъ или въ куражъ приводитъ и оживляетъ душу. Малая птица — пѣтухъ пугаетъ льва, а мышь — слона. Невидная пружина въ составѣ движетъ всю часовую машину. Неосызаемая въ циркулѣ точка источникомъ есть всѣхъ фигуръ и машинъ. Десятифунтовая машина ворочаетъ стопудную тяжесть. Соломенный крутень разбиваетъ кремьнь“ и т. д. „Все сіе по плоти ничтоже есть, говоритъ Сковорода; но по сокровенному естеству сильное. Духъ животворитъ“. Особенно животный міръ былъ излюбленнымъ предметомъ наблюденія и изученія Сковороды. Здѣсь факты прирожденныхъ наклонностей и непреодолимыхъ природныхъ влеченій къ извѣстнымъ дѣйствіямъ невольно останавливали его вниманіе. Это — извѣстныя инстинктивныя влеченія, въ силу которыхъ животныя, не щадя иногда своей собственной жизни, стремятся къ совершенію извѣстныхъ дѣйствій. „Песъ, говоритъ Сковорода, бережетъ стадо день и ночь по вражденной любви и терзаетъ волка по врожденной наклонности, не смотря на то, что самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ“. „Съ какимъ веселіемъ гонитъ зайца борзая собака. Какой восторгъ, какъ только данъ сигналъ къ ловлѣ. Сколько улаждается трудомъ пчела въ собираніи меда. За медъ ее умерщвляютъ; но она трудиться не перестаетъ, поколь жива“. Такихъ фактовъ не перечсть въ животномъ мірѣ. Міръ, разсматриваемый въ этихъ фактахъ, не есть только міръ отобразовъ идей; онъ полонъ жизни неопреборимыхъ силъ и влеченій. „Это — Божіе побужденіе, говоритъ Сковорода, всю тварь къ своему мѣсту своимъ путемъ движущее“. Здѣсь вспоминается Сковородѣ древнѣйшихъ мудрецовъ реченіе: „любовь составляетъ міръ; все побѣждаетъ любовь“, а также изреченіе Евангельское, Наперсниково слово: „Богъ любви есть“. Любовь есть міровая сила, дви-

жущая всею міровою жизнію, проявляя себя въ различныхъ тваряхъ непреоборимыми влеченіями и врожденными наклонностями; это—Самъ Богъ, дѣйствующій въ мірѣ чрезъ Духа Своего Святаго. „Богъ любви есть“.

Послѣ всего сказаннаго понятво, почему Скворода имѣлъ *оптимистическій* взглядъ на природу, на который указано нами раньше.

Тѣже дары Божественнаго Духа въ изобиліи сообщаются и людямъ и также проявляются въ природныхъ наклонностяхъ и стремленіяхъ, которыя отличаются иногда также непреодолимостію; не даромъ существуетъ пословица: „охота пуще неволи“. Но людямъ дарована Богомъ *свободная воля*; а это измѣняетъ положеніе дѣла. Животныя дѣйствуютъ непосредственно по наклонностямъ и влеченіямъ своей природы; человекъ же, имѣя свободную волю, можетъ не слѣдовать своимъ природнымъ наклонностямъ, и, дѣйствительно, далеко не всегда имъ слѣдуетъ. Отсюда, по убѣжденію Сквороды, происходитъ вредъ какъ для общества, такъ и для самаго того, который въ жизни и дѣйствіяхъ не слѣдуетъ указаніямъ своей природы. Дары Божественнаго Духа, проявляющіяся въ добрыхъ природныхъ наклонностяхъ людей, соотвѣтствуютъ различнымъ нуждамъ и потребностямъ общества. Всякое дѣло дѣлается успѣшно и съ пользою для себя и другихъ тогда, когда оно дѣлается по природной наклонности и природному расположенію; напротивъ, нельзя ожидать успѣшнаго и полезнаго дѣла отъ того, который берется за него не по расположенію и наклонности. Въ послѣднемъ случаѣ страдаетъ общество, если это дѣло общественное. „Какъ не вредить обществу, говоритъ Скворода, если нѣтъ прямого раченія и неутомимаго труда? Откуда уродится трудъ, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ-жъ возьметъ охоту безъ природы? Природа есть всему первоначальная причина и самодвижущая пружина. Она есть мать охоты“. Особенно вредятъ обществу тѣ, которые занимаютъ должности, не соотвѣтствующія ихъ природнымъ наклонностямъ. Обыкновенно поступаютъ такъ вслѣдствіе того, что увлекаются „славолюбіемъ и сластолюбіемъ“, говоритъ Скворода, а также модою и совѣтами другихъ, не зная и—что нерѣдко бываетъ—не пытаясь узнать себя и свою природу и не разсуждая о вредѣ для общества, имѣющемъ наслѣдовать отсюда. „Еще не бѣда, если пляшетъ медвѣдь; это только смѣшно, а смѣшно затѣмъ, что несродно и неприлично; но можетъ случиться, говоритъ Г. С., что „волкъ сдѣлается пастухомъ, медвѣдь—монахомъ, а лошакъ—совѣтникомъ. Сіе уже—не шутка, а бѣда“. Вотъ гдѣ источникъ нравственнаго и общественнаго зла. Но сама природа мститъ за нарушеніе ея законовъ и требованій. Эти нарушители законовъ и требованій природы навсегда лишаются того душевнаго мира и спокойствія, которые со-

ставляютъ высшее благо человѣка; вмѣсто душевнаго мира наполняютъ ихъ душу скука, тоска, недовольство, грусть и т. д. Въ этой ненормальной жизни Г. С. видитъ серьезную причину развитія *пессимизма* среди людей. „Душа (такихъ людей) ничѣмъ недовольна, говоритъ онъ. Мерзить и состояніемъ и селеніемъ, гдѣ находится.... Хулить народъ свой и своей страны обычай. Порочить натуру, ропщеть на Бога и сама на себя гнѣвается. То одно сладкое, что невозможное, вожделенное, что минувшее, завидное, что отдаленное. Тамъ только хорошо, гдѣ ея, и тогда, когда ея нѣтъ“. Не смотрите на жизнь такихъ людей и не судите по наружности. „Они пьютъ, ѣдятъ, поютъ и проч.; но въ сей праздности несносную и ббольшую терпятъ скуку, нежели работающіе безъ ослабы“. Только трудъ постоянный и непрерывный, трудъ „безъ ослабы“, трудъ по природной наклонности и расположенію есть пріятный и полезный, доставляющій человѣку душевный миръ и спокойствіе, соединенныя съ довольствомъ и благодушіемъ. Самое трудное дѣло не кажется труднымъ, если оно дѣлается по природной наклонности и расположенію. „Благодареніе Богу за то, что Онъ нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное ненужнымъ“.

Когда самому Г. С. предстояло выбрать образъ жизни и общественную дѣятельность, то онъ неразумъ рѣшилъ этотъ вопросъ. Если судить объ этомъ на основаніи сна, видѣннаго Скородою и записаннаго Ковалѣвскимъ, то можно предполагать, что первоначально онъ останавливался на священническомъ санѣ. Но онъ видѣлъ, что и „тутъ осквернено человѣческими пороками“. „Сребролюбіе съ кошелькомъ таскается, и самаго священника не минуя“. О монашествѣ и говорить нечего. Не смотря на то, что онъ чувствовалъ склонность къ уединенію, онъ видѣлъ, что современное ему монашество далеко не соотвѣтствовало его идеалу монашеской жизни. На всѣ предложенія и усиленныя просьбы, обращенныя къ нему, чтобы онъ поступилъ въ монашество, онъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ. Его тянуло къ знанію, умозрѣвію, изысканію истины, почему онъ стремился къ уединенію, чтобы безпрепятственно отдаться чтенію и размышленію. Но и на этомъ онъ не могъ окончательно остановиться. Та же философія, которая такъ сильно его привлекала, призывала его къ общественному труду и дѣятельности. Она указывала ему на необходимость практической дѣятельности въ обществѣ согласно дарованнымъ ему природнымъ наклонностямъ. Какъ членъ общества, Г. С. не считалъ себя въ правѣ исключительно отдаться умозрѣнію и философіи въ уединеніи среди природы. И вотъ мы видимъ его учителемъ. Былъ онъ и домашнимъ учителемъ; раза два принималъ онъ обязанности и школьнаго учителя; но природа

влекла его на болѣе широкое поприще учительской дѣятельности. Проникшись дѣятельностію знаменитаго древняго философа—Сократа, а также дѣятельностію христіанскихъ апостоловъ, въ особенности дѣятельностію Ап. Павла, онъ безповоротно рѣшилъ, что онъ, согласно внушеніямъ своей природы, долженъ послужить своей родинѣ своею *просвѣтительною* дѣятельностію. Послѣ этого мы видимъ, что онъ нерѣдко оставляетъ уединеніе и переходитъ съ мѣста на мѣсто для просвѣтительной дѣятельности. Онъ останавливается и живетъ по нѣскольку времени даже въ такихъ мѣстахъ, которые не были ему симпатичны. „Иногда, говоритъ Ковалѣвскій, онъ жилъ у кого либо, совершенно не любя ихъ пороковъ, дабы чрезъ продолженіе времени обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель“. Въ самомъ уединеніи онъ не отдавался исключительно умозрѣнію, а преслѣдовалъ ту же цѣль служенія обществу. Здѣсь онъ письменно излагалъ и развивалъ тѣ мысли, о которыхъ бесѣдовалъ устно. Результатомъ этого и явились тѣ сочиненія его, которые онъ пускалъ въ обращеніе между своими друзьями. Главными предметами его устныхъ бесѣдъ и сочиненій были: *религія* и *красивенность*. Въ области религіи дѣятельность его направлена была съ одной стороны на борьбу съ суевѣріемъ, а съ другой—съ атеизмомъ или безбожіемъ. Человѣка безъ вѣры онъ сравнивалъ съ ядовитымъ животнымъ въ природѣ весьма вреднымъ въ обществѣ. Вся философія Сковороды была ученіемъ о бытіи Бога и тѣсномъ единеніи Его съ міромъ. „Изъ суевѣрій, писалъ онъ, родились-вздоры, споры, секты, вражды междуусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и т. д. Нѣтъ желчиѣ и жестоковѣрнѣ суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣ, какъ бѣшенность, рожденная слѣпымъ, но ревностнымъ глухаго повѣрія жаромъ тогда, когда сія ехидна, предпочитая вѣрныя и недостаточныя враки подъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человеколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносить Богу“. И въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, какъ суевѣріе: листіе лицемѣрамъ, маска мошенникамъ, стѣнь тунелддамъ, стрекало и поджога дѣтоумнымъ. Оно разъярило премилосердную утробу Тита, загладило Іерусалимъ, раззорило Царь-градъ и обезобразило братнею кровію Парижскія улицы, сына на отца вооружило.... Суевѣрь скорбитъ, если кто на полдень, а не на востокъ съ нимъ молится. Иной сердитъ, что погружаютъ, другой бѣсится, что обливаютъ крещаемого.... Но кто сочтетъ всю суевѣрныхъ головъ паучину. Будто Богъ—варваръ, чтобы за мелочь враждовать“. Такимъ образомъ, Сковорода

старался очистить, поднять и расширить религиозное мировоззрѣніе своихъ соотечественниковъ, внести и распространить миръ и любовь въ общество, раздираемое религиозными спорами вслѣдствіе невѣжества и фанатизма, поддерживаемаго страстями. Тоже самое и въ области нравственной; съ одной стороны Сковорода порицалъ *утилитарное* направление умовъ, развившееся въ XVIII вѣкѣ подъ влияніемъ естественно-научныхъ открытій, которое заглушало всѣ высшіе нравственные запросы челоуѣческаго духа и нравственные идеалы; съ другой стороны, ратовалъ противъ узкаго пониманія христіанской морали, ограничивающейся нерѣдко выполненіемъ лишь церковной обрядности. Особенно лицемѣры подверглись его строгому обличенію. „Они, пишетъ онъ, мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ, непрестанно въ псалтирь барабанятъ, строятъ кирки и снабдѣвають... По лицу свиты, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе: сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивы, ласкатели, сводники, немилосердны, радующіеся зломъ сосѣдскимъ, полагающіе въ прибылехъ благочестіе, цѣлующіе всякій день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіе... О смердящіе гробы! Нѣтъ сего злѣе во всемъ мірѣ. Опустошеніе церквамъ, церкви колебаніе, избранныхъ Божіихъ прельщеніе“. Въ противоположность этому онъ указывалъ на истинную святость древнихъ христіанскихъ подвижниковъ и говорилъ: „стяжи мужей оныхъ сердце. Вѣгай молвы, объеми уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ“ и т. д.; указывалъ на жизнь апостоловъ, на ихъ страданія и геройское сердце; наконецъ, указывалъ даже на язычниковъ и въ частности—на римлянъ, у которыхъ нерѣдко можно встрѣтить примѣры высокой нравственности. Указывая на послѣднихъ, т. е. язычниковъ, Сковорода желалъ уничтожить тотъ предрасудокъ, что у язычниковъ не могло быть истинной нравственности, и тѣмъ самымъ расширить кругозоръ своихъ соотечественниковъ и въ области нравственной, какъ это дѣлалъ онъ въ области религіи, являясь проповѣдникомъ общечелоуѣческаго нравственнаго идеала. Дѣятельность, направленную на улучшеніе нравовъ своихъ соотечественниковъ, Сковорода считалъ наиболѣе прямымъ своимъ долгомъ и даже призваніемъ свыше. „Обучатися и купно обучати братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ успокоеніе“. Въ какомъ смыслѣ онъ понималъ призваніе свыше, объяснено нами раньше: это природное дарованіе, природная наклонность, какъ божественный даръ. Въ одномъ писемѣ къ протопопу Залѣсскому онъ пишетъ: „согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ возгарается огонь, ибо что я говорю, я глаголю отъ

избытка сердца и не для того только, чтобы говорить. Я цѣлую жизнь промолчалъ бы, какъ Минерва моя (т. е. природная склонность) не велѣла бы мнѣ говорить и коль наболтала, отъ избытка сердца наболтала много; *amore recipiendum est, quod amore donatur*“.

Закончу рѣчь свою тѣмъ, чѣмъ началъ: Г. С. Сковорода былъ истиннымъ философомъ, точнѣе—философомъ въ классическомъ смыслѣ, философомъ, воплотившимъ въ себѣ единство мысли и жизни. Онъ, какъ философъ и наблюдатель природы, уразумѣлъ истинный смыслъ жизни; онъ понялъ, что безъ стремлений и дѣятельности вѣтъ жизни, безъ труда нѣтъ истинныхъ удовольствій,—будетъ ли то трудъ умственный человѣка или онъ будетъ состоять въ исполненіи имъ нравственнаго долга и обязанностей въ обществѣ, или просто трудъ физическій; душевный миръ и спокойствіе, соединенные съ довольствомъ и благодушіемъ, какъ высшее благо, достижимое человѣкомъ въ этой жизни, приобретаются не инымъ путемъ, какъ трудомъ непрерывнымъ „безъ ослабы“. Какъ истинный философъ, Г. С. жилъ согласно съ убѣжденіемъ; поэтому, жизнь его представляла собою непрерывный трудъ и подвигъ. Примѣръ намъ всѣмъ достойный—Григорій Савичъ Сковорода!

Петръ Даміани и церковно-общественныя преобразованія XI-го вѣка.

(Пробная лекція, прочитанная 10 ноября 1894 года).

А. Вязичинъ.

Въ противоположность античному міру, главнымъ средоточіемъ средневѣковой жизни является не государство, а церковь. Подъ ея могучимъ воздѣйствіемъ сложилась величавая средневѣковая культура, глубоко проникнутая религиозными вѣрованіями, выработалось міросозерцаніе, имѣвшее своей завѣтной цѣлью—построить общественныя и житейскія отношенія на своеобразно понимаемыхъ словахъ Спасителя. Весь христіанскій міръ представлялся тогда единымъ цѣлымъ, руководимымъ папой и императоромъ. Ихъ совмѣстная дѣятельность должна была водворить между людьми то, что современные памятники называютъ *civitas Dei in terra*, т. е. царство Бога на землѣ. Таковъ былъ идеаль, въ существенныхъ чертахъ сложившійся уже къ XI вѣку. Какова же была дѣйствительность?

На дѣлѣ, феодально-языческій міръ широкой волной вторгся въ самыя нѣдра церкви и это вторженіе вытекало, отчасти, изъ глубокаго противорѣчія, лежавшаго въ основѣ средневѣковаго міровоззрѣнія. Благодаря всеобщимъ заботамъ о спасеніи души, благодаря льготамъ, щедрымъ вкладамъ и дареніямъ, открывавшимъ для вѣрующихъ двери небесъ ¹⁾, церковь оказалась обладательницею крупной земельной собственности, этой основы феодально-общественныхъ отношеній. Епископы и аббаты получили права феодальныхъ князей. „Намѣстникъ Бога на землѣ“ — папа сдѣлался и свѣтскимъ владѣтелемъ. Мірскія богатства и власть привели духовенство къ мірскому образу жизни: съ имуществами на церковь и ея служителей переходили и обя-

¹⁾ „Da terram, tolle caelum“ Lib. VII № 14 p. 453. Op. 9 c. 6 p. 219.

„Записки Императ. Харьк. Унивѣр.“ IV вып., 1895 г.

занности, лежавшія тогда на поземельныхъ собственникахъ; свѣтскіе владыки сохраняли верховныя права на церковныя земли и удерживали за собой назначеніе епископовъ и аббатовъ; ихъ саны, связанные съ значительными средствами и вліяніемъ, служили сильнѣйшей приманкой для честолюбцевъ, желавшихъ обезпечить себя и близкихъ угожденіемъ сильнымъ міра. Все это усиливало приливъ людей, совершенно неподготовленныхъ, въ самое лоно церкви, куда они вносили вноднѣ чуждыя ей воззрѣнія и порядки. Всеобщее стремленіе къ наслѣдственности должностей и леновъ сказалось и въ церковной области ¹⁾: зачастую, отъ отца къ сыну переходилъ и санъ настоятеля и имущество той или другой церкви ²⁾; нѣкоторые изъ современниковъ утверждали даже, что благодать священства передается по наслѣдству и сынъ священнослужителя не нуждается въ новомъ посвященіи ³⁾. Подобная точка зрѣнія на таинство указывала уже на крайнее смѣшеніе понятій.

Да и по внѣшности и образу жизни закованный въ броню ⁴⁾, увѣшанный оружіемъ ⁵⁾ и драгоценностями ⁶⁾ епископъ и аббатъ походилъ на герцога и барона: подобно имъ онъ предавался попойкамъ, игрѣ, охотѣ, развлекался набѣгами на сосѣдей и мелкой войною; во время походовъ выступалъ во главѣ вооруженныхъ отрядовъ и нерѣдко обогрѣвалъ свои руки кровью ⁷⁾. Самъ папа Левъ IX-й ходилъ войною на нормановъ. Безконечныя тяжбы, праздность, пустословіе превращали священнослужителей въ „скомороховъ и пустомель“ ⁸⁾. Роскошь, развратъ ⁹⁾, невѣжество царили въ средѣ высшихъ церковнослужителей и только бритая борода, по выраженію современника ¹⁰⁾, отличала ихъ отъ мірянъ. Встрѣчались даже женатые епископы ¹¹⁾; забота о потом-

¹⁾ Watt. I, p. 85. Petri Damiani Liber IV, № 8 p. 110 R. P. R. № 4279.

²⁾ Leonis Casinensis Lib. II c. 76 p. 681 и Lib. II c. 29 p. 646. Bonithonis, Lib. VI p. 648 Migne T. 136 p. 924. N. A. p. 445.

³⁾ ср. Op. 26 c. 3 p. 502.

⁴⁾ Bertholdi Chronicon p. 301.

⁵⁾ Epistola Fulberti Carnotensis episcopi p. 130—131.

⁶⁾ Lamberti p. 170. Petri Damiani op. XXXI c. 6 p. 548—550

⁷⁾ Herimanni Contracti p. 132. Petri Damiani Op. XX. c. 2 p. 444. Annales Altahenses p. 810. Arnulfi. Lib. III c. 8 p. 18. Benzonis Lib. IV prol. p. 634. Lib. I № 15 p. 227—8. Lib. IV № 9 p. 314. Epistola Michaelis Cerul. ad Petrum patriarch. Antioch. p. 793. Migne T. 120.

⁸⁾ Petri Damiani Lib. I, № 15 p. 227.

⁹⁾ Bertholdi p. 302. Herimanni Contracti p. 129.

¹⁰⁾ Petri Damiani Epist. Lib. I № 15, p. 227. Ср. Op. 26 c. 1 p. 499.

¹¹⁾ Таковъ былъ Видо см. Bonithonis Lib. VI p. 639.—Ordericus Vitalis. Historia ecclesiastica Lib. I p. 372. Lanfranci ep. II ad Alexandrum II p. 301.—Ep. Col. № 16 p. 541—542.

ствѣ и семьѣ у нихъ стояла на первомъ планѣ. Одинъ изъ папъ (Бенедиктъ IX) задумалъ жениться ¹⁾, неслагая сана, быть можетъ съ дѣлью сдѣлать и папство наследственнымъ въ своей семьѣ, такъ какъ оно уже считалось собственностью его рода ²⁾.

Мало по малу высшія духовныя мѣста превратились въ заманчивую добычу для любителей хорошо воспользоваться благами жизни. Веселое и безпечальное житье, окруженное богатствомъ и почетомъ, привлекало многихъ искателей, и свѣтскіе и духовные владѣтели стали одѣлать церковными санами, и должностями, сообразуясь съ деньгами, предлагаемыми лицами, домогающимися получить священство, ради выгодъ, съ нимъ связанныхъ. Открылась небывалая торговля: епископы покупали у владѣтелей ³⁾ или у горожанъ ⁴⁾ свое епископство, священники свои церкви ⁵⁾; брали и за посвященіе и за позволеніе посвятить въ духовную должность. „Все сдѣлалось продажнымъ въ церкви, какъ рыночный товаръ, какъ выюнный скотъ“ ⁶⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устанавливается постоянная такса, отъ которой не могли отступить ищущіе ⁷⁾; въ другихъ споръ разрѣшался своего рода аукціономъ ⁸⁾, и папа Бенедиктъ IX продалъ какъ бы съ молотка свою тиару ⁹⁾, удержавъ за собой доходы съ Англіи ¹⁰⁾. Симонія перестала даже считаться запретной, и многіе удивлялись ¹¹⁾, когда имъ раскрывали ея тяжкую грѣховность. Трудно было найти между духовенствомъ не симониста, или не посвященнаго симонистомъ ¹²⁾; зло

¹⁾ Bonithonis Liber ad amicum Lib. V p. 626.

²⁾ Bonithonis Liber ad amicum Lib. V p. 626 „hereditario jure“.

³⁾ Donizonis Lib. I, c. 16 v. 1108 p. 378. Lib. II c. I. v. 162 сл. p. 383. Vita S. Benedicti c. 2 p. 198 c. 8 p. 202.

⁴⁾ Rod. gl. Lib. V c. 5. p. 71—72. Desiderius. Lib. III prol. Miracula S. Benedicti. Chron. Casin. Lib. II c. 77 p. 682. Annales Romani p. 468. Bonithonis Lib. V p. 629.

⁵⁾ Chronicon Vult. p. 514.—Petri Damiani Lib. VII № 2 p. 241.

⁶⁾ Rodolphi glabri. Hist. Lib. V c. 5 p. 71—72. Cp. Hugonis chronicon. Lib. II c. 30 p. 403. Lib. II c. 6 p. 655. Donizonis Lib. I c. 16 p. 373. Vita Anselmi c. 13 p. 17. Miracul. s. Benedicti. prol. Widonis Ferrariensis Lib. I c. 2 p. 155. Anselmi Lucensis p. 449; 454. Brunonis segniensis 347. Damiani Lib. IV № 9 p. 314 Lib. gr. c. 36 p. 137 op. VI c. 27 p. 125 c. 35 p. 136 Arnulfi Lib. III c. 14 p. 21. Vita s. Romualdi c. 35 p. 461.

⁷⁾ Petri Damiani. Op. V. p. 95 cp. Damiani op. VI c. 29 p. 628. Ep. Lib. IV № 8 p. 110. Catalogus p. 93. Bennonis Lib. II p. 12.

⁸⁾ Lamberti, p. 183—186; Bertholdi, p. 275; Mariani Scotti, p. 560.—Annales Altahenses, p. 822—23.

⁹⁾ Bonithonis Liber ad Amicum. Lib. V. p. 626.

¹⁰⁾ Otton. Freis. Chronicon. Lib. VI c. 32 p. 244.

¹¹⁾ Vita s. Romualdi c. 35. p. 460. Op. VI c. 27 p. 140.

¹²⁾ Bruno Segniensis, p. 347. Miracula S. Benedicti Lib. III prol.—Petri Damiani Ep. Lib. I № 2 p. 206. Liber gratissimus c. 35 p. 150.

проявлялось повсемѣстно ¹⁾ на западѣ и „римскій престолъ, нѣкогда слава міра, превратился въ мастерскую Симона“ ²⁾).

Разложеніе коснулось и монашества: страна была наводнена бродячими монахами, предавшимися пьянству, обжорству и распутству всякаго рода ³⁾. Въ самыхъ обителяхъ или царило запустѣніе, или чередовались кутежи съ попойками. Упадокъ дошелъ до того, что, наприѣѣръ ⁴⁾, монахи знаменитой Фарфы съ аббатомъ во главѣ переженились, раздарили богатыя ея имѣнія своимъ родственникамъ и потомству, перессорились другъ съ другомъ и сосѣдями, что вызвало рядъ мелкихъ войнъ, гдѣ иноки сражались съ мірянами и погубили бывшее могущество своей древней обители. Такое расхищеніе церковной собственности сдѣлалось обычнымъ явленіемъ, и богатые монастыри превратились въ яблоко раздора между духовными и свѣтскими владѣтелями: аббатамъ приходилось вооруженной рукой отстаивать свое достоиніе и отъ епископовъ, и отъ князей ⁵⁾. Право частной войны открывало широкій просторъ самоуправствамъ и насиліямъ; слабому негдѣ было искать защиты при отсутствіи прочной правительственной связи. Представители религіи мира и прощенія въ погонѣ за земными благами забыли объ труждающихся и обремененныхъ и нерѣдко огнемъ и желѣзомъ заглушали справедливые вопли и попытки паствы сбросить тяжелое иго, наложенное пастырями, князьями и владыками ⁶⁾. Даже лучшіе епископы принуждены были среди всеобщей небезопасности съ оружіемъ въ рукахъ бороться съ хищниками ⁷⁾.

Такой упадокъ уровня духовенства, единственной просвѣтительной силы времени, породилъ во многихъ странахъ запада почти повальное невѣжество ⁸⁾, крайнюю грубость нравовъ ⁹⁾, содѣйствовалъ проявленію

¹⁾ Vita s. Abbonis c. 8 и 11 Fulberti epistola 21 и 25 Gerardi episcopi Carnotensis epistola ad Azelinum = gesta episcoporum Cameracensium Lib. III c. 29, p. 477.

²⁾ Petri Damiani Lib. IV № 9 p. 313.

³⁾ Petri Damiani Op. XII c. 9 p. 260 c. 10 p. 261 c. 11 p. 262 сл. c. 24 p. 277. Op. 19 c. 8 p. 437.

⁴⁾ Historiae Farfenses. Hugonis opuscula c. 6 p. 535.

⁵⁾ R. II № 38 p. 148 R. II № 69, p. 190. R. II № 6, p. 118. Petri Damiani. Op. XXI c. 1 p. 457. Lamberti p. 163—164. Vita Benedicti c. 2 p. 198 c. 3 p. 198. Leonis Casinensis Lib. II c. 91 p. 691.

⁶⁾ Lamberti Annales p. 214—215 Chronicon S. Andreae Lib. III c. 2 p. 540.

⁷⁾ Anselmi gesta episcoporum Leodiensium c. 55 p. 222—223. Chronicon S. Andreae Lib. II c. 37 p. 539. Gesta episcoporum Cameracensium Lib. III c. 27 p. 474.

⁸⁾ Wipponis Tetralogus v. 199—200 p. 251. Gozechini epistola ad Walcherum p. 437.

⁹⁾ Petri Damiani Lib. II № 1 p. 255. Lib. I № 15 p. 227. Op. VII c. 6 p. 154 c. 8 p. 156 c. 9 p. 157. c. 13 p. 160 c. 14 p. 161—162 c. 15 p. 162—163. Bonithonis Decretale II, 29 (3, 15).

часто языческихъ представлений ¹⁾, повлекъ за собой явное невѣріе ²⁾. Даже на вавскомъ престолѣ попадаются личности, глумящіяся надъ таинствами; убійства, придорожные разбои и грабежи богомольцевъ, кощунство, неслыханная распущенность вотъ качества многихъ изъ тѣхъ, кто по понятіямъ времени былъ намѣстникомъ божіимъ. Особенно прославился на этомъ поприщѣ Бенедиктъ IX ³⁾.

Но такое ужасное разложеніе не обозначало собой совершеннаго исчезновенія средневѣковаго идеала. Онъ продолжалъ жить въ сердцѣ всякаго чуткаго и вдумчиваго человѣка. Всеобщая распущенность порождала даже новыхъ, неустанныхъ борцовъ, толкала ихъ на поиски лучшаго будущаго. Чѣмъ властиѣ царило въ мірѣ злу, тѣмъ пламеннѣе ощущалась потребность въ замѣнѣ произвола и насилія царствомъ вѣчной правды, тѣмъ больше сторонниковъ находило стремленіе поднять естественный ея источникъ — церковь, на высоту, подобающую ея назначенію. Преобладаніе грубыхъ, животныхъ вождельній и житейскихъ стремленій вызвало, какъ противовѣсь, какъ естественную противоположность — аскетизмъ.

Повсюду теперь замѣчается бѣгство изъ міра, уклоненіе отъ его соблазновъ; одна за другой вырастаютъ новыя обители ⁴⁾, расадники строгаго аскетическаго духа. Въ ихъ стѣнахъ крѣпнеть возрѣніе, объявившее во всеуслышаніе, что церковники слуги только церкви, а не свѣтскихъ владыкъ; весь міръ — ея достояніе; папа верховный повелитель и судья вселенной. Естественно, что поборники такого рѣзко противорѣчащаго дѣйствительности возрѣнія объявляютъ беспощадную войну современнымъ церковнымъ нестроеніямъ, направляя главные удары на симонію, брачную жизнь духовенства и противорѣчащее канонамъ замѣщеніе духовныхъ сановъ, появившее въ руки мірянъ. Къ искорененію этихъ золь они идутъ съ мечемъ въ рукѣ и анаемой.

Раздробленный и разрозненный, вѣчно враждующій феодаальный міръ не могъ противопоставить многочисленной и сильной рати. Его лучшіе представители въ свою очередь не могли забыть въ себѣ сыновъ

¹⁾ *Othloni. Dialogus de tribus quaestionibus* p. 10 и 62. *Liutprandi Antapodosis* Lib. IV c. 14 p. 319. *Rodulfi glabri* Lib. II c. 12 p. 644 Lib. IV c. 2 p. 672.

²⁾ *Rodulfi glabri* Lib. IV c. 2 p. 672 *Lamberti* p. 156. *Gesta episcoporum Cameracensium* Lib. III c. 22 p. 472, Lib. II c. 45 p. 658. *Rodulfi glabri* Lib. III c. 8, p. 660. *Petri Damiani. Op.* 34 c. 4 p. 577.

³⁾ *Bonithonis* Lib. V p. 625—626. *Herimanni* p. 121 p. 125. *Bernoldi Chronicon* p. 399, 425. *Annales Romani* p. 468, 469 *Mariani scotti* p. 557.

⁴⁾ *Rodulfi glabri* Lib. III, c. 5, p. 654—655. *Vita Meinwerci episcopi Pathebrunnensis* c. 28 p. 118. *Arnulfi* Lib. I c. 16 p. 10. *Vita Annonis* p. 476, *Lamberti* p. 238—9. *Ibid.* p. 188—189.

церкви: императоры, по сану защитники ея, поддерживаютъ преобразовательныя стремленія, подчиняются вліянію обновительныхъ упованій; множество неудовлетворенныхъ житейской суетою мелкихъ владѣльцевъ стараются покровительствомъ новымъ вѣяніямъ искупить старыя грѣхи и заполнить ясно сознаваемую пустоту существованія. Каждый день, можно сказать, ставилъ въ ряды преобразовательной партіи новыхъ ярыхъ и преданныхъ борцовъ.

Но усиленіе аскетизма сказалось и на перенесеніи на западъ восточнаго отшельничества съ его созерцательной жизнью и суровыми идеалами, вызвала въ жизнь иное все еще мало изученное теченіе: въ современномъ XI вѣку обществѣ распространились чисто монашескіе взгляды на многія жизненныя явленія; появились мечтательныя попытки вычеркнуть войну и насиліе изъ земныхъ отношеній ¹⁾; крайніе ревнители считали грѣховнымъ дѣломъ убивать даже животныхъ и употреблять ихъ мясо въ пищу ²⁾; ничто не могло заставить ихъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Такъ, въ 1052 году эти безвредные мечтатели были привлечены къ суду по обвиненію въ манихействѣ. Самое тщательное разслѣдованіе ихъ религіозныхъ представленій и образа жизни не дало ни малѣйшаго повода къ осужденію ³⁾. Тогда одинъ изъ епископовъ предложилъ обвиненнымъ зарѣзать пѣтуха и тѣмъ очиститься отъ всякихъ подозрѣній. Подъ угрозой смерти они отказались исполнить противное ихъ убѣжденіямъ требованіе и всѣ погибли на висѣлицѣ, чтобъ „еретическая нечисть не расплзлась еще шире и не вѣлась въ души многихъ“ ⁴⁾. Не только употребленіе въ пищу животныхъ смущало благочестивыя сердца: имъ казались предосудительными супружескія отношенія ⁵⁾; они даже отъ супруговъ требовали безусловнаго воздержанія и многіе высокопоставленные лица этого времени жили съ женами, какъ братья съ сестрами ⁶⁾. Этого мало, судъ и присяга кажутся этимъ преобразователямъ несовмѣстимыми съ нравственными требованіями христіанства ⁷⁾. Появляются люди, требующіе настоятельно

¹⁾ Herimanni Contracti, p. 132. Bonithonis Lib. IX p. 685. Rod. glabri Lib. IV c. 5 p. 678—9.

²⁾ Landulfi Lib. II c. 27 p. 65. Rodulfi glabri. L. III c. 8 p. 659—60 и L. IV c. 2 p. 672—3.

³⁾ Gesta episcoporum Leodiensium, c. 62—64 p. 226—8.

⁴⁾ Herimanni Chronicon ad an. 1052 p. 130.

⁵⁾ Ademari Historiarum Lib. III c. 49, p. 138.

⁶⁾ Генрихъ II, Эдуардъ Исповѣдникъ, Конрадъ, сынъ Генриха IV, Готфридъ Бородатый, Готфридъ Горбатый, Вельфъ и т. д. см. Ekkehardi p. 211. P. Damiani Ep. Lib. VII, № 14, p. 452, Dietmari Lib. IV, c. 41. Op. X, c. 8, p. 229.

⁷⁾ Cp. Petri Damiani Lib. VIII, № 2 p. 464 и № 10, p. 462. Op. 57 p. 819—830.

немедленнаго возврата къ золотому вѣку Апостоловъ, къ восстановленію отношеній, по ихъ убѣжденію, существовавшихъ въ первоначальной, сохранявшей первобытную чистоту церкви ¹⁾. Находится и неустанный, довольно послѣдовательный борецъ за этотъ возвратъ—Петръ Даміани, выдающийся ученый и поэтъ, суровый отшельникъ и вліятельный общественный дѣятель.

Уроженецъ Равенны, оборванный, голодный, вѣчно избитый свинюшасъ въ раннемъ дѣтствѣ ²⁾, Даміани, благодаря поддержкѣ своего старшаго брата ³⁾, получилъ блестящее образованіе въ частныхъ школахъ Равенны ⁴⁾, Фаэнды ⁵⁾ и „славной своими учеными“ Пармѣ ⁶⁾. Здѣсь онъ ознакомился съ твореніями почти всѣхъ писателей азмческаго Рима ⁷⁾, приобрѣлъ значительныя и разнообразныя свѣдѣнія по исторіи ⁸⁾, философіи ⁹⁾, римскому праву ¹⁰⁾ и естествознанію ¹¹⁾, въ совершенствѣ овладѣлъ латинскимъ языкомъ, отчасти познакомился съ греческимъ ¹²⁾ и еврейскимъ ¹³⁾, но больше всего изощрился въ различныхъ діалектическихъ хитросилетеніяхъ, до тонкости изучилъ риторическіе приемы и усвоилъ чисто схоластическій способъ опроверженія и защиты, положившій своеобразный отпечатокъ на всѣ его сочиненія ¹⁴⁾.

Во всеоружіи этихъ разностороннихъ знаній и навыковъ молодой Даміани въ свою очередь выступилъ преподавателемъ ¹⁵⁾ мірскихъ наукъ,

¹⁾ *Petri Damiani*. Lib. I № 5, p. 210, Lamberti p. 252. Pauli Beriedensis c. 90, p. 527—529. Bernoldi p. 433.

²⁾ *Vita Damiani* c. 1. p. 116.

³⁾ *Vita Damiani* c. 2 p. 117.

⁴⁾ *Vita Damiani* c. 2 p. 117.

⁵⁾ Lib. VI № 30—Op. 51 c. 13 p. 762.

⁶⁾ Op. 42 c. 7 p. 672. Op. 36 c. 14 p. 616.

⁷⁾ Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка, стр. 9, нр. 1—2, гдѣ приведена литература о Даміани. Ср. также Lib. I, № 12, p. 215, op. 30, c. 4, p. 529. Цецеронъ, op. 18, c. 1, p. 388. Саллюстій, Геродотъ, op. 40, c. 4, p. 654. Lib. VII, № 19, p. 460.

⁸⁾ Op. 36 c. 12 p. 614. Op. 56 c. 7 и 8, p. 816—818. Op. IV p. 69—70. Lib. I, № 24, p. 249—252 op. 56 c. 7, p. 816 и c. 8 p. 817.

⁹⁾ Serm. 11, p. 562, op. 36, c. 11, p. 612, op. 30, c. 4, p. 529, op. 41, c. 1, p. 660, op. 11, c. 1, p. 232, op. 13, c. 19, p. 317. Lib. I. № 12.

¹⁰⁾ Op. 8 p. 191 и Op. 42 dis 2, p. 674.

¹¹⁾ Op. 52. De bono religiosi status et variorum animantium tropologia p. 763—791. Ср. Op. 36 c. 11 p. 612—614.

¹²⁾ Op. XI c. 10 p. 289. Op. 24 p. 481, c. 2, p. 483. Op. 37, d. 8 p. 627. Op. 52, c. 19 p. 779.

¹³⁾ Op. 32 c. 5 p. 551.—Lib. V, № 13 p. 364.

¹⁴⁾ Ep. VI, № 23, p. 213. Op. 16, c. 2, p. 364. Op. 16, c. 8, p. 371. Ср. Lib. I, № 8, p. 70. Op. 47, praef. p. 711. Lib. II, № 1, p. 253—259.

¹⁵⁾ *Vita Damiani* c. 2, p. 117.

имѣлъ множество учениковъ ¹⁾, въ короткое время приобрѣлъ громкую извѣстность и значительное богатство ²⁾. Но съ дѣтства въ Петрѣ жило глубокое религиозное чувство ³⁾; онъ ощущалъ страстную потребность въ мистическомъ общеніи съ невидимымъ міромъ, въ раскрытіи цѣли и смысла жизни. Современная ему наука, смѣсь суевѣрій и реторической болтовни съ крупинками и зародышами точныхъ знаній, не могла, конечно, ни разсѣять недоумѣній его пытливаго ума, ни удовлетворить запросамъ его пламенной души. Это заставило его обратить свои поиски въ другую сторону: онъ обратился „отъ источника цистероновскаго краснорѣчія къ источнику божественной премудрости“ ⁴⁾, предпочелъ, по собственному выраженію, „вѣчное и неизмѣнное временному и преходящему“ ⁵⁾. Вслѣдствіе этого предпочтенія и подъ влияніемъ примѣра знаменитаго равеннскаго отшельника Ромуальда ⁶⁾, Даміани, не имѣя еще полныхъ 30 лѣтъ, вступилъ въ одинъ изъ самыхъ строгихъ свѣроитальянскихъ монастырей ⁷⁾. Началась трудная, упорная душевная борьба: воспоминаніе рисовало передъ молодымъ подвижникомъ соблазнительные образы мірскихъ утѣхъ и прелестей ⁸⁾ и только желѣзная настойчивость и чрезвычайныя самоистязанія ⁹⁾ доставили ему побѣду надъ стремленіемъ къ міру. Даміани весь отдался благочестивымъ упражненіямъ, посту, бичеванію, бдѣнію и неустанной молитвѣ. Но уже сложившаяся потребность въ научныхъ занятіяхъ, въ умственной дѣятельности заставила его удѣлять время изученію священнаго писанія, церковной исторіи и каноническихъ постановленій ¹⁰⁾.

Мало по малу, приобретенныя такимъ образомъ богатя и разнообразныя свѣдѣнія, слава краснорѣчиваго проповѣдника и суроваго отшельника стяжали Даміани общее уваженіе и подготовили, вмѣстѣ съ его выдающимися способностями, постепенное расширеніе круга его дѣя-

¹⁾ Vita Damiani c. 2, p. 117.

²⁾ Vita Damiani c. 2, p. 117.

³⁾ Vita Damiani cap. 2, p. 116—118.

⁴⁾ Op. XI praef. p. 232.

⁵⁾ Op. 58 c., 3 p. 883—884.

⁶⁾ Vita S. Romualdi. Петръ Даміани самъ составилъ это жизнеописаніе, насквозь проникнутое глубочайшимъ уваженіемъ и сочувствіемъ къ подвигамъ знаменитаго отшельника.

⁷⁾ Это былъ знаменитый впоследствии Фонъ Авеллана, гдѣ монахи по восточному образцу жили въ отдѣльныхъ келліяхъ, какъ отшельники. Vita Damiani c. 4, p. 119. Объ порядкахъ, здѣсь существовавшихъ, см. Op. 14, p. 327—336 и op. 15 p. 335—364.

⁸⁾ Op. 42 c. 7 p. 672—673.

⁹⁾ Vita Damiani c. 2 p. 118. Op. 40 c. 9 p. 653.

¹⁰⁾ Op. XIV p. 331. Vita Damiani c. 5 p. 123.

тельности. По порученію своего аббата молодой подвижникъ не разъ покидаетъ свою одинокую келлію, чтобъ своимъ примѣромъ и огненнымъ словомъ направить на путь исправленія сосѣдніе монастыри ¹⁾. Здѣсь Даміани пришлось столкнуться съ разными нестроеніями, различными условіями и людьми, что обогатило его опытность и развило умѣніе управлять другими, такъ что престарѣлый аббать его обители смѣло могъ еще при жизни возложить трудное бремя ²⁾ управления братіей на своего любимца ³⁾. Послѣ упорныхъ отказовъ, въ виду настойчивыхъ просьбъ всѣхъ монаховъ Даміани принялъ на себя эту задачу, но не ограничился тѣсными предѣлами своего монастыря: вокругъ него онъ строитъ множество новыхъ разсадниковъ аскетическаго духа, вводитъ въ уже существующіе болѣе строгіе уставы, сплываетъ монаховъ Сѣверной Италіи въ одно цѣлое, покорное безусловно его волѣ ⁴⁾. Всѣ эти заботы усилили въ Сѣверной Италіи мѣстное теченіе, вполнѣ независимое отъ преувеличеннаго изслѣдователями вліянія знаменитаго Клыуны и направленное къ искорененію церковно-общественныхъ нестроеній, неурядицъ и золъ. Естественно, что Даміани, какъ успѣшный продолжатель дѣла Св. Ромуальда, самою силою вещей былъ поставленъ во главѣ всѣхъ сторонниковъ улучшеній и преобразованій.

Хотя всѣ влеченія души Петра были направлены предпочтительно въ сторону тихой, созерцательной жизни въ уединеніи отшельничества онъ съ честью выступилъ на трудномъ поприщѣ обличителя общественныхъ язвъ. Первый шагъ здѣсь былъ сдѣланъ Даміани въ кратковременное управленіе Григорія VI, котораго онъ ободрялъ къ борьбѣ съ симоніей и *возстановленію золотого вѣка Апостоловъ*, раскрывая въ то же время передъ папой воиющіе недостатки епископа Пезаро ⁵⁾. Ожиданія и упованія Петра не сбылись: Григорій VI былъ лишенъ своего сана за симонію ⁶⁾, но преобразовательная дѣятельность и рвеніе Даміани обратили на него вниманіе императора Генриха III ⁷⁾, въ свою очередь, боровшагося съ современными нестроеніями. Вѣрный своему призванію „защитника церкви“, могущественный монархъ поручаетъ смиренному монаху содѣйствовать ⁸⁾ преобразовательнымъ начинаніямъ папы Кли-

¹⁾ Vita Damiani c. 6, p. 123—124. Op. 29 praef. p. 517.

²⁾ Op. 21 praef. p. 455—457. Carmina et Preces № 221 p. 972—974 de abbatum miseria rhithmus. Требованія Даміани къ аббату: Op. 13 c. 15 p. 313—314.

³⁾ Vita Damiani c. 7 p. 124.

⁴⁾ Vita Damiani c. 7 p. 125.

⁵⁾ Petri Damiani Lib. I № 1 p. 205—206.

⁶⁾ Bonithonis Lib. V p. 627—629. Petri Damiani. Op. 19 c. 11 p. 441.

⁷⁾ Petri Damiani Lib. I № 3 p. 207.

⁸⁾ Petri Damiani Lib. I № 3 p. 207.

мента II. Даміани, пользуясь своей близостью къ Генриху III, старался внушить ему состраданіе и снисхожденіе къ противникамъ ¹⁾ и поддерживать дѣло улучшенія церковно-служителей ²⁾. Быстрая смерть Климента ³⁾ и Дамаза ⁴⁾ не дали окрѣпнуть преобразовательнымъ стремленіямъ въ самомъ Римѣ и только съ избраніемъ Льва IX ⁵⁾ оно стало на торную дорогу. При новомъ папѣ Даміани продолжалъ обличать различныя безотрадныя явленія въ жизни духовенства Сѣверной Италіи, смѣло поднимая завѣсу съ самыхъ постыдныхъ и сокровенныхъ уклоненій, въ которыя оно погрязло ⁶⁾. Буря негодованія и клеветы обрушилась на обличителя, правдивость котораго старались уронить въ глазахъ Льва. Даміани оправдывался ⁷⁾ въ смѣлыхъ, даже рѣзкихъ выраженіяхъ, заявляя папѣ, что онъ „не ищетъ расположенія никого изъ смертныхъ, не страшится ничего гнѣва“ ⁸⁾. Независимый и открытый образъ мыслей и дѣйствій расположилъ Льва къ Петру ⁹⁾, влияніе котораго замѣчается очень сильно на соборныхъ постановленіяхъ ¹⁰⁾ этого времени и рѣшеніяхъ папы ¹¹⁾, въ особенности по поводу лицъ, посвященныхъ симонистами: умѣренное воззрѣніе, отстаиваемое Даміани въ особомъ сочиненіи ¹²⁾, нашло себѣ одобреніе въ мягкомъ и снисходительномъ сердцѣ Льва ¹³⁾.

Нелюбившій монаховъ ¹⁴⁾ Викторъ II, преемникъ Льва IX, вновь сѣзилъ поле дѣятельности Петра, который, однако, при случаѣ не переставалъ ходатайствовать передъ папой за слабыхъ и обижаемыхъ ¹⁵⁾. Но въ недалекомъ будущемъ въ судьбѣ Даміани произошла рѣшительная перемѣна: вступившій на римскую кафедру послѣ Виктора II, Сте-

¹⁾ Petri Damiani Lib. VII № 1 p. 485.

²⁾ Petri Damiani Lib. VII № 2 p. 486.

³⁾ Herimanni Contracti p. 127 Leonis ostiensis. Lib. II, c. 78 p. 683. Bonithonis Lib. V p. 631.

⁴⁾ Bonithonis Lib. V p. 631. Benzonis Lib. VII c. 2 p. 671.

⁵⁾ Brunonis Segniensis p. 347. Wiberti. Lib. II, c. 3 p. 152. Lib. II c. 79 p. 683. Bonithonis Lib. V p. 631—2.

⁶⁾ Op. VII p. 159—190. Liber Gomorhianus.

⁷⁾ Petri Damiani Lib. I № 4 p. 208—209.

⁸⁾ Petri Damiani Lib. I № 4 p. 209.

⁹⁾ Bonithonis Lib. V p. 634.

¹⁰⁾ Op. VI praef. p. 99. Op. 16 praef. p. 865.

¹¹⁾ Op. VI c. 35 p. 150. Leonis IX epistola Migne T. 145 p. 159—160.

¹²⁾ Op. VI p. 99—156. Liber, qui appellatur gratissimus. См. также Замѣтки по исторіи полемиической литературы XI вѣка стр. 10—15.

¹³⁾ Op. VI c. 35 p. 150.

¹⁴⁾ Leonis Ostiensis Lib. II c. 86 p. 686—87.

¹⁵⁾ Petri Damiani Lib. I № 5 p. 209—210.

фанъ IX ¹⁾, аббатъ Монте-Кассинскаго монастыря ²⁾, съ которымъ Даміани постоянно стоялъ въ тѣсной связи ³⁾, возвелъ ⁴⁾ Петра въ санъ кардинала епископа Остійскаго и тѣмъ самымъ сдѣлалъ его вторымъ лицомъ во всей католической церкви. Только страхъ передъ знаеюмой, которой грозилъ Стефанъ, руководимый знаменитымъ Гильдебрандомъ ⁵⁾, побудилъ ⁶⁾ Даміани покинуть излюбленное пустынножительство и подчиниться волѣ папы послѣ долгихъ и упорныхъ отказовъ ⁷⁾.

Новый епископъ приложилъ всѣ старанія, чтобы воплотить то идеальное представленіе, какое онъ имѣлъ объ обязанностяхъ пастыря ⁸⁾. Онъ постоянно проповѣдуетъ и поучаетъ ⁹⁾ съ цѣлью исправленія народныхъ нравовъ и проясненія его религіозныхъ представленій ¹⁰⁾; онъ вводитъ постъ въ пятницу ¹¹⁾, день мученической кончины Спасителя, и ревностно насаждаетъ почитаніе св. Дѣвы ¹²⁾, лишь съ того времени окрѣпшее на Западѣ; его перу принадлежитъ множество молитвъ и пѣснопѣвій, отчасти употребляемыхъ при богослуженіи ¹³⁾, о благолѣпнн котораго Даміани всегда усердно заботился, строго обличая напр. сидящихъ во время церковныхъ службъ ¹⁴⁾. Убогіе, больные тол-

---

¹⁾ Новѣйшіе изслѣдователи иногда называютъ его X, вопреки яскому свидѣтельству источниковъ: Leonis ostiensis Lib. I c. 59 ad. 2 p. 622; Bernoldi p. 427 Bertholdi p. 270 Gregorii Catinensis c. 25 p. 573. Annales Farfenses p. 589. Vita Damiani c. 14 p. 130—131.

²⁾ Leonis Ostiensis Lib. II c. 94 p. 693.

³⁾ Lib. II № 11 p. 275—278, № 12 p. 278—282, № 13 p. 282—287, № 14 p. 283, № 15 p. 287, № 16 p. 287, № 17 p. 287, № 18 p. 288, Lib. VI, № 1 p. 371.

⁴⁾ Vita Damiani c. 14 p. 130—131.

⁵⁾ Petri Damiani Lib. II № 8 p. 273.

⁶⁾ De Gallica professione c. 5 p. 868. Op. 19 praef. p. 423. Op. 20 c. 1 p. 443. Vita Damiani c. 14 p. 130—131. Leonis Casinensis Lib. II c. 99 p. 695. Petri Damiani Lib. II № 1 p. 251.

⁷⁾ De Gallica professione c. 5 p. 868. Vita Damiani c. 14. p. 131. Ср. однако, Новое изслѣдованіе объ избраніи Григорія VII стр. 5—6.

⁸⁾ Petri Damiani Lib. II № 1 p. 253—259.

⁹⁾ Op. 25 p. 491—498. Lib. IV, № 1 p. 297—8.

¹⁰⁾ Vita Damiani c. 15 p. 132.

¹¹⁾ До насъ дошелъ цѣлый рядъ его проповѣдей самаго разнообразнаго содержанія. Sermones p. 505—924. № 1—75.

¹²⁾ Vita Damiani c. 19 p. 139 и c. 15 p. 132.

¹³⁾ Op. 33 p. 559—572. Sermo 11 p. 557—563. Sermo 40 p. 717—722. Sermones 44—46 p. 736—762. Carmina et preces № 41, p. 933. № 45, p. 934. № 46, p. 934. № 47, p. 934—5. № 48, p. 935. № 49—62, 935—939. № 63, p. 940. № 64—5, p. 940—941. Lib. VI, № 29, p. 419—20.

¹⁴⁾ Carmina et preces № 1—130, p. 917—961. Lib. VIII, № 15, p. 497—8.

¹⁵⁾ Op. 39, p. 642—648.

пились. возлѣ его епископскаго дворца ¹⁾ и всѣ получали щедрю помощь, утѣшеніе и облегченіе своихъ нуждъ, такъ какъ Петръ не жадѣлъ церковныхъ средствъ: высоко ставя милостыню ²⁾, онъ называлъ себя не хозяиномъ, а управляющимъ „божественнымъ достояніемъ, не господиномъ, а слугою“ ³⁾. Такимъ поведеніемъ Даміани рѣзко выдѣлился изъ среды современныхъ пастырей и многіе смотрѣли на него, какъ на святаго: его ближайшій ученикъ не разъ говоритъ ⁴⁾ о чудесахъ и знаменіяхъ, совершенныхъ Петромъ. Но самъ Даміани считалъ себя величайшимъ грѣшникомъ ⁵⁾, изнурялъ себя постомъ, бдѣніемъ, ношеніемъ веригъ, бичеваніемъ ⁶⁾, которое онъ, ради искупленія грѣховъ, своимъ примѣромъ ввелъ не только въ монастыряхъ ⁷⁾, но и въ средѣ мірянъ ⁸⁾, несмотря на противодѣйствіе, имъ встрѣченное ⁹⁾. Душа Даміани постоянно рвалась въ любимое уединеніе ¹⁰⁾, гдѣ только и можно было, по его мнѣнію, упражняясь „въ небесномъ ученіи“ ¹¹⁾ сласти, себя отъ соблазновъ грѣшнаго міра... А этотъ міръ, въ лицѣ обездоленныхъ и страждущихъ, угнетенныхъ и опечаленныхъ, жаждалъ отъ него помощи и поддержки, совѣта и указанія; для отшельника Петра отрывается, съ возвышеніемъ въ санъ кардинала, новое обширнѣйшее поле дѣятельности, выходящей изъ узкихъ предѣловъ Италіи и обнимающей теперь едва ли не весь западно-христіанскій міръ. Отнынѣ судьба равеннскаго свинопаса тѣсно переплетается съ общимъ теченіемъ событій и его голосъ приобретаетъ нерѣдко рѣшающее значеніе при ихъ направленіи.

¹⁾ Vita Damiani c. 17, 126—137.

²⁾ Op. 33, c. 7, p. 569—570. Op. 9. De Eleemosyna p. 207—222. Carmina et Preces, № 175, p. 964.

³⁾ Vita Damiani c. 17. p. 137.

⁴⁾ Vita Damiani c. 8, p. 126 c. 9, p. 126—8, c. 10, p. 128, c. 11, p. 128—129, c. 12, p. 129, c. 13, p. 129—130, c. 20, p. 141—142.

⁵⁾ Онъ всегда подписывался Petrus monachus Peccator.

⁶⁾ Vita Damiani c. 18, p. 137—139.

⁷⁾ Op. 43. De lande flagellorum p. 679—683. Lib. VII. № 34, p. 493. Op. 50, c. 14, p. 747—748. Даміани умѣряетъ рвеніе немощно усердныхъ въ самобичеваніи.

⁸⁾ Op. 43, graef p. 679.

⁹⁾ Клирики Флоренціи возстали противъ новаго и несмысленнаго покаянія. Монахъ Петръ писалъ и проповѣдывалъ противъ нелѣпаго новшества. См. рѣзкую отвѣдъ Даміани. Lib. VI, № 27, p. 415—417. Lib. V, № 8, p. 350—352.

¹⁰⁾ Op. 12, c. 25, p. 278 c. 32, p. 287—8. Op. 13, c. 8, 303—4, c. 10, p. 305—6 Op. 19 graef p. 423, c. 5, p. 430—432, c. 11 442. Op. 20, c. 5, p. 449—451, c. 7, p. 453—456. Op. 21, p. 455—464. Op. 28, p. 512—518. Op. 51, p. 748—763. Op. 56, c. 9, p. 818—819. Op. 58, c. 3, p. 833—4.

¹¹⁾ Op. 11, c. 19, p. 246. „Solitaria vita caelestis doctrinae schola est ac divinarum artium disciplina“.

Цѣлью своей широкой общественной дѣятельности Даміани, подобно многимъ своимъ современникамъ, поставилъ „возстановленіе золотого вѣка Апостоловъ“ ¹⁾, т. е. возвращеніе церкви къ ея первоначальной простотѣ и чистотѣ. Но у Петра эта цѣль, благодаря его обширному и основательному знакомству съ прошлымъ христіанства, выступаетъ ярче, сознательнѣе и своеобразнѣе. Даміани отлично сознавалъ, что для возстановленія отношеній, господствовавшихъ, какъ ему казалось, во времена Апостоловъ, необходимо было искорененіе завравшихся уклоненій и недостатковъ, необходима была борьба съ накопившимися нестроеніями, „съ царящимъ въ мірѣ зломъ“ ²⁾; ясный умъ показывалъ ему, что нечего надѣяться на проведеніе желанной перемѣны сразу и во всемъ—наоборотъ, необходимо вести дѣло постепенно, сначала направить удары на наиболѣе пагубныя явленія. Такими явленіями, составлявшими для Даміани главное зло времени, онъ считалъ симонію и брачную жизнь духовенства, будучи твердо увѣренъ, что онѣ осуждены еще апостольскою церковью.

Даміани является яркимъ выразителемъ чисто средневѣковыхъ возрѣній на женщину и бракъ: по его мнѣнію, слѣдовало избѣгать встрѣчъ съ женщинами, чтобы не впасть въ соблазнъ ³⁾, слѣдовало даже не смотрѣть на нихъ, разъ мы не желаемъ сгорѣть отъ пожара страстей ⁴⁾. Идеаломъ его была чистота духа и тѣла, полюбѣйшее цѣломудріе ⁵⁾. Съ этой точки зрѣнія, онъ даже въ брачныхъ узакъ видѣлъ нѣчто нечистое ⁶⁾: лишь въ древности бракъ былъ установленъ только для произведенія дѣтей; нынѣ же, на закатѣ міра и при сіяніи ученія Дѣвственника, рожденнаго Дѣвою, онъ имѣетъ цѣлью избѣжаніе блуда: въ ветхомъ заветѣ говорилось: проклятъ мужъ, не имѣющій сѣмени во Израилѣ, теперь же говорится: мужья любите женъ вашихъ, какъ Христосъ церковь (Кор. I, гл. 7, ст. 29) и, по Апостолу, „уже время коротко, такъ что имѣющіе женъ должны быть, какъ неимѣющіе“; другое же мѣсто гласитъ: „хочу, чтобы вы были, какъ я“. Итакъ, онъ проповѣдуетъ, что слѣдуетъ имѣть жену, но не прикасаться къ ней и тѣмъ не предписываетъ производить дѣтей, но закрываетъ безду блуда. Онъ желаетъ не беременности, не иска малютокъ, но ложе нескверное

¹⁾ Lib. I № 1 p. 205.

²⁾ Lib. II № 1 p. 254—5. Lib. I № 15 p. 231. Op. 12 с. 30 p. 235 с. 23 p. 289.

³⁾ Lib. VII № 18 p. 458.

⁴⁾ Op. 52 с. 5 p. 769.

⁵⁾ Op. 27 с. 1 p. 711.

⁶⁾ Op. 18 с. 6 p. 299. „Апостолъ Петръ мученичествомъ искупилъ грязь супружества“.

и дѣвство супружескаго воздержанія. Говоря „если не могутъ воздержаться, пусть вступаютъ въ бракъ“ и предписывая: „будьте опять вмѣстѣ, чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ“, Апостоль очевидно указываетъ, что жаждетъ взаимнаго воздержанія между супругами и неохотно допускаетъ плотское соединеніе ¹⁾. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Даміани вообще смотрѣлъ на супружескія отношенія мрачными и враждебными глазами отшельника; онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что похоть плотская — простое слѣдствіе неумѣреннаго употребленія яствъ и питій ²⁾, которое и порождаетъ нечестивыя желанія. Только развратники, по его мнѣнію, соединяются съ женщиной ради сладострастныхъ удовольствій, а не для рожденія дѣтей. Только необузданные распутники посягаютъ даже на беременныхъ, слѣдствіемъ чего обыкновенно бываютъ или выкидыши или уродство новорожденныхъ. Такіе слуги похоти не родители, а дѣтубійцы; даже безсловесныя животныя не стремятся къ соитію, когда знаютъ, что уже не могутъ произвести себѣ подобныхъ. Одни только люди, Учитель которыхъ рожденъ Дѣвою, дерзаютъ умерщвлять такимъ образомъ своихъ малютокъ, созданныхъ по божьему подобію, и притомъ смѣютъ прикрываться мнимыми потребностями природы ³⁾.

Считая искорененіе нечистыхъ и грѣховныхъ побужденій, побѣду Духа надъ плотью, завѣтомъ христіанства, Даміани вполне послѣдовательно требовалъ отъ духовенства полнѣйшаго воздержанія, настаивалъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій ⁴⁾ на безбрачій священнослужителей. Ихъ жены для него простыя наложницы ⁵⁾, такъ какъ узы, ихъ связывающія съ мужьями, противны церковнымъ постановленіямъ, разумнымъ основаніямъ и требованіямъ нравственнымъ: „нашъ искупитель такъ предпочиталъ невинность прекрасной непорочности, что не только родился изъ чрева Дѣвы, но и воспитывался дѣвственникомъ. Если Онъ, находясь въ ясляхъ, пожелалъ, чтобы къ Нему прикасались чистыя руки, то теперь, вознесшись во славу отцовскаго величія, какой чистоты Онъ желаетъ для своего Тѣла? ⁶⁾. Ясно, что брачная жизнь вполне несо-

¹⁾ Ор. 41 с. 3 р. 663. Въ этомъ же трактатѣ Даміани опровергаетъ обычай, позволявшій вѣнчать во время поста, лишь бы между супругами оставались прежнія чистыя отношенія. Ор. 41 р. 659—665.

²⁾ Ор. 49 с. 2 р. 722—773. Lib. I № 15 р. 230—232. Lib. VI № 82 р. 429.

³⁾ Lib. I № 15 р. 232.

⁴⁾ Lib. V № 5 р. 344—346. Lib. V № 13 р. 360—364. Ор. 17 р. 379—388. Ор. 18 р. 387—424.

⁵⁾ Ор. 18 d. 3 с. 2 р. 418. Ср. реторическое обращеніе къ женамъ священнослужителей. Ор. 18 с. 7 р. 410—413.

⁶⁾ Ор. 17 с. 3 р. 384. Ср. Ор. 18 с. 1 р. 387—8.

виѣстима, по мнѣнію Даміани, съ правомъ совершенія Таинствъ, въ особенности же таинства Евхаристіи. Плотское невоздержаніе противорѣчить высокому сану служителя Бога Вышняго: „Говоритъ Господь: не давайте свитыни псамъ; какое же осужденіе ожидаетъ тебя, спрашиваетъ Даміани женатаго клирика, за то, что ты отдаешь тѣло свое, освященное полученнымъ посвященіемъ, не псамъ, а развратницамъ. По возложеніи рукъ твоихъ нисходитъ Духъ святой, а ты прикасаешься ими къ престоямъ распутницъ; языку твоему повинуются Богъ, а ты не боишься покорствоватъ демонамъ. Ты поставленъ для проповѣди дѣломудрїа и не стыдишься быть рабомъ похотей. Цылая пламенемъ страстей, ты держась приближаться къ алтарю, который допускаетъ только огонь божественной любви ²³⁾. Всякій же, пылающій огнемъ плотского вожделѣнія и не боящійся приступать къ святымъ таинствамъ, будетъ по писанію, поглощенъ огнемъ мщенїа“ ¹⁾.

Неохотно дозволенное мірянамъ никакъ не можетъ быть удѣломъ священнослужителей, такъ какъ пастырь долженъ стоять выше паствы, подавать ей примѣръ побѣды подъ страстями; не только словомъ, но и дѣломъ онъ обязанъ наставлять своихъ духовныхъ дѣтей въ дѣломудрїи и воздержанїи. „Клирики отдѣлены отъ народа и исключительно совершаютъ жертвоприношеніе Богу, а потому они должны вести и особый образъ жизни и постоянно исполнять обряды божественнаго закона. Предписанїя ветхаго завѣта не имѣютъ для христіанина обязательной силы: вѣдь онъ данъ черезъ раба, евангельская же благодать принесена Господомъ. Отсюда необходимо, чтобъ одни требованїя прилагались тогда къ левитамъ синагоги, другїя теперь къ клирикамъ Церкви. Первымъ, по потребностямъ времени, позволялось вступать въ бракъ; послѣднимъ предписывается полнѣйшее удаленіе отъ плотскихъ удовольствїй: вѣдь одно только колѣно Левино было избрано для священнослуженїа, а потому тогда и было необходимо продолженіе рода для сохраненїа священническаго сана, теперь же, когда клириковъ можно избирать изъ всего христіанскаго народа, когда при возвышенїи въ санъ служителя Божьяго не разслѣдуется происхожденіе, а принимается во вниманїе святость жизни, права на бракъ должны прекратиться, такъ какъ предписанїя ветхаго завѣта утратили силу, по слову Апостольскому. (Евр. VII, ст. 18—19) ²⁾. Даже и тогда каждый запятанный левитъ не дерзалъ входить во святилище, какъ же смѣетъ нынѣ приступать къ алтарю оскверняющїй себя общенїемъ съ женщиною?

¹⁾ Ор. 17 с. 3 р. 384. Ср. Ор. 18 с. IV р. 393—294; ор. 18 d. II с. 4 р. 405.

²⁾ Ор. 17 с. 3 р. 384. Ср. Ор. 18 с. 3 р. 408,

³⁾ Ор. 18 с. 2 р. 399—400. Ср. Ор. 18 с. 4 р. 406.

Левиты ветхаго завета, пока служили во храмѣ, не соединялись съ женами, но были раздѣлены на 24 очереди, а потому и охраняли себя отъ исполненія супружескихъ обязанностей во время своей очереди. Нынѣ же писаніе предписываетъ намъ непрестанно молиться; служители алтари не распределены по очередямъ, а постоянно несутъ свои обязанности. Апостоль же говоритъ: не уклоняйтесь другъ отъ друга, развѣ по согласію, на время, для упражненія въ молитвѣ“. Итакъ супружеское общеніе мѣшаетъ мірянамъ молиться, какъ же оно можетъ позволить клирикамъ служить у святаго алтара? Какъ у нихъ выберется время для исполненія супружескаго долга, если они постоянно связаны исполненіемъ требованій церковной рачительности? Говоритъ Апостоль Коринтянамъ: неженатый заботится о господнемъ, какъ угодить Господу, а женатый заботится о мірскомъ, какъ угодить женѣ. Каждый же священнослужитель постоянно долженъ заботиться о господнемъ, дабы не раздвоилась душа его отъ плотскихъ вожделѣній. Но какъ же можетъ постоянно думать и заботиться о Творцѣ тотъ, у кого сердце тѣсно связано съ женою ¹⁾? „Но такъ какъ нашимъ словамъ не придадутъ вѣры, если мы ихъ не подтвердимъ изреченіями св. отцовъ, то слѣдуетъ привести и ихъ свидѣтельства“ ²⁾. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Даміани и приводитъ ³⁾ множество мѣстъ изъ священнаго писанія, твореній отцовъ, соборныхъ постановленій, каноническихъ предписаній, писемъ папъ. „Наконецъ, священнослужителямъ просто не на комъ жениться: даже свѣтскіе законы строго наказываютъ отца, совершившаго любодѣяніе съ дочерью, а клирики развращаютъ своихъ духовныхъ дочерей; духовное же родство ближе плотскаго“ ⁴⁾. Вслѣдъ за этимъ довоожъ, Даміани приводитъ нѣсколько чудесныхъ примѣровъ божьей кары, постигшей женатыхъ клириковъ, какъ яркое подтвержденіе своихъ словъ ⁵⁾.

Такая проповѣдь не могла не смутить совѣтъ многихъ прихожанъ; она должна была заставить задуматься надъ цѣлесообразностью существовавшихъ порядковъ, противъ которыхъ почти ежегодно на римскихъ соборахъ издавались самыя строгія постановленія ⁶⁾, запрещавшія женатымъ

¹⁾ Op. 18 с. 4 р. 404—405.

²⁾ Op. 18 с. 2 р. 400.

³⁾ Op. 18 с. 2 р. 400—403. Lib. V № 13 р. 360—364. Op. 18 с. 5 р. 394—396.

⁴⁾ Op. 17 с. 3, р. 885.

⁵⁾ Lib. II, № 15, р. 287. Lib. IV, № 17, р. 326. Lib. V, № 16, р. 369. Op. 40, с. 6, р. 656. Op. 42, с. 3, 670.

⁶⁾ Op. 18, с. 7 р. 411. Regesta pontificum Romanorum p. 368—374. Bertholdi p. 269. Bonithonis Lib. V p. 637. Leonis ostiensis Lib. II с. 97 р. 694 Petri Damiani, op. 18, с. 6, р. 409. Bonithonis Lib. VI p. 643. Regesta P. R. p. 386. Op. 18, с. 2, р. 400.

священнослужителямъ совершеніе требъ. Въ обществѣ началось глухое броженіе, подогрѣваемое обаяніемъ дѣломудренной жизни противниковъ брачной жизни духовенства. Естественно, что сторонники уже было укоренившихся порядковъ прилагали всѣ усилія, чтобы отстоять свое дѣло. Это противодѣйствіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ распространеннѣе были браки клириковъ, которые въ то время могли даже, овдовѣвъ, жениться опять ¹⁾. Строгія воззрѣнія, представителемъ которыхъ выступаетъ Петръ Даміани, нашли въ средѣ женатаго духовенства литературныхъ противниковъ, пытавшихся выставить въ свою защиту доводы св. Писанія и соборныя постановленія, или говоря языкомъ Даміани, „поддѣльные каноны и новшества изворотливыхъ доказательствъ“ ²⁾.

Даміани не остался въ долгу: не ограничившись устнымъ составленіемъ ³⁾, обычнымъ въ то время, онъ выступилъ съ письменными опроверженіями. Каноники герцога Готфрида ссылались ⁴⁾ на каноны, лишающіе общенія съ церковью лицъ, пренебрегавшихъ служеніемъ женатыхъ священниковъ. Петръ находилъ эту ссылку неумѣстной, облачающей невниманіе и недостаточность пониманія: „женатымъ священникомъ, по его мнѣнію ⁵⁾, каноны называютъ не того, кто въ данный моментъ имѣетъ жену, но того, кто имѣлъ ее до полученія священническаго сана. Если мы отвергаемъ и его, то слѣдовательно, грѣшно даже сказать, надо пренебречь и св. апостоломъ Петромъ“ ⁶⁾.

Далѣе сильнымъ оружіемъ противъ безбрачія каноники Готфрида считали слова Апостола: ради блуда, пусть *каждый* имѣетъ жену, причемъ подъ понятіе „каждый“ подводили и мирянъ и служителей алтари. Даміани возражаетъ ⁷⁾ противъ такого пониманія и изъ общей связи выводитъ, что это мѣсто относится только къ тѣмъ, кто вообще имѣетъ право вступать въ бракъ. Иначе, и епископы, и аббаты и монахи даже монахини (вѣдь оба пола связаны одинаковыми законами) ⁸⁾, ссылаясь на это изреченіе, стануть завязывать брачныя узы“. Противники пробовали указывать на противорѣчіе этихъ запрещеній и предписаній ветхаго заветъа, говоря. „Если бы бракъ священнослужителей являлся грѣхомъ,

¹⁾ Op. 18, с. 6 р. 408—9.

²⁾ Op. 18, с. 2, р. 390.

³⁾ Lib. I, № 18, р. 219.

⁴⁾ Lib. V, № 13, р. 362.

⁵⁾ Lib. V, № 13, р. 363.

⁶⁾ Въ изданіяхъ писемъ Даміани читается Paulum; это явленіе опечатка или описка: ср. op. 13 с. 6 р, 299.

⁷⁾ Lib. V, № 13, р. 363.

⁸⁾ Op. 18, с. 4, р. 392—3.

то Господь не предписывалъ бы его въ Ветхомъ Завѣтѣ Левитамъ¹⁾. Даміани побѣдоносно отражаетъ это замѣчаніе указаніемъ на устраненіе ветхозавѣтныхъ требованій евангельской истиной²⁾. Клирики же выдвигали противъ него „какъ щить“, еще новое „нелѣпое оправданіе³⁾: мы терпимъ, говорили они, невзгоды въ домашнемъ хозяйствѣ, а потому не можемъ лишиться рачительныхъ женъ“. „Наоборотъ, пишетъ Петръ⁴⁾, чѣмъ незначительнѣе средства для пропитанія, тѣмъ меньшее слѣдуетъ кормить семейство; столъ, не отягощенный яствами, нельзя окружать многими сотрапезниками. Отсюда слѣдуетъ, что бѣдность требуетъ одиночества, учить отказываться отъ общества женщинъ и запрещаетъ производить стада ненасытно алчущихъ малютокъ“.

Болѣе опасные доводы представило въ достаточной степени вооруженное научными свѣдѣніями⁵⁾ духовенство Ломбардіи, гдѣ особенно укоренились браки священнослужителей⁶⁾. „Эти жирные быки⁷⁾, такъ называетъ Даміани клириковъ Лоди, сослались на авторитетъ Трибургскаго собора, который дозволялъ вступать въ бракъ священнослужителямъ“. Петръ⁸⁾ не призналъ самаго собора, потому что его предписанія противорѣчили постановленіямъ римскихъ епископовъ: подложные каноны не могутъ ослабить силу подлинныхъ. Святые отцы, издавшіе каноническіе постановленія при помощи Св. Духа, всѣ единогласно сходятся въ требованіи отъ клириковъ сохраненія чистоты, на что же могутъ надѣяться погрѣшающіе противъ Духа Св. покорствомъ своимъ плотскимъ вождельніямъ? Они безъ сомнѣнія, за минутное сладострастное удовольствіе заслуживаютъ на вѣки погрузиться въ пламя неугасимое⁹⁾. Упорное отстаиваніе своихъ заблужденій дѣлаетъ ихъ уже не распутниками, а еретиками¹⁰⁾. Даміани не ограничивался опроверженіемъ доводовъ своихъ противниковъ: онъ указывалъ для своихъ сторонниковъ и средства къ побѣдѣ надъ плотью; такими средствами онъ считалъ умѣренность въ ѣдѣ и питьѣ¹¹⁾ и частое принятіе Св. Даровъ¹²⁾.

1) Op. 18, c. 2, p. 400.

2) Op. 18, c. 2, p. 399—400.

3) Op. 18, c. 4, p. 393.

4) Op. 18, d. I, c. 4, p. 393.

5) Op. 18, d. II, praef. p. 398. Landulfi Lib. II, c. 35, p. 71. Arnulfi Lib. III, c. 14, p. 21. Landulfi Lib. III, c. 5, p. 77.

6) Landulfi Lib. II, c. 35, p. 70. Bonithonis Lib. VI, p. 639. Arnulfi Lib. III, c. 14, p. 21. Op. 18, div II, praef. p. 398.

7) Cp. Bonithonis Lib. VI, p. 613.

8) Op. 18 c. 3 p. 402.

9) Op. 18, c. 3, p. 403.

10) Op. 18, div. II, c. 8, p. 414.

11) Op. 49, c. 2, p. 722—723.

12) Op. 47, c. 2, p. 711—713.

Какъ извѣстно, въ католической церкви обязательное безбрачіе духовенства введено послѣ упорной борьбы, въ которой видную роль сыграли сочиненія Даміани, посвященныя вопросу о брачной жизни священнослужителей ¹⁾. Но по другимъ произведеніямъ того же Даміани легко себѣ представить пагубныя послѣдствія обязательнаго безбрачія духовенства: въ книгѣ Гоморрской онъ съ потрясающей яркостью систематически описываетъ ²⁾ ужасныя уклоненія отъ природы, къ которымъ прибѣгали лица, принявшія обѣтъ вѣчнаго воздержанія; здѣсь Петръ съ омерзеніемъ говоритъ о монахахъ, взаимной исповѣдью отпущавшихъ общій ³⁾ грѣхъ и прикрывавшихся поддѣльными канонами, назначавшими сравнительно легкое наказаніе за грѣхи противоестественныя ⁴⁾. Да и самъ Даміани лучше другихъ долженъ былъ знать, во что обходится и къ чему сводится насильственное воздержаніе: ни неустанной молитвой, ни благочестивыми упражненіями онъ не могъ смирить вполнѣ свои страсти; даже въ старости онъ не могъ видѣть женщины, не подвергаясь искушенію ⁵⁾; нигдѣ и никогда онъ не могъ отдѣлаться отъ соблазнительныхъ воспоминаній ⁶⁾, дѣлавшихъ бесплодной его мучительную борьбу, такъ какъ Петръ самъ говорилъ, что чистота тѣла ничто безъ чистоты сердца ⁷⁾. Но желаніе во что бы то ни стало, хотя по внѣшности, поднять пастыря надъ паствою настолько охватило все существо Даміани, что онъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, косвенно одобрявъ лицемѣріе и потворствуя мнимой святости: даже онъ какъ то обмолвился: ⁸⁾ „будь это зло (брачныя связи духовенства) тайнымъ, съ нимъ, пожалуй, еще можно было бы какъ нибудь примириться“. Итакъ житейская неосуществимость непомерно высокихъ требованій, превышавшихъ слабыя силы человѣческой природы, разрушила идеальные замыслы, неумолимая дѣйствительность извратила чистыя мечтанія...

Таже участь постигла Даміани въ его борьбѣ съ вторымъ современнымъ зломъ—симоніей, т. е. приобрѣтеніемъ духовныхъ сановъ за деньги.

Петръ считаетъ симонію ересью, осужденной и въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ: участь Симона волхва предупреждала покупателей; кара

¹⁾ Ими пользуется, напр., Эльзасскій полемистъ Манегольдъ: с. 23, р. 353—4, с. 54, р. 421—22, с. 76, р. 428, ср. замѣтки стр. 57—59.

²⁾ Op. VII, р. 159—189.

³⁾ Op. VII, с. 7, р. 167.

⁴⁾ Op. VII, с. 10, р. 169.

⁵⁾ Lib. VII, № 18, р. 458.

⁶⁾ Op. 42, с. 7, р. 673. Lib. VII, № 18, р. 458.

⁷⁾ Op. 47, с. 1, р. 711. Op. 49, с. 2, р. 722.

⁸⁾ Op. 17, praef. р. 380.

*

Гезія, слуги пророка Елисея, предостерегала продавцовъ ¹⁾. Симонія по убѣжденію Даміани, порожденіе дьявола, замыслившаго гибель уставамъ только что рожденной церкви ²⁾; противъ симонистовъ ратуеть авторитетъ отцовъ; послѣдователи Симона волхва, ересіарха раздѣляютъ его участь: ихъ удовлетворитъ адъ, купленный за деньги у дьявола, такъ какъ имъ недостаточно рай, безвозмездно обѣтованнаго Христомъ ³⁾. Они проповѣдники сатаны и апостолы Антихриста ⁴⁾. Петръ подобно Григорію I, насчитываетъ три вида симоніи ⁵⁾: съ его точки зрѣнія уплата за благодать рукоположеніи можетъ быть произведена деньгами, льстивою угодливостью и службой: одни даютъ монетой, другіе въ уплату отдають самихъ себя; такъ Іаковъ своей службою Лавану, заплатилъ за своихъ женъ ⁶⁾. Продающимъ церкви достаточно денегъ, если они алчны, если же они честолюбивы, то леть является своего рода замѣною денегъ. Хуже всѣхъ поступаютъ тѣ искатели выгодныхъ епископскихъ кафедръ, которые трутся при дворѣ свѣтскихъ властелиновъ: они являются нѣсколько разъ симонистами, хотя бы ничего не заплатили за посвященіе, такъ какъ траты на жизнь при дворѣ и раболѣпное угодничество показываютъ, что они расплачиваются и деньгами и собственною своею личностью и покорной услужливостью ⁷⁾.

Всеобщее распространеніе симоніи оказывалось, однако, существенно помѣхою при ея искореніи: по свидѣтельству Даміани ⁸⁾, за самыми немногими исключеніями, современное духовенство или само купило свои саны или было посвящено симонистами. Даже самъ Петръ былъ рукоположенъ равенскимъ архіепископомъ, запятаннымъ симоніею ⁹⁾. Въ виду этого Даміани, вообще сторонникъ мягкихъ мѣропріятій, возсталъ противъ крайнихъ ревнителей, требовавшихъ низложенія всѣхъ симонистовъ, и посвященныхъ ими. Петръ отстаивалъ воззрѣніе, по которому личныя свойства пастыри нисколько не отражались на дѣйствительности совершаемыхъ ¹⁰⁾ имъ таинствъ, и считалъ рукоположенныхъ безвозмездно, хотя бы и симонистами, законными обладате-

¹⁾ Op. VI, c. 6, p. 105. Op. 31, c. 4, p. 535.

²⁾ Op. 30, praef. p. 523.

³⁾ Op. VI, c. 37, p. 154.

⁴⁾ Lib. I, № 13, p. 223.

⁵⁾ Op. 22, c. 1. p. 464. Lib. II, № 1. p. 257—8.

⁶⁾ Op. 22, c. 2, p. 465—6.

⁷⁾ Op. 22, c. 2, p. 467.

⁸⁾ Lib. I, № 2, p. 206. Op. VI, c. 35, p. 150.

⁹⁾ Liber gratissimus c. 29, p. 60. Эта глава впервые издана Гейнemannомъ въ Libelli.

¹⁰⁾ Op. VI, p. 99—156. См. замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка стр. 10—16.

лями церковныхъ сановъ. Только послѣ упорной борьбы и соборнаго осужденія Даміани вынужденъ былъ отказаться отъ своего мнѣнія и „признать запретнымъ прежде дозволенное“, подчинившись ¹⁾ авторитету апостольскаго престола ²⁾. Въ сущности, однако, Даміани не измѣнилъ до конца своей точки зрѣнія, хотя выдерживалъ не разъ изъ за нея столкновения съ Гильдебрандомъ, въ особенности по поводу смуть во Флоренции и навлекъ на себя укоризны послѣдующихъ полемистовъ ³⁾. Литературными противниками умѣренныхъ взглядовъ Петра явились сначала вліятельный кардиналъ Гумбертъ ⁴⁾, впоследствии Деусдедитъ ⁵⁾ и Бернальдъ ⁶⁾. Вообще же Петръ долго пользовался авторитетомъ въ преобразовательной средѣ: такъ Манегольдъ обнаруживаетъ близкое знакомство съ его сочиненіями, посвященными симоніи. Съ другой стороны широкое толкованіе симонистическаго пріобрѣтенія даровъ Св. Духа навлекло на Даміани нападки и вызвало уловки со стороны ⁷⁾ приверженцевъ прежнихъ порядковъ при замѣщеніи духовныхъ должностей. Лица, заинтересованныя въ ихъ сохраненіи пробовали извернуться тѣмъ, что отдавали деньги послѣ посвященія, якобы безвозмезднаго. Петру было нетрудно опровергнуть эту наивную уловку ⁸⁾ Больше хлопотъ надѣлало ему ученіе, выдвинутое канониками герцога Готфрида ⁹⁾ и раздѣляемое извѣстнымъ ученымъ Штенцелемъ ¹⁰⁾. Они увѣряли, что „нельзя подводить подъ понятіе симоніи случай, когда кто либо покупаетъ у свѣтскаго владѣтеля епископство, но получаетъ посвященіе даромъ: гдѣ идетъ продажа епископскихъ мѣстъ, тамъ продаютъ не санъ духовный, но лишь доходы и имущества, съ нимъ связанные“ ¹¹⁾. Продажно то, что дѣлаетъ покущика богачемъ, но онъ безвозмездно получаетъ то, что возвышаетъ его въ священнослужители.

Даміани выступилъ для опроверженія этой „адской мудрости и ядовитаго коварства“ съ такими доводами: по его мнѣнію, подобное ученіе утверждаетъ, что въ лицѣ одного человѣка заключаются какъ бы

¹⁾ Op. VI, c. 39, p. 155—156.

²⁾ Op. 30, p. 523—530.

³⁾ Bertholdi, p. 273. Vita S. Gualberti c. 3. p. 357—8, op. 30, p. 523—530.

⁴⁾ Humberti. Lib. I, c. 21, p. 184—186, c. 19, p. 182. Lib. III, c. 30, p. 286, ср. Замѣтки по исторіи полемической литературы стр. 20, пр. 1—3.

⁵⁾ Deusdediti c. 2, d. 4, p. 322.

⁶⁾ Bernaldi op. IV p. 92—93.

⁷⁾ Manegoldi c. 8. p. 326, c. 54, p. 421—22. Bernaldi op. X, p. 119.

⁸⁾ Op. 31, c. V, p. 535—536.

⁹⁾ Lib. I, № 13, p. 219. Lib. V, № 13, p. 359, 364—367.

¹⁰⁾ Stenzel Geschichte der fränkischen Kaiser B. I, p, 505.

¹¹⁾ Lib. I, № 13, p. 219. Lib. V, № 13, p. 364.

два существа: одно священнослужитель, другое богатъ. Послѣдній, подобно Сарданапалу, да утопаетъ въ унесительныхъ попойкахъ; тогда какъ первый долженъ, какъ Апостоль, заботиться объ управленіи душами ¹⁾. Утверждать, будто куплены имѣнія, но не церковь — значить впадать въ ересь и совершать святотатство; признавая единосущность Иисуса Христа, бывшаго по своей природѣ нераздѣльно и Богомъ и человекомъ, нельзя дѣлить церковь, которая, по писанію, является его плотью. Даже воины не хотѣли разрывать одежду Господа, а тутъ дѣлать церковь, Его тѣло. Вѣдь имѣній церковныхъ ищутъ не для того, чтобы получить благодать посвященія, но ради необходимости терпѣть его, чтобы не потерять церковное имущество; стремятся не къ тому, чтобы сдѣлаться служителями церкви, но только къ тому, чтобы стать обладателями святого достоянія какъ бы по наследственному праву. Разъ куплена церковь, то явно деньгами приобрѣтено и таинство, къ которому допускаетъ только приобрѣтеніе церкви; съ другой стороны только посвященіе позволяетъ обладать церковнымъ имуществомъ ²⁾. Итакъ, купившій владѣнія, связанныя съ церковнымъ саномъ, является въ тоже время покупателемъ и церковнаго достоинства: торгуя владѣніями, онъ покупаетъ и таинство ³⁾.

Далѣе Даміани останавливается на обрядѣ, которымъ свѣтскій владѣтель передаетъ державныя права на церковныя имущества, другими словами онъ обращаетъ вниманіе на знаки, передачей которыхъ совершалась такъ называемая инвеститура: „если бы при этомъ давали обыкновенный посохъ, то, пожалуй, можно было согласиться съ мнѣніемъ, будто инвеститурою переданъ не церковный санъ, но управленіе церковными имуществами, хотя и такая передача противна церковнымъ уставамъ. Если же свѣтскій владѣтель за деньги даетъ епископскій жезлъ, какъ можно еще и тогда утверждать, что не купленъ епископскій санъ: вѣдь, если князь передаетъ своею инвеститурою *право* на званіе епископа, то князь же, а не посвящающій, совершаетъ таинство. Развѣ жезлъ былъ переданъ со словами „получи богатства и помѣстья той или иной церкви, вѣдь говорится обыкновенно получи церковь“ ⁴⁾. Если князь, получивъ деньги или обѣщаніе ихъ уплатить, не даруетъ тебѣ заранѣе путемъ инвеституры искомаго сана, то посвящающій никоимъ образомъ не передастъ тебѣ даръ Духа св. возложеніемъ своихъ рукъ. Ты возвышаешься въ санъ священнической только благодаря тому, что приобрѣлъ

¹⁾ Lib. I, № 13, p. 219.

²⁾ Lib. V, № 13, p. 364—5.

³⁾ Lib. I, № 13, p. 220.

⁴⁾ Lib. I, № 13, p. 220—221.

куплею; въ силу этого безвозмездное рукоположеніе не можетъ очистить оскверненнаго и замазаннаго продажностью ¹⁾: продажность сдѣлала тебя еретикомъ (симонистомъ) прежде, чѣмъ посвятило рукоположеніе ²⁾).

„Меня, быть можетъ, обвинять въ измышленіи, если я не подкрѣплю своихъ словъ, свидѣтельствомъ святаго писанія, но слова пророка Аггея явственно говоритъ, что этотъ покупатель, съ оскверненною душою, оскверняетъ и достоинство принятаго сана, а оно не можетъ омытъ покупателя, хотя бы и было получено даромъ. Посвященный становится распорядителемъ церковнаго имущества, хотя при возложеніи рукъ не идетъ рѣчи объ церковномъ достояніи; принимая же церковныя владѣнія, онъ избирается для посвященія, хотя тогда ничего не говорится о возложеніи рукъ“ ³⁾.

При давленнѣйшемъ рассмотрѣніи спутаннаго вопроса о церковныхъ владѣніяхъ, Даміани, по обыкновенію, обращается ⁴⁾ за поисками образца къ порядкамъ первоначальной церкви.

„При самомъ началѣ рождающейся церкви въ средѣ вѣрныхъ появилось суасительное обыкновеніе, продавать свое имущество, слагать деньги у ногъ Апостоловъ и мужей апостольскихъ съ цѣлю доставить имъ средства для помощи бѣднымъ. Впослѣдствіи же святыя отцы, преемники Апостоловъ установили, чтобы обратившіеся ко Господу не расточали свои имѣнія, но передавали бы ихъ святымъ церквамъ не во временное пользованіе, но въ полное обладаніе для постоянной помощи неимущимъ. По слову же Моисея, все уже посвященное Богу — великая святыня Господня; ея нельзя ни продавать, ни выкупать. Какъ нельзя болѣе очевидно, что тутъ не только воспрещается продавать и выкупать, обреченное Богу но и повѣдается, чтобы оно постоянно оставалось великой святыней. Нечего и хвалиться, что купилъ за деньги великую святыню и продажнымъ образомъ завладѣлъ собственностью Господа, вопреки закону Его, безвозмездно дарованною и безвозмездно же получаемую. Ужели не грѣхъ такая сдѣлка, потому что она совершена безъ рукоположенія? За такое преступленіе, задрещенное ветхимъ заветомъ, опредѣлено наказаніе папами Бонифаціемъ, Анаклетомъ, Луціемъ и многими другими православными отцами, объявившими святотатцами всѣхъ грабителей церковнаго достоянія и осудившими ихъ на анаѳему. Поэтому противники или приобрѣтаютъ церковное достояніе безъ церкви и тогда подлежатъ анаѳемѣ, какъ хищники и святотатцы, или, что оче-

¹⁾ Lib. I, № 13, p. 220.

²⁾ Lib. I, № 13, p. 221.

³⁾ Lib. I, № 13, p. 220—221.

⁴⁾ Lib. I, № 13, p. 221.

виднѣе и неопровержимѣе, они за деньги покупають церковь съ ея имуществомъ и потому, какъ симонисты и еретики, подлежатъ наказанію по всей строгости каноническихъ предписаній. Эти предписанія гласять, что всякій епископъ, священникъ, аббатъ, если за деньги получитъ свой санъ, по примѣру Симона осужденнаго Петромъ, подлежитъ низложенію, удаленію отъ святаго общенія и анаемѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что не сказано: если кто добьется *посвященія* или *рукоположенія*, но говорится: „если кто добьется за деньги *своею сана*“. Да и соборныя постановленія св. Отцовъ строго предписываютъ, чтобы епископы, короли, всѣ знатные и сановные люди и прочіе избиратели остерегались допускать, какимъ бы то ни было образомъ, чтобы кто-либо путемъ симоновой ереси захватилъ мѣсто управителя душами. Итакъ, не только епископамъ возлагающимъ руки на посвященныхъ должно остерегаться этой ереси, но и свѣтскимъ владѣтелямъ, которые, хотя и незаконно, однако нѣкоторымъ образомъ передають церкви будущимъ управителямъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, обычай инвеституры уже кажется Даміани противнымъ каноническимъ постановленіямъ, въ особенности его смущають знаки, передача которыхъ обусловливаетъ ея совершеніе. Въ этомъ отношеніи Петръ служитъ вѣрнымъ выразителемъ средневѣковаго міросозерцанія, придававшего символамъ чисто мистическое, таинственное значеніе. Современные и послѣдующіе полемисты, какъ-то: Гумбертъ ²⁾, Манегольдъ ³⁾, Рангерій ⁴⁾, Плацидій ⁵⁾ и многіе другіе борцы за преобразование ⁶⁾ раздѣляли и развивали такое же толкованіе обряда инвеституры; даже вормское соглашеніе, признавшее притязанія обѣихъ сторонъ, замѣнило посохъ — скипетромъ и тѣмъ попыталось ввести новый символъ для разрѣшенія этого крайне важнаго и сложнаго вопроса. Но Даміани лишь мимоходомъ затрогиваетъ инвеституру и въ своемъ толкованіи исходитъ не изъ желанія урѣзать права свѣтскихъ властей, а изъ стремленія возстановить поправную истину и предотвратить гибель заблуждающихся. Однако, ученое рвеніе Петра повело, какъ и слѣдовало ожидать, къ новымъ смутамъ и разладу: крайне теоретиче-

¹⁾ Lib. I, № 13, p. 221—222.

²⁾ *Adversus simoniacos* Lib. III, c. 6, p. 205—206, c. 12, p. 213, c. 15, p. 217.

³⁾ *Manegoldi ad Gebehardum Liber* c. 64, p. 416.

⁴⁾ *Rangerii episcopi Lucensis liber de anulò et baculo* p. 509, 510—511, p. 533.

⁵⁾ *Placidi monachi Nonantulani* c. 54, p. 590, c. 55, p. 590—591.

⁶⁾ *Ivonis epistola ad Josceranum*, p. 654. *Disputatio vel defensio Paschalis papae*, p. 665—666. *Gotfridi abbatis vindocinensis libellus II*, p. 685. *Lib. III*, p. 689. *Lib. IV*, p. 690. *Lib. VII*, p. 697—8. *Deusdedit. Libellus contra invasores* c. 16, p. 315. *Capitulum IV sectio 5—6*, p. 358—9.

скія его построения расширили объемъ понятія симоніа до необычайно широкихъ и въ сущности неопредѣленныхъ размѣровъ: всякія отношенія къ вліятельнымъ лицамъ можно было заподозрить въ угодливости и подвести подъ обвиненіе въ симоніа. Затѣмъ, отказъ отъ несенія служебныхъ обязанностей по отношенію къ свѣтскимъ владѣтелямъ, отказъ неизбежно вытекавшій изъ приравниванія службы къ симоніа, производилъ цѣлую революцію, такъ какъ буквально всѣ духовные были членами феодальнаго общества и входили въ составъ феодальной іерархіи. Кто же не былъ тогда симонистомъ по опредѣленію Даміани? Произволу было открыто широкое поле дѣйствій и ученныя разсужденія Петра обрушились на его же голову: не въ мѣру рьяные ревнители обвинили его въ Симоніа, называя даже „защитникомъ этой ереси“ ¹⁾ за его мягкое отношеніе къ безвозмездно посвященнымъ симонистамъ.

Не удовлетворивъ крайнихъ сторонниковъ преобразованій Даміани, естественно, не привлекая на свою точку зрѣнія и приверженцевъ старины ²⁾, даже впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, умаляя права свѣтской власти на замѣщеніе духовныхъ должностей, которыя признавалъ открыто въ другихъ случаяхъ ³⁾. Вообще же Петръ былъ убѣжденнѣйшимъ сторонникомъ дружной и согласной дѣятельности папства и императорства и въ единеніи этихъ двухъ властей видѣлъ необходимое условіе преуспѣванія дорогаго ему дѣла церковно-общественныхъ преобразованій. И тутъ Даміани служитъ выразителемъ типичнаго средневѣковаго воззрѣнія на отношенія между церковью и государствомъ: уже у него выступаетъ знаменитая теорія двухъ мечей ⁴⁾: „пастырь имѣетъ мечъ духовный, т. е. слово Божье; при помазаніи же императора передъ нимъ несутъ мечъ, да поизааетъ помазанныкъ, что онъ вершителъ гвѣва Божьяго, на то поставленный. Счастливъ императоръ, если соединить мечъ царскій съ мечемъ пастыря, дабы мечъ пастыря смягчалъ мечъ царскій и мечъ царскій усиливалъ мечъ пастыря“ ⁵⁾. Петръ постоянно проводилъ ту мысль, что оба сана созданы для взаимной поддержки и каждый изъ нихъ имѣетъ свои обязанности: „священнослужителя охраняетъ защита короля; король же опирается на святость священническаго званія“ ⁶⁾; король опоясывается мечемъ, чтобы воору-

¹⁾ Op. 30, praef. p. 393, c. 1, p. 525. Cp. Lib. III, № 7, p. 295—6. Lib. VI, № 7, p. 308—9.

²⁾ Tractatus de investitura episcoporum, p. 501. Gregorii catinensis monachi Farfensis Orthodoxa defensio imperialis c. 4. p. 537, c. 4, p. 537.

³⁾ Lib. V, № 10. p. 353. Op. 22, c. 4, p. 468.

⁴⁾ Cp. Cod. Udalrici № 49, p. 108.

⁵⁾ Sermo 69, p. 899—900.

⁶⁾ Lib. III, № 6, p. 294. Lib. VII, № 3, p. 440.

женной рукой отражать враговъ церкви; священнослужительъ предается непрестанной молитвѣ, чтобы умилостивить Бога къ государю и народу¹⁾. „Одинъ поставленъ для укрощенія, по строгости, освященной закономъ, вредныхъ и преступныхъ людей; другой посвященъ, по власти ключей, для связыванія однихъ узами каноническихъ предписаній, для освобожденія другихъ по кротости церковнаго благочинія²⁾. Одинъ долженъ копьемъ справедливости устраивать земныя дѣла, другой долженъ расточать жаждущимъ воды небеснаго враспорѣчїи³⁾. Король пользуется мірскимъ оружіемъ, папа опоясывается мечемъ духовнымъ, т. е. словомъ Божиимъ⁴⁾. Мечъ князя одно — риза священнослужителя другое⁵⁾. Священнику подобаетъ всегда быть мягкимъ и кроткимъ, въ паствѣ видѣть сыновой⁶⁾. Священникъ довольствуется посохомъ невинности, чтобы спойно и снисходительно блюсти установленный порядокъ⁷⁾, тогда какъ императоръ караетъ за обиды, причиненныя людьми, несправедливо живущими, поражаетъ судебнымъ порядкомъ преступленія и проступки, удерживаетъ нечестивцевъ отъ безбожныхъ замысловъ, и, устрашая сердца злоумышленниковъ авторитетомъ императорской мощи, всему даруетъ миръ⁸⁾. „Папа и императоръ управляютъ всѣмъ родомъ человѣческимъ во всѣхъ проявленіяхъ его природы. Эти главы міра должны сойтись въ такомъ единеніи постоянной прїязни, чтобы подвластные имъ члены не разстраивались вслѣдствіе ихъ раздоровъ; какъ въ одномъ ходатаѣ Бога и человѣкѣ эти два достоинства — царское и первосвященническое, были соединены божественнымъ таинствомъ, такъ эти два высочайшихъ лица должны соединиться другъ съ другомъ въ такомъ единодушїи, чтобы благодаря связи взаимной любви и король находился въ римскомъ первосвященникѣ — римскій первосвященникъ заключался въ королѣ, однако съ полнымъ сохраненіемъ преимуществъ, папы, которыми никому нельзя пользоваться кромѣ его самою. Впрочемъ и онъ да обуздываетъ преступниковъ по свѣтскимъ законамъ, когда понадобится, и король со своими епископами да принимаетъ рѣшенія въ дѣлахъ духовныхъ, согласно каноническимъ постановленіямъ“. Однако папа, какъ отецъ, долженъ всегда пользоваться преимуществами своихъ отцовскихъ правъ; императоръ же да повоюетъ въ объятїяхъ его любви,

¹⁾ Lib. VII, № 3, p. 440.

²⁾ Lib. VII, № 3, p. 440.

³⁾ Lib. VII, № 3, p. 440.

⁴⁾ Lib. IV, № 9, p. 315.

⁵⁾ Op. 57, c. 1, p. 821.

⁶⁾ Op. 57, c. 1, p. 820.

⁷⁾ Op. 57, c. 2, p. 821.

⁸⁾ Op. 57, c. V, p. 824.

какъ единственный сынъ ¹⁾. Эти преимущества папы находятся въ тѣснѣйшей связи съ державными правами вѣчнаго города: „извѣстно, что Римъ по своей знаменитости во всѣхъ отношеніяхъ превосходить остальные города вселенной и былъ столицей міра: вѣдь до Р. Х. Римляне были владыками всего, впоследствии же Петръ основалъ здѣсь кафедру и вполне сдѣлалъ Римъ столицей міра, даровавъ вѣру, въ которой только и чувствовался недостатокъ, такъ какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Римъ стоялъ выше другихъ городов; нынѣ же и по вѣрѣ онъ выдѣляется надъ остальными ²⁾. Римъ съ теченіемъ времени сдѣлался матерью и наставницею всѣхъ церквей ³⁾, а потому и главою всей церкви ⁴⁾. Папѣ предстоитъ мірообъемлющая дѣятельность. Римская церковь—престоль апостольскій, должна подражать древней вурii Римлянъ: какъ тогда земной сенатъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы подчинить всѣ народы римской власти, такъ сановники апостольскаго престола, духовные сенаторы вселенской церкви, должны знать только одну задачу—подчинить родъ человѣческой законамъ истиннаго императора—Христа, какъ тогда римскіе консулы одерживали побѣды надъ врагами въ кровавыхъ бояхъ въ различныхъ мѣстахъ міра, такъ нынѣ священнослужители должны освобождать души людей изъ рукъ дьявола ⁵⁾. „Одинъ папа стоитъ во главѣ всего міра; на земномъ же шарѣ много царей, власть которыхъ ограничивается предѣлами ихъ областей; папа по чести и сану превосходить всѣхъ живущихъ во плоти людей, какъ царь царей и владыка императоровъ, къ стонамъ котораго принадеетъ великій императоръ. Въ случаѣ смерти папы весь міръ лишается общаго отца“ ⁶⁾. Онъ „намѣстникъ Христа и преемникъ высшаго Пастыря“ ⁷⁾. Стана высоко папу, Даміани, однако, вовсе не былъ слѣпымъ и крайнимъ поборникомъ римскихъ притязаній, закрывавшимъ глаза на злоупотребленія и недостатки намѣстниковъ апостоловъ: Петръ прямо считалъ Римъ и папскій дворъ гнѣздомъ ⁸⁾ ненавистной ему симоніи: отъ этого корня ядъ симоновой ереси распространился и по вѣтвямъ, т. е. другимъ церквямъ“, а потому преобразованія надо начинать съ римской церкви ⁹⁾. Власть папы не казалась Даміани безпредѣльной и неограниченной: онъ

¹⁾ Op. IV, clausula dictionis p. 86—87.

²⁾ Op. 31, c. 7, p. 540.

³⁾ *Petri Damiani Passio Sanctarum virginum Florae et Lucillae* c. 1, p. 1026.

⁴⁾ Sermo 23, p. 636.

⁵⁾ Sermo 66, p. 880.

⁶⁾ Op. 23, c. 1, p. 474.

⁷⁾ Op. 17, c. 4, p. 386.

⁸⁾ Lib. I, № 20, p. 246. Lib. IV, № 9, p. 313. Carmina et preces № 172, p. 964.

⁹⁾ Lib. II, № 19, p. 288.

ставилъ соборъ выше папы и думалъ, что всякое церковное дѣло подлѣжитъ рѣшенію или свѣтскихъ законовъ или постановленіямъ собора священнослужителей ¹⁾. Папа не представлялся ему безупречнымъ и непогрѣшимымъ, наоборотъ онъ называетъ нѣкоторыхъ изъ римскихъ епископовъ еретиками, убійцами и святотатцами ²⁾. Даже въ письмахъ къ современнымъ папамъ онъ нерѣдко смѣло укоряетъ ихъ, уличаетъ въ неподобающихъ званію поступкахъ, грозитъ выступить съ еще большими разоблаченіями, напоминаетъ о высокихъ обязанностяхъ и дѣлаетъ рѣзкія и нѣсскія указанія на злоупотребленія ³⁾.

Эти взгляды Даміани на взаимныя отношенія властей стоятъ въ непримиримомъ противорѣчій съ воззрѣніями, которыхъ придерживались такія опоры преобразовательной партіи, какъ кардиналъ Гумбертъ ⁴⁾ и архидіаконъ Гильдебрандъ, впоследствии папа Григорій VII ⁵⁾, стремившіеся къ полному подчиненію свѣтскихъ владѣтелей властной волѣ непогрѣшимыхъ и святыхъ папъ. Равногласіе распространилось на самыя представленія о природѣ и происхожденіи властей: по мнѣнію Петра, свѣтская власть была божественнымъ установленіемъ, по воззрѣнію Григорія VII она была человѣческимъ изобрѣтеніемъ, плодомъ всякаго рода насилій, внушенныхъ дьяволомъ ⁶⁾. Петръ смотрѣлъ на императора— какъ на защитника церкви ⁷⁾, а ярые паписты какъ на „служу дьявола“ ⁸⁾, Петръ признавалъ лишь синовое подчиненіе папѣ императора, ревнители сравнивали папу съ головой, императора съ хвостомъ ⁹⁾. Петръ не только въ помаваніи, но и въ каждомъ христіанинѣ видѣлъ священнослужителя ¹⁰⁾, Григорій и его сторонники вырывали непроходимую пропасть между клиромъ и паствою ¹¹⁾.

¹⁾ Lib. IV, № 9, p. 316.

²⁾ Op. VI, c. 25 и 26, p. 53, c. 16, p. 98—99. Op. 19, c. 11, p. 441.

³⁾ Lib. I, № 1, p. 205—206; Lib. I, № 2, 206—207. Lib. I, № 3, 207—208; Lib. I, № 4, p. 208—209. Lib. I, № 5, 209—210. Lib. I, № 7, 210—212. Lib. I, № 8, 212—213. Lib. I, № 11, p. 213—214. Lib. I, № 12, p. 214—218; Lib. I, № 13, 218—223. Lib. I, № 14, p. 223—225. Lib. I, № 15, p. 225—235. Lib. I, № 16, p. 235—237. Op. 17, c. 4, p. 386—388. Op. 19, p. 423. Op. 20, p. 443. Op. 24, p. 481.

⁴⁾ Lib. III, c. 21, p. 225—226; Lib. III, c. 29, p. 285, полемическое опроверженіе идей, раздѣляемыхъ Петромъ Даміани.

⁵⁾ R. II 55a, Quid valeant pontifices Romani p. 174—176.

⁶⁾ R. VIII, № 21, p. 457.

⁷⁾ Lib. VII, № 3, p. 437.

⁸⁾ De ordinando pontifice p. 13.

⁹⁾ Ibid.

¹⁰⁾ Lib. VIII, № 1, p. 461. Cp. Тертуліанъ [Exhort. Cast. cap. 7]. „Nonne et laici sacerdotes sumus“. Иринеѣ [Contra haeres. Lib. IV, 20] omnes justi sacerdotalem habent ordinem.

¹¹⁾ R. VIII, № 21, p. 458. R. IV, № 1, p. 238.

Расходясь съ вождями реформы въ конечной цѣли церковно-общественныхъ преобразованій, Даміани съ еще большимъ неодобреніемъ относился къ средствамъ, какими они думали доставить побѣду своему дѣлу. Этими излюбленными средствами были анаѣма и вооруженное воздѣйствіе на непокорныхъ.

Громы папской анаѣмы непрестанно раздавались тогда надъ головой западно-европейскаго человѣчества; не только отдѣльныя личности, но даже цѣлыя страны и города то и дѣло подпадали подъ эту ужасную кару: произнесеніе надъ кѣмъ-либо анаѣмы устранило живого человѣка изъ жизни; всякое общеніе съ нимъ навлекало на неосторожныхъ ту же участь. Въ мѣстностяхъ, пораженныхъ анаѣмой, прекращалось богослуженіе и отправленіе требъ; правый и виноватый страдали одинаково; по понятіямъ времени всѣ лишеныя спасительной благодати таинства, были исключены изъ общенія съ Богомъ, обречены на вѣчную гибель. Вотъ почему анаѣма производила огромное давленіе на умы и не разъ служила надежнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ противниками римскихъ притязаній; въ особенности къ ней любилъ прибѣгать Гильдебрандъ, такъ сильно вліявшій на Александра II.

Даміани не могъ примириться съ духовнымъ насиліемъ и выступилъ съ сильнымъ противоудѣйствіемъ злоупотребленіямъ анаѣмой ¹⁾. Въ письмѣ къ Александру онъ горько сѣтуетъ, что папа налагаетъ анаѣму безъ разбора; за мелкіе проступки назначаетъ наказаніе, примѣняемое лишь къ закоренѣлымъ злодѣямъ и еретикамъ. По требованію справедливости одному наказанію подлежитъ совершившій болѣе тяжкій проступокъ, другому впавшій въ меньшее прегрѣшеніе. Теперь же и за незначительные грѣхи на всѣхъ налагаютъ безъ различія одинаковое наказаніе—одну только анаѣму. Въ этомъ случаѣ не отнимаютъ свободу, не отбираютъ имущества, не назначаютъ денежной пени, какъ бываетъ при свѣтскомъ судопроизводствѣ, но лишаютъ Бога, виновника всѣхъ благъ. Тутъ человѣкъ налагаетъ на человѣка такое наказаніе, какому не дерзаетъ подвергнуть даже всемогущій Богъ нарушителей своихъ завітовъ: Онъ говоритъ, „кто любитъ отца и мать больше меня“ и не прибавляетъ тотчасъ,—„да будетъ анаѣма или проклятъ“, но только молвить: „тотъ недостоинъ меня“. Стойки неправы, увѣряя, будто всѣ проступки равны, а потому и подлежатъ одинаковой карѣ: разиѣръ наказанія всегда слѣдуетъ сообразовывать со степенью вины. Да и въ предшествующія времена папы никогда не злоупотребляли анаѣмой, какъ дѣлается теперь, когда вслѣдствіе проступка одного человѣка гибнетъ безчисленное множество людей и вина одного лица, заслуживаю-

¹⁾ Lib. I, № 12, p. 215, Lер. ib. I, № 7, p. 211—212 и Lib. I, № 14, p. 224.

шаго состраданія, губить души невинныхъ и дѣлаеть тщетнымъ великій подвигъ Христа, ради котораго Онъ пролилъ свою драгоценную кровь ¹⁾.

Войну Даміани считалъ столь же противной нравственнымъ обязанностямъ христіанина, тѣмъ болѣе священнослужителя, и въ прошлой судьбѣ церкви видѣлъ недостижимый образецъ для настоящаго, когда глубоко вкоренился обычай ²⁾ въ средѣ духовныхъ и мірянъ отстаивать свои прана съ оружіемъ въ рукахъ: „мнѣ кажется, вишетъ Петръ ³⁾, вопль нелѣпнымъ, чтобы служители божьи дерзали на то, что запрещено простой черни, чтобы они дѣлами утверждали то, на что нападаютъ словами. Что болѣе противно христіанскому ученію, чѣмъ воздаяніе обидами за обиды. Вѣдь любовь и терпѣніе—главныя жемчужины добродѣтели, принесенныя Спасителемъ съ неба. Христось училъ насъ спокойно переносить ярости міра, а не хвататься за оружіе, не отвѣчать оскорбленіями обидчику. Скажутъ, пожалуй, это заповѣдано мірянамъ, а не священнослужителямъ; владыки церковныя должны проповѣдывать, но не соблюдать завѣты Христа. Не правда, священникъ, желающій быть великимъ въ царствіи небесномъ, да будетъ всегда впереди своего народа и самъ первый совершаетъ живыми дѣлами то, что говорить своей паствѣ. Проповѣдью и всей жизнью Христось даровалъ намъ образецъ кротости и всепрощенія, незлобія и любви. Нашъ долгъ подражать Ему. За вѣру, которой живетъ вся церковь, никогда не позволилось братья за оружіе, какъ же могутъ цѣлыя полчища, закованныя въ желѣзо, свирѣпствовать изъ за земныхъ и переходящихъ имуществъ. Наконецъ, святые мужи, бери верхъ, никогда не губили еретиковъ и идолопоклонниковъ; сами же не уклонялись отъ гибели за вѣру истинную, какъ можетъ вѣрующій, ради ущерба въ ничтожныхъ дѣлахъ, съ мечемъ въ рукахъ нападать на вѣрующаго, вмѣстѣ съ нимъ искупденнаго кровью Христовой. Вотъ и недавно одинъ аббатъ съ пѣснопѣніями и въ полномъ облаченіи вышелъ навстрѣчу ратной силѣ противника и болѣе подѣйствовалъ на него этимъ, чѣмъ добился бы вооруженной рукой“.

На это могутъ, пожалуй, возразить: папа Левъ часто принималъ участіе въ воинскихъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе онъ принадлежитъ къ лику святыхъ. На это я говорю то, что думаю: Петръ не потому что отрекался достигъ первенства въ средѣ апостоловъ и Давидъ не потому удостоился предсказанія пророческаго, что посягнуть на ложе другого мужа; нельзя опѣивать хорошія и дурныя качества по заслугамъ лицъ, ими обладающихъ, но слѣдуетъ судить о нихъ по самой сущности дѣла.

¹⁾ Lib. I, № 12, p. 215.

²⁾ Lib. I, № 15, p. 228.

³⁾ Lib. IV, № 9, 314—316.

Развѣ мы читаемъ, что такъ поступалъ или письменно поучалъ Григорій, вытерпѣвшій такіа насилія и хищенія отъ дикихъ лангобардовъ. Развѣ Амвросій ходилъ войною на аріанъ, свирѣпо посягавшихъ на него и его церковь. Развѣ сообщается, что кто-либо изъ святыхъ епископовъ поднималъ оружіе? Судебные уставы или постановленія собора священнослужителей пусть вѣдаютъ спорныя дѣла церковныя, дабы не обращалось въ порицаніе намъ, за боевыя схватки, то, что слѣдуетъ разсматривать передъ судебскимъ трибуналомъ или вершить по рѣшенію епископовъ¹⁾.

Такую рѣшительную проповѣдь непротивленія злу насиліемъ Даміани обращалъ къ обществу, гдѣ, по его собственному наблюденію, царилъ настоящая война всѣхъ противъ всѣхъ: въ другомъ письмѣ вотъ въ какихъ краскахъ рисуется²⁾ онъ современное положеніе дѣлъ: „всѣ міряне нарушаютъ права церковныя, отнимаютъ доходы, захватываютъ владѣнія и притомъ кичатся, какъ будто отбили добычу неприятельскую, разграбивъ достояніе бѣдниковъ. Недовольствуясь этимъ міряне другъ у друга расхищаютъ собственность, одинъ на одного нападаютъ и становятся во взаимныхъ набѣгахъ. Они во время нападеній жгутъ тростниковыя кровли поселянъ и не стыдятся выливать на безоружныхъ желчь отвратительнѣйшаго недобророжелательства, не смѣя извергнуть ее на своихъ враговъ. Такимъ образомъ сбывается слово пророческое: „горитъ бѣднякъ, когда величается нечестивецъ“. Ядовитость змѣи благороднѣе людской свирѣпости: вѣдь змѣя убѣгаетъ отъ нагого человѣка и кусаетъ одѣтаго. Эти же презрѣнные хватаютъ оружіе противъ безоружныхъ и невинные страдаютъ при наступленіи непріятеля. Этого мало: разъ кто-либо оскорбилъ первышъ, тотчасъ поднимается потерпѣвшій и не вырываетъ око за око, какъ говорить писаніе, но со мздою возвращаетъ обиду. Наше время забыло мѣру въ воздаяніи, установленную римскими законами, и не знаетъ удержу въ мести, которая умѣрялась въ языческомъ государствѣ и это происходитъ теперь, когда Евангеліе грозно гласитъ о прощеніи“.

Само собою понятно, что при такихъ обстоятельствахъ проповѣдь Даміани должна была остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и руководители папской политики сами не разъ рѣшали назрѣвавшіе вопросы кровью и желѣзомъ³⁾. Даміани тѣмъ не менѣе продолжалъ отстаивать

¹⁾ Lib. IV, № 9, p. 316.

²⁾ Lib. I, № 15, p. 227—228.

³⁾ Bonithonis. Lib. VI, p. 642—3. Annales Romani p. 471. Leonis Ostiensis. Lib. III, c. 15, p. 707. Benzonis. Lib. II, c. 10, p. 616. Annales Altahenses p. 811—812—813. Benzonis Lib. II, c. 14, p. 617. Bonithonis Lib. VI. p. 646. Annales Altahenses p. 815.

свою точку зрѣнія ¹⁾, нападая на Гильдебранда— „монаха, одѣтаго въ латы“ ²⁾. Петръ придерживался стойко устава св. Бенедикта и полагалъ ³⁾, что монаху подобаеъ пребывать въ монастырѣ подъ руководствомъ аббата, а не разбѣзжать по различнымъ мѣстамъ, по своему усмотрѣнію, и обладать собственностью. Такіе инокъ не монахи, а „сарабайты“ ⁴⁾. Любопытно, что именно такую кличку прилагалъ ⁵⁾ известный поборникъ державныхъ правъ императорства, Бенцонъ, епископъ Альбскій, къ Гильдебранду, котораго современные полемисты упрекали за многообразное нарушеніе монашескихъ обѣтовъ ⁶⁾. Естественно, что Даміани съ своими строгими воззрѣніями и отвращеніемъ отъ мнѣшательства въ мірскія дѣла не могъ одобрить такого уловенія отъ монашескихъ уставовъ и не разъ нападалъ на своего „враждебнаго друга“ ⁷⁾ „святаго сатану“ ⁸⁾ „господина нашь“ ⁹⁾, примѣняя къ нему даже тоже бранное прозвище, какое давалъ антипапѣ Кадалу ¹⁰⁾. Дѣло не разъ доходило до острыхъ столкновеній и открытаго разрыва ¹¹⁾, такъ какъ Петръ, считая войну запретной для духовенства, никакъ не могъ примириться съ расхищеніемъ церковныхъ имуществъ на боевыя потребности ¹²⁾. Такое употребленіе противорѣчило самымъ кореннымъ образомъ его взглядамъ на богатство вообще и церковное достоиніе въ особенности: по его мнѣнію, Всемогущій Богъ однихъ связалъ бѣдностью,

¹⁾ Carmina et preces, № 187, p. 966 и № 189, p. 966.

²⁾ Carmina et preces № 193, p. 966. Ср. Epistola Theodorici p. 217. Widonis Ferrariensis Lib. II, p. 169.

³⁾ Op. 27, c. 3, p. 507. Op. 12, c. 27, p. 280.

⁴⁾ О значеніи этого прозванія см. *Ducange*, Glossarium mediae et infimae latinitatis. T. VII. 1886, p. 307. „Sarabaitae, quique ab eo quod a coenobiali disciplina semet ipsos sequestrant, suasque liberi appetunt voluptates, abusive dicti sunt lingua Aegyptiaca“.

⁵⁾ Benzonis Lib. II, c. 2, p. 613. Lib. II, c. 4, p. 614, c. 8, p. 615, c. 18, 620. Lib. III, c. 26, p. 632. Lib. V, c. 14, p. 655. Lib. VI praef. p. 656.

⁶⁾ Cod. Ud. № 64, p. 133. Wenrici scolastici Treverensis epistola c. 2, p. 286. Ср. Manegoldi ad Gebhardum liber. c. 10, p. 331.—Petri Crassi Defensio Henrici IV, c. 1, p. 434, c. 4, p. 438. 441 c. 5, 441 и 443, c. 7, 451. Widonis episcopi Ferrariensis c. 2, p. 534. Benzonis c. 8, p. 615. Benonis Gesta Romanae ecclesiae II, c. 6, p. 377, c. 8, p. 378, c. 9, p. 379, c. 11, p. 389.

⁷⁾ Lib. I, № 11, p. 213.

⁸⁾ Lib. I, № 16, p. 236. Op. 20, c. 1, p. 444.

⁹⁾ Carmina et preces № 149, p. 961.

¹⁰⁾ „Virga Assur“ Lib. III, № 6, p. 294. Op. 20, p. 441.

¹¹⁾ Lib. I, № 8, p. 212—213. № 11, p. 214. № 14, p. 224. № 16, p. 235—237. Lib. II, № 8, p. 272—273. № 9, p. 273—275. Op. 19, p. 423. Op. 20, p. 442—443. Carmina et preces № 155, p. 962, № 194, p. 966—967. № 196, p. 967. № 207, p. 967.

¹²⁾ Lib. I, № 8, p. 212—218. Op. 20, c. 3, p. 445—446. Op. 19, p. 423.

другимъ дароваль богатство въ избыткѣ для того, чтобы и послѣдніе имѣли, чѣмъ искупить свои грѣхи, и первые могли бороться съ нуждою¹⁾. Богатые спорѣ надсмотрщики, чѣмъ хозяева; они не должны смотрѣть на свое имѣніе, какъ на личную собственность: они вѣдь получили переходящіе блага не для того, чтобы утопать въ утѣхахъ, или тратить ихъ на собственные потребности, но на нихъ возложена Богомъ обязанность присмотра, пока они пребываютъ какъ бы управителями вѣреннаго имъ достоянія, а потому богачи отдають чужое, а не расточаютъ свое, раздавая подаяніе бѣднымъ²⁾.

Отказывающіе бѣднику въ помощи—грабители и воры, ибо творя милостыню мы расточаемъ не свое, а чужое, отдаемъ не свое, а общее достояніе³⁾. Еще Апостолы собственнымъ примѣромъ наставляли насъ въ щедрой поддержкѣ немущимъ⁴⁾ и наша обязанность исполнить неоднократно выраженную волю божью, помогая убогимъ⁵⁾.

Понятно, поэтому, наставленіе, какое даетъ⁶⁾ Даміани одной молодой вѣнчанкѣ: „не живи грабежемъ бѣдныхъ, страшись, какъ иуда вѣнчанго, лица, приобретенной насиліемъ. Апостолъ предписываетъ каждому работать своими руками, займись и ты земледѣліемъ, дабы житницы твои могли наполниться на утѣшеніе нуждающимся“.

Естественно, что при такомъ взглядѣ на частную собственность Даміани считалъ и достояніе епископовъ принадлежащимъ Богу, а потому они не смѣють имъ распорядиться по своему усмотрѣнію⁷⁾, а всецѣло должны употреблять на опредѣленныя потребности: „имѣнія даруются церкви для того, чтобы она поддерживала бѣдныхъ, кормила вдовъ и сиротъ, помогала путешествующимъ“⁸⁾. Блюсти за надлежащимъ употребленіемъ церковной собственности—должны епископы, а потому Даміани, какъ кардиналъ епископъ Остійскій и намѣстникъ Евгубійскій, возставалъ противъ раздачи церковныхъ имуществъ своихъ епархій мѣрянамъ и старался сложить свой санъ, когда его обличенія не подѣйствовали на Гильдебранда⁹⁾.

Въ подражаніе же апостольскому времени, когда „Апостолы жили, какъ монахи“¹⁰⁾, Петръ водворилъ въ своихъ монастыряхъ общность

¹⁾ Ор. 9, с. 1, р. 210.

²⁾ Ор. 9, с. 1, р. 210—211.

³⁾ Ор. 9, с. 1, р. 211, с. IV, р. 216.

⁴⁾ Ор. 9, с. 4, р. 216—217.

⁵⁾ Ор. 9, с. 3, р. 215.

⁶⁾ Lib. VII, № 18, р. 459. Земледѣльцу лучше живется, чѣмъ воину: *Carmina, et praeses* № 189, р. 966.

⁷⁾ Ор. 27, с. 1, р. 505.

⁸⁾ Ор. 26, с. 11, р. 501. Ср. с. 141. Lib. I, № 8, р. 213 и Ор. 20, с. 3, р. 445—446.

⁹⁾ Ор. 23, praef. р. 511—513.

имущество, но передъ смертью завѣщала, чтобы каждая обитель получила обратно свое достояніе, во избѣжаніе недоразумѣній и раздоръ ¹⁾. Подобныя приведеннымъ взглядамъ Петра представленія вовсе не являются исключительной личной особенностью. Возвращая Даміани на собственность имѣютъ своими предшественниками ииѣнія Амвросія, Августина, Григорія Великаго и Григорія Богослова, считавшихъ *захватъ* чуждымъ собственности; тоже думалъ и Тома Аквинскій; вообще широкое развитіе благотворительности по религиознымъ побужденіямъ является типичною средневѣковою чертою, слѣдствіемъ стремленія водворить на землѣ царство божье.

Итакъ, Даміани по общему складу своихъ убѣжденій не раздѣлялъ вѣчныхъ цѣлей, намѣченныхъ ярыми папистами, и не одобрялъ избранныхъ ими средствъ, хотя всею душою стремился къ церковно-общественнымъ улучшениямъ и преобразованіямъ. Какими же способами думалъ Петръ воздѣйствовать на общество, провести въ жизнь свои задушевные мечтанія? Вѣрный себѣ и своимъ общимъ взглядамъ, онъ борется своеобразнымъ оружіемъ, *словомъ*, прибѣгаетъ къ увѣщаніямъ, обличеніямъ и наставленіямъ. Вѣчнымъ памятникомъ его благородныхъ и возвышенныхъ стремленій останутся многочисленныя и разнообразныя сочиненія, въ сожалѣнію до сихъ поръ еще неизданныя надлежащимъ образомъ: старыя изданія ²⁾ и перепечатка Миня ³⁾ страдаютъ вопіющими недостатками ⁴⁾, до крайности затрудняющими изученіе и изслѣдованіе. Тѣмъ не менѣе уже 158 дошедшихъ до насъ писемъ Даміани наглядно обрисовываютъ его кипучую и разностороннюю дѣятель-

¹⁾ Lib. VI, № 96, p. 434.

²⁾ Domini Constantini Cajetani studio et labore beati Petri Damiani opera omnia in quattuor tomos distributa Romae 1606. Parisiis 1610.

³⁾ Cursus Patrologiae completus series Latina. T. 144—145.

⁴⁾ При крайне искусственномъ порядкѣ, отсутствіи, почти полномъ, примѣчаній, грубыхъ ошибкахъ въ опредѣленіи лицъ, къ которымъ писалъ Даміани, изданіе Миня все-таки имѣетъ по полнотѣ собраннаго матеріала нѣкоторыя преимущества. Какъ на примѣръ погрѣшностей, достаточно указать на Lib. III, № 4, p. 291—292, гдѣ рѣчь идетъ вовсе не о Кадалѣ и Александрѣ II, а о Николаѣ II и Бенедиктѣ X, какъ видно изъ Leonis ostiensis. Lib. II, с. 99, p. 695. Тоже и Op. XX, с. 3, p. 446.—Lib. III, № 5, p. 292—293, отправлена вовсе не къ Виберту, архіепископу Равенскому, который получалъ (1073) этотъ санъ уже послѣ смерти Даміани (Bonithonis Lib. VI, p. 655), а къ Видгеру, рукоположенному въ 1044 (Herimanni chronicon p. 125) и низложенному въ 1046 г. (Herimanni p. 126, Bernoldi p. 425. Petri Damiani. Lib. VII, № 2, p. 436); Lib. II, № 5, p. 260—270, отправлена къ Гумберту и Стефану, а не къ Гильдебранду см. Benzonis. Lib. VII, с. 2, 671. Op. 32, p. 543—560, написано не для Гильдебранда, ср. Lib. II, № 7, p. 272, а для какого то неизвѣстнаго монаха, какъ видно изъ обращенія писемъ; Lib. II, № 8, p. 272, Lib. II, № 9, p. 273.

ность: здѣсь Петръ громко и правдиво обращаетъ и къ сильнымъ міра ¹⁾, и къ безвѣстнымъ духовнымъ, монахамъ ²⁾ и ширянамъ ³⁾. То и дѣло оиъ ходатайствуетъ передъ папами, императоромъ, королемъ, князьями, епископами, аббатами, высокопоставленными женщинами о прощеніи виновныхъ, настоятельно зоветъ къ устраненію жалѣваемыхъ золъ, защищаетъ невинныхъ, обличаетъ пороки вѣра и времени, проситъ объ ихъ каноническомъ исправленіи, укоряетъ за проступки, не стѣсняясь ни высокимъ положеніемъ, ни могуществомъ обличаемыхъ; всѣхъ одинаково призываетъ къ выполненію возложенныхъ Богомъ обязанностей ⁴⁾ и соблюденію принятыхъ добровольно обѣтовъ ⁵⁾. Искренность, правдивость и прямота Даміани, его громкая извѣстность какъ ученаго отшельника, слава его чистой жизни и возвышенный образъ мыслей сдѣлали его своего рода сосредоточіемъ общаго вниманія, руководителемъ и наставникомъ современниковъ: къ нему обращались за разрѣшеніемъ самыхъ разнообразныхъ недоумѣній; у него искали защиты, совѣта и указанія. И онъ никогда не оставался глухъ къ просьбамъ, постоянно давалъ всѣмъ сильное удовлетвореніе, откликался на всѣ запросы времени, хотя и рвался всею душою къ созерцательной жизни въ тиши любимаго уединенія. Онъ чувствовалъ, что сложныя заботы по управленію епископствами и монастырями, отвѣтственный постъ кардинала, общеніе чуть ли не со всѣмъ западно-европейскимъ міромъ пагубно вліяли на его личное самосовершенствованіе, часто увлекали его въ грѣхъ и искушеніе ⁶⁾. Но тутъ повторялось столь обычное въ средніе вѣка явленіе: выдающійся человѣкъ бѣжалъ отъ соблазновъ міра, но не имѣлъ силы оставить его на произволъ судьбы и въ ущербъ собственному спасенію вступался все болѣе и болѣе въ ея превратности. Стоитъ припомнить хотя бы знаменитаго отшельника времени Оттоновъ, Ромуальда, или извѣстнаго недвижника Бернарда Клервоскаго. По своему общенію на современниковъ, по вліянію на ходъ событій и направленіе общественнаго мнѣнія Даміани нисколько не уступалъ этимъ выдающимся дѣятелямъ средневѣковья,

¹⁾ Папъ. Lib. I, № 1—19, p. 205—237. Кадалъ. Lib. I, № 20 и 21, p. 237—254. Кардиналы епископи. Lib. II, № 1—21, p. 253—268. Архіепископи. Lib. III, № 1—10, p. 289—296. Епископи. Lib. IV, № 1—17, p. 297—336. Lib. VII, № 1—10, p. 434—460. Lib. VIII, № 1—6, p. 461—476.

²⁾ Lib. V, № 1—19, p. 395—372. Lib. VI, № 1—36, p. 371—431.

³⁾ Lib. VIII, № 7—15, p. 476—496.

⁴⁾ Op. XXV, p. 491—497. Op. 57. De principis officio in coertione improborum p. 819—831.

⁵⁾ Op. 42. De fide Deo obstricta non fallenda p. 667—679.

⁶⁾ Op. 19, p. 423—442. Op. 20, p. 442—456. Op. 21, p. 456—461.

*

какъ показывается его успѣшная борьба съ антипапой Кадаломъ. Недовольствуясь неоднократнымъ увѣщаніемъ „парискаго вѣбри“¹⁾ къ отреченію отъ захваченнаго сана и отказу отъ упорства, вводящаго въ гибель церковь и христіанъ, Петръ цѣлымъ рядомъ писемъ поднялъ противъ Кадала управителя Германіи Аннона²⁾, короля Генриха³⁾, герцога Готфрида⁴⁾, соборы Аусбургскій⁵⁾ и Мантуанскій и всѣхъ сочувствовавшихъ дѣлу церковно-общественныхъ преобразованій⁶⁾. Насмѣшка, просьбы, угрозы Божьей карой, предсказаніе неминуемой смерти за нежеланіе прекратить смуту, все было пущено въ ходъ для возстановленія потрясеннаго мира, и средство подѣйствовало: въ то время какъ войска Александра II и Гильдебранда терпѣли пораженія⁷⁾, письма Даміани торжествовали безкровную побѣду и подъ ихъ сильнѣйшимъ вліяніемъ соборы въ Аусбургѣ и Мантуѣ безвозвратно осудили дѣло Кадала, призвавъ Александра истиннымъ преемникомъ апостоловъ⁸⁾. Да и равнѣе, когда христіанскій міръ колебался, кого признать папой, Николай-ли II или Бенедикта X, Петръ въ отвѣтъ на запросы многихъ недоумѣвавшихъ, къ кому пристать, рѣшительно высказался⁹⁾ за ставленника церковной партіи и требовалъ самаго широкаго распространенія своего письма. Бенедиктъ не нашелъ сильныхъ сторонниковъ и былъ вскорѣ низложенъ¹⁰⁾. Увѣщаніями же и личнымъ обаяніемъ Даміани добился отъ молодого Генриха IV прекращенія соблзнительнаго для вѣрующихъ бракоразводнаго дѣла съ его супругою Бертою: смиренный монахъ и грозный обличитель самымъ могущественнымъ образомъ потрясъ юную душу короля своей проповѣдью покорности волѣ божьей и вполне возстановилъ согласіе между супругами¹¹⁾.

Тоже умѣніе рѣшить занутанное дѣло одними духовными средствами, не прибѣгая къ грубой силѣ, или крутымъ мѣропріятіямъ, блестяще обнаруживается во время поѣздки Даміани въ Миланъ¹²⁾, главный оплотъ симоніи и браковъ духовенства въ Италіи. Въ ту минуту,

¹⁾ Lib. I, № 20, p. 237—247. Lib. I, № 21, p. 248—254.

²⁾ Lib. III, № 6, p. 293—295.

³⁾ Lib. VII, № 3, p. 437—442.

⁴⁾ Lib. VII, № 10, p. 448—449.

⁷⁾ Op. IV, p. 67—87. Annales Altahenses p. 812.

⁶⁾ Lib. IV, № 9, p. 313. Op. 18, c. 8, p. 414.

⁹⁾ Annales Romani p. 472. Benzonis. Lib. II, c. 10, p. 616. Annales Altahenses, p. 813.

¹⁾ Annales Altahenses p. 813—814. Bonithonis. Lib. VI, p. 648.

⁰⁾ Lib. III, № 4, 291—292.

¹⁰⁾ Bonithonis Lib. VI, p. 642—644. Annales Romani p. 471.

¹¹⁾ Lamberti p. 176.

¹²⁾ Op. V, 89—98. Bonithonis Lib. VI, p. 640.

когда всё потерялись передъ взрывомъ негодованія разъяренной толпы, готовой убить римскихъ легатовъ за ихъ посягательства на самостоятельность церкви: св. Амвросія, Даміани съ должнѣмъ самообладаніемъ своимъ вламаннымъ краснорѣчіемъ побѣдилъ народную ярость ¹⁾ и кроткими мѣропріятіями добился осужденія церковныхъ нестроений и духовнаго подчищенія Милана Риму ²⁾. Точно также съ опасностью жизни уже престарѣлый Петръ отправился во Францію ³⁾ для защиты Ключни, смѣлѣйшаго очага преобразованій, отъ притязаній сосѣдняго епископа, грозившихъ гибелью этому ослоту и роднику преобразовательнаго теченія. Здѣсь, на Шалонскомъ соборѣ, а не на полѣ битвы, силою доводовъ, а не мечемъ, Даміани принудилъ епископа сознаться въ своей неправотѣ и отказаться отъ желанія поставить Ключни въ зависящее отъ себя положеніе ⁴⁾.

Современники прекрасно сознавали все могущество пера и пылакаго слова. Даміани и старались въ немъ найти себѣ защитника отъ клеветы и неправды: вдовствующая императрица Агнесса, заподозрѣнная въ близкихъ отношеніяхъ къ епископу Генриху Аугсбургскому ⁵⁾, прибѣгла къ краснорѣчію и обаянію Петра для возстановленія своей чести, и всѣми уважаемый аскетъ послѣ исповѣди возвѣстилъ міру ея невинность въ особомъ посланіи ⁶⁾. Извѣстность Даміани была чрезвычайно велика, и изъ отдаленнаго Константинополя ⁷⁾ монахи обратились къ нему за совѣтомъ. Петръ въ своемъ отвѣтѣ ⁸⁾ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе, высказавъ, что всюду можно спастись, и различіе языка не важно въ дѣлѣ спасенія. Современники считали Даміани вторымъ Іеронимомъ ⁹⁾ и обыкновенно искали у него наставленій, какъ толковать и согласовать различныя мѣста Писанія ¹⁰⁾, какъ относиться къ жѣсткимъ особенностямъ и обрядамъ ¹¹⁾. Онъ постоянно удовлетворялъ

¹⁾ Arnulfi Lib. III, c. 14, p. 21. Vita Damiani c. 16, p. 133—136.

²⁾ Bonithonis Lib. VI, p. 643. Arnulfi Lib. III, c. 15, p. 21.

³⁾ Alexandri II diploma de legatione Petri Damiani in Gallias p. 857. De adventu Petri Damiani ad cluniacensem ecclesiam p. 858—859.

⁴⁾ De Gallica protectione p. 866—860. Acta synodi in Galliis celebratae a Petro Damiano: 859—861.

⁵⁾ Lamberti Annales 1062, p. 162.

⁶⁾ Lib. VI, № 13, p. 396.

⁷⁾ Op. 56, p. 807—820.

⁸⁾ Lib. VI, № 13, p. 396—397.

⁹⁾ Bernaldi Op. X, p. 119. Въ 1828 году папа Левъ XII привнелъ Даміани „doctor ecclesiae“ и причислялъ его къ лику святыхъ.

¹⁰⁾ Op. 37 p. 622—633. Op. 90, p. 841—856.

¹¹⁾ Op. I de fide catholica p. 20—42. Op. X, De horis canonicis p. 221—230. Op. XI, Iiber qui appellatur Dominus nobiscum p. 231—251. Op. 32, De quadragesima

этимъ запросамъ, и, стоя на стражѣ чистоты вѣры, боролся съ евреями ¹⁾, греками ²⁾, современными еретическими броженіями ³⁾, множествомъ мелкихъ заблужденій и превратныхъ обычаевъ, обличая ихъ неправоту въ обширныхъ и цѣнныхъ посланіяхъ и въ рядѣ исчерпанныхъ, простыхъ и задумчивыхъ проповѣдей изъясняя и разъясняя наиболее близкаго народному сердцу вопросы о загробной жизни ⁸³⁾, страшномъ судѣ ⁸⁴⁾, празднествахъ церковныхъ ⁴⁾, подвизая святыхъ и мучениковъ ⁵⁾, въ честь которыхъ слагалъ особыя вѣщанія ⁶⁾ и жизнеописанія ⁷⁾, проникнутыя глубокимъ религіознымъ духомъ, исполненныя мистическаго воодушевленія и неподдѣльной теплоты чувства. Его звучныя и сильныя духовныя стихотворенія ⁸⁾ сдѣлались общераспространенными и

p. 544—572. Op. 37, De variis sacris quaestionibus p. 622—633, Op. 39 Contra sedentes tempore divini officii p. 642—647. Op. 41, De tempore celebrandis nuptiis p. 659—667. Op. 44, De decem Aegypti plagis p. 686—695. Op. 59, p. 837—841.

¹⁾ Op. II, Antilogus contra judaeos p. 42—53. Op. III, Dialogus inter judaeum requirentem et Christianum e contrario respondentem p. 59—67.

²⁾ Op. 38, Contra errorem Graecorum de processione Spiritus sancti p. 638—642 De jejuniis sabbati. Op. 54, p. 795—800.

³⁾ Expositio canonis missae p. 880—892. Op. 55 de celebrandis vigiliis p. 800—807. Op. 35, p. 589—594. Op. 36, p. 595—622. Op. 16, p. 366—380. Op. 30, p. 523—529. Op. 31, p. 529—542. Op. 6, p. 99—159. Op. 7, p. 159—189. Op. 8, p. 192—207. Op. 31, p. 529—541.

⁴⁾ Lib. V, № 1, p. 337—340. Sermo 37, p. 699—705, 68 p. 853—857.

⁵⁾ Op. 59. De novissimis et Antichristo p. 837—841.

⁶⁾ Sermo I, p. 506—514, 7, p. 543, 8 p. 545, 10 p. 553, 11 p. 557, 12 p. 563, 18 p. 601—611, 21 p. 619, 23 p. 627, 24 p. 637, 25 p. 640, 40 p. 717, 44 p. 736, 45 p. 740, 46 p. 746, 47 p. 761, 48 p. 766, 60 p. 839, 61 p. 846.

⁷⁾ 65 p. 875, 66 p. 881. Sermo 2 p. 514, 3 p. 517, 4, p. 522, 5 p. 527, 6 p. 534, 9 p. 548, 13 p. 567, 14 p. 572, 15 p. 580, 16 p. 583, 17 p. 585, 19 p. 611, 20 p. 615, 22 p. 623, 26 p. 646, 27 p. 649, 28 p. 652, 29 p. 660, 30 p. 666, 31 p. 670, 32 p. 673, 33 p. 680, 34 p. 637, 35 p. 691, 36 p. 699, 37 p. 699, 38 p. 705, 39 p. 710, 41 p. 722, 42 p. 726, 43 p. 732, 49 p. 777, 50, p. 783, 51 p. 788, 52 p. 794, 53 p. 800, 54 p. 807, 55 p. 811, 56 p. 815, 57 p. 822, 58 p. 828, 59 p. 835, 62 p. 863, 63 p. 857, 64 p. 866. Некоторые изъ проповѣдей считаются неподлинными.

⁸⁾ Carmina et preces № 86, p. 941, № 70, p. 941, № 71, p. 941, № 72, p. 941, № 73, p. 942, № 74, 942, № 75, p. 942, № 77, p. 942, № 78—79, p. 943—944, № 80—85, p. 944, № 86—88, p. 945, № 89, p. 945, № 95, p. 947, № 96, p. 949, № 97, p. 949, № 98, p. 950, № 99, p. 950, № 102—114, p. 951—953, № 117, p. 953, № 118, p. 954, № 119—120, p. 955, № 121, p. 955, № 122, p. 956, № 123, p. 957, № 124, p. 957.

⁹⁾ Vita Sancti Odilonis p. 925. Vita S. Mauri p. 945. Vita S. Romualdi p. 953—1007. Vita S. Rodulphi et Dominici Loricati p. 1007—1025. Passio ss. Virginum Florae, et Lucillae p. 1025—1031. Expositio visionum ss. martyrum Mariani et Jacobi p. 1031—1055.

¹⁰⁾ Hymnus de gloria paradisi p. 861—864. Carmina et preces, № 220, p. 971, № 222, p. 974, № 223 p. 977, № 40 p. 931—933, № 44, p. 933, № 45, p. 934, № 57

нашли себѣ отголосокъ въ высокой поэзіи францисканскаго ордена. Какъ истый монахъ, онъ вообще тяготеетъ къ вопросамъ религіозно-нравственнымъ, посвящаетъ не мало трудовъ прославленію прелестей созерцательной жизни ¹⁾, отстаиваетъ превосходство монашества, въ особенности отшельничества ²⁾. Его идеалъ одиночества и созерцанія увлекалъ даже Петрарку, въ восторгомъ читавшаго его произведенія.

Такое отношеніе знаменитаго гуманиста къ сочиненіямъ кардинала-монаха лучше всего можетъ усилить обаяніе, производимое Даміани на современниковъ, между которыми онъ выдѣлялся по своей громадной начитанности и разнообразнымъ свѣдѣніямъ, помогавшимъ ему съ успѣхомъ отстаивать свою точку зрѣнія на вещи. Большинство своихъ доводовъ онъ черпаетъ изъ священнаго писанія, такъ что его произведенія простираются смысломъ почти на всѣ главы библіи ³⁾. Недовольствуясь иррациональнымъ смысломъ писанія, онъ обыкновенно усматриваетъ особое, таинственное значеніе въ именахъ и событіяхъ Ветхаго Завета ⁴⁾, раскрывая въ нихъ прообразы и указанія для современнаго положенія дѣла. Даміани любитъ приводить и свидѣтельства писателей ⁵⁾ церкви западной и восточной, не преклоняясь, однако, передъ ихъ авторитетомъ ⁶⁾; онъ обыкновенно ищетъ поддержки въ соборныхъ постановленіяхъ и письмахъ папъ ⁷⁾, равно какъ въ данныхъ древней и средневѣковой, свѣтской и церковной исторіи ⁸⁾, въ доводахъ разума ⁹⁾ и явле-

934—935, № 52—56, p. 936—937, № 61, p. 937—939, № 62—65, p. 939—941, № 226, p. 980—986, № 225, p. 980. Ср. съ известнымъ гимномъ „Dies irae, dies illa“ № 224 p. 978—980.

¹⁾ Op. 12, p. 251—291. Op. 13, p. 291—323. Op. 16, p. 364—380. Op. 27, p. 503—512. Op. 49, p. 721—730. Op. 50, p. 731—748. № 58, p. 831—837.

²⁾ Op. 14, p. 838—835. Op. 15, p. 935—934. Op. 26, p. 512—518. Op. 48, p. 715—721. Op. 51, p. 748—763.

³⁾ Testimonia novi testamenti p. 892—912. Collectanea in vetus testamentum p. 986—1176.

⁴⁾ Напр. Lib. IV, № 15, p. 326—331. Lib. VI, № 5, p. 376. Lib. VI, № 23, p. 411. Op. 18, c. 2, p. 389—391. Op. 32 c. 2, p. 546; гдѣ Даміани рѣшиительно отстаетъ аллегоричность свидѣтельствъ писанія. Образы толкованій см. въ Collectanea in vetus Testamentum p. 991—1175.

⁵⁾ Op. 1, c. 10, p. 37—38. Op. 2, c. 4, p. 55. Op. 6, c. 120—121, c. 17, p. 123. Op. 14, p. 331. Op. 19, c. 1, p. 424—425. Op. 33, c. 5, p. 638—639 и т. д.

⁶⁾ Op. 36, c. 16, „non a quo dicatur sed quid dicatur intendo.“

⁷⁾ Op. 1, c. 9, p. 34. Op. 16, c. 2, p. 400—402, c. 3, p. 402—403. Op. 19, c. 2, p. 426.—Lib. I, № 2, p. 242 и т. д.

⁸⁾ Op. 2, c. 4, p. 55. Op. 3, p. 65. Op. IV, p. 69—70. Op. 23, c. 1, p. 473—4, Op. 56, c. 7 и 8, p. 816—817. Lib. I, № 21, p. 249—252. Op. 17, c. 1, p. 382. Op. 19, c. 5, p. 480. Lib. I, № 8, p. 242. Lib. VI, № 9, p. 390 и т. д.

⁹⁾ Op. IV, p. 72 сл. Op. VI, c. 15, p. 118—120.

віяхъ природы 1). Тутъ Петръ, подобно своимъ современникамъ, вѣритъ всякимъ чудеснымъ разсказамъ и сообщеніямъ Плинія о свойствахъ звѣрей, птицъ и минераловъ. Вообще въ чудесахъ и знаменіяхъ онъ видитъ одно изъ сильнѣйшихъ и убѣдительнѣйшихъ доказательствъ и обыкновенно приводитъ 2) ихъ наряду съ доводами священнаго писанія ради назидательности, хотя порою и самъ не довѣряетъ разнымъ расказамъ 3).

Но и пребываніе въ свѣтской школѣ сильно отражается на его сочиненіяхъ. Онъ порою гонится за изяществомъ слога, придаетъ большее значеніе сохраненію своихъ сочиненій въ потомствѣ 4), борется не только съ мыслями, но и съ людьми, ихъ высказывающими 5), пишетъ колкія и ѣдкия энграммы, напоминающія отчасти Марціала 6). При случаѣ Даміани не прочь блеснуть своей ученостью, сравить противника ловкимъ и остроумнымъ толкованіемъ, очень часто онъ пользуется приемами діалектики 7) и риторики, любитъ разсыпать цвѣты краснорѣчія и щегольнуть изысканнымъ выраженіемъ, хотя и самъ нападетъ на лукавство и изворотливость витій 8). Въ этомъ отношеніи Петръ еще разъ является дѣтищемъ средневѣковья, когда всѣ лучшіе умы боролись между страхомъ передъ грѣховностью занятий „мірскими науками“ и ихъ заманчивою, притягательною прелестью. Такъ и Даміани пишетъ 9) въ одномъ мѣстѣ: „я пренебрегаю Платономъ, изслѣдующимъ скрытыя

1) Op. 52, p. 763—791 и т. д.

2) Op. 34, De variis miraculis narrationibus p. 572—589. Op. 38, p. 559—572. Op. 36, c. 17, p. 621. Op. 6, c. 29, p. 141—143. Op. 16, c. 6, p. 403—410. Op. 19, c. 3, p. 427—8, c. 4, p. 429.

3) Op. 19, c. 3, p. 428.

4) Lib. IV, № 11, p. 327. Lib. III, № 4, p. 292. Lib. VI, № 7, p. 367.

5) Lib. V, № 1, p. 335—340. № 13, p. 357—367. Lib. VI, № 27, p. 415—417.

6) Carmina et preces № 155, p. 962, № 192, p. 966, № 195, p. 967. № 196, p. 967, № 201, p. 967 и т. д.

7) Лучшій образецъ—Disceptatio synodalis Op. 4, p. 67—88, гдѣ Даміани изъ сопоставленія различныхъ мѣстъ св. писанія доказываетъ, что Богъ иногда перемѣнялъ свои рѣшенія, не соблюдалъ своихъ обѣщаній и угрозъ, а потому пала тѣря, нарушивъ свои постановленія ради запутаннаго положенія дѣлъ, тѣмъ болѣе, что сами Апостолы уклонились отъ стези истины для пользы слабыхъ и готовы были ради нихъ подвергнуться анаемѣ. Здѣсь же Петръ увѣряетъ на основаніи отдѣльныхъ мѣстъ библіи, что грѣшно иногда исполнять волю всемогущаго Бога и бывають случаи, когда неповиновеніе Ему заслуживаетъ Его милость, а потому можно не повиноваться и вождю государя. Противникова, ссылавшись на букву постановленій, Даміани сбиваетъ съ толку приведеніемъ евангельскихъ изреченій, изъ буквального пониманія которыхъ выводитъ нелѣпое положеніе, что Христосъ говорилъ самъ то, что запрещалъ другимъ, и не постанулъ такъ, какъ приказывалъ.

8) Op. 58, p. 881—888, Op. 16, p. 366—380.

9) Op. 11, c. 1, p. 232—233.

тайны природы, мало цѣню Пифагора, полагающаго предѣлы кругамъ планетъ, высчитывающаго пути звѣздъ и раздѣляющаго все небо на круги, отказывающаго отъ Никомаха, погруженнаго въ ежедневныя мелочи, отклоняю и Эвклида, трудящагося надъ перепутанными фигурами геометріи, признаю недостойными воѣхъ риторовъ съ ихъ силлогизмами и софистическими увертками. Пусть перипатетики ищутъ истину, скрытую въ глубокомъ колодцѣ. Я ищу высшую истину, не недостойно скрывающуюся въ колодцѣ, а засвидѣтельствованную передъ всѣмъ міромъ, царствующую на небѣ въ вѣчной славѣ“. Въ другихъ письмахъ поддерживаетъ 1) своего племянника, ѣдущаго во Францію для усовершенствованія именно въ „мірскихъ наукахъ“, обличаетъ 2) невѣжество и безграмотность духовенства, не понимавшаго писанія и не могущаго руководить своей паствой, отзываясь съ похвалой о свѣдѣніяхъ въ мірскихъ наукахъ 3), приобрѣтенныхъ епископомъ Видономъ. Въ общемъ же мнѣніе Даміани, несмотря на эти противорѣчія, неблагоприятно для науки. 4), „жажда знанія, по его словамъ, погубила нашихъ прародителей; занятія науками, какъ показываетъ примѣръ Іеронима, гибельны для души; вдобавокъ, ученые никогда не могутъ найти то, чего желаютъ, поэтому мірскія науки, если и имѣютъ какое-либо значеніе, то чисто служебное при толкованіи и уясненіи св. писанія: „если приложить свѣдѣнія въ мірской наукѣ, говоритъ онъ, къ толкованію священнаго слова, то она не должна надмѣнно захватывать себѣ права учительницы, но служить ему, какъ служанка госпожѣ, чтобы не впасть въ заблужденіе, если займетъ руководящее положеніе“ 5). Эти воззрѣнія Даміани, раздѣляемые впоследствии и знаменитымъ Томой Аквинатомъ, учившимъ, что „наука—служанка богословія“, не помѣшали, однако, кардиналу Остійскому прибѣгать очень часто за помощью къ даннымъ земной мудрости, которая не рѣш содѣйствовала ему въ успѣбномъ развитіи своихъ мыслей и доводовъ и давала сильное преимущество передъ противниками.

Такимъ образомъ въ рукахъ Даміани находились всѣ сокровища умственной жизни того времени, самыя разнообразныя орудія для защиты и нападенія, а крупный литературный талантъ сдѣлалъ его пер-

1) Lib. VI, № 3, p. 373.

2) Op. 26, p. 497—503.

3) Op. 16, praef p. 365.

4) Съ точкой зрѣнія Даміани на науку и его колебаніями знакомятъ: Op. 45. praef и с. 1, p. 695, с. 3, p. 697, с. 5, 698—699, с. 6—8, p. 698—704. Op. 13, с. 11, p. 306—307. Op. 58, p. 831—838. Lib. V, № 8, p. 476. Op. 8, с. 6 и 7, p. 196—199. Op. 44, с. 4, p. 689. Op. 86, с. 12, p. 614—615. Op. 32, с. 9, p. 560. Op. 18, с. 2, p. 398. Lib. VII, № 13, p. 451. Op. 14, p. 334—5. Op. 15, с. 18, p. 350.

5) Op. 36, с. 5. p. 608.

вымъ публицистомъ XI вѣка, когда особенно было развито стремленіе оказать воздѣйствіе на общество путемъ летучихъ листовъ и открытыхъ писемъ. Здѣсь Даміани съ честью занимаетъ свое первенствующее положеніе, пользуясь плодами своей громадной начитанности исключительно въ видахъ укрѣпленія мира и безкровнаго исправленія замѣчаемыхъ нестроений, до послѣдняго издыханія отстаивая необходимость вершить церковныя дѣла въ духѣ умѣренности и снисходительности: „*malo de misericordia, quam ex duritia dampnari*“ говоритъ онъ; его предсмертное дѣло было торжествомъ кротости и прощенія; онъ добился снятія отлученія, тяготѣвшаго надъ родной Равенной, но на возвратномъ пути оттуда заболѣлъ и скончался въ февралѣ 1072 года ¹⁾.

Смерть Даміани имѣла большое значеніе для общаго положенія дѣлъ, ускоривъ столкновеніе между императорскою партіей и сторонниками крайнихъ притязаній Гильдебранда: въ лицѣ Петра въ могилу сошелъ наиболѣе вліятельный и просвѣщенный представитель примирительнаго направленія. Съ кончиною Даміани у подножья папскаго трона замолкъ смѣлый голосъ, твердившій всѣмъ и каждому о разборчивости въ средствахъ, ставившій вмѣсто мірскихъ чисто идеальныя цѣли. Онъ твердо и послѣдовательно стремился къ осуществленію определеннаго, возвышеннаго стремленія, высоко держалъ знамя церковныхъ преобразованій; каждымъ его поступкомъ руководили самыя благія побужденія. Всею же своей дѣятельностью онъ показалъ, что даже въ то грубое и насильственное время можно было бороться съ общественными нестроеніями, не прибѣгая къ крови и желѣзу. Но по своимъ склонностямъ и воззрѣніямъ Даміани былъ человѣкомъ книжнымъ, ученымъ, создававшимъ теоретическія, отвлеченныя построенія, не проходившія въ жизнь по своей идеальности; собственнымъ примѣромъ онъ засвидѣтельствовалъ невозможность свести небо на землю. Старый борецъ до конца жизни отстаивалъ свое дѣло, но съ грустью сознавалъ, что его возвышенныя мечты разбиваетъ безпощадная дѣйствительность, стави его въ непримиримыя противорѣчія и обличая неосуществимость его стремленій. Его проповѣдь противъ насилія не привилась; вмѣсто согласной дѣятельности двухъ властей—между ними вспыхнулъ раздоръ, началась ожесточенная борьба; папа сталъ выше собора. Плодами дѣятельности Даміани воспользовалось крайнее іерархическое направленіе ²⁾, надолго задержавшее проведеніе въ жизнь многихъ справедли-

¹⁾ Vita Damiani c. 21, p. 142—143, c. 22, p. 143—144. Bernoldi p. 429. Bertholdi p. 275. Gundehari p. 249. Даміани родился около 1007 года: Op. 57, c. 5, p. 825.

²⁾ Это съ горечью сознавалъ и самъ Даміани. Lib. II, № 8, p. 278. Op. 19, c. 5, 431—432. Op. 20, c. 1, p. 443—444. Op. 21, c. 2, p. 458—461.

выхъ требованій стараго кардинала-отшельника и ухватившееся за его настоящую проповѣдь безбрачія духовенства, широкое толкованіе симоніи и первенство Рима въ области вѣроученія. Поборники идеаловъ жемсидоровскихъ декреталій прибѣгали къ личному обаянію Даміани въ своихъ видахъ, и онъ много разъ служилъ, по собственному выраженію, „молніей“ въ рукахъ Гильдебранда, желѣзная воля котораго замѣняла порою для него авторитетъ каноновъ, заставляла поступать вопреки своему сознанію. Это извращеніе идеальныхъ стремленій Петра не уменьшаетъ его значенія: онъ навсегда останется лучшимъ выразителемъ духовной жизни XI вѣка, свидѣтелемъ его запросовъ, его порывовъ придать общественнымъ отношеніямъ нравственный отпечатокъ. Время было грубое, обстоятельства неблагоприятны, произошло крушеніе мечтаній,] попытка окончилась неудачей, но теченіе, представителемъ котораго является Даміани, несмотря на всѣ свои увлеченія, не разъ выступаетъ съ большей или меньшей силою во всемірной исторіи; оно же сказывается, до нѣкоторой степени, и въ современныхъ намъ явленіяхъ....

ЛИТЕРАТУРА.

Оцѣнку дѣятельности Петра Даміани, помимо общихъ сочиненій по исторіи папства въ XI вѣкѣ, можно найти у: *Vogel*, Peter Damiani. 1856.—*Capocelatro*, Storia di S. Pier Damiano a del suo tempo. 1862.—*Fehr*, Petrus Damiani. 1868.—*Helpenstein*, Gregors VII. Bestrebungen nach den Streitschriften seiner Zeit. p. 139—144. 1870.—*Steindorf*, Jahrbücher des Deutschen Reichs unter Heinrich III. B. I, p. 251—4. 1874.—*Neukirch*, Das Leben des Petrus Damiani. 1875.—*Wambera*, Der heilige Petrus Damiani. 1875.—*Guerrier*, De Petro Damiano. 1881.—*Werner*, Gerbert von Aurillac, die Kirche und Wissenschaft seiner Zeit. p. 136, ff. 151, f. 155, f. 162, f. 194, ff. 197, f. 200, ff. 290, ff. 1881.—*Kleinermann*, Der heilige Petrus Damiani. 1882.—*Roth*, Der heilige Petrus Damiani. O. S. B. Nach den Quellen neu bearbeitet. 1886—7. *Fetzer*, Voruntersuchungen zu einer Geschichte des Pontificats Alexanders II. 1887.—*Giesebrecht*, Geschichte der deutschen Kaiserzeit. B. III, p. 1062—63 и 1079. 1890.—*Dresdner*, Kultur und Sittengeschichte der italienischen Geistlichkeit im 10 und 11 Jahrhundert. 1890.—*Pfūlf*, Damianis Zwist mit Hildebrand. 1891.—*Wattenbach*, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. B. II, p. 224—5. 1894.—*Meyer von Knonau*, Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich IV und V. B. I passim; B. II, p. 180—181. 1894.—*Mirbt*, Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII. 1894.

Элементарный учебникъ Римскаго права. Особенная часть. Книга третья: Семейное право.

Проф. Л. Н. Загурскаго.

---

§ 19.

Послѣдствія, вызываемыя прекращеніемъ брака.

(Продолженіе) *).

III. Съ точки зрѣнія имущественныхъ отношеній между супругами.

I. Прекращеніе брака оказываетъ разнообразныя вліянія на судьбу предбрачнаго дара, приданого и параферны.

II. Нарушеніе траурнаго года вдовой и вступленіе овдовѣвшаго супруга во второй бракъ вызываетъ *невыгодныя* имущественныя послѣдствія для вдовы за нарушеніе траурнаго года и для второбрачнаго супруга за вступленіе во второй бракъ (такъ называемыя имущественныя штрафы), и *выгодныя* послѣдствія для дѣтей, рожденныхъ въ первомъ бракѣ (пасынки, падчерицы).

При изученіи сихъ разнообразныхъ послѣдствій, вызываемыхъ прекращеніемъ брака, приходится иногда различать способы прекращенія брака вслѣдствіе смерти одного изъ супруговъ и вслѣдствіе развода, и въ послѣднемъ случаѣ — указывать супруга (мужа, жену), подавшаго поводъ къ разводу.

---

§ 20.

1. Судьба предбрачнаго дара.

1. Если бракъ прекращенъ вслѣдствіе смерти мужа или развода, воспослѣдовавшаго по его винѣ (*ex justis causis*), или же мужъ совершилъ односторонній произвольный разводъ (*sine ulla causa*), предбрачный даръ отходитъ ко вдовѣ и разведшейся, если она имѣетъ дѣтей. Очевидно, что въ первомъ случаѣ (прекращеніе брака смертью мужа) полученіе вдовой предбрачнаго дара есть выгода, получаемая женщиной вслѣдствіе пережитія ею своего мужа, тогда какъ во второмъ

---

*) См. „Зап. Харьк. Унив.“ 1893 г., кн. 1 и 4; 1894 г., кн. 1.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“ IV вып., 1895 г.

случаѣ (разводъ по винѣ мужа) судьба предбрачнаго дара аналогична съ судьбой придаваго (см. ниже); по аналогіи же съ придаваемъ возможно заключеніе особаго договора о предбрачномъ дарѣ въ пользу жены на случай прекращенія брака смертью мужа (*rustum de lucranda propter nuptias donatone*), какъ возможно заключеніе договора о приданомъ въ пользу мужа на случай прекращенія брака смертью жены (*rustum de lucranda dote*); ни одинъ изъ этихъ договоровъ не можетъ быть заключенъ безъ заключенія другого и на бѣольшую сумму, чѣмъ другой (*maioresm lucri partem ad minorem deducendam*)¹⁾. Если бракъ прекращенъ вслѣдствіе смерти мужа, не оставившаго дѣтей, предбрачный даръ отходить къ его наслѣдникамъ; но возможно и въ этомъ случаѣ заключеніе между супругами *rustum de lucranda p. n. donatone*. При всякомъ иномъ способѣ прекращенія брака, жена, не имѣющая дѣтей, не имѣетъ права на *donatio propter nuptias*.

2. Предбрачный даръ остается у мужа, если бракъ прекращенъ смертью жены или разводомъ по ея винѣ, или если она совершила односторонній произвольный разводъ.

3. Пережившій супругъ или невинный въ разводѣ пріобрѣтаетъ право на пользованіе въ предбрачномъ дарѣ, и право голаго права собственности въ ономъ *in partem virilem* съ своими дѣтьми²⁾.

4. Предбрачный даръ отходить по прекращеніи брака къ третьему лицу, установившему этотъ даръ подъ условіемъ его возвращенія къ нему послѣ прекращенія брака.

§ 21.

2. Судьба придаваго³⁾.

Съ прекращеніемъ брака прекращаются отношенія по имуществу между супругами.

I. *Исторія*. Имущество, приносимое женщиной, вышедшей замужъ съ подчиненіемъ власти мужа, называлось такъ-же придаваемъ (*dos*)⁴⁾, которое поступало во власть мужа⁵⁾; вслѣдствіе прекращенія такого брака

1. *Смертью мужа*: вдова наслѣдуетъ ему наравнѣ съ своими дѣтьми, какъ дочь наслѣдователя.

¹⁾ L. 20 Cod. 5. 3.

²⁾ Nov. 98, 1; 127, 3.

³⁾ Источники и литература указаны выше, § 10, стр. 41, пр. 4.

⁴⁾ Cic. Top. 14; Vat. 115.

⁵⁾ См. выше, § 5, стр. 24.

2. *Смертью жены*: не можетъ быть рѣчи о наслѣдованіи въ имуществѣ жены, все равно какъ въ имуществѣ умершей дочери; слѣд. приданое остается у мужа или у его отца, во власти котораго онъ состоитъ, такъ какъ „брачныя тяжести“ (onera matrimonii) лежатъ на томъ или другомъ.

3. *Разводомъ по винѣ мужа* т. е. разведшагося не вслѣдствіе тѣхъ оснований, которыя давали ему право на разводъ,— въ этомъ случаѣ жена или ея отецъ имѣетъ право вытребовать отъ мужа приданое посредствомъ actio rei uxoriae; жена удерживаетъ это право и въ томъ случаѣ, если бракъ расторгнуть по приказу отца ея мужа, а такъ-же и въ томъ случаѣ, если ни отецъ мужа, ни мужъ не созвали домашняго суда надъ ней (judicium domesticum).

4. *Разводомъ по винѣ жены*, т. е. разводъ воспослѣдовалъ на основаніи одной изъ причинъ, признаваемыхъ по древнему праву поводами къ разводу; домашній судъ, который ведетъ отецъ, а если она свободная—опекунъ (tutor legitimus), при участіи родственниковъ и друзей (propinqui et amici), признавъ ее совершившей одво изъ преступленій или одинъ изъ проступковъ, лишаетъ виновную женщину права на приданое, которое останется у мужа или у его отца.

Это древнее право мало-по-малу было измѣнено въ томъ отношеніи, что, вслѣдствіе учащенія случаевъ развода, стали заключать при вступленіи въ бракъ *обезпеченія* объ обратной выдачѣ приданого въ случаѣ прекращенія брака (stipulatio rei uxoriae¹⁾; впоследствии выработалось правило, что приданое должно быть возвращено при прекращеніи брака, хотя-бы стипуляція о возвращеніи его не была заключена.

Еще большія измѣненія внесъ законъ *Менія*²⁾, изданный вскорѣ послѣ изслѣдованія дѣла о „вакханаліяхъ“ (568 и с.); по этому закону judicium domesticum было замѣнено judicium de moribus mulieris, такъ что предъявленная женой или ея отцемъ actio ex stipulatu о возвращеніи приданого могла быть отклонена „judicium de moribus“ (какъ-бы встрѣчнымъ искомъ), на основаніи котораго мужъ или его отецъ имѣли право, при доказанной винѣ жены или ея отца, побудившаго ее къ разводу, производить вычеты изъ возвращаемаго приданого (retentiones propter liberos, propter pueros, см. ниже). Вслѣдствіе прекращенія брака

1. *Смертью мужа* или *разводомъ*: приданое profecticia и adventicia возвращаются женѣ, такъ что

¹⁾ Въ такомъ смыслѣ *Геллій*, 4, 3 цитируетъ Сервія Суллиція, написавшаго сочиненіе „de dotibus“.

²⁾ *Voigt*, Die Lex Maenia de dote vom Jahr DLXVIII der Stadt, Weimar. 1866.

а) если она состоитъ во власти отца,—требованіе о возвращеніи приданаго принадлежитъ ей вмѣстѣ съ отцемъ (*patris et filiae communis dos*);

б) если она независима отъ отцовской власти (вслѣдствіе смерти отца, или освобожденія отъ его власти, *emancipatio*) требованіе приданаго принадлежитъ ей одной; если она умерла ранѣе предъявленія иска о возвращеніи приданаго, то ея наслѣдники только тогда имѣютъ право требовать приданое, если мужъ или его наслѣдники совершили просрочку его возвращенія (*mora restituendi*); ибо по закону Менія, какъ думаютъ, мужъ обязанъ былъ возвратить приданое не позднѣе установленныхъ сроковъ. (См. ниже, п. 3, б).

в) *dos recurticia* возвращалась установителю согласно условіямъ установленія приданаго.

2. *Разводомъ* по винѣ жены,—въ этомъ случаѣ мужъ имѣетъ право произвести вычеты изъ возвращаемаго приданаго (*retentiones propter mores*).

3. *Смертью* жены,—въ этомъ случаѣ:

а) установившій приданое (*dos profecticia*) имѣетъ право потребовать отъ овдовѣвшаго мужа возвращенія приданаго, изъ котораго мужъ имѣетъ право удержать на каждого изъ прижитыхъ дѣтей по $\frac{1}{5}$; въ случаѣ смерти лица, назначившаго это приданое, оно остается у мужа послѣ смерти его супруги и наслѣдники установителя не имѣютъ права требовать его. Конечно, судьба *dos profecticia* въ этихъ случаяхъ можетъ быть иначе опредѣлена брачнымъ договоромъ (*pactum dotale*), заключеннымъ въ пользу того или другого супруга.

б) *Dos adventicia* оставалась у мужа, если при установленіи сего приданаго не было выговорено въ пользу третьяго лица право требовать его.

По *преторскому* праву (*edictum de alterutro*), въ случаѣ предъявленія женой иска о возвращеніи приданаго (*actio rei uxoriae*), если бракъ прекратился смертью мужа, изъ возвращаемаго приданаго вычитали то, что жена получала по завѣщанію мужа.

При бракѣ *sine manu* приданое поступало къ мужу временно.

II. *Классическое право* изучаетъ вопросъ о судьбѣ приданаго по прекращеніи брака съ точки зрѣнія свободнаго брака (*sine manu*). Основной принципъ, котораго держится классическое право, состоитъ въ томъ, что мужъ и его наслѣдники обязаны возвратить женщинѣ ея приданое по прекращеніи брака, но не ея наслѣдникамъ; слѣд. если бракъ прекращенъ:

1. *Смертью мужа* или *разводомъ*,—*dos profecticia* и *adventicia* возвращаются женѣ, такъ—что, если

а) она—лицо *sui juris*, наступают послѣдствія, указанныя выше, стр. 166 п. б.;

б) если она находится во власти отца,—наступают послѣдствія, указанныя выше, стр. 166 п. а, т. е. искъ о возвращеніи приданого принадлежит ей вмѣстѣ съ отцемъ (*adjuncta seu adjecta filiae persona*); слѣд. отецъ можетъ предъявить этотъ искъ съ согласіемъ дочери ¹⁾; если отецъ сумасшедшій,—назначается попечитель для выраженія вмѣсто него согласія ²⁾; если отецъ находится въ отсутствіи,—дочь имѣетъ право предъявить искъ о возвращеніи приданого, но должна представить обезпеченіе о согласіи отца (*cautio de rato*) ³⁾; дочь не имѣетъ права отказать отцу въ согласіи на предъявленіе сего иска безъ сираведливаго основанія ⁴⁾; по рескрипту импер. Каракаллы, она считается согласившейся, если не заявила явно противорѣчій на предъявленіе иска ⁵⁾; право требовать приданое принадлежит отцу, если дочь сумасшедшая ⁶⁾; искъ принадлежит отцу, если дочь находится въ отсутствіи, но отецъ обязанъ представить обезпеченіе (*cautio de rato*) въ томъ, что дочь одобритъ его дѣйствія; право требовать приданое принадлежит только дочери, если она станетъ лицомъ *sui juris* прежде предъявленія иска на обратное требованіе приданого ⁷⁾. Получивъ приданое, отецъ имѣетъ въ *dos adventicia* право пользованія (*usufructus paternus*), въ *dos profecticia*—право собственности ⁸⁾; судья долженъ принять мѣры къ обезпеченію интересовъ дочери отца, если можно опасаться, что онъ ухудшитъ приданое (*quatenus et filiae et patri competenter consulatur* ⁹⁾).

2. *Смертью жены*—наступают послѣдствія, указанныя выше на стр. 166, 3 п. а; установитель *dos profecticia* имѣетъ и въ этомъ случаѣ право на требованіе приданого, если онъ эмаципировалъ дочь или внуку ко времени установленія приданого ¹⁰⁾; *dos adventicia* слѣдуетъ судьбѣ, указанной на стр. 166, 3 п. б.—Если мужъ убилъ жену, то ея приданое отходить къ ея наслѣдникамъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно осталось бы у него въ случаѣ смерти жены ¹¹⁾.

¹⁾ L. 2 § 1, l. 34 h. t.—l. 2, 7 Cod. h. t.—l. un. § 14 Cod. ib.

²⁾ L. 2 §§ 1, 2, l. 31 § 2, l. 42 pr. 44, 49 § 1 h. t. l. 66 § 2 h. t. l. 7 Cod. h. t. l. un. § 14 cit.

³⁾ L. 22 § 6 h. t.

⁴⁾ L. 22 § 6 h. t.

⁵⁾ L. 2 § 1, l. 3, 22, 31 § 2. 34 pr. 42 pr. 44. 59 h. t., l. 78 Dig. 21, 2.

⁶⁾ L. 2 § 2, 22 § 9 h. t.

⁷⁾ L. 2 § 1, 2, l. 31 § 2, 42 pr. 44, 49 § 1, 66 § 2 h. t.—l. 7. Cod. h. t.; l. un. § 14 cit.

⁸⁾ L. 2 Cod. 6, 61.

⁹⁾ L. 22 § 6 h. t.

¹⁰⁾ L. 59 h. t. l. 5 de Dig. 24, 2; l. 3 Cod. 5, 17.

¹¹⁾ L. 10 § 1 h. t.

3. *Разводомъ по винѣ жены*—мужъ имѣетъ право произвести вычеты изъ приданого (*retentiones propter mores*), но при томъ условіи, чтобы разводъ не былъ совершенъ мужемъ для обмана тѣста, ни женой для обмана отца. Разводомъ въ обманъ тѣста называется разводъ, совершаемый мужемъ съ цѣлью, чтобы отдать приданое наследникамъ жены; разводъ въ обманъ отца есть разводъ, совершаемый женой *sui juris* съ цѣлью, чтобы *dos profecticia* осталось мужу; въ обоихъ случаяхъ отецъ удерживаетъ свое право иска на истребованіе приданого, какъ будто бы бракъ прекращенъ былъ не разводомъ по винѣ жены, а смертью жены въ бракѣ. ¹⁾

4. Прекращеніе брака вслѣдствіе уголовного наказанія жены за совершеніе ею уголовного преступленія. Нужно различать: а) женщина подверглась потерѣ правоспособности (*serva roepae*) или уголовному наказанію, не влекущему конфискаціи приданого (*publicatio dotis*),— въ обоихъ случаяхъ мужъ удерживаетъ искъ на возвращеніе себѣ приданого, которое онъ удержалъ бы, если бракъ былъ прекращенъ смертью жены ²⁾; б) жена подвергается ссылкѣ (*deportatio*); нужно смотрѣть: есть ли она женщина *sui juris* или же *filia familias*— въ первомъ случаѣ приданое остается у мужа на время его жизни, и, послѣ смерти его, жена можетъ требовать возвращенія приданого ³⁾; во второмъ случаѣ право требовать приданое принадлежитъ ей отцу ⁴⁾.

Три иска существовали на истребованіе приданого: *actio ex stipulatu*, *actio praescriptis verbis* и *actio rei uxoriae*.

1. *Actio ex stipulatu* предъявляется тогда, если установитель приданого выговорилъ возвращеніе приданого на случай прекращенія брака. Искъ этотъ есть искъ строгаго права (*stricti juris*), наследственный ⁵⁾; искъ предъявляется на истребованіе приданого, его увеличеній, происшедшихъ въ теченіи брака, процентовъ и илотовъ, собранныхъ до брака и послѣ брака; если бракъ прекращенъ смертью мужа, оставившаго по завѣщанію часть своего имущества женѣ, то женѣ должно быть возвращено вмѣстѣ съ приданнымъ и оставленное ей мужемъ ⁶⁾; приданое въ такомъ объемѣ должно быть возвращено *totчасъ* (*illico*) ⁷⁾, хотя бы такое требованіе могло поставить мужа въ затрудненіе; оно должно быть выдано

¹⁾ L. 10. § 1 h. t.

²⁾ L. 3, 4, 5 Dig. 48, 20.

³⁾ L. 5 § 1 ib; l. 56 Dig. h. t.

⁴⁾ L. 1 Cod. 5, 17.

⁵⁾ L. 45, 46, 48 h. t.

⁶⁾ L. un. cit.

⁷⁾ L. un. Cod. 5, 13.

безъ промедленія (*sine mora*)¹⁾ и въ цѣлости (*in solidum*); мужъ не имѣть *beneficium competentiae*; изъ возвращаемаго приданаго онъ можетъ удерживать совершенныя имъ необходимыя издержки, и то потому только, что онъ „*ipso jure dotem minuunt*“²⁾, и удержать часть плодовъ, собранныхъ въ послѣдній годъ брака, опредѣляемую пропорціонально времени существованія брака за послѣдній плодотворный періодъ³⁾; онъ можетъ противопоставить иску *ex stipulatu* право на вычеты изъ возвращаемаго приданаго только въ томъ случаѣ, если *actio ex stipulatu* предъявлена женой или ея отцемъ⁴⁾.

2. Со времени развитія теоріи о безыменныхъ договорахъ (*contractus innominati*), начали выговаривать возвращеніе приданаго (при передачѣ приданаго) посредствомъ неформальнаго соглашенія (*pactum*), изъ котораго вытекало наследственная *bonae fidei actio praescriptis verbis*, содержаніе которой — истребовать обратно приданое⁵⁾; мужъ могъ противопоставить сему иску возраженія о вычетахъ только тогда, если искъ этотъ предъявленъ женой или ея отцемъ.

3. *Actio rei uxoriae* представляется въ тѣхъ случаяхъ, если при установленіи приданаго не было выговорено обратное возвращеніе приданаго (*dos non rescipiticia*). Искъ этотъ есть искъ *bonae fidei, incerti*, не наследственный, принадлежитъ жонѣ или ея отцу — установителю, если онъ эманципировалъ дочь или внуку въ моментъ установленія приданаго; представляется противъ мужа и его наследниковъ. Вслѣдствіе природы иска (*in bonum et aequum concepta; quantum aequius melius sit*), отвѣтственность мужа является болѣе смягченной, т. е.: 1) воля отца предъявить искъ ограничена до известной степени согласіемъ дочери; 2) мужъ не обязанъ тотчасъ возвращать приданое, но (какъ думаютъ, согласно закону Менія) только въ опредѣленные сроки: вещи замѣняемыя (*fungibiles*) онъ обязанъ возвратити въ концѣ третьяго года, съ уплатой по одной трети въ концѣ каждаго года (*annua, bima, trima die*), если, конечно, при установленіи приданаго не были выговорены болѣе краткіе сроки; вещи незамѣняемыя онъ обязанъ возвратити тотчасъ; за просрочку возвращенія онъ уплачиваетъ проценты. При возвращеніи приданаго онъ имѣетъ право произвести вычеты изъ возвращаемаго приданаго (*retentiones*):

¹⁾ L. un. § 7 ib.

²⁾ L. 5 Dig. 25, 1; l. 87 Inst. 4, 6.

³⁾ L. 5, 6, 7, 81, § 4 h. t.; l. 4, 7, 10, 42, 47, 69 § 9, D. 23, 3; l. 20 Cod. 5, 12; l. un. § 9 Cod. 5, 13.

⁴⁾ L. 156, § 1, Dig. 50, 17.

⁵⁾ L. 1 Cod. §, 14 в l. 10 Cod. 2, 3; l. 6, 24 Cod. 5, 12; l. un. § 13 Cod. cit.

а) *propter liberos*—въ интересахъ прижитыхъ въ бракѣ дѣтей, по $\frac{1}{6}$ на каждаго ребенка, если вслѣдствіе смерти жены приданое отходить къ ея отцу ¹⁾ и по $\frac{1}{6}$ (но въ суммѣ не выше $\frac{3}{6}$), если бракъ прекращенъ вслѣдствіе вины жены или ея отца ²⁾; мужъ не имѣетъ иска на истребованіе сихъ вычетовъ, если онъ возвратилъ приданое безъ всякихъ вычетовъ;

б) *propter mores*. Въ древности мужъ могъ удержать, вѣроятно, все приданое въ случаѣ прекращенія брака разводомъ на основаніи тяжкаго проступка жены; по закону Юлія и Папія Поппея, мужъ имѣлъ право удержать $\frac{1}{6}$ изъ приданого, если жена виновна въ совершеніи одного изъ тяжкихъ проступковъ, подавшихъ поводъ къ разводу (*mores graves*), напр. прелюбодѣянія; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ прекращенія брака разводомъ по винѣ жены (*mores leviores*) мужъ имѣлъ право удержать изъ приданого $\frac{1}{6}$. Со времени изданія упомянутого закона Юлія и Папія, положеніе мужа, подавшаго поводъ къ разводу, отягчается съ точки зрѣнія обязанности возвратитъ приданое: онъ обязанъ возвратитъ тотчасъ *res fungibiles*, если виновенъ въ одномъ изъ *mores graves*, и по истеченіи 6 мѣсяцевъ, если виновенъ въ *mores leviores*; вещи *non fungibiles* онъ долженъ возвратитъ тотчасъ, и въ наказаніе за совершеніе одного изъ *mores graves* онъ уплачивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ двухлѣтній доходъ, а за совершеніе *mores leviores* полугодовой доходъ съ сихъ вещей (теорія *Нибуря*);

в) *propter res amotas*. Выше было указано, что мужъ могъ предъявить *actio rerum amotarum* къ своей женѣ, обокравшей его; вмѣсто предъявленія сего иска онъ, возвращая приданое, имѣлъ право вычесть изъ приданнаго цѣнность похищенныхъ женой вещей;

г) *propter impensas necessarias* и *utiles*. *Первыя* уменьшаютъ приданое *ipso jure*, слѣдовательно, мужъ имѣлъ право требовать ихъ возмѣщенія и послѣ возвращенія приданого посредствомъ *condictio indebiti*; *вторыя* онъ могъ требовать искомъ *mandati*, если онѣ были совершены съ согласія жены; въ противоположномъ случаѣ—посредствомъ *actio negotiorum gestorum contraria*; *издержки приготливныя* даютъ право на *ius tollendi* ³⁾;

д) *propter res donatas*. Извѣстно, что даренія между супругами издревле были по обычаю запрещены ⁴⁾; согласно постановленію императора Каракаллы (*oratio Severi, oratio Antonini*) дареніе супругомъ су-

¹⁾ Упр. 6, 3—5, 11; Vat. 108. См. выше, стр. 166, 3 п. а.

²⁾ Упр. 6, 10, Vat. 105—107, 120.

³⁾ *Зацурскій*, Учебникъ, 1 стр. 204 (изд. 2-е Харьк. 1898 г.).

⁴⁾ См. ниже § 28.

пругу признается дѣйствительнымъ тогда лишь, если супругъ-даритель умираетъ раньше одареннаго или одновременно съ нимъ, не взявъ обратно подареннаго, и если бракъ между ними продолжался до момента смерти дарителя; при нарушении этихъ условій, супругъ-даритель имѣетъ право вычесть при возвращеніи приданаго стоимость подареннаго, а возвративъ приданое, безъ указаннаго вычета, потребовать искомъ возвращенія подарка;

f) согласно преторскому эдикту (*edictum de alterutro*), въ случаѣ прекращенія брака смертью мужа, оставившаго нѣчто въ завѣщаніи своей женѣ, послѣдняя не имѣетъ права требовать и приданое, и оставленное ей мужемъ; она можетъ требовать то или другое; слѣд. получивъ оставленное по завѣщанію мужемъ, она обязана вычесть оставленное изъ получаемаго приданаго.

g) возвращая приданное, мужъ пользуется *beneficium competentiae*;

3. Мужъ не обязанъ возвращать каждое приданое. Если бракъ прекращенъ смертью жены, онъ удерживаетъ *dos adventicia*; онъ удерживаетъ *dos profecticia*, если установившій приданое умеръ. Если бракъ прекращенъ при жизни жены (разводомъ, смертью мужа), то мужъ или его наслѣдники обязаны возвратить *dos adventicia* и *dos profecticia* жемъ, если она—лицо *sui iuris*; если же она умретъ и мужъ не былъ *in potestate*, приданное остается у него, потому что *actio rei uxoriae* не переходитъ къ наслѣдникамъ жены (не наслѣдственный)¹⁾; и то и другое приданное возвращаются жемъ и ея отцу, если она состоитъ въ отцовской власти (*dos fit communis patri et filiae*), т. е. они оба, жена и ея отецъ, (а не порознь) могутъ получить уплату приданаго, произвести делегацию, предъявить искъ.

§ 22.

III. Законодательство Юстиніана.

Основной принципъ законодательства Юстиніана заключается въ томъ, что мужъ обязанъ возвратить приданое жемъ, за ея смертью—ея наслѣдникамъ, а приданое *profecticia*—установителю. Этотъ принципъ законодатель развивалъ послѣдовательно въ рядѣ издаваемыхъ законовъ. Въ 528 г. законодатель отмѣняетъ давно не примѣнявшееся *judicium de moribus*²⁾; закономъ 529³⁾ постановлено, что *res corporales*,

¹⁾ Ulp. 6. 6. 7.

²⁾ L. 11 § 2 Cod. 5, 17 *de repudiis et iudicio de moribus sublato*.

³⁾ L. 30 Cod. 5, 12.

отданныя въ приданое и еще существующія въ имуществѣ мужа къ моменту прекращенія брака, отходятъ *ipso jure* къ женѣ; закономъ 530 г. ¹⁾ устраняется необходимость предъявленія *actio uxoriae*: приданое можетъ быть истребуемо отъ мужа *actio ex stipulatu*, хотя бы возвращеніе приданого не было обусловлено стипуляціей; къ этому *actio ex stipulatu* примѣняются правила прежней *actio rei uxoriae*, если они выгоднѣе для жены, чѣмъ правила *actio ex stipulatu*; преобразованная эта *actio ex stipulatu* подлежитъ правиламъ иска *bonae fidei*; возвращая приданое, мужъ можетъ вычесть только *impensae necessariae*; отменяется постановленіе эдикта *de alterutro*, такъ что отнынѣ жена имѣетъ право требовать приданое и оставленное ей мужемъ по завѣщанію. Эти принципы императоръ развилъ и подтвердилъ позднѣе въ Новеллахъ: 22, 97, 98, 117 и 127.

1. *Лица, которыя имѣютъ право требовать возвращенія приданого.* Согласно указанному принципу имѣютъ право требовать возвращенія приданого: жена, ея наслѣдники, установившій *dos profecticia*, слѣд.

1. Если бракъ прекращенъ смертью жены, — *dos adventicia* получаютъ наслѣдники жены ²⁾; они получаютъ *dos profecticia*, если установителя нѣтъ въ живыхъ къ моменту прекращенія брака ³⁾, и обратно, *dos profecticia* возвращается къ установителю, если, при установленіи приданого, онъ имѣлъ выходящую замужъ женщину въ своей *patria potestas* и при прекращеніи брака онъ былъ еще въ живыхъ; въ томъ случаѣ, если установитель освободилъ дочь или внуку изъ подъ своей власти ко времени установленія приданого, то, въ отиѣну принципа классическаго права, постановлено, что теперь право требовать *dos profecticia* принадлежитъ наслѣдникамъ эманципированной дочери, внуки; если же освобожденіе дочери, внуки воспослѣдовало послѣ установленія приданого, то право требовать возвращенія приданого послѣ смерти дочери принадлежитъ все-таки установителю — отцу, хотя бы у умершей дочери остались дѣти — наслѣдники; въ этомъ смыслѣ высказался нѣкогда глоссаторъ Булгарусъ; противоположное мнѣніе защищалъ глоссаторъ Мартинъ.

Изъ этого принципа, что „приданое возвращается женѣ“, существуютъ исключенія:

а) приданое остается у мужа, если онъ стипулировалъ, чтобы приданое осталось ему въ случаѣ смерти жены ⁴⁾; но, не смотри на эту

¹⁾ L. un. Cod. 5, 13 *de rei uxoriae actione in ex stipulatu actionem transfusa etc.*

²⁾ 1 § 4, 6, 13 h. t.

³⁾ L. un. §§ 7, 5 h. t.

⁴⁾ Nov. 127, 3.

стипуляцію, если мужъ прижилъ дѣтей съ женой, онъ удерживаетъ на приданое право пользования, а право собственности раздѣляется *in partes viriles* между ними (дѣтьми и отцемъ ихъ); дѣти имѣютъ законную ипопеку на имущество отца ¹⁾;

b) приданое должно быть возвращено установителю, или его наследникамъ, если возвращеніе приданого было стипулировано ²⁾;

c) по закону приданое остается у мужа, если поводъ къ разводу подала жена, или если она развелась съ мужемъ безъ всякаго повода; въ обоихъ случаяхъ прижитыя дѣти имѣютъ право на *partes viriles* въ голомъ правѣ собственности ³⁾.

Если бракъ расторгнуть *смертью* мужа, то судьба приданого опредѣляется правилами классическаго права, т. е. *a. dos profecticia* и *adventicia* возвращаются женѣ, если она лицо *sui juris*; если женщина умерла ранѣе, чѣмъ предъявила искъ на истребованіе приданого, право требовать приданое принадлежитъ ей наследникамъ; право наследниковъ не зависитъ отъ того: находился ли мужъ въ просрочкѣ или не находился (*mora restituendi*), тогда какъ по классическому праву наследники женщины имѣли это право только въ томъ случаѣ, если мужъ или его наследники совершили *mora restituendi* ⁴⁾. Если женщина находится еще въ отцовской власти, право требовать приданое (*communis dos*) принадлежитъ ей вмѣстѣ съ отцемъ (*adjuncta, adjecta filiae persona*), т. е. отецъ можетъ требовать возвращенія приданого только съ ея согласія ⁵⁾, за исключеніемъ случаев, когда она станетъ лицомъ *sui juris* ранѣе предъявленія иска,—въ этомъ случаѣ она имѣетъ право одна требовать возвращенія приданого и т. д. (см. выше стр. 167 п. b). По позднѣйшему постановленію, отецъ обязанъ возратить *communis dos* дочери вторично выходящей замужъ, кромѣ того случая, если, вслѣдствіе такого возвращенія, имущество отца уменьшится; при смерти отца *communis dos* можетъ перейти къ ней въ качествѣ *praecipuum*, впрочемъ, не всегда ⁶⁾.

II. *Предметъ возвращенія.* Мужъ или его наследники обязаны возратить все то, что они получили въ приданое, и все то, чѣмъ увеличилось приданое втеченіи существованія брака; приращеній, процен-товъ и плодовъ, собранныхъ до брака и послѣ брака, съ исключеніемъ

¹⁾ L. 6 § 2 Cod. 5, 9; ср. Nov. 98, 1.

²⁾ L. un § 18 cit.

³⁾ Nov. 117. 8 § 2, ib. 13 и Nov. 127, 3; Nov. 22; 15, 2.

⁴⁾ L. un. § 4 cit.

⁵⁾ § 14 ib.

⁶⁾ Nov. 97, 5; l. 12. Cod. 3, 38.

части плодовъ, пропорціональной продолжительности брака за послѣдній плодоприносящій періодъ. Слѣд.

1. Мужъ обязанъ передать незамѣнными вещи *in specie*, а замѣнными въ равномъ количествѣ и качествахъ; *установить* въ пользу давшего приданое вещное право; *узюфруктъ*, если содержаніе приданого было отреченіе отъ узюфрукта на имущество мужа; *отречься* отъ узюфрукта въ пользу собственника служащей вещи, если узюфруктъ былъ установленъ въ приданое собственникомъ служащей вещи; *передать* его фактическое осуществленіе, если онъ возвращается не собственнику служащей вещи; *возвратить* полученное по требованію, которое ему было передано въ приданое; если мужъ не произвелъ взысканія по сему требованію, — *простить* долгъ, если требованіе должно быть возвращено должнику; *уступить* требованіе третьему лицу, если приданое должно быть ему возвращено; *исполнить* требованіе съ наступленіемъ срока, если содержаніе приданого было отреченіе отъ требованія къ мужу.

2. Мужъ не всегда удержитъ плоды, собранные въ теченіи брака, и можетъ удержать часть плодовъ, еще не собранныхъ. Напр., бракъ продолжался полтора года; за это время мужъ совершилъ посѣвъ только разъ, но жатвы не успѣлъ собрать, слѣдовательно, онъ получаетъ право удержать, при прекращеніи брака, половину не собранныхъ плодовъ; предположимъ, что мужъ совершилъ два посѣва и собралъ два раза жатву, слѣдовательно, онъ обязанъ отдать половину плодовъ ¹⁾, собранныхъ въ послѣдній разъ.

Отвѣчаетъ ли мужъ за *уменьшеніе* приданого и *ухудшеніе* вещей, входящихъ въ приданое? Необходимо различать: а) если въ приданомъ находятся *незамѣняемыя* вещи, мужъ отвѣчаетъ за ихъ ухудшеніе вслѣдствіе своей небрежности; не отвѣчаетъ, если ухудшеніе есть результатъ законнаго пользованія вещами или произошло отъ случая ²⁾; б) если въ приданомъ находятся вещи замѣняемыя, мужъ отвѣчаетъ за ихъ гибель и ухудшенія, какъ отвѣчаетъ должникъ по обязательству родовому ³⁾; в) если мужъ продалъ вещь, принадлежащую къ приданому, мужъ обязанъ возвратить пѣнность ей; если на вырученное отъ продажи вещи онъ приобрѣлъ новую, онъ обязанъ возвратить эту послѣднюю.

¹⁾ L. 7, § 1—3: Dig. 24, 3,—законъ различно толкуется, смотри потому: принимаются ли въ соображеніе періоды посѣва и сбора плодовъ въ послѣднемъ году существованія брака, или же принимать въ соображеніе послѣдній годъ существованія приданого, который начинается отъ дня заключенія брака, если приданое было установлено ранѣе заключенія брака, или же отъ дня установленія приданого въ остальныхъ случаяхъ, и продолжается до соотвѣтствующаго дня слѣдующаго года.

²⁾ L. 18 § 1 h. t.

³⁾ L. 42 Dig. 23, 3.

III. *Срокъ возвращенія.* Мужъ обязанъ возвратить недвижимость тотчасъ; движимость не позже года, съ плодами и 4% съ капиталовъ или цѣнности этихъ вещей. При возвращеніи приданого мужъ имѣеть право на возмѣщеніе совершенныхъ имъ необходимыхъ и полезныхъ издержекъ, если сіи издержки не обусловливаются пользованіемъ вещи. Издержки необходимы онъ вычтетъ изъ возвращаемаго капитала, такъ какъ они ipso jure уменьшаютъ приданое; при возвращеніи другихъ вещей онъ воспользуется правомъ удержанія до ихъ возмѣщенія ¹⁾; для возмѣщенія издержекъ полезныхъ онъ предъявитъ *actio mandati contraria* или *actio negotiorum contraria*; ²⁾ издержки прихотливыя дають лишь *jus tollendi* ³⁾.

IV. *Привиллегіи женщинамъ, требующей возвращенія приданого.* Въ обезпеченіе своего требованія о возвращеніи приданого женщина имѣеть: а) законное закладное (привилегированное) право на все имущество мужа ⁴⁾; ту же привиллегію имѣють ея нисходящіе наслѣдники ⁵⁾; другіе ея наслѣдники имѣють законное закладное право ⁶⁾; б) считается собственницей приданого, она имѣеть право, по прекращеніи брака, предъявить о возвращеніи приданого вещный искъ (*actio rei vindicatio*) къ мужу, если вещи находятся пока у него, къ третьему лицу, которому мужъ отчуждилъ ихъ, такъ что никто изъ кредиторовъ не имѣеть права сослаться на свою ипотеку; то же право принадлежитъ ея наслѣдникамъ; это право жены одни изъ современныхъ писателей признають за ней въ томъ лишь случаѣ, если мужъ неправильно отчуждилъ приданое, и считаютъ, что она не имѣеть этого права, если мужъ дѣйствительно отчуждилъ приданое.

V. *Иски о приданомъ.* Существуетъ три иска на возвращеніе приданого:

1. Посредствомъ *actio ex stipulatu* требуется возвращеніе *dos certicia*, которая была выговорена стипуляціей; искъ этотъ *stricti juris*, наслѣдственный; природа этого иска и его содержанія остались неизмѣннымъ по законодательству Юстиніана.

2. *Actio praescriptis verbis* въ томъ случаѣ, если возвращеніе приданого было выговорено посредствомъ неформальнаго соглашенія; искъ этотъ—наслѣдственный *bonae fidei*; искъ этотъ примѣняется вслѣдствіе того соображенія, что передача приданого съ цѣлью получить его обратно при прекращеніи брака есть безыменный договоръ (*contractus innominatus*).

¹⁾ L. 5 Dig. 25, 1.

²⁾ L. un. 5 cit. Cod. 5, 13.

³⁾ § 5 cit.

⁴⁾ L. 12, § 1 Cod. 8, 18.

⁵⁾ Nov. 91, 1.

⁶⁾ L. un § 1 Cod. 5, 13.

3. *Actio ex stipulatu* требуется возвращеніе приданаго въ томъ случаѣ, если возвращеніе приданаго не было явно выговорено стипуляціей; въ такомъ случаѣ, согласно постановленію закона ¹⁾ Юстиніана, прилагается *actio rei uxoriae quasi ex stipulatu tacito*; очевидно, искъ этотъ основывается на фикціи стипуляціи о возвращеніи приданаго, тогда какъ въ дѣйствительности онъ основывается на постановленіи закона. Искъ этотъ относится къ группѣ *bonae fidei*, какъ и прежняя *actio rei uxoriae*, слѣд. при *stipulatio tacita* можно было заключить *clausula doli*. *Actio ex stipulatu tacito*—искъ личный; истецъ—жена или ея отецъ, согласно указаннымъ выше правиламъ; наследники жены, если умеръ раньше отецъ, имѣвшій право на искъ о возвращеніи приданаго *profecticia*, или умерла раньше жена, имѣвшая право на предъявленіе иска о возвращеніи *dos adventicia* по *reserticia*; *ответчикомъ* является мужъ или его отецъ, если онъ находится въ отцовской власти. Моментъ предъявленія иска (*actio nata*)—моментъ прекращенія брака, или моментъ несостоятельности мужа, или очевидная расточительность мужа. По общимъ правиламъ истецъ долженъ доказать основанія иска,—установленіе приданаго; въ доказательство установленія приданаго истецъ можетъ представить а) актъ установленія приданаго (брачный договоръ, *instrumentum dotale, nuptiale*), въ какомъ актѣ мужъ удостовѣрилъ полученіе приданаго и, б) росписку мужа въ полученіи приданаго, выданную имъ послѣ заключенія брачнаго договора. Однако, доказательственная сила обоихъ документовъ неодинакова. Удостовереніе мужа въ полученіи приданаго, данное въ брачномъ договорѣ, имѣетъ силу по истеченіи одного года по прекращеніи брака, если бракъ продолжался не свыше двухъ лѣтъ; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, если бракъ продолжался отъ двухъ до 10 лѣтъ; оно имѣетъ силу тотчасъ по прекращеніи брака, если бракъ продолжался свыше десяти лѣтъ. Указанные сроки (годъ, — три мѣсяца) объясняются тѣмъ соображеніемъ, что удостовѣреніе мужа въ полученіи приданаго есть признаніе его, которое онъ, быть можетъ, совершилъ ранѣе, чѣмъ получилъ приданое; юридическое значеніе этихъ сроковъ заключается въ томъ, что мужъ имѣетъ право втеченіи указанныхъ сроковъ потребовать свое признаніе обратно посредствомъ *condictio sine causa*, или заявить протестъ (*querela non numeratae dotis*) и тѣмъ обезпечить свое право отрицать произведенную ему выдачу приданаго; въ случаѣ же предъявленія къ нему иска и ссылки истца на его признаніе, выраженное мужемъ въ брачномъ договорѣ, ранѣе истеченія указанныхъ сроковъ, мужъ можетъ отклонить искъ возвра-

¹⁾ L. un. Cod. 5, 13 (530 г.) § 29 Inst. 4, 6.

женіемъ о неполученіи приданого (*exceptio non numeratae dotis, recipiendae*); слѣдовательно, бремя доказательства выдачи приданого (*onus probandi*) лежитъ на истцѣ, который имѣетъ право доказать выдачу приданого иными средствами доказательствъ, но не письменнымъ удостовѣреніемъ мужа. По истеченіи указанныхъ сроковъ онъ не имѣетъ права доказывать неполученіе приданого. — Росписька мужа, выданная имъ послѣ заключенія брачнаго договора, имѣетъ доказательную силу съ момента ея выдачи. — Противъ предъявленнаго иска мужъ не можетъ совершать никакихъ вычетовъ, кромѣ издержекъ (см. выше), и такъ какъ возвращеніе приданого при уничтоженіи брака есть общее правило, то гонорить о вычетахъ на содержаніе прижитыхъ въ бракѣ дѣтей сдѣлалось излишне (*verbositas*), ибо дѣти пользовались правомъ наслѣдованія въ имуществѣ матери ¹⁾. — Мужъ, его отецъ, его наслѣдники могли воспользоваться *beneficium competentiae* ²⁾. — *Privilegia exigendi* жены въ случаѣ конкурса надъ имуществомъ мужа удержана такъ-же при этомъ искѣ.

VI. *Иски мужа*: А) *О передачѣ ему приданого*: 1) женихъ не могъ предъявить искъ о передачѣ ему приданого ранѣе, чѣмъ былъ заключенъ бракъ; если женихъ получилъ приданое ранѣе вступленія въ бракъ и бракъ не былъ заключенъ, приданое можно было потребовать *отъ него обратно* посредствомъ личнаго иска (*condictio causa data causa non secuta*); 2) полагаютъ, что по классическому праву (вѣроятно, согласно закону Менія) приданое, состоящее изъ недвижимыхъ вещей, должно быть передано мужу тотчасъ по заключеніи брака, а движимыя вещи въ теченіи трехъ сроковъ ³⁾. По законодательству Юстиніана, недвижимыя вещи должны быть переданы тотчасъ послѣ заключенія брака, а движимыя въ теченіе года; если передача приданого не была совершена въ теченіи двухъ лѣтъ послѣ заключенія брака, то должны быть переданы (безъ необходимости напоминать о семъ) плоды приданого или уплачены 4 процента ⁴⁾. Жена и ея восходящія имѣли противъ иска мужа *beneficium competentiae*.

В) *Въ случаѣ отсужденія у него приданого*: 1) если третье лицо отсуждаетъ у мужа *dos necessaria*, переданную ему безъ предшествующаго обѣщанія, жена имѣетъ право искать судомъ отъ родственниковъ, на которыхъ лежитъ обязательство установить приданое, исполненія

¹⁾ Заурскій, Отцовская власть, стр. 185.

²⁾ L. un. § 7 cit.

³⁾ Ulp. 6, 8.

⁴⁾ L. 31, § 2. Cod. 5, 12; l. un. § 7. Cod. 5, 13

онаго; тоже право принадлежит мужу отъ ея имени ¹⁾; если третье лицо отсуживаетъ у мужа *dos voluntaria*, установленную непосредственной передачей (*datio dotis*) или же посредствомъ *общанія*: въ первомъ случаѣ мужъ имѣетъ искъ къ установителю на вознагражденіе, если установитель дѣйствовалъ злоумышленно (*cum dolo*); во второмъ случаѣ—вслѣдствіе неисполненія обѣщанія по причинѣ отсужденія приданаго; 3) въ случаѣ отсужденія у мужа *dos venditionis causa aestimata*, мужъ имѣетъ право на вознагражденіе по правиламъ договора купли о вознагражденіи покупателя, у котораго отсуждена купленная имъ вещь.

---

§ 23.

Судьба параерны.

См. выше, стр. 54 и ниже, § 24—27.

---

§ 24.

Имущественные штрафы за вступленіе во второй бракъ (*poenae secundarum nuptiarum*) ²⁾.

Мы видѣли выше ³⁾, что по закону Юлія и Папія Поппея вдовые лица должны вступить во второй бракъ, если желаютъ избѣжать имущественныхъ штрафовъ за безбрачіе. Законодательство христіанскихъ императоровъ измѣняетъ точку зрѣнія на вторые браки (*secundae nuptiae*): со времени императора Константина, вступленіе во второй бракъ подвергаетъ второбрачнаго и второбрачную имущественнымъ штрафамъ и вызываетъ выгодныя послѣдствія для дѣтей, прижитыхъ второбрачнымъ супругомъ отъ перваго брака; такъ, напр., Константинъ лишилъ, по закону 319 г., второбрачнаго мужчину (*pater binubus*) права пользованія, которое ему принадлежало на дошедшее къ его дѣтямъ имущество отъ матери (*bona materna*) ⁴⁾; впоследствии это постановленіе было отмѣнено императоромъ Львомъ ⁵⁾, въ 468 г. и проч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ L. 1. Cod. 5, 12. Ср. II. 16, 34, 69 § 7. Dig. 23, 3.

²⁾ Cod. Th. 3. 8 *de secundis nuptiis*; 3, 9 *si secund. mulier nupts.* Nov. Theod. 5 и 7; Cod. 5, 9 *de secundis nuptiis*; 5. 10 *si secundo nupserit mulier, cui maritus usum fructum reliquit.* Nov. 22, 22—48.

³⁾ Стр. 66.

⁴⁾ L. 3. Cod. Th. 8, 18: I. 1. Cod. 6. 60.

⁵⁾ L. 4. Cod. 6, 60.

Опытъ исторіи Харьковскаго университета.

Д. И. Багалъя.

Томъ I-й.

III-я ГЛАВА.

Университетское самоуправленіе.

(Продолженіе).

Вѣроятно, вслѣдствіе того, что тогдашніе дѣятели не придавали рѣшающаго значенія постановленіямъ факультетскихъ собраній, протоколы этихъ послѣднихъ плохо сохранялись, и мы въ настоящее время имѣемъ очень незначительную, отрывочную коллекцію ихъ, между тѣмъ какъ акты совѣта и журналы правленія сохранились въ полной неприкосновенности. Даже извѣстная намъ рукопись, содержащая въ себѣ краткія свѣдѣнія о дѣятельности всѣхъ учрежденій университета за первые годы его существованія („Исторія дѣлъ“), умалчиваетъ о томъ, что сдѣлали факультеты, и это, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что въ рукахъ ея составителя не было полной коллекціи факультетскихъ протоколовъ, хотя въ профессорской корпораціи и возникала мысль о необходимости составленія особыхъ обзоровъ дѣятельности факультетовъ. О безпорядочномъ состояніи факультетскихъ архивовъ свидѣлствуютъ и протоколы совѣтскихъ засѣданій 1813—1814 гг. Не имѣя возможности остановиться подробно на дѣятельности факультетовъ (по недостатку данныхъ), мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ, которые намъ помогутъ уяснить основной вопросъ—въ какой мѣрѣ факультеты выполняли задачу, предначертанную имъ уставомъ, т. е. разрѣшали тѣ вопросы, перечень которыхъ нами былъ приведенъ выше.

Важнѣйшимъ актомъ дѣятельности факультетовъ было производство экзаменовъ, на которыхъ присутствовали ректоръ и депутаты другихъ факультетовъ, избираемые по жребію совѣтомъ. Такъ, на примѣръ, нѣсколько засѣданій этикополитическаго отдѣленія было посвящено въ іюнь 1807 года испытаніямъ студентовъ по разнымъ предметамъ факультетскаго преподаванія (по моральной и теоретической философіи, праву и политической экономіи). Засѣданія были до обѣда и послѣ обѣда и продолжались 2 дня (10-го и 11-го іюня). Въ протоколѣ приведенъ именной списокъ лицъ, подвергавшихся экзамену, и указаны полученные ими отмѣтки; опредѣлено также точнымъ образомъ, когда начиналось и оканчивалось засѣданіе и кто на немъ присутствовалъ ¹⁾. Точно также происходили экзамены и на физико-математическомъ факультетѣ по физикѣ и математикѣ: они продолжались 3 дня (12, 13 и 14 іюня),

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1807 года, № 61. стр. 88—89, 233.

и на нихъ присутствовали кромѣ членовъ факультета (а членами факультета были профессора и всѣ адъюнкты) еще депутаты отъ другихъ отдѣленій (Рижскій, Тимковскій, Коритарі, Шумлянскій, Рейтъ, Совиньи; въ протоколѣ отмѣчены фамиліи преподавателей, неявившихся въ засѣданіе, и таблица отмѣтокъ, полученныхъ студентами ¹⁾). Также торжественно производились въ факультетахъ испытанія разныхъ лицъ, искавшихъ ученыхъ степеней—магистра и доктора. На экзаменѣ учителя Дудровича и магистра Любовскаго (по философіи) присутствовали только члены факультета ²⁾, а на экзаменѣ кандидата Дегаля командированы были особые депутаты въ виду того, что по поводу его испытанія были высказаны нѣкоторыя сомнѣнія въ засѣданіи совѣта ³⁾. Другими важными фактами въ дѣятельности факультетовъ являлось—составленіе распредѣленія лекцій, чтеніе научныхъ сочиненій, предназначенныхъ авторами ихъ къ печати или произнесенію на актахъ, предложеніе книгъ для университетской бібліотеки, и вообще все то, что ближайшимъ образомъ касалось факультетскаго преподаванія или факультетской науки. Чтобы дать читателю болѣе наглядное понятіе о вопросахъ, разсматривавшихся въ факультетскихъ засѣданіяхъ того времени, мы изложимъ здѣсь содержаніе нѣсколькихъ протоколовъ физико-математическаго отдѣленія за 1806 и 1807 годы. Вотъ протоколъ засѣданія 15 января 1806 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Шнаувертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнктъ Васильевъ, адъюнктъ Шмерфельдъ, адъюнктъ Крюгеръ, адъюнктъ Каретниковъ, адъюнктъ Ванотти. Положили: 1) физико-химическое разсужденіе о произращеніи растеній, сочиненное орд. проф. химіи Шнаувертомъ на нѣмецкомъ языкѣ, по долгомъ совѣтованіи, съ поправленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ онаго самимъ сочинителемъ, предать тисненію; 2) слушали сокращенный переводъ съ нѣмецкаго языка на російскій химическаго испытанія, учиненнаго г. экстраорд. проф. Гизе надъ минеральными Константиноградскими водами“. Подлинный подписали всѣ присутствовавшіе, исключая Шумлянскаго.

Протоколъ засѣданія отъ 14 февраля того же 1806 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Шнаувертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнктъ Васильевъ, адъюнктъ Шмерфельдъ, адъюнктъ Крюгеръ, адъюнктъ Ка-

¹⁾ Ibidem, стр. 115—116.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предм. на иностр. яз. 1813 г., № 52, стр. 41, 54.

³⁾ Ib. стр. 42, 53.

ретниковъ, адъюнктъ Ванотти. Положили: 1) разсужденіе о врачебной пользѣ минеральныхъ Константиноградскихъ водъ, сочиненное г. орд. проф. Шумлянскимъ, и переводъ химическаго испытанія тѣхъ же водъ, сдѣланнаго проф. Гизе, по основательномъ разсмотрѣніи послѣдняго г. орд. проф. Осиповскимъ, поручить секретарю отдѣленія доставить помянутому проф. Шумлянскому для составленія изъ нихъ общаго сочиненія и изданія въ свѣтъ; 2) убѣждаясь нуждами по учебной части гимназій и уѣздныхъ училищъ, г. деканъ факультета предложилъ членамъ его взять трудъ на себя или въ сочиненіи новыхъ приличныхъ учебныхъ книгъ по разнымъ предметамъ, относящимся къ сему отдѣленію, для помянутыхъ училищъ, или подать свои мнѣнія объ извѣстныхъ имъ сего рода сочиненіяхъ, вслѣдствіе чего: а) г. проф. Делявинъ объявилъ, что онъ намѣренъ сочинить начальныя основанія ботаники, а пока оныя будутъ изданы, опредѣлено слѣдовать такого же рода сочиненію, изданному на російскомъ языкѣ Амбодиномъ (?); б) проф. Осиповскій взялъ на себя сдѣлать сокращенное сочиненіе изъ своего математическаго курса, касательно же прикладной математики опредѣлено преподавать по переводу курса г. Кестнера; в) для технологіи одобряется прибавленіе г. Функа, находящееся въ полномъ его сочиненіи естественной исторіи и технологіи; г) въ разсужденіи зоологіи факультетъ за полезное признаетъ слѣдовать сочиненію г. Блуменбаха съ прибавленіями г. Берхмана; е) минералогію преподавать по руководству г. академика Севергина, изданному для гимназій и утвержденному главнымъ управленіемъ училищъ; ф) въ разсужденіи сельскаго хозяйства назначается сочиненіе г. Панкеля на латинскомъ языкѣ; 3) кромѣ математики и ботаники гг. члены факультета о прочихъ книгахъ подадутъ черезъ два дня свои мнѣнія; 4) вслѣдствіе § 52 устава училищъ, предписывающаго дѣлать при гимназіяхъ метеорологическія и топографическія наблюденія, факультетъ, по довольномъ разсужденіи о семъ предметѣ, опредѣлилъ: начертать для гимназій инструкцію и потому о метеорологическихъ наблюденіяхъ поручилъ орд. проф. Стойковичу, а въ разсужденіи топографическихъ г. адъюнкту Шмерфельду, съ дополненіями г. проф. Делявина по части ботаники. При семъ случаѣ г. проф. Шнаубертъ объявилъ, что онъ сообщитъ факультету записку о химическихъ средствахъ испытанія воздуха; 5) факультетъ, находя полезнымъ и нужнымъ имѣть на домѣ университета громовой отводъ, опредѣлилъ представить о семъ на разсужденіе общаго совѣта и попечителя онаго университета, если только отводъ не дорого будетъ стоить; 6) о недостающихъ въ университетской лабораторіи химическихъ приборахъ представлено гг. проф. Шнауберту и Гизе подать въ факультетъ реестръ

*

7) въ разсужденіе нужныхъ пособій по части технологіи поручено г. адъюнкту Шмерфельду сдѣлать свое замѣчаніе и доставить оное факультету; 8) всѣмъ гг. профессорамъ и адъюнктамъ предложено, пересмотрѣвъ поданные ими прежде реестры книгъ, означить буквою „А“ самыя нужныя, которыя въ непродолжительномъ времени должны быть доставлены; 9) г. адъюнктъ Крюгеръ подалъ мнѣніе, что ему необходимо нужно имѣть модели всѣхъ измѣненій хрусталей, ископаемыхъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, почему положили поручить ему самому заказать сдѣлать оныя по образцамъ, находящимся у г. экстраорд. проф. Гизе“. Подписали всѣ присутствующіе.

Протоколъ засѣданія отъ 3 марта того же года. „Присутствовали: деканъ орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ, Каретниковъ, Ванотти. 1) г. деканъ отдѣленія предложилъ, чтобы рекомендовать учителямъ гимназій по физикѣ сочиненіе Витта съ дополненіями изъ другихъ новѣйшихъ и лучшихъ по сему предмету сочинителей. При семъ случаѣ г. профессоръ Осиповскій подалъ свое мнѣніе, что лучше бы было повиديوму, сколько возможно, въ физикѣ избѣгать системъ, на произвольной предварительности основанныхъ, почему и одобрилъ къ преподаванію физику г. Гаго (?), изданную въ пользу французскихъ національныхъ лекцій съ новыми дополненіями; 2) г. экстраорд. проф. Гизе рекомендуютъ для гимназій естественную исторію, сочиненную г. Флерномъ и изданную въ 1804 году; 3) по опредѣленію послѣдняго въ семъ отдѣленіи засѣданія г. адъюнктъ Шмерфельдъ подалъ проектъ о дѣланіи топографическихъ наблюденій; почему положено приобщить оное къ прочимъ, когда всѣ по сему предмету доставлены будутъ, для сочиненія общей инструкціи; 4) читаны оба сочиненія гг. профессоровъ орд. Шумлянскаго и экстраорд. Гизе объ изслѣдованіи, учиненномъ ими надъ Константиноградскими минеральными водами, которыя по прочтеніи и поправленіи въ нихъ нѣкоторыхъ мѣстъ опредѣлено препроводить въ правленіе университета, дабы благоволило вслѣдствіе заключенія общаго совѣта приказать напечатать въ университетской типографіи; для поправленія же корректуры отдѣленіе избрало г. адъюнкта Крюгера, о чемъ и дать знать правленію выпискою; 5) г. экстраорд. проф. Гизе подалъ списокъ инструментовъ и другихъ вещей, необходимо нужныхъ по химической лабораторіи, который опредѣлено представить на разсмотрѣніе общаго совѣта; 6) г. деканъ сего отдѣленія представилъ реестръ книгъ, которыя г. орд. проф. Шнаубертъ желаетъ продать университету; положено послать каталогъ для прочтенія всѣмъ

гг. членамъ онаго отдѣленія съ вопросомъ о мѣнѣнн въ покупки оныхъ¹⁾. Подписали всѣ присутствовавшіе¹⁾.

Протоколъ засѣданія 12 января 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты—Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ. 1) Поелику нужно въ семъ краю знаніе употребленія градирныхъ домовъ, по причинѣ находящихся въ южныхъ російскихъ губерніяхъ соляныхъ источниковъ и озеръ, то отдѣленіе признаетъ полезнымъ искупить представленную ему модель такового градирнаго дома, которую нашло соотвѣтственною намѣренію и которой цѣна 50 р.; 2) г. ректоръ университета предложилъ: 1) 7 томовъ Фишера словаря физики, стоящіе 19 талеровъ и 20 фердинговъ и 2) Фишера исторіи физики недостающіе въ библіотекѣ 5-й, 6-й и 7-й томы, стоящіе 11 талеровъ и 15 фердинговъ: опредѣлено упомянутыя книги купить; 3) г. деканъ отдѣленія предложилъ, что необходимо нужно искупить — 1) продолженіе „Species plantarum“ editio Willdenowii, которой въ библіотекѣ находится 3-го тома 2-я часть и 2) сочиненіе подъ названіемъ „Plantae variores, editio Kitaibeli et Valdsteinii;“ отдѣленіе согласно съ симъ предложеніемъ; 4) читанн — 1) разсужденіе о паденіи метеорическихъ камней, сочиненное г. ректоромъ, и 2) о главныхъ подвигахъ, учиненныхъ російскими естествоиспытателями въ познаніи естественныхъ произведеній природы, и о тѣхъ, кои еще имъ сдѣлать предлежитъ, сочиненіе г. экстраорд. проф. Гизе. По выслушаніи, обѣ рѣчи опредѣлены къ публичному чтенію въ день торжественнаго собранія университета сего генваря 17 дня. Г. секретарь отдѣленія адъюнктъ Каретниковъ за болѣзнию не присутствовалъ. Подлинный подписали всѣ присутствовавшіе“.

Протоколъ засѣданія 9-го марта 1807 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ. Слушали: 1) Предложеніе г. ректора университета, при которомъ препровожденъ отдѣленію кусокъ воздушнаго камня, упавшаго съ прочими въ слободскоукраинской губерніи. Опредѣлено: половину сего камня вручить г. проф. Шнауберту для помѣщенія въ минеральномъ кабинетѣ, а другую часть отдать г. проф. Гизе для химическаго разложенія. 2) По второму пункту упомянутаго предложенія было предложено отдѣленіемъ чрезъ исправляющаго должность секретаря адъюкта Крюгера г. ректору университета Стойковичу, не благоугодно ли ему принять на себя сочиненіе разсужденія для чтенія онаго въ общемъ собраніи въ пер-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1806 г., № 49.

выхъ числахъ апрѣля мѣсяца. Но какъ г. ректоръ чрезъ того же адъюнкта Крюгера отозвался, что онъ за многими другими дѣлами университета не можетъ приняться за сочиненіе упомянутого разсужденія, а потому предлагаетъ, чтобъ сочиненіе такового разсужденія поручить одному изъ прочихъ членовъ отдѣленія, то и опредѣлено: препоручить изготовить такое разсужденіе г. декану отдѣленія проф. Делявину. 3) По четвертому пункту предложенія г. ректора опредѣлено: адъюнкту Крюгеру быть въ помощи у него г. ректора при сочиненіи инструкціи о метеорологическихъ наблюденіяхъ. 4) Г. деканъ отдѣленія предложилъ о надобности въ книгахъ: 1) *Naturhistorische Abbildungen, von Blumenbach* и 2) *Neue Auflage von Blumenbach's Naturhistorischen Werke*. Опредѣлено: по необходимости упомянутыхъ книгъ потребно оныя испустить, о чемъ и дать знать правленію выпискою изъ журнала. 5) Г. адъюнктъ Шмерфельдъ представилъ модели машинъ: 1) топчею для битья масла и 2) крупчатку съ теркою для пиленія деревъ, первая цѣною въ 15 руб., а вторая — въ 20 руб., итого обѣ за 35 руб. Опредѣлено: упомянутыя модели кунить для технологическаго кабинета и о томъ дать знать правленію выпискою изъ журнала. Г. ректоръ за дѣлами университетскими, а г. адъюнкты Каретниковъ по болѣзни не присутствовали“.

Протоколъ засѣданія 13-го апрѣля 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Шмерфельдъ и Крюгеръ. Слушали: 1) Отзывъ г. декана отдѣленія, коимъ изъясняетъ, что по многимъ занятіямъ въ ботаническомъ саду не имѣлъ онъ времени написать разсужденіи къ чтенію въ первыхъ числахъ апрѣля въ общемъ совѣтѣ, вслѣдствіе чего опредѣлено вмѣсто обыкновеннаго разсужденія прочитатъ въ совѣтѣ описаніе разложенія воздушнаго камня, сообщеннаго отдѣленію г. ректоромъ университета. 2) Читано представленіе г. проф. Шнауберта, по коему согласно съ § 84 устава университета на 5-й пунктъ того представленія опредѣлено: общее собраніе ископаемыхъ имѣть состоятъ въ вѣдѣніи профессора химіи, а употребленіе особеннаго отдѣленія минераловъ для преподаванія минералогіи предоставить преподающему сію науку адъюнкту Крюгеру“.

Протоколъ засѣданія отъ 24-го апрѣля 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Шмерфельдъ и Крюгеръ. Слушали: 1) Предложеніе г. ректора университета, коимъ изъяснилъ, что онъ по многимъ университетскимъ занятіямъ, окончивъ общую часть физики, не имѣетъ

времени продолжать частную или особенную оной часть; а дабы студенты не могли утратить сего курса, то полагаетъ, чтобъ оный до начаты экзаменовъ поручить преподавать адъюнкту Крюгеру. Отдѣленіе, соглашаясь съ симъ предложеніемъ, опредѣлило: дабы сію особенную часть физики преподавалъ упомянутый адъюнктъ Крюгеръ, о чемъ и представляетъ на благоусмотрѣніе общаго совѣта“¹⁾).

Этотъ подлинный текстъ протоколовъ прекрасно знакомитъ насъ съ обычною дѣятельностью всѣхъ факультетовъ; онъ какъ бы вводитъ въ ту комнату, гдѣ происходили засѣданія физико-математическаго отдѣленія. Засѣданія эти были посвящаемы почти исключительно вопросамъ, имѣвшимъ прямое отношеніе къ научной и преподавательской дѣятельности членовъ факультета. Если и въ засѣданіяхъ совѣта, согласно требованію устава, должны были читаться разные сочиненія, дѣлаться доклады и т. п., то въ факультетскихъ собраніяхъ имъ отводилось еще болѣе мѣста: здѣсь, какъ мы видимъ, цѣликомъ прочитывались и даже подвергались исправленію ученые рефераты и статьи членовъ отдѣленія; здѣсь сообщалась разсматривались вопросы о приобрѣтеніи книгъ для университетской бібліотеки и разныхъ предметовъ для учебно-вспомогательныхъ учрежденій факультета. Въ этомъ отношеніи власть факультетовъ была тогда шире, чѣмъ теперь — въ настоящее время каждому профессору въ отдѣльности предоставлено больше свободы, чѣмъ прежде. Но и старый порядокъ имѣлъ для своего времени серьезныя основанія — товарищескій взаимный контроль надъ сочиненіями былъ необходимъ, напримѣръ, тогда потому, что большая часть профессоровъ были иностранцы, незнакомые ни съ русскою жизнью, ни съ русскимъ языкомъ; точно также удобнѣе было, при крайне ограниченнхъ ресурсахъ для выписки книгъ въ университетскую бібліотеку, предоставить это право факультету, а не каждому изъ членовъ его въ отдѣльности.

Такова была обычная дѣятельность факультетскихъ собраній, нарушаемая иногда спорами и столкновеніями ихъ членовъ. Конечно, столкновеній подчасъ трудно избѣжать и таковой коллегіи, внутренняя жизнь которой идетъ нормальнымъ путемъ, — они могли быть (и бывали) и въ факультетахъ Харьковскаго университета. Но намъ интересно знать, не принимала ли эта внутренняя борьба иногда слишкомъ рѣзкаго, страстнаго характера. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что подчасъ она именно отличалась такимъ свойствомъ.

Въ 1807 году страсти были возбуждены дѣломъ проф. Пильгера. Много хлопотъ доставилъ и факультету, и совѣту, и правленію профессоръ скотолѣченія Пильгеръ. Не имѣя званія врача, онъ хотѣлъ тѣмъ

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1807 г., № 41.

не менѣе заниматься (и дѣйствительно занимался, при томъ очень удачно) медицинскою практикою. По словамъ Роммеля, онъ значительную часть своего времени проводилъ въ саркастическихъ выходкахъ противъ своихъ факультетскихъ враговъ, которые, прибавимъ отъ себя, платили ему тою же монетою, и дѣло дошло даже до того, что товарищи жаловались на него министру. Въ засѣданіи 30 сентября 1807 года медицинскому факультету пришлось, между прочимъ, рѣшать вопросъ, вызванный именно врачебною практикою Пильгера: „относится ли ветеринарное искусство къ медицинѣ?“

Факультетъ, читаемъ мы въ протоколѣ по этому поводу, не отвѣчалъ на этотъ вопросъ раньше вслѣдствіе малочисленности своихъ членовъ, изъ коихъ два должны были въ скоромъ времени пріѣхать изъ-за границы. Теперь же онъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе. Съ точки зрѣнія физиологической, ветеринарія относится къ медицинѣ и, конечно, съ большимъ основаніемъ, чѣмъ медицина растений. Но человѣкъ отличается отъ животныхъ не однимъ только разумомъ, самая природа его несравненно совершеннѣе. Вслѣдствіе этого, если бы кто-либо былъ опытнѣйшимъ человѣкомъ въ ветеринаріи и искуснѣйшимъ ветеринаромъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ зналъ медицину человѣка и заслуживалъ бы званія доктора медицины; для этого требуются спеціальныя изученія, засвидѣтельствованныя дипломомъ. И наши законы благоразумно требуютъ для врачебной практики званія доктора медицины. А г. Пильгеръ, хотя и заявилъ въ присутствіи многихъ лицъ, достойныхъ довѣрія, что въ 1781 году онъ получилъ въ Ерлангенскомъ университетѣ дипломъ на степень доктора медицины и хирургіи, который спрятавъ у его брата, но не доказавъ этого и тѣмъ не менѣе вопреки рѣшенію совѣта и законовъ государства продолжаетъ запрещенную ему медицинскую практику, пользуясь тою уловкой, что свои рецепты прописываетъ какъ будто для скота, а на самомъ дѣлѣ для людей, съ явною опасностью для этихъ послѣднихъ, какъ это обнаружилось въ засѣданіи факультета 22 сентября подъ предсѣдательствомъ ректора ¹⁾.

Распри, происходившія въ совѣтѣ 1812—1814 гг., нашли себѣ отраженіе и въ факультетахъ и проявились съ особенною силою на экзаменахъ. Между прочимъ въ это время экзаменовался кандидатъ Дегай, противъ котораго была сильная оппозиція, вызванная, по всей вѣроятности, извѣстіями о взяткахъ, которыя были даны его отцомъ — извѣстнымъ богачомъ б. херсонскимъ губернаторомъ Хорватомъ; по крайней мѣрѣ Розальонъ-Сошальскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ объ этомъ, какъ о всѣмъ извѣстномъ фактѣ, подтверждая и разъясняя

¹⁾ Харьк. унвер. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ, 1807 г., № 61, стр. 106, 117.

рассказ Роммеля. Этот же последний сообщает, что Дегай предлагал ему перед своим докторским экзаменом в видъ взятки великолѣпныя дрожки и пару лошадей, которыя, послѣ его отказа, очутились во владѣніи одного изъ его русскихъ коллегъ. Въ томъ же 1814 г. произошло столкновение въ засѣданіи этикополитическаго отдѣленія во время экзамена студента Андреева. Вотъ какъ описывается оно въ официальномъ донесеніи факультета совѣту. Студентъ Андреевъ выдержалъ удовлетворительно письменное испытаніе и былъ допущенъ факультетомъ къ устному экзамену на степень кандидата; при этомъ онъ просилъ, чтобы его прежде всего проэкзаменовали изъ земледѣлія, лѣсоводства и технологіи, ибо этими предметами онъ занимался особенно усердно. Въ виду этого былъ приглашенъ въ засѣданіе преподаватель этихъ наукъ проф. Нельдегенъ, который и хотѣлъ приступить къ испытанію Андреева. Но явившійся въ факультетъ проф. И. Срезневскій (преподаватель русской словесности) просилъ, чтобы факультетъ разрѣшилъ ему первому проэкзаменовать аспиранта изъ своего предмета, такъ какъ онъ не можетъ долго оставаться въ засѣданіи факультета. Получивъ это разрѣшеніе, проф. Срезневскій приказалъ студенту Андрееву принести бумагу и перо, посадилъ подлѣ себя и хотѣлъ продиктовать ему диктовку, чтобы убѣдиться въ томъ, можетъ ли онъ правильно писать по русски. Но противъ этого возстали члены факультета, объясняя, что Андреевъ уже выдержалъ письменное испытаніе и теперь долженъ сдавать устный экзаменъ; факультетъ же не обязанъ контролировать успѣховъ Андреева въ русскомъ правописаніи, потому что такой контроль происходитъ при поступленіи молодыхъ людей въ университетъ; профессоръ же Срезневскій можетъ, если угодно ему, производить устное испытаніе изъ русской словесности. Проф. Срезневскій отказался отъ экзамена при такихъ условіяхъ и удалился изъ засѣданія. Факультетъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе совѣту и сообщилъ результаты испытаній Андреева; оказалось, что онъ превосходно выдержалъ экзаменъ изъ всѣхъ наукъ—главнаго предмета философіи, латинской словесности и сельскаго хозяйства, при чемъ отвѣты давалъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ. Совѣтъ, по большинству голосовъ, рѣшилъ однако, чтобы Андреевъ написалъ письменную работу проф. Срезневскому, и члены этикополитическаго факультета съ своей стороны заявили, что, хотя это противорѣчитъ формѣ экзаменовъ, предписанной уставомъ, тѣмъ не менѣе они соглашаются на это, чтобы ихъ не заподозрѣли въ какомъ-либо покровительствѣ испытанному ¹⁾. Въ объясненіе этого послед-

¹⁾ Харьк. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ 1814 г., № 58, стр. 152, 167.

няго намека мы должны добавить, что этотъ Андреевъ былъ сынъ богатаго Екатеринославскаго помѣщика и, слѣдовательно, экзаменаторы могли быть заподозрѣны тутъ въ особомъ лицепріятіи и полученіи подарковъ.

Большія пререканія на этикополитическомъ факультетѣ происходили въ 1813 году между тогдашнимъ деканомъ проф. Швейкардтомъ и прежнимъ Шадамъ. Шадъ не даромъ слылъ „немстовымъ“: онъ дѣйствительно былъ крайне невоздержанъ въ выраженіяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуесть и жалоба, поданная на него Швейкардтомъ въ совѣтъ университета. „О неслыханномъ и почти невѣроятномъ дѣлѣ мнѣ приходится говорить—такъ начинается свою жалобу Швейкардтъ. Ордиварный профессоръ теоретической и практической философіи Шадъ осмѣлился меня оскорбить при исполненіи моихъ обязанностей. Доношу объ этомъ совѣту, потому что этого требуетъ моя должность и къ этому меня принудилъ самъ Шадъ. Предоставляю вашей мудрости рѣшить это дѣло и перехожу къ изложенію его.

Когда я вступилъ въ обязанность декана, секретарь факультета Павловичъ доставилъ мнѣ акты истекшаго года, причемъ я сейчасъ же замѣтилъ, что тамъ вѣтъ на лицо почти половины ихъ, въ томъ числѣ работъ и диссертаций магистрантовъ Любовскаго и Любатинскаго и докторанта де-Кальве. Отыскать ихъ было для меня долгомъ чести. Поэтому я отправилъ списокъ недостающихъ протоколовъ, совѣтскихъ рѣшеній, просьбъ о выпискѣ книгъ и т. п. къ бывшему декану, профессору Шаду, и просилъ его возвратить случайно оставшіеся у него документы. И онъ дѣйствительно нашель у себя два протокола (если не ошибаюсь), а о другихъ заявилъ, что они у тѣхъ профессоровъ, которымъ были переданы для прочтенія. Обойти молчаніемъ этотъ вопросъ въ засѣданіи этикополитическаго отдѣленія я и не могъ, и не долженъ былъ, въ особенности въ виду того, что совѣтъ поручилъ всѣмъ деканамъ выработать какія-либо мѣры касательно факультетскихъ архивовъ. По этой причинѣ факультетъ, согласно моему предложенію, въ присутствіи проф. Шада, безъ всякихъ колебаній постановилъ—если вѣтъ на лицо важныхъ актовъ, то просить совѣтъ, чтобы онъ напомнилъ профессорамъ, которые ихъ читали и, быть можетъ, удержали у себя, о возвращеніи ихъ въ факультетъ. На третій день послѣ этого проф. Шадъ не устыдился написать на этомъ протоколѣ, что этотъ параграфъ содержитъ несправедливую по отношенію къ нему ложь и пристрастіе совершенно недостойное декана.

Въ томъ же засѣданіи я, продолжаяеь далѣе Швейкардтъ, указалъ на неудобства, происходящія отъ принятаго нынѣ способа составленія факультетскихъ протоколовъ и предлагалъ утверждать и подписывать

ихъ въ томъ же засѣданіи. Такъ принято почти вездѣ и пріятствіемъ для этого не должны служить сложныя дѣла, потому что рѣшеніе ихъ могло быть перенесено въ слѣдующее засѣданіе. И хотя по этому поводу не состоялось рѣшенія, однако проф. Шадъ воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы внести въ акты слѣдующее выраженіе: „противъ юношеской стремительности, чтобы составлять и подписывать протоколъ въ текущемъ же засѣданіи факультета, я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую“.

Знаю я, *patres conscripti*, что это дѣло касается не одного меня, но и васъ, и не декана, а этикополитическаго факультета, а потому и совѣта. Ибо не можетъ статься, чтобы кто-либо оскорблялъ главу коллегіи при исполненіи его обязанностей и въ то время не оскорблялъ самой коллегіи. Однако надѣюсь, что мой протестъ въ этомъ дѣлѣ будетъ имѣть значеніе въ вашихъ глазахъ. И такъ, прошу, чтобы вы, насколько возможно, охранили меня (27 марта 1813 г.)¹⁾

Нѣсколько позже, но въ томъ же году деканъ этикополитическаго факультета Швейкардтъ снова вошелъ въ совѣтъ съ заявленіемъ, въ которомъ указывалъ на пропажу изъ факультетскаго архива (бывшаго подъ замкомъ) работы докторанта Хлапонина. Разъ въ мѣсяць и даже чаще, писалъ Швейкардтъ, я обыкновенно осматриваю факультетскія бумаги, хранящіяся въ особомъ шкафу въ университетскомъ помѣщеніи; и вотъ недавно я замѣтилъ отсутствіе одной работы Хлапонина; тотчасъ я обратился къ секретарю факультета, которому иногда давалъ ключъ, по его просьбѣ, съ вопросомъ, нѣтъ ли у него случайно этого документа, но получилъ отвѣтъ, что у него его не имѣется; и такъ какъ шкафъ былъ запертъ неудобнымъ поперечнымъ запоромъ, такъ что его можно было отпереть почти всякимъ ключемъ, то мнѣ кажется, нужно позаботиться о лучшихъ запорахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Хлапонина, чтобы онъ представилъ другой списокъ своего труда, если у него имѣется таковой. Совѣтъ постановилъ позволить Хлапонину переписать свои работы подъ наблюденіемъ секретаря факультета²⁾.

Приведенные нами факты свидѣтельствуютъ, что распри и взаимное недовѣріе и вражда въ концѣ десятилѣтія получили широкое развитіе и въ факультетскихъ собраніяхъ и нарушали то обычное теченіе дѣлъ, какое господствовало здѣсь раньше.

Но во всякомъ случаѣ эти явленія носили временный характеръ и не уничтожаютъ той огромной пользы, какую приносили факультеты дѣлу

¹⁾ Харьк. унверсит. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 15.

²⁾ Ibidem, стр. 192.

науки и преподаванія, и при томъ не въ одномъ только университетѣ, а и во всемъ обширномъ харьковскомъ учебномъ округѣ. Всѣ вопросы, связанные съ преподаваніемъ, и всѣ научныя изслѣдованія и предпріятія имѣли ближайшее отношеніе къ этимъ коллегіямъ, въ нихъ находили себѣ опору, поддержку и авторитетную оцѣнку, и многое изъ того, что обсуждалось и рѣшалось въ совѣтѣ или правленіи, первоначально зарождалось въ факультетскихъ собраніяхъ; мало того, отдѣленія занимались и дѣлами, касавшимися среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, т. е. тѣмъ, чего вовсе не касаются нынѣшніе факультеты, слѣдовательно, внесли свою лепту и въ сокровищницу народнаго образованія въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. На почвѣ факультетской дѣятельности находила примѣненіе своимъ силамъ между прочимъ та группа преподавателей, которая не участвовала въ совѣтскихъ засѣданіяхъ—именно адъюнкты, и нельзя не соизнаться, что привлеченіе ихъ къ этой общественной повинности было какъ нельзя болѣе умѣстно и полезно: работы было много, а дѣятелей очень мало, такъ что на долю каждаго выпадало слишкомъ уже много труда. Для самихъ же адъюнктовъ участіе въ факультетскихъ трудахъ являлось прекрасною подготовительною школою для будущихъ работъ въ совѣтѣ, училищномъ и цензурномъ комитетѣ, правленіи. Покончивъ съ дѣятельностью факультетовъ, переходимъ теперь къ характеристикѣ дѣятельности *правленія*.

Обязанности правленія уставъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ. Правленіе состояло изъ ректора, который является предсѣдателемъ его, декановъ факультета и такъ называемаго непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Непремѣнный засѣдатель—это былъ ближайшій помощникъ ректора въ дѣлахъ, касающихся правленія и университетскаго суда. Онъ особенно долженъ былъ заботиться о соблюденіи порядка въ отправленіи текущихъ дѣлъ, непоколебимомъ выполненіи законовъ и полезныхъ, опытомъ утвержденныхъ постановленій; о нарушеніи же ихъ послѣ благопристойнаго представленія ректору доносить попечителю. Для текущихъ дѣлъ правленіе обязано было собираться по два раза въ недѣлю, а для экстренныхъ—сколько понадобится, по приглашенію ректора. Правленію принадлежала *исполнительная* власть; оно занималось внутреннимъ устройствомъ въ университетѣ и благочиніемъ, а также сносилось съ другими государственными учрежденіями по университетскимъ дѣламъ. Въ его вѣдѣніи находились всѣ суммы, отпускаемыя на содержаніе университета; оно отвѣчало за цѣлость ихъ, распорядилось ими согласно Высочайше утвержденному штату, дѣлало выдачи, давало подряды, заключало договоры, наблюдая при этомъ порядокъ, предписанный общи-

ми законами, и рассматривало счета всѣхъ чиновниковъ, которымъ вѣ-
рились частные расходы (главнымъ образомъ по учебновспомогательнымъ
учрежденіямъ). Остатки отъ штатной суммы, за дѣйствительнымъ удов-
летвореніемъ годовыхъ потребностей, обращались въ хозяйственную
сумму (нѣчто въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ специальныхъ средствъ) и
употреблялись на разные нужды и потребности университета, по опре-
дѣленіямъ совѣта, утвержденнымъ начальствомъ. Правленіе рассматри-
вало употребленіе этихъ суммъ и, если оказывались свободные капиталы,
то помѣщало ихъ въ государственные банки или опекунскій совѣтъ.
Самъ ректоръ собственною властью безъ правленія могъ распорядиться
выдачею изъ казначейства въ случаяхъ не терпящихъ отлагательствъ
суммы не болѣе 100 руб. и при этомъ обязанъ былъ довести объ этомъ
въ ближайшемъ же засѣданіи до свѣдѣнія членовъ правленія. Правле-
ніе само могло дѣлать распоряженія о выдачѣ изъ хозяйственнаго фон-
да суммы до 500 р. и только доносило объ этомъ попечителю; большія
же выдачи разрѣшалъ уже совѣтъ съ утвержденія попечителя. Каждый
мѣсяцъ правленіе должно было свидѣтельствовать какъ штатную, такъ
и хозяйственную сумму, сличая ее съ приходными и расходными кни-
гами; послѣ каждого такого засѣданія ректоръ отправлялъ попечителю
подробную вѣдомость, подписанную кассиромъ и бухгалтеромъ. По исте-
ченіи года отчетъ объ израсходованіи суммъ представлялся на размо-
трѣніе совѣту, который назначалъ изъ своей среды нѣсколькихъ чле-
новъ для освидѣтельствованія оставшейся суммы и затѣмъ отправлялъ
счета черезъ попечителя къ министру. Канцелярія правленія состояла
изъ секретаря, кассира, бухгалтера, переводчика и эзекутора; секре-
тарь назначался попечителемъ съ утвержденія министра. Низшихъ слу-
жителей назначало правленіе собственною властью, а о классныхъ чи-
новникахъ дѣлало представленіе попечителю. Въ вѣдѣніи правленія на-
ходился и *университетскій судъ*. Первой инстанціей его былъ ректоръ,
какъ предсѣдатель правленія. Всѣ жалобы, касавшіяся студентовъ, онъ
разбиралъ устно, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ велъ письменное про-
изводство, пользуясь услугами своего ближайшаго помощника-непремѣн-
наго засѣдателя, синдика, секретаря и чиновниковъ правленія. Его рѣ-
шеніе было окончательнымъ и безъапелляционнымъ въ слѣдующихъ слу-
чаяхъ: по денежнымъ взысканіямъ, не превышающимъ 15 руб., по про-
стуткамъ и оскорбленіямъ, за которые университетскіе законы назна-
чаютъ выговоръ или заключеніе подъ стражу на 3 дни. Второю инстан-
ціей было правленіе въ его полномъ составѣ; оно разбирало дѣла, ка-
савшіяся профессоровъ, адъюнговъ и другихъ чиновниковъ универси-
тета. Въ важныхъ и сомнительныхъ дѣлахъ правленіе усиливало свой

составъ однимъ или двумя профессорами-юристами. Обязанность подписывать къ рѣшеніямъ законы лежала на синдикѣ, который имѣлъ только совѣщательный голосъ. Въ правленіе могли быть приносимы жалобы и на ректора, но для соблюденія къ нему должнаго уваженія, въ случаѣ если жалоба окажется несправедливой, на просителя налагалась денежная пеня въ пользу неимущихъ до 25 р.; если же правленіе признаетъ жалобу основательной, то свое заключеніе представляетъ попечителю, отъ котораго и ждетъ приговора. Рѣшенія правленія являлись окончательными въ слѣдующихъ случаяхъ: по денежнымъ взысканіямъ до 50 руб.; по проступкамъ студентовъ, за которые полагается наказаніе не свыше 14-ти-дневнаго ареста; по жалобамъ на чиновниковъ университета, результатомъ коихъ былъ выговоръ или штрафъ до 24 руб.; по жалобамъ на служителей университета или университетскихъ чиновниковъ. Дерзости студентовъ, причиняющія явный соблазнъ, подвергались изслѣдованію правленія, хотя бы по нимъ и послѣдовало примиреніе сторонъ. Дѣла, касающіяся недвижимыхъ имѣній, не поступали въ правленіе, а шли въ соотвѣтственныя присутственныя мѣста, раздѣлъ же движимаго наслѣдственнаго имѣнія, принадлежавшаго подвѣдомственнымъ университету лицамъ и ихъ семьямъ, находился въ вѣдѣніи правленія. Въ дѣлахъ уголовныхъ правленіе только учиняло первоначальное изслѣдованіе и затѣмъ препровождало его въ соотвѣтственное присутственное мѣсто, но въ этомъ послѣднемъ въ качествѣ депутата отъ университета обязательно засѣдалъ синдикъ. Третьей инстанціей былъ судъ совѣта и рѣшенія его признавались окончательными въ слѣдующихъ случаяхъ: въ денежныхъ искахъ до 500 руб.; въ дѣлахъ, касающихся должностей и нарушенія университетскихъ правилъ; по приговорамъ, сопровождающимся штрафомъ до 100 руб. Въ остальныхъ случаяхъ недовольный имѣлъ право апеллировать въ правительствующій сенатъ, куда изъ совѣта отправлялось все дѣло. Судебное дѣлопроизводство въ университетѣ, по мысли законодателя, должно было отличаться краткостью и ни въ какомъ случаѣ не препятствовать преподаванію наукъ. Наконецъ, на разсмотрѣніе правленія переходили различныя дѣла хозяйственнаго характера изъ училищнаго комитета, въ вѣдѣніи котораго были всѣ училища огромнаго харьковскаго учебнаго округа; со всѣми посторонними вѣдомствами и учрежденіями училищный комитетъ сносился также посредствомъ правленія ¹⁾.

Таковы были положенія устава касательно дѣятельности правленія. О ходѣ же и результатахъ ея краснорѣчиво свидѣтельствуютъ тѣ огромные фоліанты, которые содержатъ въ себѣ журналы засѣданій прав-

¹⁾ Сборникъ постановленій по мѣн. нар. просв., I, стр. 290—296, 298.

ленія съ 1805 по 1815 годъ. Мы пересмотрѣли всѣ 28 томовъ этихъ журналовъ—и можемъ сказать, что правленіе успѣшно выполняло огромный трудъ, возложенный на него университетскимъ уставомъ. Перечитывая теперь эти журналы, невольно поражаешься обиліемъ и разнообразіемъ тѣхъ дѣлъ и вопросовъ, которые приходилось рѣшать и обсуждать небольшому контингенту лицъ, составлявшему ежегодно правленіе. При томъ необходимо еще обратить вниманіе на разноплеменный составъ членовъ этой коллегіи: иностранные профессора, не знакомые съ русскою жизнью, не могли быть компетентны и особенно дѣятельны въ хозяйственныхъ дѣлахъ, составлявшихъ главный предметъ вѣдомства правленія, но и ихъ голосъ нерѣдко былъ важенъ въ вопросахъ болѣе общаго характера, а впоследствии они освоились со своими новыми обязанностями и при исполненіи ихъ пользовались традиціей, которую унаслѣдовали въ западно-европейскихъ университетахъ и которой не было у ихъ русскихъ коллегъ. Въ особенности это нужно сказать относительно учебноспомогательныхъ учреждений. Такимъ образомъ, оба элемента—русскій и иностранный—взаимно дополняли другъ друга, хотя все-таки можно сказать, что главная тяжесть дѣлъ лежала на русскихъ членахъ правленія, хорошо знакомыхъ и съ мѣстными (харьковскими) условіями жизни, и съ окружающей средой, и съ узаконеніями; наконецъ, на ихъ обязанности лежало и самое письменное производство, требовавшее знанія языка и канцелярскихъ формъ.

Больше всѣхъ, несомнѣнно, потрудились въ правленіи, въ первые десять лѣтъ существованія его, два профессора русскаго происхожденія—Иванъ Степановичъ *Рижскій* и Тимофей Ѳеодоровичъ *Осиповскій*. Первый въ теченіе 5 слишкомъ лѣтъ былъ ректоромъ университета и вѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ правленія, а второй также былъ ректоромъ послѣ Стойковича, а остальное время несъ не менѣе важную и отвѣтственную должность непремѣннаго засѣдателя. О чрезвычайно важномъ значеніи этой должности ясно свидѣтельствуетъ университетскій уставъ. Непремѣнный засѣдатель былъ ближайшій помощникъ ректора, сохранявшій, однако, такую независимость отъ этого послѣдняго, что могъ непосредственно сноситься съ попечителемъ, отъ котораго зависѣло и самое его назначеніе. Рижскій и Осиповскій были прекрасно подготовлены къ сложнымъ обязанностямъ предшествующей дѣятельностью своею въ комитетъ правленія. Мы говорили выше уже о комитетѣ и его функціяхъ, отмѣтили даже важнѣйшіе факты его дѣятельности и могли убѣдиться, что онъ выполнялъ тѣ обязанности, которые приняло на себя потомъ правленіе. Рижскій занималъ въ немъ должность предсѣдателя, Осиповскій—члена. Комитетъ дѣйствовалъ съ 11 апрѣля

1804 по 24 марта 1805 года. 24 марта 1805 года комитетъ былъ замѣненъ правленіемъ и состоялось первое засѣданіе этого послѣдняго. На другой день по открытіи университета (18 января) состоялись въ совѣтѣ выборы членовъ правленія — ректора и трехъ декановъ (медицинскій факультетъ еще не былъ тогда открытъ); ректоромъ былъ избранъ Рижскій, а деканами Шадъ, Стойковичъ и Умляуфъ, непремѣннымъ засѣдателемъ назначенъ Осиповскій. Утверждены были эти лица въ должности министромъ 10 февраля 1805 года. Совѣтъ университета, получивъ бумагу объ утвержденіи ихъ, опредѣлилъ вмѣсто существовавшаго доселѣ при университетѣ комитета открытъ, согласно требованію устава, правленіе и извѣстить объ этомъ архіереевъ, губернаторовъ, губернскихъ предводителей дворянства и директоровъ училищъ¹⁾. Въ 1805 году было 81 засѣданіе правленія, въ 1806 году — 115, въ 1807 году — 106, въ 1808 г. — 100, въ 1809 г. — 103, въ 1810 г. — 98, въ 1811 г. — 117, въ 1812 г. — 108, въ 1813 г. — 123, въ 1814 г. — 100, всего 1051 засѣданіе. Засѣданія происходили въ началѣ обыкновенно въ послѣобѣденное время, свободное отъ учебныхъ занятій, и продолжались часа три (отъ 4 до 7 часовъ), а потомъ (съ 1811 г.) по утрамъ (часовъ съ 11-ти до часу); иногда, конечно, затягивались и дольше. Такимъ образомъ, члены правленія посвящали правленскимъ засѣданіямъ въ среднемъ не мевѣ двухъ дней въ недѣлю, не включая и каникулъ, а сверхъ того приходилось еще подчасъ затрачивать время на исполненіе разныхъ отдѣльныхъ порученій правленія (въ родѣ, напримѣръ, осмотра лѣсовъ и т. п.). Самыми аккуратными посѣтителями засѣданій были Рижскій и Осиповскій, они же были и наиболѣе авторитетными и свѣдущими членами этой коллегіи, работавшими больше всѣхъ остальныхъ. Осиповскій, по числу лѣтъ своей службы въ правленіи, долженъ занять первое мѣсто: въ теченіи всего десятилѣтія онъ работалъ въ правленіи сначала въ качествѣ непремѣннаго засѣдателя (съ 1805 до конца 1813 года), а потомъ ректора (въ концѣ 1813 и въ 1814 году); за нимъ слѣдуетъ Рижскій, исполнившій въ теченіи почти шести годичныхъ терминовъ должность предсѣдателя правленія и одинъ годъ (когда не былъ избранъ въ ректоры) бывшій членомъ его; только смерть пресѣкла многополезную дѣятельность этого честнаго труженника и радѣтеля о благѣ общемъ, но благодарная память о немъ долго жила въ сердцахъ его товарищей. Дѣятельность этихъ двухъ лицъ свободна отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и нареканій: она также чиста и безупречна, какъ и ихъ жизнь, всецѣло посвященная пользамъ универ-

¹⁾ Харьк. университетскій архивъ. Дѣло правленія по архиву № 28 по карт. № 3 (объ открытіи правленія); ср. журналъ правленія 1805 г. 24 марта.

ситета; для него они не щадили ни своихъ силъ, ни здоровья; припомнимъ, напримѣръ, что въ 1808 году Осиповскій былъ избранъ на должность ректора, но отказался отъ нея „по причинѣ слабаго здоровья, непреодоленнаго отъ понесенныхъ имъ трудовъ въ теченіе четырехлѣтняго исправленія обязанностей непрелжнаго заступателя“; а между тѣмъ и послѣ этого онъ оставался, по назначенію попечителя, бесцѣннымъ непрелжнымъ заступателемъ; очевидно, что попечитель никоимъ образомъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ и, быть можетъ, даже противъ воли его удерживалъ на этомъ посту, потому что самъ Осиповскій никогда не былъ искателемъ: это видно изъ того, что онъ еще и другой разъ отказался отъ ректорскаго званія, когда былъ избранъ на эту должность вторично въ 1810 году. Рижскій также всю жизнь свою посвятилъ университету и умеръ, не оставивъ женѣ никакого состоянія, такъ что университетъ принялъ на себя его похороны ¹⁾.

За этими лицами идетъ дѣльный рядъ другихъ дѣятелей въ правленіи, которые далеко уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ вышеназваннымъ. Таковъ энергичный дѣлецъ, но крайне сомнительный въ нравственномъ отношеніи, какъ мы видѣли, Стойковичъ; онъ въ теченіи 3-хъ слишкомъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ правленія и 5 лѣтъ членомъ его; но извѣстно, какую ожесточенную борьбу вело противъ своего предсѣдателя правленіе; извѣстно, что для суда надъ Стойковичемъ былъ избранъ даже особый предсѣдатель въ правленіи проф. И. Сренневскій. Затѣмъ очень долго работали въ правленіи въ качествѣ декановъ проф. этико-политическаго факультета Шадъ (7 лѣтъ) и медицинскаго Шумлянскій (6 лѣтъ). Шадъ едва ли не самый энергичный изъ иностранныхъ профессоровъ, къ сожалѣнію, имѣлъ очень горячій, невоздержанный нравъ и задорный характеръ, приводившій его къ постояннымъ спорамъ и столкновеніямъ; въ нравственномъ отношеніи онъ также былъ сомнителенъ; наконецъ, ему не доставало знанія русской жизни и русскаго языка. При такихъ условіяхъ дѣятельность его въ правленіи едва ли могла приносить такіе плоды, которые бы соответствовали его уму, огромной эрудиціи, краснорѣчію и энергіи. Шумлянскій — здоровый весельчакъ — какъ его называетъ Роммель — былъ едва ли не самымъ виднымъ представителемъ русской партіи на медицинскомъ факультетѣ; не

---

¹⁾ Надъ могилою его поставленъ мавзолей въ Харьковѣ, въ оградѣ Каллумовской церкви; теперь онъ пришелъ въ ветхое состояніе и нуждается въ поправкѣ. Было бы актомъ справедливости, если бы *нынешнее правленіе* университета, въ память объ огромныхъ трудахъ, понесенныхъ И. С. Рижскимъ на пользу всего университета въ качествѣ предсѣдателя и дѣятеля *старою правленіемъ* (1804—1811 гг.), позаботилось о реставраціи этого памятника и приведеніи его въ надлежащій видъ.

разъ его выдвигали на должность ректора, и онъ получалъ такое же число голосовъ, какъ и его конкуренты, но долженъ былъ уступать этимъ послѣднимъ, согласно представленію попечителя. За этими лицами идутъ въ нисходящемъ порядкѣ (по числу лѣтъ дѣятельности въ правленіи) — Дюгуровъ (3 года), Деливинъ (3 года), Тимковскій (2 года), Умляуфъ (2 года), Белленъ-де-Баллю (2 года), Гизе (2 года), Книгинъ (1 годъ), Роммель (1 годъ), Швейкардтъ (1 годъ), Успенскій (1 годъ), Дрейсигъ (1 годъ). Изъ нихъ особенно полезны были своею опытностью и знаніемъ дѣла Тимковскій и впоследствии Успенскій. Первый, какъ мы знаемъ, былъ одно время главнымъ дѣятелемъ по части жѣръ, хлопившихся къ открытію Харьковскаго университета, и былъ призванъ къ исполненію этой отвѣтственной обязанности попечителемъ округа, графомъ Сев. Ос. Потоцкимъ. Впоследствии онъ сосредоточилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ въ училищномъ комитетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень полезенъ въ этомъ отношеніи и правленію, такъ какъ этому послѣднему очень часто приходилось рѣшать дѣла, относившіяся къ среднимъ и низшимъ училищамъ Харьковскаго учебнаго округа. Успенскій долго занималъ должность синдика при правленіи, которая требовала спеціальнаго знанія узаконеній, и вообще составилъ себѣ репутацію тонкаго практика-юриста; все это дѣлало его незамѣнимымъ человѣкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правленію приходилось разбирать тяжбы и иски; а это, къ сожалѣнію, случалось довольно часто. Деливинъ былъ директоромъ ботаническаго сада и, слѣдовательно, компетентнымъ лицомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ правленіи заходила рѣчь о его благоустройствѣ (а это дѣлалось нерѣдко). Белленъ-де-Баллю и Дюгуровъ были библиотекарями университетской библиотеки; Гизе завѣдывалъ химической лабораторіей; Дрейсигъ былъ университетскимъ врачомъ; каждый изъ нихъ опять-таки былъ полезенъ по своей части правленію. Отмѣтимъ еще, что Роммелю поручены были на сохраненіе ключи отъ университетской кассы. Объ остальныхъ лицахъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго.

Таковы были дѣятели. Какова же была ихъ дѣятельность?

Она была крайне разнообразна и вполне соответствовала требованію устава. Само собою разумѣется, что мы не можемъ ее здѣсь излагать маломальски подробно и обстоятельно, ибо это потребовало бы отъ насъ цѣлаго тома; мы представимъ только перечень важнѣйшихъ дѣлъ и изложимъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы дать понятіе объ основномъ характерѣ и особенностяхъ ихъ; ббльшую же часть чрезвычайно цѣнныхъ и важныхъ фактовъ, извлеченныхъ нами изъ подлинныхъ журналовъ правленскихъ засѣданій, мы введемъ въ послѣдующія главы,

соответственно ихъ содержанію, а вопросамъ о распредѣленіи штатной и хозяйственной суммы займемся въ слѣдующей 4-й главѣ, посвящаемой учебновспомогательнымъ учрежденіямъ, которыя также составляли предметъ особенныхъ заботъ правленія; такимъ образомъ эта глава, а равно и нѣкоторыя части послѣдующихъ будутъ служить какъ бы дополненіемъ настоящей.

Въ 1805 году важнѣйшіе факты въ дѣятельности правленія были таковы. Оно посвящало свое время разсмотрѣнію прошеній разныхъ лицъ, желавшихъ вступить въ студенты Харьковскаго университета и слушатели приготовительнаго при немъ класса, принимало различныя мѣры въ обезпеченію пособіями и учебниками самого университета и училищъ Харьковскаго учебнаго округа, для чего составляло списки книгъ и выписывало ихъ изъ магазина главнаго правленія училищъ въ Петербургѣ, получало часто транспорты книгъ, инструментовъ для университета изъ-за границы, выработало планъ контракта съ петербургскимъ книгопродавцемъ Цимсеномъ, желавшимъ завести въ самомъ Харьковѣ магазинъ иностранныхъ книгъ (русскія книги приобретались въ лавиѣ купца Большакова), составляло списки учебниковъ для гимназій, занималось судебнымъ разбирательствомъ дѣлъ о нанесеніи побоевъ учителю фехтованія въ университетѣ Сивокту, жалобы проф. Ужляуфа на его квартирнаго хозяина Фаворова, разсматривало отчетъ о ботанической экскурсіи въ Крымъ адъюнкта Каретникова, старалось разрѣшить извѣстный уже намъ трудный и сложный вопросъ о ремесленникахъ, выписанныхъ изъ Петербурга В. Н. Каразинымъ для нуждъ Харьковского университета; эти ремесленники получили впередъ деньги и теперь нужно было заставить ихъ отработать долгъ; часть ихъ оставлена была для этой цѣли при университетѣ (и нужно сказать, съ пользою для него: имъ, между прочимъ, отдавались въ науку ученики училищъ); другая была передана въ вѣдѣніе полиціи; а остальныхъ предложилъ правленію взять къ себѣ въ имѣніе Кручики самъ В. Н. Каразинъ; предметомъ постоянныхъ заботъ правленія были учебно-вспомогательныя учрежденія университета и въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ тогда ботаническій садъ, о которомъ чрезвычайно заботился попечитель, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, можно сказать, что это было его излюбленное дѣтище, предметъ особенныхъ его симпатій и заботъ; по его планамъ дѣлались въ немъ всѣ посадки; онъ вошелъ въ сношеніе съ владѣлицей знаменитаго Уманскаго сада „Софіевки“ и получалъ въ даръ отъ нея для университета цѣлую массу рѣдкихъ экземпляровъ (сохранился списокъ этихъ деревьевъ) и т. п. Разсмотрѣніе денежныхъ счетовъ и распоряженія объ уплатѣ по нимъ

*

происходили едва ли не въ каждомъ засѣданіи правленія—приходилось платить за книги для университетской библіотеки, за инструменты для физическаго кабинета, за матеріалы для химической лабораторіи, разсматривать и такіе расходы, какъ вознагражденіе пѣвчимъ и музыкантамъ, принимавшимъ участіе въ музыкальной и вокальной части университетскихъ актовъ, угощеніе публики, приглашенной на эти послѣдніе. Много усилій было потрачено, чтобы разрѣшить, если можно такъ выразиться, „кирпичный вопросъ“. Дѣло въ томъ, что университетъ рѣшилъ строить новыя зданія для себя на своихъ земляхъ, расположенныхъ по Сумскому шоссе; но остановка была за кирпичемъ—требовалось такое громадное количество кирпича (15 мил. штукъ), что его не въ состояніи были доставить мѣстные заводчики и потому приходилось обращаться съ предложеніями и къ иногороднимъ предпринимателямъ, и выслушивать заявленія отъ разныхъ лицъ, выработывать проекты, соглашенія. Въ виду тѣхъ же хозяйственныхъ соображеній, правленіе вело переговоры съ разными лицами (напримѣръ, съ Ковалевской, Щербининымъ) о приобрѣтеніи отъ нихъ на срубъ дѣсныхъ участковъ, и для осмотра ихъ командировало своихъ членовъ. Завѣдуя и распоряжаясь денежными суммами, правленіе по поводу ихъ должно было входить въ сношенія съ такими вѣдомствами, какъ приказъ общественнаго призрѣнія, казенная палата, почта, банки и т. п. Оно разрѣшало выдачу жалованія профессорамъ и отпускало имъ авансы на приобрѣтеніе разныхъ необходимыхъ предметовъ; такъ, напримѣръ, воспользовавшись отправленіемъ въ Москву проф. Осиповскаго, оно поручило ему купить тамъ сукна для казеннокоштныхъ студентовъ. Подъ часъ оно и само дѣлало заказы въ столицахъ и даже за границей; такъ профессору академіи художествъ Щукину заказано было 3 портрета—одинъ (государя) въ ростъ, а два (министра Завадовскаго и попечителя Потоцкаго) поясные; за нихъ уплачено было ему 1000 руб.; въ Москвѣ заказывались различные предметы, необходимые для фехтованія студентовъ; за границей разныя принадлежности для университетской типографіи. Университетское хозяйство вообще было очень сложно; университетъ содержалъ на своемъ иждивеніи казенно-коштныхъ студентовъ—давалъ имъ столъ, квартиру, одежду, учебныя пособія и т. д. и, чтобы урегулировать это дѣло, долженъ былъ находить лицъ, которыя бы согласились за опредѣленную по штату сумму давать имъ все необходимое. Университетъ держалъ воловъ и имѣлъ экипажи для разѣздовъ лицъ, командируемыхъ на визитаціи училищъ, нанималъ землеконовъ для земляныхъ работъ и вообще разныхъ рабочихъ. Массу хлопотъ, какъ мы знаемъ уже, ежегодно доставляло правленію дѣло о полученіи дворянскихъ и городскихъ

„патріотическихъ“ пожертвованій на устройство въ Харьковѣ университета: приходилось вести по этому поводу обширную переписку съ разными вѣдомствами, учрежденіями и лицами, дѣлать постоянныя напominанія, запросы, просьбы; не были окончательно сведены еще и расчеты съ В. Н. Каразинимъ и они отняли у правленія также не мало времени, причятили много неприятностей и одной, и другой сторожѣ (впрочемъ это не помѣшало В. Н. Каразину сдѣлать пожертвованіе книгами въ университетскую бібліотеку). Приходилось разрѣшать правленію и разные вопросы научно-практическаго характера, съ которыми къ нему обращалась администрація; такова была, наприимѣръ, просьба губернатора объ изслѣдованіи торфа и разныхъ частныхъ лицъ объ анализѣ ихъ минеральныхъ водъ. Чрезвычайно важною и вместе съ тѣмъ сложною сферою дѣятельности правленія были заботы обо всѣхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа — онѣ касались какъ хозяйственной, такъ и учебной стороны дѣла и выражались не только въ посылкѣ имъ учебниковъ, но и въ постройкѣ зданій, увольненіи и назначеніи педагогическаго персонала, разсмотрѣніи взаимныхъ жалобъ и обидъ преподавателей и постороннихъ лицъ. Такъ, наприимѣръ, правленію пришлось, по предложенію попечителя, принимать мѣры къ устройству Нѣжинскаго лицей, гимназій, многихъ училищъ, разбирать жалобу рыльскаго купца Выходцева на учителя Шолкова и одного харьковскаго купца на учителя Андріевского. Часто слушались выписки изъ постановленій совѣта, которыя нужно было приводить въ исполненіе, а еще чаще рапорты кассира Дзюбина, приходилось заботиться объ имуществѣ умершихъ чиновниковъ университета, отсылать списки служащихъ въ академію наукъ для печатанія въ адресъ-календарѣ, принимать мѣры, чтобы ни профессора, ни студенты не просрочивали своихъ отпусковъ.

Аналогичныя дѣла разсматривались и разрѣшались и въ послѣдующіе годы. Отиѣтитъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ 1806 году правленіе продолжало обсуждать столь же многочисленныя, какъ и въ 1805 году, предложенія попечителя Потоцкаго, объ особенностяхъ о ботаническомъ садѣ, и его письма касательно визитаціи училищъ; разбирало судебныя дѣла (дѣло учителя Андріевского, кожевника, одного учителя, оскорбившаго чиновника, дѣло о похищеніи собаки, разводъ Шада съ женою), разсматривало списки книгъ, пожертвованныхъ въ университетскую бібліотеку извѣстнымъ уже намъ харьковскимъ епископомъ Христофоромъ Сулимою и екатеринославскимъ архіепископомъ Платономъ, минераловъ и монетъ, пожертвованныхъ Потоцкимъ; обсуждало просьбу В. Н. Каразина объ отдачѣ ему одного типографскаго станка для печатанія его изданій; давало отвѣты на запросъ харьковскаго губернатора Ив. Ив.

Бахтина о травахъ, полезныхъ для пчелъ и объ изслѣдованіи обрушившейся въ г. Сумахъ церкви; заботилось о приватіи въ университетъ студентовъ изъ Харьковскаго коллегіума; командировало для осмотра предположеннаго къ поукнѣ лѣса своихъ членовъ; заботилось о приобрущеніи труповъ для анатомическаго театра; выписывало изъ-заграницы при посредствѣ Стойковича шрифтъ и изъ Москвы бумагу для своей типографіи, обсуждало вопросъ о дарованіи дворянскаго достоинства проф. Шмерфельду; рассматривало различные планы и смѣты своего архитектора адъюнкта Васильева, которому за особые труды выдалъ награду попечитель (онъ между прочимъ представилъ планъ постройки новыхъ грандіозныхъ зданій для Харьковскаго университета по Сумскому шоссе, ибо то помѣщеніе, которое занималъ университетъ, считалось все-таки временнымъ); обращались въ правленіе и разные учрежденія съ просьбой о переводѣ на русскій языкъ иностраннаго текста паспортовъ и разныхъ другихъ бумагъ; пришлось разрѣшать жалобы лаборанта Чернича за невыдачу ему жалованія, отправить составленное проф. Тимковскимъ описаніе торжественнаго собранія университета 30 августа и открытія Павлоградскаго уѣднаго училища въ Москву для помѣщенія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, бывшихъ тогда официальнымъ органомъ Московскаго университета, хлопотать о доставкѣ монетъ и медалей, пожертвованныхъ Харьковскому университету адмираломъ Чичаговымъ, и различныхъ приборовъ и инструментовъ, выписанныхъ изъ Лондона; много времени, какъ и прежде, требовали занятія правленія по части училищнаго комитета. Часто приходилось читать донесенія директоровъ училищъ по разнымъ губерніямъ, давать по нимъ заключенія и т. п.

Въ 1807 г. правленіе издало правила для казеннокоштныхъ студентовъ и вообще заботилось объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи; вошло въ соглашеніе съ харьковскимъ купцомъ (перехавшимъ сюда изъ Вереи) Щелковымъ о доставкѣ изъ Москвы разныхъ предметовъ, необходимыхъ для университета; давало свои заключенія на запросы проф. Якоба о тѣхъ преимуществахъ, которыми могутъ пользоваться иностранные профессора въ Россіи; обсуждало дѣло объ изданіи въ свѣтъ поэмы „Игорь“ почетнаго члена Харьковскаго университета А. А. Палицына (изданіе пришло на свой счетъ нѣкоторые профессора, а доходъ предназначали на пособіе земскому ополченію); слушали донесеніе отправленнаго въ качествѣ визитатора проф. Рижскаго о найденныхъ имъ древностяхъ и получили нѣсколько древнихъ монетъ изъ черниговской губерніи, нѣсколько книгъ въ даръ отъ В. Н. Каразина и нѣсколько уродцевъ изъ Рязанской губерніи; рассматривали любопытное дѣло о

предоставлені свободной врачебной (спеціально глазной) практики еврею Соколовскому, искусно снимавшему катаракты; и наконецъ, разрѣшали цѣлый рядъ дѣлъ судебного свойства — производили слѣдствіе о самоубійствѣ проф. Умляуфа, исключили изъ службы адъюнкта Гамперле и учителя фехтовальнаго искусства Сивокта за ложный доносъ ихъ на проф. Дюгурова, разбирали дѣло о побояхъ, нанесенныхъ откупными зрителями учителю, рассматривали жалобы на проф. Пильгера, дѣло о разводѣ проф. Шада съ женой, дѣло о повѣсившейся у проф. Дюгурова служанкѣ, о буйствѣ секретаря Флавицкаго, о дракѣ, учиненной въ типографіи.

Въ 1808 году въ правленіи продолжалось дѣло о разрѣшеніи Соколовскому: глазной практики; рассматривался вопросъ о наймѣ музыкантовъ для танцевальнаго класса; принимались книги, пожертвованныя въ университетскую библіотеку Хлавоцинымъ; велись обширныя сношенія съ консуломъ и корреспондентомъ университета Шварцомъ; выписывались книги отъ Рижскаго книгопродавца Гартмана и комиссіонера Бѣлоусова; рассматривали дѣло о постройкѣ въ университетскомъ саду дома для проф. Делявина; разрѣшали вопросъ о безошлительномъ провозѣ изъ-заграницы вещей проф. Коритарк; разсуждали о приѣмѣ въ студенты нѣкоторыхъ лицъ изъ иностранцевъ, изъ купческаго званія и крѣпостнаго состоянія, о правѣ иностранныхъ профессоровъ держать у себя въ услуженіи крѣпостныхъ, объ освобожденіи отъ постоя домовъ, занимаемыхъ чиновниками университета, объ изслѣдованіи цѣлебныхъ минеральныхъ водъ, находящихся въ изюмскомъ уѣздѣ въ дачахъ помѣщика Денисенкова, о ботаническомъ садѣ; видное мѣсто по прежнему занимали также дѣла судебного характера — ссора Флавицкаго, вопросъ о наследствѣ проф. Умляуфа, дѣло Пильгера, претензіи уволеннаго изъ университета адъюнкта Гамперле, драка учителя Вертоградова, жалоба проф. Шада на побои, нанесенные ему зрителемъ откума и дѣло о покушкѣ имъ дома, слѣдствіе о студентахъ, утонувшихъ въ р. Ломани.

Въ 1809 году правленіе разрѣшило иностраннымъ профессорамъ отправлять свое богослуженіе въ университетскомъ помѣщеніи; поручило профессору ботаники Делявину сдѣлать научное опредѣленіе присланныхъ губернаторомъ сѣмянъ; распорядилось о покупкѣ коляски для профессоровъ, отправлявшихся на визитаци; получило отъ попечителя графа Потоцкаго нѣсколько ольвійскихъ древностей и передало ихъ въ университетскій музей; занималось устройствомъ обсерваторіи, манежа и проектомъ другихъ университетскихъ зданій; заботилось объ упорядоченіи содержанія казеннокоштныхъ студентовъ, объ освобожденіи отъ

воинскихъ постоевъ домовъ, занимаемыхъ профессорами и учителями, о выдачѣ студентамъ медалей за успѣхи въ наукахъ; выписывало изъ заграницы разные предметы для университета, при посредствѣ своего лондонскаго комиссіонера Рейнагеля; занималось дѣлами о принятіи и увольненіи студентовъ разныхъ званій, о безпошлинномъ провозѣ изъ заграницы вещей проф. Коритаря (токайскаго вина и фортепьяно), и, наконецъ, разными дѣлами слѣдственнаго характера — слѣдствіемъ о буйствѣ квартирнаго хозяина, желавшаго насильственно выселить изъ квартиры своего постояльца—учителя, объ умышленномъ поджогѣ, учиненномъ 11-ти лѣтнимъ ученикомъ народнаго училища, о жалобѣ слуги проф. Коритаря, о буйствѣ харьковскихъ гимназистовъ, самовольно желавшихъ идти въ театръ, о нападеніи зрителей откупа на учителя Дебуше, о пьянствѣ казеннокоштнаго студента Вашинскаго, о бродягѣ Денисѣ, стоявшемъ у проф. Шумлянскаго.

Въ 1810 году правленіе занималось дѣлами о принятіи разныхъ лицъ въ студенты, о непосредственной выпискѣ изъ заграницы поврежденныхъ изданій, о запрещеніи выписывать журналы политическаго содержанія, вопросами о новыхъ постройкахъ, о выдачѣ наградъ визитаторамъ, объ увольненіи и отъѣздѣ на службу въ Петербургъ профессора Якоба, разсматривало предложеніе гр. Потockаго касательно училищъ и присланныя имъ Ольвійскія древности, церемоніаль торжественнаго собранія университета, патенты нѣкоторыхъ профессоровъ на ученые степени; производило слѣдствіе о студентахъ Вашинскомъ, Гречановскомъ и друг. донцахъ, о кражѣ у проф. Делявина, о наследствѣ, полученномъ въ Венгріи учителемъ Паратичемъ, о смерти гимназиста Зубкова, высѣченнаго начальствомъ и схватившаго вслѣдствіе этого нервную горячку, о побояхъ, нанесенныхъ объѣзчиками откупа проф. Шаду, о предосудительномъ поведеніи студента Спасскаго, о ссорѣ въ Черниговѣ учителей французскаго и нѣмецкаго языка.

Наиболѣе характерными дѣлами правленія въ 1811 году могутъ быть признаны слѣдующія: дѣло о безпошлинномъ провозѣ изъ заграницы вещей проф. Стойковича; о запрещеніи казеннокоштнымъ студентамъ увольняться изъ университета; о составленіи инструкцій для заграничной командировки маг. Архангельскому и Громову; о представленіи проф. Дюгурова по выдачѣ награды переводчику Фирсову за его участіе въ визитаціи; о разрѣшеніи Соколовскому врачебной (глазной) практики; о выдачѣ удостовѣренія Осташевскому въ томъ, что онъ привлекъ къ пожертвованію помѣщика Алымова; о командировкѣ профессоровъ для изслѣдованія древняго камня, найденнаго въ г. Славянскѣ; находка во время визитаціи рукописнаго сочиненія князя Курбскаго;

объясненія на замѣчаніи министра по поводу нѣкоторыхъ расходовъ, произведенныхъ правленіемъ; церемоніаль торжественнаго собранія 30 августа; измѣненіе правилъ касательно вызова иностранныхъ профессоровъ; уменьшеніе расходовъ на ботаническій садъ; задача на премію, предложенная этикополитическимъ факультетомъ; просьба проф. Нельдекена объ отводѣ ему опытнаго поля; выговоръ, сдѣланный министромъ правленію; Высочайшій указъ о студентахъ изъ податнаго званія; слѣдствіе о студентѣ Снааскомъ; жалоба номѣщика Ковалевскаго на проф. Пильгера (о чрезвѣрномъ гонорарѣ этого послѣдняго), слѣдствіе о директорѣ Харьковской гимназіи Шредерѣ, примѣнявшемъ у себя противозаконно телесныя наказанія; притязаніе торговки Розалии на имущество умершаго учителя Билинскаго; обыскъ у кассира Дзюбина по поводу оказавшейся у него фальшивой десятирублевой ассигнаціи; рядная (свадебная) записъ учителя рисованія Матеса и дочери проф. Белленъ-де-Валлю; безошлинный провозъ проф. Стойковичемъ изъ-заграницы вина; жалоба правленія на проф. Пильгера министру; жалоба проф. Нельдекена на шумъ, производимый офицеромъ постояльцемъ въ занимаемомъ имъ домѣ.

Въ 1812 г. были разрѣшены между прочимъ слѣдующія дѣла: о пожертвованіи на уѣздное училище Харьковскаго городского головы Ломакина; о студентахъ изъ податнаго состоянія; просьба проф. Дюгурова о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу Харьковской губ.; проектъ проф. Нельдекена объ устройствѣ опытнаго поля; рѣшено было выписать за 2000 р. полное собраніе сочиненій Гумбольдта; разсматривались новыя цензурныя правила, вопросъ объ изданіи въ Харьковѣ книгопродавцемъ Лангнеромъ газеты и о запрещеніи издавать календари; разсуждали о награжденіи студентовъ медалями, о расширеніи казеннаго интерната для недостаточныхъ учениковъ (при Харьковской гимназіи); о командировкѣ кандидата Ребуша для изученія военныхъ наукъ; о собираніи проф. Делявникомъ въ свою пользу травы въ университетскомъ саду; учрежденъ былъ комитетъ „о разборѣ иностранцевъ“, т. е. собраны были свѣдѣнія о профессорахъ Харьковскаго университета иностраннаго происхожденія; разбирались жалобы на проф. Нельдекена и Пильгера; продолжался разборъ дѣла о побояхъ, нанесенныхъ проф. Шаду; производилось слѣдствіе о нарочной игрѣ университетскихъ чиновниковъ и самоубійствѣ смотрителя Изюмскаго уѣзднаго училища, о побояхъ, нанесенныхъ турецкими плѣнными слугѣ проф. Ромеля, о растратѣ денегъ учителемъ Домбровскимъ.

Изъ дѣлъ правленія 1818 г. отмѣтимъ слѣдующія: получено было предложеніе министра народнаго просвѣщенія о составленіи медицинскимъ факультетомъ особаго наставленія для предохраненія отъ заразы;

отклонена была просьба иностранца Нагеля объ изданіи въ Харьковѣ журнала; рассмотрѣнъ вопросъ объ изданіи на счетъ университета сочиненій А. А. Палицына; доложена жалоба полиціи на неисполненіе санитарныхъ правилъ университетомъ; рассмотрѣны жалобы адъюнкта Болгаревскаго на Хлапонина, дѣло о пощечинѣ, нанесенной студентомъ Шуманомъ другому студенту въ лабораторіи проф. Гизе, жалоба на объѣзчиковъ откупа служителей университетскаго сада, на побой смотрителя Погодина и на вѣрство смотрителя Сѣвскаго училища, на буйство нѣкоторыхъ учителей, жалоба на проф. Нельдехена въ захватѣ имъ огорожи сосѣдняго двора, на проф. Пильгера по поводу побоевъ, причиненныхъ имъ слугѣ помѣщ. Квитки, на Потемкина, обмазавшаго дегтемъ чужіи ворота.

Накопещь, въ 1814 году между прочимъ рассмотрѣны были слѣдующія отдѣльныя дѣла: о неуріемѣ въ казеннокоштные студенты допцовъ, о запрещеніи по случаю войны отправлять письма за границу безъ предварительнаго прочтенія ихъ въ правленіи; объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ училищахъ; о командировкѣ профессоровъ для извлеченія изъ земли костей мамонта, объ увеличеніи суммы для содержанія казеннокоштныхъ студентовъ; о правилахъ храненія денежныхъ суммъ; о приготовленіяхъ къ празднованію мира; объ экзаменѣ купца Хлапонина; о наводненіи въ университетскомъ саду и запрещеніи пускать изъ него воздушные шары; о выпискѣ инструментовъ изъ Англии; о выговорѣ, сдѣланномъ министромъ народнаго просвѣщенія учителю Гонорскому за изданіе книги „Духъ Горація и Тибулла“; о беспорядкахъ по хозяйственной части въ Харьковской гимназіи; о шалостяхъ ученика Харьковскаго уѣднаго училища; о ссорѣ директора Полтавскаго училища съ учителями; о самоубійствѣ крѣпостного мальчика, принадлежавшаго студенту университета, о студентѣ, утонувшемъ въ р. Лопани ¹⁾.

Такова была въ высшей степени разнообразная дѣятельность правленія. Сколько-нибудь полный перечень его дѣлъ мы дали только за первый 1805 годъ; что же касается остальныхъ лѣтъ, то тамъ мы отмѣтили только немногія *отдѣльныя* дѣла, выдѣлявшіяся, такъ сказать, изъ обычнаго круга дѣятельности правленія; большую же часть своихъ засѣданій правленіе посвящало текущей работѣ.

Мы дали номенклатуру дѣлъ; содержаніемъ ихъ займемся позже; а теперь остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ виду огромной канцелярской переписки правленіе въ 1805 г. постаралось урегулировать дѣятельность своей канцеляріи. Рѣшено было производить

¹⁾ Для составленія этого перечня дѣлъ мы пересмотрѣли 28 фолиантовъ правленскихъ журналовъ (съ 1805 г. по 1815 г.).

дѣла сообразно съ требованіями генеральнаго регламента. Коллежскому регистратору Дмитріеву поручены были всѣ дѣла, касающіяся непосредственно университета и веденіе реестровъ (входящаго, докладнаго и исходящаго); Ярославскому — всѣ дѣла, относящіяся къ гимназіямъ и училищамъ; Фесеннову — писать начисто журналы засѣданій, отмѣчать время ихъ исполненія, хранить въ должномъ порядкѣ и дѣлать изъ нихъ для исполненія копии; каждому изъ этихъ трехъ лицъ было дано по одному помощнику ¹⁾. И нужно прибавить къ этому, что чиновники правленія выполняли свою работу весьма добросовѣстно. Это можно видѣть, наприимѣръ, изъ представленія, сдѣланнаго правленіемъ министру о кассирѣ Дзюбинѣ и секретарѣ Ванновскомъ. „Кассиръ Дзюбинъ, писало правленіе министру въ 1813 году, находясь въ нынѣшней должности болѣе 10 лѣтъ (онъ былъ назначенъ еще до официальнаго открытія Харьковскаго университета) и исправляя вмѣстѣ съ кассирскою должностію и должность университетскаго эконома, сопряженную при новомъ устроеніи сего университета съ многотрудными занятіями, заслужилъ своею дѣятельностію и стараніемъ о соблюденіи казеннаго интереса особенное одобреніе; сверхъ того кромѣ своей должности въ теченіе 2-хъ лѣтъ занимался повѣркою и составленіемъ годовыхъ отчетовъ, представляемыхъ отъ училищнаго комитета о суммахъ училищныхъ, и вообще по всѣмъ дѣланнымъ ему отъ начальства порученіямъ оказывалъ отличное усердіе и расторопность. Въ продолженіе же службы его при семъ университетѣ удостоился за свою дѣятельность и расторопность получить отъ начальства въ 1805 и 1807 гг. денежное награжденіе. Секретарь правленія Ванновскій сверхъ настоящей должности за небытіемъ при университетѣ бухгалтера исправлялъ его должность съ начала 1807 г. по 8-е сентября 1811 г.; также при неоднократныхъ и долговременныхъ отлучкахъ переводчика, отряжаемаго съ визитаторами, незнающими русскаго языка, переводилъ въ случаѣ надобности при университетѣ дѣла съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и польскаго языка на русскаго. По препорученію правленія сочинилъ первоначальныя основанія латинскаго языка, кои, по одобренію совѣта, отпечатаны и изданы при университетѣ и употребляются въ уѣздныхъ училищахъ. Кромѣ составленія отрываемыхъ ежегодно къ высшему начальству вѣдомостей о занятіяхъ сего правленія и цензурнаго комитета занимался съ 1805 г. по нынѣ, исключая 1812 годъ, составленіемъ вѣдомостей о дѣлахъ, происходившихъ въ совѣтѣ университета. Въ продолженіи службы при семъ университетѣ за отличное

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюнь; засѣданіе 8 апрѣля 1805 г.

исполненіе должности получилъ въ 1808 и 1811 гг. отъ начальства денежное награжденіе¹⁾.

Въ 1814 году были приняты и утверждены правленіемъ особыя очень строгія правила храненія денежныхъ суммъ. „Деньги, поступающія въ кассу, читаемъ мы въ этихъ правилахъ, принимаются слѣдующимъ порядкомъ: а) изъ казначейства при членѣ правленія; б) изъ почты по предварительнымъ увѣдомленіямъ почтовой конторы, записываемымъ въ журналъ, изъ коего составляется отношеніе въ почтовую контору о выдачѣ кассиру полученныхъ денегъ (сюда включаются и посылки). Принятая деньги или посылки кассиръ представляетъ правленію въ первое присутствіе, а въ случаѣ долговременнаго его небытія г. ректору при членѣ надъ кассою; в) деньги, представляемыя кѣмъ-либо лично въ правленіе, принимаются кассиромъ по записаніи оныхъ въ настольный реестръ. Одинъ же кассиръ можетъ принимать деньги лично представляемыя до ста рублей, а большія сего суммы получать при членѣ правленія, имѣющемъ въ вѣдѣніи кассу университета. Самая большая сумма ввѣряется кассиру въ слѣдующихъ случаяхъ: а) во время отправленія денегъ въ банкъ или другія мѣста; б) при выдачѣ жалованія чиновникамъ университета; в) при платежахъ производимыхъ по важнымъ подрядамъ—на поставку бумаги и пр. На сіи случаи поставляются слѣдующія мѣры въ обезпеченіе: а) въ деньгахъ, отправляемыхъ кассиромъ съ почтою, получается изъ почтовой конторы квитанція, предъявленная тотчасъ члену, имѣющему смотрѣніе за кассою, а симъ въ слѣдующее засѣданіе присутствію; б) о полученіи жалованія и выдачѣ по подрядамъ значительныхъ суммъ предъявляются въ слѣдующемъ засѣданіи росписки въ книгѣ получившихъ. Никакихъ издержекъ, даже самыхъ малыхъ, не позволяется дѣлать кассиру безъ журналовъ или по крайней мѣрѣ словеснаго приказанія г. ректора. Кассиръ никакой суммы ни внести, ни взять изъ кассы не можетъ безъ члена правленія и для того опредѣленная касса хранится за ихъ печатями. Коль скоро положено произвести выдачу денегъ, то внеся оную въ настольный реестръ, изъ коего членъ, опредѣленный для сохраненія казны, получа справку, выдаетъ деньги кассиру, сообразно назначенію. Въ деньгахъ, выдаваемыхъ кассиру на мелочные расходы и непредвидимые случаи членъ при денежной казнѣ требуетъ по издержавіи оныхъ отчета, а потомъ вновь выдаетъ сумму сообразно предполагаемымъ расходамъ. Сія сумма не должна быть болѣе двухъ сотъ рублей. Сумма, выдаваемая по представленіямъ кассира на разныя потребности, одобренныя и означенныя въ

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія за 1813 годъ, сентябрь—декабрь; засѣданіе 20 октября.

журналъ правленія, вынимается изъ кассы сообразно назначенію. Всѣ счета, подаваемые кассиромъ въ правленіе, повѣряетъ и подписываетъ бухгалтеръ. Всѣ справки по журналамъ протоколируются вѣрно и подробно выписываются и при подачѣ рапортовъ о выдачѣ денегъ докладываются. Когда скоро донесено правленію о поступленіи купленныхъ или принятыхъ вещей въ вѣдомство кассира, то, смотря по важности и количеству оныхъ, правленіе свидѣтельствуетъ оныя само или поручаетъ члену правленія, или тому чиновнику, до котораго они касаются. Въ вещахъ, купленныхъ для поступленія въ вѣдомство другого чиновника, представляется росписка въ принятіи имъ оныхъ. При приемѣ и покупкѣ вещей, поступающихъ въ распоряженіе другихъ чиновниковъ, долженъ быть и тотъ чиновникъ, къ коему оныя поступать будутъ, дабы сей не могъ послѣ опорочивать доброту оныхъ; таковыя вещи суть принадлежащія къ типографіи, экзекуторскимъ и архитектурскимъ матеріаламъ, классическимъ, учебнымъ и канцелярскимъ потребностямъ. Заготовленіе матеріаловъ для построекъ производится всегда по предварительнымъ въ правленіе донесеніямъ о цѣнѣ оныхъ, засвидѣтельствованіи доброты и справокъ со смѣтою. Членъ правленія въ наличности, архитекторъ въ качествѣ строовыхъ матеріаловъ свидѣтельствуетъ на кассирскомъ рапортѣ. Архитекторъ по крайней мѣрѣ ежемѣсячно подаетъ вѣдомость, сколько чего для построекъ принято и употреблено. По издержаніи купленныхъ вещей, кассиръ, представляя правленію о новой покупкѣ оныхъ, всегда долженъ прилагать отчеты, куда именно употреблены прежнія вещи. По истеченіи же года онъ представляетъ о всѣхъ вещахъ общую вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ. Приходы и расходы по журналамъ и роспискамъ повѣряются секретаремъ, а остатки свидѣтельствуются назначенными для сего членами. Кассиръ въ началѣ каждаго новаго года представляетъ также вѣдомость, показующую, сколько къ 1-му числу января протекшаго года числилось у него по описи въ наличности мебели и вообще всѣхъ прочихъ вещей, сколько къ тому котораго числа и какихъ вещей въ теченіе цѣлаго года ввось причислено, какія изъ нихъ и по какимъ журналамъ исключены и сколько затѣмъ почитается въ наличности, какія именно находятся у кассира въ кладовой и какія поступили въ вѣдѣніе другихъ. Вещи, поступившія для употребленія въ вѣдѣніе другихъ чиновниковъ, кассиръ обозрѣваетъ въ концѣ года, находятся ли оныя на лицѣ и въ цѣлости, о потерянныхъ же и испорченныхъ, получа записки отъ завѣдующихъ, съ изясненіемъ причины, представляетъ правленію. Къ письменоводству кассира принадлежатъ: кассирскія: а) книги, б) выписки изъ журналовъ о выдачѣ денегъ и пр. с) отчеты, вѣдомости и всѣ прочія дѣла. Кассиръ

употребляетъ въ расходъ деньги не прежде; какъ по состоявшимся уже о выдачѣ оныхъ журналамъ правленія; никакіе расходы, даже самыя малые, не записываются въ книгу до полученія выписки изъ журналовъ; послѣ записки въ расходную книгу, а отнюдь не прежде, выдаются деньги съ роспискою получающаго. Въ случаяхъ, требующихъ скорости, составляется особый журналъ на таковыя статьи. Какъ члену правленія, опредѣленному для соблюденія казны, должно быть всегда извѣстно, когда бываютъ большія выдачи денегъ, то онъ обязанъ смотрѣть, есть ли по ней росписка подѣ статьей въ той значительной суммѣ, которая недавно вынута изъ сундука. Статьи записываются въ кассирскихъ книгахъ писцомъ или бухгалтеромъ, но за исправность оныхъ отвѣтствуетъ какъ бухгалтеръ, такъ и кассиръ. Выписки изъ журналовъ сверхъ секретаря скрѣпляются повытчикомъ. Всѣ отчеты и вѣдомости кассирскія прежде подачи оныхъ въ присутствіе новѣряетъ бухгалтеръ и потомъ подписываетъ. Протоколисту поставляется въ особенную обязанность сличать подаваемые кассиромъ рапорты съ прежде состоявшимися журналами. Для лучшей исправности опредѣляется для письменныхъ кассирскихъ дѣлъ исправный писецъ. Какъ при внесеніи, такъ и выниманіи суммъ изъ кассы долженъ быть присяжный, то объ опредѣленіи онаго представить его сіятельству г. министру¹⁾.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, благодаря какимъ обстоятельствамъ появилась эта инструкція—существовали ли для этого какія-нибудь особенныя причины или она вызвана была желаніемъ тогдашняго правленія упорядочить веденіе университетскихъ финансовъ. Въ дѣлахъ университета мы не находили никакихъ указаній на злоупотребленія по этой части университетскихъ чиновниковъ; слѣдовательно, можно думать, что правленіе просто желало создать точныя и опредѣленныя правила въ интересахъ такого сложнаго и отвѣтственнаго дѣла, какъ финансы, и для удобства тѣхъ, которымъ приходилось непосредственно ими завѣдывать. Впрочемъ, быть можетъ, нѣкоторое вліяніе на появленіе въ свѣтъ этихъ правилъ могли оказать тѣ споры и распри, которыя имѣли мѣсто въ правленіи и совѣтѣ въ ректорство Стойковича, а также и извѣстное намъ предосудительное поведеніе этого послѣдняго. Имѣли, по всей вѣроятности, также нѣкоторое основаніе и слухи о взяткахъ, получаемыхъ предсѣдателемъ правленія (Стойковичемъ). Неспроста же они нашли себѣ выраженіе у современниковъ—профессора Роммеля и студента Розальонъ-Сошальскаго. Новый составъ правленія, куда вошли ректоръ Осиповскій, непремѣнный засѣдатель

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1814 г., май — августъ; засѣданіе 15 іюня.

проф. Каменскій, деканы—проф. Шумлявскій, Шадъ, Гизе и Успенскій— а все это были самые видные представители оппозиціи Стойковичу—естественно желалъ устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы въ немъ не было мѣста никакому личному довѣрью, чтобы все дѣлалось по уставу, чтобы каждое дѣйствіе имѣло оправданіе въ документахъ и чтобы надъ дѣятельностью каждаго лица былъ контроль учрежденія и его органовъ. Справедливо полагали, что въ финансовой дѣятельности строгая отчетность является совершенно необходимой, обязательной и что она нисколько не оскорбительна для тѣхъ лицъ, которые подвергаются контролю. Какъ бы то ни было, уставъ этотъ очень наглядно рисуетъ намъ ту сложную канцелярскую процедуру, - которую исполняли правленскіе чиновники подъ непосредственнымъ наблюденіемъ предсѣдателя, непрѣмѣннаго засѣдателя и членовъ правленія, ихъ ежедневную заурядную обычную работу, независимо отъ разныхъ „особенныхъ“ дѣлъ, образцы которыхъ мы приводили выше. И эта работа исполнялась правленіемъ удовлетворительно. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ одинъ только случай, когда высшее начальство (министерство) выразило свое неудовольствіе. На этомъ случаѣ мы теперь и остановимся.

Дѣло относится къ 1811 г., когда ректоромъ былъ Стойковичъ. Въ журналѣ правленія по этому поводу записано ¹⁾: „слушали предложеніе его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, что его сіятельство, усматривая въ доставляемыхъ отъ сего правленія за прошедшую половину сего года вѣдомостяхъ о приходѣ и расходѣ по университету суммъ, статьи, требующія поясненія, и препровождая при семъ составленную таковымъ статьямъ выписку, предлагать изволить на сдѣланныя по онымъ замѣчанія доставить его сіятельству надлежащее объясненіе. Замѣчанія же сдѣланныя на нижеписанныя статьи суть слѣдующія.

По вѣдомостямъ, между прочимъ, показано въ расходѣ:

Въ январь мѣсяць:

1) Изъ штатной суммы куплено для ректорскихъ покоевъ восковыхъ свѣчъ одинъ пудъ.

По какой причинѣ покупаются для ректорскихъ покоевъ восковыя, а не другія свѣчи и изъ какой статьи, по штату положенной, берутся на такую издержку деньги?

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналъ правленія 1811 г., май—августъ; засѣданіе 24 августа.

2) *Изъ хозяйственной суммы* отправлено къ Рижскому книгопродавцу Гартману за доставленные отъ него книги вмѣсто 443 талеровъ и 9 фердинговъ—2325 рублей.

Заимообразно на счетъ училищъ за провозъ изъ Радзивилова ящиковъ съ книгами, выписанными изъ Лейпцига для гимназій университетскаго округа—228 руб. 76³/₄ коп.

Въ *февраль мѣсяцъ* изъ хозяйственной суммы отправлено къ банкиру Ралю въ возвратъ издержанныхъ имъ на переводъ въ Лейпцигъ 1000 руб., посланныхъ для выписки иностранныхъ книгъ для гимназій—25 руб.

Въ мѣсяцъ:

Заимообразно на счетъ другихъ училищъ:

Запложено за купленные для гимназій книги о селитровареніи.

Отправлено къ банкиру Ралю для перевода въ Лейпцигъ къ консулу Шварцу на заплату за книги, выписываемыя для гимназій—1000 рублей.

Изъ хозяйственной суммы выдано переплетчику Ведде квартирныхъ денегъ за третью года, окончившуюся 22-го апрѣля сего 1811 г.,—50 рублей.

Для какого заведенія куплены сіи книги, для университета или училищъ, и по чьему приказанію употреблена на сей предметъ сумма?

Изъ сего заключить слѣдуетъ, что за книги прежде уже запложены деньги, но сколько неизвѣстно. Почему, показавъ количество таковой суммы, объяснить, какія то книги, по чьему приказанію оныя выписаны и деньги за нихъ запложены.

Объяснить, какого рода книги выписаны на упомянутыя 1000 р., когда деньги сіи доставлены Ралю и по чьему приказанію, при чемъ приложить вѣдомость, сколько когда вообще употреблено на выписку изъ чужихъ краевъ для гимназій книгъ и по чьему приказанію каждая выдача на сей предметъ денегъ сдѣлана.

Для какой гимназій куплены сіи книги и почему оныя для нея нужны?

Объяснить, какія то книги, по чьему приказанію выписаны и деньги за нихъ запложены.

По чьему утверженію производятся переплетчику квартирные деньги и когда оное послѣдовало?

Въ *мая мѣсяцъ* изъ хозяйственной суммы выдано на проездъ профессору Роммелю, отправленному въ городъ Славянскъ для осмотра надписи на камнѣ, найденной въ землѣ, — 75 руб.

Въ *июль мѣсяцъ* выдано ему же, Роммелю, передержанникъ имъ по сему случаю — 8 р. 50 к.

Объяснить, по какому поводу поездка сія сдѣлана, какую пользу университетъ надѣялся имѣть отъ сего путешествія и приложить донесеніе проф. Роммеля объ успѣхахъ сдѣланнаго ему порученія, также мѣншіе университетомъ, на донесеніе сіе послѣдовавшее.

Правленіе дало на это слѣдующія подробныя объясненія.

На первый вопросъ (о восковыхъ свѣчахъ). „Еще въ 1806 году 18 января правленіе университета, разсуждая, что въ ректорскихъ покаяхъ нерѣдко собираются какъ университетскіе чиновники для разныхъ совѣтованій по должности, такъ и постороннія особы по разнымъ надобностямъ и, признавъ сіи покои публичными, положило освѣщеніе оныхъ принять на счетъ университета, для чего и назначило отпускать въ годъ по 8 пуд. сальныхъ и по одному пуду восковыхъ свѣчъ. Деньги на сію покупку употребляются изъ положенныхъ 8800 руб. по штату университета на содержаніе строеній, ихъ отопленіе, освѣщеніе, чистоту и прочее“.

На 2-й вопросъ (о 2325 руб., отправленныхъ къ книгопродавцу Гартману). „При открытіи въ 1805 году университета бібліотека его не имѣла почти никакихъ книгъ, кромѣ небольшого числа купленныхъ въ 1804 г. его превосходительствомъ Николаемъ Николаевичемъ Новосильцевымъ во время правленія его должности попечителя сего университета. Посему университетъ и представлялъ попечителю его графу Северину Осиповичу Потоцкому о снабженіи бібліотеки его книгами, а его сіятельство предложеніемъ отъ 25 мая 1806 г. позволилъ на первый разъ употребить на сей предметъ до 14000 руб. Вслѣдствіе чего составлены факультетами списки нужнѣйшихъ для каждаго книгъ и заключенъ на доставленіе ихъ контрактъ съ Рижскимъ книгопродавцемъ Гартманомъ, по которымъ спискамъ значительная часть еще по сіе время не доставлена. Какъ въ теченіе 1809 и въ началѣ 1810 годовъ курсъ ассигнаціонныхъ денегъ весьма упалъ, то въ 1810 году положено университетомъ и утверждено г. попечителемъ въ продолженіи выписки книгъ остановиться и дано знать Гартману, что отъ него тѣ только будутъ приняты книги, кои отправлены будутъ въ теченіи 1810 гѣда,

а далѣ сего срока принимаемы не будутъ. Гартманъ въ исходѣ 1810 г., отправивъ ящикъ съ книгами въ университетъ, между тѣмъ, далъ знать ему, что еще прежде полученія сего отзыва отъ университета выписано имъ на счетъ его изъ Парижа книгъ на значительную сумму, кои уже находятся въ дорогѣ, но къ концу сего года не успѣютъ быть отправлены въ университетъ, а потому бы университетъ сей транспортъ принялъ, хотя отправленъ будетъ уже въ 1811 г., безъ чего онъ потерпѣть можетъ напрасныя убытки. Такимъ образомъ университетъ принужденъ былъ согласиться принять и сей транспортъ; почему университетъ и заплатилъ за сей ящикъ, посланный въ 1810 году, означенные 2325 рублей, да и за симъ долженъ будетъ заплатить за упомянутыя полученныя имъ, Гартманомъ, изъ Парижа книги, кои уже въ трехъ ящикахъ отправлены въ университетъ и коихъ цѣны по присланной отъ него фактурѣ простираться будутъ до 10000 франковъ“.

На 3-й вопросъ (о 228 рубл. 76³/₄ коп., заключенныхъ за книги для гимназій и о 25 руб., заключенныхъ г. Ралю). „По открытіи университета училищный комитетъ, приступая къ преобразованію главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи, усмотрѣлъ изъ доставленныхъ отъ директоровъ училищъ каталоговъ находящихся въ бібліотекахъ оныхъ училищъ книгъ недостатокъ даже въ самонужнѣйшихъ классическихъ сочинителяхъ, безъ коихъ учителя не могутъ ни себя усовершенствовать въ наукахъ, ни приготовляться какъ слѣдуетъ къ преподаванію оныхъ; почему составилъ каталоги книгъ, коими снабжены должны быть гимназическія бібліотеки. Между тѣмъ гимназіи были открываемы и какъ оныя первоначально не имѣли полнаго числа чиновниковъ, то оставались въ нихъ экономическія суммы. Когда таковыхъ суммъ накопилось въ нѣкоторыхъ столько, что можно было приступить къ снабженію бібліотекъ, то комитетъ, съ позволенія г. попечителя въ 1808 году отправивъ оный каталогъ къ находящемуся въ Лейпцигѣ російско-императорскому консулу Шварцу, поручилъ испускать по оному книги для шести гимназій и по мѣрѣ испушенія препровождать въ университетъ съ тѣмъ, что университетъ разсылать будетъ оныя по гимназіямъ. Такимъ образомъ оный консулъ, покупая въ Лейпцигѣ книги по каталожнымъ цѣнамъ съ уступкою 20⁰/₀, буде деньги въ теченіе 6 мѣсяцевъ заплачены будутъ, препровождаетъ ихъ изъ Лейпцига въ Броды къ университетскому комиссіонеру Ласкевичу, а сей отправитъ уже ихъ въ университетъ. Какъ скоро консулъ отправитъ какой транспортъ въ Броды, присылаетъ въ университетъ фактуру цѣнъ книгъ и счетъ, почему договорено имъ за провозъ ихъ отъ Лейпцига до Бродъ; и когда Бродскій комиссіонеръ увѣдомитъ университетъ, что транспортъ на границу

прибыль, то университет отправляет деньги какъ въ консулу на за- плату за книги, такъ и въ Бродскому комиссіонеру за провозъ отъ Лейпцига до Бродъ. Къ числу таковыхъ отправленій денегъ въ Броды принадлежатъ и оныя 228 руб. 76 $\frac{3}{4}$ к. По сіе время университетомъ переслано на заплату за оныя книги и за провозъ ихъ 22951 р. 31 $\frac{3}{4}$ к. (слѣдуетъ подробная вѣдомость, которую мы опускаемъ), въ возвратъ коиъ получено уже изъ Слободско-украинской, Курской и Екатерино- славской гимназій по 2500 р., всего 7500 р.“.

На 4-й вопросъ (о 55 руб., заплаченныхъ за купленные для гим- назій книги о селитровареніи). „Правленіе сіе, почитая нужнымъ и по- лезнымъ имѣть въ бібліотекахъ гимназій сію книгу, какъ принадлежа- щую къ технологіи, которой въ гимназіяхъ обучаются, положило купить по экземпляру оной для 11 гимназій, заплативъ по 5 р. за экземпляръ, и разослало въ оныя гимназій, изъ коиъ деньги за сію книгу почти изъ всѣхъ уже въ университетъ возвращены“.

На 5-й вопросъ (о выданныхъ переплетчику Ведде 50 р. квартир- ныхъ денегъ). „Оный переплетчикъ вызванъ въ Харьковъ для универ- ситета еще до открытія его вмѣстѣ съ прочими мастерами. По до- говору, одѣланному съ нимъ отъ университета, онъ, получая 250 руб: жалованія и квартиру съ дровами, долженъ переплести даваемыя уни- верситетомъ книги съ уступкой третьей доли противъ той цѣны, за ко- торую переплетаетъ частнымъ лицамъ, и съ тѣмъ, чтобы переплетено имъ было въ годъ не меньшее число книгъ, какъ такое, за переплетъ коиъ слѣдуетъ по оному расчету получить до 1000 руб. Прежде сего пользовался онъ квартирою въ университетскомъ строеніи, но какъ въ 1809 году для приумноженія аудиторій понадобились университету за- нимаемые имъ покои, то по сдѣланному съ нимъ о квартирѣ договору отпускается ему по 50 руб. въ треть квартирныхъ денегъ“.

На 6-й вопросъ (о 83 руб. 50 коп., выданныхъ проф. Ромелю на проѣздъ въ Славянскъ для освидѣтельствованія камня). „Въ маѣ мѣ- сяцѣ сего 1811 г. Слободско-украинскій гражданскій губернаторъ увѣ- домилъ университетъ, что Изюмскій земскій исправникъ доносилъ ему о найденномъ въ заштатномъ городѣ Славянскѣ близъ состоящей тамъ Степановской больницы въ песчаномъ прутѣ дикомъ камнѣ, одѣлан- номъ на подобіе треугольника или сердца съ выбитыми сверху и подъ низомъ, вкругъ иностранными словами и имѣющимъ въ окружности около шести сажень, а въ толщину $\frac{3}{4}$ аршина; почему онъ, г. губер- наторъ, предполагая, что при рачительномъ осмотрѣ и освидѣтельство- ваніи онаго камня кѣмъ-либо занимающимся науками можетъ быть иногда открыто достойное любопытства происшествіе древности, про-

*

силъ объ отрженіи кого-либо изъ университетскихъ чиновниковъ въ Славянскъ для освидѣтельствованія того камня. Правленіе университета, основываясь на отношеніи г. губернатора, откомандировало по сему случаю въ помянутый заштатный городъ Славянскъ профессора латинской словесности и древностей Роммеля и выдало ему на проѣздъ туда и обратно изъ хозяйственной суммы 75 руб. Именованный профессоръ по исполненіи сего порученія донесъ правленію что, по осмотрѣ имъ означеннаго камня, не оказалось на немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ надписи и что одна фантазія и необузданное воображеніе могутъ находить на томъ камнѣ изображенія, имѣющія видъ коней и на концѣ камня татарскую стрѣлу, которыя относить должно болѣе къ игрѣ природы, нежели къ искусству. Причемъ онъ г. Роммель представилъ и счетъ объ издержкахъ, произведенныхъ имъ въ сію поѣздку, изъ коего усморило, что онъ употребилъ на прогоны, на промѣнъ ассигнацій на мѣдные деньги и на другія въ пути издержки сверхъ выданныхъ ему 75 р. еще 8 р. 50 к. Почему правленіе выдало ему и сіи передержанные имъ 8 р. 50 коп. изъ хозяйственной же суммы. Поелику же въ университетѣ на таковыя расходы суммы не положено и тѣмъ менѣе сіи расходы на счетъ университета поставить можно, что поѣздка сія сдѣлана безъ всякой пользы, то правленіе тогда же отнеслось къ г. губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ, взявша въ кого слѣдуетъ, означенныя деньги, всего 83 р. 50 коп., доставилъ въ университетъ. Однако-жь отъ него г. губернатора и долсъ оныя не получены¹⁾.

Нельзя не признать всѣ эти объясненія болѣе чѣмъ достаточными и вполне основательными. Можно даже сказать, что въ дѣлѣ о командированіи проф. Роммеля правленіе проявило излишнюю расчетливость въ соблюденіи „важнаго интереса“. Въ самомъ дѣлѣ: едва ли справедливо было взыскать возмѣщенія расхода, понесеннаго Роммелемъ, съ тѣхъ, „съ кого слѣдуетъ“, какъ довольно не опредѣленно выражается документъ, только потому, что экспедиція не удалась; лица, доносившія губернатору о находкѣ камня, могли дѣйствовать bona fide (и конечно, такъ именно и дѣйствовали); задача заключалась въ томъ, чтобы выяснить, опредѣлить значеніе находки—для этого-то и былъ командированъ специалистъ. Мало того: приведенное нами объясненіе Роммеля находится въ странномъ противорѣчій съ тѣмъ, что онъ говоритъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ. Тамъ онъ выражается въ такомъ смыслѣ, что на камнѣ была надпись, только на неизвѣстномъ ему языкѣ; впоследствии онъ открылъ сходство между этими письменами и

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 7 сентября.

скискими или гунскими рунами ¹⁾; отсюда же видно, что Рэммеля сопровождали профессор Шмерфельдъ (въ качествѣ живописца), университетскій писецъ и унтеръ-офицеръ. При такомъ составѣ экспедиціи сумма въ 88 р. 50 к. должна быть признаема очень скромной.

Чтобы быть вполне точнымъ, я долженъ замѣтить, что кромя требованія этого разъясненія министерство обратилось къ правленію еще съ формальнымъ выговоромъ, который мы приведемъ здѣсь въ буквальномъ текстѣ. Выговоръ былъ вызванъ медленностью, обнаруженной правленіемъ въ дѣлѣ описанія минералогической коллекціи, купленной Харьковскимъ университетомъ въ Ганноверѣ. Изъ дѣлъ выяснилось, что коллекція эта не имѣла каталога и составленіе его поручено было адъютанту Крюгеру, который однако этого порученія не исполнилъ. Тогда правленіе обратилось къ министру народнаго просвѣщенія (графу А. К. Разумовскому) съ просьбой командировать для этой цѣли адъютанта Московскаго университета Таубера; но въ отвѣтъ получило отъ него слѣдующее письмо. „Я не могу не отнести къ крайней безвѣчности университета, что доселѣ не сдѣлано описи купленному у Груннера минеральному кабинету. Мало того, что университетъ поручилъ сдѣлать опись, надобно было смотрѣть, чтобы порученіе сіе дѣйствительно исполнено было. Правленіе представляетъ теперь о семъ, когда были уже чиновники, на рукахъ которыхъ кабинетъ находился и когда переменено посольство, отъ котораго каталогъ кабинету требовать можно было. Я не имѣю теперь никакихъ средствъ отыскать каталогъ; остается университету узнать отъ попечителя, не получалъ ли онъ его. Не могу также для описанія кабинета командировать изъ Московскаго университета адъютанта Таубера, который имѣетъ тамъ свои занятія. Если при университетѣ дѣйствительно не находится никого, кто бы могъ сдѣлать опись упомянутому кабинету, то остается трудъ сей возложить на учителя естественной исторіи при Харьковской гимназій, который долженъ знать минералогію. Наконецъ, не могу не отнести также къ небреженію университета, что доселѣ не приготовилъ изъ воспитанниковъ своихъ никого, кто бы по сей части могъ занять мѣсто въ университетѣ“ ²⁾.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это желчное и ѣдкое письмо является *единственнымъ* замѣчаніемъ, сдѣланнымъ министромъ правленію; но крайней мѣрѣ, пересмотрѣвъ журналы правленія за все первое

¹⁾ Пять лѣтъ изъ исторіи, стр. 59.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г. сентябрь—декабрь; вѣзданіе 18 ноября.

десятилѣтіе его дѣятельности, мы не нашли больше никакихъ выговоровъ и неудовольствій министерства по его адресу.

Судебной функціи правленія мы не будемъ здѣсь касаться; замѣтимъ только, что приведенными нами случаями исчерпывается, кажется, вся его дѣятельность въ этомъ отношеніи. Дая того, чтобы дать реальное представленіе и обл этой сторонѣ дѣла, мы остановимся только на одномъ любопытномъ инцидентѣ — слѣдствіи по поводу обидъ, нанесенныхъ полиціей учителю фехтовальнаго искусства въ университетѣ Сивокту.

Широкая университетская автономія того времени нашла себѣ яркое выраженіе между прочимъ въ судебныхъ функціяхъ правленія. Въ качествѣ самоуправляющейся юридической единицы университетъ стоялъ на стражѣ интересовъ всѣхъ лицъ, входившихъ въ составъ его корпорации и долженъ былъ охранять ихъ личность и имущество отъ всякихъ посягательствъ. Онъ справедливо разсуждалъ, что незаслуженное оскорбленіе, нанесенное отдѣльному члену его, является оскорбленіемъ для всей коллегіи и требуетъ законной реабилитаціи. Такой точки зрѣнія правленіе держалось и въ дѣлѣ фехтовальнаго учителя Сивокта. Этотъ послѣдній подаль въ правленіе жалобу слѣдующаго содержанія. Между первымъ и вторымъ часомъ ночи, писалъ онъ, я услышалъ сильный шумъ и стукъ въ окно своей квартиры; на вопросъ, кто стучитъ, я не получилъ отвѣта и потому долженъ былъ выйти въ одной рубахѣ съ небольшою тростью въ рукахъ изъ горницы и увидѣлъ человѣка, который перелѣзвалъ черезъ заборъ противоположнаго дома; ему по русски я замѣтилъ, что поговорю съ нимъ утромъ, какъ вдругъ у самой калитки двора оказалось четыре незнакомыхъ человѣка, которые напали на меня и желая схватить разорвали даже на мнѣ рубаху; я вынужденъ былъ защищаться палочкой и всѣхъ ихъ повалилъ на землю; въ числѣ ихъ я узналъ майора Позникова; между тѣмъ къ этимъ четверемъ подошло еще 6 человѣкъ и они, несмотря на замѣненіе, что я состою учителемъ при университетѣ, отвели меня въ сѣвѣжій домъ, въ которомъ, думалъ я, меня хотятъ лишить жизни; по утру-жѣ, около 8 часовъ, отвезли меня на дрожкахъ въ полицію, въ которой городничій хотѣлъ меня допрашивать, а когда я объявилъ свое званіе, то велѣлъ полицейскому офицеру отвести меня въ университетъ. Въ заключеніе Сивоктъ просилъ разсмотрѣть дѣло о причиненномъ ему насиліи и доставить удовлетвореніе и справедливость. При этомъ приложено было свидѣтельство, выданное Сивокту профессоромъ и докторомъ медицины Делявинымъ, въ которомъ значилось, что на обѣихъ рукахъ, особенно же на правой и на лѣвой, имѣется у него отъ пяти до шести синебагровыхъ знаковъ. Выслушавъ все это,

правление постановило: изъ обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ въ прошеніи, видно, что открытое нападеніе на просителя, сдѣланное въ самой его квартирѣ, въ ночное время, безъ всякой вины съ его стороны, и отводъ его, почти нагого въ связную язбу, а также причиненные ему при этомъ побои, которые доказываются медицинскимъ свидѣтельствомъ доктора Делявина, и пребываніе его въ теченіи цѣлой ночи въстѣ, можетъ быть, съ какими-нибудь преступниками „естъ оскорбительное нарушеніе достоинства всякаго благороднаго человѣка (а таковъ и проситель Сивоктъ) и такого нарушенія менѣе всего можно было ожидать отъ полиціи, долженствующей ограждать спокойствіе и безопасность каждаго обывателя. Такъ какъ по 154 § Высочайше утвержденнаго устава даже въ уголовныхъ дѣлахъ первоначальное изслѣдованіе и взятіе подъ стражу чиновника университета принадлежитъ правленію, то поступокъ учиненный (полиціей) съ учителемъ Сивоктомъ, благороднымъ чиновникомъ университета, являетъя несообразнымъ со всемилостивѣйше дарованными членамъ его правами и преимуществами тѣмъ болѣе, что взявшій его подъ стражу чиновникъ полиціи не могъ не знать, что тотъ, кого онъ бралъ, принадлежитъ къ вѣдомству университета, потому что онъ живетъ въ домѣ, находящемся противъ квартиры Сивокта и этотъ послѣдній, при взятіи его и веденіи въ связную, называлъ себя учителемъ вѣдомства университета. Наконецъ, правленію извѣстно, что членъ его профессоръ Шадъ также не нашелъ удовлетворенія въ полиціи по розыску убивавшей отъ него служанки и по жалобѣ своей на квартирнаго хозяина купца Кувшинникова. Сопоставляя все это съ тѣмъ, что произошло съ учителемъ Сивоктомъ, правленіе „считаетъ своею естественною обязанностію, какъ въ семъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, употреблять съ своей стороны настоящее и бдительное попеченіе о соблюденіи правъ и преимуществъ, Всемилоостивѣйше дарованныхъ членамъ Харьковского университета, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ, тѣмъ болѣе что это необходимо должно имѣть вліяніе на положеніе всего университета, столь новаго въ этомъ краѣ. Вотъ почему правленіе рѣшило представить копію прошенія Сивокта и медицинскаго свидѣтельства Делявина, со своимъ отзывомъ, г. Харьковскому губернатору и просить его, чтобы онъ, употребивъ всѣ зависящія отъ него мѣры, повелѣлъ произвести законное разслѣдованіе поступка, учиненнаго надъ учителемъ Сивоктомъ, и виновныхъ передать сужденію по всей строгости законовъ, чтобы этимъ оградить ненарушимость преимуществъ и правъ членовъ сего университета; при изслѣдованіи же этого дѣла поручено быть представителемъ университета совѣтскому архивариусу и правленскому переводчику

коллежскому ассесору Александру Фирсову, а при самомъ судопроизводствѣ члену правленія профессору Стойковичу“¹⁾).

Не будемъ останавливаться на дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія по этому дѣлу. Замѣтимъ только, что оно затянулось на долгое время: процессъ въ тогдашнихъ судахъ отличался вообще крайнею медленностью; за тѣмъ полиція съ своей стороны дала нѣкоторыя объясненія, которыя представляли дѣло въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ оно изображено Сивоктомъ; въ объясненіи этого послѣдняго было вообще много неяснаго, недоговореннаго и потому непонятнаго; самъ Сивоктъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ далеко не безупреченъ въ нравственномъ отношеніи; это былъ, очевидно, неснокойный характеръ, и его за ложный доносъ на профессора Дюгурова министръ отрѣшилъ отъ службы въ университетѣ. Но для насъ въ данномъ случаѣ интересны не столько сущность и исходъ этого дѣла, сколько отношеніе къ нему правленія, тѣ принципиальныя воззрѣнія, которыя были высказаны имъ по поводу его. А эти воззрѣнія таковы, что дѣлаютъ честь правленію и его членамъ (Рижскому, Осиповскому, Умляфу, Шаду и Стойковичу): они, во 1-хъ, основательны по существу, во 2-хъ, находятся въ полномъ соответствіи съ автономіей, предоставленной университету уставомъ, и, въ 3-хъ, отличаются благородствомъ своего внутренняго содержанія и внѣшней формы. Къ этому можемъ прибавить, что въ общемъ въ судебныхъ дѣлахъ правленіе стояло на высотѣ своего призванія. Количество дѣлъ, которыя ему приходилось разрѣшить (а мы отиѣтили почти все ихъ), было довольно велико; но его нельзя назвать чрезмѣрнымъ, если принять во вниманіе, что подъ вѣдѣніемъ университета находились не только профессора и студенты, но и весь вообще педагогическій персоналъ гимназій, уѣздныхъ и народныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа.

Кромѣ совѣта, факультетовъ и правленія, университетская автономія нашла себѣ выраженіе еще въ цензурномъ и училищномъ комитетахъ. Особое довѣріе императоръ Александра I-го къ университетамъ выразилось въ предоставленіи имъ цензуры надъ всѣми научными и литературными произведеніями, печатавшимися въ предѣлахъ ихъ округовъ. Въ университетскомъ уставѣ цензурныя правила формулированы такимъ образомъ. При каждомъ университетѣ учреждается цензурный комитетъ, членами котораго состоятъ деканы всѣхъ факультетовъ. Онъ поручаетъ разсмотрѣніе рукописей профессорамъ, адъюнктамъ и магистрамъ; одинъ изъ этихъ послѣднихъ назначается его секретаремъ. Комитетъ обязанъ не допускать изданія сочиненій,

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—июль; засѣданіе 11 мая.

„коихъ содержаніе противно закону, правительству, благопристойности, добрымъ правамъ и личной чести частныхъ лицъ“. Черезъ него должны были проходить всѣ сочиненія, кромѣ тѣхъ, которыя предоставлены были вѣдѣнію духовной цензуры и которыя издавались отъ имени совѣта или правленія (безъ всякой цензуры). При разсмотрѣніи рукописей комитетъ долженъ былъ руководиться слѣдующими правилами. Всякая рукопись или книга вносилась въ журналъ и отдавалась для просмотра кому-либо изъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ. По прочтеніи лекторъ докладывалъ комитету свой отзывъ о прочитанномъ имъ сочиненіи. Въ случаѣ рѣшительнаго одобренія со стороны лектора, комитетъ дѣлалъ опредѣленіе о разрѣшеніи его къ изданію. Если же лекторъ давалъ отрицательное заключеніе или же затруднился дать отзывъ, то представлялъ свои мотивы въ комитетъ и отмѣчалъ сомнительныя мѣста; въ такомъ случаѣ комитетъ сообща разбиралъ вопросъ и рѣшалъ его по большинству голосовъ; а иногда переносилъ на разрѣшеніе совѣта, который рѣшалъ его также по большинству голосовъ. Если соиндигентъ или издатель былъ недоволенъ рѣшеніемъ комитета, то могъ апеллировать въ главное управленіе училищъ. Всѣ содержатели типографій, находящихся въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа, обязаны были печатать только то, что было пропущено университетскою цензурою и по отпечатаніи книги доставлять въ комитетъ подлинную рукопись и одинъ печатный экземпляръ сочиненія со своей подпискою, что изъ него не включено ничего, что могло бы измѣнить его смыслъ. Университетъ и каждый его профессоръ въ отдѣльности могли выписывать безпрепятственно „всѣ сочиненія какого бы они содержанія ни были“; но цензурный комитетъ обязанъ былъ просматривать тѣ изъ нихъ, которыя предназначались для университетской библиотеки, и отмѣчать среди нихъ вредныя или соблазнительныя (впрочемъ, и этими книгами могли безпрепятственно пользоваться профессора и адъюнкты; онѣ не выдавались только постороннимъ лицамъ).

Таковы были цензурныя правила, отличавшіяся, какъ мы видимъ, духомъ широкой свободы и ограждавшія только то, что дѣйствительно могло нуждаться въ огражденіи. Полной свободы книгопечатанія не было, была введена цензура, но она, во 1-хъ, предоставлена была такому правосвѣтителъному учрежденію, которое по самому характеру и задачамъ своимъ должно было содѣйствовать распространенію научно-литературныхъ интересовъ въ публикѣ, а, во 2-хъ, и самыя цензурныя новленія были въ высшей степени мягки и не могли поэтому стѣснять дѣйствительной свободы печати: другъ сочиненій, на которыя цензура должна была накладывать свое veto, былъ точно опредѣленъ; доврѣніе

къ отдѣльнымъ лекторамъ, какъ представителямъ автономнаго университета, было столь велико, что въ случаѣ положительнаго рѣшенія вопроса съ ихъ стороны, сочиненіе и не разсматривалось въ комитетѣ, а просто разрѣшалось къ выпуску въ свѣтъ; безпристрастное рѣшеніе дѣла въ комитетѣ было достаточно гарантировано коллегіальнымъ его устройствомъ; наконецъ, для окончательнаго огражденія авторовъ была допущена аппеляція на рѣшенія комитета въ высшую инстанцію. Однимъ словомъ, все клонилось къ огражденію интересовъ литературы и ея дѣятелей и не должно было допускаться только то, что подрывало основы правительства и нравственности; наукою ислѣдованію здѣсь была предоставлена полная, можно сказать, безграничная свобода; для себя лично профессора университета могли, какъ мы видѣли, свободно выисывать изъ-за границы и запрещенныя книги. Очевидно, правительство стояло на той точкѣ зрѣнія, что запрещенная или вредная книжка вредна не всякому, что ее можно смѣло дать въ руки чловѣка науки, стремящагося къ раскрытію объективной истины. Въ высшей степени сочувственное, доброжелательное отношеніе правительства къ свободѣ книгопечатанія нашло себѣ яркое выраженіе въ цензурномъ уставѣ 1804 года, заключавшемъ въ себѣ основныя постановленія по сей части, которыми долженъ былъ руководствоваться и цензурный комитетъ Харьковскаго университета.

Цензурный уставъ 1804 года представляетъ изъ себя въ высшей степени отчаянный фактъ въ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Въ немъ нашло себѣ выраженіе то либерально-просвѣтительное теченіе, которое началось у насъ немедленно послѣ воцаренія императора Александра I-го и явилось реакціей противъ прежняго царствованія. Известно, что императоръ Павелъ хотѣлъ совершенно отгородить китайскою стѣною Россію отъ Европы и запретилъ вывозъ изъ заграницы всѣхъ произведеній литературы. „Такъ какъ, гласилъ его указъ, чрезъ вывозимыя изъ заграницы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ повелѣваемъ запретить выпускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изыятія, въ государство наше, равно вѣрно и музыку“. Почему музыка подверглась такой же оцалѣ, какъ и книги, сказать не беремся; остается только предположить, что и она наносила „развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія“. Этому акту внѣшней, такъ сказать, политики по части литературы и искусства соотвѣтствовали и аналогичныя внутрѣннія мѣропріятія въ царствованіе императора Павла. Благодаря всему этому, положеніе литературы сдѣлалось невыносимымъ. Императоръ Александръ, по восшествіи своемъ на престоль, немедленно

снять тяжелыя путы, въ которыя закована была русская наука и литература, издавъ такой указъ: „желая доставить всевозможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на впускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равнообразно запечатанныя частныя типографія распечатать, дозволяя какъ провозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства“. Одно собоствленіе этихъ двухъ указовъ объясняетъ намъ расцвѣтъ научно-литературной дѣятельности въ Россіи въ началѣ царствованія имп. Александра I-го. Цензурный уставъ 9-го іюля 1804 г. дышетъ мягкостью и умѣренностью. Преслѣдуя опасныя для государства мнѣнія, онъ не нарушалъ свободы изслѣдованія въ области наукъ, касающихся какъ природы, такъ и человѣка, и допускалъ даже оцѣнку религіозныхъ, государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человечества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой-бы то ни отрасли правительства, говорится тутъ, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется *совершенною свободою печати, возмѣщающею устыхи простищенія*“. Сомнительныя мѣста—что въ высшей степени характерно, — велѣно было толковать въ пользу авторовъ: „когда мѣсто подверженное сомнѣнію, имѣть двойкій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать“; цензоры не должны были задерживать рукописей; въ случаѣ запрещенія сочиненія они обязаны были сообщать автору мотивы такого рѣшенія; если въ рукописи оказывались неудобныя мѣста, то ихъ отнюдь не должны были поправлять сами цензоры, а обязаны были возвращать для исправленія авторамъ. У представителей и дѣятелей правительственной власти существовало такое возрѣніе на цензуру: „неоспоримо, что строгость цензуры всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія; истребляетъ искренность, подавляетъ умы и, погашая священныя огни любви къ истинѣ, задерживаетъ развитіе просвѣщенія. Неоспоримо и то, что свобода мыслить и писать есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа и что свободное высказываніе даже ложной мысли ведетъ только къ большому торжеству истины: едва заблужденіе отважится заговорить во всеуслышаніе, множество умовъ готово будетъ вступить съ нимъ въ гибельную для него борьбу“¹⁾.

Такъ благородно мыслили лучшіе люди того времени, ревнители и дѣятели просвѣщенія; члены главнаго правленія училищъ, академики

¹⁾ М. Н. Сухомлинова. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 414—415, 418.

Озерецковскій и Фусъ. Къ сожалѣнію, не долго держалось такое настроеніе въ правительственныхъ сферахъ — не прошло еще и десяти лѣтъ съ изданія устава, какъ начались уклоненія въ сторону реакціи, которая въ слѣдующее десятилѣтіе проявилась съ полною силою и нашла себѣ, наконецъ, яркое выраженіе въ цензурномъ уставѣ 1826 года. Подъ вліяніемъ реакціи дѣлались различныя дополненія и разъясненія къ цензурному уставу 1804 года, которыя мало по малу видоизмѣнили его основной духъ и характеръ. Первое такое ограниченіе относится къ 1811 году.

17 августа 1811 года министр народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій обратился въ Харьковскій университетъ съ такимъ циркуляромъ. „Для приведенія въ дѣйствіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія статей Высочайше утвержденнаго министерства полиціи, касающихся до цензуры и типографій, предлагаю принять по харьковскому учебному округу слѣдующія мѣры:

1. Наблюдать, чтобы вѣдомости о разсмотрѣнныхъ цензурнымъ комитетомъ книгахъ и сочиненіяхъ доставляемы были ко мнѣ непремѣнно по истеченіи каждаго мѣсяца.

2. Новыя театральныя сочиненія и отдѣльныя ежедневныя листы, содержащія какія-либо частныя или публичныя извѣстія (т. е. газеты), буде бы поступили впередъ въ цензуру, обращать по принадлежности въ министерство полиціи.

3. Сдѣлать распоряженіе, чтобы для помѣщенія въ газетахъ не было принимаемо отъ частныхъ людей никакого объявленія, ежели оно не было прежде представлено на разсмотрѣніе полиціи.

4. Ежели представлены будутъ отъ частныхъ людей прошенія о заведеніи новыхъ типографій, то не давать имъ на то дозволенія пока не представятъ со стороны министерства полиціи свидѣтельства въ благонадежности ихъ да и въ такомъ случаѣ предварительно представлять мнѣ о дозволеніи открыть типографію“.

Этими распоряженіями, какъ мы видимъ, часть тѣхъ цензурныхъ правъ, которыми пользовался университетъ, переходила къ министру полиціи, другая — ставилась подъ постоянный, бдительный контроль министра народнаго просвѣщенія; университетъ, очевидно, уже не пользовался прежнимъ довѣріемъ!

17-го августа 1811 года графъ А. К. Разумовскій предупреждаетъ цензурный комитетъ Харьковскаго университета, чтобы онъ не разрѣшалъ перевода польскаго сочиненія графа Стройновскаго „объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“, буде ему представить таковой.

7-го сентября 1811 года графъ А. К. Разумовскій, въ отвѣтъ на представленіе совѣта, обратился къ нему съ такимъ распоряженіемъ: „вслѣдствіе представленія совѣта за № 358, предлагаю оному всякую учебную книгу, которая сочинена будетъ и по разсмотрѣніи совѣтомъ найдена будетъ полезною для университета или гимназій, до напечатанія ея, представлять мнѣ. Какое же награжденіе выдавать сочинителямъ, о томъ въ свое время сдѣлано будетъ постановленіе“¹⁾. Тутъ опять являть благо довѣрія къ университету!

Въ 1812 г. Харьковскій губернаторъ препроводилъ въ правленіе Харьковского университета циркуляръ министра полиціи слѣдующаго содержанія: „по препорученію отъ комиссіи духовныхъ училищъ членъ оной его сіятельство князь Александръ Николаевичъ Голицынъ увѣдомилъ меня, что не всѣ содержатели типографій исполняютъ обязанность свою, состоящую въ томъ, чтобы на основаніи проекта устава для духовныхъ академій (3 части, 3 гл., §§ 77 и 78) представляли они для освидѣтельствованія и повѣрки въ учрежденный при духовной академіи цензурный комитетъ каждую одобренную имъ рукопись вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ, прежде нежели отдадутъ его переводчику или сочинителю. Вслѣдствіе сего я прошу васъ, милостивый государь мой, обязать подписками находящихся по выѣренной вамъ губерніи типографщиковъ въ томъ, что они сію ихъ обязанность впредь неизмѣнно исполнять будутъ во всей точности“. Правленіе постановило передать этотъ циркуляръ фактору своей типографіи²⁾.

Въ томъ же 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія запретилъ печатаніе харьковскихъ календарей, потому что эта монополія принадлежала тогда Императорской академіи наукъ. Правленіе просило разрѣшить ихъ изданіе въ виду того, что въ нихъ помѣщаются „экономическія наблюденія и замѣчанія, пужныя для здѣшняго края“; но получило отказъ, мотивированный тѣмъ, что они во 1-хъ, будутъ служить подрывомъ для академіи; что же касается экономическихъ свѣдѣній, то они могли бы, по словамъ министра, печататься отдѣльно³⁾.

Въ мав' мѣсяцѣ 1812 г. правленіемъ полученъ былъ отъ министра народнаго просвѣщенія слѣдующій циркуляръ: „Комитетъ министровъ положилъ, чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ всѣ издатели періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ *такія только изъ-*

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта, 1811 г., № 12.

²⁾ Харьк. универс. архивъ. Журналы правленія 1812 г., январь—апрѣль; засѣданіе 4 января.

³⁾ Ibidem., засѣданіе 29 апрѣля.

стія, котормя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія въ некоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ, заимствованы единственно изъ „Санктпетербургскихъ вѣдомостей“, издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ. Вслѣдствіе того предлагаетъ сдѣлать распоряженіе о наблюденіи сего правила впредь до разрѣшенія по Харьковскому округу“. Правленіе постановило сообщить выписку съ сего ностановленія въ цензурный комитетъ и директорамъ училищъ ¹⁾.

Это распоряженіе, какъ мы видимъ, сильно напоминаетъ извѣстный уже намъ запретительный указъ имп. Павла и находится въ полномъ противорѣчій съ духомъ и характеромъ цензурнаго устава 1804 года. Въ этому нужно еще прибавить, что, въ виду тѣхъ же политическихъ обстоятельствъ, частныя письма профессоровъ иностраннаго происхожденія, передъ отсылкою за границу, должны были прочитываться съ цензурною цѣлью въ правленіи университета.

Посмотримъ теперь однако, въ какой мѣрѣ Харьковскій университетъ осуществлялъ предоставленное ему имп. Александромъ I право цензуры въ предѣлахъ округа—не оставалось ли оно мертвою буквою и много ли труда вышло на долю университета въ этомъ отношеніи. Уже а priori можно сказать, что въ теченіе перваго десятилѣтія исторіи университета научно-литературная дѣятельность въ Харьковскомъ учебномъ округѣ и особенно въ самомъ Харьковѣ должна была получить широкое развитіе. Такъ оно было и въ дѣйствительности (какъ увидимъ далѣе). Такимъ образомъ на долю цензурнаго комитета Харьковского университета выпало не мало работы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи статистическія данныя.

Немедленно по открытіи Харьковского университета, стали поступать уже рукописи для цензурнаго разсмотрѣнія, такъ что явилась фактическая необходимость въ учрежденіи цензурнаго комитета. Онъ былъ открытъ 3 марта 1805 г. и въ составъ его вошли деканы подъ предсѣдательствомъ ректора. Въ теченіе 1805 года онъ имѣлъ 19 засѣданій. Въ первомъ же засѣданіи своемъ комитетъ составилъ извѣщеніе о началѣ своей дѣятельности и разослалъ его губернаторамъ и директорамъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа, присоединивъ къ нему и выписки изъ устава, касающіяся цензуры. Представлено и разсмотрѣно было въ комитетѣ 5 рукописей, въ томъ числѣ два большихъ сочиненія ректора Рижскаго. Въ теченіе 1806 года было въ комитетѣ 23 засѣданія и допущено имъ къ изданію 11 рукописей; въ 1807 году разрѣшено къ печати 9 рукописей, въ 1808 году—9, въ 1809 году—7, въ 1810 году—16, въ 1811 году—27, въ 1812 году—19 (за 1813 и 1814 гг.

¹⁾ Ibidem, май—августъ; засѣданіе 9 мая.

свѣдѣній на имѣемъ); всего за 8 лѣтъ разрѣшено было 103 сочиненія, т. е. въ среднемъ приходится почти цѣло 13 на годъ; сколько не было пропущено, свѣдѣній нѣтъ; можно, впрочемъ, полагать, что таковыхъ не было и вовсе, ибо въ противномъ случаѣ они были бы отмѣчены въ отчетахъ. Чтобы читатель самъ могъ судить о характерѣ этихъ трудовъ, мы въ примѣчаніи помещаемъ полный списокъ ихъ по годамъ¹⁾; замѣтимъ, только что они отличаются крайнимъ разнообразіемъ, какъ

¹⁾ Въ 1805 году разрѣшены къ изданію: 1) „Вѣстникъ погоды по украинскому небосклону въ теченіи 1806 года“; 2) „Опытъ риторики“ проф. Рижскаго; 3) „Способъ обучать отъ рожденія глухихъ и вѣднихъ говорить“ (переводъ съ нѣмецкаго); 4) Проф. Шумлянскаго. „Мысли о способахъ противъ пожара“; 5) Проф. Рижскаго, „Введеніе въ кругъ словесности“. Въ 1806 году: 1) „Хозяйственный способъ узнавать погоды на 1806 г. съ приближеніемъ критическаго историческаго извѣстія о Слободскоукраинской губ.“; 2) Моисея Мендельсона. „Разсужденіе о духовномъ состояніи души человѣческой“ (перев. съ нѣмецкаго); 3) „Осмѣянное чародѣйство“, дѣтская комедія въ одномъ дѣйствіи“; 4) „Школа мачехъ“, дѣтская драма (переводъ); 5) „Исторія маркизы Декрессан“ (пер. съ франц.); 6) „Изліяніе благодарныхъ чувствъ его сіятельству князю Александру Михайловичу Голицыну отъ питомцевъ его сіятельства, обучающихся въ Харьковскомъ коллегиумѣ“; 7) „Ода его пресвященству Христофору Сулямѣ, епископу Слободскоукраинскому и ордену Св. Анны 1-й степени кавалеру дѣнь тезоименитства его пресвященства съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ усерднѣйшее поздравленіе приноситъ Харьковскій коллегиумъ“; 8) „Ошибки отъ сходства лицъ“, комедія въ одномъ дѣйствіи изъ г. Флоріана; 9) „Разсужденія, извлеченныя изъ соч. Геллерта“; 10) „Другъ хозяйства и экономіи“ (переводъ съ иностраннаго); 11) „Экономическій календарь на лѣто отъ Р. X. 1807-а, показывающій погоды, теченіе солнца и луны и проч.“. Въ 1807 году: 1) „Двѣ таблицы аналитическимъ латинскаго языка или новый способъ обученія оному“ (проф. Белленде-Баллар); 2) „Посланіе къ Царствѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени“ (А. А. Палицына); 3) „Исторія и хронологическое описаніе воздушныхъ камней“ (ректора Стойковича); 4) „Игорь“, героическая дѣйствіи съ древней словенской пѣсни, писанной въ 12-мъ вѣкѣ, переложенная стихами, и письмомъ г. Палицына къ г. губернатору и таковое же въ стихахъ гр. Хвостова къ г. Палицыну съ отвѣтомъ его къ гр. Хвостову (А. А. Палицына); 5) „Должности опредѣляемыхъ по синодальному указу, состоявшемуся октября 31-го 1789 года, семинарскихъ инспекторовъ по Курской семинаріи“ (арх. Курскаго Θεоктиста); 6) „Наставленіе церковно-служителямъ Курской и Вѣлгородской епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и каковыхъ въ малыхъ духовныхъ училищахъ, потому въ семинаріи присылать“ (Кур. архіеи. Θεоктиста); 7) „Извѣстіе объ испытаніи минеральныхъ водъ въ дачахъ статскаго совѣтника Семена Михайловича Кочубен, находящихся въ Полтавской губ., Константиногр. повѣта, при деревнѣ Дубовые грады называемой“ (проф. Шумлянскаго); 8) „Экономическій и астрономическій календарь на лѣто отъ Р. X. 1808-а“ (ректора Стойковича); 9) „Хозяйственный календарь на лѣто Господне 1808-а“ (адъюнкта Крйгера). Въ 1808 г.: 1) „Краткое начертаніе учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ священно- и церковно-служительскимъ Курской епархіи дѣтямъ, въ малыхъ духовныхъ училищахъ обучающимся, съ предположеніемъ удобнѣйшаго способа къ обученію ихъ тѣмъ предметамъ“; 2) „Привлеченіе къ оному начертанію“; 3) „Извѣстіе о выкоуренныхъ снарядахъ г. Каравина“; 4) „Богословскія предложенія изъ трактата богословскаго о созданіи міра и промислѣ

по содержанию и формѣ, такъ и по размѣрамъ. Не останавливаемся здѣсь на нихъ подробнѣе, потому что сдѣлаемъ это въ главѣ о преподавательской и *ученой* дѣятельности Харьковскаго университета. Констатируемъ только тотъ фактъ, что цензурный комитетъ Харьковскаго университета работалъ довольно энергично, и къ нему поступало сравнительно большое количество разнообразныхъ рукописей, которыя онъ безъ всякихъ затрудненій допущалъ къ печати.

Чтобы исчерпать вопросъ объ университетскомъ *самоуправленіи*, мы должны были бы остановиться еще здѣсь на дѣятельности *училищнаго комитета*, такъ какъ въ широкихъ правахъ, ему предоставлен-

Возіемъ, выбранныя и для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ 1808 г. іюля 15 дня предложенныя; 5) „Рѣчь о благодѣтельствующихъ обстоятельствахъ возвышенію учебныхъ заведеній“; 6) „Общая физика“; 7) „Календарь на лѣто Господне 1809-е, показывающій погоду, теченіе солнца и луны и пр.“; 8) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1809-е, показывающій погоду по наблюденіямъ кармелитовъ и Корвина, теченіе солнца и луны“; 9) „Усерднѣйшее приношеніе отъ Курской семинаріи высокопреосвященнѣйшему Θεоктисту, архіепископу Курскому и Вѣлгородскому, въ день его тезоименитства“. *Въ 1809 году*: 1) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1809-е“; 2) „Разсужденія о втеченіи и лѣченіи овечьей оспы“; 3) „Практическое руководство къ излѣченію бѣгавшей собакой“; 4) „Centuria plantarum rariarum Rossiae meridionalis“; 5) „Оглавленіе къ сочиненію о предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни“; 6) „Календарь на 1810 г.“; 7) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1810-е“. *Въ 1810 году*: 1) „О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни“; 2) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1810“; 3) „Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, основанное на началахъ всеобщей“; 4) „Рѣчь, говоренная при погребеніи ученика Майбороды“; 5) „Рѣчь, говоренная директоромъ училищъ екатеринославской губ. при празднованіи дворянствомъ оной губерніи по случаю полученія Высочайшей грамоты за образованіе земскаго войска“; 6) „Politische Arithmetik“; 7) „Предложенія богословскія“; 8) „Начальныя правила латинскаго словосочиненія“; 9) „Предложенія философскія“; 10) „Chrestomatia latina pro discentibus latinam roeviam. Curavit R. Ch. C. A. P.“; 11) „Рѣчь и стихи, говоренныя 1804 года генваря въ 3-й день торжественнаго празднованія войскомъ черноморскимъ при полученіи Высочайшей грамоты и знаменъ и освященіи оныхъ“; 12) „Календарь на лѣто 1811-е“; 13) „Календарь на тоже лѣто“; 14) „Исторія Россійской Имперіи на латинскомъ языкѣ“; 15) „Подарокъ для дѣтей. Новая россійская азбука для обученія малолѣтнихъ дѣтей и проч.“; 16) печатное сочиненіе Александрова „Увеселительный садъ“. *Въ 1811 году*: 1) „Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи общества подъ названіемъ филотехническаго“ (В. Н. Каразина); 2) „О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ (проф. Гизе); 3) „Слово, проповѣданное въ Сѣвской градской Казанской церкви при случаѣ открытіи въ Сѣвскѣ уѣздной училища“ (архіеп. Діонисія); 4) „Мысли при кончинѣ ректора Харьковскаго университета Рижскаго“ (учителя Петерб. горнаго училища Иконникова); 5) „Арифметика, приспособленная къ понятію юности, начинающагося обучаться сей наукѣ“ (уч. Харьк. кол. Антоновскаго); 6) „Ода въ день воскресенія Христова“ (студ. Харьк. кол. Вегухова); 7) „Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ 17 января и Высочайше утвержденномъ 10 марта

ныхъ, едва ли не наиболее ярко проявилось высокое довѣріе къ университету со стороны верховной власти: мало того, что тутъ университетъ являлся въ качествѣ автономной самоуправляющейся коллегіи; онъ выступаетъ передъ нами съ *правительственнымъ* значеніемъ по отношенію къ цѣлому классу постороннихъ для него лицъ — педагогическому персоналу среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, разсѣянныхъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Но это столь важный и сложный предметъ, что ему мы посвятимъ отдѣльную главу своего изслѣдованія.

Въ настоящей главѣ мы старались охарактеризовать дѣятельность тѣхъ учреждений, въ которыхъ наша себя выраженіе универси-

1811 года“ (В. Н. Каравина); 8) „Рѣчь, говоренная при выносѣ изъ дома гдѣла Воронежскаго губернатора Сонцова“ (Воронеж. полицмейстера Замахаева); 9) „Introductio in studium medicum“ (адъюнта Калкау); 10) „Слово при открытіи Орловской губернской гимназіи и при оной уѣзднаго училища, совершившемся 1810 года марта 17 дня“ (арх. Діонисіи); 11) „Руководство къ арифметикѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ (уч. Харьк. кол. Вербицкаго); 12) „Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому, Великому Князю Россійскому“ (студ. Парура); 13) „Chrestomatia latina pro discipulis rhetoricam in seminariis“ (прот. Прокоповича); 14) „Сочиненія воспитанниковъ войска Донскаго“ (студ. Гречановскаго и Кондратьева); 15) „Дѣтское славесловіе и пѣснопѣіе“ (Кур. архіеп. Теофиста); 16) „Протоколы и отчеты филотехинческаго общества, также произнесенная въ ономъ рѣчь“ (В. Н. Каравина); 17) „Общая статистика европейскихъ государствъ“ (учит. Курск. гимн. Паратича); 18) „Дельфъ и Демьфира или увѣщанная любовь“. Пастушеская опера въ одиномъ дѣйствіи (студ. Масловича); 19) „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ и о обычаяхъ россійнъ въ общей жизни. Часть 1-я“ (проф. Успенскаго); 20) „Повѣсть въ стихахъ“ (уч. Таганр. гимн. Селиванова); 21) „Логика“ (на латинскомъ языкѣ) (проф. Шада); 22) „Катихизисъ для ученія повивальныхъ бабокъ“ (на нѣмец. языкѣ) (Харьк. повив. бибки Анны Гервартъ); 23) „Лучше быть въ крестьянствѣ“. Драма въ 2-хъ дѣйств. (студ. Есшиорскаго); 24) „Календарь на 1812 г.“; (прот. Прокоповича); 25) „Хрестоматія въ стихахъ“ (на нѣмец. яз.) (проф. Роммеля); 26) „Календарь на 1812 годъ“ (уч. Харьк. кол. Вербицкаго); 27) „Четыре рѣчи, говоренныя Екатерины, директоромъ Мизко при публичныхъ исптаніяхъ и при открытіяхъ въ той губерніи уѣздныхъ училищъ, сверхъ того двѣ рѣчи, говоренныя зрителемъ и учителемъ при открытіи Елисаветград. уѣзднаго училища. Въ 1812 году: 1) „Mémoire lu dans la Société Impériale des Naturalistes de Moscou dans la séance du 15 mars 1810 par le membre ordinaire Karasine“; 2) „Извѣстіе объ попытаниіи сукивалдой земли въ дачахъ Калниста“; 3) „Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года“; 4) „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“, часть 2-я, отд. 1-е; 5) „Размышленія при гробѣ Раевской“; 6) „Азбука греческаго языка“; 7) „Утѣшеніе“ (переводъ съ французск.); 8) „Харьковскаго еженедѣльника“, № 1-й; 9) Его-же, № 2-й; 10) Его-же, № 3-й; 11) Его-же, № 4-й; 12) Его-же, № 5-й; 13) „Исторія войска Донскаго“; 14) „Харьдовскаго еженедѣльника“, №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й; 15) „Самовѣрнѣйшій способъ къ спасенію жизни въ крайнихъ шраключеніяхъ человека“; 16) „Начертаніе правилъ россійскаго правосудія“; 17) „Учрежденіе для воспитанія бѣдныхъ дѣвцъ отъ Харьковскаго общества благотворенія“; 18) „Записки о слободскоукраинской губерніи по 29-е сентября 1780 года“; 19) „Общая химія“.

„Записки Императ. Харьк. Универ.“ IV выд., 1895 г.

тетская автономія. Мы познакомили читателя съ сущностью' университетскаго устава 1804 г., даровавшаго полное самоуправленіе Харьковскому университету, и затѣмъ постарались на основаніи строго документальныхъ данныхъ рѣшить вопросъ—какъ воспользовались этой автономіей его совѣтъ, факультеты, правленіе и цензурный комитетъ. Передъ нами прошла длинная вереница крупныхъ и мелкихъ дѣйствій и мѣропріятій, скорѣе впрочемъ краткій перечень, чѣмъ обзоръ ихъ; да и самый перечень этотъ былъ очень и очень неполный; въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, въ характеристикѣ дѣятельности факультетовъ) мы брали по нѣсколько примѣровъ, когда въ дѣйствительности тутъ были цѣлыя тысячи дѣлъ. И, не смотря на то, что мы дали только такую номенклатуру, у читателя, надѣмся, какъ и у насъ, сложилось прежде всего представленіе объ огромномъ, колоссальномъ трудѣ, подъятомъ этими учрежденіями и входившими въ ихъ составъ лицами, на благо просвѣщенія, на пользу общую. Конечно, при такомъ огромномъ количествѣ дѣлъ, возможны были ошибки, увлеченія; но въ общемъ, всѣ эти учрежденія дѣйствовали правильно, удачно, дружно, несмотря на разноплеменный составъ, на отсутствіе старыхъ университетскихъ традицій въ русскомъ обществѣ вообще и въ харьковскомъ въ частности. Мы не скрывали и темныхъ, печальныхъ страницъ въ исторіи университетскаго самоуправленія — наоборотъ постарались раскрыть во всѣхъ подробностяхъ прискорбный инцидентъ ректорства Стойковича, чтобы имѣть возможность сдѣлать ему надлежащую оцѣнку—но они нисколько не нарушаютъ нашего общаго благопріятнаго вывода и заключенія о ней; наша картина получила отъ этого только свои тѣни; но и при нихъ она является все-таки, какъ намъ кажется, достаточно свѣтлой и отрадной. Нельзя также сказать, чтобы самая форма самоуправленія оказалась неподходящей или несоотвѣтствующей наличнымъ дѣятелямъ: съ самаго же перваго момента она начала хорошо функціонировать и рѣзкаго несоотвѣтствія ея съ жизнью не обнаружилось; характерно при этомъ, что и самыя распри, нарушавшія мирное теченіе дѣлъ, относятся уже не къ началу, а къ концу десятилѣтія, когда стало измѣняться отношеніе къ дѣлу просвѣщенія въ правящихъ сферахъ, и прежнее полное довѣріе къ университетамъ мало по малу постепенно превращалось въ такое же недоувѣріе; ясное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, одни формы безъ скрытой въ нихъ искры „духа“ не могли удовлетворять ни требованіямъ жизни, ни надеждамъ и пожеланіямъ болѣе сознательныхъ и энергичныхъ членовъ коллегіи.

IV-я ГЛАВА.

Матеріальныя сродства университета и его учебно-вспомогательныя учреждения.

Въ дѣлѣ преуспѣянія университетовъ огромное значеніе имѣютъ тѣ матеріальныя сродства, которыми они располагаютъ и которыя служатъ для обезпеченія личнаго состава служащихъ и содержанія самаго учрежденія. Какъ же въ этомъ отношеніи были обставлены университеты Александровскаго времени?

Штатной суммы на каждый университетъ отпущалось тогда 130000 р., которая распредѣлялась такимъ образомъ: на вознагражденіе 28 профессоровъ (по 2000 р. каждому)—56000 р., 4 почетныхъ членовъ-комиссіонеровъ (по 200 р.)—800 р., 12 адъюнктовъ (по 800 р.)—9600 р., 3 лекторовъ (по 600 р.)—1800 р., 12 магистровъ въ педагогическомъ институтѣ (по 400 р.)—4800 р., 12 студентовъ-кандидатовъ (по 300 р.)—3600 р., 40 казеннокоштныхъ студентовъ (по 200 р.)—8000 р., ректора—600 р., 4 декановъ (по 300 р.)—1200 р., безсмѣннаго засѣдателя—300 р., сивдика—200 р., секретаря совѣта—300 р., архиваріуса совѣта, исправляющаго должность переводчика въ правленіи съ писцомъ—700 р., 4 секретарей факультетовъ (по 100 р.)—400 р., директора педагогическаго института—500 р., инспектора казеннокоштныхъ студентовъ—400 р., библіотекаря—400 р., помощника его изъ адъюнктовъ или магистровъ съ писцомъ—500 р., на библіотеку—1000 р., анатомическій театръ съ препаратами—800 р., ботаническій садъ съ садовникомъ—1000 р., химическую лабораторію и лаборанта—1000 р., обсерваторію—500 р., физическій кабинетъ—500 р., кабинетъ естественной исторіи—600 р., клиническій институтъ и университетскую больницу—5000 р., на разъѣзды визитаторовъ и на письмоводство по этой части—5000 р., на путешествія за границу адъюнктовъ—2000 р., секретарю правленія и на канцелярію—3000 р., на награды за рѣшеніе задачъ—250 р., студентамъ за успѣхи и поведеніе—250 р., на журналы и газеты—500 р., на иностранную переписку—200 р., на содержаніе церкви и священника—1000 р., на жалованіе сторожамъ—1000 р., учителямъ рисованія, танцевъ и музыки—1500 р., на пенсіи профессорамъ и ихъ семьямъ—6000 р., на содержаніе строеній, отопленіе, освѣщеніе, чистоту и т. п.—8800 р. Сверхъ того, на заведеніе типографіи при харьковскомъ университетѣ и на содержаніе мастеровъ при кабинетахъ могла быть употребляема хозяйственная сумма (изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава) ¹⁾.

¹⁾ Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., I, штаты и прил., стр. 12.

Присматриваясь къ этимъ цифрамъ, мы невольно поражаемся незначительностью нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но при оцѣнкѣ мы должны имѣть въ виду не абсолютную величину ихъ, а относительную. Деньги въ то время были гораздо дороже, чѣмъ теперь, а товары, наоборотъ, дешевле. Такимъ образомъ, двухтысячный окладъ жалованія профессоръ могъ, напримѣръ, доставить имъ лучшее матеріальное обезпеченіе, чѣмъ теперь трехтысячный. Притомъ, говоря о жалованьи служащихъ, необходимо имѣть въ виду, что профессора по уставу могли совѣщать свою должность съ нѣкоторыми другими дополнительными обязанностями, за которыя получали и добавочное вознагражденіе (исполняли обязанности визитаторовъ, бібліотекаря, декановъ и т. п.). Нельзя только не указать на весьма ограниченный окладъ содержанія ректора: онъ, при всѣхъ своихъ многосложныхъ обязанностяхъ, получалъ прибавку къ профессорскому жалованію всего въ размѣрѣ 600 р., т. е. почти столько же, какъ и директоръ педагогическаго института. На учебновспомогательныя учрежденія отпускались суммы, которыя намъ кажутся теперь очень скромными, исключая клиническаго института, на который предназначалось 5000 р.; на типографію вовсе не было назначено штатной суммы: предполагалось, что современемъ она сможетъ содержать себя сама, а на первоначальное обзаведеніе должны были поступить хозяйственныя средства. Но едва ли основательно было разсчитывать исключительно на то, что типографія будетъ себя содержать на счетъ прабывши съ частныхъ заказовъ; вѣдь размѣры ихъ заранѣе не могли быть опредѣлены; между тѣмъ, типографія должна была исполнять для самаго университета не мало различныхъ работъ, а для этого имѣть и достаточный наборъ орудій и матеріаловъ, и достаточно рабочихъ рукъ. Крайне невыгоднымъ казалось бы также то обстоятельство, что не назначено было особой спеціальной суммы на первоначальное обзаведеніе различныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Если, напримѣръ, кое-какъ возможно было еще примириться съ ассигновкой 1000 руб. на книги для университетской бібліотеки въ послѣдующее время, то эта сумма должна была бы оказаться совершенно недостаточной въ самые первые годы, когда бібліотека только что начинала формироваться, а между тѣмъ въ услугахъ ея уже нуждались всѣ. Въ такомъ же затруднительномъ положеніи, казалось, должны были бы находиться и остальные учебно-вспомогательныя учрежденія харьковскаго университета въ первые годы ихъ существованія.

Но въ дѣйствительности такихъ затрудненій не оказалось; выходъ изъ нихъ былъ найденъ: въ дополненіе къ штатной суммѣ стали дѣлать прибавки изъ хозяйственной или экономической. Эта послѣдняя

составлялась изъ остатковъ (на первыхъ порахъ весьма значительныхъ) отъ штатныхъ ассигновокъ; особенно велики были остатки отъ содержанія личнаго состава преподавателей: этихъ послѣднихъ всегда было меньше, чѣмъ полагалось по штату. Въ харьковскомъ университетѣ къ этимъ остаткамъ еще присоединялась извѣстная намъ сумма „патріотическихъ приношеній“, т. е. тѣ деньги, которыми пожертвованы были на учрежденіе въ Харьковѣ университета сословіями харьковской и сосѣднихъ губерній, а также и отдѣльными лицами. Средства эти, какъ мы знаемъ уже, поступали очень неаккуратно и взносъ ихъ растянулся болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ, но все-таки ихъ набралось очень много, благодаря тому, что ихъ не рѣшались употребить на текуція нужды, а старались дать имъ такое назначеніе, которое бы могло увѣковѣчить даръ жертвователей.

Чтобы еще представить себѣ, какъ харьковскій университетъ распоряжался своими суммами, остановимся на нѣсколькихъ годовичныхъ отчетахъ его и выберемъ отсюда наиболѣе важныя данныя.

Изъ нихъ мы убѣдимся, что финансовое положеніе университета было блестящее: ежегодно бывали остатки отъ смѣтныхъ расходовъ, а сверхъ того поступали взносы „патріотическаго приношенія“, которые расходовались только въ незначительной долѣ; большая же часть этихъ суммъ откладывалась и поступала на приращеніе процентами въ государственный банкъ. Другою характерною чертою университетской приходе-расходной системы того времени нужно признать частое несоответствіе дѣйствительнаго расхода со штатными назначеніями. Возьмемъ, на примѣръ, денежный отчетъ за 1-й годъ существованія университета— 1805-й и сопоставимъ важнѣйшія цифры расхода со смѣтой. Штатной суммы отпущено было на Харьковскій университетъ въ 1805 г. 130000 р.; во изъ нихъ удержано 9124 р. (въ томъ числѣ 8000 р. за коллекцію минераловъ) и прислано только 120875 р. Отсюда были сдѣланы слѣдующіе расходы (копейки отбрасываемъ): на жалованіе профессорамъ, адъюнктамъ и т. п. 37720 р. (по штату полагалось 78500 р.), на бібліотеку 1501 р. (вмѣсто 1000 р., положенныхъ по штату), на содержаніе ботаническаго сада 5392 р. (вмѣсто 1000 р.), на содержаніе физическаго кабинета 411 р. (вмѣсто 500 р.), клиническаго института и университетской больницы (перваго еще не было) — 443 руб. (вмѣсто 5000 р.), на содержаніе студентовъ—5712 р. (вмѣсто 8000 р.), на визитации профессоровъ 1296 р. (вмѣсто 5000 р.), на путешествія въ чужіе края 728 р. (вмѣсто 2000 р.), на типографію 3604 р. (штатной суммы не было), на канцелярскіе расходы 2565 р. (вмѣсто 3000 р.), на содержаніе строеній—8338 р. (вмѣсто 8800 р.), сторожамъ 1203 р. (вмѣсто 1000 р.), на журналы и газеты—477 р. (вмѣсто 500 р.), на ино-

странную корреспонденцію — 78 р. (вмѣсто 200 р.); совѣтъ не были израсходованы штатныя суммы на пенсіи и церковь; 4000 р. для образованія пенсіоннаго фонда были отправлены въ банкъ; но за то изъ той же штатной суммы были сдѣланы еще слѣдующіе расходы: выдано попечителю 2816 р., издержанныхъ имъ на покупку книгъ, физическихъ инструментовъ и другихъ вещей; на торжество открытія университета употреблено 3382 р., академику Щукину уплачено за портретъ государя 800 р., В. Н. Каразину—за коллекцію эстамповъ Аделунга 5000 р., на изготовленіе мебели для аудиторій и учебно-вспомогательныхъ учреждений истрачено 3475 р.; итого съ нѣкоторыми другими болѣе мелкими расходами—17037 р.; всего штатной суммы израсходовано было 89712 р.; въ остаткѣ болѣе 30000 р. *Хозяйственной* суммы собрано въ 1805 г. 51561; составила она такимъ образомъ: отъ 1804 г. осталось 11422 р. (штатной ассигновки); получено штатной суммы за сентябрьскую треть того же 1804 года 39696 р. (а 3232 р. сверхъ того употреблено было на покупку книгъ и инструментовъ); остальное—мелкія поступленія. Изъ этой хозяйственной суммы израсходована была только самая ничтожная часть—остальное отправлено въ банкъ (въ томъ числѣ 4500 р. пенсіонныхъ денегъ за 1804 годъ); осталось на мѣстѣ 9546 р. Суммъ „патриотическаго приношенія“ оказалось: 1) пожертвованія отъ слободско-украинскаго (харьковскаго) дворянства поступило въ 1805 году 75116 руб., остатка отъ прошлаго 1804 г. 29780 р., всего 104896 р.; 2) отъ екатеринославскаго дворянства—4920 руб.; 3) отъ городовъ и купчества харьковской губ. (съ остаткомъ отъ прошлаго года въ размѣрѣ 13662 р.) 22681 р.; 4) отъ частныхъ благотворителей (съ остаткомъ отъ 1804 г. въ размѣрѣ 1600 р.) — 3800 р.; итого 136297 р. Изъ нихъ истрачено было 3045 р. на покупку земли (по Сумскому шоссе), 2726 р. для ботаническаго сада (сверхъ тѣхъ, которые издержаны были изъ штатной суммы), 6121 р. на покупку лѣса и перевозку его въ Харьковъ.

Итоги по всѣмъ суммамъ оказываются таковы: получено 236122 р., израсходовано 101882 р., отправлено въ банкъ 134240 р. (въ томъ числѣ пенсіоннаго фонда 8500 р., хозяйственнаго 34510 р., благотворительнаго 93540 р.). Всего банковыхъ билетовъ въ распоряженіи университета было 16 на 136550 р., на которые съ 1 января 1805 г. по 1 января 1806 г. накопилось 4797 р. процентовъ; сверхъ того внесено было еще въ банкъ 3690 р., на которые билетовъ не было пока получено ¹⁾. Однимъ словомъ первый годъ существованія университета за-

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Годовой отчетъ за 1805 г. о приходѣ и расходѣ суммъ Импер. Харьк. унив. и краткая вѣдомость о томъ же изъ этого отчета. (Дѣло совѣта 1805 г., № 27).

кончился въ финансовомъ отношеніи блестяще. Получились остатки даже отъ штатной суммы, не говоря уже о хозяйственной и благотворительной. Эта послѣдняя въ Харьковскомъ университетѣ получила необычные размѣры, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ разныхъ сословій харьковской и сосѣдней екатеринославской губерніи. Только по тремъ статьямъ штатной суммы получилась передержка—на ботаническій садъ было израсходовано почти въ 5½ разъ, на бібліотеку въ 1½ и на сторожей въ 1, 2 раза болѣе, чѣмъ полагалось по штату; да на типографію было израсходовано 3604 р.; между тѣмъ какъ по штату на нее не было ассигновано ничего. Но за то по всѣмъ остальнымъ параграфамъ оказались, какъ мы видимъ, весьма значительные, можно сказать, огромные остатки. Благодаря же экономической и благотворительной суммѣ, всѣ потребности учебно-вспомогательныхъ учрежденій могли быть удовлетворены въ полной мѣрѣ: отсюда позаимствованы были дополнительные кредиты и на бібліотеку, и на ботаническій садъ, и на другія заведенія, въ томъ числѣ и на первоначальное ихъ устройство и обзаведеніе.

Посмотримъ теперь, какъ велось дѣло въ послѣдующее время. Въ 1808 г. штатной суммы получено было 123766 р. Изъ нея израсходовано: на выдачу жалованія 44912 р. (вмѣсто 78800 р.), на бібліотеку 339 р. (мѣсто 1000 р.), на анатомическій театръ 350 (вмѣсто 800 р.), на ботаническій садъ 1068 р. (вмѣсто 1000 р.), на химическую лабораторію 153 р. (вмѣсто 1000 р.), на физическій кабинетъ 528 р. (вмѣсто 500 р.), на кабинетъ естественной исторіи 467 р. (мѣсто 600 р.), на клиническій институтъ 754 р. (вмѣсто 5000 р.), на пенсіи положено въ банкъ 6000 р. (столько, сколько и по штату), на содержаніе студентовъ 6785 р. (вмѣсто 8000 р.), на канцелярію 2845 р. (вмѣсто 3000 р.), на вынатиціи училищъ 3211 р. (вмѣсто 5000 р.), на журналы и газеты 344 р. (вмѣсто 500 руб.), на иностранную корреспонденцію 114 р. (вмѣсто 200 р.), на типографію 3360 р. (по штату ничего), на служителей 1276 р. (вмѣсто 1000 р.), на содержаніе строеній 8481 р. (вмѣсто 8800 р.). Всего штатной суммы израсходовано 81891 р. (въ томъ числѣ 6000 руб. отправлено въ банкъ и 1251 руб. перенесено въ дворянскую сумму слободско-украинской губ.); въ остаткѣ 41869 р. *Хозяйственной* суммы осталось отъ 1807 г. 10190 р., штатной, превращенной въ хозяйственную—45585 руб., штатной прошлагодной суммы за сентябрьскую треть 14444 р., дохода съ типографіи (валового) 4164 р., всего 76061 р. Изъ нея истрачено 26702 р. (главнымъ образомъ на покупку книгъ и выписку изъ-за границы инструментовъ) и отправлено въ банкъ 37000 р. Дворянской суммы слободскоукраинской губ. въ приходѣ было 14076 р.

(въ томъ числѣ остатка отъ 1807 года 10191 р.); изъ нихъ истрачено 9065 р. (на ботанической садъ); дворянской суммы екатеринослав. губ. въ приходѣ было (съ остатками 1807 года) 6165 р., изъ коей ничего не было израсходовано; отъ городовъ и купечества харьковской губ. получено 3867 р. (расхода не было); отъ частныхъ благотворителей— 2098 р. (расхода не было); квартирной суммы въ приходѣ было 10192 р., въ расходѣ—10067 р. Итого въ приходѣ всѣхъ суммъ было 236227 р., а въ расходѣ—174625 руб.; въ томъ числѣ издержано университетомъ 120574 р. и отправлено въ банкъ 52800 р. За расходомъ осталось 61602 р. Сверхъ того въ университетѣ имѣлось 54 банковыхъ билета на 306640 р. (въ томъ числѣ 25700 р. пенсіоннаго капитала), на которые причиталось процентовъ къ 1 января 1809 года 43273 р. Кромѣ того отправлено было въ банкъ еще 3800 р., на которые не было выслано билетовъ. Всего къ 1 января 1809 г. въ остаткѣ наличной и банковской суммы было 415315 руб. ¹⁾).

Приведемъ, наконецъ, цифры изъ отчета за 1812 годъ. Штатной суммы принято было изъ казначейства 134000 руб. Израсходовано изъ нея 91224 р.—на жалованіе 53751 р. (вмѣсто 78800 р.), на библиотечку 981 р. (вмѣсто 1000 р.), на анатомическій театръ 609 р. (вмѣсто 800 р.), на ботанической садъ—1056 р. (вмѣсто 1000 р.), на химическую лабораторію 532 р. (вмѣсто 1000 р.), на кабинетъ естественной исторіи 26 р. (вмѣсто 600 р.), на физическій кабинетъ 438 руб. (вмѣсто 600 р.), на клинической институтъ 1166 р. (вмѣсто 5000 р.), на награды студентамъ 101 (вмѣсто 250 р.), на содержаніе казенновоштныхъ студентовъ 8056 р. (вмѣсто 8000 р.), на канцелярію 3178 р. (вмѣсто 3000 р.), на визитации училищъ 4887 руб. (вмѣсто 5000 р.), на журналы и газеты 161 р. (вмѣсто 500 р.), на иностранную переписку 10 р. (вмѣсто 200 р.), на путешествія въ чужіе края адъюнктовъ 1999 р. (вмѣсто 2000 р.), на содержаніе служителей 1381 р. (вмѣсто 1000 р.), на пенсіи 3149 р. (вмѣсто 6000 р.), на содержаніе строеній 9208 р. (вмѣсто 8800 р.); въ остаткѣ 42776 р. Хозяйственной суммы поступило 42700 р. (она составила изъ остатка штатной суммы въ размѣрѣ 30821 р., дохода съ типографіи 4070 р., и нѣкот. др.). Изъ нея израсходовано 40944 р., въ томъ числѣ 12234 р. на типографію, 7845 р. на жалованіе, 4065 р. отправлено въ банкъ, 2692 р. употреблено на покупку мебели и инструментовъ для кабинетовъ и аудиторій, 2324 р. на переплетъ книгъ для книжнаго магазина и разсылки, 2537 руб. на постройки, 3778 руб. на проѣздъ учителей, 1632 р. на содержаніе библиотечки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1808 г., № 45 (годовой отчетъ о приходѣ и расходѣ на 1808 годъ разныхъ суммъ).

Замѣтка къ исторіи Харьковскаго университета.

В. В. Лапина.

Извѣстно, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ приговоръ частнаго собранія дворянъ *отъ 29 августа 1802 года*, опредѣлявшій сумму необходимаго на содержаніе университета капитала въ *одна милліона рублей*, были: *коллежскій совѣтникъ* и кавалеръ *Федоръ Квитка*, титулярный совѣтникъ *Дмитрій Квитка* и *прапорщикъ* *Георгій Квитка* ¹⁾. Первый изъ этихъ Квитокъ *Федоръ*—несомнѣнно—отецъ Андр. Федор. и Григорій Федоровича Квитокъ, изъ которыхъ первый былъ слободско-украинскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (съ 17 декабря 1807 г. до конца 1827 г., т. е. около 20 лѣтъ), второй—извѣстный писатель и харьковскій уѣздный предводитель (съ 1816 г.) дворянства. Почтенный историкъ Харьковскаго университета проф. Д. И. Багалъй смель *прапорщика* *Георгія Квитку* именно за Г. Ф. Квитку-Основьяненцо. Но противъ этого предположенія можно (вслѣдствіе появившихся за послѣднее время новыхъ мыслей) высказать слѣдующее. Уже у Г. П. Данилевскаго, представившаго первый опытъ біографіи Квиткамъ, въ статьѣ „Основьяненко“ (изданной потомъ отдѣльно, Сиб. 1856 г.,

¹⁾ Вотъ этотъ документъ, вновь пересмотрѣнный нами въ архивѣ Харьковскаго университета и возстановленный нами *дословно*.

„1802 года августа 29 дня. Въ слѣдствіе прочтеннаго нынѣшній день въ благородномъ собраніи предначертанія о Харьковскомъ университетѣ на взносъ въ число капитала, опредѣляемаго на содержаніе отъ процентовъ его университета, съ дворянскихъ имѣній слободско-украинской губерніи *одною милліона рублей* способомъ установленнымъ въ учрежденіи двадцатилѣтняго банка согласны“ генераль-лейтенантъ Некудоловъ, майоръ Петръ Ковалевскій, майоръ Александръ Палицинъ, предводитель дворянства Алексій Алферовъ, Флота капитанъ-лейтенантъ Александръ Красовскій, статскій совѣтникъ Григорій Шидловскій, прапорщикъ Георгій Квитка, титулярный совѣтникъ Дмитрій Квитка, дворянинъ—подиручникъ Гавріиль Короснянъ, коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Федоръ Квитка. (См. арх. Харьк. унив. Дѣла канцеляріи попечителя учебнаго округа, дѣло по архиву № 1 и по картону № 1-й, листъ 10-й). Визу приписка карандашемъ рукою В. Н. Каразина. Документъ этотъ уже 2 раза, сколько намъ извѣстно, былъ напечатанъ: въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., т. XIII, стр. 63, и у проф. Багалъя „Опытъ истор. Харьк. универст.“ 1893 г., „Записки Харьков. университета“, стр. 48.

стр. 8 и 9, примѣчанія) приведены 2 указа императрицы Екатерины II, свидѣтельствующіе о службѣ Г. Θ. и полученныхъ имъ чинахъ. Въ одномъ изъ этихъ указовъ находимъ, что Г. Θ. Квитка, служившій (или, лучше сказать, числившійся) вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи, при отставкѣ, выданной ему 3 мая 1794 г., пожалованъ чиномъ капитана отъ арміи ¹⁾. Другой указъ (государственной военной коллегіи) отъ 18 октября 1796 г. предписываетъ „капитану сѣверскаго карабинернаго полка Григорію Квиткѣ слѣдовать къ этому полку и явиться въ срокъ“ ²⁾. Этотъ указъ относится къ тому времени, когда Г. Θ. рѣшился вторично вступить въ военную службу ³⁾. Но и на этотъ разъ недолго служилъ Квитка, не находившій, очевидно, въ военной службѣ ничего для себя привлекательнаго. Указомъ императора Павла I (по словамъ Данилевскаго) отъ 5 января 1797 г. онъ переведенъ въ Харьковскій кирасирскій полкъ (уже въ чинѣ ротмистра), причемъ также велѣно ему явиться въ этотъ полкъ къ сроку ⁴⁾. Но Г. Θ. и не думалъ являться на службу, вслѣдствіе чего и былъ уволенъ, по прошенію, въ отставку съ тѣмъ же чиномъ капитана.

Неволиѣ довѣрять Данилевскому (котораго неразъ, наприм., упоминаетъ въ неточности прот. Н. Лащенко), мы нашли однако слѣдующее подтвержденіе приводимыхъ имъ документальныхъ данныхъ. Въ небольшомъ, но очень интересномъ дополненіи „къ біографіи Г. Θ. Квитки“, помѣщенномъ въ Харьковскомъ сборникѣ на 1889 г. (научно-литерат. отд., стр. 195), почтенный изслѣдователь мѣстной старины (главнымъ образомъ на основаніи документовъ изъ архива Харьковской духовной консисторіи), протоіерей о. Н. Лащенко ⁵⁾ приводитъ всѣ документы, касающіеся поступленія Г. Θ. въ монашество и пребыванія его въ монастырѣ. Вопреки всѣмъ прежнимъ біографіямъ Квитки, авторъ, на основаніи документовъ, точнѣйшимъ образомъ опредѣляетъ время пребыванія Г. Θ. въ монастырѣ: *между 1804 и 1805 годами и всего въ теченіи десяти мѣсяцевъ* (тогда какъ Семеновскій, напр., го-

¹⁾ Приводя этотъ указъ, Г. П. Данилевскій замѣчаетъ, „что Квитка въ Петербургѣ не былъ никогда“. Но извѣстно, что тогда многіе дворяне, не показываясь даже на службу, числились въ полкахъ и получали чины.

²⁾ Ibidem, стр. 9, примѣчаніе.

³⁾ Съ 3 мая 1794 г. по 13 октября 1796 г. Г. Θ. числился на службѣ при департаментѣ Герольдіи.

⁴⁾ Но Г. П. Данилевскому, какъ намъ приходилось неразъ убѣдиться, не всегда можно довѣрять, особенно, если онъ не приводитъ подлиннаго содержанія указовъ.

⁵⁾ Прот. Н. Лащенко только-что выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ свой трудъ (печатавшійся до сихъ поръ въ приложеніяхъ къ Харьковскому календарю): „Христофоръ Сулима, первый епископъ Слободско-украинскій и Харьковскій“, Харьк. 1893 г.

ворить о семилѣтнемъ пребываніи Г. Ѳ. въ обители). Между прочимъ, о. Н. Лащенко (въ дѣлѣ № 75) нашелъ въ архивѣ и подлинное прошеніе самого Г. Ѳ. Квитки, писанное его же рукою. „Родился я⁴, пишетъ Квитка пресвященному Слободско-ураинскому и Харьковскому Христофору Сулимѣ, „въ 1778 г., былъ въ военной службѣ, отъ которой, по желанію моему, прошлаго 1797 г. отставленъ. Съ самаго того времени возымѣлъ намѣреніе принять монашество, но въ разсужденіи 17-лѣтняго тогдашняго моего возраста отъ желаемаго мною совѣтами родителей и другихъ моихъ родственниковъ удерживаемъ былъ. Достигнувъ же нынѣ 26-лѣтняго возраста и имѣя отъ родителей позволеніе, представляя при семъ данный мнѣ указъ объ увольненіи меня отъ службы, прошу въ сходство желанія моего опредѣлить меня въ Старо-Харьковскій Преображенскій монастырь на послушаніе въ надеждѣ полученія монашескаго чина и въ томъ учинить милостивѣйшую архипастырскую резолюцію. Къ сему прошенію отставной капитанъ Григорій Ѳедоровичъ Квитка подписался“. Прошеніе это было подано пресвященному Христофору 1804 г. 4 мая. Тогда же на немъ надписана резолюція: „просьбу капитана Квитки о принятіи его въ Старо-Харьковскій монастырь, сообразивъ съ законами, консисторія представитъ шлѣ немедленно съ мнѣніемъ“. Итакъ, съ 1794 года Квитка подписывается и по документамъ официально называется капитаномъ. Во всѣхъ бумагахъ общества благотворенія, хранящихся въ архивѣ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, Квитка, въ качествѣ правителя дѣлъ общества, подписывая официальные отчеты, посылаемые министерству полиціи, также называетъ себя „капитаномъ“. Какимъ-же образомъ могъ Квитка въ 1809 году подписаться „прапорщикъ“? Предположивъ замѣну армейскаго чина гвардейскимъ, мы пересмотрѣли табели о рангахъ и нигдѣ не нашли такого соответствія между чинами арміи и гвардіи, чтобы подобная замѣна была возможна ¹⁾.

Кромѣ того, Григорій Ѳедоровичъ нигдѣ и никогда не подписывался „Георгіемъ“. Зная отлично его руку, благодаря его многочисленнымъ подписямъ на документахъ общества благотворенія, хранящихся въ архивѣ института благородныхъ дѣвицъ ²⁾, мы, по совѣту проф. Д. И. Багалъи, пересмотрѣли подписи дворянъ, которыя приведены нами вы-

¹⁾ Т. е., чтобы капитанъ арміи соответствовалъ прапорщику гвардіи. Въ Петровской табели этого чина даже совѣмъ и нѣтъ. Здѣсь чинъ капитана арміи (IX классъ) соответствуетъ лейтенанту гвардіи. См. прилож. № 4-й къ труду Евреннова: „Гражданское чинопроизводство въ Россіи“. (С.-Петербург. 1887 г., стр. 80), а также въ полномъ собраніи законовъ Россійской имперіи.

²⁾ Мы разсматривали документы этого архива для другой работы, которая скоро должна появиться.

ше, въ *модимикъ* и не нашли ни малѣйшаго сходства между почеркомъ прапорщика Георгія и капитана Григорія Квитокъ. Такимъ образомъ Георгій Квитка не имѣетъ ничего общаго съ Г. Θ. Квиткой, да и настроеніе Квитки въ это время (въ 1802 г.) было не таково, чтобы онъ могъ принять участіе въ какихъ-либо собраніяхъ дворянства, хотя, конечно, могъ горячо сочувствовать дѣлу Каразина. Но кто же былъ Георгій Квитка? При чрезвычайной распространенности этой фамилии въ губерніяхъ Харьковской, Подтавской и Херсонской, вопросъ этотъ рѣшить трудно. Фамильными записки Квитокъ, которыя могли-бы пролить много свѣта на ихъ родственныя связи, извѣстаны намъ только въ извлеченіяхъ. У самого Изюмскаго полковника Ивана Григорьевича Квитки, кромѣ Федора Ивановича, были и другія сыновья, имѣвшіе дѣтей¹⁾. Кромѣ того, въ Харьковской губерніи уже тогда были Квитки, не состоявшіе въ родствѣ съ Основанскими. До сихъ поръ, по словамъ М. М. Плохинскаго, вблизи Хорошевскаго монастыря удѣль въ еще небольшой участокъ земли, принадлежащій потомкамъ хорошевскаго сотника Квитки, не состоявшаго въ родствѣ съ нашими Квитками. Однофамильцы Квитокъ до сихъ поръ встрѣчаются въ равныхъ уѣздахъ Харьковской губ. Такимъ образомъ Дмитрій и Георгій Квитки могли быть и родственниками, и однофамильцами Федора Ивановича. Кажется, что прапорщикъ Георгій или Юрій Квитка былъ оудемъ того Н. Ю. Квитки, на разсказы котораго о Г. Θ. такъ часто ссылается Г. П. Данилевскій. Во всякомъ случаѣ мнѣніе проф. Багалъя, что Квитки, какъ и многіе изъ дворянъ, звавшихся Сковороду и находившихся подъ его вліяніемъ, горячо сочувствовали идеямъ Каразина и дѣлу основанія университета, и безъ того достаточно обосновано; подпись Г. Θ. Квитки, даже если бы она существовала въ дѣйствительности, не придастъ ему большаго вѣса.

Харьковъ, 1 сент. 1895 г.

¹⁾ Изъ нихъ особенно извѣстны двое: Илья Ивановичъ, авторъ „Записокъ о слободскихъ полкахъ“, и Николай Ивановичъ, постригшійся въ монахи, подъ именемъ Наркиза. См. сообщеніе Д. И. Багалъя „Извлеченія преосвященнаго Филарета Харьковскаго изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ“. Харьк. Сборн. 1889 г., отд. II, стр. 193: Н. И. Квитка постриженъ въ монашество 1 марта 1752 года. Объ Ильѣ Ив. см. Шугуровъ, Кіевск. Стар. 1890 г., т. III, стр. 444—455 и проф. Д. И. Багалъя, Кіевск. Стар. 1893 г., авг. стр. 237—239.

Фот. С. В. Буажонко, Київ.

**1-й Попечитель Харьковскаго учебнаго округа
графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій.**

Фот. С. В. Кулакович. Киев.

**Профессор и первый ректор Харьковского университета
Иванъ Степановичъ Ридскій.**

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen von K. Brugmann und B. Delbrück. III Band: Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen von B. Delbrück. I^{ter} Theil. Leipzig. 1892.

I.

Съ появленіемъ книги, заглавіе которой вняисано выше, мы имѣемъ теперь въ Grundriss Бругманна руководство, обвиняющее всѣ отдѣлы грамматики индоевропейскихъ языковъ. Большое удовольствіе испытывалъ всякій лингвистъ, читая въ предисловіи къ первой половинѣ I тома Grundriss общаніе автора помѣстить въ III-мъ томѣ очеркъ сравнительнаго синтаксиса. Изъ тона предисловія можно было понять, однако, что въ этой работѣ Бругманнъ приступалъ съ большою неохотою и даже недоброю волюю къ своимъ силамъ, и что ободряли его не собственные замѣткія этой отрасли грамматики, а болѣе всего: наличность солидныхъ работъ въ области отдѣльныхъ языковъ, дающихъ венадолю до этого вышедшій синтаксисъ древнеиндійскаго языка Дельбрюка.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣчено было извѣстіе издателя и автора о томъ, что обработка сравнительнаго синтаксиса поручена Дельбрюку. Дѣйствительно, если въ области фонетики и морфологии общепризнаннымъ авторитетомъ пользуется Бругманнъ, то во главѣ исследователей синтаксиса безспорно стоитъ Дельбрюкъ. И вотъ вмѣсто общаго Бругманнова „меньше объемистаго тома“, мы имѣемъ теперь мерзую и при томъ маленькую половину синтаксиса, объемомъ въ 50 печатныхъ листовъ, заключающую въ себѣ только имя существительное, прилагательное, мѣстоименіе, числительное, нарѣчіе и предлогъ. Если Дельбрюкъ будетъ продолжать въ томъ же объемѣ и другіе отдѣлы синтаксиса, то въ результатѣ выйдетъ книга въ 100—150 печатныхъ листовъ, трудъ, который несомнѣнно составитъ эпоху въ языковедѣніи.

Свою книгу Дельбрюкъ начинаетъ очеркомъ исторіи синтаксиса. Введеніе это написано блестящимъ языкомъ и будетъ прочтено съ большою пользою всѣми лингвистами. Оно составляетъ дополненіе въ книгѣ Дельбрюка *Einführung in das Sprachstudium*, 3-е изданіе которой вышло за нѣсколько мѣсяцевъ до синтаксиса. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, откуда заимствовали греки свою грамматическую систему, а о томъ, что касается вліянія философовъ и александрійскихъ ученыхъ, асы-

лаясь на известное сочиненіе Штейнталя, Даллгеръ переходитъ къ разбору перваго по времени изъ дошедшихъ до насъ учебниковъ грамматики, именно *тέχνη* Діонисія Фракійца. Далѣе разбираются синтактиче-скія теоріи схоластиковъ, новаго и новаѣшаго времени, кончая книжкою Друманна и Пауля. Слѣдуетъ замѣтить, что Дельбрюкъ вполне сознаетъ важность славянскихъ языковъ для индоевропейскаго синтаксиса, и посвящаетъ стр. 53—56 Добровскому и Караджичу, стр. 62—63 Миклошичу. „Введеніе славянскихъ нарѣчій въ языковеденіе есть событіе, слѣдствія котораго далеко еще не исчерпаны. Славянскіе языки, на первомъ планѣ сербскій и русскій, — хотя не мало проникло въ нихъ изъ міра европейскихъ понятій и синтаксиса путемъ перевода и подражанія, — производятъ впечатлѣніе языковъ, живущихъ на собственныхъ средствахъ болѣе, чѣмъ другіе современные языки“ (стр. 55). Сознавая всю важность славянскихъ нарѣчій для индоевропейскаго синтаксиса, Дельбрюкъ, однако, не относится къ нимъ съ подробнымъ вниманіемъ, и матеріалъ свой черпаетъ главнымъ образомъ изъ слѣдующихъ сочиненій (а выписываю изъ *Verzeichniss der wichtigsten Abkürzungen*, стр. XX—XXIV): Лескичъ, *Handbuch der altbulg. Sprache*; Миклошичъ, *Vergleichende Grammatik*; его-же, *Lexicon Palaeoslov.—gr.—latinum*; его-же, *Etymologisches Wörterbuch*; Караджича, *Лексиконъ и грамматика*; сюда слѣдуетъ прибавить Даничичъ, *Српски синтаксиса*. Для русскаго языка указаны: Историческая грамматика Буялова; Vetter, *Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen*; Азбозъ (Asbóth), *Russische Chrestomathie* (см. стр. 88 Anm.: „ich benutze diese Gelegenheit, um O. Asbóth's *kurze* (курсивъ мой) *Grammatik* warm zu empfehlen. Aus der dazugehörigen, ebenfalls sehr brauchbaren *Chrestomathie* ist im Folgenden *gelegentlich citiert worden*“ (курсивъ оная мой); Вольтера; Разысканія о грамматическомъ родѣ; и — трудно даже повѣрить — русско-французскій лексиконъ Рейфа (1). А между тѣмъ синтаксису у насъ въ Россіи посвящено и между трудами русскихъ лингвистовъ мы можемъ указать на такіе, которые заслуживали бы вниманія Дельбрюка. Для примѣра я упомяну хотя бы объ известномъ трудѣ Потебни, *Изъ записокъ по русской грамматикѣ*, 1-е изд., Харьковъ, 1876, 2-е, Харьковъ, 1889, — о квинтѣ; въ сожалѣнію, рано умершаго ученаго Александра Попова, *Синтаксическія изслѣдованія*, I. Сравнительный синтаксисъ именительнаго, звательнаго и винительнаго падежей, Воронежъ, 1881 и о диссертациі О. Е. Корша, *О способахъ относительнаго подчиненія*.

Не могу не отмѣтить также одного замѣчанія Дельбрюка, высказаннаго имъ по адресу славянскихъ ученыхъ: „Да позволено будетъ мнѣ упомянуть о томъ фактѣ, что славянскіе ученые все болѣе и болѣе усваиваютъ привычку писать на своемъ языкѣ. Борются съ этимъ было бы,

при настоящей настроенности народностей, напрасно. Поэтому я высказал только просьбу, чтобы наши товарищи славяне потрудились снабжать свои книги подробными оплавлениями и указателями, написанными на какомъ-нибудь не-славянскомъ мировомъ языкѣ (Weltersprache). Этими способомъ они очень облегчали бы намъ изученіе ихъ работъ, и такимъ образомъ способствовали бы международному научному общенію, которое мы все желаемъ“ (стр. 56, 1).

Я нарочно дословно выписалъ это обращеніе Дельбрюка къ славянскимъ ученымъ; оно слишкомъ серьезно и исходитъ изъ устъ слишкомъ глубокаго ученаго, чтобы можно было оставить его безъ вниманія; но только я позволю себѣ кое-что не согласиться съ Дельбрюкомъ. Разумѣется, что для славянскихъ ученыхъ очень лестно призваніе значительной важности ихъ научныхъ работъ со стороны столь компетентнаго лица, и они были бы чрезвычайно рады, если бы ихъ работы получили широкое распространеніе на западѣ и надлежащую критическую отзивку со стороны германскихъ ученыхъ. Однако, для этого Дельбрюкъ рекомендуетъ имъ отказаться отъ своего родного языка, и писать на одномъ изъ языковъ, получившихъ право гражданства въ науку, т. е. на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или английскомъ. Нисколько не впадая въ излишній патріотизмъ, я думаю, что славянскіе ученые имѣютъ бесспорное право въ своихъ изслѣдованіяхъ пользоваться роднымъ языкомъ. Во времена Добровскаго, Караджича и Шафарика славянская наука, правда, не существовала, и многіе славянскіе языки даже не были выработаны литературно; въ настоящее время, однако, обстоятельства совершенно измѣнились. Славянство обладаетъ литературами, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, русская, польская и чешская получили право гражданства въ Западной Европѣ. Наконецъ, мы можемъ указать на цѣлый рядъ славянъ, труды которыхъ могутъ быть поставлены на ряду съ лучшими работами западно-европейскихъ ученыхъ. Не говоря о чешскихъ ученыхъ, которые часто пишутъ по-нѣмецки, среди русскихъ славистовъ, филологовъ и лингвистовъ, мы можемъ указать на такія имена, какъ А. А. Потебня, О. Е. Коршъ, В. И. Модестовъ, И. В. Цвѣтаевъ, В. В. Латышевъ, А. А. Котларевскій, И. И. Срезневскій, М. С. Дриновъ, Ф. О. Фортунатовъ, А. И. Соболевскій, И. П. Минаевъ, Александръ Цоковъ и многіе другіе.

Слѣдовательно, для славянскихъ ученыхъ нѣтъ никакихъ причинъ отказываться отъ употребленія своего родного, вполне выработаннаго языка и начать писать на чужомъ языкѣ. Не лучше ли было бы, въ такомъ случаѣ, выработать дѣйствительно какой-нибудь нейтральный международный научный языкъ, вродѣ эсперанто или волапюка? А еще не лучше ли было бы нашимъ западно-европейскимъ коллегамъ, кото-

*

рымъ знакомы главнѣйшіе славянскіе языки, внимательнѣе слѣдуетъ на ученой литературѣ на этихъ языкахъ. Въ особенности, это слѣдуетъ рекомендовать лицамъ, работающимъ въ области византиновѣдѣнія и лингвистики. Очень трудно, напримѣръ, если не вовсе невозможно писать въ настоящее время о синтаксисѣ славянскихъ языковъ на основаніи одной книги Миклошича, не будучи знакомымъ съ синтаксическими трудами русскихъ ученыхъ, въ особенности Потебни (см. Archiv f. Slav. Philol. I, 504: Man kann mit vollem Recht als einen sehr wichtigen Beitrag zum vergleichenden Syntax der Slavischen Sprachen nennen das Werk Potebnja's Изъ записокъ и т. д. (Ягичъ, Bibliographische Uebersicht). Очень жаль, что въ настоящее время относительно книги Дельбрюка приходится повторять тоже самое, что почти 20 лѣтъ тому назадъ говорилъ В. И. Ягичъ по поводу книги Юзефа Шмидла Zur Geschichte des indogermanischen Vokalismus (Archiv I, 388—389): „Я наивно съ порицаніемъ, которое я долженъ отнестъ, впрочемъ, не столько лично къ Шмидту, сколько во всемъ не славянскимъ ученнымъ въ области наукъ историко-филологическихъ. Они впрочемъ мало знаютъ о научныхъ заслугахъ славянъ, какъ бы велики онѣ ни были. Я выказываю только чистую правду, если говорю, что г. Шмидтъ изъ всѣхъ живущихъ теперь лингвистовъ обладаетъ самыми основательными свѣдѣніями въ области славянскихъ языковъ, и, однако, какъ оправданы его свѣдѣнія въ соответствующихъ славянскихъ литературахъ!“

Введеніе заканчивается блестящею характеристикой современнаго языковѣдѣнія, представляемаями котораго являются Grundriss Бругманна и книга Пауля Principien (стр. 16—79); стр. 73—88 посвящены взглядамъ самого Дельбрюка на синтаксисъ. Дельбрюкъ мѣходитъ изъ предложенія. Въ опредѣленіи предложенія онъ расходится съ Паулемъ (Principien² 99); именно, онъ не соглашается съ положеніемъ Пауля, что характернымъ признакомъ предложенія является „соединеніе нѣсколькихъ представленій или группъ представленій“ (Paul, l. c.). Дельбрюкъ указываетъ (l. c. 74—75) на то, что есть въ языкѣ такъ называемыя *одночленныя предложенія*, состоящія, напр., изъ междометій, звательныхъ падежей, или такъ называемыхъ безличныхъ глаголовъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, весьма трудно отыскать „die Verbindung mehrerer Vorstellungsgruppen“. Поэтому Дельбрюкъ слѣдующимъ образомъ исправляетъ опредѣленіе Пауля: „Предложеніе есть мысль, выраженная расчлененною рѣчью и являющаяся какъ для говорящаго, такъ и для слушающаго въ видѣ связнаго и законченнаго цѣлаго“ (стр. 75). Слѣдуетъ отмѣнить, что этимъ вопросомъ уже раньше занимались такіе выдающіеся русскіе лингвисты, какъ Потебня и Александръ Поповъ. Последній въ своемъ вышеупомянутомъ трудѣ „Синтаксическія изслѣ-

дованія I^a также говоритъ (стр. 80—81), сослался на Giv. v. d. Gabelentz, *Zeitschrift f. Völkerpsych. u. Sprachw.* VIII, 141—142, объ одночленныхъ, двучленныхъ и трехчленныхъ предложенияхъ, при чемъ, какъ привыкъ одиочленныхъ предложений, приводитъ выраженія: „пора! пожаръ! хорошая стыда!“ и т. п. Другой видъ означенныхъ предложений, по мнѣнію Попова, это, имен. и значит. восклицательные, когда по себѣ или въ соединеніи съ нѣкоторыми частями. (Синтаксическія изслѣдованія I, 80—81, 84—41). Мнѣніе это было очень подробно разобрано Потебней въ сочиненіи Изъ записокъ, стр. 78—81. Потебня ставитъ вопросъ, насколько первообразны такія выраженія: „Въ „хорошо!“ нѣтъ даже имени, говоритъ онъ, а есть нарѣчіе, предполагающее, между прочимъ, столь продолжительные процессы, какъ образование имени и глагола, образованіе средняго рода, раздѣленіе имени на существительное и прилагательное, переходъ связуемаго прилагательнаго, типотѣшаго къ подлежащему, въ нарѣчіе, типотѣющее къ глаголу. Если самое образование таково нарѣчія, какъ я думаю, было возможно только при глаголѣ, то опущеніе глагола при немъ предполагается само собою“ (стр. 79).

Какъ винительный объекта объясняетъ Потебня, вопреки Попову (Синтаксическія изслѣдованія, стр. 41), и *accus. exclamatoris* въ *essam ipsum obviam* (такъ объясняли уже старые грамматика, напр. Kühner, *Ausf. Gram. d. lat. Spr.* II, 208, 3—6; см. также Schmalz, *Lat. Synt.* 2^a Aufl., § 62).

Тѣмъ же, т. е. опущеніемъ глагола, или, лучше сказать, быть можетъ, даже не опредѣленнаго какого-либо глагола (cf. Поповъ, l. c. „при другихъ винительныхъ восклицательныхъ трудно даже опредѣлить, какой глаголъ могъ быть опущенъ“), а „болѣе—менѣе обширнаго лексическаго или грамматическаго разряда глаголовъ“ (Потебня, ф. с. 81) могутъ быть объяснены роц. и дат. восклицательные.

Повидимому, несмотря на новыя разсужденія Дельбрюка, слѣдуетъ остаться на точнѣ мнѣніи Потебни: она болѣе историческая, болѣе соответствуетъ общему ходу развитія языка.

Еще одно замѣчаніе. Пауль (стр. 104; 900) считаетъ такъ называемыя одночленные предложения неполными, а именно предикатами, при которыхъ опущенъ субъектъ. „Если прыжокъ въ Эмилии Галотти Лессинга говоритъ: *Klagen; nichts als Klagen! Bittschaften; nichts als Bittschaften*, то это только предикаты, а субъектомъ служатъ письма, которыя онъ беретъ въ руки“. Дельбрюкъ (стр. 75) рѣшительно отказывается присоединиться къ такому взгляду, потому что „черезъ это въ опредѣленіе субъекта вносится нѣчто такое, что находится внѣ языка“.

Повидимому, истина на сторонѣ Пауля, потому что, если говорить, что первое слово есть уже предложеніе, то подъ этимъ, разумѣется,

воищаютъ не то, что вносить это названіе въ совершенно выработанныхъ формальныхъ языкахъ, а психологическое сужденіе посредствомъ слова. Въ такомъ случаѣ словесное выраженіе получаетъ только представленіе (т. е. въ примѣрѣ Пауля — *Klagen* и *Bittschäften*), которое становится такимъ образомъ предикатомъ къ невыраженному въ словѣ субъекту (=письмо), по формулѣ: письма для принца въ данный моментъ, при данномъ настроеніи, не что иное, какъ жалобы и просьбы (см. Потѣбни; *Мисль и языкъ* 2 стр. 145; *Изъ записокъ* 2 стр. 16—17; 75).

Это имѣетъ значеніе и для первобытнаго языка, и для строго формальныхъ языковъ; орудуетъ только на забывающаго слово Гумбольдта (*Ueber die Verschiedenheit*), что термины „субъектъ, предикатъ“ въ первобытныхъ языкахъ ввѣчать не то же самое, что въ наиболее развитыхъ языкахъ.

Какъ видно, и Дельбрюкъ не даетъ намъ болѣе или менѣе содержательнаго опредѣленія предложенія, и, повиданому, согласенъ съ Паулемъ, который говоритъ, что всякое болѣе узкое опредѣленіе предложенія будетъ недостаточно. Это происходитъ, имѣ кажется, отъ того, что ни Пауль, ни Дельбрюкъ не обращаютъ вниманія на постоянную намѣчивость, гласность языка, при которой мѣняется и форма языка, и его содержаніе. Они хотѣтъ дать такое опредѣленіе, которое бы было правильно не только для всякаго періода одного и того же языка, но и для любого изъ индоевропейскихъ языковъ. Слѣдовательно и теперь еще остается рини desiderium требованіе Потѣбни (*изъ Записокъ* 2, 77) что *исторія языка, взятаго въ значительномъ протяженіи времени, должна давать рядъ опредѣленій предложеній*.

Что касается до грамматическихъ категорій, то основаніемъ дѣленія Дельбрюкъ беретъ употребленіе категорій въ рѣчи. Такимъ образомъ онъ устанавливаетъ слѣдующія категоріи (стр. 78—79):

1) Слова, которыя оставляютъ субстратъ (т. е. субъектъ, объектъ и вообще всѣ отношенія, выражаемыя падежами) сказуемаго (*die Aussage*). Подъ ними Дельбрюкъ понимаетъ существительное въ широкомъ значеніи, мѣстоименія, числительное.

2) Связуемое (*die Aussage*).

3) Атрибутивные слова. Атрибутивное слово, по Дельбрюку, можетъ присоединяться какъ къ существительному, такъ и къ глаголу. Поэтому атрибутомъ можетъ быть и прилагательное и существительное (приложеніе, *Gen.* или *Dat.*); при глаголѣ — предлоги (или, какъ Дельбрюкъ соизвоетъ ихъ называть — *praepositia*) и нарѣчія.

4) Слова соединяющія. Къ нимъ относятся: связка, предлогъ, въ-которныя (Дельбрюкъ не указываетъ, какія именно) частицы соединительнаго характера.

5) Слова *оттѣняющія* (*hervorhehende Wörter*), относительно которыхъ дѣлается ссылка на *Altind. Synt.* 471c.

Дельбрюкъ самъ признаетъ, что дѣленіе это не проведено послѣдовательно, потому что относительно некоторыхъ словъ остается сомнѣніе, къ какой грамматической категоріи имъ слѣдуетъ отнести (напр. отрицанія, частицы сравнительныя). Однако все-таки отдастъ предпочтеніе этому дѣленію предъ всѣми другими. Повидимому, это дѣленіе можетъ возбудить и еще кое-какія сомнѣнія. Главное требованіе легческаго дѣленія таково: члены его должны взаимно исключать другъ друга. Между тѣмъ въ схемѣ Дельбрюка прилагательныя, мѣстоименія и т. п. встрѣчаются въ всѣхъ различныхъ категоріяхъ, и Дельбрюкъ нигдѣ не объясняетъ, какъ это произошло, что слова, несомнѣнно, судя по формѣ, одного происхожденія, въ концѣ концовъ сдѣлались по значенію чуждыми другъ другу. Даже, если бы такая оставлена безъ вниманія историческая точка зрѣнія. Слова, которые въ одномъ періодѣ языка должны быть подведены подъ одну категорію, въ другомъ будутъ принадлежать къ другой. Для примѣра укажу хотя бы на субстантивирваніе прилагательныхъ, образованіе нарѣчій изъ существительныхъ и прилагательныхъ. Въ первомъ, напр., случаѣ слова, бывшія сначала, въ качествѣ прилагательныхъ, атрибутами, при развитіи языка могутъ стать субстратами. Во второмъ случаѣ нарѣчій, въ качествѣ атрибутивныхъ словъ, должны фигурировать въ одной категоріи съ прилагательными и даже существительными, несмотря на совершенно различное образованіе, значеніе и морфологическіе признаки. Для того чтобы могло образоваться нарѣчіе, въ языкѣ долженъ былъ потеряться большіе измѣненія принципа согласованія; см. у Гомера *ἄλλος ὄβρις ἐρβόδη, δολέροι ἀφίχοντο, χρυσοῦς ἔβη, ἄξια κελύφος, εὐρὺ ῥέει* и т. д., см. *Monro, A grammar of the hom. dial.* 2 §§ 133—134; 161.

Наконецъ, предлоги и нарѣчія, которые Дельбрюкъ то соединяетъ въ одну категорію, то разъединяетъ, также принадлежатъ къ двумъ разнымъ періодамъ языка: повидимому, предлогъ, какъ слово строгаго формальное, предполагаетъ нарѣчіе; это доказываются гомеровскіе языкомъ; см. *Monro, A grammar* 2 § 229; cf. *Delbrück, Vergl. Syntax* 1, 536.

Самъ Дельбрюкъ говоритъ о невозможности съ одной стороны сдѣлать точное опредѣленіе нарѣчій, а съ другой — провести рѣзкую границу между нимъ и предлогомъ (с. с.)

Повидимому, схема грамматическихъ категорій, предложенная Дельбрюкомъ, несомнѣнъ удачна. Слѣдуетъ ли изъ этого, что и вообще нужно отказаться отъ подобной попытки въ будущемъ? Совсе нѣтъ, мнѣ кажется. Необходимо только никогда не забывать, что языкъ есть нѣчто постоянно движущееся и измѣняющееся. Въ языкѣ никогда не прекра-

щается дѣятельность: одни явления отмираютъ, на ихъ развалинахъ образуются новыя формы; рядомъ съ новою формою мы можемъ наблюдать переходную, и, какъ анахронизмъ, уже отмирающую. Стало бытъ, всякое опредѣленіе частей рѣчи, какъ выше — предложенія, стремившееся охватить черты, характерныя не только для нѣсколькихъ періодовъ одного и того же языка, но (какъ это дѣлаетъ Пауль и Дельбрюкъ) и для многихъ языковъ, всегда будетъ слишкомъ общимъ, а слѣдовательно и малосодержательнымъ, и всегда будетъ заключать въ себѣ непримиримыя противорѣчія. Необходимо, поэтому, отказаться отъ такихъ общихъ схемъ, усвоить себѣ вышеприведенную точку зрѣнія Мотехни и давать опредѣленіе частей рѣчи (и членовъ предложенія) не только для каждаго отдѣльнаго языка, но и для каждаго періода одного и того же языка.

Въ заключеніе Дельбрюкъ опредѣляетъ кругъ явленій, относящихся къ области синтаксиса. Изъ ученыхъ новаго времени одни понимаютъ подъ синтаксисомъ только ученіе о предложеніи, другіе (какъ Миклошичъ, см. Gram. IV, 1: Jener theil der grammatik, welcher die bedeutung der wortclassen und der wortformen darzulegen hat, heisst syntak) — ученіе о частяхъ рѣчи и отдѣльных формахъ. Дельбрюкъ, признавая, что слово живетъ только въ предложеніи, не считаетъ, однако, возможнымъ останавливаться тамъ, гдѣ съ первымъ разъ встрѣтится съ отдѣльнымъ членомъ предложенія, и поэтому предполагаетъ говорить и о частяхъ рѣчи, и о предложеніи¹⁾. Вообще Дельбрюкъ считаетъ несущественнымъ придерживаться той или другой послѣдовательности въ изложеніи отдѣльных частей синтаксиса: предложенія или частей рѣчи, имени или глагола и т. п. На первомъ работѣ онъ трактуетъ о существительномъ, при чемъ изложено ученіе о родѣ, числѣ и отдѣльных падежахъ; далѣе слѣдуютъ прилагательное, мѣстоименіе, числительное, нарѣчіе, предлогъ. Это замыкается въ первой части. Ученіе о частицахъ предполагаетъ новы изложить въ глаголомъ. Ученіе о союзахъ, что неправильно, Д. откладываетъ до ученія о предложеніи.

Этимъ заканчивается общая часть книги Дельбрюка.

М. Масловъ.

¹⁾ Между прочимъ, очень интересно одно его замѣчаніе (стр. 84): «Правильная систематика состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы каждая вещь встрѣчалась только въ одномъ мѣстѣ».

Исслѣдованіе элементовъ земного магнетизма въ г. Харьковѣ для эпохи 1894 г.

Е. К. ЖИЖНОВСКАГО.

При опредѣленіи элементовъ земного магнетизма я пользовался универсальнымъ магнитометромъ Вильда, работы Брауера. Приборъ помѣченъ № 57. Его круги, горизонтальный и вертикальный, раздѣлены до $10'$, съ помощью же верньеровъ углы отсчитываются съ точностью до $10''$. Для опредѣленія времени мнѣ былъ предоставленъ хронометръ Baugaud № $\frac{2}{958}$, принадлежащій астрономической обсерваторіи Императорскаго Харьковскаго университета. Поправка хронометра и суточный ходъ опредѣлялись на астрономической обсерваторіи.

Наблюденія производились на дворѣ метеорологической станціи университета, на деревяномъ столбѣ, вкопанномъ къ востоку отъ метеорологической будки. Приблизительно въ $12\frac{1}{2}$ метрахъ къ востоку отъ столба находятся ворота съ желѣзными полосами. $\frac{3}{20}$ марта было произведено исслѣдованіе для опредѣленія, вліяютъ ли ворота на магнитъ. Для этого было сдѣлано нѣсколько опредѣленій положенія равновѣсія магнита, при закрытыхъ воротахъ и при открытыххъ. Оказалось, что при открываніи воротъ магнитъ отклоняется къ востоку приблизительно на $20''$. Въ виду незначительности этого вліянія, а равно и потому, что къ западу отъ столба, на разстояніи около 50 метровъ, находятся помѣщенія астрономической обсерваторіи, содержащія желѣзныя массы, мѣсто наблюденія не было измѣнено, но всѣ наблюденія велись при закрытыхъ воротахъ.

Періодъ наблюденій обнимаетъ собою мѣсяцъ мартъ и начало апрѣля. Кромѣ того, будучи въ Харьковѣ въ іюнь мѣсяцѣ, я произвелъ нѣсколько опредѣленій склоненія и наклоненія, которыя также внесъ въ настоящую работу.

При опредѣленіи склоненія мнѣ служилъ мирою крестъ Ивановской церкви, астрономическій азимутъ котораго былъ мною опредѣленъ изъ наблюденій солнца ^{24 марта} _{5 апрѣля} (табл. I, II). Онъ оказался равнымъ

ЮЗ. $82^{\circ}27'47''.5$.

Вслѣдствіе незначительнаго эксцентриситета трубы, а также вслѣдствіе шатанія окулярнаго колѣна, наблюденія производились всегда при одномъ положеніи трубы (разрѣзъ въ объективномъ колѣнѣ книзу) безъ перекладыванія цапфъ. 15/27 марта было произведено опредѣленіе склоненія при различныхъ положеніяхъ трубы (табл. XII). Сравнивая результаты наблюденій въ положеніяхъ *A* и *B* съ соответствующей магнитограммой, я пришелъ къ заключенію, что наблюденіе при положеніи трубы *A* даетъ величину склоненія большую дѣйствительной приблизительно на 15". Поправку—15" я внесъ въ найденныя величины склоненія. Наблюденіе при положеніи трубы *C* дало результатъ мало согласный съ ходомъ магнитограммы и потому не принято во вниманіе. Магнитъ подвѣшивался на четырехъ коконовыхъ нитяхъ, которыя предварительно раскручивались съ помощью мѣднаго груза, формы подобной магниту, при чемъ вращеніемъ круга крученія достигалось, чтобы грузъ въ положеніи равновѣсія устанавливался приблизительно по оси трубы. Въ теченіе всего ряда наблюденій крученіе нѣсколько разъ было провѣрено и исправлено.

Результаты наблюденій выражаются слѣдующей таблицей (табл. III—XVIII) ¹⁾.

Число и мѣсяць.	Время.	Восточное склоненіе.
8/20 марта.	2 ^h 28 ^m	2° 8' 1".2
9/21 марта.	20 ^h 35 ^m	2° 16' 15".0
10/22 марта.	2 ^h 8 ^m	2° 5' 17".5
10/22 марта.	20 ^h 31 ^m	2° 17' 0".0
11/23 марта.	1 ^h 50 ^m	2° 9' 30".0
11/23 марта.	20 ^h 52 ^m	2° 22' 7".5
12/24 марта.	1 ^h 54 ^m	2° 13' 13".8
13/25 марта.	20 ^h 56 ^m	2° 23' 0".0
15/27 марта.	23 ^h 1 ^m	2° 15' 7".5
23 марта/4 апрѣля . . .	3 ^h 55 ^m	2° 8' 20".0
24 марта/5 апрѣля . . .	23 ^h 25 ^m	2° 10' 37".5
26 марта/7 апрѣля . . .	23 ^h 8 ^m	2° 11' 7".5
28 іюня/10 іюля	22 ^h 3 ^m	2° 18' 53".3
29 іюня/11 іюля	21 ^h 42 ^m	2° 18' 36".2
4/16 іюля.	4 ^h 46 ^m	2° 8' 19".1

¹⁾ Какъ въ настоящей таблицѣ, такъ и въ прочихъ часахъ и числахъ мѣсяца ведутся по астрономическому счету, какъ то принято въ опубликованномъ уже трудѣ профес. Н. Д. Пильчикова.

Отсюда находимъ среднее склонение:

$$\begin{array}{ll} \text{около } 21^{\text{h}}.8 & - 2^{\circ}16'37''.0, \\ \text{около } 2^{\text{h}}.8 & - 2^{\circ} 8'46''.9. \end{array}$$

При вычисленіи средней величины наблюденію $13/25$ марта (табл. X) приписанъ вѣсь равный $1/2$.

Сравнивая среднюю величину склоненія для $2^{\text{h}}.8$ съ величиной, найденной проф. Н. Д. Пильчиковымъ въ 1884 г., — $1^{\circ}28'47''.6$ около 1 часа, находимъ для годичнаго измѣненія склоненія

$$- 4'5'';$$

сравнивая же съ числомъ, найденнымъ Смирновымъ въ 1874 г., — $0^{\circ}52'9''$, находимъ годичное измѣненіе склоненія

$$- 3'50''.$$

Проф. Н. Д. Пильчиковъ, сравнивая результаты своихъ наблюденій съ числомъ Смирнова, даетъ для годичнаго измѣненія склоненія

$$- 3'52''^1).$$

Для опредѣленія горизонтальной составляющей силы земного магнетизма наблюдались съ одной стороны время качанія магнита, съ другой углы отклоненія отъ положенія равновѣсія другого, меньшаго, магнита подъ вліяніемъ магнита качаній. Затѣмъ горизонтальная слагающая вычислялась по формулѣ:

$$H = \sqrt{\frac{2\pi^2 N_0(1 + 2et)}{a_0 T_0^2}},$$

гдѣ

$$a_0 = \frac{E_1^5 \sin v_1 - E_2^5 \sin v_2}{E_1^2 - E_2^2} (1 + \mu\tau)(1 + m\tau)$$

и

$$T_0^2 = T^2 \left(1 - \frac{2\alpha^2}{189100000} + \frac{\varphi}{21600 - \varphi} + \frac{2s}{86400} - \mu t \right).$$

Въ этихъ формулахъ принято слѣдующее обозначеніе:

N_0 — моментъ инерціи качающагося магнита при температурѣ 0°C .

T — наблюденное время качанія магнита.

¹⁾ Н. Пильчиковъ. Матеріалы къ вопросу о мѣстныхъ аномаліяхъ земнаго магнетизма, стр. 144.

v_1 и v_2 — углы отклонения при расстояниях E_1 и E_2 между срединами отклоняющего и отклоняемого магнитовъ.

t и τ — температуры при наблюдении надъ качаніями и надъ отклонениями.

α — средняя амплитуда въ минутахъ.

φ — кручение, т. е. уголъ, на который поворачивается магнитъ при закручиваніи нити на 360° , также выраженный въ минутахъ.

s — суточный ходъ хронометра (+ при отставаніи).

μ — температурный коэффициентъ, m и e — коэффициенты расширения латуни и стали.

Такъ какъ α не превосходило $20' - 30'$ и s равнялось $+1^{\cdot}87$, то соответствующія поправки были опущены, какъ не вліяющія на результатъ въ предѣлахъ достижимой точности.

Въ опредѣленіяхъ горизонтальной составляющей $^{12/24}$ марта и $^{16/28}$ марта углы отклонения v_1 и v_2 исправлены на измѣненіе склоненія, при чемъ углу v_1 приписана поправка

$$+ \frac{\varepsilon(n_4 - n_1 + n_8 - n_5)}{4}$$

а углу v_2

$$+ \frac{\varepsilon(n_3 - n_2 + n_6 - n_7)}{4}$$

гдѣ n означаетъ длину ординаты кривой магнитографа въ миллиметрахъ, ε — проводящій множитель, равный $1'$ для магнитографа, работающаго на метеорологической станціи Харьковскаго университета. Для значковъ принятъ порядокъ, въ которомъ обыкновенно велись наблюдения (табл. XXIII, XXVI). Знакъ $+$ соответствуетъ случаю, когда ордината возрастаетъ съ возрастаніемъ склоненія, что имѣло мѣсто для $^{16/28}$ марта, знакъ $-$ соответствуетъ убыванію ординаты съ возрастаніемъ склоненія, что было для $^{12/24}$ марта. Для наблюдения $^{10-11/22-23}$ марта нельзя было найти поправки на измѣненіе склоненія, такъ какъ магнитограмма оказалась весьма неясной.

Для опредѣленія момента инерціи магнита было произведено три ряда наблюдений надъ качаніями магнита съ грузомъ и безъ груза ^{25} марта ^{31} марта и ^{6} апрѣля ^{12} апрѣля (табл. XXX—XXXII, XXXIV—XXXVIII), при чемъ наблюдение надъ качаніемъ безъ груза производилось до и послѣ наблюдения надъ качаніями съ грузомъ и каждый разъ опредѣлялось крученіе. Величина момента инерціи вычислена по формулѣ:

$$N_0 = \frac{R_0 [1 + 2(m' - e)t_1]}{\frac{T_1^2}{T^2} k' [1 + (2e + \mu)(t_1 - t)] - 1}$$

гдѣ

$$k' = 1 + \frac{\varphi_1}{21600 - \varphi_1} - \frac{\varphi}{21600 - \varphi}$$

Въ этой формулѣ R_0 означаетъ моментъ инерціи добавочнаго груза при 0° , буквы со значками относятся къ наблюденію надъ качаніями магнита съ грузомъ. Последнимъ служило имѣющееся при магнитометрѣ кольцо, моментъ инерціи котораго опредѣленъ былъ по формулѣ:

$$R_0 = \frac{Q}{8} (D^2 + d^2),$$

гдѣ Q — вѣсъ кольца, D и d его внѣшній и внутренній діаметры. Кольцо было взвѣшено проф. Н. Д. Пильчиковымъ, діаметры измѣрены В. Н. Деревянко съ помощью дѣлительной машины астрономической обсерваторіи. Найдены величины:

$$\left. \begin{aligned} Q &= 138 \text{ гр. } 5240 \\ D &= 5^{\text{cent.}} 99695 \\ d &= 4^{\text{cent.}} 00305 \end{aligned} \right\} \begin{aligned} &\text{при температурѣ} \\ &+ 19^\circ 3 \text{ С.} \end{aligned}$$

Для N_0 получены слѣдующія значенія:

$$\left. \begin{aligned} \frac{25 \text{ марта}}{6 \text{ апрѣля}} & N_0 = 512 \cdot 0172 \\ \frac{31 \text{ марта}}{12 \text{ апрѣля}} & \left\{ \begin{aligned} N_0 &= 511 \cdot 9831 \\ N_0 &= 512 \cdot 2689 \end{aligned} \right. \\ \text{Среднее } N_0 &= 512 \cdot 0897. \end{aligned}$$

При магнитометрѣ не оказалось приспособленія для нахождения температурнаго коэффициента; поэтому температурный коэффициентъ могъ быть опредѣленъ лишь по методу качаній, что и было выполнено слѣдующимъ образомъ. Магнитъ, подвѣшенный на четырехъ коконовыхъ нитяхъ, идущихъ въ стеклянной трубкѣ, помѣщался въ стаканъ, который въ свою очередь былъ опущенъ въ концентрической съ нимъ стаканъ большаго діаметра. Нити магнита усматривались съ помощью трубы катетометра. Время качаній опредѣлялось при комнатной температурѣ и при температурѣ, близкой къ 0° , что достигалось заполненіемъ про-

странства между стаканами водою со льдомъ¹⁾. Наблюденіе ^{28 марта} _{9 апрѣли} (табл. XXXIX—XLII) дало для μ величину:

$$\mu = 0\cdot0005977,$$

которая вычислена по формулѣ:

$$\mu = \frac{T_1^2 - T_2^2}{t_1 T_1^2 - t_2 T_2^2} - 2e,$$

гдѣ T_1 и T_2 времена одного качанія при температурѣ t_1 и t_2 . Наблюденія были произведены въ помѣщеніи магнито-метеорологическаго кабинета университета. Было обращено вниманіе на то, чтобы магнитныя массы не измѣнили своего расположенія относительно магнита въ теченіе всего ряда наблюденій.

Измѣреніе разстояній между чертами на линейкѣ, служащей для помѣщенія отклоняющаго магнита, произведенное В. Н. Деревянко, дало для E_1 и E_2 слѣдующія величины:

$$\left. \begin{array}{l} E_1 = 30^{\text{cent.}} \cdot 0283 \\ E_2 = 39^{\text{cent.}} \cdot 5283 \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{при температурѣ} \\ + 19\cdot0 \text{ C.} \end{array}$$

Для коэффициентовъ расширенія латуни и стали приняты числа:

$$\begin{array}{l} m = 0\cdot0000188 \\ e = 0\cdot0000121. \end{array}$$

Въ тѣхъ случаяхъ, когда я не имѣлъ возможности произвести полный рядъ наблюденій для опредѣленія горизонтальной слагающей, я пользовался знаніемъ временъ качаній магнита и вычислялъ величину горизонтальной напряженности по формулѣ:

$$H = H' \frac{T_1^2}{T^2} [1 + (2e + \mu)(t - t_1)],$$

гдѣ T — время качанія при температурѣ t , а T_1 , t_1 и H' суть величины, соответствующія нѣкоторому полному наблюденію, принятому за основаніе.

---

¹⁾ Слѣдовало бы, вообще говоря, высушить по возможности воздухъ въ стаканѣ, заключавшемъ магнитъ, во избѣжаніе измѣненію массы магнита вслѣдствіе осажденія водяныхъ паровъ при пониженіи температуръ. Въ данномъ случаѣ однако, какъ показано вычисленіе, несоблюденіе указанной предосторожности не могло оказать существеннаго вліянія на результатъ.

Наблюденія надъ качаніями производились до и послѣ наблюде-
ній надъ отклоненіями. Для полнаго ряда наблюденій я, вслѣдствіе не-
достаточнаго пока навыка, принужденъ былъ употреблять время, зна-
чительно большее того, какое слѣдовало бы затрачивать для большей
точности наблюденій. Чтобы не увеличивать продолжительности наблю-
деній, я ограничивался опредѣленіемъ крученія лишь послѣ второго
наблюденія надъ качаніями. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда при
опредѣленіи горизонтальной слагающей по методу качаній не было из-
мѣрено крученіе, послѣднему приписана средняя величина, такъ какъ
крученіе измѣнялось весьма незначительно.

Результаты наблюденій выражаются слѣдующей таблицей:

Изъ полныхъ наблюденій (табл. XIX—XXVII) найдено:

Число и мѣсяць.	Время.	Горизонтальная слагающая.
10/22 марта	22 ^h .9	0.21550
12/24 марта	3 ^h .5	0.21754
16/28 марта	3 ^h .4	0.21624

Изъ наблюденій надъ качаніями (табл. XXVIII, XXIX, XXX,
XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXVI, XXXVIII):

Число и мѣсяць.	Время.	Горизонтальная слагающая.
18/25 марта	22 ^h .2	0.21582
23 марта/4 апрѣля . .	4 ^h .5	0.21573
25 марта/6 апрѣля . .	0 ^h .2	0.21521
25 марта/6 апрѣля . .	1 ^h .7	0.21524
26 марта/7 апрѣля . .	23 ^h .6	0.21515
31 марта/12 апрѣля . .	2 ^h .2	0.21585
31 марта/12 апрѣля . .	3 ^h .3	0.21524
31 марта/12 апрѣля . .	4 ^h .3	0.21532

При обработкѣ опредѣленій горизонтальной слагающей по методу
качаній за основное принято наблюденіе 16/28 марта, такъ какъ оно
1) произведено въ день, когда, судя по ходу склоненія, можно ожидать
равномѣрнаго измѣненія напряженности; 2) температура при этомъ на-
блюденіи наименѣе отличается отъ температуръ при наблюденіяхъ надъ

качаніями, вслѣдствіе чего вліяніе погрѣшности въ опредѣленіи μ уменьшается. Наблюденіе ¹²/₂₄ марта является исключительнымъ по краткому періоду качаній магнита; оно произведено въ сравнительно неспокойный день и, принятое за основное, даетъ для горизонтальныхъ слагающихъ, опредѣляемыхъ по методу качаній, слишкомъ малую величину, между 0'213 и 0'214.

Изъ полныхъ наблюденій находимъ среднюю величину горизонтальной слагающей:

$$H = 0'21643. \dots \dots \dots (1)$$

Среднее изъ всѣхъ наблюденій:

$$H = 0.21571. \dots \dots \dots (2)$$

Проф. Н. Д. Пильчиковъ для 1884 года нашель:

$$H = 2'0553 \text{ гаус. ед. } ^1), \dots \dots \dots (3)$$

а, на основаніи наблюденій Смирнова, г. Тилло вычислилъ:

$$H = 2'125 \text{ гаус. ед. } ^2). \dots \dots \dots (4)$$

Переходя къ однѣмъ и тѣмъ же единицамъ и сравнивая результаты, находимъ для годовичнаго измѣненія горизонтальной напряженности:

$$\text{изъ (2) и (3)} \quad + 0'01 \text{ гаус. ед.} = + 0'001 \text{ C. G. S.}$$

$$\text{изъ (2) и (4)} \quad + 0'0016 \text{ гаус. ед.} = + 0'00016 \text{ C. G. S.}$$

Для сужденія о степени точности добытыхъ результатовъ я прибавлю, что вычисленіе по способу наименьшихъ квадратовъ погрѣшности въ опредѣленіи продолжительности времени колебаній показало, что вѣроятная погрѣшность вообще заключается между 0'001 и 0'002 сек. Считаю возможнымъ предположить, что погрѣшность въ опредѣленіи угловъ отклоненія не превышала 1'; при установкѣ магнита отклоняющаго я пользовался лупой и потому установка могла быть произведена съ точностью не меньше 0'05 mm. Пользуясь указаніями Г. Вильда ³⁾, я прихожу къ заключенію, что погрѣшность результата должна лежать въ четвертой десятичной, не превышая ± 2 .

Для опредѣленія наклоненія при магнитометрѣ Вильда имѣются двѣ стрѣлки. При работахъ съ той и другой обнаружилось, что только

---

¹⁾ Н. Пильчиковъ. Матеріалы къ вопросу о мѣстныхъ аномаліяхъ земного магнетизма, стр. 148.
²⁾ Тамъ же.
³⁾ Г. Вильдъ. Наставленіе къ производству магнитныхъ наблюденій во время путешествій, стр. 37.

одна даетъ болѣе или менѣе согласные отсчеты при арретированіи и опусканіи на агаты вновь, другая же стрѣлка давала въ этомъ случаѣ разности въ отсчетахъ весьма значительныя, несмотря на тщательное вытираніе агатовъ и цапфъ бузиной сердцевиной. Результатовъ наблюденій съ этой стрѣлкой, какъ не имѣющихъ никакого значенія, я здѣсь не помѣщаю. Наиболѣе удачныя результаты получены при наблюденіяхъ съ первой стрѣлкой $4^{5/16-17}$ апрѣля, $\frac{29-30 \text{ іюня}}{11-12 \text{ іюля}}$ и $4/16$ іюля. При наблюденіи $4^{5/16-17}$ апрѣля я въ отсчетѣ на кругѣ, соответствующемъ положенію магнитнаго меридіана, ошибся на 10° . Ошибка была замѣчена уже по окончаніи наблюденія. Найденная величина наклоненія

$$63^\circ 38' 3'' \cdot 5$$

исправлена по формулѣ:

$$\cotg I = \frac{\cotg i}{\cos a},$$

гдѣ i есть наблюденное наклоненіе въ азимутѣ a , I истинное наклоненіе. Результаты наблюденій выражаются слѣдующей таблицей (табл. XLIII—XLVIII):

Число и мѣсяцъ.	Время.	Наклоненіе.
$5/17$ апрѣля	$0^h \cdot 5$	$63^\circ 16' 54'' \cdot 2$
29 іюня/ 11 іюля	$23^h \cdot 6$	$63^\circ 19' 21'' \cdot 5$
$4/16$ іюля	$7^h \cdot 1$	$63^\circ 12' 3'' \cdot 0$

Неудовлетворительное состояніе инклинатора и зависящая отъ этого трудность ввести надлежащія поправки и произвести изслѣдованіе наклоненія съ болѣею тщательностью не позволяетъ отнестись къ добытымъ результатамъ съ большимъ довѣріемъ. Предлагая желающимъ для сравненія приведенныхъ результатовъ съ полученными И. Смирновымъ и проф. Н. Д. Пильчиковымъ обратиться къ книгѣ послѣдняго „Матеріалы къ вопросу о мѣстныхъ аномаліяхъ земнаго магнетизма“ (стр. 134 и 137), я съ своей стороны прибавлю, что позволить себѣ дѣлать какіе-либо выводы относительно магнитнаго наклоненія на основаніи добытаго матеріала нахожу преждевременнымъ.

Въ заключеніе считаю приятнымъ долгомъ принести глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сочувственно отнесшимся къ намѣченной мною задачѣ и сдѣлавшимъ возможнымъ появленіе въ печати настоящаго скромнаго труда.

ТАБЛИЦЫ.

Определение азимута креста Ивановской церкви.

24 Марта 1894 г.
5 Апрель

Вертикальный кругъ направо.

На какой предмет направлена оптическая ось трубы.	Моменты по хронометру.	Среднее изъ отсчетовъ по верньерамъ горизонтального круга.	Поправка хронометра.	Югъ горизонта.	Ю. З. азимутъ креста Ивановской церкви.
Крестъ					
Правый край солнца	19 ^h 39 ^m 20 ^s .5	222 26' 20" 0			
Лѣвый край солнца	19 41 56.0	261 14 25		82° 01' 36" 7	82° 24' 40" 8
Правый край солнца	19 44 6.0	262 28 17.5		820 1 49.2	82 24 28.3
Лѣвый край солнца	19 46 40.0				
Правый край солнца	19 48 17.0	263 24 55.0	+ 1 ^s 11 ^m 33 ^s .7	820 1 52.0	82 24 25.5
Лѣвый край солнца	19 50 49.8				
Правый край солнца	19 52 57.0	264 34 25.0		820 2 4.4	82 24 13.1
Лѣвый край солнца	19 55 29.3				
Правый край солнца :	19 57 23.0	265 40 50.0		820 2 0.9	82 24 16.6
Лѣвый край солнца	19 59 53.4	222 26 16.0			
Крестъ					

Вертикальный кругъ налѣво.

На какой предметъ направлена оптическая ось трубы.	Моменты по хронометру.	Среднее изъ отсчетовъ по верньерамъ горизонтальнаго круга.	Поправка хронометра.	Югъ горизонта.	Ю. З. азимутъ креста Ивановской церкви.
Крестъ		221°57'10"0			
Правый край солнца	20 36 48.9	95 35 55.0		189°26'19"4	82°30'49"4
Лѣвый край солнца	20 39 13.0				
Центръ край солнца	20 41 28.0	96 55 15.0		189 25 54.2	82 31 14.6
Лѣвый край солнца	20 43 51.7				
Правый край солнца	20 45 57.0		+ 1"11"98.7	189 26 8.6	82 31 0.2
Лѣвый край солнца	20 48 20.0				
Правый край солнца	20 50 28.0	99 30 50.0		189 25 46.9	82 31 21.9
Лѣвый край солнца	20 52 50.9				
Правый край солнца	20 54 20.0	100 38 50.0		189 25 44.7	82 31 24.1
Лѣвый край солнца	20 56 41.2				
Крестъ		221 57 7.5			

Средняя величина азимута креста Ивановской церкви ЮЗ 82°27'47"5.

Определение склонения.

8 Марта 1894 г.
20

Намеченная сторона магнита обращена	На какой предмет на- правлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерамъ горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Къ низу	Мира	138° 10' 50"	318° 10' 50"	2 ^h 22 ^m
Къ верху	Нити	52 55 20	282 55 10	2 34
	Нити	52 47 50	282 47 30	
	Мира	138 11 10	313 11 5	

Магнитный азимуть миры ЮЗ . . . . . 80° 19' 31" 3

Астрономическій азимуть миры ЮЗ . . . . . 82° 27' 48" 5

Склонение восточное . . . . . 2° 8' 16" 2

Поправка . . . . . — 15"

Исправленное склонение . . . . . 2° 8' 1' 2 — 2^h 28^m

Определение склонения

9
21 Марта 1894 г.

Намеченная сторона магнита обращена	На какой предмет направлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерам горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Къ низу	Мира	190° 33' 30"	310° 33' 30"	20 ^h 32 ^m
Къ верху	Нити	50 26 0	230 25 50	
	Нити	50 18 40	230 18 20	20 38
	—	—	—	

Магнитный азимутъ мира ЮЗ . . . . . 80° 11' 17" 5
 Астрономическій азимутъ мира ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5
 Склонение восточное . . . . . 2° 16' 30"
 Поправка . . . . . — 15"
 Исправленное склонение . . . . . 2° 16' 15" — 20^h 35^m

Примечаніе. Снѣгъ не позволилъ сдѣлать вторичнаго наведенія трубы на миръ.

Определение склонения

10 Марта 1894 г.
23

Названная сторона магнита обращена	На какой предмет направлена оптическая ось трубы.	Отсчет по верньерам горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Къ низу	Мира	12° 44' 10"	192° 44' 15"	2 ^h 3 ^m
Къ верху	Нити	292 24 5	112 24 15	2 12 ^s
	Нити	292 19 20	112 19 25	
	Мира	12 43 50	192 43 50	

Магнитный азимуть мира ЮЗ . . . . . 80° 22' 15"

Астрономической азимуть мира ЮЗ . . . . . 82° 27' 47^s 5

Склонение восточное . . . . . 2° 5' 32^s 5

Поправка . . . . . — 15"

Исправленное склонение . . . . . 2° 5' 17^s 5 — 2^h 8^m

Определение склонения

10
21 Марта 1894 г.

Найденная сторона мыльца. обращения	На какой предметъ на- правлена оптическая ось — трубок.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Кънизу	Мира	133°16'10"	313°16'20"	20 ^h 26 ^m
Къверху	Нити	58 9 0	233 8 55	20 36
	Нити	58 2 30	233 2 15	
	Мира	133 16 10	313 16 10	

Магнитный азимуть миры ЮЗ . . . . . 80°10'32" 5

Астрономическій азимуть миры ЮЗ . . . . . 82°27'47" 5

Склонение восточное . . . . . 2°17'15"

Поправка . . . . . — 15"

Исправленное склонение . . . . . 2°17' 0" — 20' 31^m

Определение склонения

11 ¹¹/₂₃ Марта 1894 г.

Замеченная сторона — магнита обращена	На какой предметъ на- правлена оптическая ось — трубы.	Отсчета по верньерамъ горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
	Мира	133° 16' 0"	313° 16' 0"	
Кънизу	Нити	52 59 0	232 59 0	1 ^h 45 ^m
Къверху	Нити	52.57 40	232 57 30	1 55.5
	Мира	133 16 40	313 16 40	

Магнитный азимуть мирн ЮЗ . . . . . 80° 18' 2".5

Астрономической азимуть мирн ЮЗ . . . . . 82° 27' 47".5

Склонение восточное . . . . . 2° 9' 45"

Поправка . . . . . — 15"

Исправленное склонение . . . . . 2° 9' 30" — 1^h 50^m

Определение склонения.

11
23
Марта 1894 г.

Наибольшая сторона магнита обращена	На какой предмет направлена оптическая ось трубы.	Осчеты по верньеру горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Мира	Мира	131° 21' 80"	311° 21' 30"	
Къ низу	Нити	51 17 5	231 17 0	20 ^h 48 ^m
Къ верху	Нити	51 16 10	231 16 5	20 55
	Мира	131 21 80	311 21 30	

Магнитный азимутъ мира ЮЗ . . . . . 80° 5' 25"

Астрономическій азимутъ мира ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5

Склонение восточное . . . . . 2° 22' 22" 5

Поправка . . . . . — 15"

Исправленное склонение . . . . . 2° 22' 7" 5 — 20^h 52^m

Определение склонения

12
24. Марта 1894 г.

Намеченная сторона магнита обращена	На какой предмет направлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерам горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
	Мира	131°22'25"	311°22'25"	
Къ низу	Нити	51 8 20	231 8 10	1 ^h 47 ^m
Къ верху	Нити	51 7 50	231 7 40	1 52
Къ верху	Нити	51 8 10	231 8 0	1 56.5
Къ верху	Нити	51 7 35	231 7 25	2 1
	Мира	131 22 0	311 22 0	

Магнитный азимутъ мира ЮЗ . . . . . 80°14'18"7

Астрономическій азимутъ мира ЮЗ . . . . . 82°27'47".5

Склонение восточное . . . . . 2°13'28"8

Поправка . . . . . — 15"

Исправленное склонение . . . . . 2°13'13"8 — 1'54"

Примѣчаніе. Магнитъ не спокоевъ.

Определение склонения

18
25
Марта 1894 г.

Названная сторона магнита обращена	На какой предмет на- правлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерамъ горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Къ низу	Мира	128° 51' 10"	308° 51' 0"	20 ^h 59 ^m
Къ верху	Нити	48 47 40	228 47 40	20 59
	Нити	48 46 40	228 46 40	
	Мира	128 52 20	308 52 20	

Магнитный азимутьъ мира ЮЗ . . . . . 80° 4' 32" 5

Астрономическій азимутьъ мира ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5

Склонение восточное . . . . . 2° 23' 15"

Поправка . . . . . — 15"

Исправленное склонение . . . . . 2° 23' 0" — 20^h 56^m

Определение склонения

15
27
Марта 1894 г.

Намеченная сторона магнита обращена	На какой предметъ на- правлена оптический ось трубы.	Отсчеты по верньерамъ горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Мира	Мира	138° 4' 50"	313° 4' 40"	22 ^h 58 ^m
Къ низу	Нити	52 54 5	282 54 5	23 4
Къ верху	Нити	52 50 30	282 50 20	
	Мира	133 4 40	313 4 30	

Магнитный азимутъ миры ЮЗ . . . . . 80°12'25"
 Астрономическій азимутъ миры ЮЗ . . . . . 82°27'47"
 Склонение восточное . . . . . 2°15'22"
 Поправка . . . . . — 15"
 Исправленное склонение) . . . . . 2°15' 7"5 — 23^h 1^m

Определение склонения при различных положениях трубы

15
27
Марта 1894 г.

Положение трубы.	А. Обыкновенно, какъ при вѣхѣхъ произведенныхъ наблюдений.	В. Цифры переложены на подставкахъ, окуляръ въ предметъ положенъ, труба наклонна къ горизонту.	С. Цифры въ положеніи В, окуляръ повернутъ, труба горизонтальна.	
На какой предметъ направ. оптическая ось трубы.	Намѣченная сторона магн. обращ.	Среднее изъ отсчетовъ по верньерамъ горн. зонтального круга.	Намѣченная сторона магн. обращ.	Среднее изъ отсчетовъ по верньерамъ горн. зонтального круга.
Мира	223° 4' 45"	222° 59' 25"		223° 0' 50"
Нити	142 54 5	142 48 42.5	Къ низу . .	142 41 10
Нити	142 50 25	142 45 25	Къ низу . .	142 43 25
Мира	223 4 35	222 59 32.5		223 0 45
Склонение восточн.	2° 15' 22" 5	2° 12' 52" 5		2° 10' 47" 5
Время	23 ^h 1 ^m	23 ^h 24 ^m		28 ^h 46 ^m

~~Определение склонения~~

Определение склонения

28 Марта 1894 г.
4 Апреля

Названная сторона магнита обращена	На какой предмет направлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерам горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Къверху	Мира	130° 28' 50"	310° 28' 50"	3 ^h 51 ^m
Кънизу	Нити	50 9 20	290 9 10	3 59
	Нити	50 9 40	290 9 40	
	Мира	190 28 40	810 28 40	

Магнитный азимутъ мира ЮЗ . . . . . 80° 19' 12" 5
 Астрономическій азимутъ мира ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5

Склонение восточное . . . . . 2° 8' 35"
 Поправка . . . . . — 15"
 Исправленное склонение . . . . . 2° 0' 32" 0"
 — 3^h 55^m

Определение склонения

24 Марта 1894 г.
5 Апрель

Найбъльшая сторона магнита обращена	На какой предмет направлена оутическая ось трубы.	Отсчеты по вертикальнъ горизонтальнаго круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Къ низу	Мира	132° 16' 15"	312° 16' 0"	23 ^h 16 ^m 5
	Нити	51 58 10	281 58 0	23 33
Къ верху	Нити	52 0 25	232 0 10	
	Мира	132 16 10	312 16 0	

Магнитный азимуть миры ЮЗ . . . . . 80° 16' 55"

Астрономическій азимуть миры ЮЗ . . . . . 82° 27' 47^m 5

Склонение восточное . . . . . 2° 10' 52^m 5

Поправка . . . . . — 15"

Исправленное склонение . . . . . 2° 10' 37^m 5 — 23^h 25^m

Определение склонения

26 Марта 1894 г.
7. Апреля

Намеченная сторона магнитная обращена	На какой предмет направлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерам горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
Мира	Мира	127° 51' 35"	307° 51' 30"	
Къ низу	Нити	47 32 40	227 32 25	23 ^h 4 ^m
Къ верху	Нити	47 37 30	227 37 20	28 11.5
	Мира	127 51 20	307 51 10	

Магнитный азимутъ мирн ЮЗ . . . . . 80° 16' 25"
 Астрономическій азимутъ мирн ЮЗ . . . . . 82° 27' 47"
 Склонение восточное . . . . . 2° 11' 22"
 Поправка . . . . . — 15"
 Исправленное склонение . . . . . 2° 01' 7" — 23^h 8^m

Определение склонения

28 Июля 1894 г.
10 Июля

Наименная сторона магнита обращена	На какой предметъ из- правлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Время отсчета.
		I	II.	
	Мера	133° 28' 10"	313° 28' 10"	
Къ верху	Нити	58 32 30	288 32 30	21 ^h 49 ^m
Къ низу	Нити	58 7 40	288 7 30	21 17
Къ низу	Нити	58 7 40	288 7 30	22 0
Къ верху	Нити	58 30 40	288 30 40	22 6.5
Къ верху	Нити	58 30 30	288 30 30	22 9
Къ низу	Нити	58 8 10	288 8 10	22 16.5
	Мера	133 28 5	313 28 10	

Магнитный азимутъ магниты ЮЗ . . . . . 80° 8' 39" 2
 Астрономической азимутъ магниты ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5
 Склонение восточное . . . . . 2° 19' 8" 3
 Поправка . . . . . — 15"
 Исправленное склонение . . . . . 2° 18' 53" 3 — 22^h 3^m

Определение склонения

29 Июля 1894 г.
11 Июля

Намѣченная сторона магнита обращена	На каждой предметъ направлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
	Мира	180° 16' 30"	810° 16' 40"	21 ^h 39 ^m
Къ впазу	Нити	49 55 80	229 55 40	21 45
Къ верху	Нити	50 19 40	230 19 30	
	Мира	180 16 26	810 16 30	

Магнитный азимуть мира ЮЗ . . . . . 80° 8' 56" 3

Астрономический азимуть мира ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5

Склонение восточное . . . . . 2° 18' 51" 2

Исправленіе . . . . . — 16"

Исправленное склонение . . . . . 2° 18' 36" 2 — 21^h 42^m

Определение склонения

4
16
Июля 1894 г.

Цифровая сторона магнита обращена	На какой предмет направлена оптическая ось трубки.	Отсчеты по верньерам горизонтального круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
	Мира	139° 42' 0"	819° 42' 10"	
Къ низу	Нити	59 9 30	289 9 20	4 ^h 39 ^m
Къ верху	Нити	59 36 30	289 36 20	4 45
Къ верху	Нити	59 35 55	289 35 50	4 49
Къ верху	Нити	59 35 50	289 35 40	4 52
	Мира	139 41 45	819 41 50	

Магнитный азимутъ мира ЮЗ . . . . . 80° 19' 13" 4
 Астрономическій азимутъ мира ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5
 Склонение восточное . . . . . 2° 8' 34" 1
 Поправка . . . . . — 15"
 Исправленное склонение . . . . . 2° 8' 19" 1 — 4 46^m

Определение горизонтальной составляющей

10—14 Марта 1894 г. 21°3 — 0°5
22—23

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по ژрилометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	20 ^h 6 ^m 14 ^s .4	100	20 ^h 14 ^m 26 ^s .5	8 ^m 11 ^s .1	4 ^h 9 ^m 11 ^s
1	20 6 19.2	101	20 14 30.8	8 11.1	4 9 11
2	20 6 24.1	102	20 14 35.2	8 11.1	4 9 11
3	20 6 28.7	103	20 14 40.1	8 11.4	4 9 14
4	20 6 33.5	104	20 14 45.1	8 11.6	4 9 16
5	20 6 38.2	105	20 14 49.6	8 11.4	4 9 14
6	20 6 43.2	106	20 14 54.5	8 11.3	4 9 13
7	20 6 48.1	107	20 14 59.2	8 11.1	4 9 11
8	20 6 52.5	108	20 15 4.2	8 11.7	4 9 17
9	20 6 57.5	109	20 15 9.1	8 11.6	4 9 16
10	20 7 2.4	110	20 15 14.0	8 11.6	4 9 16
11	20 7 7.2	111	20 15 18.5	8 11.3	4 9 13
12	20 7 12.2	112	20 15 23.3	8 11.1	4 9 11
13	20 7 17.1	113	20 15 28.2	8 11.4	4 9 14
14	20 7 21.7	114	20 15 33.1	8 11.4	4 9 14
15	20 7 26.6	115	20 15 38.1	8 11.5	4 9 15
16	20 7 31.3	116	20 15 42.6	8 11.3	4 9 13
17	20 7 36.2	117	20 15 47.4	8 11.2	4 9 12
18	20 7 41.1	118	20 15 52.2	8 11.4	4 9 14
19	20 7 45.6	119	20 15 57.1	8 11.5	4 9 15
20	20 7 50.2	120	20 16 2.1	8 11.9	4 9 19
21	20 7 55.2	121	20 16 6.6	8 11.4	4 9 14

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 9^m 13^s
Температура . . . . . —2.6 C.

Определение горизонтальной составляющей

10—11 Марта 1894 г.
22—28

(Продолжение)

Наблюдение надъ отклоненіемъ.

Расстояние между магнитами	Порядокъ наблюдений.	Отклоняющій магнитъ или къ З. или къ В.	Сѣверный полюсъ отклоненъ къ В или къ З.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.	
				I.	II.
E ₁	1	З.	В.	33° 9' 10"	213° 9' 10"
	4	З.	В.	72 36 30	252 36 10
	5	В.	В.	72 23 66	252 28 35
	8	В.	В.	32 55 0	212 54 50
E ₂	2	З.	З.	44 28 0	224 28 0
	3	З.	В.	61 30 45	241 30 30
	6	В.	В.	61 13 50	241 18 40
	7	В.	З.	44 15 0	224 15 0

Температура отклоняющаго магнита . . . . . — 23 С.
Углы отклоненія: $\alpha_1 = 19^{\circ}44'0''$, $\alpha_2 = 8^{\circ}27'30''$.

Определение горизонтальной составляющей

10—11 Марта 1894 г.
22—23

(Окончание).

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Времи 100 качаній.	Время одного качанія.
0	23 ^h 8 ^m 9 ^s .2	100	23 ^h 16 ^m 20 ^s .3	8 ^m 11 ^s .1	4 ^h 9 ^m 11 ^s
1	23 8 14.1	101	23 16 26.1	8 12.0	4 9 20
2	23 8 18.6	102	23 16 30.0	8 11.4	4 9 14
3	23 8 23.3	103	23 16 35.6	8 12.3	4 9 23
4	23 8 27.5	104	23 16 39.6	8 12.1	4 9 21
10	23 8 52.5	110	23 17 4.5	8 12.0	4 9 20
11	23 8 57.2	111	23 17 8.5	8 11.3	4 9 13
12	23 9 2.1	112	23 17 14.2	8 12.1	4 9 21
13	23 9 7.0	113	—	—	—
14	23 9 11.7	114	23 17 24.0	8 12.3	4 9 23
15	23 9 16.6	115	—	—	—
16	23 9 21.5	116	23 17 33.5	8 12.0	4 9 20
17	23 9 26.1	117	23 17 37.2	8 11.1	4 9 11
18	23 9 31.1	118	23 17 43.1	8 13.0	4 9 20
19	23 9 35.6	119	23 17 47.0	8 11.6	4 9 16

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 9^m 17^s
 Температура . . . . . — 1.5 C.
 Крученіе . . . . . 28^h 45^m
 Горизонтальная составляющая 0.21150 C. G. S.

Определение горизонтальной составляющей

12
24 Марта 1894 г. 2^h 5^m — 4^s 4

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	1 ^h 16 ^m 49 ^s	100	1 ^h 24 ^m 53 ^s 70	8 ^m 9 ^s 1	4 ^s 891
1	1 16 43.5	101	1 24 57.5	8 9.0	4 890
2	1 16 53.5	102	1 25 2.2	8 8.7	4 887
3	1 16 58.2	103	1 25 7.2	8 9.0	4 890
6	1 17 12.6	106	1 25 21.5	8 8.9	4 889
7	1 17 17.5	107	1 25 26.2	8 8.7	4 887
8	1 17 22.2	108	1 25 31.0	8 8.8	4 888
9	1 17 27.1	109	1 25 35.7	8 8.6	4 886
10	1 17 31.6	110	1 25 40.6	8 9.0	4 890
11	1 17 36.5	111	1 25 45.5	8 9.0	4 890
12	1 17 41.2	112	1 25 50.3	8 9.1	4 891
13	1 17 46.2	113	1 25 55.0	8 8.8	4 888
14	1 17 50.8	114	1 26 0.0	8 9.2	4 892
15	1 17 55.7	115	1 26 4.6	8 8.9	4 889
16	1 18 0.6	116	1 26 9.5	8 8.9	4 889
17	1 18 5.5	117	1 26 14.2	8 8.7	4 887

Среднее время одного качанія . . . . . 4^s 890

Температура . . . . . +2° 4^c.

Определение горизонтальной слагающей

12
24
Марта 1894 г.

(Продолжение).

Наблюдение надъ отклоненіемъ.

Расстояние между магнитами.	Порядокъ наблюдений.	Отклоняющій магнитъ или къ З. или къ В.	Сѣверный полюсъ отклоняющ. магн. къ В или къ З.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Ориентъ кривоугольника въ томъ числѣ по времени.
				I.	II.	
E ₁	1	З.	З.	31°24'40"	211°24'45"	107
	4	З.	В.	70 35 15	250 35 15	99.9
	5	В.	В.	70 39 25	250 39 20	9.4
	8	В.	З.	31 16 5	211 16 5	87
E ₂	2	З.	З.	42 28 55	222 28 50	105
	3	З.	В.	59 19 40	239 19 40	10.4
	6	В.	В.	59 18 15	239 18 20	8.9
	7	В.	З.	42 28 40	232 28 35	87

Температура отклоняющаго магнита . . . . . + 3.6 С.

Уголъ отклоненія . . . . . $\vartheta_1 = 19^{\circ}38'27''5$ Уголъ отклоненія . . . . . $\vartheta_2 = 8^{\circ}25'6''9$

Поправка на измѣненіе склоненія . . . . . $- 22''5$ Поправка на измѣненіе склоненія . . . . . $- 4''5$

Исправленный уголъ отклоненія . $\vartheta_1 = 19^{\circ}38' 5''$ Исправленный уголъ отклоненія . . $\vartheta_2 = 8^{\circ}25'2''4$

Определение горизонтальной слагающей

12
24
Марта 1894 г.

(Окончание).

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	3 ^h 3 ^m 37 ^s 5	100	3 ^h 11 ^m 44 ^s 5	8 ^m 7 ^o 0	4 ^h 57 ^o 0
6	3 4 6 ¹	106	3 12 12 ⁹	8 6 ⁸	4 868
7	3 4 10 ⁶	107	3 12 17 ⁵	8 6 ⁹	4 869
8	3 4 15 ⁵	108	3 12 22 ⁵	8 7 ⁰	4 870
9	3 4 20 ²	109	3 12 27 ¹	8 6 ⁹	4 869
10	3 4 25 ¹	110	3 12 32 ⁰	8 6 ⁹	4 869
11	3 4 29 ⁷	111	3 12 36 ⁵	8 6 ⁸	4 868
12	3 4 34 ⁶	112	3 12 41 ⁵	8 6 ⁹	4 869
13	3 4 39 ⁵	113	3 12 46 ¹	8 6 ⁶	4 866
14	3 4 44 ²	114	3 12 51 ¹	8 6 ⁹	4 869
15	3 4 48 ⁷	115	3 12 55 ⁶	8 6 ⁹	4 869
16	3 4 53 ⁷	116	3 13 0 ⁵	8 6 ⁸	4 868
17	3 4 58 ⁵	117	3 13 5 ¹	8 6 ⁶	4 866
18	3 5 3 ⁴	118	3 13 10 ²	8 6 ⁸	4 868
19	3 5 8 ²	119	3 13 14 ⁶	8 6 ⁴	4 864

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 868ⁱ

Температура . . . . . +2° 3° C

Крученіе . . . . . 30° 32° 5

Горизонтальная слагающая . . . . . 0° 2175⁴ C.G.S.

Определение горизонтальной составляющей

$\frac{16}{28}$ Марта 1894 г. 2^h 3—4^h

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	1 ^h 7 ^m 45 ^s 2	100	4 ^h 15 ^m 36 ^s 2	8 ^m 11 ^s 0	4 ^h 9 ^m 10
1	1 7 50.0	101	1 16 0.0	8 10.5	4 905
2	1 7 54.6	102	1 16 5.0	8 11.3	4 913
3	1 7 59.5	103	1 16 10.3	8 10.7	4 907
4	1 8 4.5	104	1 16 15.5	8 11.0	4 910
5	1 8 9.0	105	1 16 20.0	8 11.0	4 910
6	1 8 14.2	106	1 16 25.0	8 10.8	4 908
7	1 8 18.6	107	1 16 29.5	8 10.9	4 909
8	1 8 23.5	108	1 16 34.4	8 10.9	4 909
9	1 8 28.5	109	1 16 39.1	8 10.6	4 908
10	1 8 33.5	110	1 16 44.2	8 10.7	4 907
11	1 8 38.0	111	1 16 48.4	8 10.4	4 904
12	1 8 43.1	112	1 16 54.0	8 10.9	4 909

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 908.2

Температура . . . . . +7.1 С.

Определение горизонтальной составляющей

16
21 Марта 1894 г.

(Продолжение).

Наблюдение надъ отклоненіемъ.

Расстояние между магнитами.	Порядокъ наблюденія.	Отменяющій магнитъ къ В. или къ З.	Свѣрнутый полюсъ отклоненія къ В. или къ З.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Время отсчета.	Ординаты прямой магнитографа въ шт.
				I.	II.		
E ₁	1	З.	В.	72° 5' 10"	1252° 5' 10"	2 ^h 53 ^m	1·8
	4	З.	З.	88 9 40	218 9 40	3 21	2·8
	5	В.	З.	92 56 10	212 56 0	3 31·5	3·2
	8	В.	В.	72 1 0	252 0 50	3 54	3·8
E ₂	2	З.	В.	60 53 40	240 53 80	3 3	1·9
	3	З.	З.	44 15 35	224 15 25	3 11	2·3
	6	В.	З.	44 11 30	224 11 80	3 37·5	3·5
	7	В.	В.	61 0 0	241 0 0	3 46	3·7

Температура отклоняющаго магнита . . . . . +9·6 С.

Уголь отклоненія . . . . . $v_1 = 19^{\circ}30' 5''$ Уголь отклоненія . . . . . $v_2 = 8^{\circ}21'38''$
 Поправка на измененіе склоненія . . . . . $- 24'' \vartheta$ Поправка на измененія склоненія . . . . . $- 9''$
 Исправленный уголь отклоненія . $v_1 = 19^{\circ}29'41''$ Исправленный уголь отклоненія . $v_2 = 8^{\circ}21'29''$

Определение горизонтальной составляющей

16 Марта 1894 г.
28

(Окончание).

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	3 ^h 0 ^m 11 ^s .5	100	3 ^h 8 ^m 25 ^s .5	8 ^m 14 ^s 0	4 ^h 940
1	3 0 16.2	101	3 8 30.2	8 14.0	4 940
2	3 0 21.2	102	3 8 35.2	8 14.0	4 940
3	3 0 26.1	103	3 8 40.0	8 13.9	4 939
4	3 0 31.1	104	3 8 45.0	8 13.9	4 939
5	3 0 36.1	105	3 8 49.5	8 13.4	4 934
6	3 0 40.6	106	3 8 54.5	8 13.9	4 939
—	—	—	—	—	—
8	3 0 50.5	108	3 9 4.2	8 13.7	4 937
9	3 0 55.1	109	3 9 8.6	8 13.5	4 935
—	—	—	—	—	—
12	3 1 5.1	112	3 9 18.5	8 13.4	4 934
13	3 1 9.7	113	3 9 23.4	8 13.7	4 937
14	3 1 14.5	114	3 9 28.5	8 14.0	4 940
15	3 1 19.5	115	3 9 33.5	8 14.0	4 940
16	3 1 24.2	116	3 9 38.1	8 13.9	4 939

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 938.1
 Температура . . . . . +7.3 C.
 Крученіе . . . . . 32' 45"
 Горизонтальная составляющая . . . . . 0^h 21 624 C.G.S.

Наблюденіе надъ качаніемъ магнита

13
25
Марта 1894 г.

№ качанія.	Моменты совпаденія витей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія витей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	20 ^h 56 ^m 41 ^s .4	100	21 ^h 4 ^m 53 ^s .2	8 ^m 11 ^s .8	4 ^g 918
1	20 56 46.1	101	21 4 58.2	8 12.1	4 921
2	20 56 51.1	102	21 5 2.6	8 11.5	4 915
3	20 56 55.7	103	21 5 7.7	8 12.0	4 920
4	20 57 0.7	104	21 5 12.5	8 11.8	4 918
5	20 57 5.5	105	21 5 17.5	8 12.0	4 920
6	20 57 10.2	106	21 5 22.1	8 11.9	4 919
7	20 57 15.2	107	21 5 27.1	8 11.9	4 919
8	20 57 20.1	108	21 5 31.6	8 11.5	4 915
9	20 57 24.6	109	21 5 36.6	8 12.0	4 920
10	20 57 29.5	110	21 5 41.2	8 11.7	4 917
11	20 57 34.5	111	21 5 46.4	8 11.9	4 919
12	20 57 39.2	112	21 5 51.0	8 11.8	4 918
13	20 57 44.1	113	21 5 56.0	8 11.9	4 919
14	20 57 49.1	114	21 6 0.5	8 11.4	4 914
15	20 57 53.5	115	21 6 5.5	8 12.0	4 920

Среднее время одного качанія . . . . . 4^g 91825 -

Температура . . . . . +0.8 C.

Определение склонения

29 Июни 1894 г.
11 Июли

Намѣченная сторона направления	На какой предмет на- правлена оптическая ось трубы.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
	Мира	150° 16' 30"	810° 18' 40"	
Къ низу	Нити	49 56 80	229 55 40	21 ^h 39 ^m
Къ верху	Нити	50 19 40	230 19 30	21 45
	Мира	180 16 25	310 16 30	

Магнитный азимуть мира ЮЗ . . . . . 80° 8' 56" 3
 Астрономическій азимуть мира ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5
 Склонение восточное . . . . . 2° 18' 51" 2
 Иправка . . . . . — 16"
 Исправленное склонение . . . . . 2° 18' 36" 2 — 21^h 42^m

Определение склонения

4
16
Июля 1894 г.

Цифровая сторона магнита обращена	На какой предмет на- правлена оптическая ось трубы	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Время отсчета.
		I.	II.	
	Мира	199° 42' 0"	319° 42' 10"	
Къ низу	Нити	59 9 80	289 9 20	4 ^h 39 ^m
Къ верху	Нити	59 36 80	289 36 20	4 45
Къ верху	Нити	59 35 55	289 35 50	4 49
Къ верху	Нити	59 35 50	289 35 40	4 52
	Мира	199 41 45	319 41 50	

Магнитный азимуть миры ЮЗ . . . . . 80° 19' 15" 4
 Астрономическій азимуть миры ЮЗ . . . . . 82° 27' 47" 5
 Склонение восточное . . . . . 2° 8' 34" 1
 Поправка . . . . . — 15"
 Исправленное склонение . . . . . 2° 8' 19" 1 — 4' 46"^m

Определение горизонтальной составляющей

10—11 Марта 1894 г. 21^h 3 — 0^m 5
22—23

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	20 ^h 6 ^m 14 ^s 4	100	20 ^h 14 ^m 25 ^s 5	8 ^m 11 ^s 1	4 ^m 9 ^s 11
1	20 6 19 2	101	20 14 30 8	8 11 1	4 9 11
2	20 6 21 1	102	20 14 35 2	8 11 1	4 9 11
3	20 6 28 7	103	20 14 40 1	8 11 4	4 9 14
4	20 6 33 5	104	20 14 45 1	8 11 6	4 9 16
5	20 6 38 2	105	20 14 49 6	8 11 4	4 9 14
6	20 6 43 2	106	20 14 54 5	8 11 5	4 9 13
7	20 6 48 1	107	20 14 59 2	8 11 1	4 9 11
8	20 6 52 5	108	20 15 4 2	8 11 7	4 9 17
9	20 6 57 5	109	20 15 9 1	8 11 6	4 9 16
10	20 7 2 4	110	20 15 14 0	8 11 6	4 9 16
11	20 7 7 2	111	20 15 18 5	8 11 3	4 9 13
12	20 7 12 2	112	20 15 23 3	8 11 1	4 9 11
13	20 7 17 1	113	20 15 28 2	8 11 4	4 9 14
14	20 7 21 7	114	20 15 33 1	8 11 5	4 9 15
15	20 7 26 6	115	20 15 38 1	8 11 3	4 9 13
16	20 7 31 3	116	20 15 43 0	8 11 2	4 9 12
17	20 7 36 2	117	20 15 47 4	8 11 1	4 9 11
18	20 7 41 1	118	20 15 52 2	8 11 5	4 9 15
19	20 7 45 6	119	20 15 57 1	8 11 9	4 9 19
20	20 7 50 2	120	20 16 2 1	8 11 4	4 9 14
21	20 7 55 2	121	20 16 6 0	8 11 4	4 9 14

Среднее время одного качанія . . . . . 4^m 9^s 13^s
Температура . . . . . —2^m 6^s С.

Определение горизонтальной составляющей

10—11 Марта 1894 г.
23—28

(Продолжение).

Наблюдение надъ отклоненіемъ.

Расстояние между магнитами	Порядокъ наблюдений.	Отклоняющій магнитъ къ В или къ З.	Свѣрный полюсъ отклоняющ. магн. къ В или къ З.	Отсчеты по нивелирамъ горизонтальнаго круга.	
				I.	II.
E ₁	1	З.	З.	39° 9' 10"	219° 9' 10"
	4	З.	В.	72 36 30	252 56 10
	5	В.	В.	72 28 55	252 28 85
	8	В.	В.	32 55 0	212 54 50
E ₂	2	З.	З.	44 28 0	224 28 0
	3	З.	В.	61 20 45	241 20 30
	6	В.	В.	61 13 50	241 13 40
	7	В.	З.	44 15 0	224 15 0

Температура отклоняющаго магнита . . . . . — 2,3 С.
Углы отклоненія: $\alpha_1 = 19^{\circ}44'0''$, $\alpha_2 = 8^{\circ}27'30''$.

Определение горизонтальной составляющей

10—11 Марта 1894 г.
22—23

(Окончание).

Наблюдение над качением магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	23 ^h 8 ^m 9 ^s .2	100	23 ^h 16 ^m 20 ^s .5	8 ^m 11 ^s .1	4 ^h 9 ^m 11 ^s
1	23 8 14.1	101	23 16 26.1	8 12.0	4 9 20
2	23 8 18.6	102	23 16 30.0	8 11.4	4 9 14
3	23 8 23.3	103	23 16 35.6	8 12.3	4 9 23
4	23 8 27.5	104	23 16 39.6	8 12.1	4 9 21
10	23 8 52.5	110	— 4.5	—	—
11	23 8 57.2	111	23 17 8.5	8 12.0	4 9 20
12	23 9 2.1	112	23 17 14.2	8 11.3	4 9 18
13	23 9 7.0	113	—	8 12.1	4 9 21
14	23 9 11.7	114	23 17 24.0	—	—
15	23 9 16.5	115	—	8 12.3	4 9 23
16	23 9 21.5	116	23 17 33.5	—	—
17	23 9 26.1	117	23 17 37.2	8 12.0	4 9 20
18	23 9 31.1	118	23 17 43.1	8 11.1	4 9 11
19	23 9 35.6	119	23 17 47.0	8 12.0	4 9 20
				8 11.6	4 9 16

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 9^m 17^s

Температура . . . . . — 1.5 С.

Кручение . . . . . 28^h 45^m

Горизонтальная составляющая 0° 21' 55" С. С. В.

Определение горизонтальной составляющей

12
24 Марта 1894 г. 2^h 5^m — 4^s 4

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	1 ^h 16 ^m 48 ^s 9	100	1 ^h 24 ^m 53 ^s 0	8 ^m 9 ^s 1	4 ^s 891
1	1 16 47.5	101	1 24 57.5	8 9 0	4 890
2	1 16 53.5	102	1 25 2.2	8 8 7	4 887
3	1 16 58.2	103	1 25 7.2	8 9 0	4 890
—	—	—	—	—	—
6	1 17 12.6	106	1 25 21.5	8 8 9	4 889
7	1 17 17.5	107	1 25 26.2	8 8 7	4 887
8	1 17 22.2	108	1 25 31.0	8 8 8	4 888
9	1 17 27.1	109	1 25 35.7	8 8 6	4 886
10	1 17 31.6	110	1 25 40.6	8 9 0	4 890
11	1 17 36.5	111	1 25 45.5	8 9 0	4 890
12	1 17 41.2	112	1 25 50.3	8 9 1	4 891
13	1 17 46.2	113	1 25 55.0	8 8 8	4 888
14	1 17 50.8	114	1 26 0.0	8 9 2	4 892
15	1 17 55.7	115	1 26 4.6	8 8 9	4 889
16	1 18 0.6	116	1 26 9.5	8 8 9	4 889
17	1 18 5.5	117	1 26 14.2	8 8 7	4 887

Среднее время одного качанія . . . . . 4^s 8890

Температура . . . . . +2.4 C.

Определение горизонтальной составляющей

12
24 Марта 1894 г.

(Продолжение).

Наблюдение надъ отклоненіемъ.

Разстояние между магнитами.	Порядокъ наблюдений.	Отклоняющій магнитъ къ В или къ З.	Съверный полюсъ отклоняющ. магн. къ В или къ З.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Ординаты кривой магнитного графа въ шаг. по прил. бланк. разст. времени.
				I.	II.	
E ₁	1	З.	З.	31°24'40"	211°24'45"	10·7
	4	З.	В.	70 35 15	250 35 15	8·9
	5	В.	В.	70 39 25	250 39 20	9·4
	8	В.	З.	31 16 5	211 16 5	8·7
E ₂	2	З.	З.	42 28 55	222 28 50	10·5
	3	З.	В.	59 19 40	239 19 40	10·4
	6	В.	В.	59 18 15	239 18 20	8·9
	7	В.	З.	42 28 40	222 28 35	8·7

Температура отклоняющаго магнита . . . . . + 3·6 С.

Уголъ отклоненія . . . . . $v_1 = 19^{\circ}38'27''5$ Уголъ отклоненія . . . . . $v_2 = 8^{\circ}25'6''9$

Поправка на измѣненіе склоненія . . . . . — 22"5 Поправка на измѣненіе склоненія . . . . . — 4"5

Исправленный уголъ отклоненія . $v_1 = 19^{\circ}38'5''$ Исправленный уголъ отклоненія . . $v_2 = 8^{\circ}25'2''4$

1
2
3
4

Определение горизонтальной слагающей

12
24 Марта 1894 г.

(Окончание).

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	3 ^h 3 ^m 37 ^s 5	100	3 ^h 11 ^m 44 ^s 5	8 ^m 7 ^o 0	4 ^o 87 ^o 0
6	3 4 6.1	106	3 12 12.9	8 6.8	4 868
7	3 4 10.6	107	3 12 17.5	8 6.9	4 869
8	3 4 15.5	108	3 12 22.5	8 7.0	4 870
9	3 4 20.2	109	3 12 27.1	8 6.9	4 869
10	3 4 25.1	110	3 12 32.0	8 6.9	4 869
11	3 4 29.7	111	3 12 36.5	8 6.8	4 868
12	3 4 34.6	112	3 12 41.5	8 6.9	4 869
13	3 4 39.5	113	3 12 46.1	8 6.6	4 866
14	3 4 44.2	114	3 12 51.1	8 6.9	4 869
15	3 4 48.7	115	3 12 55.6	8 6.9	4 869
16	3 4 53.7	116	3 13 0.5	8 6.8	4 868
17	3 4 58.5	117	3 13 5.1	8 6.6	4 866
18	3 5 9.4	118	3 13 10.2	8 6.8	4 868
19	3 5 8.2	119	3 13 14.6	8 6.4	4 864

Среднее время одного качанія . . . . . 4° 8681
 Температура . . . . . +2.3 C
 Крученіе . . . . . 30' 32" 5
 Горизонтальная слагающая . . . . . 0.21754 C.G.S.

Определение горизонтальной составляющей

16 ¹⁶ Марта 1894 г. 2^h 3^m—4^m 4^s

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	1 ^h 7 ^m 45 ^s 2	100	1 ^h 15 ^m 56 ^s 2	8 ^m 11 ^s 0	4 ^h 9 ^m 10
1	1 7 50.0	101	1 16 0.5	8 10.5	4 9.05
2	1 7 54.6	102	1 16 5.9	8 11.3	4 9.13
3	1 7 59.5	103	1 16 10.2	8 10.7	4 9.07
4	1 8 4.5	104	1 16 15.5	8 11.0	4 9.10
5	1 8 9.0	105	1 16 20.0	8 11.9	4 9.10
6	1 8 14.2	106	1 16 25.0	8 10.8	4 9.08
7	1 8 18.6	107	1 16 29.5	8 10.9	4 9.09
8	1 8 23.5	108	1 16 34.4	8 10.9	4 9.09
9	1 8 28.5	109	1 16 39.1	8 10.6	4 9.06
10	1 8 33.5	110	1 16 44.2	8 10.7	4 9.07
11	1 8 38.0	111	1 16 48.4	8 10.4	4 9.04
12	1 8 43.1	112	1 16 54.0	8 10.9	4 9.09

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 9^m 08^s 2
 Температура . . . . . +7.1 С.

Определение горизонтальной слагающей

16
21
Марта 1894 г.

(Продолжение).

Наблюдение надъ отклоненіемъ.

Расстояние между магнитами.	Порядокъ наблюденья.	Отклоняющій магнитъ къ В. или къ З.	Сѣверный полюсъ откло. магн. къ В или къ З.	Отсчеты по верньерамъ горизонтальнаго круга.		Время отсчета.	Ординаты правой магнитографа въ мм.
				I.	II.		
E ₁	1	З.	В.	72° 5' 10"	252° 5' 10"	2 53 ^m	1·8
	4	З.	З.	83 9 40	218 9 40	3 21	2·8
	5	В.	З.	32 56 10	212 56 0	3 31·5	3·2
	8	В.	В.	72 1 0	252 0 50	3 54	3·8
E ₂	2	З.	В.	60 53 40	240 53 30	3 3	1·9
	3	З.	З.	44 15 35	224 15 25	3 11	2·3
	6	В.	З.	44 11 30	224 11 30	3 37·5	3·5
	7	В.	В.	61 0 0	241 0 0	3 46	3·7

Температура отклоняющаго магнита . . . . . +9·6 С.

Уголъ отклоненія . . . . . $v_1 = 19^{\circ}30' 5''$ Уголъ отклоненія . . . . . $v_2 = 8^{\circ}21'38''8$

Поправка на измѣненіе склоненія . . . . . $24''0$ Поправка на измѣненія склоненія . . . . . $9''0$

Исправленный уголъ отклоненія . . . . . $v_1 = 19^{\circ}29'41''0$ Исправленный уголъ отклоненія . . . . . $v_2 = 8^{\circ}21'29''8$

Определение горизонтальной составляющей

16 Марта 1894 г.

(Окончаніе).

Наблюдение надъ качаніемъ магнита.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	3 ^h 0 ^m 11 ^s .5	100	3 ^h 8 ^m 28 ^s .5	8 ^m 14 ^s 0	4 ^s 940
1	3 0 16.2	101	3 8 30.2	8 14 0	4 940
2	3 0 21.2	102	3 8 35.2	8 14 0	4 940
3	3 0 26.1	103	3 8 40.0	8 18 9	4 939
4	3 0 31.1	104	3 8 45.0	8 18 9	4 939
5	3 0 36.1	105	3 8 49.5	8 18.4	4 934
6	3 0 40.6	106	3 8 54.5	8 18 9	4 939
8	3 0 50.5	108	3 9 4.2	8 18 7	4 937
9	3 0 55.1	109	3 9 8.6	8 18.5	4 935
12	3 1 5.1	112	3 9 16.5	8 18.4	4 934
13	3 1 9.7	113	3 9 23.4	8 18 7	4 937
14	3 1 14.5	114	3 9 28.5	8 14 0	4 940
15	3 1 19.5	115	3 9 33.5	8 14 0	4 940
16	3 1 24.2	116	3 9 38.1	8 18 9	4 939

Среднее время одного качанія . . . . . 4^s 938.1
 Температура . . . . . +7.3 C.
 Крученіе . . . . . 32' 45"
 Горизонтальная составляющая . . . . . 0.21624 C.G.S.

Наблюденіе надъ качаніемъ магнита

13
25
Марта 1894 г.

№ качанія.	Моменты совпаденія витей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія витей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	20 ^h 56 ^m 41 ^s .4	100	21 ^h 4 ^m 53 ^s .2	8 ^m 11 ^s .8	4 ^h 918
1	20 56 46.1	101	21 4 58.2	8 12.1	4-921
2	20 56 51.1	102	21 5 2.6	8 11.5	4-915
3	20 56 55.7	103	21 5 7.7	8 12.0	4-920
4	20 57 0.7	104	21 5 12.5	8 11.8	4-918
5	20 57 5.5	105	21 5 17.5	8 12.0	4-920
6	20 57 10.2	106	21 5 22.1	8 11.9	4-919
7	20 57 15.2	107	21 5 27.1	8 11.9	4-919
8	20 57 20.1	108	21 5 31.6	8 11.5	4-915
9	20 57 24.6	109	21 5 36.6	8 12.0	4-920
10	20 57 29.5	110	21 5 41.2	8 11.7	4-917
11	20 57 34.5	111	21 5 46.4	8 11.9	4-919
12	20 57 39.2	112	21 5 51.0	8 11.8	4-918
13	20 57 44.1	113	21 5 56.0	8 11.9	4-919
14	20 57 49.1	114	21 6 0.6	8 11.4	4-914
15	20 57 53.5	115	21 6 5.5	8 12.0	4-920

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h918^s.5
 Температура . . . . . +0.8 C.

Наблюденіе надъ качаніемъ магнита

23 Марта
4 Апрѣля 1894 г.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	3 ^h 15 ^m 17.1	100	3 ^h 23 ^m 29.6	8 ^m 12.5	4.926
1	3 15 21.5	101	3 23 34.5	8 13.0	4.930
2	3 15 26.5	102	3 23 39.2	8 12.7	4.927
3	3 15 31.2	103	3 23 44.1	8 12.9	4.929
4	3 15 36.2	104	3 23 49.1	8 13.0	4.930
5	—	—	—	—	—
6	3 15 45.6	106	3 23 58.5	8 12.9	4.929
7	3 15 50.6	107	3 24 3.2	8 12.6	4.926
8	3 15 55.4	108	3 24 8.3	8 12.9	4.929
9	3 16 0.2	109	3 24 13.1	8 12.9	4.929
10	3 16 5.1	110	3 24 18.1	8 13.0	4.930
11	3 16 10.1	111	3 24 22.5	8 12.4	4.924
12	3 16 14.7	112	3 24 27.5	8 12.8	4.928
13	3 16 19.6	113	3 24 32.2	8 12.6	4.926
14	3 16 24.5	114	3 24 37.2	8 12.7	4.927
15	3 16 29.2	115	3 24 42.0	8 12.8	4.928
16	—	—	—	—	—
17	3 16 39.0	117	3 24 51.6	8 12.6	4.926
18	3 16 43.7	118	3 24 56.5	8 12.8	4.928
19	3 16 48.6	119	3 25 1.3	8 12.7	4.927
20	3 16 53.5	120	3 25 6.3	8 12.8	4.928

Среднее время одного качанія 4.9277
 Температура . . . . . +6.3 С.

Наблюденіе надъ начаніемъ магнита

25 Марта 1894 г.
6 Апрель

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	22 ^h 54 ^m 15 ^s .1	100	23 ^h 2 ^m 29 ^s .1	8 ^m 14 ^o	4 ^h 9 ^m 40
1	22 54 19.6	101	23 2 34.0	8 14.0	4 944
2	22 54 24.5	102	23 2 38.5	8 14.0	4 940
3	22 54 29.5	103	23 2 43.6	8 14.1	4 941
4	22 54 34.8	104	23 2 48.5	8 14.2	4 942
5	22 54 39.3	105	—	—	—
6	22 54 44.0	106	23 2 53.0	8 14.0	4 940
7	—	107	23 3 3.1	—	—
8	22 54 58.5	108	23 3 7.5	8 14.0	4 940
9	22 54 58.5	109	23 3 12.5	8 14.0	4 940
10	22 55 3.8	110	23 3 17.5	8 14.2	4 942
11	22 55 8.5	111	23 3 22.5	8 14.0	4 940
12	22 55 18.0	112	23 3 27.1	8 14.1	4 941
13	22 55 18.0	113	23 3 32.1	8 14.1	4 941
14	22 55 22.6	114	23 3 36.8	8 14.2	4 942
15	22 55 27.5	115	23 3 41.6	8 14.1	4 941
16	22 55 32.4	116	23 3 46.2	8 13.8	4 938

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 9^m 40^s
 Температура . . . . . +11° C.
 Врученіе . . . . . 28^m 55^s

Наблюденіє надъ качаніємъ магнита съ грузомъ

25 Марта 1894 Г.
— 6 Дня.

№ вязанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	28 ^h 41 ^m 19 ^s 5	100	28 ^h 54 ^m 50 ^s 4	18 ^m 30 ^s 9	8 ^m 10 ^s 9
1	28 41 27 5	101	28 54 58 5	18 31 0	8 11 0
2	28 41 35 6	102	28 55 6 4	18 30 8	8 10 8
3	28 41 43 6	103	28 55 14 5	18 30 9	8 10 9
4	28 41 51 8	104	—	—	—
5	28 42 0 1	105	28 55 30 5	18 30 4	8 10 4
6	28 42 8 1	106	28 55 38 7	18 30 6	8 10 6
7	28 42 16 1	107	—	—	—
8	28 42 24 2	108	28 55 55 0	18 30 8	8 10 8
9	28 42 32 2	109	28 56 3 2	18 31 0	8 11 0
10	28 42 40 5	110	28 56 11 2	18 30 6	8 10 6
11	28 42 48 6	111	28 56 19 5	18 30 9	8 10 9
12	28 42 56 5	112	28 56 27 5	18 31 0	8 11 0
13	28 43 4 7	113	28 56 35 5	18 30 8	8 10 8
14	28 43 13 0	114	28 56 43 6	18 30 6	8 10 6
15	28 43 21 1	115	28 56 51 9	18 30 8	8 10 8

Среднее время одного качанія . . . . . 8^m 10^s 79
 Температура . . . . . + 12° 4^c.
 Врученіє . . . . . 52° 0°

Наблюденіе надъ качніємъ магнита

25 Марта 1894 г.
6 Апрѣля

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	0 ^h 28 ^m 34 ^s 1	100	0 ^h 36 ^m 48 ^s 2	8 ^m 14 ^s 1	4 ^h 941
1	0 28 39.1	101	0 36 53.1	8 14.0	4 940
2	0 28 48.5	102	0 36 57.8	8 14.8	4 948
3	0 28 48.5	103	0 37 2.6	8 14.1	4 941
4	0 28 58.2	104	0 37 7.5	8 14.3	4 943
5	0 28 58.2	105	0 37 12.5	8 14.3	4 943
6	0 29 8.1	106	0 37 17.1	8 14.0	4 940
7	0 29 8.1	107	0 37 22.1	8 14.0	4 940
8	—	108	0 37 26.8	—	—
9	0 29 17.5	109	0 37 31.6	8 14.1	4 941
10	0 29 22.3	110	0 37 36.5	8 14.2	4 942
11	0 29 27.2	111	0 37 41.5	8 14.3	4 943
12	0 29 32.1	112	0 37 46.3	8 14.2	4 942
13	—	113	0 37 51.1	—	—
14	0 29 41.6	114	0 37 56.1	8 14.5	4 945
15	0 29 46.7	115	0 38 1.1	8 14.4	4 944
16	0 29 51.5	116	0 38 5.5	8 14.0	4 940
17	0 29 56.2	117	0 38 10.5	8 14.3	4 943

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 9419
 Температура . . . . . +11.9 C.
 Крученіе . . . . . 28' 25"

Наблюденіє надъ качаніємъ магнита

26 Марта 1894 Г.
7 Апрѣля

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	22 ^h 19 ^m 24 ^s 5	100	22 ^h 27 ^m 55 ^s 4	8 ^m 18 ^s 9	4 ^h 999
1	22 19 29 2	101	22 27 48 6	8 14 4	4 944
2	22 19 34 2	102	22 27 48 0	8 13 8	4 938
3	22 19 39 1	103	22 27 53 5	8 14 4	4 944
4	22 19 43 8	104	22 27 57 6	8 13 8	4 938
5	22 19 48 7	105	22 28 8 1	8 14 4	4 944
6	22 19 53 5	106	22 28 7 5	8 14 0	4 940
7	22 19 58 5	107	22 28 12 7	8 14 2	4 942
8	22 20 3 2	108	22 28 17 2	8 14 0	4 940
9	22 20 8 2	109	22 28 22 6	8 14 4	4 944
10	22 20 12 8	110	22 28 26 6	8 13 8	4 938
11	22 20 17 7	111	22 28 32 1	8 14 4	4 944
12	22 20 22 7	112	22 28 36 5	8 13 8	4 938
13	22 20 27 5	113	22 28 41 7	8 14 2	4 942
14	22 20 32 3	114	22 28 46 1	8 13 9	4 939
15	22 20 37 1	115	22 28 51 5	8 14 4	4 944
16	—	116	22 28 56 9	—	—
17	22 20 46 7	117	22 29 1 2	8 14 5	4 945
18	22 20 51 6	118	22 29 5 5	8 13 9	4 939
19	22 20 56 6	119	22 29 10 7	8 14 1	4 941
20	22 21 1 5	120	22 29 15 2	8 13 7	4 937
21	22 21 6 5	121	22 29 20 5	8 14 0	4 940

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 940^s 5
 Температура . . . . . +10° 6 C.
 Крученіе . . . . . 29' 50"

Наблюденіе надъ качаніемъ магнита

31 Марта
12 Апрѣля 1894 Г.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	0 ^h 57 ^m 16 ^o 0	100	1 ^h 5 ^m 30 ^o 1	8 ^m 14 ^o 1	4 ^o 9 ^o 41
1	0 57 20.8	101	1 5 34.8	8 14 0	4 9 40
2	0 57 25.5	102	1 5 39.5	8 14 0	4 9 40
3	0 57 30.5	103	1 5 44.5	8 14 0	4 9 40
4	0 57 35.2	104	1 5 49.3	8 14 1	4 9 41
5	0 57 40.1	105	1 5 54.2	8 14 1	4 9 41
6	0 57 45.0	106	1 5 59.1	8 14 1	4 9 41
7	0 57 49.8	107	1 6 4.1	8 14 3	4 9 45
8	0 57 54.6	108	1 6 8.6	8 15 9	4 9 59
9	0 57 59.5	109	1 6 13.5	8 14 0	4 9 40
10	0 58 4.3	110	1 6 18.3	8 14 0	4 9 40
11	0 58 9.2	111	1 6 23.3	8 14 1	4 9 41
12	0 58 14.0	112	1 6 28.1	8 14 1	4 9 41
13	0 58 19.0	113	1 6 33.0	8 14 0	4 9 40
14	0 58 23.6	114	1 6 37.5	8 14 0	4 9 40
15	0 58 28.5	115	1 6 42.6	8 14 1	4 9 41
16	0 58 33.3	116	1 6 47.3	8 14 0	4 9 40
17	0 58 38.2	117	1 6 52.3	8 14 1	4 9 41
18	0 58 43.1	118	1 6 57.1	8 14 0	4 9 40
19	0 58 48.0	119	1 7 2.1	8 14 1	4 9 41
20	0 58 52.5	120	1 7 6.7	8 14 2	4 9 43
21	0 58 57.5	121	1 7 12.0	8 14 5	4 9 45

Среднее время одного качанія . . . . . 4° 9' 40.8
 Температура . . . . . +15° 8 С.
 Крученіе . . . . . 27' 20"

Наблюденіе надъ начаніемъ магнита съ грузомъ

31 Марта
12 Апрелья 1894 г.

№ катанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ катанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 катаній.	Время одного катанія.
0	1 ^h 29 ^m 45 ^o 0	100	1 ^h 43 ^m 16 ^o 7	18 ^m 31 ^o 67	8 ^o 117
1	1 29 58 0	101	1 43 24 8	18 31 8	8 118
2	1 30 1 1	102	1 43 32 9	18 31 8	8 118
3	1 30 9 1	103	1 43 41 0	18 31 9	8 119
4	1 30 17 3	104	1 43 49 3	18 32 0	8 120
5	1 30 25 3	105	1 43 57 8	18 32 0	8 120
6	1 30 33 4	106	1 44 5 5	18 32 1	8 121
7	1 30 41 5	107	1 44 13 5	18 32 0	8 120
8	1 30 49 8	108	1 44 21 7	18 31 9	8 119
9	1 30 57 9	109	1 44 29 6	18 31 7	8 117
10	1 31 6 0	110	1 44 38 0	18 32 0	8 120
11	1 31 14 2	111	1 44 46 1	18 31 9	8 119
12	1 31 22 2	112	1 44 54 2	18 32 0	8 120
13	1 31 30 5	113	1 45 2 2	18 31 7	8 117
14	1 31 38 5	114	1 45 10 5	18 32 0	8 120
15	1 31 46 7	115	1 45 18 5	18 31 8	8 118
16	1 31 54 8	116	1 45 26 5	18 31 7	8 117
17	1 32 2 8	117	1 45 34 6	18 31 8	8 118
18	1 32 11 1	118	1 45 42 6	18 31 5	8 115
19	1 32 19 2	119	1 45 51 0	18 31 8	8 118
20	1 32 27 2	120	1 45 59 1	18 31 9	8 119

Среднее время одного катанія . . . . . 8° 1186
 Температура . . . . . +16° 8 С.
 Крученіе . . . . . 50' 43"

Наблюденіе надъ качаніемъ магнита

31 Марта
12 Апрѣля 1894 г.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	2 ^h 3 ^m 15 ^s 3	100	2 ^h 11 ^m 30 ^s 1	8 ^m 14 ^s 8	4 ^h 9 ^m 48
1	2 3 20 2	101	2 11 34 7	8 14 5	4 9 46
2	2 3 25 1	102	2 11 39 7	8 14 6	4 9 46
3	2 3 29 7	103	2 11 44 5	8 14 8	4 9 48
4	2 3 34 6	104	2 11 49 5	8 14 9	4 9 49
5	2 3 39 5	105	2 11 54 3	8 14 8	4 9 48
6	2 3 44 2	106	2 11 59 3	8 15 1	4 9 51
7	2 3 49 2	107	2 12 4 1	8 14 9	4 9 49
8	2 3 54 1	108	2 12 8 9	8 14 8	4 9 48
9					
10	2 4 3 6	110	2 12 18 5	8 14 9	4 9 49
11	2 4 8 5	111	2 12 23 5	8 15 0	4 9 50
12	2 4 13 5	112	2 12 28 3	8 14 8	4 9 48
13	2 4 18 3	113	2 12 33 2	8 14 9	4 9 49
14	2 4 23 2	114	2 12 38 1	8 14 9	4 9 49
15	2 4 28 1	115	2 12 42 6	8 14 7	4 9 47
16	2 4 32 7	116	2 12 47 7	8 15 0	4 9 50
17	2 4 37 6	117	2 12 52 5	8 14 9	4 9 49
18	2 4 42 5	118	2 12 57 5	8 15 0	4 9 50
19	2 4 47 3	119	2 13 2 3	8 15 0	4 9 50

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 9^m 48^s . . . . .
 Температура . . . . . +16 3 C.
 Крученіе . . . . . 26'58"

Наблюденіе надъ качаніемъ магнита съ грузомъ

31 Марта 1894 г.
12 Апрель

№ качаній.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	2 ^h 29 ^m 14 ^s 6	100	2 ^h 42 ^m 45 ^s 9	18 ^m 31 ^s 4	8 ^h 11 4
1	2 29 22 6	101	2 42 53 8	18 31 2	8 11 2
2	2 29 30 6	102	2 43 2 0	18 31 4	8 11 4
3	2 29 39 0	103	2 43 10 0	18 31 0	8 11 0
4	2 29 47 1	104	2 43 18 2	18 31 1	8 11 1
5	2 29 55 1	105	2 43 26 3	18 31 2	8 11 2
6	2 30 3 2	106	2 43 34 5	18 31 3	8 11 3
7	2 30 11 5	107	2 43 42 5	18 31 0	8 11 0
8	2 30 19 5	108	2 43 50 6	18 31 1	8 11 1
9	2 30 27 5	109	—	—	—
10	2 30 35 6	110	2 44 7 0	18 31 4	8 11 4
11	—	111	2 44 15 1	—	—
12	2 30 52 0	112	2 44 23 1	18 31 1	8 11 1
13	2 31 0 1	113	2 44 31 1	18 31 0	8 11 0
14	2 31 8 1	114	2 44 39 5	18 31 4	8 11 4
15	2 31 16 3	115	2 44 47 5	18 31 2	8 11 2
16	2 31 24 5	116	2 44 55 5	18 31 0	8 11 0
17	2 31 32 5	117	2 45 3 6	18 31 1	8 11 1
18	2 31 40 5	118	2 45 11 7	18 31 2	8 11 2
19	2 31 48 7	119	2 45 20 0	18 31 3	8 11 3
20	2 31 56 8	120	2 45 28 1	18 31 3	8 11 3

Среднее время одного качанія . . . . . 8^h 11 19 5
 Температура . . . . . +15 5 С.
 Крученіе . . . . . 51 5"

Наблюденіе надъ качаніемъ магнита съ грузомъ

— 31 Марта
12 Апрѣля 1894 г.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	3 ^h 8 ^m 12 ^s 1	100	3 ^h 11 ^m 26 ^s 5	8 ^m 14 ^s 4	4 ^h 9 ^m 44
1	3 3 16 6	101	3 11 31 2	8 14 6	4 9 46
2	3 3 21 5	102	3 11 36 2	8 14 7	3 9 47
3	3 3 26 5	103	3 11 41 1	8 14 6	4 9 46
4	3 3 31 2	104	3 11 46 0	8 14 8	4 9 48
5	3 3 36 1	105	3 11 50 6	8 14 5	4 9 45
6	3 3 41 1	106	3 11 55 5	8 14 4	4 9 44
7	3 3 46 0	107	3 12 0 8	8 14 3	4 9 43
8	3 3 50 6	108	3 12 5 3	8 14 7	4 9 47
9	3 3 55 5	109	3 12 10 1	8 14 6	4 9 46
10	3 4 0 4	110	3 12 15 1	8 14 7	4 9 47
11	3 4 5 2	111	3 12 19 6	8 14 4	4 9 44
12	3 4 10 1	112	3 12 24 6	8 14 5	4 9 45
13	—	113	3 12 29 5	—	—
14	3 4 19 8	114	3 12 34 8	8 14 5	4 9 45
15	3 4 24 5	115	3 12 39 1	8 14 6	4 9 46
16	3 4 29 4	116	3 12 44 1	8 14 7	4 9 47
17	3 4 34 3	117	3 12 48 8	8 14 5	4 9 45
18	3 4 39 3	118	3 12 53 7	8 14 4	4 9 44
19	3 4 44 1	119	3 12 58 5	8 14 1	4 9 41
20	3 4 49 0	120	3 13 3 5	8 14 6	4 9 45

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 9^m 45^s 4
 Температура . . . . . +14^h 8^s С.
 Крученіе . . . . . 27^h 5^s

Зависки Института Харьк. Универ. IV вып., 1895 г.

Определение температурного коэффициента

(Магнито-метеорологический кабинетъ)

31 Марта
12 Апрелья 1894 г.

Наблюдение надъ качаніемъ магнита при температурѣ +20° С.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	5 ^h 5 ^m 9 ^s	100	5 ^h 18 ^m 20 ^s	8 ^m 11 ^s 0	4 ^h 9 ^m 10
1	5 5 14.5	101	5 18 25.6	8 11.1	4 9 11
2	5 5 19.8	102	5 18 30.5	8 11.2	4 9 12
3	5 5 24.2	103	5 18 35.5	8 11.3	4 9 13
4	5 5 29.1	104	5 18 40.3	8 11.2	4 9 12
5	5 5 34.1	105	5 18 45.3	8 11.2	4 9 12
6	5 5 39.0	106	5 18 50.2	8 11.2	4 9 12
7	5 5 44.0	107	5 18 55.1	8 11.1	4 9 11
8	5 5 48.6	108	5 14 0.1	8 11.5	4 9 15
9	5 5 53.7	109	5 14 5.1	8 11.4	4 9 14
10	5 5 58.6	110	5 14 9.8	8 11.2	4 9 12
11	5 6 3.5	111	5 14 14.7	8 11.2	4 9 12
12	5 6 8.5	112	5 14 19.5	8 11.0	4 9 10
13	5 6 13.6	113	5 14 24.5	8 10.9	4 9 09
14	5 6 18.2	114	5 14 29.3	8 11.1	4 9 11
15	5 6 23.2	115	5 14 34.5	8 11.3	4 9 13
16	5 6 28.2	116	5 14 39.3	8 11.1	4 9 11
17	5 6 33.1	117	5 14 44.3	8 11.2	4 9 12
18	5 6 37.7	118	5 14 49.2	8 11.5	4 9 15
19	5 6 42.3	119	5 14 54.1	8 11.3	4 9 13
20	5 6 47.7	120	5 14 59.1	8 11.4	4 9 14

Среднее время одного качанія . . . . . 9^m 12.14

Определение температурного коэффициента

28 Марта
9 Апрель 1894 г.

(Продолжение)

Наблюдение над качанием маятника при температурѣ +14 С.

№ качанія.	Моменты свращенія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты свращенія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	6 ^h 2 ^m 12 ^s 2	100	6 ^h 10 ^m 2 ^s 76	8 ^m 8 ^s 4	4 ^h 88 1
1	6 2 17 3	101	6 10 25 7	8 8 4	4 88 4
2	6 2 21 8	102	6 10 30 2	8 8 4	4 88 4
3	6 2 27 1	103	6 10 35 5	8 8 4	4 88 4
4	6 2 31 8	104	6 10 40 1	8 8 3	4 88 3
5	6 2 36 8	105	6 10 45 2	8 8 4	4 88 4
6	6 2 41 5	106	6 10 49 9	8 8 4	4 88 4
7	6 2 46 6	107	6 10 55 1	8 8 5	4 88 5
8	6 2 51 3	108	6 10 59 5	8 8 2	4 88 2
9	6 2 56 3	109	6 11 5 0	8 8 7	4 88 7
10	6 3 1 1	110	6 11 9 3	8 8 2	4 88 2
11	6 3 6 2	111	6 11 14 5	8 8 3	4 88 3
12	6 3 10 8	112	6 11 19 1	8 8 3	4 88 3
13	6 3 16 1	113	6 11 24 2	8 8 1	4 88 1
14	6 3 20 5	114	6 11 28 6	8 8 1	4 88 1
15	6 3 25 7	115	6 11 34 2	8 8 5	4 88 5
16	6 3 30 5	116	6 11 38 6	8 8 1	4 88 1
17	6 3 35 3	117	6 11 43 7	8 8 4	4 88 4
18	6 3 40 3	118	6 11 48 3	8 8 0	4 88 0
19	6 3 45 3	119	6 11 53 5	8 8 2	4 88 2
20	6 3 50 1	120	6 11 58 1	8 8 0	4 88 0
21	6 3 55 1	121	6 12 3 5	8 8 4	4 88 4
22	6 3 59 8	122	6 12 7 8	8 8 0	4 88 0

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 88 2 9

Определение температурного коэффициента

28 Марта 1894 г.
9 Апрель

(Продолжение)

Наблюдение надъ качаніемъ магнита при температурѣ +10 С.

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	6 ^h 43 ^m 12 ^s 6	100	6 ^h 51 ^m 20 ^s 5	8 ^m 7 ^s 9	4 ^h 87 ^m 9
1	6 43 17 7	101	6 51 25 4	8 7 7	4 87 7
2	6 43 22 3	102	6 51 30 2	8 7 9	4 87 9
3	6 43 27 2	103	6 51 35 3	8 8 1	4 88 1
4	6 43 32 1	104	6 51 40 1	8 8 0	4 88 0
5	6 43 37 2	105	6 51 45 1	8 7 9	4 87 9
6	6 43 41 8	106	6 51 49 8	8 8 0	4 88 0
7	6 43 47 0	107	6 51 55 0	8 8 0	4 88 0
8	6 43 51 6	108	6 51 59 5	8 7 9	4 87 9
9	6 43 56 5	109	6 52 4 6	8 8 1	4 88 1
10	6 44 1 3	110	6 52 9 4	8 8 1	4 88 1
11	6 44 6 2	111	6 52 14 5	8 8 3	4 88 3
12	6 44 11 3	112	6 52 19 2	8 7 9	4 87 9
13	6 44 16 3	113	6 52 24 2	8 7 9	4 87 9
14	6 44 20 8	114	6 52 28 9	8 8 1	4 88 1
15	6 44 25 8	115	—	—	—
16	6 44 30 7	116	6 52 33 5	8 7 8	4 87 8
17	6 44 35 7	117	6 52 38 5	8 8 0	4 88 0
18	6 44 40 5	118	6 52 43 7	8 8 0	4 88 0
19	6 44 45 5	119	6 52 48 5	8 8 0	4 88 0

Среднее время одного качанія . . . . . 4^h 87^m 6^s

Определение температурного коэффициента

28 Марта 1894 г.
9 Апрель

Наблюдение надъ качаніемъ магнита при температурѣ +20° С.
(Окончаніе)

№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	№ качанія.	Моменты совпаденія нитей по хронометру.	Время 100 качаній.	Время одного качанія.
0	7 ^h 49 ^m 10 ^s 8	100	7 ^h 57 ^m 21 ^s 0	8 ^m 10 ^s 7	4 ^s 907
1	7 49 15.2	101	7 57 25.6	8 10.4	4 904
2	7 49 20.1	102	7 57 30.7	8 10.6	4 906
3	7 49 25.0	103	7 57 35.5	8 10.5	4 905
4	7 49 30.0	104	7 57 40.5	8 10.5	4 905
5	7 49 34.7	105	7 57 45.3	8 10.6	4 906
6	7 49 39.7	106	7 57 50.5	8 10.8	4 908
7	7 49 44.6	107	7 57 55.2	8 10.6	4 906
8	7 49 49.6	108	7 58 0.2	8 10.6	4 906
9	7 49 54.3	109	7 58 5.1	8 10.8	4 908
10	7 49 59.5	110	7 58 10.0	8 10.5	4 905
11	7 50 4.3	111	7 58 14.7	8 10.4	4 904
12	7 50 9.2	112	7 58 19.6	8 10.4	4 904
13	7 50 14.1	113	7 58 24.6	8 10.5	4 905
14	7 50 19.1	114	7 58 29.6	8 10.5	4 905
15	7 50 23.8	115	7 58 34.5	8 10.7	4 907
16	7 50 28.8	116	7 58 39.5	8 10.7	4 907
17	7 50 33.7	117	7 58 44.3	8 10.6	4 906
18	7 50 38.6	118	7 58 49.2	8 10.6	4 906
19	7 50 43.5	119	7 58 54.1	8 10.6	4 906
20	7 50 48.5	120	7 58 59.1	8 10.6	4 906

Среднее время одного качанія . . . . . 4^s 9058

Определение наклона

4—5 Апрель 1894 г. 23^h 1—2°
16—17

Плоскость стрѣлки подѣ угломъ 10° къ плоскости магнитнаго меридіана.

Въ какую сторону обращенъ вертѣ- кальный кругъ: къ В или къ З.	Въ какую сторону обращена нагѣчен- ная сторона стрѣл- ки: къ В или къ З.	Конечъ стрѣлки со знакомъ S къ сѣверу		Конечъ стрѣлки со знакомъ S къ югу	
		Отсчеты по верхнему концу стрѣлки.	Отсчеты по нижнему концу стрѣлки.	Отсчеты по верхнему концу стрѣлки.	Отсчеты по нижнему концу стрѣлки.
З.	В.	I 61° 38' 50"	I 62° 47' 40"	I 61° 37' 20"	I 62° 48' 10"
		II 241 38 20	II 242 47 10	II 241 38 50	II 242 47 40
		I 61 42 20	I 62 54 20	I 61 19 10	I 62 29 30
		II 241 41 50	II 242 53 50	II 241 18 40	II 242 29 10
		I 61 37 20	I 62 48 40	I 61 23 50	I 62 35 20
		II 241 36 40	II 242 48 10	II 241 28 10	II 242 34 40
З.	В.	I 293 30 0	I 296 16 10	I 293 50 20	I 296 31 40
		II 113 30 0	II 116 15 50	II 113 50 30	II 116 31 30
		I 293 36 0	I 296 21 0	I 293 49 20	I 296 31 10
		II 113 35 40	II 116 20 50	II 113 49 10	II 116 30 50
		I 293 40 20	I 296 35 50	I 293 42 40	I 296 25 0
		II 113 40 20	II 116 36 40	II 113 42 30	II 116 24 40

		I 298° 17' 20"	I 296° 5' 20"	I 293° 36' 50"	I 296° 28' 50"
		II 118 17 30	II 115 5 10	II 118 36 30	II 116 20 40
B.	B.	I 298 12 30	I 296 0 10	I 298 38 0	I 296 22 10
		II 118 12 20	II 116 0 10	II 118 37 50	II 116 22 0
		I 298 11 30	I 296 0 30	I 298 37 20	I 296 28 10
		II 118 11 40	II 116 0 20	II 118 37 10	II 116 23 0
		I 61 85 0	I 62 45 40	I 61 44 10	I 62 56 50
		II 241 34 40	II ?	II 241 43 40	II 242 56 10
3.	3.	I 61 30 20	I 62 44 0	I 61 50 0	I 63 1 50
		II 241 30 0	II 242 43 30	II 241 49 20	II 248 0 10
		I 61 38 50	I 65 51 0	I 61 47 30	I 62 58 40
		II 241 38 30	II 242 50 40	II 241 47 0	II 242 59 10
Арифметическая средняя		61° 6' 8"	63° 17' 37"	63° 57' 11"	63° 11' 16"

Наклонение въ азимуть 10° . . . . . 63° 38' 3"⁵
 Исправленное наклонение . . . . . 63° 11' 54"²—0⁵

Опредѣленіе наклоненія

29—30 Июли 1894 г. 22^h 5—0^m 7
11—12 Июля

Въ какую сторону обращенъ верх- каменный кругъ: къ В или къ З.	Конѣцъ стрѣлки со знакомъ N къ сѣверу.		Конѣцъ стрѣлки со знакомъ N къ югу.	
	Отсчеты по верхнему концу стрѣлки.	Отсчеты по нижнему концу стрѣлки.	Отсчеты по верхнему концу стрѣлки.	Отсчеты по нижнему концу стрѣлки.
З.	I 61° 14' 0".	I 62° 10' 50"	I 61° 3' 40"	I 62° 5' 10"
	II 241 12 50	II 242 9 40	II 241 3 10	II 242 4 40
	I 61 13 20	I 62 10 15	I 61 4 25	I 62 5 30
	II 241 12 10	II 242 9 10	II 241 4 0	II 242 5 0
В.	I 61 17 50	I 62 14 20	I 61 2 0	I 62 3 25
	II 241 16 40	II 242 13 10	II 241 1 30	II 242 2 50
	I 298 42 0	I 296 17 40	I 298 49 15	I 296 25 10
	II 118 41 30	II 116 17 10	II 118 49 10	II 116 25 10
З.	I 298 40 30	I 296 16 10	I 298 48 10	I 296 23 20
	II 118 40 10	II 116 15 50	II 118 48 10	II 116 23 10
	I 298 43 20	I 296 18 30	I 298 50 30	I 296 25 40
	II 118 42 55	II 116 18 10	II 118 50 30	II 116 25 40

		I 294° 5' 10"	I 296° 38' 20"	I 294° 2' 26"	I 296° 38' 0"
		II 114 4 50	II 116 38 0	II 114 2 20	II 116 37 50
	В.	I 294 4 50	I 296 37 50	I 298 59 50	I 296 35 25
		II 114 4 25	II 116 37 20	II 118 59 50	II 116 35 20
		I 294 7 20	I 296 39 50	I 298 59 20	I 296 35 0
		II 114 7 0	II 116 39 30	II 118 59 20	II 116 34 50
		I 61 31 50	I 62 35 20	I 61 32 30	I 62 35 25
		II 241 31 10	II 242 34 40	II 241 32 15	II 242 34 50
		I 61 30 0	I 62 31 0	I 61 33 10	I 62 36 20
	З.	II 241 29 30	II 242 30 20	II 241 32 40	II 242 35 50
		I 61 29 0	I 62 31 50	I 61 32 10	I 62 35 20
		II 241 28 20	II 242 31 10	II 241 31 45	II 242 34 50
		I 61 30 0	I 62 32 20		
		II 241 29 40	II 242 31 40		
Арифметическая средняя		63°44'16" 2	62°56'57" 1	63°41'26" 1	62°54'40" 4

Наклонение . . . . . 63°19'21" 5—23^А 6

Определение наклонения

4 іюля 1894 г. 6^h 0—8^h 2.

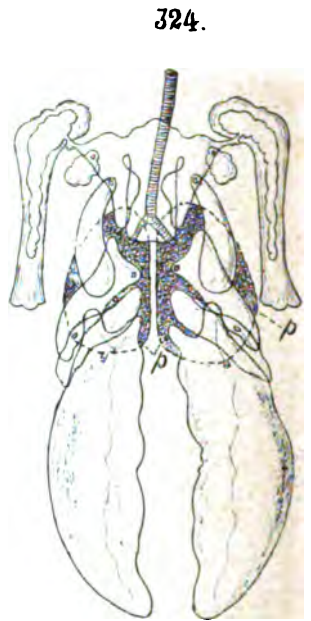
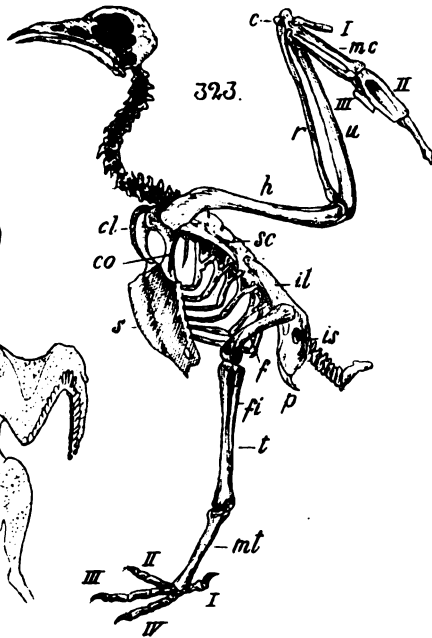
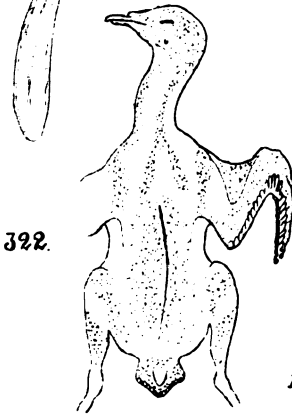
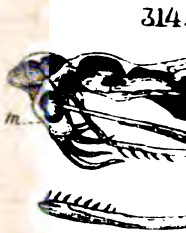
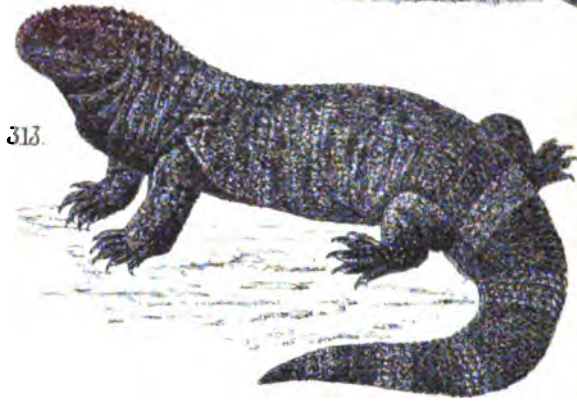
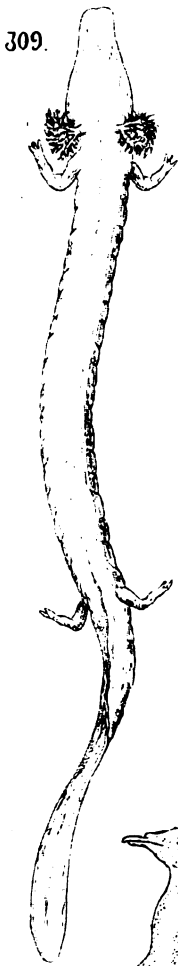
Въ какую сторону обращенъ верти- кальный кругъ; къ В. или къ З.	Конечъ стрѣлки со знакомъ S къ сѣверу.		Конечъ стрѣлки со знакомъ S къ югу.	
	Отсчеты по верхнему концу стрѣлки.	Отсчеты по нижнему концу стрѣлки.	Отсчеты по верхнему концу стрѣлки.	Отсчеты по нижнему концу стрѣлки.
З.	I 61° 9'30"	I 62° 8'30"	I 62° 22'10"	I 62° 21'20"
	II 241 8 20	II 242 7 20	II 241 21 30	II 242 20 30
	I 61 8 50	I 62 8 30	I 61 20 20	I 62 19 50
	II 241 7 40	II 242 7 20	II 241 19 30	II 242 19 0
	I 61. 9 25	I 62 8 0	I 61 19 0	I ? ?
	II 241 8 10	II 242 6 45	II 241 18 10	II ? ?
В.	I 298 43 30	I 298 19 10	I 294 14 0	I 296 47 50
	II 113 42 50	II 116 18 30	II 114 13 10	II 116 47 0
	I 298 42 50	I 296 16 40	I 294 14 30	I 296 47 50
	II 113 42 10	II 116 16 10	II 114 13 50	II 116 47 0
	I 298 45 0	I 296 19 0	I 294 13 10	I 296 46 50
	II 113 44 15	II 116 18 25	II 114 12 30	II 116 46 0

		I 294° 7' 50"	I 296° 45' 10"	I 294° 4' 20"	I 296° 38' 10"
		II 114 7 20	II 116 44 30	II 114 3 30	II 116 37 30
		I 294 8 40	I 296 45 50	I 294 7 0	I 296 40 30
		II 114 8 10	II 116 45 20	II 114 6 20	II 116 40 0
	B.	I 294 5 20	I ?	I 294 8 10	I 296 42 10
		II 114 4 40	II ?	II 114 7 50	II 116 41 20
		I 294 4 0	I 296 41 50		
		II 114 3 20	II 116 41 5		
		I 61 35 50	I 62 40 30	I 60 50 10	I 61 50 10
		II 241 34 40	II 242 39 30	II ?	II 241 49 20
		I 61 32 30	I 62 37 35	I 60 52 20	I 61 51 30
	3.	II 241 31 30	II 242 36 20	II 240 51 15	II 241 50 20
		I 61 32 50	I 62 37 10	I 60 54 30	I 61 54 40
		II 241 31 45	II 242 36 0	II 240 53 20	II 241 53 40
	Арифметическая средняя	63°48'8"в	62°55'54"в	63°28'2"з	62°41'11"з

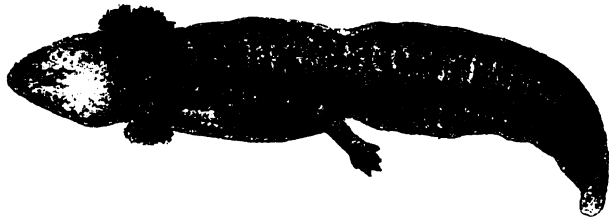
Наклонение . . . . . 63°12'3"0—7^h1

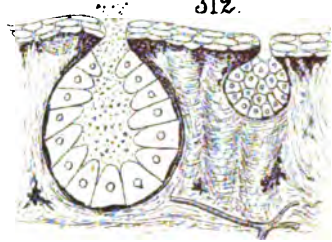

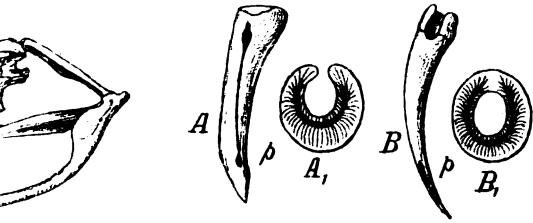
311.

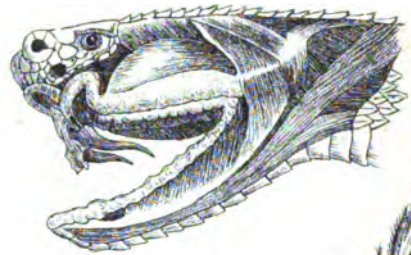
312.

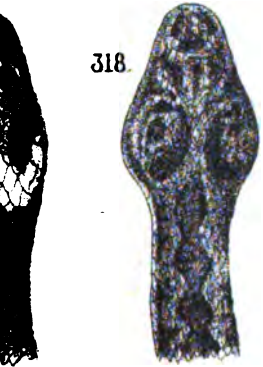
315.

316.

318.

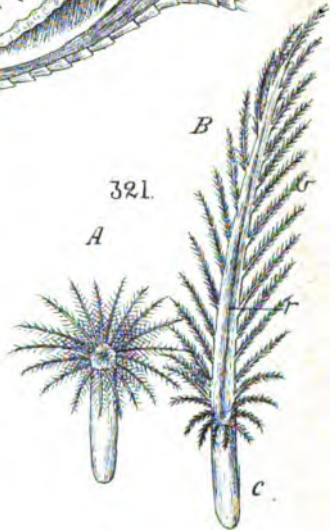
319.

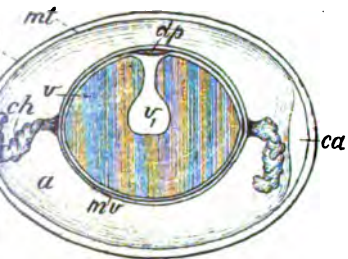
320.

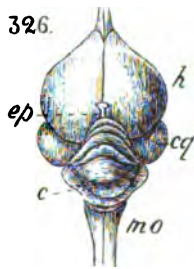
321.

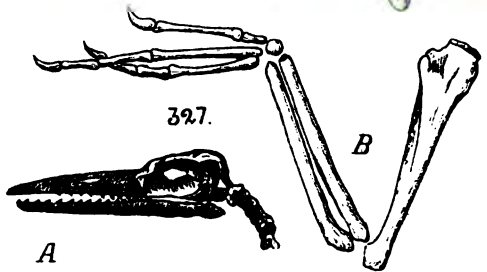
325.

326.

327.

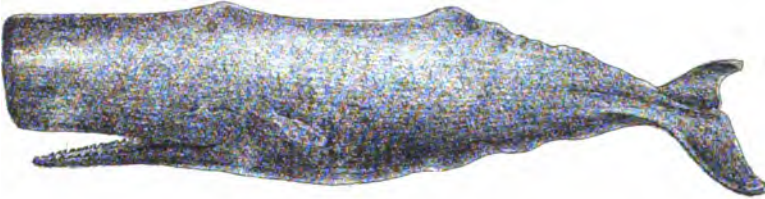
328.

329.

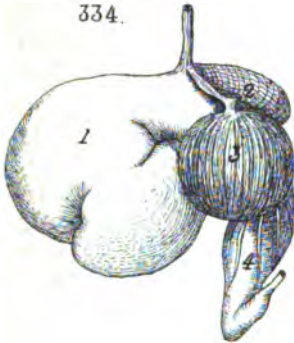
332.

333

334.

335.

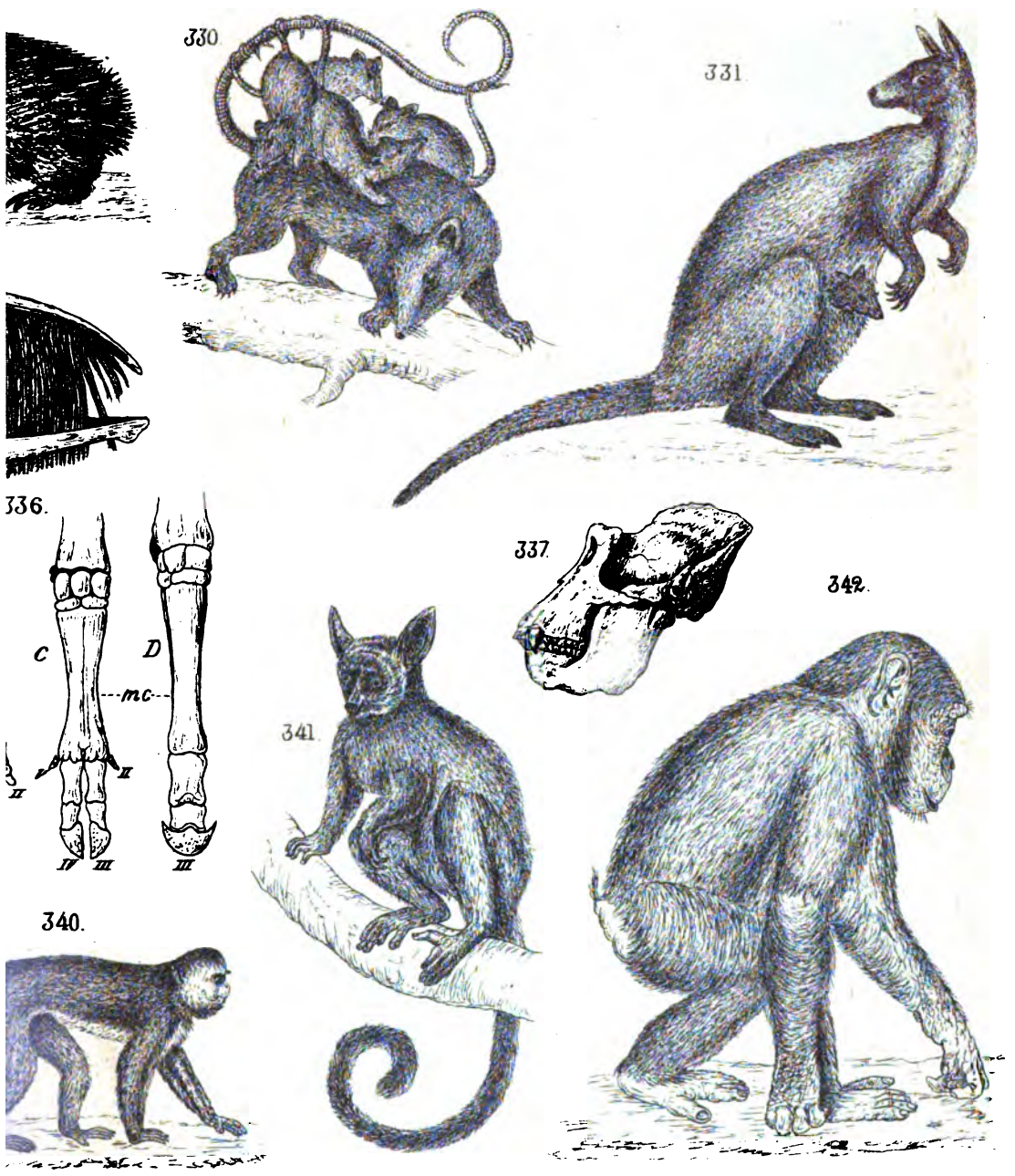

338.

339.

Харьковъ. Типо-Литографія Зильбербергъ

**„ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА“**

ВЫХОДЯТЪ 4 РАЗА ВЪ ГОДЪ:

1-го Января, 1-го Марта, 1-го Мая и 1-го Ноября.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для студентовъ Харьковского Университета назначается по 2 руб. въ годъ, для постороннихъ лицъ, безъ пересылки, 4 рубля, а съ пересылкою 5 руб. въ годъ.

**Адресъ: Редація „Записокъ Императорскаго Харьковского Университета“
Харьковъ (въ зданіи Университета).**

Редакторъ Проф. Д. Овсянко-Куликовскій.

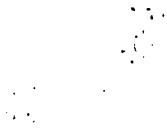

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

~~STAMP~~ STUDY
CHARGE

